

X

UNIV. OF CALIFORNIA
UNIV. OF CALIFORNIA

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

НОВАБРЪ.

МОСКВА.

Тино-литографія И. Н. Бушнера и Б°, Пименовская улица, д. Бушнеровой.
1885.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. ШТУНДИСТЫ. Гл. III. <i>Окончаніе</i> .—Н. Н. Харламова.	1
II. ОСИНЪ ИВАНЫЧЪ. Разсказъ.—Д. Сибиряка.	18
III. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Гл. XII. (Отношеніе къ крестьянскому вопросу Бѣлинскаго, Стайкича; Огарева, Герцена и Некрасова). <i>Продолженіе</i> .—В. И. Семеновскаго.	47
IV. У ИДЕБНАГО ИСТОЧНИКА. (AN DER HEILQUELLE). Романъ Фридриха Шпильгагена. Переводъ съ нѣмецкаго А. А. В. Главн I—XIV.	79
V. НОЧНОЙ ВѢТЕРЪ. Стихотвореніе.—Л. Н. Пальмина.	158
VI. К. Д. КАВЕЛИНЪ. (Страница изъ исторіи философіи въ Россіи).—М. М. Троицкаго.	160
VII. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АГЕНТА ЛОНДОНСКОЙ СЫСЕННОЙ ПОЛИЦИИ.—У.	195
VIII. ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО. Гл. IV—VII.—Н. В. Шелгунова.	216
IX. НА ВЫСОТѢ. Стихотвореніе.—Д. С. Мерезжковскаго.	288
X. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ И ВЪРОЯТНЫЯ ПРИЧИНЫ ЕГО УСПѢШНАГО РАЗВИТІЯ. Гл. I—IV.—Н. М. Богомолова.	1
XI. ЗАМѢТКИ О ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦІИ И ВОЕННОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.—П. В. Залѣскаго.	82
XII. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.—Л. В. Ходскаго.	58
XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Успѣхи общественныхъ наукъ.—В. А. Гольцева.	103
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Славянское самосознаніе въ русскомъ обществѣ.—„Греческій прожектъ“ и славянская солидарность.—Реальные интересы Россіи.—Русь о нашей связи съ балканскими народностями.—Статья кн. Бибеско.—Церковный вопросъ.—Отчетъ по духовному вѣдомству за 1888 г.—Попеченіе о нравственномъ вліяніи духовенства.—Церковно-приходскія школы.—„Вразумленіе“ митрополита Платона.—Правила о ссудахъ государственнаго банка подъ хлѣбъ.—Ссуды подъ хлѣбъ въ обществахъ желѣзныхъ дорогъ.—Починъ общества юго-западныхъ дорогъ.—О земствѣ по поводу статьи <i>Московскихъ Вѣдомостей</i>	114
XV. ПОЭЗІЯ ТРУДА И БОРЬБЫ. Гл. I и II.—П. П. Сокальскаго.	149
XVI. ОЧЕРЕИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. III. „Скученько“.—Гл. И. Успенскаго.	168
XVII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Московскій Малый театр: <i>Гамлетъ</i> , <i>Ричардъ III</i> и комедія г. Вилде: <i>Въ помѣстѣи гостиницы Поводовой</i> . Новый театр Корша: <i>Отель-матушка</i> , ком. г. Салова. Неудовлетворительность репертуара. Новая пьеса. Ан.— <i>Синюрючка</i> , опера г. Римскаго-Корсакова. В. С. Васкина.	184
XVIII. СМѢСЬ: Письма Императрицы Маріи Феодоровны къ генералъ-адъютанту Коновницину.—Записка П. П. Коновницина Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. <i>Сообщено графомъ П. И. Коновницинимъ</i> .—Письмо кн. Платона Зубова къ Императору Павлу.—Порядокъ опредѣленія нотаріусовъ (площадныхъ подъячихъ) въ XVII вѣкѣ.—Донесеніе кн. Прозоровскаго объ истребленіи библиотеки Новикова.—Указъ Императрицы Елизаветы о формѣ придворныхъ ливрейныхъ служителей.—Вѣдомость о числѣ учениковъ въ народныхъ училищахъ С.-Петербургской губ. въ 1784 г.—Опись картинамъ, купленнымъ, по приказанію Петра Великаго, въ Венеціи.—Сто лѣтъ назадъ (ноябрь 1785 г.).	199
XIX. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:	
1. Книжки. Велхетроттка: „Вторая книжка разсказовъ“. В. Гаршина.—„Кого жалѣть?“ Кн. Э. Ухтомскаго.—„Стихотворенія Гейне“, въ перев. А. Л. Шаффа	1
Философія и психологія: „Основы механизма душевной дѣятельности“. П. И. Ковалевскаго.—„Страданіе и наслажденіе жизни“. П. Астафьева	5
Исторія: „Земскіе соборы древней Руси“. В. Латкина.—„Geschichte des deutschen Volkes bis zum Augsburger Religionsfrieden“. К. W. Nitzsch.—„Deutsches Leben und deutsche Zustände von der Hohenstaufenzeit bis ins Reformationszeitalter“. К. Fischer.—„K. F. Becker's Weltgeschichte“	7

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЫХОДИТЬ между 15 и 20 числами.

Условія подписки на 1886 годъ .

(седьмой годъ изданія).

Въ Москвѣ и Петербургѣ: безъ доставки 15 руб.
съ доставкою 16 руб.
Съ пересылкою въ другія мѣста Россіи 17 руб.
За границу . . . . . 19 руб.

Подписывающимся въ конторѣ журнала или ея отдѣленійхъ допускается разсрочка: при подпискѣ и затѣмъ къ 15 марта, мая и іюля по 3 рубля, остальные къ октябрю.

Студентамъ, слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, воспитанницамъ и воспитанницамъ учебныхъ заведеній, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ высылается за 10 р. въ годъ, причеиъ допускается разсрочка: при подпискѣ и затѣмъ къ 15 марта, мая, іюля и сентября по 2 р. Для сего поименованныя лица имѣютъ обращаться непосредственно въ главную контору журнала (Москва, Леонтьевскій, 21), съ представленіемъ надлежащихъ удостовѣреній.

Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ книгопродавцами подпискамъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА: Москва, Леонтьевскій, 21 (открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 до 4 час. дня).

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ: Петровскія линіи, при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской.

Фуркасовскій пер., д. Обидиной, при книжномъ магазинѣ А. А. Карцева.

Въ Петербургѣ: Невскій пр., д. Армянской церкви, при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о.

(На оборотѣ).

При переходѣ московскихъ и петербургскихъ подписчиковъ съ доставкой въ иногородніе доплачивается 1 руб., получавшихъ журналъ безъ доставки—2 руб. За переѣзду адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала сообщается конторѣ журнала, которая для разслѣдованія и удовлетворенія подписчика препровождаетъ ее въ московскій почтамтъ. Къ жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала не была получена тою конторою.

Контора журнала долгомъ своимъ считаетъ поставить въ извѣстность гг. подписчиковъ, получающихъ корреспонденцію свою черезъ желѣзно-дорожныя станціи, на коихъ не имѣется почтовыхъ учреждений, что почтовое вѣдомство ответственности за исправное доставленіе журнала этими станціями на себя не принимаетъ. Контора журнала, во избѣжаніе всякихъ на нее и на почтовое вѣдомство нареканій, убѣдительно проситъ избѣгать, при малѣйшей къ тому возможности, адресованія журнала на такія желѣзно-дорожныя станціи, на которыхъ нѣтъ почтовыхъ отдѣленій.

Желая по возможности облегчить своимъ подписчикамъ хлопоты по розысканію и приобрѣтенію книгъ, періодическихъ изданій и музыкальныхъ произведеній, контора журнала имѣетъ честь предложить имъ свое посредничество:

- 1) по покупкѣ и высылкѣ находящихся въ продажѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ, а также и нотъ, причемъ пересылку контора журнала принимаетъ на свой счетъ;
- 2) по подпискѣ на русскіе и иностранныя журналы и газеты и
- 3) по собиранію и сообщенію всякаго рода справокъ по книжному, музыкальному и типографскому дѣлу.

Выписывающихъ русскія книги контора журнала, для ускоренія доставки, покорнѣйше проситъ обращаться съ своими требованіями въ отдѣленіе конторы—при книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва, Мясницкая, Фуркасовскій переулокъ, домъ Обидиной), съ требованіями же журналовъ, газетъ, иностранныхъ книгъ и нотъ—въ главную контору журнала (Москва, Леонтьевскій, № 21).

Примѣчаніе. Въ случаѣ прекращенія въ теченіе года какого-либо періодическаго изданія, контора дѣлаетъ всѣ нужныя справки, но относительно правильности расчета прекратившагося или временно приостановленнаго изданія съ подписчиками никакой ответственности на себя не принимаетъ.

Редакціонныя правила и условія.

1) Рукописи, доставляемыя редакціи, должны быть или присылаемы по почтѣ посылкой, заказною бандеролью или заказнымъ письмомъ, или сдаваемы въ помѣщеніи редакціи, гдѣ въ принятіи ихъ выдаются установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣчаетъ.

2) Редакція разсматриваетъ доставленную ей рукопись только въ томъ случаѣ, если она четко написана, подписана авторомъ, снабжена его адресомъ и, кромѣ того, представляетъ вполнѣ законченное произведеніе. Беллетристическія произведенія и статьи, представляемыя неоконченными, по частямъ, не только въ журналъ не помѣщаются, но и оставляются безъ разсмотрѣнія.

3) На прочтеніе редакціей доставляемыхъ ей рукописей полагается срокъ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ, но истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятая, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

4) Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по уплатѣ конторѣ журнала почтового расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами, во избѣжаніе утраты рукописи и могущихъ отъ того возникнуть недоразумѣній и нареканій, редакція на себя не принимаетъ.

5) О причинахъ непомѣщенія въ журналъ того или другаго произведенія редакція объясненій не даетъ.

6) На запросы редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же не принятыхъ для помѣщенія въ журналъ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не входитъ, если бы даже на то прилагались марки, и рукописей этихъ стихотвореній не хранитъ.

7) Авторы принятыхъ для помѣщенія въ журналъ произведеній и статей своевременно о томъ извѣщаются. Время помѣщенія обозначается приблизительно, причемъ редакція не обязывается помѣщеніемъ именно въ той или другой книгѣ, а помѣщаетъ по мѣрѣ возможности, давая преимущество статьямъ, имѣющимъ временное значеніе.

8) Одобренныя редакціей статьи помѣщаются только въ томъ случаѣ, если не встрѣтятся къ тому цензурныхъ или иныхъ независящихъ отъ редакціи препятствій.

9) Не помѣщая въ своемъ журналѣ драматическихъ произведеній и имѣя постоянныхъ переводчиковъ, редакція *Русской Мысли* доставляемыя ей рукописи драматическихъ произведеній и всякаго рода переводы съ иностранныхъ языковъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

10) На предварительныя запросы относительно помѣщенія того или другаго произведенія безъ присылки рукописи онаго редакція не отвѣчаетъ.

11) Принятая для помѣщенія въ журналъ беллетристическія произведенія и статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и стилистическому исправленію. Безъ этого условія ничего для помѣщенія въ журналъ не принимается. Измненія и добавленія дѣлаются редакціей не иначе, какъ по соглашенію съ авторами.

12) При доставлені рукописи долженъ быть указанъ размѣръ желаемого авторомъ гонорара. При невыполненіи этого условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

13) Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ. Деньги выдаются черезъ семь дней по выходѣ соответствующей книги. Пересылка денегъ производится за счетъ получателей.

14) Авансы не выдаются.

15) Отдѣльные оттиски дѣлаются не иначе, какъ по заявленію желанія на то авторовъ и на ихъ счетъ.

16) Бесплатные экземпляры журнала высылаются только ближайшимъ сотрудникамъ журнала.

17) Редакція журнала открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 3 часовъ дня.

Помѣщеніе и приложеніе объявленій.

Въ книгахъ журнала помѣщаются только *библиографическія* объявленія, какъ-то: о выходѣ книгъ, журналовъ, объявленія книжныхъ магазиновъ и т. п.

Объявленія принимаются только на цѣлую страницу. Плата за объявленія, которыя будутъ помѣщены въ слѣдующей, декабрьской книгѣ, 6 р. 50 к. за страницу, въ январской—8 р.

За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается по 2 р. за тысячу. Для приложенія къ декабрьской книгѣ требуется 7,500 экземпляровъ, къ январской—11,000.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

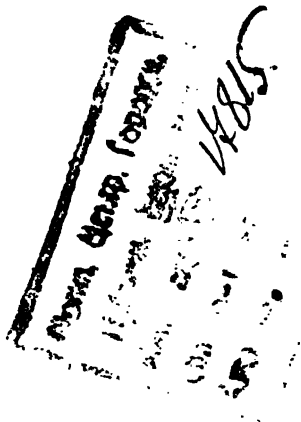
НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1885.

Редакція и главная контора: Леонтьевскій, 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ—при вонт. Н. Н. Печковской, Петровскія торговля
линіи, и при книжн. магазинѣ А. А. Карцева, Фурасовскій
пер., д. Обидиной.

Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

AP50
R875
v. 8:11
MAIN

Стр.

I. ШТУНДИСТЫ. Гл. III. <i>Окончаніе</i> .—И. Н. Харламова.	1
II. ОСИПЪ ИВАНУЧЪ. Разсказъ.—Д. Сибиряка.	18
III. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Гл. XII. (Отношеніе къ крестьянскому вопросу Бѣлинскаго, Станкевича, Огарева, Герцена и Некрасова). <i>Продолженіе</i> .—В. И. Семеновскаго.	47
IV. У ЦѢЛЕБНАГО ИСТОЧНИКА. (AN DER HEILQUELLE). Романъ Фридриха Шиндльгагена. Переводъ съ нѣмецкаго А. А. В. Главн I—XIV.	79
V. НОЧНОЙ ВЪТЕРЪ. Стихотвореніе.—Л. И. Пальмина.	158
VI. К. Д. КАВЕЛИНЪ. (Страница изъ исторіи философіи въ Россіи).—М. М. Троицкаго.	160
VII. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АГЕНТА ЛОНДОНСКОЙ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ.—У.	195
VIII. ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО. Гл. IV—VII.—Н. В. Шелгунова.	216
IX. НА ВЫСОТѢ. Стихотвореніе.—Д. С. Мережковскаго.	288
X. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ И ВЪРОЯТНЫЯ ПРИЧИНЫ ЕГО УСПѢШНАГО РАЗВИТІЯ. Гл. I—IV.—Н. М. Богомолова.	1
XI. ЗАМѢТКИ О ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОЕННОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.—П. В. Залѣскаго.	32
XII. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.—Л. В. Ходскаго.	58
XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Успѣхи общественныхъ наукъ.—В. А. Гольцева.	103
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Славянское самосознаніе въ русскомъ обществѣ.—"Греческій проектъ" и славянская солидарность.—Реальные интересы Россіи.— <i>Русь</i> о нашей связи съ балканскими народностями.—Статья кн. Бибиско.—Церковный вопросъ.—Отчетъ по духовному вѣдомству за 1883 г.—Попеченіе о нравственномъ вліаніи духовенства.—Церковно-приходскія школы.—"Вразумленіе" митрополита Платона.—Правила о ссудахъ государственнаго банка подъ хлѣбъ.—Ссуды подъ хлѣбъ въ обществахъ желѣзныхъ дорогъ.—Починъ общества юго-западныхъ дорогъ.—О земствѣ по поводу статьи <i>Московскихъ Вѣдомостей</i>	114
XV. ПОЭЗІЯ ТРУДА И БОРЬБЫ. Гл. I и II.—Н. Н. Соколяскаго.	149
XVI. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ. III. "Слученько".—Гл. И. Успенскаго.	168
XVII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Московскій Малый театръ: <i>Гамлетъ</i> , <i>Ричардъ III</i> и комедія г. Вильде: <i>Въ помѣстьи госпожи Поводасовой</i> . Новый театръ Корна: <i>Стель-матушка</i> , ком. г. Салова. Неудовлетворительность репертуара. Новая пьеса. Ан.— <i>Синьурочка</i> , опера г. Римскаго-Корсакова. В. С. Васкина.	184
XVIII. СМѢСЬ: Письма Императрицы Маріи Феодоровны къ генералъ-адъютанту Кововницину.—Записки П. П. Кововницина Великимъ Князямъ Николаю и Михаилу Паломничамъ. <i>Сообщено графомъ П. И. Кововницинымъ</i> .—Письмо кн. Платона Зубова къ Императору Павлу.—Порядокъ опредѣленія нотаріусовъ (площадныхъ подъячій) въ XVII вѣкѣ.—Донесеніе кн. Прозоровскаго объ истребленіи библіотеки Новикова.—Указъ Императрицы Елизаветы о формѣ придворныхъ иврейныхъ служителей.—Вѣдомость о числѣ учениковъ въ народныхъ училищахъ С.-Петербургской губ. въ 1784 г.—Опись картинамъ, купленнымъ, по приказанію Петра Великаго, въ Венеціи.—Сто лѣтъ назадъ (ноябрь 1785 г.).	199
XIX. ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ:	
I. Книги. Беллетристика: "Вторая книжка разсказовъ". В. Гаршина.—"Кого жалѣть?" Ив. Э. Ухтомскаго.—"Стихотворенія Гейне", въ перев. А. Л. Шаффа.	1
Философія и психологія: "Основы механизма душевной дѣятельности". П. И. Монаховскаго.—"Страданіе и наслажденіе жизни". П. Астафьева.	5
Исторія: "Земскіе соборы древней Руси". В. Латина.—"Geschichte des deutschen Volkes bis zum Augsburger Religionsfrieden". К. W. Nitzsch.—"Deutsches Leben und deutsche Zustände von der Hohenstaufenzeit bis ins Reformationszeitalter". К. Fischer.—"К. F. Becker's Weltgeschichte".	7

Географія, этнографія и антропологія: „Россия дальняго Востока“. Ф. Шперка.—„Les primitifs“. E. Reclus.—„Allgemeine Naturkunde“.—„Das Kaiserreich Brasilien“. Seffn.—„Das Togoland und die Sklavenküste“. H. Ziller.	10
Политическая экономія и юридическія науки: „Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“. М. И. Зиберъ.—„Encyclopädie und Methodologie der politischen Oeconomik“. O. Eppertz.—„Девятый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“.—„О необходимости и возможности развитія русскаго торговаго мореплаванія“. Л. П. Стѣчкина.—„Русско-балканскій торговый вопросъ“. А. Мураневича.—„Изслѣдованія о Русской Правдѣ“. Проф. Ирочекъ-Дроздовскаго.—„Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа“. Иллустрова.	13
Естествознаніе: „Успѣхи знанія“. М. И. Денкова.—„Мѣстоприсхожденіе воздѣливаемыхъ растений“. А. Декандоля.—„Geschichte der Physik von Aristoteles bis auf die neueste Zeit“. A. Heller	25
Медицина и гигиена: „Нашъ первый вѣкъ“. Крафтъ-Эбинга.—„Отчетъ по психіатрическому отдѣленію полтавской губ. земской больницы“. М. Я. Платонова.—„Очистка воды для питья въ малыхъ размѣрахъ“. М. Я. Нейенбурга.—„О дезинфекціи жилыхъ помѣщеній хлоромъ“. И. Автандилова.—„Наставленія къ употребленію дезинфекціонныхъ средствъ и совѣты по уходу за больными“. Озерова и Уварова.—„Способы количественнаго опредѣленія видныхъ организмовъ въ воздухѣ“. М. П. Мовальковскаго.—„Материалы къ изслѣдованію здоровья фабричныхъ рабочихъ и мясниковъ посредствомъ опредѣленія роста, вѣса, окружности груди и жизненной емкости легкихъ“. И. Муратова.—„О способахъ обезвреживанія холерныхъ эманаций“. Е. В. Вербицкаго	34
Педагогика, дѣтскія книги и изданія для народа, учебники: „Упустишь огонь—не потушишь“.—„Идѣ любовь, тамъ и Богъ“.—„Образцы русской словесности въ разборахъ“. Н. Завьялова.—„Чуходѣйственная сила“. В. Морозина.—„Маленькій вѣтошникъ“.—„Разказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ“. Н. Пеллишанова.—Сказка „Волшебное кольцо“.—„Старикъ Никита и его три дочери“. А. Стѣновой-Натенкампъ.—„Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики“. М. Николаевскаго.—„Орфографическія упражненія“. М. Козымина.—„Краткій учебникъ географіи“. М. Раевскаго.—„Курсъ географіи Европы“. М. Штудера.—„Методика арифметики“. С. В. Житкова и С. В. Шохеръ-Трецкаго.—„Методика начальной арифметики“. Изд. Пелубоярнова.—„Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной арифметикѣ“. А. И. Гольденберга.—„Опытъ систематизаціи арифметическихъ задачъ“. Е. Д. Кошачевича.—„Упрощенное умноженіе и дѣленіе какихъ угодно чиселъ“. В. П. Преображенскаго.—„Сборникъ самостоятельныхъ упражненій въ арифметикѣ“. С. В. Житкова и С. И. Шохеръ-Трецкаго.—„Руководство къ изученію судебной медицины для юристовъ“. В. Штольца.—„Общая анатомія“. П. Лесгафта.	43
2. Периодическія изданія. Русскіе журналы: „Вѣстникъ Европы“.—„Сѣверный Вѣстникъ“	52
Русскія периодическія изданія по сельскому хозяйству: „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“.—„Земледѣльческая Газета“.—„Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“.—„Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи“.—Изданія другихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.—„Извѣстія“ Ново-Александрійскаго института и Петровской академіи	77
Иностранные журналы: „Nord und Süd“.—„Deutsche Rundschau“.—„Przegląd Tygodniowy“.—„Biblioteka Warszawska“.—„Ateneum“	84
3. Указатель новыхъ книгъ	1
4. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. 14	
5. Объявленія.	

ШТУНДИСТЫ *).

III.

Выше мы уже замѣтили, что штундизмъ въ развитіи своей доктрины прошелъ нѣсколько градацій. Отмѣтить эти градаціи болѣе или менѣе опредѣлительно нѣтъ, однако, никакой возможности, благодаря неудовлетворительности матеріаловъ, неточности наблюдений, на которыя въ этомъ случаѣ пришлось бы опираться. Смысла возрѣній болѣе свидѣтельствуется авторами, но не иллюстрируется фактами; иногда лишь встрѣчаются нѣкоторые намеки и отрывочныя указанія на это обстоятельство. Можетъ быть лишь отмѣчено въ самыхъ общихъ чертахъ направленіе, въ которомъ эти измѣненія шли.

Въ ученіи штундизма отличительный признакъ, это—«преобладаніе морали предъ догматикой». Основнымъ исходнымъ пунктомъ ученія, слѣдовательно, надо считать рѣшеніе вопроса о происхожденіи зла. «Человѣчество,—учатъ штундисты,—достигло въ настоящее время крайнихъ предѣловъ своего развращенія. Богъ родитъ хлѣбъ и даетъ человѣку всевозможные предметы, необходимыя для жизни, а человѣчество торгуетъ этою благодатью, торгуетъ даже совѣстью, вѣрой и человѣческими существами. Всѣ люди по писанію должны быть братьями, любить другъ друга, какъ братья родные. Но люди не захотѣли быть братьями: они всячески стараются владычествовать другъ надъ другомъ, стѣснять, угнетать, обирать и заставлятъ другихъ жить такъ, какъ имъ не хотѣлось бы. Оттого такъ много несчастій на землѣ. На войнѣ проливается безвинно кровь человѣческая, въ обыкновенной жизни свирѣпствуютъ разбой, грабежи, насилія, надуватель-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

ство, воровство и мошенничество. Богъ разгнѣвался за все это на людей и повелѣлъ ихъ въ рабство, подобное египетскому. Человѣкъ поработенъ и теперь новыми египтянами, сильными міра сего. Эти новые египтяне въ особенности пользуются нашимъ трудомъ, распоряжаются нами и нашими силами. За наши же грѣхи Богъ посылаетъ сарангу, чуму, градъ, эпидеміи, эти казни египетскія, что предсказано и св. писаніемъ». Фараоны имѣютъ много средствъ держать въ своемъ рабствѣ людей. «Желѣзныя дороги, пароходы, машины и телеграфы,—все это признаки царства сатаны и ихъ назначеніе—удержать господство надъ людьми въ рукахъ египтянъ. Очень можетъ быть даже, что дѣйствительно недалеко кончина міра. Въ писаніи сказано, что предъ кончиной вѣка появится какая-то огненная колесница. Такою колесницей, надо думать, св. писаніе означаетъ пароходы и машину, потому что они движутся съ помощью огня и изъ трубъ ихъ пышетъ дымъ и пламя».

Люди, однако, братья и должны жить по-братски. Они не должны рѣзать и грабить другъ друга. Войны вредны и безнравственны, какъ и всякое насиліе, какъ и всякое мошенничество и кулачество. Какія же средства предлагаетъ себѣ для очищенія и возрожденія человѣчества?

Резюмируя коротко эти средства, мы можемъ ихъ выразить въ двухъ словахъ: это—покаяніе и трудъ. Всѣ люди подъ властью грѣха и, несмотря на всѣ религиозные обряды и церемоніи, должны погибнуть навѣки, если въ ихъ внутреннемъ человѣкѣ или душѣ не случится важная перемена, называемая въ св. писаніи покаяніемъ или новорожденіемъ. Св. писаніе говоритъ: «не тотъ іудей, кто таковъ по наружности, но тотъ іудей, кто внутренне таковъ». То же слѣдуетъ сказать и о христіанахъ: не тотъ христіанинъ, который по наружности, вслѣдствіе крещенія и другихъ обрядовъ, считаетъ себя христіаниномъ, но кто внутренне таковъ, вслѣдствіе новорожденія или покаянія. Средствомъ, возбуждающимъ въ человѣкѣ сознаніе своей грѣховности, служитъ евангельская проповѣдь. Она имѣетъ ту цѣль, чтобы бѣдный грѣшникъ проснулся отъ сна къ познанію своихъ многочисленныхъ грѣховъ и научился восклицать: бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти? Это состояніе сердца для человѣка самое удобное, чтобы усвоить себѣ совершенное искупленіе грѣховъ въ Иисусѣ Христѣ. Богъ любитъ грѣшника только кающагося. Баяться надо только Богу. Исповѣдуйте другъ

другу согрѣшенія ваши, — говорятъ по писанію штундисты и въ молитвенныхъ собраніяхъ ихъ часто слышится импровизированная молитва кающагося грѣшника. Въ большинствѣ случаевъ она сопровождается сначала легкими всхлипываніями, а затѣмъ раздражающими душу воплями. «Господи милосердный! ты знаешь, ты видишь мою немощь, какой я недостойный и слабый, страдаю въ соблазнахъ; уйми же мою скорбь, мое лютое горе, отвали камень отъ сердца, избавь меня отъ великихъ искушеній и отведи, Господи, отъ этого Египта, какъ отъ терновника. О, Господи праведный! Ты видишь, какъ здѣсь тѣсно: поддержи братьевъ и сестеръ, въ темницѣ сущихъ, укрѣпи ихъ, Господи, чтобы они, какъ тѣ рабы, не проспали встрѣчи господина своего, а невѣсты своего жениха, и чтобы между всѣми нами была любовь, ибо гдѣ любовь, тамъ и Богъ пребываетъ. Аминь».

Присутствуя на молитвенныхъ собраніяхъ при подобной импровизированной молитвѣ, штундисты особенно на первыхъ порахъ часто экзальтировали другъ друга и въ такомъ состояніи доходили даже до изступленно-восторженнаго душевнаго состоянія. Страшное нервное раздраженіе сопровождалось глубокими вздохами, восклицаніями, слезами, истериками и даже глубокими обмороками. Весь характеръ сектантскаго ученія былъ болѣе суровый, мистико-аскетическій. Считалось необходимымъ дойти до подобнаго состоянія экстаза, чтобы быть убѣжденными въ томъ, что пройденъ достаточный искусь покаянія, очищенія отъ грѣховной сверны и что въ душѣ кающагося открылся Христось. Съ теченіемъ времени противъ такой экзальтаціи стали раздаваться голоса. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ ученіе секты входили поправки, отклонявшія ее отъ аскетическаго пути, заимствованнаго, несомнѣнно, у старшихъ русскихъ сектъ. Въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе зла изъ чловѣка, изъ начала злаго, присущаго ему также, какъ и начало доброе, — доказательства того, что міръ во власти сатаны, сцолна сходны съ ученіями нашихъ мистико-аскетическихъ сектъ, признающихъ антихриста. Подстановка личности антихриста сатаню, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ («Странники», *Русская Мысль* 1884 г., кн. V, стр. 128, VI, стр. 57), происходитъ и въ старыхъ русскихъ согласіяхъ, развивающихся все больше въ сторону мистическаго дуализма.

Измѣненія въ мистико-аскетическомъ характерѣ штунды начались, несомнѣнно, вскорѣ послѣ воли и подъ вліяніемъ эффекта, произведеннаго ею на личность. Теперь штунда стоитъ на рас-

пути. Движеніе въ сторону реабилитаціи личности, проскальзывающее и теперь, не можетъ, однако, выразиться такъ же сильно, какъ у духоборцевъ, — времена не тѣ. Но, тѣмъ не менѣе, эффектъ озаренія души присутствіемъ божества до сихъ поръ отиѣчается въ сектѣ. «Преувеличенныя тоскливыя причитанія о своей грѣховности и теперь слышатся въ собраніяхъ и оказываютъ подавляющее вліяніе на слушателей; говорятъ, что у слабонервныхъ бывають и обмороки». Деревенскіе крестьяне съ увѣренностью объясняютъ эти стоны и причитанія тѣмъ, что это «бѣсъ труждаетъ штундарей» и что если бы они нашли истинную вѣру, то не плакали бы, а радовались. Штундисты отвѣчаютъ на это, что «они плачуть только въ началѣ, когда ищуть Христа и когда сердце чуетъ немощь, а когда укрѣпляются въ духѣ и истинѣ, начинаютъ радоваться, что нашли Христа въ сердцѣ своемъ». И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуетъ цитируемый нами наблюдатель, «прозелиты, только что принявшіе штундизмъ, несравненно болѣе плачуть и каются, чѣмъ впоследствии, когда уже успѣють болѣе проникнуться духомъ штундизма» (*Отч. Зап.* 1878 г., № 8, стр. 215—216) или, по просту говоря, когда увѣруютъ въ обрѣтеніе Христа въ сердцѣ своемъ, т.-е. въ наступленіе того момента, который у духоборцевъ служитъ исходнымъ пунктомъ для оправданія культа личности.

Антропоморфизмъ въ штундизмѣ сказался больше отрицаніемъ общественныхъ путей, стѣсняющихъ личность. Какъ только человѣкъ ощутилъ въ сердцѣ Христа, онъ окончательно побѣдилъ злую волю и нѣтъ ей больше возврата. Тѣло не считается, какъ у аскетовъ, до конца жизни присущей человѣку причиной зла, постоянно толкающей къ грѣху своими страстными порывами къ жизни. Штундизмъ сполна признаетъ права «плоти» и ничуть не думаетъ, какъ прежде, чтобы ея запросы были источникомъ грѣха. «Плоть немощна», говорятъ, — это правда. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ее нужно было истязать еще больше, напротивъ, скорѣе слѣдуетъ поддерживать и питать: тѣло — орудіе духа, и, чтобы хорошо работалъ духъ, нужно лучше питать тѣло. Господствуйте надъ страстями, но сохраняйте и здоровье, такъ какъ это тоже есть даръ Божій. (Конечно, это хорошо, — сказалъ бы аскетъ, — если бы только это было возможно, а не представляло лишь красное словцо!). На этомъ основаніи штунда отрицаетъ посты, какъ время питанія исключи-

тельно постной пищей. «Не входящее въ уста сквернить чело-
вѣка, а исходящее изъ устъ—помышления злыя» и пр.

И такъ, покаяніе—первое средство нравственнаго возрожденія
человѣка и общества. Второе средство—трудъ. «Въ потѣ лица
твоего снѣси хлѣбъ твой»,—говоритъ писаніе. Но такъ какъ
трудъ безъ земли, воды, камня, растительности ничего создать
не можетъ, то человѣчество не имѣетъ права считать чьею-ни-
будь частной собственностью землю, лѣсъ,—это даръ Божій,
Божья благодать. Всѣ земли помѣщичьи и государственныя должны
войти въ равный раздѣлъ (*Подол. Епарх. Вид. 1877 г., № 20*).
Каждый имѣетъ право получить земли столько, сколько нужно
ему по потребностямъ. Кулачество, торговля считаются предо-
судительными. Торговля можетъ быть замѣнена прямо обмѣномъ
натурой. Идеальная форма жизни, это—апостольская община съ
полной общностью имущества. Если читатель припомнитъ такъ
называемые «общественные идеалы» духоборцевъ и странниковъ,
старанія духоборцевъ устроить свою общину по апостольскому
типу, онъ найдетъ, несомнѣнно, полное сходство между ними и
штундистами, найдетъ, что штундисты не больше дали и сдѣлали
въ этой области, не больше внесли сюда сознанія, чѣмъ стар-
шія секты. Не въ первый разъ и не съ большою обстоятельно-
стью у штундистовъ высказываются протесты противъ кулаче-
ства и торговли; то же самое видѣли мы у духоборцевъ, то же
самое, и гораздо послѣдовательнѣе, проповѣдывалось старыми
«согласіями», отрицавшими деньги, какъ знаки антихриста, какъ
орудія мѣны продуктами и человѣческой совѣстью и вѣрой.
Остается теперь вопросъ: почему же наши изслѣдователи сектант-
ства такъ настойчиво рекомендуютъ въ новыхъ сектахъ «пре-
обладаніе соціально-экономической стороны надъ религиозной»?
Пожеланія сектантовъ мы видѣли: они не отличаются ни опредѣ-
лительностью, ни широтой захвата, ни новизной идеи. Но, мо-
жетъ быть, штундисты больше сдѣлали для примѣненія своихъ
идей въ жизни, что ихъ особенно будто бы отличаетъ? Посмо-
тримъ.

Прежде всего, замѣтимъ, что относительно «преобладанія со-
ціально-экономической стороны» и «широкаго творчества соціаль-
ныхъ формъ» въ литературѣ вопроса находится больше бездо-
казательныхъ разглагольствованій, чѣмъ фактическихъ данныхъ.
Приходится ограничиться лишь тѣми двумя-тремя фактами, какіе
есть. Еще на первыхъ порахъ секты рѣшено было устроить

общую кассу (непреѣнная принадлежность всякой вновь возникающей секты). Касса была основана сначала на пожертвованія; но такъ какъ ихъ однихъ было недостаточно, то штундисты должны были обратиться къ побочнымъ средствамъ. Такъ, одно время они рѣшили арендовать и обрабатывать на общій счетъ и средства участки земли и доходами съ него пополнять кассу. Потомъ для этой же цѣли завели было торговлю овцами, потомъ содержали постоянный дворъ и пр. Но всѣ эти попытки увѣнчались неблагоуспѣшнымъ успѣхомъ и касса поддерживается, главнымъ образомъ, членскими взносами, едва влача свое существованіе. «Вообще штундисты,—говоритъ тотъ же наблюдатель,—оказываются и малосильными, и разногласными каждый разъ, когда дѣло касается практики. Несмотря на свой идеалъ будущей жизни въ царствѣ штундистовъ, несмотря на желаніе подражать жизни апостольскихъ общинъ, они плохо вяжутъ слово съ дѣломъ. Веденіе хозяйства осталось личнымъ дѣломъ каждаго. Попытки артельной обработки земли кончились полнѣйшей неудачей». А, между тѣмъ, вѣдь, въ Малороссіи практикуются, напр., «толоки» и «оранки» (товарищества для обработки пашни съ поочередной работой; см., напр., *Зап. Геогр. Общ.* по отд. этногр. 1869 г., т. II, стр. 708, *Чт. въ Общ. Ист.* и *Др. Р.* 1848 г., № 7, стр. 154 и пр.) и немного нужно было мозговой работы, чтобы хоть воспользоваться этими «соціальными формами», освѣтить ихъ значеніе и примѣнить широко въ жизни. Однако, даже въ практикѣ изъ старинныхъ формъ взаимности штундисты не пошли дальше неудачныхъ попытокъ. И это показываетъ только, какъ слабо сознаніе «идеала», который рисуютъ себѣ сектанты, какъ трудно даже для «религіознаго энтузіазма» преобразовать сложившіяся отношенія, опредѣляемые общимъ національнымъ характеромъ. Малороссъ—индивидуалистъ по природѣ и терпѣть не можетъ ничего гуртоваго, общиннаго въ своей обыденной жизни. Примирившись съ «громадой», онъ, однако, не удержалъ, не сберегъ земельной общины; на землѣ онъ любитъ быть самъ по себѣ; только нужда вродѣ недостатка «воливъ» заставляеть его «спрятаться» съ сосѣдомъ. «Гуртове—чертове»,—говоритъ онъ и самымъ лучшимъ товариществомъ, единственнымъ, возможнымъ для себя, считаетъ маленькую семью: «спилка (товарищество)—чоловікъ та жінка».

Единственное, что осталось у штундистовъ отъ всѣхъ ихъ общинно-устроительныхъ попытокъ, это взаимная помощь. Гдѣ

нѣтъ кассы, тамъ помощь нуждающимся предлагается во время молитвенныхъ собраній, гдѣ и собирается нужная сумма. Если члену общины нужно выстроить хату или что-нибудь въ такомъ родѣ, когда, вообще, работа требуетъ большаго числа рабочихъ рукъ и значительнаго количества матеріала, штундисты собираются, сносятъ матеріаль и работаютъ бесплатно (*Еженед. Нов. Время* 1879 г., августъ). Точно также, какъ и всюду, оказываютъ помощь послѣ пожара, болѣзни и другихъ несчастій. За недоимщиковъ вся община уплачиваетъ подати. Само собою разумѣется, что по поводу этой случайной, не организованной «благотворительности» довольно забавно трагтовать «о широкомъ творчествѣ социальныхъ формъ». Къ чести членовъ старыхъ русскихъ согласій слѣдуетъ сказать, что у нихъ никогда не было особыхъ хлопотъ съ образованіемъ вспомогательнаго фонда и общинно-хозяйственная организація осуществлялась у нихъ полнѣе и энергичнѣе. Довольно вспомнить Выговскую пустынь, Иргизь, Вѣтку, Стародубье и поселенія старовѣровъ въ Пруссіи и Австріи, и ужь, разумѣется, тамъ скорѣе слѣдовало бы искать «преобладанія социально-экономической стороны надъ религіозной», чѣмъ у штундистовъ. А разъ тамъ эта социально-экономическая сторона не подходитъ къ тому, что въ ней хотѣлось бы видѣть, тѣмъ болѣе не слѣдуетъ очаровываться «увлекательной мечтой» по поводу новыхъ явленій, относящихся, однако, къ одному и тому же типу міросозерцанія и жизни.

Господства своихъ «общинныхъ идеаловъ» штундисты ждуть тогда, когда всѣ подѣлаются штундистами. И это вполне естественно, такъ какъ введеніе этихъ «идеаловъ» въ жизнь возможно только послѣ всеобщаго нравственнаго возрожденія людей. Личная нравственность является необходимымъ и единственнымъ факторомъ преобразования общества. Пожеланія общиннаго свойства обоснованы на нравственныхъ принципахъ, на предварительномъ воспитаніи въ людяхъ чувствъ братства и любви. Да еще если бы хорошо, сознательно придумана была мысль о значеніи воспитанія альтруистическихъ чувствъ, а выставленная въ видѣ тѣхъ бесплодныхъ общихъ нравственныхъ положеній, узко, шаблонно понимаемыхъ, которыя выставлялись всѣми сектами на свѣтъ, сектантская мораль мало что можетъ сдѣлать для нравственнаго воспитанія человѣчества. Что штундисты честны, трудолюбивы, трезвы и пр., что они оказываютъ морализующее вліяніе на массу,—мы охотно вѣримъ. Однако, вся-

кому из нас также известно, что при 10.000,000, какъ считаютъ массу всевозможныхъ людей «слова и примѣра», наша масса не особенно много морализировалась, а многія секты подъ вліяніемъ общаго уровня нравовъ деморализировались въ значительной степени, и мы утверждаемъ, что это фатально для религіозныхъ сектъ и что эта же судьба ожидаетъ и штундизмъ, какъ бы широко онъ ни распространился. Признаки довольно зловѣщаго свойства намѣчаются и теперь и, прежде всего, въ толкованіи писанія штундисты въ послѣднее время сосредоточиваются на мелочахъ, на частностяхъ, не имѣющихъ никакого значенія, теряя совсѣмъ изъ вида общее направленіе секты; первые вожди секты вродѣ Ратушнаго и Рябошапки сдѣлались порядочными кулаками; на это указываютъ сами друзья сектантовъ. Въ ученіи секты, прежде всего, стояло положеніе значительной моральной важности, что грѣшно нанимать рабочихъ. Теперь оказывается, что грѣшно нанимать своихъ, а чужихъ можно, ничего предосудительнаго нѣтъ. Заявляются фикціи, если вѣрять наблюдателямъ. Такъ, чтобы обойти какъ-нибудь «зарокъ не пить», сообразили, что въ пути не грѣхъ и выпить. И поэтому выпить отправляются куда-нибудь въ степь, гдѣ и располагаются по-дорожному. Въ сектѣ идетъ расколъ: она разбивается на двѣ партіи—старо и младо-штундистовъ. Это считаютъ прогрессомъ секты; такъ бы это и было, если бы младо-штундисты имѣли какую-нибудь болѣе опредѣленную фізіономію. На самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ, какъ дальше увидимъ, а, между тѣмъ, появленіе новой группы заставило «первыхъ братьевъ» пойти по дорогѣ компромисса съ дѣйствительностью вплоть даже до подлости. «Михаилъ Ратушный и Василій Комаровъ прибѣгли даже къ доносамъ противъ новыхъ братьевъ, которые будто бы проповѣдуютъ политику, т.-е. возстаютъ противъ кулачества старшаго «брата», хотя «предать брата» считается у штундистовъ самымъ тяжкимъ преступленіемъ, за которое по закону (?) слѣдуетъ повѣшеніе, если самъ преступникъ-лжебратъ, какъ Іуда, не наложитъ на себя руку» (*Отгч. Зап.* 1878 г., № 8, стр. 225). И это еще большой вопросъ, удержится ли новая фракція секты отъ проторенной дорожки, научить ли ее чему-нибудь исторія, которая до сихъ поръ мало кого и мало чему вообще научила!... И, притомъ, вѣдь, для того, чтобы уроки исторіи имѣли силу, надо ее знать.

Обратимся теперь къ самой сильной, какъ говорить, отрица-

тельной сторонѣ шундистскаго вѣроученія—гдѣ ихъ взглядамъ на церковь, таинства и обряды и на духовенство.

«Богъ живетъ только въ храмахъ нерукотворенныхъ; онъ не нуждается въ жертвахъ со стороны слабаго человѣка, въ какомъ бы то ни было самоистязаніи». Практика нравственнаго возрожденія должна быть индивидуальна, только при этомъ условіи она можетъ быть искренней. Слѣдовательно, незачѣмъ стѣснять ее какими бы то ни было обрядами, заранѣе установленными и связывающими свободу личности,—таково общее впечатлѣніе сектѣнтской аргументаціи противъ обрядовъ и таинствъ. Однако, ни въ одномъ изложеніи шундистскаго ученія мы не нашли подобной общей формулировки этой части доктрины; эта общая мысль лишь намѣчается частичными отрицаніями разныхъ обрядовъ. «Пока человѣкъ не достигъ духовнаго просвѣщенія и самопознанія, крещеніе, по ученію шундистовъ, не имѣетъ никакого значенія. Нѣкоторые шундисты, впрочемъ, крестятъ и дѣтей, но повторяютъ крещеніе при сознательномъ вступленіи юшоши въ секту. Крестятъ вечеромъ въ рѣкѣ; при этомъ поютъ: *слыши во Христа креститесь* и т. д. Старшій братъ входитъ вмѣстѣ съ новокрещаемымъ въ воду и погружаетъ его, говоря: «помни, братъ любезный (или сестра), кому ты обѣтъ даешь жить по правдѣ и истинѣ: самому Господу нашему Иисусу Христу». У фракціи шундизма, которая принимаетъ крещеніе, послѣднее играетъ роль посвященія въ секту. «Правила вѣроученія новообращеннаго русскаго братства» такъ именно его и опредѣляютъ: «посредствомъ крещенія мы принимаемъ въ видимую церковь Христову на землѣ, которая должна состоять только изъ истинно-вѣрующихъ по образу первоапостольской церкви». Крещеніе не есть дѣйствительное очищеніе человѣка отъ грѣховъ; это только знакъ, символъ покаянія и вѣры крестящагося.

Покаяніе, какъ мы уже видѣли выше, признается какъ необходимое средство нравственнаго возрожденія. Но не требуется посредника при покаяніи: каяться надо Богу. Причащеніе тоже признается «первыми братьями» не какъ таинство, но лишь какъ «преломленіе хлѣбовъ» по завѣту Спасителя, въ воспоминаніе о немъ. Сообразуясь съ основной мыслью установленія этого обряда, шундисты самый процессъ преломленія хлѣбовъ стараются совершать такъ, чтобы онъ наиболѣе отвѣчалъ цѣли, полнѣе напоминалъ воспоминаемое событіе.

Въ ученіи о брагѣ, повидимому, нѣтъ еще ничего общепризнаннаго; въ различныхъ мѣстностяхъ штундисты или находятся подъ вліяніемъ другихъ сектъ по этому вопросу, или пытаются установить свои обычаи, не справляясь съ тѣмъ, что практикуется въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, около Николаева всѣ секты носятъ болѣе или менѣе мистическую окраску въ ученіи о брагѣ. Николаевскіе молокане говорятъ по этому поводу: «намъ нечего заботиться о земномъ; плотскій человѣкъ о плотскомъ помышляетъ, ему и дѣтей плодить подобаешь: свиному роду не будетъ переводу; а мы люди духовные и должны заботиться о духовномъ возрожденіи для собственнаго спасенія». Подъ вліяніемъ подобныхъ воззрѣній и штундисты-сосѣди смотрятъ на супружескую жизнь, какъ на одно изъ золъ, допущенныхъ священнымъ писаніемъ во избѣжаніе еще большаго зла (*Кіевск. Епарх. Вѣд.* 1877 г., № 3, стр. 78). Совершенно противоположнаго направленія хотѣли было держаться штундисты въ Подольской губерніи. Одинъ изъ новообращенныхъ, молодой человѣкъ, въ пылу отрицанія церковныхъ обрядовъ хотѣлъ было обойтись и безъ соблюденія старинныхъ обычаевъ. Сосватавши себѣ невѣсту, онъ предложилъ родителямъ дѣвушки отпустить ее къ нему безъ всякой даже видимости какихъ бы то ни было обрядовъ и даже безъ «весілля», которое, какъ извѣстно, въ Малороссіи, главнымъ образомъ, и дѣлаетъ законнымъ бракъ, такъ какъ имѣетъ значеніе засвидѣтельствованія общиною гражданскаго брачнаго договора. Безъ соблюденія этого условія дочь, выданная замужъ, въ глазахъ родителей, да и всей общины, принимаетъ позорную роль «покрытки» (наложницы). И это такъ испугало стариковъ, родителей дѣвицы, что они обратились даже къ попу съ просьбой спасти ихъ отъ позора. Приводимъ этотъ случай въ томъ предположеніи, что онъ могъ быть не единственнымъ. «Народный духъ», однако, очевидно, протестовалъ такъ сильно противъ этого упрощенія формальностей брачнаго союза, что у сектантовъ скоро явился ритуальъ брака и «весілле» вступило въ свои права. Ритуальъ уже потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія. Бракъ прежде совершался «согласіемъ родителей и рукоположеніемъ духовнаго наставника, который ставилъ брачующихся на колѣна, читалъ надъ ними молитву и затѣмъ объявлялъ, что они соединены Богомъ, а что соединено Богомъ, человѣкъ да не разлучаетъ». Теперь дѣло упрощено: заранѣе условившись насчетъ вступленія въ бракъ,

женихъ и невѣста въ общественномъ молитвенномъ собраніи заявляютъ о своемъ намѣреніи остальнымъ братьямъ и сестрамъ по духу. Такое заявленіе (иногда оно дѣлается и старшимъ братомъ) сопровождается чтеніемъ приличныхъ мѣстъ изъ *Евангелія* и словеснымъ поученіемъ. Послѣ этого заявленія бракъ считается установленнымъ при подразумѣваемомъ, разумѣется, празднованіи «веселія», которое обыкновенно отличается лишь отсутствіемъ пьянства. Заявленіе общинъ о бракѣ самими брачующимися чаще всего практикуется тогда, когда на бракъ не согласны родители жениха или невѣсты. Тогда сама община предварительно старается согласить стариковъ и не прежде, чѣмъ такое соглашеніе послѣдуетъ, даетъ свое разрѣшеніе.

При такомъ отношеніи къ обрядамъ штундисты, разумѣется, послѣдовательно признаютъ совершенно излишнимъ «священство». Однако, «первые братья» для наставленія и увѣщанія братства избираютъ изъ своей среды способныхъ на то лицъ: пресвитеровъ, учителей и дьяконовъ. Впослѣдствіи нѣкоторые «первые братья» дошли даже до того, что стали посвящать «пресвитеровъ» чрезъ возложеніе рукъ. Это вызвало въ сектѣ расколъ и выдѣленіе фракціи «младо-штундистовъ». Обязанности пресвитера «держатъ собраніе» (предсѣдательствовать), толковать свящ. писаніе, совершать крещеніе, бракъ, преломленіе хлѣбовъ, присутствовать при похоронахъ и пр.

Поклоненіе иконамъ, кресту, почитаніе святыхъ рѣшительно и безусловно отвергаются. Какъ только человекъ перешелъ въ штунду, изъ передняго угла иконы исчезаютъ; уголь заклеивается шпалерной бумагой, иногда портретами Государя и Государыни. Само собою разумѣется, что отрицаніе почитанія иконъ, отрицаніе обрядовъ и таинствъ всякій разъ подтверждаются многочисленными ссылками на писаніе, —ссылками, не представляющими ничего новаго и оригинальнаго сравнительно съ подобнымъ же способомъ доказательствъ у другихъ сектантовъ, хотя толкованія штундистовъ отличаются нѣкоторой рѣзкостью тона, не замѣчаемою въ старѣйшихъ сектахъ, тоже отвергающихъ поклоненіе иконамъ. Духоборцы или молокане приводятъ тѣ же тексты, также буквально толкуя ихъ. Даже толкованія «въ духовномъ смыслѣ» отличаются замѣчательнымъ однообразіемъ. Говорятъ объ особенномъ разливѣ «раціонализма» у штундистовъ. Но отрицанія церкви и обрядовъ въ вульгарномъ штундизмѣ въ значительной

степени обставлены, кромѣ всѣхъ извѣстныхъ текстовъ, главнѣйше разнаго рода кощунствомъ, вслѣдствіе чего говорить о наличности рационалистическаго приѣма мысли у штундистовъ не представляется нужнымъ. Да и наблюдатели, болѣе ревностные къ истинѣ, замѣчаютъ, что теологическія понятія сектантовъ «крайне наивны и дѣтски, какъ у всей вообще массы народной» (*Неделя* 1877 г., № 1), что «въ отношеніи пониманія явленій природы штундисты мало чѣмъ отличаются отъ остальной массы русскаго крестьянства» (*Неделя* 1877 г., № 2), развѣ только еще болѣею страстью считать дождь, градъ, молнію, кузьку наказаніемъ за грѣхи.

Почти единственное отрицаніе, отзывающееся нѣсколько рационалистическимъ пошибомъ у штундистовъ, это—отрицаніе поклоненія кресту и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крестнаго знаменія. И въ этомъ толкованіи штундистовъ не представляютъ собою ничего оригинальнаго, что не было бы говорено анабаптистами и другими иконоборческими сектами. Но иные говорятъ и такъ: креститься не слѣдуетъ, потому что крестъ творить та самая рука, которая дѣлаетъ все нечистое и дурное. Въ самомъ даже этомъ толкованіи рационалистическаго есть только приѣмъ показать нѣчто «отъ разума». Но разумъ-то такъ еще плохо работаетъ у толкователя, что, разумѣется, церковное объясненіе поклоненія кресту, какъ орудію нашего спасенія, гораздо «раціональнѣе» сектантскихъ соображеній. А, главное, «разумъ» примѣняется столь спорадически и столь рѣдко, что мудроно за всѣмъ ученіемъ безоговорочно признать названіе рационалистическаго.

Правда, штундизмъ, говоря, признаетъ свободу толкованія священнаго писанія и свободнаго, «критическаго» отношенія къ священному тексту. Что касается свободы толкованія, то она давнымъ давно была допущена духоборцами и молоканами, не говоримъ уже о старыхъ русскихъ безпоповскихъ согласіяхъ, а критическое отношеніе къ тексту у штундистовъ выражается единственно только въ томъ, что они опускаютъ непонятныя имъ мѣста, заявляя, что это «прибавлено отъ поповъ». Разумѣется, никто еще до нашихъ поклонниковъ сектантства серьезно не считалъ подобныхъ соображеній «критическими». Въ чрезмѣрномъ умиленіи предъ «раціональностью» толкованій, наши изслѣдователи приводятъ въ примѣръ толкованій единственно объясненія сектантами библейскихъ и евангельскихъ словъ, считая эти объясненія, можетъ быть, наиболѣе раціональными. «Дра-

вогъ», напр., по мнѣнію штундистовъ, это—звѣрь (иносказаніе относительно поповъ), который деретъ съ живаго и съ мертваго, а «воскрілія»—широкія рукава на подобіе крыльевъ. «Жертва» значить у нихъ «жратва», а слово «жрецъ» выговариваютъ какъ «жерецъ» — «обжора». Конечно, это, можетъ быть, и смѣшно, но, вѣдь подобныя объясненія даются во время молитвенныхъ собраній, а на собраніяхъ сектанты всячески стараются избѣгать поводовъ къ соблазну, въ особенности смѣха.

По отношенію къ власти штундисты въ точности повторяютъ доктрину духоборцевъ. Власть—только для злыхъ; когда на землѣ не будетъ преступленій, упразднится и власть. Поминовеніе власти обязательно, пока ея требованія не идутъ въ разрѣзъ съ заповѣдями Царя царей. На собраніяхъ существуетъ обычай молиться за царя (для этого цитируютъ: Рим., 13 гл., ст. 1—2, 6—7, Петр., 2 гл., ст. 13—14). Подати уплачиваютъ самымъ исправнымъ образомъ. Съ сельской и уѣздной полиціей нерѣдки столкновенія и рукопашныя схватки, главнымъ образомъ, вслѣдствіе усердныхъ не по разуму стараній полиціи разгонять молитвенныя собранія. Сектантскій взглядъ на преслѣдованія всюду и всегда одинаковъ: это возможность потерпѣть для Бога, пострадать. «Эка бѣда, что сошлютъ,—говоритъ штундистъ.—Вѣдь, и въ Сибири люди живутъ, а для Господа можно все сдѣлать». Одинъ заключенный пишетъ своимъ братьямъ: «Мы, навѣрное, не увидимся болѣе, и начальство, по ходатайству священниковъ, затаскаетъ меня на поселеніе, а то и дальше, но я на Бога надѣюсь: «Господь свѣтъ мой и спасеніе мое, кого мнѣ бояться?» (Пс. 26, 1). Этимъ путемъ пошли уже нѣкоторые братья, и я благодарю Бога за такую участь и радуется душа моя, ибо Христось не даромъ сказалъ: «Сіе заповѣдую вамъ да любите другъ друга. Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ ненавидѣлъ... Изгонятъ васъ изъ синагогъ, даже наступитъ время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что этимъ онъ служитъ Богу» (Іоан., гл. 15 и 16). Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнію, только бы съ радостью совершить поприще свое и служеніе, которое я принялъ отъ Господа Іисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божіей» и пр. (*Отч. Записки* 1878 года, № 8, стр. 220). Стремленіе пострадать за правду заставляетъ иногда фанатическихъ послѣдователей секты устраивать демонстраціи вродѣ слѣдующей: 2 марта 1875 г., въ воскресенье

«православія», въ Кіево-Софійскомъ соборѣ крестъ Петръ Пославскій послѣ перваго провозглашеніемъ анафемы произнесъ анафему всему духовенству высшему представительству, закончивъ словами: «ею иѣрите, возмѣрится и вамъ». При арестованіи онъ за «возьмите; я свое дѣло сдѣлалъ».

За подобнымъ фанатизмомъ весьма скоро обыкновенно дуетъ паденіе чувства и секта начинаетъ входить въ русло сосредоточиваясь на выработкѣ мелочныхъ подробностей ученія и организаціи. Введеніе новыхъ обрядовъ, какъ рукоположеніе пресвитеровъ, и неблаговидные поступки нѣкоторыхъ главъ штунды вызвали въ сектѣ раздоры, кончившіеся, какъ мы уже выше замѣтили, выдѣленіемъ фракціи «младо-штундистовъ», на которыхъ нѣкоторыми въ особенности возлагаются большія надежды. «Всѣ почти первоучители малорусской штунды, боясь, чтобы отрицаніе православныхъ обрядовъ не зашло слишкомъ далеко и не коснулось бы обрядовъ самой штунды, пытались положить на уста своихъ послѣдователей печать молчанія относительно главныхъ пунктовъ штунды, чтобы во время собраній не говорилось ни слова претивъ «преломленія хлѣба», «воднаго крещенія» и «старшаго брата», якобы во избѣжаніе соблазна для маловѣрныхъ» (*Отч. Зап.*, цит. ст., стр. 225). Это и вызвало столкновеніе и выдѣленіе младо-штундистовъ. Послѣдніе смолна отрицаютъ крещеніе и причащеніе. «Все это одинъ обрядъ, наружный знакъ, и не въ немъ сила. Надо креститься живою водою, а не мертвою; надо преломлять духовный хлѣбъ и проникнуться словомъ Божиимъ, чтобы слово было согласно съ дѣломъ. А мало ли есть на свѣтѣ такихъ, что крестились въ водѣ и каждый годъ причащались по нѣскольку разъ, но это ихъ нисколько не освобождаетъ отъ грѣховъ и они, попрежнему, исполнены пьянства, распутства и всякой мерзости. Примѣръ Иисуса Христа не обязателенъ. Онъ не только крестился, но и обрѣзывался, и давалъ динарій въ храмъ, потому что стоялъ на рубежѣ ветхаго и новаго завѣтовъ, а намъ велѣлъ простираться впередъ и уклоняться отъ фарисейской закваски» и пр. Отрицаніе «старшаго брата» обосновано гораздо резоннѣе на томъ, что Ратушный снялъ съ себя фотографическую карточку. Это, говорятъ, онъ сдѣлалъ потому, что возгордился и хотеть, чтобы впослѣдствіи его карточкѣ поклонялись, какъ иконѣ. Вотъ, имѣвши такое подозрѣніе, младо-штундисты принялись громить стрем-

конав-
отн о
а не
звѣ
къ
съ
н

ленія къ обоготворенію. Грѣшно дѣлать себя Богомъ. Даже Петръ, говорятъ, котораго Христосъ назвалъ камнемъ церкви, запрещаетъ поклоняться себѣ. Ангель въ *Апокалипсисѣ* возвѣщаетъ, что онъ только служитель Божій и что ему не слѣдуетъ поклоняться. Свѣщенники не принимали поклоненія отъ другихъ» (*Апок.*, XII, 9; *Дьян.*, X, 26, XIV, 14). Приведши причину и резоны отрицанія «пресвитеровъ»; авторъ цитируемой нами статья основательно умозаключаетъ: «такимъ образомъ, по новѣйшему ученію штундистовъ, въ сектѣ исчезаютъ послѣдніе слѣды *іерархіи*». Никакихъ чертъ индивидуальности штундисты больше не имѣютъ, или, по крайней мѣрѣ, изслѣдователи ихъ намъ не показали.

Молитва, какъ выраженіе покаянія, необходима; какъ таковая же, она должна быть вполне свободна и индивидуальна, идти прямо отъ сердца молящагося. Такимъ образомъ, у сектантовъ не должно бы быть молитвъ, заранѣе сложенныхъ, опредѣленныхъ. Такъ учатъ штундисты. Они признаютъ обязательно для себя только «Молитву Господню», потому что она сложена самимъ Спасителемъ. Всѣ остальные молитвы импровизируются, точно также, какъ это было на первыхъ порахъ у духоборцевъ. И въ этой импровизаціи, по нашему мнѣнію, скрывается еще одна изъ причинъ грядущаго упадка секты, какъ и секты духоборцевъ. У тѣхъ свободныя импровизаціи очень скоро были заучены и составили такъ называемую теперь «животную книгу», которая пользуется непререкаемымъ авторитетомъ, несмотря на многія безсмыслицы. Молитвеннымъ собраніямъ штундистами придается большое значеніе. Собранія эти бывають: мѣстныя — болѣею частью два раза въ недѣлю, и окружныя—въ Пасху, Рождество и Духовъ день. Собранія имѣютъ и организаціонное, и богослужебное значеніе.

Собравшись въ домъ, штундисты садятся на скамьи, а одинъ изъ нихъ, кто «держитъ собраніе», садится за столъ лицомъ къ собравшимся и, раскрывши *Новый Заветъ* или *Библию*, толкуетъ по своему каждый стихъ. Послѣ чтенія изъ *Новаго Завета* или изъ *Библии* слѣдуютъ разнаго рода разглагольствованія, имѣющія полемическій характеръ, затѣмъ раскрывается другая книга, изданная въ Петербургѣ, *Приношеніе православнымъ христіанамъ* или же *Духовныя тѣсни* лондонскаго изданія. Обѣ эти книги состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же пѣсенъ, хотя послѣдняя почему-то больше уважается сектантами. Одинъ изъ сидящихъ впереди

читаетъ первый куплетъ какой-нибудь пѣсни (причемъ неомытное объясняется), а за нимъ поютъ всѣ хоромъ, затѣмъ такимъ же порядкомъ поютъ второй куплетъ и т. д. до конца пѣсни. Послѣ этого становятся на колѣна и одинъ изъ штундистовъ, съ сильно настроенными чувствами, читаетъ громко импровизированную молитву со слезами на глазахъ. Этимъ кончается собственно богослужбная часть собранія. Послѣ этого обыкновенно ведутся частные разговоры, обмѣниваются сообщеніями, касающимися секты, заявляютъ о необходимости помочь какому-нибудь брату, возбуждаютъ и рѣшаютъ вопросы дисциплины и пр., читаютъ иногда газеты, въ особенности все, что относится къ сектѣ, дѣятельности духовенства и т. д. Здѣсь же читаются письма отъ братьевъ изъ другихъ мѣстностей или изъ мѣстъ заключенія. На окружныхъ собраніяхъ происходитъ то же, что и на мѣстныхъ.

На собраніяхъ же происходитъ судъ надъ виновными въ какихъ-нибудь проступкахъ противъ сектантской нравственности и разбираются частныя гражданскія тяжбы между своими, такъ какъ сектанты не считаютъ для себя приличнымъ обращаться къ «вышнему суду». Сначала съ виновнымъ говоритъ и приводитъ его къ покаянію старшій братъ или кто-нибудь изъ почетныхъ членовъ общины наединѣ, по *Евангелію*; при неуспѣхѣ, увѣщаніе повторяется въ присутствіи двухъ-трехъ свидѣтелей. Когда и это было неуспѣшно, тогда письменно доводится дѣло до свѣдѣнія мѣстнаго и окружнаго собранія. Вотъ выдержка изъ одного подобнаго письма: «Увѣдомляю васъ, братья, о дѣлахъ «старшаго брата»: онъ взялъ деньги изъ кассы для нуждающихся и купилъ на нихъ чашу да покрывало на столъ. Этотъ обычай украденъ у православной церкви, а намъ говорятъ, чтобы мы вмѣняли его за святость. То же скажу и о водномъ крещеніи. Все это одна петля и старшій братъ хочетъ затянуть насъ въ нее. Онъ уже налагаетъ на насъ бремена неудобноносимыя: по два рубля съ брата въ годъ и по одному рублю съ сестры для своихъ разѣздовъ по братьямъ. А въ *Евангеліи* сказано: не брать съ собой ни денегъ, ни одежды лишней, когда идешь на проповѣдь. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ имѣлъ только одну лошадь, а теперь у него 12. Носить онъ новую одежду и добрую шапку, имѣть двое часовъ, покупаетъ табакъ и курить; заложивши руки въ карманы, ходитъ по базару съ цигаркою въ зубахъ. Испушеніе, да и только, какъ есть настоящій идолъ! Вотъ какъ помогла

ему касса, чаша и водное крещеніе,—эти три веревки на мѣръ. Я уже говорилъ ему (обо всемъ этомъ) наединѣ и при свидѣтеляхъ, а онъ еще выругалъ меня непотребными словами, такъ я-жь его предамъ церкви, и вы тоже, гдѣ только можете, дайте знать по церквамъ о злодѣйствахъ старшаго брата» и пр.

Въ семьѣ не замѣтно деспотизма. Отношенія отцовъ и дѣтей основаны на принципѣ равенства; то же свидѣлствуютъ и о положеніи женщины; однако, въ молитвенныхъ собраніяхъ онѣ не имѣютъ права предлагать своихъ толкованій, а въ семейной жизни, какъ и всюду въ сектантскихъ семьяхъ, извѣстны случаи насилія мужей надъ совѣстью женъ для того, чтобы перевести ихъ въ свою секту (*Прав. Обзор.* 1881 г., стр. 598).

По отношенію къ внѣшнему міру сектанты замкнуты, смотрятъ на церковныхъ свысока; въ общинныхъ дѣлахъ не участвуютъ. Пользуются всякимъ случаемъ кощунствовать и посмѣяться надъ исполненіемъ публичныхъ церковныхъ обрядовъ. Тѣмъ же платятъ имъ и православные: съ шумомъ и гамомъ они врываются на собранія штундистовъ и разгоняютъ послѣднихъ, причѣмъ нерѣдко совершаются самыя возмутительныя безчинства. Было нѣсколько случаевъ, что крестьяне просили о высылкѣ сектантовъ, о переселеніи ихъ изъ своихъ общинъ въ другія мѣста.

И. Харламовъ.

ОСИПЪ ИВАНЫЧЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

— А я пойду мальчиномъ, — говорилъ лысый Осипъ Иванычъ, дѣлая выходъ съ валеа.

— А мы его барышней прикроемъ, — съ улыбкой отзывался старикъ Балуетъ.

— Мала! — хрипло провозглашала майоръ Муштуковъ и непременно покрывала или тузомъ, или козыремъ.

Это было вообще чрезвычайно странно, что у майора всегда карты были лучше, чѣмъ у другихъ: возьметъ взятку изъ-подъ носа, да еще захохочетъ прямо въ лицо Осипу Иванычу. Какъ хотите, это хоть для кого будетъ обидно! Осипъ Иванычъ ворчалъ и морщился, Балуетъ сладко улыбался и только ежилъ плечами, а майоръ продолжалъ хохотать, да еще возьметъ и похлопаетъ Осипа Иваныча по плечу своей волосатой, красной рукой. Четвертымъ партнеромъ неизмѣнно состоялъ Иванъ Петровичъ Чинетти, молчаливый и безотвѣтный человекъ, у котораго всегда были дрянныя карты.

Обыкновенно «винтили» или у майора, на пріискѣ Сарангѣ, или у Осипа Иваныча, на Ягодномъ, потому что тамъ и здѣсь были довольно сносныя пріисковыя конторы: не мочило дождемъ и не очень ужь продувало вѣтромъ. Майоръ былъ чрезвычайно гостеприименъ и всегда принималъ своихъ друзей съ распростертыми объятіями. Осипъ Иванычъ морщился, но тоже дѣлалъ такой видъ, что и онъ радъ гостямъ. Иногда послѣ винта, особенно когда проигрывалъ Осипъ Иванычъ, поднимались горячіе споры, доходили до очень горькихъ истинъ, но потомъ дѣло

улаживалось, благодаря вмѣшательству старика Балужева, который умѣлъ примирить враждующія стороны. Чинетти равнодушно молчалъ или насвистывалъ какую-то неизмѣнную мандолину.

— Этакая эта консисторія жадная до взятокъ! — каламбурилъ майоръ относительно Осипа Иваныча. — Вѣдь, денегъ и безъ того куры не клюютъ, Осипъ Иванычъ, а еще жадничаешь.

— Чужія-то деньги легко считать, а вы свои сосчитайте, — огрызнулся Осипъ Иванычъ, насупивъ свои густыя брови. — Что вы меня, майоръ, взятками тычете? Ну, бралъ, со всѣхъ бралъ, потому что такая была моя должность; всѣ консисторскіе секретари берутъ.

— И съ просвиренъ бралъ?

— И съ просвиренъ... со всѣхъ.

— Натурой, можетъ быть?

— Тьфу!... А вы, майоръ, солдатскіе пайки благороднымъ образомъ прикарманивали, сѣнцо у лошадей, отъ солдатскихъ сапожекъ да разныхъ ремешковъ малую толику присовокупляли... хе-хе!

— Будетъ вамъ, господа, ей-Богу, будетъ-съ, — умолялъ Балужевъ, оправляя свою благородную сѣдину. — Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ!... А чей у насъ ходъ, господа?

Когда майоръ хотѣлъ окончательно взбѣсить Осипа Иваныча, то выходилъ съ короля бубенъ и приговаривалъ: «бѣглый австрійскій архіерей Галактіонъ». Осипъ Иванычъ блѣднѣлъ, бросалъ карты и начиналъ бѣгать по комнатѣ пѣтушкомъ: онъ былъ выгнанъ со службы по третьему пункту за взятку съ какого-то раскольничьяго архіерея. Впрочемъ, майоръ обращался къ этой выходкѣ только въ послѣдней крайности, когда начиналъ проигрывать, что съ нимъ случалось очень рѣдко.

Въ записной книжкѣ Осипа Иваныча, куда онъ, съ аккуратностью настоящаго консисторскаго секретаря, заносилъ всѣ свои расходы, значилось, между прочимъ: «Майору въ отставкѣ Лукѣ Лукичу Муштукову проиграно мною въ разное время бытности на примскѣ Ягодномъ 784 р. 72 к. серебромъ». За этой замѣткой слѣдовала нравственная сентенція: «Игра въ карты есть пагубнѣйшая страсть, которой подвержены очень многіе неглупые умы люди... Господи, не введи мя, многогрѣшнаго, въ искушеніе». Изъ послѣдняго видно, что Осипъ Иванычъ сознавалъ нѣкоторую опасность своего положенія, хотя противустоять искушенію былъ не въ силахъ. Да и какъ уберечься, когда

навалится непастье или начнутся безпросвѣтныя осеннія ночи? День на прискѣ, а вечеромъ или майоръ завернетъ, или Осипъ Иванычъ отправится къ майору.

Въ сущности, майоръ былъ добродушнѣйшій малый, правда, немножко фать, немножко хвастунъ и моть, но гдѣ люди безъ недостатковъ, какъ справедливо разсуждаетъ Осипъ Иванычъ, умудренный жизнью? Общато между майоромъ и Осипомъ Иванычемъ была только лысина, хотя первый не старался скрывать этотъ чувствительный недостатокъ своей наружности и не зализывалъ на макушку жиденькихъ височковъ, какъ это дѣлалъ по праздникамъ Осипъ Иванычъ.

— Что же, братику, пожили въ свою долю; надо и честь знать, — говаривалъ майоръ въ минуту откровенности, хлопая Осипа Иваныча своей пятерней, — это была северная майорская привычка, которая приводила конспиторскаго секретаря даже въ отчаяніе. — И у тебя, Осипъ Иванычъ, лысина-то, поди, не отъ благочестивыхъ мыслей завелась.

— Нѣтъ, ужъ извините, г. майоръ! — протестовалъ Осипъ Иванычъ и обиженно складывалъ свои сморщенные, сухія губы ижицей. — У васъ лысина отъ любострастія, а у меня отъ службы.

— Это когда съ просвирной натурой получалъ?

Осипъ Иванычъ только отплевывался, потому что въ веселомъ настроеніи духа майоръ впадалъ въ явное вольнодумство и даже позволялъ себѣ отзываться о нѣкоторыхъ священнѣхъ предметахъ въ легкомъ шутивомъ тонѣ.

По наружности друзья представляли рѣзкую разницу: майоръ былъ толстъ, румянъ, подвиженъ, любилъ ходить въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ и въ сѣрой курткѣ съ зелеными отворотами, носилъ длинныя усы, любилъ крѣпко поѣсть и еще крѣпче выпить и не пропускалъ ни одной смазливой бабенки, появившейся на прискахъ. Осипъ Иванычъ былъ тонокъ и худъ, малорѣчивъ, всегда чисто брился, ходилъ въ манишкахъ, длинномъ суконномъ сюртукѣ, въ резиновыхъ валочкахъ и обязательно, несмотря ни на какую погоду, съ зонтикомъ въ рукахъ. У майора былъ полонъ ротъ бѣлыхъ, какъ рѣпа, зубовъ, хотя онъ не выпускалъ изъ рта сигары, глаза на выкатѣ и, когда смѣялся, глаза сначала покрывались масломъ, а потомъ какъ-то начинали прыгать, такъ что Осипъ Иванычъ обыкновенно старался въ это время не смотрѣть на майора и отплевывался;

у Осипа Ивановича зубы оставались только напередн, — «жениховскіе», какъ говорилъ майоръ, да и тѣ были гнилые, сѣрые; полинявшіе глазки слезились, хотя смотрѣли очень проникательно.

Старикъ Балувъ выдѣлялся изъ всей компаніи своей благообразной апостольской наружностью, хотя былъ плутъ первѣйшей руки и существовалъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что скупалъ краденое золото съ присковъ своихъ пріятелей. Одѣвался онъ по-купечески: въ рубахи-косоворотки, въ глухіе жилеты и носилъ сапоги бутылкой.

— Знаю, знаю, ангель мой, какъ ты мое-то золото скупаешь, — говорилъ Балуву майоръ. — Ну, признайся... а?...

— Помилуйте, г. майоръ, какъ же я смѣю такіе поступки поступать? — отшучивался Балувъ, разглаживая свою сѣдую овладистую бороду.

Майоръ говорилъ это такъ, шутки ради, совсѣмъ не желая обижать сѣдовласаго старца, потому что и самъ скупалъ чужое золото, какъ его скупалъ и Осипъ Ивановичъ, и всѣ вообще мелкіе золотопромышленники на Уралѣ. «Не я куплю, — все равно другой купить», — говорятъ опытные люди въ этомъ случаѣ.

Четвертый партнеръ по висту, Иванъ Петровичъ, смуглый, чахоточный господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, былъ совсѣмъ неизвѣстный человекъ. На приски его затащилъ Осипъ Ивановичъ, и, какъ увѣрялъ майоръ, прискъ Журавлевскій принадлежалъ тоже секретарю, а Чинетти былъ только подставнымъ лицомъ. Самъ о себѣ этотъ присковый иксъ рассказывалъ очень длинную и совсѣмъ неправдоподобную исторію: онъ былъ наѣздиномъ въ циркѣ, объѣздилъ всю Россію, повихнулъ гдѣ-то ногу и долженъ былъ избрать себѣ другой родъ жизни. Единственной слабостью Чинетти было самое невинное франтовство: надѣнетъ лакированные ботфорты, кургузую курточку, закрутитъ черные усы шильцемъ и выступаетъ по приску, какъ журавль. Майоръ божился, что Чинетти какой-нибудь проворовавшійся маркеръ съ чисто-лакейской фамиліей: Егоровъ, Буликовъ, Норкинъ.

На прискахъ толчется слишкомъ много самаго страннаго люда, такъ что разбирать генеалогію каждаго проходимца положительно не стоитъ. Да и что значить прошлое? У кого нѣтъ ошибокъ, увлеченій, слабостей, маленькихъ и большихъ прегрѣшеній? Майоръ любилъ распространяться на эту тему и даже приходилъ къ нѣкоторымъ философскимъ обобщеніямъ.

— Нужно жить настоящимъ, господа, — проповѣдывалъ онъ, бойко дѣлая мѣлкомъ выкладки на зеленомъ полѣ. И, главное, не надо привыкать ни къ чему: ни къ квартирѣ, ни къ мебели, ни къ женщинѣ, ни къ друзьямъ, ни къ дѣлу... Всѣ мы только гости въ здѣшнемъ брэнномъ мѣрѣ и вся наша жизнь — одно сладкое мгновеніе. Да-съ!

Осипа Иваныча, считавшаго себя очень умнымъ и начитаннымъ человѣкомъ, всегда поражали подобныя выходы майора: вѣдь, совсѣмъ глупый человѣкъ и легкомысленный, а иногда важную умную вещь скажетъ. Старикъ Балувевъ былъ того же мнѣнія, потому что очень интересовался нѣкоторыми отвлеченными вопросами: о душѣ, о первородномъ грѣхѣ, о загробной жизни, о покаяніи. Но душеспасительное направленіе не мѣшало Балувеву держать у себя на пріискѣ двухъ любовницъ, хотя онъ былъ женатый человѣкъ и отецъ семейства.

II.

Пріиски Ягодный, Саранка, Журавлевскій и Кочеть были заброшены въ глубь Уральскихъ горъ, за Богословскіе заводы. Это настоящій угрюмый сѣверъ: высокія горы, глубокія долины и болота безъ конца. Большихъ селеній здѣсь почти не встрѣчается, потому что нѣтъ проѣзжихъ дорогъ; маленькіе поселки жмутся по берегамъ быстрыхъ горныхъ рѣкъ, гдѣ населеніе промышляетъ охотой и рыбной ловлей. Ближайшимъ къ пріискамъ жильемъ была глухая лѣсная деревушка Розвальни; до нея считали всего двѣнадцать верстъ, но проѣхать можно было только верхомъ, да и то не всегда: въ ненастную погоду вода заливала всѣ стлани, рѣчонки выступали изъ береговъ, и только одни записные охотники могли пробраться на пріиски по глухимъ звѣринимъ тропамъ.

Лучшимъ пріискомъ былъ Ягодный, купленный Осипомъ Иванычемъ «по случаю», какъ любилъ онъ покупать. Прежній хозяинъ, открывшій Ягодный, разорился и умеръ, а пріискъ пошелъ съ аукціона. Мѣсто было вѣрное, разсыпное золото налицо, но чтобы взять его, нужно было произвести большія затраты: поставить паровыя машины, бутары, водовачки, водоотводныя канавы и т. д. У Осипа Иваныча были деньги, и довольно кругленькая сумма. Потерпѣвъ крушеніе на консисторской службѣ, онъ рѣшился пустить ихъ въ оборотъ, благо предпріятіе пред-

ставлялось вѣрное, какъ увѣряли люди самые надежные; прошедшіе въ золотомъ дѣлѣ сквозь огонь и воду. Вся бѣда заключалась только въ томъ, что у такихъ опытныхъ вѣрныхъ людей какъ-то никогда не бываетъ денегъ, а у Осипа Иваныча деньги были: всего-то нужно было заплатить за вѣрный пріискъ 8—10 тысячъ рублей. И Осипъ Иванычъ заплатилъ.

Когда онъ пріѣхалъ верхомъ на вновь пріобрѣтенное по случаю сокровище, его разобрала такая тоска, что онъ чуть не бросилъ всего дѣла. Майоръ увѣрялъ, что это происходило отъ непривычки ѣздить верхомъ по болотамъ, а самъ Осипъ Иванычъ жаловался на комаровъ и болотную мошквару, которые буквально не давали покоя ни днемъ, ни ночью. Рабочіе должны были работать въ дегтярныхъ сѣткахъ и съ дымокурками на поясѣ. Такия же дымокурки ставились въ балаганахъ и въ всякомъ другомъ жильѣ, чтобы отгонять страшнаго врага; даже когда играли въ вистъ, и то ставили подъ столъ дымокурку. Непривычный человекъ, конечно, убѣждалъ бы, куда глаза глядятъ, но привычка великое дѣло.

— Я сначала даже плакалъ, ей-Богу, — увѣрялъ майоръ. — Отъ комаровъ плакалъ! Какъ это вамъ понравится?

Ягодный пріискъ занималъ глубокой лѣсистый логъ, сдавленный каменными кручами; по дну лога бѣжала холодная и бурливая рѣчушка Безымянка, выступавшая изъ береговъ при первомъ ливнѣ. Пріискъ контора, срубленная въ пять стѣнъ изъ бондоваго лѣса, стояла на каменистомъ мыскѣ, выступившемъ въ середину пріиска, такъ что Осипъ Иванычъ могъ видѣть изъ окна, что дѣлается въ обоихъ концахъ его владѣній. Налѣво изъ глубокаго разрѣза добывались золотоносные пески, направо желтѣль небольшой прудокъ, изъ котораго вода проводилась къ бутарѣ, гдѣ производились промывки. Осипъ Иванычъ любилъ по цѣлымъ часамъ наблюдать, какъ рабочіе изъ разрѣза отвозили пустую верхнюю породу въ громадные отвалы и какъ мимо его конторы катились пріискковыя таратайки съ золотоноснымъ пескомъ къ бутарѣ. Въ нижнемъ концѣ разрѣза поспыхивала паровая машина, откачивавшая воду. Вообще пріискъ былъ устроенъ на широкую ногу и вся розсыпь развѣдана съ самаго начала шпурфами, какъ шахматная доска. Золото было вѣрное и Осипъ Иванычъ съ спокойной душой ждалъ большихъ прибылей.

— Надо бы хорошенькую взяточку взять, — шутилъ онъ, когда выигрывалъ съ майора двугривенный. — Съ людей грѣшно

взяты брать, а изъ земли не возбранено, дабы втуне не пропададо благословеніе Божіе.

Пріискъ Журавлевскій былъ въ двухъ верстахъ отъ Ягоднаго по той же рѣчкѣ Безымянкѣ, а майорская Саранка—верстахъ въ четырехъ, сейчасъ за Пихтовой горой, которую видно было изъ конторы Осипа Иваныча всю, какъ на ладони. Балуетскій пріискъ Кочеть занималъ центръ этого треугольника, такъ что ему одинаково близко было скупать золото со всѣхъ трехъ пріисковъ.

Внутренность конторы на Ягодномъ капитальной стѣнной дѣлилась на двѣ половины: въ одной жилъ главный штейгеръ, а въ другой самъ Осипъ Иванычъ. Эта хозяйская половина представляла изъ себя высокую, свѣтлую комнату въ три окна. На полу лежала сѣрая кошма, у внутренней стѣны помѣщалась складная желѣзная кровать, превращавшаяся, по желанію хозяина, въ диванъ, у одного окна простой деревянный столъ, въ углу желѣзная касса; на стѣнѣ висѣли желѣзное копьѣ и револьверъ, плохая гравюра изъ священной исторіи и небольшой деревянный шкафикъ съ цѣлебными настойками на разныхъ мудреныхъ травахъ. Нѣсколько деревянныхъ сундуковъ и три стула дополняли эту скромную обстановку. Хотя Осипъ Иванычъ могъ бы устроиться гораздо комфортабельнѣе, но, какъ всѣ старые холостяки, онъ былъ немного скупенекъ.

— Знаешь, чего у тебя не достаетъ? — говорилъ нѣсколько разъ откровенный майоръ, когда пріѣзжалъ на Ягодный. — Жены, голубчикъ мой... Ну, что ты теперь живешь? Пусто, непріятно, консисторія какая-то... А то пріѣхали бы мы къ тебѣ въ гости, вдругъ жена выходитъ, самоварчикъ, варенье...

— Жена—дѣло серьезное, г. майоръ,—отвѣчалъ Осипъ Иванычъ самымъ серьезнымъ тономъ,—этимъ шутить нельзя-съ... Когда я еще былъ на службѣ, протопопица Секундова довольно прозрачно намекала мнѣ на возможность брака съ одной изъ ея семи дочерей, но я противустоялъ женскому искушенію. Вотъ устроюсь немножко, тогда можно будетъ уже серьезно размыслить о семь тонкомъ предметѣ.

— Это когда съѣшь послѣдніе зубы? Дудки, братъ! Надо, чтобы человекъ былъ въ полномъ соку, чтобы у него играла каждая жилка. Я такъ понимаю это дѣло, голубчикъ.

— А вы сами?...

— Ну, это ужъ совсѣмъ особенная штука. А, все-таки, я исполнилъ долгъ гражданина, женатъ. Положимъ, жена не жи-

ветъ со мной... гм... но, вѣдь, я военный человѣкъ, прови во мнѣ на десять женъ хватить, ну, и не тово... не сошлись характерами. Доведись до меня самого, то я никогда не согласился бы быть своей женой... ха-ха!... Губительныя страсти, государь мой, завлекли меня въ эту трущобу.

— Страсти свойственны каждому человѣку, г. майоръ, но все произошло отъ вашего легкомыслія... да. Это предметъ серьезный...

На особой полочкѣ у Осипа Ивановича помѣщалась цѣлая библіотека душеспасительныхъ книгъ, и онъ любилъ почитать что-нибудь божественное, особенно на сонъ грядущій. Иногда онъ читалъ вслухъ, и единственнымъ его слушателемъ являлся безотвѣтный Чинетти, котораго онъ непремѣнно желалъ обратить въ православіе. Особенно Осипъ Ивановичъ любилъ читать житіе преподобнаго Ефрема Сирина и даже проливалъ слезы невольнаго умиленія, сравнивая свое окаянство съ подвигами пустынножителей и великихъ угодниковъ. Если бы не проклятый майоръ, Осипъ Ивановичъ велъ бы, навѣрное, жизнь вполне богоугодную.

Нужно сказать, что Осипъ Ивановичъ былъ человѣкъ необыкновенно степенный и недаромъ сумѣлъ выбиться въ люди изъ состоянія полного ничтожества. Онъ съ дней зеленой юности мечталъ о своемъ семейномъ очагѣ, о кругленькой бабенкѣ, о ребятишкахъ. Конечно, ему представлялось много случаевъ жениться, но онъ всегда уклонялся, выжидая вполне обезпеченнаго положенія, чтобы дѣти послѣ могли помянуть его хорошимъ словомъ. Въ послѣдніе дни своей консисторской службы онъ чуть-чуть не женился на одной изъ протопопицныхъ дочерей, но разразившаяся надъ его головой катастрофа разстроила всѣ его планы: во-первыхъ, ему невозможно было оставаться въ томъ городѣ, гдѣ его репутація была опорочена безповоротно, а, во-вторыхъ, приходилось проживать уже нажитое. Женитьба въ такомъ положеніи привела бы къ неизбѣжной гибели. Осипъ Ивановичъ предпочелъ удалиться въ глубину Уральскихъ горъ, чтобы тамъ взять у судьбы послѣднюю свою взяточку.

Часто, ложась спать, Осипъ Ивановичъ впадалъ въ очень грустное настроеніе: ему мерещилась молодая жена, дѣтскія розовыя личики, свой теплый уголокъ, и онъ тяжело вздыхалъ и завертывался въ свое одѣяло съ головой. Легкомысленныя рѣчи и глупыя намеки майора всегда коробили Осипа Ивановича, потому что развѣ можно такъ говорить о женщинахъ? Особенно возму-

тилъ майоръ въ послѣдній разъ: ввалился въ комнату Осипа Иваныча въ своихъ грязныхъ сапожникахъ, задымилъ сигару и, подмигнувъ круглымъ глазомъ, заявилъ:

— Ну, братику, и бабець...

Майоръ взмахнулъ въ воздухѣ волосатой рукой, зажмурился, какъ котъ, свои круглые глаза и поцѣловалъ кончики пальцевъ, — жестъ, какъ хотите, самый легкомысленный, что и замѣтилъ Осипъ Иванычъ.

— Нѣтъ, ты представь себѣ, — продолжалъ майоръ, не слушая его, — третьяго дня приѣзжаю въ Розвальни... знаешь, какая яма: всю въ карманъ положишь... и вдругъ... нѣтъ, ты только представь себѣ: вывѣска, а на вывѣскѣ: «мелочная торговля». Ха-ха! Естественно, я туда. Отворяю дверь, а она тутъ, какъ тутъ, это хозяйка, значить, лавчонки. И бабенка!... По-знакомился, конечно, то, се, ничего, за словомъ въ карманъ не лѣзеть, а что касается дальнѣйшаго — ни-ни, даже разсердилась на меня... Главное, странно то, что эта Марья — Марьей ее звать — дѣвушка совсѣмъ одинокая, и забралась въ такую трущобу. То есть рѣшительно ничего не понимаю... Но я тебѣ скажу по секрету: не будь я майоромъ, если эта Марья не будетъ у меня на Саранкѣ. Да-съ... Чортъ возьми, майоръ еще постоитъ за себя!

— Что вы хотите сказать этимъ?

— А то, что я буду дуракомъ, если пропущу такую лакомую штучку! Балуевъ ужь пронюхалъ про нее, и вотъ посмотри, какъ начнетъ подъѣзжать. Ха-ха! Но майора трудно провести, чортъ мою душу возьми!

Эта откровенность возмутила Осипа Иваныча до глубины души: намѣренія майора слишкомъ очевидны, и онъ серьезно замѣтилъ этому погрязшему въ грѣхъ человѣку, что даже думать въ такомъ родѣ неприлично, а тѣмъ болѣе высказывать такія мысли открыто, даже съ нѣкоторой хвастливостью.

— Ну, братику, я считалъ тебя гораздо умнѣе, — отвѣтилъ илумленный майоръ и прибавилъ: — по настоящему своему расположенію къ тебѣ, Осипъ Иванычъ, я даже хотѣлъ предложить свои услуги, если бы у тебя явилось нѣкоторое вождельніе...

— Довольно, г. майоръ, — рѣшительно заявилъ Осипъ Иванычъ и даже поблѣднѣлъ отъ охватившей его ярости. — Довольно-съ... я не позволю-съ, да-съ, не позволю-съ!.. Вы оскорбляете меня!

Майоръ страшно вытаращилъ глаза, поднялъ плечи, махнулъ рукой, плюнулъ и, не простившись съ сумасшедшимъ старикомъ, уѣхалъ домой.

III.

Дружба между майоромъ и Осипомъ Ивановичемъ порвалась, какъ туго натянутая нитка. Майоръ, получивъ неожиданный афронтъ со стороны секретаря, золотилъ его на всѣ корки.

— А я радъ... весьма радъ, — заявлялъ съ своей стороны Осипъ Ивановичъ, когда ему передавали разныя выходки майора. — Помилуйте, сколько я однѣхъ денегъ проигралъ этому майору, а, кромѣ того, каждый разъ, какъ прїѣдетъ въ гости, непременно вытребуешь графинчикъ коньяку. А развѣ у меня гостинница въ бонторѣ? Чай тоже примется пить—крѣпкій ему наливай, всегда сахаръ въ накладку, да еще рому набухаетъ. Нѣтъ, я такъ не могу и очень радъ, что развязался съ этимъ пѣтухомъ.

Даже равнодушный, кажется, ко всему Чинетти, и тотъ принялъ нѣкоторое участіе въ этой распрѣ, по крайней мѣрѣ, все, что зналъ Осипъ Ивановичъ про ругательства и насмѣшки майора, приносилось на Ягодный Чинетти.

— Ну, а какъ онъ (Осипъ Ивановичъ въ нѣкоторыхъ деликатныхъ случаяхъ называлъ майора просто «онъ») ѣздитъ въ Розвальни?—спрашивалъ секретарь своего благопрїятеля. — Тамъ эта дѣвка какая-то заведась... Марьей звать...

— И не дѣвка, и не какая-то, Осипъ Ивановичъ, и не Марья, а очень почтенная дѣвица Марья Ивановна... да-съ.

— Онъ, все-таки, ѣздитъ туда?

— Ѣздитъ.

— И Балувевъ ѣздитъ?

— Балувевъ-то, пожалуй, чаще ѣздитъ. Такъ и лѣзутъ къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Ну, а что же она?

— Что же имъ дѣлать, Осипъ Ивановичъ? Дѣвичье дѣло, все-таки, совѣстно... А майоръ, сами знаете, развеселится да такое словечко отвѣситъ, что чертямъ тошно.

— Такъ, такъ... Значить, эта Марья Ивановна не какая-нибудь этакая-такая?

— Нѣтъ, онѣ даже весьма соблюдаютъ себя...

Въ головѣ Осипа Ивановича неожиданно сложился великолѣпный планъ, о которомъ онъ не говорилъ даже Чинетти.

Въ одно прекрасное утро Осипъ Иванычъ велѣлъ пораньше осѣд-
лать себѣ лошадь и отправился въ Розвальни совершенно одинъ.
На приискѣ онъ сказалъ, что ѣдетъ по хозяйственнымъ дѣламъ,
какъ рассказывалъ послѣ штейгеръ.

Дѣло было въ июнѣ, т.-е. сейчасъ послѣ спада вешней по-
лой воды, когда можно было проѣхать въ Розвальни лѣтникомъ.
Поздняя сѣверная весна была еще въ полномъ разгарѣ и вездѣ
весело топорицилась свѣжая зеленая травка, распускалась липа,
набирала свой душистый цвѣтъ черемуха. Даже вѣчно угрюмыя
ели и пихты, и тѣ пустили бархатную мочку, точно каждая вѣ-
точка была увѣшана свѣтлозелеными сережками. Хорошо было
теперь въ лѣсу, да и настоящій оводъ еще не успѣлъ наро-
диться, хотя въ низкихъ мѣстахъ, надъ ржавыми болотинами
уже стонъ стоялъ отъ толпившейся здѣсь болотной мошкеры.
Осипъ Иванычъ былъ въ самомъ хорошемъ настроеніи духа,
весело поглядывалъ на зеленныя горы, на болото, на голубое
бирюзовое небо и даже замурлыкалъ какую-то мудреную стихи-
ру изъ партесныхъ, которую пѣвалъ прежде вмѣстѣ съ дочере-
ми протопопицы Секундовой. Было, правда, одно сомнительное
мѣсто — это какъ разъ только отъѣдешь версты полторы отъ
Ягоднаго, будетъ ложокъ, а сбоку, въ полугорѣ и выпадетъ из-
вилистая лѣсная дорожка, которая ведетъ на майорскую Сарангу.
Осипъ Иванычъ почему-то боялся встрѣчи съ майоромъ, кото-
рый точно долженъ былъ дожидаться его на розстанѣ*), но дѣло
обошлось благополучно: дорожка была пуста и даже слѣдовъ
свѣжихъ не было замѣтно. А солнце такъ свѣтило любовно и
горячо, въ лѣсу заливались птицы, въ воздухѣ стояла аромат-
ная смолистая струя.

Дорогу до Розвальней въ три года приисковой жизни Осипъ
Иванычъ изучилъ какъ свои пять пальцевъ. Отъ Ягоднаго она
идетъ все ложками, по гатамъ и стланиямъ, потомъ поворотка на
Сарангу, дальше пойдутъ вставать крутыя горки съ камени-
стыми пиханами, на половинѣ бродъ черезъ рѣчку Черную, ко-
торая разливается въ топкихъ, болотистыхъ берегахъ; отъ Чер-
ной до Розвальней дорога идетъ все горой, по крутому увалу,
заросшему ельникомъ и лиственью. Въ хорошую погоду до Роз-
вальней два часа ѣзды верхомъ, и Осипъ Иванычъ много ус-
пѣлъ передумать за это время, какъ вообще случается думать

*) Розстанью на Уралѣ называются перекрестки дорогъ, отъ сл. разставаться.

всякому въ дорогѣ. Вспомнилось ему и дѣтство, и мудреное ученье, и служба. Чего, чего онъ не претерпѣлъ на своемъ вѣку! Росъ онъ сиротой, отецъ былъ дьячкомъ и послѣ себя оставил семерыхъ дѣтей; потомъ слѣдовала бурса, которой преодолѣть до конца Осипъ Иванычъ не могъ. Онъ вышелъ изъ философіи и поступилъ на службу въ консисторію на полтора рубля жалованья и тянулъ ляжку цѣлыхъ тридцать лѣтъ, пока не дослужился до 12 р. жалованья. Да, это было самое большое жалованье, а еще корять взятками, хотя, конечно... Кажется, вотъ за этимъ угоромъ сейчасъ и Розвальни? Да, точно, вонъ и «перемѣны» *) розваленскихъ мужиковъ, и первыя избушки, и деревянная церковка съ почернѣвшимъ крестомъ.

Розвальни была самая глухая деревушка, какую только можно себя представить; она точно заблудилась въ глуши уральскаго лѣса и раскидала свои почернѣвшія избушки по краю ржавой болотины. У первыхъ поселенцевъ не было толку поставить избы куда-нибудь къ рѣкѣ: нѣтъ, сѣли прямо на болото, и дѣлу конецъ. Всѣхъ избъ было десятка три, и онѣ разсажались, какъ растутъ грибы въ лѣсу: гдѣ торчитъ одна, гдѣ три, гдѣ пять. Строился всякій, какъ хотѣлъ, и Осипъ Иванычъ называлъ эту деревню чортовой городьбой. Розвальни пользовались плохой репутаціей, благодаря сосѣдству золотыхъ промысловъ: мужики пьянствовали, бабы и дѣвки баловались съ присковыми рабочими.

Осипъ Иванычъ отыскалъ глазами вывѣску Марья Ивановны и прямо подѣхалъ къ новой лавочкѣ. Это была простая деревенская изба, стоявшая противъ церкви; на крышѣ была поставлена голубая вывѣска съ золотыми словами, а въ воротахъ продѣланъ изъ свѣжаго теса ходъ въ лавочку.

— Ишь ты, какая машина! — улыбнулся Осипъ Иванычъ.

Онъ привязалъ лошадь къ веревѣ и, не торопясь, вошелъ въ лавочку. Марья Ивановна сидѣла за прилавкомъ съ какимъ-то шитьемъ въ рукахъ и привѣтливо поклонилась покупателю. Осипъ Иванычъ немного смутился, когда увидѣлъ эту высокую, красивую дѣвушку съ большими темными глазами и тяжелой русой косой. Да, это была писаная красавица: высокая, стройная, съ могучей грудью, только лицо у нея было какое-то блѣдное, а красивыя губы сложены совсѣмъ строго, по-монашески.

*) Перемѣнами назывались обнесенные изгородью покосы.

— На перепутьи заѣхалъ къ вамъ, Марья Ивановна, — заявилъ Осипъ Иванычъ, съ развязностью разглядывая разложенный на полкахъ разный товаръ: папирсы, спички, ситецъ, чай, конфеты и т. д.

— Очень рада. Садитесь, — просто отвѣчала Марья Ивановна и сейчасъ же уткнула носъ въ работу. — Вы не отъ майора ли?

— Ахъ, нѣтъ, сударыня, г. майоръ сами по себѣ, а я самъ по себѣ. Они на Саранкѣ, а я на Ягодномъ-съ... Да-съ! Меня зовутъ Осипомъ Ивановичемъ Померанцевымъ.

— Иосифомъ? — переспросила Марья Ивановна, оставляя работу.

— Точно такъ, а сокращенно: Осипъ. Такъ-съ... такъ-съ... Вотъ въ какую глушь вы забрались, Марья Ивановна. Далеконько-съ... хе-хе!...

— Ничего, вездѣ люди живутъ, Осипъ Иванычъ.

— Совершенно вѣрно-съ. А мнѣ, знаете, нужно было въ Розвальняхъ одно дѣльце оборудовать, увидалъ вашу лавочку, дай, думаю, заверну. Извините за нескромный вопросъ: вы откуда въ нашихъ-то палестинахъ проявились?

— Я дальняя... изъ Нижегородской губерніи, — съ улыбкой отвѣчала Марья Ивановна и посмотрѣла въ глаза Осипу Иванычу.

Говорила она нараспѣвъ и какъ-то особенно мило, по-дѣтски растягивала послѣднія слова фразы, да и голосъ у ней былъ такой грудной, полный, съ ласковыми контральтовыми нотками.

— Вотъ какъ-съ... — глубокомысленно замѣтилъ Осипъ Иванычъ и еще разъ внимательно осмотрѣлъ всю лавочку. — Далеконько-таки... Родственниковъ, можетъ быть, имѣете гдѣ-нибудь по близости?

— Нѣтъ, я одна...

«Вреть; навѣрное, хоть братъ двоюродный есть, — усомнился про себя опытный Осипъ Иванычъ. — Навѣрное, братъ есть... Знаемъ мы вашего брата, смиренницъ!»

— Что вы такъ на меня смотрите? — спросила Марья Ивановна, замѣтивъ на себѣ испытующій взглядъ Осипа Иваныча, и засмѣялась; очень ужъ хорошо она смѣялась: на подбородкѣ ямочки, на щекахъ ямочки, а лукавый глазъ такъ въ душу и смотреть.

— Одной дѣвицѣ это весьма опасно, т. е. одной-съ... — довольно строго замѣтилъ Осипъ Иванычъ.

— А почему вы знаете, что я дѣвица?

— Слухожь земля полнится, — смущенно замѣтилъ Осипъ Ивановичъ, сболтнувшій не кстати, и, чтобы поправиться, прибавилъ еще съ большею строгостью: — трудно, сударыня, по молодости лѣтъ себя соблюсти, и при красотѣ лица бываетъ большою соблазнъ. Извините меня, старика, я говорю откровенно, что думаю...

— Спасибо... Другіе ко мнѣ не такъ относятся, какъ вы.

Осипу Ивановичу показалось, что у дѣвушки блеснули слезы на глазахъ.

— Да-съ, другіе будутъ вамъ расточать словеса лукавствія, сплетать лести, а я прямо правду, — прибавилъ онъ. — Бываютъ даже люди военнаго званія, которые готовы погубить человѣка изъ-за своей прихоти, а я только правду говорю.

— Это вы про майора намекаете? — засмѣялась Марья Ивановна.

— Хотя бы и про г. майора... ну, и старецъ здѣсь есть, Балувевъ... можетъ быть, изводите знать?...

— Да, онъ часто заѣзжаетъ ко мнѣ и надобль.

— Вотъ, вотъ... но я больше про г. майора... Передъ вами нѣкоторые будутъ расточать лести, а за глаза будутъ клеветать, что вы якобы пріѣхали въ Розвальни скупать наше золото. Я не вѣрю, но уже говорятъ. Вы извините меня, старика, что я прямо говорю, безъ лести.

Знакомство завязалось очень быстро. Марья Ивановна отнеслась къ Осипу Ивановичу съ особенной трогательной довѣрчивостью и даже пригласила его выпить чаю къ себѣ въ комнату, куда ни майоръ, ни Балувевъ, несмотря на свое ласкательство, не были ни разу допущены. Комнатка была крошечная, едва двоимъ повернуться. У стѣны кровать съ бѣлыми подушками и бѣлымъ покрываломъ, у окна столикъ, покрытый вязаной салфеткой (эта салфетка немного кольнула Осипа Ивановича: точно такія же салфетки были у протопопицы Секундовой), желѣзный сундукъ, зеркальце на стѣнѣ и какія-то книги на полочкѣ.

— Это у васъ что за книжки? Можно полюбопытствовать? — спросилъ Осипъ Ивановичъ, кажется, еще въ первый разъ въ жизни попавшій въ дѣвичью комнату.

— Божественныя, Осипъ Ивановичъ... библія, евангеліе, житія святыхъ.

— Вотъ какъ-съ!... Кто же сіи книги читаетъ у васъ?

— Да я сама читаю... Теперь на пророкъ Исаіѣ остано-
вилась; я люблю его больше всѣхъ пророковъ.

— Очень похвально, Марья Ивановна, очень похвально... одобряю.

Самоваръ Марья Ивановна ставила сама, а принесъ его въ комнату какой-то сѣдой, суровый старикъ, глядѣвшій на гости изподлобья.

— Это кто такой будетъ?—полюбопытствовалъ Осипъ Ива-
нычъ.

— Это такъ... старичекъ одинъ. Неловко одной совсѣмъ,
все же торговля, всякій народъ бываетъ, Осипъ Иванычъ.

— Весьма одобряю... весьма. Какая у васъ славная ком-
натка, Марья Ивановна!

Эта похвала заставила Марью Ивановну немного покраснѣть, и она даже спрятала раскраснѣвшееся лицо за самоваромъ, что еще болѣе понравилось Осипу Иванычу: настоящая благоправ-
ная дѣвица должна краснѣть отъ похвалы; это законъ природы.

— Занавѣсочки... хе-хе!... кровать... сундучекъ...—
продолжалъ старикъ, ухмыляясь.—Чистота вездѣ... сіе подоба-
етъ благоправной дѣвицѣ, ибо чистота виѣшняя знаменуетъ чи-
стоту тѣлесную, а чистота тѣлесная—чистоту душевную. Въ дѣ-
вицѣ дороже всего непорочность, сберегающая неоцѣнимое со-
кровище...

Марья Ивановна, чтобы удобнѣе разливать чай, поправила
висейные рукава своей рубашки выше локтя, и Осипъ Иванычъ,
говоря о неоцѣнимомъ сокровищѣ дѣвичьей непорочности, замѣ-
тилъ, что руки у Марьи Ивановны бѣлыя, нѣжныя, съ розовы-
ми ямочками на локтяхъ. Она была одѣта въ синій сарафанъ и
висейную рубашку; расшитый полотняный бѣлый передникъ цѣ-
ломудренно былъ подвѣзанъ подъ самыя мышки.

— Я чай пью въ прикуску, —предупредилъ Осипъ Иванычъ,
когда Марья Ивановна хотѣла положить сахаръ въ стаканъ.

— И я тоже въ прикуску. Это гораздо экономнѣе, не прав-
да ли?

— О, совершенно вѣрно, совершенно вѣрно... Такая моло-
дая дѣвица и такъ благоразумно рассуждаетъ, одобряю! —вос-
торгался Осипъ Иванычъ.—Вотъ если бы вамъ еще, Марья Ива-
новна, надлежащую подпору обрѣсти въ лицѣ солиднаго мужа,

который могъ бы и руководить вами, и защитить, и наставить васъ, и поберечь... хе-хе-хе!

Марья Ивановна онять такъ глянула на своего гостя, что Осипъ Иванычъ чуть не выронилъ блюдечка съ чаежъ, отрицательно покачала головой и совершенно серьезно проговорила:

— Нѣтъ, я не думаю идти замужъ... Какіе нынче мужья, Осипъ Иванычъ? Или пьяница, или дуракъ, или еще того хуже.

— Какъ, напримѣръ, г. майоръ? О, совершенно вѣрно... хе-хе! Да вы, барышня, себѣ на умъ, съ ноготкомъ. А если бы нашлся человекъ серьезный... хе-хе... а? Извините меня, старика, за болтовню.

— Какой же вы старикъ, Осипъ Иванычъ?

— А вы какъ полагаете?

— Я? Просто степенный и солидный человекъ... сразу видно. Развѣ я поведу къ себѣ въ комнату майора или Балугева?

IV.

Можно себѣ представить глубокое изумленіе майора Муштукова и чувство справедливаго негодованія, когда онъ узналъ о похожденияхъ Осипа Иваныча, и, мало того, что Марья Ивановна оказываетъ ему явное предпочтеніе сравнительно съ другими претендентами и, прежде всего, сравнительно съ нимъ, самимъ майоромъ Муштуковымъ. Какая-нибудь консисторская затычка, старая тряпка, церковная крыса, и онъ, майоръ... Нѣтъ, майоръ никогда не чувствовалъ себя настолько униженнымъ со стороны женщинъ.

— Повѣрьте мнѣ, Тихонъ Матвѣичъ, я отлично знаю, что такое женщина,—увѣрялъ онъ старика Балугева, схвативъ его за плечо.— Чортъ возьми! Могу сказать только одно, что всѣ женщины ходятъ другъ на друга, какъ капли воды, даже хитрость, кокетство, капризы и глупости у нихъ одни и тѣ же. Да-съ...

— Однако, вотъ насчетъ Марьи-то Ивановны вы большого маху дали: Осипъ Иванычъ дорожку перебѣжалъ...

— Осипъ Иванычъ? Ну, и пусть Машка цѣлуется съ этимъ уродомъ: все ей... Я знаю, она хочетъ его козой обдѣлать: насышалась, что у стараго деньги, и подманиваетъ его: цыпъ, цыпъ, цыпъ!... Извѣстная политика-то, а потомъ обереть, какъ липку, и слѣдъ простылъ.

Майоръ былъ горячій человѣкъ и первымъ дѣломъ полетѣлъ въ Розвальни, чтобы произвести слѣдствіе на мѣстѣ. Марья Ивановна встрѣтила его какъ ни въ чемъ не бывало: вѣжливо, но съ холоднымъ достоинствомъ.

— Марья, ты это что же, голубушка, придумала?... а?—загремѣлъ майоръ, не здороваясь и не снимая своей фуражки съ краснымъ околышемъ.

— Что вамъ угодно, г. майоръ?—сухо спросила, въ свою очередь, Марья Ивановна, не шевельнувъ бровью.

— Что угодно! — передразнилъ майоръ, бросая фуражку на прилавокъ.—А зачѣмъ ты старичонка этого околпачиваешь? Я, матушка, все знаю, все... меня не проведешь!

— Я и не думала никого проводить, г. майоръ, и только прошу васъ оставить меня въ покоѣ. До свиданія!

Марья Ивановна повернулася, хлопнула дверью подъ самымъ носомъ у майора, да и не показала больше, какъ онъ ее ни упрашивалъ. Майоръ вернулся къ себѣ на Саранку ни съ чѣмъ и только сердито проговорилъ:

— Это чортъ, а не дѣвка... Я ей же добра желалъ.

Нужно сказать, что майоръ противъ желанія сослужилъ большую службу Марья Ивановнѣ: у ней въ каморочкѣ сидѣлъ Осипъ Иванычъ, когда майоръ гремѣлъ въ лавочкѣ. Она вернулась къ себѣ въ комнату блѣдная и такая огорченная, со слезами на глазахъ, такъ что Осипу Иванычу сдѣлалось ее жаль, какъ родную дочь.

— Все изъ-за васъ,—проговорила Марья Ивановна, глотая слезы.

— Слышалъ-съ,—смиренно отозвался Осипъ Иванычъ, пригладивая височки.—Неистовый человѣкъ, и больше ничего. Вы не обращайтесь на него никакого вниманія, Марья Ивановна.

— Да, хорошо вамъ говорить!—совсѣмъ ужъ расплакалась Марья Ивановна.—Развѣ я что-нибудь сдѣлала ему или вамъ? Конечно, я одинокая дѣвушка и меня всякій можетъ обидѣть, а только я не дурная дѣвушка.

— Марья Ивановна, что вы это говорите? Кто же считаетъ васъ за дурную дѣвушку? Напротивъ, г. майоръ дѣлаетъ вамъ непріятности просто изъ зависти... да-съ. Это ужасный человѣкъ, Марья Ивановна...

Положеніе Осипа Иваныча вышло чертовски-критическое, какъ говорилъ майоръ: чуть не на груди у него плакала прехорошень-

кая дѣвушка, а слабая женская рука искала опоры въ своей женской немощи. Нужно замѣтить, что Осипъ Ивановичъ вообще не переносилъ женскихъ слезъ. Можетъ быть, это происходило оттого, что ему приходилось видѣть слишкомъ много такихъ слезъ въ консисторіи, когда онъ бралъ жаренымъ и варенымъ съ просвиренъ и разныхъ вдовицъ духовнаго званія. Но какое сравненіе: тамъ были слезы тщетно вопіявшей нищеты, а здѣсь плакалась прелестная дѣвственница, непорочная горлянка... И кто же былъ виной этихъ слезъ? Конечно, онъ, Осипъ Ивановичъ, который получилъ преферансъ передъ другими искателями. Бѣдная дѣвушка не стыдилась плакать передъ нимъ же, орошая росой довѣрія его старое консисторское сердце. Да, нужно было быть чудовищемъ, чтобы не почувствовать нѣкоторой ответственности за свое исключительное положеніе, хотя Осипъ Ивановичъ, все-таки, не выдалъ себя сразу, а ограничился нѣсколькими нравственными сентенціями, высказанными отеческимъ тономъ.

Однимъ словомъ, Осипъ Ивановичъ крѣпко задумался и ему все мерещилось заплаканное дѣвичье лицо, которое отъ слезъ сдѣлалось еще кривѣе. Испушеніе было сильное, хотя Осипъ Ивановичъ понималъ, что бѣгать испушенія—самое постыдное проявленіе гнуснаго малодушія. Напротивъ, съ испушеніемъ нужно бороться его же оружіемъ, и Осипъ Ивановичъ сталъ посѣщать Розвальни чаще прежняго, читалъ съ Марьей Ивановной душеполезныя книги и, по возможности, укрѣплялъ эту молодую душу, колебавшуюся, какъ трость въ пустынѣ. Въ этомъ христіанскомъ подвигѣ Осипъ Ивановичъ дошелъ до полнаго самоотреченія, потому что совсѣмъ началъ забывать о себѣ, а думалъ только о ней, о Марьѣ Ивановнѣ, желая спасти ее отъ дьявольскихъ происковъ.

Но и майоръ не дремалъ. Онъ, съ своей стороны, тоже принималъ мѣры и распустилъ про Осипа Иваныча слухи.

Все, что говорилъ майоръ, доносилось до Осипа Иваныча и, конечно, доносилось въ приукрашенномъ видѣ, что еще сильнѣе возбуждало его христіанское смиреніе.

— Злоба и коварство людей есть удѣлъ чловѣка,—наставительно говорилъ онъ Чинетти.

— Все-таки, Осипъ Ивановичъ, какъ же это г. майоръ позволяетъ себѣ подобныя выходки?

— Я лично за себя не жалуясь... нѣтъ, и даже не ропщу, но больно то, что изъ-за меня топчется въ грязь дѣвичья честь. Да-съ...

Марья Ивановна никогда не намекала ни единымъ словомъ, что она что-нибудь знаетъ о майорскомъ злословіи, хотя Осипъ Иванычъ по сосредоточенно-покорному выраженію ея лица чувствовалъ, что она все знаетъ, и невольно смущался. Эта кротость и величіе женской души приводили Осипа Иваныча въ невольное умиленіе и онъ не безъ основанія приходилъ къ тому заключенію, что въ этой красотѣ женской души есть капля и его меду.

Это мирное теченіе дѣлъ чуть было не нарушилось совершенно неожиданной катастрофой: разъ въ июлѣ Осипъ Иванычъ подъѣзжаетъ верхомъ къ знакомой избушкѣ, входитъ въ лавочку и видитъ, что товары убраны и завязаны. На полу стояло нѣсколько деревянныхъ ящиковъ, перевязанныхъ веревками по дорожному. Старикъ обомлѣлъ.

— Уѣзжаю...—заявила Марья Ивановна и съ кроткой покорностью опустила заплаканные глаза. — Я больше не могу, Осипъ Иванычъ, г. майоръ и про васъ, и про меня говорить Богъ знаетъ что.

— То-есть позвольте, какъ же это уѣзжаете? — разсѣянно лепеталъ Осипъ Ивановичъ, удерживая въ своихъ рукахъ теплую, бѣлую руку Марьи Ивановны.—Нѣтъ-съ, это дѣло необходимо обсудить...

— Что же тутъ обсуждать? — настойчиво возражала Марья Ивановна.—Я думала торговать въ Розвальняхъ, рассчитывала на прински, а, между тѣмъ, г. майоръ и Балугевъ запретили рабочимъ покупать у меня. Мнѣ просто дѣлать здѣсь нечего.

— Такъ, такъ... Да, это гнусно со стороны г. майора и онъ поступилъ съ вами, сударыня, вполне звѣрски.

— Я никого не обвиняю.

Осипъ Иванычъ пилъ чай въ комнаткѣ Марьи Ивановны въ послѣдній разъ и чувствовалъ, какъ все у него вертится въ глазахъ: и самоваръ, и Марья Ивановна, и какія-то бѣлыя подушки, и красная рожа майора, и собственное одиночество, и опять это заплаканное дѣвичье лицо. Ему вдругъ сдѣлалось страшно, точно впереди разверзалась темная и мрачная пучина, готовившаяся поглотить его безвозвратно. Отъ его согрѣвагося старческаго сердца отлеталъ послѣдній лучъ надежды и чайное блюдечко дрожало въ его рукахъ, точно онъ шелъ съ нимъ по канату надъ страшной бездной.

— Марья Ивановна... да-съ... а что бы вы сказали...—за-

говорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ подбирая слова.—Конечно, я не юноша... но есть достоинства и въ человѣкѣ, умудренномъ опытомъ... да-съ. Постыдно отступать передъ препятствіями и искушеніями... нужно бороться со зломъ... Марья Ивановна, будьте моей женой, и тогда... злоба г. майора обрушится на его же собственную голову.

Марья Ивановна точно испугалась и даже отодвинулась отъ Осипа Иваныча, а по лицу у нея разлился яркій румянецъ. Осипъ Иванычъ плохо помнилъ, какъ онъ схватилъ дѣвушку въ свои руки и запечатлѣлъ на ея лицѣ первый поцѣлуй; она не сопротивлялась, ея голова съ закрытыми глазами скатилась къ нему на плечо, какъ подкошенная, а тяжелая русая коса, какъ змѣя, поползла по его колѣнамъ.

Осипъ Иванычъ плакалъ.

V.

Извѣстіе о женитьбѣ Осипа Иваныча поразило майора Муштурова, какъ ударъ грома: именно этого-то онъ и не ожидалъ. Всякое душевное волненіе у майора переходило въ движеніе, поэтому онъ немедленно полетѣлъ на присѣкъ къ Балуеву, какъ на пожаръ.

— Слышалъ новость?!—гремѣлъ майоръ, вваливаясь въ контору Балуева.—Нашъ старикъ съ ума сошелъ... Эта Марья, навѣрное, опомла его чѣмъ-нибудь.

— Съдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро...

— Нѣтъ, шутки въ сторону: ѣдемъ сейчасъ на Ягодный и разговоримъ старика... Хотя онъ и виноватъ предо мной, но я зла не помню... Вѣдь, я первый открылъ Марью и первый сказалъ ему о ней; выходить, чортъ возьми, что онъ нѣкоторымъ образомъ обокралъ меня.

— И меня тоже, Лука Лукичъ... Вѣдь, какая бабенка-то, ѣшь ее мухи съ комарами!...

— Разбойникъ дѣвна, однимъ словомъ; но я не могу позволить, чтобы она обманывала моего друга... Чортъ ее знаетъ, кто она такая: прилетѣла неизвѣстно зачѣмъ и, здорово живешь, околпачила этого лысаго дурака.

Майоръ курилъ сигару за сигарой, ругался, дергалъ себя за усы и, наконецъ, вытащилъ Балуева, чтобы ѣхать вмѣстѣ на Ягодный и разговорить Осипа Иваныча.

Планъ былъ великолѣпный, и черезъ часъ майоръ и Балусвъ уже подъѣзжали къ конторѣ на Ягодномъ, и первое, что увидѣли тамъ, былъ самъ секретарь, собственноручно прибывавшій кисейныя занавѣски къ окну той половины, гдѣ раньше жилъ штейгеръ.

Теперь обѣ половины были соединены только что прорубленной въ стѣнѣ дверью и, очевидно, спятившій съ ума старикъ приготавливалъ гнѣздышко для будущей жены. Контора совсѣмъ измѣнила свой видъ: откуда-то появились ковры, занавѣски на окнахъ, желѣзная двухспальная кровать, обои на стѣнахъ, зеркало и т. д.

— Мы къ тебѣ, Осипъ Ивановичъ, пріѣхали, — началъ майоръ заранѣе составленную рѣчь. — Ты хоть и не правъ предо мной, но я зла не помню. Буду говорить откровенно, какъ всегда: Осипъ Ивановичъ, ты съ ума сошелъ или у тебя его не было никогда... да! Говорю это не въ укоризну, а вотъ Балусвъ свидѣтель, что отъ чистаго сердца. Мы пріѣхали отговорить тебя жениться на этой Марьѣ, которая, чортъ ее знаетъ, что за штука...

— И не штука, и не чортъ знаетъ что такое, а моя невѣста, — съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣтилъ Осипъ Ивановичъ, ни мало не смутившись. — Мнѣ, вообще, г. майоръ, кажется очень страннымъ ваше поведеніе, какъ я уже имѣлъ честь замѣтить вамъ въ послѣдній разъ...

— Да ты перестань ершиться-то, — вспылилъ майоръ. — Мы къ тебѣ съ хорошимъ словомъ пріѣхали, а онъ выкомуритъ выкомуриваетъ... Развѣ такъ порядочные люди дѣлаютъ?... Ну, разсуди: ты — лысый старичишка, Марья — дѣвка кровь съ молокомъ, ну, какой толкъ выйдетъ? Ей нужно здоровеннаго мужа, чтобы она ему въ глаза глядѣла, а ты посмотри на себя въ зеркало... Извини, что я говорю, можетъ быть, очень откровенно, но, вѣдь, я отъ чистаго сердца.

— Дѣйствительно, сумлительная дѣвица, — вставилъ свое слово Балусвъ, пожимая плечами. — Я такъ понимаю своимъ умомъ, что она къ вашимъ деньгамъ подбирается, Осипъ Ивановичъ, и больше ничего. Дескать, какъ ослабѣетъ да раскиснетъ со мной старичекъ-то, я и приберу денешки...

— Вѣрно! — подтвердилъ майоръ, точно гвоздь заколотилъ. — Не иначе... Вѣдь, ты понимаешь ли, что значить женщина молодая, когда она въ полномъ прыску?... Тутъ нужно, прежде всего, имѣть силу, да-съ!

— Господа, я уже рѣшился твердо и исполню свой долгъ, — невозмутимо-спокойно отвѣчалъ Осипъ Ивановичъ, не поддаваясь испусителямъ.

Какъ друзья ни уговаривали Осипа Ивановича, какъ ни убѣждали его, какія неопровержимыя доказательства ни приводили, онъ остался непреклоненъ, и даже больше: отнесся къ нимъ какъ будто свысока, съ самой обидной снисходительностью, какъ держать себя съ маленькими дѣтьми. Это, наконецъ, взорвало майора и онъ отрѣзалъ Осипу Ивановичу:

— Если ужъ тебѣ такъ загорѣлось имѣть эту Марью, такъ отчего же ты не сказалъ этого мнѣ, твоему другу? Я, не будь я майоръ, доставилъ бы тебѣ ее живую, съ руками и съ ногами за красный билетъ... Я, братъ, знаю женщинъ!

Осипъ Ивановичъ поблѣлъ, затрясся всѣмъ тѣломъ и только молча указалъ друзьямъ на дверь.

Странное состояніе души переживалъ Осипъ Ивановичъ. Такіе дни иногда случаются осенью: трава давно высохла и пожелтѣла, листъ съ деревьевъ облетѣлъ, кругомъ все голо и вдругъ выглянетъ ласковое, теплое солнышко и обольетъ все своимъ золотистымъ свѣтомъ. Тихо-тихо все стоитъ кругомъ, ни одна былинка не шелохнется, точно въ природѣ совершается какое-то великое таинство, торжественное, таинственное и неизъяснимое: потухающая жизнь улыбается послѣдней своей улыбкой, какъ засыпающій ребенокъ. Именно такое торжественное спокойствіе испытывалъ теперь консисторскій секретарь, согрѣтый молодымъ, горячимъ огнемъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ ту блаженную полноту, которая дѣлаетъ людей истинно счастливыми, и удивлялся, какъ онъ раньше могъ жить, не понимая смысла всей жизни. Да развѣ онъ жилъ? Онъ ползъ, какъ червь, и, какъ червь, не могъ поднять головы. Правда, онъ думалъ всегда о томъ, чтобы устроить свой уголокъ, завестись семьей, но все это было такъ смутно, неясно и постоянно затемнялось тысячью совершенно постороннихъ соображеній. Точно какой внутренней свѣтъ разомъ освѣтилъ Осипа Ивановича и даже на мгновеніе ослѣпилъ его: жизнь гораздо проще, а онъ теперь именно жилъ. Не нужно было ни искать ее, ни ждать, ни выбирать, нѣтъ, она пришла къ нему сама и сама протянула къ нему свои руки, прекрасная и слабая, полная жизни и не знающая жизни.

Когда майоръ выскочилъ изъ конторы и даже хлопнулъ дверью, Осипъ Ивановичъ только улыбнулся: ослѣпленный злобой человѣкъ

хотѣлъ разстроить его счастье и теперь нештовствуетъ отъ собственного посрамленія. Нѣтъ, во всемъ случившемся есть какая-то невидимая рука, которая все устроила, и слабому человѣку только оставалось покоряться.

Приготовленія къ свадьбѣ занимали теперь все свободное время у Осипа Иваныча и онъ съ наслажденіемъ устраивалъ гнѣздышко для своего будущаго счастья. Изъ сундуковъ были вытащены всевозможныя вещи, заготовленныя Осипомъ Иванычемъ раньше именно для такого торжественнаго случая: ковры, занавѣски, зеркало, шкатулочки, салфеточки, посуда, даже картины. Все это по случаю скупалось консисторскимъ секретаремъ на аукціонахъ и распродажахъ, вообще по случаю, когда вещи продавались за полцѣны.

— А какъ ты теперь находишь, Иванъ Петровичъ? — спрашивалъ старикъ своего клеветы Чинетти, развѣсивъ надъ двухспальной кроватью бархатный коверъ съ двумя голыми нимфами.

— Ничего, хорошо...

— Хе-хе... Все было припасено, давно припасено, а теперь дѣло за птичкой: прилетитъ, расправитъ перушки, и Осипъ Иванычъ помолодѣетъ съ птичкой-то.

Чинетти долженъ былъ принимать довольно дѣятельное участіе въ приготовленія готовившагося торжества, т.-е. чистилъ самоваръ, подсвѣчники, аммуницію Осипа Иваныча, зеркало и т. д. Время бѣжало быстро, необходимо было торопиться, чтобы предотвратить злоухищренія со стороны майора, о которыхъ Осипъ Иванычъ говорилъ довольно часто.

Свадьба должна была произойти въ Розвальняхъ, куда специально на этотъ случай былъ выписанъ священникъ, пріѣхавшій откуда-то верхомъ, вѣжета, верстъ за сто; послѣ вѣнца молодые должны были сейчасъ же отправиться на Ягодный: Осипъ Иванычъ верхомъ, а молодая въ сибирской качалкѣ, привязанной между двумя лошадьми на тонкихъ жердяхъ.

— Мнѣ бы хотѣлось первые дни остаться въ Розвальняхъ, — заявила было Марья Ивановна, но Осипъ Иванычъ ничего и слышать не хотѣлъ о такомъ рѣшеніи.

Наконецъ, наступилъ и торжественный день свадьбы. Изъ знакомыхъ Осипа Иваныча въ церкви, при совершеніи обряда, присутствовалъ одинъ Чинетти, который держалъ надъ невѣстой вѣнецъ. Осипъ Иванычъ былъ въ какомъ-то вицъ-мундирѣ и при орденѣ, невѣста въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, — однимъ словомъ,

молодые были хоть куда. Послѣ вѣнца сейчасъ же всё отпра-
вилось на Ягодный. Марья Ивановна ѣхала торжественно въ ка-
чалкѣ, а за ней верхами гуськомъ Осипъ Иванычъ, Чинетти и
молчаливый, угрюмый старикъ, который жилъ при мелочной ла-
вочкѣ Марьи Ивановны.

Путешествіе совершилось благополучно, и только когда по-
казался Ягодный, Осипъ Иванычъ молодцомъ заскакалъ впередъ
и, встрѣтивъ жену на крыльцѣ своей конторы, облобызалъ ее
и проговорилъ:

— Вотъ, Маша, и наше гнѣздышко!

Было уже поздно. Лѣтній іюльскій день быстро склонялся
къ вечеру; со всѣхъ сторонъ на пріискъ ползла ночная игла
и только яркіе огни около казармы рабочихъ нарушали общій
порядокъ пріисковаго рабочаго дня. Это рабочіе пили за здоровье
молодыхъ. Марья Ивановна была необыкновенно весела, шутила,
смѣялась и ласково заглядывала прямо въ глаза Осипу Иваны-
чу, котораго все время называла Іосифомъ.

— Ахъ, ты, моя птичка! — задыхаясь, шепталъ Осипъ Иванычъ.

Пожелавъ молодымъ спокойной ночи и выпивъ два бокала
кисленькаго вина, купленнаго Осипомъ Иванычемъ гдѣ-то по
случаю, Чинетти ушелъ изъ конторы послѣднимъ. Утромъ онъ
проснулся рано; но окна въ конторѣ были завѣшаны, а дверь
заперта. Чинетти подождалъ одиннадцати часовъ и рѣшился, на-
вонецъ, взойти на крыльцо, причемъ осторожно кашлянулъ. Изъ кон-
торы ему послышался какой-то странный стонъ. Чинетти еще разъ
кашлянулъ, стонъ повторился. Это озадачило бывшего наѣзд-
ника и онъ попробовалъ отворить дверь; она была, какъ ока-
залось, не заперта. Когда Чинетти вошелъ въ контору, его взоръ
представилось нѣчто ужасное: Осипъ Иванычъ, какъ былъ,
въ вѣнчалномъ нарядѣ, сидѣлъ у стола, блѣдный, съ искажен-
нымъ лицомъ и блуждавшими глазами.

— Это ты, Чинетти? — обликнулъ онъ и грустно поникъ
головой.

— Я-съ... что это съ вами, Осипъ Иванычъ?

— Со мной?... Ничего... несчастный человѣкъ и больше
ничего.

Движеніемъ головы Осипъ Иванычъ показалъ на спальню,
гдѣ стояла не тронутая парадная кровать; Марья Ивановны не
было.

— Никого нѣтъ... одинъ, одинъ, одинъ! — шепталъ Осипъ Иванычъ, съ глухими рыданіями роняя свою лысую голову на столъ.

VI.

Стояла глубокая осень, когда на сѣверѣ небо по цѣлымъ недѣлямъ обложено низкими сѣрыми туманами и безъ конца льется беспощадный дождь. Особенно тяжела такая осень гдѣ-нибудь на глухомъ прискѣ, съ котораго нельзя ни выйти, ни выѣхать, а приходится отсиживаться въ четырехъ стѣнахъ, точно въ осажденномъ городѣ. Майоръ Муштуковъ отъ души ненавидѣлъ это время года, хотя человѣкъ былъ испытанный и видавшій на своемъ вѣку виды.

— Это тюрьма, а не осень,—говорилъ онъ, поглядывая въ окно своей конторы на мутную полосу струившагося дождя.—Если бы я былъ англичанинъ, то давно бы повѣсился десять разъ.

Къ счастью майора, онъ не былъ англичанинъ, а поэтому ограничивался крупной руганью, курилъ безъ конца копѣчныя сигары, плевалъ въ потолокъ, иногда игралъ на гитарѣ, на которой вотъ уже второй годъ не хватало двухъ басковъ, и все поджидалъ, не навернется ли кто-нибудь. Прежде хотъ Осипъ Иванычъ съ Чинетти завернуть повинтить грѣшнымъ дѣломъ, а нынче... о, чертъ возьми! какое иногда можетъ быть сѣверное положеніе! Майоръ сравнивалъ себя съ медвѣдемъ, который посаженъ въ яму, но медвѣдь хотъ можетъ спать, а майоръ извѣстную часть сутокъ долженъ былъ бодрствовать. Даже на охоту нельзя было носъ показать: пистоны отсырѣвали, ружье давало осѣчку, да и бродить мокрому по уши не особенно пріятно. Правда, дичи было много, но она теряла цѣну, именно благодаря этому обстоятельству, и майоръ сидѣлъ въ своей берлогѣ, смотрѣлъ въ окно на прискъ, ругался и опять смотрѣлъ, поджидая, не навернется ли какой-нибудь дьяволъ, хотя отлично зналъ, что подвертываться рѣшительно некому, кромѣ старика Балуюева. Да и Балуюевъ пріѣзжалъ рѣдко, все жаловался на какія-то бо-лѣзни и сидѣлъ дома.

— Хотъ бы тебя черти задавили для разнообразія,—говорилъ майоръ, встрѣчая гостя.

— Этакія слова у васъ, Лука Лукичъ, неспособныя!—ежился Балуюевъ.—Сейчасъ и черти! И безъ нихъ вочъ каная на дворъ страсть Господня стоитъ.

Обыкновенно, перекинувшись послѣдними присковыми ново-

стани, друзья усаживались играть въ вистъ съ двумя болванами и каждый разъ непремѣнно ругали Осипа Иваныча и Чинетти.

— Подлецы, всю музыку испортили!—говорилъ майоръ, сдавая карты.—А гдѣ же Миликтриса-то Бирбитьевна?

— Какъ въ воду канула, ни слуху, ни духу. Чудное это дѣло, Лука Лукичъ!... А старикъ-то, вѣдь, совсѣмъ съ ума спятилъ: горькую пьетъ...

— Фельдфебельскимъ запоемъ?

— Точно такъ-съ... Утромъ прискъ обойдетъ, а потомъ затворится въ конторѣ самъ-другъ съ четвертью, да до утра и чертитъ. У него въ каждомъ углу по четверти поставлено. Подойдетъ сначала къ одной и начнетъ себя упрашивать: «Осипъ Иванычъ, пожалуйте, рюмочку выкушайте». — «Нѣтъ, благодарю васъ, что-то не хочется». — «Да сдѣлайте такую милость, уважьте». — «Развѣ ужъ для васъ колунуть единую». Ну, и разводитъ эту же музыку передъ каждою четвертью. Охъ, страсть одна... Испортила его, надо полагать, Марья-то Ивановна, въ первую же ночь испортила, а сама тягу.

— Да какъ она его испортить могла, когда онъ и не раздѣвался совсѣмъ и кровать была не тронута? Убѣжала, и все тутъ. Навѣрное, деньжонокъ прихватила... Вѣдь, я говорилъ этому старому чорту, такъ нѣтъ: всѣхъ умнѣе хочу быть... вотъ и достукался. Не фордыбачь впередъ.

— Темное дѣло, Лука Лукичъ.

• — Да, вѣдь, я же говорилъ?

— Говорить-то, точно что говорили, только вышло маленько въ розницу супротивъ вашего... Старикъ-то говоритъ, что ни синь-пороха не взяла Марья Ивановна.

— Вреть... не можетъ быть!

Друзья долго спорили на эту благодарную тему, а темное дѣло такъ и осталось темнымъ. Было извѣстно только то, что Марья Ивановна скрылась въ первую ночь послѣ свадьбы, а почему и какъ—оставалось тайной, надъ которой всѣ напрасно ломали голову. Нѣсколько разъ майоръ разными правдами и неправдами завлекалъ къ себѣ Чинетти и старался хоть изъ него выпытать что-нибудь, но Чинетти самъ ничего не зналъ.

— Ну, если бы эта колдунья Машка попалась мнѣ въ руки, я ее лихо отлупцовалъ бы,—ругался майоръ и даже засучивалъ рукава.—Теперь вотъ играй съ двумя болванами...

Особенно страшны были майору безконечныя осеннія ночи,

которые наводили на него тоску. Чего-чего онъ ни передумаетъ за такую ночь, а не спится, хоть зарѣжь. Вся безпутная майорская жизнь выплывала: какъ онъ барахтался среди коньяку, сомнительныхъ женщинъ, долговъ, картъ, зуботычинъ и вѣчной неизвѣстности, чѣмъ будетъ сытъ завтра. И какъ будто въявь все это было, и какъ будто во снѣ. Некуда было дѣваться майору съ своей майорской силой; онъ колобродилъ, пока не выгнали изъ полка, и хорошо еще, что нашелся добрый человѣкъ, который далъ мѣсто смотрителя на прискѣ. Да, тяжело иногда бывало майору, очень тяжело, особенно когда онъ раздумывался о томъ, что, вѣдь, пожалуй, можно бы прожить нѣсколько иначе.

Въ одну изъ такихъ страшныхъ ночей, когда майоръ мучился у себя въ конторѣ безсонницей, въ окно кто-то осторожно постучалъ. Майоръ вскочилъ, зажегъ свѣчу и впустилъ Чинетти, который былъ блѣденъ и еле шевелилъ языкомъ отъ усталости.

— А я за вами, г. майоръ, — объявилъ Чинетти, не раздвываясь. — Осипъ Иванычъ умираютъ и просили васъ Христомъ-Богомъ пріѣхать къ нимъ проститься. Очень плохи-сь.

— Да куда же я въ эту ночь отправлюсь? Ты съ ума сошелъ, братецъ... Нѣтъ, не поѣду. Такъ и скажи своему Осипу Иванычу, что майоръ его прощаетъ заочно. Всѣ мы грѣшные люди, да дѣвать только насъ некуда.

— Никакъ нельзя-сь; на колѣнахъ приказали просить васъ, руки цѣловать. Очень тяжело Осипу-то Иванычу, смертный часъ приходитъ.

Майоръ былъ добръ, какъ мы уже говорили. Онъ обругалъ по порядку все и всѣхъ, но, въ концѣ-концовъ, велѣлъ осѣдлатъ лошадь и поѣхалъ съ Чинетти на Ягодный. Ночь была, на счастье, свѣтлая. Въ воздухѣ тихо кружились медленно падавшія пушистыя снѣжинки, замерзшая земля звенѣла подъ копытами лошадей, какъ стекло, молодой мѣсяцъ разливалъ радужное сіянье колыхавшимися столбами. Торжественно и тихо было въ лѣсу, точно все живое умерло навсегда, и только гдѣ-то далеко выла волчья голодная стая, заставлявшая лошадей фыркать и пятиться.

— Ну, и задачу задалъ Осипъ Иванычъ, — ворчалъ майоръ, напрасно закрывая мерзнувшія колѣна полой нагольного полушубка — полы развѣзжались и морозъ начиналъ щипать грѣшное майорское тѣло. — Нашелъ время умирать... чудакъ, право!

Наши путники еще издали увидѣли слабый огонекъ, мерцавшій въ конторѣ Осипа Иваныча. Майоръ не безъ удовольствія

соскочилъ съ лошади, встряхнулъ съ себя снѣгъ, потянулся всѣмъ корпусомъ, такъ что хрустнуло въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и бодро вбѣжалъ на крылечко. Отворивъ дверь, онъ чуть не попятился: умиравшій Осипъ Иванычъ лежалъ на своемъ старомъ диванчикѣ, а противъ него на стулѣ сидѣла Марья Ивановна и въ полголоса читала какую-то большую книгу въ кожаномъ почернѣвшемъ переплетѣ. Осипъ Иванычъ открылъ глаза и сдѣлалъ попытку улыбнуться: онъ узналъ майора.

— Вы, пожалуйста, не растревожьте его, — шепотомъ проговорила Марья Ивановна, показывая головой на больного. — Очень онъ плохъ...

У майора вертѣлась на кончикѣ языка какая-то дерзость, но Марья Ивановна въ это время успѣла выйти.

— Ну, что, Осипъ Иванычъ, какъ себя чувствуешь? — наклонился майоръ къ больному, который опять закрылъ отяжелѣвшія вѣки.

— Плохо... умираю... — хрипѣлъ Осипъ Иванычъ и глухо закашлялся; въ груди у него точно что переливалось. — Ушла та... змѣя-то?

— Ушла... Приѣхалъ проститься съ тобой, Осипъ Иванычъ... Мало ли что бываетъ, голубчикъ, а только я зла не помню...

Майоръ не кончилъ, потому что по его красному лицу катились крупныя слезы, а въ горлѣ сперлись рыданія.

— Меня... прости... меня... — хрипѣлъ Осипъ Иванычъ, опять закрывая глаза. — Совѣсть... замучила... напрасно я тогда... тебя-то обидѣлъ...

— Богъ простить! — шепталъ задыхавшимся голосомъ майоръ, отвертываясь, чтобы скрыть заплаканное лицо.

Осипъ Иванычъ былъ страшенъ, какъ бываютъ страшны умирающіе отъ водянки: лицо опухло какой-то сѣрой полнотой, подъ глазами просвѣчивали темныя круги, носъ обострился, посинѣвшія губы запеклись. Каждое слово стоило ему страшныхъ усилій, но онъ непремѣнно хотѣлъ говорить.

— Видѣлъ... змѣю-то? — повторилъ Осипъ Иванычъ свой вопросъ. — Сама пришла... сегодня ночью... узнала... я при смерти... и пришла... а вы ничего не знаете про нее-то... про Марью?

— Ничего, Осипъ Иванычъ... такъ, болтаютъ разное.

— Охъ!... никто не знаетъ... я одинъ... Знаете, г. майоръ, что... меня-то погубило?

Майоръ вопросительно пожалъ плечами.

— А какъ меня зовутъ-то?

— Осипомъ.

— Вотъ, вотъ... Юсифъ... это и нужно было змѣѣ-то моей. Она... Марья... хлыстовка... захотѣла сдѣлаться... хлыстовской богородицей... ну, ей и нужно было... обручиться... съ Юсифомъ, который хранилъ бы ея дѣвство... Вотъ она тогда и нашла меня... а сама убѣждала... со старикомъ своимъ... Охъ, смерть моя... душно.

Въ утру хранителя дѣвства хлыстовской богородицы не стало; онъ умеръ на рукахъ майора, который рыдалъ надъ нимъ, какъ ребенокъ. Марья Ивановны не было; она опять пропала безъ вѣсти, а съ ней исчезъ и Чинетти.

Д. Сибирякъ.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая *).

XII.

Отношеніе къ крестьянскому вопросу Вѣлинскаго, Станкевича, Огарева, Герцена и Некрасова.

Въ то самое время, когда Лермонтовъ работалъ надъ своими юношескими драмами, его будущій знаменитый критикъ, тогда студентъ Московскаго университета, В. Г. Вѣлинскій, написалъ (въ началѣ 1831 г.), вслѣдствіе увлеченія театромъ и подъ вліяніемъ пьесъ Шиллера *Разбойники* и *Коварство и любовь*, трагедію гораздо болѣе раздирательную, чѣмъ пьесы Лермонтова. Для насъ эта трагедія интересна по выраженному въ ней энергическому протесту автора противъ крѣпостнаго права. Въ уста старика крѣпостнаго Вѣлинскій влагаетъ слѣдующія слова: когда умеръ старый господинъ, «барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай, Господи, такого житья лихому татарину ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ. И била, какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скоть, осматривала кѣлти, ломала коробы, обирала деньги, холстъ, кто малость въ чемъ-нибудь провинится, ушлетъ въ дальнія вотчины, да всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то, чѣмъ намъ, грѣшнымъ, у барыни». Этотъ рассказъ вызываетъ такіа размышленія въ героѣ трагедіи, незаконнорожденномъ сынѣ стараго помѣщика: «Неужели эти люди для того только рождаются на свѣтѣ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами? Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ поработать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

существовъ, отнимать у нихъ священное право—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянiя содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову; разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, матерью, съ сестрами, братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!... Милосердый Боже!... Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змievъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?...» Бѣлинскiй прочелъ эту пьесу товарищамъ-студентамъ, составившимъ кружокъ для литературныхъ чтенiй, а затѣмъ показалъ ее Лажечникову; тотъ увидѣлъ, что напечатать ее по цензурнымъ причинамъ невозможно, и предостерегалъ юнаго автора. Несмотря на то, Бѣлинскiй, возлагавшiй на свою трагедiю большiя надежды и въ матеріальномъ отношенiи, представилъ ее въ цензурный комитетъ, который состоялъ тогда изъ университетскихъ профессоровъ. По отзыву разсматривавшаго ее цензора, заслуженнаго профессора Цвѣтаева, пьеса Бѣлинскаго была признана безнравственною, безчестящею университетъ, и о ней составили журналъ. Потомъ дѣло это было уничтожено, но ректоръ сказалъ Бѣлинскому, что о немъ будутъ ежемѣсячно подавать особыя донесенiя. Извѣщая о томъ родителей, Виссарiонъ Григорьевичъ писалъ: «Въ этомъ сочиненiи со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованiемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ». Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1831 года Бѣлинскiй былъ уволенъ изъ университета *).

Въ 1831 или слѣдующемъ году Бѣлинскiй познакомился со Станкевичемъ, тогда студентомъ Московскаго университета, вокругъ котораго послѣ преобразенiя «литературныхъ вечеровъ» у казенно-коштныхъ студентовъ сталъ группироваться товарищескiй кружокъ для обсужденiя литературныхъ и философскихъ вопросовъ. Кружокъ этотъ, несомнѣнно, имѣлъ въ извѣстномъ отношенiи влiянiе на Бѣлинскаго, но мы видѣли, что у него уже

*) Причинами этого, по его словамъ въ письмѣ къ матери, были „отчасти собственные промахи и нерадѣнiе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нинѣ времена мудреннiя и тяжелнiя: подобныя промшества очень нерѣдки“.

ранѣе выработалось весьма отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ современной жизни. Какъ бы ни были отвлечены бесѣды кружка, одно участіе въ немъ такого лица, какъ Бѣлинскій, заставляетъ думать, что его юные члены не могли не говорить иной разъ съ негодованіемъ и о крѣпостномъ правѣ *). Около этого времени Бѣлинскій давалъ уроки К. Д. Кавелину и имѣлъ сильное вліяніе на его развитіе. «Критическое отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности, социальной, религиозной и политической,—свидѣтельствуетъ ученикъ,—благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ». Но взгляды самого учителя скоро рѣзко измѣнились.

Какъ извѣстно, подъ вліяніемъ изученія философіи Гегеля и доведенной до крайности мысли о разумности всего дѣйствительнаго, Бѣлинскій сталъ вполне примирительно относиться къ существующему порядку; эта перемена должна была отразиться и на взглядахъ знаменитаго критика на крестьянскій вопросъ: онъ сталъ гораздо умѣреннѣе и спокойнѣе говорить о крѣпостномъ правѣ. Въ половинѣ 1837 г. уже вполне сложилось новое міросозерцаніе Бѣлинскаго, какъ это видно изъ письма его къ одному знакомому, котораго онъ также хотѣлъ обратиться въ свою вѣру. Прежде всего, онъ доказываетъ, что Россія еще не созрѣла для свободы политической, а затѣмъ, переходя къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, продолжаетъ: «Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнуть свободы наша Россія... Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостнаго права, а, между тѣмъ, исподволь освобождаетъ крестьянъ. Посмотри, какъ, благодаря тому, что у насъ нѣтъ майоратства, издыхаетъ наше дворянство само собою, безъ всякихъ революцій и внутреннихъ потрясеній. И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ лѣтъ, они будутъ знать о

*) У матери Бѣлинскаго была въ услуженіи крѣпостная дѣвушка, съ которою она передъ своею смертію не знала какъ поступить: отпустить ли ее на волю, или оставить крѣпостною, и спрашивала о томъ мнѣніе сына. „Бога ради, постарайтесь отпустить ее на волю,—писалъ Бѣлинскій въ іюлѣ 1834 года матери,—иначе на вашей душѣ будетъ тяжкій грѣхъ. Можно ли сосать кровь изъ живаго человѣка? Это прилично однимъ вампирамъ. Скажите папенькѣ, что мѣсяца черезъ три или четыре я уплачу ему за Авдотью не только 50, пожалуй и 100 рублей, и, если захочетъ, пришлю ему вексель въ сто рублей“.

крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. И все это сдѣлается безъ заговоровъ и бунтовъ, и потому сдѣлается прочнѣе и лучше. Давно ли мы съ тобою живемъ на свѣтѣ, давно ли помнимъ себя, и уже посмотри, какъ переизмѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ-помѣщиковъ, а которые и остались, не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему».

Станкевичъ, когда ему приходилось сталкиваться въ это время съ людьми, доказывающими необходимость для Россіи конституціи, утверждалъ, что, прежде чѣмъ стремиться къ политической свободѣ, нужно уничтожить крѣпостное право. Любопытное указаніе на это сохранилось въ запискахъ друга Станкевича, Я. М. Невѣрова. Въ 1837 г. Станкевичъ уѣхалъ за границу и въ слѣдующемъ году тамъ увидѣлся съ нимъ Невѣровъ. «Однажды на вечерѣ у одной весьма образованной русской дамы, оставившей отечество и постоянно жившей за границей,—разсказываетъ Невѣровъ,—шла рѣчь о преимуществахъ народнаго представительства въ государствѣ, о всесловномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности. Когда, по окончаніи этого вечера,—продолжаетъ Невѣровъ,—мы возвратились домой, оставаясь подъ впечатлѣніемъ вечерней бесѣды, обсуждали поднятый на ней вопросъ, Станкевичъ обратился къ намъ съ такимъ замѣчаніемъ (въ числѣ собесѣдниковъ былъ и Грановскій): «Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости, и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо, но и тогда народъ не можетъ принять участіе въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому, прежде всего, надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Последняя мѣра сама собой вызоветъ и первую, а потому, кто любитъ Россію, тотъ, прежде всего, долженъ желать распространенія въ ней образованія». Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ это время взгляды Бѣлинскаго и Станкевича на крестьянскій вопросъ были до извѣстной степени сходны, но только Станкевичъ возлагалъ надежды, главнымъ образомъ, на

гуманизирующее вліяніе просвѣщенія, а Бѣлинскій считалъ необходимыми и освободительныя мѣры со стороны правительства.

Кромѣ кружка Станкевича, въ первой половинѣ 30 годовъ въ Москвѣ существовалъ другой замѣчательный кружокъ, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и въ которомъ участвовалъ Огаревъ. Въ то время, какъ члены перваго посвящали свои бесѣды поэзіи и философіи, молодые люди, участвовавшіе во второмъ, преимущественно интересовались вопросами исторіи и другихъ общественныхъ наукъ. Имъ попались въ руки брошюры сенъ-симонистовъ, ихъ проповѣди, изложеніе ихъ процессовъ. Все это было для нихъ открытіемъ. Но и въ русской жизни для нихъ былъ образецъ, которому они готовы были слѣдовать, а именно общество декабристовъ. Основаніе кружка было положено осенью 1831 г., когда Герценъ и Огаревъ перешли въ университетъ на второй курсъ. Они вошли въ аудиторію съ мечтами основать зерно общества, подобное декабристамъ, и потому искали прозелитовъ и послѣдователей (первый товарищъ, вполне къ нимъ примкнувшій, былъ нѣкто Сазоновъ). Юноши предавались самымъ восторженнымъ мечтамъ о предстоявшей имъ плодотворной дѣятельности и готовы были принести себя въ жертву ради дорогихъ идей. На окружавшую ихъ молодежь они смотрѣли, какъ на благодарную почву, гдѣ легко будетъ посѣять сѣмена своего ученія; они проповѣдывали вездѣ и всегда, хотя и не всегда отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, чему они учили. Они проповѣдывали идеи и декабристовъ, и французской революціи, и сенъ-симонизмъ, и конституцію, и республику, и чтеніе политическихъ книгъ, и необходимость сосредоточенія силъ въ одномъ обществѣ. Но вполне яснымъ и послѣдовательнымъ въ этой проповѣди было, во всякомъ случаѣ, одно: ненависть ко всякому насилію и произволу. Никакого тайнаго общества, нужно замѣтить, они никогда не составляли, но они нашли немало людей, имъ симпатизировавшихъ, и въ университетскихъ стѣнахъ, и внѣ ихъ. Въ 1834 г. члены кружка были арестованы, такъ какъ администрація взглянула на него, какъ на тайное общество. Слѣдственная коммиссія на допросахъ старалась подробнѣе обсуждать взгляды подсудимыхъ, ихъ мысли, «несвойственныя духу правительства, мнѣнія революціонныя и проникнутыя пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона», но подсудимымъ объяснять было нечего, такъ какъ ихъ юношескія мечты всецѣло вылились въ найденныхъ у нихъ письмахъ и замѣткахъ. Не доискавшись замы-

словъ противъ правительства, члены комиссіи остались, все-таки, въ увѣренности, что тутъ составлялось тайное общество и что окончательной его организаціи помѣшалъ только арестъ членовъ кружка. Въ 1835 г. Герценъ былъ сосланъ въ Пермь, а оттуда въ Вятку; Огаревъ, въ виду того, что его отецъ былъ разбитъ параличемъ, отправленъ къ нему въ Пензу. Пребываніе въ провинціи дало Герцену возможность взглянуть на существующій порядокъ не черезъ философскія очки, сквозь которыя смотрѣлъ Бѣлинскій. Столкновение между двумя выдающимися представителями совершенно противоположныхъ взглядовъ было неминуемо при первомъ же знакомствѣ, которое произошло въ Москвѣ въ 1839 г. съ возвращеніемъ Герцена изъ Владиміра и до переѣзда Бѣлинскаго въ октябрѣ этого года въ Петербургъ. Когда въ спорѣ Бѣлинскому въ упоръ поставили вопросъ о разумной дѣйствительности въ примѣненіи къ настоящему положенію Россіи, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ подтвердилъ всѣ послѣдствія своего взгляда. Когда лѣтомъ 1840 г. Герценъ съ семьей переселился въ Петербургъ, споры возобновились и постепенно Бѣлинскій окончательно отрѣшился отъ своихъ прежнихъ воззрѣній и чрезвычайно сблизился съ Герценомъ*); но петербургская жизнь послѣдняго была непродолжительна: черезъ годъ, за сообщеніе въ письмѣ ходившаго по городу слуха о какомъ-то убійствѣ, будто бы совершенномъ полицейскимъ солдатомъ, онъ долженъ былъ отправиться на службу въ Новгородъ. Въ 1841 г. Бѣлинскій писалъ Боткину:

«Ты знаешь мою натуру... Я съ трудомъ и болью расстаюсь съ старою идеею, отрицаю ее до-нельзя, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. И такъ, я теперь въ новой крайности,—это идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей, альфою и омегою, вѣрой и знаніемъ». «Соціальность... вотъ девизъ мой,—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ.—Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что гений на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человечеству, моими ближними во Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими? Сердце мое обливается кровью и судорожно содрагается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босо-

*) Богѣ подробнѣя свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ извѣстномъ трудѣ А. Н. Лымина: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». Спб., 1876 г.

вогихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкою чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу; подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло... И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ,—и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!... И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!... И послѣ этого имѣетъ ли право *человѣкъ* забываться въ искусствѣ, въ знаніи? Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціонныхъ началъ, связывающихъ, въ качествѣ вѣрованія, волю *человѣка*».

Попытки Бѣлинскаго затронуть въ печати возновавшіе его вопросы должны были разбиваться о цензурныя преграды, и только въ перепискѣ онъ могъ до извѣстной степени отвести душу, — лишь до извѣстной степени, такъ какъ писать по почтѣ нужно было также съ оглядкой. Напомнимъ, что нѣсколько позднѣе, въ началѣ 50 годовъ, даже такія высокопоставленныя лица, какъ гр. Биселевъ и кн. Воронцовъ, не рѣшались ввѣрять обыкновенной почтѣ самую невинную свою переписку объ ограниченіи крѣпостнаго права. Понятно, почему и Бѣлинскій не говоритъ здѣсь прямо о крестьянскомъ вопросѣ, но какъ могъ онъ относиться къ крѣпостному праву—понятно изъ предъидущей выписки *).

Многіе изъ русскихъ молодыхъ людей тщательно изучали въ то время французскія социалистическія сочиненія. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ П. В. Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Когда осенью 1843 г. я прибылъ въ Петербургъ изъ-за границы, то встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа. Книга Прудона о собственности, *Икарія* Кабе, сочиненія Фурье, — все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чайній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху (1840 — 43 гг.), подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковни-

*) Когда мать Бѣлинскаго умерла, не успѣвъ осуществить своего намѣренія относительно освобожденія крѣпостной дѣвушки, о которой она переписывалась съ сыномъ въ 1834 г., и когда сестра Виссаріона Григорьевича не намѣрена была исполнить этого желанія матери, Бѣлинскій написалъ въ 1840 г. брату: „Въ этомъ поступкѣ я не узнаю и не признаю своей сестры. Если у ней нѣтъ человѣческаго чувства, то хотя бы изъ уваженія къ памяти матери выполняла ея волю. Впрочемъ, я думаю, что ты не такъ мнѣ передалъ это дѣло: мнѣ пріятно думать, что моя сестра способна къ такому черному дѣлу“.

ковъ». Бѣлинскій, изучивъ передъ тѣмъ исторію большой французской революціи по сочиненію Тьера, «уже на моихъ глазахъ, — говоритъ г. Анненковъ, — принялся за другую исторію того же событія... за сочиненіе Бабе: *Le peuple*. Эти и другія, совершенно противоположныя по духу сочиненія служили Бѣлинскому просто средствомъ отыскать первыя сѣмена социализма, заброшенные переворотомъ 89 г. на европейскую почву, ему нужно было видѣть его зачатки съ конвентомъ, парижской коммуной, героями стараго коммунизма Бабёфемъ и Буанаротти, чтобы распознать современную его фізіономію и понять основательно нѣкоторые его ходы въ нашу эпоху. Никакого рѣшенія, по мнѣнію г. Анненкова, по всѣмъ этимъ явленіямъ онъ не имѣлъ, да и всѣми предлагаемыми тогда рѣшеніями былъ недоволенъ. Необычайное впечатлѣніе произвела на него только книга Лум Блана *Histoire de dix ans*, о которой онъ съ восторгомъ заговорилъ съ г. Анненковымъ почти въ первую же минуту свиданія.

Въ то время, когда одинъ изъ пріятелей Герцена, Бѣлинскій, выработывалъ себѣ теоретическія воззрѣнія на общественныя явленія, рѣзко противоположныя его міросозерцанію во второй половинѣ 30 г., другой пріятель, другъ юности, Н. П. Огаревъ, пытался на практикѣ бороться съ крѣпостнымъ правомъ и еще въ 1840 г. заключилъ съ своими крестьянами Рязанской губерніи договоръ объ увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы. Мы видѣли въ X главѣ нашей статьи, что условія этого договора были весьма и весьма нележки, но, если вѣрить свидѣтельству г. Анненкова, Огаревъ самъ этого не подозрѣвалъ и «радовался своему подвигу». По словамъ того же автора, Огаревъ собирался приложить и къ другимъ, менѣе богатымъ деревнямъ своимъ такую же систему освобожденія, хотя и на другихъ началахъ. Здѣсь, на основаніи модной тогда экономической теоріи, проповѣдывавшей о благодѣяніяхъ фабрикъ для сельскаго населенія, онъ хотѣлъ учреждать по мѣрѣ силъ и примѣняясь къ требованіямъ разныхъ округовъ, фабрики (основанныя на вольномъ трудѣ), которыя дали бы крестьянину возможность находить всегда заработокъ, готовый отвѣтъ на свои нужды, освободить отъ принудительной работы и снять съ него бремя податей и повинностей *).

*) Въ другомъ мѣстѣ г. Анненковъ говоритъ, что предполагаемыя фабрики должны были освободить крестьянъ «отъ платежа барскихъ и государственныхъ повинностей».

народъ,—писалъ Огаревъ въ это время пріятелю,—какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы они почитали меня за друга, который имъ желаетъ добра и сдѣлаетъ имъ его. Можетъ быть, современемъ, устроивши фабрику, я похлопочу о «комитетѣ поощренія фабрикъ и заводовъ». Вотъ новые проекты. Не знаю, понравятся ли, но я ихъ вижу теперь сквозь призму энтузіазма. Скажи мнѣ еще разъ, могъ ли я понравиться крестьянамъ? Достигъ ли я своей цѣли? Видятъ ли во мнѣ доброжелателя? Кто мнѣ скажетъ: да! то я радуюсь, какъ ребенокъ». Мы видѣли выше, что, по крайней мѣрѣ, крестьяне рязанской вотчины Огарева не могли быть имъ особенно довольны, а остальные его планы относительно своихъ крѣпостныхъ, если не ошибаемся, остались въ области мечтаній *).

Между тѣмъ, Герценъ, коротая дни въ новгородской ссылке, интересовался всякою новостью по крестьянскому вопросу, не только въ силу своихъ общихъ воззрѣній, но и потому, что въ томъ отдѣленіи губернскаго правленія, гдѣ ему пришлось служить, сосредоточивались, между прочимъ, дѣла крестьянъ, жаловавшихся на помѣщиковъ, и обратно, и о крѣпостныхъ людяхъ, отыскивающихъ свободу. Ему удавалось иногда добиться освобожденія дѣвушки, неправильно закрѣпощенной, или отдать подъ опеку имѣніе жестокаго помѣщика. Указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ не могъ, конечно, удовлетворить Герцена **).

*) Въ собраніи стихотвореній Огарева, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1856 г., мы только въ одномъ мѣстѣ находимъ опредѣленный намекъ на крѣпостное право. Въ стихотвореніи *Зимній путь*, посвященномъ П. В. А. (безъ сомнѣнія, г. Анненкову), авторъ упоминаетъ о сосѣдяхъ, „боевни ручки“ которыхъ отъ узорчатой каменн и банонокъ съ вареньемъ

„Перебираются къ щекамъ
Своихъ зануганныхъ служанокъ!“ (стр. 148).

**) „Апрѣля 2,—писалъ онъ,—вышелъ указъ, дозволяющій помѣщикамъ дѣлать условія съ крестьянами, которые остаются при землѣ, но уже дѣлаются въ среднемъ положеніи между крѣпостными и помѣщичьими, подъ названіемъ обязанныхъ. Причина, сказано, чтобъ земли не выходили изъ дворянскихъ родовъ; но есть ли это ограниченіе права отпуска въ свободные хлѣбопашцы—ясно не видно. Если обязательной указъ не имѣетъ: это предложеніе тѣмъ, кто хотятъ. Побудительной причины хотѣть не предвидится. Состояніе у крестьянъ мнимо улучшится. Это *ex-attachés à la glèbe* среднихъ вѣковъ, *la gente corvéable et taillable*. Замѣчательнъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, объявляющій, что въ этомъ указѣ (который давно былъ ожидаемъ) ничего новаго нѣтъ, что онъ относится къ желающимъ и чтобъ не смѣли *подразумѣвать* иной смыслъ, *мнимое* освобожденіе крестьянъ etc. etc. etc. *Ne réveillez pas le chat, qui dort!*“

Въ июль мѣсяцъ 1842 года, т.-е. черезъ годъ послѣ прїѣзда въ Новгородъ, Герцену удалось переселиться въ Москву.

Крестыанскій вопросъ въ Россіи, конечно, продолжалъ занимать Герцена. Въ маѣ 1843 г. онъ познакомился въ Москвѣ съ извѣстнымъ изслѣдователемъ нашего отечества, бар. Гакстгаузеномъ, и такъ передаетъ свое впечатлѣніе отъ этого знакомства: «Я имѣлъ случай говорить съ Гакстгаузеномъ; меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще. Онъ находитъ важнымъ элементомъ сохранившуюся изъ древности общинность (т.-е. общинное землевладѣніе), ее-то надобно развивать сообразно требованіямъ времени. Индивидуальное освобожденіе съ землею и безъ земли онъ не считаетъ полезнымъ: оно противупоставляетъ единичную слабую семью всѣмъ страшнымъ притѣсненіямъ земской полиціи. Онъ хотѣлъ, чтобъ ему сказали нормальное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ господину, напр., въ Московской губерніи, алгебраическую формулу, такъ сказать. Но это вздоръ; еслибъ отношеніе общины сельской къ помѣщику измѣнялось съ ея величиною, съ количествомъ земель или иныхъ условій жизни, тогда можно бы понять какую-нибудь норму. Это не такъ. Состояніе общины № зависитъ оттого, что помѣщикъ ея богатъ или бѣденъ, служить или не служить, живетъ въ Петербургѣ или деревнѣ, управляетъ самъ или прикащикомъ. Вотъ это-то и есть жалкая и безпорядочная случайность, подавляющая собою развитіе. Между прочимъ, говоря о дворовыхъ людяхъ и мастеровыхъ, бар. Гакстгаузенъ замѣтилъ: «il y a des principes d'un saint-simonisme renversé (à chascun selon ses talents), т.-е. что чѣмъ талантливѣе, тѣмъ больше дуютъ съ него оброка. Демократическая нивелировка.»

Лѣто 1843 г. Герценъ провелъ въ селѣ Покровскомъ и могъ здѣсь хорошо познакомиться съ положеніемъ нашего народа. «Бѣдный русскій мужицъ!—писалъ онъ въ это время.—И что досаднѣе всего видѣть, — средство поправить его состояніе по большей части подъ его руками, алчность помѣщиковъ и неустройство государственныхъ крестьянъ повергаетъ ихъ въ это положеніе... Возлѣ ихъ бѣдныхъ полей богатыя поля помѣщика, обработанныя его руками, скирды хлѣба, копны сѣна. Какое ангельское самоотверженіе! Сегодня приходили къ окну нищія изъ сосѣдней деревни, помѣщикъ выгоняетъ ихъ на работу поголовно, — у нихъ хлѣба нѣтъ, это бросается въ глаза, а если

есть только хлѣбъ, то совѣсть помещика чиста. Чего же имъ болѣе?—они сыты. Мы дивимся гладиаторамъ, а развѣ черезъ вѣкъ не будутъ дивиться намъ, нашей свирѣпой жестокости, отсутствію человѣколюбія въ насъ? Чѣмъ мы лучше суринамскихъ колонистовъ, англичанъ въ Индіи? Нѣтъ, мы хуже, потому что крестьяне наши лучше дикихъ; вѣрно, грустно несутъ они тяжелый крестъ жизни, черно проводятъ ее, имѣя въ перспективѣ розги, голодъ и барщину,—если оброчный,—рекрутство, взятіе во дворъ. Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей; все это хорошіе зародыши, и долею они основаны на неразвитости; такъ, у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистичнаго характера европейскаго; но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій,—словомъ, возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности въ смыслѣ личнаго владѣнія, когда его полоса—не его полоса, когда даже жена, дочь и сынъ не его? Какая собственность у раба? Онъ хуже пролетарія: онъ гез, орудіе для обрабатыванія полей. Баринъ не можетъ убить его, также какъ не могъ при Петрѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ срубить дубъ. Дайте ему право суда, тогда только онъ будетъ человѣкомъ. 12 мил. людей *hors la loi*. *Carmen horrendum*».

Во время новгородской ссылки въ 1841 г. Герценъ началъ писать свой романъ *Кто виноватъ?* но окончилъ его лишь черезъ 5 лѣтъ, въ Москвѣ. Вполнѣ напечатанъ онъ былъ, кромѣ нѣкоторыхъ цензурныхъ исключеній, въ *Современникѣ* 1847 г. Въ этомъ произведеніи во многихъ мѣстахъ затрогивалось крѣпостное право. Такъ, помещикъ Негровъ, принудивъ свою крѣпостную дѣвушку сдѣлаться его любовницей, затѣмъ приказываетъ жениться на ней своему камердинеру. Барыня, крѣпостною которой была въ молодости мать Бельтова, занималась *продажею парней въ рекруты, не стысясь очередью* (эти слова не были въ свое время пропущены цензурой, несмотря на смягчающую оговорку: «это было очень давно, и что теперь рѣдко встрѣчается, то было еще въ обычаѣ тогда» *). Она же, отправивъ 3—4 дворовыхъ дѣвочекъ въ одинъ московскій пансіонъ,

* Изъ мѣстъ, гдѣ затрогивалось крѣпостное право, было еще не пропущено цензурой слѣдующее: „Губернаторъ возненавидѣлъ Круциферскаго за, то, что онъ не далъ свидѣтельства о естественной смерти засѣченнаго кучера одного помещика“.

вырастила изъ нихъ крѣпостныхъ гувернантокъ, которыхъ и отдавала въ дворянскія семьи за извѣстную плату, которая шла, разумѣется, въ ея пользу. Одной изъ нихъ она дозволяетъ выкупиться за 2,000 р., а до взноса всей суммы налагаетъ ежегодный оброкъ въ 120 р. Дубасовская предводительша собственноручно бьетъ мальчика-лакея за разбитую тарелку, а ея супруга авторъ характеризуетъ такъ:

«Это былъ образецъ кротости въ семейныхъ дѣлахъ; странно было видѣть, какъ измѣнялся онъ, переходя изъ конюшни въ столовую, съ гумна въ спальню или диванную. Еслибъ мы не имѣли достовѣрныхъ документовъ отъ извѣстныхъ путешественниковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что одинъ и тотъ же англичанинъ можетъ быть отличнѣйшимъ плантаторомъ и прекраснымъ отцомъ семейства, то мы сами усомнились бы въ возможности такой двойственности. Впрочемъ, разсуждая глубже, можно замѣтить, что это такъ и должно быть: внѣ дома, т.-е. на конюшнѣ и на гумнѣ, Барпъ Кондратьевичъ велъ войну, былъ полководцемъ и наносилъ врагу наибольшее число ударовъ; врагами его, разумѣется, являлись непокорные крамольники—лѣнь, не совершенная преданность его интересамъ, не совершенное посвященіе себя четверкъ гнѣдыхъ и другія преступленія. Въ залѣ своей, напротивъ...» и т. д.

Въ повѣсти *Сорока-воровка*, оконченной въ началѣ 1846 года, напечатанной въ *Современникѣ* и имѣвшей, по свидѣтельству Бѣлинскаго, большой успѣхъ, Герценъ затрогиваетъ также крѣпостное право, и именно ужасное положеніе крѣпостной интеллигенціи. Тутъ, подъ именемъ кн. Скалинскаго изображенъ извѣстный гр. Каменскій и его крѣпостная труппа провинившихся актеровъ, которую отправляютъ на мѣсяць въ сибирку, заставляють тамъ твердить роли и прямо оттуда приводить на сцену. Герония повѣсти, крѣпостная актриса князя, рассказываетъ свою ужасную судьбу: прежній ея помѣщикъ, добрый и простой человекъ, уважалъ ее, цѣнилъ ея таланты, далъ средства выучиться по-французски, возилъ съ собою въ Италію, Парижъ, гдѣ она видѣла игру Тальмы и Марсь, и послѣ полугодовой жизни въ Парижѣ она вернулась на провинціальнѣйшій театрикъ; но помѣщикъ умираетъ скоропостижно, не давъ ей свободы, и труппу покупаетъ кн. Скалинскій. Здѣсь талантливая артистка невыносимо страдаетъ отъ преслѣдованій князя, терпитъ гоненія за то, что не хочетъ сдѣлаться его любовницей, и наживаетъ чахотку *).

*) До какой степени цензура старалась вытравливать всякій намекъ на крѣпостное право, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ *Современникѣ* за 1847 г. была напечатана другая статья Герцена: *Объ историческомъ развитіи чести*. Въ ней,

Въ маѣ 1846 г. умеръ отецъ Герцена. Старикъ Яковлевъ и его братъ, сенаторъ, взаимно завѣщали другъ другу родовое имѣніе, съ тѣмъ, чтобы получившій наслѣдство передалъ его въ свое время ихъ племяннику Голохвастову. Часть своего имѣнія отецъ Герцена продалъ и назначилъ сыну Александру капиталъ, и, вромѣ того, далъ ему небольшое имѣніе въ Костромской губерніи; затѣмъ все остальное имѣніе по духовному завѣщанію старика Яковлева перешло къ Голохвастову, а капиталъ и дома были завѣщаны матери Александра Ивановича, ему и его брату; съ условіемъ равнаго раздѣла. Въ завѣщаніи было, между прочимъ, сказано, что всѣ дворовые, хорошо и усердно служившіе, должны быть отпущены на волю. Голохвастовъ, не зная, кто и какъ служилъ въ домѣ, предоставилъ А. И. Герцену разборъ ихъ правъ. Онъ помѣстилъ въ списокъ всѣхъ до одного служившихъ его отцу, но о свободѣ просили и разные дворовые прежнихъ поколѣній съ своимъ потомствомъ, явились съ такою же просьбою даже и никогда не служившіе въ домѣ, а всегда ходившіе по паспортамъ. Герценъ далъ всѣмъ свидѣтельства, и Голохвастовъ, хотя и понималъ, что половина этихъ лицъ никогда не была на службѣ, выдалъ имъ отпускныя. Широко надѣливъ, такимъ образомъ, свободу съ разрѣшенія Голохвастова дворовыхъ своего отца, Герценъ, однако, не позаботился передъ отъѣздомъ за границу, задуманномъ имъ еще до смерти старика Яковлева, объ освобожденіи крестьянъ своего костромскаго имѣнія, на которое впоследствии былъ наложенъ секвестръ. Такъ какъ пожалованіе населенныхъ имѣній прекратилось еще въ началѣ царствованія Александра I, то, слѣдовательно, крестьяне этого имѣнія, безъ сомнѣнія, остались въ казенномъ вѣдомствѣ, и, такимъ образомъ, сама судьба доставила свободу тѣмъ крѣпостнымъ, объ увольненіи которыхъ не подумалъ Александръ Ивановичъ. Упомянемъ кстати, что близкій пріятель Герцена и Огарева и членъ ихъ кружка, существовавшего въ первой половинѣ 30 г., Сазоновъ, избавившійся тогда какимъ-то чудомъ отъ ареста и нѣсколько позднѣе эмигрировавшій за границу, продолжалъ тамъ, при посредствѣ своихъ сестеръ, получать по 20 тыс. франковъ

между прочимъ, были исключены цензурою слѣдующія мѣста: „Переходъ отъ авторитета къ авторитету похожъ на то, что дѣлали въ старину наши крестьяне: они пользовались Юрьевымъ днемъ только для того, чтобы, по собственному выбору, избрать барина нѣсколько лучше“. Или: „Вильберфорсъ началъ своевольно хлопотать объ освобожденіи негровъ и послѣ, долгихъ, многолѣтнихъ трудовъ достигъ желаемаго“.

дохода съ своего имѣнія: очевидно, и онъ не освободилъ своихъ крестьянъ.

Во время жизни Герцена въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, до отъѣзда за границу, споры о новѣйшихъ ученiяхъ въ общественныхъ наукахъ постепенно привели къ рѣшительному разногласiю въ кружкѣ нашихъ западниковъ. Грановскiй относился отрицательно къ этимъ ученiямъ.

«Признавая европейскiй социализмъ, — говоритъ г. Анненковъ, — явленiемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманiя ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, онъ смотрѣлъ на него, какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ниоткуда. Социализмъ, — говорилъ онъ, — чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что приучаетъ отыскивать разрѣшенiя задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ». Иначе отнеслись къ нему Герценъ и Бѣлинскiй. «Воинственные манифесты социализма, возвѣщавшiе истребительный походъ его на европейскую цивилизацию, не приводили ихъ въ ужасъ. Они оба смотрѣли въ лицо всѣмъ симптомамъ разложенiя, грозившимъ, по ихъ мнѣнiю, Европѣ со стороны социализма, не призывая, но и не ужасаясь развалинъ, которыя онъ долженъ произвести. Они думали, что изъ пепла старой цивилизации Европы возникнетъ фениксъ, — новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитiя».

Въ 1847 г. Герценъ уже былъ за границей и въ 10 и 11 №№ *Современника* за этотъ годъ появились его *Письма изъ Avenue Marigny*. Нѣкоторыя мѣста во второмъ письмѣ прямо задѣвали одну сторону жизни нашего крѣпостническаго общества, а именно неумѣнье обойтись безъ крѣпостной дворни, задѣвали живымъ описанiемъ свободной, не лишенной чувства человѣческаго достоинства, слѣдящей за журналами и газетами парижской прислуги *). Но не въ этихъ, довольно невинныхъ, выходкахъ противъ крѣпостническихъ привычекъ русскаго общества заключалось значенiе *Писемъ изъ Avenue Marigny*. Они возбудили

*) „Вы всегда можете за дѣломъ позвать портье, — говоритъ Герценъ, — но, разумѣется, онъ померзъ бы со снѣгу, еслибъ вы его позвали на пятнй этажъ затѣмъ, чтобъ онъ набилъ вамъ трубку или подаль платокъ изъ другой комнаты; да въ этомъ-то и состоитъ нравственная выгода образованной жизни, что она отучаетъ отъ дикихъ привычекъ“.

серьезное вниманіе читателей и весьма несходные отзывы даже среди друзей автора тѣмъ, что тутъ впервые вполне ясно высказалось, насколько это было, разумѣется, возможно при тогдашнихъ условіяхъ нашей печати, отрицательное отношеніе къ западно-европейской буржуазіи, къ буржуазной политической экономіи и горячая вѣра въ грядущее значеніе четвертаго сословія. Для русской читающей публики было въ высокой степени важно и то, что авторъ этихъ статей придавалъ первостепенную важность вопросамъ экономическимъ и, требуя передачи въ руки рабочихъ орудій производства, такимъ образомъ ставилъ рабочий вопросъ на Западѣ, что отсюда было естественное и прямое приложеніе его взглядовъ и къ первостепенному вопросу русской жизни, — вопросу о паденіи крѣпостнаго права. Люди, сочувствовавшіе мнѣніямъ автора *Писемъ изъ Avenue Marigny*, были, само собою разумѣется, не только страстными ненавистниками крѣпостнаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они могли желать освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ и съ сохраненіемъ такого важнаго проявленія здравыхъ общественныхъ стремленій въ русскомъ народѣ, какъ общинное землевладѣніе. Вотъ почему мы и считаемъ необходимымъ останавливаться не только на взглядахъ Герцена и Вѣлинскаго на крестьянскій вопросъ, но хотя бѣгло указывать и на ихъ отношеніе къ современнымъ ученіямъ объ обществѣ. Въ то время приходилось еще доказывать первостепенную важность экономическихъ вопросовъ, и потому Герценъ въ четвертомъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «Считать чѣмъ-то подчиненнымъ и грубымъ стремленіе къ развитію повсюднаго довольства, стремленіе вырвать у слѣпой случайности распредѣленіе силъ и орудій, привести трудъ, цѣнность, плату, обладаніе къ разумнымъ началамъ, къ неизблемымъ правиламъ, раскрыть дѣйствительные законы общественнаго достоянія могутъ одни закоснѣлые романтики и идеалисты... Все несчастье прошлыхъ переворотовъ состояло именно въ упущеніи экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрѣла, чтобы занять свое мѣсто. Тутъ одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи остались словами и идеями». Все это избитыя истины теперь, но было большою новостью въ русской литературѣ второй половины 40 годовъ. Однако, указывая на важность экономическихъ явленій, Герценъ, въ то же время, предостерегаетъ читателей противъ буржуазной экономической науки. Политическая экономія, по его словамъ, по-

слѣдовательно говорила немущему: «не женись, не имѣй дѣтей, поѣзжай въ Америку, работай 12 часовъ или умирай съ голоду». Къ этимъ совѣтамъ, продолжаетъ Герценъ, наука прибавляла поэтическую сентенцію, что не всѣ приглашены природою на пиръ жизни, и злую иронию, что вольному воля, что нищій пользуется тѣми же гражданскими правами, какъ Ротшильдъ *).

Многое изъ высказаннаго въ этой статьѣ Герцена показало въ западническомъ кружкѣ и теоретически-одностороннимъ, и практически-вреднымъ. Нѣкоторые изъ друзей Герцена считали его горячія филиппики противъ буржуазнаго политическаго и общественнаго строя несвоевременными, въ виду тогдашней русской дѣйствительности, и протесты противъ буржуазіи, по выраженію г. Анненкова, «непригодными для русскаго общества, которое еще лишено образовательныхъ элементовъ, принесенныхъ нѣкогда этой самой буржуазіей въ исторію». Но Бѣлинскій, попавъ за границу, «обнаружилъ, по свидѣтельству того же автора, возрѣнія на западную культуру, близко подходившія къ возрѣніямъ Герцена». Въ посланіи къ Боткину, который, восхищаясь литературною формою *Писемъ изъ Авение Marigny*, не соглашался съ ихъ направлениемъ, Бѣлинскій горячо защищаетъ Герцена: «Эти письма, — говоритъ онъ, — писались при мнѣ, на моихъ глазахъ», но дѣя живымъ впечатлѣніемъ фактовъ, не подлежащихъ сомнѣнію; не отвергая возможныхъ преувеличеній, Бѣлинскій рѣшительно не согласенъ съ тѣми осужденіями, какія высказывались московскими друзьями. Увлеченный защитой, Бѣлинскій пишетъ длинное разсужденіе о буржуазіи и другихъ общественныхъ вопросахъ того времени, о борьбѣ капитала и труда, по свидѣтельству г. Пышина, въ томъ смыслѣ, какъ разсуждалъ объ этихъ вещахъ и авторъ *Писемъ*. Нельзя не пожелать, ради уясненія міросозерцанія Бѣлинскаго въ послѣдніе годы его жизни, чтобъ это письмо было напечатано вполнѣ.

Не имѣя возможности высказывать свои идеи въ нашей печати, Бѣлинскій не могъ не придти въ страшное раздраженіе, когда вышло въ свѣтъ такое, идущее въ разрѣзъ съ стремленіями всѣхъ лучшихъ людей того времени, произведеніе и, къ тому же, принадлежащее перу гениальнаго и самимъ критикомъ превознесеннаго писателя, какъ *Переписка съ друзьями* Гоголя.

*) *Современникъ* 1847 г., № 11, стр. 126—129.

Печатный разборъ Бѣлинскаго *) Гоголь принялъ за результатъ лишняго раздраженія и въ этомъ смыслѣ написалъ своему критику, когда тотъ лѣтомъ 1847 г. находился за границей. Бѣлинскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отвести душу, и написалъ Гоголю свое знаменитое письмо изъ Зальцбрунна (15 іюня), разошедшееся въ спискахъ по всей Россіи, сдѣлавшееся своего рода знаменемъ и даже послужившее въ скоромъ времени однимъ изъ поводовъ къ обвиненію людей, сочувствовавшихъ высказаннымъ въ немъ идеямъ. Не имѣя въ виду говорить объ этомъ письмѣ во всемъ его объемѣ, тѣмъ болѣе, что оно еще не вполне появилось въ нашей печати, мы приведемъ изъ него лишь то мѣсто, которое прямо касается крестьянскаго вопроса. «Вы не замѣтили,—писалъ онъ Гоголю,—что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ пѣтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и съ справедливостью, и строгое, по возможности, выполненіе ихъ. А, вмѣсто того, она представляетъ собою ужасное зрѣлище, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на то и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждающіе, что негръ не человѣкъ. Это страна, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками,—Ваньками, Степками, Палашками,—страна, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромная корпорация различныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые національные вопросы теперь: уничтоженіе крѣпостнаго права и отиѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ своемъ апатическомъ полуснѣ. И въ это-то время великій писатель, который дивно-художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на себя самое, какъ будто въ зеркалѣ, явился съ книгою, которою учить варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ «неумытыми рылами». Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь,

*) *Современникъ* 1847 г., № 2; собраніе сочиненій, т. XI, стр. 80—103. См. особенно стр. 90—92.

и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно прониклись Христова ученія, совсѣмъ не то писали бы вы къ вашему агенту изъ помѣщиковъ; вы бы писали ему, что такъ какъ его крестьяне его братья по Христу и какъ братъ его не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ дать имъ свободу, или, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ къ нимъ положеніи. А выраженіе: «ахъ, ты, неумытое рыло!»... да у какого Ноздрева или у какого Сабакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу назиданія русскихъ мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что повѣрили своимъ барамъ, сами себя не считая за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ, расправѣ, идеалъ котораго вы нашли въ словахъ глупой бабы въ повѣсти Пушкина и по разуму котораго должно пороть и праваго, и виноватаго *)!... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ правъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь, вы стоите надъ бездною!... Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, какъ великую и неоспоримую истину, будто простому человѣку грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ вамъ Богъ за эту мысль, если только, передавая ее бумагѣ, вы вѣдали, что творили...» Сравнивъ приведенныя слова съ тѣмъ, что могъ Бѣлинскій сказать въ печати по поводу *Переписки съ друзьями*, мы видимъ, какъ мало имѣлъ возможности высказываться о крестьянскомъ вопросѣ въ своихъ статьяхъ нашъ знаменитый критикъ.

Когда Бѣлинскій, по пріѣздѣ въ Парижъ, прочелъ свое письмо Герцену въ полномъ объемѣ, тотъ шепнулъ на ухо П. В. Анненкову: «это гениальная вещь, да это, кажется, и завѣщаніе его». Дѣйствительно, здоровье Бѣлинскаго въ это время возбуждало самыя серьезныя опасенія. Здѣсь же, въ Парижѣ, Бѣлинскій получилъ и отвѣтъ Гоголя, который, видимо, былъ пораженъ посла-

*) Въ главѣ „Сельскій судъ и расправа“ Гоголь говоритъ: „А если разобрать каждое изъ дѣлъ зашихъ, придешь къ тому же знаменателю, то-есть оба виноваты, и видишь, что весьма здраво поступила комендантша, пославши поручика разсудить городского солдата съ бабою, подравшихся въ бивъ на деревянную шайку, снабдивъ его такою инструкціею: „разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоимъ и накажи“.

нѣмъ своего прежняго горячаго поклонника. «Я не могъ отвѣчать на ваше письмо, — говоритъ Гоголь. — Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено; могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено поражение еще прежде, нежели я получилъ ваше письмо. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но, тѣмъ не менѣе, былъ не въ силахъ отвѣчать на него. Да и что мнѣ отвѣчать? Богъ вѣсть, можетъ быть, въ вашихъ словахъ есть часть правды...» Гоголь, видимо, не могъ ориентироваться въ тѣхъ разнообразныхъ замѣчанияхъ, которыя вызвала *Переписка съ друзьями*. Онъ сообщаетъ Бѣлинскому, что получилъ уже около 50 писемъ объ этой книгѣ, и нѣтъ двухъ человекъ, мнѣнія которыхъ были бы согласны. Онъ приходитъ только къ убѣжденію, что не знаетъ Россіи, что многое въ ней измѣнилось и что ему нельзя издать двухъ строкъ о ней до тѣхъ поръ, пока, возвратившись на родину, онъ не увидитъ «многаго собственными глазами и не пощупаетъ собственными руками». Онъ, однако же, полагаетъ, что и противникъ его, быть можетъ, заблуждается во многихъ отношеніяхъ.

Но, вмѣстѣ этого отвѣта Гоголя, полученнаго Бѣлинскимъ, былъ написанъ еще другой, разорванный авторомъ и восстановленный издателемъ его переписки по сохранившимся клочкамъ; здѣсь Гоголь гораздо суровѣе и рѣзче относится къ Бѣлинскому. Оставаясь въ предѣлахъ крестьянскаго вопроса, упомянемъ, что, по словамъ Гоголя, въ его сочиненіи нѣтъ протеста противъ грамотности, а относительно положенія крѣпостныхъ онъ упрекаетъ Бѣлинскаго въ томъ, что слова послѣдняго о помѣщикахъ «отзываются временами фонъ-Визина. Съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и теперь показалось многое другое. Что для крестьянъ выгоднѣе правленіе одного помѣщика, который воспитался въ университетѣ и, стало быть, уже многое долженъ чувствовать...» (окончаніе фразы оборвано). «Не стыдно ли вамъ, — говоритъ Гоголь далѣе, — въ уменьшительныхъ именахъ нашихъ, которыя даемъ мы иногда и товарищамъ, видѣть (порабощеніе)? Вотъ до какихъ ребяческихъ выводовъ доводитъ невѣрный взглядъ на главный предметъ!»

Въ октябрѣ 1847 г. Бѣлинскій возвратился изъ-за границы въ Петербургъ. Тутъ онъ былъ крайне обрадованъ добрыми вѣстями по самому важному для него въ это время крестьянскому вопросу, и онъ успѣшилъ, при первой возможности, подѣлиться ими съ проживавшимъ тогда за границей П. В. Аннепловымъ.

Писать въ Россіи по почтѣ о подобныхъ дѣлахъ было невыгодно, но, къ счастью, нашлась огазія до Берлина, откуда письмо и было отправлено уже почтою. Приводимъ тѣ мѣста изъ этого огромнаго посланія (сообщеннаго намъ А. Н. Пыпинымъ), гдѣ авторъ трактуетъ о крестьянскомъ вопросѣ, и которыхъ мы не цитировали еще въ предыдущихъ главахъ; оно служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ горячо относился Бѣлинскій къ вопросу о паденіи крѣпостнаго права. Письмо это написано въ ноябрѣ или декабрѣ 1847 года.

«Дражайшій мой Павелъ Васильевичъ! Не удивляйтесь сему посланію, столь интересному по его содержанію: вы его получаете изъ Берлина. Больше ничего не скажу на этотъ счетъ, но прямо приступлю къ изложенію тѣхъ необыкновенно интересныхъ русскихъ новостей, которыя заставили меня на этотъ разъ взяться за перо.

«Тотчасъ же по пріѣздѣ услышалъ я, что въ правительствѣ нашемъ происходятъ большія движенія по вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Г. И. (Государь Императоръ) вновь и съ большею противъ прежняго энергіею изъясилъ свою рѣшительную волю касательно этого великаго вопроса. Разумѣется, тѣмъ болѣе рѣшительную волю и искусство обнаружили окружающіе его *отцы отечества*, чтобы отвлечь его волю отъ этого крайне непріятнаго имъ предмета. Искренно раздѣляетъ желаніе Г. И. только одинъ Бяслъ (Биселевъ); самый рѣшительный и, къ несчастію, самый умный и знающій дѣло противникъ этой мысли—Миншвъ (Меншиковъ)...» Далѣе Бѣлинскій сообщаетъ о запросѣ, сдѣланномъ правительствомъ тульскому дворянству, каковы его намѣренія по крестьянскому вопросу *), и затѣмъ продолжаетъ: «Перовскій выписалъ въ Питеръ Маслова для совѣщанія съ нимъ о средствахъ разрѣшить вопросъ на дѣлѣ. Трудность этого рѣшенія заключается въ томъ, что правительство рѣшительно не хочетъ дать свободу крестьянамъ безъ земли, боясь пролетаріата, и, въ то же время, не хочетъ, чтобы дворянство осталось безъ земли, хотя бы и при деньгахъ. Вы имѣете понятіе о Масловѣ. Это человѣкъ не глупый, но пустой и ничтожный, болтунъ на всѣ руки, либераль на словахъ и ничто на дѣлѣ. Роль, которую онъ теперь играетъ, забавляетъ его самолюбіе и даетъ пищу болтовнѣ, а онъ и безъ того помолчать не

*) Это мѣсто было приведено нами въ X главѣ нашей статьи. См. *Русскую Мысль* 1886 г., кн. VII, стр. 98—99.

любить. Онъ говорить, что въ губерніи его считаютъ Вашингтономъ (по-его, это значитъ быть радикаломъ въ либерализмѣ), а вотъ мы, молодое поколѣніе, хотѣли бы его повѣсить, какъ консерватора, хотя, по правдѣ, мы не считаемъ его достойнымъ такого строгаго наказанія, а думаемъ, что довольно было бы прогнать его по шеѣ къ его лошадямъ, на заводъ, писать для нихъ конституцію: это его настоящее мѣсто—конюшня *). Перовскій, который въ душѣ своей противъ освобожденія рабовъ, а по своему шаткому положенію (онъ теперь въ немилости) объявилъ себя (съ Уваровымъ) за необходимость освобожденія **), радъ, что нашелъ въ Масловѣ человѣка, къ которому можетъ посылать всѣхъ для переговоровъ. Но не думайте, чтобы дѣло это было въ такомъ положеніи. Все зависитъ отъ воли Г. И. (Государя Императора), а она рѣшительна... (Далѣе идетъ рассказъ о приѣмѣ Государемъ депутатовъ смоленскаго дворянства ***)). Недавно Г. И. былъ въ Алекс (андрискомъ) театрѣ съ Биселевымъ, а оттуда взялъ его къ себѣ пить чай: фактъ, прямо относящійся къ освобожденію крестьянъ (?) ****). Конечно, несмотря на все, дѣло это можетъ опять затихнуть. Друзья своихъ интересовъ и враги общаго блага, окружающіе Г. И., утомить его проволочками, серединными, неудовлетворительными рѣшеніями, разными препятствіями, истинными и вымышленными, потомъ воспользуются маневрами или чѣмъ-нибудь подобнымъ и отклонять его вниманіе отъ этого вопроса, и онъ останется не рѣшеннымъ при такомъ монархѣ, который одинъ, по своей мудрости и твердой волѣ, способенъ рѣшить его. Но тогда онъ рѣшится самъ собою, другимъ образомъ, въ 1,000 (разъ) болѣе неприятнымъ для русскаго дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спятъ и видятъ освобожденіе. Все, что дѣлается въ Питерѣ, доходить до нихъ разумнѣя въ смѣшныхъ и уродливыхъ формахъ, но въ сущности очень вѣрно. Всѣ убѣждены, что царь хочетъ, а гос-

*) Здѣсь мы опускаемъ основанный на неточныхъ слухахъ рассказъ о Масловѣ, который Бѣлинскій самъ исправляетъ ниже въ томъ же письмѣ.

***) Тутъ, вѣроятно, имѣется въ виду записка Перовскаго, представленная въ секретный комитетъ 1846 года, въ которой были серьезныя предположенія относительно ограниченія крѣпостнаго права, въ свое время не осуществленныя (см. VII гл. нашей статьи).

****) Мѣсто это приведено нами въ VIII главѣ нашей статьи. См. *Русскую Мысль* 1885 года, кн. V, стр. 104—106.

*****) Изъ этого видно, какъ люди, пламенно желавшіе освобожденія крестьянъ, искали намековъ на предстоящее исполненіе ихъ желанія въ самыхъ ничтожныхъ фактахъ, не имѣющихъ съ этимъ дѣломъ, быть можетъ, ни малѣйшей связи.

пода не хотять. Обманутое ожиданіе ведетъ къ рѣшеніямъ отчаяннымъ. Перовскій думалъ предупредить необходимость освобожденія крестьянъ мудрыми распоряженіями, которыя юридически опредѣляли бы патріархальныя по ихъ сущности отношенія господъ къ крестьянамъ и обуздали бы произволъ первыхъ, не ослабивъ повинovenія вторыхъ: мысль, достойная человѣка благонамѣреннаго, но ограниченнаго! Попытку свою началъ онъ въ Бѣлоруссіи возобновленіемъ уже забытаго тамъ со временъ присоединенія Литвы къ Россіи *инвентарія*. Поляки и жида растолковали мужикамъ, что инвентарій значитъ то, что царь хочетъ ихъ освободить, а господа не хотять, и что царь, бывши въ Кіевѣ, хотѣлъ къ нимъ захватъ, а господа не пустили его. Я думаю, что тутъ даже не нужна была интервенція поляковъ и жидовъ, и что такое толкованіе могло само собою родиться въ крестьянскихъ головахъ, уже настроенныхъ къ мысли о свободѣ. И такъ, Перовскій достигъ цѣли, совершенно противоположной той, какую имѣлъ. Оно и понятно: когда масса спитъ, дѣлайте, что хотите, все будетъ по вашему; но когда она проснется, — не дремляйте сами, а то быть худу...

«Такъ вотъ-съ, мой дражайшій, и у насъ не безъ новостей и даже не безъ признаковъ жизни. Движеніе это отразилось, хотя и робко, и въ литературѣ. Проскальзываютъ тамъ и сямъ статейки, очень осторожныя и умѣренныя по тону, но понятныя по содержанію. Вы, вѣрно, уже получили статью Заблоцкаго. Въ другое время нельзя было бы и думать напечатать ее, а теперь она прошла *). Мало этого, недавно въ *Жур. Мин. Народ. Просв.* ее разбирали съ похвалою и выписали мѣсто о злѣ *обязательной ренты* **). Помѣщики наши проснулись и затолковали. Видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжить и надо взять иную дорогу. Очень интересна теперь *Землед. Газета*—органъ мнѣній помѣщиковъ и т. д. О всемъ этомъ вамъ дадутъ понятіе XI и особенно XII №№ *Современника* (смѣсь) ***).

*) *Отечественныя Записки* 1847 г., т. 52, № 5 в 6. *Причины колебанія цѣны на хлѣбъ въ Россіи*. Бѣлинскій съ восторгомъ относится къ этой статьѣ въ письмѣ къ Боткину отъ 4—5 ноября: „Архъ и просто превосходѣйшая статья, во мнѣніи о которой, я увѣренъ, ты à la lettre согласенъ и пересогласенъ со мною“. Печатный отзывъ о ней см. въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, т. XI, стр. 429—430.

***) Такъ, по цензурнымъ причинамъ, Заблоцкій называлъ крѣпостной трудъ.

***) Здѣсь передаются изъ *Земледѣльческой Газеты* и другихъ изданій тогдашніе толки о мѣрахъ къ улучшенію нашего сельскаго хозяйства, т. е., главнымъ образомъ,

«Что же у насъ новаго? Разнесся было слухъ, что Воронцовъ, по неудовольствію, отказывается отъ Кавк(аза), ссылаясь на болѣзнь глазъ. Но эта болѣзнь была не выдуманная; онъ выздоровѣлъ и не думаетъ оставлять Кавказа. А то было говорили, что на его мѣсто пошлютъ Меншикова, чтобы избавиться отъ докучнаго оппонента по вопросу объ освобожденіи...

«Перовскій въ немилости и, говорятъ, еле держится».

Изъ этого письма видно, что всѣ свои надежды относительно крестьянскаго вопроса Бѣлинскій возлагалъ на Императора Николая и Биссева и, въ то же время, былъ твердо убѣжденъ, что нерѣшительность правительства въ этомъ отношеніи можетъ повести къ серьезнымъ народнымъ волненіямъ, а, съ другой стороны, отрицательное отношеніе Бѣлинскаго къ предложеніямъ Перовскаго объ ограниченіи крестьянскихъ повинностей инвентарями, показываетъ, что интеллигентный кружокъ, членомъ котораго былъ Бѣлинскій, не считалъ достаточнымъ ограниченіе крѣпостнаго права, а былъ увѣренъ, что настало время для его совершеннаго уничтоженія. Это видно также и изъ первыхъ сочиненій Герцена, написанныхъ и изданныхъ имъ за границую.

Скоро, однако, Бѣлинскому пришлось разочароваться въ своихъ пламенныхъ надеждахъ на предстоящія серьезныя мѣры правительства противъ крѣпостнаго права. 15 февраля 1848 г., въ письмѣ къ П. В. Анненкову, писанномъ уже рукою не самого Бѣлинскаго, а подъ его диктовку его женою, Виссаріонъ Григорьевичъ съ горькою ироніею извѣщалъ пріятеля, что «дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ не подвигается. Надняхъ прошелъ въ государственномъ совѣтѣ законъ, позволяющій крѣпостному крестьянину имѣть собственность съ позволенія своего помѣщика!» *).

Но если Бѣлинскій разочаровался передъ смертью въ своихъ надеждахъ на правительство въ дѣлѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса, то за то нѣсколько ранѣе онъ могъ привѣтствовать нѣкоторыя произведенія нашихъ молодыхъ беллетристовъ, какъ важную силу, которая должна была оказать большое вліяніе и на общество, и на представителей правительственной власти

о крѣпостномъ трудѣ, очень осторожно и съ агрономической точки зрѣнія. Статьи, посвященныя критикѣ крѣпостнаго права съ экономической и агрономической точекъ зрѣнія, мы рассмотримъ особю.

*) Печальная исторія изданія этого закона разсказана въ VII главѣ нашей статьи. См. *Русскую Мысль* 1885 г., кн. III, стр. 47—55.

болѣе или менѣе яркими изображеніями крѣпостническаго самоуправства и горемычнаго положенія народа. Оффиціальныя записки и проекты по крестьянскому дѣлу были недостаточно краснорѣчивы; нужно было, чтобы это дѣло взяли въ свои руки художники. На этотъ запросъ жизни въ изящной литературѣ отозвались Григоровичъ и еще болѣе Тургеневъ; Бѣлинскій дожилъ до первыхъ попытокъ на этомъ пути и могъ поддержать эти начинанія своимъ мощнымъ словомъ, какъ это было уже указано въ предыдущей главѣ. Точно также онъ горячо одобрялъ и литературную дѣятельность Герцена (Искандера). Въ обзорѣ русской литературы за 1847 г. Бѣлинскій по поводу романа *«Что виноватъ?»* говоритъ, что «Искандеръ—по преимуществу поэтъ гуманности... Основная мысль его произведенія—страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства» *).

Вліяніе Бѣлинскаго сказывалось не только въ произведеніяхъ молодыхъ беллетристовъ того времени: оно много содѣйствовало правильному развитію таланта такого поэта, какъ Некрасовъ, который до знакомства съ нашимъ знаменитымъ критикомъ не могъ найти своего истиннаго призванія, не могъ набрести на настоящій путь. Некрасовъ, какъ извѣстно, провелъ дѣтство въ условіяхъ, особенно благопріятствовавшихъ близкому знакомству съ народною жизнью: передъ окошками усадьбы его родителей бурлаки тянули свои ямки при звукахъ заунывныхъ пѣсенъ, по дорогѣ проходили, звеня цѣпами, партіи каторжниковъ; дома Некрасовъ вращался въ не менѣе крѣпостнической атмосферѣ, чѣмъ его знаменитый современникъ И. С. Тургеневъ; кромѣ того, отецъ нашего поэта, служа исправникомъ, любилъ брать съ собою въ разѣзды по службѣ своего 12—13-ти лѣтняго сына, и мальчику приходилось при этомъ наблюдать самыя мрачныя и печальныя стороны народнаго быта. И, несмотря на все это, до

*). Объясняя при этомъ новое тогда для русскихъ читателей слово гуманность, Бѣлинскій приводитъ такіе примѣры: «Когда человѣкъ поступаетъ съ своими людьми, какъ слѣдуетъ человѣку поступать съ своими ближними, братьями по естеству, онъ поступаетъ гуманно; въ противномъ случаѣ, онъ поступаетъ, какъ прилично животному... Гуманный человѣкъ обойдется съ низшими себя такъ, что не допуститъ его унижать предъ нимъ свое человѣческое достоинство,—не позволитъ ему класться себѣ въ ноги, не станетъ называть его Ванькою или Ванюхою и тому подобными именами, похожими на собачьи клички, не будетъ легонько трясти его за бороду, въ знакъ своего милостиваго къ нему расположенія, чтобы тотъ, недоумываясь, говорилъ ему съ подострастіемъ: за что изволите жаловать? Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважаютъ въ другихъ человѣческаго достоинства».

тѣхъ поръ, пока на молодого Некрасова не повѣяло вліяніемъ Бѣлинскаго, пока онъ не имѣлъ возможности лично столкнуться съ нимъ, бесѣдовать и спорить съ Виссаріаномъ Григорьевичемъ, до тѣхъ поръ онъ тратилъ свои способности на разныя бездѣлки, осужденныя на скорое забвеніе. Еще въ 1841 году появляется въ *Отечественныхъ Запискахъ* одна изъ повѣстей Некрасова, но лично познакомиться съ Бѣлинскимъ ему удалось лишь черезъ два года послѣ того. По свидѣтельству Панаева, «Некрасовъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала очень пріятное впечатлѣніе. Онъ полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый практическій взглядъ не по лѣтамъ, который вынесъ онъ изъ своей труженнической и страдальческой жизни». Даже и тогда, когда эта практичность Некрасова дала себя очень больно почувствовать самому Бѣлинскому (при основаніи *Современника*), Виссаріонъ Григорьевичъ, въ февралѣ 1847 г., писалъ о Некрасовѣ: «Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь то жалко его, то досадно на него за него, а не за себя». Бесѣды съ Бѣлинскимъ, прежде всего, показали Некрасову всю недостаточность его образованія и заставили его поработать надъ своимъ развитіемъ, а многое, безъ сомнѣнія, и прямо разъяснило ему живое слово его гениальнаго учителя. «Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ, — свидѣтельствуется самъ Некрасовъ, — богато-одаренную натуру, которой не достааетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его бесѣды со мною, *импвшія для меня значеніе поученія*»; многое, что слышалъ отъ Бѣлинскаго нашъ поэтъ, было, по его собственному сознанію, «и ново, и полезно» для него.

Вліяніе Бѣлинскаго чувствуется уже въ выборѣ такой темы для беллетристическаго очерка, какъ *Петербургскіе углы*; очеркъ этотъ, напечатанный въ 1845 году въ изданномъ Некрасовымъ сборникѣ *Физиологія Петербурга* (ч. I), одно изъ лучшихъ его прозаическихъ произведеній, да это и неудивительно, такъ какъ судьба въ печальные годы его борьбы за существованіе заставила нашего поэта близко познакомиться съ жизнью петербургскаго пролетаріата. И Бѣлинскій слѣшилъ поддержать молодого писателя на пути болѣе серьезнаго творчества: «Эти очерки, — говоритъ онъ, — отличаются необыкновенной наблюдательностью и необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія. Это живая картина

особаго міра жизни, который не всѣмъ извѣстенъ, но, тѣмъ не менѣе, существуетъ, — картина, проникнутая мыслью *)).

Въ другомъ сборникѣ, изданномъ Некрасовымъ въ 1846 г., подъ заглавіемъ *Первое Апрѣля*, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе его недурное стихотвореніе: *Женщина, какихъ много*. Оно начинается такъ:

Она расла среди перинъ, подушекъ,
Дворовыхъ дѣвогъ, мамушекъ, старушекъ,
Подобострастныхъ, битыхъ и босыхъ...
Ее поддерживали съ уваженіемъ,
Ей ножи цѣловали съ восхищеніемъ
Въ избыткѣ чувствъ почтительно-нѣмыхъ.

Превратившись въ идеальную, мечтательную дѣвицу, она выходитъ замужъ за дебелаго степнаго помѣщика, ежегодно рождаетъ ему дѣтей, толстѣетъ, играетъ въ карты, занимается хозяйствомъ, и въ перечнѣ ея домашнихъ заботъ авторъ не забываетъ упомянуть, что

Печальная, чувствительная Текля
Своихъ людей не безъ отрады сѣкла.

Въ прекрасно составленномъ *Петербургскомъ Сборникѣ*, изданномъ Некрасовымъ въ томъ же 1846 г., появилось, наконецъ, извѣстное стихотвореніе *Взъ дорогъ*, — рассказъ ямщика изъ крѣпостныхъ о томъ, какъ его поженили на дворовой дѣвушкѣ, получившей воспитаніе вмѣстѣ съ барышней; понятно, что этотъ насильственный союзъ двухъ совершенно несходныхъ натуръ составляетъ источникъ глубочайшихъ страданій для той и другой стороны. Панаевъ рассказываетъ, что, когда Некрасовъ прочелъ Бѣлинскому это стихотвореніе, у Виссаріона Григорьевича за сверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ: «Да знаете ли вы, что вы поэтъ, и поэтъ истинный!» «*Взъ дорогъ* Некрасова превосходно, — говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ друзьямъ въ Москву, — и онъ написалъ и еще нѣсколько такихъ же, и напишетъ ихъ еще больше». И въ печати Бѣлинскій спѣшилъ одобрить Некра-

*) Слѣдуетъ упомянуть, что однимъ изъ представителей столичной голытьбы, изображенной въ очеркѣ Некрасова, является дворовый челоѣкъ, въ рассказѣ котораго о своей судьбѣ задѣто крѣпостное право; такъ, онъ упоминаетъ о томъ, какъ его бывалъ на охотѣ одинъ знакомый его барина, а затѣмъ, по желанію молодой барыни, „люди“, то-есть дворовые, были выгнаны изъ дома на оброкъ. Дворовый этотъ является въ Петербургѣ и, не находя мѣста, живетъ въ подвалѣ въ величайшей нуждѣ.

сова; разбирая мелкія стихотворенія, помѣщенные въ *Петербургскомъ Сборникѣ*, онъ говоритъ: «самыя интересныя изъ нихъ принадлежать перу издателя сборника, г. Некрасова. Они проникнуты мыслью... въ нихъ много умнаго, *дѣльнаго* и современнаго. Лучшее изъ нихъ *Въ дорожѣ*».

Въ другомъ стихотвореніи—*Псовая охота*, написанномъ тогда же и навѣянномъ непосредственными впечатлѣніями дѣтства поэта *), авторъ такъ рисуетъ намъ крѣпостныхъ псарей:

Хоть и худеньки у многихъ подошвы,
Да въ сюртукахъ за то желтыя прошвы,
Хоть съ толокна животы подвело—
Да въ позументахъ подъ каждыиъ сѣдло.

Но несомнѣнно лучшимъ произведеніемъ изъ числа написанныхъ Некрасовымъ въ 1846 г. было его стихотвореніе *Родина*. Напечатать его въ свое время было совершенно невозможно, и оно появилось впервые въ 1856 г., въ первомъ изданіи стихотвореній Некрасова, да и тогда пришлось прибѣгнуть къ маленькой хитрости. Авторъ не только перемѣнилъ заглавіе (вмѣсто *Родина*, *Старые хоромы*), но, кромѣ того, прибавилъ въ скобкахъ «Изъ Ларры», несмотря даже на то, что испанскій сатирикъ Ларра не писалъ стиховъ; однако, для того, чтобы сдѣлать правдоподобнѣе такое заимствованіе сюжета у иностраннаго автора, пришлось нѣсколько ослабить мѣстный колоритъ этого прекраснаго произведенія, которое начинается такъ:

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, бесплдна и пуста,
Текла среди цировъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ *рабовъ* **)
Завидовалъ житію *послѣднихъ барскихъ псовъ* ***),
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда помѣщикомъ бывалъ и я ****).

Оканчивается это произведеніе такъ:

*) Оно было напечатано въ *Современникѣ* 1847 г., т. I.

***) Въ первомъ изданіи: „людей“.

****) Въ первомъ изданіи: „собакъ и лошадей“.

*****) Въ первомъ изданіи: „гдѣ деспотомъ бывалъ, случалось, и я“. Нѣсколько далѣе, вмѣсто словъ: „Изъ дома *крѣпостныхъ любовницъ и псарей*“, въ первомъ изданіи было напечатано: „Изъ дома *гаеровъ, любовницъ и псарей*“.

И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

Стихотвореніе это, по свидѣтельству Панаева, «привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ выучилъ его наизусть и послалъ его въ Москву къ своимъ пріятелямъ... У Бѣлинскаго были эпохи, когда онъ особенно увлекался кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей. Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ».

Въ стихотвореніи *Нравственный человекъ*, написанномъ въ 1847 г. и напечатанномъ тогда же въ *Современникъ*, Некрасовъ вновь задѣваетъ крѣпостное право; приведемъ третью его строфу, которая касается интересующаго насъ вопроса:

Крестьянина я отдалъ въ повара;
Онъ удался (хорошій поваръ—счастье!),
Но часто отлучался со двора
И званью неумиленное пристрастье
Имѣлъ: любилъ читать и разсуждать.
Я, утомясь кричать и распекать,
Отчески посѣлъ его, каналью,
Онъ взялъ да утонулся *): дурь нашла!
Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла **).

Бѣлинскій въ письмѣ къ Тургеневу за границу отзывался объ этомъ стихотвореніи такъ: «Некрасовъ написалъ недавно страшно хорошее стихотвореніе. Если не попадетъ въ печать (а оно назначается въ 3 №), то пришлю къ вамъ въ рукописи. Что за талантъ у этого человѣка! И что за топоръ его талантъ!»

Написанное въ 1848 г. стихотвореніе *Вино* не появилось въ свое время въ печати, вѣроятно, по цензурнымъ причинамъ; впервые оно было напечатано въ отдѣльномъ изданіи стихотвореній Некрасова 1856 г., но и тогда строка, которая давала весь тонъ всему стихотворенію, указывая на то, что корень зла въ неограниченной помѣщицкѣй расправѣ, была измѣнена; вмѣсто словъ «безъ вины меня *баринъ* посѣлъ», было напечатано:

*) Въ *Современникъ* было напечатано: „онъ сдѣлался пьянчужкой“.

**) Въ первомъ изданіи 1856 г. эта строфа была напечатана безъ указанного цензурнаго смягченія, но во второмъ (1861 г.) была исключена цензурой.

«безъ вины меня соукій посѣлъ». Написанное тогда же, довольно слабое стихотвореніе *Извозчикъ* было впервые напечатано въ *Современникъ* въ 1855 г. (№ 5); но и тутъ самое важное мѣсто, объясняющее самоубійство извозчика тѣмъ, что деньги были крайне нужны ему для выкупа на свободу, безъ чего нравившаяся ему дѣвушка не соглашалась выйти за него замужъ, были также искажены; вмѣсто словъ «прежде выкупись на волю», было напечатано: «денегъ наживи, Ванюша».

Въ написанномъ въ 1851 году стихотвореніи *Муза* авторъ называетъ ее «печальной спутницей печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ». При печатаніи этого произведенія въ *Современникъ* 1854 г. (№ 1) два указанныхъ стиха были опущены.

Въ стихотвореніи *Прекрасная партія* (1852 г.) мы находимъ слѣдующую строфу:

Есть русскихъ множество семей,
Онѣ какъ будто добры,
Но имъ у крѣпостныхъ людей
Считать не стыдно ребры.

Въ свое время *Прекрасная партія* не была напечатана и появилась впервые въ *Библиотекѣ для Чтенія* 1856 г. (№ 9), но даже и тогда указанная строфа не была пропущена цензурой; уцѣлѣло, однако, другое мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ о своемъ героѣ, что онъ

Разстроилъ тысячу крестьянъ,
Чтобъ какъ-нибудь забыться.

Но болѣе всего Некрасовъ бичуетъ крѣпостное право въ написанномъ въ 1853 г. произведеніи подъ заглавіемъ: *Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго*. Несмотря на то, что авторъ не только назвалъ это стихотвореніе переводомъ съ французскаго, но даже выставилъ названіе французскаго сочиненія русскаго автора-помѣщика, откуда оно будто бы заимствовано, это, конечно, мистификація, къ которой авторъ прибѣгъ лишь съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе говорить отъ имени офранцузившагося барина, а, быть можетъ, и въ надеждѣ провести цензуру, подобно тому, какъ изъ подобнаго же побужденія Некрасовъ приписываетъ испанскому писателю Ларрѣ стихотвореніе *Родина*; но всѣ эти ухищренія оказались напрасными, и указанное произведеніе появилось лишь въ первомъ изданіи стихо-

твореній Некрасова, да и то съ большими урѣзками. Авторъ влагаетъ въ уста путешественника, отъ имени котораго ведетъ разговоръ, между прочимъ, слѣдующія слова о постоянныхъ полевыхъ работахъ русскихъ крестьянъ, звучащія горькою ироніей для тѣхъ, кто знаетъ истинную причину непосильнаго труда нашихъ крѣпостныхъ:

«Я думаю, земель избытокъ и лѣсовъ
Способствуетъ къ труду всегдашней ихъ охотѣ,
Но должно-бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ.
Не такова ли цѣль въ нѣмецкихъ сюртукахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?
Напайки у иныхъ замѣтилъ и въ рукахъ...
Какъ быть! не вразумишь ихъ средствами друими,
Натуры рубья!...» *)

Нѣсколько далѣе русскій путешественникъ, графъ Гаранскій, разсуждаетъ такъ:

«Но только худо то, что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій говоръ мой, спокойствіе и совѣсть
Возможно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Ворочетъ каждому неоднѣй *) ихъ языкъ:
Помѣщикъ—миходпій! а если управитель,
То вѣрно живодеръ, отъявленный рабитель! **)
Спрошу ли ямщика:—«чей, братецъ, видѣлъ должъ?»
— Помѣщика...—«Что, добръ?»—«Нешто, хороший баринъ,
Да только...—«Что, мой другъ?»—«Съ тяжельнымъ кулакомъ,
Какъ хватитъ—юдъ хворай.—«Неужто? вотъ татаринъ!»
—Э, нѣту, ничего! маненничко ретисъ,
А добрал душа, не тлѣтитъ оброкомъ,
Почасту съ мужикомъ и ласковъ, и правдивъ,
А то скулу свернетъ, вѣстимо нечарокомъ!
Куда-бъ еще ти шло за бариномъ такимъ,
А то и хуже есть. Вотъ памятное мѣсто:
Тутъ славно мужички расправились съ однимъ...
—«А что?» ***) . . . . .

Послѣ разсказа ямщика о томъ, какъ крестьянамъ четырехъ

*) Послѣднія 3 строки опущены и въ изданіи 1856 г.

**) Въ изданіи 1856 г. „лукавий“.

**) Эти двѣ строки въ изданіи 1856 г. были замѣнены слѣдующими:

„Помѣщикъ не живетъ, а нѣмецъ-управитель
Нелюдій человекъ, но...“

и затѣмъ все напечатанное у насъ далѣе курсивомъ было опущено.

***) Печатается въ такомъ видѣ и въ самихъ послѣднихъ изданіяхъ стихотвореній Некрасова.

сестеръ, мелкопомѣстныхъ помѣщницъ, живется еще хуже другихъ вслѣдствіе того, что эти барышни ежегодно подкидываютъ своимъ крестьянамъ по ребенку, — разсказа, также опущеннаго въ изданіи 1856 г., путешественникъ продолжаетъ:

«Ну, словомъ, все одно: тотъ съ дворней выпзжалъ
Разбойничать, тотъ затравилъ мальчишку;
Такихъ разсказовъ зоться такъ много я слыжалъ,
Что скучно, наконецъ, записывать ихъ въ книжку.
Уже-ль помѣщики въ Россіи таковы?» *)

Нѣкоторые изъ нихъ кажутся графу Гаранскому дѣйствительно грубыми, у нихъ *сивуха*, *черный хлѣбъ*, *овчинные тулупы* **), но «есть премилые», которые «врядъ ли мужиковъ трагуютъ, какъ свиней». Далѣе графъ разсказываетъ о собственныхъ заботахъ относительно ввѣренныхъ ему судьбою крестьянъ:

«По собственнымъ моимъ владѣніямъ проѣзжая,
Созвалъ я мужиковъ; составили кружокъ
И гаркнули: «ура!»... Съ балкона наблюдая,
Спросилъ: довольны ли?... Кричатъ: «довольны всѣмъ!»
—И управляющимъ?—«Довольны»... О работахъ
Я съ ними говорилъ, ноялъ ихъ, и затѣмъ,
Бекаса подстрѣливъ въ наслѣдственныхъ болотахъ,
Поѣхалъ далѣе... Я мало съ ними былъ,
Но видѣлъ, что мужикъ свободно ѣлъ и пилъ,
Плясалъ и пѣсни пѣлъ; а нѣмецъ-управитель
Казался между нихъ отецъ и покровитель...
Чего же имъ еще?... А если точно есть
Любители *кнута*, *поборники тиранства* ***),
Которые, забывъ гуманность, долгъ и честь,
Пятнаютъ родину и русское дворянство,—
Что-жь медлишь ты, сатиры грозный бичъ?» ****)

Пересмотрѣвъ всѣ тѣ мѣста въ написанныхъ до 1855 г. стихотвореніяхъ Некрасова, гдѣ онъ касается крѣпостнаго права, мы видимъ, что, если не считать стихотворенія *Женщина, какихъ мною*, написаннаго еще не въ томъ стилѣ, какой усвоилъ Некрасовъ со времени напечатанія *Взъ дорожъ* (1846 г.), только это послѣднее произведеніе да *Цсовая охота*, т.-е.

*) Строки, набранныя курсивомъ, пропущены въ изданіи 1856 г., а въ послѣдней строкѣ, вмѣсто слова „помѣщникъ“, поставлено „господа“.

***) Пропущено въ изданіи 1856 г.

****) Три послѣднія слова пропущены въ изданіи 1856 г.

*****) Во второмъ изданіи стихотвореній Некрасова (1861 г.) эта пьеса вовсе не была пропущена.

тѣ, гдѣ всего слабѣе задѣто крѣпостное право, не подверглись цензурнымъ урѣзкамъ въ ту эпоху. Бое-что изъ непропущеннаго прежде проникло въ печать при первомъ изданіи стихотвореній Некрасова (1856 г.) и въ нѣкоторыхъ журналахъ того времени, но затѣмъ въ изданіи 1861 г. цензорскій карандашъ опять сократилъ филиппики автора противъ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, стихотворенія Некрасова, затрогивавшія крестьянскій вопросъ, имѣли въ царствованіе Императора Николая такую же печальную судьбу, какъ и подобныя произведенія Пушкина. Некрасовъ былъ тѣмъ счастливѣе своего гениальнаго предшественника, что онъ дожилъ до наступленія времени, когда обличенія крѣпостнаго права сдѣлались уже ненужными, но и несмотря на паденіе помѣщичьей власти надъ крестьянами, вовсе не потеряли значенія слова Некрасова относительно вопроса объ улучшеніи экономическаго положенія народа:

Увы! не наше поколѣнье
Его по совѣсти рѣшить! *)

Общій обзоръ отношенія нашей художественной литературы къ крестьянскому вопросу, сдѣланный нами въ двухъ послѣднихъ главахъ, наглядно показываетъ, что обличеніе крѣпостнаго права встрѣчало сильнѣйшія препятствія со стороны нашей цензуры. При такой системѣ, лишавшей общество гуманизирующаго вліянія печати въ указанномъ отношеніи, казалось бы, нечего было удивляться, что въ массѣ нашего дворянства не находили сочувствія даже тѣ скромныя начинанія по крестьянскому вопросу, какія считалъ своевременными Императоръ Николай, и, однако, Государь самъ жаловался на то, что помѣщики не желали воспользоваться мѣрами, принятыми въ видахъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ (какъ, на примѣръ, закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ). Правительство, очевидно, не сознавало, что между упорнымъ крѣпостничествомъ нашего дворянства и почти постояннымъ, насильственнымъ молчаніемъ печати о мерзостяхъ крѣпостнаго права была прямая связь, хотя, разумѣется, крайній консерватизмъ нашихъ помѣщиковъ въ крестьянскомъ вопросѣ обусловливался и многими другими причинами.

В. Семеvскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Въ стихотвореніи, начинающемся словами: „Самодовольныхъ болтуновъ“... (1856 г.).

У ЦѢЛЕВНАГО ИСТОЧНИКА.

(AN DER HEILQUELLE).

Романъ Фридриха Шпильгагена.

Глава I.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней сентября, вскорѣ послѣ полудня, изъ главныхъ дверей hôtel d'Angleterre въ Баденъ-Баденъ вышла на свою обычную прогулку молодая дама. Съ минуту стояла она въ нерѣшительности, взглянула на безоблачное небо, застегнула верхнюю пуговицу перчатки и распустила зонтикъ. Старый портъе, опиравшійся о притолоку, быстро выпрямился, увидавъ молодую даму, и подошелъ къ ней, почтительно кланяясь.

— Надѣюсь, что вы довольны комнатами, которыя приготовлены для вашихъ гостей?—спросилъ онъ.

— Благодарю,—отвѣчала молодая дама,—ничего лучшаго мы съ мамашей не могли бы желать.

— Устроить это было не легко,—продолжалъ портъе,—мы получили сегодня еще шесть новыхъ требованій; придется отказаться отъ трехъ.

— Тѣмъ болѣе благодарна я вамъ.

— Не стоитъ,—вѣжливо отвѣчалъ старикъ.— Завтра очистится въ томъ же этажѣ еще одна комната, правда, на дворъ, но все же вамъ не нужно будетъ тогда всходить четыре лѣстницы и...

— Нѣтъ, нѣтъ;—поспѣшно отвѣчала молодая дама,—благодарю; мнѣ нравится наверху, очень нравится... Поѣздъ приходитъ въ пять, не такъ ли?

— Въ десять минутъ шестаго; теперь половина четвертаго.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ надо спѣшить.

Молодая дама ласково кивнула портье и пошла по направлению къ мосту. Старикъ почесалъ свою съдую голову, прежде чѣмъ надѣть фуражку.

— А вы опять любезничаєте?—сказалъ оберкельнеръ, наблюдвшій изъ сѣней за этой маленькой сценой.

— Молчите,—ворчливо отвѣчалъ старикъ.

— Что-жь, она очень мила, хотя хорошенькою ее не назовешь. Желалъ бы я только знать, почему она во что бы то ни стало хочетъ оставаться подъ чердакомъ, хотя я уже четыре раза предлагалъ ей другую комнату.

Высокій англичанинъ, всходившій по лѣстницѣ, ведя даму подъ руку, внезапно остановился, мигнулъ своей спутницѣ въ сторону молодой дѣвушки и, обратившись къ оберкельнеру, спросилъ по-англійски:

— Кто эта особа?

Жанъ поторопился рассказать мистеру Дугласу, что это фрейлейнъ Кора фонъ-Рембергъ и что она уже три недѣли живетъ въ гостиницѣ съ своею матерью, генеральшею фонъ-Рембергъ. Онѣ ждутъ черезъ часъ приѣзда родственниковъ, барона Оссежъ-Оссекена съ супругою, дочерью генеральши.

— Благодарю,—отвѣчалъ англичанинъ.

Пока говорилъ Жанъ, онъ не спускалъ глазъ съ удалявшейся дѣвушки, которая, миновавъ мостъ, повернула влѣво къ *Променадъ* и исчезла въ чащѣ.

— Well?—обратился онъ къ своей спутницѣ.

— Very ladylice,—отвѣчала она.

— She is a lady,—выразительно произнесъ англичанинъ.

Красивое, кроткое лицо дамы на мгновенье затуманилось, но она ничего не отвѣчала и молча шла рядомъ съ своимъ спутникомъ по лѣстницѣ.

Тѣмъ временемъ Кора, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по Лихтентальской аллеѣ, повернула назадъ и пошла между магазинами кургартена и театромъ. *Променада* была въ этотъ день еще оживленнѣе обыкновеннаго, а Кора, болѣе чѣмъ когда-либо, нуждалась въ одиночествѣ. Она знала, что найдетъ его въ прекрасной боковой улицѣ, и медленно пошла между роскошными виллами, съ одной стороны, и грандіозными аллеями *Променады* — съ другой. Здѣсь никого не было видно. Теперь она могла бы живо представить себѣ близкую сцену свиданія, подумавъ о томъ, какъ при совмѣстномъ житьѣ сложатся обстоя-

тельства для людей, въ нихъ заинтересованныхъ; но ясныя образы, опредѣленные мысли не давались ей, пока она шла, склонивъ голову; наконецъ, утомленная тщетными усиліями, она остановила затуманенный взоръ на виллѣ, бѣлѣвшей между мрачными соснами. Внезапно дѣвушка вздрогнула. На балконѣ появилась молодая дама съ крошечнымъ ребенкомъ на рукахъ и принялась медленно ходить взадъ и впередъ. Въ дверяхъ показался мужчина и прислонился къ косяку; дама остановилась передъ нимъ; онъ наклонился взадъ и впередъ, такъ что ребенокъ, вмѣсто того, чтобы вдѣшиться ему въ бороду, ловилъ ручонками только воздухъ. Веселые возгласы доносились до одинокой зрительницы. Она быстро отвернулась и продолжала путь, досадливо сдерживая слезы.

«Не стыдно ли! — думала она. — Такъ вотъ твердость духа, въ которой ты глялась самой себѣ, спокойствіе, столь необходимое для того, чтобы любимые люди не узнали твоей тайны... Но она уже не твоя. Ты подѣлилась ею съ другимъ. Правда, онъ открылъ тебѣ взаимныя и свою собственную. Но, что будетъ, если ты увидишь подобное счастье ужъ не у чужихъ людей, а у нихъ самихъ, будешь ежедневно имѣть передъ глазами ихъ благополучіе?»

Она дошла до конца улицы. Влѣво каменные ступени вели въ обширный садъ рядомъ съ *Променадою*. Здѣсь также бывало оживлено въ этомъ часѣ, но не такъ, какъ на самой *Променадѣ*. Дѣвушка спустилась по лѣстницѣ. Короткая прогулка очень изнурила ее и она охотно присѣла бы на минутку. Но немногія скамейки, попадавшіяся ей, были заняты няньками съ дѣтьми; она надѣялась, что господинъ, который шелъ ей на встрѣчу, пройдетъ мимо единственной, замѣченной ею пустой скамьи. Но вышло не такъ. Пока она была еще далеко, господинъ уже сѣлъ, снялъ шляпу, вытеръ платкомъ лобъ и спокойно глядѣлъ передъ собою, не обращая вниманія на приближавшуюся дѣвушку.

Острое, полурадостное, полуиспуганное чувство заставило Бору вздрогнуть; голова, наклоненная между широкими плечами, густые, блестящіе, темные волосы, большой бѣлый лобъ, короткая бородка, — это, навѣрное, профессоръ Эшебургъ.

Погруженный въ мысли, онъ, вѣроятно, не поднималъ бы головы; взглянулъ онъ только тогда, когда дѣвушка обликнула его. Онъ вскопчилъ, протянулъ ей обѣ руки, изъ которыхъ вы-

пала шляпа и платокъ; радость засіяла въ его черныхъ глазахъ и ласковая улыбка поразительно украсила его неправильныя черты.

— Вы здѣсь, фрейлейнъ Кора? Вѣрять ли мнѣ своимъ глазамъ? Какъ попали вы сюда?

Онъ схватилъ ея руки и крѣпко сжималъ ихъ. Потомъ выпустилъ ихъ, чтобы поднять шляпу и платокъ, и они усѣлись на скамью. Онъ все еще глядѣлъ на дѣвушку и передъ блестящимъ его глазъ она потуплялась, точно виноватая.

— Скажите же мнѣ, какъ попали вы сюда?—повторилъ онъ.— Я полагалъ, что вы уже въ Берлинѣ, или, по крайней, мѣрѣ все еще въ Гаштейнѣ; но здѣсь? Я, вѣдь, говорилъ вамъ, что чѣмъ дольше вы останетесь въ Гаштейнѣ, тѣмъ лучше.

— Но мы вовсе и не были тамъ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ профессоръ.

— И въ Карлсбадѣ не были.

Съ минуту лицо его было очень серьезно, почти мрачно, но, увидѣвъ замѣшательство дѣвушки, онъ звонко засмѣялся, потомъ тотчасъ же снова сдѣлался серьезнымъ.

— Ну, фрейлейнъ Кора, не бѣда! Мы, вѣдь, ужь привыкли къ тому, что съ *той* стороны противодѣйствуютъ нашимъ лучшимъ намѣреніямъ; противъ этого безсильны вы, какъ дочь, а я, какъ другъ и домашній врачъ. Я желалъ бы только, чтобы непослушаніе не имѣло дурныхъ послѣдствій. Вы все время были здѣсь?

— Нѣтъ, мы провели четыре недѣли въ Киссингенѣ.

— Ай, ай, ай!

— Мамашѣ отъ этого сдѣлалось очень дурно.

— Еще бы!

— Здѣсь ей стало гораздо лучше.

— Ну, и отлично. Дай Богъ, чтобы источникъ оказался цѣлебнымъ для вашей матери и для васъ также. Признаюсь, однако, что мнѣ вовсе не нравится ваше лицо.

— Мнѣ хорошо,—нетвердымъ голосомъ отвѣчала Кора.—Мнѣ всегда хорошо.—Потомъ, очевидно, съ тѣмъ, чтобы дать разговору другое направленіе, она торопливо продолжала:—Но я все еще не знаю, какъ вы-то попали въ Баденъ. Вы, вѣдь, хотѣли провести вакаціонное время въ своей милой Швейцаріи, а оттуда ѣхать прямо домой?

— Холера разстроила мои планы,—отвѣчалъ профессоръ.— Когда я былъ въ Женевѣ, я не могъ устоять противъ искушенія

посѣтить Марсель и Неаполь. Лавры Коха не давали мнѣ спать. Въ сожалѣнію онъ на нашу долю почти ничего уже не оставилъ.

— Въ сожалѣнію?

— Ну, да. Развѣ вы не предполагаете во мнѣ честолюбія? Не думаете, что мнѣ досадно, когда другой человѣкъ гораздо раньше меня и самымъ правильнымъ путемъ достигаетъ той цѣли, къ которой я такъ страстно стремился?

— Нѣтъ, не думаю; я считаю васъ безкорыстнымъ человѣкомъ.

— Я испортился отъ разлуки съ вами. Вы должны опять приняться за меня, — весело отвѣчалъ Эшебургъ. — Я благословляю случай, направившій меня изъ Страсбурга, гдѣ я былъ въ послѣднее время, сюда, такъ, безъ всякой цѣли. Но, какъ извѣстно, самое лучшее въ жизни всегда добывается именно такимъ образомъ.

Онъ сказалъ это вполне искренно и ожидалъ отъ Кору одобрительной улыбки. Его немного удивило, что дѣвушка не отвѣчала ни слова и полурасхвѣнно, полужабоченно продолжала глядѣть передъ собою, неподвижно держа въ рукахъ зонтикъ, которыми играла до той поры.

— Васъ что-то беспокоитъ, — сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія. — Не подѣлитесь ли вы этимъ со мною? Вѣдь, у насъ прежде не было тайнъ другъ для друга.

Она глубоко вздохнула. Потомъ, какъ бы принявъ тяжелое рѣшеніе, обернулась къ нему и, глядя ему прямо въ глаза, чуть слышно и торопливо произнесла:

— Гильда и Адалбертъ пріѣдутъ съ слѣдующимъ поѣздомъ.

— А!

Онъ приподнялся со скамьи, но тотчасъ же опять сѣлъ и опустилъ глаза съ напряженнымъ, почти ирачнымъ выраженіемъ.

— Безъ всякой цѣли... — повторилъ онъ шепотомъ. — Этой встрѣчи я, конечно, всего менѣе ожидалъ или желалъ. Слава Богу, никто, кромѣ васъ, еще не видалъ меня, и вы однѣ будете знать, почему я исчезну такъ же безслѣдно, какъ и пріѣхалъ.

— А я?

Густая краска разлилась по его загорѣлымъ щекамъ.

— Вы правы, — сказалъ онъ, — простите. Я былъ бы трусомъ, еслибъ бѣжалъ, когда вы должны оставаться. Я надѣялся, что пройдутъ годы и рана заживетъ. Только у

такихъ людей, какъ мы съ вами, раны туго заживаютъ, быть можетъ, никогда не залечатся. А все же вы правы; то, что вамъ придется перенести и что вы, какъ я увѣренъ, перенесете терпѣливо, не должно казаться мнѣ слишкомъ труднымъ, если я не хочу лишиться вашего уваженія и дружбы. Этого я не перенесъ бы. И такъ, фрейлейнъ Бора...—Онъ протянулъ ей руку, она подала ему свою и открыто глядя въ его темные глаза, пока онъ продолжалъ слегка дрожащимъ голосомъ:—И такъ, возобновимте нашъ старый союзъ. Если мы тогда совладали съ своимъ сердцемъ и, по мѣрѣ силъ, помогли устроить счастье двухъ любимыхъ людей, мы и теперь должны найти силу искренно радоваться ихъ благополучію... Когда придутъ они?

— Съ шестичасовымъ поѣздомъ.

— Теперь уже четыре.

Онъ выпустилъ ей руку, чтобы посмотреть на часы, и всталъ видѣть съ нею. Они пошли къ *Променадъ* по узкой тропѣ, извивающейся между клумбами.

— Мы должны торопиться, если желаемъ встрѣтить ихъ на станціи,—сказалъ профессоръ.

— Я остаюсь въ гостиницѣ,—отвѣчала Бора.—Мама этого хочетъ.

— Понимаю, — улыбаясь, сказалъ онъ. — Ради самого Бога, никакихъ уступокъ, ни одного лишняго шага! На порогъ собственнаго салона — вотъ самое настоящее дѣло! Знаете ли что: тогда и я не пойду. Это походило бы на демонстрацію, а я надеюсь, что вашимъ родственникамъ будетъ приятно увидеть меня и *post festum*. Гдѣ вы живете?

Бора сказала. Эшебургъ засмѣялся.

— Отлично; меня тоже приняли сегодня въ отель *d'Angleterre*, хотя и не очень милостиво. А теперь расскажите мнѣ, какъ все это случилось? Два мѣсяца тому назадъ Оссекъ и не помышлялъ даже о путешествіи; я никакъ не думалъ, что онъ пустится въ такой далекій путь, да еще, пожалуй, съ ребенкомъ.

— Мы и сами очень удивились этому внезапному рѣшенію,—отвѣчала Бора.—Письмо Гильды пришло третьяго дня, а черезъ часъ была получена и депеша, которою они заказывали себѣ квартиру. Надо думать, что Гильда давно уже чувствовала себя лучше, чѣмъ утверждалъ Адальбертъ.

— Во всякомъ случаѣ, — замѣтилъ Эшебургъ, — порадуемся, что она настолько поправилась. Пролежать безъ движенія шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ уже раньше лежала почти столько же, и все это въ теченіе двухъ лѣтъ, тяжеленько, въ особенности для такого молодого и живаго существа, какъ Гильда, да, пожалуй, и для Оссека, который тоже не изъ сонливыхъ. Надо надѣяться, что они ѣхали не спѣша, хотя бы ужь ради ребенка. Дайте подумать; вѣдь, ему теперь восемь мѣсяцевъ; ну, въ такомъ возрастѣ многого не сдѣлаешь.

Бора внутренне забавлялась, несмотря на то, что у нея было не весело на душѣ. Послѣднія слова Эшебургъ произнесъ такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что передъ мыслью о скоромъ свиданіи съ страстно любимой женщиной поблѣднѣли въ немъ всѣ другія чувства. На тѣ ощущенія, которыя ему пришлось пережить въ полчаса, на переходъ отъ испуга къ сладкому волненію, она имѣла три дня и три ночи, но результатъ, все-таки, оказался одинъ и тотъ же. Теперь ей чудилось, что и у нея хватить мужества бодро идти на встрѣчу предстоявшимъ мучительнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, блаженнымъ днямъ. Вѣдь, у нея есть товарищъ, съ которымъ она можетъ дѣлать все, и радость, и горе.

— Но для этого необходимо, чтобы вы остались здѣсь, — сказала она, отвѣчая на свои собственные мысли.

— Несомнѣнно, пока не кончатся мои вакаціи. Мнѣ надо же искупить мою недавнюю возмутительную трусость. Только признаюсь, безъ вашего приѣбра я едва ли нашелъ бы въ себѣ достаточно мужества... Чему вы смѣетесь?

— Тому, что вы говорите какъ разъ то самое, что и я думала, только въ обратномъ смыслѣ. Развѣ это не странно?

— Ничуть. Дружба состоятъ именно въ томъ, что люди желаютъ и не желаютъ одного и того же, сказалъ Саллюстій. Онъ могъ бы прибавить: думаютъ и не думаютъ о томъ же самомъ.

Имъ пришлось теперь свернуть на *Променладу*, переполненную гуляющими. Эшебургъ замѣтилъ, что многіе смотрятъ на Бору, потомъ вскользь и на него. Онъ шутиливо обратилъ на это вниманіе своей спутницы.

— Уже три недѣли всѣ привыкли видѣть меня одну, — отвѣчала Бора, — и теперь радуются, что одинокая дѣвушкашла, наконецъ, кавалера.

— Ботораго принимаютъ, конечно, за отца красавицы.

— Вамъ не слѣдовало бы кокетничать немногими годами, раздѣляющими насъ.

— Пятнадцать лѣтъ немалый срокъ.

— Между Адалбертомъ и Гильдою семнадцать.

— Любовь сглаживаетъ всё неровности, даже разницу лѣтъ.

Они стояли уже передъ гостиницею. Профессоръ задумчиво взглянулъ на окна.

— Ваша мать не особенно обрадуется, когда узнаетъ, что я здѣсь,—сказалъ онъ.

— Будемъ храбры.

— Конечно.

Они поднялись по ступенямъ. Въ сѣняхъ портье подалъ Бору депешу. Она вскрыла ее дрожащими руками.

— Они не прїѣдутъ?—спросилъ Эшебургъ.

Она подала ему телеграмму, къ большому удивленію стараго портье, въ глазахъ котораго господинъ изъ № 97 получилъ внезапно непредвидѣнное значеніе.

— Поставьте, пожалуйста, букетъ въ комнату Гильды,—читалъ профессоръ.

— Объ этомъ я вовсе и не подумала,—замѣтила Бора,—а теперь мнѣ надо спѣшить къ матери.

Она обернулась къ портье.

— Успѣете вы приготовить цвѣтовъ для комнаты сестры?

— Конечно.

— Нѣтъ, нѣтъ,—вмѣшался профессоръ.—Я самъ займусь этимъ. Вы мнѣ позволяете, не правда ли? Мнѣ извѣстны любимые цвѣты Гильды и я васъ не посрамлю. До свиданія.

Онъ убѣжалъ, не дождавшись отвѣта.

— Не прикажете ли распорядиться, чтобы этого господина присоединили къ вашей компаніи за табль д'отомъ?—спросилъ портье.

— Пожалуйста.

Бора медленно пошла по лѣстницѣ.

— Онъ все еще ее любитъ,—говорила она сама себѣ.—Да и можетъ ли быть иначе? Въ такихъ сердцахъ, какъ наши, сказалъ онъ, туго заживаютъ раны, быть можетъ, никогда.

Она остановилась передъ дверью комнаты матери, еще разъ глубоко вздохнула и отворила ее.

Г Л А В А II.

Эшебургъ передалъ портъ чудесный букетъ, составленный подъ его личнымъ руководствомъ, и велѣлъ отнести его въ комнату баронессы. Теперь онъ сидѣлъ въ своей мансардѣ, тяжело дыша послѣ торопливо исполненнаго порученія и четырехъ крутыхъ лѣстницъ. До табль д'ота оставался еще часъ. Профессоръ имѣлъ время отдышаться и обдумать странное положеніе, въ которое поставила его судьба. Но къ физической усталости присоединилась и душевная истома, которая мѣшала ему дать мыслямъ опредѣленное направленіе. Въ то самое время, какъ, откинувшись съ закрытыми глазами въ уголъ жесткаго дивана, онъ старался представить себѣ сцену свиданія, вызвать на своихъ губахъ спокойную улыбку, съ которою онъ хочетъ встрѣтить ее, размышляя о томъ, назоветъ ли онъ ее «gnädige Frau» или милую Гильдою, воображеніе внезапно переносило его подъ палящій зной узкихъ улицъ Неаполя, гдѣ обезумѣвшая чернь, навѣрное, растерзала бы его и его товарища итальянца, если бы не подоспѣлъ патруль берсальеровъ. Потомъ ему представился утренній полумракъ лазарета въ Pontà Mousson; онъ стоитъ съ Адалбертомъ Оссегъ у смертнаго ложа генерала, который помертвѣвшими губами шепчетъ свои послѣднія наставленія, посылаетъ поклонъ женѣ и двумъ маленькимъ дѣвочкамъ, остающимся безпомощными; пусть Адалбертъ, вернувшись домой, позаботится объ осиротѣлыхъ... Грезится ему вечеръ послѣ отъѣзда новобрачныхъ: онъ сидитъ у постели Кору, слышитъ ея дикій бредъ, открывшій ему тайну, подъ бременемъ которой чуть не изнемогла благородная дѣвушка. Какъ только она поправилась, движимый чувствомъ деликатности, онъ отвѣтилъ на ея невольное признаніе добродѣтельной исповѣдью своей собственной тайны. Чудное созданіе! Жаль, что сердце такое непокорное орудіе! Очень жаль! Если есть на свѣтѣ дѣвушка, созданная для того, чтобы сдѣлать счастливымъ любимаго человѣка, чтобы понимать его лучшія мысли, мало того, чтобы воодушевлять его къ благороднѣйшимъ чувствамъ, то именно она, болѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, не исключая даже ея, очаровательницы. «А я?»... Какъ она произнесла эти слова, когда онъ былъ настолько трусливъ, что хотѣлъ бѣжать! Какіе у нея преданные, умные глаза! Однако, какъ это странно! Эшебургъ выпрямился и провелъ рукою по лбу. Напротивъ, въ рамкѣ

открытаго окна мансарды, на темномъ фонѣ разстилавшагося за нимъ пространства онъ увидалъ лицо Боря, блѣдное, грустное, съ неподвижнымъ взглядомъ, устремленнымъ впередъ. Не галлюцинація ли это? Эшебургъ ощутилъ свой пульсъ. Никогда еще не испытывалъ онъ галлюцинацій и скептически относился къ тому, что читалъ о нихъ у психіатровъ. Онъ еще разъ взглянулъ на противоположное открытое окно. Въ темномъ пространствѣ, казавшемся ему теперь менѣе мрачнымъ, двигалась женская фигура, одѣтая въ черное, какъ и Бора, съ такимъ же стройнымъ, гибкимъ станомъ, какъ у нея; теперь фигура обратилась къ окну, чтобы запереть его. Эшебургъ не могъ долѣе сомнѣваться: это была сама Бора.

Онъ вскочилъ, подошелъ къ окну въ ту минуту, какъ дѣвушка запирала свое. Видѣла ли она его поклонъ?

«Надѣюсь, что нѣтъ,—подумалъ онъ.—Ей, пожалуй, было бы непріятно имѣть меня своимъ визави. Но какимъ образомъ попала она на четвертый этажъ? Генеральша живетъ въ первомъ и тамъ же комнаты, приготовленные для Оссека. Должно быть, и мансарда довольно хороша для Боря? Это совершенно въ духѣ всего обращенія матери съ этимъ благороднымъ существомъ. Ненавижу эту женщину. Какъ могла она только имѣть такихъ дѣтей?»

Онъ закрылъ окно и съ величайшею заботливостью принялся за свой туалетъ.

Тѣмъ временемъ Бора сидѣла съ заплаканными глазами въ своей каморкѣ, склонивъ на руки пылающую голову. Она отлично видѣла Эшебурга, и внезапное появленіе друга, который своими зоркими глазами, навѣрное, подмѣтилъ ея разстройство, только еще болѣе усилило ея горе. Какъ жестоки и несправедливы были укоры матери! Правда, они ей не новость, да и къ присутствію фрау Пультъ во время подобныхъ непріятныхъ сценъ, къ поначиванію ея головы, пожиманію плечъ и возведенію главъ къ небу ей тоже пора бы привыкнуть. Но только бы не сегодня, когда сердце ея переполнено черезъ край, когда матери надо бы, казалось, радоваться при мысли о скоромъ свиданіи съ любимою дочерью! Господи, вѣдь, Бора давно знаетъ, что Гильда избранница изъ цѣлаго милліона. И если въ этомъ милліонѣ есть хоть одна душа, готовая безъ зависти признать это превосходство, то именно она. Такъ было съ дѣтскихъ лѣтъ, когда она давала безжалостной маленькой феѣ рвать свои куклы, вплоть до того дня, когда шестнадцатилѣтняя дѣвушка прямо со

школьной счастливой сдѣлалась невѣстою чловѣка, котораго она сама безпредѣльно любила. Вплоть до того дня? А развѣ теперь уже не то, развѣ сердце ея уже не такъ горячо предано сестрѣ? Или она теперь меньше готова радоваться тому счастью, которому сама всѣми силами помогала? Она не требуетъ никакой благодарности или награды. Но если она обуздала свое сердце, отреклась отъ высшаго счастья женщины, неужели она должна ради этого обходиться и безъ любви матери?

Бора вскочила и широко отырла окно, которое притворила подъ вліаніемъ неожиданности. Но прѣтвуположное окно было теперь заперто. Она устыдилась своего движенія и подошла къ маленькому зеркалу.

«На что я похожа! — сказала она сама себѣ. — Что подумалъ бы онъ, если бы увидалъ меня съ заплаканными глазами, дрожащими губами? Это ли та бодрость духа, за которую онъ меня постоянно прославляетъ? Никто не долженъ знать, что происходитъ въ нашей душѣ; помочь намъ въ нуждѣ люди не хотятъ и не могли бы, если бы даже захотѣли».

Она распустила волосы и снова тщательно причесала ихъ; выбрала изъ своего скромнаго гардероба хорошенькое свѣтлое платье, еще не надѣванное. Теперь не хватало только цвѣтка. Три розана, принесенные ею съ прогулки за нѣсколько дней передъ тѣмъ, уже не годились, но въ комнатѣ Гильды были свѣжіе цвѣты; одинъ изъ нихъ она можетъ уступить ей. Къ тому же, необходимо посмотрѣть, всѣ ли распоряженія въ точности исполнены.

Бора вышла изъ своей каморки, сбѣжала съ лѣстницы и вошла въ гостиную, предназначенную для сестры и смежную съ салономъ матери. Роскошная комната удовлетворитъ требовательному вкусу Гильды; на кругломъ столѣ красовался подъ золоченою люстрой прелестный букетъ Эшебурга, — громадный букетъ и прекрасный, какъ его любовь. Нѣтъ! Онъ посвятилъ ей каждый цвѣтокъ! Было бы преступно присвоить себѣ даже самую скромную изъ этихъ дивныхъ розъ!

Бора осмотрѣла остальные двѣ комнаты, спальню, почти такую же большую и пышную, какъ гостиная, и болѣе миниатюрную, скромную комнату для ребенка и няни.

У рѣшетчатой кровати она остановилась, нѣжно провела рукою по маленькимъ бѣлоснѣжнымъ подушкамъ, и безпредѣльная тоска наполнила ея сердце.

— Выше этого ничего нѣтъ на свѣтѣ,—прошептала она.— Назвать своимъ любимаго человѣка, должно быть, божественное блаженство. Но ребенокъ въ мягкомъ гнѣздышкѣ,—ребенокъ, котораго можно беречь, качать на рукахъ, цѣловать, какъ сегодня носила свое дитя дама на балконѣ... Господи, это не зависть, я всей душой радуюсь счастью Гильды. А, все-таки, все-таки...

Она опустилась на стулъ у кровати, прижалась головою къ рѣшеткѣ, но только на мгновенье. Потомъ встала, отерла платкомъ влажные глаза и вернулась въ гостиную. Часы подъ зеркаломъ показывали четверть шестаго; поѣздъ, должно быть, уже пришелъ; ожидаемые гости могли явиться ежеминутно. Бора вышла на балконъ, черезъ садъ и черезъ улицу взглянула вправо на дорогу, по которой катили уже со станціи карета за каретой. А вотъ и открытое ландо; въ немъ сидятъ дама съ мужчиной, а спереди пестро-разряженная няня въ странномъ головномъ уборѣ; за ними тащится багажная фура съ горничною. Бора вмигъ сбѣжала съ лѣстницы, протѣснилась въ сѣняхъ сквозь толпу кельнеровъ и вновь пріѣхавшихъ гостей и сжала въ своихъ объятіяхъ Гильду, вошедшую раньше другихъ.

— Милая, милая Гильда!

— Ахъ Бора!

— А это твое дитя?

Бора взяла на руки ребенка, ласково улыбавагося ей, не смотря на ея порывистыя движенія.

— Пожалуйста, отдай его Дореттѣ,—сказала Гильда.

— А со мною и поздороваться не надо?

Бора обернулась и въ первый разъ взглянула на красивое лицо Адальберта; ей показалось, что онъ постарѣлъ, несмотря на ласковую улыбку, которою онъ сморѣлъ на нее, сильно сжимая ея руки.

— Мнѣ кажется, что мы гораздо удобнѣе могли бы продѣлать все это въ комнатѣ,—сказала Гильда.

Она такъ поспѣшно пошла по лѣстницѣ, что сопровождавшему ее кельнеру приходилось шагать черезъ двѣ ступени. Бора, Адальбертъ и няня съ ребенкомъ поднимались медленнѣе.

— Она все еще немного нервна,—сказалъ Адальбертъ какъ бы въ извиненіе.

— Но она дивно хороша,—отвѣтила Бора.

— Да, дивно хороша,—повторилъ онъ.

Въ тоиъ его голоса, обыкновенно сильнаго, слышалась какая-то подавленность, которая соответствовала нелеселому выраженію лица.

— Мама едва могла дожидаться вашего приѣзда, — сказала Бора.

— Нашего приѣзда? Скажемъ лучше: приѣзда Гильды и ребенка, это понятно, но...

Онъ замолкъ, потомъ, остановившись, глубоко вздохнулъ, снова взявъ Бору за руку и, пожимая ее, проговорилъ:

— Ты не повѣришь, какъ я радъ тебя видѣть!

Бора отвѣтила съ нѣскольکو напряженною улыбкой. Эти слова звучали еще неестественнѣе, чѣмъ первыя; не свиданіе же съ генеральшею до такой степени волнуетъ этого человѣка, обыкновенно шутя преодолевавшаго всѣ препятствія.

Но Коръ некогда было размышлять теперь объ этомъ; встрѣча между матерью и Адальбертомъ на порогѣ ея комнаты прервала ихъ разговоръ. Когда зять приложился къ рукѣ генеральши, она слегка поцѣловала его въ лобъ, поблагодарила за то, что онъ такъ неожиданно привезъ къ ней любимую дочь, взяла на руки ребенка и попыталась его поцѣловать, что, впрочемъ, не особенно удавалось, потому что бѣби началъ кричать изо всѣхъ силъ и вцѣпился бабушкѣ въ волосы.

Гильда потеряла терпѣніе.

— Оставь же, мама; ты видишь, она упрямится. Боже мой, Доретта, да возьми же ее у мамыши. А теперь, Бора, покажи, пожалуйста, кормилицѣ дорогу и дайте мнѣ, наконецъ, хоть сколько-нибудь толково поговорить съ мамой.

— И такъ, до свиданія, — сказалъ Адальбертъ, еще разъ цѣлуя руку тещи и идя за остальными, уже стоявшими въ дверяхъ.

— Я сейчасъ приду, — закричала ему вслѣдъ Гильда.

Глава III.

Дверь захлопнулась за ея высокою фигурой. Генеральша снова обняла дочь.

— Спасибо, моя дорогая, моя любимица! Теперь я вижу, что ты еще не совсѣмъ забыла свою старую мать, все еще любишь ее хоть немного. Вѣдь, ты любишь меня, не такъ ли?

— Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться? — отвѣчала Гильда,

освобождать, однако, изъ объятий матери. — Пойдемъ, мама, сидеть; я немного устала.

Она опустилась съ утомленнымъ видомъ въ уголъ дивана; генеральша сѣла рядомъ.

— Бѣднее дитя! И зачѣмъ было ѣхать бевостановочно всю дорогу изъ Франкфурта! Вы могли бы остановиться въ Гейдельбергѣ или Барльсруэ. Я нахожу не совсѣмъ деликатнымъ со стороны твоего мужа (если ты простишь мнѣ это замѣчаніе) требовать отъ тебя такого напряженія. Однако, ты, все-таки, прелестна, дитя. Ты сдѣлалась, пожалуй, еще красивѣе прежняго.

Она схватила опущенную руку дочери и нѣсколько разъ поцѣловала ее.

— Ахъ, мама!—сказала Гильда.

— Твой строгій повелитель, вѣдь, насъ не видитъ,—замѣтила генеральша,—конечно...

Она быстро встала, подошла къ двери гостиной, изъ которой доносился глухой говоръ, прислушалась съ минуту, потомъ вернулась.

— Мы можемъ спокойно говорить,—сказала она.—Словъ нельзя разобрать. Я уже раньше убѣдилась въ этомъ ради нашихъ взаимныхъ интересовъ. Довольна ли ты, что я выхлопотала вамъ комнаты рядомъ съ собою? Мнѣ хотѣлось имѣть поближе отъ себя мою милую дочку. А теперь, дорогое дитя, позволь мнѣ сдѣлать тебѣ одинъ вопросъ, который я никакъ не рѣшалась предложить письменно, хотя онъ тихо лежить у меня на сердцѣ: счастлива ты?

— Да это само собой разумѣется, — отвѣчала Гильда, не отрывая глазъ.

— Ничуть,—живо возразила генеральша.—Я знаю сотни людей, женившихся, какъ говорится, по любви, и вовсе не счастливыхъ. Не то, чтобы я сомнѣвалась въ твоёмъ блаженствѣ, Боже избави! Я была бы тогда несчастнѣйшею изъ матерей. Нѣтъ, нѣтъ. Но между вами такая разница въ возрастѣ, двадцать лѣтъ...

— Сдѣлай милость, только семнадцать...

— Значить, около двадцати. Прости заботливость любящей матери, но я и прежде не знала и теперь не вѣдаю, сходятся ли ваши характеры, вкусы...

— Онъ меня носить на рукахъ,—сказала Гильда.

— Еще бы!—горячо продолжала генеральша.—Да онъ былъ бы извергъ, варваръ, еслибъ этого не дѣлалъ. Твой покойный

отецъ тоже носилъ меня на рукахъ, а я все же не была счастлива.

— Но я счастлива!—нетерпѣливо повторила Гильда.

— Да Господи, я вѣрю,—успокоительно сказала генеральша,—хотя я не удивилась бы, еслибъ было и не такъ, послѣ всего, что ты вынесла въ свое кратковременное замужство. Всего два года, и изъ нихъ пролежать двѣнадцать мѣсяцевъ! Ужасно!

— Въ этомъ Адальбертъ не виноватъ,—прошептала Гильда.

— Конечно, когда же бываютъ виноваты мужчины? Они никогда не отвѣчаютъ за то, что переносимъ мы, женщины. Мы жертвуемъ имъ своей свободой, молодостью, красотой, здоровьемъ, а они принимаютъ все это, не говоря намъ даже спасибо.

— Прощу тебя, мама, перестань! — восклинула Гильда.— И зачѣмъ мучишь ты себя и меня такими мрачными фантазіями? Я пріѣхала сюда, чтобы вознаграждать себя за все, что я... ну, да все равно, просто, чтобы повеселиться. Я сейчасъ же уѣду, если ты не сдѣлаешь веселаго лица.

— Для этого я должна сначала видѣть тебя веселою!

— Да можно ли быть веселою, когда-на тебя постоянно обращены испытующіе, меланхолическіе глаза? Этого довольно, чтобы отравить мнѣ всю жизнь. А теперь, мама, мнѣ пора вспомнить и о своихъ.

— Еще одну минуту,—сказала генеральша.—Боже милостивый, я, вѣдь, не видала тебя цѣлыхъ два года, ни съ кѣмъ не говорила въ это время по душѣ, не слыхала ни одного ласкаваго слова...

— Ахъ, мама!

— Нѣтъ, дитя. Благодарю Бога, что тебѣ не на что жаловаться; тѣмъ менѣе должна ты удивляться, если жалуюсь я, у которой есть на это причины. Бора...

— Бора должна бы выйти замужъ,—быстро сказала Гильда.— Вы не годитесь другъ для друга.

Генеральша горько улыбнулась.

— Бора? Выйти замужъ? Да за кого же? За одного изъ обитателей луны?

— Она такъ добра и мила.

— Только не со мною. Ты бы послушала сцену, которую я имѣла съ нею четверть часа тому назадъ.

— Спасибо, я вовсе не охотница до сценъ.

— Я тоже нѣтъ; онѣ мнѣ ненавистны, но какъ ихъ избѣг-

нешь, когда тебя вызываютъ, да еще такимъ образомъ? Ты только послушай...

— Ради самого неба!

— Ты должна меня выслушать. Я не хочу, чтобы ты или твой мужъ ложно думали обо мнѣ, а Кора только этого и желаетъ. Слушай же.

Генеральша послѣдно поправила прическу, разгладила на колѣнахъ складки платья и начала говорить, не обращая вниманія на отрицательный жестъ Гильды; блѣдныя щеки ея покраснѣлись, дрожащій голосъ выдавалъ волненіе.

Дѣло шло о комнатѣ Кору на четвертомъ этажѣ. Генеральша не была тамъ, конечно, но фрау Пультъ говорила ей, что это комната для прислуги, да и назначалась она первоначально для самой фрау Пультъ. Но можно ли требовать, чтобы старая женщина, сдѣлавшаяся въ послѣднее время очень дряхлою, бѣгала постоянно изъ четвертаго этажа въ первый? Генеральша должна была, понятно, дать старухѣ одну изъ двухъ маленькихъ комнатъ рядомъ съ гостиною. Такимъ образомъ, Корѣ пришлось спать въ комнатѣ наверху, понятно, только первыя ночи, пока не очистилось болѣе приличное помѣщеніе. Его и предлагали ей уже не разъ, хотя, правда, только въ послѣдніе дни, и генеральша убѣдительно просила Кору воспользоваться случаемъ. Она постоянно отказывалась наотрѣзъ, не далѣе, какъ сейчасъ, хотя мать настаивала и, скорѣе, приказывала, чѣмъ просила.

Конечно, — продолжала генеральша, все болѣе и болѣе горячась, — я понимаю, какъ легко истолковать такую вещь; въ тебѣ я увѣрена, но твой мужъ всегда судилъ обо мнѣ невѣрно. Начнуть, пожалуй, говорить: безчувственная мать! бѣдная, заброшенная дѣвушка! Кто этого не знаетъ? И Кора это отлично понимаетъ, но этого-то ей и хочется, къ этому она только и стремится; вотъ, что меня бѣситъ. Представь себѣ, въ то самое время, какъ я совершенно ошѣмѣла предъ ея упорствомъ, а добрая Пультъ шепчетъ мнѣ на ухо не волноваться, что она все уладитъ, что Кора не имѣетъ дурнаго умысла, Кора объявляетъ мнѣ вдругъ совершенно спокойно, точно самую простую вещь, что профессоръ Эшебургъ пріѣхалъ сегодня утромъ и тоже остановился въ отелѣ d'Angleterre! Онъ надѣется увидать меня за обѣдомъ, такъ какъ боится обезпокоить раньше. Ты смѣешься?

— Прости, мама! Теперь я понимаю твое дурное расположеніе духа. Подумать только, что ты должна встрѣтиться съ

нишѣ какъ разъ послѣ того, какъ ты такъ блистательно выразила ему свое недовѣріе. Это ужь, право, черезъ-чуръ!

И Гильда снова расхохоталась.

— Въ особенности, — продолжала генеральша, досада которой только усилилась отъ такой, по ея мнѣнію, несвоевременной веселости, — въ особенности потому, что это было, очевидно, условлено между ними.

— Это невозможно! — воскликнула Гильда. — Бора никогда не ляжетъ. Еще въ послѣднемъ письмѣ сообщила она, что не имѣетъ никакихъ свѣдѣній объ Эшебургѣ, что ты запретила съ нимъ переписываться и что она думаетъ, не уѣхалъ ли онъ въ Берлинъ.

— Значить, это случайная встрѣча двухъ благородныхъ душъ, — колько замѣтила генеральша.

— А еслибъ и такъ! — вырвалось у Гильды. — Мнѣ это не вѣрится, потому что, въ такомъ случаѣ, они уже давно бы соединились, но я не видѣла бы въ этомъ никакого несчастія, напротивъ...

— Я ненавижу этого человѣка, — дрожащими губами прошептала генеральша.

— А я такъ думала, что ты оказываешь эту честь только тому, кто отнялъ у тебя твою Гильду, — отвѣчала молодая женщина такимъ горькимъ тономъ, такъ жестко, даже враждебно взглянувъ въ лицо матери, что та обомлѣла бы, еслибъ не была всецѣло поглощена своею темой.

Генеральша продолжала, все болѣе и болѣе горячась:

— Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы это осуществилось.

— Что именно?

— Вашъ бракъ.

— Развѣ для этого надо было избавить сначала Адальберта отъ другихъ связей?

— Кто знаетъ, — отвѣчала мать, пожимая плечами.

— Ты! Ты это знаешь!

Гильда вскочила съ дивана и стояла теперь передъ матерью, съ поблѣднѣвшими щеками и неподвижнымъ взоромъ. Генеральша не ожидала этой вспышки и не на шутку испугалась. Она имѣла твердое намѣреніе дѣйствовать крайне осторожно въ сношеніяхъ съ зятемъ и Гильдою, основательно изучить положеніе дѣлъ и тогда только попытаться возстановить прежнее влияніе на дочь. Но она увлеклась и вернулась къ нейтральной позиціи

было уже поздно. Генеральша знала дочь; материнскимъ авторитетомъ съ нею ничего не сдѣлаешь. Откинувшись на спинку дивана и прижавъ платокъ къ глазамъ, фрау фонъ-Рембергъ прошептала:

— Этого я не заслужила отъ тебя!

— Перестань плакать, мама!—сказала Гильда уже менѣе рѣзко, но, все-таки, весьма опредѣленно.—Ты сдѣлала намекъ, который я должна и хочу выяснитъ. На это у меня есть вѣскія причины; ну, словомъ, я хочу все знать.

— Боже мой!—начала мать, успѣвшая тѣмъ временемъ опомниться.—Право, не изъ чего такъ волноваться. Все это, быть можетъ, только пустая болтовня госпожи Реннеръ...

— Бого?

— Ипполиты Вольфсбергъ, которая черезъ четыре недѣли послѣ твоей свадьбы вышла замужъ за тайнаго совѣтника Реннера.

Гильда разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Поли?—воскликнула она,—красавица Поли? Давнишняя страсть Адальберта? Ты сразу бы такъ и говорила!

Смѣхъ былъ невеселъ; генеральша хорошо подмѣтила это; однако, ясно было, что Гильда ожидала чего-то другаго, еще менѣе пріятнаго. Мать много бы дала, чтобы знать, чего именно.

— Видишь ли,—начала она,—теперь ты уже въ состояніи смѣяться; значитъ, мнѣ и говорить болѣе не о чемъ. Тебѣ все извѣстно.

— Очень вѣроятно,—отвѣчала Гильда.—Однако, я, все-таки, желаю знать, что сказала красавица Поли.

— И такъ... Но, прежде всего, сдѣлай милость, сядь. Я, право, не могу говорить, пока моя любимая дочка глядитъ на меня такими мрачными глазами. И такъ, вчера...

— Поли здѣсь?

— Она пріѣхала нѣсколько дней тому назадъ и живетъ въ *hôtel de l'Europe*, рядомъ съ нами, съ своимъ братомъ, молодымъ офицеромъ. Мы встрѣтились вчера на *Променадъ*, и неудивительно, если разговоръ коснулся васъ, не такъ ли? Фрау Реннеръ, всегда разговорчивая, сдѣлалась вдругъ молчаливою, что признаюсь, меня очень изумило. Не все ли ей теперь равно, встрѣтится ли она съ вами, то-есть съ твоимъ мужемъ, или нѣтъ? Я позволила себѣ немного пощупать почву; ты можешь, конечно, представить себѣ какъ осторожно. Но сердце красавицы,—она въ самомъ дѣлѣ очень хороша,—было переполнено че-

резь край. Ты знаешь, я никогда не любила Вольфсберговъ, но, право, мнѣ стало даже жаль Поли. Она очень несчастна съ мужемъ, да и что тутъ удивительнаго! Ему шестьдесятъ лѣтъ и вышла она за него съ отчаянія...

— И все это она сообщила тебѣ съ первой же минуты?—насмѣшливо спросила Гильда.

— Такія вещи прямо не говорятся, ихъ читаешь между строками... Ты меня совершенно сбиваешь съ толку.

— Объ остальномъ я и сама могу догадаться,—сказала молодая женщина.—Поли вышла за старика потому, что тщетно кокетничала съ Адальбертомъ, какъ и съ тысячею другими.

— Не такъ, какъ съ другими: они были обручены.

— Это ложь.

— Конечно, не явно,—спокойно продолжала мать, — иначе мы объ этомъ бы знали, но въ тайнѣ, чтобы не оскорбить друга Адальберта, безумно влюбленнаго въ Поли.

— Какая деликатность! Что же далѣе?

— Подробности мнѣ тоже неизвѣстны. Насколько я могла понять, какая-то невинная шутка, которую позволила себѣ Поли, чтобъ испытать жениха, была причиною разрыва.

— Прелестная исторія! А какую роль игралъ при этомъ профессоръ?

— Повторяю, что я не знаю ничего опредѣленнаго. Я вывожу заключеніе только изъ нѣкоторыхъ словъ, вырвавшихся у взволнованной женщины. Она называла Эшебурга Мефистофелемъ, отлично умѣющимъ запутывать недоразумѣнія, которыя безъ этого разрѣшились бы легко.

— Что за ангелъ невинности, — воскликнула Гильда, — настоящая Гретхенъ! Какъ ты думаешь, мама, были у Гретхенъ рыжіе волосы?

— Я очень рада, что ты смотришь на эту исторію такъ весело,—отвѣчала мать, пытаясь улыбнуться, но безуспѣшно.

— Да какъ же мнѣ иначе смотрѣть на нее?—сказала Гильда, подходя къ зеркалу и поправляя волосы.—Веселѣе этого ничего не придумаешь. Эшебургъ въ роли Мефистофеля, рыжая Поли—Гретхенъ за прялку, а Адальбертъ—Фаустъ. Или, быть можетъ, тебѣ хотѣлось, чтобъ я отнеслась къ дѣлу серьезно? Ужъ нѣтъ ли у тебя въ запасѣ другой исторіи, къ которой только что рассказанная служить прологомъ? Быть можетъ, къ ней я не въ состояніи буду отнестись такъ шутливо?

Она внезапно обернулась къ матери, быстро приподнявшейся съ дивана.

— Но, милое дитя, какъ можешь ты это спрашивать? Другая исторія? Что хочешь ты этимъ сказать? Никакой другой исторіи я не знаю; по моему, и это довольно непріятно, хотя, быть можетъ, мнѣ такъ кажется только отъ преувеличенной материнской заботливости. Впрочемъ, я очень рада, что ты можешь шутить надъ тѣмъ, что причинило мнѣ столько безпокойныхъ часовъ.

— Могу ли я шутить! — смѣясь, сказала Гильда. — Да я нахожу комедию презабавною. Одно только досадно: для меня не осталось въ ней мѣста послѣ раздачи ролей. Зибеля играетъ, правда, всегда женщина; только на роли томнаго любовника у меня нѣтъ таланта... Боже мой, уже половина шестаго. Я должна еще одѣться. До свиданія, черезъ десять минутъ.

Она выпорхнула изъ комнаты, что-то напѣвая. Генеральша снова опустилась на диванъ и нахмурила брови. Изъ со-сѣдней комнаты доносились до нея звуки громкаго разговора, смѣха и веселой пѣсни. Фрау фонъ-Рембергъ не знала, радоваться ли ей веселости Гильды, или сердиться за то, что ея сообщенія произвели такъ мало эффекта. Вѣдь, не хотѣла же она рассорить дочь съ мужемъ, Боже избави! Она желала только сдѣлать ее болѣе осторожною, напомнить ей, что у нея есть еще заботливая мать, къ которой можно прибѣгнуть въ случаѣ нужды; а если она черезъ-чуръ увлѣкалась, то кто же въ этомъ виноватъ, какъ не Бора и Эшенбургъ? Разъ человѣкъ раздосадованъ... Но что хотѣла Гильда сказать, говоря о второй исторіи? Это надо вывѣдать на всякій случай.

Дверь спальни тихо отворилась, фрау Пультъ вошла въ комнату. Генеральша подняла голову.

— Ты, конечно, опять все подслушала, — сказала она.

— Вѣдь, вы обыкновенно не имѣете тайнъ отъ меня, — отвѣчала старуха.

— Ну, и что же ты на это скажешь?

— Я скажу, что баронессѣ стыдно ни однимъ словомъ не освѣдомиться о старухѣ Пультъ.

— О тебѣ? Какое ей теперь дѣло до тебя или до меня? У нея есть мужъ! Мы съ тобой въ отставкѣ.

Генеральша опять въ упоръ глядѣла передъ собою.

— Пультъ, — начала она, — что подразумѣвала Гильда подъ

второю исторіей, къ которой она не могла бы отнести шутильво?

Старуха покосилась на барыню и грубо отвѣчала:

— Не знаю. Спросите ее сами; вѣдь, вы мать. Когда бѣдная прислуга суется въ господскія дѣла, она получаетъ щелчки съ обѣихъ сторонъ.

— Ты глупа, — досадливо сказала генеральша.

— Быть можетъ, но не настолько, чтобы напрасно лѣзть въ огонь.

— Пульть! — воскликнула барыня, — ты все знаешь. Рѣчь касается чего-то, что случилось, пока ты была въ Оссекенѣ.

— Очень можетъ быть, — упрямо повторяла старуха, — а все же я ничего не знаю... Вижу только, что, если вы не начнете сейчасъ же одѣваться, вы опоздаете къ столу.

Она вышла въ сосѣднюю комнату. Генеральша постояла нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ разговору въ гостиной дочери. Словъ разобрать она не могла, но слышала сперва голосъ Гильды, потомъ голосъ ея мужа. Ясно было, что они одни. Такъ говорятъ супруги лишь тогда, когда остаются между собою. Или, быть можетъ, только двойная дверь придавала голосамъ такой глухой, чисто дѣловой звукъ?

Звонокъ, призывавшій къ обѣду, пробудилъ генеральшу отъ размышлений. Она провела рукою по лбу и медленно пошла въ сосѣднюю комнату, откуда старуха Пульть хриплымъ и сердитымъ голосомъ звала замѣшкавшуюся барыню.

Глава IV.

Кора, прежде всего, пошла проводить кормилицу въ назначенную для нея комнату. Молодая женщина оказалась весьма услужливою и понятливою. Въ нѣсколько минутъ вынула она самыя необходимыя вещи и взяла ребенка съ рукъ Кору, которая не могла наглядѣться на его голубые глазки.

— Ну, не прелестная ли крошка? — сказала Доретта, — вѣчно прыгаетъ и смѣется. А какъ она понимаетъ людей! Къ вамъ сейчасъ пошла, потому что увидала по вашимъ глазамъ, что вы любите мою малютку. А вотъ у нашей бабушки глаза строгіе, ну, а такихъ мы боимся. Не такъ ли, милка?

Доретта сѣла на скамейку и принялась кормить дѣвочку.

— А моему ребенку дома у матери живѣтся хорошо, — про-

должала Доретта.—О насъ заботится баринъ; вы не повѣрите, какой онъ добрый и терпѣливый. Ну, да ему и нужно терпѣніе! А теперь, милая, пора бай-бай...

Доретта кивнула Корѣ уйти. Дѣвушка удалилась на цыпочкахъ, отвѣтивъ улыбкою на кивокъ кормилицы; но не успѣла Кора отвернуться, какъ улыбающееся лицо ея омрачилось. До сихъ поръ все шло такъ мило; что за прелестное дитя, какая славная женщина! Зачѣмъ только сказала она это жестокое слово? Почему бы Адальберту и не нуждаться въ терпѣніи? Развѣ не все въ оно нужно?

Въ своему большому удивленію, Кора застала Оссека все еще одного, хотя прошло уже съ четверть часа. Онъ стоялъ у стола посреди комнаты, быстро обернулся и пошелъ на встрѣчу Корѣ съ протянутою рукою.

— Спасибо, милая Кора, за прелестный букетъ. Прости, что я телеграфировалъ о немъ. Ты, навѣрное, и сама бы вспомнила. Но Гильда привыкла къ этому... и еще разъ спасибо.

Онъ поцѣловалъ ея руку; въ его голосѣ снова слышался прежній свѣтлый, веселый звукъ; въ голубыхъ глазахъ и на полныхъ губахъ мелькала привычная, полу-ласковая, полу-шутливая улыбка.

«Слава Богу!»—подумала про себя Кора.

— Я не могу принять твоей благодарности,—отвѣчала она.— О цвѣтахъ я не подумала, да они и не отъ меня. Отгадай, отъ кого? Только безъ нѣкоторой помощи ты не нападешь на слѣдъ. И такъ, отъ добраго, стараго друга.

— У меня ихъ много.

— Въ такомъ случаѣ отъ твоего лучшаго друга.

— Съ какой буквы начинается его имя?

— Постыдись, теперь я и вовсе не скажу тебѣ.

— О чемъ ты не хочешь говорить?—спросила Гильда, со смѣхомъ вбѣгая въ комнату.

— Вотъ объ этомъ прелестномъ букетѣ,—отвѣчалъ Адальбертъ.—Я напрасно ломаю себѣ голову. Это подарокъ моего добраго... нѣтъ, моего лучшаго друга.

— Ну, этого тебѣ никогда не отгадать. Еслибъ дѣло шло о самой близкой твоей пріятельницѣ, а то о простомъ другѣ!

Щеки Гильды пылали; глаза сверкали. Никогда не казалась она Корѣ такою красивою, какъ въ ту минуту, когда, на-

пѣвая арію Зибеля, она наклонилась надъ цвѣтами, потомъ снова выпрямилась и разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Онъ все еще не догадывается! Могу я ему сказать, Бора? Отъ Мефистофеля, добраго, милаго Мефистофеля! Онъ произнесъ надъ букетомъ страшное заклинаніе, и не успѣю я взять въ руки цвѣтокъ, какъ всѣ листья облетятъ. Видишь?

Она вытатила прелестную желтую розу, граціозно и быстро начала опиывать ее и кидать листья на коверъ. Потомъ снова запѣла арію Зибеля сильнымъ, звучнымъ голосомъ, въ которомъ слышалось, однако, волненіе.

— Но, Гильда!—воскликнулъ ея мужъ,—такой прелестный розанъ!

— Да еще отъ твоего лучшаго друга!... «Que mon coeur nuit et jour languit d'amour»...

— Ты разбудишь ребенка,—съ нѣжнымъ укоромъ сказала Адальбертъ.

— Прости!—обратилась Гильда, но не къ мужу, а къ Борѣ.— На меня иногда находить, ты, вѣдь, это знаешь, а тутъ еще мама рассказала такія веселыя вещи. И такъ, Эшебургъ здѣсь? Ты говорила съ нимъ? Онъ живетъ въ нашей гостиницѣ? Это прекрасно. Что, онъ все такой же мизантропъ? Ну, мы его отъ этого вылечимъ. Я такъ рада быть снова съ тобою, Бора. Вѣдь, ты мой лучший другъ, не такъ ли?

Она бросилась въ ея объятія, ласкала и цѣловала ее, потомъ снова кинулась къ букету, подобрала подъ цвѣтъ нѣсколько розъ и приколотла ихъ къ платью сестры.

— Такъ, милое дитя! Это необыкновенно идетъ къ тебѣ. Еще одинъ розанъ, вотъ этотъ, темно-красный, въ твой черный парикъ. Сиди же смирно. Такъ! А теперь, милая, мнѣ тоже надо немного прибраться, чтобы тебѣ не было стыдно отъ твоей старой замужней сестры.

Она выпустила Бору, проводила ее до дверей, поцѣловала ее горячими, дрожащими губами и медленно вернулась. Мужъ стоялъ, потупивъ глаза; онъ зналъ, даже не глядя на жену, что выраженіе ея лица теперь опять такое же, какое онъ видѣлъ уже нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ, холодное, враждебное. Пѣніе и шутки, — все это одна комедія. Комедія кончилась и старое горе снова вступало въ свои права. Сдѣлавъ усиліе стряхнуть съ себя нестерпимый гнетъ, Адальбертъ сказалъ:

— Отлично, что Эшебургъ здѣсь; намъ всѣмъ отъ этого

будеть хорошо. Не понимаю, какъ я сразу не догадался, что это онъ, но, конечно...

— Это по твоему распоряженію здѣсь все такъ устроено?

Ададьбертъ поднялъ глаза; Гильда стояла въ дверяхъ спальни и указывала въ нее рукою. Въ груди мужа закипѣлъ гнѣвъ, но онъ совладѣлъ съ собою и отвѣчалъ спокойно:

— Я не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Насколько я могу судить, все устроено такъ, какъ принято во всѣхъ отеляхъ.

— Принято или нѣтъ, мнѣ все равно. Ты, вѣдь, знаешь, что я должна имѣть при себѣ Доретту и ребенка.

— Что ты должна имѣть его, въ этомъ я сомнѣваюсь; скажи лучше, что ты этого хочешь. Это будетъ честиѣе.

— Хорошо, я этого хочу, здѣсь, какъ дома, какъ во все время путешествія.

— Другими словами, ты хочешь и здѣсь продолжать несогласія. Я надѣялся, что теперь будетъ иначе. Что подумаютъ о насъ твоя мать и сестра? Отъ нихъ нельзя будетъ ничего скрыть. Помирился же, Гильда.

Онъ подошелъ къ ней; она не приняла его протянутой руки, а онъ медленно опустилъ ее; потомъ продолжалъ дрожащимъ голосомъ:

— Если ты никакъ не можешь любить меня, давай, по крайней мѣрѣ, жить мирно, пока живется. Я увѣренъ, что это возможно, если только у насъ найдется добрая воля. У меня она есть, клянусь тебѣ. Хочешь?

Онъ вторично протянулъ ей руку. Въ груди молодой женщины происходила сильная борьба. Одинъ голосъ подсказывалъ ей: «да, я хочу»; другой—странно, но ей казалось, что это голосъ матери нашептывалъ: «Зачѣмъ? чтобъ снова отдаться тому, кто откусилъ отъ твоей матери, взявъ у нея тебя, а къ тебѣ бросился прямо изъ объятій рыжей Поли?»

Въ ея глазахъ, на минуту нѣжныхъ, снова видѣлось теперь старое упорство, но только еще болѣе сильное. Хорошенькія губы, умѣвшія такъ сладко смѣяться, произнесли холодно и рѣзко:

— Я хочу одѣваться; давно пора.

Онъ вздрогнулъ, точно его ударили по лицу. Краска гнѣва выступила внезапно на его лбу; рука, протянутая для примиренія, судорожно сжалась и что-то вродѣ презрительной улыбки промелькнуло на губахъ. Мѣрнымъ шагомъ пошелъ онъ

къ двери корридора и дважды пожалъ пуговку электрическаго звонка; потомъ остановился и, глядя черезъ плечо, сказалъ:

— Я уже одѣтъ, какъ видишь, и не буду мѣшать тебѣ. Ты найдешь меня внизу въ столовой; можешь придти съ Борою и матерью.

У дверей раздался стукъ; вошла горничная.

— Мы хотѣли бы произвести нѣкоторые перемѣны въ комнатахъ; gnädige Frau укажетъ ихъ вамъ. Вы можете устроить все, пока мы обѣдаемъ. До свиданія.

Онъ слегка поклонился Гильдѣ и, пройдя мимо горничной, вышелъ въ дверь, въ которую донесся изъ сѣней звукъ колокола.

Горничная видѣла, какъ молодая, красивая дама, стоявшая у входа въ спальню, внезапно протянула обѣ руки, навѣрное, съ испуга, что уже звонять, а она не одѣта.

— Будетъ еще одинъ звонокъ, — сказала горничная. — Вы имѣете четверть часа времени.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ бросилась къ молодой женщинѣ, упавшей на кресла, съ потухшими глазами. Въ величайшему успокоенію горничной, на ея зовъ приближала кормилица и камеристка баронессы Лизетта; женщины хлопотали вокругъ больной, которая вскорѣ открыла глаза и съ удивленіемъ оглядѣлась.

— Ничего, — сказала она, — это усталость съ дороги. Доретта пускай идетъ къ ребенку; вы также можете удалиться; Лизетта скажетъ вамъ потомъ, какъ я хочу размѣстить кровати. А теперь, Лизетта, дай мнѣ сѣрое шелковое платье, но только скорѣе; у насъ всего нѣсколько минутъ времени.

Г л а в а V.

Вечеромъ того же дня тайная совѣтница Рейнеръ сидѣла въ кургартенѣ на верандѣ ресторана. Она выбрала то самое мѣсто, на которомъ возсѣдала въ этотъ часъ уже цѣлую недѣлю, въ сопровожденіи тѣхъ же трехъ кавалеровъ, которые составляли и теперь ея свиту.

— Gnädige Frau приносить намъ жертву, — началъ полковникъ Крель, поглаживая лѣвою рукою свою крашеную бородку, — большую жертву. Должно быть, неприятно переносить взоры тысячи поклонниковъ, и все только ради насъ, которые безъ этого безслѣдно затерялись бы въ толпѣ. Не такъ ли, Вольфсбергъ?

— Что прикажете?—разсѣянно спросилъ молодой человекъ.

— Удо, ты опять спишь!—сказала Поли.—Ты, вѣроятно, не слыхалъ даже, что говоритъ полковникъ, иначе тебѣ, какъ любезному брату, пришлось бы заступиться за сестру.

— Извините, пожалуйста,—началъ Удо.— О чемъ идетъ рѣчь, докторъ?

— Я могу только присоединиться къ мнѣнію полковника,—отвѣчалъ докторъ Геннигъ.—Gnädige Frau—тотъ огонь, вокругъ котораго вьется мы, сѣрая моль, отъ ночи до ночи, лишь на минуту озаренные лучами, которые она распространяетъ.

— Прелестная аллегорія,—сказалъ полковникъ.—Вась, литераторовъ, никогда не затрудняютъ такія вещи.

— Не знаю, право,—сказалъ Удо,—мнѣ кажется, что изъ насъ троихъ только одинъ докторъ похожъ на моль.

— Однако, господинъ Вольфсбергъ!—воскликнулъ Геннигъ, выпрямляясь.

— Не обижайтесь, докторъ, я не имѣлъ ничего худаго въ мысляхъ.

— Если имѣлъ вообще хоть какую-нибудь мысль,—вмѣшалась Поли.

— Да, въ видѣ исключенія, сестрица. Вашъ костюмъ, докторъ, сшитъ по методу Іегера и, навѣрное, очень практиченъ, только въ глазахъ насъ, военныхъ, въ немъ есть что-то, я, право не знаю, какъ бы выразиться, но полковникъ, навѣрное, понимаетъ меня.

— Вы хотите сказать, что-то демократическое, что-то уравнивающее,—смѣясь, сказалъ Брель.— Но это-то мнѣ и нравится. Я увлекался музыкою будущаго задолго передъ тѣмъ, какъ она сдѣлалась блаженною дѣйствительностью; теперь я брежу государствомъ будущаго.

— Вы шутите,—сказалъ Геннигъ.

— Ничуть, уважаемый докторъ. Только могучія идеи управляютъ вселенной, прочелъ я сегодня въ всемирной исторіи нашего стараго Ранке и захопнулъ книгу, потому что не могъ долѣе читать: такъ овладѣла мною эта простая, но великая мысль... И я тоже началъ прозрѣвать выдвигающуюся изъ мрака будущаго нѣкую фигуру, покрытую съ ногъ до головы шерстью, съ дерзко нахлобученною шляпою и въ башмакахъ съ пряжками, какъ у нашего доктора.

Геннигъ, слушавшій тираду полковника съ любезною улыб-

кою, растерялся, когда нападеніе обратилось противъ него. Удо разразился громкимъ смѣхомъ.

Поли поспѣшила дать разговоръ другое направленіе.

— Я слышу рѣчи Улисса, — сказалъ полковникъ, любезно кланяясь. — Вамъ слѣдовало бы засѣдать въ рейхстагъ, gnädige Frau.

— Смотри, Поли, вотъ опять идетъ красивая англичанка, — сказалъ Удо. — Я теперь знаю, кто она; это лэди Дугласъ, а несносный человѣкъ рядомъ съ нею — ея мужъ. Они живутъ въ hôtel d'Angleterre!

— А вотъ и твои «барышни-близнецы»; Удо! — воскликнула Поли.

— Вы говорите о трехъ маленькихъ барышняхъ со старикомъ? — спросилъ полковникъ.

— Именно. Это послѣднее увлеченіе Удо, т.-е. предпоследнее, такъ какъ вакантное мѣсто въ его необъятномъ сердцѣ надо, конечно, предоставить лэди Дугласъ.

— Глупости! — сказалъ Удо. — Онѣ вовсе некрасивы; просто миленькія. Жаль только, что ихъ никакъ не различишь. Вы смѣетесь, Геннигъ! Держу пари, что и вы не разберете. Пойдемте.

— Сдѣлайте ему это удовольствіе, — шепнула Поли.

— Какъ прикажете, — отвѣчалъ Геннигъ, бросая недовѣрчивый взглядъ на полковника и его даму и идя вслѣдъ за Удо.

— Чему обязанъ я этой неслыханной честью? — спросилъ Крель, насмѣшливо придвигаясь ближе къ Поли.

— Объ этомъ потѣмъ. Прежде всего, я хотѣла бы попросить васъ не давать постоянно чувствовать моему protégé вашего превосходства.

— Развѣ я былъ бы такъ жестокъ къ нему, еслибъ онъ не былъ вашимъ protégé?

— Боже мой, да мнѣ навязалъ его мой мужъ, который всячески ему покровительствуетъ. Онъ опредѣлялъ его въ Страсбургъ, но Геннигу хочется вернуться въ Берлинъ, и онъ пріѣхалъ сюда просить моего заступничества. Онъ и мнѣ самой нуженъ для моихъ литературныхъ вечеровъ. Что за отличную рецензію написалъ онъ о моихъ стихахъ и какъ восторгается моимъ *Юліемъ Цезаремъ!*

— Это, навѣрное, прекрасная пьеса, — сказалъ полковникъ. — Не появляется ли, быть можетъ, въ ней шутъ, такой же доб-

родушный, какимъ моя прелестная пріятельница считаетъ, видимому, меня?

— Вы глупы, Брель.

— А я говорю, что Поли Вольфсбергъ стыдно обманывать своего стараго любовника.

Онъ нагнулся впередъ и заглянулъ молодой женщинѣ въ глаза. Ей удалось вынести его взглядъ, но она не въ силахъ была устоять противъ лукавой улыбки, которая мелькала на все еще красивыхъ губахъ собесѣдника. Полковникъ присоединился къ ея смѣху съ видомъ наслаждающагося фавна.

— Такъ-то лучше, — сказалъ онъ, — настоящій смѣхъ августовъ, какъ намъ и подобаетъ.

— Боже мой, — сказала Поли, — я была увѣрена, что вы ничего не будете имѣть противъ моего маленькаго лирическаго интермеццо.

— Въ принципѣ — нѣтъ, моя дорогая, но противъ личности... что бы вамъ отучить доктора хоть отъ нелѣпаго костюма, которымъ онъ такъ непростительно кокетничаетъ!

— *Chacun a son goût*, Брель. Вѣдь, я не смѣюсь надъ туалетами фрейлейнъ Зельмы, хотя она, не далѣе какъ сегодня, была опять неопозволительно одѣта.

— По крайней мѣрѣ, я имѣю довольно такта, чтобы не показываться съ нею публично.

— Да оно и лучше; вы ждете, кажется, со дня на день свою жену?

— Съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ вы вашего супруга.

Поли откинулась на спинку стула и принялась отбивать вѣеромъ тактъ къ маршу изъ *Лоэнгрина*, который игралъ оркестръ. Полковникъ слегка прикоснулся къ ея рукѣ.

— Ужь не для того ли отослали вы отсюда молодыхъ людей, чтобы дать двумъ старымъ друзьямъ возможность безпрепятственно обмѣниваться такими любезностями? Полноте! Мы подѣлили вмѣстѣ слишкомъ много радостей и горя! И если я теперь во всѣхъ отношеніяхъ отставленъ отъ службы, то вы не откажетесь, конечно, засвидѣтельствовать, что въ свое время я исполнялъ ее не безъ отличій.

Къ удивленію, объясненія полковника не удовлетворили, казалось, молодую женщину. Она отдернула руку и выраженіе неудовольствія не исчезло съ ея лица. Глядя въ упоръ передъ собою, она вдругъ сказала:

— Оссекъ прѣхалъ сегодня съ женою.

— Неужели?—вырвалось у полковника.

— Я уже третьяго дня слышала отъ самой генеральши, что они должны прѣхать, и сочла поэтому нужнымъ не прятаться отъ нихъ. Она была очень любезна, освѣдомилась о моихъ родителяхъ, выразила сожалѣніе, что такъ мало видѣла ихъ въ послѣднее время; точно они не избѣгали другъ друга всѣми силами! Оссекъ съ женою живутъ въ *hôtel d'Angleterre*, и ребенокъ съ ними. Что вы объ этомъ скажете?

— О томъ, что ребенокъ съ ними?—спросилъ полковникъ.— Да это кажется мнѣ довольно естественнымъ. Ну, простите, моя дорогая; если хотите, я буду говорить серьезно. Я тоже въ восторгѣ отъ прѣзда Оссека, но что тутъ подѣлаешь? Необходимо съ достоинствомъ подчиниться неизбѣжному.

— Вамъ хорошо говорить!—воскликнула Поли.— Правда, что вы тогда съумѣли выгородить себя и заключили съ нимъ миръ надъ моею головой.

— Лучше надъ вашей головой, чѣмъ надъ вашимъ сердцемъ. Будемте честны, Поли. Вы любили Оссека такъ же мало, какъ и меня. Разъ мы съ нимъ убѣдились въ этомъ, намъ незачѣмъ было перерѣзывать другъ другу горло, и мы могли, если и не оставаться прежними друзьями,—для этого положеніе все же было немного щекотливо,—то стать въ такія отношенія, которыя дали мнѣ возможность поздравить молодую чету.

— А теперь?

— Теперь я намѣренъ и далѣе продолжать тѣ же отношенія. Какъ же иначе?

Отвѣта не послѣдовало. Полковникъ пытался прочесть его на лицѣ Поли и чуть не испугался: до того оно было искажено.

— Вы, должно быть, страшно ненавидите Оссека?

— А то какъ же?—сказала она.—Онъ виновникъ моего несчастія. Ужь не думаете ли вы, что такая дѣвушка, какъ я, выходитъ такимъ образомъ замужъ, иначе какъ съ отчаянія?

— А qui le dites-vous?—воскликнулъ полковникъ.

— Ваше дѣло совсѣмъ иное. Вы насладились свободою, а съ четырьмя милліонами даже самый разудалый офицеръ можетъ выйти въ отставку. Но я... я...

— И такъ, вамъ хочется войны съ Оссекомъ и вы желаете имѣть во мнѣ союзника?—спросилъ полковникъ.

— Да, только не открытой войны. Иначе зачѣмъ стала бы

я сближаться съ генеральшей? А этотъ мудрый шагъ былъ мнѣ очень полезенъ. Я узнала, что старуха терпѣть не можетъ зятя, должно быть, потому, что онъ недостаточно щедръ.

— Врядъ ли, — отвѣчалъ Крель, качая головой. — Вы знаете, я ненавижу Оссека не менѣе вашего и намѣренъ при случаѣ отомстить ему. Но я справедливъ и къ своимъ врагамъ. Оссекъ всегда былъ воплощеннымъ великодушнымъ.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ она ненавидитъ его потому, что влюблена въ свою дочь. Влюбленныя матери всегда терпѣть не могутъ зятьевъ.

— Моя теща меня обожаетъ. Однако, какимъ образомъ хотите вы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ противъ Оссека?

— Я уже позаботилась о томъ, чтобы мнѣнне генеральши не измѣнилось къ лучшему послѣ нашего разговора. Но этого мало! Что за польза отъ дурныхъ отношеній между тещею и зятемъ, если супруги въ ладу? Теперь они очень дружны; но это можетъ измѣниться.

— *La donna è mobile!* — пропѣлъ полковникъ.

— Молодая женщина, навѣрное, находится подъ вліяніемъ ма-маша; вотъ съ этого и надо начать, конечно, осторожно, не раздражая Оссека. Я буду съ нимъ очень любезна. А еслибъ вы, милый Крель, поддѣлались къ молодой женщинѣ... вѣдь, вы неотразимы, когда хотите! Сдѣлайте это для меня и моя благодар-ность будетъ безпредѣльна.

Они въ упоръ поглядѣли другъ на друга и улыбнулись одновременно.

— Рѣшено, — сказала Поли, — а теперь походимте; становитса свѣжо.

Въ эту минуту показался Удо; за нимъ медленно шелъ Геннигъ.

— Скорѣе, Поли, скорѣе!

— Что случилось? Ужь не твои ли «близнецы»...

— Ахъ, что «близнецы»! Маленькая баронесса Оссекъ! Ничего подобнаго еще на свѣтѣ не бывало! Ты должна ее видѣть!

Онъ увлекъ Геннига. Поли крѣпче прижала къ себѣ руку полковника, на которую опиралась.

— Я полагаю, что это придастъ вамъ мужества, — шепнула она.

— У барона Бреля никогда не было въ немъ недостатка, когда надо было идти въ атаку, — отвѣчалъ полковникъ, поглаживая усы.

Г л а в а VI.

Оссекъ съ своей компаніей уже часъ тому назадъ вошелъ въ кургартенъ; одна только генеральша осталась дома. Адалъбертъ велъ Бору; Гильда опиралась на руку Эшебурга. Они бѣгло осмотрѣли магазины и уже нѣсколько разъ успѣли обойти весь садъ, особенно красивый въ этотъ вечеръ, благодаря множеству пестрыхъ фонарей, развѣшанныхъ всюду, даже на вершинахъ деревьевъ. Наконецъ, Адалъбертъ, замѣтивъ усталость на лицѣ Бору и находя мало удовольствія толкаться въ толпѣ, предложилъ идти домой или въ ресторанъ. На это Гильда возразила, что дома еще успѣешь соскучиться, а что ѣсть и пить во всякое время дано не каждому.

Она сказала это черезъ плечо и, мгновеніе спустя, исчезла съ своимъ спутникомъ въ толпѣ.

— Совершенно бесполезно искать ихъ, — замѣтилъ Адалъбертъ. — Войдемъ на минуту въ залы. Быть можетъ, они тамъ.

Они повернули въ концертную комнату, почти совершенно пустую, заглянули въ читальню, въ курильную и снова вернулись въ залу.

— Какъ здѣсь все измѣнилось! — сказалъ Адалъбертъ. — Прежде здѣсь вездѣ играли; вотъ тутъ я проигралъ однажды свой послѣдній талеръ, когда былъ еще совсѣмъ молодымъ офицеромъ. Сядемъ, Бора. Несносная бѣготня утомила меня, да и тебя тоже, мнѣ кажется.

Они сѣли противъ пустой астры.

— Здѣсь мы можемъ свободно говорить, — сказалъ Адалъбертъ. — Ты не повѣришь, какъ я радъ тебя видѣть.

Бора улыбнулась, но не радостно. Адалъбертъ повторялъ ей эту любезность уже съ полдюжины разъ въ теченіе вечера. Она не сомнѣвалась въ искренности его намѣреній, но какъ-то не вѣрила въ его радость. Въ тонъ голоса слышалась печаль; лицо выражало большую усталость. Сердце Бору билось глухо, она чувствовала, что черезъ минуту, навѣрное, услышитъ жалобы на Гильду, пожалуй, даже обвиненія, выслушивать которыя ей всего менѣе приходится. Она хотѣла сказать это Адалъберту, но слова не шли съ губъ; хотѣла встать, но колѣна ея точно оцѣмѣли.

— Смѣшно, что я такъ часто повторяю тебѣ одно и то же, — продолжалъ онъ все такъ же глухо. — Но я долженъ высказаться; мнѣ пріятно видѣть тебя, слышать твой голосъ. Я увѣрю себя тогда, что это не можетъ быть правда. Ты знаешь, о чемъ я говорю, Кора? Ты знаешь, что я несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ.

Последнія слова онъ произнесъ шепотомъ; крупныя слезы капали съ его рѣсницъ на свѣтлыя перчатки. Онъ замѣтилъ это, вытеръ глаза платкомъ и продолжалъ:

— Прости! Но сердце мое переполнилось. Не уйти ли намъ отсюда?

Кора не отвѣчала, не двигалась. Этого она никакъ не ожидала; она думала о мелкихъ несогласіяхъ, въ крайнемъ случаѣ даже о значительномъ разладѣ. Но слышать, что онъ несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, онъ, за котораго она готова бы умереть, этого она не предполагала.

Онъ не смѣлъ смотрѣть на нее и взглянулъ только тогда, когда, готовясь встать, замѣтилъ, что она не слѣдуетъ его приглашенію.

— Ради Бога, Кора, что я сдѣлалъ? Ты сердисься? Не осуждай меня; не выслушавъ сперва. Конечно, я виноватъ во всемъ, я одинъ. Тысячу разъ твердилъ я себѣ это.

— Нѣтъ, нѣтъ, — горячо сказала она, — этого я не хочу.

Онъ испуганно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Этого я не хочу, — повторила она, — ты не долженъ такъ унижаться. Довольно и того, что ты несчастенъ.

— Все можетъ еще поправиться, — пробормоталъ онъ.

Потомъ, замѣтивъ печальную улыбку, которая промелькнула по ея губамъ, онъ продолжалъ:

— Несомнѣнно можетъ. Видишь ли, Кора, еслибъ я въ это не вѣрилъ, еслибъ не думалъ, что именно ты спасешь насъ, никогда не посмѣлъ бы я говорить съ тобою объ этомъ, чтобы тамъ ни случилось. Вѣдь, я все еще люблю ее, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ когда-либо. Вотъ хоть сейчасъ, мнѣ уже кажется, будто я ее вѣкъ не видалъ, будто все, что было между нами, только тяжелый сонъ. И такъ бываетъ всегда, когда мы врозь. Мнѣ все представляется, что дверь сейчасъ откроется и я увижу передъ собою Гильду съ распростертыми объятіями, улыбающуюся, какъ только она одна умѣетъ улыбаться. Но дверь остается за-

пертою, а когда мы съ женой встрѣчаемся... ну, не далѣе, какъ сегодня... нѣтъ, это слишкомъ ужасно!...

Онъ замолкъ и, кусая нижнюю губу, глядѣлъ передъ собою пылающими глазами. Кора прикоснулась къ его рукѣ и прошептала:

— Продолжай, прошу тебя.

— Иногда мнѣ казалось, — снова началъ онъ, — что она измѣнилась ко мнѣ только вслѣдствіе болѣзни, т. е. отъ долгаго лежанья, потому что настоящимъ образомъ больною она никогда не была. Но, вѣдь, и другимъ женщинамъ приходится переносить то же самое. Сначала Гильда принимала все очень легко, шутила и смѣялась; я носилъ ее на рукахъ изъ комнаты въ комнату, читалъ ей цѣлые дни и ночи романы, ученые сочиненія, въ которыхъ не понималъ ни слова, да и Гильда, вѣроятно, то же ничего не понимала. Внезапно она нашла, что я читаю дурно, и захотѣла дѣлать это сама; потомъ объявила, что не можетъ заниматься, пока я въ комнатѣ, и я долженъ былъ уходить на охоту или въ поле, и чѣмъ долѣе я отсутствовалъ, тѣмъ пріятнѣе ей было. Наконецъ, родилась наша дѣвочка; я блаженствовалъ и она то же, цѣлыхъ восемь дней. Докторъ не желалъ, чтобы она продолжала кормить ребенка; пришлось, прежде всего, выписать старуху Пультъ. Я сдѣлалъ это очень неохотно; терпѣть не могу этой женщины; она перессорилась со всѣми, была груба со мной и, кажется, даже съ Гильдою. По крайней мѣрѣ, жена не имѣла ничего противъ того, когда я ее отослалъ. Подробности я уже забылъ; знаю только, что мое кратковременное счастье миновало; казалось, будто невидимыя руки воздвигаютъ между нами стѣну, которая становится съ каждымъ днемъ выше и плотнѣе, и, когда я готовъ былъ кинуться на колѣна и цѣловать подолъ платья Гильды, я ударялся объ эту стѣну.

— Это ужасно, — прошептала Кора.

— Не думай, конечно, чтобы мы жили не говоря другъ съ другомъ ни слова, хотя, быть можетъ, это было бы и лучше. Иногда пріѣзжаютъ къ намъ гости, иногда мы сами дѣлаемъ визиты, и тогда Гильда совершенно такая же, какъ сегодня. бойкая, остроумная. Но при всякомъ подобномъ случаѣ она касается темы, которая именно въ ея устахъ мнѣ необыкновенно антипатична, старается дать мнѣ понять, что и я ничуть не лучше другихъ, намекаетъ на разныхъ дамъ, за которыми я дѣйствительно когда-то ухаживалъ, въ особенности на одну, извѣ-

стную и тебѣ, Поли Вольфсбергъ. Это такія связи, Бора, съ которыми всегда окончательно порываешь, какъ только женишься, да у меня и не было ничего такого серьезнаго, какъ думаетъ Гильда. Но не могъ же я говорить ей все это, да мнѣ и не хотѣлось; я радъ былъ, что она ревнуетъ меня хоть къ моему прошлому, значить, все же она не совсѣмъ равнодушна. Она такъ часто говорила про эту Вольфсбергъ, что мнѣ, наконецъ, просто захотѣлось ее видѣть. Она очень красива и по своему, кажется, любила меня. Неужели Гильда и къ этому отнеслась бы равнодушно, какъ ты думаешь?

— Она здѣсь.

— Кто?

— Поли Вольфсбергъ, фрау Реннеръ.

— Одна? Безъ мужа?

— Не знаю. Кажется.

— Видитъ Богъ, какое страшное совпаденіе!

Онъ вскочилъ. Бора тоже приподнялась и вопросительно глядѣла ему въ глаза.

— Мы пойдемъ теперь домой?— сказала она.

— Конечно, а то куда же? Наши, навѣрное, уже ушли изъ сада.

Онъ подаль ей руку. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ; потомъ Бора снова остановилась.

— Гильда одна во всемъ виновата, но часть вины ляжетъ и на тебя, если окажется, что и ты не совсѣмъ хорошій человекъ.

— Что хочешь ты этимъ сказать?

— Что это будетъ неблагородная месть, если только месть можетъ вообще быть благородною.

— А, понимаю, не безпокойся. Эта особа замужемъ, да и я теперь уже не тотъ опасный человекъ, какимъ меня нѣкогда прокричали.

Онъ сказалъ это смѣясь, но, какъ показалось Борѣ, уже не своимъ прежнимъ, милымъ смѣхомъ. Молча покинули они залу и вошли въ смежную комнату, уже значительно опустѣвшую.

Г л а в а VII.

Эшебургъ и Гильда, отыскивая своихъ товарищей, заглянули бѣгло въ залу, какъ разъ въ то время, когда Адальбертъ и

Бора находились въ боковыхъ комнатахъ; потому они снова про-
шлись взадъ и впередъ по главной аллеѣ *Променады*. Наконецъ,
профессоръ предложилъ вернуться домой, такъ какъ Гильда, на-
вѣрное, уже достаточно насладились кургартеномъ.

— Ничуть, — отвѣчала она. — Мнѣ здѣсь чрезвычайно весело.
Я могла бы гулять такъ всю ночь. Посмотрите на этихъ двухъ
толстухъ, съ цѣлымъ цвѣтникомъ и неизбѣжными попугаями на
головахъ; развѣ онѣ не восхитительны? А этотъ старшій франтъ
съ размалеваннымъ лицомъ и въ прекрасныхъ лакированныхъ
ботинкахъ, которые, повидимому, страшно жмутъ его ноги? Все
это необыкновенно занимательно.

— А мнѣ такъ кажется очень печальнымъ, — замѣтилъ Эше-
бургъ.

— Вы шутите?

— Совсе нѣтъ. Станьте немного въ сторону, такъ, чтобы
ряды гуляющихъ надвигались прямо на насъ. Знаете ли, что
они мнѣ напоминаютъ?

— Ну? — спросила Гильда.

— Шествіе мертвыхъ Шпангенберга, выставленное въ музей.

— Вы съ ума сошли.

— По всему вѣроятію. Конечно, это не совсѣмъ то же самое,
потому что на картинѣ паломники уже мертвые и имѣютъ пра-
во глядѣть на насъ такимъ тусклымъ взоромъ, а эти люди жи-
вуть и идутъ на встрѣчу смерти съ глазами, въ которыхъ свер-
каетъ жажда наслажденія.

— Ну, замѣтно, что вы занимаетесь патологическою ана-
томіею, — сказала, смѣясь, Гильда. — Я не вижу этихъ ужасовъ;
для меня это веселое маскарадное шествіе. Вы просто хотите
испортить мнѣ настроеніе духа.

— Ого!

— Ужь не думаете ли вы, что я не замѣтила, какъ вы зли-
лись на мою веселость? Вы не обращали никакого вниманія на
мои остроты за табль д'отомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ были
очень удачны.

— Я готовъ согласиться, что ваша веселость не произвела
на меня пріятнаго впечатлѣнія; она показалась мнѣ дѣланною.

— Вы хотите сказать, что я играла комедію?

— Я бы не такъ выразился. Вы, очевидно, испытывали на-
стоящую потребность повеселиться, только это вамъ не удава-
лось; вотъ что меня огорчало.

Они вышли из главной аллеи и направились къ одному изъ выходовъ между магазинами.

Гильда остановилась.

— Побудемте еще немного въ саду, — сказала она. — Мы можемъ избѣгнуть ненавистой вамъ толкотни.

— Охотно, — отвѣчалъ Эшебургъ. — Вотъ почти совсѣмъ уединенная аллея.

Правда, и здѣсь было еще довольно оживлено, однако, ходить было легче, чѣмъ между магазинами или передъ кургаузомъ, ярко освѣщенный фасадъ котораго озарялъ большую лужайку, украшенную пестрыми скалками. Бумажные фонари на широкихъ вершинахъ вѣшановъ разливали всюду мягкій полусвѣтъ, располагавшій къ интимной бесѣдѣ. Эшебургъ предчувствовалъ, что его спутница хочетъ сообщить ему что-то, что онъ сейчасъ услышитъ разгадку той тайны, которую подмѣтилъ съ первой же минуты. Сердце подсказывало ему, что рѣшеніе загадки будетъ неутѣшительно. Онъ вздрогнулъ, когда, послѣ короткаго молчанія, Гильда вдругъ сказала настолько торопливо, что онъ едва понялъ ее:

— И такъ, вы находите мою веселость неестественною, и это васъ печалитъ?

— Да, приблизительно такъ. Только, какъ я уже раньше намекалъ, я нахожу эти выраженія слишкомъ сильными.

— Ну, это не важно въ бесѣдѣ между друзьями; главное — понять другъ друга. Или, быть можетъ, вы не вѣрите въ истинную дружбу?

— Странно, мы бесѣдовали сегодня съ вашей сестрою какъ разъ на эту же тему и рѣшили, что дружба значить: желать и не желать того же самаго, или, говоря въ духѣ Спинозы, думать и не думать объ одномъ и томъ же.

— Во всякомъ случаѣ, вы другъ Боры?

— Надѣюсь.

— Но не мой?... А, вѣдь, когда-то вы были и моимъ другомъ...

— Если можно такъ выразиться. Вспомните, Гильда, вы были такъ молоды, а я такъ старъ. Въ такомъ случаѣ трудно желать одного и того же.

— Адалъбертъ только годомъ моложе васъ, а я, однако, вышла за него замужъ.

— Вы его любили.

— Вы хотите сказать, что любовь не имѣетъ ничего общаго съ дружбой?

— Напротивъ, дружба ея лучшая часть.

— Совершенно невѣрно,—горячо возразила Гильда. — Относительно самой дружбы вы, быть можетъ, правы. Что же касается развитія дружбы изъ любви,—это, съ вашего позволенія, чистѣйшій вздоръ. Эти два чувства не имѣютъ ровно ничего общаго, даже исключаютъ другъ друга. Любовь, становясь дружбою, перестаетъ быть любовью.

— Вѣрнѣе, никогда не была ею,—замѣтилъ Эшебургъ.

— Это-то я и оспариваю,—воскликнула Гильда. — Что такое настоящая любовь? Такое чувство, когда два человѣка не могутъ обойтись другъ безъ друга. Два сердца и одно бѣненіе—прекрасно, но двѣ души и одна мысль—чепуха. Заботится ли сердце о томъ, что дѣлается въ головѣ? Развѣ у Фауста и Гретхенъ были однѣ и тѣ же мысли?—«Ты долженъ вѣрить!»—«Милое дитя!» Вотъ вамъ и все. Фаустъ скептическій философъ, она вѣрующій ребенокъ, а они другъ друга любятъ. Почему? Кто это знаетъ! Нѣтъ, милый Эшебургъ, такія существа могутъ только любить, дружить—никогда.

— Извольте,—отвѣчалъ профессоръ,—останемтесь при любви. Если два человѣка крѣпки въ своемъ чувствѣ, пускай они обходятся безъ дружбы.

Гильда внезапно остановилась, близко подошла къ Эшебургу и сказала глухимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— А если они не крѣпки, если и любви-то никогда не было, а только ложь и обманъ? Развѣ это не ужасно?

Эшебургъ былъ пораженъ. Въ пылу спора онъ совершенно забылъ о томъ облакѣ, которое недавно омрачало лицо любимой женщины. Теперь изъ этого облака сверкнула молнія и съ страшною ясностью освѣтила бездну, у края которой онъ позволялъ себѣ шутить.

— Вы говорите не о себѣ?—пробормоталъ онъ.

— О себѣ?—воскликнула она все тѣмъ же страстно-возбужденнымъ тономъ.—Возможно ли это? Всѣ говорятъ, что я сдѣлала блестящую партію. Не вы ли съ Корой уговаривали меня выходить замужъ? Вы навѣрное знали, что я буду счастлива; вѣдь, вы гораздо умнѣ меня. И я счастлива. Быть въ девятнадцать лѣтъ матерью восьмимѣсячнаго ребенка—развѣ это ничего не значить? Имѣть все, что пожелаешь, домъ, экипажъ, слугъ?

О себѣ? Знаете что, Эшебургъ, я должна разсказать это Адалъберту. Какъ онъ надъ вами посмѣется!

Она расхохоталась рѣзкимъ, вымученнымъ смѣхомъ, раздиравшимъ сердце. Внезапно смѣхъ умолять и она продолжала:

— Отчего вы не смѣетесь? Зачѣмъ смотрите вы на меня такъ серьезно, точно я одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ звѣрковъ, которыхъ вы анатомируете? Какая, право, бѣда, что я не мужчина! Какъ разъ теперь я могла бы идти въ университетъ, и, мнѣ кажется, я не посрамила бы васъ. Хорошо, должно быть, знаться съ умными людьми, которые, однако, все же не такъ умны, какъ мы сами. Но до этого я была бы самымъ разудалымъ студентомъ, удалымъ въ полномъ смыслѣ слова. Женщины, вино, долги!... Что вы объ этомъ думаете?

— Я думаю, что вы играете теперь комедию, отъ которой вамъ не хорошо, да и мнѣ тяжело, чѣмъ я могу сказать.

— Очень жаль. Только почему бы мнѣ не считать жизнь комедию, если вы смотрите на окружающую насъ толпу, какъ на шествіе мертвыхъ? Взгляните, развѣ эта фигура не прямо выхвачена изъ комедіи? Куда вы смотрите? Я говорю вотъ объ этомъ господинѣ, въ костюмѣ доктора Йегера. Онъ недурень, хотя и не такъ хорошъ, какъ его товарищъ. Гдѣ это я его видѣла?

— Пойдемте, — нетерпѣливо сказалъ Эшебургъ.

— Ну, вотъ вы и спугнули моихъ любимцевъ своимъ злымъ взглядомъ. Право, не знаю, что съ вами дѣлается? Здѣсь такъ весело. Взгляните на этотъ жемчугъ, на это брилліантовое ожерелье! Вы ничего не понимаете? Напрасно, такой человекъ, какъ вы, долженъ все знать...

— Наконецъ-то мы васъ нашли! — раздался за ними голосъ Адалъберта.

— Наконецъ-то? — повторила Гильда. — Ну, это мы могли бы и вамъ сказать. Мы васъ ищемъ уже цѣлыхъ полчаса. Смотри, Бора, что за прелестныя вещи. Вотъ такъ надо бы отдѣлать брилліанты твоей бабушки, Адалъбертъ.

— Очень охотно, если тебѣ этого хочется, — отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ ужъ расхотѣлось. А это кольцо ты непременно долженъ купить Корѣ.

— Ты позволишь, Бора?

— Ради Бога! — воскликнула дѣвушка, удерживая его. — Вѣдь, вы знаете, что я ничего такого не ношу.

Адальбертъ, смѣясь, старался высвободиться. Они не замѣтили группы, которая остановилась за ними.

— Не оказать ли вамъ поддержку, товарищъ?—раздался чей-то голосъ.

— Боже мой, полковникъ Крель!—воскликнулъ Адальбертъ, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ принимая протянутую руку.

— Бъ вашимъ услугамъ. Баронесса, вашъ покорнѣйшій слуга. Позвольте вамъ замѣтить, что даже здѣшній цѣлебный источникъ не въ состояніи будетъ ничего прибавить къ прелестнымъ розамъ на вашихъ щечкахъ.

Потомъ, обращаясь къ Корѣ:

— Васъ я еще не имѣлъ счастья...

— Въ такомъ случаѣ,—прервала его Поли, здороваясь съ дѣвушкою,—я была счастливѣе васъ. Не знаю,—продолжала она, обращаясь къ Гильдѣ,—помните ли вы еще меня? Неужели? Вы приводите меня въ восторгъ. Позвольте же мнѣ въ такомъ случаѣ представить и моего брата, который, навѣрное, встрѣчался съ вами въ Берлинѣ.

— Я васъ едва ли узнала бы,—сказала Гильда.

— Еще бы!—отвѣчалъ Удо.—Гдѣ же вамъ помнить ничтожнаго поручика, да еще узнать его въ статскомъ платьѣ!

— Нельзя ли и мнѣ имѣть честь...—сказалъ Геннигъ, мрачно глядя на Поли.

— Извините, пожалуйста, баронесса, привать-доцентъ докторъ Геннигъ.

Гильда обернулась и, съ трудомъ сдерживая смѣхъ, отвѣчала на низкій поклонъ Геннига привѣтливымъ наклоненіемъ головы.

— А теперъ,—продолжалъ полковникъ, потрясая руку Эшебурга, котораго зналъ еще со времени войны, а потомъ встрѣчалъ въ антропологическомъ обществѣ,—позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Не отпраздновать ли намъ нашу радостную встрѣчу скромнымъ ужиномъ въ ресторанѣ кургартена? Вы улыбаетесь, баронесса? Значитъ, дѣло рѣшено. Любезнѣйшій баронъ, не предложите ли вы руку фрау Реннеръ? Вольфсбергъ поведетъ фрейлейнъ фонъ-Рембергъ. Эти два ученые мужа прикроютъ наше отступленіе, которое совершится ровно въ одиннадцать часовъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ можно еще увлекаться, *c'est plus fort que nous*, но домой возвращаешься всегда во-время. И такъ, *avanti*, господа, *avanti!*

Полковникъ пошелъ впередъ, ведя подъ руку Гильду.

— Думаете ли вы, что всё охотно идутъ съ нами?—спазала она, кидая взглядъ черезъ плечо.—Я замѣтила, кажется, нѣсколько хмурыхъ лицъ.

— Бому охота хмуриться, пока вокругъ насъ цвѣтеть весна и молодость!—отвѣчалъ полковникъ, съ восторгомъ глядя въ обращенные къ нему красивые, улыбающіеся глаза.

Глава VIII.

Они пришли въ ресторанъ какъ разъ во-время, чтобы занять послѣдній, еще свободный столъ. Крель просилъ предоставить ему распорядиться и, не дожидаясь согласія, вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Въ одно мгновеніе принесли два не достававшихъ прибора, необходимое число стульевъ, было составлено меню, заказано шампанское, и въ то время, какъ болѣе ранніе посѣтители тщетно звали кельнера или ждали обѣщаннаго мѣста, компанія Креля могла уже приступить къ ужину. Сѣли такъ, что каждая изъ дамъ имѣла съ обѣихъ сторонъ по кавалеру: Гильда сидѣла между полковникомъ и Удо, противъ нихъ помѣстилась Поли, а рядомъ съ нею Адальбертъ и Геннигъ. Бора очутилась между Удо и Адальбертомъ, визави съ Эшебургомъ. Шумъ разговоровъ, бѣготня кельнеровъ, стукъ тарелокъ и ножей, щелканье пробокъ,—все это дѣлало общую бесѣду почти невозможною. Даже Гильда и Поли, завязавшія сначала черезъ столъ оживленный разговоръ, смѣясь, отказались отъ этой попытки, къ великой радости Удо, который сторуалъ нетерпѣніемъ побесѣдовать съ красивою сосѣдкой. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что Крель обратился въ эту самую минуту къ Эшебургу. Гильда милостиво приняла поклоненіе, выражавшееся въ каждомъ взглядѣ и словѣ Вольфсберга, и одобрительный смѣхъ, которымъ она вознаграждала его шутки, вскорѣ возвратилъ ему сумоувѣренность, измѣнившую ему сначала. Да и неудивительно. Никогда не встрѣчалъ онъ еще такого восхитительнаго существа. Съ этой прелестной женщиной надо было соблюдать величайшую осторожность. Какъ рѣшительно высказывала она свои мнѣнія, что за прелестная лукавая улыбка мелькала на ея губахъ, когда кто-нибудь говорилъ глупость! Съ ней Удо испытывалъ то же чувство, что и на маневрахъ, когда сгораешь желаніемъ отличиться и не увѣренъ, какъ бы не покрыть себя позоромъ.

— Я всегда подозрѣвала въ васъ философскія наклонности, баронъ,—смѣясь, говорила Поли Адальберту. — Теперь я вижу, что недостаточно васъ цѣнила. Вы даже великій философъ.

— Чѣмъ заслужилъ я эту насмѣшку?—спросилъ онъ.

— Съ такую красивой женой нечего бояться насмѣшекъ,—прошептала Поли, мигнувъ полужакрытыми глазами въ сторону Гильды и Удо.

— Вы хотите сдѣлать меня ревнивымъ,—отвѣчалъ Оссекъ,—но это вамъ не удастся. У меня нѣтъ никакого расположенія къ ревности и я ничего не имѣю противъ того, чтобы ванъ брать бесѣдовалъ съ моею женой.

— Въ этомъ вы правы,—горячо сказала Поли.—Удо отличный мальчикъ, хотя и причиняетъ нашимъ родителямъ или, вѣрнѣе, мнѣ много заботъ. Въ Берлинѣ онъ рѣшительно не могъ долѣе оставаться; къ счастью, его перевели въ Рапштатъ. Понятно, что и тамъ полкъ уже давно обожаетъ его. Боюсь, какъ бы Удо и теперь не продолжалъ своей легкомысленной жизни.

— Не лишайте его беззаботности,—отвѣчалъ Адальбертъ.—Приходитъ время, когда мы тщетно вздыхаемъ о ней.

— Боже, какъ трагично!—воскликнула Поли.—Предоставьте это намъ, не только пишущимъ трагедіи, но и...

— Мнѣ сейчасъ сказалъ докторъ, что вы начали разрабатывать свой прекрасный талантъ. Геннигъ совершенно увлеченъ вашею пьесой, а я не знаю вашихъ стиховъ.

— Бромъ тѣхъ, надѣюсь, которые были посвящены одному господину, чье имя я не смѣю теперь даже назвать.

— Tempі passati,—пробормоталъ Адальбертъ.

— Да, они прошли, но не забыты, по крайней мѣрѣ, мною. Чтобы писать трагедіи, надо самому сперва пережить ихъ.

— Мы, кажется, собрались *праздновать* наше свиданіе?

— Развѣ это можетъ помѣшать слезѣ упасть въ чашу веселья?

— Она только омрачитъ блескъ извѣстныхъ мнѣ прекрасныхъ глазокъ. А теперь позвольте замѣтить вамъ, что вашъ сосѣдъ съ лѣвой стороны уже три раза пытался привлечь ваше вниманіе. Дайте ему хоть одинъ шансъ, иначе онъ, навѣрное, пришлетъ мнѣ завтра секундантовъ.

Адальбертъ вполне сознавалъ свою невѣжливость, но онъ помнилъ послѣднія слова Боры; ему казалось, что взглядъ ея укоризненно останавливается на немъ, и, уже ради нея, онъ

хотѣлъ прервать разговоръ, который такъ странно его привлекалъ. Онъ обратился къ Эшебургу, внутренно содрогнувшись, потому что Гильда разразилась въ эту минуту при одной изъ шутокъ Удо болѣе громкимъ смѣхомъ, чѣмъ дозволяло мѣсто, гдѣ они находились.

Поли не сразу послѣдовала приглашенію Адалберта бесѣдовать съ Геннигомъ. Откинувшись на спинку стула и прикрываясь вѣеромъ, она сидѣла, кусая губы. Первое нападеніе было отбито; однако, стрѣла, все-таки, попала въ цѣль, иначе Оссекъ не прервалъ бы такъ рѣзко ея намековъ на прошлое. Не все ли равно, Крель или Удо возьмется за дѣло! Глаза Поли встрѣтились со взоромъ полковника, который незамѣтно для всѣхъ мигнулъ въ сторону Гильды и молодого офицера. Оба улыбнулись; они вполнѣ поняли другъ друга, съ той только разницею, что Крель не такъ благосклонно смотрѣлъ на своего молодого соперника, какъ думала Поли. Онъ имѣлъ время обсудить дѣло. Жена его должна была пріѣхать надняхъ; для правильной атаки оставалось слишкомъ мало времени; къ тому же, какъ ни желалъ онъ унижить Адалберта, не было никакой нужды непременно сдѣлать это самому. Пусть лучше Поли нуститъ въ дѣло Удо; нѣкоторая доля удовольствія все же достанется и полковнику.

Крель вмѣшался въ остроумную болтовню, которая все болѣе разгоралась между Гильдою и молодымъ офицеромъ, взявъ сторону Удо, ни чуть не смутивъ этимъ баронессу, которая такъ же легко боролась теперь съ двумя противниками, какъ сначала съ однимъ.

Не встрѣтивъ поддержки со стороны молчаливаго Эшебурга, Адалбертъ снова обратился къ Поли, на этотъ разъ уже съ твердою рѣшимостью не останавливаться болѣе передъ нравственными соображеніями, надъ которыми издѣвалась сама Гильда. Поли кротко встрѣтила раскаявагося и съумѣла завязать легкую болтовню, въ которую искусно вовлекла и Геннига. Ей не хотѣлось раздражать своего любимца; она боялась рѣзкой выходки со стороны этого безтактнаго чаловѣка.

Сидя между двумя веселыми группами, Бора и Эшебургъ были предоставлены самимъ себѣ. Раздѣленные длиною стола, они не могли бесѣдовать между собою и избѣгали даже встрѣчаться взглядами, чтобы одинъ не прочелъ въ глазахъ другаго только что повѣренной ему тайны. Слушая вызывающій смѣхъ Гильды,

Эшебургъ вспоминалъ шутки, которыми несчастная женщина хотѣла скрыть отъ него свое разрушенное счастье; при каждомъ взглядѣ на лицо Адальберта, возбужденное теперь виномъ и искусственною бесѣдою, Коръ представлялось оно такимъ, какимъ оно было за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, блѣднымъ, убитымъ, смоченнымъ слезами. Все тяжелѣе становилось у нея на душѣ; все мрачнѣе дѣлалось облако на челѣ Эшебурга. Онъ обдумывалъ, подѣ какимъ бы предложеньемъ ему покинуть общество; Кора также нѣсколько разъ готовилась просить, чтобы встали отъ стола. Ужинъ длился болѣе часа; публика почти вся разошлась; лишь немногіе посѣтители еще сидѣли за остаткомъ вина или передъ пустыми чашками. Недалеко отъ компаніи Креля все еще находилась чета Дугласовъ. Англичанинъ читалъ газету, которую, очевидно, зналъ уже наизусть, такъ какъ онъ изучалъ все одну и ту же страницу; жена его, опираясь головою на руки, неподвижно глядѣла на пустую чашку, по временамъ сжимая въ рукѣ обшитый кружевомъ платокъ. Неволью Кора сравнила ея неподвижность съ возбужденностью Гильды. Или это тоже несчастный бракъ?

Англичанинъ сложилъ, наконецъ, газету, сунулъ ее въ карманъ и всталъ; за нимъ поднялась и дама. Имъ приходилось идти какъ разъ мимо пирующихъ.

— Sapristi!—пробормоталъ полковникъ, роня лорнетъ, черезъ который въ упоръ глядѣлъ въ лицо англичанина.—Что за поразительное сходство!

— Съ кѣмъ?—спросили три голоса.

Баронъ Крель, не отвѣчая ни слова, снова вставилъ стеклышко въ глазъ, чтобы еще разъ взглянуть на удаляющуюся даму.

— Извините,—сказалъ онъ,—сколько я помню, никто не обязанъ давать на судѣ отвѣтовъ, которые могли бы его компрометировать.

— Но вы не на судѣ!—воскликнула Поли.

— Въ тому же, вы уже скомпрометировали себя отказомъ,—сказала Гильда.

— Вы правы, какъ всегда,—отвѣчалъ полковникъ, любезно кланаясь молодой женщиной.—Надѣюсь, что я съумѣю оправдаться искреннимъ признаніемъ, и да проститъ меня англійская лэди, если я хоть на минуту смѣшалъ ее съ французенкой, которую видѣлъ вскользь въ одномъ парижскомъ игорномъ домѣ, гдѣ мнѣ указывали на нее, какъ на дочь содержательницы.

— А когда это было?—горячо спросила Гильда.

— Мнѣ стыдно сознаться, два года тому назадъ, во время моего свадебнаго путешествія.

— Ахъ, какой вы ужасный человѣкъ!—воскликнула Поли, грозя Брелю пальцемъ.

— Ничуть,—замѣтила Гильда.—По моему, очень мило, что баронъ такъ откровененъ; это гораздо лучше, чѣмъ притворяться добродѣтельнымъ, дѣлать видъ, будто никогда и не былъ въ игорномъ домѣ, никогда не могъ бы смѣшать одной красивой женщины съ другою...

— Мнѣ кажется, намъ пора идти,—сказала Бора, вставая.— У меня очень болитъ голова.

Эшебургъ вскочилъ; остальные встали медленно; всего неохотнѣе поднялись Гильда и Удо.

— Я могъ бы просидѣть такъ до утра,—сказалъ молодой человѣкъ, страстно глядя ей въ глаза.

Гильда засмѣялась и подошла къ Борѣ.

— Развѣ я такъ виновата, Бора?

— Да.

— Боротко и ясно. Ну, а подробный выговоръ я получу, конечно, завтра.

Она, смѣясь, вернулась къ Удо. Эшебургъ подаль руку Борѣ; Поли выбрала Адальберта.

— Вы слишкомъ опасны,—сказала она полковнику и доктору.—Порядочная женщина не можетъ довѣряться вамъ. У одного только барона есть правила.

— Вы, право, подорвете весь мой кредитъ,—сказалъ Адальбертъ.

— Тѣмъ лучше,—громко отвѣчала она. Потомъ, сжимая его руку, шепнула:—тогда приходите ко мнѣ; моя вѣра въ васъ безгранична.

Передъ отелемъ d'Angleterre всѣ разстались.

— Будемте добрыми сосѣдями,—тихо сказала Поли Адальберту.

— А завтра давайте снова веселиться,—воскликнулъ Брель.

Г л а в а IX.

Даже самые старые посѣтители Баденъ-Бадена не могли бы припомнить такого блестящаго осенняго сезона, если можно

было вообще говорить объ осени; когда ни одинъ листъ еще не пожелтѣлъ и дуга и лѣса поражали свѣжестью. Что за длинныя вереницы дрожекъ ежедневно привозили съ каждаго поѣзда массу пассажировъ, хотя одинъ Богъ вѣдаетъ, куда дѣвались эти люди, такъ какъ никто не думалъ еще трогаться и отели уже давно переполнились до чердаковъ! Неудивительно, если содержатели гостиницъ брали теперь за все только *русскія* цѣны, если цвѣтокъ для теплички стоилъ дороже многихъ орденовъ, а букетъ для дамы сердца перешелъ въ область недосягаемыхъ вещей. Ну, словомъ, прелесть, что за жизнь!

На эту тему шелъ разговоръ между группою, сидѣвшею въ ресторанѣ кургартена за стаканомъ пива или мадеры.

— Я считаю возможнымъ для насъ, мужчинъ, да, пожалуй, даже для большинства дамъ, оставаться незамѣченными, — сказалъ совѣтникъ посольства фонъ-Бинцъ. — Если нѣкоторые изъ нихъ и не пользуются этимъ преимуществомъ, то исключеніе только подтверждаетъ правило.

— Сомнѣваюсь, — отвѣчалъ камергеръ фонъ-Пустовъ, — чтобы имъ очень хотѣлось затеряться вмѣстѣ съ другими въ общей массѣ. По крайней мѣрѣ, онѣ всячески стараются избѣгнуть этого несчастья.

— До сихъ поръ имъ это отлично удавалось, — замѣтилъ совѣтникъ.

— Нѣтъ причинъ опасаться, чтобы число ихъ поклонниковъ уменьшилось, — прибавилъ камергеръ.

— Напротивъ, — сказалъ ассессоръ фонъ-Ленгсфельдъ, — оно даже возрастаетъ съ каждымъ днемъ.

— Вѣрно, — отозвался фонъ-Бинцъ. — Давно уже рѣшено, что баронесса Оссекъ и тайная совѣтница Реннеръ единственныя женщины въ своемъ родѣ, такъ сказать, внѣ конкурса.

— Если не считать красивой лэди Дугласъ, — вставилъ камергеръ.

— Господа, — виѣщался майоръ фонъ-Либе, — вотъ идетъ Вольфсбергъ. Ни слова болѣе объ этомъ соперничествѣ.

— Какомъ соперничествѣ? — спросилъ Удо, слышавшій послѣднее замѣчаніе майора.

— Мы скажемъ вамъ, если вы, не задумавшись, назовете тѣхъ трехъ дамъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

— Есть о чемъ думать! — воскликнулъ Удо. — О моей сестрѣ, баронессѣ Оссекъ и лэди Дугласъ. Это само собою разумѣется.

Относительно первой я, какъ братъ, не судья; что касается второй, я невѣняемъ, потому что принадлежу къ числу ея заклятыхъ поклонниковъ, а о третьей спросите меня, когда я сыграю съ нею первую партію въ lawn-tennis.

— Ну, долго же придется ждать,—сказалъ фонъ-Бинцъ.

— Можетъ быть, а пока я очень доволенъ и крокетомъ... Боже мой, уже три четверти, у меня нѣтъ ни минуты времени... Кельнеръ!

Удо заплатилъ за мадеру, торопясь до такой степени, что нетерпѣливо закричалъ кельнеру, искавшему сдачи съ пяти марокъ:

— Оставьте себѣ,—и скорыми шагами вышелъ изъ парка.

— Счастливецъ!—пробормоталъ камергеръ.

— Ну, какъ сказать!—замѣтилъ совѣтникъ посольства.—Во всякомъ случаѣ счастье его имѣетъ предѣлы. Вчера въ клубѣ онъ опять проигралъ Дугласу крупную сумму. Желалъ бы я знать, гдѣ онъ беретъ деньги.

— Не понимаю теперешней молодежи,—сказалъ камергеръ.— Вы всѣ ужасно завистливы. Въ мое время было не такъ: живи и давай жить другимъ.

— Какъ разъ девизъ маленькой баронессы Оссекъ,—замѣтилъ фонъ-Бинцъ.— Я видѣлъ ее съ Крелемъ въ кабриолетѣ. Прелесть, какая миленьбая!

— Ну, Крель даромъ теряетъ время; она уже попалась на удочку,—пробормоталъ фонъ-Ленгсфельдъ.

— А я такъ утверждаю, что Вольфсбергъ играетъ роль щуки въ морѣ,—возразилъ камергеръ.

— Не совѣтовалъ бы я ему идти слишкомъ далеко,—вмѣшался майоръ, прерывая свою бесѣду съ помѣщикомъ фонъ-Штейнбахомъ и обращаясь къ остальнымъ.—Оссекъ не любилъ прежде такихъ шутокъ.

— Кстати, майоръ, вы уже давно знаете барона? Правда ли, что онъ былъ опекуномъ своей жены?

— Не въ полномъ смыслѣ опекуномъ,—отвѣчалъ майоръ.— Отецъ его и генералъ фонъ-Рембергъ были друзьями, даже приходились другъ другу немного сродни. Генералъ любилъ пожуировать и женился поздно; жена была моложе его лѣтъ на двадцать и считалась одною изъ первыхъ красавицъ Берлина. Она увлекалась обществомъ, умѣла принимать, и домъ ихъ походилъ на муравейникъ; говорили, что генералъ сильно запутался въ долгахъ. Но, по всему вѣроятію, было не такъ плохо. По край-

ней мѣръ, когда онъ умеръ, все устроилось прекрасно и въ этомъ случаѣ Оссекъ много помогаль, только не въ томъ смыслѣ, какъ думаютъ иные. Онъ, правда, очень богатъ и всегда былъ необыкновенно щедръ, но генеральша слишкомъ горда, чтобы принимать подарки отъ молодого человѣка; смотрѣть же на Оссека, какъ на будущаго зятя, было еще невозможно: баронессѣ было тогда не болѣе пяти лѣтъ. Нѣкоторыя услуги онъ, навѣрное, оказалъ, но главнымъ организаторомъ безспорно былъ Эшебургъ, тогда еще человѣкъ молодой и не такой извѣстный, какъ теперь.

— Значить, они съ Оссекомъ друзья съ дѣтства?—спросилъ ассессоръ.

— Съ самаго ранняго дѣтства; они вмѣстѣ играли, — отвѣчалъ майоръ.

— Говорятъ, что онъ женится на старшей сестрѣ, — сказалъ фонъ-Бинцъ.

— Да ихъ нигдѣ даже не видать вмѣстѣ, — замѣтилъ ассессоръ.

— Ее вообще нигдѣ не видно.

— Странно, — вмѣшался фонъ-Штейнбахъ, — но мнѣ эта молодая дѣвушка нравится гораздо больше, чѣмъ ея знаменитая сестра или фрау Рейнеръ. О красивой англичанкѣ судить не могу; я ее еще не видалъ.

— Позвольте предложить вамъ средство исправить эту преступную оплошность. Теперь какъ разъ время. Лэди Дугласъ, навѣрное, играетъ въ lawn-tennis.

— Извольте, — отвѣчалъ фонъ-Штейнбахъ, вставая. — Мнѣ нужно еще нагулять себѣ аппетитъ къ обѣду.

— А если вы сознаете свою ошибку?—спросилъ ассессоръ.

— Тогда приглашу васъ всѣхъ сегодня вечеромъ на бутылку шампанскаго.

— Не преминемъ явиться! Идетъ!—послышалось отовсюду.

Они двинулись въ путь и пошли влѣво отъ Лихтентальской аллеи, по которой вѣхали теперь вереницы экипажей. *Променада* была также переполнена гуляющими.

— Повѣрите ли вы, что половина этихъ людей или идетъ смотрѣть, какъ играютъ въ крокетъ, или возвращается оттуда?—сказалъ ассессоръ.

— А lawn-tennis съ лэди Дугласъ дается сверхъ комплекта, — вставилъ совѣтникъ.

— Я знаю людей, которые считают его настоящей *riche de résistance*, — замѣтил камергеръ, насмѣшливо глядя на Ленгсфельда.

— Это весьма возможно, — сказалъ онъ, — только присутствіе мистера Дугласа портитъ мнѣ всегда аппетитъ.

— Вы должны знать, — обратился майоръ къ Штейнбаху, — что прекрасная англичанка играетъ только съ своимъ мужемъ. Поэтому Вольфсбергъ и прозвалъ ихъ: *les inséparables*. Славный человекъ этотъ Вольфсбергъ; жаль только, что... Но что съ вами, господа?

— Да смотрите же, майоръ.

— Что такое?

— Вольфсбергъ играетъ въ *lawn-tennis* съ лэди Дугласъ.

— Быть не можетъ!

Всѣ протѣснились съвозъ толпу, густыми рядами обступившую мѣсто игры. Партія только что кончилась; Удо благодарилъ свою красивую партнерку и пожималъ ея руку. Потомъ онъ подалъ руку и мистеру Дугласу, и они подошли къ низкой рѣшеткѣ, которая отдѣляла ихъ отъ крокета. Здѣсь стояли баронесса Оссекъ, фрау Реннеръ, три миссъ Суольвель, прозванныя «близнецами», баронъ Крель, донъ Темистокль Виго-Суольвель, только что прибывшій изъ Чили, и Геннигъ. Началось обоюдное представленіе, но подробностей уже нельзя было разобрать, потому что толпа слишкомъ тѣснилась. Мало-по-малу публика стала расходиться и кавалеры снова очутились виѣстѣ.

— Господа! — воскликнулъ фонъ-Бяницъ, — Штейнбахъ все еще не сознался, что непросительно превознесъ фрейлейнъ фонъ-Рембергъ въ ущербъ маленькой баронессѣ.

— И не сознается, — отвѣчалъ землевладѣлецъ. — О вкусахъ не спорять; я нахожу фрейлейнъ фонъ-Рембергъ красивѣе баронессы, красивѣе фрау Реннеръ, даже англичанки, которую, наконецъ, увидалъ.

— Жаль шампанскаго! — воскликнулъ ассессоръ.

— А мы его, все-таки, разопьемъ, — отвѣчалъ фонъ-Штейнбахъ. — Господа, прошу васъ всѣхъ сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, въ ресторанъ кургартена.

Глава X.

Бора медленно шла лѣсомъ по своей любимой тропинкѣ, мимо русской церкви. Въ первый разъ послѣ цѣлой недѣли прихо-

дѣлось ей идти безъ маленькой Лизы, которую она несла обыкновенно на вершину горы, поочередно съ Дореттою; тамъ проводила она многіе часы, читая, мечтая, играя съ ребенкомъ или болтая съ кормилицею. Какъ быстро летѣло тогда время! Какъ тянется онс сегодня! Куда дѣвалось удовольствіе, которое испытывала дѣвушка, слѣдя за золотистыми лучами солнца, слушающая пѣніе дроздовъ, любящая цвѣтами! Все преобразилось, казалось ей теперь тусклымъ и монотоннымъ.

Она сѣла на скамью и начала читать. Чтеніе не шло на ладъ. Бора закрыла книгу.

— Нечего вымещать свою дасаду на бѣдномъ авторѣ, — сказала она. — Онъ, навѣрное, сдѣлалъ все, что могъ, чтобы искусно сплести нити, и имѣеть право требовать, чтобы я шла къ нему на встрѣчу съ добрымъ намѣреніемъ насладиться его твореніемъ, а не называла бы его тупымъ и прозаическимъ только потому, что сама въ такомъ настроеніи. И безъ меня довольно неблагодарности на свѣтѣ.

Она снова окинула взоромъ ландшафтъ, покачала головою, опустила книгу въ карманъ и встала.

«Лучше идти дальше въ лѣсъ, — подумала она. — Можно, по крайней мѣрѣ, утѣшать себя мыслью, что прогулка, все-таки, не полная праздность».

Бора повернула влѣво по тропинкѣ. Внезапно она услышала за собою торопливые шаги. Сердце ея забилось сильнѣе. Она знала, что Адальбертъ не участвуетъ въ крокетъ; онъ не разъ видѣлъ, какъ она уходила сюда съ дѣвочкою. Ужь не хочетъ ли онъ оправдать свое сегодняшнее поведеніе? Это необходимо; только врядъ ли ему удастся.

— Фрейлейнъ Бора!

— Это вы, Эшебургъ?

Она глубоко вздохнула и протянула руку.

— Я, кажется, испугалъ васъ? — началъ профессор. — Я былъ увѣренъ, что застаю васъ здѣсь; только отчего вы одни?

— Меня оставили отъ должности, — отвѣчала она, стараясь улыбнуться.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что Гильда отказала сегодня Дореттѣ; бѣдняжка уѣхала уже два часа тому назадъ. Столько же времени находятся въ домѣ давно ожидаемый камердинеръ Фридрихъ и новая нянька; не знаю, право, гдѣ они такъ скоро нашли ее.

— Но зачѣмъ все это?

— Бажется, фрау Пультъ терпѣть не могла Доретты, ну, а кого ненавидитъ фрау Пультъ...

— Ужасная женщина!—воскликнулъ Эшебургъ.—Это злой демонъ вашей семьи. Я убѣжденъ, что, при всей ея лстивости, она постоянно подстрекаетъ противъ васъ вашу мать, да и интригу противъ Доретты она затѣяла только съ тѣмъ, чтобы испортить удовольствіе, которое доставлялъ вамъ ребенокъ.

— Ну, совсѣмъ-то это ей не удастся,—отвѣчала Кора.— Однако, все-таки, я отставлена отъ дѣла. Гильда пожелала, чтобы я менѣе занималась дѣвочкой, для того, чтобы она привыкла, наконецъ, къ бабушкѣ и фрау Пультъ.

— И Адальбертъ присутствовалъ при этой назидательной сценѣ?

Кора вспыхнула.

— Очень естественно, что мужчины предоставляютъ женщинамъ рѣшеніе такихъ внутреннихъ вопросовъ.

— Вы находите это естественнымъ? — переспросилъ Эшебургъ.— Ну, а до меня это и совсѣмъ не касается, тѣмъ болѣе, что я пришелъ проститься съ вами. Я уѣзжаю съ шестичасовымъ поѣздомъ.

— Счастливыи путь.

— И только?—укоризненно сказалъ Эшебургъ.

— Позвольте еще выразить надежду, что вамъ было здѣсь весело. Почему бы и нѣтъ? Хорошо бродить съ утра до ночи по горамъ. Жаль только, что я все это время разыгрывала роль няньки. Теперь и я могла бы съ вами гулять, но я и тутъ опоздала.

— Вы сердитесь на меня, Кора?

Онъ остановился и заглянулъ ей въ глаза.

— Да,—сказала она, тоже останавливаясь и отвѣчая на его взглядъ; потомъ пошла дальше.

— Я не спрашиваю васъ даже почему?—тихо сказалъ онъ.— Я искалъ васъ только затѣмъ, чтобы объяснить свой поступокъ. Объясненіе очень просто; я не могу долѣе видѣть того, что здѣсь происходитъ, и предпочитаю уѣхать.

— Это, дѣйствительно, очень просто,—отвѣчала Кора.— Нѣсколько сложнѣе, но, по моему, болѣе дружественно было бы постараться помочь.

— Я пытался, но безуспѣшно. Выслушайте меня, Кора.

Если послѣ печальныхъ наблюдений, которыми мы обмѣнялись въ первый же злополучный вечеръ, я старался не заговаривать болѣе съ вами о нашемъ общемъ горѣ, то только потому, что надѣялся безъ большого труда самъ распутать дѣло. Изъ вашихъ словъ я понялъ, что Гильда сомнѣвается въ любви мужа и ревнуетъ его къ прошлому. Удивительно ли, что она вышла изъ себя, встрѣтившись съ той самой женщиной, на которую ей указывали, какъ на послѣднюю привязанность Адальберта? Нужно же было ему имѣть такъ мало такта и въ первый же вечеръ начать ухаживать за нею на глазахъ жены!

— Послѣ того, какъ она подала ему блестящій примѣръ своимъ обращеніемъ съ Вольфсбергомъ.

— Объ этомъ потомъ, — отвѣчалъ Эшебургъ. — Я имѣлъ счастье доказать Гильдѣ, что Адальбертъ никогда не любилъ Поли и не былъ ея женихомъ, что если онъ ухаживаетъ за нею теперь, то изъ какого-нибудь другаго побужденія, а не изъ страсти. Да лучше всего я сейчасъ же расскажу вамъ, что происходило некогда между нимъ и Поли.

— Я вовсе не любопытна.

— А все же на всякій случай. Я знаю, вы терпѣть не можете фрау Реннеръ. Адальберту она тоже была мало симпатична, но она страшно ухаживала за нимъ, и онъ не имѣлъ рѣшимости сердиться на эту рыжую сирену за ея сладкія трели. За то онъ жилъ въ вѣчномъ страхѣ, какъ бы она не сдѣлала публичной демонстраціи, и, кто знаетъ, подъ вліяніемъ этого опасенія онъ могъ, пожалуй, даже жениться на ней. Поэтому я былъ очень радъ, когда случилось слѣдующее. Въ одно прекрасное воскресенье заходитъ ко мнѣ Адальбертъ и подаетъ письмо, очень интимное, въ которомъ Поли извиняется передъ какимъ-то Гуго, что не могла принять его наканунѣ, такъ какъ у нея былъ нѣкто, преслѣдующій ее своею безнадежною любовью. «Какъ попало это письмо къ тебѣ?» — спросилъ я Адальберта. — «По почтѣ, только я не знаю, кто же этотъ Гуго». — «Да кто же иной, какъ не баронъ Брель? Красавица второпяхъ перепутала адреса, и вамъ остается только обмѣняться съ барономъ письмами, какъ это дѣлается въ комедіяхъ». Понятно, что Адальбертъ пожелалъ обмѣняться не письмами, а пулями, но я его урезонилъ, и дѣло уладилось. Никто при этомъ не пострадалъ, кромѣ бѣднаго Реннера, черезъ четыре мѣсяца женившагося на Поли.

— Подобно тому, какъ Адальбертъ два мѣсяца передъ тѣмъ на Гильдѣ.

Слова эти невольно вырвались у Кора. Эшебургъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Я самъ въ дурномъ настроеніи духа,—сказалъ онъ,—и вамъ не слѣдовало бы мѣшать мнѣ хоть немного придти въ себя.

— Признаюсь,—отвѣчала Кора,—что ваша веселенькая исторія меня оскорбила. Не думаю, чтобы она имѣла успѣхъ и у Гильды.

— Правда, я не былъ особенно счастливъ,—отвѣчалъ Эшебургъ,—но не потому, чтобы сама исторія была оскорбительна. Гильда должна быть благодарна, если я доказалъ ей, что Адальбертъ не могъ любить такой женщины, какъ Поли. А если я ошибся въ расчетѣ, то только потому, что онъ всѣми силами старается навлечь на себя это подозрѣніе.

— Повторяю, онъ только слѣдуетъ примѣру Гильды, съ той разницею, что она изъ осторожности выбираетъ двухъ вздыхателей заразъ или, быть можетъ, трехъ, четырехъ, почему знать?

— Вы внѣ себя, Кора.

— Да,—воскликнула она,—удивляюсь только, что вы такъ спокойны. Да развѣ это прежняя Гильда, эта принцесса, которая спитъ до одиннадцати часовъ, а потомъ лежитъ еще на диванѣ, подъ предлогомъ чтенія французскаго романа? Развѣ это Гильда, эта нарядная, напудренная дама, которая катается въ кабриолетѣ съ старымъ волокитой или выставляетъ себя на показъ съ цѣлой толпой поклонниковъ и такихъ же женщинъ, какъ она? Нѣтъ, это не моя сестра. Я не знаю этой кокетки, не хочу ее знать. И еслибъ Адальбертъ ее возненавидѣлъ, я не смѣла бы сказать, что онъ не правъ.

— А знаете ли вы, что я сказалъ бы ему? — прервалъ ее Эшебургъ.—Что онъ тысячу разъ не правъ, что если кого-нибудь слѣдуетъ ненавидѣть, то именно его, не сжумѣвшаго приковать къ себѣ неопытное сердце.

— Вы сказали бы ему это?—воскликнула Кора.—Ну, а я иначе понимаю дружбу. То, что я говорила вамъ сейчасъ, я высказала Гильдѣ прямо въ глаза. Конечно, я должна была предвидѣть, что она отниметъ у меня ребенка.

— Я воображалъ, что вы меня лучше знаете и не поду-

маете, что я нападаю на своихъ противниковъ изподтишка. Адальберту хорошо извѣстно мое мнѣніе; теперь вы поймете, почему я хочу ѣхать.

— Еще разъ счастливый путь.

Глухой, безнадежно-печальный тонъ, которымъ произнесла Бора эти слова, проникъ въ сердце Эшебурга. Они стояли теперь передъ скамейкою; дѣвушка сѣла и вынула книгу. Солнечный лучъ, прорываясь сквозь густыя вѣтви, игралъ на ея темныхъ волосахъ, съ которыхъ она, по обыкновенію, сняла шляпу. Странное чувство, никогда еще не испытанное Эшебургомъ возлѣ этой дѣвушки, овладѣло имъ. Бора съ своимъ умнымъ, милымъ, теперь такимъ печальнымъ лицомъ показала ему гораздо выше той женщины, ради которой онъ такъ долго изнывалъ отъ безнадежной любви.

Эшебургъ пробудился отъ своихъ размышленій и сѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ Бору.

— Позвольте мнѣ побыть съ вами еще нѣсколько минутъ,— сказалъ онъ.—Я не могу уѣхать, зная, что возбудилъ ваше неудовольствіе. Если бы мнѣ не было стыдно, я сказалъ бы вамъ: позвольте мнѣ остаться въ Баденъ-Баденѣ совсѣмъ, пока дозволятъ мнѣ время.

Слезы потекли изъ глазъ Бору. Она кивнула утвердительно и Эшебургъ глубоко вздохнулъ, точно избавился отъ страшной тяжести.

— Такъ-то лучше, милый другъ,—сказалъ онъ.—Мы просто не хорошо принялись за дѣло. Не помѣнятся ли намъ ролями? Я знаю, почему послѣ перваго же вечера вы избѣгали встрѣчаться съ Адальбертомъ. Та же причина дѣлала и меня робкимъ съ Гильдою. Мы еще не чувствуемъ себя довольно крѣпкими и боимся возврата старой болѣзни. Но мы должны преодолѣть эту слабость. Адальбертъ охотнѣе подчинится вашему нѣжному голосу, чѣмъ моему грубому. Въ свою очередь, Гильда хоть уважаетъ меня. Только въ этомъ планѣ есть одинъ сомнительный пунктъ.

— Какой именно?

— Что, если Адальбертъ, который съ отчаянія кидаетъ теперь свое сердце фрау Реннеръ, отдастъ его вамъ?

Бора не засмѣялась; краска, разлившаяся по ея лицу, вызвана была не гнѣвомъ.

— Это бы мнѣ никогда и въ голову не пришло,—отвѣчала

она. — Мнѣ даже и теперь хочется смотрѣть на ваши слова, какъ на шутку. Что бы вы подумали, если бы я сказала: «бойтесь, какъ бы красавица не влюбилась въ своего духовника?»

— Вотъ и прекрасно!—воскликнулъ Эшебургъ, не сводя глазъ съ серьезнаго лица, которое никогда еще не казалось ему такимъ милымъ. — Сперва мы поссорились, а теперь говоримъ другъ другу комплименты. Только Гильда не полюбитъ такого человѣка, какъ я. Она ребенокъ и должна поэтому презирать даже золотые плоды, если они поданы не на серебряномъ блюдѣ.

— Однако, Адальбертъ богатъ, красивъ, храбръ,—словомъ, джентльменъ съ ногъ до головы. Гильдѣ слѣдовало бы его любить, и она его, дѣйствительно, когда-то любила. Или вы и этому не вѣрите?

— Трудно сказать,—отвѣчалъ профессоръ.—Иногда мнѣ казалось, что она любила только созданіе своей фантазіи; вѣдь, это случается ежедневно. Бракъ, какъ учрежденіе чисто-земное, не можетъ осуществлять нашихъ идеальныхъ мечтаній, и, рано ли, поздно ли, мечтателю неизбѣжно приходится разочароваться. Гильда перенесла еще, кромѣ того, тяжелое испытаніе, которое могло бы исчерпать терпѣніе даже святаго; ну, а она не святая. Но вы меня не слушаете?

— Напротивъ,—отвѣчала Бора, надѣвая шляпу и вставая,— только во всемъ, что вы говорите, я слышу лишь одно...

— Что именно?

— Что вы еще любите Гильду столько же, какъ и прежде.

— Потому что я стараюсь ее извинить?

— Потому что вы снимаете съ нея всякую вину и возлагаете всю отвѣтственность на Адальберта. Это жестоко и несправедливо. Что говорите вы мнѣ о несчастіи Гильды? Для женщины есть только одно непоправимое горе—утрата любви любимаго человѣка; второе за нимъ—никогда не быть любимой. Гильда не испытала ни того, ни другаго; вся ея бѣда лишь въ томъ, что она любитъ только одну себя.

— А это не жестоко съ вашей стороны, фрейлейнъ Бора?

— Лишь настолько, насколько можетъ быть жестока справедливость.

— Вамъ такъ кажется, потому что вы сами еще любите Адальберта.

— Я должна была готовиться къ этому дешевому возраженію.

— Вы не назвали бы его дешевымъ, еслибъ знали, что мнѣ стоило его сдѣлать.

Съ минуту они гнѣвно глядѣли другъ на друга, потомъ взоры ихъ обратились одновременно въ одну и ту же сторону, къ небольшому отверстию въ густой изгороди, за которою виднѣлась маленькая вилла въ швейцарскомъ стилѣ. Калитка щелкнула. Господинъ, вошедшій въ нее, вынулъ ключъ и заперъ калитку изнутри. Это былъ баронъ Крель. Въ дверяхъ виллы показалась женская фигура и бросилась на встрѣчу гостю; баронъ обнялъ стройный станъ дамы, которая съ притворною нѣжностью прижалась головою къ его плечу. Такъ они исчезли въ дверяхъ виллы.

— И такимъ-то людямъ надо пожимать руку!—прошептала Кора.

— Вы правы, — отвѣчалъ Эшебургъ. — Эти модные браки возмутительны; передъ глазами свѣта—толстая, уродливая дочка миллионера; въ уютной виллѣ—изящная, стройная танцовщица. То, что мы сейчасъ видѣли, дѣйствительно, очень некрасиво, но это напоминаетъ намъ, что порядочные люди должны тѣснѣе сплотиться для того, чтобы низость не вполне восторжествовала.

Кора молча подала ему руку; онъ съ трудомъ удержался, чтобы не поцѣловать ее. У дверей кургартена они разстались.

— Одно слово, — сказала дѣвушка на прощанье, — знаете ли вы, что у Гильды сегодня гости? Фрау Реннеръ желаетъ прочесть намъ свою новую драму или, вѣрнѣе, заставить прочесть ее Геннига.

— Я, слава Богу, не приглашенъ, — отвѣчалъ Эшебургъ.

— Но вы, все-таки, придете?

— Если вы этого желаете, хотя бы даже я рисковалъ быть выброшеннымъ за дверь.

Оба улыбнулись въ первый разъ во все время бесѣды; Кора кивнула Эшебургу и скрылась. Профессоръ, склонивъ голову, пошелъ къ кургаузу между фланирующею толпою.

— Если бъ я не былъ Діогеномъ... — пробормоталъ онъ. — Вздоръ! Не будь даже этой оговорки... такія дѣвушки, какъ она, любятъ только разъ въ жизни.

ГЛАВА XI.

Въ гостиной баронесы Оссекъ кельнеръ Жанъ и камердинеръ Фридрихъ зажигали свѣчи. Фридрихъ рассказывалъ товарищу свою

плачевную исторію, какъ онъ заболѣлъ въ Берлинѣ и пролежалъ цѣлую недѣлю и какъ онъ радъ, что, наконецъ, пріѣхалъ и увидалъ Лизету, на которой женится, лишь только они вернутся домой. На эту откровенность Жанъ отвѣчалъ признаніемъ, что новая нянька баронессы, Урсель, его невѣста и сообщилъ, какія хитрости онъ пустилъ въ ходъ, чтобы выбрали именно ее изъ трехъ соискательницъ. Теперь начнется развеселое житье, какъ разъ такое, какое ведутъ сами господа. Есть только одно препятствіе: фрау Пультъ, эта старая кошка, которая всюду крадется и все видитъ; Жанъ съ удовольствіемъ отравилъ бы ее.

— Ну, да и я могъ бы рассказать о ней прелестныя исторіи...

Внезапно лакеи разлетѣлись въ разныя стороны; Жанъ началъ усердно вытирать чашки; Фридрихъ поправлялъ кресло, на которое во время бесѣды опирался колѣномъ. Дверь въ гостиную отворилась; вошла баронесса, за нею фрау Пультъ. Жанъ поспѣшилъ скрыться; Фридрихъ спросилъ, не будетъ ли дальнѣйшихъ распоряженій, и получилъ приказаніе стоять снаружи у дверей и впускать посѣтителей. Фрау Пультъ обходила комнату, недовѣрчиво разглядывая приготовленія и отыскивая, за что бы сдѣлать выговоръ. Гильда, стоя передъ большимъ зеркаломъ, разсматривала свой туалетъ.

— Ты тоже можешь идти, Пультъ,—сказала она.—Все въ порядкѣ.

— Найдется еще кое-что!—пробормотала фрау Пультъ, съ торжествомъ извлекая полотенце, забытое Жаломъ между чашками, и продолжая поиски.

— Слушай, Пультъ, я давно хотѣла спросить тебя: знаетъ ли мама, что ты мнѣ все рассказала?

Гильда не обернулась при этомъ вопросѣ. Фрау Пультъ, проходившая мимо, остановилась и быстро взглянула въ зеркало, которое хоть отчасти показывало ей лицо баронессы.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,—злобно отвѣтила она.

— Неужели? Въ такомъ случаѣ, я тебѣ скажу: я знаю, что ты мнѣ тогда солгала.

Она обернулась съ быстротою молніи и стояла теперь передъ Пультъ, желтое, морщинистое лицо которой едѣлалось совершенно сѣрымъ подъ грознымъ взглядомъ этихъ голубыхъ глазъ.

— Не понимаю, чего вы отъ меня хотите,—пробормотала она.

— Чего я хочу?— повторила молодая женщина беззвучнымъ, гнѣвнымъ голосомъ.—Возвратить себѣ спокойствіе, котораго ты меня лишила своею гнусною ложью. Тогда я была еще глупа и тебѣ это было легко; теперь меня трудно обмануть, и я говорю тебѣ, что мой мужъ никогда не хотѣлъ жениться на мамѣ и что она ненавидѣла его съ самаго начала. Сознаешься ли ты?

— Что-жь? Значить, въ *этомъ* я тогда ошиблась,—дерзко отвѣчала Пультъ.

— А! Ты въ *этомъ* ошиблась! А въ остальномъ? Въ исторіи о долгахъ и прочемъ?

— Все это остается какъ было,—отвѣчала Пультъ.—Я знаю, что знаю. Спросите хоть мамашу. Но на это у васъ не хватитъ мужества, а то бы вы давно сдѣлали то, что я вамъ еще тогда совѣтовала. Если вы боитесь генеральши или своего мужа, обратитесь хоть къ профессору; онъ тоже путался въ это дѣло. Съ нимъ, вѣдь, вы не обвѣчаны. Быть можетъ, онъ вамъ и скажетъ.

Старуха пробѣжала мимо Гильды и захлопнула за собою дверь. Баронесса снова подошла къ зеркалу, улыбаясь, несмотря на волненіе.

— Удалось,—прошентала она.—Сама не знаю, откуда взялась у меня храбрость; съ каждымъ днемъ становлюсь я все самоувѣреннѣе. Какъ глупо, что я повѣрила тогда этимъ розсказнямъ. Правда, они хоть нѣсколько объясняли мнѣ безпредѣльную ревность мамы къ Адальберту; да и все, что мама говорила о его отношеніяхъ къ Поли, тоже казалось мнѣ только ревностью! Бѣдная! Какъ несправедлива я была къ ней! Если это ложь, то все остальное также. Было бы слишкомъ ужасно думать, что мы цѣлыхъ десять, двѣнадцать лѣтъ жили на его счетъ и что мама съ Борою еще и теперь его пенсіонеры. Гордая Кора! Да она бросилась бы скорѣе въ воду! Ужь она-то, навѣрное, ничего не знаетъ. Эшебурга можно бы разспросить, только отъ него ничего не вывѣдаешь. Такъ я никогда и не узнаю правды.

Она гордо закинула назадъ голову и пристально поглядѣла на себя въ зеркало.

— Такъ-то, быть можетъ, лучше,—прошентала она.—А то пришлось бы еще, пожалуй, быть ему благодарною. Конечно, если любишь мужа, все хорошо; еще больше полюбишь его за это. Ну, а если не любишь, если и онъ сталъ равнодушенъ... нѣтъ,

нѣтъ, никогда!... Женихомъ рыжей Поли онъ, говорятъ, не былъ, но это все равно. Если онъ тогда не любилъ ее, то увлекается теперь мнѣ на зло! Пусть его! Бѣда только въ томъ, что и я могу заупрямиться.

Въ эту минуту дверь быстро отворилась; Гильда едва успѣла отойти отъ зеркала къ столу. Она обернулась къ Удо, который подходилъ къ ней скорыми шагами, и разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Въ мундирѣ! Въ первый разъ? Что это вамъ вздумалось?

— Мы всегда являемся въ мундирахъ при парадныхъ случаяхъ, — отвѣчалъ Удо. — Вамъ, какъ генеральской дочери, слѣдовало бы это знать. А когда Поли ведетъ въ бой своего Юлія Цезаря, развѣ это не торжество?

Онъ страстно поцѣловалъ руку баронессы и сталъ теперь передъ нею, стройный, нарядный, съ горячимъ румянцемъ на красивомъ, смугломъ лицѣ. Гильда почувствовала, какъ вспыхнули и ея щеки, однако, вынесла обращенный къ ней восторженный взглядъ и спросила съ напускнымъ простодушіемъ:

— Что вы такъ странно глядите на меня? Ужъ не осуждаетъ ли вашъ избалованный взглядъ чего-нибудь въ моемъ туалетѣ?

— Я еще не зналъ, до какой степени вы красивы, — тихо сказалъ онъ.

— Вы съ ума сходите, — отвѣчала Гильда, хмурия брови.

— Это и неудивительно!

— Такъ выпейте же чашку чаю, чтобы придти въ себя! Я вамъ сама налью. А пока поставьте сюда каску и отнесите свой грозный мечъ въ уголъ. Такъ! Теперь садитесь спокойно на стулъ... нѣтъ, на тотъ, и давайте болтать, пока не пришли остальные.

Удо исполнилъ ея приказанія, страстно слѣдя за каждымъ движеніемъ ея граціозной фигуры. Они сидѣли другъ противъ друга, Гильда на диванѣ, онъ черезъ два стула отъ нея, съ чашкою въ рукахъ, въ которой безпокойно мѣшалъ ложкой. Гильда невозмутимо пила чай.

— Я просила васъ придти немного раньше, — начала она, — чтобы поблагодарить за сегодняшній сюрпризъ. Какимъ образомъ удалось вамъ приручить чопорнаго англичанина?

— Это было не трудно. Вашъ мужъ могъ бы сдѣлать это такъ же легко.

— Мой мужъ?

— Онъ познакомился съ Дугласомъ въ клубѣ въ тотъ же самый день, какъ и я. Крель представилъ его намъ.

— Крель? Но онъ всегда увѣрялъ, что не въ состояніи этого сдѣлать.

— Быть можетъ, Поли этого не хотѣла. Она немного ревнива. Замѣтили ли вы, какъ холодно обошлась она сегодня съ красивою англичанкой?

— Еще бы! Это меня очень позабавило. Я не ревнива, иначе мнѣ уже давно пришлось бы ревновать своего мужа къ вашей сестрѣ.

— Стоитъ ли!

— Выражайтесь немного уважительнѣе о своей сестрѣ. И такъ, мой мужъ знаетъ Дугласа по клубу. Что дѣлаютъ тамъ мужчины? Адальбертъ просто живетъ теперь въ клубѣ. Значитъ, даже мистеръ Дугласъ становится тамъ доступнымъ?

— То-есть, онъ очень разборчивъ. Я хотѣлъ познакомить его съ мистеромъ Суольвелемъ, но онъ отказался.

— Еще бы! Гордый шотландскій лордъ и старый фабрикантъ изъ Манчестера! Ну, а я не настолько исключительна; я такъ приставала къ милому джентльмену, что онъ согласился придти сюда сегодня съ своими молодыми барышнями. Что скажете вы на это?

— Что я ему завидую.

— Завидуете, что у него такія хорошенькія внучки?

— Нѣтъ, что онъ не понимаетъ ни слова по-нѣмецки.

— Это я передамъ вашей сестрѣ!

— Какъ вамъ угодно. Намъ ожидаетъ нѣчто ужасное! Право, не хорошо съ вашей стороны такъ поступать.

— Не хорошо устраивать вашей сестрѣ торжество?

— Повторяю, это будетъ ужасно. Еще ребенкомъ я всегда бывалъ болѣнъ, когда Поли читала свои стихи. Разставаясь съ Берлинномъ, я утѣшался только мыслью, что буду избавленъ отъ ея ужасныхъ литературныхъ вечеровъ. Но несчастье преслѣдуетъ меня и здѣсь. Хорошо еще, еслибъ это были стихи! Ихъ принимаешь по чайной ложкѣ, и въ полчаса все кончено. Но трагедія, которой хватить на цѣлый вечеръ... Да еслибъ всѣ эти ужасы были еще написаны ею, а то я увѣренъ, что все исправлено Геннигомъ и что мы приносимъ себя въ жертву даже не Поли, а ему.

— Вы не любите доктора?

- Право, не знаю, за что его любить.
- И, однако, такъ много бываете съ нимъ?
- Только ради Поли.
- Вы очень добрый братъ!

Молодой офицеръ вспыхнулъ и мрачно взглянулъ на хозяйку. Гильда немного смутилась; она не желала его оскорбить; слова какъ-то невольно вырвались у нея.

— Не сердитесь,—сказала она, подавая ему руку и прелестно улыбаясь.

Но стоявшій между ними стулъ еще болѣе, чѣмъ чувство досады, помѣшалъ Удо сразу взять маленькую ручку, а когда онъ, наконецъ, вскочилъ, дверь уже отворилась, и появились три барышни, сопровождаемая величественною фигурою мистера Суольвеля.

Г л а в а XII.

Гильда протянула руку Эдиен, Кэтъ и Джэнь и поздоровалась съ старымъ англичаниномъ, который увѣрялъ ее, уже во второй разъ въ этотъ день, что она совершенная англичанка и что никто въ Англии не принялъ бы ее за прїѣзжую, хотя бы уже ради англійскаго языка, которымъ она владѣетъ въ совершенствѣ.

Удо тѣмъ временемъ уже успѣлъ вступить въ разговоръ съ тремя дѣвушками. Онѣ все еще стояли въ той самой позѣ, какъ вошли; на нихъ были одинакія свѣтлыя платья, броши, кружевные косынки, и онѣ такъ походили другъ на друга, что Удо умолялъ ихъ перемѣнить мѣсто, для того, чтобы дѣвушка не могъ ихъ узнать, на что дѣвицы воскликнули всѣ заразъ:

— You are naughty, mr. Wolfsberg!

— Это вѣрно!—виѣшалась Гильда.—Онъ и со мной велъ себя не хорошо. Побраните его получше. Но, милыя барышни, сегодня здѣсь говорятъ по-нѣмецки; насъ ожидаетъ нѣмецкое чтеніе.

— Мы такъ боимся!—воскликнули дѣвушки.

— Чего онѣ боятся?—спросилъ Суольвель.

Гильда рассказала.

— Развѣ барышни не говорили вамъ о предстоящемъ литературномъ вечерѣ?

— Ни слова!—смѣясь, увѣрялъ старикъ.—Вѣдь, вы знаете, что я не понимаю по-нѣмецки. Но это не бѣда. Мнѣ всегда бываетъ весело.

— Потому что вы любезнѣйшій изъ кавалеровъ,—отвѣчала Гильда.—За то васъ ожидаетъ сюрпризъ: я пригласила и вашего племянника, дона Темистокла Виго-Суольвеля.

— Благодарю, Джэнь будетъ такъ рада.

— Почему именно она?

Мистеръ Суольвель осторожно оглянулся и шепнулъ:

— Она невѣста моего кузена.

— Неужели?

— Вы такъ любите моихъ дѣвочекъ, что я вамъ скажу, пожалуй, что и Эдионъ помолвлена съ двоюроднымъ братомъ, Фредомъ Суольвелемъ изъ Манчестера.

— А Кэтъ?

— Пока еще нѣтъ, но я уже высмотрѣлъ для нея Джэна Суольвеля...

— Изъ Манчестера?

— Нѣтъ, изъ Бирмингэна.

Старый джентльменъ рѣшительно не понималъ, чему такъ звонко смѣется красавица, но счелъ долгомъ тоже расхохотаться. А такъ какъ Эдионъ, Кэтъ и Джэнь всегда смѣялись, когда было весело ихъ дѣдушкѣ, то Удо казалось, будто смѣются надъ нимъ. Поэтому онъ былъ очень радъ, когда въ комнату вошли съ разнымъ сторонъ генеральша съ Карою и Адальбертъ съ Крелемъ. Гости успѣшили раскланяться съ фрау фонъ-Рембергъ, которая, усѣвшись на диванъ, призывала всѣхъ поочередно на аудіенцію, длившуюся не болѣе нѣсколькихъ минутъ; одного Оссека она удержала дольше. Это дѣлалось только для виду, но сердце Гильды, все-таки, забилось. Еслибъ она никогда не слушала инсинуацій Пультъ, колкостей матери,—дѣло не зашло бы такъ далеко. Теперь, когда она собралась съ духомъ и бросила въ лицо Пультъ ея ложь, не избавиться ли ей и отъ вліянія генеральши? Быть можетъ, все тогда поправится. Чего достигла она? Толкнула мужа въ объятія кокетки. Не подойти ли къ нему сейчасъ же, не обнять ли его на глазахъ всѣхъ? Или не позвать ли его подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ сосѣднюю комнату, не упасть ли ему на шею у постельки бѣби и не сказать ли: «Прости! Я была ребенкомъ. Теперь я хочу быть твоей женою»?

Пока все это проносилось въ ея душѣ, она вѣжливо улыбалась полковнику, не понимая ни слова изъ того, что онъ гово-

рилъ. Наконецъ, услыхавъ имя Адальберта и слова Бреля: «я хотѣлъ только оправдать его», спросила:

— Извините, пожалуйста, я была немного разсѣяна. Кого хотѣли вы оправдать?

— Вашего супруга, если онъ не будетъ сегодня особенно веселъ. Онъ пришелъ въ клубъ уже въ дурномъ настроеніи духа, а партія съ Дугласомъ его не развеселила.

— Жаль, что вы не привели сюда и Дугласа.

— Онъ не ходитъ въ общество.

— Его жена, кажется, тоже нѣтъ. По крайней мѣрѣ, часъ тому назадъ я получила отъ нея любезный отказъ.

— Вы были тамъ?—быстро спросилъ Брель.

— Почему же нѣтъ? Мы сосѣди. Что смотрите вы на меня такъ странно?

— Скажите, скорѣе съ любопытствомъ. Какъ показалась вамъ молодая женщина въ tête-à-tête?

— Прелестною, какъ же иначе?... Тебѣ что, Бора?

— Я хотѣла только сказать, что позволила себѣ пригласить Эшебурга.

Она указала на профессора, который раскланивался въ эту минуту съ генеральшею.

— Отлично; только я думала, что онъ уже давно уѣхалъ. А теперь похлопочи за чайнымъ столомъ.

Въ эту минуту дверь отворилась и на порогъ появилась Поли въ пунцовомъ атласномъ платьѣ. Она опиралась на руку Геннига, который въ честь событія украсилъ петличку своего обыкновеннаго костюма красной гвоздикой. Всѣ поспѣшили къ Поли, кромѣ генеральши; сидя на диванѣ, она милостиво протянула руку молодой женщинѣ. Потомъ, видимо, очень возбужденная, Поли снова обратилась къ присутствующимъ съ извиненіемъ за поздній приходъ.

Совершенно иную картину представлялъ Геннигъ. Надменно-меланхолическое выраженіе, которое онъ всегда напускалъ на себя, выступало сегодня особенно рельефно. Кланялся онъ еще сдержаннѣе обыкновеннаго и еще торжественнѣе гладилъ свою красивую бѣлокурую бороду. Боръ онъ показался отвратительнѣе, чѣмъ когда-либо. Но ей было жаль, что онъ стоитъ одинъ, и она подошла къ нему, чтобы сдѣлать ласковое замѣчаніе насчетъ его мрачнаго лица, вовсе не соответствовавшего случаю.

— Я уже привыкъ поступать не такъ, какъ принято, — отвѣ-

чалъ Геннигъ съ самодовольною улыбкой.—Мы, люди изъ народа, принуждены отказаться отъ тонкаго обращенія аристократіи. Въ настоящую же минуту я обдумывалъ не то, подходитъ ли моя физіономія къ случаю и умѣстенъ ли весь нашъ замыселъ.

— Что хотите вы этимъ сказать?—разсѣянно спросила Кора.

— Тяжело, просто постыдно для генія покидать свой мирный пріютъ и выходить на торжище. Ужасъ этой минуты умѣряется лишь тогда, если генія привѣтствуютъ люди, которые въ него вѣрятъ. Убѣждены ли вы, что этотъ старый англійскій комерсантъ и его три барышни, выросшія въ сферѣ мыслей и чувствъ отцовъ и дѣдовъ, вѣрятъ въ геній, тѣмъ болѣе въ нѣмецкій?

— Откровенно сказать, — отвѣчала Кора, — я не понимаю, зачѣмъ сестра пригласила этихъ милыхъ дѣтей, которыя, впрочемъ, понимаютъ немного по-нѣмецки. Однако, я посовѣтовала бы вамъ начать; мнѣ кажется, уже давно пора.

— Мнѣ тоже кажется, — подхватилъ полковникъ, слышавшій послѣднія слова.—Начинать! Начинать!

Онъ сказалъ это тремко, ударяя при этомъ въ ладони.

— Да, начинать!—воскликнулъ Удо, прерывая веселую бесѣду съ барышнями.

— О, yes! начните, пожалуйста!—повторили онѣ.

— Гдѣ вамъ угодно сѣсть?—спросила Гильда.

— Я подчиняюсь во всемъ вашимъ распоряженіямъ, баронесса, — отвѣчалъ Геннигъ.

По знаку хозяйки, Фридрихъ поставилъ на столъ маленькій пюпитръ и двѣ лампы. Публика размѣстилась на приличномъ разстояніи неправильнымъ полукругомъ. Настала торжественная тишина, во время которой Фридрихъ внесъ громадный фоліантъ и положилъ его передъ Геннигомъ.

— Если я умру, — шепнулъ Удо Гильдѣ на ухо, — отвезите, пожалуйста, мой трупъ во Фран...

— Тихе! — отвѣчала она тоже шепотомъ.

— For shame! — сказали англичане, приподнявъ отъ ужаса указательные пальцы правыхъ рукъ.

Геннигъ всталъ, оперся лѣвою рукою на рукопись, просунулъ два пальца правой между пуговицами сюртука, подъ гвоздикой, и окинулъ меланхолическимъ взглядомъ общество, какъ бы желая убѣдиться, всѣ ли находятся въ подходящемъ настроеніи. Потомъ опустилъ глаза и началъ низкимъ, заунывнымъ голосомъ:

— Милостивые государи и милостивыя государыни! По первому взгляду может казаться бесполезнымъ, если имѣецкій геній, идя по стопамъ безсмертнаго британца, еще разъ вызываетъ великую тѣнь...

Яркій свѣтъ внезапно скользнулъ по лицу оратора. Онъ рѣзко оборвалъ рѣчь и съ бѣшенствомъ взглянулъ на дверь корридора, которую дежурившій снаружи Фридрихъ беззвучно открылъ, чтобы впустить темную, стройную фигуру, неподвижно остановившуюся у неслышно затворившейся двери.

— Съ нами крестная сила!—шепнулъ Удо сидѣвшей рядомъ съ нимъ Кэтъ.

— Постыдитесь!—отвѣчали въ одинъ голосъ барышни, наполовину обернувъ головки черезъ правое плечо.

— Идите сюда,—сказала Гильда, указывая на пустой стулъ около себя.

Донъ Темистоклъ, ступая на цыпочкахъ, послѣдовалъ ея знаку и, секунду спустя, уже сидѣлъ съ видомъ человѣка, который весь превратился въ слухъ и имѣетъ твердое намѣреніе ничѣмъ не развлекаться.

Прошло съ полминуты; Геннигъ, стоя съ опущенными глазами, подавлялъ въ себѣ чувство оскорбленія, съ видомъ мученика. Потомъ снова началъ еще болѣе глухимъ голосомъ:

...— Вызываетъ великую тѣнь Юлія Цезаря на міровые подмостки. Но, почтенные слушатели, это только такъ кажется. Какъ ни необъятенъ геній Шекспира, онъ имѣетъ предѣлы въ относительно невѣжествѣ эпохи, въ особенности, если сравнить его съ обиліемъ источниковъ, изъ которыхъ можетъ, даже должно черпать *наше* столѣтіе. Это его нравственный долгъ, и онъ вызываетъ къ совѣсти драматическихъ и эпическихъ поэтовъ. Драма, достойная настоящаго времени, опирающаяся на скалу всеобъемлющаго историческаго знанія нашей эпохи, такая драма...

— Слушайте, слушайте! — восторженно крикнулъ вдругъ Суольвель.

Старый англичанинъ, пробудившійся отъ полусна какъ разъ въ ту минуту, когда ораторъ, произнесъ послѣднія слова съ напряженіемъ всѣхъ голосовыхъ средствъ, внезапно остановился, вообразилъ, что Геннигъ потерялъ нить и что его надо поддержать. Онъ испугался, когда замѣтилъ всюду сконфуженныя лица, и, пробормотавъ: «Извините, пожалуйста», отвѣсилъ полный достоинства поклонъ гостямъ и самому оратору и снова опустился

на стулъ. Гильда бросила Геннигу умоляющій взглядъ и извинилась передъ Поли красивымъ жестомъ, на который она отвѣчала многозначительнымъ пожиманіемъ плечъ.

— Я хотѣлъ сказать, — покорнымъ тономъ продолжалъ Геннигъ, — такая драма...

Громкая фанфара, которою оркестръ кургартена началъ въ эту минуту шумный маршъ, снова прервала его. Посреди гула общаго разговора никто не обратилъ вниманія на привычные звуки музыки, а во время рѣчи Геннига наступилъ антрактъ между двумя главными отдѣленіями. Теперь, среди общей тишины, шумъ съ полною силой врывался въ полуоткрытыя окна. Казалось, будто музыка играетъ въ самой комнатѣ. Оссекъ, Брель и Эшебургъ бросились затворять окна, но даже притупленные звуки все еще были слишкомъ громки для чуткаго слуха. Пока всѣ растерянно глядѣли другъ на друга, въ корридорѣ внезапно раздался раздирающій звукъ электрическаго звонка. Оссекъ бросился за дверь и разбранилъ Жана, съ помощью другихъ кельнеровъ тщетно пытавшагося остановить расходившійся механизмъ. Когда Адальбертъ въ отчаяніи обернулся назадъ, онъ наткнулся на Геннига, который поспѣшно выходилъ изъ гостиной и готовился удалиться послѣ молчаливаго поклона.

— Но, докторъ! вы не можете же дѣлать меня отвѣтственнымъ за это несчастіе?

— Васъ, баронъ, конечно, нѣтъ, — отвѣчалъ Геннигъ, сильно ударяя на первое слово.

— Докажите же это тѣмъ, что вы останетесь, хотя, признаюсь, настроеніе общества въ конецъ испорчено. Слышите ли, вотъ прекращается ужасный звонъ.

— Но онъ можетъ снова начаться, — сказалъ Геннигъ съ злою улыбкой. — Къ тому же, мои нервы, дѣйствительно, очень потрясены. Покорнѣйше прошу меня извинить.

Онъ еще разъ поклонился и пошелъ къ лѣстницѣ. Адальбертъ не пытался болѣе его останавливать. Этотъ человекъ былъ ему всегда антипатиченъ; настоящая безтактность вполне оправдывала это отвращеніе. Ужь не было ли другой причины для этой выходки? Не оказываетъ ли ему плебей честь ревновать его?

Непріятное чувство овладѣло Оссекомъ. Быть соперникомъ такого человека, — Эшебургъ намекалъ на это еще поутру, — просто позорно, хотя кокетничанье съ Поли было только придумано

Адальбертомъ, чтобы скрыть отъ Гильды свои страданія. Значить, и въ этомъ она же опять виновата. Геннигъ прямо намекалъ на то, что на ея совѣсти лежитъ хоть часть вины.

— Моему терпѣнью конецъ, — пробормоталъ Оссекъ, возвращаясь въ гостиную.

Бъ своему большому удивленію, онъ засталъ все общество и даже Поли въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа. Она, смѣясь, защищала свою рукопись отъ Удо, который желалъ непременно занять мѣсто Беннига послѣ его бѣгства «изъ-подъ знаменъ».

— Вы не знаете, господа, какъ прекрасно я читаю, — говорилъ Удо. — Какія тутъ прелестныя вещи! Разговоръ между Цезаремъ и Помпеемъ въ третьемъ актѣ такое совершенство, передъ которымъ знаменитая сцена Валленштейна съ шведскимъ офицеромъ разлетается въ прахъ. А вотъ еще конецъ третьяго дѣйствія, монологъ Цезаря у Рубикона. Гдѣ онъ? Нашелъ! Слушайте же.

Удо поднялъ исполнинскую рукопись и началъ декламировать, между тѣмъ какъ Поли отошла въ сторону въ поддѣльномъ отчаяніи.

Рѣшайся, Цезарь! Вѣдь, выполнѣ,
 Быть можетъ, даже слишкомъ хорошо
 Ты сознаешь, какое дѣло началъ.
 Горячій споръ, до киятка горячій,
 Идетъ о томъ, существовать ли впредь
 Законной нѣкогда, а нынѣ,
 Точно сыръ швейцарскій, что недавно
 Мнѣ подали въ глухомъ ущельи Альпъ
 Пастушка, совсѣмъ подгнившей
 Власти, да и о твоей судьбѣ.
 И ты колеблешься!
 Ты, Кай Юлій Цезарь, императоръ!
 Нѣтъ, никогда!

(Обращаясь назадъ къ легионамъ, восклицаетъ).

Товарищи, квинтиты!
 Вы, римляне, сограждане, друзья,
 Внемлите мнѣ:
 Вонъ передъ вами рѣчка,
 Названье Рубиконъ ей; отдѣляетъ
 Она исконныя владѣнья Рима
 Отъ цизальпинской Галліи.
 И дѣвочка, не приподнявши платья,
 И заяцъ, ногъ своихъ не утомляя,
 Перескочить могли бы безъ труда.

Остаться мнѣ или перейти?
 Коль здѣсь останусь,
 Выть мнѣ въ бѣдѣ, какъ молсу,
 Что зубы лишь показывалъ,
 А укусить никакъ все не рѣшался.
 Но, если перейду, смущу я
 Цѣлый свѣтъ или, точнѣе,
 Весь *teggagim orbis*.
 Чего же вы хотите?

(Воины шумно ударяютъ въ щиты).

Достаточно! Я понялъ вашу волю.
 Нѣвѣютъ люди, да, но говорятъ щиты.
 И такъ, впередъ, въ Римъ! Жребій брошенъ.
 Сказать бы могъ я даже: *jalea est acta!*

(Впрыкиваетъ въ челнокъ. Воины съ олушительнымъ крикомъ бросаются съ берега въ рѣку; волны вздымаются, челнокъ Цезаря качается, но самъ онъ, освѣщенный многозначительно багряными лучами заходящаго солнца, стоитъ въ спокойно-величавой позѣ. Замаясь падаетъ).

Удо захлопнулъ фоліантъ.

— Прелестно! — воскликнули три англичанки.

— Bravo, bravo! — произнесъ полковникъ, хлопая кончиками пальцевъ и подавая обществу знакъ присоединиться къ аплодисментамъ.

Со всѣхъ сторонъ раздались рукоплесканія, а старый англичанинъ, теперь уже совершенно увѣренный въ себя, непрерывно билъ въ ладони, крича:

— Слушайте, слушайте!

— Но, вѣдь, онъ читалъ все, что зачеркнуто, и даже такія вещи, которыхъ вовсе нѣтъ, на примѣръ, объ *orbis* и *jalea*, и тому подобное! — воскликнула Поли, съ раскраснѣвшимися щеками. — Удо, не угодно ли тебѣ сейчасъ же...

Она преслѣдовала брата, который, держа фоліантъ въ рукахъ, отступалъ передъ нею вокругъ кресла.

— Не доводите шутки до крайности, — шепнулъ ему Крель.

— Прошу васъ, отдайте рукопись, — съ досадою сказалъ Осекъ, отнимая ее у молодого офицера и кладя на столъ.

Онъ съ трудомъ сдерживалъ свое негодованіе. Геннигъ правъ: все это было впередъ условлено между Гильдою и Удо, чтобы сдѣлать Поли смѣшною. Ясно, что они вполне понимаютъ другъ друга. А какъ отлично ухаживаютъ они теперь вмѣстѣ за гостями!

Дѣйствительно, Гильда напрягала всѣ силы, чтобы сгладить впечатлѣніе щекотливой сцены, разыгранной Удо. Въ душѣ она очень радовалась поражению соперницы, но ни въ чемъ не чувствовала себя виноватою. А если не дошло до ужаснаго чтенія, тѣмъ лучше!

Весело порхала она отъ одной группы къ другой, уговаривая однихъ остаться, другихъ съѣсть; торопя Жана и Фридриха, по временамъ сама принося тарелки и ножи. Ее поддерживалъ Удо; онъ былъ, казалось, всюду заразъ: здѣсь онъ подвигалъ кресло, тамъ подавалъ блюдо, раскупоривалъ упрямую бутылку шампанскаго, съ которою не могъ справиться Жанъ, наконецъ, занялъ мѣсто, прибереженное для него Кэтъ. Онъ осыпалъ хорошенькую дѣвушку любезностями то по-нѣмецки, то по-английски, и, если говорилъ на этомъ языкѣ далеко неправильно, за то очень бѣгло. Онъ отпустилъ даже нѣсколько испанскихъ фразъ, которыхъ кузень изъ Чили, однако, казалось, не понималъ, потому что отвѣчалъ на нихъ только вѣжливою улыбкою. Въ промежутки Удо обмѣнивался взглядами съ хозяйкою. Не она ли предписала ему ту роль, которую онъ теперь разыгрывалъ, не она ли шепнула, что Эдионъ и Джонъ уже помолвлены, и что, если кто желаетъ похитить Кэтъ съ ея милліономъ, тотъ долженъ торопиться? Удо успѣшилъ воспользоваться совѣтомъ; уже въ началѣ вечера, еще во время tête-à-tête съ молодою женщиною, онъ понялъ, что ей хочется переменъ въ ихъ отношеніяхъ. Ужъ не ревнуетъ ли баронъ? Невозможнаго ничего нѣтъ, судя по его хмурому лицу.

Правда, что разговоръ, который Адальбертъ велъ въ эту минуту съ Поли, не могъ разогнать его дурнаго настроенія. Поли не жаловалась; ей, напротивъ, даже очень пріятно, что не дошло до чтенія. Она ни на кого не сердится. Какъ ни зло подшутилъ надъ нею Удо, онъ, вѣдь, такой enfant terrible! А что касается маленькихъ непріятностей, Боже мой, кто же не знаетъ, что такія совпаденія бываютъ, хотя, конечно, ихъ оказалось сегодня много. Во всякомъ случаѣ, она на Гильду не сердится. Чѣмъ же она виновата? Она, конечно, имѣла хорошее намѣреніе, когда составляла общество изъ однихъ иностранцевъ. Жаль, что леди Дугласъ отклонила приглашеніе баронессы. Быть можетъ, Адальбертъ и не знаетъ даже, какая дружба установилась между обѣими дамами при посредствѣ Удо? Право, онъ становится Гильдѣ просто необходимымъ!

Поли встала; всё послѣдовало ея примѣру. Было только одиннадцать часовъ, но фрау Реннеръ напомнила гостямъ, что генеральша удалилась еще до ужина; надо же пожалѣть ее. Тщательно увѣряла Гильда, что разговоры нисколько не потревожатъ мать; у Поли оказалась мигрень послѣ волненій столь «поучительнаго и пріятнаго вечера». Крелю необходимо было пойти въ глубь, куда вызвался проводить его и Удо; дѣдушка Суольвель объявилъ, что готовъ бы просидѣть до зари, на что внучки воскликнули: «постыдись!» и выпорхнули вслѣдъ за старикомъ, опиравшимся на руку дона Темистокла. Бора и Эшебургъ также пожелали всёму покойной ночи. Адальбертъ и Гильда остались одни въ гостиной, откуда Жанъ, Фридрихъ и нѣсколько кельнеровъ торопливо уносили послѣдніе слѣды пиршества.

Глава XIII.

Гильда тоже помогала убирать комнату, взглядывая вскользь на Адальберта, который ходилъ сначала большими шагами вдоль оконъ, а теперь стоялъ, прислонившись къ балконной двери. Наконецъ, слуги вышли; Гильда, прижавъ на мгновенье руку къ сердцу, подошла къ балкону и остановилась около двери за спиною мужа. Онъ не оборачивался; она отгащлялась. Это онъ долженъ былъ слышать; еще такъ недавно онъ не зналъ, какъ охранить ее отъ малѣйшаго вѣтерка; сегодня онъ даже не двинулся.

— Ты не въ духѣ?—тихо сказала она.

Онъ на половину обернулся. Бѣлый свѣтъ мѣсяца лежалъ на ея стройную фигуру и красивое лицо; обращенные къ Адальберту большіе, голубые глаза странно сверкали. Тутъ только замѣтилъ онъ, что на ней надѣто то самое блѣдно-голубое шелковое платье, въ которомъ она была въ день ихъ помолвки. Даже тогда она не казалась ему такою красивою, какъ теперь. Но красота и очарованіе ея уже не для него. Еслибъ онъ этого давно не зналъ, послѣдніе мучительные часы открыли бы ему глаза.

— Ты уже пришелъ разстроенный,—продолжала она, видя, что онъ не отвѣчаетъ.—Крель сказалъ мнѣ...

Голосъ ея замеръ. Осекъ порывисто прошелъ мимо нея. Она тоже отступила и съ дрожью въ ногахъ опустилась въ ближайшее кресло. Адальбертъ закрылъ балконную дверь, потомъ, не подходя къ женѣ, сказалъ:

— Я вовсе не желаю знать, что говоришь ты обо мнѣ съ твоими друзьями. Быть можетъ, тебѣ приличнѣе было бы избѣгать такихъ разговоровъ. Къ сожалѣнію, нынѣшній вечеръ показалъ мнѣ, что наши взгляды на приличія не всегда сходятся.

Онъ произнесъ эти слова безстрастнымъ, вѣжливымъ тономъ; ей показалось, будто ее ударила та самая рука, къ которой она хотѣла ласково прикоснуться. Колѣна ея перестали дрожать; она приподнялась и, поддѣлываясь подъ его искусственное спокойствіе, сказала:

— Я и сама жалѣю о многомъ, что случилось сегодня, но ни въ чемъ не виновата и не нахожу причины принимать все такъ трагично.

— Признаюсь, я не вижу комизма нѣкоторыхъ изъ сегодняшнихъ шутокъ, — отвѣчалъ Адалбертъ.

— А я такъ вижу; только дѣло не въ томъ. Важно то, и ли ихъ вызвала? Вотъ это я и отрицаю.

— Даже участіе въ фарсѣ господина фонъ-Вольфсберга?

— Даже это, если только можно назвать фарсомъ его веселое чтеніе.

— За которое ты не поскупилась на благодарность.

— Какъ и за все, что дѣлается для забавы моихъ гостей; безъ этого мы бы скучали. Очень жаль, если тебѣ не было весело.

— Помочь горю легко; впредь я не буду омрачать твоихъ веселыхъ сборищъ моею скучною особою.

— Я желала бы только напомнить тебѣ, что сегодняшнее общество было скорѣе твоимъ, чѣмъ моимъ. Лично мнѣ вовсе не было нужно исполнять желаніе фрау Реннеръ и устранивать вечеръ для чтенія ея драмы. Я сдѣлала это только ради тебѣ; мнѣ казалось, что ты обязанъ отплатить какимъ-нибудь вниманіемъ за всѣ ея любезности.

— Спасибо, — отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Въ этомъ отношеніи мнѣ далеко до тебя. Мужчины обыкновенно считаютъ ниже своего достоинства отплачивать за вниманіе, которое оказываютъ ихъ женамъ. Мы всегда полагаемъ, что это можетъ принять форму, неприятную для самихъ женщинъ и для ихъ любимыхъ кавалеровъ. Тѣмъ не менѣе, бываешь иногда вынужденъ отступить отъ этого правила...

— И ты находишь, что такой случай насталъ?

— Я долженъ просить позволенія обдѣлывать свои дѣла безъ предварительнаго экзамена.

Онъ обернулся къ выходу; ему послышался шелестъ платья. Гильда стояла между нимъ и дверью, лицо ея было очень блѣдно, но въ глазахъ не замѣтно было того страха, котораго онъ искалъ въ нихъ въ порывѣ безумной ревности.

— Что тебѣ угодно?

— Я хотѣла только предостеречь тебя отъ такого шага, о которомъ ты потомъ пожалѣешь. Ты идешь съ тѣмъ, чтобы вызвать Вольфсберга подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; для того, чтобы обнаружить свою настоящую причину, ты, все-таки, слишкомъ гордъ. Считаю долгомъ сказать, что никакой настоящей причины нѣтъ. Я не люблю господина фонъ-Вольфсберга, а если онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней воображалъ себя влюбленнымъ въ меня, то, все-таки, оставался джентльменомъ. Бъ тому же, онъ уже излечился отъ своей маленькой елабости. Вотъ все, что я хотѣла тебѣ сказать; ты знаешь, я привыкла говорить правду. А теперь я хочу спать; я очень устала.

Она отошла отъ двери и отступила въ глубь комнаты. Адалъбертъ колебался. Ужь не ожидаетъ ли она, что онъ кинется къ ея ногамъ? Вѣдь, все, что она говоритъ, проистекаетъ только изъ заботливости о другомъ. Любовь къ нему уже давно угасла. Страшное горе неудержимо поднималось въ его сердцѣ, дыханіе спиралось; ему казалось, что онъ задохнется или черезъ мгновенье расплачется, какъ дитя. Этого нельзя было допустить. Не пытаюсь даже произнести ни слова, онъ бросился вонъ изъ комнаты.

Жена стояла, отвернувшись отъ него; услышавъ звукъ хлопнутой двери, она кинулась въ кресло и разразилась горькимъ смѣхомъ. Можно ли не смѣяться, когда случается какъ разъ противоположное тому, что ожидаешь? Надѣешься услышать умоляющій голосъ, и вдругъ щелкаетъ дверь! Смѣшно вообще серьезно относиться къ мужчинамъ! Если Адалъбертъ не хотѣлъ обнять ее, онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, схватить ее за горло, какъ пылкій Мавръ свою Дѣздемону! Но бѣжать, какъ школьникъ! А тотъ-то, другой! Цѣлую недѣлю длилась его безпредѣльная страсть, его первая, настоящая любовь! Увы! ради милліоннаго приданого можно покончить съ такимъ пылкимъ увлеченіемъ. Нѣтъ, изъ-за такихъ мужчинъ не стоитъ дѣлаться дурною женщиною. Но опять стать хорошею, быть добродѣтельною сегодня, завтра, всегда, пока не кончится молодость, не поблекнетъ красота, жить подобно сестрѣ милосердія, терпѣть, помогать другимъ, какъ дѣлаетъ Бора...

— Боже мой! Какъ попала ты сюда?

Дверь спальни отворилась; вошла Бора. Первый же взглядъ на ея серьезное, блѣдное лицо показалъ Гильдѣ, что случилась бѣда.

— Не пугайся!—начала дѣвушка. — Мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на ребенка, потому что я не довѣряла новой нянькѣ. Ее и въ комнатѣ даже не было; окно стояло настежь; Лиза, должно быть, простудилась. Я велѣла позвать Эшебургга; онъ теперь съ нею. Нянька тоже вернулась.

Гильда растерянно глядѣла на Бору. Новая нянька... Эшебургг... что все это значить? Гдѣ же Доретта?... Вѣдь, Эшебурггъ уѣхалъ, кажется, еще до обѣда, или это онъ стоялъ недавно тутъ у окна и говорилъ съ Корою?

— Надѣюсь, что нѣтъ никакой опасности,—сказала Бора, испугавшись ея молчанія.—Не пойдешь ли ты туда?

— Конечно,—отвѣчала Гильда, вставая.

Всѣ члены ея точно онѣмѣли. Замѣтивъ это, Бора хотѣла обнять ее, но сестра нетерпѣливо отстранила ее и пошла впередъ черезъ спальню, гдѣ уже горѣли свѣчи передъ трюмо. Гильда испуганно взглянула на одиногую кровать. Она не знала даже, въ какой комнатѣ спитъ теперь Адальбертъ. Ужь не хочетъ ли небо отвять у нея ребенка за то, что она оттолкнула отъ себя мужа?

Когда она вошла въ дѣтскую, къ ней подошелъ Эшебурггъ.

— Сильная простуда,—сказалъ онъ,—только началась она не сегодня. Кашляла Лиза всѣ эти дни?

Онъ обратился съ вопросомъ не къ матери, а къ Корѣ; дѣвушка отвѣчала, что Лиза, дѣйствительно, кашляла и что она совѣтовала кормилицѣ быть особенно осторожною.

— Никакого значенія это, вѣроятно, тогда и не имѣло,—замѣтилъ Эшебурггъ,—теперь, конечно...

Онъ снова обратился къ ребенку, съ которымъ сдѣлался новый приступъ кашля. Бора бросила на него испуганный взглядъ; онъ не отвѣчалъ, замѣтивъ въ эту минуту растерянные глаза Гильды.

— Пойдемте въ гостиную,—сказалъ онъ.—Я хочу пропи- сать рецептъ. Вашъ слуга сейчасъ же отнесетъ его въ аптеку. А вы, Бора, останетесь здѣсь, не такъ ли?

Онъ проводилъ Гильду до дверей, потомъ вернулся и шепнулъ Корѣ:

— Это воспаленіе легкихъ, но можетъ сдѣлаться дифтеритъ. Не подвергайте себя бѣльшей опасности, чѣмъ необходимо. Никакихъ поцѣлуевъ, понимаете?

Потомъ снова вернулся въ гостиную, прописалъ рецепты, отдалъ ихъ Фридриху и взглянулъ на Гильду. Она все еще стояла неподвижно и подняла на него глаза, когда онъ подошелъ къ ней. Онъ испугался. Это былъ не тотъ взглядъ, который онъ слишкомъ хорошо зналъ, — умоляющій взглядъ матери. Въ неподвижныхъ глазахъ виднѣлось упорство, какъ бы вызовъ судьбѣ.

— Вы, конечно, осуждаете меня, — сказала она голосомъ, совершенно соответствовавшимъ выраженію глазъ, — но лучше всего, если Лиза умретъ.

— Вамъ не слѣдуетъ предаваться такимъ мрачнымъ мыслямъ. Вы возбуждены и нуждаетесь въ покоѣ и твердости.

— Я спокойна, — отвѣчала она, — и знаю, что говорю. Что ей дѣлать на землѣ? Быть дурною? У дурныхъ матерей всегда нехорошія дѣти.

— Въ моихъ глазахъ вы еще вовсе не мать; вамъ еще нужно сдѣлаться ею. Теперь представляется для этого отличный случай. Я знаю, что вы воспользуетесь имъ.

— Я исполню свой долгъ.

— Больше этого никто не можетъ сдѣлать.

— Куда вы идете?

— За Адалбертомъ. Я сейчасъ вернусь.

Эшебургъ взялся за шляпу. Она сдѣлала нѣсколько безцѣльныхъ шаговъ.

— Эшебургъ!

— Что, Гильда?

— Ему очень тяжело было бы лишиться ребенка?

— Вамъ не слѣдуетъ даже спрашивать это.

— Что-жь дѣлать, если я это думаю! Я хочу сказать, что онъ тогда былъ бы совершенно свободенъ. Еслибъ мы теперь разошлись, осталась бы дѣвочка и напоминала бы ему объ этой пыткѣ. Даже смерть моя ничего бы не измѣнила... — Она смотрѣла на него съ странною улыбкою.

— Объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ, — прибавила она, — теперь я васъ только задерживаю. Возвращайтесь скорѣе, пожалуйста, хоть съ нимъ. Вы можете сказать, что я ему не помѣшаю. Къ тому же, Юра будетъ при этомъ, вы...

— И вашъ больной ребенокъ, — выразительно произнесъ Эшебургъ.

Она, очевидно, не поняла его словъ.

— Да, да, — сказала она. — Онъ очень болѣнъ. Я сейчасъ иду къ нему. Не беспокойтесь, я исполню свой долгъ.

Она пошла въ спальню. Эшебургъ глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она не исчезла за портьерой, потомъ со стономъ надвинулъ шляпу на глаза и выбѣжалъ.

Глава XIV.

Полковникъ и Удо проводили Поли до отеля. Хорошее расположеніе духа молодого человѣка совершенно разсѣялось на свѣжѣмъ ночномъ воздухѣ. Онъ чувствовалъ, что дѣйствительно довелъ шутку до крайности. Какъ ни сдерживалась Поли, въ душѣ она, конечно, бѣсилась, а теперь ему особенно нужно быть съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ. Она не только такъ охотно заплатила его раштатскіе долги, что онъ пожалѣлъ, зачѣмъ не покаяться сразу и въ берлинскихъ, но безропотно открыла и всѣ его довольно значительные расходы по Баденъ-Бадену. Гдѣ возьметъ онъ теперь тѣ двѣ тысячи марокъ, которыя долженъ вручить завтра же мистеру Дугласу?

Удо снялъ каску; на маневрахъ подъ палящимъ зноемъ ему не бывало такъ жарко, какъ въ короткій переходъ изъ *Hôtel d'Angleterre* въ гостиницу *Europa*. Даже воспоминаніе о недавней побѣдѣ не утѣшало его. Милая дѣвочка! Какъ могъ онъ смѣшиваться ея съ сестрами? Что бы этому случиться недѣлю раньше? Нельзя же Удо пойти завтра къ дѣдушкѣ Суольвелю и начать сватовство съ просьбы ссудить ему двѣ тысячи марокъ! Какая гадость! И не гадво ли глядѣть въ хорошевыя глазки Бэтъ и думать о ея милліонѣ? Видитъ Богъ, онъ желалъ бы, чтобы милліонъ принадлежалъ ему, а у нея не было ни гроша; онъ все равно женился бы на ней. Но ужь у него всегда такое несчастіе! Самые идеальныя порывы его души разбиваются о жалкую дѣйствительность. Просто въ отчаянье придешь. А вотъ, наконецъ, и отель!

Темная фигура ходила взадъ и впередъ передъ входомъ; это былъ Геннигъ. Онъ объявилъ, что гуляетъ здѣсь уже два часа; онъ, конечно, надѣялся, что и остальная компанія послѣдуетъ его примѣру, но охотно допускаетъ, что можно различно пони-

жать солидарность. Во всякомъ случаѣ, онъ желаетъ сегодня же проститься съ фрау Реннеръ, такъ какъ уѣзжаетъ завтра.

Полковникъ ясно почувствовалъ, какъ дрогнула рука красивой Поли.

— Я думаю, докторъ, — сказалъ онъ, — что никакого спѣху нѣтъ. У насъ здѣсь такой веселый кружокъ. О сегодняшнемъ, не совсѣмъ пріятномъ интермеццо мы еще потолкуемъ. Мнѣ все равно надо идти въ клубъ, я введу васъ на нынѣшній вечеръ. Не пойдете ли и вы, Вольфсбергъ?

Они раскланялись съ Поли; Удо передалъ портъе страшную рукопись, внушивъ ему непременно отнести ее въ комнату фрау Реннеръ, такъ какъ онъ ручается за ея цѣлость. Эта братская заботливость о драгоценной рукописи не смягчила, однако, души Поли; прощаясь, она подала ему только кончики пальцевъ. Вдыхая, послѣдовалъ Удо за товарищами и разсѣянно слушалъ ученый диспутъ, который завязался между ними по дорогѣ въ клубъ.

Споръ все еще не былъ конченъ, когда они вошли въ ярко освѣщенныя комнаты. Удо оставилъ полковника и Геннига за бутылкой шампанскаго и отправился въ биллиардную. Не успѣлъ онъ войти, какъ ученый разговоръ прекратился. Брель оглядѣлся и, наклонившись къ Геннигу, сказалъ:

— Славно же я его спугнулъ; мнѣ хотѣлось поговорить съ вами наединѣ. Слушайте же! Устроивъ сегодняшній вечеръ, — а это дѣло вашихъ рукъ, — вы оказали нашей пріятельницѣ плохую услугу. Пишите, пожалуйста, рецензіи, на которыя никто не обращаетъ вниманія, но не читайте самыхъ произведеній людямъ, которые сидятъ передъ вами и могутъ смѣяться. Это относительно будущаго. Слава Богу, сегодня дѣло не дошло до чтенія, а только до вашей вступительной рѣчи; во время ея вы испытали нѣкоторыя непріятности, очень чувствительныя для васъ, судя по вашему бѣгству. Только отвѣтственность за нихъ не падаетъ ни на кого; гдѣ нѣтъ обидчика, нѣтъ и обиды. Это, кажется, логично.

— Быть можетъ. Но я долженъ отыскать кого-нибудь и непременно найду, — отвѣчалъ Геннигъ, глядя на дно стакана, точно надѣялся увидеть тамъ виновника.

— Ужь не хотите ли вы драться съ старикомъ Суольвельмъ?

Докторъ недовѣрчиво взглянулъ на полковника, аристократическое лицо котораго не дрогнуло.

— Какой же это противник для меня?—проворчал онъ.

— Или съ Вольфсбергомъ?

— Какъ братъ уважаемой женщины, онъ для меня неприкосновененъ.

— Ну, значить, весь списокъ исчерпанъ. Заставить заплатить Оссека за то только, что вы случайно разсердились въ его гостиной.

Полковникъ откинулся на спинку кресла и, полузакрывъ глаза, выпускалъ дымъ жидкими струйками.

— Я ненавижу его,—пробормоталъ Геннигъ, наклоняясь надъ стаканомъ и не видя улыбки, промелькнувшей по усталому лицу Креля.

Однако, онъ торопливо вскинулъ глаза, когда полковникъ медленно протянулъ:

— Вы хорошо стрѣляете, докторъ?

— Я только въ последнее время немного упражнялся.

— Такъ не попадайтесь лучше Оссеку подъ выстрѣлъ; это одинъ изъ искуснѣйшихъ стрѣлковъ.

— Мнѣ незнакомо чувство страха!—пробормоталъ Геннигъ.

— Охотно вѣрю; однако, зачѣмъ рисковать вашей драгоценною жизнью? У фрау Реннеръ есть братъ...

Полковникъ медленно выпрямился и глядѣлъ теперь Геннигу ужъ прямо въ глаза.

— Господинъ фонъ-Вольфсбергъ не захочетъ драться. Онъ слишкомъ близокъ съ баронессой.

— Поэтому-то онъ и долженъ драться,—живо отвѣчалъ Крель.—Развѣ вы не понимаете? Именно потому, что Вольфсбергъ слишкомъ хорошъ съ женою, Оссекъ отвѣтитъ на его малѣйшій вызовъ.

Геннигъ нервно пилъ вино.

— Мнѣ вѣжется, что Вольфсбергъ всего больше смѣялся надъ нами. Поли... фрау Реннеръ шепнула мнѣ у дверей отеля... вы говорили въ это время съ Вольфсбергомъ... что прекрасный монологъ третьяго акта...

— Да, да,—нетерпѣливо прервалъ его Крель.—Чѣмъ больше онъ виноватъ, тѣмъ скорѣе долженъ помириться съ сестрою. Ну, да я вижу, что съ вами надо толковать прямо. У васъ нѣтъ никакого основанія ревновать барона. Если Поли говорила вамъ, что ея кокетничанье съ Оссекомъ пустая игра, это сущая правда; вамъ трудно понять это только потому, что при вашихъ

отношеніяхъ она не могла сказать вамъ настоящей причины своего поведенія. А причина та, что, еще задолго до вашего знакомства, между ею и Оссекомъ существовала связь, которая порвалась очень оскорбительно для Поли, хотя никто изъ ея друзей не могъ привлечь барона къ отвѣту. Намъ нужна теперь новая заплата на старую одежду. Кажется, ясно?

Брель наполнилъ стаканъ и отпилъ изъ него глотокъ. Геннигъ мрачно глядѣлъ на дно стакана. Поли всегда отрицала свою связь съ Оссекомъ; теперь ему сдѣлалось все извѣстнымъ, и воображеніе рисовало передъ нимъ дикія, оскорбительныя картины, среди которыхъ грезился ему по временамъ Оссекъ, повернутый въ прахъ выстрѣломъ изъ его пистолета. Правда, могло случиться и обратно, даже, по всему вѣроятію, такъ и будетъ. Полковникъ вѣрно говоритъ; гораздо лучше послать въ огонь брата.

— Миѣ не пріятно отступать въ такомъ дѣлѣ...

— Пока только на второй планъ, — отвѣчалъ полковникъ. — Кто знаетъ, не будетъ ли вашъ предшественникъ...

Баронъ замолкъ. Удо входилъ въ ту минуту въ залу. Онъ былъ, видимо, не въ духѣ. Фонъ-Бинцъ обыгралъ его на биллиардѣ и у него едва хватило чѣмъ заплатить долгъ. Что будетъ съ нимъ завтра, если Поли не выручить?

— Держу пари, Вольфсбергъ, что у насъ съ вами однѣ и тѣ же мысли! — сказалъ полковникъ.

— Не думаю, — хмуро отвѣчалъ Удо.

— Полагаю, однако, — продолжалъ Брель, — что вы не можете не чувствовать, какъ глубоко оскорблена ваша сестра?

Удо рѣзко поднялъ голову, но не успѣлъ отвѣтить, потому что въ эту минуту дверь открылась и вошелъ Адальбертъ. Полковникъ и Геннигъ обмѣнялись быстрымъ взглядомъ.

— Совершенно, какъ у царственныхъ особъ! — смѣясь, воскликнулъ Брель. — Визитъ отданъ черезъ десять минутъ. Садитесь около меня, баронъ.

— Я очень радъ, что засталъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, — началъ Адальбертъ, садясь на указанное мѣсто. — Только врядъ ли ваша веселость вынесена вами изъ моей гостиной.

— Но сдѣлайте милость, любезный другъ! — воскликнулъ полковникъ. — Что касается меня, я не такъ легко теряю хорошее настроеніе духа; поэтическія натуры, правда, болѣе чутки. Всѣ эти маленькія не пріятности были, конечно, немного тягостны, и

сестра ваша, Вольфсбергъ, несомнѣнно думаетъ, что ихъ можно было бы избѣгнуть. Не такъ ли?

— Очень вѣроятно.

Адальбертъ вздрогнулъ. Въ его взволнованномъ состояніи укоръ, слышавшійся ему въ словахъ Удо, а еще болѣе въ его сухомъ тонѣ, показался ему вдвое оскорбительнымъ. Съ трудомъ сдержавшись, онъ обратился къ Геннигу.

— Надѣюсь, докторъ, что вы будете справедливей, хотя неприятности, о которыхъ идетъ рѣчь... повѣрьте, никто не сожалѣетъ о нихъ болѣе меня... прежде всего, коснулись васъ.

Онъ замолчалъ, ожидая отвѣта. Всѣ молчали. Браска гнѣва разлилась по его лицу; онъ медленно обвелъ взглядомъ присутствующихъ, оперся на ручку кресла и хотѣлъ встать.

— Одну минуту, баронъ,—быстро сказалъ Удо; потомъ обратился къ Геннигу рѣзкимъ, почти угрожающимъ тономъ:—Ну, что же вы?

Геннигъ молча пожалъ плечами. Удо презрительно взглянулъ на него.

— Въ такомъ случаѣ, баронъ, позвольте мнѣ дать за себя тотъ отвѣтъ, котораго вы имѣете право ожидать. По моему, во всей этой исторіи слѣдуетъ жалѣть только о васъ и о вашей супругѣ; вы хотѣли оказать моей сестрѣ вниманіе, и это вамъ не удалось, безъ всякой вины съ вашей стороны. Всѣ говорятъ о неприятностяхъ! Всего неприятнѣе былъ я самъ, и поэтому я прошу прощенія не у Поли, которая лучше бы сдѣлала, еслибъ оставалась дома съ своей дрянной драмой, а у васъ и у баронессы. Сдѣлайте милость, передайте ей мои извиненія.

Онъ протянулъ Адальберту руку съ такой милой улыбкой, что сердце барона переполнилось стыдомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостью. Этотъ человѣкъ не могъ быть его соперникомъ.

— Благодарю, Вольфсбергъ,—сказалъ онъ.—Я охотно буду вашимъ ходатаемъ у жены, хотя это совершенно лишнее.

Онъ всталъ. Удо также поднялся. Медленнѣе послѣдовали за ними полковникъ и Геннигъ. Какъ ни скоро и ни благопріятно измѣнилось положеніе дѣлъ, Крель успѣлъ уже принять рѣшеніе. Не доставало, право, чтобы его вовлекли въ ссору, въ которой онъ относился вовсе не серьезно. Ему хотѣлось только позабавиться и угодить красивой молодой женщинѣ. Пусть вступается за нее ея поклонникъ!

— Я тоже прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе

любезнѣйшей изъ хозяекъ, — сказалъ Крель, подходя къ Оссеку, — хотя я и не провинился, подобно этому остроумному сатирику, однако, нельзя быть достаточно внимательнымъ къ красивымъ женщинамъ. Если вы уходите, и я съ вами. Покойной ночи, докторъ.

Онъ небрежно бросилъ эти слова Геннигу черезъ плечо. Геннигъ заскрежеталъ отъ злобы. Какъ обращались съ нимъ эти аристократы! Точно съ собакою! Баронъ не оказалъ ему даже чести освѣдомиться о причинѣ его молчанія. Такъ погодите же, онъ скажетъ этому гордому человѣку нѣчто такое, отчего вскипнеть его синяя кровь.

— Еще бутылку для меня, кельнеръ, — крикнулъ онъ черезъ чуръ громко; потомъ, обращаясь къ Оссеку, продолжалъ: — Вы, кажется, не придаете никакого значенія разъясненію моего молчанія, баронъ? Если бы завтра вашъ образъ мыслей измѣнился, повѣрьте, я буду готовъ дать вамъ это объясненіе во всякое время и въ какой угодно формѣ.

— Я не премину просить васъ объ этомъ черезъ одного изъ своихъ друзей, — отвѣчалъ Адалбертъ, съ достоинствомъ кланяясь и выходя вмѣстѣ съ другими въ сѣни, гдѣ какой-то господинъ спрашивалъ портъе, здѣсь ли баронъ Оссекъ.

— Ты меня ищешь? — сказалъ Адалбертъ, узнавъ Эшебурга.

— Я пришелъ за тобою.

— Въ чемъ дѣло?

Этотъ сильный человѣкъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ничего не случилось съ твоей женою, — торопливо отвѣчалъ Эшебургъ, — только Лиза... надѣюсь, конечно, что нѣтъ ничего опаснаго, но мнѣ, все-таки, хотѣлось бы видѣть тебя дома.

— Боже мой, такой прелестный ребенокъ! — воскликнулъ Удо.

— Пожалуйста, не задерживайте насъ, — прервалъ его Эшебургъ.

— Мы всѣ идемъ съ вами, — сказалъ полковникъ.

Всѣ четверо торопливо вышли.

А. В.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ночной вѣтеръ.

О чемъ въ полночной тишинѣ
Поешь, осенній вѣтеръ, мнѣ,
Въ щели окна свистя?
Во тьмѣ зіяющей ночной
То воешь ты какъ звѣрь лѣсной,
То плачешь какъ дитя.

* *

Гдѣ былъ ты? Что въ краю иношъ,
Играя трепетнымъ крыломъ,
Въ дорогѣ встрѣтилъ ты?
Не паруса ли кораблей
Ты рвалъ въ безбрежности морей
Подъ кровомъ темноты?

* *

Иль ты на югѣ, молви мнѣ,
При ярко блестящей лунѣ,
Подъ сѣнью оливъ,
При звукахъ арфы золотой,
Въ тиши таинственно-святой
Ласкалъ морской заливъ?

* *

Иль знамя гордое войны,
Гдѣ бьются доблести сыны,
Торжественно вздымалъ
И, разнося побѣдный влнкъ,
Воителя горящій ликъ
Дыханьемъ охлаждалъ?

* *

— Нѣтъ! Я лечу съ родныхъ полей...
 Героевъ славныхъ, королей
 Я не встрѣчалъ въ пути...
 Я не изъ южной стороны,
 Гдѣ царству розъ въ лучахъ луны
 Такъ хорошо цвѣсти...

Нѣтъ, я порхалъ и ночь, и день
 Среди убогихъ деревень,
 Гдѣ людъ и нищъ, и простъ,
 Среди простора голыхъ нивъ,
 Гдѣ дремлетъ липа, осѣнивъ
 Въ тиши глухой погость.

Шептался я съ травой могилъ,
 Гдѣ миллионы мощныхъ силъ
 Подъ кровомъ темноты
 Въ землѣ сырой нашли пріютъ,
 Гдѣ рядомъ съ прежними встаютъ
 Все новые кресты...

Имень у тѣхъ героевъ нѣтъ...
 Про нихъ не знаетъ шумный свѣтъ...
 Отъ всѣхъ очей вдали
 Они къ подножью тѣхъ крестовъ
 Безъ блеска славы и вѣнцовъ
 На вѣчный сонъ легли...

Я имъ надгробный гимнъ пою.
 Ты въ пѣсню грустную твою
 Мои рыданья влей...
 Но не порви своей струны:
 Я не изъ южной стороны,
 А изъ родныхъ полей...

Л. Пальминъ..

К. Д. КАВЕЛИНЪ.

(Страница изъ исторіи философіи въ Россіи) *).

К. Д. Кавелинъ принадлежитъ къ числу ученыхъ, вписавшихъ неизгладимыми буквами свое имя на страницахъ исторіи философіи въ Россіи. Изъ работъ его, особенно характерныхъ для его философской дѣятельности, въ порядкѣ ихъ изданія, являются слѣдующія: 1) *Критика на сочиненіе «нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи»*, написанная въ 1868 г.; 2) *Задачи психологіи*, появившіяся въ 1872 году; 3) *Письма въ редакцію «Вѣстника Европы» по поводу замѣчаній и вопросовъ проф. Сьченова*, напечатанныя въ 1874 г.; 4) *Замѣчанія Ю. О. Самарина на книгу «Задачи психологіи» — съ ответомъ Кавелина*, напечатанныя въ 1875 г.; 5) Брошюра по поводу диссертациі г. Соловьева, появившаяся въ томъ же году подъ заглавіемъ: *Апріорная философія или положительная наука*, и 6) *Задачи этики*, напечатанныя въ началѣ текущаго года.

Интересъ этихъ философскихъ работъ Кавелина существенно психологическій, и наше Общество не исполнило бы своихъ обязанностей относительно дорогой памяти покойнаго члена, высказавшаго въ прочитанномъ здѣсь письмѣ **) такое сочувствіе къ

*) Читано въ засѣданіи психологическаго общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ, 24 октября 1885 года.

**) Письмо К. Д. Кавелина, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, адресовано имъ на имя предсѣдателя психологическаго общества, М. М. Троицкаго, и содержитъ слѣдующія слова: „М. Г., глубокоуважаемый Матвѣй Михайловичъ! Поспѣшаю засвидѣтельствовать вамъ и гг. членамъ психологическаго общества искреннѣйшую благодарность за оказанную мнѣ честь избраніемъ въ его дѣйствительные члены. Сердечно сочувствую цѣлямъ и задачамъ общества и убѣжденъ, что психологіи на русской почвѣ предстоитъ не только громадная работа, но и блестящая будущность. Постараюсь, насколько мои силы и лѣта позволяютъ, содѣйствовать своими трудами успѣхамъ учрежденія, къ которому отнынѣ имѣю честь принадлежать“.

его основанію и задачамъ, если бы не воздало ему дань справедливаго уваженія, за сдѣланное имъ на пользу психологій въ Россіи, посвященіемъ настоящаго засѣданія оцѣнкѣ указанныхъ нами его философскихъ трудовъ.

Б. Д. Кавелинъ, какъ помнятъ его друзья, придавалъ особенную цѣну своему послѣднему философскому труду, именно *Задачамъ этики*. Съ точки зрѣнія личнаго философскаго развитія Б. Д. это совершенно понятно: въ *Задачахъ этики* онъ высказался окончательно и цѣльно, между тѣмъ какъ предъидущіе его ученые труды представляютъ только переходныя и лишеныя цѣльности фазы этого развитія. Но для насъ эти послѣднія имѣютъ особенное значеніе, потому что въ исторіи философскаго развитія Кавелина отразились крупныя черты исторіи философіи въ Россіи съ сороковыхъ годовъ до послѣдняго времени; мы убѣждены также, что философскія работы Кавелина не остались безъ вліянія на исторію развитія русской мысли въ послѣднія десятилѣтія, и благотворность этого вліянія современнымъ будетъ оцѣнена по достоинству.

Одинъ изъ критиковъ большаго психологическаго труда Б. Д. Кавелина, подъ названіемъ *Задачи психологій* (*Дѣло*, 1882 г., іюль), причислилъ его къ кружку мыслящихъ людей, сформировавшемуся подъ вліяніемъ двухъ замѣчательныхъ талантовъ, Бѣлинскаго и Грановскаго, и преклонявшемуся передъ философіею Гегеля. Нѣкоторыя выраженія Кавелина о государствѣ, о правѣ въ его первыхъ сочиненіяхъ (напр., въ трактатѣ *О теоріяхъ права*) подтверждаютъ это мнѣніе критика относительно самаго ранняго міровоззрѣнія Кавелина. Тѣмъ не менѣе, вѣрно то, что въ этомъ крупномъ философскомъ сочиненіи, т.-е. въ *Задачахъ психологій*, Кавелинъ является съ другимъ міровоззрѣніемъ, отдѣляющимъ его отъ поклонниковъ Гегеля и сближающимъ съ такъ называемымъ въ Германіи *реаль-идеализмомъ*.

Съ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія вліяніе нѣмецкаго идеализма сдѣлалось замѣтнымъ въ Россіи: у насъ появились свои приверженцы системъ Шеллинга и Гегеля. Между тѣмъ, въ эти самые годы нѣмецкій реализмъ Фриза, Гербарта и Бенеке нанесъ чувствительный ударъ системамъ нѣмецкаго идеализма и отозвался въ Россіи, между прочимъ, преподаваніемъ въ пятидесятихъ годахъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, психологій по Бенеке. Борьба нѣмецкаго реализма съ идеализмомъ вызвала въ Германіи множество опытовъ примиренія обоихъ фило-

софскихъ направлений; такіе опыты мы находимъ въ философскихъ системахъ А. Шопенгауера, Рейнгольда младшаго, Фортляге, Форлендера, Лётце, Бидермана, Фихте младшаго, Вейссе, Ухърици и многихъ другихъ. Это примирительное направление названо было реалъ-идеализмомъ; оно-то именно и просвѣчиваетъ въ философскихъ взглядахъ Е. Д. Кавелина, изложенныхъ имъ въ его *Задачахъ психологіи* и представляющихъ опытъ синтеза метафизики реализма съ метафизикою нѣмецкаго идеализма.

У тѣхъ, кто знакомъ съ названнымъ сочиненіемъ Кавелина и помнитъ его рѣшительныя заявленія противъ метафизическаго метода обработки психологіи, наша характеристика его взглядовъ можетъ возбудить сомнѣнія относительно своей точности, но мы опираемся на самое содержаніе его *Задачъ психологіи*. Возставая противъ метафизики души, Кавелинъ, тѣмъ не менѣе, въ своемъ психологическомъ трудѣ предложилъ нѣкоторую метафизику реалъ-идеалистическаго характера. Странность эта объясняется, по нашему мнѣнію, указаніями самого Е. Д., данными въ предисловіи къ *Задачамъ психологіи*. Изъ предисловія видно, что первый опытъ этого труда былъ исполненъ имъ еще до 1862 года, т.-е. въ тотъ именно періодъ времени, когда системы реализма и реалъ-идеализма начали изъ Германіи проникать въ Россію, на смѣну вѣніямъ идеализма и въ отпоръ влиянію секретно распространявшихся матеріалистическихъ сочиненій школы Фейербаха. По самымъ обстоятельствамъ времени, психологія Е. Д. Кавелина не могла далеко разойтись съ психологическими трудами нѣмецкихъ реалистовъ и реалъ-идеалистовъ; а у этихъ послѣднихъ психологическіе труды были всегда различными сочетаніями метафизическихъ гипотезъ съ данными опыта. Ясно, что основа этого перваго опыта *Задачъ психологіи*, именно его метафизическая основа, удержалась и въ послѣдней редакціи этого сочиненія, появившагося въ печати только въ 1872 году. Остановимся, прежде всего, на этомъ первоначальномъ содержаніи его *Задачъ психологіи*.

Метафизическое ученіе Е. Д. Кавелина, открываемое нами въ его *Задачахъ психологіи*, ограничивается собственно областью психическихъ явленій, иначе есть *метафизики души*, или *пневматологія*. Задачею своихъ психологическихъ ученій онъ ставитъ здѣсь примиреніе двухъ противоположныхъ метафизикъ, именно идеализма и реализма, въ цѣляхъ объясненія психическихъ фактовъ. Идеалисты и реалисты, при односторонности сво-

ихъ работъ, «оказываются, —говорить онъ, —равно несостоятельными вывести психологию на прямой путь; но и тѣ, и другіе, съ различныхъ точекъ зрѣнія, предъявляютъ требованія, которыя вытекаютъ изъ самаго существа дѣла и не могутъ быть безнаказанно пренебрежены или отвергнуты. Вся задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы понять эти требованія и дать имъ мѣсто въ наукѣ».

Подъ идеализмомъ, подлежащимъ примиренію съ реализмомъ, Б. Д. Кавелинъ разумѣетъ нѣмецкій идеализмъ Фихте старшаго, Шеллинга и Гегеля, а подъ реализмомъ, прежде всего, материализмъ, а затѣмъ собственно одну нѣмецкую систему реализма, именно Бенеке, — систему, игравшую, какъ замѣчено, видную роль въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ пятидесятихъ годахъ. Кавелинъ старается помирить идеализмъ съ материализмомъ при помощи психологии Бенеке и, внося въ послѣднюю черты идеализма, придать ей болѣе состоятельности.

Основная метафизическая идея Кавелина есть идея *монизма*, т.-е. отрицаніе такъ называемаго дуализма, который въ матеріи и духѣ видитъ вещи разнородныя, не сводимыя къ одному источнику, иначе сказать, признаніе единого начала всего матеріальнаго и духовнаго. Монизмъ позволяетъ Кавелину провозгласить *единство* человѣческой природы, какъ твердо установленный принципъ науки. «Средневѣковой дуализмъ, —говоритъ онъ, —поколебленъ въ своихъ основаніяхъ реальными (физическими) и психологическими (въ нѣмецкомъ идеализмѣ и реализмѣ) изслѣдованіями, которыя выдвигаютъ впередъ заслоненное и почти забытое единство человѣческой природы. Оно стало основнымъ началомъ и точкою отправленія всѣхъ философскихъ воззрѣній и всѣхъ научныхъ изслѣдованій». Опираясь на это начало, Кавелинъ подвергаетъ критику идеализмъ въ смыслѣ спиритуализма и реализмъ въ смыслѣ материализма, доказывая, что ихъ отрицательное отношеніе другъ къ другу есть слѣдствіе ихъ неполнаго отреченія отъ дуализма. Идеализмъ и материализмъ представляются ему закрытымъ дуализмомъ: «оба направленія, —говоритъ Кавелинъ, —выставляютъ на своемъ знамени единство человѣческой природы, а, между тѣмъ, приступаютъ къ изслѣдованіямъ съ дуалистической задней мыслию, будто душа и тѣло противоположны другъ другу, исключаютъ себя взаимно». Если человѣческая природа едина, —продолжаетъ онъ, —«тогда въ ней нѣтъ и не можетъ быть непримиримыхъ противоположностей;

элементы ея, повидимому, враждующіе между собою, исключающіе другъ друга, на самомъ дѣлѣ должны быть ничто иное, какъ различія, видоизмѣненія одного и того же начала».

Единство человѣческой природы оправдываетъ, въ глазахъ Кавелина, признаніе матеріальныхъ элементовъ въ составѣ психическихъ фактовъ существованія человѣка. Онъ считаетъ предразсудкомъ, что фактъ матеріальный не можетъ быть внутреннимъ, или предметомъ внутренняго наблюденія. Что нѣкоторые психическіе факты матеріальны, это доказывается, по мнѣнію Кавелина, нашими ощущеніями. «Къ какому разряду (фактовъ),—спрашиваетъ онъ,—отнести множество разнообразнѣйшихъ физическихъ ощущеній? Они не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, доступны одному (внутреннему) сознанію, и потому ихъ надо бы причислить къ разряду внутреннихъ, духовныхъ, нравственныхъ; но это невозможно, потому что они идутъ отъ нашего тѣла, которое мы отличаемъ отъ себя какъ нѣчто внѣшнее и которое подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ». Чтобы показать все значеніе этого примѣра, достаточно привести то замѣчаніе Кавелина, что ощущенія служатъ матеріаломъ многихъ другихъ психическихъ явленій. Слѣдовательно, матеріальность психическаго существованія человѣка простирается далеко. Но какъ же именно? Отвѣтомъ на это, по мнѣнію Кавелина, служитъ психическая жизнь животныхъ, которой онъ приписываетъ характеръ чисто-матеріальный. «Относимъ же мы,—говоритъ онъ,—всѣхъ животныхъ къ внѣшней природѣ и не признаемъ за ними духовной жизни и особой психической дѣятельности; а между ними многія по своей интеллигенціи, чувствамъ и кажущимся произвольнымъ дѣйствіямъ чрезвычайно напоминаютъ человѣка». Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Кавелина, матеріализмъ, настаивающій на матеріальности психическихъ явленій существованія человѣка, отчасти правъ; недостатокъ этой доктрины онъ находитъ только въ ея исключительности, въ непризнаніи, рядомъ съ матеріальными, духовныхъ элементовъ этого существованія.

Но спрашивается: приписывая матеріальный характеръ такой массѣ психическихъ явленій, можно ли указать границы матеріальнаго и духовнаго въ психической жизни человѣка? Кавелинъ считаетъ это дѣломъ труднымъ и въ точности неисполнимымъ. «При тѣсномъ сближеніи между тѣми и другими,—говоритъ онъ,—ихъ, во многихъ случаяхъ, легко перемѣшать и принять одни за другіе». «Невозможно,—говоритъ онъ въ другомъ

и́сть, — провести точную разграничительную черту между материальнымъ и (собственно) психическимъ міромъ, которые рѣзко, видимо различаются другъ отъ друга только въ самыхъ яркихъ, характеристическихъ явленіяхъ». Такими характеристическими явленіями Кавелинъ признаетъ явленія, находящіяся на границахъ психическаго развитія, а именно, съ одной стороны, ви́шнія ощущенія, которыя, какъ мы видѣли, онъ считаетъ материальными и которыя составляютъ первую ступень психической жизни, а съ другой — такъ называемыя высшія явленія послѣдней. Сравненіе этихъ двухъ крайнихъ отдѣловъ психическихъ фактовъ, съ ярко выступающимъ характеромъ ихъ разницы какъ материальныхъ и духовныхъ; приводитъ Кавелина къ слѣдующему разграниченію однихъ отъ другихъ: «то, что мы называемъ материальнымъ, — единично, бессознательно, произвольно; напротивъ, психическому (духовному) приписывается идеальность, сознательность, произвольность». Кавелинъ замѣчаетъ, что духовному также не чужда единичность, отдѣльность; но это единичное «или обращено, или стремится обратиться въ общее и подчиненное общему». Такимъ образомъ, ви́шнія ощущенія единичны, но понятія общи и имѣютъ «идеальное, а не реальное существованіе». «Разбирая чувства, желанія, стремленія людей, — продолжаетъ Кавелинъ, — мы также отличаемъ между ними тѣ, которыя имѣютъ предметомъ единичное, отъ тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе общій характеръ, и на этомъ основаніи считаемъ одни болѣе материальными, другія — болѣе духовными». Изъ этого видно, что «идеальность» есть синонимъ «общности» въ логическомъ смыслѣ. «Сознательность, — говоритъ далѣе Кавелинъ, — въ противоположность бессознательности, точно также считается отличительнымъ признакомъ психическаго факта. Дѣйствіями и поступками бессознательными человѣкъ приравнивается къ ви́шней (материальной) природѣ; только сознательныя его дѣйствія считаются психическими, потому что только душа имѣетъ свойство знать то, что въ ней есть или происходитъ». По поводу произвольности Кавелинъ замѣчаетъ: «характеристическимъ различіемъ дѣятельности психической отъ материальной признается и то, что первая свободна, а вторая нѣтъ; что человѣкъ можетъ, по своему усмотрѣнію или произволу, поступать такъ или иначе, а предметы ви́шней природы осуждены роковымъ образомъ подчиняться ви́шней необходимости и слѣпо слѣдуютъ ея законамъ». Изъ трехъ признаковъ духовности вниманіе Кавелина всего ча-

ще останавливаютъ два послѣдніе, т.-е. сознательность и произвольность. У него нерѣдко встрѣчаются выраженія, подобныя слѣдующему: «непроизвольность и бессознательность составляютъ отличительные, характеристическіе признаки матеріальной жизни, въ противоположность произвольности и сознательности, безъ которыхъ то, что мы называемъ психическимъ въ точномъ смыслѣ слова, невысказуемо».

Изъ этихъ отличій матеріальнаго отъ духовнаго ясно видна вся трудность разграниченія перваго отъ послѣдняго въ психическихъ фактахъ существованія человѣка. Чисто-матеріальный характеръ ихъ утрачивается тогда, когда факты матеріальные приобращаютъ какую-нибудь долю сознательности и произвольности. Но, достигая послѣдняго и становясь «психическими въ точномъ смыслѣ слова», они не перестаютъ сохранять черты матеріальности, совмѣстимыя съ признаками ихъ духовности. Слѣдовательно, матеріальные факты не исчезаютъ изъ состава психическихъ явленій въ тѣсномъ смыслѣ; духовность ихъ, — сознательность и произвольность, — это дополнительные черты ихъ. Такъ что «основа» психическихъ явленій, «подкладка» ихъ всегда матеріальна. «Если одно и то же явленіе, — говоритъ Кавелинъ, — можетъ возникать въ душѣ и произвольно, и непроизвольно, даже бессознательно, то отсюда слѣдуетъ, что собственно не въ чувствахъ, представленіяхъ, мысляхъ или поступкахъ заключается сущность того, что мы считаемъ по преимуществу психическимъ, а въ способѣ, родѣ, порядкѣ ихъ возникновенія. Сами по себѣ, они продукты необходимости, результатъ процессовъ, совершающихся по извѣстнымъ законамъ, въ которыхъ душа дѣятельно не участвуетъ, и потому образуются или происходятъ непроизвольно; но они же могутъ быть вызываемы свободнымъ починомъ души, и въ такомъ только случаѣ мы признаемъ ихъ за чисто-психическія явленія, приписываемъ имъ психическій характеръ». Смыслъ этихъ словъ таковъ: сами по себѣ, или первоначально, они матеріальны; но, становясь сознательными и произвольными, они дѣлаются психическими въ собственномъ смыслѣ.

Современная психологія приучила насъ мыслить, что всѣ психическія явленія суть явленія сознанія, — что и чувство есть сознаніе, и представленіе есть сознаніе, и мысль есть сознаніе, — и даже ощущенія, внѣшнія ощущенія суть состоянія сознанія. Между тѣмъ, по теоріи Кавелина выходитъ, что всѣ эти со-

стоянія сознанія первоначально безсознательны, а потому, конечно, и произвольны. Спрашивается: что же такое разумѣть онъ подъ сознаніемъ и какъ объясняетъ произвольность?

Сознаніе и сознательность, равно какъ и произвольность, Кавелинъ понимаетъ въ своемъ особенномъ смыслѣ. Подъ сознаніемъ, какъ отличіемъ духовнаго отъ матеріальнаго, онъ разумѣетъ то, что другіе называютъ *внутреннимъ сознаніемъ*, а подъ произвольностью, какъ высшею характеристикою «психическаго въ точномъ смыслѣ», онъ разумѣетъ произвольность, вытекающую только изъ этого внутренняго сознанія. Самъ Кавелинъ называетъ свое «сознаніе» «внутреннимъ, психическимъ зрѣніемъ». Что такое «сознательность или сознаніе»?—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: «Оно есть то, что мы не разъ называли внутреннимъ, психическимъ зрѣніемъ, именно актъ, отправленіе способности видѣть особеннымъ образомъ, безъ помощи физическаго глаза, то, что невидимо для него заключается или происходитъ въ нашей душѣ. Когда я разсматриваю свое лицо въ зеркалѣ, я вижу его физическимъ зрѣніемъ; но когда я сознаю свою мысль, чувство, желаніе или намѣреніе, то очевидно, что я вижу ихъ, но вижу особеннымъ образомъ, потому что видѣть физически, матеріально свою мысль, чувство, желаніе или намѣреніе нельзя». «Названіе: внутреннее, психическое зрѣніе,—прибавляетъ онъ,—не совсѣмъ точно. Описанная выше психическая способность соотвѣтствуетъ не одному зрѣнію, но и другимъ внѣшнимъ чувствамъ».

Этотъ способностью психическаго зрѣнія Кавелинъ объясняетъ и два другія свойства—идеальность и произвольность. «Оттого,—говоритъ онъ,—что душа способна удерживать въ себѣ всякаго рода впечатлѣнія и видѣть ихъ, обращаться съ ними психически, она и создаетъ себѣ идеальный міръ и можетъ жить въ немъ». Въ нормальномъ состояніи человѣка съ психическимъ зрѣніемъ связана произвольность или способность распорядиться предметами этого зрѣнія; но въ ненормальномъ она утрачивается. «Психическое зрѣніе,—говоритъ Кавелинъ,—по природѣ своей, не можетъ быть безсознательнымъ, потому что оно само и есть сознаніе; но оно можетъ быть, и очень часто бываетъ, совершенно произвольнымъ: мысли, образы, звуки, воспоминанія нерѣдко преслѣдуютъ людей съ неотвратимой, ужасающей настойчивостью. Въ нормальномъ состояніи мы можемъ отстранять предметы отъ

нашего сознания; въ ненормальномъ же мы болѣе или менѣе теряемъ способность распоряжаться ими произвольно».

Психическое зрѣніе Кавелинъ выводитъ изъ двухъ условій: «памяти» и «способности психическаго раздвоенія». Память есть способность «сохранять впечатлѣнія» или, точнѣе, «слѣды», оставаемые впечатлѣніями какъ внѣшними, такъ и внутренними, «психическими». «Нѣтъ такого психическаго отправленія, операціи, процесса, нѣтъ душевнаго движенія, факта психической жизни, который бы не производилъ въ душѣ впечатлѣнія и въ ней не сохранялся». Психическое зрѣніе и память доказываютъ существованіе другаго условія того же зрѣнія, именно способности психическаго раздвоенія. «Внутреннее зрѣніе, — говоритъ Кавелинъ, — и способность души получать и сохранять психическія впечатлѣнія указываютъ на свойство ея раздвоиться внутри себя, оставаясь единой и цѣльной. Какъ память сохраняетъ и удерживаетъ въ душѣ факты, которые представляются сознанію и самосознанію, такъ раздвоеніе души, остающейся, въ то же время, единой, даетъ намъ возможность ихъ видѣть и знать, что они находятся въ душѣ».

Условія психической жизни, въ отличіе отъ матеріальныхъ фактовъ, сводятся къ тремъ: идеальности, сознательности и произвольности. Такъ какъ первое и третье изъ этихъ условій поставлены въ зависимость отъ втораго, то, раскрывая основы втораго, мы въ состояніи открыть источникъ всѣхъ условій психическаго въ тѣсномъ смыслѣ. Такими основами сознанія или психическаго зрѣнія показаны память и способность психическаго раздвоенія. Какъ основы сознанія, сами они предшествуютъ послѣднему, т. е. безсознательны и непроизвольны, а, слѣдовательно, матеріальны. «Условія психической жизни, — говоритъ Кавелинъ, — имѣютъ одинъ общій источникъ съ матеріальнымъ міромъ (въ душѣ человѣка) и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ условіями физическаго существованія человѣка; но въ этомъ заключается причина той взаимной зависимости психическихъ и физическихъ состояній, которая все болѣе и болѣе выясняется наукою».

Но если основы условій всего психическаго матеріальны, имѣемъ ли мы право говорить о духовности самыхъ условій? Кавелинъ избѣгаетъ этого затрудненія тѣмъ, что считаетъ эти условія «первоначальными» и «прирожденными» свойствами души, точно также какъ и тѣ способности памяти и психическаго раздвоенія, на которыя они опираются. Это значить, что

хотя психическое обусловлено въ концѣ матеріальнымъ, однако, оно не есть модификація матеріи, а есть обнаруженіе новыхъ свойствъ, не матеріальныхъ, того же начала, откуда беретъ свое существованіе и матерія. И въ этомъ-то взглядѣ Кавелинъ находитъ средство примиренія матеріализма съ идеализмомъ.

Такимъ образомъ, исторія психическаго образованія человѣка есть въ послѣднемъ анализѣ исторія постепеннаго раскрытія природенныхъ способностей его души. Раскрытіе состоитъ, во-первыхъ, въ обнаруженіи ея духовныхъ свойствъ—идеальности, сознательности и произвольности, и, во-вторыхъ, въ одухотвореніи всей массы матеріальныхъ элементовъ ея существованія. То и другое совершается одновременно. Но теперь спрашивается: что же такое душа человѣка? Что это за существо, полуматеріальное, полудуховное?

Душа, по ученію Кавелина, не есть существо простое, а, напротивъ, въ высшей степени сложное; не есть субстанціально данное, а, напротивъ, образующееся изъ многочисленныхъ элементовъ; не есть какой-нибудь механической агрегатъ элементовъ, а есть органическое цѣлое, «организмъ» *sui generis*. «Что мы признаемъ,—говоритъ Кавелинъ,—за растеніями, животными и человѣкомъ въ матеріальномъ отношеніи, то же должны мы признать и за психическою жизнію, которая также представляетъ органическое цѣлое, самостоятельное и самодѣятельное, хотя и вырастаетъ на почвѣ физическаго міра и заимствуетъ изъ него свой первоначальный матеріалъ». Идея души какъ организма обезпечиваетъ ей извѣстную самостоятельность, несмотря на связь ея съ тѣломъ, потому что «каждый организмъ, растеніе или животное,—говоритъ Кавелинъ,—имѣетъ свою долю самобытности и самостоятельности». А почему мы должны признать душу организмомъ? Отвѣтомъ на это служить взаимное отношеніе между душою и тѣломъ, въ ихъ зрѣломъ состояніи. При этомъ «душа,—говоритъ Кавелинъ,—представляетъ нѣчто особое, различенное отъ матеріальнаго міра, хотя и обусловлена имъ и находится подъ его вліяніемъ; но дѣйствія и вліянія его она принимаетъ не пассивно, а перерабатываетъ, претворяетъ ихъ въ себѣ; она создастъ въ себѣ изъ этого матеріала нѣчто новое, вовсе не похожее на то, что ею принято, и обнаруживаетъ, выражаетъ это новое въ неизвѣстныхъ матеріальному міру явленіяхъ, которыя видоизмѣняютъ внѣшніе предметы и явленія и ихъ естественный, необходимый ходъ. Всѣ эти признаки соста-

влияютъ характеристическія особенности органической жизни; вотъ почему мы должны признать душу за организмъ, но, конечно, особаго рода, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ во внѣшней природѣ». Такимъ образомъ, приходится допустить въ человѣкѣ два организма, физическій и психическій. «Единство человѣческой природы, къ которому приводятъ нынѣ самыя разностороннія научныя изслѣдованія, — говоритъ Кавелинъ, — нисколько не будетъ нарушено, если мы, на основаніи такихъ же изслѣдованій, допустимъ, что въ человѣкѣ заключаются два организма, развившіеся изъ одного общаго корня и вслѣдствіе того тѣсно между собою соединенные и взаимно другъ на друга дѣйствующіе, но, въ то же время, различные, живущіе, кромѣ имъ обимъ общей, и своею особою жизнью, и производящіе каждый своеобразныя явленія. Въ свойствахъ этихъ организмовъ и ихъ взаимодѣйствіи заключается, какъ мы думаемъ, вся суть человѣческой природы и объясненіе всѣхъ ея разнообразныхъ проявленій».

Двойственность состава есть ли исключительная принадлежность человѣка? Иначе сказать: есть ли психическіе организмы помимо души человѣка? Кавелинъ отвѣчаетъ на это утвердительно. Психическій организмъ имѣетъ два вида: высшій и низшій. Низшій свойственъ всѣмъ животнымъ; высшій — одному человѣку. Различіе между тѣмъ и другимъ существенно. Психическій организмъ или душа животныхъ есть существо матеріальное. Только душа человѣка, по природѣ своей, есть духъ, или имѣетъ способности сдѣлаться духомъ. Души животныхъ не лишены ни сознанія, ни произвольности, съ общей точки зрѣнія. Но сознаніе ихъ исключительно занято внѣшнимъ, и инициатива ихъ чисто-матеріальная: сознанія внутренняго, сознанія въ строгомъ смыслѣ, какъ свойства духовнаго, они не имѣютъ, какъ не имѣютъ и свободы, или произвольности, связанной съ этимъ сознаніемъ. Съ точки зрѣнія высшихъ свойствъ души человѣка, психическая жизнь животныхъ безсознательна и произвольна. Душа животныхъ, — говоритъ Кавелинъ, — «обращена исключительно на внѣшній міръ, подчинена его дѣйствіямъ и влияніямъ и есть не болѣе, какъ аппаратъ или механизмъ, приданный для чисто-матеріальныхъ отправленій, имѣющей чисто-животное назначеніе; самая инициатива животныхъ, за отсутствіемъ самостоятельной психической жизни, есть чисто-матеріальная, обращена на внѣшніе предметы и явленія». Душа животныхъ погружена въ матерію и

своими корнями, и своею вершиной. Не то съ душою человѣка. Борни ея дѣйствительно въ матеріи. «Душа человѣка,—говоритъ Кавелинъ,—глубоко вросла своими корнями въ матеріальный міръ, вылетена въ него безчисленными нитями; почва ея и начальные ея мотивы вполнѣ физическаго свойства; чувство (ея), по природѣ своей, пропитано матеріальными элементами и оттого такъ сильно дѣйствуетъ на физическій организмъ; мало того, способность въ умственнымъ и нравственнымъ привычкамъ, въ которыхъ скрывается причина извѣстнаго склада ума, нравственныхъ наклонностей, нравственнаго характера, указываетъ на матеріальную основу души». Но если своими корнями душа человѣка также погружена въ матерію, за то вершина ея въ міръ духовномъ. «Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ Кавелинъ,—что отношеніями къ матеріальному міру дѣятельность души далеко не ограничивается; что за предѣлами міра, подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ, психическому зрѣнію открывается цѣлый міръ другаго порядка. Здѣсь душа точно также дѣйствуетъ на самую себя, какъ во внѣшнемъ мірѣ на матеріальную природу. Преобразуя внѣшнюю свою обстановку, человѣкъ передѣлываетъ и самого себя. Такимъ образомъ, въ душѣ (его) заключается источникъ ея самостоятельности и самодѣятельности; она даетъ человѣку точку опоры не только для борьбы съ окружающимъ, но и съ самимъ собой. Надъ видимымъ, матеріальнымъ міромъ въ душѣ человѣка создается другой, невидимый, идеальный міръ,—міръ представленій и мыслей, которому человѣкъ подчиняетъ свое личное, индивидуальное существованіе, по требованіямъ и законамъ котораго онъ воспитываетъ, перерабатываетъ, передѣлываетъ свою интимную психическую жизнь. Во взаимныхъ отношеніяхъ этого невидимаго міра и личныхъ, индивидуальныхъ наклонностей человѣка, въ ихъ столкновеніяхъ и борьбѣ, которая представляется намъ въ видѣ внутренней борьбы чувства съ разумомъ и его рѣшеніями, заключается весь смыслъ и высокій интересъ нравственной жизни человѣка».

Такова сущность метафизическихъ идей Кавелина. Не слѣдуетъ думать, что между психологическими теоріями Кавелина, здѣсь изложенными, и его взглядомъ на методъ этихъ работъ существуетъ рѣшительный контрастъ, насколько этотъ взглядъ высказанъ имъ въ *Задачахъ психологіи*. Напротивъ того, въ этомъ самомъ сочиненіи, въ которомъ такъ часто употребляются термины: «положительная наука», «положительныя изслѣдованія»,

есть указанія на методъ обработки психологiи совсѣмъ не положительный, а спекулятивный, метафизическій. На 3-й страницѣ *Задачъ психологiи* мы встрѣчаемъ слѣдующія замѣчанія по этому предмету: «Мы (т.-е. наше поколѣніе) систематически пренебрегаемъ умозрѣніемъ, питаемъ къ нему полное недоверіе. Умозрѣніе въ наши дни чуть не бранное слово. Чтобы лишить какой-нибудь выводъ всякаго довѣрія, возбудить противъ него всевозможныя предубѣжденія, стоитъ только назвать его умозрительнымъ, — и дѣло сдѣлано, цѣль достигнута». Самъ онъ здѣсь не противъ умозрѣнія. Умозрѣніе, по его словамъ, есть «одинъ изъ способовъ узнавать неизвѣстное, когда положительное изслѣдованіе фактовъ становится невозможнымъ, потому ли, что ихъ не достаетъ, или потому, что они недоступны для изслѣдованія». Очевидно, что «умозрѣніе» Кавелина выходитъ изъ предѣловъ положительной науки; его взглядъ на критерій умозрѣнія, изложенный въ слѣдующихъ строкахъ, не оставляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія. «Вся сила въ томъ, — говоритъ онъ, — соответствуетъ ли умозрѣніе фактамъ, или нѣтъ». Но одно соответствие умозрѣнія фактамъ, одна реальная мыслимость умозрительныхъ предположеній есть критерій метафизики, а не положительной науки. Очевидно, что въ послѣдней редакціи своихъ *Задачъ психологiи* Кавелинъ сохранилъ слѣды своего взгляда на методъ, принадлежащаго первому опыту этого сочиненія, написанному имъ до 1862 года.

Чтобы оцѣнить по достоинству метафизику души Б. Д. Кавелина, слѣдуетъ разсматривать ее въ связи съ обстоятельствами жизни русскаго мыслителя пятидесятихъ годовъ. Кавелинъ, очевидно, не удовлетворялся ни нѣмецкимъ идеализмомъ, господствовавшимъ въ кружкахъ нашихъ славянофиловъ и западниковъ того времени (оттѣнка Бѣлинскаго и Грановскаго), ни нѣмецкимъ матеріализмомъ школы Фейербаха, распространеннымъ тогда въ нашей образованной публикѣ, ни психологіею Бенеке, которая играла преобладающую роль въ нашей высшей школѣ тѣхъ же лѣтъ. Ему хотѣлось создать свою психологію изъ матеріала, представляемаго теоріями этихъ трехъ направленій, — психологію, которая бы примирила ихъ и внесла миръ въ умы русскаго общества. Исполняя эту задачу, Кавелинъ, по примѣру Бенеке, не боится признать душу за организмъ, вырастающій на матеріальной почвѣ, но отдѣляется отъ Бенеке во взглядѣ на сознательность и произвольность, понимая первую, подобно школѣ

Рида, какъ операцію, параллельную всѣмъ другимъ психическимъ операціямъ, и видя въ ней, подобно нѣмецкому идеализму, высшее, сравнительно съ матеріею, хотя и не полное, откровеніе единого начала; такъ какъ полное раскрытіе его дается только съ произвольностью, или свободою, сопровождающею сознание. Съ метафизической точки зрѣнія, психологическія комбинаціи К. Д. Кавелина обличаютъ въ немъ сильнаго и глубокаго мыслителя, и его *Задачи психологіи*, по ихъ метафизическому содержанію, останутся навсегда однимъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ нашей философской литературы пятидесятихъ годовъ. Само собою разумѣется, что въ метафизикѣ нельзя искать положительной науки, и метафизика души Кавелина, съ положительной точки зрѣнія, вопреки увѣренности въ ея истинѣ самого автора, неспособна поручиться не только за свою достовѣрность, но и за простую вѣроятность. Достаточно сказать, что нѣкоторыя изъ психологическихъ теорій Кавелина, дѣйствительно, не противорѣчатъ фактамъ, т. е. реально мыслимы, хотя, — можетъ быть, вслѣдствіе разновременныхъ передѣлокъ, — не представляютъ желательной логической стройности.

Таковъ, по нашему мнѣнію, былъ остовъ *Задачъ психологіи* въ редакціи пятидесятихъ годовъ. Между тѣмъ, съ шестидесятихъ годовъ нарождается въ Россіи новое направленіе философіи, такъ называемое *позитивное* или *положительное*, — не въ узкомъ смыслѣ философіи Конта или контизма, а въ широкомъ смыслѣ изслѣдованій, не признающихъ метафизику реальною наукою, ограничивающихъ область познаваемого предѣлами опыта и довѣряющихъ руководству однихъ пріемовъ индукціи, и дедукціи, опирающейся на предварительныя наведенія. Направленіе это выразилось въ охлажденіи ко всякой нѣмецкой метафизикѣ — идеализма и реализма; охлажденія этого не избѣгла даже реалистическая метафизика нѣмецкаго матеріализма. Наглядными симптомами новаго направленія явились многочисленные переводы, съ англійскаго и французскаго, сочиненій положительнаго направленія, между которыми нельзя не отмѣтить перевода на русскій языкъ *Системы логики* Джона Стюарта Милля, появившагося въ 1865 году. Какъ отнесся къ новому направленію Кавелинъ, это мы видимъ изъ его критики, появившейся въ 1868 году въ *Вѣстникѣ Европы*, на наше сочиненіе, изданное въ 1867 году, подъ заглавіемъ *Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историческое и критическое из-*

слюдованіе, съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи со временъ Бэкона и Локка. Сочиненіе это написано съ цѣлью доказать несостоятельность и безуспѣшность всякой метафизики души, претендующей на значеніе науки, будетъ ли она метафизикой идеализма, какъ въ школахъ Фихте старшаго, Шеллинга и Гегеля, или метафизикой реализма, какъ въ школахъ Канта, Фриза, Гербарта и Бенеке. При этомъ не были забыты и нѣмецкій матеріализмъ, и такъ называемый реалъ-идеализмъ. Доказательства несостоятельности и безуспѣшности метафизики души или психологическихъ построеній à priori почерпнуты были не только изъ разбора главныхъ системъ нѣмецкой психологіи въ текущемъ столѣтіи, но также изъ указаній на несомнѣнные успѣхи психологическаго анализа въ Англіи со временъ Локка и на зависимость этихъ успѣховъ отъ положительнаго метода изслѣдованій, представленнаго Бэкономъ въ его теоріи индукціи и обработаннаго его преемниками подъ именемъ индуктивно-дидуктивнаго, т. е. индукціи, и дедукціи, опирающейся на индукцію.

Въ разборѣ *Нѣмецкой психологіи въ текущемъ столѣтіи* Кавелинъ отнесся сочувственно къ положительному методу психологическихъ изслѣдованій. «Вопросъ о методѣ психологическихъ изслѣдованій, — говоритъ онъ, — есть все еще пока первый и главный. Именно на этотъ предметъ и обратилъ все вниманіе г. Троицкій въ своемъ недавно вышедшемъ изслѣдованіи о состояніи нѣмецкой психологіи въ новѣйшее время... Авторъ отнесся къ нему съ тою серьезностью и добросовѣстностью, которыхъ въ высокой степени требуетъ всякое научное изслѣдованіе, а тѣмъ болѣе по такой запутанной и трудной наукѣ, какъ психологія. Излагая при этомъ сравнительно приемы и изслѣдованія англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ, авторъ даетъ больше, чѣмъ общаетъ заглавіе, и нагляднымъ образомъ, на выведенныхъ результатахъ показываетъ, насколько англійская метода удачнѣе, лучше, выше нѣмецкой». Но Кавелинъ находитъ, что результаты работъ англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ оцѣнены авторомъ пристрастно. «Взглядъ автора, — продолжаетъ Кавелинъ, — вообще говоря, кажется намъ правильнымъ, и трудно не согласиться съ основною его мыслью. Мы находимъ, однако, что онъ не совсѣмъ безпристрастно относится къ англійскимъ и нѣмецкимъ психологамъ, преувеличиваетъ заслуги первыхъ и несправедливо отрицаетъ значеніе послѣднихъ». Въ чемъ заключается пристрастіе автора, объ этомъ Кавелинъ говоритъ не

совѣтъ ясно; однако, имѣя въ виду изложенную впереди его метафизику души, мы не можемъ ошибиться насчетъ его мыслей. «При несомнѣнныхъ преимуществахъ метода,—говоритъ онъ,—англичане смотрятъ на психологію чрезвычайно односторонне». Англійскіе психологи—«великіе мастера въ изслѣдованіи психическаго содержанія; но процессы души остаются у нихъ не выясненными». Иное мы находимъ у нѣмецкихъ философовъ. «Ихъ вниманіе сосредоточено именно на психологическихъ операціяхъ и процессахъ, которые разработаны ими превосходно, съ неподражаемымъ совершенствомъ... Въ разъясненіи *организма и управленій души* нѣмецкіе философы — величайшіе мастера и также точно опередили англичанъ, какъ послѣдніе превзошли нѣмцевъ въ анализѣ психическаго содержанія».

Съ точки зрѣнія современной логики это значитъ, что нѣмецкіе философы—мастера въ разработкѣ той психологіи, обращеніе которой представлено въ собственномъ опытѣ Кавелина пятидесятихъ годовъ, т. е. «метафизики души», тогда какъ англійскіе психологи—мастера въ разработкѣ «субъективнаго анализа духа», какъ положительной науки. Но не таковъ здѣсь взглядъ Кавелина на психологію, какъ положительное изученіе души. «Направленіе психологическихъ работъ у нѣмцевъ,—говоритъ онъ въ концѣ своей критики,—такъ же необходимо для созданія науки, какъ и направленіе, господствующее у англичанъ. Опуская изъ вида одну изъ сторонъ, представляемыхъ тѣми и другими, психологія никогда не выберется на торную дорогу, не сдѣлается положительной наукой». Изъ этого видно, что К. Д. Кавелинъ, въ концѣ шестидесятихъ годовъ, еще не ясно различалъ границы положительной науки о душѣ и метафизикѣ души. И это отнюдь не удивительно. Моделью собственной психологіи Кавелина была по преимуществу психологія Бенеке; между тѣмъ, Бенеке, бывшій самымъ горячимъ защитникомъ исключительно опытной, въ существѣ индуктивной, или положительной разработки ученія о душѣ, представилъ въ собственной системѣ психологіи одну изъ самыхъ смѣлыхъ и оригинальныхъ метафизикъ души.

Изъ этой критики К. Д. Кавелина на *Ньюмецкую психологію въ текущемъ столѣтіи* видно, что онъ еще въ концѣ шестидесятихъ годовъ достаточно цѣнилъ преимущества положительной науки о духѣ передъ метафизикою души, несмотря на то, что не различалъ съ точностью границы первой и послѣдней.

Обстоятельство это вполне объясняетъ, почему его реаль-иде-

алистическая метафизика души, составленная имъ до 1862 года, появилась въ 1872 году, — подъ заглавіемъ *Задачи психологіи*, — съ рѣшительною окраскою позитивизма.

Позитивныя черты *Задачъ психологіи* выступаютъ преимущественно въ слѣдующихъ бѣглыхъ заявленіяхъ ихъ автора. Кавелинъ утверждаетъ не разъ въ этой книгѣ, что психологія должна быть освобождена отъ метафизическихъ ученій, потому что мы не знаемъ вещей, какъ онѣ есть въ себѣ, и это относится къ міру внѣшнему или матеріи такъ же точно, какъ и къ міру психическому, или душѣ. «Бто думаетъ, — говоритъ Кавелинъ, — что мы изучаемъ и изслѣдуемъ реальный міръ, каковъ онъ самъ по себѣ, тотъ очень ошибается. Наше знаніе этого міра есть точное знаніе получаемыхъ отъ него впечатлѣній». Въ другомъ мѣстѣ: «Что такое матеріальный міръ, что такое матерія, мы не знаемъ, какъ не знаемъ, что такое психическій міръ и душа». Изученію нашему подлежатъ, такимъ образомъ, одни явленія, матеріальныя и психическія. Последнія, настаиваетъ Кавелинъ, доступны положительному изученію не менѣе первыхъ. Потому что психическіе факты, изучаемые наукою, не суть факты только личнаго существованія ученаго изслѣдователя духа, а факты психического существованія всѣхъ людей, обнаруживающіеся въ ихъ внѣшнихъ выраженіяхъ, дѣйствіяхъ и произведеніяхъ. «Благодаря такому обнаруженію психической жизни во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ, становится возможнымъ, наряду съ знаніемъ природы, и положительное знаніе духовной стороны человѣка» *).

*). Что такіа черты позитивизма принадлежать новой редакціи давняго опыта, это видно даже изъ самой неотдѣланности текста *Задачъ психологіи*. Въ книгѣ Кавелина есть мѣста, въ которыхъ новая редакція не согласована съ старою. Такъ, напр., идеализмъ и реализмъ, отъ начала до конца книги, обыкновенно называются современными направленіями философіи, что было, конечно, вѣрно относительно пятидесятихъ годовъ въ Россіи, но, въ глазахъ позитивиста, далеко невѣрно даже относительно шестидесятихъ годовъ. Въ немногихъ мѣстахъ своей книги Кавелинъ дѣлаетъ противоположныя характеристики тѣхъ же метафизическихъ направленій, но при этомъ иногда не уничтожаетъ старшихъ. Такъ, напр., на стр. 16 говорится: „на этомъ наблюденіи былъ построенъ современный идеализмъ“, а черезъ нѣсколько строкъ, ниже, встрѣчаются слѣдующія слова: „Оставимъ въ сторонѣ идеализмъ, который *теперь брошенъ и забытъ*“. Точно также вся книга Кавелина есть метафизика души какъ организма, т. е. пытается объяснить самое существо души. Между тѣмъ, предпринятая впервые раскрытіе такой метафизической идеи, онъ выражается такъ: „Постараемся путемъ осторожныхъ наблюденій опредѣлить *строение души*, насколько она выражается въ фактахъ, а также условія и законы психической жизни, оставляя совершенно въ сторонѣ завостный вопросъ о томъ, что такое душа и откуда она“.

Въ этомъ слѣдуетъ прибавить, что, сообщая своему метафизическому труду эти позитивныя черты, Кавелинъ не усматривалъ въ послѣднихъ никакого противорѣчія характеру перваго, потому что, при изданіи своей книги, оставался съ тѣмъ же неяснымъ представленіемъ о границахъ метафизики и положительной науки, какое мы встрѣтили въ его критикѣ *Нѣмецкой психологіи*. Гораздо болѣе, Кавелинъ считалъ свою метафизику души какъ организма не только совмѣстимою съ требованіями позитивизма, но и единственнымъ орудіемъ для освобожденія психологіи отъ метафизики и для сообщенія первой характера положительной науки. Заявляя, что задачею психологіи должно быть примиреніе требованій идеализма и реализма, онъ прибавляетъ: «Мы это и стараемся сдѣлать, выставляя гипотезу, что душа есть живой организмъ. Такая гипотеза, какъ мы думаемъ, разрѣшаетъ всѣ споры и недоумѣнія; только она одна въ состояніи придать явленіямъ психической жизни значеніе положительныхъ данныхъ, доступныхъ научному изслѣдованію». Настаивая на той же гипотезѣ, онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Только такимъ образомъ будутъ выдвинуты на первый планъ психическіе процессы и отправленія, остающіеся теперь въ тѣни, въ ущербъ знанію и пониманію психической жизни, и психологія мало-по-малу освободится отъ метафизики, которая теперь тормозитъ каждый ея шагъ».

Освободить психологію отъ метафизики посредствомъ введенія въ нее новой метафизики, — такая надежда была бы загадочною, если бы самъ Кавелинъ признавалъ въ это время свою психологію метафизикою. Но дѣло въ томъ, что онъ считалъ ее совершенно положительнымъ ученіемъ, подобно тому, какъ его предшественникъ и учитель Бенке считалъ свою метафизику души совершенно «опытною», «индуктивною» психологіею. Въ виду того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ психологами выдающагося таланта, мы считаемъ обязательнымъ указать на главный источникъ этого недоразумѣнія, открываемый нами въ психологіи Бенке. Послѣдній не считалъ своего ученія о душѣ какъ организмѣ метафизическимъ, на томъ основаніи, что онъ не допускаетъ въ свой организмъ ничего такого, что бы первоначально не было въ предѣлахъ внутренняго опыта, — слѣдовательно, на языкѣ логическомъ, ничего, что бы не было психическимъ явленіемъ, напр., ощущеніемъ, представленіемъ, стремленіемъ и т. д. Уча такимъ образомъ о психическомъ организмѣ, Бенке

надѣялся остаться въ кругѣ явленій. Что эти явленія понятны въ психологій Бенеке какъ реальныя сѣмена будущей психической субстанции, какъ элементы тканей, изъ которыхъ слагается ея организмъ,—что эта органическая субстанція, возрастая, приобретаетъ такую крѣпость связи всѣхъ своихъ частей, которая ручается за ихъ нераспаденіе, или за безсмертіе души,—всѣ эти и однородныя ученія, несомнѣнно метафизическаго характера, Бенеке, въ силу указанного начала, отнюдь не считалъ метафизикою. Можно думать, что Кавелинъ, державшійся, въ основѣ, метафизики души Бенеке и, подобно ему, заявлявшій себя свободнымъ отъ всякой метафизики, примирялъ это противорѣчіе своего психологическаго ученія тѣмъ же началомъ.

Психологическое ученіе К. Д. Кавелина, изложенное имъ въ *Задачахъ психологій*, подверглось въ свое время многосторонней оцѣнкѣ. Изъ всѣхъ критикъ, написанныхъ на его книгу, отвѣтъ Кавелина вызвали собственно только двѣ: И. М. Сѣченова и Ю. Ѳ. Самарина. И. М. Сѣченовъ изложилъ свои возраженія противъ сочиненія Кавелина въ двухъ статьяхъ, появившихся въ *Вѣстникѣ Европы* за 1872 и 1873 годы, подъ заглавіями: *Замѣчанія на книгу г. Кавелина «Задачи психологій»* и *Кому и какъ разрабатывать психологію*. Возраженія Самарина препровождены были къ Кавелину въ письмахъ и напечатаны, съ отвѣтами послѣдняго, въ томъ же журналѣ за 1875 г. Обѣ критики имѣли несомнѣнное и глубокое вліяніе на дальнѣйшее развитіе психологическихъ взглядовъ Кавелина.

Нашъ извѣстный фізіологъ И. М. Сѣченовъ выступилъ противъ самой основы психологическаго ученія Кавелина, т. е. его метафизики души и метафизическаго или гипотетическаго метода обработки психологій. Со свойственною ему пронизательностью, Сѣченовъ напалъ сразу на самыя существенныя пункты метафизическаго ученія Кавелина и, доказавши ихъ несостоятельность, опровергъ все его метафизическое зданіе. Метафизика души Кавелина, защищающая присутствіе двухъ началъ въ природѣ человѣка, держится на его разграниченіи между матеріальными и духовными элементами психическаго существованія человѣка. Признаками, отдѣляющими духовныя элементы отъ матеріальныхъ, онъ поставилъ: *идеальность*, *сознательность* и *произвольность*. Духовность этихъ психическихъ свойствъ онъ выводилъ изъ ихъ «первоначальности», или простоты, и «прирожденности». «Мы считаемъ,—говорилъ онъ,—эти свойства пер-

воначальными, потому что на нихъ останавливается анализъ; ихъ нельзя разлагать далѣе, и, слѣдовательно, нѣтъ основанія признавать ихъ за дѣйствія или выраженія другихъ свойствъ. Далѣе, мы считаемъ ихъ прирожденными». Вопросъ, такимъ образомъ, сводился къ тому: точно ли эти психическія свойства обладаютъ простотою, неприводностью, и не приобретаются въ теченіе психическаго развитія человѣка?—Вопросъ этотъ давно уже былъ поставленъ, въ англійской и нѣмецкой литературѣ, по поводу противоположныхъ ученій Рида и Банта, которымъ слѣдуетъ Кавелинъ, и давно былъ рѣшенъ отрицательно—въ Англии школою Гертля и школою Броуна, въ Германіи—школою Гербарта и самимъ Бенеке, съ которыми въ данномъ случаѣ расходится Кавелинъ, въ угоду идеализму. Поэтому Сѣченову, знакомому съ психологіею Гербарта, не трудно было доказать то же самое относительно Кавелина, что Гербартъ доказалъ относительно Банта и его послѣдователя, Фриза. То, что Кавелинъ называетъ внутреннимъ или психическимъ зрѣніемъ и сознаниемъ, а другіе называютъ внутреннимъ сознаниемъ, самосознаниемъ и внутреннимъ чувствомъ, сводится, по замѣчанію Сѣченова, главнымъ образомъ, къ «способности человѣка анализировать свои мысли и поступки»; по эта способность ничѣмъ не отличается отъ способности къ анализу вещей внѣшнихъ, т.-е. ихъ различенію, сравненію, отождествленію и т. д.; а, между тѣмъ, самъ Кавелинъ согласенъ, что послѣдніе процессы не нуждаются въ услугахъ внутренняго зрѣнія, чтобы быть дѣйствительными. А изъ этого слѣдуетъ, что такъ называемое Кавелинымъ внутреннее зрѣніе не есть фактъ простой и ни откуда не выводимый, а есть фактъ въ высшей степени сложный и производный изъ болѣе простыхъ актовъ сравненія, различенія, отождествленія и т. д. И такъ, простаго внутренняго зрѣнія или самосознанія не существуетъ. Далѣе, то, что Кавелинъ называетъ произвольностью или самопроизвольностью, въ смыслѣ неполной зависимости отъ мотивовъ, или зависимости отчасти отъ мотивовъ, отчасти отъ контролирующаго мотива внутренняго зрѣнія или самосознанія, теряетъ всякій характеръ неприводности, какъ скоро само внутреннее зрѣніе оказалось не простымъ, а сложнымъ. То же самое замѣчаніе прилагается и къ идеальности, которую Кавелинъ ставитъ въ зависимость отъ внѣшнихъ ощущеній и представленій, съ одной стороны, и отъ сознанія или внутренняго зрѣнія—съ другой. Такова сущность возраженій

Съченова противъ ученія Кавелина объ идеальности, сознательности и произвольности, какъ простыхъ и производныхъ свойствахъ духа. Такъ какъ Кавелинъ поставилъ эти свойства границами, отдѣляющими духовное отъ матеріальнаго въ составѣ психическихъ фактовъ, то Съченовъ, опровергнувши ученіе Кавелина о границахъ, совершенно послѣдовательно заключилъ, что все его ученіе о душѣ какъ о началѣ самостоятельномъ относительно тѣла человѣка, опиравшееся на этоиъ разграниченіи, теряетъ всякую почву. Съченовъ задаетъ затѣмъ вопросъ: отчего зависитъ вся эта хрупкость психологическаго зданія Кавелина, и отвѣчаетъ, что виною тому его умозрительный методъ, которымъ работаютъ въ метафизикѣ и отъ котораго онъ не отрѣшился, какъ «философъ стараго закала». «Въ дѣлѣ всякаго изученія,—говоритъ Съченовъ,—важно, собственно, употребленіе такихъ приемовъ изслѣдованія, которые давали бы возможность не только анализировать явленіе, но и провѣрять полученный результатъ». А этого-то именно и не достаетъ методу Кавелина. Кавелинъ думаетъ пролить большой свѣтъ на психическія явленія, принимая душу за организмъ, т.-е. претендуя на пониманіе самаго существа души, которое имъ же признается непостижимымъ. Для ученаго, объявляющаго себя за положительный методъ, нѣтъ другаго выхода изъ противорѣчія съ самимъ собою, какъ отказъ отъ всякаго употребленія,—въ дѣлѣ объясненія психическихъ фактовъ,—гипотезы души какъ субстанціи отличной отъ тѣла. «Оставьте,—говоритъ Съченовъ,—душу въ практической жизни, какъ благороднѣйшую часть человѣка, принимайте ее и въ наукѣ за общее начало, подобно тому, какъ натуралисты смотрятъ на матерію; пусть она даже будетъ путеводной звѣздой въ психологическихъ изысканіяхъ; но какъ же возможно объяснять что бы то ни было необъяснимымъ!»

Критическія замѣчанія Съченова по поводу метафизическихъ теорій и метафизическаго метода Кавелина въ его *Задачахъ психологіи* отличаются солидностью, не допускающею серьезныхъ возраженій. Но въ передачѣ идей Кавелина онъ не всегда точенъ. Это дало возможность послѣднему указать Съченову его многочисленные недосмотры—въ обратной критикѣ, появившейся въ *Вѣстникѣ Европы* въ 1874 году, подъ заглавіемъ *Письма въ редакцію по поводу «Замѣчаній» и вопросовъ проф. Съченова*. Въ своихъ указаніяхъ Кавелинъ обнаружилъ замѣчательный та-

лантъ діалектива; но нападенія Сѣченова на главные пункты его метафизики души остались не отраженными. Мало того, защищая свои положенія и свой методъ, Кавелинъ обнаружилъ, до какой степени еще въ этомъ, 1874 году, онъ былъ далекъ отъ сознанія строгихъ требованій положительнаго метода. Умозрительный характеръ своего метода онъ оправдываетъ, отождествляя умозрѣніе съ самонаблюденіемъ. «Профессоръ Сѣченовъ, — говорилъ Кавелинъ, — совершенно справедливо напоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, что сравнивать между собою можно только однородныя величины. Стало быть, психическія впечатлѣнія можно сравнивать только съ психическими, реальныя только съ реальными. А если это такъ, то спрашивается, что, кромѣ умозрѣнія, остается намъ при изслѣдованіи фактовъ, недоступныхъ внѣшнимъ чувствамъ? Такіе факты, по природѣ своей, не могутъ быть проанализированы и провѣрены иначе, какъ при помощи однородныхъ съ ними явленій, слѣдовательно, только умозрительно». Что свой умозрительный методъ Кавелинъ могъ защищать какъ положительный, это объясняется тѣмъ, что въ періодъ своего спора съ Сѣченовымъ онъ подъ индукціею разумѣлъ аналогію, а подъ дедукціею — гипотезу, подъ строгою же повѣркую — повѣрку однѣхъ аналогій и гипотезъ другими аналогіями и гипотезами. «Положительное знаніе, — говорилъ Кавелинъ, — пользуется всѣми орудіями, всѣми методами, выработанными философіей, но не подчиняясь имъ, а, напротивъ, низводя ихъ до степени покорныхъ и послушныхъ средствъ, употребляемыхъ ею въ дѣло, смотря по надобности. Положительное изслѣдованіе прибѣгаетъ и къ гипотезѣ и къ аналогіи, къ индукціи и къ дедукціи, но не забывая ни на одну минуту, что онѣ только служатъ для освѣщенія фактовъ съ той стороны, съ какой они еще не были разсмотрѣны, что имъ только дается новый матеріалъ и новая точка зрѣнія для сравнительнаго изученія фактовъ. Положительное знаніе относится равно критически и къ результатамъ, оказавшимся вслѣдствіе аналогическаго или индуктивнаго изслѣдованія, и къ выводамъ, слѣдующимъ изъ освѣщенія фактовъ гипотезой или дедукціей, хотя бы и очень правдоподобными. Она снова и не разъ провѣритъ эти результаты и выводы другими аналогіями, гипотезами, индуктивно и дедуктивно» и т. д.

До сихъ поръ мы показали только первую часть спора Сѣченова съ Кавелинымъ, въ которой перевѣсъ остался на сторонѣ Сѣченова. Но Сѣченовъ не остановился на одной критикѣ психо-

логіи Кавелина, а, въ виду отчасти неудачи послѣдней, предпринялъ рѣшить вопросъ: «кому и какъ разрабатывать психологію?» Въ рѣшеніи этого вопроса онъ оказался, однако, далеко не такъ счастливъ, какъ въ своихъ нападеніяхъ на Кавелина. Съченовъ возымѣлъ мысль доказать, что психологію должны разрабатывать физиологи. Сущность его аргументаціи сводится къ слѣдующему: субъективный анализъ духа не можетъ быть положительною наукой; изученіе духа историческое и сравнительное можетъ быть только вспомогательнымъ, а отнюдь не главнымъ орудіемъ анализа психическихъ фактовъ; а такъ какъ затѣмъ не остается никакого другаго объективнаго анализа психическихъ явленій, кромѣ физиологическаго, то поѣтому физиологическій анализъ духа и долженъ быть признанъ фундаментомъ всей науки о духѣ. Этотъ выводъ, для Съченова, дается и тѣмъ, что между психическимъ и матеріальнымъ нельзя проводить границъ, какъ это дѣлалъ Кавелинъ; иначе сказать, что психическое есть продолженіе того же соматическаго, составляющаго неотъемлемый предметъ физиолога.

Во всей этой аргументаціи Съченова первое мѣсто принадлежитъ, конечно, его отрицательному отношенію къ субъективному анализу духа, то-есть къ психологіи въ наиболѣе принятомъ значеніи этого слова,—къ психологіи, какъ части предмета кафедръ философіи. Субъективный анализъ опирается на самонаблюденіе или голосъ внутренняго сознанія; но Съченовъ доказываетъ, что голосъ сознанія не можетъ считаться ручательствомъ истины, потому что этому-то голосу мы и обязаны такими показаніями, какъ предполагаемая непроезжимость «внутренняго зрѣнія», нѣкоторая независимость дѣйствій человѣка отъ мотивовъ, оставляющая мѣсто «самопроизвольности» и т. д.

Вся эта аргументація опровергается Кавелинымъ съ замѣчательною тонкостью и основательностью, начиная съ основнаго пункта, то-есть мнѣнія Съченова относительно голоса сознанія. «Сознаніе,—говоритъ Кавелинъ,—есть первое и послѣднее условіе всякой науки, положительной и неположительной. Безъ сознанія ея нѣтъ и быть не можетъ. Волей-неволей, мы вынуждены принять его за послѣдній критерій научной истины. Сознаніе есть почва, на которой происходитъ все умственное движеніе человѣка; отнимите его—и оно дѣлается невысказаннымъ. Поѣтому ратовать противъ сознанія, предостерегать противъ внушеній его голоса есть одна изъ величайшихъ и удивительнѣй-

шихъ странностей. Можно предостерегать противъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній, противъ выводовъ, недостаточно проверенныхъ, противъ увлеченій любимыми мыслями,—все это понятно. Но сказать: не довѣрай голосу сознанія! Я бы хотѣлъ знать, какимъ образомъ проф. Сѣменовъ открылъ въ головномъ мозгу аппараты, задерживающіе рефлексъ, и открылъ аналогію между механизмомъ рефлексовъ и психическихъ отправленій, помимо голоса сознанія?» Обращаясь къ другому важному пункту аргументаціи Сѣменова, считающаго психическіе факты продолженіемъ соматическихъ, Кавелинъ замѣчаетъ, что Сѣменовъ, думающій такимъ образомъ, подвергается тому же самому упреку, который опъ обращалъ къ нему, Кавелину. «Я утверждаю, — говорилъ Кавелинъ, — что, стоя на почвѣ положительнаго изслѣдованія, не сдѣлавшись философомъ и, притомъ, философомъ стараго закала, нельзя приступить къ научной разработкѣ психическихъ явленій, не подлежащихъ непосредственно внѣшнимъ чувствамъ, съ предвзятой мыслью, будто всѣ эти факты и явленія суть лишь послѣдствія, дальнѣйшее развитіе, болѣе сложная комбинація явленій, доступныхъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ». Доказавши Сѣменову отсутствіе позитивности въ такой мысли, Кавелинъ считалъ себя въ правѣ обратиться къ нему съ тѣмъ самымъ совѣтомъ, съ какимъ онъ обращался къ Кавелину: «Удержите — говорилъ Кавелинъ, — это предположеніе; пусть оно даже будетъ путеводною звѣздой въ вашихъ психологическихъ изысканіяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно откроетъ вамъ и наукѣ новый обширнѣйшій кругозоръ, поведетъ къ массѣ глубокихъ и знаменательныхъ открытій, во многихъ случаяхъ, очень вѣроятно, даже вполне оправдается; но какъ же возможно принимать впередъ недоказанное за доказанное и на этомъ строить что-нибудь!»

Эта полемика показала достаточно ясно, что отъ метафизики не застрахованы и физиологи; что, стоя твердо на точкѣ зрѣнія положительной науки, нельзя сливать психологію съ физиологіею, и что основою положительнаго изученія духа долженъ быть, во всякомъ случаѣ, субъективный анализъ духа, какъ бы онъ ни былъ недостаточенъ въ извѣстное время.

Перейдемъ къ возраженіямъ Ю. О. Самарина. Послѣдній нападалъ на позитивизмъ Кавелина, усматривая въ немъ закрытый матеріализмъ. Ходъ мыслей Самарина слѣдующій. Кавелинъ, связывая въ психической жизни матеріальное съ духовнымъ и за-

ставляя послѣднее опираться на первое, лишаетъ психическую реальность всякаго существованія, независимаго отъ матеріи, слѣдовательно, отрицаетъ существованіе духовнаго міра, помимо души человѣка и существъ низшихъ его, равно какъ и безсмертіе души самого человѣка. Нѣкоторыя выраженія Кавелина свидѣлствуютъ о его склонности къ матеріализму. Таковы: «почва души вполнѣ физическаго свойства, основа души матеріальна, душа составляетъ органическую часть матеріальнаго міра, его *продолженіе и высшую ступень*». Съ этимъ согласуется и ученіе Кавелина о произвольности, — которую онъ считаетъ самымъ полнымъ признакомъ духовности, — потому что, въ дѣйствительности, онъ не допускаетъ ея. Если, при всемъ этомъ, Кавелинъ является противникомъ матеріализма, то это, съ его стороны, «счастливая непослѣдовательность». «Матеріалистическая закваска, — говоритъ Самаринъ Кавелину, — чувствуется въ усвоенной вами методѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ самомъ содержаніи вашей книги», потому что «позитивизмъ, какъ бы онъ ни открепивался отъ матеріализма, носить его въ себѣ à l'état latent».

Отвѣчая на возраженія Самарина, Б. Д. Кавелинъ замѣчаетъ, что Самаринъ ложно смотритъ на положительный методъ, и въ этомъ заключается причина невѣрной оцѣнки отношенія его психологическаго ученія къ вѣрованію въ существованіе духовнаго міра. «Ю. Ф. Самаринъ думаетъ, что положительная наука, которую онъ считаетъ тождественной съ позитивизмомъ (Конта), по существу своему, относится отрицательно къ дѣйствительному, реальному, самостоятельному существованію всего того, что не имѣетъ матеріальнаго бытія и не подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ». Правда, — замѣчаетъ Кавелинъ, — что «у насъ большинство поборниковъ положительнаго знанія», дѣйствительно, проникнуто этимъ убѣжденіемъ; но справедливъ ли такой взглядъ? Кавелинъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. «Наука, — говоритъ онъ, — всегда непремѣнно положительна, признаетъ только то, что при повѣркѣ оказывается вѣрнымъ, отрицаетъ только то, что при повѣркѣ оказывается ошибочнымъ... Все, что не поддается критикѣ, повѣркѣ, доказательному изложенію, то остается внѣ положительной науки. Значитъ ли это, что она непремѣнно отрицаетъ то, чего не признаетъ? Нѣтъ, она этимъ только выражаетъ, что не признаваемое ею не имѣетъ признаковъ истины, обязательной для всѣхъ. За предѣлами науки начинается міръ личныхъ субъективныхъ воззрѣній, чаяній, предположеній... Они играютъ огромную

роль въ нашей жизни и дѣятельности, опредѣляютъ нашъ умственный и нравственный строй... Они, можетъ быть, истинны, а, можетъ быть, и заблужденія; но ни доказать, ни опровергнуть ихъ мы не можемъ». Объяснивши истинный характеръ положительной науки вообще, Кавелинъ переходитъ къ оцѣнкѣ положительной обработки психологіи. «Наука, — говоритъ онъ, — выдѣляетъ подъ названіемъ психическихъ особую многочисленную группу явленій, имѣющихъ свои характеристическія особенности и не подходящихъ подъ категорію другихъ явленій. Существуютъ ли психическія явленія внѣ реального міра, этого она не можетъ ни доказывать, ни отвергать, потому что знаетъ только тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть подмѣнены въ дѣйствительномъ мірѣ». «Я спрашиваю: какое основаніе имѣла бы наука утверждать, что есть особое психическое начало, отрѣшенное отъ реального міра, имѣющее дѣйствительное существованіе внѣ его, — смотрѣть на психическія явленія, какъ на обнаруженія этого особаго начала въ реальномъ мірѣ?» Не утверждая того, что ей неизвѣстно, положительная наука не переходитъ, однако, въ отрицаніе такого начала. «Наука, — говоритъ Кавелинъ, — такъ же мало отрицаетъ психическую, какъ и матеріальную реальность, но не принимаетъ въ свой кругъ ни той, ни другой, потому что не имѣетъ никакихъ средствъ провѣрить и доказать дѣйствительное отдѣльное бытіе той или другой реальности». Поэтому быть противникомъ матеріализма, — утверждаетъ Кавелинъ, — отнюдь не есть, съ его стороны, «счастливая непослѣдовательность», какъ полагаетъ Самаринъ, а, напротивъ, вытекаетъ изъ самаго существа правильно понятаго позитивизма.

Что касается утвержденій, что «основа души матеріальна», — «душа есть продолженіе и высшая ступень матеріальнаго міра», — однимъ словомъ, относительно матеріальныхъ элементовъ, допущенныхъ Кавелинымъ въ составъ психическихъ фактовъ, то, въ концѣ спора съ Самаринымъ, онъ заявилъ откровенно, что эта гипотеза «невольна вылилась у него изъ-подъ пера», вслѣдствіе его стремленія къ примиренію идеализма съ матеріализмомъ, и что онъ не настаиваетъ на ея научномъ достоинствѣ.

По вопросу о свободѣ воли Кавелинъ развиваетъ тотъ же взглядъ, что самопроизвольность состоитъ въ зависимости дѣйствій не отъ однихъ мотивовъ, но и отъ самого человѣка, способнаго распоряжаться мотивами, по собственной власти то подавляя, то вызывая ихъ. Власть самого человѣка связана съ

его сознаниѣмъ или самосознаниѣмъ. «Но что такое,—спрашиваетъ Самаринъ,—самъ человѣкъ?» Если это не есть психическая субстанція, *Mensch an sich*, то это не болѣе, какъ пустое слово, и «самъ человѣкъ» не способенъ быть источникомъ свободной дѣятельности. Въ отвѣтъ на это Бавелинъ указываетъ на свою гипотезу души какъ организма. «Самъ человѣкъ»,—говоритъ Бавелинъ,—не есть пустая абстракція, а «есть въ дѣйствительности тотъ же самый живой и цѣльный человѣкъ, заключающій въ себѣ въ скрытомъ видѣ всѣ свои прирожденныя и нажитыя наклонности и предрасположенія, которыя опредѣляютъ его нравственную индивидуальность».

Таковъ отвѣтъ Бавелина Самарину. Въ полемикѣ съ Самаринымъ Бавелинъ обнаружилъ гораздо болѣе положительнаго такта, чѣмъ въ спорѣ съ Сѣченовымъ. Онъ, правда, не отказывается ни отъ одного пункта своей метафизики души, но придаетъ научное значеніе только своему ученію о сознаниі и произвольности. Все остальное онъ самъ считаетъ за гипотезы, изъ которыхъ на однихъ не настаиваетъ, а другихъ стѣсняется. Такъ, онъ не настаиваетъ на «матеріальной основѣ» души, что весьма существенно для всей его психологической системы, потому что ученіе о сознаниі и произвольности, какъ производныхъ свойствахъ души, явилось отвѣтомъ на вопросъ о границахъ между матеріальными и духовными элементами въ составѣ психическихъ фактовъ и теряло все свое значеніе съ закрытіемъ этого вопроса о границахъ или съ устраненіемъ матеріальнаго изъ психическаго. Еще важнѣе одно изъ его умолчаній. Самаринъ задалъ ему вопросъ насчетъ его мнѣнія о безсмертіи души. Съ своею гипотезою души какъ организма, растущаго и крѣпнущаго, Бавелинъ смотрѣлъ на этотъ предметъ, конечно, глазами оригинальнаго творца этой гипотезы, т.-е. Бенеке; а Бенеке думалъ, что смерть человѣка есть ничто иное, какъ полное выраженіе самостоятельности психическаго организма въ психофизическомъ составѣ человѣка, и означаетъ переходъ этого организма въ существованіе, независимое отъ тѣла. Между тѣмъ, Бавелинъ, много толкуя о своемъ отношеніи къ идеѣ самостоятельнаго бытія духовнаго міра, не коснулся этого частнаго вопроса, предложеннаго Самаринымъ. Въ виду легкости отвѣта на этотъ вопросъ, съ его точки зрѣнія на душу какъ организмъ, умолчаніе Бавелина можно объяснить только тѣмъ, что эта смѣлая метафизика души начинала стѣснять его. Въ этому слѣдуетъ при-

бавить еще, что, вдаваясь въ подробности положительнаго метода въ своемъ спорѣ съ Самаринимъ, Кавелинъ выражается такимъ образомъ, что не позволяетъ замѣтить никакихъ неточностей въ его взглядѣ на этотъ предметъ, за исключеніемъ одной слѣдующей: онъ еще не различаетъ гипотезъ метафизическихъ, недоступныхъ положительной повѣркѣ, отъ гипотезъ другаго порядка, допускающихъ такую повѣрку и признаваемыхъ научными. Поэтому, при всѣхъ своихъ положительныхъ сужденіяхъ о метафизикѣ идеализма, матеріализма и своей собственной, онъ выражается, что это «пока» чаянія, что для признанія ихъ истинности или ложности положительныя данныя «еще не найдены».

Такимъ образомъ, въ спорѣ своемъ съ Самаринимъ, Кавелинъ является не только убѣжденнымъ защитникомъ положительнаго метода, но и съ значительнымъ ослабленіемъ метафизическихъ тенденцій своихъ *Задачъ психологіи*. Обстоятельство это проливаетъ большой свѣтъ на его воззрѣнія этого времени, если припомнить, что научное достоинство своихъ метафизическихъ гипотезъ, въ *Задачахъ психологіи* онъ защищалъ съ такою горячностью, рѣзкостью и нетерпимостью, которыя не мало удивляли его критиковъ. Кавелинъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, въ это время почти освободился отъ метафизики: новымъ доказательствомъ тому служить появившаяся въ томъ же 1875 году его брошюра подъ заглавіемъ: *Апріорная философія или положительная наука*, написанная по поводу диссертациі нашего извѣстнаго писателя Вл. Соловьева, озаглавленной: *Кризисъ философіи. Противъ позитивизма*.

Г. Соловьевъ выступилъ въ своей диссертациі защитникомъ метафизики на манеръ Шопенгауера и Гартмана. Философія Шопенгауера есть одна изъ многочисленныхъ системъ нѣмецкаго реалъ-идеализма, поставившая своею задачею примиреніе идеализма и реализма, — апіоризма, или раціонализма, и эмпиризма. Изъ этихъ реалъ-идеалистическихъ системъ однѣ нашли сочувственный приѣмъ въ нѣмецкихъ университетахъ, — какъ системы Фихте младшаго, Лётце, Тренделенбурга и т. д., — другія въ нѣмецкой публикѣ. Въ послѣднимъ принадлежитъ особенно система Шопенгауера, сама по себѣ и въ той талантливой обработкѣ, какая была придана ей Гартманомъ и которая доставила ей популяриность и за границами Германіи. Г. Соловьевъ пораженъ примирительнымъ направленіемъ системы Шопенгауера и Гартмана и ставитъ ее поэтому выше всѣхъ предшествующихъ ей

системъ рационализма и эмпиризма, какъ одностороннихъ. «Философія... основанная Шопенгауеромъ и развитая далѣе Гартманомъ, — говоритъ г. Соловьевъ въ тезисахъ къ своей диссертациі, — въ существенномъ содержаніи своихъ принциповъ свободна отъ основной односторонности рационализма и эмпиризма». «Чистое (априорное) мышленіе и чистая эмпирія должны быть признаны одинаково невозможными (въ своей исключительности), и истинный философскій методъ долженъ быть опредѣленъ какъ конкретное мышленіе, состоящее въ выведеніи изъ эмпирическихъ данныхъ, что въ нихъ необходимо логически заключается», т.-е. субстанціального характера прирожденныхъ всеобщихъ логическихъ формъ и категорій (пространства, времени и причинности), какъ проявленій всеобщей метафизической сущности. «Въ области метафизики, — говоритъ г. Соловьевъ, — въ качествѣ абсолютнаго первоначала, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей, долженъ быть признанъ конкретный всеединный духъ». Защищая метафизику такого рода, г. Соловьевъ возстаетъ противъ позитивизма, чуждающагося всякой метафизики.

Какъ ни разнообразны реаль-идеалистическія системы, всѣ онѣ, по своей основной тенденціи примиряющаго характера, родственны между собою; и системы Шопенгауера и Гартмана, равно какъ и ихъ предполагаемая дальнѣйшая обработка у г. Соловьева, отнюдь не чужды той реаль-идеалистической метафизикѣ, которая сохранилась въ *Задачахъ психологии* Кавелина. Поэтому, то или другое отношеніе послѣдняго къ метафизикѣ, защищаемой г. Соловьевымъ, можетъ пролить свѣтъ на отношеніе, въ какомъ Кавелинъ стоялъ въ это время къ своей собственной метафизикѣ. Спрашивается: какъ отозвался Кавелинъ на метафизику г. Соловьева?

«Безусловная истина, — писалъ Кавелинъ въ указанной выше брошюрѣ, — не есть удѣлъ разума. Мы должны удовлетвориться однимъ положительнымъ знаніемъ, т.-е. изслѣдованіемъ законовъ явленій, доступныхъ наблюденію и опыту, совершенно отказавшись отъ метафизическаго знанія. Такой выводъ не есть актъ смиренія, не выражаетъ собою утомленія или отчаянія, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Къ нему приводитъ ясное, отчетливое пониманіе процесса мышленія и его задачи посреди другихъ психическихъ отправленій. Если я не стану отыскивать квадратуры круга или придумывать механизмъ съ непрерывающимся движеніемъ, то, конечно, никто не увидитъ въ

этомъ актѣ смиренія или утомленія и унынія; всякій знаетъ, что эти задачи не разрѣшимы, а лица, знакомыя съ математикой и механикой, могутъ и доказать, почему эти задачи не разрѣшимы... Въ числу такихъ (неразрѣшимыхъ) задачъ относится стремленіе открыть и понять метафизическую сущность, единое начало всего сущаго, возвыситься надъ положительнымъ знаніемъ. Изъ его круга мы не можемъ выйти; все наше знаніе есть неизбѣжно положительное. Воображая, что мы вырвались изъ предѣловъ положительнаго въ сферу метафизическихъ фактовъ, мы только себя обманываемъ; въ дѣйствительности мы только переносимся отъ впечатлѣній внѣшняго міра въ сферу явленій психическихъ, столько же положительныхъ и столько же доступныхъ одному положительному изученію и знанію, какъ и всѣ остальные». Безусловная истина вовсе не есть задача человѣческаго мышленія. «Мышленіе, — говоритъ Кавелинъ, — есть средство для достиженія нравственныхъ и вещественныхъ цѣлей; не оно, а достиженіе этихъ цѣлей, есть первое и главное; мышленіе есть только необходимая къ тому подготовка. Въ школѣ теоретическаго знанія мы приготавливаемся къ творческой дѣятельности» — во внѣшнемъ мірѣ и надъ самими собой. Въ виду изложенныхъ соображеній, Кавелинъ находитъ, что г. Соловьевъ «крайне строгъ и несправедливъ къ позитивизму». «Позитивизмъ, — говоритъ Кавелинъ, — какъ показываетъ самое названіе его, обозначаетъ собою тотъ моментъ умственнаго движенія, когда умозрительная философія уступаетъ мѣсто положительному знанію. Моментъ этотъ неизбѣжно долженъ былъ, рано или поздно, наступить всюду въ Европѣ. Вся западно-европейская философія (т. е. метафизика) есть не иное что, какъ не понимающая себя психологія. Поэтому, неизбѣжнымъ исходомъ всего философскаго движенія Западной Европы былъ переходъ философіи въ психологію, какъ положительную науку. Переходъ этотъ возвѣщенъ великими мыслителями задолго до нашего времени — въ Англіи Локкомъ, въ Германіи Кантомъ, во Франціи А. Контъ... Провозгласивъ необходимость замѣнить метафизику положительнымъ знаніемъ, Контъ высказалъ великую истину, къ осуществленію которой мы приближаемся съ выходомъ каждаго новаго серьезнаго психологическаго изслѣдованія. Но Контъ былъ математикъ и естествовѣдъ. Онъ натолкнулся на новую мысль съ предпосылкой, взятой изъ естественныхъ наукъ, что каждое явленіе вполне, совершенно опредѣляется одной его матеріальной стороной, и перенесъ эту предпосылку въ выработку цѣлаго зданія

новой науки, даже тѣхъ ея частей, къ которымъ такая предпосылка непримѣнима. Эту слабую сторону его доктрины старались, по возможности, ослабить и устранить талантливѣйшіе изъ его послѣдователей. Мнѣ кажется, — говорить въ заключеніе Бавелинъ, — что въ этомъ направленіи сдѣлано еще далеко не все. Но «за этими необходимыми оговорками я признаю постановку задачи знанія у А. Конта совершенно правильной».

Изъ приведенныхъ нами критическихъ замѣчаній Бавелина можно видѣть, что въ своей оцѣнкѣ сочиненія г. Соловьева онъ высказывается еще тверже, чѣмъ въ своемъ спорѣ съ Самаринымъ. Тамъ, какъ мы замѣтили, онъ говоритъ о метафизическихъ гипотезахъ, своихъ и чужихъ, какъ о «чаяніяхъ», для оправданія которыхъ пока не найдено данныхъ. Здѣсь всякое предположеніе выйти изъ области положительнаго знанія въ міръ метафизическихъ сущностей и метафизическаго знанія онъ считаетъ просто самообманомъ. Все это, вмѣстѣ съ фактами, изложенными раньше, достаточно подготовило насъ къ содержанію его послѣдняго, предсмертнаго, философскаго труда подъ заглавіемъ *Задачи этики*, появившагося въ началѣ текущаго года.

Ю. О. Самаринъ, въ первомъ письмѣ къ Бавелину по поводу его *Задачъ психологіи*, заявилъ, что онъ «пораженъ» внутреннимъ противорѣчіемъ этой книги. Это глубокое противорѣчіе лежало между ея содержаніемъ метафизическаго характера въ духѣ нѣмецкаго реалъ-идеализма и требованіями признаваемого Бавелинымъ положительнаго метода обработки психологіи. Но Самаринъ, не сходявшій съ метафизической точки зрѣнія, находилъ это противорѣчіе въ другомъ мѣстѣ, а именно въ несогласованности метафизическаго ученія Бавелина. Самарину казалось, что Бавелинъ не можетъ двоиться между матеріализмомъ и идеализмомъ или спиритуализмомъ, и если не сдѣлается совсѣмъ матеріалистомъ, то перейдетъ на сторону чистаго спиритуализма. «Вы стойте, — писалъ Самаринъ Бавелину, — на острѣіи ножа и должны непремѣнно склониться на ту или другую сторону, т. е. окончательно устроить себѣ матеріалистическое воззрѣніе, или взять назадъ многія изъ сдѣланныхъ вами ему уступокъ». Самаринъ, повторяемъ, не придавалъ значенія указанному нами, болѣе широкому противорѣчію психологическаго ученія Бавелина, и потому оказался плохимъ пророкомъ. Дѣйствительно, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, въ *Задачахъ этики*, Бавелинъ вышелъ изъ того разлада съ самимъ собою, въ которомъ онъ оказался въ своихъ *Задачахъ психологіи*, но вышелъ не такъ, какъ

предсказывалъ Самаринъ: не становясь на сторону матеріализма или спиритуализма, а согласивши содержаніе своего психологическаго ученія съ требованіями положительнаго метода, т.-е. отказавшись вовсе отъ метафизическаго ученія своихъ *Задачъ психологіи*. Этотъ конецъ философскаго развитія К. Д. Кавелина, котораго слѣдовало ожидать послѣ всего изложеннаго нами впереди, любопытенъ тѣмъ болѣе, что свое, кореннымъ образомъ исправленное, психологическое ученіе онъ излагаетъ въ *Задачахъ этики*, сохраняя всѣ любимыя термины и выраженія *Задачъ психологіи*.

Что въ психологическомъ очеркѣ, составляющемъ вторую главу его *Задачъ этики*, нѣтъ болѣе рѣчи о «матеріальныхъ элементахъ» въ составѣ психологическихъ фактовъ и о «матеріальной основѣ» души, это неудивительно, послѣ того какъ въ спорѣ съ Самаринымъ онъ заявилъ, что не настаиваетъ болѣе на этомъ пунктѣ своей психологической доктрины. Неудивительно и то, что въ *Задачахъ этики* мучительный вопросъ о границахъ матеріальнаго въ психическихъ фактахъ не имѣетъ мѣста: это неизбежное послѣдствіе предъидущей уступки. Но, въ спорѣ съ Самаринымъ, свое метафизическое ученіе о сознаніи и произвольности Кавелинъ удерживалъ во всей силѣ. Припомнимъ еще разъ, въ чемъ его сущность. Кавелинъ считаетъ эти свойства «не разложимыми», не выводимыми изъ «другихъ свойствъ», и поэтому «прирожденными», въ смыслѣ ихъ неприобрѣтаемости. Онъ возстаетъ противъ мысли Сѣченова, чтобы сознаніе внутреннее или самосознаніе было послѣдствіемъ предшествующаго психическаго развитія. Еще въ спорѣ съ Самаринымъ онъ заявилъ, что «способность раздвоенія и самонаблюденія мы должны принять какъ фактъ, совсѣмъ не зная его причины». Но что мы находимъ въ *Задачахъ этики*? Способность сознанія,—говоритъ онъ здѣсь,—«замѣшана не въ одной умственной дѣятельности человѣка, а во всѣхъ его психическихъ отправленіяхъ, и проникаетъ всю его психическую жизнь. Присутствіе этого фактора во всемъ, что думаетъ, ощущаетъ и творитъ человѣкъ, и даетъ основательный поводъ предполагать, что такая способность есть въ немъ врожденная, т.-е. унаслѣдованная». Последняя прибавка измѣняетъ весь смыслъ прежняго идеалистическаго ученія о сознаніи, потому что дѣлаетъ его для цѣлаго ряда человѣческаго «приобрѣтаемымъ», т.-е. производнымъ и сложнымъ. И въ этомъ не допускаетъ никакого сомнѣнія дальнѣйшее замѣчаніе Кавелина о томъ же предметѣ, въ тѣхъ же *Задачахъ эти-*

ки: «Сознание, — говорит онъ, — является лишь дальнѣйшимъ, послѣднимъ осложненіемъ психической жизни, свойственнымъ чело-вѣку, и въ томъ развитомъ видѣ, въ какомъ онъ ею обладаетъ, не встрѣчается ни въ какомъ другомъ изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ организмовъ».

Перейдемъ къ произвольности. Произвольность или самопроизвольность въ *Задачахъ психологии* есть также свойство простое, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ сознаниемъ, и заключается въ неполной зависимости отъ мотивовъ или въ нѣкоторой власти «самого чело-вѣка» распоряжаться мотивами. Утверждение Сѣченова, — говорилъ онъ въ спорѣ съ послѣднимъ, — «что отрицаніе одного мотива есть непременно признаніе другаго, совершенно произвольно... Если кто не слушается одного мотива, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что онъ непременно слушается другаго». Кавелинъ не хотѣлъ допустить, чтобы психическія явленія управлялись, какъ и остальные, закономъ причинности, который онъ считалъ закономъ только вѣдшей, объективной природы. Въ спорѣ съ Самаринимъ онъ еще болѣе настаивалъ на этомъ взглядѣ. Здѣсь онъ сознавался въ томъ недосмотрѣ, что «обратилъ вниманіе исключительно на одну чистую, непримѣсную форму самопроизвольности, именно на ту, гдѣ воля дѣйствуетъ при отсутствіи всякихъ побужденій», и повторялъ то же мнѣніе о законѣ причинности. Какъ же взглянулъ онъ на этотъ предметъ въ *Задачахъ этики*? «Что касается столкновенія и борьбы мотивовъ, — говоритъ онъ здѣсь, — то это фактъ безспорный, общедоступный, едва ли кѣмъ не извѣданный по собственному опыту. Борьба эта рѣшается по законамъ механики: который мотивъ сильнѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ надъ другими, и формулируется въ цѣль и задачу, которая разрѣшается дѣйствіемъ или поступкомъ. Въ такомъ преобладаніи болѣе сильныхъ мотивовъ надъ слабыми есть нѣчто роковое, необходимое. Моралисты не могутъ примириться съ такимъ неизбѣжнымъ исходомъ столкновенія мотивовъ и указываютъ на разныя средства, которыя будто бы имѣютъ силу и власть отвратить его. Тщетныя усилія! Противъ него нѣтъ ни заклинаній, ни чаръ. Единственное средство отклонить нежелаемыя фатальныя послѣдствія борьбы мотивовъ, — это измѣнить взаимныя отношенія самыхъ мотивовъ, усилить одни, ослабить другіе, — словомъ, измѣнить условія ихъ борьбы. Такимъ образомъ, въ мірѣ психической дѣятельности мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ тѣмъ же закономъ (причинности), съ которымъ давно свыклись

и освоились въ практической, внѣшней, объективной дѣятельности». Изъ этихъ словъ видно, что Кавелинъ не только не возстаетъ противъ подчиненія психической дѣятельности закону причинности, но пошелъ даже нѣсколько въ другую крайность, внося въ свои описанія этой дѣятельности термины: роковой и фатальный. Эти термины, очевидно, не приложимы къ послѣдствіямъ, которыя самъ Кавелинъ признаетъ отклонимыми при указанномъ имъ средствѣ.

Послѣдняя метафизическая идея, которую Кавелинъ удерживалъ еще въ своемъ спорѣ съ Самаринимъ, есть идея души какъ организма. Гипотеза эта въ *Задачахъ психологіи* представлялась имъ «разрѣшающею всѣ споры и недоумѣнія» въ вопросахъ психологіи; въ борьбѣ психическаго организма съ физическимъ въ составѣ чловѣка онъ видѣлъ «весь смыслъ и высокій интересъ нравственной жизни чловѣка». Какъ же онъ отнесся къ этой метафизической идеѣ въ своемъ сочиненіи по предмету нравственности, въ *Задачахъ этики*? «Въ восходящемъ рядѣ организмовъ, — говоритъ онъ здѣсь, — мы замѣчаемъ постепенное усиленіе самочувствія. Ставъ въ чловѣкѣ предметомъ сознанія, оно выражается словомъ *я*, обозначающимъ сознаніе собственнаго органическаго единства. Заключается ли затѣмъ органическое единство всѣхъ нашихъ психическихъ отправленій въ единой живой душѣ, или она есть равнодѣйствующая всѣхъ психическихъ отправленій, — это вопросъ, который для нашей цѣли не представляетъ никакого интереса и не имѣетъ для нея никакого значенія».

Такимъ образомъ, въ *Задачахъ этики* Кавелинъ не обошелъ ни одного изъ основныхъ пунктовъ своей прежней метафизики души, а, очевидно, съ намѣреніемъ поставилъ ихъ на видъ и далъ имъ такую обработку, въ которой не осталось и слѣда ихъ метафизическаго смысла. Правда, психологія его утратила черезъ это много оригинальности; правда и то, что положительное ученіе его о психическихъ явленіяхъ не отличается ни ясностью, ни новизною и далеко не отвѣчаетъ современнымъ успѣхамъ психологіи; но онъ достигъ того, къ чему стремился неутомимо всю свою жизнь, — къ единству, цѣльности своихъ философскихъ взглядовъ на почвѣ строгой научности. Вотъ почему *Зидичи этики* удовлетворяли его болѣе всѣхъ его предъидущихъ произведеній: въ нихъ послѣднее слово его долговременнаго философскаго труда надъ величайшимъ изъ всѣхъ на-

учныхъ вопросовъ,—надъ вопросомъ о методѣ науки,—заключительный шагъ его постепенной переработки себя изъ метафизика сороковыхъ годовъ въ современнаго положительнаго мыслителя.

Слѣдя за исторіею философскаго развитія Бавелина по его работамъ, мы выносимъ много назидательнаго для нашего Общества. Положительный методъ разработки науки о духѣ,—это послѣднее слово всего философскаго труда его надъ вопросами о духѣ,—выступаетъ въ изложенныхъ нами его произведеніяхъ какъ первый долгъ современнаго психолога и психологическаго общества. Споръ его съ Сѣченовымъ и Самаринимъ достаточно, притомъ, выяснилъ, что положительная наука не противъ метафизическихъ гипотезъ, какъ руководства въ личной, молчаливой постановкѣ вопросовъ о духѣ; она только противъ признанія ихъ научно-разрѣшимыми, и поэтому противъ введенія ихъ въ число предметовъ, подлежащихъ ея обработкѣ. Тотъ же споръ довольно ясно обозначилъ роли историческаго, сравнительнаго и физиологическаго анализа духа и особенно отчетливо фундаментальное значеніе его субъективнаго анализа.

Оканчивая нашъ очеркъ философскихъ работъ К. Д. Бавелина, мы не можемъ не замѣтить, для вѣрной характеристики его таланта, что онъ занимался философскими работами съ любовью, но между дѣломъ. Въ этомъ дѣлѣ, которое не чуждо великому акту освобожденія крестьянъ и тѣсно связано съ его специальными работами по русской исторіи и русскому праву, онъ оставилъ по себѣ достойный памятникъ. Тѣмъ болѣе мы должны цѣнить его талантъ какъ глубокаго мыслителя. Философскія работы его, между многими своими достоинствами, имѣютъ еще то рѣдкое значеніе, что по нимъ можно прослѣдить основныя фазы философскаго движенія въ Россіи съ сороковыхъ годовъ до послѣдняго времени. Работы его будутъ всегда свидѣтельствомъ его высоко-талантливой природы, неустанно дѣятельной въ усовершенствованіи своихъ взглядовъ, внимательной ко всѣмъ новымъ явленіямъ русской жизни и мысли и отзывчивой на все лучшее въ нихъ. Благородная личность, никогда не терявшая вѣры въ нравственные идеалы и еще наканунѣ смерти заявившая ихъ въ послѣднемъ трудѣ, касающемся этики, К. Д. Бавелинъ займетъ почетное мѣсто въ ряду нашихъ замѣчательнѣйшихъ представителей поколѣнія сороковыхъ годовъ и въ ряду лучшихъ историческихъ людей русскаго народа.

М. Троицкій.

Изъ записокъ агента лондонской сыскной полиціи.

Мундирная полиція (Uniform police). — Случай ночнаго воровства со взломомъ (A case of Burglary). — Сыскная полиція (Detective Police). — Пробное дѣло. — Мое производство въ синчики. — Ложное банкротство. — Фабрикація русской мѣдной монеты.

Никто не можетъ быть принятъ въ составъ англійской сыскной полиціи, не прослуживъ предварительно извѣстнаго времени въ составѣ обыкновенной, мундирной полиціи; только прослужившіе въ этой послѣдней допускаются къ «всеобщей службѣ» — Plain Clothes Duty, т.-е. къ исполненію обязанностей сыщика.

Столичная полиція имѣетъ райономъ своей дѣятельности только городъ Лондонъ и его окрестности.

Полицейскій округъ столицы раздѣляется на 19 частей, изъ которыхъ каждая, сообразно величинѣ своей и мѣстнымъ особенностямъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько участковъ, впрочемъ, никогда не болѣе четырехъ. Части эти на полицейскомъ языкѣ обозначаются буквами, какъ, напр., часть *A*, часть *B* и т. д. Каждая часть управляется особымъ суперинтендантомъ, отвѣтственнымъ передъ Scotland Yard'омъ или центральнымъ отдѣленіемъ. Отвѣтственность эта распространяется на всѣ отношенія суперинтендента къ младшимъ, подвѣдомственнымъ ему чиновникамъ, какъ-то: инспекторамъ, сержантамъ и констеблямъ. Число младшихъ чиновъ этихъ въ округѣ каждой части находится опять въ непосредственной зависимости отъ величины части и ея особенностей. Главная обязанность инспектора во время мѣстной службы (Station Duty) заключается въ приемѣ жалобъ, заявленій и обвиненій, приносимыхъ частными лицами или констеблями, въ первоначальномъ разслѣдованіи заявленныхъ фактовъ и принятіи мѣръ по своему усмотрѣнію. «Патрульная служба» суперинтендента (Patrol Duty) заключается въ надзорѣ и наблюденіи за сержантами, которые, въ свою очередь, наблюдаютъ и надзираютъ

за констеблями; каждому изъ послѣднихъ назначенъ особенный постъ, за тишину и порядокъ въ окрестностяхъ котораго онъ и является отвѣтственнымъ.

Каждый участокъ имѣетъ свою полицейскую станцію, къ которой принадлежатъ казармы для безсемейныхъ констеблей или сержантовъ, а также известное количество карцеровъ (Cells), для помѣщенія всѣхъ арестованныхъ въ ночное время. Собственно «станція» состоитъ изъ «запасной камеры» (Reserv Room), заключающей въ себѣ скамьи, столы, конторку, а также и желѣзную рѣшетку, за которою помѣщается арестованный, если по обстоятельствамъ дѣла онъ послѣ снятія допроса долженъ быть препровожденъ въ карцеръ. Въ этой же камерѣ известное количество «резервныхъ констеблей», всегда присутствующихъ на случай надобности. Въ непосредственной смежности съ запасной камерой находится контора инспектора, заключающая въ себѣ бюро, книги и одинъ или два телеграфныхъ аппарата, черезъ посредство которыхъ наводятся всѣ справки въ случаяхъ воровства, пропажи вещей или загадочнаго исчезновенія взрослыхъ лицъ или дѣтей. Аппараты эти устроены такимъ образомъ, что запросъ по нимъ можетъ быть посланъ непосредственно въ любой изъ участковъ столицы или на всѣ станціи одновременно; напр., часть А къ части В. Томасъ Блэгъ, обвиняемый въ карманничество (Picking Pockets), завѣряетъ, что живетъ 15, North-Street; или часть G части А: найденъ мертвый человекъ, лѣтъ 45, одѣтый (описание), при немъ конвертъ съ надписью «Джемсу Говарду», 15, Парламентъ-Стритъ; или часть А на всѣ станціи: найденъ ребенокъ, лѣтъ четырехъ, одѣтый (описание), называетъ себя «Томи»; или часть А на всѣ станціи: потерялся ребенокъ, четырехъ лѣтъ, именемъ Томи, одѣтый (описание). Такимъ образомъ, родителямъ, случайно потерявшимъ своего ребенка, стоитъ только сдѣлать заявленіе на ближайшей полицейской станціи и констебли всѣхъ станцій и всѣхъ околотковъ столицы моментально становятся обязанными задерживать и допрашивать всѣхъ дѣтей, одиноко бредущихъ по улицѣ, и даже обращаться съ спросомъ ко всѣмъ взрослымъ лицамъ, сопровождаемымъ ребенкомъ, подходящимъ къ сдѣланному описанію. Въ случаѣ сомнительныхъ и недостаточныхъ отвѣтовъ, они подвергаются таковыхъ лицъ временному аресту.

Помѣщеніе, предназначенное для холостыхъ констеблей и сержантовъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ дортуаровъ. Затѣмъ слѣ-

дуютъ уборная и кладовая, библіотека, состоящая изъ общеобразовательныхъ сочиненій и романовъ, столовая, бильярдная, въ которой, однако, строго воспрещается всякая игра на деньги (gambling), и ванная. Библиотека дважды въ недѣлю обращается въ школьное помѣщеніе, гдѣ всѣ констебли, находящіеся уже на службѣ, но не подвергшіеся еще установленному экзамену, получаютъ дополнительные уроки чтенія, письма, ариметики и составленія рапортовъ.

Весь персоналъ столичной полици, за исключеніемъ полици специальной, состоитъ изъ 13,000 человекъ.

Всякій кандидатъ долженъ быть не старше 32 лѣтъ, роста не меньше 5 футовъ и 7 дюймовъ, долженъ умѣть читать, писать и знать четыре правила ариметики. Онъ долженъ представить два удостовѣренія отъ духовныхъ лицъ, чиновниковъ (Magistrates) или другихъ отвѣтственныхъ лицъ, которыя ручаются въ его добропорядочности и лично знали его въ теченіе пяти лѣтъ, непосредственно предшествующихъ его кандидатурѣ. Онъ долженъ быть свободенъ отъ всякаго тѣлеснаго недостатка и имѣть здоровое тѣлосложеніе. Послѣ успѣшнаго исхода испытанія кандидатъ препровождается въ учебное отдѣленіе (Drill ground), гдѣ и пребываетъ въ теченіе, по меньшей мѣрѣ, двухъ недѣль, но гдѣ можетъ пробить и дольше, до тѣхъ поръ, пока завѣдующій инспекторъ не сочтетъ его достаточно подготовленнымъ. Получивъ надлежащую подготовку, онъ приводится къ присягѣ и направляется въ цейхгаузъ, гдѣ получаетъ платье, жезлъ, трещетку для ночной службы и потайной фонарь. Получивъ обмундировку, онъ зачисляется въ часть и съ этого времени извѣстенъ для старшихъ офицеровъ какъ номеръ, т.-е. называется № 323 или № 17 и т. п. Съ этого момента онъ назначается на постъ, на первое время въ товарищи къ старому констеблю, который обучаетъ его всѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ обязанностямъ. «Денная служба» продолжается 8 часовъ и распредѣляется такимъ образомъ, что половина всего полицейскаго персонала отправляетъ ее съ 6 часовъ вплоть до 10 часовъ утра, затѣмъ пользуется четырьмя часами отдыха и снова вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ 2 часа дня и дежуритъ вплоть до вечера, когда снова получаетъ свободу вплоть до 6 часовъ слѣдующаго утра. Другая половина персонала дежуритъ отъ 10 до 2 и отъ 6 до 10 часовъ вечера. «Ночная служба» начинается съ 10 часовъ вечера и продолжается 8 часовъ, т.-е. вплоть до 6 часовъ

утра. Денная и ночная служба чередуются для каждаго констебля поимѣнно, такъ что каждый изъ нихъ отбываетъ мѣсяцъ денной службы и мѣсяцъ ночной и т. д. Во время ночной службы констебль отправляетъ тѣ же обязанности, что и во время денной, но съ 12 часовъ 30 минутъ; кромѣ того, онъ осматриваетъ и испытываетъ двери и окна домовъ, выходящихъ на улицу, отмѣчаетъ особыми, извѣстными только полиціи, знаками всѣ дозволяющія доступъ злоумышленникамъ мѣста, какъ-то: низкія стѣны, заборы, калитки и т. п., допрашиваетъ всякаго прохожаго, движенія котораго почему-либо покажутся ему подозрительными, и заарестовываетъ его въ случаѣ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ.

Вступая въ полицейскую службу, констебль получаетъ 24 шиллинга въ недѣлю, но черезъ 3 года окладъ его повышается до 27 шиллинговъ, а еще черезъ 3 года онъ получаетъ уже полный констебльскій окладъ, т.-е. 32 шиллинга въ недѣлю. Отъ облада сержантовъ въ 35 шиллинговъ еженедѣльныхъ вплоть до облада главнаго инспектора, равняющагося 5 фунтамъ 10 шиллингамъ въ недѣлю, вознагражденіе служащихъ пропорціонально повышается съ каждымъ чиномъ. Окладъ суперинтендентовъ, завѣдующихъ частями, начинается съ 450 фунтовъ и ежегодно повышается на 10 фунтовъ, пока не достигнетъ 500 фунтовъ въ годъ. Каждый полицейскій служащій получаетъ право на пожизненный пенсіонъ на слѣдующихъ условіяхъ: $\frac{1}{3}$ оклада получается за 15 лѣтъ службы, $\frac{2}{3}$ за 24 и полный пенсіонъ за 30 лѣтъ службы. Такимъ образомъ, инспекторъ, начавшій свою службу съ должностей констебля и сержанта и прослужившій 15 лѣтъ со дня вступленія въ качествѣ кандидата, получаетъ пенсіона $\frac{1}{3}$ инспекторскаго жалованья. По истеченіи 15 и 24 лѣтъ, каждый полицейскій служащій, какаго бы то ни было класса, подвергается медицинскому освидѣтельствуванію и долженъ оставлять службу, въ случаѣ если состояніе его здоровья признается неудовлетворительнымъ.

Существуетъ также и вдовій фондъ, основывающійся на еженедѣльныхъ взносахъ полиціи, а также и сиротскій фондъ, на средства котораго мальчики и дѣвочки воспитываются до достиженія ими 16-ти лѣтняго возраста.

Однажды утромъ, когда авторъ отслуживалъ еще установленный закономъ срокъ въ мундирной полиціи, подготовляясь къ

посвященію въ обязанности сыщика (to Plain Clothes Duty), онъ увидалъ въ 2 часа пополудни на нѣкоторомъ разстояніи отъ себя двухъ мужчинъ, движенія которыхъ казались нѣсколько подозрительными; спрятавшись, насколько могъ лучше, онъ началъ наблюдать за ними. Подмѣтивъ, что они какъ бы стараются укрыться и что одежда ихъ какъ-то странно вздулась, онъ предположилъ, что они совершили гдѣ-нибудь кражу и заняты доставкою на мѣсто своей добычи. Обогнувъ переулокъ, авторъ встрѣтился съ ними лицомъ къ лицу. Подозрѣваемые тотчасъ обратились въ бѣгство, но ему удалось схватить одного изъ нихъ, а тревога, поднятая трещеткой, доставила и другаго бѣглеца въ руки подоспѣвшаго констебля. Мошенники, разумѣется, не дали заарестовать себя безъ сопротивленія и автору записокъ пришлось употребить въ дѣло свою дубину, которою и нанесъ онъ въ берцовую кость ноги сопротивляющагося здоровый ударъ, повалившій его на землю и сдѣлавшій его неподвижнымъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. При помощи сбѣжавшихся констеблей оба мошенника были доставлены на ближайшую полицейскую станцію и подвергнуты обыску, причемъ добыча ихъ оказалась состоящей изъ серебряной посуды и золотыхъ вещей, стоимостью на нѣсколько сотенъ фунтовъ стерлинговъ. Такъ какъ въ то время не было еще извѣстно, гдѣ совершена была покража (арестованные никогда не допрашиваются), задержанные обвинены были въ незаконномъ владѣніи (unlawfull possession) и препровождены въ карцеръ. Въ 7 часовъ утра отъ представителей одного деканства поступило заявленіе о совершенной покражѣ, а самъ деканъ удостовѣрилъ тождественность найденнаго съ похищеннымъ, вслѣдствіе чего возникло уже обвиненіе въ кражѣ со взломомъ. Входъ въ помѣщеніе совершенъ былъ черезъ разбитое стекло въ одной изъ боковыхъ комнатъ дома, причемъ употреблено было обыкновенно имѣющееся въ ходу средство для устраненія звона бьющагося стекла. Средство это заключается въ слѣдующемъ: каждый мошенникъ, отправляющійся на ночныя приключенія, беретъ съ собою въ достаточномъ количествѣ полоски бумаги, намазанныя варенымъ льнянымъ масломъ (нѣчто вродѣ птичьяго клея). Эти полоски тщательно накладываются на подлежащее разбитію стекло, которое затѣмъ и выдавливается безъ всякаго шума, такъ какъ всѣ осколки остаются навлѣенными на бумагѣ. При осмотрѣ на мѣстѣ найдены были всѣ признаки совершенной кражи со взломомъ,

между прочимъ, и деревянный клинъ, вставленный въ щель двери. Такого рода клинья употребляются мошенниками для того, чтобы гарантировать возможность бѣгства въ случаѣ внезапнаго переполоха. Они бываютъ различныхъ сортовъ и величинъ и представляютъ такое сильное сопротивленіе для открытія двери съ противоположной стороны, что на глазахъ самого автора одна, такимъ образомъ закрѣпленная дверь подалась только по прошествіи двадцати минутъ самаго упорнаго труда. Первымъ долгомъ вошедшаго въ домъ мошенника всегда является такое закрѣпленіе дверей, дающее ему возможность убраться самому и удобнѣе захватить похищенные предметы. Если дверь отворяется съ противоположной стороны, то клинья замѣняются желѣзными пластинками съ особаго устройства винтами, необыкновенно легко входящими въ дерево. Опытный мошенникъ въ какихъ-нибудь пять минутъ можетъ прикрѣпить цѣлую дюжину такихъ пластинокъ.

По обыкновенію, въ 10 часовъ утра арестованные были препровождены къ участковому судѣ, которымъ была формально подтверждена принадлежность похищенныхъ вещей деканству и которому также представлены были и найденные на подсудимыхъ при обыскѣ инструменты. Инструменты эти состояли изъ потайнаго фонаря, связки фальшивыхъ ключей, алмазовъ для рѣзанія стекла, тонкаго ножа, отвертки, фитилей, молотка и куска гутаперчи.

Удостоверивъ самый фактъ преступленія, совершеннаго задержанными лицами, судья, какъ обыкновенно дѣлается это, отправилъ ихъ на недѣлю въ тюрьму, для того чтобы могли видѣть ихъ тюремные сторожа и чины полиціи во время обязательныхъ для нихъ посѣщеній тюрьмы.

Каждая часть столичной полиціи посылаетъ два раза въ недѣлю известное количество служащихъ въ тюремный замокъ, гдѣ совершается построеніе кругомъ всѣхъ арестантовъ на тюремномъ дворѣ, причемъ полицейскіе чиновники и сторожа, находясь въ центрѣ, тщательно всматриваются въ cadaго изъ проходящихъ мимо ихъ арестантовъ, составляя отмѣтку о каждомъ, который окажется известнымъ по какому-либо преступному дѣянію или процессу. Въ теченіе всего этого маневра полицейскимъ строго воспрещено обмѣниваться какими бы то ни было замѣчаніями. По окончаніи этой церемоніи, всѣ полицейскіе собираются въ большее помѣщеніе и поочередно другъ за другомъ сообщаютъ всѣ

сдѣланныя ими замѣчанія, каковыя тщательно записываются старшимъ офицеромъ и затѣмъ передаются въ правленіе уголовнослѣдственнаго департамента (Convict office of the Criminal Investigation Department), который составляетъ характеристику и свѣдѣніе о судимости обвиняемаго, которыми впослѣдствіи и руководствуется судья для примѣненія той или другой степени наказанія.

По отбытіи недѣльнаго заключенія, оба помянутые выше арестанта были снова представлены къ судѣ, который и опредѣлилъ имъ явиться черезъ двѣ недѣли на разбирательство въ центральный уголовный судъ—Old Bailey.

Приговоръ произнесенъ былъ, по обыкновенію, присяжными засѣдателями и подсудимые признаны виновными. На судѣ, по удостовѣреніи личностей подсудимыхъ, обнаружилось, что они принадлежали къ числу самыхъ извѣстныхъ воровъ и уже неоднократно отбывали разныя наказанія отъ 6 мѣсяцевъ тяжкихъ работъ (Hard Labour) до 7 лѣтъ заключенія (Penal Servitude).

Судъ приговорилъ ихъ къ четырнадцати годамъ заключенія (Penal Servitude), а автора этихъ записокъ представилъ къ полученію денежной награды.

Каждая городская часть имѣетъ свой специальный штатъ сыщиковъ, состоящій изъ сыщиковъ-констеблей, сержантовъ-сыщиковъ и сыскаго инспектора, сообщающаго обо всемъ въ центральное правленіе. Центральное правленіе имѣетъ свой собственный штатъ, состоящій изъ людей, отличающихся умомъ и способностями, выбранныхъ изъ числа 13,000 человекъ, составляющихъ персоналъ столичной полиціи. Число служащихъ въ этомъ правленіи колеблется между 21 и 30.

Мѣстные или частные сыщики могутъ носить какою имъ угодно костюмъ и не имѣютъ опредѣленныхъ служебныхъ часовъ, но обязаны, отъ времени до времени, посѣщать мѣсто своего служенія и снабжены дневникомъ, въ который заносятъ всѣ детали своей дѣятельности и который они должны представлять разъ въ недѣлю инспектору части и ежемѣсячно въ главное правленіе. Въ этотъ же дневникъ заносятъ они всѣ издержки, произведенныя ими ради преслѣдованія какого-либо преступленія. Счетъ издержекъ этихъ въ отдѣльности представляется еженедѣльно къ уплатѣ; подвергается не менѣе какъ четыремъ просмотрамъ, свѣряется съ дневникомъ и уплачивается въ случаѣ, если всѣ издержки сочтены будутъ правильными. Если частный сыщикъ не

имѣть подъ рукою слѣдственнаго дѣла, онъ долженъ ходить по улицамъ, посѣщать мѣста, особенно излюбленныя мошенниками, и т. п. При исполненіи такихъ «патрульныхъ обязанностей» онъ долженъ работать 8 часовъ въ сутки. Жалованье сыщика повышается сообразно съ чиномъ отъ 35 шиллинговъ до 2 фунтовъ 10 шиллинговъ въ недѣлю; инспекторъ получаетъ 4 фунта 10 шилл. въ недѣлю. Инспекторъ всегда имѣетъ въ рукахъ нѣкоторую сумму денегъ для снабженія своихъ подчиненныхъ въ случаѣ, если этого требуютъ дѣла преслѣдованія. Каждый сыщикъ долженъ всегда представлять точные и вѣрные рапорты о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, каковыя рапорты принимаются въ расчетъ при окончаніи дѣла.

Центральное отдѣленіе (Great Scotland Yard) состоитъ изъ главнаго суперинтендента, главныхъ инспекторовъ и инспекторовъ. Эти послѣдніе точно также обязаны вести дневникъ, представлять счета издержкамъ и т. п., но они свободнѣе могутъ располагать своими дѣйствіями, такъ какъ употребляются для разслѣдованія болѣе серьезныхъ и сложныхъ дѣлъ и часто ради этихъ цѣлей должны разъѣзжать по Европѣ и по колоніямъ; во время этихъ поѣздокъ они освобождаются отъ непосредственнаго контроля, но должны, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ возможности, рапортовать о ходѣ своей дѣятельности. Они снабжаются большими суммами денегъ, но должны ходатайствовать объ этомъ и представлять доказательства необходимости тратъ. Жалованье ихъ колеблется между тремя и шестью фунтами въ недѣлю. Главный суперинтендентъ считается принципомъ всего правленія, поручающимъ дѣла подвѣдомственнымъ ему чиновникамъ, сообразно съ ихъ способностями. Человѣкъ, выказавшій особенныя способности къ раскрытію одного какаго-либо извѣстнаго рода преступленій, можетъ оказаться непригоднымъ для разслѣдованія преступленій совершенно другаго характера. Соображаясь съ этимъ, всякій служащій центрального правленія имѣетъ свою особенную спеціальность.

При этомъ я долженъ сказать, что полицейская сила Англіи употребляется только въ разслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ вмѣшиваться въ дѣла политическія.

Я уже отбылъ пробное время службы въ мундирной полиціи, когда однажды, явившись на службу, былъ приглашенъ «мѣстнымъ инспекторомъ» въ его контору, гдѣ уже и засталъ жи-

дающимъ одного изъ своихъ товарищей. Инспекторъ сообщилъ намъ, что къ нему поступило заявленіе объ азартной игрѣ, совершающейся въ одномъ «публичномъ заведеніи,» гдѣ «писави и пройдохи» (Bookmakers et Sharpers) ежедневно обьигрываютъ разнаго рода прислугу, какъ-то: лакеевъ, поваровъ, грумовъ, гучеровъ и т. п., и что на насъ возлагается обязанность проникнуть, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, въ означенное заведеніе, чтобы сообща подобрать достаточное количество фактовъ, доказывающихъ достовѣрность заявленія, и тѣмъ дать полную возможность и право своимъ вторженіемъ положить конецъ преступнымъ дѣяніямъ. Въ то же самое время, инспекторъ предувѣдомилъ, что настоящее дѣло будетъ для насъ своего рода испытаніемъ и что, въ случаѣ успѣха, мы будемъ допущены къ регулярной сыскной работѣ путемъ нашего повышенія. Инспекторъ не далъ намъ никакихъ инструкцій относительно предстоящей намъ работы, такъ что относительно выбора средствъ и путей мы были предоставлены исключительно только собственному своему соображенію. Мы оставили вмѣстѣ камеру инспектора и условились, что товарищъ мой будетъ въ теченіе трехъ дней посѣщать, время отъ времени, названное намъ заведеніе подъ предлогомъ желанія выпить пива или принять другаго напитка и, буде возможно, вступить въ разговоры съ обычными посѣтителями и съ хозяиномъ заведенія, а что я появлюсь въ «заведеніе» только послѣ этого времени и сдѣлаю видъ, какъ будто до тѣхъ поръ вовсе не зналъ его. Въ назначенный день я вошелъ въ «заведеніе» ровно получасомъ позже моего товарища и засталъ его разговаривавшимъ съ хозяиномъ о политикѣ. Я сдѣлалъ видъ, что не знаю его, и спросилъ себѣ кружку пива, взялъ газету и какъ будто бы углубился въ чтеніе. Допивъ кружку, я подошелъ къ стойкѣ, чтобы получить ее снова наполненной, когда товарищъ мой обратился ко мнѣ и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Прошу прощенія, сэръ, — началъ онъ, — не вы ли мистеръ Смитъ изъ Бристоля?

— Мое имя дѣйствительно Смитъ и я дѣйствительно жилъ въ прежнее время въ Бристолѣ; ваше лицо кажется мнѣ также знакомымъ, но я не могу вспомнить вашего имени.

— Мое имя Томкинсъ. Не припомните ли вы хорошаго времечка, которое проводили мы съ вами, когда вы разъѣзжали по дѣламъ Джаксона, а я находился на службѣ у Робинсона?

— О, конечно. Теперь я припоминаю всё подробности. Какъ могъ бы я позабыть васъ! Прошло лѣтъ пять съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, и кто бы могъ подумать, что мнѣ придется снова встрѣтить васъ здѣсь! Выпьемъ вмѣстѣ по кружкѣ.

Все это было сказано достаточно громко для того, чтобы дошло до ушей хозяина заведенія. Мы вышли вмѣстѣ на улицу и черезъ часъ вернулись снова, чтобы выпить по одной или по двѣ кружки пива, и въ присутствіи хозяина я сговорился съ товарищемъ относительно свиданія здѣсь же на завтрашній день, прибавивъ при этомъ, что живу въ Лондонѣ всего только нѣскольکو дней, и потому вѣрнѣе и легче найду дорогу сюда, чѣмъ въ какое-нибудь новое для меня мѣсто. Товарищъ мой имѣлъ послѣ того длинный разговоръ съ хозяиномъ заведенія и сказалъ ему, что весьма сожалѣеть обо мнѣ, такъ какъ я только что потерялъ мѣсто вслѣдствіе банкротства фирмы, въ которой служилъ, и теперь весьма озабоченъ присканіемъ себѣ новыхъ занятій.

На слѣдующій день я явился раньше своего товарища. Онъ весьма запоздалъ приходомъ, что, разумѣется, было предварительно условлено нами. Я проявилъ признаки нетерпѣнія, спросилъ хозяина, не приходилъ ли онъ раньше меня, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сдѣлалъ видъ, что хочу удалиться, но появившійся товарищъ воротилъ меня съ обычными извиненіями. Мы провели вмѣстѣ весь вечеръ, играли на биллиардѣ и оставались вплоть до самаго закрытія заведенія, т.-е. до половины перваго часа ночи. Въ теченіе этого времени товарищъ мой, бывший хорошимъ пѣвцомъ, пропѣлъ для увеселенія компаніи нѣскольکو пѣсенъ и мы скоро подружились со всѣмъ остальнымъ обществомъ. Веселымъ своимъ обхожденіемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней мы получили возможность вполне применить къ кружку обычныхъ посѣтителей трактира и, подобно всѣмъ другимъ, ставили тамъ всевозможные маленькіе пари и заклады. Черезъ недѣлю послѣ перваго моего прихода я былъ приватно спрошенъ хозяиномъ заведенія, не пожелаемъ ли мы, т.-е. я и товарищъ мой, играть въ карты, причемъ онъ прибавилъ, однако, что надо строго молчать объ этомъ обстоятельстве, такъ какъ сыщики всюду суютъ свой носъ и онъ можетъ быть вынужденъ закрыть свое заведеніе. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что если мы придемъ въ слѣдующій вечеръ къ одиннадцати часамъ, то можемъ пройти въ отдѣльную комнату, гдѣ нѣскольکو интимныхъ

друзей каждый вечеръ собираются на одну или на двѣ партіи, прибавивъ, что намъ нечего бояться со стороны полиціи, такъ какъ онъ всегда умѣлъ держаться въ сторонѣ отъ нея. Мы, разумѣется, охотно приняли приглашеніе и приготовились провести англійскую полицію, принявъ участіе въ наслажденіяхъ истиннаго Джонъ Буля.

Отправляясь по этому приглашенію, я сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, чтобы мундирная полиція съ инспекторомъ и сержантомъ во главѣ вторглась въ заведеніе двумя вечерами позднѣе. Такая отсрочка необходима была для того, чтобы дать намъ возможность присмотрѣться къ игрѣ тѣхъ изъ партнеровъ, которые покажутся намъ болѣе подозрительными, и, въ то же время, приглядѣться къ тому, гдѣ хранятся карты, кости и другія принадлежности игры.

Прибывъ въ заведеніе, мы были отведены въ маленькую по размѣрамъ своимъ комнату, гдѣ нашли значительное количество людей, уже погруженныхъ въ карточную игру, и были встрѣчены со стороны ихъ самымъ радушнѣйшимъ образомъ. Мы пили и играли вплоть до самаго утра и убѣдились, производя расплату, что проиграли только по самой бездѣлицѣ. На слѣдующую ночь я сдѣлалъ видъ, что пью больше обыкновеннаго, и проигралъ сравнительно большую сумму, но такъ хорошо игралъ свою роль, что видѣлъ совершенно ясно, какъ нѣкоторые изъ игроковъ мошенничали при помощи находившагося у нихъ двойнаго количества картъ—запасныхъ колодъ, спрятанныхъ въ одеждѣ. Продолжая прикидываться пьянымъ, я общалъ придти на слѣдующую ночь, принести съ собой большее количество денегъ и удвоить ставки. Въ назначенное время мы съ товарищемъ снова явились на rendez-vous и такъ хорошо разыгрывали роль простаковъ, что безъ труда могли подмѣтить всѣхъ мошенниковъ и всѣ штуки, ими производимыя. Часовъ около трехъ ночи въ комнатѣ поднялся беспорядокъ и раздались крики: «полиція! полиція! полиція!» Карты и кости были моментально спрятаны въ каминъ. Я схватилъ деньги и прикрылъ ихъ моей шляпой. Нѣкоторые изъ людей хотѣли броситься въ окна, но были задержаны полиціей, входившей съ двухъ сторонъ черезъ взломанныя двери. Инспекторъ поручилъ каждому изъ насъ особому наблюденію констебля и приступилъ къ производству обыска, а я знаками показывалъ ему, гдѣ находятся спрятанными признаки преступленія. Онъ скоро нашелъ все необходимое и при-

казалъ всѣмъ намъ дать ему свои имена и свои адреса. Замѣтивъ, что я проявляю особенный страхъ и тщательно оберегаю задній карманъ своего платья, инспекторъ счелъ своею обязанностью обыскать меня, причемъ, разуиѣется, тотчасъ же найдены были спрятанныя мною деньги. Это дало ему поводъ и право обыскать остальныхъ и тотчасъ же не только у мошенниковъ, но и у самого хозяина заведенія найдены были запасныя фальшивыя карты. Бѣдные лакеи, кучера и прочіе посягители теперь только увидали, какимъ позорнымъ способомъ были они до сихъ поръ обираемы безсовѣстными своими партнерами. Возбужденіе ихъ противъ грабителей было такъ ожесточенно, что полиція должна была принять мѣры для устраненія могущаго послѣдовать кровопролитія. Всѣмъ, у кого при обыскѣ не найдено было ничего подозрительнаго, разрѣшено было расходиться по домамъ, послѣ того какъ имена ихъ и адреса были записаны; мошенники же и въ числѣ ихъ самъ хозяинъ заведенія были взяты подъ стражу; такъ какъ при мнѣ ничего не было найдено, кромѣ денегъ, о которыхъ я объяснилъ, что только спряталъ ихъ на время, я былъ отпущенъ на свободу вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ. На слѣдующій день всѣ мы, оставленные на свободѣ, должны были явиться передъ судьей, къ которому всѣ арестованные были приведены подъ стражей. Послѣ того какъ полиція, производившая обыскъ, дала свои показанія и удостовѣрила фактъ преступленія, я и мой товарищъ были вызваны на скамью свидѣтелей. Когда арестанты (ихъ было семеро) узнали въ насъ полицейскихъ чиновниковъ, они, разуиѣется, тотчасъ же дали полную свободу языку, тогда какъ бывшія жертвы ихъ расточали намъ всяческія одобренія. Въ концѣ-концовъ, хозяинъ заведенія приговоренъ былъ къ 500 фунтамъ штрафа и къ 14 днямъ заключенія въ рабочею домъ (Hard labour), а его шесть соучастниковъ къ 14 днямъ заключенія тамъ же. Жертвы обмана, какъ участвовавшіе въ азартной игрѣ, были оштрафованы на 2 шиллинга и 6 пенсовъ (полкроны) каждый и получили выговоръ отъ судьи.

Исполнивъ съ такимъ успѣхомъ испытательную работу, мы были оба представлены суперинтендентомъ части къ производству въ штатные сыщики. Я былъ призванъ въ бюро коммисіонеровъ полиціи (Board of Commissioners of Police) и подвергнутъ экзамену касательно степени моего образованія. Такъ какъ

я былъ хорошій лингвистъ и свободно читалъ, писалъ и говорилъ по-англійски, по-французски и по-нѣмецки, а также понималъ по-русски и по-польски и былъ первокласснымъ писцомъ (Draughtsman), я былъ прямо прикомандированъ къ центральному правленію, тогда какъ товарищъ мой, получившій обыкновенное школьное образованіе, былъ произведенъ только въ дивизионные или мѣстные сыщики, хотя впоследствии прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ тоже достигъ званія сыщика при центральномъ правленіи или Great Scotland Yard'ѣ.

При первомъ представленіи моемъ въ центральное правленіе мнѣ были заданы многочисленные вопросы со стороны главнаго суперинтендента, который, найдя отвѣты мои удовлетворительными, объявилъ мнѣ, что я долженъ буду помогать одному изъ старшихъ чиновниковъ департамента и, такимъ образомъ, обучусь извѣстнымъ путямъ и средствамъ къ преслѣдованію преступленій различнаго значенія и характера, а также получу навыкъ въ допрсѣ лицъ, дѣлающихъ заявленія, такъ какъ много зависитъ отъ того, спроситъ ли сыщикъ или вѣтъ о какомъ-либо обстоятельстве, которое для обыкновеннаго человѣка кажется вовсе не заслуживающимъ упоминенія, но зачастую можетъ имѣть громадное значеніе и даже оказаться единственнымъ исходнымъ пунктомъ для слѣдствія. Въ то же самое время, представляющееся весьма важнымъ въ глазахъ свидѣтеля можетъ не имѣть въ дѣйствительности ровно никакого значенія, а потому можно сказать безъ преувеличенія, что однимъ изъ величайшихъ условій для дѣятельности хорошаго сыщика является способность къ постановкѣ разнообразныхъ вопросовъ, которая не только даетъ ключъ къ успѣху, но и сохраняетъ много драгоценнаго времени. Понятно, что всякій новый сыщикъ долженъ исподволь приобрѣтать это умѣнье.

Первое дѣло, въ которомъ я помогалъ моему начальнику, было дѣло о ложномъ банкротствѣ. Это было дѣломъ о выдачѣ преступника, котораго требовала голландская полиція при слѣдующемъ приблизительно заявленіи.

Б. бѣжалъ изъ Амстердама пять лѣтъ тому назадъ и проживалъ до послѣдняго времени въ Америкѣ. Онъ разыскивается по обвиненію въ ложномъ банкротствѣ. Покидая родину, онъ былъ 25 лѣтъ отъ роду, средняго роста, имѣлъ темные волосы, небольшие усы, круглое лицо, темные глаза и видъ джентльмена.

Прилагается фотографія, снятая, когда ему было 21 годъ. Сегодня утромъ перехвачено письмо его къ сестрѣ, помѣченное лондонскимъ штемпелемъ. Надо полагать, что онъ находится въ этомъ городѣ и бѣденъ, такъ какъ онъ пишетъ, что разъносиваетъ еебѣ работу и надѣется получить ее.

Когда начальникъ мой передалъ мнѣ это заявленіе, я не могъ удержать улыбки, такъ какъ считалъ невозможнымъ, чтобы мы въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Лондонъ съ его 4 милліонами жителей, гдѣ нѣтъ никакой полицейской регистраціи, ни отивтокъ по гостиницамъ и частнымъ домамъ, могли найти человѣка, узнавъ его только по фотографіи, снятой 9 лѣтъ тому назадъ, въ года первой молодости.

Начальникъ мой посмотрѣлъ на меня совершенно спокойно и сказалъ:

— Прочтите тщательно это письмо и скажите, съ чего, по вашему мнѣнію, всего лучше начать.

Я долженъ сознаться, что сколько ни изучалъ содержаніе письма, выше мной приведеннаго, а долженъ былъ признать полную свою недогадливость. Тогда мой принципальъ приказалъ мнѣ изучить фотографическое изображеніе и постараться запомнить каждую его черту. Когда порученіе это было исполнено, онъ написалъ множество адресовъ гостиницъ (Common lodging Houses) и передалъ ихъ мнѣ, сказавъ, что я долженъ посѣтить ихъ, подъ какимъ мнѣ заблагоразсудится предлогомъ, около 9 или 10 часовъ утромъ и вечеромъ около 11 часовъ. Такъ, напр., спрашивая о какомъ-либо Якобсѣ или Виліамсѣ, я долженъ былъ всматриваться въ лица всѣхъ сидящихъ въ общей комнатѣ людей (всякая англійская гостиница имѣетъ такую комнату, такъ какъ предполагается, что квартиранты только снять по своимъ номерамъ, но не остаются въ нихъ ради какихъ-либо другихъ причинъ). По совѣту начальника, я долженъ былъ одѣться какъ можно солиднѣе, чтобы не навлечь на себя какого бы то ни было подозрѣнія. Если бы мнѣ представился кто-нибудь, проходящій на фотографію, я долженъ былъ тотчасъ же увѣдомить моего принципала и до его указанія не принимать никакихъ мѣръ съ своей стороны. Послѣ трехъ дней такого блужданія мнѣ привелось въ послѣдней изъ указанныхъ мнѣ гостиницъ замѣтить человѣка съ большой бородой, прилично одѣтаго, сидящаго за столомъ и что-то писавшаго. Когда онъ поднялъ голову и я обратился къ нему съ

вопросомъ, не знаетъ ли онъ, куда ушелъ *такой-то*, мнѣ показало, что я узнаю глаза моей фотографіи; я снова спросилъ его, не видалъ ли, по крайней мѣрѣ, когда ушелъ *такой-то* и въ какую сторону, такъ какъ мнѣ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, до-нельзя необходимо видѣться съ нимъ, и т. д. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что уже двѣ недѣли живетъ въ этомъ домѣ, но ни разу не слышалъ имени, мною названнаго, и просилъ дать ему примѣту разыскиваемой мною особы. Я описалъ ему самую обыкновенную наружность. Онъ, разумѣется, не могъ дать мнѣ никакихъ указаній, но я успѣлъ въ американскомъ его произношеніи подмѣтить еще и нѣмецкій или голландскій акцентъ. Обо всемъ этомъ я донесъ со всѣми подробностями моему принципалу, который рѣшился самъ отправиться по слѣдамъ моимъ въ то же мѣсто и въ то же самое время, тогда какъ я буду на улицѣ ожидать его возвращенія или его призыва. Сообразно съ этимъ рѣшеніемъ, онъ, дѣйствительно, вошелъ въ домъ, но, къ величайшему моему изумленію, тотчасъ же воротился назадъ и, вмѣсто того, чтобы подтвердить мои предположенія, отнесся къ нимъ совершенно иронически, сказавъ, что указанное мною лицо столько же похоже на разыскиваемого нами банкира, сколько я самъ. Я снова объявилъ ему, что безусловно убѣжденъ въ тождественности этихъ двухъ лицъ, и просилъ его еще разъ обратить вниманіе на глаза незнакомца и попытаться заговорить съ нимъ. Онъ удовлетворилъ меня обѣщаніемъ дожидаться его выхода изъ дверей дома, такъ какъ онъ видѣлъ его разыскивающимъ пальто. Когда незнакомецъ показался на улицѣ, начальникъ мой, дѣйствительно, заговорилъ съ нимъ, прямо обратившись къ нему съ словами:

— Вы К. изъ Амстердама?

Незнакомецъ сдѣлался мертвенно-блѣденъ, но возразилъ противъ этого завѣренія. Начальникъ мой убѣдился, тѣмъ не мене, въ свою очередь, въ тождественности незнакомца съ разыскиваемымъ нами человекомъ и сказалъ ему, что мы сыщики и что онъ хорошо сдѣлаетъ, если добровольно послѣдуетъ за нами, что онъ и исполнилъ совершенно спокойно, видя себя признаннымъ, не скрывалъ уже болѣе ни своего имени, ни своего преступленія. Онъ немедленно былъ представленъ къ суду и задержанъ до полученія справокъ изъ Голландіи, а затѣмъ переданъ голландской полиціи въ Флютингенъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что друзья его погасили ложное банкротство и что онъ свободно и благополучно живетъ въ Амстердамѣ.

Немного времени спустя послѣ окончанія описаннаго мною дѣла, начальникъ мой снова призвалъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ мнѣ, что одна дама явилась, чтобы сдѣлать заявленіе, и что онъ поручаетъ мнѣ тщательно допросить ее. Я исполнилъ порученіе это какъ только могъ лучше, такъ какъ дѣло было совершенно просто. Дама объявила, что имѣетъ въ Сити лавку и заведеніе для производства штемпелей, печатей и т. п., что сегодня къ ней явились два челоувѣка, кажущихся иностранцами, спросившіе ее, за какую цѣну можетъ она изготовить форму для чеканки показаннаго ей жетона, подобнаго которому она никогда не видала и который, какъ завѣряли они, носится у нихъ вмѣсто пуговицъ на рукавахъ. Не повѣривъ имъ, она сказала, что наведетъ справки о стоимости формы, если они оставятъ ей жетонъ, и дастъ отвѣтъ на слѣдующій день. Она показала мнѣ жетонъ и я тотчасъ же узналъ въ немъ польскую десятигрошевую монету, до сихъ поръ весьма распространенную въ провинціяхъ русской Польши и равняющуюся по стоимости русскому пятаку. Я попросилъ даму подождать нѣсколько минутъ и передалъ заявленіе ея и жетонъ своему начальнику, который не могъ понять назначенія жетона, но я сообщилъ ему, что во время путешествій моихъ по Польшѣ мнѣ часто приходилось видѣть такого рода монеты, преимущественно обращающіяся въ средѣ евреевъ-мѣняль, но не имѣющія хода въ большихъ городахъ Россіи, какъ, наприм., въ Москвѣ и Петербургѣ. Принципалъ мой расположенъ былъ склониться къ теоріи рукавныхъ пуговицъ, предполагая, что малая стоимость монеты не представляетъ достаточнаго интереса для производства и, пожалуй, даже не можетъ покрыть расходовъ. Я объяснилъ ему, что съ одной заготовленной чеканомъ можно совершенно легко производить тысячи и тысячи такихъ монетъ, такъ какъ онѣ приготавливаются изъ весьма мягкаго металла, который въ совершенно соответствующихъ по толщинѣ пластинкахъ можно весьма дешево приобрѣтать въ Бирмингамѣ, такъ что, по моему расчету, подобныя монеты могутъ приготавливаться за одну десятую ихъ номинальной стоимости въ Польшѣ. Затѣмъ я указалъ на то, что въ Англію прибываетъ ежегодно такое большое количество польскихъ жидовъ, что черезъ ихъ посредство можно легко доставить въ Польшу любое количество фабрикованной такимъ образомъ монеты, тѣмъ болѣе, что она пользуется правами гражданства и въ провинціяхъ нѣмецкой Польши,

прилегающихъ къ русской границѣ. Кромѣ того, я допускалъ мысль, что по однажды заготовленной формѣ можно перенести производство и въ Германію, и въ самую Польшу, а распространеніе изготовленной такимъ способомъ фальшивой монеты не представить въ этой послѣдней никакого затрудненія, такъ какъ въ ней имѣется достаточное количество фабричныхъ городовъ и мѣстечекъ, вродѣ, на примѣръ, Лодзи, гдѣ потребность расчета съ рабочими даетъ широкій просторъ дѣятельности евреевъ-мѣняль, которые, конечно, могутъ сослужить добрую услугу тому производству, о которомъ въ настоящее время ведемъ мы рѣчь.

Всѣ эти аргументы въ достаточной степени убѣдили моего принципала въ существованіи преступной цѣли, связанной съ заказомъ формы представленнаго въ камеру жетона, а потому и было рѣшено, что я, въ качествѣ посторонняго рабочаго, отправлюсь къ лавкѣ заявительницы, ухитрюсь заговорить съ подозрѣваемыми нами лицами и за дешевую цѣну приму на себя исполненіе ихъ заказа. Люди эти, дѣйствительно, въ назначенное время явились къ лавкѣ и я тотчасъ же увидалъ, что имѣю дѣло съ польскими евреями, хотя и не изъ самаго послѣдняго класса. Они вновь повторили мнѣ всю сказку о цуговицахъ для рукавовъ и я взялся приготовить имъ требуемую форму за такую дешевую цѣну, которая едва могла окупить издержки работы, назначивъ восьмидневный срокъ для исполненія заказа. Такой долгій срокъ назначенъ былъ для того, чтобы я имѣлъ время разыскать адреса ихъ и узнать всѣ подробности ихъ жизни, такъ какъ на мой вопросъ: «куда надо доставить печать?» они отвѣчали, что живутъ теперь у знакомыхъ, и потому самолично явятся за нею и передадутъ плату за трудъ. Едва только отошли они отъ лавки, я снялъ съ себя костюмъ рабочаго и сталъ слѣдовать за ними въ обыкновенномъ своемъ платьѣ. Я долженъ сказать, что такого рода «слѣдованіе» составляетъ своего рода искусство, достигаемое только трудомъ и подлежащее изученію. Человѣкъ, совершившій или намѣревающийся совершить что-либо преступное, несомнѣнно, относится ко всему подозрительно, вглядывается во все, а потому, замѣтивъ на пути своемъ нѣсколько разъ одно и то же лицо, разумѣется, будетъ стараться избѣгать его и, въ концѣ-концовъ, почти неизбѣжно ускользаетъ изъ вида. Все искусство заключается въ томъ, чтобы постоянно имѣть въ виду преслѣдуемаго, не будучи замѣчаемымъ имъ, что представляетъ весьма трудную задачу, такъ какъ

на большомъ разстояніи вы весьма легко теряете изъ вида преслѣдуемаго, а на маломъ разстояніи онъ весьма легко замѣчаетъ васъ и угадываетъ ваши намѣренія. Слово «слѣдовать», сдѣлавшееся техническимъ терминомъ, совершенно неправильно и дѣятельность сыщика въ этомъ отношеніи гораздо лучше передается словами «держатъ въ виду», такъ какъ для исполненія этой задачи требуется зачастую и забѣгать впередъ преслѣдуемаго, и идти рядомъ съ нимъ, и отходить въ сторону и т. п.

Мнѣ не стоило никакого труда «слѣдить» за моими двумя мужчинами, такъ какъ они, очевидно, ничего не подозрѣвали и, очевидно, даже ничего не знали о дѣятельности лондонской сысканой полиціи. Они шли до тѣхъ поръ, пока не достигли восточнаго предмѣстья Лондона, извѣстнаго притона для преступниковъ всякаго рода, и вошли въ одну изъ улицъ, принадлежащихъ къ такъ называемой «жидовской колоніи». Увидавъ, что они вошли въ домъ, я замѣтилъ нумеръ и названіе улицы, а затѣмъ на возвратномъ пути зашелъ на ближайшую полицейскую станцію и просилъ мѣстнаго сысканаго инспектора отрицать двухъ людей, которые навели бы справки о всѣхъ обитателяхъ отмѣченнаго мною дома, наблюдали бы за подозрѣваемыми мною лицами, подробное описаніе которыхъ я ему передалъ, и обо всемъ немедленно доносили въ Scotland Yard. Скоро получено было извѣстіе, что въ томъ самомъ домѣ, который сдѣлялся предметомъ наблюденія, проживалъ еще и третій жидъ, уже заподозрѣнный въ фабрикаціи русскихъ кредитныхъ билетовъ десяти и двадцатипятирублеваго достоинства.

Я не буду говорить о фабрикаціи русскихъ кредитныхъ билетовъ въ Лондонѣ, какъ объ идущемъ въ гору, такъ какъ такой намекъ былъ бы оскорбителенъ для дѣятельности состоящихъ еще на службѣ прежнихъ товарищей моихъ, сыщиковъ; я ограничусь только упоминаніемъ того факта, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ усердіемъ и трудами пяти сыщиковъ центрального правленія открыта была обширная мануфактура такихъ билетовъ, такъ хорошо организованная, что нѣсколько разъ, когда полиція была уже совсѣмъ готова приступить къ арестамъ, мастерскія внезапно оказывались на самой противоположной сторонѣ Лондона; такъ какъ не было никакой надобности заарестовывать одного или двухъ изъ числа подозрѣваемыхъ лицъ, а необходимо надо было захватить всѣхъ, вмѣстѣ съ орудіями и матеріаломъ, то дѣятельность означенныхъ

выше сыщивовъ и представляла въ совокупности своей нѣкотораго рода охоту. Охота эта, наконецъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ преслѣдованія, наблюденія и карауленія нерѣдко въ холодныя и туманныя ночи, съ упорствомъ, на которое, скажу безъ преувеличенія, способны только закаленная природа Джона Буля да испытанное терпѣнiе англійскаго сыщика. Руководители этого хитропостроеннаго общества фальшиво-монетчиковъ не были вовсе обыкновенными мошенниками; одинъ изъ нихъ, на прим., былъ красавцемъ, какого только можно представить себѣ, и имѣлъ всѣ манеры совершеннѣйшаго джентльмена. Между этими негодями, — я не могу назвать ихъ иначе, считая ихъ преступниками самаго худшаго типа, такъ какъ косвеннымъ образомъ они содѣйствуютъ разоренію частныхъ людей и государства, — между этими-то негодями было два польскихіхъ жида. Преступники эти были уже приговорены къ заключенію, а нѣкоторые уже и отбывали срокъ своего наказанія. Гравировальныя доски и другія принадлежности производства были захвачены вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ готовыхъ уже билетовъ, изумительно хорошо сработанныхъ. Камни для билетовъ были приготовлены женщиной, которая въ свое время не была поймана и, какъ я слышалъ изъ хорошаго источника, находилась въ послѣдствіи въ Женевѣ. Я не буду объяснять тѣхъ способовъ и путей, которыми англійскіе сыщики достигаютъ указанныхъ выше результатовъ, но знаю совершенно хорошо, что никакой политической кризисъ не въ состояніи, сообразно съ англійскими законами, удержать рвеніе ихъ къ прекращенію такого рода преступной дѣятельности и къ передачѣ во власть самихъ преступниковъ.

Но возвратимся къ оставленнымъ нами двумъ заказывателямъ формы. Ихъ сторожили, за ними слѣдили и, тѣмъ не менѣе, относительно ихъ не было выяснено ничего, представляющаго какое бы то ни было значеніе, кромѣ того, что они не имѣли въ Лондонѣ никакого опредѣленнаго занятія. Въ день, назначенный для передачи имъ жетона и полученія платы за работу, я снова находился на своемъ посту въ лавочкѣ, а принципаль мой притаился на улицѣ. Покончивъ со мною, они начали удаляться, но я снова послѣдовалъ за ними и, по знаку моего принципала, арестовалъ одного изъ нихъ, тогда какъ самъ принципаль мой схватилъ другаго; немедленно оба они были помѣщены въ четверомѣстный кабъ, заранѣе приготовлен-

ный, и отвезены на ближайшую полицейскую станцію, гдѣ они были мною обысканы, причѣмъ, разумѣется, нашелся и жетонъ, а кромѣ него, найдены были нами и различные металлическіе оттиски и множество готовыхъ уже металлическихъ кружковъ, предназначенныхъ для чекана. Загрязненные бумаги и паспорта тоже оказались въ ихъ карманахъ. Арестованные обвинялись въ обладаніи матеріаломъ и инструментами для производства фальшивой мѣдной монеты. Помѣстивъ ихъ въ карцеръ, я и начальникъ мой отправились въ занимаемый ими домъ въ восточномъ предмѣстьи Лондона и, окруживъ этотъ домъ сыщиками, произвели тщательный обыскъ, но нашли только очень плохо сработанныя печати и не обрѣли никакихъ слѣдовъ такого матеріала, присутствіемъ котораго могли бы воспользоваться арестованные, чтобы доказывать свою пуговичную теорію. Оба еврея, на основаніи добытыхъ нами данныхъ, были препровождены къ судѣ, а имъ отправлены въ центральный уголовный судъ, и, несмотря на хорошую защиту, были признаны виновными и приговорены къ 18 мѣсяцамъ каторжныхъ работъ. Приговоръ этотъ со стороны сыщиковъ, присутствовавшихъ на судѣ, былъ найденъ слишкомъ слабымъ и они желали бы видѣть болѣе суровое наказаніе, такъ какъ въ глазахъ лондонской полиціи польскіе жидаы не заслуживаютъ никакого сожалѣнія, какъ составляющіе истинную чуму, съ которой приходится имъ бороться. Эти жидаы пріѣзжаютъ въ Англію съ длинными повѣствованіями о мукахъ и притѣсненіяхъ, которыя якобы приходится претерпѣвать имъ въ Россіи, и ухищряются возбуждать къ себѣ симпатію богатыхъ людей и пользоваться ихъ помощію. Затѣмъ они поселяются въ жидовской колоніи и тамъ дѣлаютъ видъ, что занимаются честнымъ трудомъ, хотя во всемъ Лондонѣ не существуетъ болѣе беззаботнаго квартала. Они не рѣшаются отправляться самолично на воровскія экспедиціи, ибо слишкомъ робки и осторожны для этого, но они всѣми способами поддерживаютъ и поощряютъ дѣятельность такого рода и всегда готовы задешево покупать завѣдомо ворованныя вещи. Въ этой-то колоніи могутъ быть находимы распространители русскихъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ сами производители не вывозятъ ихъ изъ Англіи, но только продаютъ ихъ за дешевую цѣну жидамъ, которые, въ свою очередь, уступаютъ ихъ мѣняламъ въ Гамбургѣ, Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ, откуда они незамѣтно переходятъ и въ русскіе банки. Но зача-

стую польскіе евреи самолично и непосредственно привозятъ сфабрикованныя въ Англіи кредитки въ Россію черезъ Радзивиловъ, Александровъ и вообще черезъ германскую и галиційскую границы. Всѣ эти свѣдѣнія переданы мнѣ евреемъ, хорошо знакомымъ съ этого рода торговлей и которому я имѣю всѣ основанія довѣрять безусловно.

У.

Изъ прошлаго и настоящаго *).

IV.

У шестидесятыхъ годовъ было два теченія: верхнее и нижнее. Въ верхнемъ я не участвовалъ, да и не оно дало свое имя шестидесятымъ годамъ. Теченія эти явились не на другой день послѣ смерти Императора Николая; у нихъ была уже своя исторія. Блескъ и яркость шестидесятымъ годамъ придало только то, что раньше оба теченія сонно сочились подъ спудомъ, теперь же они пробились на поверхность и увлекли болѣе или менѣе каждаго, кто стоялъ къ нимъ ближе.

Верхнее теченіе, создавшее освобожденіе крестьянъ, было только ручьями великой идеи, явившейся много раньше и со времени Екатерины II переходившей по наслѣдству отъ одного царствованія къ другому. И Императора Николая не оставляла мысль о «преобразованіи» крѣпостнаго права, но ему не пришлось довершить то, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ онъ начиналъ каждый годъ.

Крѣпостная Россія представлялась сверху такимъ прочнымъ и цѣльнымъ исторически-бытовымъ сооруженіемъ, что изъ него, казалось, нельзя было вынуть ни одного камня безъ того, чтобы не заколыхалось все зданіе. И зданіе, дѣйствительно, было вполне закончено; все въ немъ было юридически логично, связано и слито въ одну массу. Я хорошо помню николаевское крѣпостное время; въ девять лѣтъ моего таксаторства мнѣ пришлось побывать и въ костромскихъ лѣсахъ, и въ разныхъ мѣстахъ по Волгѣ, и въ среднихъ губерніяхъ, и въ западныхъ, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Вездѣ отъ крѣпостнаго быта вѣяло вполне организованной устойчивостью и опредѣленностью, каждый зналъ свое

*) *Русская Мысль*, кн. X.

мѣсто, отношенія были точны, права и обязанности ясны, законъ исключалъ всякія сомнѣнія и скрѣплялъ своей санкціей всю громаду тѣхъ нехитрыхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, которыя превращали крѣпостную Россію въ огромную, но простую и односложную машину. Машина была выстроена по типу пчелиныхъ сотовъ; въ каждой ячейкѣ этого всероссійскаго сота сидѣлъ помѣщикъ-самодержецъ и вся Россія состояла изъ болѣе чѣмъ ста тысячъ маленькихъ помѣщичьихъ самодержавій. Понятно, что въ подобномъ зданіи было боязно и рискованно вынимать камни.

Но вотъ на нашихъ глазахъ свершилось освобожденіе крестьянъ и громадное зданіе, сооружавшееся нѣсколько вѣковъ, рассыпалось тихо и безъ шума, точно сдутый картонный домикъ. Съ крѣпостнымъ правомъ случилось то же, что и съ московскимъ Успенскимъ соборомъ. Когда Іоаннъ пригласилъ Аристотеля Фіоравенти, онъ началъ съ того, что сломалъ всю прежнюю постройку. «Вотъ, — говорили московскіе каменщики, — мы клали шесть мѣсяцевъ, а онъ пришелъ и развалилъ все въ двѣ недѣли». Аристотель Фіоравенти находилъ, что русскіе не умѣютъ готовить цемента. И въ нашемъ крѣпостномъ зданіи не было никакого цемента; это была большая куча камней, поддерживавшаяся разными юридическими и уголовными контрофорсами.

При Императорѣ Николаѣ не переводились комитеты, въ которыхъ разсматривались то тѣ, то другія мѣры для улучшенія положенія крѣпостныхъ, и всѣ эти комитеты были «секретными» *).

Какая же причина этой таинственности, противъ которой Биселевъ справедливо замѣчалъ, что «нынѣшній способъ дѣйствія полумѣрами и полутайнами не можетъ произвести ничего добраго»? Причина только въ опасеніи, которое искусственно возбуждали и постоянно поддерживали крѣпостники. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ, скрывшій свое имя, прислалъ Императору Николаю записку подъ такимъ заглавіемъ: *О возмутительныхъ началахъ, развивающихся въ Россіи вслѣдствіе указа 8 ноября*. А указъ этотъ разрѣшалъ крестьянамъ продававшимся съ торговъ заложенныхъ помѣщичьихъ имѣній вносить состоящую на торгахъ сумму и дѣлаться собственниками.

*) См. ст. В. И. Семевскаго: *Крестыиискій вопросъ въ царствованіи Императора Николая*. *Русская Мысль* 1884 г., кн. X, XI и XII и 1885 г., II, III, V, VI, VII, IX и X.

Императоръ Николай былъ окруженъ защитниками крѣпостнаго права. Изъ всѣхъ сановниковъ только Биселевъ и Воронцовъ (Мих. Сем.) стояли за освобожденіе. И Государь зналъ, что ни въ комъ изъ близкихъ онъ не находитъ поддержки. Въ 1834 г., говоря съ Биселевымъ о своемъ намѣреніи «преобразовать» крѣпостное право, Государь сказалъ: «Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія, даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны. Несмотря на это, я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ, для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе... Помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи».

И Императору Николаю, дѣйствительно, пришлось передать это дѣло своему наслѣднику.

Императоръ Николай скончался совершенно неожиданно даже для Петербурга, ничего не слышавшаго раньше объ его болѣзни. Понятно, что внезапная смерть Государя вызвала толки. Между прочимъ, рассказывали, что умирающій императоръ велѣлъ позвать къ себѣ внука, будущаго цесаревича. Императоръ лежалъ въ своемъ кабинетѣ, на походной кровати подъ солдатской шинелью. Когда цесаревичъ вошелъ, Государь будто бы сказалъ ему: «учись умирать», и это были его послѣднія слова. Но были и другія извѣстія. Рассказывали, что Императоръ Николай, потрясенный неудачами крымской войны, чувствовалъ недомоганье и затѣмъ сильно простудился. Несмотря на болѣзнь, онъ назначилъ смотръ войскамъ. Въ день парада ударилъ внезапный морозъ, но больной Государь отложить парадъ не нашелъ удобнымъ. Когда подвели верховаго коня, лейбъ-медикъ Мандтъ схватилъ его за удила и, желая предупредить императора объ опасности, будто бы сказалъ: «Государь, что вы дѣлаете? Это хуже, чѣмъ смерть, это—самоубійство», но Императоръ Николай, ничего не отвѣтивъ, сѣлъ на коня и далъ ему шпоры.

Въ другомъ рассказѣ Мандта, напечатанномъ въ 1-й книгѣ *Русскаго Архива* 1884 года, говорится, что, наканунѣ смерти, когда еще не была утрачена надежда на выздоровленіе, Мандтъ тщательно изслѣдовалъ всю грудь больного при помощи слуховаго рожка. Мандта поразилъ зловѣщій шумъ въ нижней части праваго легкаго. Это было начало паралича. Сознвая важность

минуты и желая предупредить больнаго объ его безнадежномъ положеніи, Мандтъ завелъ издали разговоръ о Бажановѣ (духовникъ императора) и затѣмъ сказалъ, что «сколько онъ понялъ изъ словъ императрицы, Ея Величеству было бы очень пріятно, если бы она могла виѣсть съ Бажановымъ помолиться подлѣ постели Государя объ умершей дочери и вознести къ небу мольбы о скоромъ выздоровленіи больнаго». Императоръ понялъ, что хотѣлъ сказать Мандтъ, и спросилъ: «Скажите же мнѣ, развѣ я долженъ умереть?» — «Да, Ваше Величество!» — отвѣчалъ Мандтъ. Минуть черезъ 6 или 8 Государь сказалъ: «Позовите ко мнѣ моего старшаго сына, — а затѣмъ прибавилъ: — Не забудьте извѣстить остальныхъ моихъ дѣтей и моего сына Константина. Только пощадите императрицу». Императоръ Николай умеръ истиннымъ христианиномъ, «исполнивъ обязанности отца, императора и даже милостиваго хозяина дома, такъ какъ онъ простился со всѣми своими служителями и каждаго изъ нихъ осчастливилъ прощальнымъ словомъ», — говорить Мандтъ.

Въ близкихъ къ двору лицахъ смерть императора вызвала самую искреннюю скорбь. Женщины плакали. Для женщинъ, да и не для нихъ однѣхъ, Николай былъ легендарнымъ героемъ, коронованнымъ рыцаремъ, истиннымъ представителемъ недосягаемаго царственнаго величія, цѣльнымъ, послѣдовательнымъ чело-вѣкомъ, характеромъ и властелиномъ, поднявшимъ царское достоинство и обаяніе власти до высоты, дальше которой начинается ужь только божеское величіе.

Смерть Императора Николая застигла Россію въ самый разгаръ севастопольской обороны, исходъ которой былъ уже ясенъ. Россія напрягала послѣднія силы. Государь умеръ 18 февраля 1855 года, а 27 августа, послѣ жестокаго штурма, былъ взятъ Малаховъ курганъ и нашимъ войскамъ приказано отступить. Война кончилась, всѣмъ стало легче, но за этимъ чувствомъ скрывалось чувство стыда и злобы, обидное чувство побѣжденнаго народа, до сихъ поръ привыкшаго только побѣждать. Это было первое общее впечатлѣніе. Но были другіе люди, которымъ было больно за весь этотъ безплодно погибшій героизмъ, за сотни тысячъ убитыхъ и умершихъ въ лазаретахъ солдатъ, выступавшихъ чуть не съ кремневыми ружьями противъ европейскихъ штуцеровъ, за истребленныхъ мужицкія ополченія, ходившія въ рукопашную съ топорами. И вся эта страшная севастопольская исторія случилась какъ-то вдругъ, неожиданно; неожиданно началась война, неужи-

данно палъ Севастополь. Но когда эта громада пала, когда оказалось, что Россія не имѣетъ ни денегъ, ни людей, чтобы продолжать борьбу; когда двѣ такія неожиданности, какъ смерть Императора Николая и павшій Севастополь, точно два громовыхъ удара повторились одинъ за другимъ, Россія точно проснулась отъ летаргическаго сна.

Нравственное состояніе, въ которомъ очутилась Россія послѣ этихъ громовыхъ ударовъ, рѣдко въ исторіи народовъ, а на памяти русской исторіи подобное положеніе еще не бывало. Освобожденіе Россіи отъ поляковъ и смуты въ 1612 году, освобожденіе отъ двенадцати языковъ въ 1812 году были, конечно, моментами очень героическаго напряженія и чудовищной народной энергіи, но это были только моменты чувства и инстинкта самосохраненія. Теперь было не то и за свою государственную цѣлость намъ бояться было нечего. Все могло бы идти въ обычномъ, установившемся порядкѣ. Государь умеръ, на престолъ вступилъ его наслѣдникъ безъ потрясеній и безпорядковъ, война кончилась, миръ предстоялъ достаточно почетный, все было тихо, спокойно, мирно и все могло бы идти опять по старому, традиціонному, съ какими-нибудь небольшими починками и преобразованіями. Базалось бы, только радоваться и отдыхать послѣ военныхъ трудовъ и севастопольскихъ потерь. Но въ томъ-то и дѣло, что старое ужь не могло больше повториться, всѣ чувствовали, что порвался какой-то нервъ, что дорога къ старому закрылась. Это былъ одинъ изъ тѣхъ начинающихся историческихъ моментовъ, которые готовятся не годами, а вѣками, и они также неустрашимы, какъ лавины въ горахъ, какъ ливни подъ экваторомъ. Единоличная воля въ такихъ случаяхъ исчезаетъ и всѣми, сверху до низу, овладѣваетъ одинъ общій жизненный порывъ, въ началѣ инстинктивный, какъ глубокій вздохъ послѣ летаргическаго сна, какъ первое свѣтлое пробужденіе послѣ горячки; но затѣмъ, послѣ безсознательнаго, инстинктивнаго душевнаго движенія является понемногу свѣтлое состояніе сознанія, человѣкъ приходитъ въ себя и съ новыми силами принимается за новую работу. То, что происходитъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ, повторяется и съ народами, когда каждымъ и всѣми овладѣваетъ одно и то же душевное состояніе, когда каждый и всѣ чувствуютъ переломъ, когда каждый и всѣ изъ безсознательнаго, инстинктивнаго состоянія переходятъ къ работѣ мысли, когда въ каждомъ и во всѣхъ пробуждается критическая мысль и каждый и всѣ начинаютъ ду-

мать. Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись, всѣ стали думать и всѣми овладѣло критическое настроеніе, и заключается разгадка мистическаго секрета шестидесятыхъ годовъ. Всѣ — вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ. Императоръ Николай опирался только на государственный совѣтъ, Императоръ Александръ II обратился къ чувствамъ всѣхъ, къ труду всѣхъ, къ тѣмъ громаднѣмъ творческимъ и сознательнымъ силамъ, которыя хранились въ нижнемъ теченіи. Въ этомъ лишь и заключались то отрицательное наслѣдіе и та подготовительная работа, которая была создана всѣми предъидущими царствованіями и преимущественно царствованіемъ Императора Николая. Что это было именно такъ, что это сознавало и само новое правительство, подтверждается мнѣніемъ, высказаннымъ барономъ Борфомъ въ «секретномъ» комитетѣ 1857 г. Вотъ какъ записалъ этотъ фактъ Заблоцкій-Десятовскій (*Гр. Киселевъ и его время*): «Баронъ Борфъ объяснялъ, что полувѣбковыя попытки къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія оттого не имѣли успѣха, что соображеніе истекало сверху, а не снизу, и что по сему слѣдуетъ предоставить опытности и добрымъ чувствамъ дворянства выразить свое мнѣніе». Мнѣніе Борфа поддержали, послѣдовалъ извѣстный циркуляръ Ланскаго и началось освобожденіе. Все остальное сдѣлалось само собою.

V.

Стараясь объяснить себѣ, какимъ образомъ мы, поколѣніе, воспитанное и созданное Императоромъ Николаемъ, не думавшіе никогда дальше своихъ личныхъ интересовъ, вдругъ стали реформаторами, я не могу придумать ничего болѣе простаго, какъ остановиться на себѣ. Такихъ, какъ я, были десятки тысячъ людей и принадлежали мы не къ той формаций, которая выросла изъ извѣстнаго московскаго кружка. О существованіи этого кружка и его идеяхъ мы даже и не подозрѣвали.

Я уже говорилъ, какъ насъ воспитывали. Въ сущности, мы росли въ привычкахъ неповиновенія и отрицанія. Дорожить насъ не приучили ничѣмъ, уважать мы тоже ничего не уважали; но за то начальство, и особенно Каменскій, старательно водворяли въ насъ чувство страха. Но чувство страха — плохой воспитатель, потому что оно учитъ ничего не бояться. Турокъ, у котораго всякій заптій можетъ отнять послѣдній грошъ, перестаетъ доро-

жить и рублемъ. Мнѣ случилось разъ замѣтить одному крутому начальнику, что его не будутъ уважать подчиненные, а онъ мнѣ отвѣтилъ: «а мнѣ все равно, лишь бы меня боялись». И всѣ русскія сто тысячъ маленькихъ самодержавій, да и всѣ остальные русскія отношенія стояли на фундаментѣ изъ этого дикаго камня. Чувство страха — вотъ все, чѣмъ они располагали и чѣмъ они управляли. Но, — говоритъ Канкринъ (конечно, знавшій Россію) въ своихъ запискахъ, — хотя чувство страха одно изъ могущественныхъ средствъ, но къ нему нужно прибѣгать изрѣдка. А имъ у насъ постоянно злоупотребляли. Когда же всѣ общественныя связи основаны только на страхѣ и страхъ, наконецъ, исчезаетъ, тогда ничего не остается, кромѣ пустаго пространства, открытаго для всѣхъ вѣтровъ. И вотъ такое-то пустое пространство и открылось у насъ. Но въ пустомъ пространствѣ жить нельзя, каждому человѣку нужно строиться; мы и начали строиться.

Послѣ паденія Севастополя общество чувствовало себя въ какомъ-то туманѣ, ничего опредѣленнаго еще не выяснилось. Въ это время мнѣ предложили мѣсто ученаго лѣсничаго въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ. Ученый лѣсничій былъ профессоромъ *всѣхъ* лѣсныхъ наукъ; это хотя нѣсколько и громко, но вѣрно; ибо Лисинское лѣсничество было практическимъ офицерскимъ классомъ и ученый лѣсничій долженъ былъ лѣтомъ руководить практическими работами, а зимой читать лекціи. Я не считалъ себя достаточно подготовленнымъ для такого мѣста и заявилъ, что приму его, если меня отправятъ за границу. Гамалѣя (товарищъ Киселева) отказалъ; тогда я просилъ, чтобы мнѣ позволили ѣхать на свой счетъ, — Гамалѣя опять отказалъ. Я заготовилъ докладную записку и отправился къ Киселеву. До этого времени я видѣлъ Киселева только два раза, на завтракахъ, которые онъ давалъ въ первый день Пасхи служащимъ въ его министерствѣ. Киселевъ былъ вельможа старыхъ, хотя уже и вымиравшихъ традицій, олимпійскаго вида. Теперь такихъ людей нѣтъ, да они и невозможны. Меня ввели въ залъ, въ тотъ самый залъ, въ три окна, который мнѣ былъ знакомъ по розговеньямъ. Въ залѣ не было ни души. Тогдашніе министры были вообще недоступны; министры открыли у себя пріемные дни для просителей при Александрѣ II, когда обаяніе министерской власти уже очень ослабѣло и вообще люди стали меньше ростомъ. Ждать Киселева мнѣ пришлось не долго. Войдя въ боковую дверь, которую быстро распахнули какія-то невидимыя для меня силы, Киселевъ въ пол-

номъ мундиръ съ Андреевской лентой и со звѣздами, налетѣлъ на меня орломъ (онъ былъ орлиной породы).

— Что вамъ нужно?—обрѣзалъ Киселевъ, вѣроятно, думая, что лѣсничій подь судомъ и пришелъ просить милости.

— Я пришелъ проситься за границу.

— Зачѣмъ вамъ за границу?—спросилъ Киселевъ уже совсѣмъ просто.

Я объяснилъ.

— Это вѣрно, — отвѣтилъ онъ, — но какъ же вамъ ѣхать: миръ еще на заключенъ.

— Въ прошедшемъ году во время войны былъ отпущенъ за границу генералъ Половцевъ.

— У Половцева была другая причина: у него была больна жена.

— Если нужна подобная причина, то и у меня больна жена, — отвѣтилъ я.

— Ну, дайте вашу записку.

Я подалъ. 7 марта мнѣ выдали два паспорта и чуть ли не 8, т.-е. на другой день, я уже уѣхалъ за границу. Паспорта мнѣ выдали даровые и, вѣроятно, это считалось большимъ вниманіемъ, потому что годовой паспортъ стоилъ 500 руб.; кромѣ того, мнѣ сохранили содержаніе. Все это, конечно, сдѣлалъ Киселевъ, а не Гамалѣя.

И какое это было восторгающее и ошеломляющее время! Я буквально ходилъ какъ въ чадѣ, спѣшилъ, рвался куда-то впередъ, къ чему-то другому, и это другое точно лежало сейчасъ же за шлагбаумомъ, отдѣляющимъ Россію отъ Европы. Для разсудительныхъ читателей, впрочемъ, прибавлю, что у меня уже была привычка къ перемѣнѣ мѣста, создавшаяся девятилѣтними поѣздками по Россіи. Кромѣ того, и отъ профессоровъ, и отъ нашихъ офицеровъ, которыхъ посылали за границу «для усовершенствованія» (это ввелъ Канкринъ), я слышалъ многое о Германіи и особенно о Саксоніи и не разъ мечталъ о возможности побывать за границей. Читалъ я и *Письма русскаго путешественника* Карамзина. Такимъ образомъ, и съ положительной точки зрѣнія мое стремленіе за границу находило оправданіе.

Въ жизни каждаго бываетъ моментъ, когда одно новое слово, одно новое понятіе производятъ крутой переломъ и все старое выкидывается за бортъ; и чѣмъ старательнѣе производится эта очистка, тѣмъ становится пріятнѣе и дышется легче. Точно

железные кандалы сваливаются съ ногъ и пудовыя гири съ плечъ. Моментомъ такого перелома была для меня поѣздка за границу. И какъ же я жадно вглядывался во всё мелочи германской жизни и по большимъ дорогамъ изъ оконъ вагоновъ, и на мѣстѣ, въ глухихъ центрахъ, въ медвѣжьихъ лѣсныхъ углахъ. Все было мнѣ тутъ ново и любопытно; какъ мужики живутъ въ штукатуренныхъ домахъ съ черепичными крышами, и какъ они работаютъ и ѣздятъ парами въ дышло, и какія у нихъ лошади крупныя, и какъ они не бьютъ ихъ дрекольемъ, и какъ ребятишки съ учебниками подъ мышками бѣгаютъ толпами въ школы, — всю эту новую для меня живую книгу я читалъ съ увлеченіемъ и любопытствомъ дикаря, увидѣвшаго въ первый разъ людей. Для практическихъ занятій я поселился въ Вермддорфъ, въ Саксоніи, рядомъ съ замкомъ Губертусбургъ, въ которомъ былъ заключенъ миръ послѣ семилѣтней войны. Саксонскіе лѣса съ ихъ чистотой, порядками, изумительными культурами и стройной администраціей, надъ которыми мы смѣялись въ институтѣ (собственно мы смѣялись надъ учителями, которые намъ говорили все о Германіи, а о Россіи ни слова), мнѣ уже не казались смѣшными и я проникся уваженіемъ къ нѣмецкому гению порядка и организаци.

Разъ я прихожу домой и вижу, что дворникъ проваживаетъ пару лошадей; лошади едва могли отдышаться и были такъ мокры, что съ нихъ текло. «Какъ, однако, измучились лошади», — говорю я дворнику. — «Еще бы, — отвѣчаетъ онъ, — вѣдь, кронпринцъ (наслѣдникъ) ѣхалъ двѣ мили въ часъ» (14 верстъ). — «Какъ кронпринцъ?!» — «Да, завтра охота». И такъ, я узналъ, что будетъ для наслѣдника охота и на красную дичь, что для меня было тоже ново, а, во-вторыхъ, что нѣмецкій кронпринцъ ѣздитъ гораздо тише послѣдняго русскаго конкера. Охоты, впрочемъ, я не видѣлъ, а видѣлъ только на поляхъ длинные столы, за которыми наслѣдникъ и другіе охотники завтракали. На другой день я захожу къ мѣстному оберъ-ферстеру и онъ мнѣ говоритъ съ сожалѣніемъ: «Что вы не были вчера на охотѣ?» — «Да я былъ». — «Гдѣ же вы были?» — «Стоялъ тамъ-то и видѣлъ, какъ вы завтракали». — «Ай, ай, ай, зачѣмъ вы не подошли, я бы васъ представилъ кронпринцу». И это было сказано такъ просто, что я видѣлъ, что это бы и сдѣлалось.

И чувствовалъ что-то успокоивающее и ласкающее въ простотѣ жизни маленькой Саксоніи и въ мягкомъ, домашнемъ ха-

рактёръ всѣхъ ея отношеній. Очень можетъ быть, что мои впечатлѣнія были преувеличены и дѣйствительныя отношенія Саксоніи были иныя, чѣмъ они мнѣ казались, но если это и было такъ, вслѣдствіе рѣзкости перехода отъ одного порядка вещей къ другому, то, все-таки, преувеличеніе, усиливавшее энергію желанія, чтобы и у насъ было не хуже, едва ли можно было поставить мнѣ въ вину.

Поѣздка за границу была для меня первымъ нагляднымъ урокомъ общественной гуманности и порядочности простаго будничнаго обихода. Я въ первый разъ увидѣлъ свободныхъ людей, которые безъ палки и самовластія живутъ, однако, гораздо лучше и богаче насъ; я увидѣлъ въ первый разъ, что мужики ѣдятъ хлѣбъ, который у насъ называется полубѣлымъ, на работу для завтрака берутъ масло и сыръ, спятъ на постеляхъ подъ одѣялами. И у насъ Н. В. Верещагинъ мечталъ создать время, когда каждый мужикъ будетъ ѣсть за завтракомъ голландскій или швейцарскій сыръ; но для такихъ завтраковъ и до сихъ поръ еще не наступило время; вѣроятно, оно зависитъ не отъ одного сыроваренія; пока же, въ ожиданіи голландскаго сыра и жареной курицы, нашъ мужикъ, попрежнему, ѣсть пушной хлѣбъ, живетъ въ избѣ, изображеніе которой вы можете найти у Герберштейна, и, вмѣсто постели, валяется на землѣ въ повалку, безъ различія пола и возраста, покрываясь всякимъ драньемъ.

Тогда въ Германіи не было ея теперешней солдатчины и прусскій поручикъ не былъ идеаломъ гражданскихъ доблестей. Жизнь, особенно въ маленькихъ государствахъ (и Пруссія тогда была маленькой), была проста и уютна; Бисмаркъ былъ неизвѣстенъ: онъ только готовился. Но эта маленькая гемютная Германія тоже пережила кое-что и уже производила у себя землетрясенія. Бабунина въ Саксоніи помнили хорошо и саксонцы добродушно думали, что онъ былъ подосланъ русскими, чтобы испортить саксонцамъ жизнь. Разъ я спрашиваю нашего вермисдорфскаго гаускнехта, участвовалъ ли онъ въ революціи. — «Покорно васъ благодарю, — отвѣчаетъ онъ мнѣ, — ужь больше никогда я не стану дѣлать революціи». — «А что?» — «Только налоговъ прибавили и все стало дороже».

Но не одну живую книгу жизни читалъ я въ Германіи; читалъ я книги и печатныя. Особенно я отыскивалъ сочиненія о Россіи, которой я не зналъ ни исторіи, ни географіи.

Во Франціи, въ которую я проѣхалъ изъ Швейцаріи черезъ Доль и Дижонъ, нантъ дилижансъ ввезли ночью въ какія-то темныя ворота, заперли ихъ, потомъ насъ окружили жандармы и потребовали паспорта, затѣмъ перерыли наши вещи и вообще надѣлали намъ много хлопотъ, безпокойствъ и страховъ. Тогда было время апогея власти Наполеона (особенно послѣ Севастополя) и все это было въ порядкѣ вещей. Но апогей не мѣшалъ, однако, Парижу разжигать тамъ и здѣсь очаги, если не революціи, то недовольства императорскимъ правительствомъ, и подобный очажекъ мнѣ пришлось увидѣть въ Rue de la Michaudiere, въ Hôtel Molier, въ которомъ я остановился. Отель содержала М-me Maxime, вмѣстѣ съ Fovetie, редакторомъ маленькаго *Revue Philosophique*. У нихъ былъ свой кружокъ, въ которомъ принимала участіе извѣстная проповѣдница женской эмансипаціи Женни д'Еригуръ и еще болѣе извѣстный Массоль, сенсимонистъ, товарищъ и ученикъ Анфантепа. Впрочемъ, объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ, если придется.

Не скажу, чтобы я возвращался изъ-за границы съ легкимъ сердцемъ, хотя меня и очень тянуло домой.

VI.

Я вернулся изъ-за границы еще въ большемъ чадѣ, чѣмъ туда поѣхалъ. Но въ этомъ чадѣ было много силы и самыхъ лучшихъ желаній. То былъ чадъ молодости, который зовется любовью. Всѣ мы тогда и горѣли, и любили, и хотѣли работать. И съ такой, коллективно направленной на благо силой можно было произвести чудеса. Нѣсколько чудесъ и свершилось. Напримеръ, такое дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ, котораго прежде не могли сдѣлать въ пятьдесятъ лѣтъ, теперь кончили въ четыре года (въ 1857 году былъ первый секретный комитетъ, въ которомъ Корфъ предложилъ обратиться къ нижнему теченію, а 19 февраля 1861 г. уже явился манифестъ объ освобожденіи).

Мнѣ, однако, пришлось не долго профессорствовать; наступило время переменъ и событія смѣнялись быстро. Я еще не вернулся изъ-за границы, какъ Киселевъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ, а на мѣсто Киселева, и по его указанію, Шереметевъ, въ товарищи которому, и тоже по указанію Киселева, опредѣ-

лень Хрущовъ. Шереметевъ, человекъ старый и болѣзненный, былъ до этого товарищемъ министра юстиціи; Хрущовъ же, сравнительно еще молодой, служилъ одно время управляющимъ петербургской палатой государственныхъ имуществъ, а потомъ былъ гофмейстеромъ при дворѣ великой княгини Елены Павловны и директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Хрущова я помнилъ нѣсколько по его управленію палатой и даже имѣлъ съ нимъ «случай». Управляющимъ Хрущовъ держалъ себя очень недоступно и высокомерно; то былъ тогдашній общій тонъ всѣхъ маленькихъ начальниковъ, которымъ хотѣлось казаться большими. Вѣроятно, по молодости, но я не могъ выносить высокомернаго тона и у меня сейчасъ же являлось желаніе наругать. Былъ я командированъ для таксаціи одной лѣсной дачи Петербургской губерніи и, слѣдовательно, состоялъ въ нѣкоторой зависимости отъ Хрущова. Когда работы подходили къ концу, я получилъ отъ Хрущова бумагу съ какимъ-то указаніемъ или требованіемъ. Я отвѣтилъ тоже бумагой, что я командированъ министерствомъ, имѣю инструкціи, знаю какъ исполнять ихъ и указанія могу получать только отъ департамента. Я поступилъ дерзко и неправильно; Хрущовъ имѣлъ право передать мнѣ къ руководству свои мнѣнія и желанія, какъ хозяинъ мѣстныхъ государственныхъ имуществъ, и я долженъ былъ принять ихъ. Это было въ 1845 году. Весною 1846 г. я былъ посланъ на работы въ Костромскую губернію, въ дикій Ветлужскій уѣздъ, и потомъ узналъ, что Хрущовъ передалъ «случай» графу Ламздорфу и тотъ, назначивъ меня въ Костромскую губернію, сказалъ: «пускай прохладится».

Шереметевского управленія мы и не подозрѣвали, точно и министерство перестало существовать; но вотъ весной 1857 года разнесся слухъ, что назначенъ министромъ Муравьевъ, и мы встрепенулись (Шереметева разбилъ параличъ). Помню смутно, что и я являлся къ Муравьеву, что онъ жилъ въ очень маленькой квартиркѣ близъ Владимірской церкви, въ домѣ Есаулова (въ этомъ же домѣ жилъ потомъ Чернышевскій), и что у Муравьева то входилъ въ залъ, то выходилъ изъ него генералъ, повидимому, чувствующавшій себя не совсѣмъ на мѣстѣ. Генераломъ этимъ оказался А. А. Зеленый, впоследствии товарищъ Муравьева, а потомъ и министръ государственныхъ имуществъ.

Непонятныя и пугающія воображеніе событія вродѣ внезап-

наго появленія кометъ всегда сопровождаются легендами и пророчествами. Такъ случилось и съ назначеніемъ Муравьева въ министры. Рассказывали, что Муравьевъ, женатый на родственницѣ Шереметева, самъ предложилъ себя въ его намѣстники и получилъ министерство только при содѣйствіи императрицы. Далѣе легенда говорила, что Муравьевъ не пользовался расположеніемъ Императора Николая, который послѣ 14 декабря имѣлъ нѣкоторые поводы сомнѣваться въ вѣрности Муравьева и во все свое царствованіе держалъ его отъ себя далеко и не особенно двигалъ вверхъ. Еще одна легенда гласила слѣдующее: приѣзжаетъ къ Муравьеву курьеръ съ извѣстіемъ и поздравленіемъ о производствѣ его въ генералъ-лейтенанты (приказъ уже былъ подписанъ, но еще не напечатанъ); Муравьевъ покупаетъ генералъ-лейтенантскіе эполеты (при Николаѣ всегда носили эполеты) и отправляется на Невскій проспектъ. День былъ солнечный и теплый. Императоръ Николай тоже вышелъ прогуляться и встрѣтилъ Муравьева. На другой день явился приказъ, что генералъ-лейтенантъ Муравьевъ переименовывается въ тайные совѣтники. Ходили еще слухи о губернаторствѣ Муравьева въ западномъ краѣ. Легендъ, однимъ словомъ, было немало. Я хочу сказать всѣмъ этимъ, что назначеніе Муравьева министромъ произвело впечатлѣніе, а назначеніе Шереметева никакими легендами не сопровождалось. Очевидно, что Муравьевъ былъ изъ другой глины.

Муравьевъ вступилъ въ управленіе съ очень короткой, но категорической программой, что все киселевское управленіе нигуда не годится, чиновники дурны и нужно произвести очистку. Все это Муравьевъ и объявилъ при приѣмѣ служащихъ. Явился всеобщій переполохъ и трепеть. Паника усилилась, когда стало извѣстнымъ, что Муравьевъ поѣдетъ ревизовать мѣстныя управленія. Я находился въ Лисино совершенно внѣ всѣхъ этихъ волненій, какъ получилъ внезапно предписаніе приѣзжать въ Петербургъ. Оказалось, что Муравьевъ съ дороги (изъ Новгорода) потребовалъ, чтобы къ нему былъ присланъ лѣсной офицеръ, и департаментъ назначилъ меня. Со мною было послано нѣсколько докладовъ и, между прочимъ, одинъ о назначеніи меня начальникомъ IV отдѣленія лѣснаго департамента, вмѣсто полковника Ѳ. Б. А., пожелавшаго занять открывшуюся вакансію профессора Лѣснаго института. Я приѣхалъ въ Новгородъ вечеромъ и сейчасъ же явился къ Муравьеву со всѣми моими докладами, ко-

торые ему тутъ же и доложилъ. Это былъ мой экзамень. Докладъ о назначеніи меня начальникомъ отдѣленія Муравьевъ отложилъ до осени, предполагая, конечно, испытать меня.

Сдѣлаю маленькое отступленіе. Разъ Императоръ Николай пріѣхалъ къ намъ въ корпусъ и приказалъ сдѣлать фронтовое ученье. Государь стоялъ передъ фронтомъ, лицомъ къ намъ, и выдавался настолько своимъ ростомъ и величавымъ видомъ, что я одного его только и видѣлъ. У меня въ памяти громаднѣйшій залъ, мы, кадеты, стоимъ фронтомъ въ длину его, грозная и величественная фигура Императора, Каменскій передъ Государемъ, командующій нами (крикунъ Каменскій былъ совсѣмъ блѣдный и трусилъ), да жалкій, испуганный, съ опущенной внизъ головой штабсъ-капитанъ Фонъ-деръ-Ноне. Фонъ-деръ-Ноне стоялъ впереди фронта, въ общемъ строѣ, и при одной командѣ сдѣлалъ не такъ полусаблей. Николай взглянулъ на него своимъ извѣстнымъ взглядомъ и бѣдняга Фонъ-деръ-Ноне поблѣднѣлъ, задрожалъ и выронилъ полусаблю отъ страха. На такихъ примѣрахъ и мы проникались спасительнымъ страхомъ, и мнѣ думается, что этому много помогало фронтовое ученье. Бывало, стоишь на солнышкѣ, на Царицыномъ лугу, въ майскій парадъ, въ полной аммуниціи (а у насъ была черная, лакированная), и держишь на «караулъ» больше часу, и не шевельнешь ни однимъ пальцемъ, только задержишь; а музыка, трубы, флейты, барабаны гудятъ, трещатъ, пищатъ, производя одуряющую гамъ и грохотъ, — не чувствуешь даже какъ сердце бьется. Затѣмъ, какъ эхо, передается команда за командой и начинается церемоніальный маршъ. Памятенъ мнѣ одинъ подобный церемоніальный маршъ. Ночью шелъ проливной дождь и на Царицыномъ лугу образовались большія лужи; я былъ унтеръ-офицеромъ и шелъ въ замѣ, значить на виду. Подходя къ мѣсту, гдѣ стоялъ Императоръ съ огромной блестящей свитой, когда хоръ нашихъ музыкантовъ перешелъ въ сторону и это значило, что мы приближаемся къ грозному судбищу, я совсѣмъ застылъ, пересталъ понимать и видѣть; я чувствовалъ только, что на меня устремлены сотни глазъ, и, вытягивая носки, отбивалъ ногами по всѣмъ лужамъ, твердо помня только, что я долженъ смотрѣть въ чей-то затылокъ, чтобы не потерять прямой линіи. Когда во время дежурства въ корпусъ нужно было встрѣтить начальника и отрапортовать ему, я всегда все пере-забывалъ и путалъ, такъ что больныхъ оказывалось больше, чѣмъ здоровыхъ, а подъ арестомъ больше, чѣмъ налицо. А.

между тѣмъ, если приходилось драться съ товарищами, я дрался очень мужественно. Вотъ съ этимъ-то чувствомъ страха передъ властью я прѣхалъ и къ Муравьеву. Муравьевъ былъ средняго роста, коренастъ, приземистъ, имѣлъ короткую шею и приподнятыя широкія плечи. Лицо было у него нѣсколько обрюзгое, усы щетинистые и изъ-подъ невысокаго лба съ густыми, торчащими сѣдыми бровями смотрѣли маленькіе, сѣрые, пронизательные и умные глаза. И, въ то же время, это суровое лицо, совсѣмъ не созданное, повидимому, для выраженія жалости, умѣло улыбаться младенческой, кроткой, добродушной улыбкой! Муравьевъ, какъ видно, остался доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня, и оставилъ при себѣ; но онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что отъ этого страха я очень скоро избавлюсь.

Наше ревизіонное путешествіе по Россіи походило скорѣе на нашествіе, чѣмъ на ревизію. При Муравьевѣ состояла масса чиновниковъ, между прочимъ, и извѣстный Я. А. Соловьевъ. Ревизовались три вѣдомства: государственныя имущества, удѣлъ и межевая часть; но гроза направлялась собственно противъ государственныхъ имуществъ, потому что удѣлъ и межевое управленіе уже состояли въ вѣдѣніи Муравьева. Порядокъ нашествія былъ такой. Впередъ посылались состоявшіе при Муравьевѣ чиновники; это были наши партизаны; они разсыпались по ревизуемой губерніи и собирали свѣдѣнія на мѣстахъ. Кромѣ того, Муравьевъ испросилъ у Государя двухъ флигель-адъютантовъ, которые тоже собирали по пути свѣдѣнія изъ разныхъ опросовъ. За этими летучими отрядами слѣдовала главная грозная сила, не уклонявшаяся въ сторону и направлявшаяся къ пункту ревизіи, т. е. къ губернскому городу. Главную силу составляли три тарантаса, ѣхавшіе одинъ за другимъ. Въ первомъ тарантасѣ ѣхалъ самъ Муравьевъ и на козлахъ у него сидѣлъ курьеръ; во второмъ тарантасѣ—правитель канцеляріи Муравьева по департаменту удѣловъ, а на козлахъ курьеръ; наконецъ, въ третьемъ тарантасѣ—я и тоже на козлахъ курьеръ. Въ губерскомъ городѣ насъ уже ожидалъ партизанскій отрядъ и представлялъ Муравьеву ревизіонный матеріалъ. Затѣмъ партизаны опять посылались впередъ, а флигель-адъютанты оставались для ревизіонной обстановки. Самый актъ ревизіи свершался такъ: за присутственнымъ столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидѣлъ Муравьевъ, по сторонамъ его противъ угловъ стола и нѣсколько сзади сидѣли флигель-адъютанты, за столомъ управляющій

палатой, совѣтники, ассессоръ и еще кто-то, а противъ Муравьева, на другомъ концѣ стола,—я. Если присутственная комната была довольно велика, то вокругъ, у стѣнъ, стояли чиновники палаты, если же комната была тѣсна, то чиновники толпой стояли у дверей. Однимъ словомъ, ревизія производилась гласно и въ назиданіе всѣмъ.

Нашъ пріѣздъ въ губернской городъ производилъ всеобщій переполохъ, и, дѣйствительно, провинція еще въ первый разъ видѣла подобную ревизію и по массѣ чиновниковъ, и по внушительной обстановкѣ, и по сосредоточенію въ рукахъ одного лица тройной власти. Начиная съ губернатора, къ Муравьеву являлись всѣ чины; иногда собиралось ихъ, какъ мнѣ казалось, человекъ до ста. И съ каждымъ Муравьевъ умѣлъ и зналъ о чемъ говорить; онъ умѣлъ и озадачить вопросомъ, если это было нужно, и пошутить, и добродушно улыбнуться; но умѣлъ и насупиться или же сдѣлать публично грозный, внушающій приемъ съ приказаніемъ оставить службу; а за грозой опять для кого-нибудь проглядывало солнце, и Муравьевъ ласково улыбался. Мнѣ случалось видѣть и другихъ начальниковъ съ генеральскими эполетами; они обыкновенно держали себя очень прямо и сообщали себѣ внушающій видъ выпуклой грудью, но изъ этой груди бѣльшею частью ничего не выходило. Муравьевъ держалъ себя совсѣмъ просто, никакой внѣшней важности не напускалъ, но говорилъ всегда умно и содержательно и, кромѣ того, каждый чувствовалъ, что у этого человека не дрогнетъ рука подписать, что хотите. Этого было совершенно достаточно, чтобы однимъ своимъ именемъ возбуждать въ робкихъ паническій страхъ. Рассказывали, что два чиновника отъ нашей ревизіи умерли со страха. Это могло случиться. Припоминаю еще случай умной грозости Муравьева. Поѣхалъ онъ въ Лѣсной институтъ и взялъ меня съ собою (вѣроятно, въ назиданіе воспитанникамъ). Обыкновенные генералы всегда начинали съ фронтоваго ученья. Муравьевъ велѣлъ построить воспитанниковъ и затѣмъ пошелъ по рядамъ, останавливался, спрашивалъ у воспитанника, въ которомъ онъ классѣ, и предлагалъ вопросы изъ математики или изъ другихъ предметовъ (преимущественно изъ математики, которую Муравьевъ зналъ хорошо), но такіе, на которые воспитанники не находили отвѣтовъ. Въ сущности, это былъ экзамень, и послѣ нашего отъѣзда воспитанники, вѣроятно, не смѣялись надъ Муравьевымъ, какъ это они дѣлали надъ фронтовыми начальниками.

Муравьевъ умѣлъ хорошо читать цифры и вѣрно понималъ вѣдомости, которыя ему представляли. Бѣ ревизіи онъ готовился тщательно, съ вечера пересмотрить всѣ вѣдомости и записки. которыя ему представляютъ ревизоры, загнеть уголки, гдѣ ему нужно, и, несмотря на то, что вѣдомостей и записокъ наберется цѣлая груда, Муравьевъ не забудетъ своихъ уголковъ и въ нихъ не ошибется. Говорилъ онъ хорошо, просто, русскимъ складомъ, коротко и мѣтко.

Муравьевъ не былъ ни администраторомъ, ни реформаторомъ: онъ былъ разрушитель и умѣлъ ломать превосходно. Вообще эта натура была революціонная. Задумавъ очистить министерство отъ лицъ, онъ очистилъ его и отъ идей. Крестьянъ онъ обрѣзалъ землею, набавилъ платежей, поощрялъ личное землевладѣніе и въ моментъ, когда государственнѣйшій вопросъ заключался въ улучшеніи быта крестьянъ, Муравьевъ ухудшалъ этотъ бытъ. Но Муравьевъ любопытенъ какъ типъ, какъ характеръ. Такихъ людей могла создавать только Россія и только въ ней могли настолько портиться богатѣя умственные и душевные средства. Муравьевъ былъ личникъ и придавалъ большое значеніе личной энергіи; но онъ безъ нужды напрягалъ чужую энергію, больше чѣмъ это требовалось для дѣла, и возбуждалъ ее чувствомъ страха. Когда что-нибудь поручалось нѣсколькимъ лицамъ, Муравьевъ всегда спрашивалъ: «а съ кого я буду взыскивать?» Ему непремѣнно нужно было взыскивать. Людей, вообще, онъ цѣнилъ не высоко; если ему говорили, что для такого-то дѣла нѣтъ человѣка, онъ отвѣчалъ: «было бы болото». Разъ, когда я заступался за кого-то, онъ мнѣ сказалъ: «поживите съ мое, и вы увидите, что люди ничего не стоить». Но этотъ же самый Муравьевъ умѣлъ и уважать. Даля, который былъ тогда управляющимъ нижегородской удѣльной конторой, Муравьевъ принималъ не какъ министръ подчиненнаго, а какъ какого-нибудь президента академіи. Съ необыкновеннымъ уваженіемъ и теплотой онъ отзывался о Банкринѣ и своими чувствами къ отцу дорожилъ, какъ святыней. Отецъ Муравьева перевелъ Тѣра и сдѣлалъ къ переводу примѣчанія. У Муравьева былъ экземпляръ книги съ поимѣнками отца на поляхъ и сынъ благоговѣнно хранилъ этотъ экземпляръ, какъ евангеліе. Хотя Муравьевъ получилъ и французское воспитаніе, но былъ «патріотомъ», считалъ себя вполне русскимъ человѣкомъ и, въ то же время, былъ способенъ переломить весь русскій бытъ, если бы ему это позволили. Муравьевъ былъ

честолюбивъ, властолюбивъ и деспотиченъ, прощать онъ не умѣлъ и всегда увлекался личными чувствами (не переносилъ ли Муравьевъ своихъ личныхъ чувствъ къ Киселеву на его министерство?). Насколько въ такихъ случаяхъ онъ былъ мелоченъ, приведу слѣдующій фактъ. Нужно было отъ Муравьева (по лѣсному департаменту) написать немного о чемъ-то къ предсѣдателю государственнаго совѣта. Я привезъ къ Муравьеву бумагу; онъ хотѣлъ уже ее подписать, но остановился. «Почему это такъ?»—спрашиваетъ онъ меня, указывая на «послѣсловіе». Я отвѣтилъ, что министръ подписывается къ предсѣдателю государственнаго совѣта по формѣ (кажется) 20 (были такія формы, въ которыхъ указывалось, какъ должно быть соблюдаемо чинопочитаніе въ подписяхъ).—«Покажите». Я подалъ форму. Муравьевъ долго ее разсматривалъ, потомъ показалъ пальцемъ на два номера ниже, т. е. менѣе почтительно, и сказалъ: «Велите по этой». Или, въ Саратовѣ, Муравьевъ внезапно переимѣнилъ дни ревизій и палату государственныхъ имуществъ назначилъ ранѣе удѣльной конторы. Я не успѣлъ приготовиться и явился безъ всего, не сказавъ объ этомъ Муравьеву. Когда дошла очередь до лѣснаго отдѣленія, Муравьевъ обращается ко мнѣ: «Капитанъ Шелгуновъ!» Я немного приподнялся и отвѣтилъ: «У меня не готово». Такъ это и кончилось; но когда пришлось уѣзжать изъ Саратова, Муравьевъ съ правителемъ канцеляріи прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ луговой дорогою (самъ онъ поѣхалъ горной, почтовой), и отнялъ отъ меня курьера, котораго я получилъ, и опять попалъ въ свиту Муравьева только въ Нижнемъ-Новгородѣ. Или: въ 1858 году Зеленый предложилъ мнѣ ѣхать за границу (я отказался отъ управленія отдѣленіемъ и Муравьевъ на меня разсердился) и нужно было составить объ этомъ всенодданнѣйшій докладъ. Я доставилъ докладъ и послалъ его къ Муравьеву. Муравьевъ подчеркнулъ какое-то слово синимъ карандашомъ, поставилъ съ боку NB и докладъ возвратилъ. Я послалъ второй докладъ и съ нимъ случилось опять то же; послалъ третій—то же. Къ Муравьеву было послано десять докладовъ, и только одиннадцатый онъ повезъ къ Государю. А такъ какъ Муравьевъ имѣлъ одинъ докладъ въ недѣлю, то разрѣшеніе затянулось на 10 недѣль.

Муравьевъ былъ очень доступенъ, можетъ быть, потому, что любилъ быть центромъ власти, и приемная его была по утрамъ биткомъ набита. Несмотря на свой деспотизмъ, Муравьевъ умѣлъ

выслушивать, но власти изъ своихъ рукъ выпускать не любилъ. Одинъ изъ штатскихъ генераловъ департамента корабельныхъ лѣсовъ, посланный для ревизіи бузулуцкаго бора, гдѣ были злоупотребленія, представилъ толстѣйшую тетрадь всякихъ своихъ соображеній и предположеній и думалъ этимъ выслужаться. Муравьевъ велѣлъ мнѣ доложить, и я въ докладѣ, пунктъ за пунктомъ, опровергъ предположенія генерала. Сначала Муравьевъ слушалъ терпѣливо, но потомъ уставился на меня сердито черезъ очки, потомъ сталъ торопить—«ну, ну», наконецъ, не вытерпѣлъ и говорить: «Чего же вы хотите?!» Я отвѣтилъ, что генералъ, ревизовавшій бузулуцкій боръ, ничего не сказалъ такого, чего бы мы не знали гораздо лучше его изъ нѣмецкихъ и русскихъ книгъ о мѣрахъ охраненія лѣсовъ; но, вѣдь, тутъ не въ нихъ дѣло.—«А въ чемъ же?»—«Да въ томъ, что М. (лѣсничій) воръ». Муравьевъ, ни слова не отвѣтивъ, взялъ отъ меня докладъ и утвердилъ. Послѣ ревизіоннаго нашествія я представилъ Муравьеву записку о результатахъ ревизіи съ моими выводами и заключеніями. Когда я ему сталъ докладывать, онъ опять началъ сердиться и придираться къ каждому моему заключенію, но я все продолжалъ. Увидѣвъ, что я не понимаю его «намековъ», Муравьевъ сказалъ, что отъ меня онъ требуетъ только фактовъ, а выводы онъ сдѣлаетъ самъ. Ему даже мои выводы показались посягательствомъ на его власть.

Муравьевъ, какъ я сказалъ, не былъ реформаторомъ, и сомнительно, чтобы онъ сочувствовалъ реформамъ, хотя своего несочувствія онъ никогда не высказывалъ, но оно какъ-то сквозило во всей его дѣятельности. Даже и въ томъ, что онъ ломалъ, не было замѣтно системы. Одно время онъ былъ сильно противъ монаховъ и духовенства, не соглашался ни на какія ихъ просьбы и при всякомъ случаѣ ихъ урѣзывалъ. Но вотъ разъ поступаетъ просьба московской Сергіевой лавры объ отводѣ ей порядочно большаго лѣснаго участка (монастырямъ полагалось 150 дес.). Я готовилъ докладъ въ смыслѣ отказа; но Муравьевъ, противъ всякаго ожиданія, сталъ мягко меня убѣждать (точно это зависѣло отъ меня), что нужно войти въ положеніе монастыря и т. д., и велѣлъ составить всеподданнѣйшій докладъ. Муравьевъ служилъ хорошимъ показателемъ «поворота», который намѣтился за много ранѣе до 19 февраля 1861 г. Въ 1857 г. не было такого доклада, уничтожающаго старое, съ которымъ бы Муравьевъ не согласился, но уже въ 1859 году онъ сталъ об-

нарушивать какую-то попятность. Напримѣръ, я былъ командированъ за границу для изученія европейскаго лѣснаго законодательства и затѣмъ, съ согласія Муравьева, составилъ проектъ измѣненій VIII тома и проектъ новаго устава. Когда я представилъ эту работу Муравьеву, онъ одобрилъ ее, но не согласился на переѣзны сразу, а назначилъ комитетъ для разсмотрѣнiя «по частямъ». Въ 1857 г. Муравьевъ этого бы не сдѣлалъ.

Разъ Муравьевъ говоритъ мнѣ: «А какого я вамъ дамъ директора: молодаго, энергичнаго!» И дѣйствительно, вмѣсто добраго старика Норова, еще изъ киселевскихъ людей, далъ полковника и флигель-адъютанта (своего племянника) А. Г. Л. Съ этихъ поръ у насъ пошла ужасная кутерьма (ея было и прежде немало). Въ подробности я вдаваться не стану, потому что онѣ вовсе не интересны, уже и о Муравьевѣ я говорилъ много, но онъ представляетъ интересъ, какъ министръ и извѣстный во многихъ отношенiяхъ государственный дѣятель, чего о Л. и его директорствѣ сказать нельзя. Я рѣшилъ оставить департаментъ и поѣхалъ къ А. А. Зеленому съ просьбой освободить меня отъ управленiя отдѣленiемъ. Зеленый спросилъ меня о причинѣ и я ему ее объяснилъ, хотя не вполне, потому что умолчалъ о Муравьевѣ. «Хотите ѣхать за границу?» — отвѣтилъ на мою просьбу Зеленый неожиданно. Я поблагодарилъ его, рапортовался больнымъ, пересталъ ходить въ департаментъ и вотъ тутъ-то и послѣдовали тѣ 11 докладовъ, о которыхъ я говорилъ. Муравьевъ догадывался, что я убѣждалъ отъ него.

Мой «петербургскiй періодъ» продолжался менѣе года. Лѣтомъ 1857 г. я поступилъ къ Муравьеву и участвовалъ въ знаменитой ревизiи, въ октябрѣ того же года былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣленiя, а въ маѣ 1858 года уже уѣхалъ за границу, распростившись съ муравьевскою реформаціей.

VII.

Да, это были не реформы, а только переѣзны; очистка, но людей, а не принциповъ и порядковъ. Жизнь была не въ этомъ чиновномъ и министерскомъ мірѣ и не онъ давалъ цвѣтъ и содержанiе тому, чѣмъ люди жили; жизнь была дальше, тамъ, гдѣ начиналась уже крестьянская реформа, работали губернскiе комитеты, волновалась общественная мысль. Но, кромѣ этого теченiя, которое фактически выносило на себѣ крестьянское дѣло,

было еще течение, болѣе широкое и глубокое, лежавшее еще ниже, дававшее красоту жизни, тонъ и направленіе общественной мысли, цвѣтъ своей эпохѣ. Этимъ широкимъ, могучимъ теченіемъ была печать.

Еще никогда не бывало въ Россіи такой массы листовъ, газетъ и журналовъ, какая явилась въ 1856 — 1858 гг. Изданія появлялись какъ грибы, хотя точнѣе было бы сказать, какъ водяные пузыри въ дождь, потому что такъ много ихъ появлялось и затѣмъ также скоро исчезало. Одними объявленіями объ изданіяхъ можно было бы оклеить башню московскаго Ивана Великаго. Изданія были всевозможныхъ фасоновъ, размѣровъ и направленій, большія и малыя, дешевыя и дорогія, серьезныя и юмористическія, литературныя и научныя, политическія и вовсе неполитическія. Появлялись даже летучіе, уличные листки. Вся печать, съ официальной, доходила до 250 изданій.

Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли, были Москва и Петербургъ. Въ петербургскихъ изданіяхъ слѣдилось преимущественно за интересами дня, за тѣмъ, что дѣлалось въ русскомъ мірѣ, за вопросами, которые намѣчались и разрѣшались. Петербургская печать была передовымъ и главнымъ боевымъ полкомъ. Она стремилась руководить и не однимъ общественнымъ мнѣніемъ и ставила иногда вопросы, если и не опережавшіе правительственную мысль, то пытавшіеся расчистить ей путь и въ дѣйствительности его расчищавшіе. Москва больше теорезировала и углублялась въ основы русскаго духа. Какъ только явилась большая свобода и повѣяло духомъ переменъ, Москва принялась издавать славянофильскіе и полуславянофильскіе органы, объявила войну исторіи Запада и Петру Великому (конечно, вмѣстѣ съ Петербургомъ), и въ поддержку *Русской Бесѣды* Кошелева, явился *Парусъ* Ив. Аксакова. Но та же Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ — *Русскій Вѣстникъ*, основанный въ 1856 г., въ умѣренно либеральномъ направленіи и сразу завоевавшій популярность интересомъ и дѣльностью содержанія; но уже въ 1857 г. возникъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* расколъ по вопросу о централизаціи и часть его сотрудниковъ, отдѣлившись, основала *Атеней* (погибшій скоро «въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики»). Въ Москвѣ же издавался тогда критическій органъ *Московское Обозрѣніе*, въ которомъ участвовали только безыменные сотрудники, поставившіе себѣ задачей полную свободу и независимость отъ авторитетовъ.

Но умственный центръ былъ не въ «сердцѣ» Россіи, а въ ея головѣ—въ Петербургѣ, гдѣ началъ издаваться и занялъ первое мѣсто между журналами *Современникъ*. За *Современникомъ* стояли *Отечественныя Записки* и *Библіотека для Чтенія*. Петербургъ не уступилъ Москвѣ, а превзошелъ ее обиліемъ и разнообразіемъ новыхъ органовъ. Въ Петербургѣ явился *Экономическій Указатель*, проповѣдывавшій свободу торговли, неограниченную конкуренцію и личную поземельную собственность; *Искра*, юмористическій и сатирический журналъ, основанный В. Бурочбинымъ съ цѣлою компаніей поэтовъ и юмористовъ; *Русскій Дневникъ* Павла Мельникова, а въ 1858 г. *Русское Слово* графа Кушелева.

Это было удивительное время,—время, когда всякій захотѣлъ думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого что-нибудь было за душой, хотѣлъ выказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порывъ ея былъ сильный и задачи громадныя. Не о сегодняшнемъ днѣ шла тутъ рѣчь, обдумывались и рѣшались судьбы будущихъ поколѣній, будущія судьбы всей Россіи, становившіяся въ зависимость отъ того или другаго разрѣшенія реформъ. Эта заманчивая работа потянула къ себѣ всѣхъ болѣе даровитыхъ и способныхъ людей и выдвинула массу молодыхъ публицистовъ, литераторовъ и ученыхъ, имена которыхъ навсегда связались съ исторіей русскаго просвѣщенія и съ блестящимъ, но короткимъ моментомъ шестидесятыхъ годовъ, надолго давшимъ свое направленіе умственному движенію Россіи, какъ бы оно по временамъ ни затихало. Въ 1857 и 1858 гг., о которыхъ пока рѣчь, свершалось только начало этого громаднаго умственнаго труда, блестящій же, самый оживленный и зрѣлый моментъ журналистики былъ еще впереди и начался послѣ 1859 года.

Съ этого года мои личныя воспоминанія получаютъ другой характеръ. Я вступаю въ сношенія съ людьми, память о которыхъ связана съ лучшими годами моей жизни. И какая же это память, какая благоговѣйная память и какъ она дорога мнѣ! Самая широкая гуманность и великодушныя чувства нашли въ этихъ людяхъ лучшихъ своихъ поборниковъ. Если у меня, старика, у котораго уже нѣтъ будущаго, бываютъ еще теплыя и свѣтлыя минуты въ жизни, то только въ воспоминаніяхъ о нихъ.

Н. Шелгуновъ. .

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н а в ы с о т ь.

Какъ брилліантовыя скалы
Возносить глетчеръ груды льдинъ,
Голубоватые кристаллы
Какихъ-то царственныхъ руинъ;
И блещуть нестерпимо-ярки
Изъ цѣльной глыбы хрусталя
Зубцы, готическія арки
И безграничныя поля,
Гдѣ подь іюльскими лучами
Изъ гротовъ тающаго льда
Грохочетъ мутными струями
Блѣдно-лазурная вода.
А тамъ, вдали, какъ великаны,
Утесы Шрекгорна встають,
И одѣваются въ туманы,
И небо приступомъ берутъ;
И съ чудной граціей повисли,
Янтарной дымкой обвиты,
Полувоздушные хребты,
Какъ недосказанныя мысли,
Какъ золотистые цвѣты...

Юнгфрау. 1886 г.

Д. Мереминскій.

Сельско-хозяйственное производство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и вѣроятныя причины его успѣшнаго развитія.

I.

Сельско-хозяйственное производство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ получило за послѣдніе годы рѣшающее значеніе въ экономической жизни Европы; не меньшее значеніе имѣетъ оно и для Россіи, ибо и во внутренней экономической жизни, и въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ экономическаго характера мы всецѣло зависимъ и еще долго будемъ зависеть отъ сельско-хозяйственнаго производства и оборотовъ его продуктами. А это-то именно производство, эти именно обороты и достигли въ Соединенныхъ Штатахъ безпримѣрныхъ размѣровъ съ данными далеко не законченнаго развитія.

Что касается производства зерновыхъ хлѣбовъ, то еще въ 1872 г. во главѣ странъ, воздѣлывающихъ пшеницу, стояла Франція, производя почти въ полтора раза болѣе, чѣмъ С. Америка *). Но не прошло десяти лѣтъ и отношеніе стало обратнымъ. Въ 1879 г. производство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ уже выражалось 160 милл. гектолитровъ, а Франціи—только 77,5. Теперь же Соединенные Штаты стоятъ во главѣ странъ, производящихъ пшеницу, да и не только пшеницу, а вообще пищевыя средства. Въ странѣ усиливается производство мяса, молочныхъ продуктовъ, плодовъ, а затѣмъ усиливается ихъ вывозъ. Въ какой степени быстро развивается производительность страны и ея вывозная способность, лучше всего доказывается производствомъ и вывозомъ свѣжаго мяса. Сравнительно очень недавно, только въ 1875 году, сѣверо-американскіе промышленники, недовольные условіями транспорта черезъ океанъ убойнаго скота живьемъ, начали, по инициативѣ Истмэна

*) *Reinhold Pallmann*: „Der deutsche Exporthandel der Neuzeit und nord-amerikanische Concurrrenz“.

изъ Нью-Йорка, пробовать разныя приспособленія для перевозки въ Европу вполнѣ свѣжаго мяса. За этотъ годъ его было вывезено только 24,340 фунт., на сумму 2,043 доллара. Въ слѣдующіе полтора года (по мартъ 1877 г.) вывозъ свѣжаго мяса, выразился уже 26,6 милліонами фунтовъ, стоившихъ 2,5 милліона долларовъ. Въ 1880 г. вывозъ по этой статьѣ выражается такъ: 715,547 центнеровъ *) свѣжаго мяса, да приблизительно такое же количество мясныхъ консервовъ **), что составить около четырехъ съ половиною милліоновъ пуд. При продажѣ въ Англіи только по 6 пенсовъ (около 18 к.) за фунтъ, что крупныя экспортеры считаютъ уже выгоднымъ, стоимость этой статьи вывоза опредѣлится приблизительно въ 28 милліоновъ рублей.

Тѣ обстоятельства, которыя до настоящаго времени обусловливали безпримѣрно быстрое развитіе сельско-хозяйственнаго производства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, никакъ нельзя считать имѣющими какія-либо данныя не только къ устраненію въ близкомъ будущемъ, но даже къ ослабленію. Напротивъ, съ теченіемъ времени они еще способны долго усиливаться и, усиливаясь, давать тѣ же результаты, только еще въ большихъ размѣрахъ.

Для нагляднаго представленія того положенія, которое занято въ настоящее время сельско-хозяйственнымъ производствомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, достаточно указать на Англію и Россію.

Первая является, безъ сомнѣнія, наиболѣе выразительнымъ типомъ страны, ввозящей пищевыя средства; вторая, приблизительно съ такою же степенью типичности, представляетъ образецъ страны, для которой необходимъ ихъ вывозъ. Нейманнъ-Шпалартъ приводитъ, между прочимъ, цифры, опредѣляющія положеніе Англіи, какъ потребительницы чужаго хлѣба. Въ 1857—59 г. она заплатила за купленный хлѣбъ 502 милліона франковъ, а въ 1874—1876 г. уже 1,326. Съ этого времени ввозъ еще увеличился, слѣдовательно, увеличилась и сумма уплаты. Положимъ, поставщиками для британскаго населенія являются всѣ страны, вывозящія хлѣбъ, но Сѣверо-Американскіе Штаты имѣютъ въ ряду этихъ странъ рѣшающее и, съ теченіемъ времени, все возрастающее преобладаніе.

При полной почти независимости населенія штатовъ отъ продуктовъ мноземнаго мануфактурнаго производства, ввозъ въ Англію пищевыхъ средствъ сѣверо-американскаго происхожденія представляется или долженъ представляться однимъ изъ существеннѣйшихъ британскихъ интересовъ.

Исключительная выгода положенія сѣверо-американской федерации заключается въ томъ, что она неуязвима со стороны вѣншей политики. Она, къ ея счастью, вполнѣ свободна отъ необходимости, отъ вре-

*) Центнеръ=50,8 килограммовъ или 3,1 пуд.

**) *Finnlay Dun*: „American Farming and Food“.

мени до времени, ставить на очередь традиціонные вопросы, разрѣшеніе которыхъ не только не имѣетъ ничего общаго съ благосостояніемъ народовъ, а, напротивъ, имѣетъ всѣ данныя понижать его непродуцительными тратами средствъ, зачастую очень ограниченныхъ и необходимыхъ для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ нуждъ.

Съ теченіемъ времени все возрастающее значеніе для Великобританіи ввознаго хлѣба и отношеніе къ этому ввозу его Россіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ наглядно представляются слѣдующими данными *).

Всего ввозилось въ Великобританію хлѣба:

Въ 1867 г.	180.655,600; изъ нихъ	{ 40,5% Россіей.
		{ 12,1% С.-Амер. Шт.
„ 1868 „	185.066,900; „ „	{ 30,8% Россіей.
		{ 15,0% С.-Амер. Шт.
„ 1869 „	221.116,800; „ „	{ 24,3% Россіей.
		{ 15, % С.-Амер. Шт.
„ 1870 „	203.682,400; „ „	{ 33,2% Россіей.
		{ 40, % С.-Амер. Шт.
„ 1871 „	234.660,700; „ „	{ 39,8% Россіей.
		{ 34,0% С.-Амер. Шт.
„ 1872 „	289.050,200; „ „	{ 42,4% Россіей.
		{ 20,0% С.-Амер. Шт.
„ 1873 „	259.882,300; „ „	{ 21,9% Россіей.
		{ 45,0% С.-Амер. Шт.
„ 1874 „	254.020,200; „ „	{ 13,8% Россіей.
		{ 55,6% С.-Амер. Шт.
„ 1875 „	296.973,800; „ „	{ 19,3% Россіей.
		{ 55,6% С.-Амер. Шт.
„ 1876 „	326.740,500; „ „	{ 19,3% Россіей.
		{ 45,4% С.-Амер. Шт.
„ 1877 „	342.906,500; „ „	{ 19,7% Россіей.
		{ 43,5% С.-Амер. Шт.
„ 1878 „	367.368,900; „ „	{ 19,9% Россіей.
		{ 39,7% С.-Амер. Шт.
„ 1879 „	374.343,600; „ „	{ 18, % Россіей.
		{ 58,2% С.-Амер. Шт.
„ 1880 „	365.874,420; „ „	{ 13,4% Россіей.
		{ 60,8% С.-Амер. Шт.
„ 1881 „	354.950,000; „ „	{ 5,2% Россіей.
		{ 65,5% С.-Амер. Шт.
„ 1882 „	315.276,200; „ „	{

Присматриваясь къ этому ряду цифръ, нельзя не замѣтить любопытное и мало утѣшительное обстоятельство. Ввозъ въ Англію иностраннаго хлѣба за послѣднія 15 лѣтъ возросъ почти вдвое. При возрастаніи этого спроса участіе наше въ его удовлетвореніи ослабло, а участіе сѣверо-

*) *Хлѣбная конкуренція Россіи съ Америкой. Матеріалы для рѣшенія хлѣбнаго вопроса въ Россіи. М., 1883 г.*

американскаго производства растеть. Если обстоятельства не измѣнятся къ лучшему, то есть полная вѣроятность, что британскій хлѣбный рынокъ скоро совсѣмъ выйдетъ изъ сферы нашего сбыта, ограничивъ весь свой спросъ къ намъ только однимъ овсомъ. И то потому только, что овса въ зернѣ Сѣверо-Американскіе Штаты почти вовсе не вывозять.

По отношенію къ другому серьезному хлѣбному рынку, Франціи, происходитъ приблизительно то же. Между тѣмъ, сравнительная близость Марселя и другихъ портовъ южнаго французскаго побережья къ экспортнымъ пунктамъ южной Россіи представляетъ весьма важное преимущество въ нашу сторону. Въ 1877 году мы ввезли 26,8% общаго ввоза хлѣба во Францію, а Соединенные Штаты только 9,9; въ 1877 году мы—38%, Соединенные Штаты—44%; въ 1880 году мы—20,8%, Соединенные Штаты—54,7; въ 1881 году мы—21,8%, Соединенные Штаты—33,8%.

Во Германіи мы удерживаемъ преимущество, но это, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что во ввозимомъ нѣмцами хлѣбѣ преобладають рожь и овесъ. Первая разводится въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ сравнительно въ очень незначительномъ количествѣ, а второй почти вовсе не вывозится, ибо воздѣлывается почти исключительно для потребленія на кормъ рабочихъ животныхъ. Къ тому же, спросъ германскаго рынка не обезпеченъ при вполнѣ возможномъ возвышеніи въ Германіи внутренняго производства и при вѣроятности болѣе усиленнаго участія въ удовлетвореніи спроса Австро-Венгріей. Да, кромѣ того, Германія не есть непосредственная потребительница ввозимаго отъ насъ хлѣба; большую часть она ввозитъ для передачи, въ качествѣ посредницы, хотя бы той же Англіи, понижая къ нашей невыгодѣ уровень непосредственнаго отъ насъ спроса. Такъ какъ нѣмецкій рынокъ испытываетъ въ значительной степени давленіе американской конкуренціи, то и здѣсь спросъ на нашъ хлѣбъ слабѣетъ. Это замѣтно въ нашихъ хлѣбо-торговыхъ центрахъ даже при томъ низкомъ курсѣ, который держится за послѣднее время. Ждать усиленія спроса отъ Германіи при повышеніи курса едва ли основательно.

Рѣзко преобладающимъ положеніемъ, выведеннымъ изъ наблюденій надъ сельско-хозяйственною производительностью Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, является то, что производяція хлѣбъ европейскія страны вообще и наше отечество въ особенности не обладаютъ въ такой степени удобными средствами обиха, въ какой владѣють ими Сѣверо-Американскіе Штаты. Выходитъ, какъ будто, такъ, что, заведи эти средства, и затрудненія, создаваемыя американской конкуренціей европейскому сельскому хозяйству вообще и нашему въ частности, разсыются сами собой, уступивъ мѣсто безмятежному существованію, исключаящему всякія заботы объ измѣненіи руководящихъ возрѣній, объ усвоеніи иныхъ привычекъ. Вопросъ объ американской конкуренціи вы-

звалъ сужденія, главнымъ образомъ, если не исключительно, съ точки зрѣнія общаго и не возбуждалъ почти никакихъ мало-мальски оживленныхъ толковъ объ условіяхъ сельско-хозяйственнаго производства, всецѣло зависящаго отъ болѣе или менѣе удобнаго приложенія труда къ землѣ. Между тѣмъ, главная опасность при соперничествѣ съ Сѣверной Америкой заключается въ томъ, что экономическая политика, соотвѣтствующая наличнымъ средствамъ страны, и возможность самостоятельнаго направленія этихъ средствъ къ развитію внутренняго благосостоянія на основаніи вполне свободныхъ соображеній только полезности этого направленія, едва ли доступны для какой-либо страны современной Европы. И, что всего любопытнѣе, недоступность эта возрастаетъ пропорціонально тому политическому значенію, которое той или другой странѣ желательно за собою удержать. Выходитъ такъ, что стремленіе выиграть въ политическомъ значеніи на международной аренѣ обратно пропорціонально возможности свободно располагать средствами населенія, направляя ихъ къ развитію его благоденствія. Чтобы согласиться съ этимъ положеніемъ, стоитъ обратить хотя бы поверхностное вниманіе на характерную особенность, отличающую европейскіе бюджеты. Въ нихъ рѣзко бросается въ глаза, съ одной стороны, расходныя статьи, обусловливаемые милитаристическимъ направленіемъ, съ другой—платежи по національнымъ долгамъ, не только не сокращающимся, но увеличивающимся съ наклонностью приближенія къ предѣлу неоплатности. Какое вліяніе имѣютъ эти статьи на возможность свободного распоряженія національными средствами и направленія ихъ въ интересахъ благоденствія населенія, видно изъ слѣдующаго. Численность европейскихъ постоянныхъ армій въ мирное время представляетъ цифру слишкомъ въ три милліона человѣкъ, а въ военное можетъ быть доведена до восьми милліоновъ человѣкъ. При стоимости каждаго военнаго человѣка въ 900 марокъ (по Гюбнеру), выходитъ громадная цифра, выражающая стоимость содержанія постоянныхъ армій. Къ этому слѣдуетъ прибавить расходы, которые несетъ населеніе, доводя ребятъ до военнаго возраста, экстраординарныя издержки, которыя дѣлаются при сдачѣ члена семьи въ солдаты, наконецъ, потери семей вслѣдствіе разстройства ихъ производительной состоятельности извлеченіемъ полныхъ и, зачастую, самыхъ существенныхъ рабочихъ единицъ отъ участія въ производствѣ. Все это, конечно, ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе страны,—тѣмъ болѣе тяжелымъ, что, будучи, во что бы ни стало, обязательнымъ, оно, при всемъ желаніи, не даетъ возможности соразмѣрять тяжесть съ наличными силами.

Что касается національныхъ долговъ, то значеніе ихъ въ суммѣ обстоятельствъ, направляющихъ теченіе жизни современныхъ культурныхъ обществъ, весьма наглядно изображается слѣдующимъ указаніемъ, приводимымъ Перро *), цитирующимъ его изъ реферата Дедлея Бэкстера *O no-*

*) *Perrot: „Das Bankwesen“ etc.*

смысливъ успѣхъ національныхъ долговъ. Въ 1848 г. національные долги простирались до 11,475 милліоновъ талеровъ. Въ 1873 г. сумма ихъ возрасла до 31,500 милліоновъ, т.-е. за 25 лѣтъ сумма ихъ почти утроилась. Съ 1848 г. по 1854 г. итогъ займовъ, приходившихся на годъ, былъ 135 милліоновъ талеровъ. Съ 1855 по 1860 г.—337 м. т. Съ 1861 по 1873 г. средняя цифра всѣхъ вновь заключаемыхъ займовъ на годъ дошла уже до 1,350 милліон. тал. «Если,—замѣчаетъ по этому поводу цитируемый Перро авторъ,—уровень этотъ удержится и въ послѣдней четверти текущаго столѣтія, то въ концу его государственные долги достигнуть 67,500 милліоновъ талеровъ, за которые, считая по 5%, придется уплачивать около 3,500 милліоновъ въ годъ».

Это почти вся сумма, въ которую исчисляется соединенный доходъ всѣхъ государствъ Европы и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ*). Другими словами, всѣ государства Европы могутъ оказаться въ своихъ финансовыхъ хозяйствахъ въ рукахъ представителей движимаго капитала или, что то же, въ рукахъ фондовой биржи.

II.

Разсматривая явленія современной промышленной жизни въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя исключительныя обстоятельства ихъ положенія. Во-первыхъ, это страна, если можно такъ выразиться, новая, не имѣющая того длиннаго историческаго прошлаго, отъ послѣдствій котораго, часто не желательныхъ, такъ трудно отдѣлываться и лицамъ, и обществамъ. Во-вторыхъ, Сѣверо-Американскіе Штаты въ своихъ международныхъ отношеніяхъ обладаютъ независимостью, рѣшительно немислимою для какого бы то ни было государства современной Европы.

Первое обусловило возможность государственно-общественной организациі при соображеніи интересовъ большинства. Второе создало и поддерживаетъ то выгодное положеніе, при которомъ возможно свободное распоряженіе національными средствами, безъ необходимости тратить ихъ ради достиженія иногда совершенно фиктивныхъ цѣлей, притомъ, выдвигаемыхъ международными отношеніями нерѣдко случайно, неожиданно. Для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ отпадаетъ все, во что обходится европейская международная политика, указывающая жить при наличности безусловно-авторитетнаго афоризма: *si vis pacem—para bellum*. А это большое преимущество.

По тому порядку, какииъ складывалась сѣверо-американская федерація, она представляетъ собою явленіе, можно сказать, безпримѣрное въ исторіи государственно-общественныхъ организацій. Извѣстно, какъ зачина-

*) Эти послѣдніе слѣдуетъ теперь исключать. Громадный долгъ, представляющій обязательство страны биржѣ, будетъ погашенъ въ нѣсколько лѣтъ.

лись и развивались эти организациі даже въ странахъ, стоящихъ въ настоящее время на самой высокой степени культуры. Вездѣ въ основаніе клалась сила, тотчасъ же опредѣлявшая дѣленіе на высшихъ и низшихъ. Критеріумомъ или, такъ сказать, ценомъ для этого дѣленія являлось обыкновенно только обладаніе средствами практически проявлять эту силу. Цензъ этотъ оказывался, разумѣется, у меньшинства, имѣвшего обыкновенно боевую организацию, къ тому именно и приспособленную, чтобы дѣйствовать силой. Такъ какъ мотивомъ приложенія этой силы являлись всего естественнѣе матеріальныя выгоды, опредѣляемыя грубымъ эгоизмомъ, то немудрено, что первымъ проявленіемъ государственности оказывались: въ сферѣ интересовъ матеріальныхъ—захватъ имущественныхъ правъ, въ сферѣ нравственной—подчиненіе большинства населенія авторитету меньшинства.

Не то было при основаніи Новой Англіи, представлявшей зерно, изъ котораго развилась федерація Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Основаніе Новой Англіи представляло нѣчто совсѣмъ иное.

Въ то время, какъ объясненіе возникновенія государственной жизни общественнымъ договоромъ (*contrat social*) въ примѣненіи ко всѣмъ государствамъ міра можетъ вызывать только улыбку, наличность договорнаго принципа, при зарожденіи общественно-государственной жизни на берегу Новой Англіи, подтверждается несомнѣнными данными.

Вотъ что, между прочимъ, говорится въ актѣ, заключенномъ между собою «пилигримами» вскорѣ по прибытіи въ Америку: «Ради славы Божіей, распространенія вѣры христіанской и прославленія нашего отечества, по *взаимному добровольному нашему соглашенію*, въ чемъ да будетъ намъ Богъ свидѣтелемъ, постановляемъ слѣдующее: мы образуемъ гражданское общество съ цѣлью самоуправленія и дѣятельности въ видахъ осуществленія нашихъ намѣреній. Въ силу этого договора соглашаемся издавать законы, акты, указы, назначать должностныхъ лицъ, которымъ и обязуемся повиноваться».

Здѣсь не мѣсто останавливаться на исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, какъ общества-государства. Но указаніе на необычное зарожденіе государственной жизни необходимо было сдѣлать въ видахъ уясненія того порядка землевладѣнія, которымъ особенно сильна сѣверо-американская федерація въ экономическомъ отношеніи.

Порядокъ землевладѣнія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ особенно любопытенъ именно тѣмъ, что къ нему не примѣшивается элементъ политическаго характера. Это рѣзко отличаетъ его отъ наблюдаемаго въ странахъ, не только пережившихъ феодализмъ въ тѣсномъ смыслѣ, но, вообще, усвоивавшихъ при зарожденіи общественнаго строя дѣленіе на высшихъ и низшихъ, на избранныхъ людей, господъ, и на рядовыхъ. Сѣверо-Американскіе Штаты не имѣли этого, силою поддерживаемаго дѣленія и точка отправленія, установленная при самомъ началѣ граждан-

ственности, сказалась огромной важности практическими послѣдствіями въ сферѣ экономической жизни страны.

Что землевладѣніе не имѣетъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ рѣшительно никакого, закономъ устанавливаемаго политическаго характера, лучше всего доказывается слѣдующими параграфами конституціи:

«Никто не можетъ быть членомъ палаты представителей, если онъ не достигъ возраста двадцати пяти лѣтъ, если не состоитъ въ теченіе семи лѣтъ гражданиномъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и не имѣетъ во время избранія жительства въ предѣлахъ штата, его избирающаго» (Art. 1, sect. 2).

«Никто не можетъ быть сенаторомъ, если онъ моложе тридцати лѣтъ, не состоитъ гражданиномъ штатовъ въ теченіе девяти лѣтъ и не имѣетъ во время избранія жительства въ предѣлахъ штата, его избирающаго» (Art. 1, sect. 3).

«Въ президенты можетъ быть избранъ только гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Избираемое лицо должно имѣть возрастъ не менѣе тридцати пяти лѣтъ и жить въ предѣлахъ страны не менѣе четырнадцати» (Art. 11, sect. 1, § 5).

Такимъ образомъ, вліяніе въ сферѣ политической, находящее себѣ самое полное выраженіе въ возможности вліятельнаго участія въ направленіи хода общественно-государственной жизни, не только не составляетъ исключительной привилегіи крупнаго землевладѣнія, но даже по закону не состоитъ ни въ какой связи съ имущественнымъ положеніемъ кандидата. По конституціи, и движимая, и недвижимая собственность въ этомъ отношеніи совершенно сравнены и обѣ одинаково не сообщаютъ обладающему тѣмъ или другимъ какихъ бы то ни было исключительныхъ преимуществъ. По принципу, установленному «отцами республики», богатство, какъ и происхожденіе, не считается гарантіей ума, способностей, — однимъ словомъ, непремѣнной доброкачественностью для служенія общественнымъ цѣлямъ. Поэтому конституціей Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, созданной подъ руководящимъ вліяніемъ этого принципа, и усвоена точка зрѣнія на отправленіе государственныхъ и общественныхъ должностей, какъ на трудъ, имѣющій исключительно почетную сторону только въ томъ, что допущеннымъ къ нему можно быть только въ силу избранія, выражающаго общественное довѣріе.

Нельзя не согласиться, что отрицаніемъ по закону исключительнаго политическаго значенія у поземельной собственности устраненъ одинъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ ея особенной привлекательности.

Другимъ, также весьма существеннымъ факторомъ къ ограниченію развитія и упроченія крупнаго землевладѣнія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ было отсутствіе въ конституціи ихъ признанія обязательныхъ отношеній населенія къ землѣ, прирѣдленіе къ ней людей, повсемѣстно существовавшихъ въ государствахъ Европы и, если не юридически, то

фактически, вслѣдствіе крайне труднаго доступа къ землѣ, продолжающихъ существовать въ нѣкоторыхъ странахъ Европы и понинѣ. Въ какой степени это послѣднее обстоятельство имѣетъ значеніе въ развитіи тенденціи къ образованію и устойчивости крупнаго землевладѣнія, лучше всего доказывается тѣмъ, что оно весьма устойчиво держалось и процвѣтало въ рабовладѣльческихъ штатахъ, пока существовало рабство, и начало разлагаться почти непосредственно послѣ развязки войны 1861—62 г., имѣвшей исходомъ лишеніе крупнаго землевладѣнія Южныхъ Штатовъ обязательныхъ услугъ прикрѣпленнаго къ землѣ рабскаго труда.

Первое заселеніе страны совершалось представителями разныхъ странъ Европы. Они приносили съ собою и разныя понятія о землевладѣніи, сообразныя съ имѣвшимися въ странѣ, откуда они вышли. Такъ какъ землевладѣніе въ Европѣ представляло завидную прерогативу, то, естественно, выходцы изъ нея значительную часть усилій отдавали приобрѣтенію лично для себя возможно большаго количества земельной собственности и прилагали къ ней правовыя взгляды, по усвоенному ими въ старомъ отечествѣ мнѣнію, всего болѣе отвѣчающіе интересамъ владѣльца.

Такимъ образомъ, въ тѣхъ частяхъ союза, гдѣ испытывалось въ началѣ колонизаціи англійское вліяніе, держалось и англійское воззрѣніе на цѣлесообразность формы землевладѣнія, опредѣляемаго ясно выраженою цѣлью сохраненія земельной собственности въ родѣ собственника нераздѣльнымъ и неотчуждаемымъ (System of the entail).

Гдѣ преобладало французское населеніе, тамъ находили себѣ мѣсто французскія воззрѣнія на земельную собственность. Такъ, на примѣръ, въ Луизианѣ, вошедшей въ составъ союза въ 1803 г., ясно заявляло себя современное французское право, допускающее дѣленіе земельной собственности поровну между наследниками землевладѣльца и безусловную для него возможность отчужденія не только своего земельного имущества, но и имущества жены, даже и безъ согласія этой послѣдней.

Въ Южныхъ Штатахъ и областяхъ, отошедшихъ къ союзу отъ Мексики, изъ авантюристскихъ захватовъ и пожалованій (grants), какъ королевскихъ, такъ и мексиканскаго республиканскаго правительства, образовались громадныя имѣнія-области на манеръ итальянскихъ латифундій, съ абсентеирующими, въ большинствѣ случаевъ, владѣльцами и рабовладѣнцями.

Слѣды этихъ приобрѣтеній остаются и теперь въ соответственныхъ частяхъ союза, представляя собою громадныя пространства земли въ личномъ владѣніи, извѣстныя подъ обозначеніемъ Private land grants (пожалованныя имѣнія). Права на нихъ, при вступленіи территоріи, въ предѣлахъ которой они находились, въ составъ союза, обыкновенно признавались за ихъ владѣльцами специальными указаніями въ договорахъ, заключаемыхъ правительствомъ союза съ правительствомъ страны, которыми территорія уступалась союзу. Такъ, въ мирномъ договорѣ съ Мек-

сикой въ 1848 г., напримѣръ, такія указанія имѣются по отношенію къ пожалованнымъ имѣніямъ въ Новой Мексикѣ. Но для такого признанія союзомъ права на владѣніе настоящимъ владѣльцемъ должно быть доказано убѣдительно для контролирующаго органа союзнаго правительства существованіе этого права до присоединенія территоріи къ союзу. Въ этомъ случаѣ право собственности утверждалось и имѣніе поступало въ разрядъ «признанныхъ» (confirmed land grants). Но правительство союза не трогаетъ и тѣхъ владѣльцевъ, которые не доказали юридически права собственности, но достоверно пользовались имѣніемъ на правахъ владѣнія до перехода территоріи, ея заключающей, къ союзу. Развитие мелкаго землевладѣнія и упадокъ крупнаго тѣмъ именно и характерно, что правительство не употребляетъ и не употребляло по отношенію къ послѣднему настойчивыхъ и цѣлесообразно направленныхъ репрессивныхъ мѣръ. Законодательство направляется, правда, въ интересахъ мелкаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи имѣются узаконенія, въ высшей степени цѣлесообразныя для его поощренія, но специальныхъ законовъ, изданныхъ въ видахъ угнетенія существующаго крупнаго землевладѣнія, нѣтъ. Крупное землевладѣніе, если можно такъ выразиться, угнетается силою вещей, и это какъ нельзя лучше доказывается, между прочимъ, войною 1861—62 гг. Война эта имѣла исходомъ уничтоженіе рабства и крупному землевладѣнію въ Южныхъ Штатахъ нанесенъ былъ этой развязкой почти роковой ударъ. Много имѣній было распродано цѣликомъ и приобрѣтено новыми владѣльцами преимущественно для эксплуатаціи скотоводствомъ. Большая часть распалась на мелкія части, давъ богатый матеріалъ для мелкаго землевладѣнія. Даже знаменитыя хлопчатобумажныя плантаціи раздѣлились на мелкіе участки и почти всѣ перешли къ мелкимъ собственникамъ. Процессъ этого разложенія крупной собственности послѣ войны 1861—62 гг. можно наблюдать на всемъ огромномъ пространствѣ отъ Виргиніи до Флориды и отъ Миссури до Луизианы.

III.

При безспорной наличности этого процесса разложенія крупной собственности родового происхожденія, можно наблюдать въ предѣлахъ союза, какъ весьма любопытное явленіе, другой, какъ бы параллельно идущій процессъ новаго образованія таковой же, но уже на началахъ иныхъ, съ иными мотивами, съ иными цѣлями. Наличность этого процесса, въ свою очередь, также непререкаемо свидѣтельствуется за послѣдніе годы довольно рѣзко выражаемою тенденціею движимаго капитала искать себѣ помѣщеніе въ земельной собственности съ цѣлью спекуляціи, игры на повышеніе. Составить крупную земельную собственность изъ земель союза довольно трудно: къ этому является весьма существенное неудобство въ томъ весьма остроумномъ приѣмѣ,

который усвоенъ союзнымъ правительствомъ при раздѣленіи государственныхъ земель на участки для раздать подѣ ностройку желѣзныхъ дорогъ, для составленія школьныхъ фондовъ и подѣ поселенія эмигрантовъ. Этимъ раздѣленіемъ обуславливается непремѣнная чрезполосица, что для составленія крупнаго землевладѣнія неудобно. Поэтому земельная спекуляція направляется особенно охотно на пожалованныя земли (land grants). При этомъ пріобрѣтатели-спекулянты особенно дорожатъ тѣми «grants», право собственности на которыя признано за ихъ владѣльцами союзнымъ правительствомъ. Тутъ наблюдается, между прочимъ, весьма любопытный фактъ, именно свидѣтельствующій объ указанной трудности составленія крупнаго имѣнія изъ мелкихъ участковъ. Цѣнность акра въ признанныхъ пожалованныхъ земляхъ (confirmed land grants) оплачивается дороже, чѣмъ въ мелкихъ участкахъ правительственнаго происхожденія. «Это,—справедливо замѣчаетъ Р. Мейеръ,—вѣроятно, единственный случай, когда единица поверхности оплачивается въ крупномъ землевладѣніи дороже, чѣмъ въ мелкомъ» *). И случай, добавимъ мы, очень характерный, доказывающій положительныя стороны системы дѣленія на участки назначенныхъ къ отчужденію государственныхъ земель, принятой союзнымъ правительствомъ въ видахъ возможнаго, съ своей стороны, содѣйствія цѣлесообразному распредѣленію земельной собственности въ предѣлахъ федераціи.

Довольно выдающуюся роль въ ряду пріобрѣтателей земельной собственности въ видахъ спекуляціи и вообще не съ цѣлью приложенія къ ней непосредственнаго сельско-хозяйственнаго труда (земельныхъ акулъ—land sharks) играютъ въ послѣднее время англо-ирландскіе ланлорды. Сознавая, какъ сила вещей измѣняетъ условія крупнаго землевладѣнія въ старой, веселой Англіи (Old merry England), они отправляются на «новыя мѣста» съ цѣлью устроиться на старыи ладъ съ большимъ удобствомъ. И до сихъ поръ нельзя сказать, чтобы расчеты ихъ хотя бы отчасти не оправдывались. По крайней мѣрѣ, въ денежномъ отношеніи дѣло оказывается не безвыгоднымъ. Купить такой ланлордъ-спекулянтъ землю, зачастую вовсе не выдавши ее,—покупка устраивается черезъ особаго рода дѣльцовъ,—переводитъ изъ своего европейскаго мѣстожителства черезъ банкъ небольшіе платежи по земельному обложенію и тѣмъ ограничиваетъ свои отношенія къ американскому имѣнію. А имѣніе, между тѣмъ, дѣлаетъ свое дѣло. Въ Канзасѣ, напримѣръ, указываютъ, между прочимъ, на земельный участокъ превосходной новой земли (prairie) въ размѣрѣ 70,000 акровъ, купленный около десяти лѣтъ назадъ за 20,000 долларовъ. Теперь землевладѣлецъ легко бы могъ распродать его по 5 долларовъ за акръ, т.-е. выручить 350,000, но онъ не торопится: онъ сидитъ въ Лондонѣ и выжидаетъ дальнѣйшаго повышенія.

*) R. Meyer: „Ursachen der Amerikanischen Concurrrenz“. Berlin, 1883.

Крупные собственники этого типа встрѣчаются сравнительно рѣдко. Но тамъ, гдѣ они оказываются, появленіе ихъ возбуждаетъ наибольшее недовольство. Такое отношеніе къ землѣ ужь очень не отвѣчаетъ распространенному взгляду на землю, какъ на орудіе производства, и ужь черезъ это откровенно выставляетъ спекулянтскую тенденцію собственника, не закрытую хотя какими бы то ни было хозяйственными цѣлями.

Большая часть пріобрѣтателей крупной собственности эксплуатируетъ ее, пользуясь часто контингентомъ эмигрантовъ, являющихся въ Америку безъ средствъ, достаточныхъ для обзаведенія хозяйствомъ на дешевыхъ правительственныхъ участкахъ.

Какъ на образчикъ этого типа землевладѣльцевъ, можно указать на имѣніе Гаррисона, тоже англичанина и въ томъ же Канзасѣ.

Участокъ въ размѣрѣ 7,000 акровъ пріобрѣтенъ отъ желѣзно-дорожнаго общества. Новый собственникъ раздѣлилъ всю землю на части, въ 120 акровъ каждая, сообразно тому дѣленію, которое принято на подлежащихъ раздачѣ правительственныхъ земляхъ. На каждой изъ этихъ частей онъ выстроилъ домикъ, необходимыя хозяйственныя постройки— амбаръ, конюшню и т. п., вырылъ колодезь и раздаетъ устроенныя такимъ образомъ фермы малосостоятельнымъ эмигрантамъ, которыхъ подыскиваютъ для него особенные агенты, промышленяющіе этимъ въ Нью-Йоркѣ, при Кастль-Гарденѣ,—пунктѣ, черезъ который проходитъ вся европейская эмиграція въ Сѣверную Америку.

Плата за ферму берется въ видѣ третьей части урожая зерновыхъ хлѣбовъ; со скота, овощей, картофеля не берется ничего. Если эмигрантъ является даже безъ возможности пріобрѣсти сѣмена, то собственникъ даетъ ему и ихъ, но, въ такомъ случаѣ, оговариваетъ себѣ половину урожая въ зернѣ. При этомъ Гарриссонъ имѣетъ богатый складъ, въ которомъ во многихъ экземплярахъ держатся различныя земледѣльческія машины и орудія. Изъ этого склада арендаторы фермъ могутъ получать за умѣренное вознагражденіе все, что понадобится имъ изъ мертваго инвентаря, отъ бороны или плуга до жатвенной машины и молотилки. Зерно по обмолотѣ тотчасъ дѣлится и приходящаяся на долю собственника часть берется и отвозится имъ въ собственные амбары. Небольшое количество земли остается въ распоряженіи собственника; на ней онъ сѣетъ кукурузу, овесъ, а нѣкоторую часть держитъ подъ пастбищемъ и выгономъ, что обезпечиваетъ ему возможность выращивать и откармливать скоть. Гарриссонъ опредѣляетъ проценты на помещенный въ это имѣніе капиталъ въ 10—12, да, кромѣ того, цѣнность его быстро возрастаетъ. Въ два года 4,00 доллара, заплаченныхъ за акръ, выросли въ 9, т.-е. цѣнность земли удвоилась. Выходитъ, помещеніе капитала *мично* очень выгодное, но такіе собственники, конечно, не подвигнуть впередъ *общее* дѣло развитія крупнаго землевладѣнія на территоріи союза. Они, естественно, хлопочуть о своей выгодѣ, но не строятъ

возможности этой выгоды на полномъ презрѣніи къ положенію другихъ. Напротивъ, косвенно такіе крупные землевладѣльцы могутъ оказывать услугу развитію мелкаго землевладѣнія въ лицѣ несостоятельныхъ переселенцевъ. Отыскивая ихъ черезъ особенныхъ агентовъ, они облегчаютъ имъ возможность начать самостоятельное хозяйство, при осуществленіи которой представляется, въ свою очередь, возможнымъ получение средствъ для пріобрѣтенія фермы въ собственность. Гаррисонъ вовсе не прочь отчуждать порознь устроенныя имъ фермы; а что при хозяйствѣ на 120 акрахъ фермеръ «дальняго запада» (Far West) при его энергіи, бережливости и скромныхъ привычкахъ, въ теченіе, примѣрно, десяти лѣтъ, можетъ сдѣлать сбереженіе, достаточное, даже при оцѣнкѣ Гарригона своей земли черезъ десятилѣтній промежутокъ въ 25 долларовъ за акръ, для пріобрѣтенія фермы въ собственность,—дѣло возможное.

Въ выигрышѣ, конечно, огромномъ, окажется землевладѣлецъ, но въ выигрышѣ будетъ и явившійся почти ни съ чѣмъ эмигрантъ.

Р. Мейеръ называетъ этотъ родъ земельной спекуляціи «разсудительнымъ», и съ этимъ нельзя не согласиться.

Въ Иллинойсѣ есть гораздо болѣе крупное имѣніе нѣкоего Сколлета, эксплуатируемое въ этомъ же родѣ, но съ иными условіями сдачи. Этотъ Сколлетъ—ландлордъ и до 1869 г. жилъ въ Ирландіи. Но въ этомъ году у него съ арендаторами произошло столкновеніе, при которомъ самъ Сколлетъ былъ раненъ, а изъ чиновъ его администраціи одинъ былъ убитъ, а другой тяжело раненъ. Нануганный ландлордъ переѣхалъ въ Лондонъ и съ тѣхъ поръ живетъ тамъ, помѣщая излишекъ своихъ ирландскихъ доходовъ на пріобрѣтеніе земельной собственности въ Америкѣ. Теперь онъ владѣетъ въ штатѣ Иллинойсѣ земельною собственностью въ 72,000 акровъ (около 24,000 десятинъ). Въ имѣніи живетъ управляющій, который и раздаетъ землю въ краткосрочную аренду (1—5 лѣтъ) по цѣнѣ отъ 1¼ до 3 долларовъ за акръ. Сдается только земля; снимающій эту землю долженъ обзаводиться и необходимыми постройками, и всѣмъ нужнымъ для хозяйства, или пріобрѣтаетъ ихъ по соглашенію съ предшественникомъ, если снимается участокъ, уже бывшій въ арендѣ. Обзаведеніе составляетъ собственность его устроившаго и остается въ полномъ его распоряженіи. Такъ какъ почва Иллинойса вообще и въ участкѣ Сколлета въ частности мѣстами очень влажна, то землевладѣльцу приходится во многихъ случаяхъ примѣнять дренажъ. Первые три года дренажъ не обнаруживаетъ почти никакого дѣйствія, но затѣмъ обрабатываемая поверхность значительно улучшается. Поэтому садиться на новомъ участкѣ земли Сколлета охотниковъ немного. И срокъ аренды коротокъ, и для обзаведенія нужны сравнительно большія средства, и арендная плата деньгами, а не натурой,—все это такія обстоятельства, которыя мало способствуютъ притоку поселенцевъ. Вообще, и въ Западныхъ, и въ Среднихъ Штатахъ поселенцы-арендаторы предпочитаютъ сни-

вать обзаведенныя фермы и разсчитываться по найму земли натурой. Это облегчаетъ людямъ безъ капитала возможность начать самостоятельную сельско-хозяйственную карьеру и избавляетъ отъ затрудненій по расче-тамъ, за недостаткомъ, вслѣдствіе плохаго урожая, денежной выручки. Поселенецъ съ капиталомъ, достаточнымъ для пріобрѣтенія правительственнаго участка и обзаведенія на немъ, конечно, предпочтетъ стать въ по-ложеніе самостоятельнаго хозяина, а если и возьметъ землю въ аренду, то возьметъ по предварительной, вполнѣ независимой оцѣнкѣ выгодности условій и ихъ удобствъ. Заводить ирландско-англійскіе порядки ландаордамъ вродѣ Сколлета не пришло еще время, да и вопросъ: придетъ ли оно когда-нибудь? Изъ указаннаго имѣнія заарендовано участковъ очень немого. Да и то былъ случай, когда, по требованію фермеровъ-аренда-торовъ, администрація имѣнія должна была уменьшить ихъ арендную плату на 40 процентовъ. Выгода имѣнія при такой его эксплуатаціи выхо-дить весьма сомнительною, но Сколлетъ и ему подобныя все же стараются пріобрѣтать землю, очевидно, спекулируя на повышение, и имѣнія этого рода, когда расчеты спекулянтовъ осуществляются, несомнѣнно, пойдутъ въ оборотъ земельного рынка. А разъ явится желаніе выручить изъ имѣ-нія деньги, то наиболѣе выгодная выручка, несомнѣнно, реализуется при распродажѣ его мелкими участками лицамъ, непосредственно занимаю-щимся хозяйствомъ. Заплатить дорого за такое большое имѣніе во всемъ его объемѣ едва ли найдутся охотники, потому что веденіе сельскаго хо-зяйства за свой счетъ на такой площади должно потребовать огромныхъ затратъ капитала съ шансами на большую выгоду сомнительными. Капиталь на подобнаго рода приложеніе не особенно падохъ, а пріобрѣ-теніе такой земельной собственности и эксплуатація его хозяйствомъ мо-жетъ быть подъ силу только капиталисту и, притомъ, крупному.

Впрочемъ, и теперь уже есть крупные собственники, которые ведутъ хозяйство за свой счетъ и достигаютъ любопытныхъ результатовъ.

Въ этомъ разрядѣ крупныхъ имѣній, наприм., можно указать на рас-положенную въ Канзасѣ земельную собственность Крэнна (Crane). Этотъ Брэнъ—капиталистъ-банкиръ, имѣющій банкирскую контору въ Чикаго. Такъ какъ доходъ съ имѣнія не имѣетъ существеннаго значенія въ сред-ствахъ богатаго банкира, то хозяйство имѣетъ дилетантскій или, пра-вильнѣе, охотничій характеръ, а потому, безъ соображенія его стоимости, слободно импортировать. Въ имѣніи 10,000 акровъ, т.-е. слишкомъ 3,000 де-сятинъ, изъ которыхъ 6 тысячъ акровъ или около 2,000 десятинъ огорожены досчатымъ заборомъ. Все нужное для этого забора длиною слишкомъ въ шестьдесятъ верстъ привезено съ Миссисипи, потому что ни въ имѣніи, ни въ сосѣдствѣ требуемаго матеріала найти было нельзя. Ферма исклю-чительно скотоводная, и это огороженное пространство служить пастби-щемъ и выгономъ для скота. Весь скоть чистокровный: и лошади, и рогатый скоть, и свиньи. Такое большое и такъ хорошо подобранное

стадо чистокровныхъ шортгорновъ едва ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь на свѣтѣ, замѣчаетъ Р. Мейеръ, которому стадо превосходнаго чистокровнаго скота въ 300 головъ показывали нѣсколько ловкихъ молодцовъ, гарцующихъ на чистокровныхъ англійскихъ скакунахъ.

Все это выходитъ очень эффектно. Но это затѣя, обусловливаемая прихотью богатаго человѣка, а не хозяйство, самимъ собою обезпечиваемое, само изъ себя развивающееся. Вся эта роскошная постановка скотоводнаго дѣла (скотъ разводится убойный) находится въ прямой зависимости отъ прихоти банкира-собственника, въ свою очередь, зависящей въ своемъ осуществленіи отъ состоянія биржевыхъ дѣлъ и доходности оборотовъ банкирской конторы въ Чикаго.

За примѣръ того, какіе блестящіе результаты можетъ давать разведение чистокровнаго убойнаго скота на крупной собственности абсентеирующаго землевладѣльца, брать это имѣніе соиднаго повода, разумѣется, нѣтъ.

Но есть и такія крупныя имѣнія, въ которыхъ такой поводъ какъ будто бы и имѣется.

Любопытнымъ примѣромъ подобнаго рода можетъ служить хозяйство Оливера Дарлимпля, въ территоріи Дакота, въ долинѣ Красной рѣки (Red River).

Дача, на которой ведется это, можетъ быть, единственное въ мирѣ зерновое хозяйство, заключающее въ одной межѣ 75,000 акровъ или 25,000 десятинъ. Принадлежитъ она нѣсколькимъ директорамъ сѣверной тихоокеанской желѣзной дороги (Northern Pacific) и приобрѣтена ими въ 1875—1876 г. Тогда эта дача представляла совершенна дѣвственную прерію, которую топтали только буйволы да индійцы, за этими буйволами гонявшіеся. Теперь эта культурная мѣстность въ рабочей сезонъ представляется необыкновенно оживленною. На хозяйство Дарлимпля считается своею обязанностью взглянуть и подивиться всякій путешественникъ, попадающій въ Сѣверо-Американскіе Штаты, хотя бы съ нѣкоторымъ интересомъ къ ихъ сельско-хозяйственному производству. Поэтому оно описано не одинъ разъ. Для нашего описанія мы пользуемся данными, сообщаемыми Финлэемъ Дёномъ въ его любопытной книгѣ *American Farming and Food*.

«Веденіе хозяйства,—рассказываетъ Дёнь, —завѣдуемаго Дарлимплемъ, поражаетъ свою цѣлесообразную стройность. Самыя мелкія подробности предусматриваются съ тщательностью, которую можно считать не заурядною даже при небольшомъ хозяйствѣ. Экономія времени и труда проводится съ самою строгою послѣдовательностью. Для этого пользуются всѣмъ, что даетъ современная изобрѣтательность. Такъ, уже въ 1879 г., скоро послѣ изобрѣтенія, на одномъ изъ участковъ, на которые раздѣлена вся дача, примѣненъ былъ телефонъ, проведенный изъ помѣщенія завѣдующаго участкомъ (divisional superintendent) въ помѣщенія

завѣдующихъ работами (foremen). Постройки всё деревянные, устроены очень удобно, цѣлесообразно и экономно. Въ нихъ помѣщаются квартиры разныхъ чиновъ администраціи, спальни и столовые рабочихъ, конюшни, амбары и сараи для машинъ и орудій, во множествѣ примѣняемыхъ къ разнымъ сельско-хозяйственнымъ работамъ. На фермѣ заведенъ самый обстоятельный учетъ; для него имѣется контора съ бухгалтеромъ и двумя писцами. Здѣсь сосредоточены счета по всѣмъ отраслямъ хозяйства; отсюда же выдаются удостовѣренія на получение разныхъ припасовъ изъ складовъ фермы и расчетныхъ листовъ, безъ которыхъ не производится никому никакой денежной выдачи. Черезъ контору же идетъ и вся многочисленная и разнообразная корреспонденція.

Цѣна, по которой земля дошла до ея настоящихъ собственниковъ, различна. Есть и такая, которая стоила 40 центовъ (около 50 к.), есть и такая, которая обошлась въ 5 долларовъ (около 7 р.). При этомъ земля не несетъ никакого государственнаго налога (federal taxes), а мѣстное обложеніе не превосходитъ 10 центовъ съ акра.

Вся земля раздѣлена на участки, каждый въ 5,000 акровъ. Каждый такой участокъ имѣетъ своего управляющаго (divisional superintendent), ведущаго на немъ хозяйство при пособіи двухъ помощниковъ (foremen). На одномъ изъ этихъ помощниковъ-смотрителей лежитъ исключительный надзоръ за полевыми работами. Онъ всегда верхомъ, всегда на мѣстѣ работъ. Наблюдая за полевыми работами въ каждый моментъ ихъ исполненія, фореманъ ежедневно доноситъ конторѣ о ходѣ ихъ, о здоровьи и поведеніи рабочихъ, о состояніи упряжнаго скота, о положеніи употребляющагося въ работѣ инвентаря. Каждый отдѣльный участокъ имѣетъ свои постройки для помѣщенія людей въ рабочій сезонъ. Это просторные деревянные бараки, отапливаемые и вентилируемые, съ постелями, въ которыхъ рабочіе спятъ по двое. Тутъ же расположены кухни. Каждая изъ нихъ рассчитана на приготовленіе кушанья для 100 человекъ при одномъ поварѣ съ помощникомъ. Мука для хлѣбовъ и пудинговъ, говядина, свинина, сало, сыръ, кофе, чай и прочіе припасы выдаются изъ складовъ по ордерамъ форемановъ. Изъ этихъ же складовъ рабочіе, состоящіе на своемъ содержаніи, могутъ получать отличнаго качества и по цѣнѣ дешевле рыночной все нужное для ихъ продовольствія, за исключеніемъ спиртныхъ напитковъ. Рабочимъ, получающимъ содержаніе отъ фермы, пища предлагается три раза въ день: въ 6 часовъ утра, въ полдень и въ 7 часовъ вечера, каждый разъ свѣжеприготовленная, горячая. Въ составъ ея входятъ: мясо, хлѣбъ, печенье, чай и кофе; послѣдніе рабочіе въ свободное время могутъ пить сколько угодно. Всѣ денежные выдачи производятся конторою также по ордерамъ форемановъ. Приходящуюся ему заработную плату рабочій можетъ получать по своему усмотрѣнію. Нѣкоторые берутъ по-недѣльно и непосредственно за полученіемъ спускаютъ заработокъ въ близъ лежащемъ городкѣ Кассель-

тотъ; другіе же, болѣе предусмотрительные, оставляютъ заработокъ въ которъ нѣтъ иногда по полугоду, получая въ разъ довольно круглую сумму. Размѣръ заработной платы измѣняется въ соответствии съ потребностями хозяйства. Обыкновенно платится рядовому рабочему отъ 18—20 долларовъ въ мѣсяцъ. Во время уборки подневная плата доходитъ до 2,75 доллар. въ день; во время молотбы до 2 доллар. Затрудненія въ рабочихъ рукахъ не бываетъ. Ихъ доставляютъ эмигранты-нѣмцы, шведы, норвежцы, часто направляемые сюда агентами изъ Кастль-Гардена, непосредственно послѣ высадки ихъ съ парохода. Во время уборки хлѣба и молотбы, производящейся всегда на открытомъ воздухѣ, на поляхъ фермы работаетъ одновременно по 600 и болѣе человекъ. Всюду введенъ такой порядокъ, что, при столь многочисленномъ и разнообразномъ составѣ рабочихъ, всѣ работы выполняются въ строжайшей системѣ и съ изумительной точностью. Отказовъ рабочимъ за неисполнительность или несоответственность поведенія почти не бываетъ, хотя администрація фермы въ этомъ отношеніи требовательна. При какой-нибудь несчастной случайности или вообще въ случаѣ болѣзни, лечение производится на счетъ хозяйства фермы. Но рабочіе получаютъ плату только за то время, когда работаютъ. Постоянныхъ рабочихъ не много—десять, двѣнадцать человекъ, главная обязанность которыхъ—уходъ за рабочими лошадьми и мулами. При этомъ на каждого полагается по сорока головъ; онъ долженъ ихъ кормить, поить, чистить и выпускать утромъ и вечеромъ на особый дворъ для моціона.

Теперь въ обработкѣ больше двадцати тысячъ акровъ и каждый годъ поднимается нови по двѣ тысячи. Необработанною частью преріи пользуются какъ пастбищемъ и сѣнокосными лугами. Осенью при взетѣ подъ зиму и весной при двоеніи всаханной осенью земли работаетъ до двухсотъ плуговъ, изъ которыхъ много такъ называемыхъ sulky-plough—плуговъ-тюльбюри, впервые построенныхъ Дж. Диромъ въ Иллинойсѣ. Плуги эти имѣютъ сидѣнья какъ у жатвенныхъ машинъ и, вмѣсто отрѣза, рѣзущія колеса. Каждая плужная запряжка работаетъ въ десять рабочихъ часовъ отъ 2½—3 акровъ. Плуги работаютъ группами въ двѣнадцать штукъ и захватываютъ въ разъ полосу околу 30 футовъ.

Для болѣе правильнаго учета работъ всѣ поля разбиты на участки по сту акровъ и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ изгородь изъ игольчатой проволоки.

Обработка обходится не дорого. По расчету Дарлимпля, подъемъ пласта съ процентами на капиталъ и погашеніе стоимости плуговъ и рабочаго скота съ уходомъ за ними обходится въ 2½ доллара. Взметъ живья и перепашка пласта (двоеніе)—въ 1,75 дол.

Лошадямъ предпочитаютъ мулы. Последніе оказываются крѣпче тѣломъ, выносливѣе, ровнѣе характеромъ и менѣе подвержены заболѣваемости. При одинаковомъ почти количествѣ содержащихся въ хозяйствѣ фермы ло-

шадей и муловъ въ теченіе четырехъ лѣтъ использовано 16 лошадей; а мулы всѣ остаются годными къ работѣ, за исключеніемъ одного, погибшаго случайно. Мулы приобрѣтаются, главнымъ образомъ, въ Семъ-Дун, почти за 1,500 верстъ, стоятъ на мѣстѣ около 140 дол., а съ перевозкою обходятся хозяйству съ небольшимъ въ 150 д. Цѣна лошадямъ приблизительно та же; содержаніе одинаковое. И лошади, и мулы размѣщены въ конюшняхъ, по 50 головъ въ каждой, и стоятъ попарно въ стойлахъ девятифутовой площади. И пахота, и возовая работа производятся въ одной и той же сбуруѣ, служба которой разсчитывается на десять лѣтъ и обходится на каждое животное около 23 дол.

Въ концѣ марта весь составъ рабочихъ обыкновенно уже набранъ. Все приведено въ должный видъ. И орудія, и животныя, и люди, — все готово къ работѣ. Вся земля, предназначенная къ посѣву, обыкновенно вспахана уже съ осени, и, какъ только земля отойдетъ на шесть дюймовъ, приступаютъ къ посѣву. Сѣется, главнымъ образомъ, шотландскій сортъ *Scottish Tife*—твердая, тонкокожая разновидность яровой пшеницы. Сѣмена тщательно очищаются и еще зимою разсыпаются въ мѣшки, по расчету $1\frac{1}{2}$ бушеля на акръ. Посѣвъ производится разбросными сѣялками, которыя, въ количествѣ ста, работаютъ ежедневно въ теченіе трехъ недѣль; сѣмена задѣлываются боронами, обыкновенно въ три слѣда. Работаютъ двѣсти боронъ, соединенныхъ по четыре въ запряжку; стоимость бороны отъ 3—4 долл. Въ такую связку боронъ впрягаются четыре мула и сразу захватывается полоса въ двадцать футовъ.

Непосредственно за пшеницей слѣдуютъ посѣвы овса и ячменя, воздѣлываемыхъ для нуждъ фермы.

Ухода за растеніями въ полѣ, никакого, такъ что между посѣвомъ и уборкой не дѣлается никакихъ издержекъ. Сильные, нужные для посѣва дожди бываютъ обыкновенно въ іюнѣ и въ іюлѣ; притомъ, обильныя росы возмѣщаютъ влагу, теряемую почвою въ теченіе жаркихъ, часто знойныхъ дней. До сихъ поръ хозяйство не терпѣло еще никакихъ сельско-хозяйственныхъ невзгодъ. Засуха 1879 г., возбуждавшая сильныя опасенія, прошла благополучно. Никакихъ зловредныхъ мухъ, червей, жуковъ на поляхъ еще не являлось. Полевыхъ мышей тоже нѣтъ.

Уборка начинается съ перваго августа и обыкновенно происходитъ при сухой, ведреной погодѣ. Въ это время ферма прибавляетъ къ составу лѣтнихъ мѣсячныхъ рабочихъ еще около 300 поденныхъ. Жѣть выѣзжаетъ 150 жатвенныхъ машинъ съ автоматическими сноповязалками. Сто изъ нихъ Вальтера Ууда, остальные—Макъ-Кормика. Сжатый хлѣбъ ставится въ бабки. Возка на гумно и укладка въ скирды совершенно исключаются, какъ лишняя трата и денегъ, и времени. Точно также не полагается ни ригъ, ни овинновъ, ни амбаровъ. Молотѣба на открытомъ воздухѣ производится семьдесятъ одной паровой молотилкой, изъ которыхъ каждая стоитъ 600 долл. и даетъ отдѣланное зерно. Локомобили, от-

части самодвигающіеся, обходятся каждый въ 800 долларовъ. Молотилки съ локомотивами каждый день перемѣняютъ мѣсто, чтобы быть ближе къ обмолачиваемому хлѣбу. Какъ за жатвенными машинами, такъ и за молотилками зорко наблюдаютъ особенные надсмотрщики-техники, имѣющіе въ своемъ распоряженіи необходимые инструменты и приспособленія къ производству поправокъ и починокъ. На двѣ, на три машины полагается по одному такому надсмотрщику. При ихъ участіи отъ машинъ получается максимумъ успѣшности въ работѣ и сводится къ минимуму потеря времени отъ остановокъ. Зерно прямо изъ молотилки идетъ въ мѣшки и отвозится на желѣзно-дорожную станцію, гдѣ тотчасъ же грузится въ вагоны и отправляется на элеваторы въ Дулуть (Duluth).

Организація образцовая и весьма типичная въ смыслѣ характеристичности капиталистическаго сельско-хозяйственнаго производства — «фабрикація пшеницы». Но вся эта по истинѣ удивительная организація, очевидно, направлена только на извлеченіе изъ почвы веществъ, нужныхъ для развитія растений, а потому хозяйство Дарлишпила имѣетъ всѣ данныя для названія его хищническимъ. Запасъ въ почвѣ матеріаловъ, нужныхъ для «фабрикація пшеницы», фабриката весьма требовательнаго, не безконеченъ. Слѣдовательно, уровень урожая имѣетъ непремѣнную и вполне естественную склонность къ пониженію, а шансъ неудачныхъ годовъ — къ повышенію. Практика полеводства показала, что истощенныя земли не только даютъ меньшій урожай, но производятъ растения, вслѣдствіе своей сравнительной слабости обладающія меньшею устойчивостью противъ засухъ и болѣе доступныя нападенію и, въ случаѣ такового, почти повальному истребленію ихъ вредными насекомыми. Такимъ образомъ, рискъ растеть и у спекулянта-посѣвщика пѣтъ возможности хотя бы съ нѣкоторою даже вѣроятностью принять мѣры къ охраненію себя отъ отрицательнаго исхода. Приходится считаться съ стихійными силами (*fories majeures*), которыя дѣйствуютъ тѣмъ неотвратимѣе, тѣмъ губительнѣе, чѣмъ обширнѣе поверхность ихъ приложения. Притомъ, обороты въ сферѣ сельскаго хозяйства совершаются сравнительно очень медленно, почему матеріальныя и нравственныя послѣдствія неудачъ заглаживаются удачами далеко не такъ быстро, какъ къ тому приученъ движимый капиталъ современнымъ состояніемъ, не говоря уже торговли, но и мануфактурнаго производства.

Какъ неудобны для будущаго условія, способныя обезпечивать постоянный и продолжительный успѣхъ веденія хозяйства на большихъ земельныхъ участкахъ, между прочимъ, съ достаточною ясностью видно на крупномъ землевладѣніи въ Калифорніи. Здѣсь оно играетъ весьма важную роль и обуславливаетъ многія явленія какъ экономической, такъ и общественно-политической жизни.

Начало колонизаціи Калифорніи мексиканскими испанцами относится къ половинѣ прошлаго столѣтія и если не вполне, то главнымъ образомъ обязано монахамъ-францисканцамъ, которые явились сюда въ 1769 г. въ

качества миссіонеровъ. Они привезли съ собой рогатый скотъ, овецъ, свиней, лошадей, сѣмена хлѣбныхъ растений и овощей, виноградныя лозы, плодовые деревья и, внушая индійцамъ христіанское ученіе, старались приучать ихъ къ мирнымъ занятіямъ скотоводствомъ и земледѣліемъ. Монахи основали нѣсколько миссій и занялись разными отраслями сельскаго хозяйства, отъ посѣвовъ пшеницы и скотоводства до разведенія апельсинныхъ деревьевъ и виноградарства. Дѣло монаховъ пошло очень хорошо, тѣмъ болѣе, что они установили самыя дружественныя отношенія съ сосѣдями-индійцами. Въ 1821 г. въ одной миссії Сень-Мигуэль насчитывалось 100,000 головъ рогатаго скота, 50,000 овецъ, много лошадей и муловъ. Еще до сихъ поръ въ Калифорніи есть сортъ виноградной лозы—«миссіонерской» и встрѣчаются старыя оливковыя деревья, посаженныя руками монаховъ.

Скоро послѣ отдѣленія Мексики отъ Испаніи авантюристское правительство мексиканской республики покончило съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого удачно начатаго дѣла. Въ 1840 г. оно объявило всѣ земли собственностью государства, ограничило пользованіе для скотоводства и земледѣлія, весьма хорошо привившихся къ индійцамъ, особыми строго ограниченными участками (Reservations) и подѣлило между ними весь скотъ миссій и все ихъ имущество. Сначала эти индійцы, оставшіеся безъ привычнаго руководительства и нравственной поддержки, растратили непроизводительно случайно попавшее къ нимъ имущество, а затѣмъ стали вымирать и теперь почти совсѣмъ вымерли.

Земли, оставшіяся за выдѣленіемъ индійскихъ «резервацій» и объявленныя государственною собственностью, были розданы даромъ или проданы за баснословно дешевую цѣну мексиканскимъ правительствомъ своимъ фаворитамъ или находчивымъ авантюристамъ и составили такъ называемыя «мексиканскія пожалованныя имѣнія» (Mexican grants). Владѣльцы этихъ дешево доставшихся земель, не зная, что съ ними дѣлать, разумѣется, старались обратить ихъ въ деньги и, въ свою очередь, продавали по крайне-дешевымъ цѣнамъ. Приобрѣтателями являлись англичане и американцы. Въ Калифорніи живетъ нѣкто Мёрфи (Murphy), который владѣетъ 4,000,000 акровъ или около 1,300,000 десятинъ въ Мексикѣ, 60,000 акровъ въ Невадѣ и 25,000 акровъ въ Калифорніи. Свое мексиканское имѣніе съ прекрасными лѣсами, минералоносными горами и пригодными для сельско-хозяйственной культуры равнинами онъ скупилъ у владѣльцевъ пожалованныхъ имѣній по 5 цент. (около 8 коп.) за акръ или около четвертака за десятину. И приобрѣтеніе Мёрфи—не диковинка: подобныя крупныя землевладѣнія въ Калифорніи немало. Такимъ образомъ, крупное землевладѣніе заняло почти всю ея поверхность и создало такъ называемую здѣсь монополію. Имѣя возможность вліять на законодательство штата, крупныя землевладѣльцы воспользовались имъ для того, чтобы поставить мелкихъ фермеровъ въ возможно невыгодное положеніе

какъ по платежу налоговъ, такъ и по облегченію имъ способовъ къ обезземеленію. Открывъ въ китайской эмиграціи контингентъ дешевыхъ рукъ, они понизили заработную плату до минимума, совсѣмъ не встрѣчающагося по ту сторону Скалистыхъ горъ, и вообще устроили дѣло такъ, что, въ концѣ-концовъ, Калифорнія, въ видѣ исключенія, въ предѣлахъ союза является теперь страной, крайне неблагоприятною для мелкаго самостоятельнаго сельскаго хозяйства и представителей личнаго труда. § Едва ли выигравъ что-нибудь существенное лично для себя, калифорнійское крупное землевладѣніе вызвало къ себѣ крайнюю антипатію въ массахъ, выражающуюся въ весьма активной агитаціи противъ монополистовъ — земельныхъ акулъ (land sharks). И нельзя сказать, чтобъ эта агитація имѣла данныя къ неудачному исходу для ея сторонниковъ. Напротивъ, въ 1882 г., напримѣръ, прошло два закона, далеко не отвѣчающіе вождельніямъ крупнаго землевладѣнія. Первый измѣнилъ точку отправленія при земельномъ обложеніи. До этого земля оцѣнивалась по доходности, а не по цѣнности. Очевидно, мелкіе участки, старательно эксплуатируемые мелкими хозяевами, представляли высшую доходность, чѣмъ громадныя помѣстья, часто въ большей своей части лежащія пустыми; такимъ образомъ, тягость земельного налога перекладывалась на мелкое землевладѣніе. Законъ 1882 г. это измѣнилъ. Второй законъ установилъ ограниченіе китайской эмиграціи, опредѣливъ китайское населеніе въ предѣлахъ союза тою численностью, въ которой застало его изданіе закона. Нѣтъ ничего мудренаго, что послѣдовательно проводимый законъ о китайской эмиграціи можетъ на калифорнійское землевладѣніе оказать дѣйствіе, въ своихъ послѣдствіяхъ схожее съ тѣми, которыми сказалось уничтоженіе рабства въ Южныхъ Штатахъ.

Кромѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ-лицъ, въ предѣлахъ союза, опять-таки въ Калифорніи и частяхъ испанско-мексиканскаго происхожденія, есть еще крупныя землевладѣльцы-общества.

Какъ на образецъ такой земельной собственности, можетъ быть указано на «пожалованное» имѣніе Мэксуэлла, расположенное однимъ участкомъ частью въ Новой Мексикѣ, частью въ Колорадо на рѣкѣ Чимарона, близъ городка того же имени, гдѣ и находится главное управленіе.

§ Площадъ имѣнія заключаетъ въ себѣ 1.714,000 акровъ, т. е. около 600,000 десятинъ. Оно было пожаловано въ 1841 г. канадскому купцу Боббѣ (Beaubien) и мексиканскому чиновнику Миранда. Цѣль пожалованія была приблизительно та же, какою руководила нѣкоторыя европейскія правительства въ средніе вѣка въ образованіи маркграфствъ. У правительства не хватало силы охранять мексиканскія поселенія на Рио-Гранде отъ нападеній текасцевъ и обезпечить торговый путь отъ Санта-Фе къ Сень-Луи, тревожимый индійцами. § Купецъ Боббѣ, заинтересованный торговымъ путемъ, войдя въ соглашеніе съ мексиканскимъ сановникомъ Миранда, взялся помочь этому горю мексиканскаго правительства. Онъ пред-

ложилъ организовать охранные отряды и войти въ мирныя соглашенія съ индѣйцами. Предложеніе было принято и купцу Боббѣ съ чиновникомъ Миранда, взявъ ихъ услуги, была передана въ собственность цѣлая область, слишкомъ въ 16,000 квадратныхъ верстѣ, на правахъ, вполнѣ отвѣчающихъ европейскимъ феодальнымъ законамъ, съ возможностью даже пользоваться, по своему усмотрѣнію, военною силою. По смерти пожалованныхъ лицъ имѣніе это въ полномъ составѣ перешло къ ихъ наслѣднику Мэксуэллу, который скоро изъ нетитулованнаго маркиграфа превратился въ гражданина штатовъ и крупнаго землевладѣльца. Въ 1848 г. имѣніе это, вмѣстѣ съ территоріей, въ которой оно находилось, вошло въ предѣлы союза и маркиграфскія права и обязанности сами собою отпали отъ собственника. Не говоря о томъ, что союзное правительство оказывалось достаточно авторитетнымъ, чтобы охранять своихъ гражданъ, и безнужно имъ съ этой стороны было некому. Техасъ уже въ 1845 г. вошелъ въ предѣлы союза, индѣйцы были самымъ обстоятельнымъ образомъ усмирены, да и транзитный гужевоу путь отъ Санта-Фе къ Сентъ-Луи потерялъ скоро всякое торговое значеніе, за осуществленіемъ желѣзной дороги Аткинсонъ-Топска-Санта-Фе.

Мэксуэллъ пытался приспособить свое имѣніе, въ нѣкоторой части, разумѣется, къ сельско-хозяйственному производству, устроилъ орошеніе тамъ, гдѣ оно оказывалось необходимымъ, и старался вербовать поселенцевъ, устроивъ сдачу нѣтъ земли изъ части урожая, причеиъ и самъ завелъ скотъ, построилъ мукомольную мельницу и сталъ заниматься посѣвами. Продукты своего хозяйства онъ сбывалъ въ новоустроенныя въ мѣстности форты, на продовольствіе которыхъ заключилъ съ правительствомъ контракты.

Но вся эта сложная операція или оказалась мало выгодною, или надоѣла землевладѣльцу. Въ 1870 г. Мэксуэллъ продалъ имѣніе во всемъ его составѣ нѣсколькимъ англичанамъ за 750,000 долларовъ. Сдѣлка совпала съ наибольшимъ напряженіемъ акціонерной горячки: имѣніе, очевидно, было и куплено съ расчетомъ на нее. Англичане устроили общество для эксплуатаціи купленнаго имѣнія съ номинальнымъ капиталомъ въ 5.000,000, да подъ ипотеку добыли еще 5. Затѣиъ они выпустили бумаги, которыя и пошли странствовать по европейскимъ биржамъ, главнымъ образомъ, лондонской и амстердамской. Довѣрчивыхъ людей, готовыхъ платить нерѣдко даже послѣдній грошъ въ увлеченіи обѣщаніями нахально написанныхъ проспектовъ, нашлось немало. Вырученныя отъ реализаціи деньги разошлись по карманамъ учредителей, которые затѣиъ, разумѣется, бросили имѣніе, сыгравшее для нихъ свою роль. Хозяйственныя начинанія Мэксуэлла разрушились.

Въ 1873 г. были вовсе прекращены платежи процентовъ по бумагамъ дутаго общества. Владѣльцы этихъ бумагъ, оказавшихся скупленными по копѣчнымъ цѣнамъ въ немногихъ рукахъ, начали процессъ, который

окончился постановленіемъ суда передать имѣніе въ собственность владѣльцамъ обязательствъ. Оставалось что-нибудь дѣлать новоявленнымъ землевладѣльцамъ и они составили новое общество. Оно и состоитъ собственникомъ пожалованнаго имѣнія Максуэлла въ настоящее время; имъ и эксплуатируется имѣніе по мѣрѣ возможности.

При организованномъ орошеніи, около 300,000 акровъ можетъ быть эксплуатируемо полеводствомъ. Около 700,000 акровъ представляютъ поверхность, весьма удобную для скотоводства; въ горахъ есть минеральныя богатства. Управление имѣнія дѣлаетъ все, что можетъ, къ выгодѣ владѣльцевъ и, между прочимъ, старается завести въ большихъ размѣрахъ скотоводство за свой счетъ, чему и положено удачное начало. Но въ эксплуатацію можетъ при настоящихъ средствахъ имѣнія войти только часть сравнительно незначительная. Развиться и, охвативъ все имѣніе, упрочиться хозяйство можетъ только при огромныхъ затратахъ капитала, а ожидать этого едва ли можно. Иначе же, особенно при возвышеніи цѣнности земель, имѣніе едва ли удержится въ полномъ составѣ: есть уже и теперь примѣры отчужденій, правда, очень крупными участками, но, вѣдь, съ этого всего естественнѣе и начинаться распаденію такой огромной земельной собственности, какъ Maxwell Grants.

Подобное же пожалованное имѣніе—San-Louis Grants въ Колорадо составляетъ собственность одного голландскаго общества. Его исторія похожа на чинмаронскую; будущность, вѣроятно, ждетъ та же.

Въ заключеніе очерка типичныхъ представителей крупнаго землевладѣнія въ предѣлахъ союза не безынтересно будетъ ознакомиться съ однимъ крупнымъ имѣніемъ, въ которомъ ведутся обширныя запашки на счетъ и страхъ собственника. Имѣніе это лежитъ также въ Калифорніи и куплено въ 1868 г. американскимъ акціонернымъ обществомъ по три доллара за акръ. Въ этомъ имѣніи 60,000 акровъ, изъ которыхъ 30,000 въ запашкѣ.

Имѣніе раздѣлено на участки отъ 3—6,000 акровъ. Главнымъ или, вѣрнѣе, исключительнымъ посѣвнымъ хлѣбомъ представляется яровая пшеница, которая сѣется на тошъ же мѣстѣ изъ года въ годъ сряду по нѣсколькѣ лѣтъ. Когда земля понижаетъ свою урожайность, ее оставляютъ въ пару (fallow), а потомъ опять засѣваютъ.

Пашня мечется подъ зиму и весною посѣвъ кое-какъ закрывается боронами или запашниками. Пройдутъ во-время дожди,—урожай выйдетъ удовлетворительный, не пройдутъ—не получается ничего, или почти ничего, причѣмъ случается, что нѣкоторые загоны пшеницы косятся на кормъ скоту. Работы по культурѣ пшеницы и ея уборкѣ доведены до крайней степени простоты; но къ тѣмъ, которыя производятся, примѣняется всевозможная экономія и въ рабочей силѣ, и во времени. Главное, чтобы, такъ сказать, обиходъ работъ былъ произведенъ возможно скоро и дешево.

Для пахоты, напримеръ, употребляются пяти и даже восьми-земельные плуги, захватывающіе за одинъ проѣздъ борозду въ $4\frac{1}{2}$ фута при трехдюймовой глубинѣ и выпахивающіе 8 слишкомъ акровъ или около 3 десятины въ день.

Для посѣва употребляются разбросныя центробѣжныя сѣялки, сѣющія не особенно ровно, но за то крайне успѣшно. Въ разъ сѣмена разбрасываются на полосу въ 60 фут. и, при четырехъ лошадяхъ и сидящемъ на машинѣ погонщикѣ, такая сѣялка объѣмляетъ въ день до 100 акровъ или слишкомъ 30 десятины.

Сѣмена закрываются въ большей части боронами, въ меньшей—культураторами.

Снимается хлѣбъ съ корня колосоуборниками (Header), которые, срывая почти только одинъ колосъ, захватываютъ полосу отъ 12 до 16 фут.

Молотьба производится паровыми молотилками, которыя, имѣя дѣло съ колосомъ, при соломинѣ только въ 5—6 дюймовъ пропускаютъ его очень быстро. Одна молотилка даетъ въ рабочій день отъ 400—500 четвертей зерна, совсѣмъ готоваго, въ мѣшкахъ!

Очевидно, все въ данномъ хозяйствѣ направлено на возможно полное примѣненіе къ производству зерна тѣхъ приѣмовъ, сумма которыхъ создала такъ называемый мануфактурный режимъ крупной промышленности (*grande industrie*) настоящаго времени.

Подобнаго рода хозяйства признаются многими за американскія по преимуществу, считаются типичными образцами, представляющими, будто бы, существенныя черты сельско-хозяйственнаго производства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Но такое признаніе можетъ усвоиваться и держаться только по недоразумѣнію.

Такія хозяйства не представляютъ ничего особенно оригинальнаго. Это просто понятныя въ крупныхъ хозяевахъ-предпринимателяхъ попытки примѣнить мануфактурный режимъ къ сельско-хозяйственному производству. Но сельское хозяйство и мануфактура—два дѣла совершенно разныя. Машина никогда не въ состояніи, въ интересахъ предпринимателя, обезличить исполнителя сельско-хозяйственныхъ работъ въ такой степени, какъ обезличиваетъ она въ этихъ интересахъ мануфактурнаго рабочаго. А разъ она сдѣлать этого не въ состояніи, осуществленіе мануфактурныхъ порядковъ въ сферѣ сельско-хозяйственнаго производства невозможно. Интересы сельскаго хозяина-мануфактуриста *in spe* неминуемо оказываются въ зависимости отъ личныхъ свойствъ и качествъ рабочихъ. Является необходимость весьма сложнаго надзора. При невозможности собирать производство работъ на небольшомъ пространствѣ, какъ то осуществляется въ мануфактурахъ, организація этого надзора представляется крайне затруднительною и, главное, въ цѣлесообразности для предпринимателя ничѣмъ не обезпеченною. Между тѣмъ, каждый отдѣльный моментъ въ системѣ работъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Каждому

сельскому хозяину хорошо известно, въ какой степени отрицательно можетъ вліять не надлежащее выполнение одной изъ частныхъ на общій ходъ хозяйства, а затѣмъ и на его результаты.

Пока земли свѣжи и урожай выгоднаго уровня даются единственно силою почвы, помимо почти всякой заботы о ихъ полученіи, эксплуатація земли носѣвами представляетъ интересъ для капиталиста-предпринимателя. Расположеніе къ такой эксплуатаціи весьма характерно выражается или, точнѣе, выражалось тою готовностью, съ которою и у насъ на Руси «денежные люди», съемщики-арендаторы, снимали у крупныхъ землевладельцевъ подъ распашку на три и, самое большое, на шесть лѣтъ «новыя земли» и особенно весьма ими уважавшіяся, но теперь совсѣмъ почти исчезнушія ковыльныя степи. Сущность этой *коммерческой*, а отнюдь не *хозяйственной* операціи выясняется изъ того, что за новъ въ краткосрочную аренду подъ произвольную распашку съ большою охотою платилось дороже той цѣны, за которую можно было приобрести весь участокъ, заключающій въ своей межѣ и эту новъ. Понятно, цѣнилась тутъ вовсе не земля, какъ собственность; цѣнился почвенный запасъ, за извлеченіемъ котораго «денежному человеку» земельная собственность становилась въ тягость, ибо помещеніемъ въ нее капитала отнималась возможность направлять свои денежные средства въ любое время, въ любомъ направленіи, сообразно съ вѣроятностью наибольшей выгоды.

Если въ приемахъ организаціи управленія и работъ американскіе «шпеничные фабриканты» далеко превосходятъ нашего отечественнаго съемщика, то сущность ихъ операцій одна и та же. Здѣсь и тамъ все дѣло сводится къ тому, чтобы побольше и поудобнѣ сорвать съ земли. Последствій слѣдуетъ ожидать однихъ и тѣхъ же. Послѣ того какъ земля перестанетъ давать доходъ, отвѣчающій запросу землевладельца-капиталиста, онъ, естественно, ощутитъ желаніе извлечь капиталъ изъ невыгоднаго предпріятія и помѣститъ его въ болѣе выгодное. Желаніе это недовольный доходами съ земли капиталистъ и постарается осуществить отчужденіемъ земельной собственности, превращеніемъ ея въ деньги, движимый капиталъ.

У европейскаго крупнаго землевладельца, вслѣдствіе историческаго происхожденія владѣнія, наследственности, перехода изъ рода въ родъ, семейныхъ традицій и политическаго значенія земли въ личномъ положеніи, измѣняющемся съ ея отчужденіемъ, существуетъ, такъ сказать, нравственная связь съ земельною собственностью. Для сѣверо-американскаго крупнаго землевладельца подобнаго тормозящаго обстоятельства нѣтъ. У него вопросъ о землевладѣніи сводится на чисто-коммерческую почву—выгоды и невыгоды.

Земельная спекуляція, создающая крупное землевладѣніе, правда, нарушаетъ и задерживаетъ естественное распредѣленіе земельной собственности, но видѣтъ въ томъ опасность для развитія мелкаго землевладѣнія

и стѣсненіе населенія въ землѣ, сколько-нибудь похожее на инвентиваемое въ Европѣ, нѣтъ основанія. За это ручается и законодательство страны, и общественное мнѣніе.

IV.

Но если крупное землевладѣніе, какимъ оно представляется теперь, едва ли имѣетъ данныя занять когда-либо положеніе вѣдущаго фактора въ общественно-государственной жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, то мелкое уже въ настоящее время является весьма существеннымъ жизненнымъ условіемъ, рѣшительно опредѣляющимъ многое какъ въ бытѣ населенія, такъ и въ его производительной дѣятельности.

Основателямъ государственной жизни теперешняго союза хорошо были известны отрицательныя стороны ультра-аристократическихъ земельныхъ порядковъ въ Англіи. Понятно, что такое знакомство не могло укрѣплять ихъ въ намѣреніи завести и развить нѣчто подобное въ возникающей общественной организаціи. Естественнѣе были побужденія противоположнаго свойства. Они, прежде всего, и сказались въ томъ огромной важности обстоятельствъ, что конституція не признала за земельной собственностью никакого политическаго значенія.

Этимъ отрицаніемъ политическаго значенія понятіе о землѣ кесвенно сводилось къ понятію объ орудіи производства. Изъ этого основнаго понятія вытекало уже, какъ логическое послѣдствіе, признаніе за нормальное такого положенія, при которомъ орудіе по возможности оказывалось бы въ рукахъ могущаго непосредственно пользоваться имъ для производства: Это, съ одной стороны, должно было обезпечить представительство личнаго производительнаго труда въ возможности постояннаго его приложенія, а, слѣдовательно, и независимаго существованія. Съ другой—сближая орудіе производства съ непосредственнымъ производителемъ, должно было создать наиболѣе выгодное условіе для практическаго выраженія ихъ производительныхъ способностей. То и другое могло случиться при исключительней заботѣ объ образованіи мелкихъ собственниковъ и приложеніи мѣръ, способныхъ поощрять мелкое землевладѣніе.

Послѣдовательное проведеніе даже до позднѣйшаго времени этого принципа какъ союзнымъ законодательствомъ, такъ и мѣстными законоположеніями штатовъ доказало практическое его значеніе самыми яркими послѣдствіями.

Не было еще видано такого сельскаго населенія, какимъ оно наблюдается въ предѣлахъ союза. Не было еще такъ быстро развившейся и продолжающей развиваться сельско-хозяйственной производительности, какою является она на поверхности Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Всѣ незанятая и къ заселенію удобныя земли, составляющія собственность союза, при измѣреніи ихъ, разбивались съ сѣвера на югъ и съ

востока на запад перпендикулярно другъ друга пересекающимися линиями на квадраты. Раздѣленная такимъ образомъ поверхность представляла подобіе шахматной доски. Сторона каждаго квадрата имѣла въ длину шесть англійскихъ миль; слѣдовательно, площадь ея равнялась 36 квадр. англ. миль или восемьдесятъ одной русской верстѣ. Такой участокъ принимался за единицу административнаго дѣленія — волость (township), со своимъ мѣстнымъ выборнымъ управленіемъ. Нѣсколько такихъ волостей составляютъ графство (county), точнѣе, уѣздъ. Нѣсколько уѣздовъ соединяются въ штатъ или территорію. Каждая волость, township, дѣлится на участки, секціи, въ одну квадратную милю, съ обязательною прѣзжею дорогою въ 100 ф. ширины. Такихъ секціи въ каждой волости оказывалось тридцать шесть и всѣ онѣ носили обозначеніе послѣдовательными номерами отъ 1 до 36. При этомъ секціи подъ номеромъ 16 и половина секціи 36 поступали въ собственное распоряженіе волости специально для ея школы. Изъ секціи подъ нечетными номерами земля раздавалась обществу въ видѣ государственнаго пособія на постройку желѣзныхъ дорогъ. Участки подъ четными номерами оставались въ распоряженіи союза, какъ его доменіальная собственность, исключая Флориды и Техаса, гдѣ они по акту вступленія въ союзъ остались мѣстною собственностью штатовъ. Сходство съ шахматной доской получалось совершенное: секціи подъ четными номерами соответствовали бѣлымъ квадратамъ доски, нечетныя — чернымъ.

Это, съ перваго взгляда, причудливое дѣленіе союзныхъ земель имѣло цѣлю противодействовать образованію крупной земельной собственности. Этимъ дѣленіемъ обуславливалась необходимость чрезполосицы, — условіе, этому образованію мало способствующее.

Участки подъ четными номерами, каждый въ квадратную милю или 640 акровъ, опять дѣлятся прямыми линиями на квадраты. Лучшая по качеству или стоящая въ болѣе выгодныхъ условіяхъ (ближе къ станціи желѣзной дороги или къ населенному пункту, рынку) дѣлилась на меньшіе квадраты, въ 80 акровъ каждый; такихъ «получетвертей» оказывалось въ секціи восемь. Низшая по качеству или стоящая въ менѣе выгодныхъ условіяхъ — на четыре квадрата, четверти секціи, въ 160 акровъ каждая. Земли въ этихъ дѣленіяхъ имѣютъ опредѣленную оцѣнку — $2\frac{1}{2}$ доллара за акръ земли перваго сорта и $1\frac{1}{4}$ дол. за акръ земли втораго сорта.

Для завѣдыванія на мѣстахъ этими секціями, назначенными для отчужденія поселенцамъ, онѣ соединены въ группы и поставлены подъ наблюденіе участковыхъ земельныхъ бюро, представляемыхъ двумя чиновниками: однимъ для регистраціи оборотовъ съ земли, другимъ — для взиманія и храненія выручаемыхъ денежныхъ суммъ. Эти участковыя земельныя бюро состоятъ въ вѣдѣніи вашингтонскаго центрального бюро (General Land Office).

Участковыя бюро завѣдуютъ всѣми оборотами по приобрѣтенію частными лицами доменіальныхъ земель.

Способъ приобретанія представляется въ четырехъ видахъ:

а) приобретение съ аукциона, причеъ земля достается предлагающему высшую цѣну;

б) посредствомъ частной покупки;

в) на условія закона о предварительномъ заявленіи намѣренія купить извѣстный участокъ (Preemption-Act) и

г) на условіяхъ вотчинныхъ законовъ (Homestead-Acts).

Первый и второй способы приобретанія совершаются безъ участія ка-кихъ бы то ни было облегчающихъ условій. Земля приобретается на обычныхъ условіяхъ купли-продажи. Стоимость ея вносится наличными деньгами, послѣ чего выдается документъ на право владѣнія.

Эти способы по ихъ существу доступны людямъ, располагающимъ извѣстными денежными средствами, допускающими для нихъ возможность, употребивъ часть ихъ какъ основной капиталъ, остаться съ достаточнымъ запасомъ для оборотовъ. Выгода этого перехода заключается въ свободѣ отъ всѣхъ обязательствъ.

Законъ о предварительномъ заявленіи, совпадающій съ правомъ перваго занятія (*ius primæ occupandi*), уже даетъ облегченіе приобретателю, не воплію свободному въ денежныхъ средствахъ. Плата за землю можетъ быть отложена ему на срокъ до двухъ лѣтъ и девяти мѣсяцевъ. По этому закону всякій желающій можетъ поселиться на свободномъ участкѣ, размѣромъ, не превышающемъ 160 акровъ, и, заявивъ объ этомъ участковому бюро, письменно предъявить требованіе о признаніи за нимъ преимущественнаго права на приобретение. Это, собственно, покупка съ отсрочкою платежа, въ долгъ.

Но люди даже вовсе съ ограниченными средствами не лишены возможности приобрести земельную собственность въ размѣрахъ, воплію обезпечивающихъ ихъ независимое существованіе въ качествѣ свободного поселеннаго-собственника. На созданіе этой, только въ Соединенныхъ Штатахъ и имѣющейся возможности и рассчитано изданіе «вотчиннаго закона» (*Homestead-Act*). По этому закону могутъ быть передаваемы въ частную собственность участки изъ доменіальныхъ земель, не превышающіе 80 акровъ перворазрядной земли, оцѣненной въ 2½ доллара, и 160 акровъ второразрядной, оцѣненной въ 1¼ дол. за акръ, только при взносѣ издержекъ по измѣренію и регистраціи (отъ 7—22 дол. съ участка).

По этому закону, изданному въ 1862 г. и съ тѣхъ поръ весьма распространенному, въ цѣляхъ сообщенія ему наибольшей цѣлесообразности, даются для приобретателя такія условія. Желающій воспользоваться льготнымъ приобретеніемъ земельного участка по этому закону долженъ быть гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ или въ должномъ порядкѣ удостовѣрить намѣреніе сдѣлаться таковымъ; онъ долженъ имѣть возрастъ не ниже 21 г. (до 1878 г. требовалось, чтобы при этомъ онъ былъ главою семейства, но закономъ 14 іюня 1878 г. условіе это отмѣнено). Онъ дол-

женъ дать присяжное удостовѣреніе, что участокъ прибрѣтается имъ для личнаго пользованія съ цѣлью его обработки (culture). Полное право собственности удостовѣряется, когда будетъ доказано, что пользовавшійся участкомъ обрабатывалъ его въ теченіе пяти лѣтъ кряду, не только не переуступая хотя бы временно пользованія имъ, но и не отлучаясь изъ участка, служившаго ему мѣстопробываніемъ болѣе шести мѣсяцевъ. Въ случаѣ исполненія указанныхъ условій, черезъ два года по истеченіи пятилѣтняго срока со дня поселенія выдается актъ на владѣніе.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ штатахъ, согласно спеціальнымъ узаконеніямъ (Culture-Acts 1873—1878), воздѣлываніе лѣсныхъ насажденій на площади въ пять акровъ (съ небольшимъ полторы десятины) въ теченіе двухъ лѣтъ даетъ право на участокъ (Homestead) въ 80 акровъ. Последняя мѣра принята въ видѣ поощренія къ обзаведенію лѣсонасажденіями, съ цѣлью борьбы съ грозными тогда засухами, особенно опасными въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ. Уже въ 1879 году, согласно закону о лѣсныхъ насажденіяхъ (Timber-Act), было 2.766,574 акра, т.-е. исполнена обязанность по облѣсенію 35,000 акровъ или около 12,000 десятинъ. Принимая во вниманіе, что въ облѣсеніи нуждаются штаты и территоріи, особенно богатые свободными землями, есть основательный поводъ предполагать, что этими законодательными поощреніями достигнется двоякая выгода: мѣстности получатъ обеспеченное сельское населеніе и улучшатся ихъ климатическія условія, въ такой степени вліяющія на результаты сельско-хозяйственной дѣятельности. Но созданіе сельскаго населенія, даже вполне обеспеченнаго въ возможности приложенія дѣйствительно свободнаго труда щедро рассчитаннымъ минимальнымъ надѣломъ, еще не давало основанія на полную увѣренность, что независимое экономическое положеніе, разъ созданное, удержится этимъ населеніемъ на неопредѣленное будущее. Въ такой странѣ, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ не даромъ деньги называются всемогущими (allmighty dollar), гдѣ стремленіе «сдѣлать ихъ» (make money) заявляетъ себя очень рѣзко и гдѣ это стремленіе, развивая предпримчивость, имѣетъ всѣ данныя увлекать «маленькаго человѣка» на путь не всегда удачной, но всегда опасной спекуляціи, мелкому землевладѣльцу болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь угрожала опасность обременительной задолженности съ возможностью обезземеленія, какъ ея естественнаго послѣдствія. Опасная возможность была своевременно понята и, если не для полнаго ея устраненія, то для весьма дѣйствительнаго ослабленія ея осуществленія были приняты цѣлесообразныя мѣры въ видѣ законовъ объ освобожденіи отъ взысканій—Exemption-Acts.

До прибрѣтенія поселенцемъ земельного участка въ полную собственность онъ считается принадлежащимъ союзу и состоитъ въ вѣдѣніи союзнаго управленія земельными имуществами (General Land Office). Само собой разумѣется, что при этомъ положеніи взысканіе не можетъ быть обращено на вотчинный участокъ, такъ какъ должникъ не владѣетъ имъ

на правѣ собственности. Когда условія, согласно вотчинному закону, выполнены и участокъ передается въ собственность поселенца, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выходитъ изъ-подъ юрисдикціи союзныхъ регуляцій и ставится въ правовыя условія, опредѣляемыя законоположеніями штата или территоріи, въ чертѣ которой находится. Тутъ его встрѣчаетъ покровительство спеціальныхъ узаконеній—Exemption-Acts, имѣющихся теперь почти во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ. Сущность этихъ узаконеній заключается въ томъ, что недвижимая собственность извѣстныхъ размѣровъ или извѣстной стоимости вмѣстѣ съ необходимой движимостью не можетъ быть продана за долги или поставлена, согласно залоговому праву, въ обезпеченіе долга.

Въ разныхъ штатахъ существуютъ разныя опредѣленія размѣровъ собственности, не подлежащей принудительному отчужденію за долги. Такъ, въ Вермонтѣ размѣръ этотъ опредѣленъ для земельного участка цѣною въ 500 долларовъ съ хлѣбомъ на корню, платьемъ, домашней и хозяйственной утварью, скотомъ и различными запасами; при этомъ на 200 долларовъ въ рабочемъ скотѣ (teams) и 200 же долларовъ въ профессиональной библіотекѣ. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ гарантированная стоимость опредѣляется въ 1,000 дол. Въ Кентукки цѣнность недвижимости опредѣляется въ 1,000 долларовъ и движимости въ 100 и т. п. Высшую норму имѣетъ Калифорнія, гдѣ она поднимается до 5,000 долларовъ въ земельномъ участкѣ при 200 дол. въ движимости.

Кромѣ этого, и для произвольнаго отчужденія участка, приобретеннаго по вотчинному закону, существуетъ очень цѣлесообразное ограниченіе. Продажа только тогда считается дѣйствительною, когда имѣется письменное удостовѣреніе жены продавшаго.

При этомъ заботливомъ отношеніи къ обезпеченію быта сельскаго населенія является вполне естественнымъ то необременительное налоговое обложеніе, которое несетъ земельная собственность въ Соединенныхъ Штатахъ. Государственного поземельнаго сбора здѣсь нѣтъ и переходъ земельной собственности не обремененъ никакими пошлинами. Союзное правительство имѣетъ и безъ того достаточныя средства въ довольно высокихъ таможенныхъ сборахъ съ ввоза въ миллиардъ рублей и доходъ акцизнаго типа, со спиртныхъ напитковъ и табаку, наконецъ, въ обложеніи банковыхъ и банкирскихъ оборотовъ и разнаго рода мелочныхъ сборахъ.

Земельная собственность [несетъ только мѣстные налоги для удовлетворенія внутреннихъ потребностей отдѣльныхъ штатовъ и территорій. Общая сумма этого мѣстнаго обложенія опредѣляется приблизительно въ 12½, фунт. стерлинговъ и около половины этой суммы идетъ съ недвижимой собственности, причемъ раскладка производится не съ доходности, а съ цѣнности] имущества. Средній уровень обложенія—полпроцента. Въ нѣкоторыхъ штатахъ имѣется даже законодательное утвержденіе, чтобы

налогъ съ земельной собственности не превосходитъ именно полпроцента съ ея стоимости. Въ Иллинойсѣ налогъ опредѣляется прямо въ 3 пенса (около 8 коп.) съ акра. Въ Пенсильваніи земельная собственность вовсе свободна отъ налога.

Принимая во вниманіе немногосложность, а, слѣдовательно, и дешевизну какъ центрального, такъ и мѣстнаго управленія, изъ налоговъ приходится выдѣлять на издержки взиманія и на обязательные расходы по содержанію администраціи сравнительно немного. Поэтому налоги, только за небольшимъ вычетомъ, идутъ на удовлетвореніе потребностей населенія, улучшая разныя стороны его быта, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, облегчая и самую уплату обложенія. Видѣть, что налоги получаютъ производительное, ощутительно-полезное назначеніе, безъ сомнѣнія, очень утѣшительно для плательщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это условіе отнимаетъ у податнаго обложенія то гнетущее вліяніе, которое оно, безспорно, оказываетъ и на матеріальное, и на нравственное состояніе населенія, когда является плохо соображеннымъ съ его платежными средствами и расходуется, по мнѣнію плательщиковъ, безъ всякихъ полезныхъ послѣдствій и безъ возможности вліять на направленіе расходовъ въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Нельзя не согласиться, что сѣверо-американское земледѣльческое населеніе и въ этомъ отношеніи стоитъ, сравнительно съ европейскимъ, въ очень выгодномъ положеніи.

Эта выгодная мелкому землевладѣнію обстановка, созданная земельною политикою союза, какъ со стороны его образованія (Homestead-Acts и т. п.), такъ и со стороны пользованія имъ (Exemption-Acts и другія Land laws), имѣетъ рѣшающее значеніе въ разностороннемъ развитіи страны. Такое положеніе дѣлъ отражается весьма характерными чертами на строе личной жизни той части населенія, которой открывается возможность при посредствѣ только личнаго труда приобрести для себя и для своего семейства обеспеченное, независимое существованіе.

Если намъ, затѣмъ, приходится встрѣчаться съ фактами, свидѣтельствующими о производительности личнаго труда сѣверо-американскаго рабочаго, его выносливости, энергіи и прочихъ качествахъ, которымъ такъ завидуютъ нѣмецкіе ландгерры, а, пожалуй, и наши землевладѣльцы-помѣщики, то при оцѣнѣ этихъ фактовъ слѣдуетъ принимать во вниманіе условія, имъ благопріятствующія.

Н. Богомоловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Замѣтки о военной организаціи и военномъ хозяйствѣ.

I.

По окончаніи войны 1877—1878 гг. въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ громко высказывалась крайняя необходимость цѣлесообразныхъ и всестороннихъ реформъ въ военномъ вѣдомствѣ. Были слухи о назначеніи комиссіи для обследованія административной организаціи и хозяйства военного вѣдомства. Говорили, что эта комиссія обязана будетъ начертать планъ существенныхъ измѣненій какъ въ системѣ управленія всѣми функціями военного дѣла, такъ и въ системѣ военного хозяйства. Эти реформы, какъ увидитъ читатель ниже, вызываются, прежде всего, стремленіемъ поставить у насъ военное дѣло на соотвѣтствующую ему высоту, съ другой стороны, — крайнею необходимостью уменьшить бюджетъ военного министерства и этимъ путемъ приобрести хотя часть денежныхъ ресурсовъ для покрытія неотложнѣйшихъ государственныхъ нуждъ.

Историческій обзоръ нашихъ финансовъ говоритъ намъ, что бюджетъ военного вѣдомства прогрессивно повышался въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ:

Количество войскъ	Годы.	
576,620 чел., подг. къ войнѣ.	Въ 1811	отпущено 41.700,000 р.
1.142,108 » военное время	— 1852	» 82.546,000 »
858,997 » мирное время	— 1862	» 114.184,000 »
855,225 » мирное время	— 1882	» 183.489,000 »

Изъ этой таблички видно, что, при одинаковомъ почти количествѣ войскъ въ мирное время съ 1811 по 1852 г., потребовалось 40 лѣтъ, чтобы расходы по военному вѣдомству увеличились вдвое. Съ 1862 г. (со времени введенія военно-окружной системы управленія) по 1882 г. расходы увеличились болѣе чѣмъ на 60% въ продолженіе лишь двадцати лѣтъ. Но означенными ассигнованіями не исчерпываются расходы по воен-

ному вѣдомству. Къ нимъ слѣдуетъ дабавить, во-первыхъ, натуральныя отъ населенія повинности; во-вторыхъ, пенсіи, денежные пособія и аренды, расходы по призыву и приему на службу въ войска, значущіеся по смѣтѣ министерства финансовъ; въ-третьихъ, мѣстныя военныя потребности въ губерніяхъ Привислянскаго края. Не считая военной натуральной повинности по совершенной невозможности опредѣлить ея величину, на всѣ остальные расходы, не вошедшіе въ смѣту военнаго министерства, мы приблизительно кладемъ 17 милліоновъ руб. Слѣдовательно, весь бюджетъ военнаго вѣдомства въ 1882 году былъ въ 200¹/₂ милліоновъ рублей, что составитъ 30,60% всѣхъ государственныхъ расходовъ, не считая ихъ по морскому вѣдомству.

Столь громадныя расходы на военное дѣло при бѣдности народа, при въ высшей степени тяжеломъ и ненормальномъ финансовомъ и экономическомъ положеніи государства, несомнѣнно, лишаютъ народъ насущныхъ средствъ для производительной дѣятельности во всѣхъ функціяхъ государственной жизни.

Чѣмъ же объяснить такое чрезвычайно прогрессивное увеличеніе расходовъ въ военномъ вѣдомствѣ? Съ одной стороны, это объясняется тѣмъ, что значительная часть натуральныхъ повинностей въ настоящее время оплачивается деньгами и заносится въ смѣту военнаго вѣдомства; во-вторыхъ, около ¹/₃ нашего бюджета должно быть сброшено вслѣдствіе упадка цѣнности нашего кредитнаго рубля и сообразно съ этимъ послѣдовавшей дороговизны на всѣ предметы потребленія; въ-третьихъ, успѣхами техническихъ наукъ и военной техники, потребовавшихъ преобразованій въ вооруженіи, въ снаряженіи и устройствѣ арміи. Но за всѣмъ этимъ еще остаются десятки милліоновъ рублей, которые тратятся военнымъ вѣдомствомъ непроизводительно и составляютъ излишніе расходы, которые, по нашему мнѣнію, могутъ быть упразднены. Это мнѣніе мы постараемся доказать въ свое время.

Что бюджетъ военнаго вѣдомства можетъ быть сокращенъ, это признается возможнымъ въ высшихъ сферахъ. Мало того, пзъ опубликованной въ газетахъ рѣчи военнаго министра, при представленіи чиновъ военнаго министерства, видно, что Государь поручилъ министру «принять безотлагательно всѣ мѣры для уменьшенія военныхъ расходовъ, но съ тѣмъ, чтобы сохранить вооруженныя силы Россіи на высотѣ, соответствующей политическимъ потребностямъ государства и современнаго состоянія военнаго дѣла въ наибольшомъ совершенствѣ».

Прежде всего, представляется вопросъ: по какимъ статьямъ военнаго бюджета можетъ быть достигнуто сокращеніе военныхъ расходовъ, при непремѣнномъ соблюденіи условія, чтобы военное дѣло стало на высотѣ своего призванія? Уменьшить означенныя расходы возможно только по двумъ функціямъ военной дѣятельности: по административной организаци и по хозяйству военнаго вѣдомства. Въ мирное время нѣтъ для этого

точного критеріума, безапелляціонно рѣшающаго военные вопросы; только война можетъ служить болѣе или менѣ цѣннымъ оселкомъ при разрѣшеніи означенныхъ вопросовъ. Такъ, крымская война, причинившая нашему отечеству великія бѣдствія, показала намъ, какъ далеко мы отстали отъ прочихъ европейцевъ во всѣхъ отношеніяхъ. Точно также послѣдняя война (1877 — 1878 гг.) дала намъ хорошій урокъ и привела къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ: 1) что войска наши обладаютъ отличными боевыми и нравственными элементами; отъ солдата до генерала дѣйствующія войска стояли на высотѣ своего призванія; 2) что мы не были готовы къ войнѣ; 3) что наши военно-организационныя учрежденія неудовлетворительны; 4) что наше военное хозяйство не пошло по пути улучшенія впередъ со времени крымской войны; что крайняя централизація и опека не остановили злоупотребленій и хищничества; 5) что военно-окружной совѣтъ и военный совѣтъ, какъ постоянные хозяйственно-административные органы, не нужны. Въ виду быстроты событій военного времени, начальники войскъ и отдѣловъ, какъ центральныхъ, такъ и военно-окружныхъ управленій, вынуждены были разрѣшать за свой страхъ хозяйственныя операціи и заготовленіе потребностей; совѣтамъ же на утвержденіе были представляемы уже совершившіеся факты; 6) что бюрократическій механизмъ нашихъ военныхъ управленій, совѣтовъ, канцелярій, штабовъ съ ихъ докладными записками, справками, формализмомъ и бюрократизмомъ не приносятъ ни войскамъ, ни военному дѣлу пользы, а лишь увеличиваютъ бюджетъ военного вѣдомства на содержаніе администраціи и на переписку. Кромѣ того, бюрократизмъ замедляетъ разрѣшеніе дѣлъ, безъ нужды порождаетъ чрезвычайно обильную переписку. Заботясь о томъ, чтобы все на бумагѣ было хорошо, бюрократизмъ, въ связи съ чрезвычайною перепиской, парализируетъ полезную дѣятельность начальниковъ, мертвитъ живую военную дѣятельность и убиваетъ инициативу войсковыхъ начальниковъ; 7) что громадная масса интендантскихъ запасовъ, находившихся въ Россіи, не спасла армію отъ чрезвычайной нужды и отъ тяжелыхъ лишеній: солдаты были плохо одѣты и обуты, крайне нуждались въ теплой одеждѣ и въ бѣльѣ; 8) организація транспортовъ въ тылу арміи, во время войны, была ниже всякой критики и послужила къ разоренію подводчиковъ, къ громаднымъ потерямъ со стороны казны и къ массѣ злоупотребленій; 9) что вооруженіе нашихъ полевыхъ войскъ было слабѣе перваго непріятеля, съ которымъ пришлось начать войну послѣ крымской кампаніи; 10) что казенныя техническія заведенія, потребляющія громадныя суммы на свое содержаніе, далеко не удовлетворяютъ военное вѣдомство необходимыми предметами снаряженія. Военное вѣдомство прибѣгаетъ къ заграничнымъ заказамъ во вредъ благосостоянію Россіи и этимъ парализируетъ частную дѣятельность въ этомъ направленіи. Изложенныхъ недостатковъ можно избѣжать, организовавъ наши техническія и хозяйственныя военныя учреж-

денія на иныхъ, рациональныхъ началахъ. Брѣвская война доказала, что, въ случаѣ войны съ коалиціей европейскихъ государствъ, мы можемъ остаться безъ военного матеріала, такъ какъ заказы заграничнымъ заводамъ въ такое время невозможны. Франція же, потерявшая большую часть военного снаряженія въ первую половину войны 1870 г., обязана была частной промышленности, что могла создать все вооруженіе и снаряженіе для нѣсколькихъ большихъ армій; 11) опытъ войны 1877—1878 гг. убѣждаетъ насъ въ необходимости въ мирное время имѣть кадры для организациі полевыхъ управленій армій. Въ осуществленію этого побуждаетъ краткій срокъ мобилизациі, сдѣлавшійся стратегическимъ факторомъ чрезвычайно важнаго значенія. Нынѣ мобилизацию должно считать уже открытіемъ военныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, кадры военного полевого управленія должны быть налицо и хорошо знакомы съ войсками и учрежденіями ближайшаго театра войны; 12) судя по средствамъ, которые потребовались для единоборства съ Турціей, можно судить о тѣхъ чрезвычайныхъ средствахъ, которые понадобятся для борьбы съ коалиціей. Въ этой же борьбѣ мы всегда должны быть готовы по политическому нашему положенію.

Перечисленные выше и подтвержденные опытомъ минувшей войны недостатки въ системѣ организациі, управленія и хозяйства военного вѣдомства вызываютъ, очевидно, на реформы не только въ видахъ сокращенія военного бюджета, но еще болѣе въ видахъ чисто-военныхъ соображеній. Эти реформы должны быть совершены рѣшительно и сполна безъ колебаній. Бюджетъ военного вѣдомства находится въ зависимости: 1) отъ числительности войскъ, системы ихъ укомплектованія и нормы ихъ содержанія; 2) отъ системы управленія всѣми функциями военного вѣдомства и, сообразно этой системѣ, отъ организациі административныхъ органовъ; 3) отъ системы заготовленія потребностей въ военномъ вѣдомствѣ въ мирное и въ военное время, отъ способовъ снабженія войскъ всѣми предметами довольствія, отъ системы организациі запасовъ и отъ способа ихъ храненія; 4) отъ организациі техническихъ и хозяйственныхъ учрежденій и заведеній; 5) отъ системы войсковаго хозяйства; 6) отъ системы квартирнаго размѣщенія войскъ и, наконецъ, 7) отъ писмоводства, счетоводства, отчетности и контроля какъ въ войскахъ, такъ и во всѣхъ техническихъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ военного вѣдомства. Для достиженія этой цѣли необходимо, прежде всего, чтобы строе-боевая часть и генеральный штабъ были подчинены одному, а административно-хозяйственная часть другому высшему самостоятельному и отвѣтственному исполнительному органу.

II.

Разсматривая бюджет военного вѣдомства *), мы находимъ расходы на содержаніе ненужныхъ и малополезныхъ учреждений, заведеній и должностей; тамъ же мы встрѣчаемъ такія заведенія, штаты которыхъ могутъ быть уменьшены безъ малѣйшаго ущерба для военной службы. Въ финансовыхъ смѣтахъ военнаго вѣдомства мы замѣчаемъ расходы на такіе предметы, которые не входятъ въ сферу компетентности военнаго управленія. Такъ, въ Одессѣ, въ Николаевѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ Гельсингфорсѣ, въ Павловскѣ, въ Севастополѣ и другихъ мѣстахъ содержатся коменданты съ управленіями. Въ кругъ дѣятельности комендантовъ входятъ, въ сущности, военно-полицейскія обязанности. Въ военное время при арміи, въ крѣпостяхъ, гдѣ существуютъ только войска, военныя учрежденія и заведенія, коменданты необходимы. Здѣсь полицейскія обязанности и внутренніе порядки не могутъ быть ввѣрены общей полиціи. Въ обыкновенныхъ же городахъ не представляется надобности имѣть комендантовъ съ особыми управленіями. Быть можетъ, содержаніе означенной должности въ обѣихъ столицахъ можетъ быть еще мотивировано, но даже въ столицахъ можно поручить эту должность одному изъ начальниковъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ столицѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь достаточно имѣть одного коменданта съ однимъ адъютантомъ и двумя писарями. Намъ объясняли, что должности комендантовъ оставлены въ городахъ въ видѣ приюта для инвалидовъ; но, въ такомъ случаѣ, полезнѣе было бы выдавать такимъ заслуженнымъ генераламъ и офицерамъ опредѣленное содержаніе, упразднивъ комендантскія управленія. Содержаніе этихъ управленій вызываетъ на ненужные расходы: на личный составъ, на помѣщеніе, на отопленіе и освѣщеніе, на ремонтъ зданій, на обмундированіе и продовольствіе нижнихъ чиновъ, квартирныя оклады служащихъ, на пенсіи, пособія и т. д. Цифры всѣхъ этихъ расходовъ намъ неизвѣстны. Не считая содержанія, лично присвоеннаго комендантамъ означенныхъ выше городовъ, а также всѣхъ означенныхъ расходовъ, съ упраздненіемъ комендантскихъ управленій, находящихся внѣ крѣпостей, получились бы сбереженія деньгами 9,795 р. 25 к. и людьми 101 чел. Но въ этотъ расчетъ не вошло содержаніе комендантскихъ управленій въ обѣихъ столицахъ, въ г. Варшавѣ, въ Финляндіи, на Кавказѣ и въ Азіатской Россіи.

Въ крѣпостяхъ Европейской Россіи при комендантахъ состоятъ инженеры для наблюденія за воинскими зданіями. Эти должности совершенно ненужны и обязанности, лежащія на занимающихъ ихъ лицахъ, могутъ быть легко исполнены существующими въ каждой крѣпости крѣпостными инженерными управленіями, въ составъ которыхъ входятъ въ достаточномъ числѣ

*) Мы имѣли финансовыя смѣты за 1875 г. и частью за 1877 и 1882 гг.

офицеры и чиновники инженерного корпуса. Учреждение означенной должности может быть объяснено только изолированіем коменданта отъ прямого участія въ управленіи военными отдѣлами, находящимися въ крѣпости. Относительно положенія коменданта въ крѣпости мы будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что если бы коменданту крѣпости, вмѣсто полицейскаго надзора, были ввѣрены, какъ бы слѣдовало, всѣ военные отдѣлы, составляющіе органическія части каждой крѣпости, то въ означенной должности надобности не было бы. Мало того, были бы упразднены и другія ненужныя должности, существующія нынѣ въ другихъ военныхъ отдѣлахъ въ крѣпостяхъ. По штатамъ инженернаго вѣдомства организованы управленія и особые строители казенныхъ зданій въ мѣстахъ, не причисленныхъ къ крѣпостямъ въ Европейской Россіи. Такого рода должности существуютъ нынѣ даже для пороховыхъ заводовъ и арсеналовъ. Между тѣмъ, по штатамъ этихъ заведеній опредѣлены архитекторы, которые могутъ исполнять строительныя работы и смотрѣть за зданіями означенныхъ техническихъ заведеній. Организовано 39 инженерныхъ дистанцій, съ опредѣленнымъ райономъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ воинскія зданія. Первые изъ указанныхъ выше должностей могли бы быть упразднены, а инженерныя дистанціи уменьшены въ своемъ составѣ, если бы дѣло по завѣдыванію и по содержанию воинскихъ зданій въ исправности было поставлено правильно. Военные инженеры — техники фортификаціонныхъ работъ и другихъ военныхъ сооружений, поэтому ими слѣдуетъ пользоваться какъ техниками, а не какъ подрядчиками для исполненія строительныхъ сооружений. Слѣдовательно, составленіе смѣтъ на военно-строительныя работы, исполненіе ихъ въ техническомъ отношеніи, опредѣленіе достоинства матеріаловъ и качества работы есть дѣло военныхъ инженеровъ. Надзоръ за зданіями, ремонтірованіе оныхъ есть обязанность тѣхъ войсковыхъ частей и военныхъ учреждений, которыя ихъ занимаютъ. Поэтому административныя и хозяйственныя распоряженія по ремонтірованію и по сооружеію новыхъ зданій, равно разсчеты съ подрядчиками и рабочими, необходимо возложить на обязанность и отвѣтственность войскъ, учреждений и управленій военнаго вѣдомства, которыя занимаютъ зданія или для которыхъ сооруженія строятся.

Казалось бы, что военному вѣдомству слѣдовало бы всѣ зданія въ крѣпостяхъ, занимаемыя полевыми и мѣстными войсками, передать въ городскія и земскія управы, тѣмъ болѣе, что, съ преобразованіемъ воинской квартирной повинности, положеніемъ, изданнымъ 8 (20) іюня 1874 г., обязанности по расквартированію войскъ, ихъ управленій и заведеній возложены на земство. Этому послѣднему необходимо вмѣстѣ съ зданіями передать ассигнуемыя ежегодно суммы на ремонтное исправленіе зданій. Мы, конечно, такой порядокъ рекомендовали бы потому, что земство въ своихъ интересахъ должно было бы выгоднѣе содержать эти зданія и

правильнѣе ихъ распредѣлять для помѣщенія войскъ и управленій. Съ другой стороны, войсковыя требованія категоричнѣе и настойчивѣе будутъ заявляемы земству, чѣмъ казенному управленію своего вѣдомства, если вопросъ будетъ идти о неудовлетворительности зданій, какъ жилыхъ помѣщеній, или если постройки дурно отремонтированы или отстроены. Можно избрать и другой порядокъ: всѣ зданія военнаго вѣдомства передать по принадлежности въ войска и управленія, которыя ихъ занимаютъ, по описямъ, согласно закону. Зданія, гдѣ помѣщаются артиллерійскіе, интендантскіе и другихъ отдѣловъ военнаго вѣдомства запасы, техническія и инныя заведенія, можно передать по принадлежности этимъ отдѣламъ. На ихъ обязанности будетъ лежать какъ надзоръ за зданіями, такъ ремонтъ ихъ и постройка зданій, если въ этомъ встрѣтится надобность.

При такомъ порядкѣ, войска, управленія, учрежденія и заведенія военнаго вѣдомства, помѣщаясь въ казенныхъ зданіяхъ, сами для себя будутъ ихъ содержать въ исправности и ихъ ремонтировать, слѣдовательно, въ своихъ интересахъ исполнять, при участіи инженеровъ, какъ обыкновенный, такъ и капитальный ремонтъ и инныя работы хозяйственнѣе и лучше, чѣмъ инженерное вѣдомство, которое исполняетъ все изложенное для другихъ. Съ другой стороны, военные инженеры, производя лишь техническія работы и не входя въ хозяйственныя распоряженія и расчеты съ подрядчиками, не заинтересованные въ этомъ отношеніи матеріально, станутъ въ правильное положеніе военныхъ инженеровъ-техниковъ въ крѣпостяхъ, въ войскахъ и въ другихъ отдѣлахъ военнаго вѣдомства и поэтому, конечно, отнесутся къ составленію техническихъ смѣтъ, къ требованію кредита войсками и прочими военными учрежденіями, такъ равно и къ контролю сооружений и ремонту, или исполненію, безпристрастно, лишь въ видахъ интересовъ государства и учреждений, занимающихъ зданія. Техническій контроль исполненіемъ работамъ будетъ относиться къ обязанности инженернаго управленія и государственнаго контроля. Что же касается фактическаго контроля въ хозяйственномъ отношеніи и въ степени выгоды осуществленія работъ въ денежномъ отношеніи, то онъ войдетъ въ обязанность военнаго начальства и государственнаго контроля. Слѣдовательно, войска и отдѣлы военнаго вѣдомства, имѣя въ виду фактическій контроль со стороны специалистовъ, независимо собственнаго интереса имѣть хорошее помѣщеніе, отнесутся къ своимъ обязанностямъ серьезно и плодотворно. Мы имѣемъ основаніе утверждать, что расходы на строительныя работы понизятся съ осуществленіемъ предложенныхъ здѣсь мѣропріятій. Упраздненіе управленій воинскими зданіями внѣ крѣпостей, упраздненіе отдѣльныхъ производителей работъ, упраздненіе чиновъ для пристража за казармами и другими воинскими строеніями въ крѣпостяхъ и внѣ крѣпостей дало бы сбереженія въ бюджетѣ около 90 тыс. руб.; сверхъ того, численность воинскихъ чиновъ уменьшилась бы на 81 чел. офицерскаго званія и

107 челов. нижнихъ чиновъ. Эти же инженерные офицеры весьма необходимы для другихъ серьезныхъ военныхъ надобностей.

По штатамъ инженернаго вѣдомства содержится управленіе инспектора динабургскаго арсенала и парковъ. Организація этой должности съ управленіемъ при ней не вызывается условіями ни мирнаго, ни военнаго времени. Какъ арсеналъ, такъ и парки могутъ быть подчинены непосредственно окружному инженерному управленію въ округѣ. Помимо денежныхъ выгодъ, такое подчиненіе мѣстной, не менѣе компетентной власти инженернаго арсенала и парковъ будетъ полезнѣе въ административномъ отношеніи какъ въ смыслѣ фактическаго контроля, такъ и единства дѣйствій всѣхъ отраслей инженернаго вѣдомства въ округѣ. Тѣ же самыя соображенія приводятъ насъ къ заключенію въ необходимости упразднить управленія строителей въ крѣпостяхъ. Эти особые управленія организованы въ Керченской крѣпости, въ Кронштадтѣ, Очаковѣ и Николаевѣ. Въ каждой крѣпости имѣется крѣпостное инженерное управленіе, которое можетъ осуществить всѣ необходимыя работы. Если сооруженія значительны, то полезнѣе прикомандировать къ этому управленію нѣсколькихъ инженеровъ, вмѣсто учрежденія значительныхъ особыхъ управленій, которые обходятся дорого казнѣ. Съ этимъ положеніемъ можно бы еще помириться, еслибъ эти особые управленія были подчинены контролю мѣстной окружной инженерной власти. Но дѣйствія строителей крѣпостей нигдѣ подчинены непосредственному надзору центральнаго управленія, почему операціи ихъ стоятъ внѣ контроля и ближайшаго надзора мѣстнаго компетентнаго инженернаго управленія. Этотъ нерациональный порядокъ приводитъ къ другимъ денежнымъ потерямъ казны; такъ, крѣпость Керчь и николаевскія укрѣпленія были закончены постройкою (если и тамъ оставались; то незначительныя работы, которыя всегда будутъ), между тѣмъ управленія особыхъ строителей не упразднились, а оставались существовать безъ видимой необходимости и съ значительными окладами для служащихъ *). Съ другой стороны, съ упраздненіемъ этихъ временныхъ управленій крѣпость со всѣми сооружениями ввѣряется крѣпостному инженерному управленію, подчиненному мѣстной окружной власти. Всѣ недостатки въ сооруженияхъ, которые окажутся, отчего бы эти недостатки ни происходили, останутся на отвѣтственности постоянныхъ управленій, которыя никакого участія ни въ работахъ, ни въ контролѣ за оными не принимали. Упраздненіе этихъ управленій дастъ сбереженія деньгами до 20,000 руб., офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 24 человекъ.

Заканчивая смѣту инженернаго вѣдомства, мы не можемъ не обратить вниманія читателя на нѣкоторые факты, напрашивающіеся на сообщеніе.

*) А въ то же время дѣйствующая армія въ войну 1877—1878 г. нуждалась въ офицерахъ инженернаго корпуса.

Такъ, по смѣтѣ 1882 мы находимъ, что въ елисаветградской инженерной дистанціи состоятъ: офицеровъ 4, чиновниковъ 1, кондукторовъ 3, писарей 3. На наемъ помѣщенія требуется 2,350 руб. Въ севастопольской инженерной дистанціи офицеровъ 5, чиновниковъ 2, кондукторовъ 3, писарей 3. Слѣдовательно, служащихъ болѣе, а платится за помѣщеніе 500 руб. Правда, начальникъ дистанціи въ Севастополѣ квартиры въ этомъ помѣщеніи не имѣетъ, поэтому, вычитая изъ 2,350 руб. 500 руб., остается 1,850 руб. Несомнѣнно, что эта наемная плата за квартиру въ уѣздномъ городѣ для начальника дистанціи, если бы имъ былъ даже генералъ, довольно высока. Такихъ фактовъ по смѣтамъ всѣхъ отдѣловъ военнаго вѣдомства можно отыскать немало.

По прил. № 2 смѣты глав. инж. упр. положено содержать въ его распоряженіи, не занимая штатныхъ должностей, штабъ-офицеровъ 60, оберъ-офицеровъ 16, чиновниковъ 10, кондукторовъ двухъ классовъ 35, старшихъ и младшихъ надзирателей 12. Содержание ихъ обходится по смѣтѣ въ 167 тыс. руб. Чѣмъ мотивируется содержаніе этихъ чиновъ? Гдѣ они были и чѣмъ были заняты, когда въ войну 1877—1878 гг. дѣйствующія арміи нуждались въ военныхъ инженерахъ? Переходимъ къ расходамъ артиллерійскаго вѣдомства.

По смѣтѣ главнаго артилл. упр. значится расходъ на содержаніе ремонтныхъ командъ. Онѣ снабжаютъ въ мирное время полевую пѣшую и конную артиллерию лошадьми, взаимѣн ежегодно бракуемыхъ за старость и пороки. При мобилизациі арміи и въ военное время артиллерійскія бригады комплектуются лошадьми путемъ поставки ихъ отъ жителей по опредѣленной цѣпѣ (конская повинность). При нынѣшнемъ составѣ полевыхъ пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ изъ 6 батарей въ ремонтныхъ командахъ нѣтъ надобности, какъ не настояло необходимости въ ремонтныхъ командахъ и прежде, когда въ составъ бригады входили 3—4 батареи. Каждая артиллерійская бригада въ мирное время для закупки небольшого числа лошадей свободно можетъ командировать одного изъ батарейныхъ командировъ или одного офицера отъ бригады. Для привода же лошадей отъ мѣста покупки до бригады безъ малѣйшаго стѣсненія батареи могутъ назначать нижнихъ чиновъ изъ своего состава. Это тѣмъ болѣе удобно и возможно нынѣ, что въ мирное время изъ 8 орудій въ батареѣ только 4 орудія въ запряжкѣ; на остальные 4 орудія лошадей не содержится, а только комплектъ воинскихъ чиновъ. Кромѣ того, ремонтируя лошадей въ мирное время безъ посредства постоянныхъ ремонтеровъ, полевая артиллерія будетъ имѣть въ своемъ составѣ болѣе слѣдующихъ офицеровъ въ достоинствахъ лошадей, что необходимо. Во время конской поставки въ 1877 году для арміи лошадей были недоразумѣнія и промедленія въ приѣмѣ лошадей отъ населенія отъ недостаточнаго знакомства военныхъ приѣмщиковъ съ качествами лошадей. Можно еще полемизировать о необходимости ремонтныхъ командъ для конной

артиллерии въ поставкѣ для нея верховыхъ лошадей; но и въ конной артиллерии могутъ приобрести необходимое число лошадей батареинные командиры и офицеры, и эта мѣра полезнѣе и цѣлесообразнѣе покупи лошадей черезъ особыхъ ремонтеровъ. Въ крайнемъ случаѣ конная артиллерія можетъ получать верховыхъ лошадей при посредствѣ ремонтеровъ кавалерійскихъ полковъ.

Вопросъ, имѣть ли въ конной артиллерии узду или мундштукъ, не одинъ разъ поднимался между военными людьми; осиливали всегда партизаны мундштука. Мы рекомендовали бы конную артиллерію снабдить уздою, уирадннвъ мундштукъ. Боевыя условія требуютъ отъ коннаго артиллериста, чтобы онъ твердо сидѣлъ на сѣдлѣ, весьма быстро соскакивалъ съ лошади и такъ же быстро садился. Манежная ѣзда съ мундштукомъ красива для парадовъ, а для войны не нужна. Черезъ заборы, рвы конному артиллеристу перескакивать въ военное время не придется; онъ всегда находится при своемъ орудіи. Конный артиллеристъ обязанъ проѣхать вездѣ, гдѣ пройдетъ его орудіе. Положеніе, что конная артиллерія должна быть, прежде всего, артиллеріей, а не конницей, но, въ то же время, не только не отставать, но быть даже впереди своей кавалеріи, конечно, неоспоримо. Но это требованіе въ конной артиллеріи достигается, если ѣздокъ будетъ управлять лошадыю какъ уздою, такъ и мундштукомъ; манежной или кавалерійской выѣздки людей и лошадей не требуется боевыми цѣлями. При нынѣшнемъ короткомъ срокѣ службы, который долженъ быть еще пониженъ, удовлетворительно приготовить коннаго артиллериста къ кавалерійской и къ артиллерійской службѣ не представляется возможнымъ, но если такое требованіе не вызывается условіями военного времени, то, конечно, отъ него благоразуміе требуетъ отказаться. Сошлемся на козачью конную артиллерію. Она съ уздою и нагайкою дѣйствуетъ лихо, молодецки, какъ требуется боевыми условіями; движенія козачей конной батареи на парадахъ стройны и красивы и не слабѣе конной артиллеріи съ мундштукомъ и шпорами. Слѣдовательно, какъ для пѣшей полевой, такъ и для конной артиллеріи содержаніе особыхъ ремонтеровъ съ командами воинскихъ чиновъ не вызывается условіями ни мирнаго, ни военного времени. Со времени организаціи ремонтныхъ командъ въ полевой артиллеріи достоинство лошадей въ послѣднее время понизилось; это скажутъ всѣ старые артиллеристы. Такое пониженіе достоинства лошадей въ нашей артиллеріи нельзя объяснить сокращеніемъ коневодства или значительными покупками у насъ лошадей иностранными государствами. Ремонтеры—люди и, конечно, какъ всѣ смертные, преслѣдуютъ свои интересы. Съ одной стороны, стремленіе сбыть годовой ремонтъ повыгоднѣе для себя, съ другой—вынужденное снисхожденіе начальства имѣютъ свою долю причинъ къ пониженію достоинствъ лошадей въ нашей артиллеріи. Ремонтеры приводятъ на столько большія партіи лошадей для артиллерійскаго округа, что, забраковка извѣстнаго % недоброкачественныхъ лошадей составитъ

капиталь, настолько значительный иногда, что это может разорить ремонтера. Совѣмъ въ другомъ видѣ представляется дѣло, если покупка лошадей будетъ возложена на батарею или бригаду; здѣсь годовой ремонтъ, во-первыхъ, незначительный, слѣдовательно, потери отъ брака ничтожны, а, во-вторыхъ, командиры батарей приобрѣтаютъ лошадей каждый для своей батареи или для своихъ ближайшихъ товарищей и сослуживцевъ. Ответственные за свои батареи нравственно и матеріально, конечно, командиры батарей приобрѣтутъ такихъ лошадей, которыя во всѣхъ отношеніяхъ доброкачественны и скорѣе выше, чѣмъ ниже требованій, поставленныхъ закономъ. Они купятъ лошадей у заводчиковъ, безъ посредниковъ, слѣдовательно, дешевле. Наконецъ, въ этомъ случаѣ командиры батарей купятъ именно тотъ родъ, видъ и сортъ лошадей, какіе имъ въ данное время нужны, а не такихъ лошадей, которыя приведетъ имъ ремонтеръ, сообразуясь съ канцелярскими табелями.

Посмотримъ теперь, каковы расходы на ремонтныя команды. По смѣтѣ 1882 г. было опредѣлено:

По артил. смѣт. пр. № 26 на покупку лошадей. . . 344,520 р.

На ремонтныя команды:

По арт. смѣт., пр. № 2.	39,584 р. 55½ к.	} 114,081 р. 60 к.
По инт. смѣт., пр. № 28.	33,500 р. — к.	
Содержаніе 535 чел. нижнихъ чиновъ, по 76 р. 63 к. въ годъ,	40,997 р. 05	

Состоитъ: офицеровъ 21 чел. нижнихъ чиновъ 535 чел., денщиковъ 23 чел.

Такимъ образомъ, лошади чрезъ ремонтеровъ безъ всякой нужды обходятся дороже на 33%.

Кромѣ того, 21 офицеръ совершенно непроизводительно отвлекается отъ строевой службы въ то время, когда слышатся жалобы на недостатокъ офицеровъ, особенно въ военное время. 558 нижнихъ чиновъ, или шесть ротъ мирнаго состава, берутся отъ населенія, содержатся на государственнѣйшій счетъ, въ ущербъ интересамъ населенія. Мы не говоримъ уже о расходахъ на пенсіи, пособія и т. п.

На большой площади земли въ г. Николаевѣ сооруженъ весьма значительныхъ размѣровъ николаевскій ракетный заводъ. Значительная часть очень цѣнныхъ машинъ и аппаратовъ была выписана изъ Парижа; къ сожалѣнію, изъ нихъ немалая часть совершенно ненужна ракетному заводу. На содержаніе этого завода потрачена масса денегъ, а исторія его сооруженія доказываетъ въ тысячный разъ, какъ надо быть осторожнымъ къ затѣямъ специалистовъ. Просто компетентный человекъ затратилъ бы 1/10 часть и даже менѣе на дѣло, совершенно новое и не имѣющее за собою ни опыта, ни строго-научныхъ основаній, съ тѣмъ, чтобы, сообразуясь съ дальнѣйшими полезными результатами, продолжать затраты денегъ на улучшеніе того дѣла. У насъ по ракетному дѣлу явился

специальность и его требования объ ассигнованіи денегъ на сооруженіе завода, а затѣмъ на его дѣятельность, исполнялись съ обычнымъ снисхожденіемъ. Это продолжается и донныѣ, несмотря на то, что содержаніе ракетнаго завода въ настоящее время по малой мѣрѣ бесполезно. Ракеты бывають боевыя, зажигательныя, освѣтительныя. Нарѣзные орудія до такой степени хороши, особенно дальнобойныя пушки послѣдняго чертежа, при всякой обстановкѣ, что въ боевыхъ ракетахъ ни малѣйшей надобности не встрѣчается. Въ прежнее время полагали, что ракеты по своей подвижности могли быть еще употреблены на войнѣ въ Азіи съ хивинцами и бухарцами, но снарядъ этотъ не выдерживаетъ дальней перевозки и продолжительнаго храненія. Поэтому въ послѣднюю хивинскую экспедицію, какъ это видно изъ *Артиллерійскаго Журнала*, ракеты, весьма тщательно приготовленныя, оказали, разрываясь на станкѣ, болѣе вреда находившейся при нихъ нашей артиллерійской прислугѣ, чѣмъ непріятелю. Въ настоящее время всѣ наши азіатскіе сосѣди, благодаря старанію англичанъ, вооружены нарѣзными ружьями и нарѣзною артиллерією, такъ что, въ случаѣ войны съ Китаемъ, Афганистаномъ и Персією, мы встрѣтимъ непріятелей, которые будутъ хорошо вооружены и которыхъ шумомъ и свистомъ боевыхъ ракетъ не испугаешь. Будущности этотъ снарядъ не имѣетъ по существу своей конструкціи; изъ боевой ракеты нельзя сдѣлать снаряда дальняго, сильнаго и вѣрнаго боя, а нынѣ это первыя и существенныя требованія боеваго снаряда какъ въ полевой, такъ и въ крѣпостной войнѣ. Кромѣ этого, полетъ ракетъ всѣхъ наименованій неправиленъ и даже на малыхъ разстояніяхъ онѣ значительно уклоняются въ сторону отъ цѣли. Наконецъ, боевыми ракетами съ нѣкоторою пользою можно стрѣлять только на малыхъ разстояніяхъ, 250—300 саж. (750—900 шаг.), т. е. въ сферѣ хорошаго ружейнаго огня. Другими словами, и въ этой сферѣ ракетами дѣйствовать нельзя: прислуга будетъ перебита, прежде чѣмъ ракетная команда начнетъ свою дѣятельность.

Какъ зажигательный снарядъ, ракета по силѣ дѣйствія слабѣе обыкновенныхъ гранатъ. Есть мысль среди лицъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ, воспользоваться ракетами, снаряженными динамитомъ, для взрыва и уничтоженія непріятельскихъ сооружений. Но, не говоря о томъ, что едва ли достижимо при валовой выдѣлкѣ, чтобы часть такихъ ракетъ не разрывало на станкѣ или тотчасъ по вылетѣ, потому что динамитъ, пироксилинь и т. п. взрывчатыя вещества очень чувствительны, слѣдуетъ сказать, что одного предположенія о возможности разрыва ракеты на станкѣ достаточно, чтобы отказаться отъ введенія ихъ въ употребленіе. Несомнѣнно, что при атакѣ и оборонѣ крѣпостей и при борьбѣ съ непріятельскимъ флотомъ весьма полезно имѣть снарядъ, наполненный веществомъ, имѣющимъ болѣе разрушительную силу, чѣмъ обыкновенный порохъ. Такія снаряды должны, однако же, выбрасываться изъ пушекъ, и въ этомъ направленіи необходимо производить изслѣдованія и

опыты въ нашемъ артиллерійскомъ вѣдомствѣ. До настоящаго времени опыты, произведенныя въ Америкѣ, установили фактъ, что снарядами 6-ти дюймоваго калибра, начиненнымъ отъ 4 до 11 фунтовъ нитрожелатина, можно стрѣлять изъ пушекъ, не опасаясь преждевременнаго разрыва, какъ и снарядами, начиненнымъ обыкновеннымъ порохомъ. Опустошенія, производимыя первымъ снарядомъ, необычайно велики. Опыты въ Америкѣ продолжаются, и тамъ приступлено къ снаряженію 8-ми дюймовыхъ бомбъ, начиненныхъ каждая 35 фунт. нитрожелатина.

Освѣтительныя ракеты, употребляемыя въ крѣпостной и осадной войнѣ для освѣщенія непріятельскихъ работъ, подобно свѣтящимся ядрамъ, признаются неудовлетворительными, потому что освѣщеніе это весьма кратковременное, не ясное и освѣщаетъ ничтожную площадь непріятельскихъ работъ. Электрическое освѣщеніе, безспорно, оказывается несравненно лучшимъ. Не говори о силѣ и дальности электрическаго свѣта, его продолжительности, это освѣщеніе не только вполне пригодно при атакѣ и оборонѣ сухопутныхъ и прибрежныхъ крѣпостей, но, какъ оказалось по опыту 1877—1878 г., и при производствѣ ночью экстренныхъ работъ въ крѣпостяхъ на значительномъ пространствѣ.

Ракеты употребляются еще на спасательныхъ прибрежныхъ станціяхъ для бросанія линя (веревки). Но за границей уже испытывался съ удобствомъ новый способъ примѣненія артиллерійскихъ орудій къ бросанію спасательнаго линя на терпящее крушеніе судно, придуманный Берштинети. Этотъ способъ заключается въ томъ, что снарядъ, которымъ заряжается орудіе и къ которому приврѣпляется лить, деревянный слѣдовательно при хорошей плавучести обладаетъ менѣе вредоноснымъ дѣйствіемъ, нежели металлическій снарядъ. Кроме того, въ способѣ Берштинети устраняется разрывъ линя при стрѣльбѣ.

Изъ всего изложеннаго видно, что содержаніе ракетнаго завода ничѣмъ не мотивируется, а тѣмъ болѣе въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, въ какихъ устроенъ въ гор. Николаевѣ. На содержаніе николаевскаго ракетнаго завода по смѣтѣ 1882 г. ассигновано 32,456 руб. 82 коп. По смѣтѣ главнаго артиллерійскаго управленія годовой нарядъ ракетному заводу былъ данъ слѣдующій: 5,000 свѣтящихся ракетъ 3-хъ дюймоваго калибра и 1,000 боевыхъ ракетъ 2-хъ дюймоваго калибра. Чтобы исполнить этотъ нарядъ по § 7 ст. 6., главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ ассигновано на матеріалъ, работу и содержаніе машинъ и станковъ 82,450 р. 45 коп. Слѣдовательно, не считая $\frac{1}{10}$ на затраченный капиталъ для постройки завода съ его машинами и аппаратами, не считая расходовъ по квартирному, провіантскому и госпитальному довольствію, по обмундированію, на пенсіи, пособія, ремонтъ зданій и т. п., наконецъ, не принимая въ соображеніе стоимости упаковки и доставки издѣлій въ тѣ мѣста, куда ракеты предназначаются, — не считая всѣхъ этихъ расходовъ, стоимость одного снаряда обходится въ 19 руб. 15 коп. Если бы этотъ

снарядъ былъ такъ же полезенъ, какъ орудійный снарядъ, то и въ такомъ случаѣ цѣнность его весьма высока.

Между тѣмъ, ракетный заводъ, своевременно проданный или отданный въ аренду, могъ бы быть съ пользою для государства обращенъ въ пороховой заводъ или, что еще нужнѣе, въ патронный заводъ. Этотъ послѣдній у насъ имѣется одинъ, казенный, въ Петербургѣ. Въ случаѣ, отъ чего Боже сохрани, какого-либо несчастія съ этимъ заводомъ, *войска надоло съ критическую минуту могутъ остаться безъ патроновъ.*

Для ознакомленія офицеровъ и фейерверкеровъ съ дѣйствіями всѣхъ родовъ артиллеріи и для производства опытовъ по разрѣшенію вопросовъ, возникающихъ въ артиллеріи, содержатся артиллерійскіе полигоны. Кромѣ разнаго рода построекъ, на каждомъ полигонѣ содержатся матеріальная часть осадной и крѣпостной артиллеріи, а также инструменты: лабораторный, мѣрительный, орудійный, шанцевый и, затѣмъ бібліотека. Кромѣ главнаго полигона, полагается имѣть по одному полигону на каждый военный округъ въ Европейской Россіи. Начнемъ наши объясненія съ того, что при нынѣшнемъ срокѣ службы нижнихъ чиновъ (5 лѣтъ, а *de facto* 4 года) значительная часть фейерверкеровъ, конечно, не можетъ быть на полигонѣ; осталая ихъ часть можетъ воспользоваться занятіями на полигонахъ лишь одинъ годъ или, точнѣе говоря, нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ. Чтобы получить званіе фейерверкера при существующей системѣ обученія въ артиллеріи, необходимо пройти непромотному рекруту отъ $\frac{1}{2}$ до 1 года строевой службы, одинъ годъ въ батареинной школѣ и 2 года въ учебной бригадной командѣ, всего $3\frac{1}{2}$ —4 года; грамотному же рекруту $2\frac{1}{2}$ —3 года. Слѣдовательно, въ этотъ срокъ возможно изучать одинъ родъ спеціальной артиллерійской службы, а для этой цѣли полигоны не нужны. Собрать всю полевую артиллерию округа въ полигоны не представляется практической возможности, поэтому болышею частью сосредоточиваются ближайшія артиллерійскія части полевой артиллеріи, а есть такія артиллерійскія бригады, которыя по 12-ти лѣтъ не были на полигонѣ. Между тѣмъ, артиллерійская техника сдѣлала такіе успѣхи, что изученіе всѣхъ родовъ артиллерійской службы стало настолько труднымъ, что эта служба должна спеціализироваться, а самое изученіе необходимо должно происходить у источника знанія. Такъ, воинскіе чины крѣпостной и береговой артиллеріи должны изучать свое дѣло въ крѣпостяхъ и на береговыхъ батареяхъ, а полевой артиллеристъ—при своихъ орудіяхъ, болѣе практически, нежели теоретически. Съ теоріею артиллерійской науки офицеры достаточно ознакомились на школьной скамьѣ и могутъ продолжать теоретическое образованіе при особнмъ военннмъ литературнмъ. Независимо изложеннаго выше, самое устройство полигоновъ не отвѣчаетъ требованіямъ боевой обстановки ни для полевой, ни тѣмъ болѣе для крѣпостной и береговой артиллеріи, потому что полигонная мѣстность ровная и хорошо изученная артиллеристами. Въ минувшую войну наша полевая артиллерія

не заявила себя на полях сраженія искусствѣ и вообще лучше въ боевомъ отношеніи по сравненію съ прежними войнами, несмотря на то, что полигоновъ прежде не было. Напротивъ, въ войну 1877—1878 гг. замѣчено, что артиллерією пользовались недостаточно и далеко несообразно опытамъ австро-прусской и франко-прусской войнъ. Причина этому—недостаточное совмѣстное обученіе войскъ всѣхъ родовъ оружія при условіяхъ, близко подходящихъ къ бою. Опытъ говоритъ, что для усовершенствованія полевой артиллеріи въ стрѣльбѣ не нужны полигоны съ ихъ ровными и вымѣренными полями, а необходимы мѣстности, гдѣ бы артиллерія могла собираться, хотя и не въ большія массы, для практическихъ специальныхъ занятій и для стрѣльбы, но исполнять ихъ при обстановкѣ, ближе подходящей къ бою. Кроме этого, нужно, чтобы полевая артиллерія могла со всѣми прочими родами войскъ упражняться въ совокупныхъ военныхъ дѣйствіяхъ на мѣстности разнообразной. Что же касается научныхъ опытовъ по разрѣшенію вопросовъ, возникающихъ въ артиллеріи, то такіе опыты могутъ производиться на одномъ главномъ полигонѣ, а, сверхъ того, по назначенію центрального управленія, въ крѣпостяхъ и въ полевыхъ артиллерійскихъ бригадахъ, съ назначеніемъ для этой цѣли офицеровъ, находящихся въ этихъ частяхъ войскъ, получившихъ академическое образованіе и посвятившихъ себя извѣстной отрасли артиллерійской спеціальности. Что касается крѣпостной и береговой артиллеріи, то для изученія этого рода спеціальной артиллерійской службы во всѣхъ отношеніяхъ полигоны, очевидно, совершенно не нужны. Артиллеристамъ береговой и крѣпостной артиллеріи безусловно слѣдуетъ производить стрѣльбу и всѣ прочія практическія занятія въ крѣпости съ ея крѣпостныхъ верховъ и укрѣпленій, которые они призваны защищать. Такое требованіе правильно, потому что всѣ означенныя занятія въ этомъ случаѣ будутъ производиться при условіяхъ, болѣе или менѣе отвѣчающихъ боевой обстановкѣ, чего не достигается при занятіяхъ на полигонѣ. На содержаніе полигоновъ, кроме главнаго, который останется для надобностей артиллерійскаго вѣдомства, отпускается въ годъ 48,848 руб. и имѣется офицеровъ 16, нижнихъ чиновъ 80 чел. Все это подлежитъ упраздненію.

Когда система управленія неудовлетворительна или административная организація нецѣлесообразна, то нерѣдко думаютъ, что увеличеніемъ количества служащихъ или образованіемъ новой должности можно достигнуть искомой цѣли. Въ подобныхъ случаяхъ всегда ошибаются, оттого что забываютъ, что для достиженія цѣли хорошаго ли управленія, или полезной дѣятельности извѣстнаго органа, независимо точнаго законодательства и образовательно-служебнаго ценза, необходимы еще, во-первыхъ, правильная административная организація, а, во-вторыхъ, цѣлесообразное распределеніе труда между наличными административными органами. Означенныя выше положенія были нарушены въ организаціи крѣпостной артил-

лерия, а потому эта артиллерия во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ вооруженіи крѣпостей, всегда была ниже требованій, начертанныхъ закономъ. Сообщишь нѣсколько словъ о новой должности наблюдающаго за успѣшнымъ выполненіемъ вооруженія крѣпостей. Должность эта совершенно излишняя, но требующая ежегоднаго расхода до 11 т. руб. Какъ всѣмъ извѣстно, крѣпостная артиллерія, кромѣ центрального управленія въ Петербургѣ, подчинена начальнику артиллерійскаго округа, при которомъ состоитъ окружное артиллерійское управленіе. Независимо отъ этого, крѣпостная артиллерія находится въ вѣдѣніи командующаго войсками округа и, наконецъ, въ извѣстной степени подчинена коменданту крѣпости. Всѣ эти административные органы (исключая командующаго войсками) два раза въ годъ инспектируютъ крѣпостную артиллерию, которая, какъ сказано, состоитъ подъ управленіемъ мѣстной, вполне компетентной власти. Зачѣмъ же еще новая должность? Если означенные выше органы управленія, находясь на мѣстѣ дѣйствія, не могутъ достаточно наблюдать за успѣшнымъ вооруженіемъ крѣпостей, а для этого нужно особое должностное лицо въ Петербургѣ, то такое ненормальное положеніе крѣпостной артиллеріи, конечно, не можетъ быть устранено періодическими наѣздами этого лица. Европейская Россія при громадномъ протяженіи имѣетъ болѣе 20 крѣпостей; очевидно, что инспекторъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ побывать въ каждой крѣпости нѣсколько часовъ времени, что для существа дѣла совершенно ничтожно. Но объясненное выше двойное и въ равной степени подчиненіе одного и того же дѣла ведетъ къ тому, что одна власть парализируетъ другую, или одна разсчитываетъ и надѣется на другую. Доказательство налицо: предъ минушею войною наши южныя крѣпости не были успѣшно вооружены и готовы къ отраженію непріятельскаго флота. Одесса, Очаковъ, Севастополь, Поти были быстро вооружены, а Берчь перевооружена, благодаря особой распорядительности и чрезвычайной энергіи мѣстной артиллерійской администраціи и лицъ, завѣдывавшихъ обороною тѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ; причѣмъ ни въ какихъ услугахъ новаго должностнаго лица мѣстная артиллерійская власть не нуждалась, дѣятельность его нигдѣ и ни въ чемъ существенномъ не проявилась. Слѣдовательно, для осуществленія цѣли успѣшнаго вооруженія постоянныхъ крѣпостей и всегдашней ихъ готовности къ оборонѣ необходимы вняны мѣры и средства.

По интенданской смѣтѣ исчисленъ расходъ 88,700 руб. на содержаніе фелюгъ и кочермъ турецкой конструкціи съ вольнонаемными шкиперами и матросами на Черномъ морѣ. На этомъ морѣ находится черноморскій флотъ, имѣющій своего главнаго командира въ Николаевѣ; здѣсь же находится и обширное адмиралтейство. Неужели при этихъ условіяхъ морское вѣдомство не можетъ удовлетворить временныя и постоянныя потребности военнаго вѣдомства въ передвиженіи по морю или своими средствами, или переводомъ транспортныхъ судовъ изъ Балтійскаго моря?

При отрицательномъ отвѣтѣ удобнѣе и выгоднѣе для государственной казны передать черноморскому вѣдомству обязанность удовлетворять означенныя потребности сухопутнаго вѣдомства съ отпускомъ меньшей суммы денегъ. Мы находимъ, что этого можно достигнуть, съ одной стороны, потому, что морское вѣдомство въ Николаевѣ компетентнѣе военнаго вѣдомства въ дѣлѣ мореходныхъ операций, а съ другой стороны, потому, что первое имѣетъ уже въ своемъ составѣ часть морскихъ и береговыхъ средствъ для передвиженій по морю. Надо полагать, что морское вѣдомство, кромѣ того, озаботилось бы давно замѣнить примитивныя суда, каковы турецкія фелюги и кочерымы, судами новѣйшаго типа, содержаніе которыхъ стояло бы дешевле. Наконецъ, на Черномъ морѣ дѣйствуетъ значительное частное пароходное общество, которое имѣетъ свой докъ и получаетъ значительную субсидію отъ казны. Это общество, имѣющее свое сообщеніе по всѣмъ рѣкамъ и берегамъ Чернаго и Азовскаго морей и готовую уже для этого администрацію, мы увѣрены, согласится гораздо дешевле удовлетворять потребности интендантскаго вѣдомства.

На аральскую флотилію ассигнуется до 85,000 руб. Объ этомъ ассигнованіи слѣдуетъ сказать то же, что было высказано выше. Если бы морское вѣдомство затруднилось принять въ свое вѣдѣніе аральскую флотилію, то слѣдуетъ предложить частному обществу или частнымъ предпринимателямъ организовать дѣло водянаго сообщенія по Аральскому морю и приобрести отъ интендантскаго вѣдомства суда и заведенія для эксплуатаціи означеннаго сообщенія. Что эта мысль осуществима, доказывается тѣмъ, что по доходной смѣтѣ интендантскаго вѣдомства (§ 2 ст. 3) значится, что по аральской флотиліи поступили сборы въ доходъ казны: Отъ перевозки частныхъ грузовъ на судахъ. . . . . 1,393 р. 93 к. За отдачу въ *арендное* содержаніе баркасовъ этой флотиліи 4,984 » 08 »

И т о г о . . . . . 6,328 р. 01 к.

Кстати здѣсь замѣтимъ, что по смѣтѣ инженернаго вѣдомства (ст. 7) на содержаніе париходовъ и лодокъ отпускается: въ Кронштадтѣ 5,000 руб., въ Очаковѣ 15,160 р., въ Керчи 11,000 р., въ Николаевѣ на Амурѣ 8,698 р., въ Выборгѣ 1,920 р. 65 к., въ Свеаборгѣ 2,668 р.; сверхъ того, по минному дѣлу ассигнуется въ портахъ балтійскихъ 5,615 р. и портахъ черноморскихъ 16,053 р.; артиллерійскому вѣдомству на содержаніе париходовъ и судовъ ассигнуется 29,100 р.; всего же 95,214 р. 65 к. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ париходахъ и лодкахъ инженерное и артиллерійское вѣдомства ежедневно надобности не имѣютъ. Казенная нужда въ этихъ средствахъ сообщенія можетъ быть 6—7 недѣль въ году или, точнѣе, за всю навигацію. Для надобностей морскаго вѣдомства, независимо отъ того, строятся и содержатся суда, въ которыхъ оно, въ свою очередь, не встрѣчаетъ надобности ежедневно въ продолженіе всей навигаціи. Поэтому морское вѣдомство всегда можетъ удовлетворить *казенныя* нужды сухопутнаго военнаго вѣдомства и, конечно, выгодно

для государственной кассы, следовательно, затрата 95,214 руб. 65 к. со стороны военного министерства непроизводительна. Въ содержаніи флотиліи военнымъ вѣдомствомъ тѣмъ менѣе представляется основанія, что служащіе на судахъ этой флотиліи воинскіе чины командируются отъ морскаго вѣдомства, что же касается ихъ содержанія и ремонта судовъ, то по этимъ статьямъ сухопутное вѣдомство обращается опять-таки въ портовое вѣдомство. При этомъ условіи, кромѣ излишней переписки, получается еще новое неудобство, что работы ремонта флотиліи производятся внѣ фактическаго контроля компетентной власти, отъ чего можно ожидать только убытковъ для казны.

По штатамъ окружнаго штаба, окружныхъ и центральныхъ управленій, нѣкоторыхъ военныхъ учреждений и первоклассной крѣпостной артиллеріи назначены помощники. Всѣмъ этимъ помощникамъ, въ сущности, нечего дѣлать. Въ отсутствіи лишь начальниковъ помощники эти временно заступаютъ ихъ мѣсто. Въ 1862 году, когда состоялась военно-окружная система управленія, тогда уже высказывали, что должности разныхъ помощниковъ совершенно излишни. Для того, чтобы нѣсколько дней въ году управлять частью войскъ за отсутствіемъ или болѣзью начальника, неосновательно, да и дорого содержать особыя должности, когда она можетъ быть временно поручена старшему въ чинѣ или данному управленію. Ежегодное же содержаніе этихъ ненужныхъ должностей свыше 50 т. руб. Равномѣрно не слѣдуетъ, гоняясь за симметриею организаціи, имѣть лишнія должности, управленія и заведенія. Напримѣръ, въ Москвѣ имѣются 1 п 2 московскія военныя гимназіи *). Обѣ онѣ расположены въ одномъ зданіи, раздѣленномъ лишь капитальною стѣною, но каждая имѣетъ свое особое управленіе и всѣ учрежденія и хозяйственныя заведенія. Между тѣмъ, обѣ гимназіи могли бы безъ малѣйшаго ущерба своему благостоянію быть ввѣрены одному директору съ одною канцеляріею, имѣть одну прачечную, одну баню, одну церковь при двухъ священникахъ и другія учрежденія и хозяйственныя заведенія въ единичномъ числѣ.

На начальника мѣстныхъ войскъ возложенъ надзоръ за госпиталями, конечно, сопряженный съ расходами казны **). Прежде всего, является вопросъ: почему надзоръ за госпиталями со стороны окружнаго военно-медицинскаго управленія признается недостаточнымъ? Въ то время, какъ всѣ другіе отдѣлы военнаго вѣдомства въ округѣ находятся подъ надзоромъ своей специальной окружной власти и не признается надобности для этихъ отдѣловъ въ особомъ еще въ округѣ надзорѣ, исключеніе сдѣлано для военныхъ госпиталей, которые имѣютъ непосредственныхъ своихъ

*) Нынѣ кадетскіе корпуса.

**) По управленію должности начальника мѣстныхъ войскъ, надзоръ за госпиталями порученъ начальнику окружнаго штаба и въ виду этого въ каждомъ округѣ увеличено содержаніе начальнику штаба на 600 руб. и на канцелярскіе расходы 120 руб.; составъ окружныхъ штабовъ увеличенъ. Всѣ эти расходы излишніе.

начальниковъ. Периодическій контроль разныхъ военныхъ учреждений въ округѣ несомнѣнно необходимъ и, при этомъ, лицомъ не заинтересованнымъ и независимымъ; но подобный контроль одинаково нуженъ какъ для госпиталянаго, такъ и для прочихъ отдѣловъ округа. Этотъ контроль относительно госпиталей можетъ быть осуществленъ, независимо медицинскаго начальства въ округѣ и центрального управленія, командующимъ войсками въ округѣ или лицомъ по его назначенію, особо командированнымъ со стороны военнаго министерства. Профессора военно-медицинской академіи въ каникулярное время могли бы оказать по своей специальности почтенную услугу военному вѣдомству. Слѣдуетъ сказать, что упущенія и беспорядки въ какой-нибудь войсковой части удобнѣе скрыть, нежели упущенія въ госпиталѣ, уже потому, что въ этомъ послѣднемъ находятся больные воинскіе чины отъ разныхъ войсковыхъ частей. Происшедшій беспорядокъ воинскіе чины по выздоровленіи разнесутъ по мѣстамъ своей службы. Здѣсь не мѣсто входить въ объясненія по поводу организаціи медицинской части въ военномъ вѣдомствѣ, но мы не можемъ не замѣтить, что, говоря вообще, медики въ военномъ вѣдомствѣ поставлены неправильно. Врачи какъ-то принижены, получаютъ крайне ничтожные оклады содержанія. На военныхъ медиковъ возложено много отвѣтственныхъ и весьма серьезныхъ обязанностей, но средствъ, необходимыхъ для добросовѣстнаго исполненія этихъ обязанностей, закономъ не дано. Врачамъ предоставлено право: писать, ходатайствовать, просить, рапортовать, докладывать, но требовать и поддерживать это требованіе силою авторитета власти врачамъ не дано. Содержаніе больного солдата несравненно дороже обходится государству, нежели здороваго. Здоровье солдата зависитъ не столько отъ леченія, сколько отъ его содержанія (продовольствіе, помѣщеніе, обувь и одежда), а также отъ гигиеническихъ и санитарныхъ условій, среди которыхъ находится солдатъ. Въ этой сферѣ какъ войсковой врачъ, такъ и госпитальный не снабжены достаточными правами. Военные врачи слишкомъ ужъ подчинены и находятся въ зависимости отъ разныхъ управленій и начальниковъ войсковыхъ частей. Между тѣмъ, рационально пользуясь органами военно-медицинской части, можно значительно улучшить матеріальное положеніе солдата, не увеличивая бюджета военнаго вѣдомства. На этомъ остановимся. Приведа означенные приѣмры, мы, надѣемся, доказали, что бюджетъ военнаго вѣдомства, а также штатъ военныхъ управленій и учреждений требуютъ тщательнаго пересмотра. Само собою разумѣется, что мы указали далеко не всѣ возможныя сокращенія расходовъ военнаго вѣдомства.

III.

Выше мы уже сказали, что сокращеніе расходовъ по военному вѣдомству зависитъ отъ численности войскъ, системы ихъ укомплектованія

и нормы ихъ содержанія. Численность войскъ по мирному времени, входящая нынѣ до 855,225 человекъ строевыхъ и нестроевыхъ чиновъ, обусловливается политическими и стратегическими соображеніями. Въ настоящемъ трудѣ мы не можемъ входить въ обследованіе вопроса, насколько эти соображенія правильны, но мы имѣемъ основаніе утверждать, что численность строевыхъ и нестроевыхъ войскъ, нынѣ содержаемая по мирному времени, не вызывается стратегическими и политическими соображеніями. Конечная задача военнаго вѣдомства въ разсматриваемомъ вопросѣ заключается въ томъ, *чтобы въ мирное время содержать какъ можно менше войскъ, а въ военное время въ кратчайшій срокъ развить военныя силы до наибольшей величины.* Несомнѣнно, что осуществленіе этой задачи побуждаетъ къ кореннымъ реформамъ въ военномъ вѣдомствѣ. Затѣмъ предстоитъ вторая, не менѣ важная задача, — это исполнить ихъ систематически, во что бы то ни стало и безъ колебаній, хотя и постепенно, но, однако же, въ короткій срокъ, 4—5 лѣтъ. Въ противномъ случаѣ, мы навсегда останемся при чрезвычайныхъ, частью ненужныхъ расходахъ по военному вѣдомству и всегда будемъ не готовыми встрѣтить событія.

Уменьшеніе числа войскъ по мирному времени зависитъ, прежде всего, отъ цѣлесообразности мобилизаціоннаго плана. Мы не имѣемъ данныхъ судить, насколько удовлетворительны работы въ этомъ направленіи нашего генеральнаго штаба. Мы можемъ только констатировать факты минувшей войны. Такъ, эти факты говорятъ намъ, что мы начали войну съ слабыми силами, что мобилизація исполнялась сравнительно съ западно-европейскими государствами медленно. Случалось, что отпускные нижніе чины дѣлали безъ нужды значительные переходы, а въ спеціальныя войска попадалъ немалый % призывныхъ нижнихъ чиновъ чуждой спеціальности. Справедливость требуетъ сказать, что мобилизація, объявленная 1 ноября, производилась въ самое неблагопріятное время года, при повсемѣстной почти дурной погодѣ и порчѣ дорогъ. Та же справедливость побуждаетъ насъ заявить, что задолго до 1 ноября, дня повелѣнія о мобилизаціи, вслѣдствіе ожиданія войны, всѣ подготовительныя распоряженія со стороны военныхъ и гражданскихъ властей были сдѣланы и проверены. Принимая, такимъ образомъ, означенныя данныя въ соображеніе, а также степень неготовности интендантскаго, артиллерійскаго и госпитальнаго вѣдомствъ въ декабрѣ 1877 года, приходимъ къ выводу, что если бы мобилизація производилась въ благопріятное время года, то мы могли бы начать военныя дѣйствія не ранѣе, какъ спустя два мѣсяца. Безспорно, что для скорѣйшаго начала войны необходима не только способность нашей арміи и всѣхъ военныхъ учрежденій скорѣе мобилизоваться сравнительно съ арміей противника, но также другое равноцѣнное условіе, это — провозоспособность нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ, идущихъ къ западной и юго-западной границамъ. Напи желѣз-

ныя дороги находятся въ рукахъ частныхъ обществъ (за ничтожнымъ исключеніемъ). Зависимость ихъ отъ государственной администраціи почти фиктивная. Правленія желѣзно-дорожныхъ обществъ заботятся исключительно о своихъ личныхъ интересахъ. Государственное казначейство обезпечиваетъ опредѣленный доходъ по эксплуатаціи дорогъ; эта мѣра, вмѣсто ожидаемой пользы, приноситъ вредъ, какъ бы поощряя желѣзно-дорожныя правленія игнорировать государственные и общественные интересы. Какъ бы ни было дурно у насъ казенное хозяйственное управленіе, желѣзно-дорожная сѣть безусловно должна находиться въ казенномъ управленіи. Этого требуютъ интересы государственной обороны, интересы торговли и промышленности.

Казенное управленіе при удовлетворительной его организаціи, чего вполне возможно достигнуть при правильномъ фактическомъ контролѣ и полнѣйшей гласности, будетъ во всѣхъ отношеніяхъ целесообразнѣе и выгоднѣе для государства, нежели нынѣ практикуемая система управленія сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Съ другой стороны, при казенномъ управленіи, организованномъ согласно означеннымъ выше условіямъ, можно ожидать сокращенія расходовъ по администраціи и по эксплуатаціи, а также, что если въ общемъ желѣзныя дороги и не будутъ приносить государству прибыли, то освободятъ государственное казначейство отъ затратъ по гарантіи дохода, составляющаго нынѣ около 30 милліонъ рублей. Эти сбереженія могутъ быть употреблены на устройство вторыхъ путей и на увеличеніе подвижнаго состава, — недостатковъ весьма важныхъ. Устраненіе этихъ послѣднихъ необходимо тѣмъ болѣе, что вредъ упомянутыхъ нами недостатковъ мы испытали уже во время послѣдней мобилизаціи и въ продолженіе послѣдней войны.

Чтобы уменьшить срокъ мобилизаціи и по возможности сравниться въ этомъ отношеніи съ нашими могущественными сосѣдями, необходимо и у насъ сполна принять систему укомплектованія войскъ территориальную. Такое требованіе у насъ настоятельнѣе, нежели у нашихъ западныхъ сосѣдей, если мы примемъ въ соображеніе громадное пространство русской земли и чрезвычайное протяженіе имперіи по долготѣ 600 и широтѣ 1,800 геогр. миль. Существенное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ этой системы, заключается въ тѣхъ племенныхъ особенностяхъ, которыя могли бы возникнуть въ извѣстныхъ частяхъ войскъ, расположенныхъ въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ не-русскимъ населеніемъ. Но если многоязычная Австрія уже ввела у себя эту систему, то наше отечество имѣетъ несравненно болѣе данныхъ къ тому, чтобы не принимать означеннаго условія въ исключительное соображеніе. По военной статистикѣ г-а Обручева, въ составъ нашей регулярной арміи русскихъ, разумѣя великороссіянъ, малороссіянъ и бѣлоруссовъ, входятъ 83,20%, православнаго же вѣроисповѣданія 86,88%. Что же касается нѣкоторыхъ изъ нашихъ

охранить, то намѣченный выше недостатокъ территоріальной системы укомплектованія можетъ быть парализованъ другими мѣропріятіями. Отказаться же отъ рациональной, удобной и выгодной территоріальной системы укомплектованія какъ для государства, такъ и народа, скажемъ откровенно, не только неблагоприятно, но и не безопасно въ смыслѣ обезпеченія государственной обороны.

Обращаемся теперь къ опредѣленію срока дѣйствительной военной службы въ рядахъ арміи, который положенъ нынѣ въ 4—5—6 лѣтъ. Эти сроки службы могутъ быть сведены на одинъ срокъ въ размѣрѣ 3 лѣтъ. Такимъ мѣропріятіемъ мы увеличимъ наши военныя силы и доведемъ ихъ въ болѣе короткій срокъ до требуемой въ военное время нормы. Съ другой же стороны, облегчимъ населеніе въ исполненіи тяжелой воинской повинности. Сметая нашего простолюдина, его выносливость и терпѣніе, его умѣнье приспособляться ко всему убѣждаютъ, что если при обученіи рекрута требовать только *существенное*, то въ 3 года можно образовать изъ него настоящаго солдата. Для осуществленія этого, однако же, необходимо, во-первыхъ, казарменное и вообще удобное, тѣсное квартирное расположеніе. Во-вторыхъ, чтобы строевыя части войскъ были изъяты отъ караульной службы внѣ сферы военнаго вѣдомства. Въ-третьихъ, чтобы нижніе чины ни на государственныя, ни на казенныя, ни на вольныя работы не увольнялись. Въ-четвертыхъ, чтобы въ зимнее время не прерывалось строевое обученіе цѣлыми частями войскъ; это обученіе въ движеніи можетъ производиться и въ морозное время въ соотвѣтствующей одеждѣ; лагерное же время занятій слѣдуетъ увеличить до полной возможности, допускаемой климатическими условіями. Въ-пятыхъ, чтобы въ обученіи солдатъ повсемѣстно принимали *помощь активное* участіе, съ отвѣтственностью за результаты обученія, всѣ офицеры. Мы замѣчаемъ это потому, что нынѣ, вообще говоря, обученіе нижнихъ чиновъ лежитъ, въ сущности, на ротномъ, батарейномъ и эскадронномъ командирахъ и ихъ отвѣтственности, да на унтеръ-офицерахъ, отвѣтственныхъ предъ означенными командирами. Подъ требованіемъ обученія рекрутъ только существенному мы разумѣемъ совершенный отказъ отъ муштровки солдатъ. Въ настоящее время большинство солдатъ остается на дѣйствительной службѣ 4 года. Если сосчитать время, употребляемое полевыми войсками на содержаніе карауловъ внѣ сферы военнаго вѣдомства, а также время, употребляемое ими на работы казенныя и вольныя, то имѣемъ болѣе года времени, слѣдовательно, въ сущности, получаютъ опредѣленные нами 3 года для образованія солдата. Но нашего мнѣнія могутъ не раздѣлять; вопросъ же о 3-хъ лѣтней службѣ есть первоизначенный, почему при отрицательномъ отвѣтѣ на наше предложеніе единственный путь—опытъ. Для этой цѣли могутъ быть взяты части войскъ всѣхъ родовъ оружія, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Но это одна сторона медали; перевернувъ ее, намъ представляется другая ея сторона,

по которой срокъ службы не болѣе 3 лѣтъ. необходимъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣчено, что послѣ 5 лѣтъ службы солдаты, возвращаясь на родину, не охотно обращаются къ земледѣлю; свыше 35% уволенныхъ занимаютъ поденною работою или нанимаются на разные занятія, отчего увеличивается городской пролетаріатъ.

Независимо осуществленія вышележеннаго, для цѣлесообразнаго пониженія бюджета военнаго вѣдомства необходимо, во-первыхъ, вездѣ, гдѣ представится возможнымъ, уменьшить количество войскъ (напр., на Кавказѣ, въ петербургскомъ округѣ, въ туркестанскомъ и друг.). Во-вторыхъ, отказаться отъ содержанія войскъ, которыя не нужны (напр., астраханское козачье войско и др.). Въ-третьихъ, отказаться отъ содержанія войскъ, которыя при настоящихъ условіяхъ военнаго дѣла для боевыхъ цѣлей войны не пригодны. Въ-четвертыхъ, организовать рационально учебные кадры, чрезъ которые проходили бы рекруты. Въ-пятыхъ, уменьшить и упразднить ненужныя нестроевыя команды и должности. Въ-шестыхъ, привести войска, расположенныя въ Привислянскомъ краѣ, въ составъ 90 чел. рядовыхъ въ ротѣ, а всѣ остальные войска въ кадровый составъ, уменьшивъ до 60 строевыхъ рядовыхъ въ ротѣ, но, однако же, при полномъ штатномъ составѣ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Специальные роды войскъ должны подлежать въ мирное время, пропорціонально, такому же сокращенію, исключая кавалеріи.

Мы находимъ нужнымъ остановиться еще на должности денщика. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о количествѣ денщиковъ въ настоящее время; но, судя по тому, что къ 1876 году состояло въ регулярныхъ войскахъ по списку 29,359 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ *), можно приблизительно опредѣлять нынѣ число денщиковъ въ 30 т. челов. Въ 1881 году эти послѣдніе отмѣнены. Въмѣсто денщиковъ, назначаются къ офицерамъ и класснымъ чиновникамъ постоянные вѣстовые—въ частяхъ войскъ изъ строевыхъ солдатъ безоружейныхъ, а въ управленія изъ неспособныхъ 1 статьи. Вопросъ денщицъ не разъ подымался въ административныхъ сферахъ военнаго вѣдомства, но, какъ видно, и до настоящаго времени не разрѣшенъ въ благоприятномъ для государства смыслѣ. Переименованіе денщика въ постоянного вѣстового, попрежнему, оставило въ рядахъ войскъ 30 т. чел. солдатъ, ненужныхъ для специальной военной службы. Въ воинской повинности, какъ извѣстно, привлекаются лучшія рабочія силы населенія, слѣдовательно, стоимость этихъ рабочихъ силъ чрезвычайно значительна. Производительный трудъ каждаго такого рабочаго можетъ быть оцѣненъ въ настоящее время по малой мѣрѣ въ 300 руб. въ годъ. Содержаніе каждаго солдата обходится государству не менѣе 125 руб. (продоволь-

*) Генералу полагается 3 денщика, штабъ-офицеру 2 и оберъ-офицеру 1 денщикъ или постоянный вѣстовой.

ствие, помещеніе, отопленіе и освѣщеніе, ремонтъ помещенія, одежда, обувь, бѣлье, жалованье, леченіе и пр.). Слѣдовательно, каждый постоянный вѣстовой или, въ сущности, денщикъ обходится государству въ 425 руб. Кромѣ этой потери, 30 т. чел. отвлечены отъ своихъ естественныхъ и производительныхъ занятій, продолжая которыя они внесли бы подати и налоги, частью прямые, частью косвенныя; которыя, слѣдовательно, составляютъ чистую потерю для государственной кассы. Далѣе, хозяйство и положеніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ семей болѣе или менѣе разстроено. Изъ 30 т. чел. денщиковъ, оторванныхъ отъ своихъ производительныхъ занятій, по увольненіи въ отпускъ послѣ 5-ти лѣтней службы, большая часть не возвратится къ этимъ занятіямъ и обратится въ городской пролетаріатъ. Это несомнѣнно, если мы добавимъ, какъ вѣшь хорошо извѣстно, что постоянные вѣстовые, находясь въ услуженіи у офицеровъ, болѣе разнѣживаются и балуются, нежели солдаты, служащіе въ строю. Кромѣ всего изложеннаго, 30 т. чел., взятыхъ для строевой службы въ войскѣ, оказываются къ ней или негодными, или неподготовленными. Контингентъ такихъ людей пополняетъ ежегодно списки нашего боеваго запаса для мобилизаціи военныхъ силъ. Наконецъ, существующій порядокъ назначенія постоянныхъ вѣстовыхъ ведетъ къ возможности употреблять въ услуженіе болѣе того количества ихъ, какое каждому военному чину опредѣлено закономъ. Всѣ эти соображенія сами по себѣ должны бы привести къ немедленному упраздненію денщиковъ-вѣстовыхъ, если бы даже увеличились расходы казны отъ такого мѣропріятія. Между тѣмъ, можно имѣть одну хорошую наемную прислугу, расходуя въ годъ 200 р., много 216 р. (жалованья 10 р. въ мѣсяцъ, продовольствіе 8 руб., одѣвается же прислуга за счетъ своего жалованья). Слѣдовательно, мы находимъ, что въ мирное время удобнѣе и выгоднѣе отпускать, вмѣсто прислуги въ натурѣ, какъ это положено закономъ, деньгами: оберъ-офицеру на одного денщика 216 руб. въ годъ, штабъ-офицеру на двухъ 432 руб., генералу на трехъ 648 руб. Слѣдовательно, по числу 30 т. человѣкъ ежегодный расходъ на денщиковъ составитъ до 6.480,000 р. Нынѣ же государство и населеніе затрачиваютъ ежегодно на денщиковъ, можно утверждать, не менѣе 10 милл. рублей.

Мирное положеніе обнимаетъ собою несравненно болѣе долгій періодъ времени, нежели военное положеніе. Въ будущемъ слѣдуетъ ожидать, что военный періодъ времени еще уменьшится. Поэтому для офицера удобнѣе будетъ имѣть въ продолжительное мирное время нанятую по своему выбору и по своей нуждѣ прислугу, нежели изъ служащихъ солдатъ, которыхъ нужно еще обучать и принаравливать къ домашнему быту и услуженію. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что ни одинъ начальникъ, любящій свою войсковую часть, не отдастъ въ услуженіе офицеру хорошаго и способнаго солдата, а отпуститъ того, который похуже. Въ военное время обстоятельства

вынуждаютъ давать офицеру прислугу въ натурѣ, конечно, изъ нижнихъ чиновъ, менѣе способныхъ къ строевой службѣ. Во время войны благоразуміе обязываетъ не допускать вольнонаемную прислугу въ армію, а также въ гарнизонахъ крѣпостей, приведенныхъ на военное положеніе, но и потребности въ услуженіи во время войны съуживаются.

Съ осуществленіемъ изложеннаго выше въ этой главѣ представляется исполнѣ возможнымъ въ продолженіе 4—5 лѣтъ постепенно и систематически довести составъ войскъ по мирному времени, при полной гарантіи внѣшней защиты государства, до должнаго minimum'a. Уменьшеніе войскъ какъ строевыхъ, такъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ можетъ состояться, по приблизительному расчету, отъ 90 т. до 100 т. чел. Такія рациональныя мѣры понизятъ бюджетъ военнаго вѣдомства на 7—8 милл. рублей, при условіи, что офицеры на наемъ прислуги получаютъ деньги, вмѣсто назначенія вѣстовыхъ въ натурѣ.

Законодательство объ освѣщеніи и отопленіи издано въ давно минувшее время. Такъ, расчетъ освѣщенія, которое отпускается или натурою, или деньгами, основывается на освѣщеніи сальными свѣчами, полагая 8 свѣчей на фунтъ (12 фунт. = 100 свѣч.). Для освѣщенія и отопленія Россія раздѣлена на 3 полосы (сѣверную, среднюю и южную). Между тѣмъ, Россія простирается отъ сѣвера къ югу на 600, а отъ запада къ востоку на 1,800 географическихъ миль; очевидно, что дѣленіе на три полосы неосновательно. Цѣлесообразнѣе раздѣлить Россію отъ сѣвера и юга на 5, а отъ запада и востока на 8 частей, всего не менѣе 40 четырехугольниковъ, для каждаго изъ нихъ опредѣлить время освѣщенія и отопленія, матеріалъ для освѣщенія и отопленія и количество ихъ. Такой порядокъ тѣмъ болѣе необходимъ, что, наиримѣръ, матеріалъ для отопленія весьма разнообразенъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи (дрова, камышь, каменный уголь, солома, кизякъ, антрацитъ, бурьянъ, торфъ и т. п.). Обратимся теперь къ количеству матеріала для отопленія, которое опредѣлено въ законѣ по числу печей. Давно дознано, что количество топлива зависитъ отъ величины нагрѣваемого пространства. Поэтому рациональнѣе за единицу измѣренія количества отпуска матеріала для отопленія принять кубическую сажень площади отопленія при известной конструкціи печей. Что же касается отпуска топлива на варку пищи, то если существующую норму $2\frac{2}{3}$ саж. трехполѣнныхъ дровъ въ годъ на каждые 10 человекъ признать правильною, то при приготовленіи пищи на цѣлыя войсковыя части означенная норма несомнѣнно велика и должна быть уменьшена пропорціонально количеству людей. Отъ изложенныхъ недостатковъ и другихъ, которыхъ мы здѣсь не упоминали, касаясь положенія о довольствіи войскъ, несомнѣнно страдаютъ и государственныя, и войсковыя интересы. Тщательный пересмотръ устарѣлаго законодательства дѣлается безусловно необходимымъ.

Такъ, изъ таблицы отпуска войскамъ ремонтныхъ денегъ на содержание въ исправности ручнаго оружія видно, что ремонтъ исчисленъ *на ассигнаціи*, счетъ на который прекращенъ болѣе $\frac{1}{2}$ столѣтія тому назадъ. Всѣ нормы отпуска опредѣлены непременно съ дробями. Напримѣръ, $51^{\frac{288}{1200}}$, $38^{\frac{187}{600}}$, $16^{\frac{51}{220}}$ и т. д. Какая громадная и бесполезная работа для войскъ, управленій и контроля, чтобы исчислить данную сумму ремонта для каждой войсковой части! Но такова сила рутины.

П. Залѣсскій.

Основные вопросы крестьянского землевладѣнія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ исполнится двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ давно желанное слово «свобода крѣпостнымъ» изъ конца въ конецъ облетѣло Россію и заставило радостно биться сердца не только молодого поколѣнія, передъ которымъ открывалась заря новой жизни, но и стариковъ, стоявшихъ одною ногою въ могилѣ. Многимъ изъ нихъ приходилось испытать на своемъ вѣку весь гнетъ прошедшаго, и теперь, по крайней мѣрѣ, они могли спокойно умереть, глядя на своихъ внуковъ, для которыхъ всѣ ужасы помѣщичьяго безправія отходили въ область преданій, становились страшною сказкою, а не горькою дѣйствительностью, какъ было для ихъ отцовъ и дѣдовъ. Но этого мало.

Деятнадцатаго февраля 1861 года не только былъ положенъ конецъ неправдѣ крѣпостнаго права, царившей у насъ въ теченіе двухъ съ лишнимъ вѣковъ. Не менѣе важно и то, что въ этотъ день съ высоты престола былъ провозглашенъ принципъ самостоятельнаго, свободнаго труда земледѣльца на своей собственной землѣ, какъ основа будущаго экономическаго строя Россіи.

Положеніе 19 февраля, въ связи съ послѣдующими однородными законодательными актами, какъ, напр., положеніемъ о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ и проч., обезпечило за Россіей совершенно самостоятельное, отличное отъ Западной Европы экономическое и культурное развитіе и поставило ее во многихъ отношеніяхъ на первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ государствъ. Если Россія позднѣе выступила на арену мирной культурной борьбы, чѣмъ другіе народы, за то теперь, можно сказать, она лучше для этого вооружена.

Благодаря крестьянской реформѣ, нашему отечеству въ цѣломъ едва ли не легче догнать въ области науки, литературы, искусства и общаго образованія самыя просвѣщенныя государства, чѣмъ послѣднимъ сравняться съ Россіей въ дѣлѣ созданія относительнаго экономическаго благосостояніи огромнаго большинства населенія.

Совершенно былъ правъ незабвенный К. Д. Кавелинъ, когда думалъ, что «преобладающій въ Россіи общественный интересъ въ настоящее

время и надолго еще впереди, это — устройство крестьянъ и что «къ этому важнѣйшему дѣлу должны быть направлены всѣ усилія правительства и общества» *). Русскимъ экономистамъ, публицистамъ и другимъ общественнымъ дѣятелямъ, прибавимъ мы отъ себя, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что крестьянская реформа, начатая двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и до сихъ поръ еще далеко не закончена, даже въ своихъ главныхъ основаніяхъ. Различные недостатки, недомолвки и неясности положенія 19 февраля породили много вопросовъ, требующихъ законодательнаго разрѣшенія; въ свою очередь, жизнь выдвинула немало капитальныхъ вопросовъ, о которыхъ прежде совѣмъ не думали.

Еще пять-шесть лѣтъ тому назадъ въ литературѣ и обществѣ, интересовавшемся судьбою крестьянскаго хозяйства, толки и разсужденія сосредоточивались преимущественно на размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ, на несоотвѣтствіи послѣднихъ съ тѣми прямыми платежами, какіе приходилось нести на себѣ крестьянскому хозяйству, и т. п. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и пониженіе платежей представлялось многимъ чуть не универсальнымъ средствомъ, достаточнымъ, чтобы вывести крестьянское хозяйство изъ его угнетеннаго состоянія. Но затѣмъ болѣе внимательный разборъ положенія 19 февраля и знакомство съ современнымъ экономическимъ бытомъ заставили шире взглянуть на дѣло. Выдвинулся капитальный вопросъ о предупрежденіи мобилизаціи крестьянской надѣльной собственности или объ изыятіи крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія изъ области свободнаго обращенія. Этотъ вопросъ, извѣстный еще подъ именемъ вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, поднятый въ литературѣ въ началѣ 1881 года **), въ настоящее время привлекаетъ общее вниманіе тѣхъ, кто интересуется судьбами крестьянскаго землевладѣнія; онъ сдѣлался однимъ изъ очередныхъ вопросовъ нашей экономической политики; въ тѣсной связи съ нимъ стоятъ и многіе другіе, весьма важные вопросы, какъ, напр., преобразование государственной оброчной подати, регулированіе переселеній и т. п.

За послѣднее время крестьянское дѣло вообще замѣтно оживилось. Для будущности крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства пережитые нами годы новаго царствованія весьма знаменательны. Если по своему значенію они не могутъ идти въ сравненіе съ 1861 годомъ, когда была

*) К. Д. Кавелинъ: „Крестьянскій вопросъ“, стр. 32.

**) См. нашу статью: *Экономическіе принципы крестьянской реформы и ихъ возможное развитіе* (Русская Мысль 1881 г., в. VI). Въ томъ же 1881 г. въ сентябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* появилась одна изъ статей К. Д. Кавелина по крестьянскому вопросу, гдѣ онъ высказывалъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ ту же мысль о необходимости изыять крестьянскія земли изъ обращенія, отвѣвъ у крестьянъ право отчуждать и закладывать свою землю. См. также нашу книгу: *Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію*. Москва, 1882 г. Съ тѣхъ поръ почти всѣ журналы и большія газеты такъ или иначе затрогивали вопросъ о неотчуждаемости надѣловъ.

провозглашена великая идея надѣленія крестьянъ землею ради обезпеченія ихъ быта, то все же нельзя отрицать того, что за послѣдние три-четыре года по крестьянскому вопросу предпринято, а отчасти уже сдѣлано, болѣе, чѣмъ за предшествовавшія пятнадцать-двадцать лѣтъ.

Подъ вліяніемъ усиленныхъ стараній противниковъ реформы, а также вслѣдствіе невозможности все предвидѣть и предусмотрѣть при слѣпномъ характерѣ работъ редакціонныхъ комиссій, въ положеніи 19 февраля не всё частности были согласованы съ основною цѣлью реформы. Отсюда во многихъ мѣстностяхъ скоро послѣ введенія положенія обнаружился сильный упадокъ благосостоянія крестьянъ, вслѣдствіе недостаточныхъ и плохихъ надѣловъ, высокихъ платежей за нихъ, притѣсненія освобожденныхъ крестьянъ владѣльцами отрѣзковъ, т.-е. земель, находившихся прежде въ пользованіи крестьянъ и отрѣзанныхъ у нихъ при надѣленіи, и т. п. причинъ. Это невольно бросало тѣнь на всю реформу и служило основаніемъ для нѣкоторыхъ утверждать, что экономическое положеніе крестьянъ, вслѣдствіе реформы, не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Конечно, въ такомъ утвержденіи большую роль играло обобщеніе частныхъ явленій и отнесеніе ихъ къ одной причинѣ даже тамъ, гдѣ они вытекали изъ совокупности разныхъ причинъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ реформѣ 1861 года.

Какъ бы то ни было, многихъ недостатковъ положенія 19 февраля и весьма вредныхъ послѣдствій отъ этого отрицать невозможно, и, кто знаетъ, восьмидесятымъ годамъ Россія, быть можетъ, будетъ обязана послѣдовательнымъ согласованіемъ жизни съ коренною идеею реформы. Мы говоримъ это не безъ основанія. Обязательный выкупъ для крестьянъ, оставшихся еще во временно-обязанныхъ отношеніяхъ, пониженіе выкупныхъ платежей въ общей суммѣ на 27%, т.-е. болѣе чѣмъ на $\frac{1}{4}$ часть прежняго годового оклада, предполагаемое преобразование государственной оброчной подати, отмена подушной подати, организація правительственнаго содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земель, — развѣ все это оживотворено не тою же идеею, какою двигала лучшихъ представителей конца 50 и начала 60 годовъ, и не есть ли это спокойное, неуклонное движеніе впередъ по пути, намѣченному и освѣщаемому свѣтомъ 19 февраля? Преобразовательная дѣятельность нашего времени естественно вызываетъ потребность въ безпристрастномъ и внимательномъ разборѣ всего того, что сдѣлано или что можетъ быть сдѣлано въ области крестьянской реформы.

Коренная цѣль *освобожденія крестьянъ съ землею* состояла въ обезпеченіи экономическаго быта крестьянъ, а потому всё мѣры, способствующія сохраненію и увеличенію земельныхъ надѣловъ въ рукахъ необезпеченной части земледѣльческаго населенія, являются прямымъ послѣдовательнымъ развитіемъ принциповъ 19 февраля, и обратно: все, что можетъ дать противоположные результаты, не согласно съ общимъ ду-

хотѣ нашего аграрнаго законодательства и должно быть изъ него исключено или измѣнено.

Съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать основные вопросы крестьянскаго землевладѣнія и относящіяся сюда мѣропріятія послѣдняго времени, не ограничиваясь однимъ логическимъ разборомъ законодательства, а провѣряя важнѣйшія положенія и выводы на основаніи статистическихкихъ и другихъ фактическихъ данныхъ, разбросанныхъ въ различныхъ правительственныхныхъ, земскихъ и иныхъ изданіяхъ. Кстаті замѣтить: за послѣднее время накопились масса фактическаго матеріала, нерѣдко весьма цѣннаго, освѣщающаго ту или иную частность крестьянскаго вопроса; къ сожалѣнію, этотъ сырой матеріалъ пока еще очень слабо разработанъ; иногда однородныя данныя, помѣщенные въ разныхъ изданіяхъ, собраны и сведены по различнымъ программамъ, что еще болѣе затрудняетъ пользование матеріаломъ для выясненія того или другаго вопроса.

Въ числѣ основныхъ вопросовъ крестьянскаго землевладѣнія, выясненіе условій, при которыхъ надѣльныя земли, усадьбы и проч. не могли бы сдѣлаться обыкновеннымъ товаромъ или предметомъ спекулятивныхъ продажъ и покупокъ, едва ли въ настоящее время представляетъ не наибольшій интересъ. На этотъ вопросъ мы, прежде всего, и остановимся.

1.

Какъ извѣстно, положеніе 19 февраля, въ силу выкупной операціи, распространенной съ 1 января 1883 года на всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, налагаетъ запрещеніе на надѣльныя крестьянскія земли только до полной уплаты выкупной ссуды, только «до погашенія выкупной ссуды пріобрѣтенная сельскимъ обществомъ или отдѣльнымъ крестьянскимъ дворомъ земля не можетъ быть представлена въ залогъ, ни для полученія ссуды изъ кредитнаго установленія, ни по обязательствамъ съ казною или частными лицами» (ст. 170 положенія о выкупѣ). По окончаніи же выкупа, все равно обыкновеннымъ ли порядкомъ, или посредствомъ особыхъ взносовъ, досрочнымъ погашеніемъ выкупнаго долга, усадебная осѣдность крестьянъ и всѣ ихъ надѣльныя земли, по буквальному смыслу положенія 19 февраля, становятся полною собственностью, которая можетъ быть закладываема и продаваема, по усмотрѣнію своихъ владѣльцевъ, на основаніи общихъ узаконеній (159 ст. полож. о вык. и 33 ст. общ. полож.). Такое широкое право распоряженія надѣльной землей, приравнивавшее крестьянъ въ этомъ отношеніи къ помѣщикамъ, могло казаться даже искреннимъ поборникамъ реформы согласнымъ какъ нельзя болѣе духу освобожденія, такъ какъ съ правомъ неограниченнаго распоряженія своею собственностью у нихъ естественно связывалось понятіе о полной личной свободѣ, каковую они желали для крѣпостныхъ. Эта симпатичная сторона неограниченной собственности крестьянъ на надѣль-

ныя земли невольно заслоняла, оставляла въ тѣни общія условія социально-экономической жизни нашего крестьянства, вслѣдствіе которыхъ неограниченная свобода крестьянъ въ распоряженіи надѣльными землями легко можетъ вести за собою экономическое рабство для большинства населенія. Въ Западной Европѣ уровень развитія и образованія крестьянскаго сословія совсѣмъ иной, чѣмъ у насъ, собственниковъ-земледѣльцевъ, не только абсолютно, но и относительно, гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи, а, между тѣмъ, исторія и современное состояніе землевладѣнія тамъ осязательно показываютъ, какая опасность кроется въ широкомъ правѣ распоряженія земельною собственностью для прочности крестьянскаго землевладѣнія. И тамъ въ настоящее время сильно озабочены мѣрами объ огражденіи мелкаго землевладѣнія отъ чрезмѣрной мобилизаціи и обремененія ипотечными долгами, подрывающими благосостояніе населенія *).

Соблазняемый сравнительно легкою возможностью, въ случаѣ временной нужды, воспользоваться кредитомъ подъ обезпеченіе недвижимою собственностью, русскій крестьянинъ скоро запутается въ сѣти сельскихъ ростовщиковъ, на которыхъ онъ, прежде всего, станетъ косвенно работать, выбываясь изъ силъ для уплаты огромныхъ процентовъ. Затѣмъ, случится ли неурожай, посявѣ побьетъ градомъ и т. п. — и крестьянину волей-неволей придется продать часть необходимой движимости для огражденія себя отъ неустоекъ и въ надеждѣ, что, быть можетъ, слѣдующіе благодатные годы помогутъ какъ-нибудь развязаться съ долгомъ. Надежда изъ десяти случевъ въ девяти тщетная! Земля, въ концѣ-концовъ, все-таки, будетъ продана съ молотка, а то и прямо перейдетъ въ руки кредитора-ростовщика на удовлетвореніе долга, сдѣланнаго неоплатнымъ вслѣдствіе хищническихъ неустоекъ. При этомъ прежнему самостоятельному земледѣльцу волей-неволей придется стать въ ряды сельскихъ пролетаріевъ-батраковъ или же пойти на фабрику и увеличить число бездомныхъ фабричныхъ рабочихъ, порвавшихъ всякую связь съ землею и деревней.

Только что очерченное явленіе, по окончаніи выкупной операціи, если противъ него не принять во-время рѣшительныхъ мѣръ, получить, безъ всякаго сомнѣнія, широкое распространеніе и сдѣлается не исключеніемъ, а общею хроническою болѣзнью, противъ которой тогда бороться будетъ во сто разъ труднѣе.

Искренніе поборники освобожденія крестьянъ съ землею, ради обезпеченія ихъ быта, въ извѣстной мѣрѣ предвидѣли и боялись послѣдующаго обезземелія освобожденныхъ крестьянъ вслѣдствіе склоненія надѣльныхъ

*) См. объ этомъ, напр., *Die Lage des bauärlischen Grundbesitzes in Deutschland Verhandlungen der zwölften Versammlung des deutschen Landwirtschaftsraths. B., 1884; Schriften des Vereins für Socialpolitik. T. XXV и XXVII; L. Stein: Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft; A. Schäffle: Die Inkorporation des Hypothekarkredits* и др.

земель сравнительно въ немногихъ рукахъ; но они думали найти оплотъ противъ этого въ общинной формѣ землевладѣнія, сущность которой, какъ извѣстно, состоитъ въ равномерномъ время отъ времени перераспределеніи земли между членами общины. Въ такомъ взглядѣ на значеніе общины кроется отчасти и источникъ горячей, подчасъ даже ожесточенной полемики, которая велась и до сихъ поръ ведется по вопросу объ общинномъ землевладѣніи. Не надо, однако, забывать, что при господствѣ во многихъ мѣстностяхъ земельной общины она не представляетъ исключительной формы землевладѣнія въ Россіи. Такъ какъ въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще ни разу не встрѣчалось опредѣленнаго указанія на относительное распространеніе общиннаго и подворнаго владѣнія по отдѣльнымъ губерціямъ, то мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь статистическія данныя, относящіяся до бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 42 губерніяхъ.

По обнародованной центральнымъ статистическимъ комитетомъ *Статистикъ поземельной собственности* *) оказывается, что въ концѣ семидесятихъ годовъ, когда собирались данныя, подворное владѣніе выражалось слѣдующими цифрами:

НАЗВАНІЯ ГУБЕРНІЙ.	Число налчныхъ душъ мужскаго пола.	Количество деся- тинъ.	% отъ отношеніе подвор- наго владѣнія къ об- щему количеству земли у с. помѣщич. крестьян.	НАЗВАНІЯ ГУБЕРНІЙ.	Число налчныхъ душъ мужскаго пола.	Количество деся- тинъ.	% отъ отношеніе подвор- наго владѣнія къ об- щему количеству земли у с. помѣщич. крестьян.
Архангельская . . .	—	—	—	Смоленская . . .	14 129	51.896	3,96
Астраханская . . .	—	—	—	Тверская . . .	20.155	55.709	4,04
Тамбовская . . .	—	—	—	Оренбургская . . .	904	3.751	4,59
Казанская . . .	223	923	0,36	Курская . . .	18.051	32.019	4,90
Московская . . .	1.547	4.552	0,53	Уфимская . . .	9.658	11.225	5,08
Костромская . . .	2.210	12.191	0,91	Тульская . . .	29.195	70.021	7,20
Вологодская . . .	1.325	7.193	1,41	Пермская . . .	51.821	100.740	8,32
Певзенская . . .	6.874	10.249	1,64	Харьковская . . .	24.057	40.208	8,78
Владимирская . . .	9.786	19.318	1,70	Олонецкая . . .	452	3.905	9,38
Самарская . . .	2.506	5.830	1,86	Черниговская . . .	55.890	109.189	14,62
С.-Петербургск. . .	2.972	11.208	1,88	Вятская . . .	6.650	18.944	24,21
Орловская . . .	7.767	18.769	1,99	Витебская . . .	159.707	458.441	53,50
Псковская . . .	3.554	16.852	2,10	Волинская . . .	408.489	1.224.889	74,70
Калужская . . .	13.289	20.554	2,15	Полтавская . . .	303.858	406.567	80,49
Симбирская . . .	5.190	11.462	2,16	Кіевская . . .	593.925	1.215.194	85,16
Новгородская . . .	5.543	26.457	2,53	Подольская . . .	573.259	1.131.449	93,01
Саратовская . . .	8.911	21.186	2,54	Минская . . .	370.348	1.418.473	96,44
Ярославская . . .	5.449	23.613	2,54	Гродненская . . .	235.804	629.644	98,03
Рязанская . . .	13.383	27.699	2,76	Виленская . . .	261.794	751.812	100,00
Нижегородская . . .	18.463	30.548	2,82	Ковенская . . .	224.654	784.240	100,00
Могилевская . . .	13.157	44.081	3,49				
Воронежская . . .	8.773	20.287	3,54				
				ИТОГО . . .	3.493.726	8.511.285	—

*) *Статистика поземельной собственности*, в. I 1880, в. II 1881, в. III 1884, в. IV 1884., в. V. 1882, в. VI 1884., в. VII 1885 г.

Такимъ образомъ, подворное землевладѣніе только среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ означенныхъ 42 губерніяхъ простирается около 9 милл. десятинъ земли, на которой считается $3\frac{1}{2}$ милл. душъ наличнаго населенія, т. е. въ три съ лишнимъ раза болѣе, чѣмъ насчитывается въ Европейской Россіи фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ (954,971 *). Само собою разумѣется, что для государства интересъ 6—7 милліоновъ (считая и женщинъ) населенія не бездѣлица. Если допустить, что община вполне обезпечиваетъ все остальное крестьянское населеніе противъ мобилизаціи, такъ что послѣдняя представляетъ опасность лишь для существующаго у насъ подворнаго владѣнія, то и тогда вопросъ о приданіи болѣе устоячивости крестьянскому землевладѣнію, въ виду приведенныхъ выше цифръ, останется вопросомъ первостепенной важности. Но анализъ положенія 19 февраля и дѣйствительные факты показываютъ, что община не только не въ состояніи предохранить крестьянскіе надѣлы отъ перехода въ постороннія руки, а еще, напротивъ, возможность мобилизаціи, прямо предусмотрѣнной положеніемъ, ведетъ, какъ ниже будетъ выяснено, къ разрушенію земельной общины. Слѣдовательно, принципъ неотчуждаемости надѣловъ имѣетъ большое значеніе для прочности самой общины.

Изложенныя соображенія заставляютъ насъ считать правильною только такую постановку вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, когда онъ ставится *независимо отъ формы землевладѣнія*. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть споры о томъ, что въ сельско-хозяйственномъ и другихъ отношеніяхъ лучше — общинная, подворная или какая-либо иная форма землевладѣнія; но, оставаясь на точкѣ зрѣнія интересовъ всего государства, едва ли можно спорить о томъ, желательно ли, чтобы надѣльная земля сохранялась въ рукахъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ своимъ собственнымъ трудомъ и кормится отъ нея, или, лучше, чтобы эта земля перешла къ тѣмъ, кто станетъ сдавать ее въ аренду, обрабатывать трудомъ обезземеленнаго крестьянина, обратитъ ее въ дачное *ried-à-terre*, и т. п. Противъ подобнаго измѣненія хозяйственнаго назначенія землѣ, все равно подворнаго или общиннаго землевладѣнія, должны быть направлены усилія правительства и общества. Въ дальнѣйшемъ изложеніи разбираемаго вопроса намъ придется, конечно, довольно много говорить о земельной общинѣ, но, не касаясь преимуществъ или недостатковъ общинной формы, мы будемъ только говорить объ отношеніи ея къ главному предмету нашей статьи — къ неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ.

Необходимость ограниченія права крестьянъ распоряжаться надѣльною землею логически на первомъ мѣстѣ вытекаетъ изъ того вреда, какой приносятъ или могутъ приносить крестьянскому хозяйству тѣ части аграрнаго законодательства, которыя преслѣдуютъ противоположную цѣль,

*) Сборникъ статистикъ по Европейской Россіи за 1882 г., стр. 146.

обеспечивая за крестьянами, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, право полной собственности на землю. Въ этомъ отношеніи до окончанія выкупной операціи наибольшаго вниманія заслуживаютъ 165, 162 и 169 статьи положенія о выкупѣ. На вредное вліяніе 165 статьи впервые, если мы не ошибаемся, обратило серьезное вниманіе симбирское земство въ концѣ 1880 года. Именно, въ симбирскомъ губернскомъ собраніи было указано на то, что, благодаря 165 ст. положенія о выкупѣ, за послѣднее время развилась спекуляція на крестьянскіе надѣлы со стороны нѣстныхъ кулаковъ, которые вносятъ за обѣднѣвшаго случайно или разорившагося по своей винѣ крестьянина отъ его имени выкупъ и укрѣпляютъ за собою законнымъ порядкомъ выкупленную землю, а обѣднѣвшій и уже безземельный крестьянинъ ложится тяжкимъ бременемъ на сельское общество, которое обязано отвѣчать за него платежемъ всѣхъ повинностей, за исключеніемъ выкупа, а затѣмъ, когда онъ не будетъ въ состояніи работать, то общество обязано призрѣвать его въ силу закона. Въ виду этого, собраніе тогда же постановило ходатайствовать объ измѣненіи существующихъ законовъ въ смыслѣ стѣсненія правъ отдѣльныхъ крестьянъ отчуждать какъ полевой надѣлъ, такъ и усадебную осѣдлость, и о предоставленіи обществамъ права на выкупъ отчужденныхъ отдѣльными домохозяевами надѣловъ по цѣнѣ, внесенной ими въ казначейство при выкупѣ участковъ *).

Съ тѣхъ поръ о 165 статьѣ было говорено много. Такъ, большинство экспертовъ, приглашенныхъ въ 1881 году въ комиссію для обсужденія вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, точно также признало вредное вліяніе 165 статьи и указывало на необходимость совершенной отмѣны ея. Взглядъ, высказанный симбирскимъ земскимъ собраніемъ о томъ значеніи, какое имѣла до сихъ поръ 165 статья, былъ, повидимому, усвоенъ и въ официальныхъ сферахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, напр., какъ мы слышали, въ одномъ изъ своихъ проектовъ высказалось, между прочимъ, въ томъ смыслѣ, что выкупъ участковъ по 165 статьѣ производился до сихъ поръ почти исключительно самими неимущими домохозяевами, которые производили такой выкупъ на деньги скупщиковъ, съ цѣлью перепродажи послѣднимъ.

Несмотря, однако, на то, что 165 статья уже нѣсколько лѣтъ обращаетъ на себя общее вниманіе, дѣйствительная роль ея еще не выяснена вполне. Нельзя поэтому не порадоваться, что въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи находится весьма важный матеріалъ, который можетъ бросить значительный свѣтъ какъ на 165 статью, такъ и на нѣкоторые другіе вопросы, относящіеся до распоряженія крестьянскими надѣлами. Мы разумѣемъ изданный выкупнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка сводъ

*) *Земскій Ежегодникъ за 1880 г., № 1862.*

данныхъ о поступленіи особыхъ взносовъ отъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по 1882 годъ *).

Этотъ сводъ находится не только во внутренней, по существу данныхъ, но и въ причинной связи съ занимающимъ насъ вопросомъ. Въ предисловіи прямо указывается, что «предлагаемое изданіе имѣетъ цѣлью дать статистическій матеріалъ къ выясненію возбужденнаго въ послѣднее время вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ». И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи сводъ представляетъ огромный интересъ, тѣмъ болѣе, что по детальности данныхъ и тщательности ихъ разработки онъ представляетъ образцовое изданіе, которое вполне можетъ соперничать съ лучшими иностранными изданіями официальной статистики, наравнѣ съ другими трудами, вышедшими подъ редакцію И. С. Иващенко **).

II.

Обнародованный государственнымъ банкомъ матеріалъ, конечно, самъ по себѣ еще ничего не рѣшаетъ, но за то онъ много даетъ для выясненія различныхъ частныхъ, относящихся къ условіямъ крестьянскаго землевладѣнія, въ томъ числѣ и для сужденія о вліяніи 165 статьи. Въ виду этого, прежде чѣмъ идти далѣе, посмотримъ, какія данныя содержать въ себѣ *Сводъ*.

Ранѣе упоминалось, что выкупная операція или связанное съ нею запрещеніе пока составляетъ главное внѣшнее препятствіе для мобилизаціи крестьянской надѣльной собственности; эта причина можетъ быть устранена отдѣльными домохозяевами путемъ досрочнаго погашенія выкупной ссуды на основаніи 165, 161, 169 и 114 статей положенія о выкупѣ, посредствомъ такъ называемыхъ особыхъ взносовъ. Обнародованный государственнымъ банкомъ *Сводъ* заключаетъ въ себѣ подробныя данныя о досрочныхъ уплатахъ выкупнаго долга особыми взносами по 1882 г., т.-е. за двадцатилѣтіе, протекшее со времени изданія положенія, и нѣкоторыя общія данныя за 1882 и 1883 года. Свѣдѣнія объ особыхъ взносахъ для каждой губерніи и уѣзда распределены по годамъ поступленія взносовъ въ назначенія, по каждой статьѣ отдѣльно; кромѣ того, для 17 уѣздовъ съ наибольшимъ процентнымъ отношеніемъ досрочнаго погашенія приведены данныя по отдѣльнымъ селеніямъ.

Погодные колебанія цифры досрочнаго погашенія естественно зависятъ, кромѣ общихъ причинъ, также и отъ различныхъ случайностей, имѣвшихъ мѣсто въ томъ или другомъ году. Поэтому, чтобы выразить характеръ движенія особыхъ взносовъ въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣ-

*) *Сводъ данныхъ государственнаго банка о поступленіи особыхъ взносовъ отъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по 1882 г.* Изданіе выкупнаго отдѣленія государственнаго банка. Спб., 1885 г.

**) *Ежегодникъ русскихъ кредитныхъ учреждений* за 1876, 77 и 78 гг.

ляется постоянно-дѣйствующими причинами, а также, чтобы представить огромное количество цифръ лежащаго передъ нами 'фоліанта въ болѣе наглядномъ видѣ, просуммируемъ губернскія цифры по пятилѣтіямъ и вычислимъ процентное отношеніе суммы взносовъ по каждой статьѣ за каждое пятилѣтіе къ соотвѣтственному итогу взносовъ по 1882 году. Получается слѣдующая таблица для 38 губерній:

Названія губерній.	Статьи п. о. в., по которымъ произведены взносы.	Общая сумма взносовъ по 1882 году.	Изъ этой суммы приходится.			
			До 1867 г.	1867—1871.	1872—1876.	1877—1881.
			РУБЛИ.	ПРОЦЕНТЫ.		
1. Астраханская	165	273	—	—	100	—
	115	120	—	—	100	—
Итого	—	393	—	—	100	—
2. Бессарабская	—	—	—	—	—	—
3. Владимирская	165	571.514	0,09	6,62	35,75	57,54
	115	190.524	10,18	65,71	8,99	15,12
	161	2.044	—	15,36	84,64	—
	162	2.919	—	—	41,64	58,36
	173	6.578	—	20,12	57,30	22,58
Итого	—	773.579	2,59	21,29	29,46	46,66
4. Вологодская	165	74.125	—	—	29,07	70,93
	115	12.477	20,27	60,62	16,71	2,40
	161	806	—	—	95,69	4,31
	173	250	—	—	52,00	48,00
Итого	—	87.658	2,89	8,62	27,99	60,50
5. Вятская	165	16.362	26,43	66,27	7,30	—
	115	1.450	—	2,06	97,94	—
	173	1.050	12,85	19,44	59,05	8,66
Итого	—	18.862	23,66	58,71	17,15	0,48
6. Воронежская	165	95.485	—	6,69	50,68	42,63
	115	61.312	16,50	82,90	0,60	—
	161	3.489	—	98,83	1,17	—
	162	101	—	—	—	00,00
	173	22.641	—	39,84	30,80	29,36
Итого	—	183.028	5,51	38,12	30,45	25,92
7. Елагеринославская	165	35.515	7,43	11,57	14,62	166,38
	115	27.781	0,98	20,87	50,77	27,38
	161	24.903	—	1,13	24,49	74,38
	162	17.842	—	—	0,11	99,89
Итого	—	106.041	2,75	9,61	23,97	63,67
8. Обл. Войска Донск.	165	58.655	—	19,01	19,64	61,35
	115	20.667	7,45	36,41	11,69	44,45
	161	6.403	—	8,94	27,88	63,18
	162	476	—	0,53	99,47	—
	173	386	25,30	34,53	39,87	0,30
Итого	—	86.587	1,89	22,38	18,89	56,84
9. Казанская	165	37.998	—	0,89	40,45	58,66
	115	6.146	40,09	55,97	—	3,94
	173	955	10,48	9,08	—	80,44
Итого	—	45.099	5,69	8,57	34,07	51,67
10. Калужская	165	313.502	0,38	15,81	24,59	59,22
	115	46.863	9,01	39,85	28,10	25,04
	161	5.433	—	—	64,51	35,49
	162	591	—	—	25,14	74,86
	173	3.321	—	55,32	42,99	1,69
Итого	—	369.710	1,47	18,96	25,78	53,79

Названія губерній.	Статьи и в. по которым произведены взносы.	Общая сумма		Изъ этой суммы приходится.			
		взносовъ по		До	1867—	1872—	1877—
		1882 годъ.		1867 г.	1871.	1876.	1881.
		РУБЛН.	ПРОЦЕНТН.				
11. Костромская	165	518.674	—	4,23	30,48	65,29	
	115	59.653	6,62	49,04	19,92	24,42	
	161	4.911	—	—	100,00	—	
	162	2.095	—	—	11,93	88,07	
	173	1.041	—	3,90	68,45	27,65	
Итого	—	586.374	0,68	8,73	29,98	60,61	
12. Курская	165	90.847	1,76	19,98	36,46	41,80	
	115	27.690	—	77,64	14,63	7,73	
	173	10.021	—	80,12	18,67	1,21	
Итого	—	128.558	1,19	37,10	30,39	31,32	
13. Московская	165	335.140	—	4,94	42,45	52,61	
	115	94.481	7,66	31,97	23,81	36,56	
	161	3.381	—	—	80,69	19,31	
	162	1.288	—	—	4,52	95,48	
	173	1.546	—	—	55,86	44,14	
Итого	—	435.836	1,66	10,72	38,65	48,97	
14. Нижегородская	165	269.677	—	0,32	43,19	56,49	
	115	19.662	14,80	77,89	1,95	5,36	
	161	2.005	—	—	24,44	75,56	
	162	424	—	—	52,87	47,13	
	173	127	—	—	42,59	57,41	
Итого	—	291.895	1,00	5,53	40,30	53,17	
15. Новгородская	165	46.430	0,77	11,35	47,17	40,71	
	115	28.064	9,46	54,08	16,39	20,07	
	162	2.749	—	—	72,55	27,45	
	173	1.357	—	23,59	53,07	23,34	
Итого	—	78.600	3,84	26,41	37,17	32,58	
16. Олонецкая	—	—	—	—	—	—	
17. Оренбургская	—	—	—	—	—	—	
18. Орловская	165	20.944	3,44	30,48	46,15	19,93	
	115	18.869	5,85	69,96	7,39	15,80	
	161	4.925	—	47,05	50,09	2,86	
	162	—	—	—	—	—	
	173	624	—	57,73	36,30	5,97	
Итого	—	45.362	4,02	49,07	30,32	16,59	
19. Пензенская	165	252.138	1,28	22,26	28,47	47,99	
	115	52.857	7,21	74,09	9,99	8,71	
	161	8.526	—	—	55,06	44,94	
	162	216	—	—	—	100,00	
	173	410	—	—	79,88	20,12	
Итого	—	314.147	2,33	30,34	27,03	41,30	
20. Пермская	165	65.016	—	—	51,31	48,69	
	115	2.514	—	—	—	100,00	
	161	8.397	—	—	26,70	73,30	
	162	4.721	—	—	—	100,00	
	173	326	—	—	17,76	82,24	
Итого	—	80.974	—	—	44,04	55,96	

Названия губерній.	Статьи п. о в., по которым произведены взносы.	Общая сумма		Изъ этой суммы приходится.			
		взносовъ по		До	1867—	1872—	1877—
		1882 годъ.		1867 г.	1871.	1876.	1881.
		РУБЛИ.	ПРОЦЕНТЫ.				
21. Псковская	165	33.061	—	3,88	22,60	73,52	
	115	213.107	0,32	4,18	0,29	95,21	
	162	2.673	—	—	38,08	61,92	
	173	875	—	48,37	24,20	27,43	
	Итого . .	—	249.716	0,27	4,26	3,73	91,74
22. Полтавская	165	76.196	—	2,19	32,48	65,33	
	115	29.019	13,77	71,27	12,41	2,55	
	161	435	—	—	100,00	—	
	173	3.948	—	6,31	44,05	49,64	
	Итого . .	—	109.598	3,64	20,63	27,85	47,88
23. Рязанская	165	68.020	0,76	25,73	30,53	42,98	
	115	38.110	8,82	67,35	16,21	7,62	
	161	835	—	—	100,00	—	
	162	100	—	—	—	100,00	
	173	1.097	—	15,18	27,31	57,51	
Итого . .	—	108.162	3,58	40,07	25,96	30,39	
24. Самарская	165	22.697	—	16,15	22,11	61,74	
	115	7.885	24,35	75,65	—	—	
	161	2.804	—	—	29,37	70,63	
	162	70	—	—	100,00	—	
	173	292	—	—	100,00	—	
Итого . .	—	33.748	5,69	28,54	18,38	47,39	
25. С.-Петербургская	165	183.818	0,78	11,41	34,36	53,45	
	115	113.050	21,64	15,06	16,10	47,20	
	162	4.304	—	—	51,21	48,79	
	173	1.443	—	19,65	16,49	63,36	
	Итого . .	—	302.615	8,60	12,64	27,66	51,10
26. Саратовская	165	37.804	7,87	32,34	23,85	35,94	
	115	41.072	80,50	11,72	6,82	0,96	
	161	9.879	—	0,55	95,51	3,94	
	162	20.849	—	1,15	0,70	98,15	
	173	2.496	13,58	49,49	19,35	17,58	
Итого . .	—	112.100	32,44	16,57	19,53	31,46	
27. Симбирская	165	167.712	—	10,71	27,25	62,04	
	115	38.343	16,65	59,36	7,15	16,84	
	161	—	—	—	—	—	
	163	1.000	—	—	100,00	—	
	173	2.271	—	16,44	59,39	24,17	
Итого . .	—	209.326	3,02	19,64	24,27	53,07	
28. Смоленская	165	214.099	1,95	19,46	25,16	53,43	
	115	12.892	—	46,42	26,29	27,29	
	161	7.730	—	100,00	—	—	
	173	4.602	2,32	49,76	16,97	30,95	
	Итого . .	—	239.323	1,78	24,11	24,25	49,86
29. Ставропольская	165	—	—	—	—	—	
	115	9.686	93,74	3,20	3,06	—	

Названія губерній.	Статьи п. о. в., по которымъ произ- водился вносъ.	Общая сумма		Изъ этой суммы приходится.			
		взносовъ по		До	1867—	1872—	1877—
		1882 годъ.		1867 г.	1871.	1876.	1881.
		РУБЛИ.	П Р О Ц Е Н Т Ы.				
	161	—	—	—	—	—	
	162	—	—	—	—	—	
	173	—	—	—	—	—	
Итого . .	—	9.686	93,74	3,20	3,06	—	
30. Таврическая	165	1.498	—	61,67	20,67	17,66	
	115	10.282	31,76	52,35	5,35	10,54	
	161	2.369	—	—	—	—	
Итого . .	—	14.149	23,08	44,57	22,82	9,53	
31. Тифлисская	165	3.564	—	—	25,90	74,10	
	115	720	—	—	55,56	44,44	
Итого . .	—	4.284	—	—	30,88	69,12	
32. Тамбовская	165	43.950	6,51	21,57	21,40	50,52	
	115	36.789	16,09	46,27	11,99	25,65	
	161	10.541	—	6,16	93,84	—	
	162	13.301	—	1,12	96,80	2,08	
	173	544	—	9,81	90,19	—	
Итого . .	—	105.125	8,34	27,03	35,28	30,35	
33. Тверская	165	410.913	—	3,85	27,18	68,97	
	115	31.681	1,51	84,55	7,32	6,62	
	161	21.675	—	—	79,98	20,02	
	162	2.386	—	9,84	20,38	69,78	
	173	4.357	—	14,12	50,69	35,19	
Итого . .	—	471.012	0,10	9,23	28,46	62,21	
34. Тульская	165	76.706	0,63	11,98	41,33	46,06	
	115	54.167	41,17	37,82	17,06	3,95	
	161	5.763	—	6,60	40,97	52,43	
	162	17.880	—	—	92,60	7,40	
	173	2.667	—	2,10	68,28	29,62	
Итого . .	—	157.183	14,50	19,15	39,26	27,09	
35. Харьковская	165	66.591	3,69	20,61	28,09	47,61	
	115	52.994	5,33	78,67	2,86	13,14	
	161	16.056	—	3,65	84,98	11,37	
	173	2.079	7,78	19,05	70,04	3,13	
Итого . .	—	137.720	3,95	40,95	25,64	29,46	
36. Херсонская	165	1.877	25,57	—	49,23	25,20	
	115	5.961	9,54	85,32	5,14	—	
	161	5.647	—	—	100,00	—	
	173	63	—	—	100,00	—	
Итого . .	—	13.548	7,75	37,54	51,23	3,48	
37. Черниговская	165	78.147	0,18	6,28	30,42	63,12	
	115	18.230	37,52	37,13	15,13	10,22	
	161	2.958	—	33,11	31,27	35,62	
	162	100	—	—	100,00	—	
	173	334	20,08	22,26	41,78	15,88	
Итого . .	—	99.779	7,06	12,67	27,75	52,52	

Названія губерній.	Статья п. о. в., по которым проц. воздана взнос.	Общая сумма взносов по 1882 году.	Изъ этой суммы приходится.			
			До 1867 г.	1867—	1872—	1877—
				1867 г.	1871.	1876.
		РУБЛ.	ПРОЦЕНТН.			
38. Ярославская	165	809.228	0,06	10,04	39,99	49,92
	115	55.395	8,41	52,07	29,42	10,10
	162	269	—	—	—	100,00
	173	3.047	—	58,29	19,64	22,07
Итого	—	867.939	0,59	12,39	39,23	47,29
Всего	165	5.186.025	0,65	9,97	33,52	55,86
	115	1.431.328	13,39	45,06	11,88	29,67
	161	161.912	—	10,69	58,68	30,63
	162	96.417	—	0,65	40,35	59,00
	173	80.683	1,25	36,37	37,19	25,19
Итого	—	6.956.365	3,23	17,39	29,80	49,58

Изъ приведенной таблицы, прежде всего, оказывается, что въ означенных губерніяхъ бывшими помѣщичьими крестьянами, которыхъ здѣсь считается по 1882 годъ 5.266,300 ревизскихъ душъ, за 20 лѣтъ, полагая съ 1861 года *), внесено въ государственное казначейство въ формѣ особьихъ взносовъ 6.956,365 руб., что составляетъ 1,27% всего первоначальнаго долга. Выкуплено земли 178,066 дес. или 47,735 душевыхъ надѣловъ, что составитъ 0,91% общаго числа ревизскихъ душъ.

На первый взглядъ результатъ весьма успокоительный. Въ самомъ дѣлѣ, если представить себѣ, что въ каждое изъ послѣдующихъ двадцатилѣтій будутъ столько же выкупать земли, какъ и до 1882 г., то черезъ 50 лѣтъ, т. е. къ тому времени, какъ выкупная операція для всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ будетъ подходить къ концу, если даже вся земля, выкупленная особыми взносами, будетъ выкуплена для перепродажи, то въ постороннія руки перейдутъ лишь 3,28% всего числа надѣловъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ или тридцатая часть. Къ сожалѣнію, при болѣе подробномъ анализѣ нашей таблицы, ея общій итогъ тотчасъ утрачиваетъ свой успокоительный характеръ. Посмотримъ, къ какимъ выводамъ приводить этотъ анализъ.

Наибольшая сумма взносовъ приходится на 165 статью, которая имѣетъ въ виду выкупъ подворныхъ участковъ изъ общинной собственности; затѣмъ идетъ 115 ст. или не полный выкупъ; а такіе взносы, которые, не сокращая срока выкупной операціи, уменьшаютъ лишь капитальный долгъ и соотвѣтственно понижаютъ ежегодные платежи; слѣдующее мѣсто принадлежитъ 161 статьѣ или выкупу при отчужденіи крестьянской

*) Собственно говоря, досрочное погашеніе ведетъ свое начало съ 1863 года, когда кое-гдѣ впервые были сдѣланы особые взносы.

земли подъ желѣзныя и почтовые дороги; далѣе идетъ 162 статья, по которой отчуждается земля цѣлымъ обществамъ, кромѣ случаевъ, относящихся къ предъидущей статьѣ, и, наконецъ, 173 статья. Взносы по этой статьѣ указываютъ на увольненіе отдѣльныхъ членовъ общины изъ общества съ отказомъ въ его пользу отъ земли по уплатѣ «капитальнаго долга, причитающагося по выкупной сеудѣ на участки, состоящій въ пользованіи увольняющагося». Именно изъ всей суммы взносовъ за двадцатилѣтіе приходится:

На 165 статью	74,33	процентовъ.
» 115	» 20,57	»
» 161	» 2,33	»
» 162	» 1,33	»
» 173	» 1,13	»

Преобладаніе выкупа по 161 статьѣ въ дѣйствительности еще нѣсколько болѣе, чѣмъ можно судить по приведеннымъ выше цифрамъ, такъ какъ, по словамъ предисловія къ *Своду*, «въ первые годы выкупной операціи казенныя палаты приурочивали всѣ особые взносы къ 115 статьѣ», а начало болѣе точнаго и правильнаго распредѣленія особыхъ взносовъ по статьямъ положенія о выкупѣ относится къ 1872 году. Нѣкоторая часть изъ 836,584 руб., отнесенныхъ къ 115 статьѣ до 1872 г., слѣдовательно, должна бы войти въ составъ общей суммы взносовъ по 165 статьѣ; но мы не думаемъ, чтобы процентное отношеніе валовыхъ итоговъ при этомъ могло очень замѣтно измѣниться.

Относительное участіе различныхъ мѣстностей Россіи въ досрочномъ погашеніи или, другими словами, склонность населенія дѣлать особые взносы проявляется весьма неодинаково по губерніямъ и уѣздамъ. Замѣчательно, что изъ 358 уѣздовъ, по которымъ помѣщены въ *Сводъ* свѣдѣнія, въ 41 уѣздѣ особыхъ взносовъ вовсе не было. По процентному отношенію погашеннаго выкупнаго долга особыми взносами упомянутые 358 уѣздовъ распадаются на слѣдующія группы:

Обозначеніе группъ.	% отношеніе погашеннаго до срока долга къ суммѣ первоначальнаго долга.	Число уѣздовъ и % отношеніе.	Число душъ и % отношеніе.	Сумма особыхъ взносовъ и % отношеніе.	
				Руб.	К.
Всего . . .	1,27	358	5.266,300	6.956,365	15
I группа . . .	не было особыхъ взносовъ.	41 11,45	99,028 1,88	—	—
II группа	отъ 0,01 до 0,10	24 6,70	347,990 6,61	15,273	98 0,22

III группа	отъ 0,11 до 0,50	100 27,93	1.587,354 30,14	441,835 6,36	36
IV группа	отъ 0,51 до 1,00	65 18,16	1.101,825 20,92	831,463 11,95	02
V группа	отъ 1,01 до 2,50	81 22,63	1.446,091 27,46	2.411,332 34,66	25
VI группа	отъ 2,51 до 5,00	33 9,22	518,385 9,84	1.845,272 26,53	61
VII группа	отъ 5,01	14 3,91	165,627 3,25	1.411,187 20,28	93

Если все уезды распределить по полосамъ, согласно ст. 15 мѣстнаго положенія, великор. и 9 ст. мѣстн. полож. малорос., то оказывается слѣдующее:

Обозначеніе полосъ.	% отношеніе погашеннаго до срока долга къ суммѣ первоначальнаго долга.	Число уѣздовъ и % отношеніе.	Число душъ и % отношеніе.	Сумма особнхъ взносовъ и % отношеніе.	
				Руб.	К
а) Черноземная полоса	0,82	126 35,22	1.822,173 34,60	1.430,779 20,57	84
б) Нечернозем. полос.	1,69	157 43,85	2.711,174 51,48	4.956,037 71,25	31
в) Степная полоса. .	0,66	47 13,12	330,410 6,27	243,821 3,50	14
г) Уѣзды, прилег. къ черноз. и нечерн.	0,58	23 6,42	376,534 7,15	230,210 3,31	53
д) Уѣзды, прилег. къ черноз. и степной .	0,51	4 1,11	19,954 0,38	16,825 0,24	23
е) Уѣзды, прилег. къ нечерн. и степ. п.	11,73	1 0,28	6,055 0,12	78,691 1,13	10

Рядомъ съ этими разнообразіемъ процентнаго отношенія досрочнаго погашенія къ первоначальному долгу въ различныхъ мѣстностяхъ, данныя государственнаго банка, сведенныя въ нашей первой таблицѣ, обнаруживаютъ весьма характерную и важную особенность въ движеніи особнхъ взносовъ—*прогрессивное возрастаніе выкупа по 165 статьѣ*. Изъ общаго итога, 5.186,020 руб., внесенныхъ по этой статьѣ, на первое

пятилѣтіе приходится 0,65%, на второе—9,97%, на третье—33,52% и на четвертое—55,86%. Это явленіе подтверждается не только общими итогами, но и въ отдѣльности по губерніямъ; нѣкоторое отступленіе замѣчается лишь въ слѣдующихъ губерніяхъ:

	Общая сумма особыхъ взно- совъ по 165 статьѣ.	Изъ этой суммы приходится на:			
		1-е пятилѣтіе.	2-е пятилѣтіе.	3-е пятилѣтіе.	4-е пятилѣтіе.
	Р у б л и.	П р о ц е н т ы.			
Вятская	16,362	26,43	66,27	7,30	—
Воронежская	95,485	—	6,69	50,68	42,63
Новгородская	46,430	0,77	11,35	47,17	40,71
Орловская	20,944	3,44	30,48	46,15	19,93
Пермская	65,016	—	—	51,31	48,69
Таврическая	1,498	—	61,67	20,67	17,66
Херсонская	1,877	25,57	—	49,23	25,20

Постоянное возрастаніе особыхъ взносовъ, находящееся какъ бы въ обратномъ отношеніи съ тѣмъ временемъ, которое прошло отъ начала выкупной операціи, указываетъ на общія постоянныя причины явленія. Чтобы выяснять ихъ, необходимо, прежде всего, разобрать мотивы, заставляющіе прибѣгать къ 165 статьѣ. Есть, между прочимъ, одинъ весьма интересный источникъ, освѣщающій эту сторону вопроса. Мы разумѣемъ спорныя дѣла по примѣненію означенной статьи, доходившія до разсмотрѣнія правительствующаго сената. Этотъ источникъ, естественно, по самому существу, не можетъ быть особенно богатъ фактами. Сенатъ слишкомъ высокая инстанція для крестьянъ, и потому, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, которые не возбуждаютъ спора, изъ спорныхъ дѣлъ по выкупу надѣловъ лишь ничтожная часть становится предметомъ сенатскихъ рѣшеній. Но за то достоверность сообщаемыхъ здѣсь фактовъ и подробностей, сопровождающихъ выдѣлъ земли изъ общинной собственности, едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію. Въ концѣ статьи, въ приложеніи, читатель найдетъ сгруппированными по однородности мотивовъ всѣ случаи, вошедшіе въ *Сборникъ рѣшеній правительствующаго сената по крестьянскимъ дѣламъ*, изданный И. Даниловымъ и А. Виноградовымъ. Выкинувъ во внутреннюю сущность приведенныхъ фактовъ, не трудно убѣдиться, что до сихъ поръ при выкупѣ надѣловъ крестьяне руководились двумя основными цѣлями: или желаніемъ оградить себя отъ на-

кладки душъ при новой разверсткѣ и избавиться отъ круговой поруки, или они стараются этимъ путемъ закрѣпить за собою то количество земли, какимъ владѣютъ въ данное время, и обезпечить себя отъ потери части этой земли при будущихъ передѣлахъ. Перваго рода факты обыкновенно обуславливаются слишкомъ высокою выкупною оцѣнкою надѣловъ въ данной мѣстности; второй рядъ фактовъ, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣйствительная цѣнность и доходность превышаетъ выкупную стоимость и платежи. Въ томъ и другомъ случаѣ сельское общество естественно не можетъ равнодушно смотрѣть на выдѣлъ отдѣльныхъ его членовъ по 165 статьѣ; миръ вполне сознаетъ всю невыгоду для себя этой статьи и, отождествляя внутреннюю справедливость съ законностью, онъ нерѣдко старается игнорировать 165 статью, накладывая или отбирая надѣлы, несмотря на сдѣланный уже по ней особый взносъ.

Большинство крестьянъ и не можетъ считать справедливымъ выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ, пользующихся въ моментъ взноса выкупной ссуды сравнительно съ своими однообщественниками меньшимъ или большимъ числомъ надѣловъ, такъ какъ черезъ это увеличивается податная тягость или уменьшается земельный фондъ всѣхъ остальныхъ членовъ общины. Подобный выдѣлъ противорѣчитъ и духу положенія 19 февраля. Законодатель, если и предоставилъ извѣстный просторъ выхода изъ общины отдѣльнымъ домохозяевамъ, то это сдѣлано лишь во вниманіе къ нѣкоторымъ несомнѣннымъ, съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія, преимуществамъ личной собственности передъ общинной, а вовсе не ради захвата состоятельными домохозяевами большаго количества земли, чѣмъ бы слѣдовало при справедливой мирской разверсткѣ, и не для уменьшенія платежей отдѣльными членами общины на счетъ остальныхъ.

Неудивительно поэтому, что учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, на которыхъ ближайшимъ образомъ лежитъ обязанность блюсти справедливые интересы крестьянъ, становятся иногда на сторону міра и рѣшаютъ вопросы въ его пользу, придерживаясь не столько буквы, сколько духа положенія. Но когда дѣло доходитъ до сената, то здѣсь оно обыкновенно принимаетъ иной оборотъ.

Правительствующій сенатъ весьма твердо стоитъ на слѣдующей точкѣ зрѣнія: право выкупа по 165 статьѣ есть личное право крестьянъ, не поставленное подъ контроль сельскаго общества; его согласія на такой выкупъ вовсе не требуется. Общество не можетъ этому препятствовать; оно обязано выдѣлить соответственный участокъ, по возможности, къ одному мѣсту, причемъ отъ его усмотрѣнія зависитъ лишь выборъ того или другаго участка, а не рѣшеніе вопроса о томъ, допустить или не допустить самый выдѣлъ. Величина земельного участка опредѣляется не по числу душъ извѣстнаго семейства, а по количеству находящейся въ его пользованіи земли въ моментъ взноса выкупныхъ денегъ, согласно и

на основаніи послѣдней раскладки общества, предшествовавшей взносу въ казначейство выкупныхъ денегъ *)).

Что касается относительной роли двухъ указанныхъ выше мотивовъ выкупа по 165 статьѣ въ общей суммѣ особыхъ взносовъ, то изъ данныхъ государственнаго банка не трудно убѣдиться, что за истекшее двадцатилѣтіе первое мѣсто принадлежало выкупу земель крестьянами ради обезпеченія себя отъ прибавки излишней земли, за которую приходилось больше платить, чѣмъ можно было извлечь выгоды изъ обработки ея.

Въ *Сводѣ* государственнаго банка мы находимъ распределеніе уѣздовъ на группы по процентному отношенію первоначальнаго выкупнаго долга къ средней стоимости десятины земли въ уѣздѣ по оцѣнкѣ частныхъ банковъ. Оказывается, что изъ всей суммы (5.186,025 р.) взносовъ по 165 статьѣ приходится на уѣзды, гдѣ средняя стоимость десятины по оцѣнкѣ земельныхъ банковъ превышаетъ выкупной долгъ на десятину, 2.812,087 руб., то-есть 54,22%, а на уѣзды, гдѣ выкупной долгъ ниже банковской оцѣнки,—2.373,938 руб., то-есть 45,77%. Первое же мѣсто по валовой суммѣ и по проценту погашенія долга принадлежитъ группѣ изъ 101 уѣзда, въ которыхъ отношенія выкупнаго долга къ оцѣнкѣ десятины частными банками колеблются между 101—250 процентами **).

III.

Указавъ на двѣ главныя цѣли, которыми за истекшее двадцатилѣтіе руководились крестьяне, выкупавшіе землю по 165 статьѣ, мы, повидимому, упустили изъ вида третью, весьма существенную, на которую въ послѣднее время болѣе всего обращаютъ вниманіе при обсужденіи 165 статьи и которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросу о неотчуждаемости надѣловъ. Мы разумѣемъ продажу надѣловъ несостоятельными крестьянами въ постороннія руки, причемъ фактически землю выкупаетъ не ея прежній владѣлецъ, а новый приобретатель. Случаи подобной продажи, несомнѣнно, бываютъ; они подтверждаются нѣкоторыми изъ спорныхъ дѣлъ, доходившихъ до сената и приведенныхъ нами въ концѣ статьи; относящіяся сюда факты засвидѣтельствованы также многими правительственными комиссіями, указанія на нихъ можно найти въ различныхъ земскихъ изданіяхъ и т. п. Но, конечно, кромѣ удостовѣренія большаго или меньшаго числа разрозненныхъ фактовъ, весьма важно было бы уяснить, насколько они представляютъ распространенное явленіе. Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ ни въ официальныхъ, ни въ земскихъ статистическихъ изданіяхъ. Правда, мы выше

*) См. рѣшенія сената въ *Сборникѣ* г. Данилова, т. II, №№ 177 и 183.

**) *Сводъ*, отд. I, стр. 130 и 131.

упоминали объ одномъ, повидимому, весьма компетентномъ заявленіи о томъ, что выкупъ участковъ по 165 статьѣ производится почти исключительно самими недвижимыми домохозяевами на деньги скупщиковъ съ цѣлью перепродажи земли послѣднимъ. Но ошибочность такого взгляда становится очевидною послѣ знакомства съ данными государственнаго банка объ особыхъ взносахъ, приведенными въ нашей статьѣ. Въ самомъ дѣлѣ, выкупъ земли въ группѣ уѣздовъ, гдѣ выкупной долгъ значительно выше дѣйствительной стоимости земли, естественно, не могъ никоимъ образомъ не только «почти исключительно», но даже болѣею частью производиться самими недвижимыми крестьянами и для перепродажи надѣловъ, такъ какъ на убыточные надѣлы не могло быть много охотниковъ. И дѣйствительно, спорныя дѣла, доходившія до сената, свидѣтельствуютъ, что въ подобныхъ случаяхъ весьма часто фигурируютъ крестьяне, перешедшіе въ мѣщане, купцы и т. п., то-есть разбогатѣвшіе крестьяне, а не бѣднѣвшіе. Но и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля, сравнительно съ выкупнымъ долгомъ, дорога, выкупаютъ свои надѣлы по 165 статьѣ болѣею частью относительно богатые, а не бѣдные крестьяне, и не для перепродажи. «Количество земли, выдѣленной изъ состава мірскаго надѣла», указанное въ *Сводѣ* государственнаго банка, выражаетъ собою собственно совокупность надѣльныхъ участковъ, освобожденныхъ отъ выкупныхъ платежей, «хотя многіе изъ нихъ въ дѣйствительности не выдѣлены изъ состава общаго мірскаго надѣла и первоначальное общее запрещеніе, наложенное при выдачѣ выкупной ссуды, остается не снятымъ съ этихъ участковъ». Такимъ образомъ, по этой графѣ нельзя судить о томъ, какое количество земли перешло въ постороннія общинныя руки. «Материаломъ для сужденія по этому вопросу, говорится въ предисловіи къ *Своду*, могли бы служить данныя о количествѣ земли, взятой изъ-подъ запрещенія и перешедшей въ постороннія руки по купчимъ крѣпостямъ и другимъ актамъ. Но по этому предмету въ дѣлахъ банка имѣются свѣдѣнія только о 41 случаѣ ходатайства о снятіи запрещенія». Еще болѣе вѣское косвенное доказательство того, что до сихъ поръ по 165 статьѣ выкупъ надѣловъ для продажи ихъ въ постороннія руки дѣлался вовсе не такъ часто, какъ обыкновенно думаютъ, представляетъ весьма любопытный фактъ, бросающійся въ глаза при разсмотрѣніи свѣдѣній объ особыхъ взносахъ,—полное отсутствіе данныхъ по 169 статьѣ положенія о выкупѣ, которая относится къ выкупу участковъ подворнаго владѣнія при продажѣ ихъ въ постороннія руки. Предисловіе къ *Своду* объясняетъ это обстоятельство вѣроятною неправильностью въ отнесеніи казенными палатами подобныхъ взносовъ къ какой-либо другой статьѣ. Нельзя не пожалѣть, что такое предположеніе не было провѣрено какимъ-нибудь образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ Полтавской губерніи, гдѣ процентъ подворнаго владѣнія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ до 80¹/₂%, Черниговской—14% и Вятской—24%, въ остальныхъ губерніяхъ, помѣщен-

ныхъ въ *Сводѣ*, оно колеблется между 0 и 10. А если въ 41 уѣздѣ могло въ теченіе двадцати лѣтъ вовсе не быть взносовъ ни по какой статьѣ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что среди относительно-небольшой группы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ участковаго владѣнія не было взносовъ по одной изъ статей, касающейся досрочнаго погашенія выкупнаго долга.

Во всякомъ случаѣ, опираясь на обнародованныя официальные данныя объ особыхъ взносахъ, можно смѣло утверждать, что особые взносы по 169 статьѣ въ первое двадцатилѣтіе реформы если и дѣлались, то въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, что администрація, ради упрощенія счетоводства, присчитывала ихъ къ какой-либо другой статьѣ, подобно тому, какъ по той же причинѣ первое время смѣшивались въ одно взносы по 165 и 115 статьямъ. Другими словами, *продажа надѣловъ участковаго владѣнія въ постороннія руки въ губерніяхъ, вошедшихъ въ «Сводѣ», если и происходила, то въ самомъ незначительномъ размѣрѣ.*

Это, безъ сомнѣнія, доказываетъ, хотя и косвенно, что выкупъ земли по 165 статьѣ до послѣдняго времени дѣлался относительно рѣдко для отчужденія надѣловъ въ постороннія руки, потому что если бы такое отчужденіе вообще было главною причиною примѣненія 165 статьи, то оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, непремѣнно вызвало бы довольно часто и примѣненіе 169 статьи.

На первый взглядъ такой выводъ, полученный нами изъ анализа свѣдѣній объ особыхъ взносахъ, въ значительной степени уменьшаетъ основательность тѣхъ опасеній относительно обезземеленія, которыя высказываются по поводу 165 статьи, и даетъ въ руки противниковъ общиннаго землевладѣнія оружіе, чтобы утверждать, что названная статья только ограждаетъ личную инициативу отъ гнета общины, а также желать, чтобы 165 статья была измѣнена въ смыслѣ облегченія индивидуальнаго выкупа, какъ было, между прочимъ, высказано въ одномъ изъ ходатайствъ петербургскаго земства *).

Но послѣ обнародованія государственнымъ банкомъ свѣдѣній объ особыхъ взносахъ, хотя и нельзя уже утверждать, что выкупъ по 165 статьѣ дѣлается болѣею частью для перепродажи надѣловъ, тѣмъ не менѣе, это нисколько не уменьшаетъ потребности въ существенныхъ измѣненіяхъ положенія 19 февраля въ видахъ устраненія вреднаго вліянія 165 статьи, въ особенности въ ея теперешней редакціи. Чтобы понять, въ чемъ состоитъ, главнымъ образомъ, вредъ 165 статьи, необходимо остановиться на условіяхъ коренныхъ передѣловъ и на мѣропріятіяхъ послѣд-

*) См. *Журналъ заведенія петербургскаго губернскаго собранія XVI очередной сессіи*, 12 января—10 февраля 1882 г., стр. 83, и *Докладъ комисіи для изслѣдованія условий, вредно вліяющихъ на экономическое положеніе С.-Петербургской губерніи*, стр. 11.

вяго времени, именно на пониженіи выкупныхъ платежей и законѣ 23 марта 1882 года.

Какъ извѣстно, въ крѣпостную эпоху при надѣленіи землею помѣщичьихъ крестьянъ за единицу принималось тягло, причемъ общее перераспределеніе земли, которое мы будемъ называть кореннымъ передѣломъ, происходило въ неопредѣленные сроки, по усмотрѣнію владѣльца или съ согласія послѣдняго, по желанію крестьянъ. Послѣ освобожденія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ почти повсемѣстно переходятъ отъ тягла къ ревизской душѣ, находя душевое надѣленіе болѣе равномернымъ и справедливымъ, ближе соответствующимъ числу работниковъ и ѣдковъ въ семьѣ, чѣмъ прежде—тягловое. Такимъ образомъ, въ началѣ 60 годовъ крестьяне передѣляютъ землю между отдѣльными дворами по числу душъ, записанныхъ по послѣдней X ревизіи 1858 г. Но съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 20 слишкомъ лѣтъ, у огромнаго большинства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ передѣловъ не было, а, между тѣмъ, численный составъ отдѣльныхъ дворовъ за это время очень измѣнился и, притомъ, неравномѣрно. Во всякой сколько-нибудь значительной общинѣ опредѣлилось три группы дворовъ: *многодушевые*, т.-е. такіе, за которыми по ревизіи числится больше душъ, а, слѣдовательно, душевыхъ надѣловъ, чѣмъ бы слѣдовало по наличному составу семей; *малодушевые* дворы или такіе, которые владѣютъ меньшимъ числомъ душевыхъ надѣловъ, чѣмъ бы имъ пришлось при равномерномъ распределеніи земли, и третью группу образуютъ *средніе* дворы, которые пользуются приблизительно тѣмъ количествомъ земли, какое соответствуетъ дѣйствительному составу семей этихъ дворовъ. Въ результатѣ, пользованіе общинною землею сдѣлалось весьма неравномѣрнымъ, и, чтобы устранивъ это зло, чувствуется потребность въ коренныхъ передѣлахъ, по наличному составу семей, причемъ, естественно, часть земли должна отойти отъ многодушевыхъ къ малодушевымъ дворамъ съ недостаточными надѣлами.

Подобные передѣлы въ однихъ мѣстностяхъ, именно тамъ, гдѣ выкупные платежи за землю превышаютъ ея доходность и арендные цѣны, невыгодны для малодушевыхъ дворовъ, такъ какъ имъ выгоднѣе арендовать землю на сторонѣ, чѣмъ пользоваться общинною землею; лишній душевой надѣлъ для нихъ не облегченіе, а только новая тягость. Наоборотъ, въ черноземныхъ губерніяхъ и вездѣ, гдѣ выкупная стоимость ниже продажныхъ цѣнъ на землю и гдѣ выкупной платежъ за десятину значительно ниже арендной платы за соответственнаго качества землю, тамъ въ благопріятныхъ условіяхъ будутъ находиться многодушевые дворы. Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ въ общинѣ мы будемъ имѣть группу домохозяевъ, враждебную передѣламъ. Эта группа лицъ, какъ поставленная судьбою въ лучшее экономическое положеніе сравнительно съ прочими членами общины, даже при малочисленности ея, можетъ имѣть рѣшающій голосъ на сходѣ, оказывая давленіе на несостоятельныхъ

крестьянъ, которые часто находятся въ постоянной безвыходной зависимости отъ деревенскихъ богачей. Прибавимъ къ этому, что средніе двѣры, для которыхъ передѣлъ безразличенъ, чтобы не раздражать противъ себя мірскихъ воротилъ, всегда охотнѣе примкнуть къ нимъ, чѣмъ къ слабѣйшей сторонѣ, и для насъ станетъ совершенно понятно, почему обыкновенно бываетъ такъ трудно согласить требуемое закономъ большинство $\frac{2}{3}$ голосовъ для составленія приговора о коренномъ передѣлѣ. А затѣмъ, когда это препятствіе, наконецъ, преодолено, то и тогда при умѣломъ дѣйствіи заинтересованнаго меньшинства ему иногда удастся добиться признанія приговора неправильнымъ, вслѣдствіе, напр., отсутствія, при его повѣркѣ непрѣмнымъ членомъ, нѣкоторыхъ изъ домохозяевъ, подписавшихся на приговорѣ и т. п.

До какой степени меньшинство можетъ оказывать давленіе въ дѣлѣ коренныхъ передѣловъ, показываетъ, напр., слѣдующій характерный случай. Въ селѣ Крутомъ, Липецкаго уѣзда, крестьяне въ 1882 г. рѣшили передѣлать землю; приговоръ объ этомъ былъ утвержденъ присутствіемъ, по крестьянскимъ дѣламъ а, между тѣмъ, крестьяне въ 1883 году заявляли, что они не рѣшаются приступить къ передѣлу, такъ какъ противъ этого сильно споритъ меньшинство—преимущественно богатые крестьяне, пользующіеся въ настоящее время большимъ числомъ душевыхъ надѣловъ и арендующіе нѣрѣдко еще чужіе надѣлы у сосѣдей *). Кстати отмѣтимъ здѣсь, что, по утверженію мѣстныхъ изслѣдователей, вообще старая разверстка земли, не соответствующая нынѣшнему составу семей, благопріятствуетъ, между прочимъ, дешевой сѣмкѣ земли богатыми крестьянами у бѣдныхъ **).

Сторонники земельной общины, желая доказать живучесть ея среди русскаго народа, въ подтвержденіе, между прочимъ, приводятъ стремленіе крестьянъ къ кореннымъ передѣламъ, обнаруживающееся теперь во многихъ мѣстностяхъ; при этомъ отсутствіе передѣловъ тамъ, гдѣ оно бросается въ глаза, изслѣдователи стараются иногда объяснить различными внѣшними причинами: незнаніемъ крестьянами того, что они имѣютъ право, по приговору міра, передѣлать землю по своему усмотрѣнію, недружелюбнымъ отношеніемъ мѣстной администраціи къ передѣламъ, отсутствіемъ ревизій и т. п. Не будь этихъ причинъ, думаютъ нѣкоторые, крестьяне передѣляли бы свою землю уже не разъ сообразно палочному составу дворовъ и семей. Въ этомъ отношеніи въ изслѣдованіяхъ объ общинѣ попадаются иногда оптимистическія надежды, идущія совершенно въ разрѣзъ съ фактами. Такъ, напр., въ *Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губерніи*, гдѣ завѣдуетъ статистическимъ бюро г. Щербина, мы находимъ указаніе на слѣдующее обстоятельство. Въ

*) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи*, т. VIII, стр. 7.

***) Тамъ же.

Воронежскомъ уѣздѣ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на 169 общинъ было всего два случая новыхъ передѣловъ. И, тѣмъ не менѣе, — говорить почтенный изслѣдователь, — врядъ ли можно сомнѣваться, что съ теченіемъ времени бывшіе помѣщичьи крестьяне передѣляютъ земли на наличныя души» *).

Внѣшнія причины, задерживающія иногда коренные передѣлы, имѣютъ, однако, второстепенное значеніе, въ чемъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія любой изъ нихъ. Остановимся на самой общей, а потому болѣе важной, — на фактическомъ прекращеніи ревизій съ конца пятидесятихъ годовъ. На ревизіи ссылаются особенно часто. Говорятъ, что прежде передѣлы приурочивались къ ревизіямъ и что теперь крестьяне будто бы ждутъ ревизіи, чтобы тогда уже повсемѣстно произвести разверстку общинной земли по наличному составу дворовъ. Между тѣмъ, этотъ весьма распространенный взглядъ основанъ, какъ намъ кажется, на недоразумѣніи, на смѣшиваніи условій передѣловъ въ крѣпостную эпоху среди помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ. Среди помѣщичьихъ крестьянъ ревизія вовсе не играла той роли, какую ей приписываютъ. Намъ уже приходилось упоминать, что передѣлы у этой группы крестьянъ были довольно частыми, за единицу при надѣленіи обыкновенно принималось тягло, а не ревизская душа, и если послѣ освобожденія общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ подѣлили свою землю по ревизскимъ душамъ на основаніи X ревизіи, то, тѣмъ не менѣе, у нихъ не могло выработаться привычки приурочивать коренные передѣлы къ ревизіямъ. Для подтвержденія не лишне привести здѣсь свидѣтельство одного компетентнаго изслѣдователя. Въ своемъ изслѣдованіи Мураевинской волости, (Рязанской губ.), бывший директоръ центрального статистическаго комитета, вице-президентъ Императорскаго географическаго общества Н. П. Семеновъ, заявляетъ, между прочимъ, что, несмотря на тщательные и многочисленныя разспросы въ окрестной мѣстности, онъ не можетъ привести ни одного случая общихъ передѣловъ надѣльныхъ земель съ 1861 г. **). «Такимъ образомъ, крестьяне мѣстности, — говоритъ г. Семеновъ, — относятся пока очень консервативно къ надѣленію землею, какъ оно было сдѣлано при введеніи уставныхъ грамотъ, но затѣмъ трудно сказать, вызоветъ ли новая народная перепись, съ производствомъ которой исчезнутъ, во всякомъ случаѣ, прежнія ревизскія души, общій передѣлъ земель между домохозяевами, или нѣтъ». «Я имѣлъ случай, — продолжаетъ г. Семеновъ, — ознакомиться по этому предмету съ мнѣніемъ множества крестьянъ и прихожу къ заключенію, что какого-либо установившагося взгляда по этому поводу у нихъ еще вовсе не существуетъ. Несомнѣнно то, что они

*) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губерніи*. Воронежскій уѣздъ, стр. 71 и 74.

**) *Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины*. Спб., 1880 г. Т. I, стр. 96.

ждутъ разрѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли послѣ новой переписи каждому двору владѣть попрежнему или передѣлить землю по дворамъ, по числу душъ новой переписи отъ правительственной власти. Но если бы правительство настояло на томъ, что каждая община должна разрѣшить вопросъ о передѣлѣ самостоятельно, то крестьяне сами не берутся предсказывать о томъ, пойдутъ ли они на передѣлъ, или нѣтъ *)).

Другое дѣло—бывшіе государственные крестьяне. У нихъ, дѣйствительно, могъ выработаться обычай приурочивать передѣлы къ ревизіямъ. И что же? У этой группы крестьянъ въ настоящее время вообще замѣчается гораздо ббольшая склонность къ передѣламъ, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Такъ, напримѣръ, между тѣмъ какъ въ Воронежскомъ уѣздѣ на 169 общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ приходится всего два случая новыхъ передѣловъ, въ томъ же уѣздѣ изъ 99 общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ 57 общинъ передѣлили свои земли уже послѣ реформы **).

Что касается внутреннихъ причинъ, т.-е. такихъ, которыя вытекаютъ изъ самаго положенія 19 февраля, то здѣсь, прежде всего, заслуживаетъ вниманія выкупная операція. Существуетъ мнѣніе, что, вслѣдствіе выкупа, взглядъ крестьянъ на землю измѣняется кореннымъ образомъ въ смыслѣ сильнаго развитія идеи личной наследственной собственности. Въ подтвержденіе этого указываютъ, что когда въ той или другой общинѣ поднимается вопросъ о передѣлѣ земли на наличныя души, то на сходахъ нерѣдко слышатся протесты противъ урѣзокъ прежнихъ надѣловъ, за которые ихъ владѣльцы столько лѣтъ уплачивали выкупные платежи. Но намъ кажется, что этому доводу крестьянъ приписываютъ преувеличенное значеніе, истолковывая его въ смыслѣ рѣзкой перемѣны воззрѣній крестьянъ-общинниковъ на землю. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что крестьяне въ своемъ представленіи обыкновенно смѣшиваютъ всѣ окладные платежи—подушные, выкупные и проч. ***). Меньшинство же, для котораго коренной передѣлъ невыгоденъ, естественно, будетъ приводить всевозможные доводы, лишь бы добиться благоприятнаго для себя рѣшенія схода. отождествлять мнѣніе крестьянъ, недовольныхъ передѣломъ, съ воззрѣніемъ большинства вообще можно только съ крайнею осторожностью. Такъ, на долговременный платежъ за землю, какъ на доводъ противъ передѣловъ, ссылаются даже бывшіе государственные крестьяне ****). Въ дѣйствительности главное значеніе выкупной операціи въ вопросѣ о коренныхъ передѣлахъ заключается не въ этомъ. Положеніе о выкупѣ, допустивъ право отдѣльныхъ крестьянъ на выдѣлъ изъ

*) *Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины.* Спб., 1880 г. Т. I, стр. 98.

***) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губ.,* стр. 71.

****) *В. Трироговъ: „Община и податъ“.*

*****) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.,* т. VIII, стр. 7.

общины по 165 статьѣ, толкуемой сенатомъ въ смыслѣ закрѣпленія за такими крестьянами ихъ фактическаго владѣнія въ моментъ взноса, тѣмъ самымъ должно было усилить отрицательное отношеніе многодушевыхъ дворовъ къ передѣламъ. Задерживая передѣлы, подобные дворы не только обезпечиваютъ за собою болѣе продолжительное пользованіе лишними душевыми надѣлами, но и выигрываютъ время, чтобы собраться съ силами выкупить ихъ окончательно въ свою полную собственность,—другими словами, захватить часть земли, принадлежащей по всей справедливости остающимся членамъ общины. *Подобный захватъ въ большей или меньшей степени всегда связанъ съ выкупомъ земли по 165 статьѣ тамъ, гдѣ выкупная стоимость надѣловъ равна или выше дѣйствительной цѣнности ея.* Пояснимъ это примѣромъ.

Положимъ, мы имѣемъ общину въ 300 душъ, которая при послѣдней ревизіи распалась на 5 группъ дворовъ, между которыми по освобожденіи была распредѣлена въ пользованіе общинная земля по числу ревизскихъ душъ, считая по 2 десятины на душу.

Группы.	Число дворовъ.	Число душъ.	Число душев. надѣловъ.	Количество десятинъ.	На одну душу прих.десятинъ.
I	10	20	20	40	2
II	20	60	60	120	2
III	30	120	120	240	2
IV	8	40	40	80	2
V	10	60	60	120	2
Итого.	78	300	300	600	2

По прошествіи 20—25 лѣтъ составъ отдѣльныхъ дворовъ измѣнился такимъ образомъ, что мы имѣемъ въ тѣхъ же пяти группахъ слѣдующія отношенія:

Группы.	Число дворовъ.	Число душъ.	Число душев. надѣловъ.	Количество десятинъ.	На одну душу прих.десятинъ.
I	10	40	20	40	1,00
II	20	80	60	120	1,50
III	30	135	120	240	1,77
IV	8	32	40	80	2,50
V	10	50	60	120	2,40
Итого.	78	337	300	600	1,78

Такимъ образомъ, если бы теперь былъ сдѣланъ коренной передѣлъ, то на каждую наличную душу пришлось бы 1,78 д. земли, а на всѣ 60 дворовъ первыхъ трехъ группъ 454 дес. Но, прежде чѣмъ общинѣ удалось составить приговоръ о передѣлѣ, допустимъ, что 18 дворовъ, составляющихъ двѣ послѣднія группы, вносятъ въ казначейство деньги по 165

статьё. Что же получится въ окончательномъ результатѣ? По толкованію сенатомъ этой статьи, сельское общество обязано выдѣлить въ нашемъ примѣрѣ 18 домохозяевамъ 200 десятинъ земли, причеиъ на прочіе 60 дворовъ останется только 400 десятинъ, а не 454 дес., какъ бы слѣдовало при правильной разверсткѣ по наличнымъ душамъ, иначе говоря, выкупающіеся домохозяева захватываютъ 54 десятины изъ доли, принадлежащей прочимъ членамъ общины, и тѣмъ самымъ не только абсолютно, но и относительно уменьшаютъ земельный фондъ данной общины. Слѣдовательно, хотя бѣдные крестьяне пока и не такъ часто, какъ обыкновенно думаютъ, выкупаютъ землю для перепродажи ее богатымъ, но за то почти всегда богатые выкупаютъ рядомъ съ своей землей и часть земли, принадлежащей по всей справедливости бѣднымъ. Вотъ гдѣ кроется главная опасность, связанная съ 165 статьею, въ особенности послѣ измѣненія ея закономъ 23 марта 1882 года.

Это измѣненіе прошло совершенно не замѣченнымъ нашею публицистикою, а, между тѣмъ, оно должно бы обратить на себя вниманіе уже потому, что шло совершенно въ разрѣзъ съ ходатайствами симбирскаго земства и другихъ объ измѣненіи 165 статьи ради устраненія на будущее время спекуляціи надѣлами; статья была измѣнена, но совсѣмъ въ противоположномъ духѣ. На этомъ обстоятельстве необходимо остановиться.

По первоначальной редакціи 165 статьи, внесенной въ положеніе о выкупѣ, она обязывала домохозяина, желающаго выдѣлиться, внести въ казначейство «всю причитающуюся на его участокъ выкупную сумму». Слѣдовательно, по буквѣ закона, погашеніе, предшествовавшее взносу этой суммы, не должно приниматься во вниманіе, т. е. для выкупа отдѣльнымъ домохозяиномъ своего надѣла необходимо внести въ казначейство одну и ту же сумму независимо отъ того, когда произведенъ выкупъ — въ первый годъ по утвержденіи выкупной сдѣлки, въ десятый, двадцатый, или хотя бы въ сорокъ восьмой. При выполнении этого условія выкупъ по 165 статьѣ дѣлался бы все менѣе выгоднымъ, по мѣрѣ приближенія срока окончательнаго погашенія долга. Въ 48 годъ отъ начала выкупа желающему выдѣлиться изъ общины пришлось бы внести почти всю выкупную стоимость надѣла вторично. Теперь же, по закону 23 марта 1882 г., изданному въ измѣненіе и дополненіе заключающихся въ положеніи о выкупѣ правилъ о порядкѣ уплаты разрѣшенныхъ крестьянамъ выкупныхъ суммъ, «въ случаѣ выкупа отдѣльнымъ домохозяиномъ своего участка по 165 статьѣ положенія о выкупѣ, требуется отъ него только та часть капитальнаго долга, которая окажется на немъ по исключеніи всей суммы долга, причитающагося на выкупленный участокъ по разверсткѣ обществомъ денегъ, поступившихъ на погашеніе капитальнаго долга въ числѣ внесенныхъ крестьяниномъ-домохозяиномъ выкупныхъ платежей».

Законъ 1882 года относится, кромѣ 165 статьи, также къ 115, 161, 162 и 173 статьямъ положенія о выкупѣ. Но, признавая совершенно справедливыми измѣненія названныхъ статей, мы думаемъ, что послѣ признанія не только многими земскими, но и правительственными комиссіями вреднаго вліянія выкупа по 165 статьѣ, было бы вполне естественно и цѣлесообразно, вмѣсто измѣненія ея въ смыслѣ закона 23 марта, еще подтвердить ея буквальное примѣненіе. Справедливость при этомъ нисколько бы не нарушилась, такъ какъ излишекъ, переплачиваемый крестьяниномъ, выдѣляющимся по 165 статьѣ, могъ бы обращаться на усиленное погашеніе даннаго сельскаго общества и, уменьшая соблазнъ выкупа, служить хотя отчасти вознагражденіемъ за тѣ потери, какія сопряжены для всей общины съ выкупомъ большаго или меньшаго числа душевыхъ надѣловъ въ личную собственность.

Между тѣмъ, послѣ закона 23 марта 1882 года, для тѣхъ, кто желаетъ воспользоваться 165 статьей, это будетъ съ каждымъ годомъ все легче, и подъ конецъ выкупной операціи всякому общиннику, который пожелаетъ закрѣпить въ полную собственность свое фактическое временное владѣніе, будетъ достаточно для этого внести ничтожную сумму; напр., двойной, тройной окладъ годоваго выкупнаго платежа. Въ томъ же направленіи можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, оказать вліяніе другое мѣропріятіе послѣдняго времени—пониженіе выкупныхъ платежей. Въ виду тѣсной связи выкупныхъ платежей съ досрочными взносами, на этомъ необходимо остановиться съ особеннымъ вниманіемъ, въ особенности потому, что съ закономъ 28 декабря 1881 года о пониженіи выкупныхъ платежей можетъ въ нѣкоторомъ отношеніи повториться исторія 165 статьи.

IV.

Указомъ 28 декабря 1881 года и высочайше утвержденнымъ того же числа мнѣніемъ государственнаго совѣта, какъ извѣстно, было установлено двойное пониженіе выкупнаго платежа: *общее*—для всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, какъ состоявшихъ въ то время на выкупѣ, такъ и имѣвшихъ перейти на оный съ 1 января 1883 г. временно-обязанныхъ крестьянъ, и *добавочное* или *спеціальное*—для тѣхъ селеній этихъ крестьянъ, хозяйство которыхъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, пришло въ разстройство. Общее пониженіе для крестьянъ губерній и мѣстностей великороссійскаго положенія было опредѣлено въ одинъ рубль съ душеваго надѣла. Спеціальное пониженіе было произведено на основаніи данныхъ, доставленныхъ уѣздными земствами и присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ объ общихъ условіяхъ хозяйственнаго быта и платежныхъ средствъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ окончательномъ результатѣ общаго и спеціальнаго пониженія по 39

губерніямъ выкупные платежи крестьянъ были уменьшены на 27%, первоначальнаго годоваго оклада, но по отдѣльнымъ губерніямъ пониженіе это выражается иногда гораздо болѣе, именно въ девяти слѣдующихъ губерніяхъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ уѣздахъ и селеніяхъ, гдѣ разница, естественно, еще рѣзче, общая сумма пониженія составляетъ болѣе $\frac{1}{3}$ годоваго оклада:

1) Олонецкая губ.	92%	6) Московская губ.	37%
2) С.-Петербургская »	45 »	7) Тверская »	35 »
3) Смоленская »	42 »	8) Черниговская »	34 »
4) Новгородская »	42 »	9) Вятская »	34 %*).
5) Псковская »	38 »		

Пониженіе выкупныхъ платежей безспорно составляетъ одну изъ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу. Имъ, если и не вездѣ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ, исправленъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ положенія 19 февраля, именно устранено несоотвѣтствіе между среднею доходностью надѣловъ и выкупными платежами. Пониженіе выкупныхъ платежей явилось результатомъ многочисленныхъ указаній на упадокъ крестьянскаго хозяйства, вслѣдствіе несоразмѣрныхъ платежей за землю, и изслѣдованій о причинахъ постояннаго накопленія недоимокъ по этимъ платежамъ; по буквальному смыслу закона 1881 года, онъ имѣлъ въ виду только пониженіе выкупныхъ платежей. Но теперь спрашивается, долженъ ли этотъ законъ имѣть какое-либо вліяніе на выкупную стоимость надѣловъ, или нѣтъ? Въ самомъ законѣ это обстоятельство не оговорено; отсюда открывается просторъ для усмотрѣнія и нѣкотораго произвола исполнительныхъ административныхъ органовъ. Согласно положенію 19 февраля, крестьяне были обязаны вносить въ казну ежегодно, взаменъ слѣдовавшаго помѣщику оброка, по 6 копѣекъ на рубль съ назначенной правительствомъ выкупной ссуды, до полного погашенія ея. Теперь, по закону 1881 года, они платятъ уже не по 6 коп. съ рубля выкупной ссуды, а въ различной нормѣ, въ зависимости отъ степени пониженія. Но мы не можемъ поручиться за то, что лица, которымъ придется примѣнять законъ, не истолкуютъ его въ такомъ смыслѣ, что съ пониженіемъ платежей слѣдуетъ считать соотвѣтственно пониженнымъ и первоначальный долгъ по выкупной ссудѣ, тѣмъ болѣе, что на первый взглядъ пониженіе суммы долга совпадаетъ съ интересами всѣхъ крестьянъ. Въ дѣйствительности же для тѣхъ, кто не будетъ выкупать свои надѣлы ранѣе срока, имѣетъ значеніе только размѣръ платежей, а не номинальная сумма долга. Другое дѣло досрочный выкупъ. Съ пониженіемъ долга сдѣлается, пропорціонально пониженію, легче выдѣляться изъ общины по 166 статьѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственно

*) *Статистическій временникъ Россійской Имперіи.* Серія III, выпускъ 5. Сиб., 1885 г.

увеличится вредъ отъ этой статьи. Большое значеніе, съ этой точки зрѣнія, закона 1881 года въ вопросѣ о мобилизаціи крестьянской земельной собственности дѣлаетъ крайне важнымъ рѣшеніе указанной неясности или недомолвки законодательнымъ путемъ, а не усмотрѣніемъ органовъ исполнительной власти и даже сената *).

Замѣтимъ по этому поводу, что между тѣмъ какъ дополненіе закона 28 декабря 1881 года, въ смыслѣ соответственнаго пониженія выкупнаго долга, непремѣнно вызоветъ усиленную мобилизацію крестьянской собственности, оно вовсе не вытекаетъ логически изъ пониженія выкупныхъ платежей и, кромѣ того, несостоятельно съ чисто-финансовой точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, допустивъ, что закономъ 1881 года пониженъ и выкупной долгъ на 27%, послѣдній придется считать уже не въ 847 милл. руб., а въ 619 милл. руб. Откуда же взяло бы правительство остальные 228 милл. руб., если бы крестьяне выкупили до срока всѣ свои земли взносомъ 619 милл. руб.? На это, конечно, могутъ возразить, что мы дѣлаемъ невозможное предположеніе; крестьяне не въ состояніи въ массѣ совершить досрочный выкупъ. Но мы беремъ крайность только затѣмъ, чтобы наглядно показать финансовую несостоятельность пониженія выкупнаго долга крестьянъ соответственно сдѣланному пониженію ежегодныхъ платежей; въ подтвержденіе же этого можно привести и болѣе вѣскіе доводы.

До пониженія выкупныхъ платежей общій годовой окладъ ихъ значительно превышалъ всѣ расходы по выкупной операціи, счтятая въ томъ числѣ и недочетъ вслѣдствіе недоимокъ. Само собою разумѣется, что и послѣ пониженія ихъ на эту сумму погашеніе общаго количества выкупныхъ ссудъ должно происходить неизмѣнно; уничтожается только чистый доходъ отъ выкупной операціи. При этомъ условіи, естественно, нѣтъ надобности въ сложеніи части капитальнаго долга, лежащаго на выкупаемой

*) Какъ трудно надѣяться на правильное и однообразное примѣненіе закона, когда неполнота его возмѣщается распоряженіями административныхъ властей, наглядно показывается *Сводъ* государственнаго банка объ особыхъ взносахъ по 165, 115, 161, 162 и 173 статьяхъ положенія о выкупѣ. Разсматривая дивныя по селеніямъ (*Сводъ*, от. II, стр. 1—151) и сравнивая суммы сдѣланныхъ взносовъ съ первоначальнымъ капитальнымъ долгомъ, мы видимъ, что до семидесятихъ годовъ эти суммы равны, т.-е. при расчетѣ особыхъ взносовъ предшествовавшее погашеніе не принимается во вниманіе, затѣмъ обнаруживается колебаніе, очевидно, въ зависимости отъ индивидуальныхъ воззрѣній лицъ, примѣняющихъ законъ: прежде сдѣланные выкупные платежи то засчитываются, то нѣтъ. Отсутствие единства доходитъ иногда до такой степени, что можно привести случаи (напр., на стр. 48 *Свода*, селеніе Каменка), что въ одномъ и томъ же году по одному и тому же селенію, въ одномъ случаѣ требуется первоначальный капитальный долгъ спогна, а въ другомъ—за вычетомъ уже погашенной части. Лишь со второй половины 70 годовъ засчитываніе прежде сдѣланнаго погашенія становится уже какъ бы правиломъ, хотя, надо полагать, не безспорнымъ, такъ какъ въ 1882 г. потребовалось изданіе закона 23 марта, положившаго конецъ всякимъ дальѣйшимъ колебаніямъ.

земля. Теперь спрашивается: достаточно ли будет общаго дохода отъ выкупной операціи, чтобы покрыть весь первоначальный выкупной долгъ, несмотря на сдѣланное пониженіе ежегодныхъ платежей? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, остановимся на источникахъ, которые имѣлись въ виду, когда было рѣшено понизить выкупные платежи. По закону 1881 года, на пониженіе выкупныхъ платежей предназначена была сумма въ 12 милл. рублей. Эту сумму предполагалось покрыть 2 милл. изъ общихъ средствъ выкупной операціи, 7 милл. изъ свободныхъ суммъ по ликвидаціи бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій и 9 милл. пособіемъ выкупной операціи на счетъ казны. Первый и второй источники сводятся, въ сущности, къ одному и тому же—къ ежегоднымъ остаткамъ отъ выкупной операціи. Въ самомъ дѣлѣ, по балансу выкупной операціи къ 1 іюля 1885 года долгъ помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ, переведенный на крестьянъ, составлялъ 313 милл. руб., а такъ какъ для ликвидаціи этого долга по условіямъ ссудъ изъ старыхъ кредитныхъ учрежденій надо платить меньше, чѣмъ приходится выкупныхъ платежей за земли, на которыя переведены помѣщичьи долги, то ясно, что «свободныя суммы по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій» образуются изъ тѣхъ же выкупныхъ платежей, какъ и «общія средства выкупной операціи». Остается разобрать 3 милл. «пособія выкупной операціи на счетъ казны». Запасный капиталъ по выкупной операціи, какъ извѣстно, къ 1882 году долженъ былъ равняться суммѣ не менѣе 40 милл. рублей, причеиъ доходъ съ этого капитала составлялъ бы не менѣе 2 милл. рублей въ годъ. Правда, когда былъ рѣшительно поставленъ вопросъ объ остаткахъ отъ выкупныхъ платежей, ихъ не только не оказалось на лицо, но и добратся, на какое назначеніе они ушли, сдѣлалось почти невозможнымъ. Весьма вѣроятно, что, вопреки точному смыслу 143 ст. пол. о выкупѣ, остатки отъ выкупныхъ платежей просто смѣшивались съ такъ называемыми коммерческими прибылями государственнаго банка и поступили въ обыкновенный доходъ казны. Какъ бы то ни было, удѣляя изъ общихъ средствъ 3 милл., казна, слѣдовательно, только отдаетъ выкупной операціи то, что раньше взяла отъ нея. Но допустимъ даже, что 3 милл. казна дѣйствительно отпускаетъ изъ общихъ государственныхъ средствъ, и въ такомъ случаѣ этотъ расходъ впоследствии будетъ возвращенъ изъ доходовъ по выкупной операціи. Дѣло въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ «свободныя суммы по ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій» составятъ, по меньшей мѣрѣ, 12—15 милліоновъ руб. въ годъ *), и казѣ, въ концѣ-концовъ, въ дѣйствительности вовсе не придется брать какой бы то ни было части выкупнаго долга на общія средства государства.

*) См. нашу книгу: *Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію*, стр. 169—171.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ теченіе остающагося до конца выкупной операціи срока, несмотря на сдѣланное пониженіе выкупныхъ платежей, ими сполна погасится вся сумма выкупнаго долга, 847 слишкомъ милл. руб., числящагося теперь, а, слѣдовательно, при пониженіи по закону 1881 года выкупныхъ платежей нѣтъ ни малѣйшей необходимости соответственно уменьшать первоначальный выкупной долгъ и облегчать этимъ выкупъ надѣловъ по 165 и 162 статьямъ пол. о выкупѣ.

V.

Но помимо этого облегченія, которое, надо желать и надѣяться, не будетъ допущено; выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ по 165 ст., благодаря закону 23 марта 1882 г., поставленъ въ такія условія, что даже для тѣхъ изъ представителей многодушевыхъ дворовъ, которые не имѣютъ средствъ внести необходимую сумму теперь, составляетъ прямой интересъ противиться коренному передѣлу, въ вѣрномъ расчетѣ, что, рано или поздно, имъ удастся укрѣпить за собою и своими наслѣдниками относительно большій надѣлъ. Отсюда можно безошибочно предсказать, между прочимъ, два факта: 1) то, что прогрессивное возрастаніе суммы особыхъ взносов, которое мы видѣли, анализируя данныя за двадцатилѣтіе, 1861—81 гг., въ слѣдующія десятилѣтія пойдетъ еще въ болѣе угрожающей прогрессіи, до полного выдѣленія дворовъ съ относительно большими надѣлами; 2) то, что новыхъ коренныхъ передѣловъ до окончанія выкупа въ большинствѣ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вовсе не будетъ, а изъ остальныхъ едва ли многія передѣлятъ свою землю болѣе чѣмъ по разу.

Съ общей народно-хозяйственной точки зрѣнія, отмѣченный сейчасъ явленія несравненно опаснѣе, чѣмъ простой переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному по точному смыслу 115 ст. мѣст. положенія великороссійскаго. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы большинство $\frac{2}{3}$ домохозяевъ согласилось подписать приговоръ о переходѣ къ участковому владѣнію безъ уравнительнаго распредѣленія земли по наличному составу дворовъ, и если замѣна общиннаго владѣнія подворнымъ впоследствии, безъ сомнѣнія, приведетъ къ неравномѣрности владѣнія отдѣльныхъ дворовъ, то, по крайней мѣрѣ, въ моментъ разверстанія угодій на подворные участки будетъ восстановлена равномѣрность, нарушенная со времени послѣдняго передѣла, вслѣдствіе неодинаковаго прироста семей. Раздѣленіе же участковъ по 165 статьѣ, дополненной закономъ 1882 г., въ однихъ случаяхъ окончательно уничтожитъ земельную общину, въ другихъ же разоритъ ее. Мы будемъ имѣть тогда общину пролетаріевъ для вѣщаго прославленія участковаго владѣнія передъ общиннымъ! въ сельскохозяйственномъ отношеніи, такъ какъ при болѣе значительномъ количествѣ

земли на наличную душу у подворныхъ владѣльцевъ сравнительно съ общинниками не трудно понять, кто будетъ лучше вести свое хозяйство, у кого будетъ болѣе рабочаго и рогатаго скота, лучше удобряться земля и т. п. На эту сторону вопроса объ общинномъ землевладѣніи и 165 ст. необходимо обратить серьезное вниманіе. Относительно общины, какъ и по многимъ другимъ пунктамъ, положеніе 19 февраля высказывается часто весьма неопредѣленно и нуждается въ существенныхъ дополненіяхъ.

«Мірская полевая земля (пашня, покосы и другія угоды),—читаемъ мы въ 113 ст. мѣст. великор. положенія,—остается въ общинномъ пользованіи крестьянъ, которымъ она отведена. Общиннымъ называется то обычное пользованіе, при которомъ земля, по приговору міра, *передѣляется* или *распредѣляется* (курсивъ въ подлинникѣ) между крестьянами: по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ; а повинности, положенныя за землю, отбываются за круговою порукою». Въ данномъ случаѣ законъ, очевидно, старается опредѣлять господствующее въ народѣ понятіе объ общинномъ пользованіи, но приведенное опредѣленіе не только не исчерпываетъ понятіе объ общинной формѣ землевладѣнія, оно не совѣтъ удачно еще въ томъ отношеніи, что круговую поруку, условіе случайное, принимаетъ за постоянный признакъ. Общинное землевладѣніе можно себѣ представить и безъ круговой поруки по платежамъ, падающимъ на отдѣльныхъ домохозяевъ. Тѣмъ не менѣе, другой постоянный признакъ общинной формы указанъ законодателемъ совершенно правильно. Разъ не существуетъ повторяющагося время отъ времени уравненія въ пользованіи землею или *перераспредѣленія* земли между членами общины, общиннаго землевладѣнія нѣтъ, за исключеніемъ, конечно, маловѣроятныхъ случаевъ замѣны участковаго пользованія полевой землей общиннымъ пользованіемъ, т.-е. обработкой всѣхъ надѣловъ сообща съ раздѣломъ продуктовъ или выручки за нихъ между всѣми членами общины.

Не желая упразднить общинной формы землевладѣнія, положеніе 19 февраля оставило, однако, изъ него выходъ, т.-е. допустило переходъ къ участковой собственности: 1) индивидуальный, по 165 ст., и 2) общій, по приговору $\frac{2}{3}$ голосовъ мірскаго схода. Въ такую же зависимость отъ согласія $\frac{2}{3}$ домохозяевъ законодатель ставитъ коренные передѣлы, не входя въ болѣе подробную регламентацію общиннаго пользованія землею и предоставляя остальные подробности, въ томъ числѣ и установленіе сроковъ для общей переверстки мірскаго земли, на волю и усмотрѣніе сельскихъ обществъ.

Но при составленіи положенія 19 февраля, по всему вѣроятію, едва ли приходило кому въ голову, что крестьяне могутъ, оставаясь *de jure* при общинныхъ порядкахъ, совершенно прекратить передѣлы и, такимъ образомъ, фактически перейти къ участковому владѣнію, чтобы затѣмъ заврѣпить его и *de jure* посредствомъ особыхъ взносовъ по 165 ст., и т. п.

Выше мы упоминали, что въ послѣднемъ случаѣ сенатъ настаиваетъ на закрѣпленіи за выдѣляющимися крестьянами всего количества земли, какое находится въ ихъ пользованіи по предшествовавшей особому взносу разверсткѣ. Не входя въ разсмотрѣніе съ чисто-юридической точки зрѣнія правильности взгляда правительствующаго сената, нельзя не замѣтить, что здѣсь идетъ дѣло о столь существенномъ вопросѣ, что простое толкованіе, хотя бы высшимъ административно-судебнымъ учрежденіемъ, для разрѣшенія возникающаго на практикѣ сомнѣнія, недостаточно: необходимо прямое разъясненіе или дополненіе 165 ст. и 118 ст. законодательною властью. При этомъ формальная точка зрѣнія сената естественно должна отойти на второй планъ.

Мы того мнѣнія, что нисколько не противорѣчило бы не только духу положенія 19 февраля, но и буквѣ его, если бы было принято за правило, что, при выдѣлѣ участковъ по 165 ст., выдѣляющійся домохозяинъ имѣетъ право лишь на то количество земли, какое пришлось бы ему при правильной разверсткѣ земли по наличнымъ душамъ. То обстоятельство, что выдѣляющійся крестьянинъ уплачивалъ въ теченіе ряда лѣтъ выкупные платежи за большее количество земли, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не можетъ служить доводомъ противъ отрѣзки у него части земли ни при коренномъ передѣлѣ, ни тѣмъ болѣе при выдѣлѣ надѣла въ частную собственность. Если многодушевой дворъ пользовался въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ выгодами значительнаго надѣла въ ущербъ остальнымъ членамъ общины, то это еще слишкомъ недостаточное основаніе для права его на эти выгоды и въ будущемъ.

Ограниченіе размѣра выдѣляемаго участка тою долею, какая приходится данному домохозяину по наличному составу его семьи, естественно повело бы къ сильному ослабленію, если не къ прекращенію, выкупа по 165 статьѣ, такъ какъ для малодушевыхъ дворовъ, для которыхъ теперь представляется въ этомъ наибольшій интересъ, тогда выдѣленіе, сопряженное съ отрѣзкою земли, находящейся въ ихъ пользованіи, потеряетъ всякую привлекательность. Но съ ослабленіемъ стимула для выкупа надѣловъ по 165 статьѣ для многодушевыхъ все же остается сильный мотивъ для борьбы противъ коренныхъ передѣловъ. Согласить $\frac{2}{3}$ голосовъ для составленія законнаго приговора о передѣлѣ, попрежнему, будетъ трудно. Въ видахъ устраненія проистекающаго отсюда вреда неравномѣрнаго владѣнія общинною землею, наиболѣе цѣлесообразной мѣрой мы считаемъ *установленіе предельныхъ сроковъ для коренныхъ передѣловъ*. Нельзя допускать, чтобы общинная земля, вопреки 113 ст. мѣстн. великорос. пол., совсѣмъ не передѣлялась. Не нарушая права сельскихъ обществъ дѣлать, по соглашенію большинства $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, болѣе или менѣе частые передѣлы, рядомъ съ этимъ можно бы установить, что, по истеченіи извѣстнаго срока, положимъ 12 лѣтъ, передѣлъ обязателенъ, если

по единогласному постановленію схода не будетъ рѣшено оставить прежнее распределение земли на новый срокъ.

Регулированіе коренныхъ передѣловъ закономъ важно и въ томъ отношеніи, что этимъ вмѣстѣ уничтожится тотъ острый характеръ, какой начинаетъ уже теперь принимать вопросъ о нихъ, и будетъ уничтожена та рознь и вражда, которая сплошь и рядомъ возникаютъ среди общинниковъ изъ-за передѣловъ. Такъ, во время споровъ о необходимости коренныхъ передѣловъ нерѣдко слышатся кровавыя угрозы со стороны противниковъ, передѣловъ, опасющихся уменьшенія своихъ надѣловъ.

Рѣшеніе вопроса о коренныхъ передѣлахъ представляетъ большое значеніе не для однихъ только бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и для прочихъ группъ общиннаго крестьянства.

Мѣстные изслѣдованія, правда, обнаруживаютъ среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ гораздо большую склонность въ передѣлахъ, чѣмъ среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Это объясняется, кромѣ отсутствія причинъ вродѣ 165 ст., еще тѣмъ, что у бывшихъ государственныхъ крестьянъ земли вообще больше, а потому средніе дворяне легче согласить на составленіе законнаго приговора о передѣлѣ; но и здѣсь узаконенный предѣльный срокъ для передѣловъ, какъ теперь, такъ въ особенности въ будущемъ, можетъ предупредить вредное давленіе меньшинства въ ущербъ интересамъ всего общества.

VI.

До сихъ поръ мы останавливались на тѣхъ статьяхъ положенія 19 февраля касательно земельной общины, которая несправедливо расширяетъ права отдѣльныхъ членовъ въ ущербъ цѣлому обществу. Земельная община представляетъ въ русскомъ соціально-экономическомъ строѣ чрезвычайно важный институтъ, въ основѣ котораго лежитъ начало справедливости. Благодаря ей, нерѣдко въ значительной степени сглаживается и смягчается неравномѣрное податное обложеніе. Такъ, наприм., подушную подать, за основаніе которой берется лицо, независимо отъ трудоспособности и имущественной самостоятельности, община распределяла среди своихъ членовъ по платежной способности, сообразно размѣрамъ надѣла, ослабляя тѣмъ неравномѣрность налога, и т. п. Можно поэтому желать тѣхъ или иныхъ измѣненій въ способахъ пользованія и обработкѣ общинныхъ земель, уничтоженія чрезлопосицы и принудительной культуры и т. п., но беречь земельную общину тамъ, гдѣ она издавна пустила глубокіе корни, во всякомъ случаѣ, нужно, какъ одну изъ полезнѣйшихъ особенностей русской народной жизни. Рядомъ съ этимъ, однако, не слѣдуетъ допускать, чтобы община угнетала личность, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда давленіе общины на отдѣльныхъ крестьянъ не можетъ быть оправдано сколько-нибудь основательными сообра-

женіями общей пользы. Такимъ образомъ, вполне справедливо, наприм., требовать, чтобы община вознаграждала какимъ-нибудь способомъ при передѣлахъ за отрѣзку земель, хорошо удобренныхъ прежнимъ владѣльцемъ, и т. п. Что община, міръ, можетъ иногда эксплуатировать своихъ отдѣльныхъ членовъ, если у нея есть на то законное оружіе, убѣдительно доказываетъ 173 ст. положенія о выкупѣ. По этой статьѣ крестьянинъ, увольняющійся изъ общества, обязанъ внести половину капитальнаго долга, лежащаго на его участкѣ, и передать послѣдній обществу. Увольненіе изъ общества можетъ быть по весьма разнообразнымъ причинамъ, какъ-то: выходъ въ другое сословіе вслѣдствіе оставленія земледѣлія, переходъ въ другое сельское общество, переселеніе подъ вліяніемъ тяжелыхъ экономическихъ условій въ прежнемъ мѣстѣ жительства и т. п. Лицо, желающее уволиться изъ общества, естественно руководится соображеніями собственной выгоды, и вотъ, пользуясь этимъ, общество старается иной разъ прижать уходящаго члена, эксплуатировать его въ свою пользу. Въ мѣстностяхъ съ чрезмѣрными платежами за землю оно соглашается нерѣдко уволить просителя только по взносу выкупнаго долга сполна, а не половины, требуетъ платежа за землю и взноса недоимокъ по круговой порукѣ даже съ такихъ лицъ, которыя никогда не пользовались надѣлами, и т. п. Но если въ подобныхъ случаяхъ сельское общество старается такъ сказать, путемъ несправедливости по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ уменьшить несправедливую тягость, которую приходится нести ему самому по причинѣ слишкомъ высокой выкупной стоимости надѣловъ и т. п., то, съ другой стороны, существуетъ весьма много случаевъ, гдѣ для гнета общины на отдѣльныхъ домохозяевъ нельзя подыскать даже такого оправданія или извиненія.

Пересматривая данныя *Свода* свѣдѣній государственнаго банка объ особыхъ взносахъ по 173 ст., мы находимъ ихъ не въ однихъ только губерніяхъ, гдѣ выкупная ссуда на десятину значительно превышаетъ среднюю цѣнность земли по оцѣнкѣ частныхъ банковъ, какъ, напримѣръ, въ Вологодской, Ярославской, Тверской и Смоленской губерніяхъ. Особые взносы по 173 ст. дѣлаются точно также и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ выкупные платежи ниже средней доходности земли. Такъ, изъ 80,682 р. 63 к., внесенныхъ по этой статьѣ за первое двадцатилѣтіе, на Воронежскую губернію приходится 22,640 р. 65 к. и на Курскую—10,021 р. Между тѣмъ, въ названныхъ губерніяхъ выкупная ссуда на десятину относится къ цѣнности десятины по оцѣнкѣ земельныхъ банковъ какъ 37 р. 89 к. къ 73 р. 04 к. въ Воронежской губерніи и какъ 42 р. 88 к. къ 89 р. 10 к.—въ Курской. При подобныхъ условіяхъ отказъ всякаго члена общины отъ своего надѣла въ пользу общества составляетъ для послѣдняго несомнѣнную выгоду. Этимъ относительно увеличивается общій земельный фондъ общины или доля каждаго остающагося члена тамъ, гдѣ всякій клочекъ земли имѣетъ большую цѣнность. Какимъ же

образомъ можно согласить съ отказомъ отъ подобной земли въ пользу общества еще требованіе съ увольняемаго уплаты половины выкупной ссуды или хотя бы половины выкупнаго долга, остающагося на надѣлѣ? Между тѣмъ, законъ это допускаетъ, а община пользуется имъ, какъ доказываетъ обнародованный государственнымъ банкомъ *Сводъ*.

. Составители положенія 19 февраля при редактированіи 173 ст. положенія о выкупѣ, очевидно, принимали во вниманіе только преобладающіе факты преувеличенныхъ оцѣнокъ надѣльныхъ земель и хотѣли оградить ею интересы общины. Они не предвидѣли того, что экономическія условія жизни могутъ иногда заставить крестьянина даже въ чисто-земледѣльской мѣстности съ относительно умѣренными выкупными платежами бросить свой надѣлъ и идти искать счастья на отдаленныхъ, неизвѣстныхъ ему окраинахъ государства. А, между тѣмъ, сильный приростъ населенія, недостаточность надѣльной земли для прокормленія семьи, отсутствіе по близости земель, которыя можно было бы арендовать, или непомерно высокія арендныя цѣны, недостатокъ въ побочныхъ заработкахъ и т. п.,—все это побуждаетъ нерѣдко болѣе энергичныхъ, предприимчивыхъ крестьянъ, поставленныхъ вѣ. слишкомъ невыгодное, въ указанномъ смыслѣ, положеніе у себя дома, продавши что можно изъ хозяйственнаго инвентаря и домашняго скарба, искать большаго хозяйственнаго приволья въ тѣхъ краяхъ, гдѣ, по доходащимъ до нихъ слухамъ, земли много и она нипочемъ.

Само собою разумѣется, что переселеніе, не говоря уже объ огромныхъ нравственныхъ жертвахъ, на которыя рѣшаются крестьяне, покидая ту осѣдлость, гдѣ жили ихъ отцы и дѣды, ихъ близкіе, почти всегда связано съ большимъ рискомъ. Исслѣдованія нашихъ переселеній краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какъ часто переселенцамъ приходится разочаровываться въ своихъ надеждахъ. Нерѣдко голодные, оборванные, прокармливаясь милостынею, возвращаются переселенцы на прежнее мѣсто, гдѣ у нихъ не осталось ни кола, ни двора, или гибнуть на новыхъ мѣстахъ, не справившись, безъ достаточнаго инвентаря и не имѣя денегъ, съ мѣстными условіями жизни. И вотъ, несмотря на все это, переселенцу, кромѣ потери при продажѣ на спосѣ строеній и кое-какой подвижности, приходится еще, въ силу 173 ст. положенія о выкупѣ, за право отказа въ пользу общества отъ своего надѣла, доходность котораго значительно выше выкупныхъ платежей, выплачивать еще половину выкупнаго долга, лежащаго на немъ. Есть ли въ этомъ хотя тѣнь справедливости и возможно ли это поддерживать какими-либо экономическими или иными соображеніями общей пользы?

Въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ мы не только считаемъ желательнымъ отнѣсти обязательнаго взноса по 173 ст., но еще болѣе: вполне справедливо и цѣлесообразно возвращать уходящему крестьянину погашенную часть выкупной ссуды съ переводомъ ея на общество или того домохо-

заявля, которому достанется освобожденный надѣлъ. Единовременная выдача означенной суммы могла бы служить своего рода подъемными деньгами, которыя облегчали бы переселенцамъ устройство хозяйства на новыхъ мѣстахъ. При этомъ условіи вообще было бы легче организовать правильное переселеніе изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ немъ чувствуется потребность, къ обоюдной выгодѣ какъ лицъ переселяющихся, такъ и членовъ общины, остающихся на прежней осѣлости.

VII.

Все, что мы до сихъ поръ говорили, касается преимущественно общины и отношенія къ ней отдѣльныхъ домохозяевъ. Но регулированіемъ коренныхъ передѣловъ и измѣненіемъ 165 и 173 ст. положенія о выкупѣ еще не исчерпывается и не рѣшается вопросъ объ огражденіи поземельной собственности экономически слабыхъ крестьянъ отъ разнаго рода посягательствъ на нее. По 164 ст., наприм., передача крестьянами своего права на участіе въ общемъ владѣніи приобретенною обществомъ землею постороннему лицу поставлено въ зависимость отъ простаго согласія міра, безъ всякаго ограниченія. Такимъ образомъ, постороннія лица, пользуясь своимъ вліяніемъ на сходѣ, могутъ обезземеливать отдѣльныхъ крестьянъ и соединять въ своихъ рукахъ по нѣсколькимъ надѣловъ, хотя бы въ данномъ сельскомъ обществѣ были исконные общинники, нуждающіеся въ землѣ. По 162 ст., отчужденіе земли, принадлежащей общинѣ, можетъ также происходить въ разрѣзъ съ справедливыми интересами большинства, тѣмъ болѣе, что для законности приговора о продажѣ земли по этой статьѣ не требуется даже согласія $\frac{2}{3}$ домохозяевъ. Далѣе, если представить себѣ, что 115 ст. отмѣнена, передѣлы регулированы, право продажи общественной земли ограничено, то и тогда община не можетъ служить прочнымъ оплотомъ противъ обезземеленія массы крестьянъ, такъ какъ мірскіе воротилы поймутъ, что послѣ перехода къ подворному владѣнію для нихъ сдѣлается легко округлять свои надѣлы на счетъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, и обратятся къ этому средству. Законъ требуетъ для перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному согласіе $\frac{2}{3}$ голосовъ, но какъ скоро къ этому будутъ стремиться сильные крестьянскаго міра, добиться законнаго приговора, въ большинствѣ случаевъ, сдѣлается не трудно, такъ какъ для несостоятельныхъ крестьянъ явится соблазнъ въ той возможности достать денегъ подъ обезпеченіе надѣловъ, какая откроется для нихъ, «на основаніи общихъ законовъ», послѣ раздѣленія общинной земли на подворные участки. Отсюда за простою отмѣною 165 ст. и т. п., по всему вѣроятію, обнаружится усиленный переходъ къ подворному владѣнію и мобилизація послѣдняго. Вотъ почему неотчуждаемость надѣловъ необходимо положить въ основу всего аграрнаго законодательства; только этимъ

можно охранить и общину от разрушенія, и подворное землевладѣніе отъ скупки участковъ въ немногія руки. До сихъ поръ подобная скупка, какъ было выше сказано, относительно происходитъ весьма рѣдко, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ губерніяхъ, по которымъ обнародованы соотвѣтственные данныя, т. е. въ губерніяхъ со смѣшанною формою крестьянскаго землевладѣнія. Но въ будущемъ мобилизація неизбежно получитъ широкое развитіе, въ особенности когда крестьяне станутъ пользоваться кредитомъ подъ залогъ надѣльныхъ земель. Выкупная операція хотя и налагаетъ запрещеніе на крестьянскія земли, но это нисколько не мѣшаетъ, напр., такимъ сдѣлкамъ. Крестьянинъ *A* занимаетъ у *B* *n* руб., изъ которыхъ *m* вносится въ казначейство на погашеніе выкупнаго долга, *n—m* получаетъ на руки *A*, причѣмъ *B* приобретаетъ уже всѣ права кредитора въ отношеніи надѣльной земли, принадлежащей *A*. Само собою разумѣется, что чѣмъ значительнѣе цѣнность надѣла и чѣмъ менѣе остается не погашеннымъ выкупнаго долга, тѣмъ легче могутъ совершаться подобныя сдѣлки.

Мысль о возможности залога надѣльныхъ земель уже теперь, повидимому, начинаетъ возникать въ крестьянской средѣ. Пока мы можемъ въ подтвержденіе указать лишь на одинъ фактъ, но фактъ знаменательный, относящійся непосредственно къ вопросу о продажѣ подворныхъ участковъ въ постороннія руки. Въ отчетѣ крестьянскаго поземельнаго банка за 1884 г. мы читаемъ, что «одно изъ отдѣленій просило разъяснить ему: можетъ ли быть данъ имъ ходъ дѣлу о продажѣ крестьянскою земли, составлявшей выкупленный имъ надѣлъ?» Въ данномъ случаѣ «совѣтъ банка нашелъ, что хотя законъ (ст. 169 пол. о вык.) не лишаетъ крестьянъ права отчуждать ихъ надѣлы лицамъ постороннимъ, подъ условіемъ погашенія при этомъ числящагося на каждомъ не выкупленномъ надѣлѣ долга по выкупной ссудѣ, но содѣйствіе крестьянамъ къ отчужденію ихъ надѣловъ вообще не согласуется съ цѣлями крестьянскаго поземельнаго банка». Но само собою разумѣется, что коды скоро на такой существенный вопросъ не находится прямого отвѣта въ законѣ, ничто не мѣшаетъ другому составу совѣта банка рѣшить его совѣсмъ въ иномъ смыслѣ, а что самое главное, въ настоящее время, вслѣдствіе сильнаго возрастанія цѣнъ на земли со времени освобожденія и значительнаго погашенія выкупной ссуды, сдѣланнаго уже крестьянами, выдача частными лицами ссуды подъ крестьянскіе надѣлы можетъ уже практиковаться въ широкихъ размѣрахъ съ гораздо меньшимъ рискомъ, чѣмъ дополнительныя ссуды по вторымъ закладнымъ подъ итѣнія, заложенныя въ частныхъ земельныхъ банкахъ. Предупредить это явленіе теперь было бы весьма своевременно.

Подъ неотчуждаемостью надѣловъ надо, конечно, разумѣть неотчуждаемость ихъ не въ буквальномъ смыслѣ. Земли, приобретаемыя крестьянами съ содѣйствіемъ государства въ формѣ ссудъ и т. п., необходимо лишь

исключить изъ области обыкновенной купли-продажи, залога и т. п., при которыхъ дѣйствуютъ общіе законы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянину не только можетъ, но и должно быть оставлено какъ право отказа отъ земли, такъ и право на вознагражденіе при переходѣ земли въ пользованіе другого лица. Лишить крестьянина тѣхъ сбереженій, которыя онъ или его родственники вносили за землю при уплатѣ выкупной ссуды и т. п., было бы очевидной несправедливостью; точно также нельзя отрицать права крестьянина на возмѣщеніе дѣйствительныхъ улучшеній, сдѣланныхъ его стараніями, на его средства. Это возмѣщеніе могло бы съ пользою для успѣховъ сельскаго хозяйства имѣть мѣсто и при переходѣ или отрѣзкѣ улучшенныхъ участковъ во время передѣловъ общинной земли. Не слѣдуетъ только допускать, чтобы, путемъ продажи, залога и проч., временный владѣлецъ могъ реализовать разницу между выкупною стоимостью и рыночною цѣною на землю въ свою личную пользу, въ ущербъ интересамъ будущихъ поколѣній. Если превращеніе земли въ товаръ, рыночная цѣна котораго опредѣляется путемъ капитализація рентной доходности земли въ данное время, нерѣдко въ корень подрываетъ хозяйство даже крупныхъ землевладѣльцевъ*), то для нашего крестьянскаго хозяйства, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, такое превращеніе равносильно неизбѣжной гибели.

Изъ всего того, что нами было говорено до сихъ поръ, не трудно вывести нѣкоторыя указанія на необходимыя измѣненія въ положеніи 19 февраля, въ видахъ обезпеченія будущности нашего крестьянскаго землевладѣнія, но, конечно, для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса въ подробностяхъ требуется коллективный трудъ центральныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій, земствъ и отдѣльныхъ изслѣдователей, компетентныхъ въ той или иной частности вопроса. Что касается общей постановки вопроса, то цѣлесообразнѣе всего было бы, по нашему мнѣнію, признать всю крестьянскую землю, приобретаемую съ содѣйствіемъ государства, собственностью послѣдняго съ сохраненіемъ за крестьянствомъ неприкосновеннаго вѣчнаго пользованія ею, по окончаніи выкупа, безъ всякихъ специальныхъ платежей, независимо отъ того, будетъ ли она находиться въ общинномъ или подворномъ владѣніи.

Ближайшее и непосредственное регулированіе земельныхъ отношеній можетъ при этомъ быть предоставлено, подъ контролемъ государства, земельной общинѣ или сельскому обществу. Всякій участокъ, сдѣлавшись почему-либо свободнымъ, de jure поступалъ бы тогда въ распоряженіе государства, оставаясь de facto въ рукахъ мѣстнаго крестьянскаго міра, который рѣшалъ бы, кому изъ нуждающихся членовъ сельскаго общества долженъ перейти въ пользованіе освободившейся надѣль. Такимъ обра-

*) См. классическое изслѣдованіе этого вопроса у *Rodbertus'a*: „Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnatz“.

зомъ, съ перенесеніемъ титула земельной собственности съ крестьянъ на государство вовсе не слѣдуетъ связывать представления о ломкѣ существующаго у насъ общиннаго строя; послѣдній можетъ оставаться ненарушимымъ во всемъ томъ, что является выраженіемъ начала справедливости и что мирится съ экономическимъ и социальнымъ прогрессомъ. Но рядомъ съ этимъ необходимо внести въ законъ болѣе опредѣленное понятіе о сельскомъ обществѣ, чѣмъ мы видимъ въ настоящее время.

Распределеніе крестьянъ на сельскія общества, при введеніи положенія 19 февраля, было приурочено, главнымъ образомъ, къ случайному обстоятельству: водворенію данной группы крестьянъ на земляхъ одного помѣщика. Вслѣдствіе этого сельскія общества не только крайне разнообразны по своимъ размѣрамъ, т.-е. по числу дворовъ или по числу душъ, но они то состояются изъ отдѣльныхъ селеній каждое, то нѣсколько селеній образуютъ одно общество, то, наконецъ, части одного селенія входятъ въ составъ различныхъ сельскихъ обществъ. Кромѣ того, въ законѣ понятіе о сельскомъ обществѣ, какъ объ административной единицѣ, часто смѣшивается съ понятіемъ о сельской общинѣ, какъ единицѣ хозяйственной. Само собою разумѣется, что при этихъ условіяхъ не всегда удобно сдѣлать сельское общество полнымъ распорядителемъ землею всѣхъ крестьянъ, приписанныхъ къ нему.

Настоятельная потребность разрѣшенія основныхъ вопросовъ крестьянскаго землевладѣнія, которымъ посвящена предлагаемая статья, вытекаетъ за себя, между прочимъ, кромѣ всего вышензложеннаго, еще одинъ весьма вѣскій доводъ. Въ настоящее время въ высшихъ государственныхъ сферахъ на близкой очереди стоятъ распространеніе выкупной операціи на бывшихъ государственныхъ крестьянъ *). При этомъ объединеніи отдѣльныхъ частей аграрнаго законодательства изъ него вполне своевременно исключить все, что противорѣчитъ основной цѣли реформы, — обезпеченію быта крестьянъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Въ виду первостепенной важности вопроса о реформѣ оброчной подати, мы намѣрены разсмотрѣть его особо, а потому, не останавливаясь на немъ, заканчиваемъ нашу статью пожеланіемъ, чтобы идея закрѣпленія надѣльныхъ земель за крестьянствомъ возможно скорѣе послѣдовательно прошла чрезъ все наше аграрное законодательство, такимъ образомъ, чтобы крестьянскія «положенія», оберегая все свѣтлое и справедливое въ русской общинѣ и не подрывая искусственно ея основъ, охраняли бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ее, такъ и подворныхъ владѣльцевъ отъ всякаго

*) Кстати напомнимъ, что вопросъ о необходимости распространить выкупную операцію на бывшихъ государственныхъ крестьянъ впервые былъ поднятъ въ *Русской Мысли* четыре года назадъ, въ статьѣ *Основные принципы крестьянской реформы и ихъ возможное развитіе* (*Русская Мысль*, июль 1881 г.). См. также нашу книгу: *Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію*. М., 1882 г.

захвата со стороны тѣхъ, въ чьихъ глазахъ главное значеніе земли— служить не орудіемъ труда, а рентнымъ фондомъ. Пусть всякій земледѣлецъ будетъ воленъ бросить земледѣліе и отказаться отъ своего надѣла, пусть за нимъ останется право на результатъ его труда, но пусть покидаемый надѣлъ никогда не выходитъ изъ рукъ кореннаго земледѣльца и не увеличиваетъ экономической силы тѣхъ, кто и безъ этого нѣрѣдко создаетъ свое благосостояніе на нищетѣ другихъ.

Приложеніе къ стр. 74—76.

Случаи, относящіеся къ спорнымъ дѣламъ по особымъ взносамъ и выкупу надѣловъ, доходившіе до разсмотрѣнія правительствующаго сената (см. *Сборникъ рѣшеній перваго департамента правительствующаго сената по крестьянскимъ дѣламъ*, составленный И. Г. Даниловымъ и А. Е. Виноградовымъ. Спб., 1880 и 1885 г.):

I. 1) Ярославской губ., Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, крестьянинъ Кукановъ жаловался на то, что Якимовское сельское общество, по взносу имъ по 165 ст. денегъ на выкупъ 4 надѣловъ, постановило приговоръ о новой разверсткѣ, по которому наложило на него еще одинъ, пятый надѣлъ (*Сборникъ*, т. II, № 183).

2) Той же губерніи крестьянинъ Федоровъ жаловался на то, что общество наложило на него $2\frac{1}{4}$ надѣла, между тѣмъ какъ онъ уже выкупилъ свои $4\frac{1}{2}$ надѣла по 165 ст. (тамъ же, № 185).

3) Крестьянинъ Ярославской губ., перечисленный въ новгородскіе мѣщане, Квашенинъ, въ своей жалобѣ правительствующему сенату говорить, что когда онъ въ 1874 г. просилъ свое общество (Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, д. Андреева) уволить его съ семействомъ для перечисленія въ новгородское мѣщанское общество, съ уплатою по 173 ст. половины выкупной ссуды, то оно отказало ему въ этомъ, требуя, чтобы онъ свой надѣлъ выкупилъ совершенно, т.-е. внесъ за 4 душевыхъ надѣла, въ количествѣ 18 десятинъ 533 р. 34 к., согласно 165 ст., что имъ и было исполнено. Но затѣмъ общество не выдѣляетъ ему означенныхъ 18 десятинъ, продолжая ими пользоваться. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, въ свою очередь, находитъ дѣйствія общества правильными (тамъ же, т. I, № 318).

II. 1) Архангельской губ., Шенкурскаго уѣзда, вдова крестьянина Акинья Тифанова жаловалась на свое сельское общество, вслѣдствіе отказа ей въ выдѣлѣ въ частную собственность 2 душевыхъ надѣловъ, оставшихся послѣ смерти ея мужа и сына, за которые она внесла въ казначейство выкупные платежи въ 1866 г. и которыми она владѣла уже болѣе 10 лѣтъ. Крестьяне Нижнеборецкаго сельскаго общества въ своемъ приговорѣ отъ 20 апрѣля 1878 г., между прочимъ, объяснили, что деньги Тифановой были внесены въ казну безъ вѣдома о томъ сельскаго схода

и что крестьяне землю Тифановой пустыни въ общій раздѣлъ общества, а она получаетъ съ нихъ обратно изъ внесенныхъ ей выкупныхъ платежей причитающуюся ей часть. Мировой съѣздъ и губернское присутствіе, разсмотрѣвъ дѣло, рѣшили его въ пользу общества. Правительствующій сенатъ рѣшеніе губернскаго присутствія отмѣнилъ (т. I, № 282).

2) Ярославской губ. крестьянка Михайлова выкупила одинъ душевой надѣлъ. Общество, въ составъ котораго входилъ надѣлъ, составило тогда приговоръ о снятіи земли съ крестьянки Михайловой. По жалобѣ послѣдней, правительствующій сенатъ призналъ неправильнымъ отказъ губернскаго присутствія въ зачетъ внесенныхъ ею въ казначейство денегъ за одинъ надѣлъ, находившійся въ ея пользованіи (т. II, № 183).

3) Той же губерніи, Мологскаго уѣзда, крестьянка Иванова 22 декабря 1879 г. внесла въ казначейство 266 р. 67 к. для выкупа состоявшихъ въ ея пользованіи двухъ душевыхъ надѣловъ земли, но общество крестьянъ дер. Шаромы 24 февраля 1880 г. составило приговоръ, по которому на выкупъ предоставлялся только одинъ душевой надѣлъ, записанный за племянникомъ просительницы. Мологское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе нашло распоряженіе общества объ отобраніи одного надѣла земли вполнѣ правильнымъ, тѣмъ болѣе, что на 36 личныхъ работниковъ приходилось 44 надѣла, т.-е. менѣе $1\frac{1}{2}$ на cadaго. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе утвердило опредѣленіе уѣзднаго присутствія. Правительствующій сенатъ, по жалобѣ Ивановой, призналъ приговоръ общества объ отобраніи отъ нея одного душеваго надѣла недѣйствительнымъ, какъ постановленный по взносу уже выкупной ссуды (т. II, № 183).

4) Изъ дѣла крестьянина Куликова, Ярославской же губерніи, оказывается, что онъ душевымъ надѣломъ не пользовался и общество, соглашаясь уплачивать за него, сняло съ него выкупные платежи; между тѣмъ, позднѣе Куликовъ вноситъ въ казначейство деньги за одинъ надѣлъ и на отказъ губернскаго присутствія въ зачетъ этихъ денегъ приноситъ жалобу правительствующему сенату, который признаетъ дѣйствія губернскаго присутствія неправильными и несогласными съ законами (т. II, № 183).

5) Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда, крестьянинъ Тимоеевъ въ началѣ іюня 1880 г. представлялъ въ уѣздное казначейство деньги для выкупа 4-душеваго надѣла, но отъ него денегъ не приняли, такъ какъ въ представленныхъ имъ удостовѣреніяхъ волостнаго старшины и сельскаго старосты не было объяснено, кому онъ выданъ и сколько за нимъ числится надѣловъ; между тѣмъ, выдача новаго свидѣтельства замедлилась со стороны старшины до 17 августа, а въ этотъ промежутокъ, 4 іюня, крестьяне дер. Еремѣева составили приговоръ о скидкѣ и накладкѣ тяголъ съ нѣкоторыхъ однопоселенцевъ, отобравъ въ томъ числѣ одинъ надѣлъ отъ Тимоеева въ пользу крестьянина Варламова. Этотъ приговоръ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе признало не-

дѣйствительнымъ только на томъ основаніи, что онъ составленъ не въ обычное время передѣла и не можетъ быть осуществленъ; губернское же присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ утвердило опредѣленіе уѣзднаго присутствія, основываясь, главнымъ образомъ, на томъ, что крестьянинъ Тимошеевъ, пользуясь 4-душевымъ надѣломъ, пожелалъ выкупить весь этотъ участокъ ранѣе скидка съ него одного тягла по приговору общества. Въ данномъ случаѣ сенатъ сталъ на сторону общества и призналъ опредѣленіе крестьянскихъ присутствій неправильнымъ (т. II, № 183).

6) Крестьянка Суковатикова внесла въ вологодское губернское казначейство 200 руб. на выкупъ двухъ душевыхъ надѣловъ земли, оставшихся послѣ ея мужа, что и было крестьянскимъ присутствіемъ зачтено ей. Опредѣленіе это, однако, было отмѣнено сенатомъ по жалобѣ общества, на томъ основаніи, что Суковатиковой были внесены деньги за тѣ надѣлы, которые еще не были за ней утверждены сельскимъ сходомъ по смерти ея мужа (т. II, № 281).

7) Нижегородской губерніи крестьянинъ Сазановъ внесъ 473 р. 28 к. для выкупа въ личную собственность отведенныхъ ему Ушаковскимъ обществомъ 4 душевыхъ надѣловъ, состоявшихъ въ его пользованіи около десяти дѣтъ. Крестьяне названнаго общества въ приговорѣ отъ 17 января 1881 г. заявили по этому поводу, что Сазановъ въ дѣйствительности имѣетъ право лишь на два душевыхъ надѣла, которые только и можетъ выкупить, другіе же два надѣла предоставлены ему обществомъ лишь во временное пользованіе. Губернское присутствіе, основываясь на заявленіи общества, сообщило казенной палатѣ о зачетѣ внесенныхъ просителемъ денегъ лишь за два надѣла, съ возвращеніемъ остальныхъ обратно просителю. Это опредѣленіе губернскаго присутствія было обжаловано Сазановымъ правительствующему сенату, который отмѣнилъ его, какъ неправильное (т. II, № 187).

8) Точно также по жалобѣ крестьянъ А. и П. Балтавскихъ сенатъ призналъ неправильнымъ постановленіе симбирскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое признало за Балтавскими право на выкупъ пяти надѣловъ по числу душъ, а не шести, которыми они пользовались въ моментъ взноса выкупныхъ денегъ въ казначейство (т. II, № 177).

9) Бывшіе крестьяне Ярославской губерніи, Даниловскаго уѣзда, нынѣ мѣщане, Григорьевъ, Михѣевъ, Даниловъ, Авдотья Васильева, Никифоръ Ивановъ и купецъ Михайловъ просили выдѣлить выкупленные ими по 165 статьѣ участки земли къ одному мѣсту. Въ отвѣтъ на это сельское общество составило приговоръ въ такомъ смыслѣ, что оно выкупленную ими землю отрѣзать къ одному мѣсту не желаетъ, а желаетъ, чтобы земля осталась въ обществѣ или же чтобы просители обратно перечислились въ общество, тогда и землю общество дозволяетъ имъ пользоваться. Находя такой отказъ общества неправильнымъ, названныя выше лица просили уѣздное присутствіе сдѣлать распоряженіе объ отрѣзкѣ имъ, по возможности къ одному мѣсту, выкупленной ими земли по дер.

Жаръ, чрезъ уѣзднаго землемѣра, и выдать имъ планъ для представленія въ губернское присутствіе. Уѣздное присутствіе, а затѣмъ и губернское, оставило просьбу просителей безъ послѣдствій. Правительствующій сенатъ, однако, нашелъ неправильнымъ отказъ ярославскаго губернскаго го крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ ходатайствѣ просителямъ объ обязаніи сельскаго общества по выдѣлу имъ участковъ къ одному мѣсту, для полученія на оныя данныхъ (т. II, № 190).

10) Крестьянка Михайлова продала отведенную ей въ надѣлѣ усадьбу мѣщанину Дмитріеву безъ разрѣшенія Дубравинскаго сельскаго общества. Условіе объ этой продажѣ было засвидѣтельствовано волостнымъ правленіемъ. Волоколамское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе признало дѣйствія волостнаго правленія незаконными, а сдѣлку недѣйствительною, какъ противорѣчащую смыслу 109 ст. мѣст. великоросс. пол., что было утверждено и губернскимъ присутствіемъ. Правительствующій сенатъ призналъ, что хотя уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и имѣло достаточное основаніе къ признанію дѣйствія волостнаго правленія незаконнымъ, но, съ другой стороны, было не въ правѣ заключать о недѣйствительности сдѣлки между крестьянкою Михайловою и мѣщаниномъ Дмитріевымъ, такъ какъ это, на общемъ основаніи существующихъ законовъ и стг. 96 и 97 общ. пол. о кр., зависитъ отъ усмотрѣнія подлежащаго судебнаго мѣста (т. II, № 272).

11) По смерти крестьянина Николаева (Владимірской губерніи) въ его усадьбѣ остались наследниками жена его Неонила Алексѣева и дочь Наталья. Неонила Алексѣева съ дочерью перешла на жительство въ другое селеніе, а усадьбу свою продала вмѣстѣ съ постройками однообщественному крестьянину Николаеву. Правительствующій сенатъ, по жалобѣ Исаева, призналъ, что по точному смыслу 35 ст. общ. пол. и 164 ст. полож. о выкупѣ, Неонила Алексѣева имѣла право уступить оставшуюся по смерти мужа усадьбу однообщественнику, даже безъ согласія на то сельскаго общества, а потому сельскій сходъ не имѣлъ права распоряжаться означенною усадьбою, такъ какъ къ усадьбѣ той остались наследники (т. II, № 274).

III. Крестьянинъ Епифанскаго уѣзда, дер. Задонской, Хазовъ продалъ свои усадебныя постройки и отправился въ Уфимскую губернію для пріисканія новаго мѣстожительства. По возвращеніи его оттуда, общество отказалось возратить ему усадьбу. По жалобѣ Хазова, правительствующій сенатъ, имѣя въ виду, что проситель изъ общества не былъ уволенъ, нашелъ, что усадебная осѣдность его не могла считаться упраздненной, а потому епифанское уѣздное и тульское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствія не имѣли законнаго основанія къ признанію за задонскимъ обществомъ права распорядиться принадлежащею просителю усадебною землей (т. II, № 275).

Л. Ходскій.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Успѣхи общественныхъ наукъ.

Развитіе такъ называемой социологіи.—*Очеркъ sociologie (Grundriss der Sociologie)* Гумпловича.—Соціологическія работы въ Россіи (*Исторія общественности* г. Стренина).—Разъясненіе связи между социальными, экономическими и юридическими явлениями.—Успѣхи русской юриспруденціи.

Полулатинское, полугреческое слово «соціологія», введенное Огюстомъ Контомъ, вошло въ настоящее время во всеобщее употребленіе, благодаря значительнымъ успѣхамъ той отрасли знанія, названіемъ которой оно служить. Въ Англіи, въ Германіи, отчасти у насъ появлялись и появляются труды въ томъ направленіи, обрабатывающіе вопросы сосуществованія и послѣдовательности общественныхъ явленій по тому методу, который былъ установленъ знаменитымъ французскимъ мыслителемъ. Въ самой Франціи социологія имѣла послѣ Конта меньше успѣха, чѣмъ въ Англіи и Германіи. Нѣмецкіе и англійскіе писатели собрали и отчасти обработали громадный матеріалъ, въ сравненіи съ которымъ оказываются незначительными тѣ обширныя свѣдѣнія, которыми обладалъ Контъ. Масса второстепенныхъ вопросовъ получила вслѣдствіе этого новую постановку; но лишь у Герберта Спенсера встрѣчаемъ мы удачную во многихъ отношеніяхъ попытку всесторонней и систематической обработки социологіи. Въ сочиненіяхъ Бастіана, Липперта, Лиленфельда, Поста и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ писателей накопилось къ настоящему времени немало вѣрныхъ и глубокомысленныхъ выводовъ и замѣчаній, и однимъ изъ доказательствъ относительно высокаго въ Германіи развитія социологіи служить появленіе книги, систематически излагающей основанія этой науки.

Профессоръ государственныхъ наукъ въ Грацкомъ университетѣ, Лудвигъ Гумпловичъ, извѣстный уже своими научными работами *), напечаталъ въ нынѣшнемъ году книгу, которая заключаетъ въ себѣ, по

*) *Ludwig Gumplowicz*: „Philosophisches Staatsrecht“. 1877; „Das Recht der Nationalitäten und Sprachen in Oesterreich - Ungarn“. 1879; „Rechtsstaat und Socialismus“. 1881; „Verwaltungslehre“. 1882; „Der Rassenkampf. Sociologische Untersuchungen“. 1883.

нашему миѣнію, немало плодотворныхъ соображеній. Не вдаваясь въ полемику съ нѣкоторыми положеніями автора, которыя представляются намъ невѣрными или односторонними, изложимъ въ краткихъ чертахъ основные взгляды Гумпловича.

Соціальныя явленія обусловливаются совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ людей. Иными словами: всѣ государственныя, юридическія и хозяйственныя отношенія между людьми суть явленія соціальныя. Исслѣдованіе законовъ въ области этихъ явленій и составляетъ задачу социологіи. Но что такое соціальныя законы? Для удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо припомнить понятіе закона природы. Законъ въ послѣднемъ смыслѣ есть установленное единообразіе въ послѣдовательности или сосуществованіи явленій. Отношеніе между собою различныхъ соціальныхъ группъ, образованіе различныхъ формъ обществитія, развитіе и паденіе послѣднихъ представляютъ рядъ подобныхъ единообразій. Необходимо только избѣгать ошибки, въ которую такъ часто впадаютъ ученые: не слѣдуетъ распространять законовъ явленій органическихъ на общественныя, и наоборотъ: не должно выставлять за всеобщее то, что составляетъ особенность лишь міра физическаго, и т. д. Слѣдуетъ, прежде всего, выдѣлять такіе законы, которые составляютъ общую принадлежность явленій аорганическихъ, органическихъ, психическихъ и общественныхъ. Такихъ законовъ Гумпловичъ указываетъ нѣсколько: 1) *Законъ причинности*, по которому каждое явленіе вызывается предшествовавшимъ. Дѣйствіе отдѣльнаго человѣка не можетъ создать или измѣнить общественнаго явленія, которое находится въ причинной зависимости лишь отъ общественныхъ же явленій. 2) *Законъ развитія*, распространяющійся на всѣ явленія, доступныя научному наблюденію. 3) *Законъ планомерности развитія* (*Das Gesetz der Regelmässigkeit der Entwicklung*), дознанный и въ мірѣ социальномъ, въ развитіи права, хозяйства, языка. 4) *Законъ периодичности*, по которому повсюду, гдѣ происходитъ развитіе, происходитъ повторная смѣна начала, разцвѣта и паденія *). 5) *Законъ сложности*, т.-е. констатированіе того факта, что въ мірѣ явленій переплетаются различныя элементы, а это обусловливаетъ возможность и необходимость анализа, то-есть разложенія сложныхъ фактовъ на ихъ простѣйшія составныя части, и т. п. 6) *Законъ взаимодѣйствія разнороднаго*, который является необходимымъ послѣдствіемъ предшествоващаго закона. Разнородныя соціальныя группы, которыя составляютъ элементы или простѣйшіе факторы соціальныхъ явленій, вполне подходятъ и подъ этотъ законъ. 7) *Всеобщая цѣлесообразность* также составляетъ, по миѣнію Гумпловича, общую принадлежность всѣхъ явленій. Эту цѣлесообразность авторъ понимаетъ, впрочемъ, въ слѣдующемъ смыслѣ: всеобщее взаимно-

*) Этотъ законъ круговорота или повторяемости общественныхъ формъ развитія не можетъ, однако, считаться доказаннымъ, вопреки утвержденію австрійскаго ученаго.

дѣйствию разнороднаго повсюду производитъ состоянія, которыя благоприятствуютъ дальнѣйшему развитію соотвѣтственныхъ явленій. Ниже мы представимъ нѣсколько замѣчаній по поводу этого утвержденія Гумпловича. 8) *Одинаковость въ существѣ силъ* (*Wesensgleichheit der Kräfte*) Гумпловичъ признаетъ, равнымъ образомъ, и въ физическомъ, и въ психическомъ, и въ сознательномъ мірѣ. Мысль, чувство, воля *одинаковымъ образомъ* (*auf gleiche Weise*), — съ этимъ едва ли согласятся психологи, — двигателями дѣйствіями человѣка съ незапамятныхъ временъ и до нашихъ дней. 9) Слѣдствіемъ такой одинаковости въ существѣ силъ является, конечно, и одинаковость въ существѣ производимыхъ ими результатовъ, *Wesensgleichheit der Vorgänge*. Тепловая сила солнечныхъ лучей всегда порождаетъ одинаковые растительные процессы; камчадалъ поетъ пѣсню, также какъ и французъ; китайскій мудрецъ тысячелѣтія тому назадъ философствовалъ такъ же въ существѣ, какъ философствовалъ Кантъ. Всегда и вездѣ государство, право, религія, языкъ возникаютъ существенно одинаковымъ образомъ. 10) *Закономъ параллелизма* Гумпловичъ кончаетъ свой перечень всеобщихъ законовъ. Сходныя явленія, сходно развивающіяся и преходящія, встрѣчаемъ мы повсюду, не постигая причины такого сходства или параллелизма явленій и приписывая ихъ тождеству дѣйствующихъ силъ. Для Гумпловича этотъ законъ имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ грацскій профессоръ возстаетъ противъ единства происхожденія человѣческаго рода.

Эти «законы», до раскрытія которыхъ было возможно дойти путемъ наблюденія, опыта и размышленія, Гумпловичъ только для удобства изложенія, въ цѣляхъ дидактическихъ, ставитъ въ началѣ своего труда, за краткимъ обзоромъ развитія социологіи. Задачею послѣдней является, съ одной стороны, представленіе доказательствъ, что упомянутые всеобщіе законы распространяются и на область явленій общественныхъ, а съ другой стороны, точное указаніе тѣхъ особенностей, которыя составляютъ исключительную принадлежность міра социальныхъ отношеній. Какъ первоначальный и простѣйшій социальный элементъ, Гумпловичъ беретъ первобытную группу людей, связанныхъ единствомъ происхожденія *). Разнообразныя сочетанія этихъ группъ ведутъ къ образованію племенъ, государствъ, націй. Кромѣ взаимодѣйствія этихъ усложняющихся элементовъ, социологія имѣетъ дѣло и съ ихъ раздѣльнымъ и совокупнымъ вліяніемъ на отдѣльнаго человѣка, то-есть съ явленіями социально-психическими. Гумпловичъ съ особенною настойчивостью предостерегаетъ противъ увлеченій индивидуалистическою точкою зрѣнія, противъ предположенія, что человѣкъ, а не социальная группа, является элементомъ въ социальныхъ отношеніяхъ. Для измѣненія въ состояніи каждой обществен-

*) Гербертъ Спенсеръ говоритъ: „We have seen that social evolution begins with small simple aggregates“.

ной группы должно быть всегда достаточное основание; опыт и история показывают, что таким достаточным основанием может быть лишь влияние другой социальной группы, прямое или косвенное. Социальное развитие поэтому начинается только с момента столкновения или сближения разнородных общественных групп, разнородных по происхождению, по языку, организации, занятиям, характеру и т. п. Когда одна из социальных групп подчиняет себя другую, тогда возникает государство. Основателем его всегда является меньшинство *), которое господствует над большинством вследствие лучшей организации или превосходства физического, а также и духовного в некоторых отношениях,—группы победителей над группой или группами побежденных. Таким образом, государство, по Гумпловичу, есть организация господства меньшинства над большинством. На первых порах победителей и побежденных разделяло племенное различие, которое впоследствии смягчалось и сглаживалось, замѣняясь различиями сословными, экономическими, нравственными, умственными, политическими. Пользование рабочими силами большинства принимало самые разнообразныя формы, съ тяжелого рабства черезъ крѣпостное состояніе до современной зависимости труда отъ капитала. За эпохою грубаго насилія возникаетъ право, которое, по мнѣнію Гумпловича, есть упорядоченіе неравенства (*eine Ordnung der Ungleichheit*), то-есть неровно-распределенной работы, что составляетъ существенное содержаніе государства. Изъ состоянія первоначальной нищеты и свободы первобытная орда выходитъ, подчиняя себя другую орду или сама подчиняясь ей. Гумпловичъ полагаетъ, что стремленіе къ порабощенію другихъ въ свою пользу, къ эксплуатаціи социальными группами силъ и средствъ другихъ группъ составляетъ неистребимую принадлежность общежитія, что борьба за существованіе между классами и государствами не можетъ быть устранена. «Горе побѣжденнымъ!»—слышится въ началѣ развитія народовъ. «Горе побѣжденнымъ!»—звучитъ и при концѣ этого развитія; но самъ Гумпловичъ прибавляетъ къ послѣднему: «часто», стало быть, можетъ и не звучать, прибавимъ мы.

Грацскій профессоръ справедливо указываетъ, что отношенія, которыя установились насиліемъ, впоследствии поддерживаются и укрѣпляются привычкою. Дѣйствительно, история представляетъ множество примѣровъ того рабьяго духа, тѣхъ холопныхъ привычекъ, которыя являлись результатомъ продолжительнаго угнетенія меньшинствомъ большинства. Но не однимъ прямымъ насиліемъ устанавливается владычество социальныхъ группъ надъ другими. Въ новое время среднее сословіе, буржуазія, приобрьло господство надъ рабочими классами, имѣя исходнымъ пунктомъ владѣніе имуществомъ. Другія общественныя группы, нуждаясь въ материальныхъ средствахъ, принуждены были, въ большей или меньшей сте-

*) А Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты?

вещи, подчиниться буржуазии, работать въ ея интересахъ. Подчиняются, конечно, не однѣ матеріальныя, но и духовныя нужды, почему мы видимъ въ числѣ господствующихъ группъ и жреческія сословія *). Слѣдуетъ отмѣтить, что съ развитіемъ благосостоянія группы возрастаетъ число интересовъ, связующихъ между собою отдѣльныхъ членовъ группы, въ которой, такъ сказать, увеличивается сила сцѣпленія. Этимъ объясняется та сила, которую обнаруживаетъ въ исторіи меньшинство, держащее въ своемъ распоряженіи громадныя народныя массы, съ слабымъ развитіемъ въ послѣднихъ сознанія, съ одними только матеріальными интересами. И поэтому-то, — прибавимъ мы, — такое великое, первенствующее значеніе принадлежитъ образованію рабочихъ классовъ, развитію и укрѣпленію въ нихъ духовныхъ интересовъ на ряду съ правильнымъ сознаниемъ своихъ экономическихъ потребностей и наилучшихъ путей для ихъ удовлетворенія. Гумпловичъ вѣрно замѣчаетъ, что безъ опредѣленной организаціи невозможно социальное развитіе. Та общественная группа, которая добилась права законодательства, имѣетъ важное преимущество, занимаетъ могущественную позицію.

Мы упомянули уже, что социальныя явленія подчиняются, по мнѣнію Гумпловича, закону періодической смѣны. Естественно поэтому, что австрійскій ученый высказываетъ фаталистическій взглядъ на исторію развитія народовъ. Дѣйствіями ордъ, обществъ и государствъ, — говоритъ онъ, — управляетъ слѣпой законъ природы (стр. 152). Въ социальной борьбѣ будетъ вѣчный круговоротъ отъ свободы къ порабощенію и обратно (стр. 155). И, однако, исторія, будто бы, творитъ лишь разумное (стр. 160). Общество имѣетъ, будто бы, всегда вѣрный инстинктъ, хотя каждый изъ его членовъ можетъ заблуждаться (стр. 149). Защищая такой взглядъ, нельзя говорить о нравственномъ или безнравственномъ въ социальной борьбѣ, то-есть въ борьбѣ, которая ведется не лицами, а общественными группами. Гумпловичъ такъ и дѣлаетъ: нападеніе сильнаго народа на слабый и разгромъ послѣдняго такъ же неосновательно, — говоритъ авторъ *Очерка социологии*, — назвать преступленіемъ, какъ и землетрясеніе, погубившее множество людей (стр. 157). Но въ этомъ очеркѣ мы находимъ и счастливыя противорѣчія. Такъ, на той же страницѣ Гумпловичъ высказываетъ справедливую мысль, что «всякая попытка насильственного подчиненія и уничтоженія исторически образовавшейся національности есть, во всякомъ случаѣ, нѣчто безнравственное и безчеловѣчное». «Безнравственность социальной борьбы, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 150 и 151), — глубоко оскорбляетъ наше нравственное чувство». Конечно, общество, государство оскорбляться такимъ образомъ не могутъ; но самъ Гумпловичъ указываетъ на мощь идей, на великое значеніе пра-

*) Гумпловичъ сомнѣвается въ успѣхъ всеобщей воинской повинности. Потребность въ защитѣ государства вызываетъ, по его мнѣнію, необходимость особаго военнаго сословія (Militärstand).

ва, полагающаго человѣку и обществу границу, у которой возникает долгъ, обязанности.

Четвертая глава книги Гумпловича посвящена «индивидууму и социальнo-психическимъ явленіямъ». Въ области общественныхъ наукъ издѣвна борются индивидуализмъ съ коллективизмомъ. И та, и другая точки зрѣнія въ одинаковой мѣрѣ отличаются односторонностью. Человѣкъ связанъ съ обществомъ кровнымъ происхожденіемъ, обычаями, способомъ мышленія, и поэтому его эгоизмъ есть социальный, его симпатія—соціальная. Въ гармоническомъ совмѣстномъ дѣйствіи социальныхъ группъ лежитъ единственно возможное разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ — насколько оно возможно,—прибавляетъ Гумпловичъ. Величайшая ошибка,—продолжаетъ онъ,—утверждать, что мыслить человѣкъ. Только исключительные люди поднимаются до извѣстной степени надъ воспитавшею ихъ средой, а въ среднемъ человѣкѣ выражаются лишь социальныя мысли и чувства, социальный вкусъ и воззрѣнія. Индивидуумъ улучшается лишь тогда, когда измѣняется въ лучшему вся общественная обстановка, когда образованіе проникаетъ въ глубину народныхъ массъ. Поэтому-то и существуютъ національные типы. Всякій знаетъ, что въ французѣ, нѣмцѣ, итальянцѣ выражается нѣчто, неподдающееся опредѣленію и характеризующее данную національность. Это «нѣчто» налагается на отдѣльнаго человѣка совокупностью условій, воспитывающихъ человѣка въ семьѣ и въ общественной средѣ, и опредѣляется, главнымъ образомъ, духовнымъ, умственнымъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ социальной обстановки. Национальный типъ,—говоритъ Гумпловичъ,—не антропологическій, а социальный фактъ.

Одну изъ особенностей книги грацскаго профессора составляетъ ученіе, по которому вѣчно мѣняющаяся мораль почти рабски слѣдуетъ за правомъ, а право выражаетъ собою соотношеніе социальныхъ группъ, служить выраженіемъ ихъ силъ. Перемѣны въ правѣ, въ законодательствѣ,—замѣчаетъ Гумпловичъ,—очевидны и всегдѣ доступны. Не то происходитъ съ нравственностью. Жизнь человѣка составляетъ мгновеніе въ измѣненіяхъ морали, и человѣкъ не можетъ самъ услѣдить за такимъ измѣненіемъ, вслѣдствіе чего мораль и представляется ему постоянною. Только историкъ и философъ отмѣчаютъ глубокія перемены въ нравственныхъ воззрѣніяхъ и чувствахъ многихъ поколѣній. Гумпловичъ признаетъ, однако, что человѣчество нуждается въ путеводномъ идеалѣ, въ такихъ нравственныхъ идеяхъ, которыя бы направляли его при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Отдѣльное лицо твердо убѣждено, что обладаетъ въ этомъ отношеніи вѣчною и полною истиною, которая на самомъ дѣлѣ недоступна ему, и въ подобномъ убѣжденіи пріобрѣтаетъ прочную точку опоры для своей дѣятельности. Какая бѣда для сельскаго хозяина, что почва, на которой онъ стоитъ и которую обрабатываетъ, мчится, какъ частица зѣмнаго шара, въ мировомъ пространствѣ? Какое дѣло человѣку

до того, что его мораль не будетъ удовлетворять другихъ поколѣній? Для этого-то человѣка она является единственно вѣрною. Только въ себѣ самой находить личность опорю для нравственнаго сужденія и для соответственнаго образа дѣйствія. Лишь эти личные идеи и чувства утѣшаютъ и радуютъ человѣка, лишь они облагораживаютъ его. Но дѣйствительное счастье люди могутъ находить, по мнѣнію Гумпловича, въ области науки, искусства, техники, въ области же эконолической и государственной жизни всѣ лучшія стремленія людей разбиваются о безпощадную естественную необходимость. Здѣсь вѣчно будетъ царить неравенство, и только мудрое самоотреченіе (*kluge Resignation*) можетъ нѣсколько смягчить зло и страданія.

Гумпловичъ принадлежитъ къ мыслителямъ-пессимистамъ, для которыхъ масса людей представляется неразумною, безпечною, грубо эгоистическою, и таковою всегда будто бы должна оставаться. Но въ этомъ случаѣ нѣмецкій ученый преступаетъ предѣлы того, что можетъ быть утверждаемо съ достовѣрностію. Современное состояніе психологій и социологій не дозволяетъ выставлять столь серьезныхъ положеній, и оптимизмъ въ данномъ случаѣ имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, столько же данныхъ за себя, какъ и пессимизмъ. Труднѣе быть оптимистомъ, когда разсуждаютъ о неизбѣжныхъ космическихъ процессахъ, въ концѣ которыхъ землѣ грозитъ гибель, и, говоря о всей человѣческой культурѣ, спрашиваютъ, какъ Гелльвальдъ: къ чему все это (*Wozu*)?

Русскій ученый, г. Стронинъ, поступаетъ гораздо осторожнѣе. Онъ говоритъ, что «та половина науки, которая можетъ быть названа статикою и которая должна соответствовать идеямъ сосуществованія, солидарности, находится, по крайней мѣрѣ, въ горнилѣ. У нея есть уже и имя: это *соціологія*. Но та, которая имѣетъ быть соціальною динамикомъ, которая должна отвѣчать идеямъ послѣдовательности, преемственности, прогресса, еще и не пробуетъ почти выбиваться изъ своего чисто-фактическаго періода». Г. Стронинъ признаетъ въ этомъ отношеніи выдающееся значеніе лишь за трудами Конта, Бокля, Литтре и Спенсера. Въ наукѣ соціальной (между прочимъ, и въ политической исторіи) одно обобщеніе совершившихся фактовъ ничего не значитъ, потому что въ будущемъ такое обобщеніе можетъ быть опровергнуто новыми фактами. «Такъ, наблюдатель, помѣщенный на точкѣ зрѣнія Аристотеля и не видѣвшій фактовъ христіанской цивилизаціи, имѣлъ полное право, въ силу однихъ обобщеній его прошедшаго и настоящаго, заключать, что рабство есть учрежденіе вѣчное, неотъемлемое отъ общегитія, — и ни одно исключеніе не могло еще тогда опровергнуть его». Факты общественные всегда являются результатомъ причинъ троякаго рода: ихъ вызываютъ, во-первыхъ, причины естественныя, законы физической природы, какъ это доказываетъ, напримѣръ, Бокль; во-вторыхъ, причины общественныя, то-есть какія-нибудь свойства предшествовавшего или современнаго построения и

отправления обществъ, что раскрываетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ Гизо, напимѣрь, и, въ-третьихъ, причины психологическія, то-есть участіе чувствъ, интересовъ, способностей ума. Поэтому-то обобщеніе фактовъ должно сопровождать обобщеніемъ причинъ этихъ фактовъ. По гипотезѣ, принимаемой г. Строниннымъ, политическая или культурная кора состоитъ изъ нѣсколькихъ формаций совершенно различнаго состава: изъ патріархальной (самой древней), государственной (современной) и международной (будущей). Эти формации подраздѣляются г. Строниннымъ на второстепенныя напластованія, и русскій ученый выступаетъ въ данномъ случаѣ съ довольно смѣлыми предположеніями. Первое наслоеніе послѣдней формации есть государство городское, муниципальное; другое—областное, національное, которое состоитъ изъ всѣхъ современныхъ государствъ Европы и Америки; третье, по мнѣнію г. Стронина, —расовое, континентальное, которое есть только ожидаемое, только имѣющее еще образоваться поверхъ современнаго міра и на его развалинахъ, а также и рядомъ съ ними, на новыхъ территорияхъ, въ новыя тысячелѣтія и изъ новыхъ расъ». Въ этихъ континентальныхъ государствахъ будущаго г. Стронинъ предполагаетъ, —«надо предположить»,—говоритъ онъ, преобладаніе какихъ-нибудь расъ надъ цѣлыми континентами. «Что касается,—продолжаетъ авторъ,—формаций международныхъ, долженствующихъ упразднить всякую государственность и соединить міръ сперва въ нѣсколько, а потомъ, быть можетъ, и въ единственную общечеловѣческую космополитію, то такое состояніе человѣчества составляетъ собою еще болѣе отдаленное и, во всякомъ случаѣ, послѣднее изъ возможныхъ политическихъ чаяній». Важно лишь то, что это чаяніе не только не противорѣчить, по мнѣнію г. Стронина, строго-научнымъ изслѣдованіямъ законовъ, управляющихъ ходомъ развитія человѣчества, а прямо основывается на соображеніяхъ, которыя соответствуютъ результатамъ уже произведенной научной работы.

Вопросамъ права отведено въ сочиненіи г. Стронина весьма значительное мѣсто (болѣе 300 страницъ изъ 767). «Въ качествѣ органическаго продукта культуры,—говоритъ авторъ,—право самымъ скрупулезнымъ образомъ отражаетъ въ себѣ и всякую социальную организацію, и великую социальную политику». Гдѣ есть совокупность нѣсколькихъ человѣкъ, тамъ есть и такая или иная дѣятельность ихъ и борьба, а, слѣдовательно, и необходимый продуктъ этой борьбы—право, въ его разнообразныхъ выраженіяхъ. Въ главѣ, посвященной праву патріархальному, г. Стронинъ пользуется преимущественно сочиненіями Мона. Въ новое время у народовъ, усвоившихъ себѣ демократическое (въ сущности, покуда болѣе или менѣе замаскированное тимократическое) устройство, совершился громадный переворотъ: старое семейное, патріархальное право подрывается въ основаніяхъ, падаютъ *patria potestas*, *manus mariti*. Если въ нашихъ кодексахъ семейное право продолжаетъ еще фигурировать, то скорѣе по рутинѣ, чѣмъ по надобности, и въ недалекомъ будущемъ, говоритъ г. Строн-

нать, не останется мѣста для правовой исторіи семьи, а останется оно только для нравственной. Другую особенность новаго права составляет возникновеніе и широкое уже развитіе экспроприаціи, то-есть права отчужденія частнаго имущества для общественныхъ надобностей. «Принципъ этотъ въ нынѣшнемъ его примѣненіи весьма, конечно, скромнѣе, предлагается въ случаяхъ рѣдкихъ и исключительныхъ и не имѣетъ ничего въ себѣ угрожающаго для священности и неприкосновенности частнаго вещнаго права. Но стоитъ лишь въ будущемъ истолковать общественныя надобности нѣсколько шире, изъ случайныхъ сдѣлать ихъ систематическими,—и онъ въ состояніи перевернуть вверхъ дномъ всѣ римскія понятія объ этомъ предметѣ. Уже и теперь исторія знаетъ два-три примѣра не частнаго, а всеобщаго, и, притомъ, колоссальнаго примѣненія этого вещнаго права государствъ, а именно въ русской и сѣверо-американской экспроприаціи правъ собственности». Г. Стронинъ основательно полагаетъ, что это начало, въ союзѣ съ правомъ государства на выморочныя имущества, въ состояніи измѣнить всю систему поземельной собственности. Наряду съ этимъ происходитъ сильный ростъ договорнаго начала, который особенно знаменателенъ и благодѣтеленъ въ области права государственнаго, въ дѣлѣ общественной организаціи.

Несомнѣнно, что новое направленіе въ изученіи и оцѣнкѣ юридическихъ явленій, новое отношеніе къ праву римскому должно сопровождаться плодотворными послѣдствіями. Старому, рутинному превознесенію римскаго права, въ которое юристы стремились втискивать правовыя отношенія, новыя и по содержанію, и по формѣ, нанесено уже нѣсколько сильныхъ и мѣткихъ ударовъ. Съ большимъ удовольствіемъ мы должны отмѣтить, что въ данномъ случаѣ русская наука, въ числѣ немногихъ, впрочемъ, своихъ представителей, заняла почетное положеніе. Особенное значеніе имѣютъ труды г. Муромцева, о которыхъ намъ приходилось уже нѣсколько разъ говорить. Очень высоко ставитъ этого ученаго пражскій профессоръ Эсмархъ (переводчикъ брошюры г. Муромцева о догмѣ права). Прошло то время,—заключаетъ свое предисловіе къ переводу Эсмархъ,—когда русская юридическая литература носила, главнымъ образомъ, подражательный характеръ. Въ области гражданскаго права особенно плодотворно было вліяніе преподавательской дѣятельности ученика Савиньи, Брылова. Теперь появляются въ Россіи сочиненія, въ которыхъ русскіе съ процентами платятъ западно-европейской наукѣ за заимствованіе у нея, и въ числу такихъ сочиненій относятся *Гражданское право древняго Рима* *), *Отрѣдѣленіе и основное раздѣленіе права* и брошюра *Что такое догма права?* г. Муромцева. Этому плодотворному направленію, прибавимъ мы, служить и издаваемый въ Москвѣ *Юридическій Вѣстникъ*. Въ его про-

*) Эсмархъ говоритъ: „Ein Buch, welches, wie wenige, der Leser in den inneren Schöpfungsprocess des Röm. Rechts einzuführen geeignet ist“.

грамму входят вопросы «научной и практической юриспруденции, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ последнее время». Вопросы экономическіе, земское хозяйство и устройство, вопросы психо-физиологическіе, неразрывно связанные съ задачами права и безъ правильной постановки которыхъ немыслима уже серьезная юридическая наука, трактуются на страницахъ *Юридическаго Вѣстника*. Журналъ удѣляетъ значительное мѣсто исторіи права и слѣдитъ за законодательною и судебною дѣятельностью. При столь сложной задачѣ естественно, что нѣкоторые отдѣлы программы не достигаютъ еще достаточной полноты и стройности (таковъ отдѣлъ библиографическій). Новому направленію въ юриспруденціи приходится вступать въ борьбу съ привычными приемами мышленія, съ рутиннымъ отношеніемъ къ дѣлу, и поэтому вопросы методологическіе выдвигаются иногда на первый планъ. Кромѣ статей *Что такое догма права?* (о ней мы уже упомянули), въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* были напечатаны статьи г. Зибера: *Сравнительное изученіе первобытнаго права* *), г. Муромцева: *Римское право въ Западной Европѣ* (въ нихъ представленъ ходъ рецепціи римскаго права), г. Ковалевскаго: *Нѣкоторыя архаическія черты семейнаго и наследственнаго права осетинъ*, г. Дитятина: *Къ исторіи городского положенія 1870 года* и многія другія, перечислять которыхъ было бы долго. На Западѣ начинаютъ слѣдить за *Юридическимъ Вѣстникомъ* и ссылаться на статьи, которыя въ немъ печатаются **).

Другое русское повременное изданіе, посвященное юридическимъ вопросамъ, *Журналъ гражданскаго и уголовнаго права*, носитъ иной характеръ. Оно придерживается, въ основныхъ чертахъ, господствующаго и въ Германіи, и у насъ направленія въ юриспруденціи и не заключаетъ въ себѣ статей экономическаго содержанія. Программа *Журнала гражданскаго и уголовнаго права* уже программы *Юридическаго Вѣстника*, но за то больше удовлетворяетъ запросамъ нашихъ юристовъ-практиковъ. Оставляя въ сторонѣ это несомнѣнное достоинство петербургскаго журнала, замѣтимъ, что въ немъ помѣщаются статьи, имѣющія высокой научный интересъ, какъ, напримѣръ, работы г. Фойницкаго, о которыхъ мы упоминали на страницахъ «Библиографическаго отдѣла» *Русской Мысли*. Отмѣтимъ статью г. Коркунова: *Очеркъ теорій административной юстиціи*, представляющую и теоретическій, и практический интересъ; статью

*) Работы г. Зибера составлены по изслѣдованіямъ Поста.

***) Швидландъ (*Journal des Economistes*, Juill. t, 1885) цитируетъ статью г. Левинскаго о методѣ политической экономіи. Въ *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich* (1885, drittes Heft) отмѣчена работа г. Киблукова по вопросу о сельскихъ рабочихъ, появившійся первоначально въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*. Въ австрійскомъ журналѣ *Statistische Monatschrift* (1885, Februar-Heft) проф. Штида (въ статьѣ: *Zur neueren russischen Statistik*) говоритъ про работы статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества: „Ein reges Interesse für statistische Behandlung nationalöconomischer Probleme bekanden die Protokolle der statistischen Abtheilung der Moskauer Juristischen Gesellschaft“.

редактора *Журнала гражданского и уголовного права*, г. Володимирова, въ которой разбирается трудъ харьковскаго профессора, г. Владимірова, *Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ*; замѣчанія г. фонъ-Резона на проектъ особенной части уложенія о наказаніяхъ. Въ петербургскомъ юридическомъ журналѣ печатались лекціи покойнаго К. Д. Кавелина по семейному и наследственному праву. *Юридическій Вѣстникъ* и *Журналъ гражданского и уголовного права*, являясь представителями двухъ замѣтно различныхъ теченій въ русской юриспруденціи, дополняютъ другъ друга и обезпечиваютъ отъ односторонности, въ которую легко впасть какъ сторонникамъ новаго направленія, такъ и защитникамъ прежняго *). Несомнѣнно, однако, что связь между науками общественными все возрастаетъ, хотя это и происходитъ наряду съ усиленіемъ специальной обработки отдѣльныхъ отраслей юридическихъ, государственныхъ и экономическихъ наукъ. Какъ только связь эта теряется изъ вида, юристы впадаютъ въ бесплодную догматику, въ ухищренную казуистику и отстаютъ отъ жизни въ главномъ и существенномъ, опутывая ее формальными опредѣленіями въ мелочахъ, тормозя ея правильное развитіе. Въ теоретическомъ отношеніи преобладаніе догматизма и неразлучнаго съ нимъ формализма также неминуемо отражается вредными послѣдствіями, такъ какъ, прежде всего, надо понять смыслъ жизненнаго явленія, всегда сложнаго, и лишь потомъ замыкать его въ юридическую формулу, достаточно точную и, въ то же время, не стѣсняющую свободного творчества жизни. «Что касается формализма и буквальности,— говоритъ г. Стронинъ,—современное право не только не переступало еще изъ прежней крайности въ новую, но едва лишь пробуетъ какъ-нибудь примирять ихъ обѣ. Оно чувствуетъ себя твердымъ и самодовольнымъ каждый разъ только тогда, когда форма и содержаніе, когда буква и духъ счастливо совпали. Но каждый разъ, какъ оно присутствуетъ при распаденіи ихъ, оно мечется изъ угла въ уголь и не знаетъ, что предпринять. Имъ достаточно уже осуждено древнее злоупотребленіе формой и буквой; но имъ недостаточно еще признано самое превосходство матеріальной и рациональной правды, и въ особенности недостаточно найдены средства и пути для вѣрнаго торжества ея. Отсюда все новое право есть только бѣльшій или меньшій, смотря по странѣ, компромиссъ между осужденнымъ прошедшимъ и тщетно призываемымъ будущимъ». А, между тѣмъ, скорѣйшее прекращеніе этого переходнаго состоянія есть дѣло первостепенной важности, потому что «право, въ своемъ качествѣ элемента культуры, есть центральный факторъ общежитія, есть узелъ, гдѣ связываются оба конца его: и цивилизація, и гражданственность».

В. Гольцевъ.

*) Кроме названныхъ изданій, въ Петербургѣ выходитъ еженедѣльная *Судебная Газета*, а въ Тифлисѣ *Юридическое Обзоріе*, также еженедѣльное. Оба эти изданія носятъ преимущественно практическій и публицистическій характеръ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Славянское самосознаніе въ русскомъ обществѣ.—„Греческій прожектъ“ и славянская солидарность.—Реальные интересы Россіи.—Русь о нашей связи съ балканскими народностями.—Статья кн Виеско.—Церковный вопросъ.—Отчетъ по духовному вѣдомству за 1888 годъ.—Почеченіе о нравственномъ вліяніи духовенства.—Церковно-приходскія школы.—„Вразумленіе“ митрополита Платона.—Правила о ссудахъ государственнаго банка подъ хлѣбъ.—Ссуды подъ хлѣбъ въ обществахъ желѣзныхъ дорогъ.—Починъ общества юго-западныхъ дорогъ.—О земствѣ по поводу статьи *Московскихъ Вѣдомостей*.

Никогда еще, кажется, «славянская идея» не обрѣталась у насъ, въ Россіи, въ такомъ «неавантажѣ», какъ нынче. Въ административныхъ кругахъ преобладаетъ сама по себѣ вполне основательная мысль, что Россіи болѣе всего нуженъ миръ, но мысль эта, быть можетъ, потому преобладаетъ такъ сильно, что еще очень недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы готовились къ войнѣ съ Англіей изъ-за какого-то Зюль-фагара и, нѣтъ сомнѣнія, значительно поистратились на эти приготовления. Въ обществѣ же апатія къ дѣламъ балканскихъ славянъ установилась,—надѣмся, только временно,—отъ цѣлаго ряда внутреннихъ противорѣчій, какія проявились и въ отношеніи нашей политики къ этимъ дѣламъ за послѣднія восемь лѣтъ, и въ самыхъ этихъ дѣлахъ, то-есть во взаимныхъ отношеніяхъ между національными стремленіями болгаръ и сербовъ. Въслѣдствіе всѣхъ такихъ противорѣчій русское общество какъ бы стало въ недоумѣніе: кому изъ этихъ славянъ сочувствовать, и потому довольно апатично относится къ тѣмъ и другимъ.

Обзоръ внѣшнихъ политическихъ событій не входитъ въ нашу задачу. Но, не вторгаясь въ область международныхъ отношеній, наблюдатель внутреннихъ процессовъ имѣетъ, однако, дѣло съ капитальнымъ вопросомъ о самочувствіи и самосознаніи. Въ этомъ смыслѣ и только въ такомъ размѣрѣ въ область внутренняго обозрѣнія несомнѣнно входитъ въ вопросъ о томъ, въ какой степени мы сознаемъ себя членами славянской семьи, въ какой мѣрѣ признаемъ за Россією или вовсе отвергаемъ славянское призваніе. Вотъ съ этой только точки зрѣнія мы и хотѣли по-

говорить о нравственномъ отношеніи русскаго общественнаго сознанія къ болгарскому дѣлу въ особенности и къ славянскимъ дѣламъ вообще. Мы не станемъ рассуждать ни о возможности вмѣшательства Россіи, ни о средствахъ и ближайшихъ цѣляхъ такого вмѣшательства. Мы будемъ имѣть въ виду только самую идею о связи Россіи съ славянствомъ и общія, историческо-бытовья данныя, которыя переживаютъ временныя замѣшательства и изъ которыхъ, помимо частныхъ колебаній, истекаютъ конечные результаты.

Самыя эти колебанія, однако, доказываютъ, что идея солидарности съ славянами,—мысль, что у Россіи есть «славянское призваніе»,—еще недостаточно уяснилась и укрѣпилась въ сознаніи русскаго общества. Она казалась вполне ясною и сочувствіе къ болгарамъ и сербамъ представлялось живымъ въ 1877 году. Съ тѣхъ поръ, повторяемъ, произошло много такого, что помутило ясность этого сознанія и живость этой связи. Наша уступчивость на берлинскомъ конгрессѣ, согласіе, данное въ то время, когда войска наши стояли у воротъ Константинополя, на расчлененіе Болгаріи, на предоставленіе Босніи и Герцеговины австрійской оккупации, незначительность уступокъ, выговоренныхъ въ пользу Сербіи, холодность вообще, какая была проявлена къ Сербіи, имѣли послѣдствіемъ, что на первый планъ выступило на Балканскомъ полуостровѣ вліяніе Австріи, дѣйствующей съ разрѣшенія Германіи и съ резервомъ германской силы въ тылу, а наше вліяніе отошло на второй планъ. Затѣмъ, сперва самое начертаніе тырновской конституціи, потомъ устраненіе ея и, наконецъ, особое положеніе, занятое русскими офицерами въ болгарской арміи по отношенію къ князю, представили такую совокупность фактовъ, въ которой логическая связь не всегда была ясна. Въ результатѣ произошло слѣдующее: Сербія отшатнулась отъ насъ, а нынѣшнія событія показали, что какъ предпріятія правительства въ Болгаріи и Сербіи, такъ и народныя движенія въ этихъ земляхъ, освободившихся съ помощью Россіи, происходятъ совершенно помимо ея согласія и внѣ ея вліянія.

Отсюда, взаимно, и въ настроеніи, какое замѣчается въ Россіи, произошла такая перемѣна, которая, на первый взглядъ, кажется самопротиворѣчіемъ: соединеніе Восточной Румелии съ болгарскимъ княжествомъ не только соотвѣтствуетъ основаніямъ санъ-стефанскаго договора, который нами же былъ составленъ, но даже еще и не вполне осуществляетъ его опредѣленія. Но такъ какъ въ то время мы хотѣли этого сами, а теперь это предпринято помимо насъ, то мы своего же дѣла, то-есть дѣла, нами же нѣкогда предпринятаго, не узнаемъ или не можемъ признать за свое.

Повторяемъ, цѣль наша на этихъ страницахъ вовсе не та, чтобы разсматривать, какое рѣшеніе болгарскаго вопроса въ данную минуту наиболѣе бы соотвѣтствовало интересамъ Россіи, какъ мы ихъ понимаемъ. Не наша задача обсуждать вопросъ минуты и такое или иное положеніе,

занятое дипломатіей. Наше вниманіе привлекаетъ только фактъ, что само русское общество въ данную минуту относится, сколько можно замѣтить, почти равнодушно къ тому или иному рѣшенію. Вотъ этотъ-то фактъ, — неясность или, по меньшей мѣрѣ, нетвердость сознанія, что интересы славянскихъ народовъ должны быть близки русскому обществу, — и входитъ совершенно въ компетенцію внутренняго обозрѣнія. По свойству предмета, мы говоримъ о связи внѣшней, но о явленіи внутреннемъ — о національномъ самосознаніи.

Изъ нашего разсужденія мы должны еще устранить философско-историческій вопросъ. «Идею національности» мы принимаемъ какъ фактъ. Оживленіе національныхъ стремленій, нравственное возрожденіе народностей, казавшихся замершими, явились какъ одинъ изъ видовъ общаго освободительнаго, политическаго движенія въ нашемъ вѣкѣ. Освобожденіемъ захотѣло воспользоваться все то, что еще жило, хотя и казалось одѣпнѣвшимъ въ вѣка всесторонняго гнета, — политическаго и религіознаго, — въ тѣ вѣка, когда данный фактъ силы признавался вѣчнымъ, окончательнымъ, когда человечество какъ будто не догадывалось, несмотря на полученія исторіи, что прочная сила не во внѣшнихъ признакахъ, но въ большинствѣ людей, а, стало быть, въ стремленіяхъ этого большинства, то-есть въ идеѣ.

Практическая политика Россіи должна не только считаться съ фактомъ славянскихъ національныхъ стремленій, но даже отводить имъ въ своихъ видахъ первое мѣсто, тѣмъ болѣе, что внѣ славянской идеи у Россіи въ настоящее время вовсе не можетъ быть цѣлей въ Европѣ; не можетъ быть европейской политики. Русское общество должно ясно и твердо усвоить эту истину.

Что вся сущность русской политики въ Европѣ связана съ восточнымъ вопросомъ, это не требуетъ доказательствъ. Ни въ одномъ изъ другихъ европейскихъ вопросовъ Россія не заинтересована непосредственно и не можетъ ожидать прямой для себя выгоды отъ рѣшенія ихъ. Если бы было возможно представить себѣ, что Россія считаетъ нынѣшній порядокъ на Балканскомъ полуостровѣ окончательнымъ и отрекается отъ поступательной политики на юго-востокѣ Европы, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне логично представить себѣ и то, что въ Петербургѣ упраздняется министерство иностранныхъ дѣлъ, а направленіе нашей внѣшней политики сосредоточивается въ рукахъ туркестанскаго генералъ-губернатора.

Но, затѣмъ, спрашивается, какое же мѣсто въ сознаніи великой для насъ важности восточнаго вопроса должно занимать именно содѣйствіе освободительному движенію славянъ? Есть люди, которые думаютъ, что собственно до національныхъ стремленій славянъ намъ нѣтъ никакого дѣла и прямой нашъ интересъ заключается въ томъ, чтобы непосредственно открыть себѣ выходъ изъ Чернаго моря и обезпечить свое на немъ преобладаніе. Для этого требуется владѣть проливами, стало быть,

Константинополемъ. Такіе люди не особенно благопріятно или, по меньшей мѣрѣ, не вполне искренно относятся къ помощи, оказываемой нами балканскимъ христіанскимъ народностямъ. Въ національномъ движеніи этихъ народностей, по этому взгляду, намъ слѣдуетъ видѣть только средства, которыми Россія должна пользоваться, чтобы достигнуть главной своей цѣли,—овладѣнія проливами. Съ этой точки зрѣнія полное осуществленіе національныхъ стремленій южныхъ славянъ можетъ, пожалуй, представляться даже невыгоднымъ для Россіи. Если она должна непосредственно владѣть Константинополемъ, то съ какой же стати было создавать независимые отъ нея государства,—Сербію, Румынію, Болгарію,—которые, во-первыхъ, отрѣзываютъ ее отъ главной ея цѣли, а, во-вторыхъ, сами являются съ притязаніемъ на раздѣлъ всего наслѣдства Оттоманской имперіи въ Европѣ?

Этотъ взглядъ, извѣстный въ Европѣ подъ названіемъ вымышленнаго «завѣщанія Петра Великаго», а у насъ въ Россіи подъ именемъ «греческаго прожекта», который отразился, между прочимъ, въ именахъ Александра и Константина, данныхъ Екатериною II ея внукамъ, имѣетъ за себя достоинство простоты и ясности. Быть можетъ, онъ бы и могъ быть осуществленъ въ первоначальномъ своемъ видѣ столѣтіе или три четверти столѣтія тому назадъ. Славянскія народности на Дунаѣ и Балканахъ въ то время находились въ состояніи оцѣпенѣнія, объ ихъ согласіи не пришлось бы справляться, да если бы о немъ и справились, то понятно, что сербы и болгары въ то время были бы счастливы стать русскими подданными, лишь бы выйти изъ положенія безправной, не обезпеченной ни въ жизни, ни въ имуществѣ турецкой «райи». Правда, для осуществленія этого «прожекта» потребовалась бы борьба не только съ Турціей, но и съ Австріей; однако, и то, и другое могло быть поведено Россіею успѣшно, опираясь на союзъ съ Франціей или съ Пруссіей, которые не заинтересованы непосредственно въ судьбѣ Константинополя.

Но «греческій прожектъ» не осуществился, потому что всѣ прочія комбинаціи въ Европѣ сложились неблагопріятно для его исполненія. Пруссія вовлекла Россію въ дѣло, совершенно постороннее этому «прожекту» и даже прямо затруднившее его осуществленіе,—въ раздѣлъ Польши. Этотъ раздѣлъ придвинулъ Россію къ центру Европы, создалъ ей такія многосложныя заботы на западѣ, что уже почти невозможно стало одновременно двигать великое дѣло на юго-востокѣ. Въ силу раздѣла Польши и завладѣнія прежними ея областями съ Пруссіею и Австріею, Россія была вовлечена въ прочный союзъ съ этими двумя государствами, а при союзѣ съ Австріею ей нечего было и думать о Дунаѣ, Балканахъ и Константинополѣ.

Затѣмъ во Франціи, которая могла бы быть естественной союзницей Россіи на юго-востокѣ, вспыхнула революція, которая въ монархіяхъ усложнила политику государственныхъ интересовъ политикой интересовъ

династическихъ. Союзъ Россіи съ Пруссіей и Австріей былъ уже готовъ и вскорѣ ему пришлось проявиться съ иными цѣлями,—сперва въ борьбѣ съ Наполеономъ; потомъ въ видѣ священнаго союза. На одинъ только моментъ была впоследствии какъ бы остановка въ этомъ направленіи русской политики совершенно въ сторону отъ восточнаго вопроса. Этотъ моментъ представился тильзитскимъ миромъ, свиданіемъ Императора Александра съ Наполеономъ и кратковременнымъ поворотомъ въ мнѣніяхъ русскаго императора. Быть можетъ, въ тотъ именно моментъ «греческій прожектъ» всего легче могъ осуществиться. Хотя Наполеонъ лично и придавалъ обладанію Константинополя столь большую цѣну, что, по его отзыву, кто будетъ владѣть Константинополемъ, будетъ владѣть миромъ; но этотъ беззавѣтный игрокъ въ судьбы государствъ, вѣроятно, пошелъ бы и на такую цѣну, если бы Россія согласилась предоставить ему безпрепятственное хозяйничанье на Западѣ, согласилась бы на уничтоженіе Пруссіи, на участіе въ великой экспедиціи въ Индію, на распредѣленіе карты Европы между императорами Россіи и Франціи. До какой степени, однако, Императоръ Александръ былъ мало приготовленъ къ такому безусловному отреченію отъ преданій, лишь бы достигнуть главной цѣли,—осуществленія греческаго прожекта,—это уясняется изъ факта, что достаточно было такого, незначительнаго для Россіи обстоятельства, какъ лишеніе Наполеономъ владѣній герцога Ольденбургскаго, чтобы совершенно возвратитъ Императора Александра къ прежнимъ взглядамъ и убѣдить его въ неизбѣжности новой войны съ Франціей. Понятно, что если такой интересъ, какъ неприкосновенность ольденбургскаго престола, могъ казаться первостепеннымъ для тогдашней русской политики, то ей было слишкомъ далеко до той смѣлости новыхъ комбинацій, какая была свойственна не только Наполеону, но и князю Бисмарку въ наше время. При подобной политикѣ не рѣшаются такіа дѣла, какъ овладѣніе всей восточной половиной Европы.

Не будемъ продолжать этихъ историческихъ справокъ. Напомнимъ только, что австро-пруссійскій союзъ оказался совершенно непригоднымъ Россіи въ оба раза, когда она впоследствии вмѣшивалась въ дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Въ 1855 году Австрія и Пруссія вступили въ условное соглашеніе съ западными державами противъ Россіи, въ 1878 году конгрессъ, подъ предсѣдательствомъ князя Бисмарка, передѣлялъ санъ-стефанскій трактатъ и впустилъ австрійцевъ въ Герцеговину и Боснію. Самое объединеніе Германіи, которому Россія косвенно благопріятствовала, какъ извѣстно, предполагало вознагражденіе Австріи на Востокъ. Съ плодами тогдашней нашей ошибки мы еще знакомы не вполне: они окажутся тогда, когда Германія захочетъ вознаградить Габсбургскую монархію на Востокъ болѣе широко за тѣ нѣмецкія земли, которыя сама возьметъ у нея. Словомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что, при нынѣшнемъ распредѣленіи силъ въ Европѣ и при связи Россіи съ Германіей,

прямое овладѣніе проливами и Константинополемъ, съ присоединеніемъ къ Россіи достаточной приморской полосы, которая обезпечивала бы ей сухопутное сообщеніе съ Царьградомъ, совершенно немислимо.

При томъ теченіи дѣлъ въ Европѣ, какое началось еще въ царствованіе самой же Екатерины, восточный «проектъ» осуществленъ быть не могъ и Россіи не оставалось дѣлать, въ томъ же направленіи, ничего иного, какъ благопріятствовать стремленію придунайскихъ и балканскихъ христіанъ къ освобожденію отъ турецкаго ига и къ образованію сперва вассальныхъ, потомъ независимыхъ государствъ. Последнею въ очереди ихъ явилась Болгарія. Но, по мѣрѣ того, какъ сплоченіе значительныхъ національныхъ организмовъ, при Екатеринѣ вовсе не предвидѣнное, дѣлалось фактомъ, самый этотъ фактъ становился новымъ препятствіемъ для осуществленія завоевательнаго «проекта». Возможно ли представить себѣ, чтобы Россія отнынѣ могла стремиться къ овладѣнію Константинополемъ, имѣя противъ себя въ такомъ случаѣ не только всю Европу, но и роковую необходимость поглотить хотя бы частью, ею же созданныя христіанскія автономіи? Первый, сколько-нибудь примѣтный шагъ Россіи въ такомъ направленіи передалъ бы Румынію, Сербію и Болгарію подъ австрійскую опеку. Мы создали себѣ друзей на юго-востокѣ Европы, но, затѣмъ, пользу можемъ извлечь для себя изъ этого факта уже не иначе, какъ если будемъ искренно видѣть въ нихъ друзей и относиться къ нимъ согласно этому, а не смотрѣть на нихъ, какъ на будущую нашу добычу.

Проектъ о непосредственномъ владѣніи Константинополемъ въ настоящее время уже представляетъ нѣчто устарѣвшее, не соответствующее ни одному изъ реальныхъ условій современности. Теперь онъ долженъ уже быть отнесенъ къ числу тѣхъ многихъ великихъ историческихъ замысловъ, которые могли быть осуществлены въ свое время, если бы всѣ послѣдующія обстоятельства не слагались прямо для нихъ неблагоприятно и если бы, — какъ въ отношеніяхъ Россіи къ восточному вопросу, — сами наследники этихъ замысловъ не поступали въ теченіе почти цѣлаго вѣка во всемъ остальномъ какъ разъ наперекоръ ихъ осуществленію.

Открытіе для насъ проливовъ, обезпеченіе нашихъ заведеній и флота на Черномъ морѣ отнынѣ уже мыслимы только при продолженіи того пути, на которомъ интересы Россіи согласуются съ интересами славянской независимости и силы. Славяне поставлены конкуренціею Австріи съ Россіею на юго-востокѣ въ выгодное положеніе. Россія, по ея историческимъ заслугамъ, по глубокому инстинкту славянскихъ народныхъ массъ, по единовѣрью, гораздо легче удержать южныхъ славянъ въ сферѣ своего вліянія, чѣмъ Австріи подчинить ихъ ея вліянію.

Но для этого необходимы два условія: не давать себя заподозрѣвать и не давать себя опередить. Совершенная искренность въ отношеніи къ дѣлу освобожденія и объединенія славянъ и сохраненіе въ своихъ ру-

какъ почина въ этомъ дѣлѣ, вотъ что обезпечить окончательность русскаго вліянія. Но оба эти условія могутъ оставаться внѣ всякихъ колебаній лишь въ такомъ случаѣ, если въ самомъ русскомъ обществѣ вполнѣ уяснится сущность славянской задачи Россіи и важность этой задачи.

Откиньте нравственную связь со славянами и русскій народъ окажется совершенно уединеннымъ въ мірѣ. «Не хорошо человѣку быть одному,» — говоритъ св. писаніе. Это вполнѣ примѣнимо и къ народу. Народная интеллигенція не должна отчуждаться отъ источниковъ самаго національнаго бытія и національной культуры. Племенное родство, языкъ, начатки культуры составляютъ такую связь, которой и народъ не можетъ отрицать безъ ущерба для своей нравственной личности, подобно тому, какъ для единичнаго человѣка неизбѣние или отрицаніе родственныхъ связей представляетъ нѣкоторое нравственное убожество.

Исторія разъединила насъ даже съ тѣми славянами, съ которыми продолжала связывать вѣра. Возникновеніе постепенныхъ средоточій русской государственности вдали отъ Чернаго моря, на обоихъ берегахъ котораго господствовала сила мусульманская, обусловило то обстоятельство, что и умственные, образовательные наши центры сложились вдалекѣ отъ единовѣрныхъ одноплеменниковъ. Затѣмъ, петровская реформа обратила наши взоры исключительно на Западъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ русское общество и доселѣ весьма мало знакомо съ славянами, ихъ исторіею, бытомъ и литературами. Дѣйствительное ознакомленіе можетъ явиться только послѣ того, какъ обществу уяснится политическая важность вполнѣ искренняго сближенія съ южными славянами, а, въ свою очередь, такое ознакомленіе съ ними возобновить и упрочить нашу связь.

То, что могло считаться излишнимъ во времена минувшія, въ тѣ времена, когда южные славяне не имѣли существованія политическаго и нашимъ политикамъ не приходилось считаться съ ихъ согласіемъ или несогласіемъ, со степенью ихъ сочувствія или ихъ недовѣрія къ Россіи, — то теперь выдвинулось на первое мѣсто. Безпечность въ этомъ отношеніи была естественна въ томъ еще недавнемъ историческомъ періодѣ, когда признавалось возможнымъ, что Россія, воспользовавшись какимъ-нибудь благопріятнымъ моментомъ, просто выкроить себѣ широкую полосу на Балканскомъ полуостровѣ, не разбирая, гдѣмъ она населена, — славянами, румынами или греками, и съ помощью этого пояса свяжетъ древнюю Византію съ государственной мощью Москвы и Петербурга. Но теперь, когда возникли, благодаря нашему же содѣйствію, славянскія государства, не можетъ серьезно быть рѣчи о столь первобытномъ приѣмѣ, который не могъ бы быть и до времени замаскированъ неискреннимъ покровительствомъ славянамъ.

Государственные интѣресы Россіи на Черномъ морѣ очевидны. Ихъ постоянно сознавала и политика наша въ теченіе двухъ вѣковъ, начиная

съ Алексѣя Михайловича. Но средства, возможные нынѣ для обезпеченія этихъ интересовъ, уже не тѣ, какія были мыслимы прежде. Если входъ въ Черное море не можетъ быть непосредственно въ нашихъ рукахъ, то, очевидно, онъ долженъ находиться въ рукахъ нашихъ союзниковъ, притомъ, союзниковъ, навсегда связанныхъ съ нами своими интересами, достаточно сильныхъ противъ Запада, при поддержкѣ Россіи, достаточно увѣренныхъ въ неприкосновенности ихъ независимаго бытія со стороны Россіи.

Передать ключи южнаго нашего моря изъ рукъ враговъ въ руки вѣрныхъ и надежныхъ друзей—задача, вполне осуществимая, такая задача, къ исполненію которой мы можемъ идти открыто, безъ всякаго лукавства и безъ противорѣчія тѣмъ великимъ историческимъ услугамъ, какія Россію уже оказаны славянамъ, и тому племенному сочувствію, той умственной солидарности съ одноплеменниками, отъ которой можетъ только выиграть собственное наше развитіе.

Понятно, что чѣмъ значительнѣе и прочнѣе будутъ внутренніе наши успѣхи, чѣмъ менѣе славяне станутъ опасаться нашего посягательства на самостоятельность ихъ государственнаго строя, тѣмъ полнѣе будетъ ихъ довѣріе къ Россіи и ихъ готовность идти рука объ руку не съ чуждой имъ Австріей, но съ родственной имъ Россіей. А, стало быть, успѣхи внутренніе могутъ только приблизить насъ и къ достиженію великаго внѣшняго успѣха.

Когда въ національномъ сознаніи русскаго общества утвердится въ такомъ чистомъ, вполне народномъ и практическѣ осозательномъ видѣ идея о славянскомъ призваніи Россіи, то въ идеѣ этой сольются перво-степенныя наши интересы — прекращеніе нашего нравственнаго одиночества, искренняя солидарность съ одноплеменниками и умственное общеніе съ ними, матеріальныя выгоды для русскаго могущества, государственнаго и торговаго, черезъ включеніе Россіи во всемірную морскую торговлю, а, наконецъ, и внутреннее наше развитіе, которое можетъ только способствовать выгодному для насъ рѣшенію пресловутаго «восточнаго вопроса». Надо только пожелать, чтобы мы не опоздали во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, не дали предупредить себя Австріи и Германіи, за нею стоящей, пока мы не успѣемъ приготовиться, и внутри, и внѣ Россіи, къ рѣшенію починаемъ Россіи того вопроса, который ея же починаемъ былъ первоначально вызванъ на свѣтъ Божій.

Мы совершенно согласны съ однимъ замѣчаніемъ, которое высказано недавно *Русью* по поводу того же вопроса, именно, что «безъ свѣта высшей исторической идеи не опознать русской дипломатіи и истинныхъ реальныхъ интересовъ Россіи». Но, къ сожалѣнію, *Русь* какъ-то неохотно и, во всякомъ случаѣ, неясно говоритъ именно объ этихъ истинныхъ реальныхъ интересахъ Россіи. Вотъ почему изданіе это напрасно жалуется, что нѣкоторыя сочувствующія ему газеты упрекаютъ его въ

политикѣ «болѣе богословской, чѣмъ практической». Если бы Русь отводила реальнымъ интересамъ, съ которыми совершенно согласна историческая идея, т.-е. русскія стремленія въ исторіи, такъ какъ нереальная идея историческою сдѣлаться не можетъ, то не противопоставляла бы одно изъ этихъ понятій другому. Тогда Русь не говорила бы, что «выѣденнаго яйца не стоитъ для Россіи политика реальныхъ интересовъ, какъ скоро не направляется высшею путеводной идеею русскаго историческаго призванія и задачи, хотя бы именно въ старой формулѣ славянофильскаго и болѣе богословскаго, чѣмъ политическаго кружка».

Если бы Русь была убѣждена, что осуществленіе реальныхъ (они же историческіе) интересовъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ нынѣ немислимо иначе, какъ при искреннемъ содѣйствіи нашемъ освобожденію и упроченію полной самостоятельности славянскихъ государствъ, при искренней же, добровольной, этими условленной привязанности и нравственной связи славянъ и Россіи, при полномъ взаимномъ ихъ довѣрїи, что Россія не захочетъ ни обратить ихъ страны современемъ въ губерніи, ни даже временно «устроить» ихъ въ качествѣ губерній, которыхъ она являлась бы «хозяиномъ-губернаторомъ», то Русь ясиѣ указывала бы на сущность реальныхъ интересовъ Россіи и не подвергалась бы упрекамъ въ непрактичности, а, вмѣстѣ, и не говорила бы многого изъ того, что она теперь утверждаетъ.

Для того, чтобы точнѣе разъяснить различіе въ воззрѣніяхъ нашихъ со взглядами Русси, мы приведемъ наиболѣе характерное мѣсто въ одной изъ послѣднихъ статей этого изданія. «Вотъ если бы жива и дѣйствена была въ русской правящей средѣ,—говоритъ Русь,—идея исторической *духовной* миссиі нашего отечества, такъ первою нашею настоятельною задачею, по освобожденіи Болгаріи, было бы не преподнесеніе только что выѣзшимъ изъ темноты пятивѣковаго турецкаго рабства болгарамъ «самаго послѣдняго слова» западно-европейской политической науки, въ видѣ противнаго духовному славянскому существу конституціоннаго обмана, а возстановленіе церковнаго мира въ православномъ славянствѣ, а укрѣпленіе, устроеніе и возвышеніе церковнаго элемента въ Болгаріи, *оживленіе православно-церковнаго духа въ самомъ болгарскомъ народѣ*. Да и на чемъ, спрашивается, съ истинно-реальной (курсивъ подлинника) точки зрѣнія зиждется наша съ балканскими народами связь? Развѣ не на единовѣрїи? Поставьте въ основаніе нашей политики религіозный индифферентизмъ—и что станетъ съ высшими реальными русскими политическими интересами? Какое право предъявите вы на вліяніе и руководство? «Прогрессъ и цивилизацію» Австрія счумѣетъ даровать получше васъ и ухитрится даровать такимъ образомъ, что и національное самолюбіе будетъ польщено...»

Такимъ образомъ, ближайшія цѣли, къ какимъ «могли бы быть подвинуты русскіе представители на Балканскомъ полуостровѣ», представ-

ляются *Руси* въ слѣдующемъ видѣ: «примиреніе болгаръ съ греками (!), устроеніе церкви болгарской, усиленіе (?) въ Болгаріи религіознаго элемента». Въ другой же статьѣ того же номера *Руси*, — статьѣ, на которую редакция указываетъ въ назиданіе нашимъ дипломатамъ, дается обзоръ брошюры князя Бибеско объ усиленіи католической пропаганды въ Румыніи, о связи между интересами католицизма и интересами Австріи, наконецъ, о солидарности въ данномъ случаѣ интересовъ протестантской Германіи съ интересами католической Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ, по опредѣленію князя Бибеско, «стоятъ другъ противъ друга римско-католико-славянская и греко-руско-славянская имперіи». Авторъ статья *Руси* прибавляетъ къ этимъ словамъ: «этимъ князь Бибеско ясно намекаетъ, что Россія должна охранять православные интересы, какъ свои, такъ и единовѣрныхъ ей народовъ, противъ латинскаго католицизма и Австріи, за которую стоитъ Германія».

Спросимъ, однако, при чемъ же останутся интересы самихъ балканскихъ народностей, если на народности смотрѣть только какъ на матеріалъ для усиленія въ нихъ православнаго духа Россіею, для обращенія ихъ въ католичество Австрію? И неужели эти народности нравственно и политически такъ уже совершенно ничтожны, что имъ, дѣйствительно, нѣтъ иного выбора, какъ только между «католико-славянскою имперіею», т.-е. Австрію, и «греко-руско-славянскою имперіею»?

Освободивъ болгаръ отъ турецкаго ига, Россія обязана была предоставить имъ самоуправленіе, что не могло быть достигнуто иначе, какъ посредствомъ созыва народнаго собранія и предоставленія законодательной власти въ его руки. Само собою разумѣется, что при этомъ потребовалось предрѣшить нѣкоторые учредительные вопросы, какъ-то: объ избирательствѣ и о формѣ правленія, что *Русь* и называетъ конституціею. Затѣмъ, болгарское народное собраніе и болгарское правительство получали полную возможность измѣнять эти первоначальныя основы, безъ которыхъ нельзя было бы создать ничего, кромѣ полномасштабна русскаго губернатора. Уложеніе, основанное на избирательномъ правѣ, Россія обязана была дать Болгаріи не какъ «последнее слово западной науки» (развѣ науки бываютъ западныя и восточныя?), но какъ необходимое условіе для перваго слова болгарской самостоятельности. Въ странѣ не было ни династій, ни народныхъ учреждений. Возможно было создать въ Тырновѣ только одно изъ двухъ: или русское губернское правленіе, или болгарское учредительное собраніе. Россія избрала второе и при этомъ поступила и честно, и благоразумно, сообразно со своимъ историческимъ призваніемъ.

Насаждать въ Болгаріи «церковный миръ», браться за антинародное дѣло «примиренія болгаръ съ греками», то-есть за подчиненіе болгаръ, при свободѣ, фанаріютамъ, отъ которыхъ тѣ избавились при турецкомъ игѣ, и вершать такія дѣла по своему усмотрѣнію, вмѣсто того, чтобы

предоставить власть законодательства въ руки самого болгарскаго народа, было бы со стороны Россіи и несправедливо, и неблагоприятно. Это—внутренній дѣла болгаръ.

Съ истинно-реальной точки зрѣнія, которая нераздѣльна съ исторической точкой зрѣнія, хотя средства для обезпеченія интересовъ измѣняются согласно съ обстоятельствами времени, связь Россіи съ балканскими народами зиждется вовсе не на одномъ только единовѣрїи. Мы не проповѣдуемъ политики полнаго индифферентизма, такъ какъ исповѣданіе входитъ въ составъ національности, которая есть важный реальный политическій фактъ. Но, тѣмъ не менѣе, у Россіи есть на Балканскомъ полуостровѣ и такіе реальные интересы, которые не имѣютъ ничего общаго съ религіею. Полное владѣніе Чернымъ моремъ, созданіе тамъ сильнаго русскаго флота, предоставленіе проливовъ въ прочно-дружественныя намъ руки, включеніе Россіи во всемірную морскую торговлю, предупрежденіе такого случая, что Австрія съ Германіей установятъ когда-нибудь пошлины на Босфоръ на провозимый моремъ русскій хлѣбъ,—все это вопросы, нисколько не религіозные и не зависящіе отъ того, самостоятельна ли болгарская церковь, или она подчинена поборамъ фанариотовъ.

Право на вліяніе и руководство (безъ всякаго, впрочемъ, насилія во внутреннихъ дѣлахъ) среди балканскихъ славянъ дано Россіи не единовѣрїемъ, но тѣмъ фактомъ, что славяне, главнымъ образомъ, Россіи обязаны своимъ освобожденіемъ и политическимъ существованіемъ, въ ней одной они могутъ найти всегдашняго союзника.

Въ противномъ случаѣ, то-есть если не будетъ искренности, а будетъ навязыванье, за которымъ славяне будутъ,—хотя бы и ошибочно,—предугадывать захватъ, тѣмъ вѣроятнѣе осуществится среди балканскихъ славянъ вліяніе Австріи, особенно если бы могло оправдаться то, что предполагаетъ *Русь*, а именно, что «прогрессъ и цивилизацію Австрія съумѣетъ даровать славянамъ получше насъ», да еще «ухитрится даровать такимъ образомъ, что и національное самолюбіе будетъ польщено».

Наконецъ, что касается борьбы противъ католической пропаганды въ Румыніи, Болгаріи и Сербіи, то, нисколько не отрицая очевидной истины, что ослабленіе единовѣрїя съ Россіей было бы противно нравственному вліянію Россіи въ славянскихъ земляхъ, мы, все-таки, не видимъ, какимъ образомъ Россія могла бы противодѣйствовать какой-либо пропагандѣ въ самостоятельныхъ государствахъ, каковы Румынія, Сербія да и самая Болгарія? Конечно, можно посылать деньги; но болѣе этого нельзя ничего сдѣлать, да болѣе этого не можетъ дѣлать и Австрія, если только въ распоряженіи ея правительства находится достаточно фондовъ, не подлежащихъ отчету, чтобы можно было удѣлять изъ нихъ большія суммы на католическія миссіи и постройку костеловъ внѣ государства. Во всякомъ случаѣ, авторъ статьи въ *Руси* не вѣрно говоритъ, будто князь

Бибеско «ясно намекаетъ, что *Россія* должна охранить православные интересы единовѣрныхъ ей народовъ противъ католицизма». Статья кн. Бибеско напечатана во французскомъ журналѣ *). Противупоставленіе славяно-русской и славяно-австрійской имперій сдѣлано не княземъ Бибеско, но авторомъ нѣмецкой брошюры, которую онъ приводитъ. Съ своей же стороны, онъ, наоборотъ, говоритъ: «не указано ли ясно (въ этой альтернативѣ) уничтоженіе балканскихъ народностей?» Затѣмъ, князь Бибеско нисколько даже не намекаетъ на необходимость защиты православія въ Румыніи Россією, но зоветъ на защиту румынскаго православія исключительно только мѣстныя же, народныя силы: румынскій православный союзъ и всѣхъ румынскихъ патриотовъ. Князь Бибеско совершенно правъ, но права ли *Русь*, давая его словамъ совѣтъ иное значеніе?

Различіе нашихъ взглядовъ со взглядами *Руси* въ славянскомъ вопросѣ не помѣшаетъ намъ позаимствовать у нея нѣсколько словъ какъ для заключенія бесѣды о національномъ незнаніи связи со славянами, такъ и для перехода къ послѣдующему предмету обозрѣнія. Слова, которыя мы беремъ у *Руси*, таковы: «мы утверждаемъ, что славянскій вопросъ сводится къ нашему внутреннему, русскому вопросу и разрѣшается вмѣстѣ съ нимъ». Мы также признали выше почти то же, сказавъ, что чѣмъ больше будутъ наши внутренніе успѣхи, тѣмъ вѣрнѣе станутъ и наши успѣхи въ содѣйствіи славянамъ и въ сближеніи съ ними. Переходя со словами *Руси* къ дѣламъ, совершающимся въ самой Россіи, мы вовсе не играемъ этими словами. Конечно, внутренніе успѣхи представляются намъ не совѣмъ въ томъ направленіи, въ какомъ они представляются *Руси*, когда она утверждаетъ, будто «русская интеллигенція еще не дорасла своимъ самосознаніемъ до уровня тѣхъ великихъ задачъ, которыя предлежатъ Россіи и которыя, какъ бы въ зачаточномъ состояніи, кроются въ глубинѣ народнаго духа». Мысль эту мы считаемъ столь же фантастическою и не доказанною по содержанію, сколько самое выраженіе ея мы должны признать неправильнымъ по формѣ. Расти можно только вверхъ, а не «до уровня» задачъ, лежащихъ «въ глубинѣ».

Но у насъ есть точки соприкосновенія съ *Русью*, когда она опредѣляетъ свою задачу слѣдующимъ образомъ: *Русь* не перестаетъ посылать обличать отсутствіе живой дѣйственной силы въ нашемъ церковномъ официальномъ строѣ, не перестаетъ раскрывать отсутствіе русской исторической идеи и неразлучнаго съ нею жизненнаго творчества «во всей русской официальной дѣятельности на *Руси*». Мы не можемъ спорить

*) *Nouvelle Revue*, 15 octobre, 1885.: „L'orthodoxie et la catholicité en Orient“, prince George Bibesco.

противъ необходимости именно жизненнаго творчества, воплоти сочувствуюемъ внесенію живой дѣйственной силы во внѣшній церковный строй или, выражаясь точнѣе, болѣе самостоятельности и самодѣятельности православнаго духовенства, облегченію государственной регламентаціи и секретарскаго элемента въ консисторіяхъ. Мы также всегда отдавали искреннюю дань уваженію народно-нравственному вліянію церкви. Но какъ относительно славянскаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, такъ и относительно взглядовъ на жизнь самой Россіи мы расходимся съ нашимъ собратомъ въ томъ, что не ставимъ вопросовъ политическихъ, вопросовъ мірскихъ по самому своему содержанию, на основаніе церковное, какъ то склонна дѣлать *Русь*. Мы не говоримъ, что церковь «не отъ міра сего», въ томъ смыслѣ, что она дѣйствуетъ въ мірѣ; но говоримъ, что самый міръ, т.-е. совокупность политическихъ, гражданскихъ и экономическихъ отношеній, «не отъ церкви». Церковь оказываетъ благотворное нравственное вліяніе на міръ, но законы міра, какъ въ смыслѣ природы, такъ и въ смыслѣ гражданскаго общества, установлены или устанавливаются иначе, чѣмъ основанія, на которыхъ зиждется церковь.

Высказывая не разъ наше убѣжденіе въ необходимости болѣе самостоятельности и самодѣятельности для православнаго духовенства, мы были бы, однако, несправедливы, если бы, въ ожиданіи болѣе, отказались отмѣчать съ сочувствіемъ хоть тѣ усилія, какія дѣлаются при нынѣшнемъ церковномъ строѣ къ оживленію внутренней, просвѣтительной дѣятельности въ церкви. Въ отчетѣ оберъ-прокурора св. синода за 1883 годъ, извлеченія изъ котораго печатались въ прошломъ мѣсяцѣ и подлежатъ нынѣшнему обозрѣнію, мы не можемъ не замѣтить болѣе приближенія къ жизни уже въ самомъ изложеніи. То, что изъ отчета напечатано, относится, главнымъ образомъ, именно къ попеченіямъ о приближеніи народа къ церкви, о поднятій нравственнаго вліянія духовенства на прихожанъ и объ усиленіи церковной дѣятельности по народному образованію.

Такъ, отчетъ свидѣтельствуетъ о болѣе дѣятельномъ, чѣмъ когда-либо, обзорѣ епархій ихъ архипастырями, причемъ, наприм., архіерею симбирскому пришлось побывать въ такихъ приходяхъ, которыхъ населеніе «вовсе не видѣло архіерейскихъ посѣщеній со временъ открытія епархій, т.-е. въ теченіе 50 лѣтъ», а преосвященный харьковскій удостоверяетъ, что въ его епархіи «есть еще много селеній, въ которыхъ никто никогда не видѣлъ архіерейскихъ священнослуженій». Очень замѣтно по отчету усиленіе заботъ объ улучшеніи церковнаго пѣнія, съ участіемъ причетниковъ, прихожанъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дѣтей прихожанъ. Такъ, въ харьковской епархіи сперва составилъ хоръ изъ діаконовъ и причетниковъ въ губернскомъ городѣ, а потомъ данъ былъ полугодовой срокъ для составленія такихъ хоровъ въ каждомъ благочи-

ни, и затѣмъ преосвященный, при объѣздѣ епархіи, уже не бралъ съ собою архіерейскаго хора, а служилъ съ мѣстнымъ. Въ московской епархіи составилось общество любителей церковнаго пѣнія, которое выяснило утвердившіяся здѣсь опредѣленные церковные напѣвы, которые затѣмъ были записаны и изданы. Харьковскій преосвященный предложилъ и своей паствѣ или озаботиться собраніемъ мѣстныхъ напѣвовъ, или ввести у себя «кругъ церковныхъ пѣснопѣній обычнаго напѣва московской епархіи», вслѣдствіе чего духовенство харьковской епархіи начало приобрѣтать изданія названнаго московскаго общества. Мы видимъ также стараніе архіереевъ о поддержаніи или возстановленіи древней точности и торжественности въ богослуженіи, какъ-то: воспрещеніе спѣшности и пропусковъ, соединеніе утрени съ вечернями и т. п.

Положимъ, все это мѣры, имѣющія значеніе исключительно церковное. Но мы указываемъ на особенное усиленіе ихъ, какъ на характеристическій признакъ, который не долженъ быть пропущенъ и свѣтской печатью. Это признакъ сознанія, что не слѣдуетъ сидѣть сложа руки, утѣшая себя глубокой набожностью русскаго народа, какъ то было издавна; что въ отношеніяхъ массы народа къ вѣрѣ не достааетъ еще очень многого, а въ заботѣ духовенства для оживленія этой вѣры, для просвѣтленія понятій о ней и нравственнаго ея ученія не доставало еще больше. Нельзя скрывать отъ себя, что этому мѣшали и апатія, и робость, боязнь, что въ рвеніи, самомъ естественномъ со стороны приходскаго пастыря, можетъ быть неожиданно открыто что-нибудь предпринятое какъ будто «безвременно» и «не по разуму». Чрезмѣрная боязнь отвѣтственности въ низшемъ православномъ духовенствѣ доходитъ почти до суевѣрнаго страха сдѣлать что-либо сверхъ самой безспорной рутинны.

Апатію, однако, легче побѣдить, чѣмъ именно эту робость, обусловленную почти двухвѣковой исторіей. Устранить апатію могутъ наставленія епископовъ, вниманіе къ дѣятельнымъ священникамъ, награжденіе ихъ. Но робость, страхъ отвѣтственности, понятно, могутъ быть устранены лишь предоставленіемъ имъ вообщемъ болѣе самостоятельности. Еще одно препятствіе къ значительному усиленію дѣятельности главной массы приходскаго духовенства, а именно пастырей сельскихъ, представляютъ хозяйственныя заботы, неизбѣжныя при необезпеченности содержанія духовенства. Преосвященный харьковскій съ большою полнотою очертилъ въ своемъ погланіи обязанности приходскихъ священниковъ, приглашая пастырей отправлять богослуженіе часто, по возможности и въ будни, ежедневно читать священное писаніе, хотя бы понемногу, проповѣдывать неуклонно въ каждыя воскресенья и праздники, а сверхъ того, вести съ народомъ бесѣды или чтенія и обучать прихожанъ церковному пѣнію, «быть съ народомъ ласковыми, пріятливыми» и «беречься, какъ великаго преступленія, вымогательства и притязательности по отношенію къ прихожанамъ», а, воспитывая сыновей своихъ въ стро-

гомъ послушанія уставамъ церкви, «не направлять ихъ добровольно и усилленно къ свѣтскимъ родамъ жизни». Но это послѣднее явленіе было послѣдствіемъ непримиримости всего положенія сельскаго священника, который не могъ ни отдать себя высокому своему призванію, ни принириться нравственно съ недостаточнымъ исполненіемъ его и съ необходимостью такихъ напоминаній прихожанамъ, которые, особенно при началѣ дѣятельности, должны были быть крайне ему тягостны. Вотъ почему, перебиваясь кое-какъ, чтобы дать дѣтямъ образованіе, онъ, дѣйствительно, могъ и не желать, чтобы ихъ ожидала такая же будущность.

Преосвященный калужскій, приглашая священниковъ увѣщевать прихожанъ, при объѣздѣ селеній прихода, исповѣдываться и причащаться, предлагаетъ такія мѣры: «отъ тѣхъ прихожанъ, которые отлучаются въ отхожіе промыслы, требовать, чтобы они исполняли христіанскій долгъ въ мѣстахъ, гдѣ для нихъ окажется это удобнымъ, и представляли къ томъ удостовѣреніе отъ священника, у котораго исполнили долгъ исповѣди и св. причастія». Такое требованіе со стороны пастыря по отношенію къ его прихожанамъ представляется естественнымъ и для нихъ не стѣснительнымъ, если только къ исполненію требованія этого ихъ будетъ побуждать не опасеніе какихъ-либо начальственныхъ внушеній, а добрая воля и единственное опасеніе—огорчить своего духовнаго отца.

Отчетъ свидѣтельствуетъ, что дѣло проповѣди развивается все болѣе и болѣе, но преимущественно въ городахъ. О сельскихъ же приходяхъ сказано только, что, «однако, и сельскіе священники *нерѣдко* являли весьма отрадные примѣры учительства». Утѣшительно удостовѣреніе, что «сельское духовенство начинаетъ проповѣдывать не только усердіемъ прежняго, но и ближе, примѣнительнѣе къ потребностямъ и развитію своихъ слушателей», и что «значительная часть проповѣдей направлена была противъ преобладающихъ въ простомъ народѣ пороковъ: жестокаго обращенія мужей съ женами, семейныхъ раздѣловъ, недружелюбныхъ отношеній между членами семействъ и противъ суевѣрій».

Замѣчательно, однако, и въ этомъ мы убѣждаемся не по первому отчету, что епископы полагаютъ существенное различіе между поученіями, произносимыми въ церкви, и поученіями въ собраніяхъ тѣхъ же вѣрующихъ, но внѣ церкви. Эти послѣднія поученія или бесѣды не подвергаются, да и не могутъ подлежать просмотру, между тѣмъ какъ въ отношеніи первыхъ соблюдается крайняя осторожность. Прихожанамъ же такое различіе, по всей вѣроятности, менѣе доступно. Такъ, епископъ таврическій, обративъ вниманіе на то, что «многіе священники говорятъ въ храмахъ импровизаціи», и опасаясь, что, при недостаткѣ необходимыхъ при этомъ ораторскихъ свойствъ, «проповѣдникъ, произносящій свое поученіе съ церковной кафедры, можетъ придти въ замѣшательство», «предложилъ священникамъ, въ видѣ совѣта, чтобы они импровизованныя рѣчи говорили внѣ храма, когда укажетъ нужда, въ домахъ, собра-

ніяхъ и проч., въ храмѣ же произносили краткія, напередъ составленныя поученія, или же, въ случаѣ недосуга, читали въ храмѣ печатныя поученія, прочитавъ ихъ предварительно со вниманіемъ дома».

Что касается произнесенія священниками поученій по поводу какихъ-либо общественныхъ событій или кончины общественныхъ дѣятелей, сдѣланы были св. синодомъ общія распоряженія по епархіямъ о внушеніи проповѣдникамъ, что въ такихъ случаяхъ «служитель православной церкви долженъ касаться явленій общественной жизни не иначе, какъ съ православной христіанской точки зрѣнія и съ единственною цѣлью назиданія по слову Божію и церковному преданію». При этомъ обращалось вниманіе на ту истину, что пастырь нарушилъ бы свой долгъ, если бы сталъ выступать судьей общественныхъ дѣлъ и явленій не по церковному ученію, но на какихъ-либо иныхъ, мірскихъ основаніяхъ или по какимъ-либо свѣтскимъ соображеніямъ. Такое наставленіе поручено внушать священно-служителямъ «особливо въ столицахъ и городахъ, гдѣ чаще представляются къ сему случаю и гдѣ молодые священники, а иногда и законоучители учебныхъ заведеній, бываютъ склонны увлекаться проходящими и случайными мнѣніями и впечатлѣніями, воспринимаемыми въ средѣ волнующагося общества. Въ тѣхъ случаяхъ, — прибавлено въ отчетѣ, — когда усмотрѣно будетъ въ проповѣдникахъ нарушеніе должной мѣры, недостатокъ сдержанности и благоразумія, обязывать ихъ представлять свои проповѣди на просмотръ прежде ихъ произнесенія».

Относительно устройства церковно-приходскихъ школъ отчетъ, прежде всего, напоминаетъ, что въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ число такихъ школъ доходило до 18 тыс., а учащихся въ нихъ было до 100 тыс. дѣтей обоюго пола, но что затѣмъ, когда явились начальныя народныя училища, въ которыхъ «начальное образованіе отдалено было отъ церковной грамотности и начало устроиваться по чужеземнымъ образцамъ, новымъ системамъ и методамъ обученія», то самая значительная часть церковно-приходскихъ школъ перешла «къ новымъ руководителямъ народнаго образованія». Далѣе указываются неизвѣстныя еще доселѣ обстоятельства, которыми вызваны были и затѣмъ сопровождались новѣйшія мѣры, направленные къ возстановленію и умноженію церковныхъ школъ безъ предположенія, впрочемъ, о замѣнѣ ими школъ свѣтскихъ, такъ какъ, напомнишь, объ устройствѣ церковныхъ школъ предписано озаботиться, прежде всего, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ никакихъ школъ не имѣется.

Еще въ 1879 году былъ внесенъ въ комитетъ министровъ вопросъ, возбужденный особымъ совѣщаніемъ, о предѣставленіи православному духовенству надлежащаго вліянія на народное образованіе. При обсужденіи этого вопроса «комитетъ министровъ выразилъ единогласное убѣжденіе, что духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный камень всего государственнаго строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи на-

родными школами». И такъ, мы видимъ, что вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ то время комитетомъ министровъ въ формѣ, столь категорической и всеобъемлющей, что подъ это рѣшеніе вполне могла бы подойти даже непосредственная передача всѣхъ существовавшихъ народныхъ школъ въ духовное вѣдомство, такъ какъ въ постановленіи комитета, приводимомъ въ отчетѣ, говорилось о преобладающемъ участіи духовенства именно въ *завѣдываніи* народными школами.

Какъ извѣстно, однако, предположеніе это было принято въ гораздо меньшемъ смыслѣ. При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла въ комитетѣ министровъ, г. оберъ-прокуроръ св. синода, указывая на сложность вопроса объ обезпеченіи за духовенствомъ должнаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія и на необходимость матеріальныхъ средствъ для этого, изъявилъ готовность подвергнуть этотъ вопросъ всесторонней разработкѣ. Положеніемъ комитета, утвержденнымъ уже въ январѣ 1882 года, предоставлено было оберъ-прокурору, по сношеніи съ другими вѣдомствами, дать этому дѣлу дальнѣйшее движеніе. Затѣмъ послѣдовали слѣдующія мѣры: изъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія перечислены были въ смѣту синода 51,000 рублей, поставленные особою статьей, подъ названіемъ: «на выдачу пособій и вознагражденій духовенству и разнымъ духовнымъ учрежденіямъ на устройство и содержаніе школъ для народнаго образованія»; при св. синодѣ назначена была коммиссія, подъ предсѣдательствомъ холмо-варшавскаго архіепископа Леонтія, для разработки общаго вопроса; этою коммиссіей и былъ составленъ въ 1883 году проектъ положенія о церковно-приходскихъ школахъ, съ указаніемъ, сверхъ того, въ объяснительной запискѣ, «мѣропріятій къ обезпеченію за духовенствомъ надлежащаго вліянія на народныя школы свѣтскихъ вѣдомствъ и частныхъ мѣропріятій въ пользу просвѣщенія народа въ духѣ церковности».

Такимъ образомъ, вопросъ на практикѣ рѣшился въ смыслѣ учрежденія вновь и отдѣльно школъ, которыя будутъ содержаться на средства, присланныя духовенствомъ, состоя подъ его руководствомъ, съ сохраненіемъ наряду съ ними народныхъ школъ, учрежденныхъ земствомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія, оставленныхъ въ непосредственномъ завѣдываніи послѣдняго. Затѣмъ, что касается общихъ и частныхъ мѣропріятій въ смыслѣ обезпеченія духовнаго вліянія и на эти, свѣтскія школы, предложенныхъ коммиссіею преосвященнаго Леонтія, то намъ неизвѣстно, осуществились ли они, или нѣтъ. По крайней мѣрѣ, никакого законоположенія по этому предмету не издано, кромѣ закона о самомъ учрежденіи церковно-приходскихъ школъ, а въ извлеченіяхъ изъ отчета по духовному вѣдомству ничего болѣе по этому предмету не сказано.

Перейдемъ теперь къ цифрамъ, показывающимъ развитіе, какое приняло въ 1883 г. самое учрежденіе церковно-приходскихъ школъ. Въ епар-

хія могилевской открыто около 900 школъ, съ 15½ т. учениковъ и 2½ тыс. ученицъ. Такой результатъ былъ достигнутъ потому, что епископъ предложилъ епархіальному сѣзду открыть школы во всѣхъ приходсахъ. Въ московской епархіи также было предписано духовенству открыть при каждой приходской церкви въ мѣстечкахъ, селахъ и значительныхъ деревняхъ церковно-приходскую школу, если нѣтъ начальнаго училища, учрежденнаго учебнымъ округомъ; цифра церковныхъ школъ, открытыхъ въ московской епархіи, не показана въ отчетѣ, но должна быть значительна, такъ какъ въ каждомъ почти приходѣ должна быть такая школа. Въ епархіи волынской, за исключеніемъ двухъ уѣздовъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній, 494 школы, гдѣ обучаются до 11 т. дѣтей, причемъ при школахъ заведены и хоры изъ крестьянскихъ дѣтей для участія въ церковномъ пѣніи. Въ подольской епархіи въ первый же (отчетный) годъ было 795 церковныхъ школъ, съ 17½ т. учащихся, причемъ въ нихъ состояло учениковъ - католиковъ 206, евреевъ 23. Въ кievской же епархіи число церковныхъ школъ въ 1883 году было уже 1,050, съ 29,653 учащими.

Такимъ образомъ, учрежденіе школъ пошло очень быстро въ западныхъ епархіяхъ. Цифры церковныхъ школъ, учрежденныхъ въ епархіяхъ центральныхъ, гораздо менѣе значительны. Напримѣръ: во владимірской—51 школа, въ псковской—38, въ калужской—99, съ 1½ т. учащихся, въ смоленской—38, съ 1¼ т. учениковъ, въ костромской—58, съ 1¼ т. учениковъ, въ нижегородской—44, самарской—72, астраханской—53. Въ сибирскихъ епархіяхъ школъ учреждено мало.

Приведа эту статистику, мы не можемъ не замѣтить, что хотя число церковно-приходскихъ школъ въ 1883 году было, несомнѣнно, еще очень далеко отъ тѣхъ 18 тысячъ со 100 т. учениковъ, о которыхъ упомянуто въ отчетѣ, со словъ старыхъ отчетовъ, конечно, но едва ли и можно имѣть полную увѣренность, что въ шестидесятыхъ годахъ церковныхъ школъ было такъ много въ дѣйствительности. Въ подтвержденіе нашей догадки сошлемся на отзывъ преосвященнаго Діонисія, епископа якутскаго, который, указавъ, что начальныхъ школъ въ Якутской области считается въ настоящее время около 35, прибавляетъ, что «многія школы значатся только для счета». И такъ, если къ числамъ школъ, значащимся и въ наше время, можно относиться не безъ провѣрки, то тѣмъ болѣе къ такимъ цифрамъ, которыя относятся ко времени, отъ котораго насъ отдѣляетъ двадцатилѣтіе, слѣдуетъ относиться осторожно.

Мы упоминали выше о робости, о чрезмѣрномъ страхѣ ответственности, который такъ свойственъ низшему духовенству. Любопытное свидѣтельство объ этомъ фактѣ мы находимъ въ «пастырскомъ вразумленіи» митрополита кievскаго Платона, обращенное къ «посылающимъ безыменныя письма». Оставляя въ сторонѣ писанія злобныя, укормны и доносы, какъ сообщаетъ *Правит. Вѣстн.* (№ 222), высокопреосвященный Платонъ нерѣдко

получает безыменные письма, «невинныя по содержанию, подъ коими всякій могъ смѣло подписать свое имя, и инныя, повидимому, благонамѣренныя, въ которыхъ сообщаются разныя свѣдѣнія относительно епархіи и духовенства и подъ коими сочинителямъ ихъ надлежало бы подписать свои имена, какъ въ доказательство справедливости того, о чемъ они говорятъ, такъ и для того, чтобы можно было, въ случаѣ нужды, потребовать отъ нихъ поясненій по содержанию ихъ писемъ». Но, видно, именно отъ потребованія объясненій пишущіе безъ подписи и желали уклониться. Надо предполагать, что число такихъ безыменныхъ писемъ значительно, коль скоро митрополитъ кievскій счелъ долгомъ выступить противъ нихъ съ «вразумленіемъ», въ которомъ указываетъ на дурныя свойства подобнаго обращенія. При этомъ высокопреосвященный Платонъ проситъ благочинныхъ и вообще священниковъ не скрывать отъ него того, что ему нужно знать, какъ архипастырю, и завѣряетъ ихъ, что никакихъ вредныхъ для нихъ послѣдствій отъ такой откровенности не произойдетъ. «Сообщайте же мнѣ,—говоритъ архипастырь духовенству,—нужныя свѣдѣнія въ обыкновенныхъ или конфиденціальныхъ рапортахъ, но отнюдь не, въ безыменныхъ письмахъ, потому что составленіе такихъ писемъ, неприличное и постыдное для всѣхъ христіанъ, тѣмъ болѣе предосудительно для духовенства». И не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ числѣ заботъ объ оживленіи духовенства, о которыхъ свидѣтельствуетъ въ особенности нынѣшній отчетъ по духовному вѣдомству, весьма важнымъ по печеніемъ и даже совершенно необходимымъ условіемъ должны быть та снисходительность, то уваженіе къ хорошему намѣренію и къ нѣкоторой убѣжденной въ правотѣ своей смѣлости почина, которыхъ примѣръ показываетъ митрополитъ кievскій въ своемъ «вразумленіи». Безъ нѣкоторой нравственной самостоятельности и смѣлости, безъ уваженія къ этимъ свойствамъ со стороны іерархіи нельзя было бы и ожидать дѣйствительнаго оживленія благотворной работы пастырей среди народа.

Нашъ государственный банкъ издавна упрекали въ томъ, что онъ открываетъ кредитъ почти исключительно одному торговому классу купечества, частнымъ и общественнымъ банкамъ, а не оказываетъ помощи землевладѣнію, земледѣлію, заводской и фабричной производительности. Въ удовлетвореніе жалобъ сельскихъ хозяевъ и нуждъ крестьянъ, въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, учреждены два специальныхъ банка: дворянскій и крестьянскій, оба государственные. Но банкъ, носящій по преимуществу названіе «государственнаго» (такъ какъ государство производитъ чрезъ него займы), какъ былъ, такъ и остался банкомъ кредита коммерческаго, что согласно съ его уставомъ, который очень близокъ къ уставу «французскаго» банка. Кредитъ долгосрочный, ипотечный, меліораціонный, промышленный—не его дѣло. Когда государственному банку случалось оказывать помощь большими суммами такимъ предпріятіямъ,

какъ заводы и желѣзныя дороги, то испрашивалось каждый разъ особое высочайшее разрѣшеніе.

Коммерческое значеніе этого банка столь велико, на немъ, сверхъ его расчетовъ съ казначействомъ, лежитъ такая колоссальная масса краткосрочныхъ обязательствъ, что всякое иное дѣло ему мало свойственно и для него опасно. Нелишне, быть можетъ, привести нѣсколько цифръ, которыя представляютъ размѣръ операций коммерческаго кредита въ Россіи какъ въ государственномъ банкѣ съ его отдѣленіями, такъ и въ акціонерныхъ и общественныхъ банкахъ. Кромѣ банка государственнаго, было еще одно государственное учрежденіе коммерческаго кредита—банкъ польскій, упраздненный въ текущемъ году. Въ итогъ, который мы приведемъ, операции польскаго банка включаются.

И такъ, операции краткосрочнаго кредита въ Россіи производили: государственный банкъ съ отдѣленіями, при капиталѣ основномъ всего въ 25 милл. р. и резервномъ въ нѣсколько менѣе 3 милл. р., и польскій банкъ, при капиталѣ въ 8½ милл. р.,—на 31 миллиардъ 471 миллионъ 339 тысячъ рублей въ годъ. Затѣмъ, итогъ годовыхъ операций частныхъ учреждений коммерческаго кредита въ Россіи еще нѣсколько превосходилъ эту сумму, а именно выражался цифрою—37 миллиардовъ 138 миллионъ съ лишнимъ въ годъ. Эти частныя учрежденія раздѣлялись на слѣдующія категоріи: 35 банковъ акціонерныхъ съ отдѣленіями, 92 общества взаимнаго кредита и 281 городской общественный банкъ. Считая за отдѣльныя учрежденія отдѣленія и конторы банковъ и соединяя учрежденія государственныя, акціонерныя и общественныя, занятыя операциями коммерческаго кредита, получаютъ слѣдующія цифры: такихъ учреждений было въ Россіи 513, съ общимъ капиталомъ до 186 миллионъ рублей и съ общимъ итогомъ оборотовъ въ 68 миллиардовъ 610 миллионъ 161,100 рублей въ годъ *).

Извѣстно, что государственный банкъ у насъ, какъ по свойству нашихъ расчетныхъ знаковъ, такъ и по самому происхожденію всего частнаго кредита, былъ, а въ значительной мѣрѣ и остается, источникомъ всего кредита въ странѣ. Достаточно бросить взглядъ на эти данныя, чтобы убѣдиться въ несвойственности операций долговременнаго и индустріальнаго кредита такому учрежденію, на которомъ лежитъ отвѣтственность по краткосрочнымъ оборотамъ на столь колоссальныя суммы. Не надо удивляться поэтому, что если, подъ вліяніемъ вновь возникающихъ требованій, на государственный банкъ и возлагаются иногда операции, хотя и не долговременныя, но по свойству своему не коммерческія, какъ, напримѣръ, выдача ссудъ подъ обязательства и хотя бы залогомъ,

*) *Всеобщникъ русскихъ кредитныхъ учреждений* И. С. Иващенко. Выпускъ II, 1882 г. Приведенныя цифры относятся въ 1878 году, но болѣе новыхъ такихъ же сводныхъ цифръ не имѣется, такъ какъ громадный и превосходный статистическій трудъ, на который мы ссылаемся, пересталъ выходить.

представляемые лицами не-торгового класса, то-есть такими, на которыхъ протестъ векселя вовсе не наводитъ того паническаго страха, какой испытываютъ торговцы, то государственный банкъ обставляетъ выдачу имъ ссудъ, хотя бы краткосрочныхъ, столь стѣснительными условіями, такими предосторожностями и ограниченіями, что отъ подобныхъ льготъ оказывается мало выгоды для тѣхъ именно, въ чью пользу онѣ были допущены.

Такъ было съ соло-векселями землевладѣльцевъ, такъ, надо думать, окажется съ ссудами подъ хлѣбъ въ зернѣ, которыя разрѣшается производить конторамъ государственнаго банка на основаніи новыхъ правилъ, утвержденныхъ министромъ финансовъ 17 минувшаго октября. Конечно, исправность платежей помѣщиковъ по соло-векселямъ обезпечивается недвижимыми имуществами, на которыя государственному банку въ этомъ случаѣ предоставляется первое право вслѣдъ за учрежденіями земельного кредита. Точно также и по ссудамъ подъ хлѣбъ отвѣчаетъ самый предметъ залога, сложенный въ опредѣленномъ мѣстѣ, надлежащимъ образомъ осмотрѣнный, опечатанный, охраняемый и провѣряемый. Казалось бы, чего же опасаться въ обоихъ этихъ случаяхъ и для чего стѣснять размѣръ столь обезпеченнаго кредита, обставляя его «излишними формальностями», какъ, по поводу правилъ 17 октября, газеты стѣтуютъ на министерство финансовъ?

Но онѣ забываютъ при этомъ, что во всякомъ кредитѣ важную роль играетъ элементъ нравственный, довѣріе не только къ платежной способности заемщика, но и къ тому, какъ онъ самъ относится къ своему долгу. Весь коммерческій кредитъ держится на особомъ значеніи истиннаго *векселя*, какъ такого краткосрочнаго, несомнѣннаго и удобопередаваемаго обязательства, которое представляетъ собой дѣйствительно совершенную торговую сдѣлку, а потому обезпечено въ платежѣ и имѣетъ значеніе, близкое къ значенію наличныхъ денегъ. Всѣ эти условія непременно присущи настоящему векселю, такому, который можетъ быть учтенъ въ банкѣ. Вотъ почему правленію или учетному комитету банка, по необходимости, предоставляется нѣкоторый произволь въ принятіи или непринятіи векселей къ учету при наружно совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Учетный комитетъ обязанъ руководствоваться всѣми указаніями, какія до него дойдутъ о свойствѣ векселя, и не принимать его не только если подписи на немъ не надежны сами по себѣ, но еще если въ точности уплаты можно сомнѣваться по самому происхожденію долга. Долгъ по коммерческой операциіи будетъ уплаченъ торговцемъ, который въ операциіи этой получалъ и средство къ уплатѣ, и долженъ уплатить, если хочетъ далѣе производить подобныя операциіи, и, наконецъ, будетъ пораженъ сразу разстройствомъ всѣхъ своихъ дѣлъ, какъ только вексель его будетъ опротестованъ. Но если долгъ, на который выданъ вексель, возникъ изъ иныхъ условій, напр., просто изъ нужды въ деньгахъ на

прожитіе, изъ проигрыша, изъ раздѣла, то средствъ для уплаты этого долга не припасено при выдачѣ векселя. Вотъ почему никакой банкъ, если поступаетъ правильно, не приметъ къ учету вексель такого рода, хотя бы подписи на немъ были благонадежныя.

Но, сверхъ того, люди не-коммерческіе вовсе не такъ смотрятъ на вексель, какъ торговцы, и въ средѣ землевладѣльцевъ, напримѣръ, несомнѣнно, что на долгъ карточный смотрятъ болѣе серьезно, чѣмъ на вексель, учтенный у капиталиста. Не-торговые люди не видятъ въ векселѣ ничего особеннаго, отличающаго этотъ родъ заемнаго обязательства отъ иныхъ. Конечно, если соло-вексель помѣщика будетъ просроченъ въ банкѣ, то банкъ приступитъ къ продажѣ имѣнія. Но, вѣдь, можно будетъ въ послѣднюю минуту найти деньги и уплатить. А что самый вексель былъ протестованъ, это само по себѣ не убьетъ всего дѣла землевладѣльца, какъ подобный фактъ убилъ бы дѣло торговца. Хозяйство пойдетъ своимъ чередомъ и до продажи имѣнія еще далеко.

Соображенія эти мы привели, чтобы объяснить ту крайнюю осторожность, съ какою государственный банкъ вдается въ кредитныя операціи не вполне коммерческаго свойства. Такъ, за операцію ссудъ подъ хлѣбъ банкъ взялся не по своему почину, но потому, что ее, какъ увидимъ ниже, почти навязало банку предпріятіе частное, а именно общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Надо было разрѣшить въ принципѣ вопросъ о ссудахъ изъ конторъ государственнаго банка подъ залогъ хлѣба, и вотъ министерство финансовъ издало правила 17 октября, но не ввело этихъ правилъ въ дѣйствіе во всѣхъ тѣхъ конторахъ, отъ которыхъ могутъ потребоваться подобныя ссуды, не ввело ихъ даже и въ кievскомъ отдѣленіи, какъ о томъ ходатайствовало общество юго-западныхъ дорогъ, а разрѣшило примѣненіе этихъ правилъ на первый разъ только въ конторахъ одесской и ростовской.

Не рѣшаясь пока сдѣлать эту мѣру общеою, министерство финансовъ, основываясь, конечно, на представленіи управляющаго государственнымъ банкомъ, крайне стѣснило и размѣръ ссудъ, и условія для ихъ полученія. Изложимъ сущность правилъ 17 октября. Хлѣбъ, подъ который «испрашивается» ссуда, долженъ храниться въ отдѣльномъ складѣ, т.-е. въ такомъ, въ которомъ не имѣется иныхъ товаровъ, плата за помѣщеніе должна быть внесена впередъ за все время до срока ссуды и хлѣбъ долженъ быть застрахованъ на то же время. Одинъ изъ директоровъ конторы предварительно провѣряетъ показаніе залогодателя и количество, а также качество сложеннаго хлѣба, но, независимо отъ такой непосредственной провѣрки самой конторою, она можетъ еще потребовать отъ залогодателя удостовѣренія въ количествѣ хлѣба отъ двухъ биржевыхъ маклеровъ. Не говоря уже о стѣснительности этого послѣдняго условія для землевладѣльцевъ, которые не имѣютъ дѣла съ биржевыми маклерами, спрашивается: какъ же оно будетъ исполняться, когда «правила» получать об-

щее прииѣненіе? Напримѣръ, ссуда требуется въ Твери; развѣ тамъ есть биржевые маклера? Пробы закладываемаго хлѣба представляются учетно-ссудному комитету, который оцѣниваетъ товаръ и опредѣляетъ разшѣръ ссуды, но не болѣе 40 процентовъ оцѣнки; стало быть, комитетъ для болѣе осторожности можетъ назначить ссуду и въ 30 или 20 процентовъ имъ же сдѣланной оцѣнки, то-есть просто отказать въ ссудѣ такимъ косвеннымъ путемъ. Контора еженедѣльно провѣряетъ состояніе хлѣба во время храненія и, если замѣтитъ порчу, имѣетъ право потребовать выкупа его до срока въ теченіе пяти дней, или продать хлѣбъ. Въ случаѣ неисправности заемщика, хлѣбъ продается, а невырученная противъ долга сумма обращается ко взысканію на все остальное его имущество.

Такимъ образомъ, банкъ требуетъ отъ заемщика слѣдующихъ много-различныхъ обезпеченій: 1) залога, въ видѣ хлѣба застрахованнаго, оплаченнаго за храненіе, еженедѣльно провѣряемаго и цѣнностью превосходящаго ссуду, по меньшей мѣрѣ, на 60 проц., а имѣя въ виду осторожность самой оцѣнки, вѣроятно, процентовъ на 75; 2) сверхъ залога, требуетъ отъ заемщика вексельнаго обязательства; 3) сверхъ первоначальной провѣрки и еженедѣльнаго осмотра непосредственно директорами конторы, требуются еще маклерскія удостовѣренія, и 4) за ссуду подъ хлѣбъ, заложенный въ треть или четверть цѣны, отвѣчаетъ еще все остальное имущество заемщика. А, между тѣмъ, тотъ же банкъ учитываетъ на 200 слишкомъ милліоновъ рублей въ годъ простыхъ торговыхъ векселей съ двумя бланковыми надписями. Но мы уже указали на разницу и нисколько не ставимъ банку въ вину его крайней осторожности по отношенію къ операціямъ, которыя онъ признаетъ несвойственными себѣ.

Передача заложеннаго хлѣба другому лицу съ переводомъ ссуды допускается не иначе, какъ «по предварительному одобренію учетнымъ и ссуднымъ комитетомъ кредита того лица, на которое переводится ссуда». Противъ этого, въ самомъ дѣлѣ стѣснительнаго условія предъявлено наиболѣе возраженій. Какъ, говорятъ, да, вѣдь, залогъ самъ за себя отвѣчаетъ? Но при этомъ упускается изъ вида, что, вѣдь, заемщику разрѣшена ссуда подъ отвѣтственность не одного залога, но и всего остальнаго его имущества; значить, при переводѣ ссуды на другое лицо вполнѣ логично возбуждать вопросъ, представляется ли и въ этомъ случаѣ то дополнительное обезпеченіе, какое имѣлось въ виду при самомъ разрѣшеніи ссуды? Конечно, ссуда подъ залогъ, съ вексельнымъ обязательствомъ и съ необходимостью особаго ходатайства при передачѣ, уже совсѣмъ не похожа на ссуду подъ варрантъ, который обращается какъ товаръ. Но, вѣдь, варрантное дѣло вовсе и не входитъ въ атрибуцію государственнаго банка, который никогда и не думалъ принять ее на себя, такъ какъ варрантное дѣло есть настолько же операція хлѣбной торговли, насколько операція кредитная.

При всѣхъ такихъ ограниченіяхъ, самая дешевизна государственнаго кредита подъ хлѣбъ, несомнѣнно, теряетъ свое значеніе. Размѣръ интереса будетъ, конечно, измѣняться, но въ настоящее время для одесской и ростовской конторъ онъ опредѣленъ въ 6% годовыхъ. Такъ какъ ссуды эти производятся только на срокъ до 6 мѣсяцевъ, то дешевизна эта можетъ нейтрализоваться любой изъ лишнихъ формальностей, исчисленныхъ выше. Такъ, возьмемъ въ примѣръ даже очень значительную ссуду—10,000 р., взятыхъ на полгода. Владѣльцу хлѣба, можетъ быть, болѣе выгодно занять по 8 процентовъ изъ частныхъ рукъ и заплатить 400 р., вмѣсто 300, съ тѣмъ только, чтобы его не обязывали прискаты для храненія хлѣба, стоящаго 25 тысячъ рублей, совѣсть отдѣльный складъ, такъ какъ за это одно онъ можетъ переплатить болѣе 100 рублей.

Справедливо замѣчено въ печати, что кредитъ подъ зерновые товары въ томъ видѣ, какъ онъ обуславливается правилами 17 октября, можетъ служить гораздо болѣе для торговцевъ хлѣбомъ, чѣмъ для землевладѣльцевъ. Кредитомъ этимъ могутъ пользоваться скупщики, которые привозятъ въ городъ партіи хлѣба, не имѣющія еще назначенія; они имѣютъ свои отдѣльные склады, имъ легко заручиться и свидѣтельствами маклеровъ. Землевладѣлецъ же нуждается въ кредитѣ, прежде чѣмъ доставить хлѣбъ въ городъ, гдѣ имѣется отдѣленіе государственнаго банка, и потому будетъ, попрежнему, запродавать его у себя на мѣстѣ торговцу подъ задатки, имѣющіе то же значеніе ссудъ.

Но возможно ли же было ожидать, что конторы государственнаго банка станутъ посылать своихъ директоровъ въ имѣнія за сто верстъ взвѣшивать хлѣбъ и станутъ выдавать ссуды подъ хлѣбъ, остающійся въ рукахъ самихъ залогодателей? Ничего подобнаго ожидать было нельзя и съ этой стороны сѣтованія на правила 17 октября совершенно неосновательны. Этому дѣлу не могутъ помочь вполнѣ ни государственныя кредитныя учрежденія, ни даже варрантные склады; чтобы получить ссуду подъ залогъ хлѣба, сельскому хозяину, все-таки, придется привозить хлѣбъ въ склады, которые находятся подъ рукою тѣхъ учрежденій. Давать же ссуды или задатки подъ хлѣбъ въ помѣщичьихъ складахъ или на корню могутъ только скупщики или такія спеціальныя конторы сельско-хозяйственнаго кредита, которыя дѣйствовали бы въ узкомъ округѣ.

Ближе, чѣмъ контора государственнаго банка, могутъ подходить къ помѣщику съ кредитомъ подъ хлѣбъ управленія желѣзныхъ дорогъ. Доставить хлѣбъ на ближайшую желѣзно-дорожную станцію своими средствами можетъ каждый сельскій хозяинъ, если только хлѣбъ его не былъ запроданъ еще раньше урожая. Желѣзно-дорожная же администрація, если только озаботилась устройствомъ складовъ на всѣхъ станціяхъ, будетъ имѣть залогъ въ своихъ рукахъ и можетъ выдать подъ него ссуды, можетъ заняться и продажей хлѣба по порученію хозяевъ, наконецъ, можетъ доставлять этотъ хлѣбъ въ городъ, гдѣ находится отдѣленіе госу-

дарственного банка, и перезакладывать въ немъ этотъ хлѣбъ, чтобы получить средства для большаго развитія своей хлѣбной операціи, на которую у желѣзныхъ дорогъ нѣтъ собственныхъ средствъ. Въ такомъ видѣ, то-есть при посредничествѣ желѣзно-дорожнаго общества, и самый кредитъ, предоставляемый государственнымъ банкомъ подъ залогъ хлѣба, можетъ обратиться въ пользу не только торговцевъ, но и самихъ производителей.

Смѣлый починъ въ дѣлѣ созданія желѣзно-дорожнаго посредничества въ кредитъ сельскимъ хозяевамъ принадлежалъ г. Витте, завѣдывающему эксплуатаціею юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Такъ какъ хлѣбъ занимаетъ важнѣйшее мѣсто въ товарномъ движеніи, то интересы желѣзныхъ дорогъ вполне солидарны съ интересами хлѣбной торговли и сельскаго хозяйства, если только эксплуатація желѣзныхъ дорогъ ведется правильно, то-есть дѣйствительно направляется къ уменьшенію расходовъ, къ возвышенію валоваго сбора и уменьшенію казенныхъ приплатъ по гарантіи, а по возможности и къ достиженію излишка доходовъ, сверхъ обезпеченныхъ 5 процентовъ по акціонерному капиталу. Общества прямо заинтересованы въ привлеченіи возможно большаго количества хлѣбныхъ грузовъ на свои дороги и упадокъ нашего хлѣбнаго вывоза не могъ быть индифферентенъ для дорогъ, живущихъ преимущественно вывозами, каковы именно юго-западные дороги. Всѣ согласны въ томъ, что поддержать нашъ хлѣбный отпускъ можно лишь уменьшеніемъ накладныхъ расходовъ по производству и перевозкѣ хлѣба. Первое средство здѣсь, разумѣется, пониженіе самаго тарифа по перевозкѣ. И вотъ общество юго-западныхъ дорогъ понизило тарифы по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ, въ большей части ставокъ, въ размѣрѣ отъ 50 до 60 процентовъ противъ опредѣленныхъ уставами.

Затѣмъ, этому обществу, которое доставляетъ хлѣбъ, главнымъ образомъ, въ Одессу (куда направляется до половины всего количества перевозимыхъ имъ хлѣбныхъ грузовъ), необходимо было озаботиться уменьшеніемъ накладныхъ расходовъ по перевозкѣ и перегрузкѣ хлѣба въ самой Одессѣ. Хлѣбъ въ Одессѣ съ товарной станціи перевозился на лошадяхъ въ магазины въ разныхъ частяхъ города, гдѣ лежалъ обыкновенно $1\frac{1}{2}$ или 2 мѣсяца, а оттуда опять перевозился на лошадяхъ въ портъ, гдѣ и перегружался рабочими въ мѣшкахъ на суда. Вся эта операція обходилась не менѣе 35, а иногда и до 1 руб. 75 коп. на четверть. Для устраненія этого неудобства устроена въ Одессѣ эстокада, по которой хлѣбъ перевозится въ портъ изъ магазиновъ въ особо приспособленныхъ вагонахъ въ разсыпную и изъ этихъ вагоновъ посредствомъ специальныхъ трубъ сыпается прямо въ суда, стоящія у набережной. При такой эстокадной перевозкѣ расходы на четверть уменьшились до 15 коп. Понятно, что перевозка по эстокадѣ должна была быстро возрастать. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1879 году она составляла всего $4\frac{3}{4}$ милл. пудовъ, а за 1884

годъ составила уже $26\frac{3}{4}$ милл. пудовъ, за первую же половину нынѣшняго года $16\frac{1}{4}$ милліоновъ. Теперь уже около трехъ четвертей всего количества хлѣба, привозимаго въ Одессу, доставляется на суда чрезъ эстакаду.

Легко понять, однако, что такимъ значительнымъ пониженіемъ накладныхъ расходовъ по перевозкѣ воспользовались не производители хлѣба, которые его не доставляютъ, а хлѣбные торговцы и всякаго рода комиссіонеры. При ихъ посредствѣ хлѣбъ переходилъ черезъ нѣсколько рукъ, причеиъ каждый такой переходъ оплачивается комиссіею, такъ что цѣна хлѣба въ заграничномъ отпускѣ представляетъ значительную разницу съ цѣною его на мѣстѣ производства, сложенной со стоимостью перевозки. Притомъ, пониженіе цѣнъ, которое обусловливается конкуренціею хлѣба, доставляемаго на европейскіе рынки изъ другихъ частей свѣта, не ложится на эту комиссіонерскую плату, такъ какъ сельскіе хозяйства не могутъ обойтись безъ услугъ комиссіонеровъ, а падаетъ прямо на доходы самихъ производителей. Неизбѣжность же посредничества скупщиковъ или комиссіонеровъ тѣмъ именно и поддерживается, что они выдаютъ землевладѣльцамъ значительныя задатки и ссуды подъ хлѣбъ. Если же землевладѣлецъ и хотѣлъ бы обойтись безъ посредства комиссіонера и самъ доставилъ бы хлѣбъ въ Одессу, то, все-таки, онъ не въ состояніи выждать выгодной цѣны, а долженъ продавать по той цѣнѣ, какую ему дадутъ тѣ же комиссіонеры. Эти послѣдніе увеличиваютъ свои выгоды, насчитывая еще, сверхъ комиссіи, большую недостачу зерна.

И такъ, вѣрнѣйшимъ средствомъ, чтобы поднять отпускъ хлѣба изъ Одессы, то-есть привлечь какъ можно больше хлѣбныхъ грузовъ на юго-западные дороги, представлялось вступленіе въ борьбу съ комиссіонерами ихъ же оружіемъ, то-есть выдачею ссудъ производителямъ подъ залогъ хлѣба и посредничествомъ въ его продажѣ. Нужна была именно смѣлость, чтобы рѣшиться на учрежденіе ссудной операціи и комиссіонерства, которыя прямо не относятся къ желѣзно-дорожному дѣлу и которыя, какъ легко было предвидѣть, сразу должны были принять большіе размѣры. У желѣзно-дорожныхъ управленій нѣтъ наличныхъ средствъ, которыми они могли бы располагать на дѣло кредитное. Юго-западное управленіе, пребывающее въ Кіевѣ, обратилось къ помощи экспортнаго дома Родоконани въ Одессѣ, который и назначилъ 125 тыс. руб. для выдачи ссудъ подъ хлѣбные грузы въ районѣ Дуѣстра съ платою по 8% годовыхъ. Тогда, т.-е. въ концѣ 1883 года, общество учредило агентства въ Одессѣ, Сорокахъ и Дубоссарахъ для непосредственныхъ сношеній съ землевладѣльцами и исполненія ихъ порученій, причеиъ комиссію полагило самую незначительную, такъ какъ его главная выгода не въ комиссіонерствѣ, а усиленіи перевозки хлѣбныхъ грузовъ. Успѣхъ былъ сразу такъ великъ, что на комиссію въ агентство поступило въ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца 117 тыс. пуд. хлѣба, подъ залогъ котораго и выданы были ссуды, но

выданы меньше требованія, такъ какъ капитала, ассигнованнаго торговымъ домошъ, не хватило на удовлетвореніе всѣхъ заявленныхъ требованій.

На слѣдующій годъ само общество назначило уже для усиленія этой суммы 250 тыс. рублей изъ своихъ средствъ, то-есть изъ текущаго своего капитала, хранящагося въ международномъ банкѣ.

Такъ какъ капиталъ въ банкѣ даетъ всего 3%, то для самаго общества очень выгодно помѣщеніе части его въ операцію ссудъ подъ хлѣбъ, которая приноситъ 8%. Въ теченіе 1884 года общество приняло хлѣба и выдало ссуды на 836 т. пудовъ, причеиъ ссуды погашались изъ продажной цѣны хлѣба. При такомъ развитіи этой операціи пришлось нанять особые магазины на станціяхъ въ Одессѣ для храненія хлѣба и учредить новую должность коммерческаго агента. Этотъ агентъ обязанъ не вести собственныхъ дѣлъ по продажѣ хлѣба и бесплатно сообщать своимъ довѣрителямъ всѣ указанія и совѣты относительно положенія одесскаго хлѣбнаго рынка и выгоднаго сбыта хлѣба. Онъ же производитъ продажу хлѣба по порученіямъ владѣльцевъ и выдаетъ ссуды подъ хлѣбъ, сданный на комиссію и сложенный въ магазинахъ общества. Общество выдаетъ ссуды въ размѣрѣ не 40, а 75 процентовъ настоящей цѣны, и, притомъ, включаетъ въ ссуду самую перевозку хлѣба; собственно за комиссію общество беретъ 1% съ вѣрученной суммы, а за храненіе хлѣба въ магазинахъ по 5 коп. съ четверти въ мѣсяцъ, но первую недѣлю хранить его бесплатно.

Все это условія, уже безъ всякаго сравненія болѣе удобныя, болѣе коммерческія, чѣмъ тѣ, какія могъ допустить государственный банкъ для своей хлѣбно-ссудной операціи, которой главное значеніе сперва и будетъ, вѣроятно, заключаться въ усиленіи средствъ общества юго-западныхъ дорогъ на развитіе хлѣбной операціи, такъ какъ общество можетъ при этомъ пользоваться двумя процентами выгоды, закладывая въ банкѣ часть оставшагося за нимъ хлѣба.

Что операція, устроенная обществомъ, выгодна для сельскихъ хозяевъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, такъ какъ оно и ссуду даетъ гораздо болѣе значительную, чѣмъ задатки комиссіонеровъ, и комиссіонную плату беретъ гораздо меньшую, и, наконецъ, владѣльцу хлѣба удобнѣе вести все дѣло съ желѣзной дорогой, по которой онъ отправляетъ хлѣбъ. Поэтому неудивительно, что многіе землевладѣльцы Кіевской, Херсонской и Подольской губерній обратились съ ходатайствами въ министерство финансовъ объ увеличеніи ссуднаго капитала. Между тѣмъ, общество для полученія большихъ средствъ на хлѣбную операцію вошло въ соглашеніе съ кіевскимъ промышленнымъ банкомъ и получило отъ него кредитъ въ 300 т. руб. для выдачи ссудъ въ Одессѣ и неограниченный кредитъ для выдачи ссудъ подъ хлѣбъ, направляемый въ Кёнигсбергъ и Данцигъ.

Такимъ образомъ, кредитъ подъ хлѣбъ сдѣлался уже доступенъ сельскимъ хозяевамъ не въ Одессѣ только, но на всѣхъ станціяхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Ссуды выдаются кievскимъ банкомъ чрезъ начальниковъ станцій подъ залогъ отправляемыхъ съ этихъ станцій транспортовъ хлѣба чрезъ Ковель и Граево, въ Данцигъ и Кёнигсбергъ или въ Одессу. Начальникамъ станцій банкъ сообщаетъ письменно о размѣрахъ ссуды, подлежащей выдачѣ, и о срокѣ, на какой дѣйствительна каждая сообщаемая имъ же цѣна хлѣба. Ссуда выдается только тогда, когда хлѣбъ сданъ на станцію, съ назначеніемъ въ Кёнигсбергъ и Данцигъ—на имя банка, или въ Одессу—на имя агентства юго-западнаго общества. Такъ какъ въ уставѣ кievскаго банка размѣръ ограниченъ 60 процентами стоимости, то такой размѣръ и выдается. При этомъ за ссуды подъ хлѣбъ, идущій въ Кёнигсбергъ и Данцигъ, взимается только 6% годовыхъ, такъ какъ эту ссуду выдаетъ банкъ, а за ссуды подъ хлѣбъ, идущій въ Одессу, взимается 8%, такъ какъ здѣсь ссуду производитъ юго-западное общество. Нельзя не замѣтить, что такимъ образомъ оказывается поощреніе отпуску въ иностранные порты, но это уже зависитъ отъ желанія кievскаго поземельнаго банка. Общество же юго-западныхъ дорогъ не имѣло причины не согласиться на это желаніе, такъ какъ для общества отправка грузовъ на Кёнигсбергъ и Данцигъ, по длинѣ пробѣга, еще выгоднѣе, чѣмъ на Одессу. Оно заключило условіе съ кievскимъ банкомъ на приведенныхъ основаніяхъ на три года.

Въ доказательство пользы, приносимой этой операціей обществомъ юго-западныхъ дорогъ сельскимъ хозяевамъ, эксплуатація дорогъ приводитъ фактъ, что землевладѣльцы, выславшіе свой хлѣбъ изъ Фастова въ Одессу чрезъ агентство дороги, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, получили въ минувшемъ іюлѣ чистой выручки отъ продажи пуда пшеницы 90 к., между тѣмъ какъ землевладѣльцы той же мѣстности, продавшіе хлѣбъ на мѣстѣ комиссіонерамъ, получили за пудъ пшеницы отъ 70 до 80 к. Въ другомъ примѣрѣ, который мы, конечно, оставляемъ также на ответственности желѣзно-дорожной администраціи, приводится, что частная контора сосчитала за проданные 63 вагона пшеницы, съ выручкою 31 т. руб., расхода 4 т. руб., между тѣмъ какъ по правиламъ, принятымъ въ обществѣ, расходъ этотъ опредѣлился бы въ 2,800 руб. *).

Общество юго-западныхъ дорогъ старается увеличить размѣры своихъ операцій по выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ, доказывая, что только широкое развитіе этой операціи можетъ въ самомъ дѣлѣ устранить частное комиссіонерство, тяготящее надъ землевладѣльцами, и что, сверхъ такого значенія этой операціи для сельскаго хозяйства, она представляетъ и одно изъ лучшихъ средствъ для улучшенія финансоваго положенія самыхъ желѣзныхъ дорогъ, уменьшая казенную приплату по гарантіи, а совре-

*) Печатная записка управленія юго-западныхъ дорогъ.

менемъ можетъ и совсѣмъ освободить казну отъ приплатъ по дорогамъ, которыя будутъ производить эту операцію. Средствомъ для развитія ея было бы внесеніе части текущихъ доходовъ желѣзныхъ дорогъ не на храненіе въ частный банкъ, но на текущій счетъ въ банкъ государственный, съ прямой цѣлью получить отъ него кредитъ на хлѣбную операцію въ томъ же размѣрѣ, подъ его руководствомъ и контролемъ.

Всѣ эти соображенія, конечно, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Но дѣло это представляетъ, однако, и инныя стороны, которыя также необходимо имѣть въ виду. Мы видимъ, что починъ, сдѣланный обществомъ юго-западныхъ дорогъ, признанъ уже успѣшнымъ со стороны министерства финансовъ. Въ самомъ дѣлѣ, общество обратилось въ министерство съ ходатайствомъ о разрѣшеніи выдачи ссудъ подъ залогъ хлѣба чрезъ одесское и кievское отдѣленія государственнаго банка подъ ручательство желѣзной дороги по этимъ ссудамъ, а теперь мы узнаемъ изъ официального сообщенія *)), что въ министерствѣ финансовъ, дѣйствительно, возбужденъ вопросъ о предоставленіи государственному банку, его конторамъ и отдѣленіямъ, въ видѣ опыта на три года, производить выдачу ссудъ подъ обезпеченія квитанціями, выдаваемыми мѣстною администраціей желѣзныхъ дорогъ на приемъ и храненіе хлѣбныхъ грузовъ, съ тѣмъ, чтобы желѣзныя дороги, отвѣтствуя передъ государственнымъ банкомъ на общемъ основаніи за цѣлость грузовъ, возвращали эти грузы ихъ владѣльцамъ не ранѣе, какъ по полученіи отъ банка увѣдомленія о погашеніи выданныхъ подъ эти грузы ссудъ. Это есть уже нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ то, что разрѣшено конторамъ государственнаго банка тѣми октябрьскими правилами, съ которыхъ мы начали нашу бесѣду о кредитѣ подъ хлѣбъ. Это именно—удовлетвореніе ходатайства юго-западнаго общества о принятіи ручательства желѣзныхъ дорогъ въ основаніе для ссудъ изъ государственнаго банка подъ хлѣбъ. Въ сообщеніи прибавлено, что «соображенія по этому вопросу уже сообщены на обсужденіе подлежащихъ вѣдомствъ и, по полученіи отзывовъ отъ послѣднихъ, дѣло это не замедлитъ получить дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ».

Самый тотъ фактъ, что министерство финансовъ уважило ходатайство юго-западнаго общества и намѣрено приготовить проектъ закона въ виду того новаго дѣла, которое этимъ обществомъ создано, свидѣтельствуетъ, конечно, объ успѣшности этого дѣла. Мы признаемъ также и пользу, имъ оказываемую сельскимъ хозяевамъ, и, безъ сомнѣнія, вполне сочувствуемъ мысли объ уменьшеніи накладныхъ расходовъ на хлѣбъ и вообще мѣрамъ для охраненія нашего отпуска и противодѣйствія кризису, который угрожаетъ земледѣлію. Но для того, чтобы достигнуть не частныхъ, а общихъ и существенныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, операція ссудъ подъ хлѣбъ и правильное комиссіонерство по его продажѣ долж-

*) *Вѣстникъ Финансовъ.*

ны принять столь большіе размѣры, что едва ли она можетъ окончательно остаться въ рукахъ желѣзно-дорожныхъ администрацій, да и самого государственнаго банка.

За примѣромъ юго-западнаго общества уже послѣдовали другія общества желѣзныхъ дорогъ, и странно было бы устранять посредничество этихъ дорогъ въ повѣрѣхъ и храненіи залоговъ и въ комиссіонерствѣ, когда не существуетъ иныхъ, специальныхъ предпріятій, которыя бы занимались означеннымъ дѣломъ. Но представимъ себѣ, однако, что ббольшая часть всего количества хлѣба, отпускаемаго изъ Россіи, проходила бы чрезъ «ссудные амбары» желѣзныхъ дорогъ и продавалась бы при посредствѣ ихъ администраціи, причемъ эти администраціи частью пускали бы въ оборотъ ссудной операціи свои переходящія суммы, частью выдавали бы квитанціи для полученія ссудъ въ конторахъ государственнаго банка. Такое именно положеніе дѣлъ и слѣдуетъ себѣ представить, если операціи, о которыхъ идетъ рѣчь, должны достигнуть двухъ столь важныхъ цѣлей, какъ поддержка хлѣбнаго отпуска, устраненіе кризиса въ сельскомъ хозяйствѣ, развитіе хлѣбной производительности и урегулированіе хлѣбной торговли, съ одной стороны, а съ другой—открытіе желѣзнымъ дорогамъ совершенно новыхъ и непредвидѣнныхъ ихъ уставами средствъ къ погашенію ихъ долговъ казнѣ и снятію съ нея бремени переплатъ по гарантіи. Спрашивается, однако, представлялось ли бы нормальнымъ такое положеніе дѣлъ?

На этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить утвердительно. Мы не будемъ говорить, что желѣзныя дороги—предпріятія монопольныя, что, устранивъ частное комиссіонерство и забравъ хлѣбную торговлю въ свои руки, онѣ современемъ могутъ поднять цѣны за свои комиссіонныя услуги. Этотъ аргументъ мы готовы признать неубѣдительнымъ, согласиться, что комиссіонерство въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ нынѣ, есть зло, что если бы желѣзно-дорожные агенты стали брать дорого за свои услуги, то частное комиссіонерство тотчасъ появилось бы вновь, наконецъ, что такъ какъ главный интересъ желѣзныхъ дорогъ всегда будетъ заключаться, все-таки, въ привлеченіи возможно ббольшаго количества грузовъ для перевозки, то комиссіонное дѣло для нихъ всегда останется второстепеннымъ.

Но сущность вопроса въ томъ и заключается, что прямымъ назначеніемъ желѣзно-дорожныхъ обществъ и управленій есть перевозка грузовъ, а не торговля и не банковое дѣло. Эти двѣ послѣднія отрасли дѣятельности могутъ прибавиться къ ихъ прямымъ заботамъ временно и до извѣстныхъ размѣровъ. Но окончательный переходъ цѣлой отрасли кредита и одной отрасли торговли въ руки компаній, которыхъ прямой обязанностью служить только содержаніе въ исправности самыхъ средствъ сообщенія, представлялъ бы очевидную аномалію.

Мы не можемъ представить, какъ нѣчто общее и окончательное, то,

что общество юго-западных дорогъ называетъ «коммиссіонно-ссудной дѣятельностью желѣзныхъ дорогъ, правильно регламентированной государствомъ установленіемъ максимальныхъ таксъ для платы за коммиссію, за храненіе хлѣба, размѣра процентовъ по ссудамъ» и т. д.

Веденіе ссуднаго дѣла предполагаетъ отвѣтственность; отвѣтственность же надежна только тогда, когда отвѣтствующіе доходы и имущества не служатъ обезпеченіемъ по инымъ обязательствамъ. Но именно наши желѣзныя дороги въ такомъ положеніи не находятся. Онѣ обременены долгами казнѣ, которая ручается и за минимумъ ихъ дивиденда или за платежи по ихъ облигаціямъ. Какимъ же образомъ валовой доходъ и самое имущество желѣзныхъ дорогъ могли бы служить разъ — обезпеченіемъ для возвращенія упомянутыхъ долговъ казнѣ, а другой разъ — возвращеніемъ ссудъ по операциіи на сотни милліоновъ рублей? Конечно, эти ссуды обезпечиваются заложеннымъ хлѣбомъ. Но, вѣдь, банкъ видитъ только тотъ хлѣбъ, подъ который онъ будетъ выдавать ссуды непосредственно самъ; въ другихъ случаяхъ онъ будетъ видѣть только квитанціи желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, казна выдавала бы ссуды по удостовѣреніямъ своего же должника, и, къ тому еще, должника, не всегда исправнаго. Казна не позволяетъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ ни одной затраты на прямое ихъ дѣло, безъ права протеста съ ея стороны; а тутъ она выдавала бы десятки милліоновъ рублей просто при видѣ квитанцій желѣзныхъ дорогъ, вполнѣ полагаясь на веденіе ими громадной посторонней имъ коммерческой операциіи.

Наши оговорки направлены не противъ закона, который въ настоящее время готовится въ министерствѣ финансовъ, и не противъ ссудной операциіи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она ведется желѣзно-дорожными управленіями доселѣ. Повторяемъ, что и противъ дальнѣйшаго развитія этой операциіи на желѣзныхъ дорогахъ ничего нельзя имѣть до тѣхъ поръ, пока не появится никакихъ новыхъ, специальныхъ предпріятій, которыя могли бы заняться дѣломъ банковымъ и торговымъ удобнѣе, чѣмъ желѣзныя дороги. Мы говоримъ только противъ предположенія, котораго могутъ придерживаться желѣзно-дорожные дѣятели, наиболѣе способные и вполнѣ добросовѣстные, что все это дѣло можетъ быть доведено до громадныхъ размѣровъ и, все-таки, остаться въ рукахъ желѣзно-дорожныхъ компаній.

Кредитъ подъ хлѣбъ только тогда будетъ организованъ совершенно въ интересъ сельскихъ хозяевъ, когда можно будетъ получать правильнымъ путемъ и недорого ссуды, — а не задатки изъ произвольно навязываемой нынѣшними коммиссіонерами цѣны. — подъ залогъ хлѣба, только что собраннаго помѣщикомъ и лежащаго въ собственномъ его амбарѣ. Но такую операцию, очевидно, желѣзно-дорожныя общества производить не въ состояніи. Это дѣло мѣстныхъ ссудныхъ товариществъ. Такъ, удостовѣреніе количества и качества хлѣба, сданнаго въ склады въ городѣ

или на станціяхъ, должно бы производиться особыми варрантными компаніями. Наконецъ, и центральными органами для кредита подъ варранты должны быть особые банки частные, а не конторы государственнаго банка, такъ какъ вся эта операція имѣетъ характеръ промышленный и, притомъ, совершенно специальный. Но пока не разрѣшенъ самый вопросъ о варрантахъ, пока желѣзныя дороги являются однѣ съ починомъ помощи сельскому хозяйству, невозможно, конечно, отклонить ихъ услугъ въ ожиданіи того, чего еще нѣтъ, и потому слѣдуетъ признать, что министерство финансовъ не могло не озаботиться приготовленіемъ закона для удовлетворенія такой непредвидѣнно возникшей жизненной потребности, которая перегнала его труды по варрантному уставу.

Дѣло о хорольскихъ земскихъ выборахъ и враждебные самому учрежденію земства комментаріи къ этому дѣлу, появившіеся на страницахъ нѣкоторыхъ газетъ, подали намъ поводъ (въ сентябрьскомъ обзорѣи) бросить взглядъ на положеніе и дѣятельность земства. Признавая большія услуги, принесенныя Россіи земскими учрежденіями, мы открыто указали и на недостатки, проявляющіеся въ земской средѣ. При этомъ, изъ анализа какъ самаго хорольскаго дѣла, такъ и общихъ условій земской дѣятельности, мы пришли къ заключенію, что разныя обстоятельства того періода времени, который начался съ 1866 года и обнимаетъ собою всю исторію земства, были сами по себѣ неблагоприятны правильному развитію его дѣятельности. Мы показали, что главные недостатки, какіе вкрались въ земство, явились послѣдствіями вовсе не того начала самостоятельности, на которомъ первоначально было предназначено его учрежденіе, но, наоборотъ, тѣхъ, хотя бы и не преднамѣренныхъ, но, тѣмъ не менѣе, постепенно накопившихся измѣненій и ограниченій, какимъ эта самостоятельность подверглась съ теченіемъ времени.

Всякому, не предубѣжденному читателю понятно, что когда извѣстная дѣятельность становится, въ силу обстоятельствъ, въ условія не, вполне естественныя, когда начинанія оказываются, по причинамъ внѣшнимъ, безуспѣшными, то многіе изъ лучшихъ дѣятелей могутъ уклониться отъ такой обязанности, которой они уже не въ силахъ исполнить согласно своему убѣжденію. Не менѣе понятно и то, что въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ личный составъ земскихъ дѣятелей вслѣдствіе того ухудшился, тамъ не замедлили сильнѣе выступить наружу слабыя стороны самаго учрежденія. Къ нимъ относятся высота ценза и преобладаніе, данное въ земскомъ представительствѣ среднему и крупному землевладѣнію, вслѣдствіе чего и половина явшихъ частныхъ землевладѣльцевъ въ выборахъ не участвуетъ, а крестьянскія общины представлены слишкомъ слабо. Всѣ эти условія благоприятствуютъ образованію кружковъ или кoterій и захвату ими власти. Если же къ этому прибавимъ затруднительность общественнаго контроля надъ такими кoterіями дѣльцовъ при цензурѣ мѣст-

ныхъ административныхъ начальствъ, то станетъ ясно, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, благодаря болѣе или менѣе добровольному устраненію лучшихъ людей, земская власть однажды попала въ руки эгоистическихъ дѣльцовъ, эти послѣдніе могутъ свивать себѣ прочныя гнѣзда.

Логическій выводъ изъ предшествующихъ посылокъ можетъ быть только одинъ, тотъ самый, какой неизбежно является изъ указаній на анти-гигиеническія условія, развившіяся въ какой-либо мѣстности и отчасти вызвавшія, отчасти поддерживающія въ ней разныя болѣзни. Единственнымъ отсюда заключеніемъ можетъ быть лишь необходимость оздоровленія мѣстности устраненіемъ вредныхъ условій, поставленіемъ ея въ условія естественныя, благоприятныя для правильности жизненныхъ отправленій. Логическій выводъ, повторяемъ, есть только одинъ. Не логическихъ же, конечно, можетъ быть множество. Напримеръ, такой, что если въ мѣстности есть больные, то надо увеличить въ ней число урядниковъ, такъ какъ врачи доказали свою неспособность, а иные изъ нихъ и сами заболѣли.

Московскія Вѣдомости сдѣлали намъ надняхъ возраженіе въ послѣднемъ родѣ. Само собою разумѣется, что онѣ оставили въ сторонѣ и наше призваніе великой заслуги земства, и нашъ взглядъ на то, какимъ образомъ въ немъ оказались признанные нами недостатки. Газета воспользовалась только нашимъ безпристрастіемъ, нашимъ признаніемъ, что не вездѣ дѣятельность земства оказывается безупречною, и, причисливъ насъ по этому случаю къ «самымъ пристрастнымъ» защитникамъ земства, хотѣла поставить насъ въ уголъ противорѣчій между признанными нами недостатками и устраненіемъ стѣсненій тѣмъ расширеніемъ власти, какое представляется намъ необходимымъ, хотя бы только для устраненія болѣзненныхъ неправильностей въ нѣкоторыхъ земскихъ организаціяхъ посредствомъ общаго оздоровленія и укрѣпленія всего организма земскихъ учрежденій.

«Почему же,—спрашиваетъ газета,—которая только усилилась въ послѣднее время административной спячки, и почему же она исчезнетъ, коль скоро мы администрацію не разбудимъ, а уничтожимъ и послѣдній признакъ ея жизненности?» Мы, съ своей стороны, отдаемъ административной дѣятельности болѣе справедливости и полагаемъ, что она никогда не спала, а всегда бодрствовала въ своихъ отношеніяхъ къ земству. Если *Московскія Вѣдомости* возьмутъ на себя трудъ пересчитать случаи губернаторскихъ протестовъ и отклоненій земскихъ ходатайствъ за послѣдній годъ, по которому имѣются общіе земскіе итоги *), то газета, если и не откажется отъ общихъ обвиненій власти въ самоуправствѣ, бездѣйствіи и спячкѣ, но должна будетъ, все-таки, хоть внутренно признать, что явленій этихъ, именно по отношенію къ земству, вовсе не замѣчалось.

*) *Земскій Ежегодникъ* за 1880 г., стр. 343—360.

Считаемо излишнимъ настаивать на неправильномъ противопоставленіи газетой однихъ изъ нашихъ словъ другимъ. Насъ занимаетъ не несогласіе *Московскихъ Вѣдомостей* съ нами, но систематическая ихъ борьба противъ самаго учрежденія земства. Рѣчь идетъ положительно о самомъ учрежденіи, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, газета хоть разъ обмолвилась бы, какихъ же измѣненій она желаетъ въ земствѣ для улучшенія его, причежь, положимъ, не согласилась бы съ нами въ предложеніяхъ, но, все-таки, стояла бы на одной съ нами почвѣ, оставалась бы въ области практическихъ задачъ. Но нѣтъ, въ земствѣ она не признаетъ ничего хорошаго и надъ самымъ началомъ самоуправленія она глумится. Въ то же время, близкій *Московскимъ Вѣдомостямъ* журналъ *Русскій Вѣстникъ* выступаетъ съ каррикатурнымъ изображеніемъ «земскихъ дѣятелей и сѣятелей», забывая, что самъ онъ былъ когда-то вѣстникомъ начала самоуправления, именуя себя, въ то же время, и «вѣстникомъ» русскимъ, а не «органомъ доктринеровъ», какъ насъ называетъ теперь родственная ему газета.

Когда Катонъ повторялъ слова, что Кароагенъ подлежитъ уничтоженію, — повторялъ кстади и не кстати, но едва ли такъ часто, какъ *Московскія Вѣдомости* повторяютъ свои безусловные приговоры надъ земствомъ, то онъ хорошо зналъ, чѣмъ замѣнить пуническую власть въ Испаніи, — Сициліи, Африкѣ, на всемъ Средиземномъ морѣ, и слова тѣ въ его устахъ имѣли смыслъ. Пусть же и новѣйшіе Катоны откроютъ смыслъ своихъ словъ; это обязанность газеты передъ ея читателями. Чѣмъ же замѣнить столь «смѣшное» земское самоуправленіе и погрязшее будто бы цѣликомъ въ злоупотребленіяхъ земство? Дворянскими учрежденіями, приказами общественнаго призрѣнія и управами благочинія? «Земскихъ сѣятелей» замѣнить гоголевскими типами мѣстно-административнаго благоустройства, съ примѣсю аристократическаго элемента «охранительныхъ силъ», въ видѣ дворянскихъ засѣдателей и дворянскихъ капитанъ-исправниковъ?.. Представило ли бы это, однако, достаточную гарантію противъ возможности злоупотребленій?

Нѣтъ ничего легче, какъ вести хронику разныхъ случаевъ, въ которыхъ проявляются кумовство и корыстолюбіе, и по поводу cadaго отдѣльнаго факта ставить вопросъ о самомъ существованіи того или другаго учрежденія, не договаривая, къ тому же, чѣмъ замѣнить его. Но, вѣдь, подобная хроника можетъ вестись двоякая, а окажется ли пригодною для обѣихъ одна и та же логика? Мы, по крайней мѣрѣ, не слышали, чтобы кто-либо изъ «доктринеровъ» заключалъ изъ извѣстнаго таганрогскаго дѣла, что таможенно слѣдуетъ передать земству, и изъ дѣла Головачева, что полицеймейстеры должны быть выборные, и что таковъ именно есть единственный путь къ устраненію безобразій и злоупотребленій. А, между тѣмъ, названна дѣла покрупнѣе разныхъ земскихъ «безобразій», эксплуатируемыхъ *Московскими Вѣдомостями*. Точно

такъ, дѣло доктора Буша, завѣдывавшаго морскою медицинскою частью и уличеннаго во взяткахъ при назначеніи всѣхъ подчиненныхъ, было посерьезнѣе недоумѣнія насчетъ значенія «наружности, ловкости и любезности обращенія» для земскаго врача,—недоумѣнія, съ какимъ выступилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* докторъ Жасминовъ. Врачъ, начальникъ цѣлой отрасли одного изъ главныхъ административныхъ вѣдомствъ, въ теченіе многихъ лѣтъ продавалъ за взятки свой долгъ поручать попеченіе о здоровьи солдатъ людямъ способнымъ. Это уже не «жасминовскія» тонкости, а нѣчто гораздо болѣе и ощутительное, и поучительное.

Притомъ, всѣ злоупотребленія, раскрытыя въ названныхъ дѣлахъ—таганрогскомъ, головачевскомъ, бушевскомъ или хоть въ недавно обнаруженномъ хищеніи 200,000 рублей въ государственномъ банкѣ,—продолжались весьма долго, оставаясь не обнаруженными, такъ долго, какъ едва ли хоть одно «безобразіе» въ земствѣ могло оставаться не уличеннымъ. Они велись систематически въ теченіе многихъ лѣтъ, причемъ контролирующіе прикрывали «экспедирующихъ» «съ точностью часоваго механизма»,—какъ выразился оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента о дѣлѣ таганрогскомъ, въ которомъ оказалась такая долговременность злоупотребленій, что А. О. Кони пришлось опредѣлить въ немъ «совокупность слагающую». Какой же выводъ сдѣлаютъ *Московскія Вѣдомости*, если онѣ примѣняютъ свою «земскую логику» къ такимъ казеннымъ дѣламъ? Впрочемъ, по всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ газета просто уклонится отъ вывода, къ земскимъ же учрежденіямъ стапаетъ, попрежнему, примѣнять такой силлогизмъ, что такъ какъ въ нихъ встрѣчаются иногда злоупотребленія, то слѣдуетъ все земское хозяйство вновь передать въ руки низшей администраціи, именно казенныхъ сборщиковъ, казенныхъ полицеймейстеровъ и казенныхъ врачей, для того чтобы злоупотребленія сдѣлались невозможными.

ПОЭЗИЯ ТРУДА И БОРЬБЫ.

По поводу 4-го полного изданія «Сочиненій Г. Л. Данилевскаго».

I.

Г. Л. Данилевскій принадлежитъ къ разряду беллетристовъ-писателей, которые усердно читались нашею публикой, какъ это доказываетъ вышедшее въ 1884 году *четвертое* полное изданіе его сочиненій. Въ то же время, почти всѣ его лучшіе романы, переведенные на иностранные языки, пользуются успѣхомъ и въ заграничной публикѣ.

Какъ признаки недюжиннаго дарованія, факты эти, однакоже, недостаточно еще оцѣнены и объяснены нашею критикой, что и подало намъ поводъ въ настоящей статьѣ присмотрѣться нѣсколько ближе къ основнымъ мотивамъ произведеній г. Данилевскаго.

При бѣгломъ взглядѣ на полное собраніе его сочиненій, прежде всего бросается въ глаза обширное пространство времени, захваченное его романами и повѣстями. Начиная отъ второй половины XVII вѣка, отъ времени царя Алексѣя Михайловича, онъ рядомъ образовъ и картинъ ведетъ читателя чрезъ главнѣйшія событія русской жизни XVIII и XIX вѣковъ вплоть до современнаго положенія нашего общества.

Вечеръ въ теремъ царя Алексѣя Михайловича, Первый выпускъ сокола, На Индію при Петрѣ I, Мировичъ, Княжна Тараканова (эпохи Елизаветы-Петровны, Петра III и Екатерины II), *Потемкинъ на Дунай, Екатерина на Днѣпрѣ, Уманская рѣзня, Последніе запорожцы* (эпохи Екатерины II), отрывки изъ романа *1825 годъ* (эпохи Александра I) и *Семейная старина*—проводятъ предъ нами въ художественной формѣ почти всю новую исторію новой, интеллигентной Россіи.

Предъ воображеніемъ читателя живыми встаютъ мѣтко очерченныя, самыя крупныя фигуры петербургскаго періода русской исторіи: Петръ I, Екатерина II, Петръ III, Павелъ, Александръ I, Биронъ, Минихъ, Потемкинъ, Орловъ, Разумовскій, Шуваловъ, Суворовъ, Ломоносовъ, Фонъ-Ви-

зинъ, Пушкинъ, Аракчеевъ и др., и всѣ они захвачены движеніями своей эпохи, обрисованы въ своей интимной обстановкѣ, среди мастерской по техникѣ интриги, такъ что читатель, увлеченный занимательностью разсказа, быстро поглощаетъ самые длинные романы безъ утомленія.

Соотвѣтственно этому, и русскій пейзажъ захватываетъ въ нихъ широкую раму, переносясь въ главнѣйшіе центры русской жизни: Петербургъ, Москву, внутреннюю и южную Россію, Среднюю Азію, но въ особенности Югъ и Новороссію. Эти послѣдніе въ лицѣ г. Данилевскаго нѣбютъ въ полномъ смыслѣ своего романиста-поэта, художественно воспѣваемаго ихъ своеобразныя красоты природы и особенности бытовой жизни. Обширныя степи, окаймляющія югъ и юго-востокъ Россіи со стороны черноморскаго побережья, Дона и Волги, вдохновили автора на многія прелестныя и глубоко-прочувствованныя описанія, которыя частью перешли и въ русскія хрестоматіи.

Но писалось все это не въ историко-хронологическомъ порядкѣ. Первыми разсказами г. Данилевскаго, если не ошибаемся, были *Святочная легенда* (1852 г.) и *Старосвятскій маляръ* (1853 г.). Засимъ появились разсказы изъ временъ царя Алексѣя Михайловича: *Вечеръ въ теремъ* и *Первый выпускъ сокола* (1856 г.), послѣ которыхъ мы видимъ автора уже обратившимся къ современной эпохѣ въ разсказахъ *Село Сорокопановка* (1859 г.), *Феничка* (1860 г.), *Четыре времени юда* (1860 г.), поэтическія описанія деревенской охоты на Украинѣ и *Бѣлый Лаврушка за границей* (1861 г.). Къ этому времени относится его поѣздка къ Азовскому морю и Донскимъ гирламъ (командировка отъ морскаго министерства), которая доставила автору богатый запасъ наблюденій надъ жизнью бѣглыхъ крестьянъ въ степяхъ. И вотъ начинаютъ появляться одинъ за другимъ бытовые современные романы: *Бѣлые въ Новороссіи* (1861 г.), *Воля*, *Новыя мѣста* и *Девятый валъ* (1875 г.).

Въ этихъ крупныхъ по объему произведеніяхъ авторъ счумѣлъ развить, кромѣ искусной интриги, значительное внѣшнее движеніе, какимы не могутъ похвалиться многіе изъ нашихъ романистовъ, преимущественно погружавшихся во внутреннюю жизнь своихъ героевъ.

Это умѣнье придать внѣшнюю занимательность и движеніе своимъ разсказамъ составляетъ одну изъ выдающихся сторонъ дарованія г. Данилевскаго: она-то, можно полагать, и доставила имъ такой успѣхъ въ публикѣ.

Но рядомъ съ занимательностью разсказа идетъ и другой полновѣсный факторъ успѣха, это—большой фондъ фактическихъ, реальныхъ наблюденій надъ дѣйствительною жизнью и бытовою обстановкой изображаемыхъ лицъ. Приведенные выше четыре романа изобилуютъ массою чертъ и подробностей, обрисовывающихъ знаменательную эпоху реформъ прошлаго царствованія, начиная отъ преддверія «освобожденія» крестьянъ до послѣднихъ реформъ—земской и судебной. Иностранецъ, прочитавъ эти

романы, получить о современной реформамъ Россіи такое ясное, определенное понятіе, такое онъ не почерпнетъ ни изъ какихъ трактатовъ. Онъ узнаетъ не то, что было написано на бумагъ или сказано на словахъ, а тотъ процессъ, которымъ живая русская провинція переваривала и ассимилировала главнѣйшіе законодательные акты, составленные въ Петербургѣ.

Громадное значеніе этой переходной эпохи еще мало нами сознается, потому что мы сами въ ней живемъ и дѣствуемъ, и не можемъ отрѣшиться отъ текущихъ страстей и увлеченій для того, чтобъ осмотрѣть ее со стороны, съ должнымъ спокойствіемъ. Между тѣмъ, на нашихъ глазахъ старое исподволь рушится, кругомъ идетъ ломка и починка; почти во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни выдвигаются новые интересы и новыя отношенія, а личная жизнь, внутренніе процессы людей сознанія и интеллигенціи подвергаются колебаніямъ и усложненіямъ, въ трудной погонѣ за твердою почвою, на которой можно было бы стать и приспособиться къ общественному строю. Но какъ приспособиться, когда онъ весь охваченъ движеніемъ и самъ колеблется на распутьи двухъ вѣковъ? Разсѣянные черты этой великой эпохи взбаломученнаго состоянія общества и пріисканія новыхъ формъ личной жизни собраны въ значительномъ числѣ въ современныхъ романахъ г. Данилевскаго. Въ нихъ тоже все въ движеніи и въ исканіи, въ трудѣ и борьбѣ отдѣльныхъ лицъ за свое право существованія въ желательномъ имъ складѣ, и будущій историографъ настоящей реформаторской эпохи найдетъ въ этихъ романахъ цѣнный матеріалъ для своихъ изслѣдованій.

Занимательные для обыкновеннаго читателя, поучительные для иностранцевъ и для будущихъ русскихъ историковъ, означенные романы богаты и картинными южной жизни и степной природы, способными вдохновить не одного русскаго пейзажиста и жанриста. Многія изъ его описаній такъ и просятся на полотно.

Критикъ же и публицистъ найдетъ въ главныхъ дѣствующихъ лицахъ этихъ романовъ воплощеніе общественныхъ силъ и мыслей, борющихся между собою за главенство, а также замаскированные художественною формою отвѣты автора на многіе, волнующіе нашу интеллигенцію, вопросы.

Послѣ *Десятаю вала* (1875 г.) г. Данилевскій сдѣлалъ крутой поворотъ отъ современной эпохи въ глубь исторіи и написалъ рядъ историческихъ романовъ и повѣстей, о которыхъ мы говорили выше. Возвратится ли авторъ опять къ современной эпохѣ, или замкнется въ историческомъ родѣ, этого мы не знаемъ; но, судя по намѣченнымъ общественнымъ мыслямъ въ лицѣ героевъ его современныхъ романовъ, мы думаемъ, что десятилѣтнее самоустраненіе его отъ интересовъ и движенія текущей жизни не могло пройти безслѣдно для самого автора. За это время назрѣло многое такое, что уже въ болѣе осязательной формѣ можетъ воплотить общественныя тенденціи писателя.

Слово «тенденція» употреблено нами не случайно. Одинъ изъ удачнѣйшихъ переводчиковъ произведеній г. Данилевскаго на нѣмецкій языкъ, г. Ф. Лебенштейнъ, тоже обмолвился этимъ словомъ въ одномъ изъ своихъ предисловій къ переводамъ (именно къ переводу романа *Потемкинъ на Дунай*).

«Тенденціозная поэзія, — говоритъ онъ, — составляетъ, по мнѣнію суровыхъ эстетиковъ, запрещенный родъ литературы: прекрасное и разумное произведеніе должно излагаться, по самому существу своему, какъ рефлексъ природы, какъ чисто человѣческое вдохновеніе, не стѣняясь никакими условіями соціально-политическаго положенія, не принимая никакого земнаго клейма. Но строгое соблюденіе этого правила уничтожило бы нѣкоторыя драматическія сочиненія Шиллера, Гётевскаго *Фауста*, да и цѣлый рядъ историческихъ драмъ Шекспира. Тенденціи передовыхъ людей безспорно должны дѣлаться общественнымъ достояніемъ, проводясь въ ихъ общедоступныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ будутъ видѣть авторитетныя указанія на жизненныя задачи народовъ, разрѣшающихъ соціальныя вопросы; авторы, поступившіе такимъ образомъ, всегда и вездѣ дѣлались народными любимыми писателями. Въ такой странѣ, какъ Россія, которая, несомнѣнно, преслѣдуетъ цивилизаторскія цѣли, тенденціи въ литературѣ должны составлять главный ея интересъ. Таковымъ именно оказывается авторъ, новѣйшее сочиненіе котораго мы предлагаемъ читателямъ въ нѣмецкомъ переводѣ, издающемся въ этомъ выпускѣ *Univ. Bibliothek*. Авторъ этотъ безспорно стоитъ въ рядахъ видныхъ дѣятелей русской литературы» и т. д.

Или вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ отзыва, помѣщеннаго въ вѣнской *Neue Freie Presse* отъ 20 ноября 1874 года, по поводу выхода въ свѣтъ нѣмецкаго перевода *Бѣлыякъ*. «Знакома намъ съ Данилевскимъ, этимъ «русскимъ Куперомъ», переводчикъ заслуживаетъ немалой благодарности, такъ какъ Данилевскій указываетъ ту высокую степень, до которой развилась современная русская литература. Хотя, пожалуй, эти пионеры Востока *Бѣлые Новороссіи* и не придутся сплошь по вкусу строгимъ эстетическимъ гастрономамъ, тѣмъ не менѣе, однакожь, они даютъ весьма живую и вѣрную картину южно-русской дѣйствительности и мѣстныхъ бытовыхъ условій. Крѣпостные, сами собою возвысившіеся до сознанія своего человѣческаго достоинства, ведутъ борьбу противъ горячихъ властолюбцевъ, противъ всякихъ ростовщиковъ и безсердечныхъ спекулянтовъ. При этомъ, конечно, не обходилось безъ звѣрствъ; человѣческая кровь нерѣдко текла и смѣшивалась съ грязью старорусскаго неряшества; насилваніе и насиліе представляютъ неизбѣжныя арабески дѣйствія. Но въ этихъ описаніяхъ, *нравственная тенденція* которыхъ весьма замѣтно направлена въ пользу угнетенныхъ и противъ угнетателей, есть жизненная правда, — правда въ реалистической, почти архи-реалистической формѣ», и т. д.

Если имѣть въ виду подобные отзывы, переводы романовъ г. Данилев-

скаго на языки нѣмецкій, чешскій, польскій, французскій, сербскій, итальянскій и англійскій, успѣхъ ихъ въ публикѣ какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей, чтенія профессора А. Ходзько въ Collège de France по поводу романа *Миросичъ*, отзывъ о г. Данилевскомъ корифея польской литературы І. Крашевскаго, опубликованный въ польскихъ газетахъ, и другія проявленія оцѣнки трудовъ и таланта автора за границею, а съ другой стороны, вспомнить умѣренность отзывовъ нашей критики о г. Данилевскомъ, подвергнувшемся болѣе подробному разбору только со стороны извѣстнаго покойнаго критика Н. И. Соловьева (см. его *Искусство и жизнь*, т. I., статья: *Дьявольскіе люди*) и гг. В. П. Буренина, Е. А. Маркова, А. П. Милюкова, Д. Л. Мордовцева, В. Г. Авсѣенко, В. В. Чуйко и нѣкоторыхъ другихъ, при поверхностномъ отношеніи прочихъ критиковъ нашихъ журналовъ и газетъ, то становится какъ бы непонятнымъ такое разнохарактерное отношеніе сторонъ къ одному и тому же автору.

Между тѣмъ, виноватыхъ тутъ нѣтъ: наша прежняя критика и модная нѣкогда публицистика недостаточно занимались г. Данилевскимъ, потому именно, что онѣ не находили въ его произведеніяхъ «злобы дня» и тѣхъ тенденцій, которыми онѣ сами были пронянуты вслѣдствіе «своего кружковаго» характера. Съ другой стороны, и авторъ казался имъ то слишкомъ объективнымъ и безстрастнымъ, то слишкомъ специальнымъ по мѣсту дѣйствія и лицамъ его романовъ, такъ что въ началѣ ихъ даже окрестили особымъ названіемъ или родомъ въ литературѣ—«художественною этнографіей».

Въ одной изъ польскихъ газетъ І. Крашевскимъ высказанъ слѣдующій отзывъ о переводѣ романовъ г. Данилевскаго: «Данилевскій для меня не имѣетъ артистической законченности и прелести Тургенева, но его талантъ *много рода* и никакъ *не меньшей силы*. Вы доставили большое одолженіе европейской литературѣ, знакомя ее съ этими любопытными произведеніями совершенно для нея новаго міра, за что вамъ слѣдуетъ благодарность». Свойства таланта г. Данилевскаго также не заключаютъ въ себѣ кое чего изъ того, что нужно было для привычныхъ эффектовъ въ нашей литературѣ. Онъ идетъ не столько въ глубь, сколько въ ширь, и не останавливается надъ подробнымъ психологическимъ анализомъ чувствъ и мыслей изображаемыхъ лицъ; всѣ они у него въ движеніи, въ дѣйствіи и выражаются не столько разсужденіями, сколько поступками. Иногда движенія этого у него даже слишкомъ много, и авторъ вдается въ такія внѣшнія подробности, безъ которыхъ можно было бы и обойтись, разъ лицо поставлено ясно и вѣрно. Эти и нѣкоторыя другія стороны его таланта, составляющія какъ бы обратную сторону его лучшихъ, сильныхъ сторонъ, способствовали тому мнѣнію, будто авторъ за большимъ внѣшнимъ движеніемъ скрываетъ свое міросозерцаніе и свои идеалы. Эпическая сто-

рона какъ будто преобладала, а за нею уже мало выступалъ современнѣйшій интеллектъ, его недуги и волнующіе общество вопросы.

Но субъективность автора не можетъ скрыться. У каждаго писателя есть свое «стеклышко», сквозь которое онъ смотритъ на міръ: оно выражается въ выборѣ сюжета, лицъ, эпохи, мѣста дѣйствія, въ особенностяхъ освѣщенія внутренней жизни,—словомъ, во всемъ. Такое стеклышко есть и у г. Данилевскаго.

Чтобы прослѣдить руководящую нить его творчества и его отношеніе къ общественнымъ вопросамъ, мы избираемъ среднюю эпоху его дѣятельности, именно четыре большихъ бытовыхъ романа: *Бѣлые съ Новоросіи*, *Воля*, *Новая мѣста* и *Десятый валъ*.

Современный человѣкъ привыкъ къ ядовитымъ средствамъ для своего возбужденія; ему нужна квинтъ-эссенція психическихъ и социальныхъ ненормальностей, которыми такъ богато наше время. Они были, правда, и въ прежнее время, но не были освѣщены сознаніемъ и потому какъ бы явились только въ новое время въ ужасающей пропорціи. Внутренній міръ душевныхъ страстей и нервныхъ желаній въ столкновеніи съ жесткою дѣйствительностью, въ которой вещи трутся какъ камни другъ о друга; болѣзненное, мучительное противорѣчіе чувства съ разумомъ, сознанія съ внѣшнимъ нестройствомъ жизни; вѣра въ правду и справедливость, ежеминутно подрываемая конкретными фактами условнаго существованія людей среди поразительнаго неравенства положеній и состояній,—вотъ гдѣ кроется трагизмъ положенія современнаго интеллекта.

Онъ всячески борется изъ-за гармоніи съ жизнью, изъ-за душевнаго мира и удовлетворенія себя хотя бы сознаніемъ не бесполезно прожитаго вѣка. Формы этой борьбы, выражающіяся въ словахъ и поступкахъ, и составляютъ то содержаніе, которое, главнымъ образомъ, интересуетъ насъ въ произведеніяхъ беллетристики.

Смотря по тому, въ чемъ больше выражается душевная жизнь героя романа,—въ разсужденіяхъ ли, словахъ, или поступкахъ,—мы и раздѣляемъ ихъ на людей *теоріи* и людей *дѣйствія*.

Большинство героев нашихъ романистовъ относятся къ первой категоріи, тогда какъ лица изображаемыя г. Данилевскимъ принадлежать, въ большинствѣ къ второй категоріи. У него дѣйствуютъ люди «здоровые», которые всего менѣе чувствуютъ себя «лишними», никуда не годными, ни къ чему не способными, какими любилъ заниматься, напр., Тургеневъ. Нѣтъ у него также «больныхъ», патологически страдающихъ избыткомъ воображенія и наследственностью душевнаго расстройства, этихъ излюбленныхъ героевъ Достоевскаго.

Дѣйствующія лица упомянутыхъ романовъ г. Данилевскаго не грызутъ ни себя, ни другихъ тонко поставленными психологическими вопросами и болѣзненно-капризными желаніями; они не одарены никакими сильными страстями и талантами, способными импонировать толпѣ и произвести

эффектъ даже своими пороками. Нѣтъ, это болѣею частью средніе люди, которые *хотятъ* жить, дѣйствовать и завоевать свое законное мѣсто на жизненномъ пиру не рефлексіей, а упорнымъ трудомъ, но не порывая связей съ своими убѣжденіями о добрѣ и злѣ, не теряя нравственнаго начала. Матеріальныя блага жизни имѣютъ для нихъ цѣнность, а самоуничтоженіе и самогрызеніе—никакой. Въ нихъ пробуждено чувство личности и есть охота постоять за себя на базарѣ ежедневной толкотни. У однихъ главная цѣль—свобода, у другихъ—нажива, у третьихъ—та гармонія жизни, соотвѣтствіе внутренней жизни съ внѣшними условіями, которой равно добивается и король, и послѣдній нищій.

Всѣ они болѣе дѣйствуютъ, чѣмъ разсуждаютъ и критикуютъ. Мировоззрѣніе ихъ—установившееся, сложившееся прежде, готовое; иначе они не могли бы дѣйствовать. Ростъ ихъ, стало быть, идетъ не въ смыслѣ психологическомъ, а политическомъ: они повышаются въ общественномъ положеніи, а не въ тайникахъ ума и чувствъ.

Въ этомъ же—и ихъ большая вина предъ господствовавшимъ въ нашей журналистикѣ «кружковымъ» направленіемъ. Нѣкоторые публицисты бывшихъ *Современника* и *Дня*, при всей своей талантливости, отличались, однакоже, односторонностью и нетерпимостью: что не подходило подъ ихъ кругозоръ, иногда узкій, и что не подчинялось владычеству ихъ теорій, то они отвергали или, въ крайнемъ случаѣ, замалчивали.

Съ Тургеневымъ, въ среднюю пору его творчества, пришлось имъ вступить въ разрывъ. Художественная сторона беллетристики и поэзіи подвергалась отрицанію, а частью и поруганію; отъ всякаго писателя требовалась дидактика, мораль, гражданская скорбь и тенденція въ заранѣе опредѣленномъ, шаблонномъ направленіи. Подъ такую мѣрку уже не подходили и Пушкинъ, и Лермонтовъ.

Но мы не намѣрены винить никого. Такъ ужъ сложились особыя условія историческаго роста нашей интеллигенціи; подъ влияніемъ внѣшнихъ формъ государственной и общественной жизни и абстрактнаго, беспочвеннаго воспитанія она, вся поголовно, должна была становиться въ ряды оппозиціи, въ ряды «непримиримыхъ» съ русскою дѣйствительностью. Въ чемъ же выражалась эта оппозиція? На борьбу съ дѣйствительностью у нея не хватало силъ; и волей-неволей приходилось обречь себя на бессильную рефлексію, заѣданіе своего и чужаго вѣка. Довольствоваться малыми завоеваніями она не желала: все или ничего, панъ или пропалъ.

Такой необузданности никогда бы не понялъ европейскій труженникъ, шагъ за шагомъ въ потъ лица, завоевывавшій себѣ въ обществѣ и въ природѣ мѣсто, соотвѣтствующее его труду, знанію и таланту.

Не то было у насъ. Разладъ съ средою составлялъ характерную особенность русскаго образованнаго человѣка. Такой человѣкъ чувствовалъ въ себѣ громадныя силы для невѣдомыхъ подвиговъ, а самъ падалъ отъ укушенія мухи. Онъ витіевато и поэтично разсуждалъ о любви, а самъ ух-

диль отъ перваго ея серьезнаго требованія (Рудинъ). Онъ сохранялъ «голубиную непорочность» своего сердца и помысловъ—и предпочиталъ лучше заплыть жиромъ отъ дѣни, чѣмъ ударить палець о палець для пользы русскаго народа и его прогресса (Обломовъ). Онъ проявлялъ немалую силу духа и характера въ стычкахъ изъ-за личнаго самолюбія, но не направлялъ эту силу на пользу общества, а заставлялъ ее служить идолу своего эгоизма (Печоринъ).

И всегда при этомъ подразумевается невидимый врагъ—внѣшнія условія и презрѣнная среда. То и другое заѣдало вѣкъ героевъ, и писатель призывалъ состраданіе и милосердіе читателя къ своимъ незлобивымъ резонерамъ. Они становились невмѣняемыми и даже возводились на пьедесталъ, несмотря на великій эгоизмъ ихъ міросозерцанія.

Говоря это, мы вовсе не имѣемъ въ виду идеалистовъ сороковыхъ годовъ. То были живые, симпатичные люди, сохранявшіе любовь къ наукѣ и искусству до послѣднихъ дней и работавшіе на Россію на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Нѣтъ, мы говоримъ о бумажныхъ идеалистахъ-резонерахъ, которые получили шаблонную формировку въ массѣ нашихъ повѣстей и романовъ и которые когда-то считались носителями высшихъ идеаловъ потому только, что презирали бѣдную русскую среду. Малѣйшій компромиссъ съ ней, а безъ этого нельзя дѣйствовать, трудиться, назывался паденіемъ, примиреніемъ; герой сбрасывался съ пьедестала и получалъ кличку «отрицательнаго» типа, дѣльца, филистера и т. п.

Мало-по-малу въ ходячемъ лексиконѣ нашей публицистики установились два рода людей: или передовой носитель идеаловъ, или отрицательный типъ, дѣлецъ, вступившій въ сдѣлку съ русскою дѣйствительною жизнью, хищникъ, самодуръ.

Двѣ крайности этого періода не допускали середины.

Никому не приходило въ голову, что, быть-можетъ, носитель идеаловъ только прикрывалъ ярлыкомъ дѣдность мысли и чувства, тряпичность характера, отвращеніе къ физическому труду, презрѣніе къ русской жизни, и драпировался рефлексіей, въ которой, по выраженію Шекспира, три четверти «трусости постыдной».

Когда Базаровъ въ *Отцахъ и дѣтяхъ* захотѣлъ эмансипироваться отъ такой душной схоластической доктрины о «носителяхъ идеаловъ», то ему пришлось учинить въ своемъ родѣ революцію, т.-е. забунтоваться противъ ходячихъ кружковыхъ теорій, и прямо заявить себя нигилистомъ, иначе—свободнымъ. Эта смѣлая демонстрація поставила въ тупикъ нашихъ кружковыхъ публицистовъ и они долго затруднялись, куда зарегистрировать Базарова: въ герои, или въ отрицательный типъ? Прославлять ли его, или охуждать? Являлись даже инквизиторскія попытки залѣзть въ душу автора, творца этого образа, и пытать его, что за человекъ Базаровъ, и нѣтъ ли тутъ ироніи, насмѣшки. И авторъ открещивался отъ подозрѣній, будто онъ хотѣлъ осмѣять кого-нибудь своимъ Базаровымъ; на-

противъ, это прекрасный человекъ, которому онъ очень симпатизируетъ. А, все-таки, странно, — говорилъ недоумѣвающий публицистъ, — не носитель идеаловъ, но и не хищникъ, не отрицательный типъ. Кто же онъ?... Такова вкратцѣ памятная исторія недоразумѣній, порожденныхъ фигурую Базарова.

Человекъ просто захотѣлъ вырваться изъ душнаго кружка и выйти на вольный, свѣжій воздухъ и, вмѣсто нѣмецкаго учебника метафизики, взять въ руки лягушку, и канцеляристы отъ журналистики растерялись. Какъ назвать этотъ поступокъ? Что это за новая теорія? и т. п.

Вѣдь, это нарушало всѣ прежніе порядки. Носитель идеаловъ долженъ былъ жить на чей-нибудь счетъ: на то было крѣпостное право, крѣпостные мужики. Онъ долженъ былъ занять опредѣленное мѣсто въ литературной іерархіи: на то была бюрократія, 14-ти классная наносная Россія, на почвѣ которой расла наша интеллигенція. Наконецъ, онъ долженъ былъ отличаться высотой теоретическаго развитія и брезгливо относиться къ презрѣнной средѣ, къ той русской дѣйствительности, которая проявляется въ работѣ надъ землей и скотомъ, въ промыслахъ, ремеслахъ, фабричныхъ производствахъ и торговлѣ. На это была образцовая система оранжерейнаго, абстрактнаго, беспочвеннаго, ни къ чему не примѣннаго образованія и воспитанія.

А практикъ, сколотившій Россію, настроившій города и деревни, мосты и желѣзныя дороги, или труженикъ, живущій землепашествомъ и промыслами, думалъ иначе: «Вишь, бѣлоручка, дворянская кость! только книжки ему читать, да амурами заниматься» — невольно шевелилось у него на душѣ при видѣ носителя высшихъ идеаловъ. Между ними стояла мрачная стѣна — крѣпостное право. И носитель идеаловъ могъ писать чувствительныя книжки (и даже стихи) о бѣдномъ мужикѣ и, въ то же время, брать съ него оброкъ. Благодаря туманному мистицизму нѣмецкой философіи и беспочвенному воспитанію, для нашего интеллекта образовались какъ бы два міра: одинъ — реальный, презрѣнный, другой — воображаемый, полный свѣтлыхъ идеаловъ. Въ одномъ можно было и посѣчь Ваньку, а въ другомъ можно было скорбѣть и проливать слезы о его бѣдной участи.

Раздвоеніе вносилось какъ метафизикой, отдѣлявшею духъ отъ тѣла, такъ и крѣпостнымъ правомъ, раздѣлявшимъ Ваньку на реального и идеальнаго. Немало было и писателей; составившихъ себѣ славу на воспитаніи идеальнаго Ваньки, въ то время, какъ реальный Ванька подавалъ имъ трубку и чистилъ сапоги. Отвычка и презрѣніе къ физическому труду были настолько всеобщы, что молодые интеллигенты, напримѣръ, въ *Наканунѣ* Тургенева, ошалѣли, какъ предъ геройскимъ подвигомъ, даже тогда, когда Инсаровъ, обороняя ихъ и себя, сбросилъ въ прудъ какого-то пьянаго нѣмца, на нихъ нападавшаго.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Наконецъ, крѣпостная стѣна рухнула. Метафизика тоже, а съ нею и

дуализмъ. Шаблонному носителю идеаловъ нанесенъ тоже ударъ: реального Ваньку у него отняли, а оставили только воображаемого. Успѣхи естественныхъ наукъ выдвинули впередъ унитаризмъ. Надо кормиться на собственный свой счетъ; надо взяться за черную работу въ «презрѣнной» средѣ.

Вотъ въ эту новую область и ведутъ нашего «интеллигента романы» г. Данилевскаго. Не всѣмъ же быть лишними, больными, невмѣняемыми. Есть, вѣдь, и здоровые, вмѣняемые, отвѣтственные, готовые трудиться. Послѣ блужданій по дебрямъ и гушамъ пора было имъ выйти на ровную дорогу и, отказавшись отъ безплодныхъ домогательствъ привилегій (на спасателя, генія-благодѣтеля и т. п.), сдѣлаться просто русскими работниками, тружениками на пользу общую.

II.

Какъ мы незамѣтно подошли къ роману г. Данилевскаго, такъ и самъ авторъ, живя одною жизнью съ русскою интеллигенціей, постепенно, въ силу историческаго ея роста, подошелъ къ своему первому бытовому роману: *Былье въ Новороссіи*.

Получивъ вмѣстѣ съ другими русскими писателями (Писемскимъ, Островскимъ, Максимовымъ и др.) командировку отъ великаго князя Константина Николаевича для изученія разныхъ областей Россіи, г. Данилевскій направился къ Азовскому побережью и Дону. Это было въ пятидесятыхъ годахъ. Тутъ онъ на мѣстѣ изучилъ степи и бытъ бѣглыхъ крестьянъ, этихъ пионеровъ юга и юго-востока. Будучи и самъ урожденцемъ юга, авторъ былъ, однако же, пораженъ бѣжностью жизни въ степяхъ и своеобразными ихъ красотоми: необозримая ширь съ богатою травяною растительностью, окаймляемая только голубымъ горизонтомъ, съ безконечною извилиной дороги, кое-гдѣ перерѣзываемая оврагами, и съ безконечною синевой моря вдали, и среди этого раздолья вольная степная жизнь, бьющая ключомъ, полная труда и драматическихъ эпизодовъ, не могла не поразить воображеніе молодого писателя. Ему чудилось: онъ видитъ предъ собой Америку, только русскую, съ ея бѣжкою колонизаціонною жизнью, съ ея рабами и эксплуататорами, съ облавами на бѣглыхъ и всякими приключеніями.

Вращаясь въ Петербургѣ въ водоворотѣ мыслей и стремленій интеллигенціи и перекинутый вдругъ въ эту необычную обстановку, гдѣ люди какъ будто мыслятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ иначе, г. Данилевскій не могъ не натолкнуться на естественное заключеніе: да, вѣдь, здѣсь тоже разрѣшаютъ тѣ самыя задачи, что и въ Петербургѣ, только иначе, по-своему и въ совершенно иной обстановкѣ. Тѣ же стремленія къ труду и наслажденію, къ независимости, свободѣ, наживѣ. Но какія своеобразныя формы! Какое раздолье! Какая ширина размаха!

И вотъ въ журналѣ *Время*, основанномъ Достоевскими, вскорѣ послѣ возвращенія Федора Михайловича изъ Сибири, появились *Бѣглые въ Новороссію* (1862 г.). Они произвели замѣтное впечатлѣніе на читателей. «Русскій Буперъ!»—невольнo срывалось у нихъ съ языка. Это было въ нѣкоторомъ родѣ цѣлое открытіе новой страны съ новыми, жителями и нравами, и гдѣ же?—не гдѣ-нибудь за морями, а у себя подъ бокомъ, на окраинѣ Россіи. Новизной и свѣжестью вѣяло отъ этихъ степныхъ картинокъ и морскаго побережья, отъ загорѣлыхъ лицъ этихъ степняковъ съ южными страстями, бѣжавшихъ изъ-подъ барскаго гнета въ степи для труда и воли, отъ ихъ борьбы съ врагами, отъ ихъ необузданнаго разгула въ досузіе часы.

«Что такое эти бѣглые?... Известно, что: бѣглые, да и все тутъ. Крѣпостная Русь, нашедшая свое убѣжище, свои Кентукки и Массачузетсъ. *Здѣсь бѣглыми земля стала. Не будь ихъ ничего бы и не было:* ни Донщины, ни Черноморья, ни преславной бывлой Запорожской земли, ни всей этой вѣковѣчной гостепрѣимной царины, къ которой стремятся съ сѣвера и изъ другихъ мѣстъ за волею и люди, и звѣря, и птицы!... Приволье земель и работъ, только *трудись*; на вѣгъ *труда* станеть»...

Романъ тотъ, какъ известно, былъ написанъ ранѣе освобожденія крестьянъ, но, по условіямъ времени, не могъ тогда явиться въ свѣтъ; и явившись онъ въ печати немедленно, то сенсация, имъ произведенная, была бы громче и рѣшительнѣе, чѣмъ послѣ акта 1861 года. О немъ говорили бы такъ же много, какъ въ свое время говорили о *Хижинѣ дяди Тома* Бичеръ Стоу. Но и появленіе послѣ манифеста не уменьшило его художественныхъ достоинствъ. Оно почти совпало съ появленіемъ въ журналистикѣ новаго направленія подъ названіемъ «почвы», внесеннаго авторомъ *Записокъ изъ Мертваго Дома*.

Какая опять простая истина—опереться на народъ (на *почву*) и въ гармоніи съ нимъ выработать новыя формы общественной и личной жизни! И какъ долго она служила у насъ предметомъ насмѣшекъ!

Данилевскій сразу поставилъ свой романъ и своихъ героевъ на реальную почву и повелъ своего читателя на свѣжій воздухъ, въ провинцію, въ Новороссію.

Необъятные горизонты широкой степи, вольный вѣтеръ, носящійся надъ зелеными полями, испещренными яркими цвѣтами, оврагами и курганами, этими нѣмыми тысячеклѣтными свидѣтелями передвиженія народовъ, плодородный черноземъ, кишачія въ зелени и прозрачной синевѣ воздуха дикія птицы, южное сверкающее солнце съ длиннымъ лѣтомъ и короткою зимой, раздолье Дона и Азовскаго побережья—вотъ куда бѣжали отъ «забѣдающей среды» герои *Бѣглыхъ въ Новороссію*. Здѣсь дышется полною грудью легкимъ теплымъ воздухомъ и природа какъ бы вѣчно улыбается. Но драма сокрыта здѣсь и въ природѣ, и въ людяхъ. Степной великанъ временами превращается въ грознаго врага. Сверкаю-

щая улыбка небесъ мало-по-малу переходитъ въ африканскую засуху. Въ ваши труды спалены яркимъ солнцемъ, все высушено, выжжено, и среди желтой, помертвѣлой травы не находятъ ни капли воды ни звѣрь, ни человѣкъ. Жажда томить все и всѣхъ. Степное «маревъ» (миражъ) тщетно рисуетъ вамъ воздушные замки, опрокинутыя деревни надъ широкими озерами, дѣса и роши. Степнякъ знаетъ, что это мечта и что упорный трудъ его надъ землею погибъ безслѣдно. И вдругъ набѣжала туча, расслась быстро, заволокла все небо и разразилась тропическою грозой. Бяляки (овраги) полны бѣгущею пѣнистою водою, изъ тощихъ ручейковъ выросли грозныя рѣки, волны сѣна, стада овецъ разсѣяны, разбросаны, частью увлечены потоками, крыши избъ разрушены и частью унесены. Словомъ, новое разрушеніе, страшное и неожиданное. То вдругъ налетитъ тучами саранча и въ два-три дня опустошитъ неозримыя пространства хлѣбныхъ поствовъ. Къ этимъ врагамъ присоединяются хищныя звѣри, громадныя дистанціи между жильями, въ короткія зимы страшныя вьюги, иногда приносящія сугробы снѣга, за которыми не видно человѣческихъ жилищъ, — словомъ, житель степей вѣчно находится на военномъ положеніи. Это закаляетъ характеръ степняка, приучаетъ его къ риску, предприимчивости, удаляя отъ него мелочность и, напротивъ, развивая въ немъ наклонность къ крупному и широкому.

Всѣ эти черты и краски оказались и въ романѣ г. Данилевскаго; онѣ были настолько ярки, что даже казались преувеличенными, потому что были сконцентрированы въ одной большой картинѣ, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ разсѣяны на большихъ пространствахъ мѣста и времени.

Мы не станемъ пересказывать содержанія *Бѣлыхъ въ Новороссіи*, которое, конечно, извѣстно большинству русскихъ читателей.

На первомъ планѣ бѣглецы крѣпостные: Милороденко и Левенчукъ. Первый—тертый калачъ, бывший лакей, любитель женщинъ, вина и воли, прожигающій жизнь смѣлыми похождениями. Онъ увлекаетъ Левенчука—бѣжать въ степи отъ горькой доли крѣпостнаго. Левенчукъ—натура сосредоточенная, трудолюбивая, склонная къ постоянной любви и семейному очагу. Прелестны первыя главы романа, посвящаемыя первому знакомству его со степями подъ руководствомъ опытнаго Милороденка. Сягвинникъ и флегматикъ, оба малоросса, тѣсно сплелись узлами драмы, вскорѣ разыгравшейся въ степи. Левенчукъ, ходя по заработкамъ, узналъ красавицу Оксану, воспитанницу отца Палладія, и полюбилъ ее; она отвѣчала ему взаимностью. Все, казалось, улыбалось ихъ надеждамъ, какъ вдругъ случилось неожиданное происшествіе: Оксана похищена среди ночи и точно въ воду канула.

Въ степь бѣжали не одни крѣпостные. Эти искали воли и труда, а другіе, бѣглецы высшаго полета, искали быстрой наживы. Представителемъ

этихъ послѣднихъ былъ Панчуковскій, полковникъ гвардіи въ отставкѣ, бросившій для барышей Петербургъ и модный свѣтъ, шегольскихъ товарищей, оперу, Невскій проспектъ и весь столичный комфортъ. Нѣмецъ Шульцвейнъ, колонистъ-милліонеръ, владѣющій чуть не полгерцогствомъ степной земли,—другой противоположный полюсъ дѣловыхъ людей, богатство коего сильно интригуетъ Панчуковского.

Но въ то время какъ Шульцвейнъ, въ колонистской курткѣ, самъ исполняетъ всѣ черныя работы своего ремесла, а жена его одна съ кучеромъ смѣло возить бочонки золота по степи для расплаты съ рабочими и за товары, русскій дѣловой человекъ задаетъ балы, живетъ бариномъ и постоянно прохаживается по части женскаго пола. Панчуковскій похитилъ Оксану и заключилъ ее въ строгій карантинъ въ своемъ стеномъ дворцѣ. Затѣмъ идетъ рядъ бурныхъ сценъ. Левенчукъ пытается мирно освободить свою невѣсту, но его подвергаютъ истязаніямъ. Подымается бунтъ рабочихъ, степное пожарище, осада панчуковского дворца. Пріѣздъ исправника разгоняетъ толпу: вѣдь, всѣ они бѣглецы, безпаспортные. Левенчукъ остается связаннымъ въ заточеніи.

Но надъ нимъ бодрствуетъ его геній-хранитель. Милороденко, послѣ ряда грабежей и походовъ, успѣваетъ втереться въ довѣренность Панчуковского и, въ качествѣ приближеннаго лакея, все высмотрѣвъ, освобождаетъ Левенчука и Оксану. Панчуковского связываютъ и забираютъ всѣ его деньги. Затѣмъ—бѣгство въ степь и преслѣдованіе до самыхъ гирлъ Дона. Тутъ грандіозная картина природы, точно широкимъ аккордомъ, завершаетъ романъ, полный страстей и движенія. Бѣглецы счастливо отдѣлываются отъ преслѣдованія. Исправникъ убить выстрѣломъ съ лодки, а Панчуковскій видитъ только удаляющійся въ море днностраннй корабль, уносящій бѣглецовъ.

Это цѣлая «эпопея» бѣглыхъ рабочихъ. Душевные процессы въ пей не анализируются, а проявляются прямо въ дѣйствіи, въ борьбѣ съ врагами рабочаго. «Бѣлые негры» и «бѣлые эксплуататоры», исправникъ и безпаспортные, жажда воли и труда и постоянный Дамокловъ мечъ надъ годовою,—мѣсто ли въ такой обстановкѣ рефлексія и анализъ?

Резонеръ тутъ сдѣлался бы только добычею хищныхъ звѣрей и степныхъ орловъ или умеръ бы съ голоду. Всѣ здѣсь въ напряженіи, трудѣ и борьбѣ.

Но во главѣ фигуръ романа мы ставимъ отца Павладія, воспитателя Оксаны. Это—свѣтлый лучъ того времени, интеллигентъ, кровнымъ родствомъ связанный съ народомъ, истинный пастырь бѣглыхъ и степей, одна изъ рѣдкихъ фигуръ въ нашей литературѣ. Мы не припомнимъ другаго романа, въ которомъ русскій сельскій священникъ получалъ бы столь симпатичное воплощеніе. Это одинъ изъ тѣхъ практиковъ, который внесъ умъ и сердце въ свой трудъ, съ любовью приспособивъ его въ той «забѣдающей средѣ», отъ которой другіе бѣжали; онъ приспособо-

бился къ ней настолько, чтобы, въ свою очередь, на нее воздѣйствовать въ смыслѣ культуры.

Вотъ, напримѣръ, сцена, когда къ нему приходитъ Левенчукъ просить руки Оксаны:

— А, Левенчукъ! Откуда Богъ несетъ? Что это?

Пришедшій поклонился въ поясъ.

— Это, батюшка, ужъ примите; это вамъ свѣжая рыба съ тони, да часть дичинки; самъ стрѣлялъ.

— Спасибо, спасибо. Оксана, возьми!—крикнулъ священникъ въ сѣни.—Я это люблю. Спасибо!

Но Оксана не явилась. Левенчукъ помолчалъ и опять поклонился.

— Батюшка!

— Что тебѣ?

— Какъ же насчетъ того-съ?

— Чего?

— Да насчетъ обѣщанія вашего?

— Какого?

— А про Оксану...

Отецъ Павладій отошелъ и выставился изъ комнаты въ окно, въ которое еще громче неслось пѣніе соловьевъ.

— Видишь ли, братъ,—сказалъ онъ, не оглядываясь,—ты человекъ добрый, и я тебя узналъ, да ты бѣглый, значитъ—ничто. Ну, какъ тебѣ повѣрить душу человѣческую? Ты—безпаспортный, бродяга, вѣдь такъ?

— Такъ.

— А я тебя покрываю?

— Покрываете...

— Ну; значитъ, и ты преступникъ, и я. Придутъ, потащатъ тебя, раба Божьяго,—и пропала дѣвка...

Батюшка, что хотите возьмите, а отдайте ее за меня; другой годъ васъ прошу, молю; отдайте, не загубите моей души... Богомъ Господомъ молю!

— Ну, слушай, вотъ тебѣ зарокъ: принеси сто цѣлковыхъ на церковь, да сто цѣлковыхъ на выкупъ твой,—напишу къ твоей госпожѣ; авось дадутъ тебѣ волю... Тогда и бери Оксану-то. Что, согласенъ? Хочешь, сяду и напишу твоей барынѣ; прямо скажемъ все.

— Нѣтъ, батюшка! Богъ вѣсть, какъ еще дома посмотреть теперь на мое бѣгство. Берите двѣсти цѣлковыхъ на церковь, а ужъ на выкупъ у барыни моей не требуйте, не пустить меня теперь барыня. Знаю я, что не пустить. Смилюйтесь, батюшка, обвѣнчайте такъ... Мы за Кубань, мы въ Молдавію убѣжимъ...

Священникъ подошелъ къ огню, погасилъ свѣчи, сталъ къ окну и высунулся опять въ него по поясъ, глядя на освѣщенную мѣсяцемъ росистую окрестность, по которой раздавались соловьиные крики. Изъ сѣней

вошла и тихо стала у косяка двери Оксана. Она плакала; плакалъ и Левенчукъ.

— Ну,—сказалъ священникъ, оглядываясь на нихъ,—перевидаль я тутъ немало васъ, горемычныхъ! Богъ васъ благословить! Вънчаю!

Левенчукъ и Оксана поклонились ему въ ноги.

— Когда хочешь, приноси только деньги; значить, ты порядочный человекъ, достаточный, надежный; ну, значить, тогда и бери. А я, собственно, не себѣ беру, ни-ни! Что ее, въ самомъ дѣлѣ, держать? Я и самъ думаю. Еще что скажутъ. Но ей же ей, Господи, желалъ бы я, чтобы ты ей принесъ счастье, горемычной сиротѣ. И гдѣ ея родина, и откуда она—не знаю.

Левенчукъ вздохнулъ.

— Ну, вотъ вамъ, батюшка, семьдесятъ пять цѣлковыхъ, а остальные, можете и всё, къ Троицѣ отдашь. Онъ вынулъ изъ конца затасканнаго платка деньги и отдалъ.

— Ты гдѣ былъ это время и гдѣ теперь стоишь?

— Былъ на неводахъ и въ конторѣ хлѣбной былъ, а теперь опять всю весну при неводѣ. Тамъ и дичинки вамъ набилъ.

— Контрабандой занимался?

— Случалось.

— Не хорошо, Харитонъ, поганое дѣло! Отвѣчать будешь, брось! Ну, ступай же, бери свою Оксану. Чай, подъ ракеткой побесѣдовать рветесь. Ступайте же, цѣлуйтесь, мои пташечки! Только далѣе ни-ни... Чуешь ты, Харько?

— И, батюшка, будто мы ужъ какіе антихристы? Законъ отцовъ знаемъ».

Какъ это просто, но, вѣстѣ съ тѣмъ, какъ правдиво и сердечно!

Заброшенный въ глухую степь, этотъ пастырь мужественно несъ свой тяжелый крестъ въ борьбѣ съ нуждою и природою. Почти всѣ переселенцы «Мертвыхъ водъ» перемерли отъ воды колодца; жена его тоже унесена въ могилу; дѣтей нѣтъ. Отецъ Павладій пріютилъ сироту одного бѣглаго, погибшаго въ степяхъ; въ сообществѣ съ діакономъ, онъ устроилъ въ ложбинѣ церковь, домъ, рошу, прудъ, пасѣку,—свой святодуховъ куть, предестный оазисъ среди степи. Бѣглецы, не признававшіе закона, почитали и любили своего духовнаго пастыря, а онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, поддерживалъ въ нихъ человѣческія стороны и религіозность. Какъ хорошо складываются эти отношенія, когда они свободны и въ нихъ не мѣшается іерархическій бюрократизмъ! Отецъ Павладій выписывалъ и газеты, слѣдилъ за литературою и сохранялъ въ себѣ «душу живую», что не мѣшало ему, однако же, въ виду всякихъ недостатковъ, раздавать деньги на процентики, принимать добротныя жертвованія, временами прикрывать бѣглаго отъ преслѣдованія, а то и отговаривать отъ преступления. Этотъ круглый, приземистый и тучный ста-

ричокъ, съ отекившимъ лицомъ, съ красноватой, мясистой лысиной, едва прикрытой прядями сѣдыхъ волосъ, съ утлою косичкою, перевязанною полинялою ленточкой, и въ камлотовомъ сѣромъ подрясникѣ, проведеншій около сорока лѣтъ въ пустынь, среди бродячаго населенія степей, и не утратившій ни человѣческаго образа, ни вѣры въ человѣка, чрезвычайно симпатично представляетъ собою самородный типъ русскаго сельскаго священника, предоставленнаго собственному творчеству въ жизни. Такой типъ любить и нашъ народъ, потому что пастырь самъ-то вышелъ изъ народа и близокъ къ нему. Да и иностранецъ на отца Павладія пойметъ лучше всякихъ разсуждений, что такое православный сельскій священникъ на Русси и какая въ немъ таится громадная нравственная сила, когда ему не мѣшаютъ формальности и онъ можетъ быть самостоятельнымъ.

Уже позднѣе, въ 70 годахъ, мы встрѣчаемся въ нашей литературѣ съ другимъ превосходнымъ типомъ симпатичнаго пастыря, но уже городского, въ лицѣ отца Туберосова въ романѣ Н. С. Лѣскова *Соборные*. Онъ также оказываетъ нравственное вліяніе на своихъ городскихъ прихожанъ, но, какъ натура пропагандиста, существенно отличается отъ натуры пионера-колониста отца Павладія. Вообще можно замѣтить, что въ лицѣ сельскихъ пастырей въ бытовыхъ романахъ г. Данилевскаго (отецъ Смагда въ *Волѣ*, отецъ Адриана въ *Девятомъ валѣ*) мы встрѣчаемъ симпатичные образы, съ цѣльными натурами, въ вѣчной борьбѣ съ нуждою, просто и безъ всякой рисовки несущими своей крестъ апостольской, практической любви среди деревенской бѣдности и темноты. Авторская кисть, видимо, съ любовью останавливается на этихъ фигурахъ и сообщаетъ имъ мягкій, правдивый колоритъ. Ни утрировки, ни глумленія, ни одной озлобленной черты нѣтъ въ этихъ портретахъ.

Въ своемъ лицѣ отецъ Павладій заставляетъ искренно полюбить бѣдное русское сельское духовенство, и въ этомъ большая заслуга г. Данилевскаго. Безъ этого элемента гуманности дикія, необузданныя страсти героевъ *Блуждѣ въ Новороссіи* оставляли бы подавляющее впечатлѣніе.

Другое важное общественное явленіе въ этомъ романѣ, это—рабочій вопросъ на югѣ. Народныя движенія къ волѣ и мирному свободному труду надъ землею представлены въ схваткѣ съ тремя главными врагами: крѣпостнымъ правомъ, паспортнымъ институтомъ и плантаторами-работодателями. Первый врагъ уже разрушенъ манифестомъ 1861 года. Но спутникъ его, паспортный институтъ, доселѣ тяготеетъ надъ передвиженіемъ рабочихъ въ Россіи. Денежное хозяйство смѣнило прежнее натуральное; но въ степяхъ оно ввелось еще до освобожденія крестьянъ, ибо бѣглецы были рабочіе вольнонаемные, которымъ надо было платить деньгами, хотя съ нихъ и срывали взятку за ихъ несчастіе, т.-е. платили дешевле потому только, что они бѣглецы и безпаспортные. Это практиковалъ и отставной гвардіи полковникъ Панчуковскій, оставляя у себя ца-

родные гроши для духовъ и булавокъ, практиковали и другіе южные работодатели. Но рабочіе противъ этого не протестовали и благодушно покорялись вычету: мы-де нелегальные рабочіе, и намъ надо платить дань за свою свободу. И они также охотно песли эту дань мѣстному исправнику, моряку Подкованцеву, умѣвшему устроить себѣ изъ бѣглыхъ рабочихъ весьма доходную статью. Бѣглыхъ были тысячи, а исправникъ одинъ. Какъ не соблазниться пословицей: съ міра по ниткѣ, голому рубашка? И благодушный народъ безропотно псезъ эти нитки, а Подкованцевъ благосклонно, сквозь пальцы, смотрѣлъ на безпаспортныхъ. Благодаря этому благодушію съ обѣихъ сторонъ, новороссійскія степи колонизировались, распахивались, засѣвались и убирались бѣглыми рабочими, а черноморскіе порты отпускали въ Европу до ста милліоновъ пудовъ всякаго зерна и на такую же сумму вносили «золота» въ общенародную казну имперіи.

Какимъ мелочнымъ, въ виду такихъ результатовъ, представлялся паспортный институтъ, имѣющій всѣмъ извѣстное свойство пропускать сквозь свои сѣти ловкихъ воровъ и мошенниковъ и задерживать только неопытныхъ, честныхъ тружениковъ!

Въ принципѣ давно уже рѣшенный къ отмѣнѣ и подорванный въ самомъ корнѣ своей авторитетности, паспортный институтъ никого и ничего не обезпечиваетъ, а только ложится громаднымъ налогомъ на рабочую силу въ Россіи въ пользу мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ и плантаторовъ. Въ романѣ г. Данилевскаго этотъ вопросъ вполне прочувствованъ и, можно сказать, исчерпанъ. Нышѣ, съ отмѣною подушной подати, лишившей паспортъ фискальнаго значенія, платять только земля, имущество, промыслы и торговля, но не души. Остается лишь потребность легализации, или удостовѣренія личности, въ случаѣ судебнаго разбирательства, выполненія воинской повинности и т. п. А это можетъ быть удовлетворяемо съ помощью какого-либо постоянного документа, безъ особаго стѣсненія обывателей и безъ особаго налога. До сихъ же поръ при каждой перемѣнѣ паспорта дѣлаются такіе начеты на безграмотныхъ крестьянъ и мѣщанъ, и такъ безконтрольно, что паспортъ обходится ему въ 5—10 разъ дороже, чѣмъ это предполагаетъ законодательство. Милліоны рублей, такимъ образомъ, взыскиваемые незаконно, идутъ въ карманы писарей, старшинъ и членовъ управъ.

Непосредственныя впечатлѣнія, подъ которыми писались *Взгляды въ Новороссію*, отразились, между прочимъ, на свѣжести пейзажей и художественности картинъ этого романа. Приведемъ нѣсколько мѣстъ на поддержку.

«Шель Левенчукъ часъ-другой (послѣ похищенія Оксаны) степью. Солнце начинало уже садиться. Туманъ пошелъ яромъ. Вышелъ онъ на жосогоръ и ударилъ себя въ голову: и тутъ не везетъ треклятая доля! Съ дороги на семи шагахъ сбился! Гдѣ же это я? И онъ сталъ смотрѣть.

Степнѣло. Дикіе гуси неслись къ западу, чуть шелестя надъ его головою. Семья дрофъ, вспугнутыхъ съ ночлега, поднялась въ ста шагахъ отъ него и побѣжала въ сторону, мелькая между бурьянами. Ночные кузнечики трещали. Звѣзды зажигались. А въ полуверстѣ огонекъ кто-то на ночь сталъ разводять...»

Небольшими штрихами какъ полно очерчено наступленіе вечера въ степи! Или вотъ, напримѣръ, ранняя южная весна: «Утромъ Подкованцевъ проснулся; надъ степью плыли теплые непроглядные туманы. Снѣгъ исчезалъ. Дождь пошелъ и лилъ три дня сряду. Стала небывалая распутица. За то тутъ же, между двухъ-трехъ дождей, среди не сошедшаго еще снѣга, откуда взялась зелень. Въ степи показались озера; мелькнули весенніе цвѣтки. Въ облакахъ затурикали журавли. Потянулись вереницы гусей. Черезъ новыхъ три-четыре дня въ одинокихъ затопленныхъ оврагахъ, покрытыхъ лѣсками, загремѣли недалекіе крымскіе и кавказскіе гости—соловьи. Въ воздухъ запахло почками тополей. Подулъ съ юга крѣпкій морской вѣтеръ. Туманы уплыли. Пышно заснѣло у береговъ море. А Донъ, дробясь мутными потоками песчаныхъ гирлъ, бурлилъ, кипѣлъ, шумѣлъ и катилъ къ нему свои пѣнистыя и привольныя воды».

Но въ концѣ картины этого романа слѣдуетъ признать большую часть главы XV: «Въ гирлахъ и плавняхъ на Дону». По мастерству описанія и грандіозности картины это одинъ изъ выдающихся пейзажей въ русской литературѣ.

«...Панчуковскій открылъ глаза, потянулся и оторопѣлъ отъ чудной картины плавней, которая вдругъ развернулась передъ нимъ, будто выходя изъ какой-то дымки, изъ какого-то заколдованнаго тумана... Солнце еще не показывалось. Но блѣдный отблескъ, предшествующій зарѣ, уже освѣщалъ въ разныхъ мѣстахъ окрестность. Донъ, сливаясь съ притоками и дробясь самъ на множество рукавовъ, шелъ здѣсь, уже не похожій на рѣку. Это было громадное пространство водъ, потопившихъ землю, холмы, луга и песчаные наметы, или, скорѣе, собраніе самыхъ разнообразныхъ рѣкъ, ручьевъ и острововъ, поросшихъ исполинскими камышами. Главной рѣки почти не было видно. То здѣсь, то тамъ, будто спѣша къ морю, будто обгоняя другъ друга, справа и слѣва вырывались изъ чащи камышей новые ручьи».

«...Панчуковскій не могъ оторваться отъ картины гирлъ, шумящихъ, грохочущихъ и бѣгущихъ въ пѣнѣ и камышевыхъ холмахъ. Передъ нимъ во ста шагахъ, за мелкимъ бродкомъ, стало выясняться огромное, тихое, свѣтлое, какъ зеркало, озеро. Это было не озеро, а тотъ же Донъ, въ концѣ долгаго пути завернувшій въ затишье трехъ песчаныхъ горбовъ и цѣлой дубравы лозъ и тростниковъ и легшій здѣсь на отдыхъ. По этому тиховодку шагала какая-то сѣрая тѣнь, съ длиннымъ носомъ. Вотъ заалѣлся въ первыхъ лучахъ свѣта у нея хвостъ... Она повернулась».

Цапля. Пролетѣло новое дуновеніе вѣтра; вздохнуло утро. Съ разныхъ сторонъ опять отдернулись новыя завѣсы...»

«Нѣбо вдали, наконецъ, подернулось отблескомъ зари. На окраинѣ небосклона, за камышами перебѣгали бѣлыя зайчики. Что-то особенно раздольно шумѣло. То море вдали цѣнилось и бурлило у береговъ, отдавая песчаные наносы широкихъ гирлъ кудрявымъ бѣлымъ прибоемъ. Вѣтеръ еще не смолкъ. Чайки съ криками носились по темному еще взморью. Влѣво выходили изъ тумана чуть видныя мачты судовъ, шедшихъ всю ночь по морю подъ парусами или стоявшихъ въ разброску у неводскихъ пристаней по Дону. Вправо виднѣлись верхушки рыбацкихъ землянокъ, крошечный домикъ купца Пустошинева, курени по притокамъ Дона. Съ нѣкоторыхъ крышъ подымался уже дымокъ...»

Мы привели нѣсколько отрывковъ изъ этой картины, которая постепенно вырастала предъ Панчуковскимъ, пропуская прелестныя подробности, напр., какъ на самую телѣгу его, порхнувъ черезъ камыши, налетѣла какая-то легкая, длинноногая птичка, какъ она, свободная и дышащая испугомъ и влагою, робко и ясно взглянула въ его глаза своими круглыми мерцающими глазками; какъ все яснѣе, подъ лучами восходящаго солнца, разстигалась поморская ширь и гладь, синѣя, во всѣ стороны и т. д.

Эта грандіозная картина пробуждающейся природы у впаденія Дона въ Черное море, схваченная вся въ движеніи, полная свѣжести и ширины размаха, и среди нея погоня Панчуковскаго съ исправникомъ за бѣглецами, сопровождающаяся неожиданною смертью послѣдняго, достойно завершаетъ собою народную эпопею, полную труда, страстей и борьбы.

П. Сокольскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

III *).

„Скучненько“

«... Какъ ни тягостно общее настроеніе воронежцевъ,—читаемъ мы въ № 15 газеты *Донъ*,—но и тучи на небѣ не вѣчны, и болѣзни сердца не непрерывны; болѣзнь сердца также имѣетъ свои схватки, но также дремливо успокоивается она. Очень рѣдко встрѣчаются въ обществѣ лица сіяющія счастьемъ и весельемъ. Нытье литературы становится надобнымъ, новости дня постоянно грызутъ сердце разсказами о горѣ людскомъ. Воровство, банкротства, крахи, убійства, растраты—разрастаются не по днямъ, а по часамъ. Ясно видно, что мы вошли въ періодъ хроническихъ болѣзней, которыя не лѣчатся такъ быстро. Если кто, счастливый, и не имѣетъ своего личнаго горя, если вы не знаете горя семейнаго, не знаете неудачи въ вашихъ дѣлахъ, то, навѣрное, общее нытье также часто тяжелымъ гнетомъ давитъ и ваше сердце. Вотъ почему съ особою радостью мы привѣтствуемъ тѣ счастливыя минуты, когда общество оживаетъ въ ореолѣ восторга и когда оно такъ жадно захватываетъ на душу пріятныя впечатлѣнія. 2 февраля мы слышали концертъ г-жъ Фостремъ и Гипіусъ, и свѣтлымъ облакомъ въ ненастный день казался онъ обществу»...

Не знаю, можно ли характеризовать душевное настроеніе современнаго скучающаго интеллигентнаго обывателя лучше, чѣмъ оно охарактеризовано въ вышеприведенныхъ строкахъ, взятыхъ нами изъ рецензіи г. С. Барпова о концертѣ г-жъ Гипіусъ и Фостремъ. Въ характеристикѣ этой есть все для того, чтобы составить себѣ понятіе объ общемъ тонѣ жизни скучающей интеллигенціи, объ общихъ условіяхъ, въ которыхъ томится интеллигентная душа, и, наконецъ, о настоятельнѣйшей потребности—такъ ли, сякъ ли—выйти куда-нибудь на свѣжій воздухъ изъ удушающей атмосферы жизни, въ которой такъ трудно дышать. И не думайте, что подъ гнетомъ такой интеллигентной тоски находились бы только воронеж-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

цы,—вовсе нѣтъ. Провинціальная пресса самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи даетъ по части душевной тоски образованнаго общества совершенно однородный матеріалъ, и если я взялъ для матеріала настоящей замѣтки, главнымъ образомъ, газету *Донъ*, то это только потому, что нахожу совершенно бесполезнымъ рыться въ кучѣ газетъ для того, чтобы найти въ нихъ то самое, что я могу найти въ какой-нибудь одной газетѣ, перебирая ее номеръ за номеромъ. И какую бы изъ современныхъ провинціальныхъ лѣтописей ни взяли мы, съ цѣлью узнать какъ живетъ на Руси человѣку интеллигентному, вездѣ мы найдемъ одно и то же: литература надоѣла ему своимъ *нытьемъ*, окружающее надоѣло ему грабежами, крахами и другими безобразіями, и отъ всего этого онъ хочетъ забыться, почувствоваться,—словомъ, какъ-нибудь и куда-нибудь уйти изъ той грязи, въ которой онъ *долженъ* барахтаться и о которой, къ тому же, непрерывно *поетъ* несчастная литература.

Встаетъ сказать, литература эта не только «надоѣдаетъ» своимъ *нытьемъ* той части интеллигенціи, которая, проживая среди краховъ, воровства, убійствъ, грабежей, жаждетъ, выражаясь словами г. Карпова, ожить *въ ореолъ восторга*, но даже начинаетъ кой-кого приводить и въ *блшество*. Недавно въ *С.-Петербургскихъ Видомостяхъ* нѣкто *Обыватель* выступилъ съ цѣлымъ рядомъ очерковъ противъ этой нющей литературы,—выступилъ съ цѣлью разгромить ее въ дребезги. «Они,—говоритъ *Обыватель* въ предисловіи къ своей *правдѣ*,—столичные литераторы, съ крайнею неохотой констатируютъ новыя вѣянія; жаль имъ покончить съ бывшею вакханаліей, когда уснѣхъ, лавровые вѣтки и деньги доставались такъ легко, когда шампанайство шло впереди дѣла, а хлесткая фраза предпочиталась солидному труду. Что дѣлать, г-да литераторы! Нельзя же весь вѣкъ ходить подъ масками и въ костюмахъ! Маскарадъ тянулся слишкомъ долго и надоѣлъ. Творенія г. Салтыкова и г. Гл. Успенскаго перестали находить покупателей, а обладанныхъ «ретроградовъ» Толстаго и Тургенева вся Европа провозглашаетъ первыми писателями вѣка. Что дѣлать! И повѣрьте, господа литераторы, *отрезвившееся общество* не станетъ ждать вашего *bon plaisir*. Оно такъ жадно запросило *правды*, дѣла и знанія, что если не съумѣете отвѣтить на этотъ запросъ *тотчасъ же*, оно *безжалостно выкинетъ* васъ за бортъ со всею вашею извѣстностью, со всѣмъ вашимъ былымъ значеніемъ».

Изъ этого отрывка вы видите, до какой степени негодованія довело «сотни тысячъ обывателей» нытье современной литературы. Вы видите, что терпѣніе обывателя истощено, и если *тотчасъ же* онъ не будетъ успокоенъ и ему не будетъ данъ отвѣтъ на не существующій съ его стороны запросъ, такъ онъ начнетъ *выбрасывать за бортъ*, да притомъ еще и *безжалостно*, точно Стенька Разинъ. Ему мало выбросить за бортъ и утопить человѣка: онъ еще, какъ видите, хочетъ треснуть его объ уголь, растеранить, размозжить,—словомъ, поступить безжалостно (вмѣсто того,

чтобы просто не читать),—а за что? Правды ему, палачу, литература не говорила; она все время наряжалась въ костюмы, надѣла на себя маску, сверхъ маски нахлобучила на голову лавровый вѣнокъ и въ такомъ видѣ стала тащить въ свои карманы деньги. Ей хорошо (обыватель знаетъ это тонко!) въ маскахъ-то, да въ костюмахъ, да съ деньгами въ карманѣ мучить мирныхъ обывателей, и вотъ она не хочетъ, робенится говорить правду, поступать на чистоту: те ли дѣло поступать безсовѣстно, измазать себѣ лицо сажей, чтобы не узнали кто ты такой, да и хватать деньги.

Но обыватель уже вышелъ изъ терпѣнія. Онъ такъ наголодался «по правдѣ», что самъ рѣшается провозгласить ее и берется «за перо» не ради денегъ, а ради (опять-таки) той неприкрашенной правды, съ которою такъ безцеремонно обошлись гг. цеховые литераторы. «Во имя правды,—вопиетъ онъ,—я рѣшился на полную откровенность, чего бы это мнѣ ни стоило!» «Не только безусловная правдивость, но даже самая мелочная точность и вѣрность конкретнымъ фактамъ будетъ соблюдена мною какъ святыня».

И прежде всего, во имя этой святыни, во имя точности и вѣрности, во имя безусловной правды, для которой взбѣшенный неправдою гражданинъ рѣшается пожертвовать всѣмъ (чего бы это мнѣ ни стоило!), онъ считаетъ нужнымъ, для «начатія» огромнаго предпріятія, скрыться въ псевдонимѣ *Обыватель*. Ноющую литературу этотъ правдивый человекъ будетъ «дуть» поименно и безъ жалости, а самъ, во имя сущей правды, будетъ прятаться въ конуру псевдонима. «Я не подписываю своего имени потому, что это могло бы стѣснить меня до известной степени, когда стану говорить о себѣ или о своихъ знакомыхъ»,—слышимъ мы изъ конуры и получаемъ обѣщаніе «назвать себя, свое мѣсто дѣйствія, своихъ героевъ», конечно, въ случаѣ надобности и сомнѣній. Затѣмъ, вѣроятно, въ видахъ того же полнѣйшаго безпристрастія, «полной откровенности», точности и вѣрности, а также для того, чтобы не стѣснять себя и вообще сдѣлать такъ, чтобы «сущая правда» не очень висла на вороту самого «обывателя», послѣдній создаетъ нѣкую чучелу, которая должна быть умной, соглашаться съ мыслями обывателя и уяснять ихъ примѣрами изъ собственнаго, чучельнаго опыта. Создавъ эту яко бы умную чучелу, обыватель даетъ ей имя Алексѣя Петровича, сажаетъ за завтракъ и начинаетъ говорить «сущую правду», причѣмъ, какъ мы знаемъ, даже мелочная точность и вѣрность конкретныхъ фактовъ должны бы соблюдаться какъ обывателемъ, такъ и чучелой, какъ святыня. Но едва только обыватель и чучела раскрываютъ рты, чтобы провозгласить правду во что бы то ни стало, какъ немедленно же оказывается необходимымъ дѣлать такое примѣчаніе: «оговариваюсь, что весь довольно длинный разговоръ, записанный въ этой главѣ, я, разумѣется, передаю не совсѣмъ точно (какъ было запомнить подлинныя выраженія?) и съ необходимыми

сокращениями; но все же *по возможности* близко къ тому, что было сказано въ дѣйствительности».

Такимъ образомъ, этотъ правдивый человѣкъ, измученный неправдой литературы, приготовляющійся выбрасывать за бортъ, и притомъ безжалостно, цеховыхъ ея представителей, вопіющій о невозможности долше терпѣть эту неправду, рѣшающійся *во что бы то ни стало* сорвать маски и костюмы и провозгласить сухую, безусловную правду, ставящій священною обязанностью точность и вѣрность фактамъ (съ которыми безцеремонно обошлась цеховая литература), — прежде всего укрывается въ псевдонимъ, въ подворотню и конуру, выставляетъ вмѣсто себя чучело и, принимая наивный видъ, «оговаривается», что, «разумѣется, онъ не совсѣмъ точно передаетъ то, что говорили они съ чучелой, — вѣдь, какъ же запомнить? Наконецъ, необходимыя сокращенія... (а «чего бы то ни стоило?»): А, вѣдь, какіе злые эти *обыватели!* За бортъ, говорить, да еще безъ жалости!...

Но повѣримъ ему и чучелъ, что они разговариваютъ *по возможности* близко къ тому, что было сказано обывателями и чучелой въ дѣйствительности, и послушаемъ, какая такая у нихъ «сухая правда», которая воспитывалась въ нихъ 17-лѣтнимъ безвыѣзднымъ пребываніемъ въ деревнѣ.

— Хотя у насъ кричатъ иные, будто у насъ народъ преисполненъ какими-то первобытными стихійными совершенствами, — говорить якобы умная и опытная въ деревенской жизни чучела, — совершенствами, передъ которыми необходимо умилиться *съ колѣнопреклоненіемъ*, но на дѣлѣ даже *лакейская цивилизація* выработала изъ двороваго типъ гораздо повыше черносопника. Оттого крестьяне бѣдствуютъ съ землею, доставшеюся *наполовину даромъ*, а дворовые, прогнанные изъ насыженныхъ мѣстъ ни съ чѣмъ, по большей части успѣли устроиться очень порядочно. Оттого между дворовыми вы встрѣтите мастеровъ, управляющихъ, торгашей, огородниковъ, фельдшеровъ, — словомъ, сельскую интеллигенцію; оттого и на свѣтъ божій они смотрятъ нѣсколько иными глазами, чѣмъ крестьяне, и къ общественному бѣдствію (пожаръ въ деревнѣ) отнеслись иначе.

— Помилюйте! — возопили горожане (чучелы, только не умныя, а обаянные говорить глупости) чуть не хоромъ и даже съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ. — Что вы рассказываете? Кто же не знаетъ дворовыхъ? Это или оборванные пьяницы, повара и лакеи, или кабатчики, писаря, аблакаты, — словомъ, деревенскія пивки, люди совсѣмъ безъ совѣсти и сердца, можно сказать — озвѣрѣлые.

Умная чучела, подъ названіемъ Алексѣй Петровичъ, *только умкнулась*...

— Однако, изъ этихъ людей *безъ совѣсти и сердца* выходили всѣ тѣ нянюшки и дядьки, довѣренныя камердинеры и буфетчики, — словомъ, вся та ветхозавѣтная крѣпостная прислуга, о которой и вы, можетъ-быть, слышали кое-что похвальное.

— Скажите,—обратился я (обыватель) къ умной чучелѣ, — чему же именно вы приписываете такое сравнительно высшее развитіе дворовыхъ? Неужто только ихъ большей близости къ господамъ? Сколько я знаю, бывые помѣщики драли своихъ слугъ на конюшнѣ, но лекцій о нравственности имъ не читали.

— Смѣйтесь!—отвѣчала умная чучела,—а все-таки именно близость къ господамъ сдѣлала многое. Никакое столкновеіе съ цивилизаціей не пропадаетъ даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ (вродѣ «на конюшню!»)

А черносошники?

— «Крестьянская баба относится къ своему мужу съ величайшимъ равнодушіемъ. Каждая изъ нихъ, буквально каждая, готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно, даже и на минуту не призадумавшись» *). Съ этой стороны циничность дошла до *pas plus ultra*. Согласитесь, что во всемъ этомъ болѣе озвѣрѣлости, чѣмъ добываніе средствъ къ жизни кабацкимъ или аблакатскимъ промысломъ. Притомъ же, крестьяне и сами были бы не прочь отъ подобныхъ занятій, но смотрятъ на нихъ какъ на недостижимыя, хотя и розовыя мечтанія.

Такимъ образомъ, оказывается, что бывшіе крѣпостные мужики-черносошники, вскормившіе и вспоившіе этихъ обывателей: потому ниже бывшихъ дворовыхъ, что послѣдніе были близки къ господамъ, хотя бы и сталкивались съ цивилизаціей при неблагопріятныхъ условіяхъ, въ конюшнѣ, и потому, что черносошники не сталкивались съ господами, а только платили имъ деньги, они загрубѣли и зазвѣрѣли до того, что буквально каждая женщина готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно, даже и на минуту не призадумавшись, а мужики бдствуютъ съ землею, наполовину доставшеюся имъ даромъ, причемъ каждый питаетъ недостижимыя мысли о томъ чтобы быть кабацкикомъ.

Къ чему клонится вся эта «правда», мы не знаемъ. Очерки, носящіе названіе *Деревенская правда*, еще не окончены. Но въ томъ же самомъ Орловскомъ *Вѣстникѣ* недавно былъ опубликованъ такой фактъ: Красивая крестьянка почему-то должна была переночевать ночь въ волостномъ правленіи (Мценскаго уѣзда). Волостной писарь и помощникъ писаря, все люди соприкасавшіеся съ цивилизаціей и, вѣроятно, съ такими господами, которые за святую правду выдаютъ мнѣніе, что каждая, буквально каждая, черносошная крестьянская женщина готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно, ни на минуту даже не призадумавшись,—пристали къ этой женщинѣ съ извѣстными предложеніями, но она оказала такое упорное сопротивленіе, что лакейская цивилизація, въ лицѣ писаря и его помощника, должна была прибѣгнуть къ силѣ, и дѣло объ изнасилованіи этой женщины скоро будетъ слушаться въ окружномъ судѣ.

*) Орлов. Вѣстн., № 266.

Впрочемъ, вовсе не въ защиту современной литературы отъ умныхъ и глупыхъ «чучель», выводимыхъ обывателемъ, завелъ я рѣчь о его диковишной правдѣ. Грубость и «храпъ» этого обывателя на литературу доказываютъ только, что онъ плохо воспитанъ, что жилъ вдали отъ вліянія цивилизаціи, что ему чужда близость къ господамъ, иначе онъ былъ бы въжливъ такъ же, какъ и дворовый человѣкъ. Нельзя даже сердиться и на то, что этотъ поклонникъ «лакейской цивилизаціи» лѣзетъ въ поклонники Тургенева, какъ извѣстно, не весьма любезно относившагося къ цивилизирующему вліянію близости къ мужику конюшенныхъ цивилизаторовъ, и присосѣживается къ свѣтлому имени Льва Толстаго, который такъ внимательно относится именно къ этой черносошной душѣ. Нѣтъ, все это не заслуживаетъ ни особеннаго вниманія, ни, тѣмъ паче, негодованія. Но вниманія заслуживаетъ та злоба, та ожесточившаяся печенка семнадцать лѣтъ прокисающаго въ деревенской берлогѣ обывателя, съ которыми онъ начинаетъ выть о правдѣ. Семнадцать лѣтъ онъ лежалъ тамъ, на днѣ своего логова, хозяйничалъ и помалчивалъ; но, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія, ожесточился на неправду, почувствовалъ потребность выйти изъ какой-то тины и путаницы жизни, которую онъ такъ долго къ себѣ прилаживалъ и къ которой прилаживался самъ, и вотъ онъ, блуждая глазами и нища врага, какъ звѣрь бросается на литературу съ засученными рукавами и со стиснутыми кулаками, и заревѣлъ:

— Ежели *тотчасъ* не будетъ отвѣта, убью какъ собаку! Безъ всякой жалости! Отвѣта мнѣ! Сейчасъ!... За борты!... Довольно!

Несчастный ошалѣлъ и требуетъ отвѣта, не задавая даже вопроса. Ему нужно чего-то, нужно вообще выхода изъ той продолжительнѣйшей лжи, среди которой онъ семнадцать лѣтъ съумѣлъ терпѣливо просуществовать, ему нужно выйти на свѣтъ, вообще куда-то выйти, къ чему-то не такому гадкому, среди чего онъ могъ только взбѣнниться, и со зла, и съ одичалости, онъ хватается за первое «пріятное», что мелькнуло въ его отяжелѣвшемъ отъ бездѣйствія мысли мозгу, — за лакейскую цивилизацію... «Драли, пороли, а все-таки было хорошо!»

Да, всѣмъ намъ нужно, чтобы было, наконецъ, что-нибудь «хорошо». Однимъ кажется, что выходъ изъ теперешняго худаго — въ благахъ лакейской цивилизаціи (такихъ, по словамъ обывателя, *сотни тысячъ*), другимъ — въ чемъ-нибудь другомъ; но главное, въ чемъ думаетъ найти успокоеніе *огромнѣйшее большинство русской скучающей интеллигенціи*, — это, несомнѣнно, область искусства.

Надобно, дѣйствительно, до невозможности истомиться отъ нытья литературы, отъ «грызущихъ сердце новостей дня» (*Донъ*, № 65), отъ всѣхъ этихъ кражъ, растратъ и т. д., чтобы съ такимъ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ относиться къ малѣйшимъ минутамъ наслажденія, доставляемаго искусствомъ, какъ это мы видимъ въ современномъ скучающемъ интеллигентномъ человѣкѣ.

Посмотрите, напримеръ, какъ воспѣтъ концертъ 2 февраля, рѣчь о которомъ прервана была въ началѣ этой статейки для разговоровъ о взбѣлѣннвшемся обывателѣ. Высказавъ, какъ уже извѣстно читателю, ту адскую душевную тоску, которая угнетаетъ «сердце» людей, «даже и не имѣющихъ личнаго горя», и объяснивъ, что, именно благодаря этому безпрерывному гнету душевному, скучающій обыватель «съ особенною радостію привѣтствуетъ тѣ счастливыя минуты, когда общество оживаетъ въ ореолѣ восторга», авторъ переходитъ къ концерту 2 февраля и изображаетъ свои впечатлѣнія въ такихъ выраженіяхъ: «Свѣтлымъ облакомъ въ непастный день казался онъ (концертъ) обществу. Легкость и грація въ пѣніи въ волшебныхъ пѣсняхъ госпожи Фостремъ во всѣхъ сердцахъ слушателей не давала мѣста для обычной грусти и печали. И кажется, тѣ чудныя пѣсни Боловнныя, какъ *силуетъ* (?), долго будутъ манить человѣка въ міръ лучшій, въ міръ красоты и поэзіи. Голосъ такой игриво-легкій, металлически-чистый, плѣнялъ слушателей быстротой граціозныхъ прыжковъ, которые исполнялись съ увѣренностью горной газели. Огневая сила очаровательнаго звука, сразу и такъ глубоко потрясающаго сердце, смѣнялась быстро съ такимъ эфирно-легкимъ отзвукомъ, едва замѣтно брошеннымъ въ далекую даль; но эта, такъ сказать, тѣнь звука ясно слышалась, она схватывалась на лету и такъ волшебнo-наркотически умиротворяла сердце». «Если намъ,—говоритъ далѣе авторъ,— иногда и слышалось въ пѣніи г-жи Фостремъ, вмѣсто «соловей», «солофей», то живой голосъ дивной пѣвицы все же былъ очаровательнѣе и богаче самой пѣсни пѣвца любви—соловья!» И затѣмъ, въ поученіе мѣстнымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, имѣющимъ обыкновеніе соваться съ своими музыкальными стремленіями, «какъ ракъ съ клешней», туда, куда и конь съ копытомъ не пробѣжитъ,—авторъ говоритъ: «какъ пріятно замѣтить, что ни въ одной нотѣ низкаго регистра (у г-жи Фостремъ) не сказалось *мужской ноты*, которая такъ нравятся нашимъ провинціальнымъ пѣвицамъ. Для человѣка, понимающаго музыку, весьма противны тѣ *пѣтушья нота*, которыми такъ часто угощаютъ насъ, совсѣмъ не понимая, что для женщины пѣтушья нота вовсе не къ лицу. А, между тѣмъ, женская любовь къ нимъ (къ пѣтушьямъ нотамъ) чѣмъ далѣе, тѣмъ замѣтнѣе становится...» Вообще же, «въ ряду серьезныхъ пьесъ концерта, въ общемъ, было бы эффектиѣе поставить *игриво-легкую* пьесу (вмѣсто рапсодіи Листа № 12), которая могла бы быть воспринята болѣе сознательно,—такая пьеса *впрямь оживила бы сердца!*»

Въ томъ же № 15 *Дона* и о томъ же самомъ концертѣ г-жи Фостремъ помещена и другая восторженная рецензія, такъ что г-жа Фостремъ, ея голосъ, ея біографія, ея происхожденіе, манера пѣть, ростъ и т. д.—все это обследовано, мало сказать, съ восторгомъ, но еще и съ тщательностію, съ замѣчательною внимательностію къ малѣйшимъ харак-

тернымъ чертамъ пѣвицы, доставившей истомившимся скукою воронежцамъ минуты «оживленія въ ореолѣ восторга».

И не думайте, что только для воронежцевъ дороги эти пріятныя минуты (въ буквальноймъ смыслѣ). Нѣтъ. Если я и завелъ рѣчь объ этихъ минутахъ, то только потому, что жажда найти облегченіе отъ современной тяготы жизни въ области искусства—явленіе рѣшительно повсемѣстное. Надо жить и дышать, и обильный матеріалъ провинціальной прессы даетъ вамъ полную возможность видѣть, что область искусства, какъ искусства, и искусства, какъ увеселенія—есть единственная область, гдѣ скучающій интеллигентъ (всякаго званія и состоянія) чувствуетъ себя совершенно свободнымъ, говорить и думаетъ не стѣсняясь, критикуетъ, обсуждаетъ, входитъ во всевозможныя тонкости и мелочи исполненія,—словомъ, чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ. Не только губернскіе и уѣздные города «жаждутъ» концертовъ извѣстныхъ драматическихъ артистовъ и вообще всякихъ увеселительныхъ представленій *), но даже и такія близкія, повидимому, къ деревнѣ обывательскія мѣста, какъ станицы, и тамъ искусство начинаетъ играть далеко не послѣднюю роль. Изъ станицы Каменской (*Донъ*, № 63) пишутъ: «Въ это лѣто въ нашу станицу прибыла, кажется, третья труппа, одна за другой, и только послѣдняя изъ нихъ оказалась удовлетворительной». А въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ газеты помѣщено самое подробнѣйшее описаніе спектаклей «удовлетворительной» труппы, съ самою точною оцѣнкой игры буквально каждаго артиста, съ указаніемъ, кто заслуживаетъ похвалы за «добросовѣстное» исполненіе и кто не заслуживаетъ. Въ такого рода трактатахъ объ искусствѣ, помѣщаемыхъ непремѣнно въ каждомъ номерѣ любой провинціальной газеты, внимательность и зоркость зрителя доходятъ иногда до поразительной тщательности: не только разберутъ игру, но и брѣжи окритикуютъ и укажутъ, какія именно слѣдовало бы надѣть; у г. Иванова былъ на головѣ такой парикъ, который уничтожалъ иллюзію. Г. Ларинъ по толстотѣ своей не подходитъ къ роли Чацкаго, и надо бы взять Бузьмина, такъ какъ онъ будетъ пониже корпусомъ, и т. д. Иногда попадаютъ такіе номера, что, кромѣ извѣстія о двухъ-трехъ несчастіяхъ, вродѣ убійства или пожара, весь остальной номеръ наполненъ рецензіями о спектакляхъ въ губернскомъ городѣ и корреспонденціями о томъ же предметѣ изъ уѣздовъ.

*) Въ № 248 *Орловскаго Пестника* напечатано: «Въ ряду размеченій, выпавшихъ на долю орловской публики въ послѣднее время, какъ нѣчто совершенно оригинальное и встрѣчающееся не часто въ провинціи, слѣдуетъ отмѣтить вчерашнее представленіе американской труппы. Въ особенности хороши были упражненія (подъ названіемъ) *золова на винту*. Г. Клеменсъ производитъ съ своею головою такія эволюціи, словно она у него чужая и лишь привинчена къ туловищу: онъ совершенно свободно *мотаетъ* ею во всѣ стороны и ворукаетъ вокругъ шеи, такъ что можно подумывать, будто шейные позвонки у него совершенно отсутствуютъ. Спектакль, назначенный завтра, вѣроятно, привлечетъ еще болѣе зрителей» и т. д.

Очевидно, что музыка, пѣніе, театръ, даже просто гулянье съ иллюминаціей или представленіе человѣка, который совершенно свободно мотаетъ головой во всѣ стороны, суть единственные источники какого бы то ни было удовольствія, отдохновенія для скучающей всѣхъ сортовъ интеллигентной публики, выбирающей изъ разныхъ сортовъ удовольствій то, которое соотвѣтствуетъ ея вкусу, развитію и карману. Наиболѣе щепетильный сортъ интеллигенціи постоянно стремится завести какой-нибудь «кружокъ», гдѣ бы наслажденіе музыкой, пѣніемъ, драматическимъ искусствомъ было чище, изолированнѣе отъ смѣшанной толпы. Все хотятъ устроить, среди безобразія и мусора современной дѣйствительности, что-нибудь уютное, укромное, какой-нибудь уголокъ, куда бы не доносилось уличное хрюканье, но что-то все какъ будто не выходитъ. Не знаю, осуществились ли надежды воронежцевъ, что военный клубъ «сохранить» вполнѣ семейный характеръ даже и во внѣшней обстановкѣ, не загромождая зала рядами стульевъ, а оставляя все по-семейному, — залы, гостиныя и т. д. «Нужно отдать справедливость (читаемъ мы въ № 19 газеты *Домъ*) военной корпорации: она умѣетъ не скучать въ своемъ кружкѣ, умѣетъ внести въ свои удовольствія и мысль, и душу, и въ лицѣ своихъ участниковъ имѣетъ возможность блеснуть знаніемъ и талантомъ». Не знаю, осуществились ли надежды воронежцевъ, ожидавшихъ отъ этихъ вечеровъ «много оригинальной прелести, оживленное времяпрепровожденіе и разнуное эстетическое наслажденіе...» Конечно, было бы хорошо, если бы клубъ удержался на высотѣ уюта и изящества. Но, вѣдь, опыты въ этомъ родѣ уже были, и что подобное предпринималъ уже «клубъ благороднаго собранія, гостеприимно открывшій свои двери, два года тому назадъ, для такого рода вечеровъ, но изъ этого ничто не вышло: послѣ двухъ-трехъ малолюдныхъ семейныхъ вечеровъ новаго типа ихъ смѣнили обыкновенныя спеціальныя вечера...» Опыты такого рода были вездѣ, и вездѣ начавшійся за здравіе, постепенно достигли необходимости пропѣть своей затѣѣ «за упокой». Сначала, по семейному, Шопенъ, Лясть, декламация и т. д., а потомъ, глядишь, гдѣ-то и пробка хлопнула, забулькало что-то, а тамъ и винтикъ завинтили, и понесло по семейному помѣщенію запахъ пива, водки и *шитаръ*. Пробовали, а все что-то не выходитъ чтобы ужъ совершенно изящное было и освѣжало душу и сердце.

И я думаю, что долго, долго еще не выйдетъ ничего «въ самомъ дѣлѣ успокоительнаго и освѣжающаго». Нѣтъ! Ни очаровательному смычку г-жи Терезины Туа, ни восхитительному голосу г-жи Фостремъ не стереть и не наглядить съ души истинно-интеллигентнаго и совѣстливаго русскаго человѣка того пятна и язвы, которую онъ не можетъ не чувствовать ежеминутно, зная, что онъ виновать передъ «человѣкомъ». По тѣмъ или другимъ причинамъ совѣсть его должна бездѣйствовать и забота о справедливыхъ человѣческихъ отношеніяхъ, — забота въ особенности обязательная для него, для интеллигентнаго человѣка, — не реализуется имъ ни въ

какой существенной формѣ. Она молчитъ, камнемъ лежитъ у него на душѣ, а жизнь человѣческая, оставленная на произволъ случая, зарастаетъ бурьяномъ, гниетъ и душитъ смердящимъ запахомъ.

На минуту, въ буквальной смыслѣ, смычокъ Терезины Туа можетъ еще въ виноватомъ интеллигентномъ человѣкѣ заглушить ощущение неопрытнаго душевнаго состоянія и оживить неопрытно живущую совѣсть («въ ореолѣ восторга»), но разъ кончился концертъ и виноватый интеллигентъ вышелъ на улицу, такъ его и обдало настоящимъ срадомъ замусоренной дѣйствительности. Въ № 85 той же самой газеты *Донъ* напечатана замѣтка репортера, озаглавленная *Отъ угла до угла*. Прочитайте и скажите, что это такое?

«Какъ-то надняхъ,—пишетъ онъ,—я ночью возвращался по Дворянской. Слышу впереди меня крики, ругань. Дохожу до конторы и вижу компанію, человѣкъ въ пятнадцать, не то мастеровыхъ, не то изъ *ночныхъ рабочихъ*. Идутъ они подъ конвоемъ полицейскихъ. Я прошелъ дальше; ко мнѣ подходитъ, вѣроятно, одинъ изъ отставшихъ, измазанный, растрепанный субъектъ. Плачетъ навзрыдъ.

«— Что съ тобой?—спрашиваю.

«— Побили, вотъ какъ, смерть моя! И папеньку взяли въ участокъ.

«— А ты чего же отсталъ?

«— Отсталъ!—передразнилъ онъ меня.— Не взяли, вотъ и отсталъ. Говорилъ: папенька, возьми! А онъ мнѣ говорить: «проваливай ты къ чорту», а онъ мнѣ отецъ!

«— Гдѣ же васъ схватили?

«— У Петровскаго плаца. Насъ же побили и насъ же—въ участокъ. Нѣтъ, почему меня не взяли? Па-а-а-пенька!—завопилъ онъ во всю глотку и, шатаясь, побрелъ дальше.

Не доходя до угла Вахиревской гостиницы,—это было тоже не такъ давно,—я возвращался съ купанья; вижу, изъ-за угла выходитъ приземистый, оборванный, босой, съ едва прикрытою грудью человѣкъ. Онъ слегка пошатывается, но молчитъ. Всклоченные волосы, ужасная наружность такого человѣка говорятъ и объ его *промыслѣ*, и объ его жизни, и встрѣтившись съ нимъ, не обойдешь, а отъ изумленія остолбенѣешь.

«Немного дальше, у рѣшетки парка, *лежитъ какая-то масса* и оретъ во всю глотку:

«— На землѣ мой духъ унылый!

«— Другъ мой, вставай!—говоритъ сосѣдъ изъ его же друзей.—Вѣдь, плохо намъ будетъ: препроводятъ куда слѣдуетъ.

«— На землѣ мой духъ унылый!

«— Дьяволъ ты этакой! Тебѣ говорить, вставай!

«— На землѣ мой духъ...

«Я пошелъ дальше.

«Встрѣчаю высокую, плечистую женщину, прикрытую только до ко-

лѣвъ, съ голыми руками и шеей, скрытой подъ какою-то тряпкой. Голова не то завязана, не то покрыта; одни глаза видѣются, и что за глаза! Не дай Господи!

«Иду еще дальше.

«— Прохожій, а прохожій! Ты думаешь, я пьянъ? Нѣтъ, врешь, пьянъ тотъ, кто лежитъ на землѣ, а самъ кричитъ «упаду!» Вотъ это пьянъ!— внушительно говорить тоже внушительной наружности фигура, въ одной рубахѣ, съ бутылкой въ рукѣ, которою (бутылкой) онъ махалъ съ намереніемъ, какъ ничего не содержащую, разбить о садовую рѣшетку.

«Наконецъ, дохожу до другаго угла.

«Тутъ пріютилась парочка, кавалеръ и дама. Что за кавалеръ—не замѣтилъ. Дама же—прехарактерный типъ: испитое, какое-то обрюзглое, изжившее лицо, съ оливковымъ цвѣтомъ кожи; губы обвислыя, толстыя; щеки ввалились, глаза сверкали, но не огнемъ, а какимъ-то потухающимъ, какъ бы свозъ пелену, свѣтомъ. Такіе глаза бываютъ у горячечныхъ больныхъ.

«Да,—заканчиваетъ авторъ,—на разстояніи отъ угла до угла, на этомъ небольшомъ пространствѣ, цѣлый калейдоскопъ типовъ изъ жизни отребья, чловѣчества, изъ этой жалкой и, вмѣстѣ, ужасной жизни».

А вотъ и еще сценка.

«Присутствуя 12 августа,—пишетъ г. Калиновскій въ *Волжско-Донскомъ Листкѣ*, № 100,—во время похоронъ своего квартирнаго хозяина въ Вознесенской церкви, я былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ неприличныхъ сценъ: въ церкви между молящимися было много уличныхъ мальчишекъ и дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, которые съ самаго начала обѣдни занимались только хихиканьемъ, *блѣзнемъ по церкви и шрой въ прятки*. Затѣмъ, въ половинѣ обѣдни, откуда-то появился въ церкви молодой парень съ видомъ идиота, на котораго накинулись мальчишки и дѣвчонки и стали его дразнить всячески. Выведенный изъ терпѣнія, идиотъ съ сжатыми кулаками бросился на мальчишекъ, тѣ въ разбѣгну, стараясь спрятаться между молящимися. Идиотъ избираетъ новое мѣсто, около него снова собираются мальчишки и снова продѣлываютъ ту же сцену. Наконецъ, одинъ изъ мальчишекъ, надѣвъ на голову шапку, вышелъ на середину церкви и сталъ передъ покойникомъ. Но стоявшій около гроба дьяконъ снялъ съ него шапку и сказалъ что-то ему на ухо, послѣ чего мальчишка исчезъ. Развѣ подобныя сцены не *возмущаютъ* религіознаго чувства богомольцевъ?»—спрашиваетъ г. Калиновскій.— «Разумѣется, возмущаютъ,—заявляетъ отъ себя редакция *Листка*;—но что *подълаешь противъ распушенности нашихъ уличныхъ мальчишекъ?*» (Эти знаки поставлены редакціей.) Какъ видите, сцены такія, что въ пору хоть бы и Лондону, а у насъ ужъ такими сценами и Воронежи, и Царицыны занимаютъ, переполненные скучающею публикой. Дѣти, которыя играютъ въ церкви въ прятки, которыя бѣгаютъ по ней какъ по площади, которыя

ходить по церкви въ шапкахъ,—это дѣти удивительныя, дѣйствительно уличныя, непризорныя; вы видите, что около нихъ нѣтъ человѣка, который бы научилъ ихъ самымъ элементарнымъ понятіямъ, вродѣ того, что въ церкви «Божинька» и что въ церкви стоять надо безъ шапокъ. Это совершенно дикіе человѣчки, неизвѣстно кѣмъ рожденные, чѣмъ питающіеся и гдѣ проводящіе время. Такое явленіе, разумѣется, *возмущаетъ* обывателя, но на бѣду его только возмущаетъ. Возмутить, оскорбить его, заставить *обойти*, посторониться, даже спрятаться за уголъ и считать себя счастливымъ, что добрался до дому, или до клубнаго свѣтлаго и теплаго зала, гдѣ хотя музыка — то развлечетъ и облегчитъ. А, вѣдь, все-то это возмутительное—большой, огромный общественный вопросъ, вопросъ о пролетаріатѣ, о чловѣкѣ, доведенномъ до одичалаго состоянія мальчишки, или испитой полуголой женщины, или «какой-то пьяной ревушей массы», валяющейся на улицѣ. Я очень хорошо знаю, что этотъ большой вопросъ—не царичинскій и не воронежскій, а всенародный и даже всемірный; но, вѣдь, интеллигентный чловѣкъ именно и воспринимается въ такихъ всемірныхъ-то вопросахъ; ему обязательно, волей-неволей, жить подъ давленіемъ ихъ—не какъ возмутительныхъ только явленій, а какъ огромныхъ задачъ, налагаемыхъ на него его особеннымъ интеллигентнымъ образованіемъ и положеніемъ. Если же *такіе* вопросы, почему бы то ни было, выходятъ изъ круга его душевной дѣятельности, оказываются для нея невозможными, то рѣшительно нельзя понять, чѣмъ бы онъ могъ жить духовно и какова же тогда будетъ вообще — то жизнь общественная, если *такіе* вопросы не будутъ подлежать заботамъ интеллигенціи.

А они и дѣйствительно не подлежатъ, и жизнь скучающаго интеллигента проходить въ томъ, что онъ *возмущается* улицей, да успокоивается кое-какъ въ концертахъ, въ клубахъ,—словомъ, мается, ждетъ чего-то и, какъ ошеломленный, встряхиваетъ головой, когда не подлежащая его дѣятельному вниманію жизнь ошеломитъ его какимъ-нибудь ужасающимъ явленіемъ: убійствомъ, грабежомъ и вообще какою-нибудь грандіознѣйшею гадостью или подлостью. Въ такихъ случаяхъ обыватель какъ бы приходитъ въ себя, содрогается, спрашиваетъ себя: «да докуда же это будетъ?» И нужно отдать честь обывателю, что въ такія минуты онъ искренно возмущается ошеломившимъ его зломъ, страстно высказываетъ, иногда массовыми движеніями, свои симпатіи и жажду выразить свои добрыя, долго бездѣйствовавшія, не имѣвшія практики побужденія. Въ Казани самоубійство несчастной купеческой дочери Латышевой, застрѣлившейся въ день свадьбы, собираетъ на похороны ея всю Казань, образованную и необразованную, и вся эта толпа идетъ на могилу покойной, протестуя противъ насилія. Въ Новгородѣ, во время процесса г-жи Феопемптовой, обвиняемой въ подстрекательствѣ къ убійству и сожженію мужа, толпы народа, убѣжденные въ ея виновности, сплошною массою стояли около окружнаго

суда, ожидая приговора, и находились въ такомъ настроеніи, что обвиняемую пришлось увести изъ суда заднимъ ходомъ и въ мужской шинели. Свирѣпый поступокъ турка-хозяина въ Кременчугѣ съ рабочимъ поднимаетъ на ноги весь городъ. Въ Воронежѣ происходитъ убійство трехъ женщинъ, и весь городъ идетъ за ихъ прахомъ на кладбище; даже въ одной изъ деревень Воронежской губерніи убитую неповинно женщину провожала вся деревня, съ возможною для нея торжественностью.

Такіе общественные порывы, безъ всякаго сомнѣнія, благородны, но какія нужны ужасныя, ошеломляющія неожиданности, чтобы въ ослабѣвшей, притерпѣвшейся къ окружающему злу, общественной душѣ пробудились тѣ движенія совѣсти, нормальное развитіе и теченіе которыхъ обязательны для всякаго человѣка и для всякаго человѣческаго общества, желающаго ощущать себя живымъ и живущимъ. А вотъ нормальнаго-то развитія впечатлительности общественной души къ худымъ и хорошимъ явленіямъ общественной жизни и не замѣчается теперь въ скучающемъ интеллигентномъ обществѣ. Скучающая интеллигенція привыкла къ тому, что относительно «жгучихъ вопросовъ жизни» можно ограничиваться либо только отвращеніемъ, — такъ противна форма, въ которой они выражаются на улицѣ, — или только негодованіемъ, либо осторожно ихъ обходить, не заражая себя ихъ дурнымъ запахомъ, либо, наконецъ, *отдѣлываться* отъ нихъ мертвымъ формализмомъ.

Убиваютъ, какъ я упомянулъ выше, въ г. Воронежѣ сразу трехъ женщинъ, — убиваютъ вечеромъ, въ семь часовъ, почти на глазахъ людей, и, убивъ, обворовываютъ квартиру убитыхъ. Городъ ошеломленъ, испуганъ, возмущенъ, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, *энергически* принялись за искорененіе давно назрѣвавшаго зла. По всѣмъ ночлежнымъ домамъ, по всѣмъ закоулкамъ, трущобамъ, начались ночныя облавы, причемъ наловлена масса бездомнаго темнаго люда. Въ короткое время хвататъ 553 человѣка, скучающая интеллигенція выслала 223 человѣка на мѣсто родины, а 312 человѣкъ передала мѣстному мѣщанскому обществу, какъ доказавшихъ свою *самоличность*. Этого слова «самоличность» оказалось весьма достаточнымъ для того, чтобы бездомныхъ воронежскихъ мѣщанъ возвратитъ опять той же бездомности, въ которой они и до сего находились. «Переданы мѣщанскому обществу» — фраза, какъ будто что-то означающая. Сначала взяли, а потомъ передали кому-то; въ сущности же бездомный какъ былъ бездомнымъ, такъ имъ и остался вплоть до другой какой-нибудь потрясающей неожиданности.

Но даже и этотъ способъ борьбы со зломъ обрадовалъ измалавшихся обывателей, потому что мѣсяца черезъ два послѣ начала облавы на бродягъ въ № 74 газеты *Донъ* появилась слѣдующая замѣтка: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ наша полиція выказала большую энергію при розыскѣ негодяевъ всякаго рода и *спровадила* ихъ изъ города гораздо болѣе тысячи. За это ей большое спасибо. Но еще большее спасибо за-

служила бы она, если бы обратила свое энергичное внимание и на других паразитовъ общества—проституткоѣ. Число явныхъ проституткоѣ въ послѣднее время *увеличилось ужасно*. Множество грязныхъ притоновъ наполнено ими, да и всѣ общественные сады не обходятся безъ нихъ. Но сугубый вредъ приноситъ тайная проституція. У насъ въ городѣ существуютъ цѣлые гаремы, ютятся подѣ скромными вывѣсками: «пивная лавка» или «портерная», число же послѣднихъ довольно солидно. Въ интересахъ нравственности и здоровья, не мѣшало бы взяться за искорененіе этого ужаснаго зла».

И такъ, видите, какія кучи человѣческаго мусора накопились въ богоспасаемыхъ весяхъ. Вѣдь, это все люди, вѣдь это человѣческій мусоръ,— мусоръ изъ живыхъ существъ! Что же съ нимъ дѣлать и какъ быть? На это выработаны скучающею публикой два отвѣта: уйти отъ всей этой гадости и мучительныхъ впечатлѣній, которыя она производитъ, въ концертъ и забыться *въ ореолъ восторга*, или же «передать на руки мѣщанскаго общества, какъ доказавшихъ свою самоличность», а еще лучше— «спровадить».

И, несмотря на обиліе музыкальныхъ вечеровъ, съ одной стороны, и «энергію спровоживаній»— съ другой, ни спровоживающіе ради «успокоенія», ни спровоживаемые одинаково ничего существеннаго въ результатѣ не получаютъ. Простой коренной обыватель, живущій собственными трудами, дошелъ до того, что когда у него украдутъ шубу или разломаютъ сундукъ, такъ онъ предпочитаетъ обратиться за похищеннымъ прямо къ вору, входитъ въ сношенія непосредственно съ похитителемъ, не довольствуясь тѣмъ, что похититель, энергически взятый въ темную, энергически переданъ обществу, какъ доказавшій «самоличность».

«Выбравъ время,—разсказываетъ практическій обыватель въ № 17 *Дона*,—пришелъ я къ его (вора) немудрящему домигу; оглянувшись кругомъ—ни единой души нѣтъ, никто, значить, меня не запримѣтилъ. Черезъ сѣнцы вошелъ я въ полутемную хатенку. По всему было видно, что здѣсь передъ моимъ приходомъ шла безобразная попойка. Хотѣлъ я, по своему обыкновенію, помолиться на икону, но таковой не было. Тутъ я увидѣлъ хозяина хатенки. Это былъ дюжій дѣтина, съ широкою грудью, еѣ здоровенными руками, одутымъ лицомъ, жгучими глазами и черными всклокоченными волосами на головѣ.—*Что скажешь, мобезный?*—спросилъ воръ и, видя испугъ обывателя, прибавилъ:—не бойся! Я не такой дуракъ, чтобъ ограбить тебя въ моемъ домѣ, тогда бы я могъ быть пойманъ съ поличнымъ. А вотъ присядь-ка, а я тѣмъ временемъ *самъ разскажу, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ*. Я съ однимъ изъ товарищей покралъ вещи-то у тебя... Что дѣлать!—прибавилъ онъ нахально,—надобно же промышлять чѣмъ-нибудь, чтобы прожить вѣкъ свой и не помереть голодной смертью.—Затѣмъ онъ сталъ торговаться, оцѣнили вещи въ извѣстную сумму, сошлись, ударили по рукамъ, условились «по честности», какъ и когда возвратитъ вещи и

насчетъ того, чтобы «не выдавать», и т. д. И воръ все исполнилъ, какъ обѣщаль, а обыватель, получившій свои вещи назадъ, нашелъ нужнымъ промолчать о ворѣ—въ благодарность за доброе дѣло. Такимъ образомъ, воръ здоровъ и невредимъ, находится на рукахъ общества и доказалъ свою самоличность».

Не лучшіе результаты получаются и отъ способа помощью уснокоенія и увеселенія разгонять тоску дѣйствительности. Несмотря на обиліе театровъ, музыкальныхъ, вокальныхъ и танцевальныхъ вечеровъ и всевозможныхъ гуляній и развлеченій, иногда на скучающую интеллигенцію нападаетъ такая тоска, что хоть топись. «Вечеръ перваго августа въ городскомъ саду,—читаемъ мы въ хроникѣ все той же газеты *Донъ*,—отличался какою-то особенною вялостью и умнетіемъ духа. Въ свое время началъ играть оркестръ; хоръ пѣвчихъ пѣлъ; иллюминація зажглась по главнымъ и второстепеннымъ аллеямъ сада также своевременно; но что-то томительное сдавливало сердце. Г. Киндель (капельмейстеръ) усердно откалывалъ маршъ за маршемъ, но публика какъ будто не замѣчала этихъ маршей и «сновала» по аллеямъ сада съ страшнымъ сплиномъ; даже молодежь—и та не взвизывала, по обыкновенію, своимъ беззаботнымъ говоромъ и смѣхомъ, а, понуря голову, молчаливо только шагала по аллеямъ городского сада. Откуда такая тоска? Откуда такая подавленность жизни?»

Не извѣстно, чѣмъ бы кончился этотъ несчастный вечеръ, если бы совершенная случайность, наконецъ, не оживила измучившуюся публику.

«Но,—продолжаетъ г. репортеръ,—и подъ этой вялой обывательскою жизнью вспыхиваетъ оюнекъ эксцентричности: говорятъ, въ «концѣ гулянья одна изъ «юницъ» устроила пикантный сюрпризъ, на тему сюжета, взятаго напрокатъ изъ Эрмитажа: «Смотрите здѣсь, смотрите тамъ!»

Хорошо, что хоть юница выручила. А то отъ скуки вотъ еще какъ развлекаются. Описывая одинъ воронежскій пожаръ, г. очевидецъ пишетъ (*Донъ*, № 87): «Я, какъ очевидецъ этого пожара, замѣтилъ, что на пожаръ явилось немало лицъ *показать* просто свою удачу: подобрать *повыше* какую-нибудь тяжеловѣсную вещь, или хватить вѣнскимъ студомъ въ раму такъ, чтобы все превратилось въ дребезги». Вотъ и дѣти что-то скучаютъ, и многіе просто бѣгутъ невѣдомо куда; четыре гимназиста уплыли тайкомъ отъ родителей изъ Бльца,—уплыли странствовать; два мальчика ушли изъ воронежскаго архіерейскаго хора—тоже странствовать; взятые, въ ожиданіи справокъ, въ полицейское управленіе, они, по словамъ корреспондента, играли здѣсь и пѣли какъ *птички*....

Да, скучненько-таки живется на бѣломъ свѣтѣ! Но пусть читатель не унываетъ и не сокрушается,—есть на этомъ бѣломъ свѣтѣ кое-что и хорошее.

«Къ богатому магазину съ одной стороны ползеть, съ помощью рукъ

и колѣнокъ, безногій нищій, съ другой—подходятъ двѣ бабы съ пустыми сумками и съ ними мальчонка лѣтъ пяти, въ оборванномъ, длинномъ не по росту кафтанишкѣ, вѣрно съ чужаго плеча.

«— Сотворите милостыню. Христа ради!»—робко произносятъ бабы въ одинъ голосъ.

«— Господь подастъ!»—слышится имъ въ отвѣтъ изъ магазина.

«Нищенки печально отходятъ.

«— Не прогнѣвайся», да «Богъ подастъ», только и слышишь цѣлый день,—жалуется одна изъ нихъ.—Чисто съ голоду околѣешь, по міру ходючи. Господи батюшка, али нѣтъ креста на людяхъ, али нѣтъ доброй христіанской души на людяхъ?

«— Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей!»—раздался позади нихъ дрожащій голосъ.

«Обернувшись, онѣ увидѣли калѣку.

«— Вы откуда, бабоньки?

«— Изъ Сибири, родимый, отъ общества были высланы.

«Продолжая ихъ спрашивать, нищій снялъ изъ-за плечъ свою суму, досталъ оттуда три куска бѣлаго хлѣба, три яблока, и раздѣлялъ между тремя собратами по несчастію, а ребенку, сверхъ того, сунулъ еще что-то въ рученку. Бабы, принимая отъ калѣки милостыню, набожно крестились и со слезами благодарили своего благодѣтеля» (*Волжско-Донской Листокъ*, 23 авг.).

Такъ вотъ, стало-быть, не всегда рѣшеніе жгучихъ вопросовъ ограничивается на Руси «спроваживаніемъ» ихъ долой съ глазъ, или удостоеніемъ въ «самоличности» бездомнаго человѣка; дѣлается кое-что по части жгучихъ вопросовъ, неразрѣшимость которыхъ только мучаетъ и томитъ скучающую интеллигенцію,—дѣлается нѣчто дѣйствительно существенное, реальное: противъ язвы пролетаріата, начинающагося въ разстройствѣ хозяйственныхъ народныхъ порядковъ, противъ пьянства, воровства, грабежа и другихъ язвъ, вытекающихъ изъ этого разстройства и раздѣдающихъ деревни и города. *Самъ* народъ на средства, добытыя изъ собственной нищенской суммы, совершаетъ такое огромное, трудное, исполненное великаго подвига движеніе, какъ переселеніе и колонизація. Съ другой стороны, тотъ же *самъ* народъ совершаетъ, опять-таки на свой страхъ, на свой нищенскія средства, другое важное и огромное дѣло духовнаго совершенствованія, стремится выработать принципы благообразныхъ человѣческихъ отношеній. И вотъ эти-то народныя дѣла, совершаемыя народомъ во имя благообразія и справедливости человѣческихъ отношеній, совершаемыя «на самоѣ дѣлѣ», къ глубокому сожалѣнію совершаются безъ всякаго участія тоскующей интеллигенціи. Жизнь есть, но, къ сожалѣнію, вовсе не тамъ, гдѣ г. Биндель, откалывающій маршъ за маршемъ, не можетъ разогнать тоску даже у молодежи, *шагающей понуря голову.*

Г. Успенскій.

Современное искусство.

Московскій Малый театръ: *Гамлетъ*, *Ричардъ III* и комедія г. Вильде: *Въ помѣстьяхъ юспожы Поводаевой*. Новый театръ Корша: *Степь-матушка*, комедія г. Салова. Неудовлетворительность репертуара. Новыя пьесы.—«*Синюрочка*» опера г. Римскаго-Корсакова.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ на сценѣ Малаго театра были нѣсколько разъ даны *Гамлетъ* и *Ричардъ III* съ г. Ленскимъ въ заглавныхъ роляхъ. Трагедіи вообще и шекспировскія въ особенности уже давно не по силамъ нашимъ актерамъ. Но изъ этого нельзя выводить заключенія, что трагедій совсѣмъ не слѣдуетъ ставить на нашихъ сценахъ лишь потому, что послѣ Мочалова некому играть Гамлета и что наши трагики не могутъ соперничать съ Россія и Сальвини. На основаніи прежде сказаннаго нами (въ сентябрьской кн.) о культурномъ значеніи театра, мы считаемъ обязательною для казенной сцены постановку классическихъ произведеній; при этомъ, надо только умѣть распорядиться наличными силами и средствами театра. Конечно, никто не можетъ заставить трагика, или актера, воображающаго себѣ трагикомъ, чтобы онъ игралъ такъ, а не иначе; но можно и должно требовать отъ актера, изображающаго Гамлета или Ричарда, чтобы, въ мѣру силъ своихъ, онъ велъ роль отъ начала до конца ровно, обдуманно и осмысленно, не копируя заѣзжихъ знаменитостей. Какъ бы ни были хороши образцы, они достойны тщательнаго изученія, но отнюдь не должны служить оригиналами для подражанія, выходящаго всегда каррикатурнымъ. «Простота» игры Барная, на примѣръ, есть ничто иное какъ продуктъ превосходной выучки, привитой къ крупному природному таланту; и нельзя вдругъ, сразу ввать да и начать играть *Барнаемъ*, какъ это пытался дѣлать г. Ленскій. Трагическій актеръ, прежде всего, долженъ быть *самимъ собою* и изъ своего личнаго «я» выработать и создать изображаемое имъ лицо. Только при такомъ условіи можетъ получиться цѣльность и законченность воспроизводимаго образа. Достигается это очень сложною и трудною психическою работою, способностью къ которой есть первый признакъ таланта. Изображеніе героевъ шекспировскихъ трагедій тѣмъ особенно трудно, что для

этого недостаточно актеру правильно понять данную роль; при существовании цѣлой литературы по этому предмету, это дѣло совсѣмъ не мудреное. Вся трудность задачи заключается въ томъ, что актеру необходимо отождествиться съ изображаемымъ лицомъ, «сжится» съ нимъ, изъ своего собственнаго «я» выдѣлать характерныя черты, приданныя авторомъ данному герою, и выростить ихъ въ себѣ до такихъ размѣровъ, до какихъ позволяютъ силы самого актера. Слѣдовъ этой-то тяжелой предварительной работы мы и не замѣчаемъ въ исполненіи г. Ленскимъ ролей Гамлета и Ричарда III; восполнить же ея недостаточность нельзя ничѣмъ, всего же менѣе подражаніемъ кому бы то ни было. Что же касается игры «нутромъ», отъ которой сверху до низу и замиралъ, и трепеталъ весь театръ при исполненіи Гамлета Мочаловымъ, то для этого надо имѣть и «нутро» мочаловское, т. е. быть геніальнымъ актеромъ. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, не одинъ г. Ленскій, а все, до послѣднихъ мелочей постановки, до статистовъ и ихъ костюмовъ включительно, не соответствовало ни достоинству первоклассной сцены, ни значенію разыгранныхъ трагедій. Къ слову о статистахъ: не можемъ не замѣтить, что, на нашъ взглядъ, лучше было бы выпускать на сцену только настоящихъ, театралныхъ, а не добровольцевъ-любителей, хотя бы и обучающихся гдѣ-либо драматическому искусству, но не дисциплинированныхъ и не умѣющихъ держать себя на сценѣ.

Изъ новыхъ пьесъ, поставленныхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, заслуживаетъ вниманія четырехъ-актная комедія г. Вильде: *Въ помѣстѣ госпожи Поводасвой*. Г. Вильде, старый, опытный актеръ, уже пробовавшій писать для театра не особенно удачно, впрочемъ, на этотъ разъ наглядно доказалъ своею новою комедіей, какъ немного нужно таланта искусному драматургу для того, чтобы пьеса его имѣла успѣхъ на сценѣ. Для этого достаточно хорошо знать сцену и силы артистовъ, на которыхъ можетъ рассчитывать авторъ, и умѣть ловко придумать такія положенія, въ которыхъ каждый актеръ имѣлъ бы возможность въ нѣсколькихъ фразахъ блеснуть своими дарованіями. Комедія г. Вильде написана съ расчетомъ на игру г-жъ Медвѣдовой, Федотовой, взявшей далеко не видную роль, и Ермоловой, согласившейся сыграть семнадцатилѣтнюю дѣвочку. По товариществу, наши уважаемыя артистки согласились выступить передъ публикой въ неподходящихъ для нихъ роляхъ и на своихъ плечахъ вынесли неправдоподобный анекдотъ въ лицахъ. Въ особенности г-жа Ермолова продѣлала настоящій *tour de force*, изобразивши наивную и своенравную дѣвочку, едва вышедшую изъ короткаго платьяца. Такія вещи дѣлаются только въ видѣ особеннаго одолженія для заслуженнаго товарища по сценѣ и не безъ нѣкотораго личнаго риска показаться смѣшною. Въ счастью, все обошлось благополучно и *tour de force* удался вполнѣ... на этотъ разъ.

Основная мысль комедіи г. Вильде состоитъ въ томъ, что мать для

блага любимого сына готова пожертвовать и счастьем окружающих ее и близких ей людей, и собственной гордостью, способна доходить до неблагоприятных поступков и до унижений. Мысль эта не отличается новизной и оригинальностью; но при талантливой и умной ее разработкѣ она представляет собою богатый материалъ для драмы и для комедіи. Пусть же читатель посудитъ самъ, какъ воспользовался г. Вильде этою очень благодарною темой. Своенравная помѣщица Поводаева (г-жа Медвѣдева), старая барыня, вѣрная преданіямъ крѣпостнаго права, мечтающая о возстановленіи блеска своего рода, души не чааетъ въ сынѣ, Никанорѣ Павловичѣ (г. Горевѣ), занимавшемъ видное мѣсто въ Петербургѣ. Всаждствіе какихъ-то «сокращеній», статскій совѣтникъ Поводаевъ лишился мѣста и пріѣхалъ къ матери выпросить три тысячи рублей, необходимыхъ для того, чтобы выждать на виду въ столицѣ обѣщаннаго ему назначенія. Денегъ у старой помѣщицы, по обыкновенію, въ наличности нѣтъ, и занять ихъ негдѣ; она давно занимается по мелочамъ. Петербургскій чиновникъ и его жена, Надежда Николаевна (г-жа Никулина), въ отчаяніи. Но вотъ для нихъ блеснулъ лучъ надежды: къ Поводаевой пріѣзжаетъ только-что лишившаяся отца внучка Лиза (г-жа Ермолова). Она дочь старшаго не любимого сына Поводаевой, давно разставшагося съ родовымъ гнѣздомъ и разбогатѣвшаго на какомъ-то промышленномъ предпріятіи. У дѣвочки легко было бы отобрать нужныя Никанорушкѣ деньги; но предусмотрительный отецъ оставилъ завѣщаніе, которымъ обусловилъ право дочери распорядиться капиталомъ выходомъ ея замужъ. По сосѣдству былъ подходящий женихъ, почти юноша и, притомъ, глуповатый, помѣщикъ Пыльницкій (г. Багровъ). Поводаева сама же его сосватала съ своею невѣсткою, Ольгою Степановною (г-жа Федотова), вдовою ея третьяго сына. Все это выясняется въ первомъ актѣ. Во второмъ—бабушка Лизы, ея чиновный дядюшка и его жена рѣшаютъ разстроить свадьбу тридцатилѣтней вдовушки, влюбленной въ хорошенькаго жениха-мальчика, и какъ можно скорѣе повѣнчать его съ молоденькой Лизой, невыносимо скучающей въ усадьбѣ бабушки. Петербургская тетюшка уговариваетъ Лизу, ради развлечения, покетничать съ юношей и тѣмъ немножко подразнить влюбленную вдову-тетку. Кокетство молоденькой дѣвушки возымѣло желанное дѣйствіе, и въ третьемъ актѣ, при помощи добрыхъ родственниковъ, Пыльницкій отказывается отъ женитьбы на Ольгѣ Степановнѣ и дѣлаетъ предложеніе Лизѣ. А она и не воображала заходить такъ далеко; она просто шутила, играла, не думая отбивать жениха у тетки. Дѣвушка наотрѣзъ отказывается и почти гонитъ отъ себя молодого чловѣка, который ей совсѣмъ не нравится. Между Лизой и Ольгою Степановною происходитъ объясненіе, настолько раздосадовавшее дѣвушку, что она на зло теткѣ хочетъ выйти непременно замужъ за ея бывшего жениха. Вся семья ликуетъ: Лиза обѣщаетъ дать три тысячи рублей, какъ только обвѣнчается. Въ эту минуту вбѣгаетъ экономка (г-жа Садовская)

и объявляетъ, что Ольга Степановна утопилась въ прудѣ. Всеобщій ужасъ; Лиза внѣ себя отъ отчаянія, отказываетъ жениху и окончательно выгоняетъ его вонъ какъ разъ въ то время, когда приходятъ сказать, что Ольга Степановна не утопилась, а наняла у мужика подводу и уѣхала въ городъ. Четвертое дѣйствіе происходитъ въ домѣ купца Тетюшина (г. Грековъ); опекуна Лизы и ея компаніона по фабрикѣ. Является Ольга Степановна и поступаетъ воспитательницею къ маленькой дочкѣ фабриканта. Слѣдомъ за нею пріѣзжаетъ Лиза; ей тоже невыносима жизнь въ помѣстьи госпожи Поводаевой. Наконецъ, приходитъ и старуха Поводаева и выпрашиваетъ, при помощи внучки, три тысячи у Тетюшина. За кулисами раздается пѣсня фабричныхъ рабочихъ. Г-жа Фодотова обмѣнивается съ г-жею Ермоловой нѣкоторыми мыслями, весьма сомнительной правильности, о томъ, что будто бы на городской фабрикѣ купца Тетюшина лучше живется и отраднѣе, вольнѣ дышется, чѣмъ въ деревнѣ г-жи Поводаевой. Занавѣсъ падаетъ. Конецъ превосходно разыгранной безтолковщинѣ. Въ числѣ исполнителей, содѣйствовавшихъ успѣху пьесы, слѣдуетъ отмѣтить г. Макшеева, очень хорошо передавашаго роль втораго сына Поводаевой, простаго, мужиковатаго и добраго малаго, завѣдущаго хозяйствомъ матери, и гг. Правдина и Музиля, смѣшившихъ раекъ въ вводныхъ роляхъ дальнихъ родственниковъ, вѣчно ссорящихся между собою и доходящихъ чуть не до драки. Въ декоративномъ отношеніи комедія г. Вильде обставлена превосходно. Въ особенности эффектны вечеръ, заря и смѣнившая ее лѣтняя ночь въ деревнѣ.

Вся комедія счита, что называется, на живую нитку, и довольно грубо, къ тому же. Въ ней нѣтъ ни драматическихъ положеній, ни признака внутренняго разлада, душевной борьбы, которые составляютъ необходимую суть всякой драмы, хотя бы на афишѣ она называлась комедіей. Этотъ капитальный недостатокъ лишаетъ произведеніе г. Вильде всякаго смысла, и пьеса держится исключительно только неподражаемою игрою трехъ артистовъ. Публика аплодируетъ имъ, а не пьесѣ, которая при другомъ составѣ исполнителей не могла бы совсѣмъ идти. Если она дѣлаетъ полные сборы и твердо держится на репертуарѣ Малаго театра, такъ это, во-первыхъ, благодаря высоко художественному исполненію главныхъ ролей, какъ уже мы сказали, а во-вторыхъ, и потому, что, кромя Малаго театра, публикѣ опять дѣваться некуда. Вторая московская драматическая сцена Новаго театра Борша съ каждою недѣлей все менѣе и менѣе оправдываетъ возлагавшіяся на нее ожиданія. Какъ это ни прискорбно и какъ бы ни было желательно поддержать частную антрепризу театральнаго дѣла, но мы вынуждены сказать, что на томъ ложномъ пути, на который переходитъ Новый театръ, онъ не въ состояніи удовлетворить развитому вкусу хотя нѣсколько требовательной части общества.

Единственною удовлетворительною новинкою театра Борша была комедія г. Салова *Стень-матушка*, передѣланная авторомъ изъ его же повѣсти:

Ольшанскій молодой баринъ. Насколько г. Вилъде, при полномъ отсутствіи литературнаго таланта, но при отличномъ пониманіи условій сцены, смогъ скроить и сшить изъ обрывковъ мысли сценически удовлетворительную комедію, настолько же г. Саловъ, при несомнѣнномъ литературномъ талантѣ, неудовлетворительно справился съ такимъ сюжетомъ, въ которомъ былъ отличнѣйшій матеріалъ для хорошей драмы. Главный сценическій недостатокъ пьесы заключается въ ея растянутости, въ ни на что не нужныхъ разговорахъ, только замедляющихъ дѣйствіе, въ цѣлыхъ сценахъ, совершенно излишнихъ и скучныхъ. Такъ, со втораго же представленія была исключена сполна одна «картина», т.-е. цѣлый актъ, безъ малѣйшаго ущерба для полноты драмы, были сдѣланы и другія урѣзки. Отъ этого пьеса только выиграла, но не особенно много, такъ какъ далеко не все лишнее изъ нея выкинуто, да и самое распредѣленіе сценъ нельзя назвать удачнымъ. При всѣхъ этихъ недостаткахъ комедія г. Салова имѣетъ и очень крупныя достоинства, изъ которыхъ самое важное то, что она вполне литературное произведеніе, мѣстами художественно обработанное и оставляющее глубокое впечатлѣніе. Характеры задуманы и очерчены правильно и ярко; драма развивается совершенно естественно, безъ натяжекъ, вытекающая изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ положеній; комическій элементъ входитъ въ пьесу въ должной мѣрѣ, безъ шаржа, возбуждая то симпатичную улыбку, то добрый и честный смѣхъ надъ тѣмъ, «надъ чѣмъ смѣяться не грѣшно». Содержаніе комедіи г. Салова очень не сложное,—это тоже не маловажное ея достоинство; мы передадимъ его вкратцѣ и перейдемъ затѣмъ къ исполненію:

Въ с. Ольшанку пріѣхалъ «молодой баринъ» Борисъ Дмитріевичъ Кургановъ (г. Рошинъ-Иисаровъ). По дѣламъ своего отца онъ входитъ въ сношенія съ разжившимся мельникомъ, Обертышевымъ (г. Васильевъ-Гладковъ), женатымъ на молодой и красивой отставной любовницѣ богатаго барина, Агафѣ Петровнѣ (г-жа Глама-Мещерская). Въ мельничиху влюбленъ учитель Любомудровъ (г. Солонинъ), за нею ухаживаетъ слегка, впрочемъ, становой приставъ Пантеоновъ (г. Волковъ-Семеновъ); а бойкая и кокетливая мельничиха влюбляется въ «молодого ольшанскаго барина». Все это разъясняется въ первомъ актѣ, между длинными и идущими къ дѣлу разговорами. Къ вечеру у Обертышева собираются гости: становой Пантеоновъ, желающій баллотироваться въ мировые судьи, и нѣкоторые изъ гласныхъ. Въ комнатахъ идетъ пиръ; а тѣмъ временемъ мельничиха объясняется въ любви съ молодымъ баринкомъ, подъ соловьиныя трели. Объясненія кончаются поцѣлуями, на которыхъ и застаютъ влюбленныхъ учитель Любомудровъ. Дѣйствіе второе происходитъ въ домѣ Кургановыхъ. На деньги, вырученныя отъ продажи участка земли Обертышеву, Борисъ Кургановъ устраиваетъ винокуренный заводъ. Молодой человекъ весь погруженъ въ хозяйственныя заботы. Старикъ Кургановъ, его отецъ, въ отлучкѣ; онъ поѣхалъ къ предводителю и влия-

тельнымъ гласнымъ подготовить сыну избраніе въ мировые судьи. Савельичъ (г. Борисовскій), старшій, преданный слуга, въ большой тревогѣ по случаю долгаго отсутствія барина; а Борисъ волнуется тѣмъ, что не имѣеть никакихъ извѣстій отъ мельничихи со времени заключительной сцены перваго акта. Изъ полученнаго отъ нея письма выясняется, что Любомудровъ обо всемъ донесъ ея мужу; но она съумѣла вывернуться и подвести такъ, что Обертышевъ засталъ, какъ учитель самъ объясняется въ любви его Агашѣ, и выгналъ учителя вонъ. Мельничиха зоветъ молодаго человѣка на свиданье въ дѣсу. Приѣзжаетъ старикъ, Дмитрій Ивановичъ Бургановъ (г. Киселевскій), и рассказываетъ, какъ его всѣ радушно принимали, какъ общали, что его Борисъ будетъ непременно выбранъ въ судьи. Пришедшій по дѣлу Обертышевъ пространно толкуеть съ Борисомъ о своемъ планѣ забрать въ уѣздѣ всю винную торговлю въ свои руки и обезпечить процвѣтаніе ольшанскаго винокуреннаго завода. Вертится тутъ же становой, рыскающій по уѣзду и подбирающій себѣ голоса къ предстоящимъ выборамъ. Все это довольно скучно, за исключеніемъ живой и милой сцены встрѣчи старикомъ Савельичемъ своего стараго барина, за которымъ онъ ухаживаетъ съ нѣжностью доброй няньки. Вторая картина этого акта,—свиданіе Бориса съ мельничихой въ дѣсу,—какъ мы уже сказали, исключена изъ пьесы за полнѣйшею необходимостью.

Въ третьемъ актѣ та же эффектная декорация перваго акта, изображающая водяную мельницу. Во время разговора Агафьи Петровны съ Любомудровымъ слышны колокольчики: это возвращаются гласные съ земскихъ выборовъ, на которыхъ Обертышеву и Пантеонову удалось путемъ интригъ устроить забаллотировку Бориса Курганова и избраніе въ судьи услужливаго и на все сговорчиваго становаго пристава. Всѣ болѣе или менѣе выпивши или спохмѣля послѣ избирательныхъ кутежей. Пьянство продолжается и у Обертышева. Борисъ Кургановъ приходитъ окончить денежные счета съ хозяиномъ. Агафья Петровна пользуется случаемъ, чтобы исполнить давно задуманную затѣю—прокатиться мимо мужа на тройкѣ, обнявшись съ любимымъ человѣкомъ. Происходитъ путаная и крайне неудачная сцена катанья, конечно, за кулисами; о подробностяхъ зрители поставляются въ извѣстность отрывочными фразами лицъ, остающихся на сценѣ. Въ этомъ яснѣ всего сказалась неумѣлость г. Салова писать для театра. Болѣе опытный авторъ, если бы даже находилъ необходимымъ катанье съ объятіями,—по существу дѣла излишнее,—ввелъ бы его въ пьесу въ видѣ короткаго, но рѣзкаго объясненія между мужемъ и женою, какъ о фактѣ совершившемся. Какъ бы то ни было, Обертышевъ замѣчаетъ, наконецъ, что у него въ семьѣ не ладно, и рѣшаетъ принять самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы спровадить «молодаго барина».

Забаллотированіе сына такъ подѣйствовало на старика Курганова, что

онъ слегъ въ постель и проболѣлъ довольно долго. Поправившись немного (въ четвертомъ актѣ), добрый и любящій отецъ соображаетъ, что не слѣдуетъ держать около себя молодого человѣка, образованнаго и стремящагося къ довершенію своего образованія за границей, куда письмами зовутъ его товарищи. Тяжело старику разстаться съ единственнымъ сыномъ, утѣхою и радостью его послѣднихъ дней; но для блага сына онъ приноситъ въ жертву эгоистическія чувства и посылаетъ за Обертышевымъ, чтобы сдать ему въ аренду имѣніе и заводъ, только-что отстроенный Борисомъ. Сынъ сначала не соглашается исполнить желаніе старика.—Это лучшія сцены въ комедіи.—Любомудровъ обращаетъ вниманіе Бориса на присутствующаго тутъ же Обертышева и говоритъ: «Уѣзжайте, уѣзжайте скорѣе, сейчасъ же. Посмотрите на Обертышева. На немъ лица нѣтъ... Поймите, что надъ вашей головой виситъ страшная туча, и если останетесь, то неминуемо она разразится несчастьемъ». Борисъ соглашается уѣхать. Сцена между двумя стариками (Киселевскій и Борисовскій) высокодраматична, превосходно проведена артистами и глубоко трогаетъ за душу.

Декорация втораго отдѣленія четвертаго дѣйствія представляетъ эффектную картину ночнаго вида на рѣку и на далекое зарѣчье. Слѣва виднѣсь крутой обрывъ съ дубомъ на вершинѣ; справа пологій берегъ. По небу движутся облака; полная луна то скрывается за ними, то проглядываетъ и отражается серебристой полосой въ водяной ряби. На сцену выходятъ, обнявшись, молодой Кургановъ и мельничиха. «Вотъ мое любимое мѣстечко»,—говоритъ она и зоветъ Бориса посидѣть подъ дубомъ на обрывѣ. Совершается не лишнее комизма восхожденіе; г-жа Глама-Мещерская тащитъ г. Рощина наверхъ по покатымъ сходямъ. Влюбленные садятся подъ дубъ и говорятъ о своихъ нѣжныхъ чувствахъ. Справа изъ-за кулисы появляется Обертышевъ и останавливается передъ обрывомъ; слѣва выходитъ Любомудровъ и прячется на поворотѣ тропинки, ведущей наверхъ къ дубу. Оскорбленный мужъ грозитъ распорядиться по-своему съ измѣнившей ему женой и съ ея возлюбленнымъ, рассказываетъ, какъ одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, при такихъ же точно обстоятельствахъ, привязывалъ жену къ оглоблѣ, ѣздилъ по селу и цѣлую недѣлю истязалъ несчастную кнутомъ, а ея любовнику выбилъ всѣ зубы. Обертышевъ направляется къ обрыву. Его останавливаетъ Любомудровъ угрозою застрѣлить на мѣстѣ. Обращаясь къ Курганову, учитель убѣждаетъ его тотчасъ же уѣхать изъ Ольшанки. Агафья Петровна требуетъ, чтобы онъ увезъ ее съ собою, но, видя его нерѣшительность, прощается съ нимъ и бросается съ кручи въ рѣку.

Какъ видитъ читатель, изъ этого можно было сдѣлать очень хорошую драму. Г. же Саловъ не счумѣлъ этого и поступилъ правильно, назвавъ свою пьесу комедіей, несмотря на то, что она кончается смертью героини. Во всей комедіи мы видимъ, собственно, одно только драматиче-

ское положеніе, въ смыслѣ душевной борьбы между двумя необходимыми рѣшеніями,—это борьба, происходящая въ старикѣ Кургановѣ между страстнымъ желаніемъ удержать сына при себѣ и сознаніемъ необходимости отпустить сына для его пользы, для его личнаго счастья. Въ развитіи же главной интриги нѣтъ мѣста ничему драматическому. Любовь мельничихи есть простой порывъ сердца молодой женщины, не любящей мужа и увлекающейся молодымъ заѣзжимъ красавцемъ. Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ни серьезности, ни глубины, или, по крайней мѣрѣ, на сценѣ ихъ не видно въ передачѣ роли г-жею Гламой-Мещерской. Со стороны Агафьи Петровны все обходится спокойно, безъ признаковъ внутренняго разлада и борьбы. Молоденькой дѣвочкой она любила барина, была его любовницей; когда баринъ женился, и она вышла замужъ за Обертышева, принесла ему въ приданое деньги, давшія имъ возможность начать торговлю и разбогатѣть. Въ этомъ она исправно помогала мужу, завгрывала по его указанію съ нужными ему людьми, съ тѣмъ, однако же, чтобы дальше «ни-ни»; она кокетничала и наряжалась, была какъ нельзя больше довольна собой, своимъ мужемъ и отлично сложившеюся жизнью. Измѣнила она мужу просто, легко, не задумываясь. О «молодомъ ольшанскомъ баринѣ», Борисѣ Кургановѣ, и подавно не можетъ быть рѣчи, какъ о героѣ драмы; для этого онъ слишкомъ плохъ. Въ дѣйствительной жизни, быть можетъ, «молодые» заѣзжіе господа такъ именно и сходятся, и расходятся съ красивыми мельничихами и женами кабатчиковъ; только подобныя мимолетныя связи не даютъ достаточнаго матеріала для драмы, хотя бы и кончались онѣ самоубійствомъ. Къ тому же, слѣдуетъ добавить, что въ данномъ случаѣ г. Роцинъ-Инсаровъ и г-жа Глама-Мещерская не внесли въ исполненіе ролей ничего такого, что могло бы тронуть зрителя и придать живой, человѣческой образъ воспроизводимымъ ими лицамъ. Г. Роцинъ съ одинаково флегматическимъ видомъ слегка угнетенной невинности щелкаетъ на счетахъ и цѣлуется съ красавицей подъ тѣнью соловья, выслушиваетъ рѣзкія выходки Любомудрова, скорбныя рыданія отца и послѣднее «прости» любимой женщины. Правда, и «любимая» женщина въ томъ видѣ, какъ ее изобразила г-жа Мещерская, не особенно располагаетъ къ воодушевленію. Она очень много суетится, выказываетъ большую развязность и даже размашистость, кричитъ и подбочивается, смѣется дѣланною веселостью и хохочетъ неправдоподобно истерически; только во всемъ этомъ нѣтъ ни искры задушевности; все это до крайности искусственно и ничуть не художественно. Передъ нами была не пылкая, увлекающаяся до самозабвенія и всѣхъ увлекающая красавица, а разбитная, но совсѣмъ не симпатичная женщина. Во все время у нея не вырвалось ни одной искренней ноты, которая нашла бы отзвукъ въ сердцѣ зрителя. И, конечно, *Стень-матушка* своимъ сравнительнымъ успѣхомъ всего мѣнѣе обязана игрѣ г-жи Мещерской, г. Роцина и Волкова-Семенова, изображавшаго совсѣмъ по-провинціальному становаго пристава Пантеонова.

Очень трудная задача выпала на долю г. Васильева-Гладкова, въ роли Обертышева вынужденнаго говорить очень много скучныхъ и не идущихъ къ дѣлу вещей, а самыя драматическія мѣста разыгрывать молча. Надо отдать справедливость г. Гладкову, онъ вышелъ изъ этого мудренаго положенія съ большою честью, съумѣвъ длиннымъ разговорамъ, — про гнилую рыбу, про торговлю виномъ и про избитую исторію объ ученой свиньѣ, съѣденной какими-то «саврасами» изъ купцовъ, — придать такіе отбѣнки, которые въ значительной мѣрѣ выкупали пустоту содержанія и ненужность этихъ рассказовъ. Мѣстами онъ былъ типиченъ, вообще же провелъ всю роль умно и обдуманно, за исключеніемъ послѣдней сцены, вышедшей недостаточно сильною. Въ этой сценѣ, на нашъ взглядъ, сдѣлана крупная ошибка въ постановкѣ, путающая актеровъ и производящая плохое впечатлѣніе на публику. Мы думаемъ, что было бы лучше выпускать Любомудрова съ той же стороны, съ которой выходитъ Обертышевъ, а Бориса съ мельничихой сажать не подъ дубомъ, а на краю обрыва у тропинки, ближе къ зрителямъ (и къ суфлеру, скажемъ мы въ скобкахъ). Тогда Обертышеву не пришлось бы топтаться на мѣстѣ; у него было бы больше простора, и, бросаясь на Бурганова, онъ могъ бы добѣжать до самаго подъема на кручу. Появленіе Любомудрова не имѣло бы вида выскакивающего изъ-подъ земли *deus ex machina* французскихъ мелодрамъ. По естественному ходу вещей, слѣдя за Обертышевымъ, учитель долженъ былъ и придти за нимъ слѣдомъ, а не съ противоположной стороны, и г. Солонинъ избѣжалъ бы смѣшнаго положенія какого-то бандита, подкарауливающего путешественника. Со словами: «Стой, не то убью какъ собаку!...» — г. Солонинъ могъ бы схватить г. Гладкова за руку и остаться у обрыва, откинувши противника на то мѣсто, гдѣ должна его застать катастрофа. Г. Рошинъ остался бы не наверху, гдѣ онъ легко могъ удержать мельничиху, а на тропинкѣ, и могъ бы побѣжать за мельничихой вплоть до дуба. Мы говоримъ это по адресу г. Аграмова, распорядившагося сценой на этотъ разъ совсѣмъ не обдуманно. О превосходной, артистической игрѣ гг. Киселевскаго и Борисовскаго мы уже говорили. Въ заключеніе намъ остается сказать, что г. Солонинъ вполне заслуженно вызывалъ не разъ аплодисменты публики и немало помогъ успѣху пьесы.

Обо всемъ остальномъ, шедшемъ въ прошломъ мѣсяцѣ на сценѣ Новаго театра, мы могли бы совсѣмъ промолчать, такъ какъ все, вновь на ней поставленное, не имѣетъ почти никакого отношенія къ драматическому искусству ни по содержанію, ни по исполненію. Это рядъ «бенефисныхъ» новинокъ, появляющихся на сценѣ для сборовъ и быстро исчезающихъ изъ памяти публики и самихъ артистовъ, оставляя лишь кое-какой слѣдъ въ репортерскихъ отчетахъ ежедневныхъ газетъ. Такъ промелькнули на Коршевскомъ театрѣ: *Сынъ вѣка*, знаменитый своимъ фіаско на Александринской сценѣ, *Мертвый сильнѣе живаго* гг. Викт. Але-

ксандрова (Крылова) и Брюковского, *Столичный гость* г. Разсохина, безшабашный фарсъ, пригодный для ярмарочнаго балагана, *Во снѣ, какъ на яву*, комедія въ стихахъ г. Ярона, заимствованная изъ комедіи графа Фредро-сына, и еще нѣсколько мелкихъ пьесъ. При самой отчаянной погонѣ за сборами этого слишкомъ много для одного мѣсяца, и, само собою разумѣется, тутъ уже не можетъ быть рѣчи о тщательности постановки и объ отдѣлкѣ ролей актерами. Въ результатѣ получилось то, чего и слѣдовало ожидать: для привлеченія большаго числа публики было понижено качество предлагаемаго товара, безъ пониженія цѣны, однако же; вслѣдствіе этого понизился и сортъ публики, но число ея не увеличилось. Оно и не можетъ увеличиться, а, напротивъ, склонно уменьшаться постоянно, такъ какъ Москва, все-таки, не провинціальный городъ, въ которомъ публикѣ, ищущей развлеченій, дѣваться некуда, кромѣ единственнаго театра съ мало-мальски сносною труппой, на все покладистой и готовой увеселять невзыскательную публику всѣми способами—до ловли на сценѣ куръ и поросятъ, пожалуй. Не то въ Москвѣ: здѣсь часть публики, посѣщающая драматическій театръ, стоитъ на болѣе высокомъ уровнѣ и имѣетъ свой опредѣленный минимумъ требованій, ниже котораго театръ не можетъ спускаться безнаказанно. Остальная же публика, приближающаяся своими вкусами къ провинціальной, расходится вся въ разбродъ: въ балетъ и оперетку, въ цирки и т. под. Привлечь московскую публику въ частный драматическій театръ можно только строго и упорно выдержанною конкуренціей съ Малымъ театромъ, разнообразя репертуаръ сообразно съ силами труппы, но отнюдь не понижая его до балаганныхъ фарсовъ, вызывающихъ дешевые апплодисменты райка. Силы у труппы г. Корша есть несомнѣнно; взятыя порознь, эти силы значительно ниже, чѣмъ на первоклассной русской сценѣ; что же касается женскаго персонала, то и сравненія никакого быть не можетъ. Но въ общемъ онѣ достаточны для обстановки подходящихъ пьесъ совершенно безукоризненнымъ ансамблемъ. Надо только умѣть разумно распорядиться тѣмъ, что имѣется въ наличности. По числу образованной и состоятельной публики и по запросу на драматическія представленія, существующему въ обществѣ, въ Москвѣ могли бы существовать два и даже три русскихъ театра. Понизивши свой тонъ ниже извѣстнаго уровня, театръ Корша сдѣлалъ очень крупную и теперь довольно трудно поправимую ошибку, которая не замедлила отразиться на составѣ публики и на сборахъ. Дальнѣйшее веденіе дѣла въ томъ же направленіи станетъ, по всей вѣроятности, невозможнымъ, и театру Корша, а съ нимъ и прекрасно составленной, добросовѣстно работающей, труппѣ грозитъ полное фіаско. Это безконечно жаль, но ничего другаго нельзя предвидѣть, когда на его сценѣ *Сынъ вѣка* смѣняется *Столичнымъ гостемъ*, а этотъ послѣдній стихотворными упражненіями г. Ярона на чужую тему, и довольно глупую, къ тому же растянутую на четыре акта съ пятью картинами.

Вся суть комедіи *Во снѣ какъ на яву* заключается въ томъ, что богатый помѣщикъ Гласкинъ (г. Градовъ-Соколовъ), пріѣхавшій въ Москву съ молоденькою женой Елизаветой Николаевной (г-жа Рыбчинская), прискривая квартиру, попадаетъ къ опереточной пѣвицѣ Бреловой (г-жа Бурдина) и засыпаетъ въ креслѣ-качалкѣ за цвѣтами. Къ Бреловой поочередно являются: Дарскій (г. Солонинъ), ея любовникъ, баронъ Вартель (г. Киселевскій), дипломатъ, добивающійся сдѣлаться ея любовникомъ, Брачевскій (г. Шмитгофъ), плохая карриатура на свѣтскаго молодого человека, стремящійся къ тому же, но готовый помириться и на горничной пѣвицы (г-жа Мартынова). Дѣло усложнено тѣмъ, что Дарскій находится въ связи съ женою барона (г-жа Глама-Мещерская) и ухаживаетъ за женой Гласкина, уже готовый увлечься неотразимымъ сердцеѣдомъ. Гласкина будитъ пощечина, данная горничной Брачевскому. Всѣ въ страхѣ, что Гласкинъ не спалъ, а только притворялся, все слышалъ и можетъ разболтать о похожденияхъ дипломата и Дарскаго и о пощечинѣ, полученной Брачевскимъ. Всѣ пристають къ нему съ разными намеками, которыхъ онъ не понимаетъ; впутываютъ его въ дуэль между Дарскимъ и Брачевскимъ въ качествѣ секунданта, отъ чего онъ приходитъ въ неописуемый ужасъ. Дуэль, однако же, не состоялась, — Брачевскій струсилъ, — и все кончается благополучно, какъ и подобаетъ въ водевилѣ, по недоразумѣнію возведенномъ на степень комедіи. Разученъ, срепетованъ и разыгранъ этотъ фарсъ очень хорошо; но, все-таки, это фарсъ, мѣстами смѣшной, въ общемъ же скучный и не совсѣмъ приличный. Лучше всѣхъ былъ г. Градовъ-Соколовъ и типичнѣе всѣхъ; хороши были и гг. Киселевскій, Солонинъ и Мартынова. Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ ихъ стараній ничего не вышло, всего же менѣе вышло что-либо похожее на картинку изъ великосвѣтской жизни. Въ первомъ актѣ, напримѣръ, выведенныя авторомъ *grandes dames* ѣдутъ съ компаніей молодыхъ людей кутить къ Яру или въ Стрѣльню... Впрочемъ, надо и то сказать, что сами эти дамы ничѣмъ не напоминаютъ свѣтскихъ женщинъ ни манерами, ни говоромъ, ни туалетами, въ особенности какъ разъ подходящими къ тону такихъ особъ, съ которыми ѣздятъ въ загородные рестораны-кабаки отставные гусарскіе ротмистры и «свѣтскіе» молодые люди, заушаемые горничными опереточныхъ пѣвицъ... На такомъ репертуарѣ можетъ существовать только странствующая труппа, играющая то въ Рязани, то въ Казани, то въ ярмарочномъ балаганѣ... И это совсѣмъ не къ лицу прекрасному составу артистовъ Новаго театра.

Ан.

Частный оперный театръ въ Москвѣ поставилъ *Снѣгурочку* г. Римскаго-Корсакова, оперу въ 4 дѣйствіяхъ, съ прологомъ, на сюжетъ «весенней сказки» А. Н. Островскаго, того же названія.

Изъ трехъ оперъ вышеназваннаго композитора: *Псковитянка* (1871

г.), *Майская ночь* (1880 г.) и *Синьгурочка* (1881 г.), — из которых ни одна в Петербургѣ успѣха не имѣла, *Синьгурочка* послужила предметомъ особыхъ заботъ дирекціи: на постановку ея было истрчено, если вѣрить тазетнымъ извѣстіямъ, тридцать тысячъ рублей; обставили ее лучшими силами русской оперной труппы; разучивалась она что-то полгода; словомъ, всѣ старанія были приложены къ тому, чтобы опера пошла, но успѣха она все-таки не имѣла.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой оперы. Душа красавицы Синьгурочки, дочери Мороза и Весны, любви не знаетъ; но Синьгурочкѣ скучно, ее тянетъ къ людскимъ пѣснямъ. Весна сговорчивѣе Мороза, и не видя опасности, угрожающей дочери отъ гнѣва бога тепла, Ярила, проситъ Мороза отпустить Синьгурочку къ людямъ; въ землю Берендеевъ. Морозъ, зная врага своего, поглявшигоса «чинить ему зло», и боясь, чтобы онъ какъ-нибудь не заронилъ въ чистое сердце дочери чувства любви, сначала не соглашается, но потомъ уступаетъ просьбамъ Весны и Синьгурочки, и послѣднюю берутъ къ себѣ Бобыль и Бобылиха. Здѣсь въ нее влюбляется посадскій торговый гость Мизгирь, женихъ Купавы, но Синьгурочка холодна; ей и баловень всѣхъ дѣвушекъ, пригожій и кудрявый Лель, нравится только своими пѣснями. Купава жалуется царю Берендею на измѣну Мизгирия; въ гнѣвѣ царь велитъ изгнать его, но, узнавъ о существованіи неприступной чувству любви Синьгурочки, милуетъ его, если ему удастся побѣдить сердце дочери Весны. Всѣ старанія Мизгирия въ заповѣдномъ лѣсу тщетны: Синьгурочка крѣпко оберегается Морозомъ. Наконецъ, послѣ того, какъ Лель задѣлъ ея самолюбіе на народномъ праздникѣ, отдавши предпочтеніе Купавѣ, Синьгурочка сама почувствовала потребность любить и въ горѣ взываетъ къ матери. Появившаяся изъ озера Весна-Красна надѣваетъ на ея голову свой вѣнокъ; съ этой поры Синьгурочка полюбила и заявляетъ царю Берендею, благословляющему подходящія къ нему пары влюбленныхъ, что она страстно любитъ Мизгирия. Но податель тепла, Ярило, посылаетъ свой первый лучъ, и Синьгурочка въ сердечной истомѣ таетъ. Мизгирь бросается въ воду, а Берендеи поютъ гимнъ богу Ярилѣ, избавившему ихъ отъ суроваго Мороза.

Все здѣсь носитъ сказочный, фантастическій характеръ. Лучше всего было бы иллюстрировать этотъ сюжетъ какой-нибудь «музыкальною картиною» вродѣ *Ивана Грознаго* Рубинштейна, или же антрактами и отдѣльными музыкальными отрывками, какъ это сдѣлалъ Чайковский; но не такъ посмотрѣлъ на эту «весеннюю сказку», дышащую поэзіей и просящуюся подъ музыку, г. Римскій-Корсаковъ, и мы имѣемъ дѣло съ большой пятнактной оперой, давшей композитору возможность блеснуть богатой оркестровкой и разработкой русскихъ народныхъ мотивовъ. Нисколько не умаляя достоинства г. Римскаго-Корсакова, какъ прекраснаго инструментатора и знатока русской народной пѣсни, необходимо, однако, указать, что въ способахъ пользованія народной мелодіей этотъ

композиторъ отстываетъ отъ плановъ, предначертанныхъ Глинкой. Глинка — безспорно народный композиторъ; онъ одухотворялъ народные сюжеты, поэтизировалъ народные темы, придавалъ имъ художественную оболочку и пользовался ими, какъ канвой, для своего творчества; Глинка разрабатывалъ ихъ, видоизмѣняя и развивая въ нѣчто самостоятельное. Гг. новаторы поступаютъ не такъ: они берутъ готовый материалъ, цѣликомъ, и варьируютъ его на разные лады, оставляя въ сыромъ видѣ и не создавая изъ него ничего типично-идеальнаго. Вы слышите народный мотивъ, но вы не видите возведенія его въ художественную форму. Въ такомъ необработанномъ видѣ далъ намъ и г. Римскій-Корсаковъ народныя мелодіи въ *Сингурочкѣ*. Можетъ ли *Сингурочка* считаться національной оперой? По нашему разумію, нѣтъ; здѣсь нѣтъ творчества, а только хорошая, вѣрная фотографія народныхъ мотивовъ.

Но не въ этомъ одномъ заключаются важнѣйшіе недостатки этой оперы.

Сюжетъ хотя и не особенно драматиченъ, но зато въ немъ есть гдѣ развернуться фантастическому и лирическому элементамъ. Появленіе Весны, Лѣшій, Дѣдушка-Морозъ, миѣнская Сингурочка, любовныя сцены Мизгиря и дочери Мороза, призрачное появленіе Сингурочки; таинственная гибель главной героини, познавшей чувство любви, — все это даетъ богатѣйшій просторъ фантазіи. Разсмотримъ, что далъ намъ въ этомъ отношеніи г. Римскій-Корсаковъ.

Во всей оперѣ вы не найдете ни одного мелодичнаго номера; даже такіе мѣста, какъ, напримѣръ, любовныя сцены, поражаютъ отсутствіемъ мелодіи. Такихъ сценъ въ *Сингурочкѣ* двѣ. Въ первой изъ нихъ (дуэтъ третьяго акта: «Сингурочка, давно тебя ишу я») фразы Мизгиря холодны, не дышатъ лирической, захватывающей теплотой, дѣланны; это скорѣе обдуманныя реплики, чѣмъ страстныя, пламенныя фразы любовника; что же касается Сингурочки, то композиторъ не нашелъ ничего другаго, какъ заставить героиню на словахъ: «Слова твои пугаютъ» — въ точности повторить мотивъ ея въ первомъ актѣ, сопровождающій ея обращеніе къ Лелю: «За поцѣлуй поешь ты пѣсни». Вторая изъ этихъ сценъ, — дуэтъ четвертаго акта: «Нѣтъ, не страхъ, не боязнь», — построенъ, хотя можетъ-быть совершенно случайно, на мотивѣ фразы бражника во *Вражьей силѣ*: «Полушубокъ новый есть» (финалъ четвертаго дѣйствія), начиная со словъ «О, милый мой» (*rosomoposso*). Недостатки дуэта такого же свойства, какъ и перваго: онъ сухъ и не мелодиченъ. Интереснѣе тріо Леля, Купавы и Сингурочки (финалъ 3 акта). Разъ продуманная какая-нибудь музыкальная фраза повторяется г. Корсаковымъ безконечное число разъ, онъ варьируетъ ее только разными тональностями; достаточно вспомнить хотя бы семнадцать разъ подрядъ повторенную фразу Весны (четвертый актъ), притомъ не отличающуюся особой красотой.

Фантастическая музыка г. Римскаго-Корсакова оставляетъ желать еще большаго; такъ какъ самъ сюжетъ фантастиченъ, а слѣдовательно, и

требовалъ бы большаго вдохновенія, большаго творчества. Фантастическій элементъ обхватываетъ собой почти весь прологъ, гдѣ обрисованы фигуры Снѣгурочки, Мороза, Весны и Лѣшаго, вторую половину 3 дѣйствія, появленіе Весны въ слѣдующемъ актѣ и, наконецъ, финалъ оперы.

Въ прологѣ весьма характерно обрисованъ прилетъ весеннихъ птицъ; щебетанье итицъ превосходно передано звукоподражаніями. *Adagio* Весны очень красиво, хотя средняя часть слабѣ начала и конца; здѣсь уже видно основательное знакомство автора съ *Русланомъ*: вся фактура его отдаетъ романсомъ Ратшира «Она мнѣ жизнь»; но вотъ появляется Морозъ и развѣ только вниманіе музыкантовъ остановить на себѣ оркестръ, сопровождающій появленіе его; для большинства же Морозъ проходитъ не замѣченнымъ, такъ какъ речитативы г. Римскаго-Корсакова крайне скучны и безсодержательны. Выбѣгаетъ изъ лѣсной чащи Снѣгурочка; ей предшествуетъ характерная фраза, которая въ продолженіе всей оперы, какъ тѣнь, не разстается съ ней; это вагнеровскій приемъ. *Adagio* Снѣгурочки игриво, но не фантастично; еще менѣе фантастиченъ Лѣшій и въ особенности Масляница—соломенное чучело, которое композиторъ заставляетъ прокричать 52 такта на одной нотѣ (на среднемъ *do*) и упасть ничкомъ въ сани. Сцена призраковъ въ третьемъ актѣ интереснѣе предыдущихъ; здѣсь попадаются очень красивыя оркестровыя фразы, но, во-первыхъ, онѣ очень коротки, а во-вторыхъ, не представляютъ ничего цѣльнаго. Въ сценѣ появленія дуба со свѣтляками аккомпаниментъ въ оркестрѣ напоминаетъ перезвонъ колоколовъ въ *Борисъ Годуновъ* Мусоргскаго. Выходъ Весны изъ озера поэтиченъ, но не настолько, чтобы заставить слушателя перенести въ область фантазіи, точно также какъ таеніе Снѣгурочки едва ли вызоветъ въ чьемъ-либо воображеніи что-либо сверхъестественное.

Характеристикой композиторъ наградилъ не одну только Снѣгурочку, но, и почти, всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Каждый выходъ Леля сопровождается свирѣлью; конечно, очень умѣстна здѣсь свирѣль, разъ Лель пастухъ, но безконечное повтореніе ея въ продолженіе всей оперы, также какъ и характеристика Снѣгурочки, въ концѣ-концовъ, прискучаетъ. Такимъ же ярлыкомъ, только ужъ на этотъ разъ напоминающимъ характерныя оркестровыя фразы появленія Наяны въ *Русланъ*, сопровождается и царь Берендей, въ шествѣи котораго также видно вліяніе *Руслана* (маршъ Черномора). Состоящій при Берендѣѣ совѣтникъ Бермята неизмѣнно сопутствуется фанфарами. Фигура Мизгирия, въ которомъ авторъ хотѣлъ изобразить удалаго молодца, «торговаго гостя», красавца, побѣдителя двѣячыхъ сердецъ царства Берендеевъ, вышла очень блѣдной вслѣдствіе недостатка музыкально-страстныхъ рѣчей. Живѣе обрисована Купава, единственная ариетта которой сильно напоминаетъ «призывъ князя» изъ *Русалки*; даже речитативы ея тщательнѣе обработаны и производятъ болѣе глубокое впечатлѣніе: такъ, напр., сцена съ Берендеемъ, въ которой Купава жалуется на Мизгирия, сильна и эффектна. Въ партіи

Леля много «пѣнія»; его арии—цѣльные, закругленные номера, они нравятся публикѣ и даже вызываютъ громкія одобренія и требованія повтореній; дѣйствительно, всѣ три пѣсенки его: «Земляничка ягодка», «Какъ по лѣсу лѣсъ шумитъ» и, въ особенности, «Туча съ громомъ стоваривалась»—характерны, шрипы, народны и прекрасно оркестрованы.

Особенныя старанія положилъ композиторъ на обрисовку народныхъ массъ: проводы Масляницы, хоръ слѣпцовъ-гуслиаровъ и хороводы интересны, но скорѣе съ точки зрѣнія технической, чѣмъ творческой; для проводовъ взяты народныя мелодіи и прекрасно разработаны въ оркестрѣ; для хора слѣпцовъ у автора былъ прекрасный прецедентъ: эпическая, захватывающая своей поэтичностью, пѣсня Баяна изъ *Руслана*; свадебный обрядъ типиченъ; для хоровода въ заповѣдномъ лѣсу (3 дѣйствіе) г. Римскій-Корсаковъ нашелъ необходимымъ буквально воспроизвести тотъ же мотивъ (и даже въ томъ же тонѣ—D-dur), что и для перваго хоровода. Для маленькихъ, отдѣльныхъ номеровъ у композитора находятся иногда прекрасныя музыкальныя фразы; такъ, напр., маленькій хорикъ дѣвушекъ, манящихъ Леля: «Лель, Лель нашъ»,—изященъ и поэтиченъ. Изъ танцевъ первый поэтичнѣе втораго, т. е. пляска скомороховъ, въ которомъ мы встрѣчаемся съ разработкой народныхъ мотивовъ, не безъ вліянія Сѣрова.

Ума видно много въ композиціи *Сныурочки*; тутъ все расчислено, все обдуманно. Воснемся ли мы инструментовки (она-то и есть, собственно говоря, область г. Римскаго-Корсакова), обратимся ли къ гармонизаціи или вообще къ технической разработкѣ, — вездѣ мы видимъ результаты тонкаго вкуса и глубокаго расчета. Основательно знакомый съ оркестрами Шумана, Листа, Берліоза, Вагнера, Глинки и Сѣрова, нашъ композиторъ, идя по ихъ стопамъ, даетъ произведенія достойныя изученія. Но всѣ эти эффекты, для большинства, требующаго музыки въ оперѣ, совершенно пропадаютъ или же остаются въ тѣни, оставляя его неудовлетвореннымъ въ качествѣ опернаго слушателя.

Ставя оригинальничанье однимъ изъ необходимыхъ условий современнаго творчества, г. Римскій-Корсаковъ далъ нѣсколько «небывалыхъ» ритмовъ; таковы, напр., ритмы въ $11/4$ (финальный хоръ оперы), въ $3/8$ (шествіе царя Берендея, пѣсня Леля: «Земляничка ягодка») и пр. Нельзя также сказать, чтобы партіи для голосовъ были написаны очень удобно. Напримѣръ, тесситура партіи Купавы сплошь слишкомъ высока, что при речитативномъ ея характерѣ необходимо должно ставить пѣвицу въ затруднительное положеніе; то же замѣчаніе относится и къ теноровой партіи (Берендей).

Поставлена *Сныурочка* хорошо; декорации и костюмы новы и красивы; танцы (въ особенности танецъ птицъ въ прологѣ) производятъ хорошее впечатлѣніе; хоры живутъ на сценѣ; но за то большой недочетъ въ исполнителяхъ главныхъ партій, хотя и старательныхъ, но совершенно неопытныхъ.

В. Баскинъ.

С м ѣ с ь .

Письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генераль-адъютанту Коновницину.— Записка П. П. Коновницина для Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей.— Письмо кн. Платона Зубова къ Императору Павлу.— Порядокъ опредѣленія площадныхъ подъячихъ (нотаріусовъ) въ ХУІІ вѣкѣ.— Донесеніе кн. Прозоровскаго объ истребленіи библиотеки Новикова.— Указъ Императрицы Елизаветы о формѣ придворныхъ ливрейныхъ служителей.— Вѣдомость о числѣ учениковъ въ народныхъ училищахъ С.-Петербургской губерніи въ 1784 г.— Опись картинамъ, купленнымъ, по приказанію Петра Великаго, въ Венеціи.— Сто лѣтъ назадъ (ноября 1785 г.).

Письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генераль-адъютанту Коновницину *).

С.-Петербургъ, 11 мая 1815 г.

Петръ Петровичъ! Любезнѣйшіе Сыновья Мои, Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, Сами вручаютъ вамъ сіи строки, коими я предаю Ихъ въ ваше попеченіе и усердное распоряженіе. Довѣріе Императора, Любезнѣйшаго Моего Сына, выборомъ васъ для сопровожденія Братевъ Его Величества доказанное, Личное Мое съ вами знакомство и опытъ перваго пребыванія Великихъ Князей съ вами—все сіе даетъ Мнѣ совершеннѣйшее удостовѣреніе, что изъ рукъ почтеннаго генерала Ламздорфа не могутъ Они быть переданы лучшему наставнику на полѣ Славы, какъ Вамъ. Ваше служеніе, извѣстное въ арміи, ваше руководство и совѣты, подтверждаемые опытностію и даннымъ неоднократно примѣромъ, подадутъ Сыновьямъ Моимъ истинное понятіе о воинѣ

*) Генераль-адъютантъ Петръ Петровичъ Коновницинъ, влослѣдствіи графъ, въ 1812 г. состоялъ дежурнымъ генераломъ (начальникомъ штаба) при Бутузовѣ. Раненый при Лейцигѣ, онъ въ 1815 г. былъ назначенъ состоять при Великихъ Князяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ. Къ этому времени относятся помѣщаемыя письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Назначенный военнымъ министромъ и оставляя должность воспитателя Великихъ Князей, онъ обратился къ нимъ съ помѣщенной ниже сего запиской. Документъ эти сообщенъ намъ его внукомъ, графомъ Петромъ Ивановичемъ Коновницинимъ.

Ред.

и полководцѣ, коего храбрость обуздывается разсудкомъ, чтобы не сдѣлаться отважностью. Сколь ни больно Материнскому сердцу подвергнуть жизнь дѣтей опасности, Я, тѣмъ не менѣе, признаю, что Они не должны избѣгать ея, коль скоро честь и долгъ Ихъ требуютъ подать Собою примѣръ неустрашимости; но Я увѣрена также, что Я могу быть совершенно спокойна въ томъ, что, внимая Моимъ чувствованіямъ, вы стараетесь будете отвращать отъ Нихъ бесполезную опасность и удерживать Ихъ, дабы пылкостью юншества не увлекались безъ нужды въ гибель. Они удостовѣрятся также, что съ честію неразлучны добродѣтель и непорочность нравовъ, которыя въ соединеніи со скромностію столько же украшаютъ военное, какъ и всякое другое званіе, а удаленіе отъ нихъ помрачаетъ славу героя. Для сохраненія сихъ драгоценныхъ качествъ души, которыя Я теперь съ утѣшеніемъ вижу въ Великихъ Князяхъ, вниманіе ваше, конечно, обращено будетъ на занятіе Ихъ полезными упражненіями, отвращеніе праздности, хорошій выборъ знакомствъ, всевозможное удаленіе такихъ, коихъ примѣры и рѣчи не согласны съ силъ правилами, и огражденіе Ихъ отъ хитрыхъ внушеній льстецовъ, старающихся ласкательствомъ и всякими угожденіями енискивать себѣ покровительство. И тагъ, поручая Ихъ вашему отеческому попеченію, Я съ полною довѣренностію полагаюсь на вашу приверженность и ваше усердіе и съ удовольствіемъ возобновляю здѣсь увѣреніе объ истинномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Петръ Петровичъ! Благодаря васъ за продолженіе извѣстій о любезнѣйшихъ Сыновьяхъ Моихъ, Великихъ Князяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ, чрезъ послѣдняго курьера полученное, Я, нынѣ, при вѣроятномъ вступленіи Ихъ въ Парижъ, обращаюсь съ полнымъ довѣріемъ къ отеческому вашему о Ихъ благѣ попеченію, которое въ сей столицѣ роскоши и преврата нужнѣе, нежели гдѣ-либо, и отъ котораго Я ожидаю успокоенія Материнскаго Сердца. Я, конечно, ни мало не сомнѣваюсь, что внушенныя Имъ правила нравственности, благочестія и добродѣтели предохранятъ Ихъ отъ дѣйствительныхъ погрѣшеній, но пылкое воображеніе юношей, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ почти на каждомъ шагу представляются картины порока и легкомыслія, легко принимаетъ впечаталенія, помрачающія природную чистоту мыслей и непорочность понятій, тщательно понынѣ сохраненную, развратъ является въ столь пріятномъ или забавномъ видѣ, что молодые люди, увлекаемые наружностію, приываютъ смотрѣть на него съ меньшимъ отвращеніемъ и находятъ его менѣе гнуснымъ. Сего пагубнаго дѣйствія опасуюсь Я наиболѣе по причинѣ невиннаго удовольствія, съ каковыми Великіе Князья, по неопытности Своей, воспоминали о первомъ своемъ пребываніи въ Парижѣ, не вѣдая скрытаго зла, но, будучи теперь старѣе, нужно показать Имъ въ

настоящемъ видѣ сіи впечатлѣнія, отъ которыхъ прошу Я васъ убѣдительно предохранить Ихъ вашимъ отеческимъ попеченіемъ, обращая также вниманіе на выборъ спектаклей, которые Они посѣщать будутъ и которые нерѣдко вливаютъ непримѣтнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ образомъ ядъ въ юныя сердца. Весьма бы желательно было, если бы, въ случаѣ продолжительнаго пребыванія Императора въ Парижѣ, можно было Великимъ Князьямъ воспользоваться тѣмъ временемъ для любопытнаго и полезнаго путешествія по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ окрестности; но если сего устроить невозможно, или краткость времени не дозволить, то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ всемірно стараться, чтобы они заняты были полезными упражненіями и ученіемъ, къ чему такой городъ, каковъ Парижъ, представляетъ много способовъ. Я въ сихъ отношеніяхъ обращаюсь къ вашему сердцу, которое умѣетъ раздѣлять заботы Матери о душевномъ и тѣлесномъ благѣ Дѣтей Своихъ, и, твердо надѣясь на вашу ревность и приверженность, увѣряю васъ напередъ въ чувствительнѣйшей моей признательности и съ совершеннымъ уваженіемъ и доброжелательствомъ пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Павловскѣ,
іюля 12 дня 1815 года.

Петръ Петровичъ! Пріѣхавшій сегодня курьеръ привезъ мнѣ два письма отъ васъ отъ 10 и 17 августа, и Я съ удовольствіемъ усмотрѣла предстоящій отъѣздъ Любезнѣйшихъ Сыновей Моихъ Великихъ Князей изъ Парижа, гдѣ время Ихъ пребыванія, будучи большею частію занято предметами, до военной службы касающимися, слишкомъ мало позволяло Имъ помышлять объ усовершенствованіи познаній. Всякій молодой человекъ имѣетъ необходимую нужду отдѣлять нѣкоторое время для собранія своихъ мыслей и приумноженія своихъ свѣдѣній, и утвержденія въ приобретенныхъ познаніяхъ и правилахъ, ибо, по сохраняемому Мною всегда въ памяти замѣчанію, тотъ, кто впередъ не подвигается въ ученіи, отступаетъ назадъ. Михаилъ Павловичъ, при семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, имѣетъ въ особенности крайнюю нужду заниматься полезными предметами и болѣе утвердиться въ пройденныхъ наукахъ, и Я буду благодарить Бога отъ глубины сердца и въ семъ важномъ отношеніи, когда увижу Великихъ Князей обратно, здѣсь продолжающихъ недоконченное, особливо младшаго, воспитаніе. Я надѣюсь, что, благословеніемъ Всевышняго, Мое желаніе скоро совершится, и, благодаря васъ искренно за сообщаемыя о Сыновьяхъ Моихъ извѣстія, прошу васъ продолжать снабженіе Меня оными. Съ удовольствіемъ повторяю Я, впрочемъ, увѣреніе о совершенномъ уваженіи и доброжелательствѣ, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Гатчинѣ,
сентября 16 дня 1815 года.

Петръ Петровичъ! Черезъ прибывшаго третьяго дня курьера имѣла Я удовольствіе получить письмо ваше отъ 9 сентября и повторяю изъясненіе искренняго Моего сожалѣнія о случившемся вамъ несчастіи, благодаря Бога, что не имѣло худшихъ послѣдствій и что вы чувствовали себя въ состояніи сопутствовать Любезнѣйшимъ Сыновьямъ Моимъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю Я Ихъ возвращенія и удовольствія лично благодарить васъ за всѣ труды ваши, ибо сколь ни утѣшительны для Моего сердца всѣ отзывы о поведеніи и обращеніи Великихъ Князей, Я не могу, однако, довольно изъяслять признательности Моей Провидѣнію за удаленіе Ихъ, наконецъ, изъ Парижа и усерднѣйше молю Всевышняго о Ихъ благополучномъ сюда прибытіи, для продолженія прерваннаго воспитанія и довершенія нужнаго Имъ еще ученія. Пріѣзжайте съ Ними скорѣе и будьте увѣрены, что вы приняты будете съ чувствованіями уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю всегда вамъ благосклонною.

Марія.

Въ Гатчинѣ,
октября 10 дня 1815 года.

Петръ Петровичъ! Я съ истиннымъ сожалѣніемъ извѣстилась чрезъ письма Любезнѣйшихъ Сыновей Моихъ, Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича, о приключившейся вамъ въ дорогѣ жестокой болѣзни; но надѣюсь и утверждаюсь въ сей надеждѣ полученнымъ отъ васъ изъ Берлина письмомъ, что вы отъ болѣзни совершенно избавились, чего отъ искренняго сердца желаю. Вы, конечно, представляете себѣ и, вѣрно, раздѣляете со Мною удовольствіе, съ каковымъ Я узнала, что Великіе Князья избавлены отъ поѣздки въ Варшаву. Вамъ извѣстны причины, для коихъ Я желаю Ихъ скорѣйшаго возвращенія, и вы легко повѣрите, что я была сему столько же рада, какъ, Я уповаю, и вы сами, зная ваши мысли. Теперь Я съ нетерпѣніемъ почти ежедневно ожидать буду пріѣзда Сыновей Моихъ, который почитаю весьма близкимъ и прошу васъ быть увѣреннымъ въ чувствительномъ удовольствіи, съ каковымъ Я васъ приму, и повторяю вамъ лично изъясненіе искреннѣйшей признательности Моей за всѣ труды и попеченіе ваше о Великихъ Князьяхъ, равно какъ и отличнаго уваженія и доброжелательства, съ каковыми пребываю вамъ благосклонною.

Марія.

Записка П. П. Коновницына для Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей.

Государю Императору угодно было почтить меня довѣріемъ Своимъ — быть, на случай предполагаемой войны, при Вашихъ Высочествахъ. Обстоятельства случайно измѣнились. Войны, благодаря Бога, нѣтъ и мы возвратились въ свое отечество.

Я, оставляя Вашихъ Высочествъ, пріятнѣйшимъ поставляю долгомъ изъяснить чувствованія мои; они всегда преисполнены были усердія. Сердечно жалѣю, что имѣлъ весьма мало случаевъ показать Вамъ приверженность мою и тѣмъ пріобрѣсти довѣренность Вашу; но ежели я хотя нѣсколько имѣю оной, то позвольте мнѣ симъ воспользоваться и объяснить Вамъ тѣ истины, какія открылись во мнѣ и опытами въ жизни, и собственнымъ сердцемъ, и сердечною преданностію моею къ Особамъ, священнымъ и для насъ, и для отечества. Буде истины сіи послужать къ пользѣ Вашей и принадлежать будутъ къ славѣ имени Вашего, тутъ исполнится источникъ сердечнаго моего блага. Не говорить же чувствуемой правды Любезнѣйшимъ Князьямъ нашимъ во время драгоценной молодости Ихъ не только не простительно, но даже было бы постыдно.

1-е.

Сколько славенъ родъ Вашихъ Высочествъ въ Россіи, столь же надобно Вамъ быть и знаменитыми въ потомствѣ. Лучи знаменитости сей отъ чистаго дѣйствія ума и сердца. Никакой добродѣтельный подвигъ безъ напряженій духа, безъ труда, не совершается. Слѣдовательно, для благихъ и полезныхъ подвиговъ умъ напитанъ быть долженъ добрыми познаніями, которыя украшаютъ и самую старость, а сердце исполнено быть должно добрыми правилами, которымъ покорить надобно поступки наши.

Вамъ Богъ послалъ дарованія. Они, конечно, украсятъ умъ Вашъ и сердце; но тутъ требуется нѣкоторое усердіе, нѣкоторое желаніе и нѣкоторый трудъ.

Чтобы непрестанно занимать, питать разумъ, безъ чего онъ, такъ сказать, засыпаетъ, возьмите на Себя хотя часъ одинъ въ день (но каждый день непременно) занять разумъ какою-нибудь наукою или познаніемъ, составивъ и въ самомъ чтеніи Себѣ планъ, чтобы не перемѣшивались предметы въ одно время.

Чтобы непрестанно питать сердце, безъ чего оно, такъ сказать, черствѣетъ, отвержайте въ немъ пламенное состраданіе къ бѣднымъ, несчастнымъ, угнетеннымъ, помощь ближнему да будетъ Вамъ блистательнѣйшею радостію въ жизни. Скромное подааніе милостыни да будетъ предметомъ Вашей памяти и забвенія: исполненное да забудется, а новое подааніе принесетъ съ собою новое удовольствіе.

Для введенія сердца въ такое расположеніе открыты намъ средства: стараться надобно познать всѣ истины христіанскія, которыя многочисленны, познать обязанности наши, въ семъ Божественномъ Законѣ изображенныя.

2-е.

Слѣдуйте всякій день Свои поступки: будьте имъ Самы строгіе судіи, дабы на другой день быть въ Своемъ поведеніи осторожнѣе. Одно слово

иногда сдѣлаетъ вредъ челоѣку на весь вѣкъ! Невѣроятно, какія важныя послѣдствія происходятъ отъ малѣйшихъ погрѣшностей въ высокому званію Вашемъ. Вы окружены подражателями, особенно въ тѣхъ предметахъ, которые обольщаютъ ихъ страсти. Порокъ самъ по себѣ есть ядъ прилипчивый. Родъ челоѣческій всегда готовъ къ очумленію. Искра часто производитъ пожаръ. Не думайте, чтобъ малѣйшій безпорядокъ въ поступкахъ Вашихъ могъ остаться въ тайнѣ. По высокому рожденію Вашему. Вы Сами по себѣ выше всякой защиты.

3-е.

Въ разсужденіяхъ общихъ оскорблять никогда не должно, ниже говорить о комъ-либо худо: по единой неосторожности получите недовольныхъ. Общая вѣжливость привлекаетъ, а надменность и еще болѣе грубость лишитъ Васъ большихъ и невозвратимыхъ выгодъ.

4-е.

Убѣгайте льстецовъ, кои навѣрно проникнутъ въ чертоги Ваши. Они слабостями Вашими воспользуются для своихъ выгодъ, ко вреду Вашему и другихъ. Держитесь людей такихъ, которые бы отъ Васъ ничего не желали, которые бы не ослѣплялись величіемъ Вашимъ и съ надлежащимъ почтеніемъ говорили бы Вамъ истину и противорѣчили бы Вамъ, для воздержанія Васъ отъ погрѣшностей. Есть средство узнать людей въ самыхъ разговорахъ: въ разговорахъ примѣтна и вѣтренность или неосновательность, и лесть, и нескромность, и гордость, и хитрость и проч.; иногда надобно скрыть собственное чувствованіе ихъ. Выслушивайте совѣты полезныя, но потомъ разсуждайте объ истинѣ и пользѣ. Не удаляйтесь отъ познанія людей ни подъ какимъ предлогомъ, различайте ихъ, и да избавитъ Васъ Богъ отъ такихъ, которые, притворяясь, что не видятъ Вашихъ погрѣшностей, върадываются въ сердце, а такіе люди бываютъ, къ сожалѣнію, пріятны.

5-е.

Не будьте высокоумны, не приписывайте Себѣ ничего. Надобно всегда раздѣляться съ другими. Симъ самымъ Вы никогда не оскорбите подчиненныхъ Вашихъ. Уступайте лучше все другимъ. Не берите на Себя ничего, а паче того, чего исполнить Вамъ невозможно.

6-е.

Умѣряйте честолюбивыя желанія, буде бы они въ Васъ вкрались. Они могутъ привести къ желанію пролитія крови Вашихъ ближнихъ, за которую никто наградить не въ силахъ. Помните непрестанно, что вступать въ войну надобно всегда съ сожалѣніемъ крайнимъ, производить оную какъ возможно короче и въ единственныхъ видахъ продолжительнаго мира; что и самая обязанность командованія арміями есть и долж-

на быть обязанностію начальственной, временною и даже непріятною для добрыхъ Государей; что блаженство народное не заключается въ браняхъ, а въ положеніи мирномъ; что положеніе мирное доставляетъ счастье, свободу, изобиліе посредствомъ законовъ, и, слѣдовательно, изученіе оныхъ, наблюденіе за оными есть настоящее, естественное и неразлучное съ званіемъ Вашимъ дѣло. Въ прочихъ же браняхъ, могущихъ касаться до спасенія отечества, славы и независимости его, идите съ твердостью, какъ славный родъ предковъ Вашихъ подвизался. Вы имѣете предъ глазами примѣръ Брата Вашего, нынѣ царствующаго надъ нами Государя, Который при всей доблести Своей кротокъ и милосердъ, какъ ангель. Въ нуждахъ и необходимыхъ случаяхъ, буде бы отечество потребовало, заплатите Собою, прославьте Себя, принесите отечеству Вашему услугу, хотя бы то стоило самой жизни.

7-е.

Повинуйтесь слѣпо Императору, Брату Вашему. Вы должны быть извѣрнѣйшихъ Его подданныхъ.

8-е.

Если придетъ время командовать Вамъ частями войскъ, сколь бы велики онѣ или малы ни были, да будетъ первѣйшее Ваше стараніе о содержаніи ихъ вообще и о призрѣніи больныхъ и страждущихъ. Старайтесь улучшить положеніе каждаго, не требуйте отъ людей невозможнаго. Доставьте имъ прежде нужный и необходимый покой, а потомъ уже требуйте точнаго и строгаго исполненія истинной службы. Крикъ и угрозы только что раздражаютъ, а пользы Вамъ не принесутъ. По службѣ надобно неминуемо людьми запасаться. Я выше упомянулъ, какъ должно стараться познавать ихъ; теперь прибавлю, что опредѣленіемъ людей въ мѣста низшія есть средство испытать, способны ли они къ мѣстамъ высшимъ. Слѣдуйте за ними въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ. Не теряйте ихъ никогда изъ вида. Знайте, что они дѣлаютъ, приказывайте имъ отдать Вамъ отчетъ въ ихъ порученіяхъ. Вы увидите свойство ихъ по тому обороту, какой они примутъ и дадутъ каждому дѣлу.

9-е.

Поверхностное и съ перваго взгляда о людяхъ сужденіе почти всегда обманчиво. Многіе не такъ кажутся, какъ они въ самомъ дѣлѣ есть. Одно основательное и не весьма скорое движеніе ума прочно въ заключеніяхъ.

10-е.

Крайне остерегаться надобно пристрастія. Предпочитая недостойнаго предъ достойнѣйшимъ, оскорбляется послѣдній и соревнованіе уничтожается.

11-е.

Буде случится Вамъ быть въ военныхъ дѣйствіяхъ, принимайте совѣтъ людей опытныхъ, обдумайте оный, прежде нежели рѣшились дѣйствовать. Не открывайте намѣреній Вашихъ, дабы тайна не подвергалась преждевременному разглашенію.

12-е.

Украшайте Себя познаніями военными, по склонностямъ Вашимъ. Подробности службы знать необходимо нужно по опыту, но до извѣстной степени, и для того болѣе, чтобъ умѣть взыскать оную на подчиненныхъ. Вамъ предстоитъ обширное поле. Учитесь быть искусными полководцами. Сіе званіе требуетъ великихъ познаній, навыка и неогрѣненной довѣренности, которую неминуемо заслужить надобно. Чтеніе лучшихъ военныхъ авторовъ приуготовитъ Васъ въ теоріи, а практика покажетъ Вамъ дальнѣйшія познанія на опытѣ.

Быть можетъ, что откровенное начертаніе сіе покажется Вашимъ Высочествамъ слишкомъ разительнымъ и даже неприличнымъ; но, будучи Вамъ преданъ сердцемъ, не могу я не открыть Вамъ то, что у меня на сердцѣ. Примите великодушно откровенность мою знакомъ приверженности моею къ Государю и отечеству и дайте честь сказать правду

Вашимъ Императорскимъ Высочествамъ,
Милостивымъ Государямъ,
преданнѣйшему слугѣ

П. Коновницыну.

Письмо князя Платона Зубова къ Императору Павлу.

Всемилоствѣннѣйшій Государь!

Облагодѣтельствованный Тобою, Великій Государь, дерзаетъ, обнажая предъ Тобою благодареніемъ преисполненную душу свою, пасть къ стопамъ Твоимъ, и предать судьбу свою Твоей священной волѣ, учини, Государь, съ обожающимъ сердце Твое по добродѣтельному сердцу Твоему.

Совершенное изнеможеніе силъ такъ разстроило здоровье, что, не смотря на все усиліе безпредѣльнаго усердія проистекающее, смутность духа и слабость способностей противъ воли моею воспрепятствуютъ успѣвать по желанію; опасаясь, что не возмогу выполнить ожиданій Государя и Благотворителя моего упущеніемъ чего либо отъ важной для государства должности моею. Въ такомъ разстроенномъ и физическомъ и моральномъ положеніи, противуполагая пользу дѣлъ Твоихъ и Славу Твою собственной пользѣ и честолюбію моему, не могу не предпочесть нервыхъ и не просить Тебя, Великій Государь, отдай мѣста мои достойнѣйшимъ, которые бы лучше могли исполнить священную волю Твою, ко благу

общему, а меня уволь отъ всѣхъ дѣлъ, дабы я, поправя здоровье, разсѣявъ воспоминанія, собравъ мысли, устрою голову и укрѣпя духъ мой, возмогъ съ какою либо пользою посвятить Тебѣ всѣ дни жизни моей, да и самую жизнь мою.

Прости, Государь, дерзновеніе, что собою занимаю драгоценные часы Твои отечеству. Благоволеніе Твое цѣня превыше всѣхъ благъ на свѣтѣ, яшу сохранить оное, и чувствуя что погаслыя возможности, не смотря на всѣ усилія, усердіе и благодарности, удобны утратить оное, признаю предъ Тобою недостатки мои и молю Тебя достави мнѣ необходимое успокоеніе, сохрани мнѣ благодать Твою, уволь меня съ благоволеніемъ, да и предъ цѣлымъ свѣтомъ, и въ уединеніи моемъ предъ Всемогущимъ Богомъ, благодарностью преисполненная душа моя восхвадитъ и возвеличитъ великодушіе, милосердіе и всѣ христіанскія добродѣтели чувствительнаго сердца Твоего. Упадая къ Священнымъ Стопамъ Твоимъ, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ до конца дней моихъ пребуду

Всемиловѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества
вѣрнѣйшій подданный

Князь Платонъ Зубовъ.

3 Декабря
1796 г.
С. -Петербургъ.

Порядокъ опредѣленія площадныхъ подъячихъ (нотариусовъ) въ XVII вѣкѣ.

1. Челобитная.

Царю Государю и великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи объетъ челомъ холопъ твой Ивановскіе Площади подъячишко Куземко Дмитріевъ. Милосердыи Государь царь и великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи, пожалуй меня холопа своего вели Государь мнѣ на Ивановской площади писать крѣпости на Афонкино мѣсто Бѣлово, а тотъ Аѳонасей съ Москвы съѣхалъ съ писцы въ письмо Царь Государь смилуйся пожалуй *Помѣти* а153 года Октябрь въ 30 день выписать и старость допросить есть ли выбылое мѣсто.

2. Поручная записка по Кузьмѣ Дмитріевъ.

Се язь Степанъ Григорьевъ сынъ Луковъ, да язь Сила Ермолаевъ сынъ Казариновъ, да язь Иванъ Ивановъ сынъ Кольцовъ, да язь Борисъ Ивановъ (Слѣдуютъ еще имена) всѣ мы Ивановскіе Площади подъячіе поручились еина приказу Казеннаго двора Приставу Ивану Черновину по Площаднымъ же подъячемъ по Куземке Дмитріеве Белозере въ томъ писаша ему Куземке за нашею порукою на площади у Ивана Великаго

записи и кабалы заемныя и вотчинныя и всякія крѣпости, у будучи ему Куземке за нашею порукою на площади, въ площадномъ письмѣ никакимъ воровствомъ не воровать и записей воровскихъ и никакихъ крѣпостей за очи не имать и рукъ ни чьихъ не подписывать и ни какимъ воровскимъ письмомъ не воровать, а которые Московскіе всляныхъ чиновъ люди грамотѣ не умѣютъ и въ тѣхъ мѣсто къ крепостемъ велѣтъ руки прикладывать Московскимъ людямъ кому они вѣрятъ, а пріѣзжимъ городовымъ никакимъ людямъ вмѣсто Московскихъ людей рукъ прикладывать не велѣтъ, а велѣтъ прикладывать руки отцамъ ихъ духовнымъ, а будетъ съ отцомъ духовнымъ вражда или близко нѣтъ и вмѣсто велѣтъ прикладывать руки роду ихъ и племени ближнимъ или кто кому вѣритъ, и вмѣсто городскихъ всѣхъ чиновъ людей велѣтъ прикладывать роду ихъ и племени городовымъ же людямъ или московскимъ кому они вѣрятъ, а будетъ онъ Куземка, будучи на площади за нашею порукою учнетъ какія воровскія крѣпости писать, или у какой нибудь крѣпости чью руку подпишетъ, или въ площадномъ письмѣ учнетъ какимъ воровствомъ воровати и на насъ на поручикахъ пеня Государя Царя великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи а пеню что Государь укажетъ, а кой изъ насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ Государева пеня и порука, и на то послуги Демидъ Холмовъ, а запись писалъ Куземка Дмитріевъ самъ на себя и на поручиковъ своихъ своею рукою. Лѣта семь-тысячъ сто пять-десять третьяго году Ноября 29 дня.

3. Скаска старостъ.

Лѣта 153—Іюль въ 17 день Ивановскія площади подъячихъ старосты Власъ Перфильевъ, Демидъ Холмовъ, ставъ въ приказѣ на Казенномъ дворѣ передъ казначеємъ передъ Богданомъ Миничемъ Дубровскимъ, да передъ Дьяки Григорьемъ Понкратьевымъ да Олмазомъ Ивановымъ сказали: Ивановскія площади про подъячаго про Аеонасія Бѣлова, что онъ съ Москвы съѣхалъ и пишетъ съ писцомъ въ Шацкомъ увздѣ другою годъ. А на его мѣсто билъ челомъ писать на площади Кузма Дмитріевъ и онъ человекъ добрый, а воровства мы за нимъ прежь сего никакова ни въ чемъ не смечали и не знаемъ. То наша и скаска, а скаску писалъ я Власовъ своею рукою. Къ сей скаскѣ староста Демидъ Холмовъ руку приложилъ.

Донесеніе князя Прозоровскаго объ истребленіи бібліотеки
Новикова.

Всемилюстивѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества Указа разборъ бібліотекъ Новикова опредѣленными отъ Духовнаго Правитель-

ства и отъ Московскаго Университета конченъ. 1964 книги отданы въ Законодательную Академію, а 5194 въ Университетъ; прочія же вредныя и не позволенныя истреблены купно съ таковыми же, отобранными въ лавкахъ привезенными изъ деревни Новикова и хранившимися отъ прежняго разбору въ Синодальной Конторѣ. Число же всѣхъ истребленныхъ 18656 экземпляровъ.

Всемилоствѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшій Нязь А. А. Прозоровскій.

Декабря 12 дня
1738 года
Москва.

Указъ Императрицы Елизаветы о формѣ придворныхъ ливрейныхъ служителей.

Ея Императорское Величество Самодержица Всероссийская именнымъ Своего Императорскаго Величества указомъ изволила указать Двора Своего Императорскаго Величества нижепоказаннымъ Ливрейнымъ служителямъ Камеръ-Пажамъ, Пажамъ, Камеръ-Лакеямъ, Лакеямъ, Гайдукамъ и Скороходамъ, будущаго 1740 года Генваря съ 1-го числа имѣть ординарную придворную Ливрею желтаго и чернаго цвѣтовъ, а именно: кафтаны и штаны изъ желтаго, камзолы и на кафтанахъ обшлага изъ чернаго суконъ съ подкладкою подъ кафтанами желтаго, а подъ камзолами бѣлаго стамедовъ; пугвицы у Камеръ-Пажей и Пажей серебряныя, петли обшивны паргаментомъ серебрянымъ, а для отмѣты передъ Пажами у Камеръ-Пажей на камзолахъ по борту позументъ серебряной; у Камеръ-Лакеевъ, Лакеевъ и Гайдуковъ и Скороходовъ пугвицы серебряныя, петли обшивныя подъ цвѣтъ сукномъ Гарусныя, а для отмѣны передъ Лакеями, Камеръ-Лакеями на камзолахъ по борту позументъ серебряной; тако въшитъ и епанчи изъ желтаго сукна съ подкладкою стамеду желтаго съ обшивными пугвицами того же желтаго сукна.

Вѣдомость о числѣ учениковъ въ народныхъ училищахъ С.-Петербургской губерніи въ 1784 г.

1) Въ Исаіевскомъ	120
2) » Вознесенскомъ	176
3) » Владимірскомъ	208
4) » Семеновскомъ	142
5) » Андреевскомъ	150
6) » Введенскомъ	125
7) » Самсоньевскомъ	34
8) » Шлюссельбургскомъ (откр. въ 1785 г.)	63

- 9) > Бронштадтскомъ (д^о) . . . 75
 10) > Главномъ-училищѣ (д^о) . . . 385
 11) > Софійскомъ (откр. въ 1784 г.) 64
 12) > Казанскомъ (откр. въ 1784 г.) 168

Всего 1710

Въ этомъ числѣ 146 дѣвочекъ и 1564 мальчика.

Опись картинамъ, купленнымъ по приказанію Петра Великаго въ Венеціи.

№ 1. Образъ Спасителявъ, писанъ на камнѣ чрезъ аутора Тиціана, дано за оный	3 ефимка.
2. Исторія объ Ноѣ, аутора Редолфи Белуно	7 >
3. Исторія о Лотѣ, аутора сего же	7 >
4. Образъ Св. Іеронима, аутора Лота.	
5. Исторія о блудницѣ, аутора Целестія.	
6. Исторія о Юдифѣ и Олофернѣ, его же.	
7.	
8. Баталія, аутора Сіонъ.	} За всѣ эти картины запла- чено 216 ефим.
9. Баталія, его же.	
10. Глава стараго мужа, аутора Беслото.	
11. Глава старой жены, его же.	
12. Баталія, аутора Лимма.	
13. Пристань морская, его же.	
14. { Двѣ картины съ фруктами, аутора Прете.	
15. { Генуезе.	
16. { Двѣ картины съ животными.	
17. {	
18. Персона женская нагая, аутора Кавалери Либерія, дано 13 ефим.	
19. Св. Іеронима, нынѣшняго новаго аутора Іозеніи, дано 6 еф.	
20. Образъ Маріи Магдалины, его же	6.

А всего дано 258 ефимк.

Сто лѣтъ назадъ.

(Ноябрь 1785. года.)

При Дворѣ.

Императрица, съ тѣхъ поръ какъ возвратилась въ городъ, ведетъ жизнь очень аккуратную: встаетъ въ 6 ч. утра; выпивъ чашку кофе, проходитъ въ Эрмитажъ, и тамъ до 9 часовъ занимается выписками; по-

томъ являются къ ней Безбородко и пр. лица съ докладами по Государственнымъ дѣламъ; въ 11 часовъ Императрица возвращается въ свои комнаты и, во время туалета, забавляется съ внуками и внучками. Одѣвшись Императрица возвращается къ обѣду въ Эрмитажъ. Столъ готовится да въ залѣ, возлѣ зимняго садика.—Въ обыкновенные дни, къ столу приглашались не многіе, и въ числѣ ихъ почти постоянно: камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова, оберъ-штальмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, гофмаршалъ князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій и флигель-адъютантъ Александръ Петровичъ Ермоловъ.—Потемкинъ являлся къ обѣду только въ воскресные и торжественные дни; въ придворныхъ кружкахъ много было толковъ, что онъ не въ милости, но это было только пустой слухъ, распространяемый его врагами. Послѣ обѣда, отдохнувъ въ внутреннихъ покояхъ, Императрица возвращалась въ Эрмитажъ, гдѣ кормила орѣхами бѣлку (*Scureuil blanc*), которую сама сдѣлала ручною; потомъ играла нѣсколько партій въ биллиардъ, разсматривала эстампы, картины и подъ конецъ забавлялась обезьяною, которая всегда заставляла ее хохотать своими проказами. Въ 4 час. Императрица возвращалась въ свой кабинетъ и тамъ писала или читала до 6 часовъ, потомъ выходила въ комнату гдѣ вещи брилліантовые, играла здѣсь съ приближенными въ карты или въ шахматы до 8 часовъ, а потомъ до 10 часовъ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ оканчивала вечеръ въ кругу самыхъ близкихъ лицъ; въ 11 часовъ ложилась спать.

16-го Ноября, послѣ обѣда, въ 4 часа, Императрица съ Великими Князьями Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ присутствовала на пробѣ комическихъ оперъ, которая происходила въ Новомъ Эрмитажномъ Театрѣ. 20-го Ноября она писала къ Барону Гриму: «Quarenghi est venu pour me parler du charmant théâtre qu'il a construit au bout de l'hermitage, qui présentement passe le canal par un arc et se perd dans le vieux Palais de Pierre 1, autrement dit le corpus, ou demeure tout ce qui appartient au theatre russe. Je ressemble donc à Gustave III de ce côté-là, à cela près qu'il raffole des spectacles et que je ne m'en soucie point du tout. (Сбор. Истор. Об. т. 23, стр. 372.)

21 Ноября, въ пятницу, въ день праздника Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, праздновалось при Дворѣ воспоминаніе о выздоровленіи въ этотъ день Императрицы отъ оспы. Съѣздъ ко Двору былъ огромный: всѣ придворные, Дворянство, Иностранные посланники и штабъ и оберъ-офицеры Семеновскаго полка, для котораго этотъ день былъ храмовымъ полковымъ праздникомъ.—Но Императрица не совсѣмъ была здорова и выхода Высочайшаго, какъ всѣ ожидали, въ церковь не было. Императрица слушала литургію изъ внутреннихъ своихъ комнатъ, съ антресолью. Поздравленія принимали Великій Князь Павелъ Петровичъ съ Великою Княгинею. Семеновскій полкъ выстроившійся передъ Дворцомъ поздравилъ «музыкою и барабаннымъ боемъ». Приглашенныхъ на обѣдъ.

въ Императрицѣ было только 9 человекъ: Александръ Александровичъ Нарышкинъ, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Иванъ Ивановичъ Шукатовъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, Николай Ивановичъ Салтыковъ, Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій, Василій Ивановичъ Левашевъ и Александръ Петровичъ Ермоловъ.

24 Ноября, въ день Тезоименитства Императрицы, съ утра собирались передъ Дворцомъ Гвардейскіе полки съ развернутыми знаменами въ полномъ составѣ. Съ 11-го часа утра, экипажи тянулись вереницею къ дворцовымъ подъездамъ. Все что было знатнаго въ Петербургѣ, всѣ торопились поспѣть къ Высочайшему парадному выходу. Старики, какъ Графъ Кириллъ Григорьевъ Разумовскій и Графъ Эрнестъ фонъ Минихъ, рѣдко выѣзжавшіе, ободрились, Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ выздоровѣлъ. Для полного торжества недоставало Великой Княгини Маріи Фёдоровны, которая по нездоровью не выходила изъ своихъ комнатъ. Въ Придворной Церкви, на литургіи, совершенной Духовникомъ, проповѣдь, соотвѣтственную торжеству, говорилъ Амвросій, Епископъ Олонекій и Каргопольскій.

Окончилась Литургія, загремѣли пушки съ Петропавловской и съ Адмиралтейской крѣпостей и грянула музыка съ барабаннымъ боемъ въ Гвардейскихъ полкахъ, стоявшихъ передъ Дворцомъ. Въ это же время, всѣ присутствовавшіе въ церкви приносили поздравленіе Императрицѣ и Великому Князю Павлу Петровичу, а Гаврилъ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, сказала Императрицѣ краткое привѣтственное слово. Всѣ жалованы были къ рукѣ; къ парадному обѣду, въ столовой залѣ, приглашено было 30 персонъ, обѣдъ кончали въ 2 часа. — Вечеромъ, въ Галлерей, былъ балъ въ присутствіи Императрицы, Великаго Князя Цесаревича и Великихъ Князей.

Орденскій праздникъ военнаго Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія былъ торжествованъ при дворѣ, по тому же церемоніалу, какъ и въ предъшествовавшіе годы. Поутру въ 12 часу Высочайшій парадный выходъ къ Литургіи въ Придворную большую церковь. Поздравленія въ церкви и въ парадныхъ покояхъ отъ всѣхъ присутствующихъ. Торжественный обѣдъ въ Галлерей, исключительно только съ Кавалерами Георгіевскаго Ордена. Цесаревичъ не присутствовалъ какъ неизбѣжный этого ордена. Всѣхъ было 34 человекъ Кавалеровъ. За столомъ съ правой и съ лѣвой стороны возлѣ Императрицы сидѣли Кавалеры 2-го класса: Генералъ Аншефъ Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ Фельдмаршалъ Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ и Генералъ Поручикъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Во время стола «играла Итальянская вокальная и инструментальная музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ». Вечеромъ въ Галлерей балъ, окончившійся въ 8 часовъ вечера.

Кавалерскій праздникъ Ордена Св. Андрея Первозваннаго, 30 Ноября, въ Воскресеніе былъ еще торжественнѣе. Въ половинѣ 12 часа началось церемоніальное шествіе Императрицы въ Придворную большую церковь;—шествіе открывали Камеръ фурьеръ и Гофъ фурьеръ, за ними Оберъ Церемонимейстеръ и Церемонимейстеръ съ ихъ значками, потомъ Кавалеры Ордена, по старшинству: младшіе впереди. Старшими оказались Великіе Князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ; старшинство это было предоставлено Имъ какъ Членамъ Императорской Фамиліи. Великій Князь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ не участвовалъ въ выходѣ, былъ у обѣдни въ малой Придворной церкви и какъ Онъ, такъ и Великіе Князья во весь день не приходили къ Императрицѣ. Послѣ Великихъ Князей старшій изъ присутствовавшихъ Кавалеровъ Андреевскаго Ордена былъ Оберъ Шенкъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ, младшимъ изъ кавалеровъ былъ Вице Канцлеръ Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ. За кавалерами шли Оберъ Гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ и Гофмаршалъ Князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій съ ихъ жезлами. За ними Императрица въ блестящемъ Гроссмейстерскомъ уборѣ съ малою короною на головѣ.—Предъ Императрицею, не много подала съ правой стороны, шелъ дежурный Генералъ Адъютантъ Графъ Ангальтъ. Шлейфъ мантии Императрицы несли четыре камергера, а середину конца поддерживалъ за Оберъ Камергера Старшій Камергеръ. Литургію совершалъ соборомъ духовникъ Ея Величества, а проповѣдь говорилъ Архимандритъ Евеналій. Послѣ литургіи съ обѣихъ крѣпостей производилась пушечная пальба. По возвращеніи изъ церкви въ парадныхъ покоехъ приносили Императрицѣ поздравленіе и жалованы къ рукѣ Чужестранные Министры и всѣ прочіе пріѣхавшіе во Дворецъ поздравить Императрицу. Во время стола пили кубкомъ за здравіе Императрицы и за здравіе Кавалеровъ Ордена. Кубокъ подавалъ Императрицѣ Оберъ Гофмаршалъ, за Ее стуломъ служили Камергеръ и Камеръ Юнкеръ, а за Кавалерами Ордена Пажі. Кушанье раздавалъ Камергеръ Иванъ Васильевичъ Несвицкой. — Вечеромъ въ галлерей былъ балъ, кончившійся въ 9 часовъ вечера.

Москва.

Представленія на *Петровскомъ Театрѣ*.

2-го Ноября: Малая Комедія: Выдуманный Кладъ въ 1 д. соч. Актера *Соколова*, послѣ оной опера *Тунисской Паша*.

5. Ноября. Большая мѣщанская Трагедія: Беверлей въ 5 д. прв. съ Француз. прозою Ив. Дмитревскаго, и Опера Новое Семейство в. 1 д. Г. Вязмитинова.

9 Ноября. Опера *Добрыя Солдаты* въ 3 д. Г. Хераскова и новый балетъ никогда на здѣшнемъ Театрѣ не танцованный: Любовь между

оружія или женщина, подговаривающая воиновъ къ любви, сочин.: Морелли.

12 Ноября. Трагедія *Сорена* и малая Опера *Любовная ссора*.

16 Ноября. Малая Пьеса *Влюбленный Слѣпецъ* въ 1 д. соч. Актера И. Соколова и послѣ оной большая Опера: *Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ* въ 3 д. соч. А. Аблесимова. По окончаніи спектакля Первый Маскарадъ. «Почтенные Члены редута могутъ входить въ оныя маскарады съ редутными билетами». (Спб. вѣд. п° 92).

19 Ноября. Большая Комедія: *Севильскій цирюльникъ* или *Безполезная предосторожность* въ 4 д. г. Бомарше пер. съ Франц. въ Ярославль, послѣ оной Опера *Бочаръ* в. 1 д. перев. съ франц. Ѳ. Генша.

20 Ноября. Большая Опера: *Калифъ на часъ* въ 4 д. Князя Дм. Горчакова и балетъ «по содержанію оной».

24 Ноября. Большая Комедія *Три Султанши* и балетъ по содержанію оной, а послѣ спектакля маскарадъ.

26 Ноября. Большая Комедія *Ревнивой*, а послѣ оной Малая Опера *Опекунь-учитель*.

28 Ноября. Большая Комедія: *Только шесть бродъ*, а послѣ Малая Опера: *Говорящая Картина*.

30 Ноября. Трагедія: *Маломедъ* въ 5 д. соч. Вольтера перв. съ француз. стихами Павель Сергѣе. Потемкинъ, за тѣмъ балетъ и Маскарадъ.

Объявленія.

Въ 15-й части, 3-го квартала, подъ п° 250, во второй Мещанской, въ приходѣ Андріана и Наталіи, продается мальчикъ 16 лѣтъ, цѣна 170 рублей (п°92).

Музыкантъ, совершенно играющій на гуслияхъ симфоніи, сонаты, балеты, польскіе минуэты и прочее, желаетъ брать мальчиковъ для обученія играть на своемъ инструментѣ и самъ итти къ желающимъ въ домъ для игранія и услуги. Онъ живетъ у Калужскихъ воротъ, въ приходѣ Казанской Богородицы, въ домѣ г-жи Квашниной. При томъ же если кто пожелаетъ купить у него гусли, то онъ и ихъ продать можетъ (п°89).

Желающіе изъ господъ принять къ себѣ въ домъ гуслиста, могутъ его сыскать въ домѣ Князя Александровича Долгорукова, на Поварской п°183.

Московскій Мѣшанинъ Василій Смирновъ свѣчнаго сальнаго цѣху мастеръ, имѣетъ искусство дѣлать полувосковыя новоманерныя свѣчи. а на какой манеръ оныя свѣчи будутъ, какое званіе имъ и какое дѣйствіе отъ нихъ происходитъ будетъ, предъ продажею ихъ объявится. Желающіе таковыя свѣчи привезть въ употребленіе могутъ спросить объ

ономъ мастерѣ у Тронцы подъ Горой, у торгующаго въ сапожномъ ряду Ивана Васильева.

Ноября 25 въ Московскомъ при Университетѣ Вольномъ Благородномъ Пансіонѣ назначенъ былъ Публичный Экзаменъ, на который приглашены, какъ родители и родственники находящихся въ Пансіонѣ благородныхъ Питомцевъ, такъ и прочіе знаменитые любители науки (№ 94 Моск. вѣд.).

Нижній-Новгородъ.

Открытіе присутственныхъ мѣстъ.

С.-Петерб. Вѣд., № 99.

Нижній-Новгородъ 21 ноября. При отправленіи сего дня торжества о выздоровленіи Ея Императорскаго Величества отъ оспы, происходило здѣсь и вступленіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ новоотстроенное на пожалованную отъ Ея Величества сумму великолѣпное каменное зданіе. Всѣ присутствующіе въ 8 часовъ утра собрались въ домъ г. Правителя Генералъ Маіора и Кавалера Ивана Савиновича Бѣлавина; отсюда они слѣдовали въ домъ правящаго должность Генералъ Губернатора г. Генералъ Порутчика и Кавалера Ивана Михайловича Ребиндера. Отсюда правящій должность Генералъ Губернатора съ господами присутствующими отправились въ соборную церковь для слушанія Божественной Литургіи. Преосвященный Дамаскинъ, Епископъ, совершивъ съ знатнымъ духовенствомъ Литургію, говорилъ приличное слово, какъ для сего торжества, такъ и вступленія присутствующихъ въ новыя мѣста съ сильными доказательствами. По окончаніи сего правящій должность Генералъ Губернатора со всѣми чинами слѣдовали въ новыя присутственныя мѣста. Когда все собраніе вошло въ залъ Намѣстническаго Правленія, тогда всякое присутственное мѣсто, подъ начальствомъ своихъ Предсѣдателей, раздѣлилось и вступило въ назначенныя каждому покои. Послѣ того какъ Преосвященный совершилъ водоосвященіе и окропилъ святою водою всѣ присутственныя мѣста, г. Директоръ домоводства Прокудинъ въ полномъ собраніи говорилъ отъ лица всего благороднаго дворянства, купечества и гражданства благодарную Ея Императорскому Величеству рѣчь. По окончаніи такимъ образомъ введенія присутственныхъ мѣстъ господиномъ правящимъ должность Генералъ Губернатора всѣ присутствующіе угощены были обѣденнымъ столомъ; а въ вечеру данъ былъ балъ; новыяжъ присутственныя мѣста и градское укрѣпленіе были иллюминированы.

Извѣстія изъ чужихъ краевъ.

Римъ 19 Ноября.

Въ городѣ Трани появившееся случайно изъ земли тѣло нѣкотораго Епископа, скончавшагося предъ симъ за четыреста лѣтъ, найдено не поврежденнымъ; даже и самая длинная его борода находится въ цѣлости; и къ вящему удивленію облаченъ онъ въ Папскую одежду, которая такъ нова, какъ будто-бъ недавно на него надѣта, и вслѣдствіе того писано изъ означеннаго города къ Неаполитанскому Архіепископу для полученія отъ него наставленій и что при такомъ чудѣ дѣлать надлежитъ (Деп.).

Римъ 26 Ноября.

Въ среду на прошлой недѣлѣ пріѣхала сюда изъ Флоренці славная стихослагательница Корилла, стала въ нѣкоторомъ хорошо расположенномъ домѣ на Марсовомъ полѣ и, по принятіи разныхъ лицъ, приходившихъ къ ней для посѣщенія, въ слѣдующій день продолжала путь свой въ Неаполь съ тѣмъ, чтобы своими стихами забавлять находящуюся въ беременности Ея Величество Королеву (Деп.).

Лондонъ 4 Ноября.

Король, желая, чтобы Принцъ Валлійскій ѣхалъ въ чужіе края, требовалъ отъ него, чтобы онъ посѣтилъ тайно ГанOVERь и Берлинъ, но сынъ говорилъ своимъ знакомымъ, что лишь бы онъ былъ по ту сторону моря, то поѣдетъ куда ему приятно будетъ. Потомъ отецъ уговаривалъ жениться на Оранской Принцессѣ, обѣщая заплатить его долгъ, подарить 100 тыс. ф. стерлинговъ для отстройки его дома, и прибавить 100 тыс. ф. стерлинговъ ежегодно для его содержанія. Принцъ Валлійскій отказалъ и теперь отецъ съ сыномъ въ пушей ссорѣ (Деп.).

Лондонъ 11 Ноаб.

Празднуемый всегда здѣшними жителями день приведенія къ присягѣ новаго Лорда Маіора едва не сдѣлался въ нынѣшнемъ году днемъ кончины перваго нашего министра Г. Питта; возвращаясь съ цира въ Гилдгалъ ввечеру нарочито поздно, онъ увидѣлъ вдругъ карету свою окруженную небольшимъ обществомъ черни, которая конечно бы его умертвила, есть ли бы его не защитили отчасти собственные его слуги и отчасти и посторонніе люди. Впрочемъ какъ самъ Г. Питтъ, такъ карета его и слугители избиты были камнями и закиданы грязью такъ, что при возвращенія въ домъ и узнать ихъ не можно было.

Лондонъ 29 Ноаб.

Въ прошлую пятницу Христофоръ Аткинсонъ бывшій членъ Парламента, по изгнаніи изъ онаго, просидѣвъ 12 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и заплативъ денежную цену, выставленъ былъ на эшафотъ. По повелѣнію Шерифовъ на биржѣ на столбахъ прибиты были записки слѣдующаго содержанія: Христофоръ Аткинсонъ Эскв. за влывонарушеніе. По проше-

ствіи часа онъ сведенъ былъ палачомъ съ эшафота, препровождаемый свистомъ и ругательствами отъ народа. Въ память сего онъ далъ въ тюрьмѣ Боролевскаго Банка великолѣпный обѣденный столъ на 100 куввертовъ, къ которому приглашены были его друзья—различные Члены Парламента противной Министерству стороны.

Лейпцигъ 9 Ноября.

Книжная жатва не весьма изобильна была въ нынѣшнемъ году. Можетъ быть сіе происходитъ потому, что многіе писатели начали болѣе думать, нежели писать. Число вышедшихъ сочиненій простирается только до 897, въ числѣ коихъ находилось 791 оригинальныхъ и слѣдовательно оныхъ было 1000 меньше, нежели въ прошломъ году. Богословскихъ сочиненій было гораздо болѣе, а за ними Историческихъ и Статистическихъ. Романовъ вышло только 47.

Генуи 27 Ноября.

Въ минувшій понедѣльникъ, то есть 25 Ноября, производилось здѣсь торжествованіе коронаціи Дожа. На послѣдующій день былъ столъ публичный для дворянства, къ которому и Министры чужестранные приглашены были; но какъ онымъ токмо всѣмъ собравшимся вообще, а не каждому частно, мѣсто уступается, то никто изъ находящихся здѣсь чужестранныхъ Министровъ за онымъ обѣдомъ не присутствовалъ (Деп.).

Нидерланды. Брюссель 23 Нояб.

Г. Бланшаръ предпринялъ 20-го числа шестнадцатое свое воздушное путешествіе. Онъ поднимался весьма высоко отъ земли.

Франція. Парижъ 4 Ноября.

Въ Дюнкеркѣ арестована г-жа Жиллетъ де Бурвиль и привезена въ Бастилю. Она весьма прекрасна и замѣшана по дѣлу Кардинала Рогана.

— Стѣны вокругъ всего Парижа строятся съ желаннымъ успѣхомъ.

Парижъ 11 Ноября.

Королева наша находится беременна. — Молодой Вестрель ѣдетъ опять въ Лондонъ. Въмѣсто сего пѣшаго танцовщика пришлютъ къ намъ Лондонскіе жители нѣсколько конныхъ танцовщиковъ. — Герцогъ Орлеанскій опасно боленъ. — Стѣны вокругъ нашего города уже готовы.

Парижъ 18 Ноября.

Герцогъ Орлеанскій скончался въ Сентъ-Ассиссъ прошедшею ночью. — Третьяго дня умеръ здѣсь Господинъ Шоазель де Праслень — Перъ Франціи. Онъ оставилъ послѣ себя прекрасный кабинетъ картинъ.

Парижъ 21 Ноября.

Завтра дворъ нашъ надѣнетъ на 12 дней трауръ по кончинѣ Герцога Орлеанскаго. Помянутый Бнязь родился 12-го Мая 1725 года; онъ оста-

вилъ послѣ себя сына—Дюкъ де Шартръ и дочь—супругу Герцога Бурбонскаго.

Парижъ 24 Ноября.

Новому Дюку Орлеанскому объявлено 19-го сего мѣсяца, что Его Величество Король предоставляетъ ему между Принцами крови первенство. Доходы нынѣшняго Дюка Орлеанскаго будутъ простираться до $4\frac{1}{2}$ миліоновъ ливровъ.

Швеція. Стокгольмъ 7 Ноября.

На Барона Спарре, Капитана Гвардіи, пало подозрѣніе въ кражѣ, учинившейся минувшаго лѣта въ покояхъ Королевиныхъ. Но Король, особенно расположенный къ Спарре, своимъ вниманіемъ къ нему хотеть разсѣять эти подозрѣнія (Деп.).

Стокгольмъ 22 Ноября.

Его Величество*) не пользуется ни любовію, ни почтеніемъ своего народа. Сему доказательствомъ служить можетъ затѣянное на него подозрѣніе, будто бы онъ подбучилъ Барона Спарре покрасть Королеву въ отищеніе за то, что она отказалась ссудить его деньгами, которыхъ онъ требовалъ у Нея на карманныя издержки (Деп.).

Книги,

публиковавшіяся въ ноябрѣ 1785 года.

- 1) Албука французская новая и полная. С.Пб. 1785 г. 8°.
- 2) „Аристидъ или истинный патриотъ“. Историческая повѣсть. Переводъ съ французскаго. С.Пб. 1780 г. 8°.
- 3) „Басни и сказки“ Н. Н. (Хемницера) въ стихахъ. [Первое изданіе. С.Пб. 8° (безъ означенія года). Второе изданіе часть 1. С.Пб. 1778 г. 8°. Третье изданіе 2 части. С.Пб. 1782 г. 8°. Четвертое изданіе съ жизнью сочинителя части съ фигурами. С.Пб. 1799 г. 8°. Пятое изданіе съ портретомъ сочинителя 3 части. С.Пб. 1811 г.
- 4) „Бесѣды св. Григорія Палама, Архіепископа Фессалоническаго“. Переводъ съ Греческаго. Москва, 1785 г. 8°.
- 5) „Бунтъ первый и главный стрѣлецкій въ Москвѣ 1682 года въ мѣсяцъ маѣ“. Писалъ Александръ Сумароковъ. С.Пб. 1763 г. 8°.
- 6) „Время (во праздности непраздное) изъясляющее сокращенное, но вѣрное понятіе о всѣхъ въ обществѣ вещахъ“. Соч. Ив. Владыкина 5 частей. С.Пб.-Москва 1777—1785 г. 8° (Сошкова н° 2676).
- 7) „Выписки изъ увѣдомленія о послѣднемъ времени жизни Руссо“. Переводъ съ французскаго. С.Пб. 1781 г. 8°.
- 8) „Добродѣтельная Розана“. Соч. г. Лазаревича. С.Пб. 1782 г. 8°.
- 9) „Дорожный Перечень“. 10 коп.
- 10) „Дикій человекъ смѣющийся учености и нравамъ нынѣшняго свѣта“. С.Пб. 1781 г., малый 8°.
- 11) „Диссертація объ изслѣдованіи юридическихъ или о дедукціяхъ судебныхъ дѣлъ“. Соч. г. Дильтея. Москва 1786 г. 8°.
- 12) „Жизнь пѣвотораго мужа и переводъ курьезной души его черезъ Стиксъ

*) Густавъ III.

рѣку, съ приобщеніемъ посланія къ слугамъ Шумиловымъ Ванькѣ и Петрушкѣ“. Соч. Фонъ-Визина. С.Пб. 1780 г. 8^о. (Второе изданіе С.Пб. 1791 г. 8^о. Третье подъ заглавіемъ: „Жизнь нѣкотораго Аввакумовскаго скитника въ Брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, съ посланіемъ къ слугамъ Ванькѣ и Петрушкѣ“. С.Пб. 1805 г. въ 12^о.)

13) „Заговоръ Испанцевъ противъ Венеціанской Республики“, сочиненіе Аббата Сепъ-Реала; переводъ съ французскаго. С.Пб. 1771 г. 8^о.

14) „Златое сочиненіе Самуила, Раввина Іудейскаго, содержащее безпристрастное о Христѣ разсужденіе“. Переводъ съ латинскаго. С.Пб. 1779 г. 8^о. (Второе изданіе С.Пб. 1782 г. 8^о. Третье С.Пб. 1789 г. 8^о.)

15) „Зритель міра и дѣяній человѣческихъ“. Переводъ съ англійскаго Лука Сичкаревъ. Изданіе второе. С.Пб. 1784 г. 8^о. (Первое изданіе было подъ заглавіемъ: „Забавный философъ“.)

16) „Исаака Цермана о началѣ въ свѣтѣ Графскаго достоинства, о должности онаго и о прочемъ“. Переводъ съ латинскаго. Москва 1782 г. 8^о.

17) „Искушеніе Аврааимова“. 40 коп.

18) „Исторія о славномъ Россійскомъ разбойникѣ и потомѣ бывшемъ сыщикѣ Ванькѣ Каинѣ“. Изданіе второе. Москва 1785 г. 8^о.

19) „Камель соблазна или историческое изъясненіе о началѣ и причинѣ раздѣленія Восточной и Западной Церкви“, соч. Епископа Ильи Минятія. Переводъ съ греческаго С. Писаревъ. С.Пб. 1783 г. 8^о.

20) „Картина глупостей нынѣшняго вѣка или страстей различнаго возраста“. Переводъ съ французскаго Князя Алексѣя Голицына. Москва 1782 г. 8^о.

21) „Клеманово путешествіе изъ Вѣны въ Бѣлградъ и Новую Килію, также въ земли Буджадскихъ и Нагайскихъ Татаръ и во весь Крымъ“. Переводъ съ французскаго Ив. Одинцовъ. С.Пб. 1783 г. 8^о.

22) „Книжица, въ ней же повѣсть о расирѣ Павла и Варнавы со Іудействующими“, соч. Θεοφана Прокоповича. 1 р. 80 коп.

23) „Коноваль городской и деревенскій“. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1783 г.

24) „Краснословіе или Риторика“.

25) „Между дѣломъ бездѣлье“. Собраніе разныхъ пѣсенъ съ нотами на три голоса. 2 р.

26) „Милости Аббата“. Исторія древняя и новая. 6 и 7 часть. Москва 1785 г.

27) „Мѣсяцесловъ ординарный на будущій 1786 годъ“. 30 коп.

28) „Наставленіе, ведущее къ удобнѣйшему изученію осьми гласовъ нотнаго пѣнія“. 20 коп.

29) „Наставленіе экономическое дворянамъ, крестьянамъ, поварамъ и поварихамъ“. Соч. С. Друковцовымъ. С.Пб. 1773 г. 8^о. (было три изданія).

30) „Наставленіе юношества въ добродѣтели и должности христіанской“. С.Пб. 1784 г. 8^о.

31) „Опасность городской жизни“—французская повѣсть, соч. г. Арнода. Переводъ съ французскаго Андріянъ Грибовскій. С.Пб. 1784 г. 8^о.

32) „Описаніе физическое Таврической области по ея мѣстоположенію и по всѣмъ тремъ царствамъ природы“, соч. Карломъ Габлицемъ. С.Пб. 1785 г., въ листъ. (Переведено на французскій языкъ въ Брюсселѣ 1789 г. 8^о.)

33) „Опытъ историческій о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа въ Сѣверѣ“, соч. Архангелогородскимъ гражданиномъ Васильемъ Крестининымъ въ 1779 году. С.Пб. 1785 г. 4^о.

34) „Отъ всего поменьшеу или собраніе философическихъ, забавныхъ и любовныхъ матерій“. 2 ч. С.Пб. 1782 г. 8^о.

35) „Пища душевная или душеспасительныя наставленія, укрѣпляющія духъ и подающія силу къ достиженію вратъ вѣчности, выбранныя изъ самыхъ лучшихъ духовныхъ книгъ“. 3 ч. С.Пб. 1784 г. 8°. (Ц. въ 1785 г. 65 к., а у Соликова н^о 8259 уже 2 р.)

36) „Плоды трудовъ прозаическихъ сочиненій Барона Галлера“. Перевелъ съ нѣмецкаго Николай Поливановъ. С.Пб. 1783—1784 г. 8°. (Впоследствии книга имѣла это новое заглавіе: „Увѣщаннныя подвиги людей мудрыхъ и великихъ“. Сов. 8301.)

37) „Повѣсть двухъ несчастныхъ женщинъ“. Переводъ съ французскаго. С.Пб. 1777 г. 8°. 25 коп.

38) „Повѣсть забавная о двухъ Туркахъ въ бытность ихъ во Франціи“. Переводъ съ французскаго. С.Пб. 1764 г. въ 12°. Второе изданіе С.Пб. 1781 г. 8°; третье изданіе въ 1791 г. въ С.Пб. 8°; четвертое изданіе 1799 г. въ С.Пб. 12°.

39) „Повѣствованія нравоучительныя изъ библейскихъ дѣній“, соч. Як. Федерсена. Перевелъ съ нѣмецкаго Петръ Калозинъ. С.Пб. 1785 г. 4°.

40) „Попытка не шутка, а спросъ не бѣда, гдѣ обоего пола особы могутъ посредствомъ простаго метавія двумя косточками на желаемые ими вопросы довольствуемы быть приличными отвѣтами“. (У Соликова н^о 8356. С.Пб. 8°, переводъ съ нѣмецкаго.)

41) „Премудрости житія сына Сирахова (преложенныя) сочиненныя стихами“ А. Засѣдскимъ. Москва 1777 г. 4°.

42) „Размышленія Англійскаго пресвитера Додда и сѣтованія его въ темницѣ съ присовокупленіемъ рѣчи, говоренной имъ предъ самую казнью судьямъ“. Переводъ съ французскаго. С.Пб. 1784 г. 8°. (Второе изданіе С.Пб. 1780 г. въ 12 д. Третье С.Пб. 179—въ 12°/0. Четвертое въ Москвѣ 1799 г. въ 12 д.)

43) „Родственникъ Магомета или цѣлительное дурачество“, сочиненіе нравственное; перевелъ съ французскаго К. Рембовскій. 2 ч. Москва 1785 г. 8°.

44) „Роспись историческая и хронологическая поколѣнная всѣхъ въ Россіи владѣтельныхъ Великихъ Князей, Императоровъ и Императрицъ съ показаніемъ ихъ суругъ, потомковъ и проч.“ Выбрано изъ разныхъ писателей дѣвицею Елисаветою Куселевою, подъ руководствомъ ея учителя Ѡ. Габлицеля. С.Пб. 1785 г. 8° (Соликовъ, н^о 9796).

45) „Русскія пѣсни съ нотами“.

46) „Свойство забавъ и увеселеній человѣческихъ“, соч. г. Галлера. Переводъ съ нѣмецкаго. С.Пб. 1781 г. 8°.

47) „Сила первыхъ склонностей“. Гишпанская повѣсть, соч. Барбіерои. Переводъ съ французскаго. Москва 1762 г. 12°.

48) „Сказки о волшебникахъ съ нравоученіями“. Переводъ съ французскаго. Москва 1768 г. 8°. Второе изданіе Москва 1781 г. въ 12°.

49) „Скрижали нравоученія“, соч. Тихова Епископа Воронежскаго. С.Пб. 1784 г. 8° (имѣетъ еще заглавіе: „Плотъ и духъ“.)

50) „Слава прямая и истинное Величество“. Соч. г. Роллена, переводъ съ французскаго Александра Никольскаго. Москва 1783 г. 8°.

51) „Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ нѣкоторыхъ Россійскихъ писателей. 16 частей. С.Пб. 1783—1784 г. 8°.

52) „Собраніе новостей на 1776 годъ, одиннадцать мѣсяцевъ“. 2 р. 30 к.

53) „Собраніе разныхъ разсужденій, касающихся до словесныхъ наукъ, исторіи и философіи“. Соч. Г. д'Аламберта, перевелъ съ французскаго протоіерея Ивана Хырламова. Часть I. Спб. 1784 г. 8°.

54) „Собравіе 4291 древнихъ Россійскихъ пословицъ“. Москва 1770 г. въ 12°. Второе изданіе. Москва 1778 г. 8°. Третье изданіе. Москва 1787 г. 8°.

55) „Сокращеніе Богослуженія древнихъ Римлянъ со вступленіемъ, касающимся до древности города Рима“, собрано Иваномъ Рижскимъ. Москва 1784 г. 8°.

56) „Сокращеніе всемірной исторіи для наученія отрочества“. Спб. 1785 г. 8°.

57) „Сонникъ или истолкователь сновъ, приключаются спящимъ людямъ съ нужными примѣчаніями, мнѣніемъ двухъ знаменитыхъ писателей о разныхъ видѣніяхъ и причинѣ оныхъ, о сложеніи человѣческаго тѣла и зависящей отъ онаго нравственности, съ 45 извѣстіями о снахъ, какіе кому были, что по онымъ случалось и столѣтняго греческаго старца астрономическая таблица, показывающая знаніе сновъ“. Спб. 1784 г. 8°. Второе изданіе. Спб. 1791 г. въ 8°.

58) „Способъ вѣрный и легчайшій отгадывать на картахъ“. Спб. 1786 г. 8°. (Сониновъ, 11.242.)

59) „Способъ, извѣданный опытомъ, превратить вѣтревую и упрямую жену въ постоянную и послушную“, соч. Г. Мормонтеля. Переводъ съ французскаго. Спб. 1777 г. въ 12°. (Имѣеть другое заглавіе: „Добрый мужъ“.)

60) „Страсти молодого Вертера“, соч. Гёте, переводъ съ нѣмецкаго Ф. Галченкова. 2 ч. Спб. 1781 г. 12°.

61) „Только шесть блюдъ“, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1782 г. 8°.

62) „Увольненіе“, драма изъ сочиненія госпожи Делафать. Переводъ съ французскаго В. Воейкова. Спб. 1785 г. 8°.

63) „Цирцея и Улиссъ“, драма въ 3 дѣйствіяхъ. Москва, 1785 г. 8°.

64) „Человѣкъ въ 40 талеровъ“, съ портретомъ сочинителя, соч. Вольтера, переводъ съ французскаго Галченкова. Спб. 1870 г. 8°. (Съ фигурами. Спб. 1785 г. 8°. Третье изданіе Спб. 1792 г. 8°.)

65) „Штувагъ-Тзе-Итiena, или открытая невѣрность“, китайская повѣсть. 50 коп.

66) „Ясное понятіе древней и новой фортификаціи или военной архитектуры“. 1 р.

67) „Экономическій магазинъ“. Выходилъ въ видѣ прилож. къ *Моск. Вѣд.* Печат. въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Новикова. Въ 1786 г. вышли XXI—XXIV в.

68) „Воспитаніе дѣтей (совершенное)“, соч. Аббата Беллеярда, перев. съ французскаго Сергѣя Волчковъ. Спб. 1747 г. 8°. 50 коп.

69) Тѣ же изданіе второе. Спб. 1769 г. 12°.

70) „Городская и деревенская библіотека“. Москва, въ Университетской тип. Въ 1785 г. вышла X часть.

71) „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“. Выходило приложеніемъ къ *Моск. Вѣд.*, изд. Ник. Ив. Новиковымъ. Печат. въ Москвѣ, въ Университ. тип. Въ 1785 г. вышло 4 части. Въ 1786 г. вышли ч. V, VI и VII.

72) Исіода Аскрейскаго творенія 30. Перев. съ греческаго А. Фруиновской. Спб. 1779 г.

73) „Покоющійся трудолюбецъ“. Издатель Ник. Ив. Новиковъ. Печатано въ Москвѣ въ Университетской типографіи, у Новикова. Въ 1785 г. вышли III и IV ч.

74) „Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ курьозной души его чрезъ Стиксъ рѣку, съ приобщеніемъ посланій къ слугамъ Шумиловымъ, Ванькѣ и Петрушкѣ“, соч. Фонъ Визина. Спб. 1780 г. 8°.

76) Тоже издание второе. Спб. 1791 г. 8°. 40 коп.

76) „Иерусалемо. Творение о нѣмецкомъ языкѣ и учености, возражающее сочинение Его Величества Короля Прусскаго о нѣмецкихъ и словенскихъ наукахъ и ихъ недостаткахъ“. Перевелъ съ нѣмецкаго Андрей Мейеръ. Спб. 1783 г. 25 к.

77) „Исторія естественная для малолѣтнихъ дѣтей“, соч. Георга Христиана Раффа, учителя Исторіи и Географіи въ Геттингенскомъ Университетѣ. Переводъ съ нѣмецкаго В. Левшина. 2 ч. Спб. 1785 г.

78) „Сидней и Силли или благодареніе и благодарность“. Англинская повесть изъ сочиненій Г. Арнода; перев. съ франц. Д. Ив. Фонъ-Визинъ, съ послѣніемъ къ слугамъ Ванькѣ и Петрушкѣ. М. 1769 г. 12°.

79) Тоже издание второе. М. 1787 г. 8°. 30. к.

80) „Растущій виноградъ“, ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ Главнаго Народнаго Училища города Св. Петра. Первая книжка вышла въ апрѣль—маѣ 1785 г.

81) „Путь щастія человѣческаго“, соч. Г. В., перев. съ франц. Василій Юницкій. М. 1772 г. 12°.

82) Тоже издание второе. М. 1782 г. 12°.

83) „Образецъ твердой и вѣрной любви, или приключеніе Турчанки Ксесминды, при крещеніи названной Елисаветою“, переводъ съ французскаго, 2 ч. Спб. 1780 г. 8°.

84) Тоже издание второе. 2 ч. М. 1794 г. 8°. 2 р.

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“

находится складъ слѣдующихъ **НОВЫХЪ** изданій **КОМИССИИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ, СОСТОЯЩЕЙ ПРИ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ:**

1. Очеркъ дѣятельности комиссіи. Москва, 1877 г. Ц. 1 р.
2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реестръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ, 1877 г. Ц. 40 к.
3. Подлинныя акты, относящіяся къ Иверской иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ иконы. Москва, 1879 года. Ц. 50 к.
4. Законы Іоанна III и «Судебникъ» Іоанна IV, съ предисловіемъ Балайдовича и Строева. Москва, 1878 г. Ц. 1 р.
5. Древнія русскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изд. 3-е. Москва, 1878 г. Ц. 2 р.
6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сост. М. Пуццилло. Москва, 1879 г. Ц. 75 к.
7. Обзорніе библіотеки того же Архива. Сост. И. Θ. Токмаковымъ. Ц. 30 коп.
Его же каталоги слѣдующихъ ея отдѣловъ:
8. Славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.
9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей. Ц. 40 к.
10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.
11. Рукописей по юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.
12. Книгъ того же отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.
13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа и рукописей по медицинѣ съ XV вѣка. Ц. 40 к.
14. Книгъ по медицинѣ. Ц. 40 к.
15. Рукописей, относящихся до церковной исторіи. Ц. 40 к.
16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологій, этнографіи и статистики Москвы. Сост. И. Θ. Токмаковымъ. 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к. Вып. II и III—по 75 к.
17. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи. Сост. В. Д. Левинскимъ и И. Θ. Токмаковымъ. 1881 г. Ц. 75 к.

„БУДИЛЬНИКЪ“

I. Будильникъ, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ сатирическихъ журналовъ нашего времени, въ 1886 году вступаетъ въ двадцать второй годъ существованія.

II. Будильникъ, издающійся съ 1864 года подъ новой редакціей, поставилъ себѣ задачей сдѣлаться серьезно-занимательнымъ сатирическимъ журналомъ; изъ текста его, а также изъ художественно-карикатурнаго отдѣла изгнано все, что можетъ оскорблять нравственное чувство и приличіе.

III. Будильникъ съ 1884 года обращаетъ особенное вниманіе на провинціальную общественную жизнь и въ каждомъ номерѣ даетъ страничку карикатуръ (нерѣдко съ портретами мѣстныхъ дѣятелей), посвященную исключительно провинціи, какъ губернской, такъ и уѣздной, не обгяя и крупныхъ селеній.

IV. Будильникъ въ 1886 году дастъ своимъ годовымъ подписчикамъ четыре художественныя и художественно-карикатурныя приложенія-сюрпризы и серьезную премію—

первую русскую комедію „НЕДОРОСЛЬ“ Д. И. фонъ-Визина.

Полный текстъ, съ приложеніемъ семи сценъ, снятыхъ фотографомъ-художникомъ М. М. Пановымъ съ исполнителями этой комедіи въ бывшемъ первомъ народномъ театрѣ въ Москвѣ, и портрета автора комедіи. Въ сценахъ-группахъ фигурируютъ портреты лучшихъ бывшихъ и настоящихъ провинціальныхъ актеровъ: Рыбакова (покойнаго), Макшеева, Стрыжковъ-й, Соколова-Гладкова и др. Всѣ снимки исполнены фототипіей въ большомъ форматѣ, по образцу прошлогдней юбилейной преміи „Будильника“. Директоръ бывшаго народнаго театра, известный драматургъ А. Ф. Федотовъ, любезно согласился написать къ этому изданію предисловіе— исторію перваго народнаго театра и очеркъ значенія такого театра для государства и народа.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

съ бесплатными приложеніями-сюрпризами.

Съ перес. во всѣ мѣстности Имперіи:
 На годъ . . . . . 9 р. — к.
 На 6 мѣсяцевъ . . . . . 5 р. — к.
 Въ Москвѣ, съ доставкой на домъ:
 На годъ . . . . . 8 р. — к.
 На 6 мѣсяцевъ . . . . . 4 р. 50 к.
 Въ Москвѣ, безъ доставки на домъ:
 На годъ . . . . . 7 р. — к.
 На 6 мѣсяцевъ . . . . . 4 р. — к.

съ правомъ на полученіе преміи „НЕДОРОСЛЬ“.

Съ перес. во всѣ мѣстности Имперіи:
 На годъ . . . . . 10 р. — к.
 На 6 мѣсяцевъ . . . . . 6 р. — к.
 Въ Москвѣ, съ доставкой на домъ:
 На годъ . . . . . 9 р. — к.
 На 6 мѣсяцевъ . . . . . 5 р. 50 к.
 Въ Москвѣ, безъ доставки на домъ:
 На годъ . . . . . 8 р. — к.
 На 6 мѣсяцевъ . . . . . 5 р. — к.

Пересылка за границу по особому тарифу.

Разрочка подписной сумми, по соглашенію съ главной конторой „Будильника“, допускается для служащихъ въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, за рутательствомъ назначенъ этихъ учрежденій. Заявленія на полученіе „Будильника“ адресуются: въ Москву, въ редакцію „Будильника“—Тверская, домъ бывш. Малшеля.

Годовымъ подписчикамъ на 1886 годъ юбилейная премія прошлаго года („Ревизоръ“ Гоголя), оставшаяся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, уступается за три рубля, т.е. за половину цѣну этой книги въ отдѣльной продажѣ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Ноябрь

1885 года.

Содержаніе: I. Книжки: Беллетристика.—Философія и психологія.—Исторія.—Географія, этнографія и антропологія.—Политическая экономія и юридическія науки.—Естествознаніе.—Медицина и гигиена.—Педагогика, дѣтскія книги и изданія для народа, учебники. II. Периодическія изданія: Русскіе, нѣмецкіе и польскіе журналы. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Объясненія.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Вторая книжка рассказовъ“. *Вс. Гаршина*. — „Кого жалеть?“ *Кн. Э. Ужтомскаго*. — Стихотворенія Гейне, въ перев. *А. Л. Шкаффа*.

Вторая книжка рассказовъ. Всеволода Гаршина. Спб., 1885 г. Немногочисленные и небольшіе по размаху рассказы и повѣсти г. Гаршина заслужили ему извѣстность и симпатіи всѣхъ, интересующихся литературой. Глубина и искренность гуманнаго чувства, вложеннаго во всѣ его произведенія, составляютъ главное ихъ достоинство и придаютъ имъ особенную прелесть. Во *Второй книжкѣ* помѣщено шесть рассказовъ: *Денщикъ и офицеръ*, *Изъ воспоминаній рядоваго Иванова*, *Красный цѣпкокъ*, *Медведи*, *Сказка о жабѣ и розѣ* и *Надежда Николаевна*. Большинству русскихъ читателей всѣ эти рассказы хорошо извѣстны, такъ какъ они печатались въ *Отечественныхъ Запискахъ*, и послѣдній изъ нихъ—въ *Русской Мысли*. Но со времени появленія въ свѣтъ первыхъ прошло уже нѣсколько лѣтъ; подрастающему поколѣнію они могли бы остаться неизвѣстными, затеряться въ старыхъ журналахъ; а именно теперь-то болѣе, чѣмъ когда-нибудь, полезно знакомить молодежь съ такими произведеніями, которыя безспорно должны быть признаны художественными и честными, и многозначущими въ силу вложенной въ нихъ гуманной идеи. Лучшимъ изъ названныхъ рассказовъ мы считаемъ второй: *Изъ воспоминаній рядоваго Иванова*, по необычайной простотѣ и правдивости повѣствованія о томъ, что пережилъ и перечувствовалъ кончившій курсъ въ университетѣ вольноопредѣляющійся рядовой во время послѣдней турецкой войны, на походѣ то подъ проливнымъ дождемъ и по невылазной грязи, то подъ палящимъ солнцемъ, когда чуть не половина солдатъ пала отъ изнеможенія. Во всемъ рассказѣ нѣтъ ни слова лишняго и ничто недосказаннаго, нѣтъ ни малѣйшаго намека на сентиментальность или на же-

лание произвести эффектъ, никакихъ подчеркиваній и навязываній читателю своихъ личныхъ выводовъ. И, благодаря такой-то безыскусственности, мы считаемъ этотъ очеркъ однимъ изъ самыхъ художественныхъ въ ряду многочисленныхъ повѣствованій, имѣющихъ сюжетомъ эпизоды послѣдней войны. Несмотря на описываемые ужасы, читатель выноситъ изъ разсказа свѣтлое впечатлѣніе, мастерски законченное и художественно примиренное съ суровою дѣйствительностью. Совершенно иное чувство остается по прочтеніи разсказа: *Красный цвѣтокъ*, взятаго изъ жизни мирнаго времени, причемъ нѣтъ внутренняго мира въ душѣ героя этой небольшой повѣсти. Герой, психически больной человекъ, «именемъ его императорскаго величества государя императора Петра Перваго», объявляетъ себя ревизоромъ «сумасшедшаго дома», въ который его привезли связаннымъ горячечной рубашкой. Состояніе безумца изображено авторомъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ; онъ называетъ это состояніе «странною смѣсью правильныхъ сужденій и негѣпостей. Несчастный понималъ, что вокругъ него всѣ больные, но, въ то же время, въ каждомъ изъ нихъ видѣлъ какое-нибудь тайно скрывающееся или скрытое лицо, которое онъ зналъ прежде, или о которомъ читалъ или слышалъ». Ему казалось, что «всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда затѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему гигантскимъ предпріятіемъ, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ...» И вотъ больному мало-по-малу начинаетъ представляться, что источникъ всего зла находится въ двухъ красныхъ цвѣткахъ, заприѣченныхъ имъ въ глухой части сада, заросшей лебедой и бурьяномъ. Съ этой минуты вся энергія страдающей души и всѣ силы изнуреннаго болѣзнью тѣла направляются къ одной цѣли—уничтожить эти красные цвѣтки, получившіе въ его разстроенномъ воображеніи сверхъестественное, чудовищное значеніе. Организмъ, подорванный страшнымъ недугомъ, не выдерживаетъ этой фантастической борьбы съ мнимымъ источникомъ всѣхъ бѣдъ, и больной умираетъ, крѣпко зажавши въ рукѣ цвѣтокъ, сорванный имъ послѣ невѣроятныхъ усилій. Прочитавши эту краткую повѣсть, потрясающую своею правдивостью, становится «за человека страшно»... яснымъ становится, какая неуволнимо-ничтожная грань въ сознаніи каждаго изъ насъ отдѣляетъ «правильныя сужденія» отъ негѣпостей и какой незначительный толчекъ можетъ превратить тѣ и другія въ какую-то «странную смѣсь», изъ которой слагается бредъ безумнаго... И на этотъ разъ, какъ и въ предъидущемъ разсказѣ, авторъ заявилъ себя истиннымъ художникомъ; ему ни разу и ни въ одномъ словѣ не измѣнилось *чувство меры*, замѣтно утрачиваемое нашими беллетристами въ послѣднее время подъ влияніемъ, съ одной стороны, стремленія къ «натурализму», съ другой — подъ влияніемъ тенденціозности, а главное — вслѣдствіе необыкновенной спѣшности писанья или своихъ произведеній, такой ихъ производительности, которая рѣшительно не соответствуетъ ихъ творческимъ силамъ. Въ разсказахъ г. Гаршина видна серьезная работа мысли, въ нихъ все продумано, они «выношены» и созрѣли въ умѣ и сердцѣ талантливаго человека, тогда какъ большая часть нынѣшнихъ разсказовъ и повѣстей суть ничто иное, какъ скороспѣлыя импровизаціи на первую попавшуюся тему, каніе-то экспромты, скучные по идеѣ, случайные и анекдотическіе по фабулѣ и уродливые по языку. *Вторая книжка разсказовъ* г. Гаршина появилась, по нашему мнѣнію, очень во-время, чтобы напомнить молодымъ писателямъ хорошія времена нашей литературы и остановить болѣе чуткихъ изъ

нихъ отъ увлеченій, губящихъ въ наши дни нарождающіеся таланты и уже сгубившихъ многихъ беллетристовъ, подававшихъ еще такъ недавно большія надежды.

Кого жалѣть? Поэма князя Э. Ухтомскаго. Спб., 1885 г. Двоихъ слѣдуетъ пожалѣть, читатель,—князя Ухтомскаго, по доброй волѣ пишущаго такіа поэмы, и рецензента, обязаннаго ихъ читать поневолѣ. Такое стихотворство понятно только изъ-за построчной платы въ какой-нибудь мелкой газеткѣ, изъ-за куска хлѣба; съ голоду чего не сдѣлаешь: не только поэму—романъ напишешь. Князь же Э. Ухтомскій издалъ свое произведеніе отдѣльною брошюрой и тѣмъ доказалъ, во-первыхъ, что деньгами располагаетъ свободно, во-вторыхъ, что поэму свою считаетъ литературнымъ произведеніемъ. Добраться до какого бы то ни было смысла въ этой поэмѣ нѣтъ никакой возможности; это простое переливаніе плохими стихами «изъ пустаго въ порожнее». Вотъ образцы поэтическаго творчества князя Э. Ухтомскаго:

Когда охватитъ насъ широкою волной
Природы-матери святое дуновение,
Когда намъ ясно вдругъ, какъ бодръ ея покой,
Тогда не страшень намъ явленій неустрой,
Тогда мы празднуемъ и славимъ обновленье...

«Охватило» князя вышеуказанное «дуновение» и онъ не устрашается никакихъ «неустроевъ» ни въ мысли, ни въ выраженіяхъ,—старья коверкаетъ, сочиняетъ новья, выдумываетъ самыя невѣроятныя опредѣленія и вообще съ русскимъ языкомъ не церемонится, думая, что для заправскаго поэта «законъ не писанъ», а логика и грамматика не обязательны. Напримѣръ:

Телѣжка по мосту трясется *замедленно*...

Или:

Куда ему идти? *Безмолстоуетъ отвѣтъ*.

Въ другомъ мѣстѣ:

Песчаный берегъ снится, ничѣмъ *неумолимый*...

Хороша и эта строфа:

Исполненъ вѣчныхъ тайвъ невѣдомый намъ рокъ:
Что новыи въ жизни шагъ, то новая ошибка;
Мелькомъ ошибки тѣ, чѣмъ блещущій песокъ,
Не шлетъ грозы за нихъ *небесная улыбка*...

Еще лучше:

Лица я не видалъ, но повялъ, что оно
Глубокой горестью теперь омрачено,
Что слезы крупныя въ очахъ ея застыли,—
Навѣрно, этотъ мигъ, исполненный мольби,
Печальное дѣтя порывистой борьбы
Небесныхъ сердца искръ со слоємъ *дольной зыли*.

Поэтъ иначе не называетъ «вагонъ», какъ *безволнымъ*. Герой ведетъ *безудержную рѣчь* и говоритъ собесѣднику:

Дай въ памяти *стать кольцо* воспоминаній!...
Хотя *крылаты днесъ* кипучія посланья,

Но сладость утѣ такихъ казалась намъ дика,
 А дружбѣ тѣсной цѣпь, авось, какъ встарь, крѣпка,
 И не смутить ея упорный срокъ молчанья.
 Что дѣлалъ ты? Чѣмъ жилъ?—Отчетъ о всемъ готовъ,
 Я первый изолью всю душу, все открою:
 Пусть слухъ внимаешь твой моихъ рѣчей *пробой!*...

Сущая чепуха, не всегда удачно втискиваемая въ размѣръ стиха:

Случилось это все довольно даже скоро...
 ...И вдругъ смутилась при темномъ блескѣ звора.

Героиня *рветъ съ души своей докучность покрывала*... Не затрудняйтесь же, читатель, «кого жалѣть»? Пожалѣйте князя Э. Ухтомскаго, написавшаго такую «поэму», пожалѣйте и того, кого неволя заставляетъ читать его произведенія.

Стихотворенія Гейне, въ переводѣ А. Л. Шкаффа. Харьковъ, 1885 г. Для русской публики Гейне далеко не новость; и хорошо, и плохо его много разъ переводили. Цѣлое поколѣнiе русскихъ людей воспиталось на Гейне въ подлинникъ и въ переводахъ. Не теперь и не въ библиографической замѣткѣ о вновь вышедшей книгѣ говорить о значеніи Гейне. Наше дѣло ограничивается отзывомъ о новомъ переводѣ, и мы съ большимъ удовольствіемъ заявляемъ, что переводъ г. Шкаффа сдѣланъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Переводчикъ понимаетъ Гейне, превосходно знаетъ нѣмецкiй и русскiй языки и безукоризненно владѣетъ стихомъ. Для примѣра приведемъ стихотвореніе, озаглавленное: *Вѣсти изъ Германіи*.

Ты прибылъ сюда изъ родимой страны,
 Гдѣ не былъ я долгіе годы;
 Скажи мнѣ, какъ дома живутъ земляки,
 Добился ли край нашъ свободы?
 „Все, другъ мой, отлично. Царить благодать
 Надъ скромнымъ и нравственнымъ краемъ.
 Мы тихо и мирно спокойнымъ путемъ
 Нашъ внутренній міръ развиваемъ.
 Вѣдь, мы не французы. Намъ вѣщность смѣшна.
 Мы вѣшной свободы не просимъ.
 Смиренные нѣмцы, свободу свою
 Мы тайно въ душѣ своей носимъ.
 По милости царской мы въ Кельнѣ теперь
 Докончимъ постройку собора;
 Не будетъ онъ домою парламентскихъ смуть,
 Ареной грѣховнаго спора.
 Король обѣщалъ намъ—странѣ даровать
 Свободу на почвѣ законной;
 А слово его—это истинный владъ,
 Глубоко въ землѣ схороненный.
 Свободнаго Рейна ужъ насъ не лишать,
 Напрасны были тревоги:
 Швейцарецъ за голову держитъ его,
 Голландецъ связалъ ему ноги...
 Намъ Богомъ дарованъ порядочный флотъ,

Онъ благу принесетъ намъ безъ ищры;
 Теперь ми всѣ тюрьмы у насъ упразднимъ...
 И станемъ ссылатъ на галери.
 Весна и свобода кругомъ раздѣля,
 Мы дышемъ счастливымъ покоемъ;
 И если печатать совѣймъ запретать,
 То даже цензуру закроемъ*.

Мы считаемъ эту выписку достаточною, чтобы ознакомить читателя со стихомъ г. Шкаффа и отчасти съ точностью его перевода. Книжка издана очень тщательно и даже щеголевато, чего далеко нельзя сказать о большинствѣ перебывавшихъ у насъ въ рукахъ издѣлій провинціальныхъ типографій.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Основы механизма душевной дѣятельности“. П. И. Ковалевскаго. — „Страданіе и наслажденіе жизни“. П. Астафьева.

Основы механизма душевной дѣятельности. Проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ, 1885 г. Намъ недавно пришлось дать отчетъ о другомъ сочиненіи профессора Ковалевскаго, о его курсѣ психіатріи. Брошюра, названіе которой нами выписано выше, является естественнымъ дополненіемъ этого курса; она вызвана слѣдующими совершенно вѣрными соображеніями почтеннаго автора: «Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ во всемъ ряду медицинскіихъ наукъ, — говоритъ онъ, — занимаетъ нѣсколько особое положеніе. Представляя собою ученіе о болѣзненныхъ измѣненіяхъ душевной дѣятельности, оно предполагаетъ въ слушатель уже знакомство съ нормальными проявленіями душевной дѣятельности. На дѣлѣ же выходитъ, что они съ этимъ ученіемъ не знакомятся ни въ одномъ изъ предшествующихъ курсовъ». «Положеніе преподавателя ученія о душевныхъ болѣзняхъ таково, — продолжаетъ далѣе авторъ, — что онъ долженъ читать своимъ слушателямъ ученіе о патологическихъ проявленіяхъ душевной дѣятельности, зная навѣрное, что о нормальномъ проявленіи ея они знаютъ очень мало. Желая хотя сколько-нибудь помочь лучшему усвоенію этихъ знаній, я позволяю себѣ, предварительно изложенія патологіи душевной дѣятельности, изложить нормальные ея элементы и планъ нормальной ея дѣятельности».

Этими соображеніями вполне и опредѣляется характеръ работы почтеннаго профессора. Въ ней, не касаясь вопроса о сущности сознанія, который основательно предоставляется имъ въ полное вѣдѣніе теологовъ, метафизиковъ и философовъ старой школы, онъ въ сжатомъ очеркѣ описываетъ механизмъ того матеріальнаго субстрата, который несомнѣнно лежитъ въ основѣ всей душевной жизни вообще и въ основѣ всякаго, даже мельчайшаго душевнаго явленія въ частности. Онъ прекрасно знакомитъ читателя со всѣми новѣйшими ученіями этой научной области и дѣйствительно подготавливаетъ его къ пониманію тѣхъ сложныхъ явленій, съ которыми ему придется встрѣчаться въ ученіи о душевныхъ болѣзняхъ. Въ сочиненіи проф. Ковалевскаго читатель находитъ свѣдѣнія по анатоміи и гистологіи центральной нервной системы, описаніе функцій мозговой коры и довольно подробный очеркъ соединительныхъ нервныхъ путей,

играющих столь важную роль въ душевной жизни, краткое описаніе мозгового кровообращенія и, наконецъ, описаніе механизма основныхъ душевныхъ проявленій. Несмотря на свою сравнительную краткость, брошюра проф. Ковалевскаго даетъ читателю весьма многое и составляетъ очень хорошее введеніе въ курсъ его психіатріи. По нашему мнѣнію, она будетъ весьма полезна для его слушателей, а также и для всякаго образованнаго человѣка вообще, для котораго знакомство съ механизмомъ его собственной сознательной жизни, полагаемъ мы, не только не лишне, но даже и обязательно.

Страданіе и наслажденіе жизни. Выпускъ первый. Вопросъ пессимизма и оптимизма. П. Астафьева. Спб., 1885 г. Вопросъ о цѣнности жизни давно волнуетъ мыслящее человѣчество. Стоитъ ли жить? Есть ли въ бытіи что-либо дѣйствительно достойное, прекрасное, святое? «Безразсудна ли попытка отвѣтить, хотя бы приблизительно, на вопросъ, представляющій, повидимому, неодолимые трудности, нѣтъ ли, но безъ какого-нибудь отвѣта на него оставаться нельзя, остановиться передъ нимъ необходимо». Устроить свою жизнь невозможно, не ставя вопроса о томъ, что въ ней цѣнно и желательно. «Чисто-идеальное, мысленное рѣшеніе человѣкомъ и человѣчествомъ теоретическаго вопроса, стоитъ ли и почему стоитъ жить, опредѣляетъ, въ концѣ-концовъ, и реальную силу ихъ жить, и реальную, существующую для нихъ возможность жить». Для изслѣдованія пессимистическое воззрѣніе на жизнь поучительнѣе оптимистическаго, потому что первое ярче и опредѣленнѣе. Пессимизмъ болѣе возбуждаетъ пытливость; онъ, по выраженію г. Астафьева, мудренѣе, парадоксальнѣе оптимизма.

«Бытіе, — продолжаетъ авторъ, — цѣнно въ той мѣрѣ и потому, что оно — есть, а есть оно всегда лишь въ одной степени, слѣдовательно, бытіе, пока оно есть, одинаково цѣнно; жизнь цѣнна, пока она сознается мною, пока я живу и имѣю силы жить».

Это — точка зрѣнія наивнаго, фізіологическаго оптимизма, но на самочувствіи по необходимости опирается всякій оптимизмъ, какъ и всякій пессимизмъ, и для того, чтобы задаться вопросомъ, дѣйствительно ли стоитъ жить, «нужно сойти съ этой естественной точки зрѣнія единичнаго момента жизни, въ его непосредственной реальной переживаемости». Необходимо стать на общую точку зрѣнія, подвести итоги единичнымъ моментамъ жизни и оцѣнить ихъ въ цѣломъ. Первая (непосредственная) и вторая (мысленная) оцѣнки могутъ совпадать, и тогда мы будемъ имѣть дѣло съ оптимизмомъ или расхотиться, тогда передъ нами явится пессимизмъ. Все зависитъ въ этомъ случаѣ отъ критеріевъ идеальной оцѣнки жизни, то-есть отъ нашихъ понятій о должномъ, цѣнномъ, истинномъ.

Первый выпускъ книги г. Астафьева занять критикой пессимизма, во многихъ отношеніяхъ вѣрной и основательной. Къ сожалѣнію, авторъ излагаетъ свои мысли нѣсколько сбивчиво, тяжелымъ языкомъ; брошюра, кромѣ того, переполнена печатками. О выводахъ изслѣдованія можно будетъ, разумѣется, говорить лишь тогда, когда вся работа будетъ окончена. Отмѣтимъ, что мимоходомъ г. Астафьевъ обнаруживаетъ довольно странныя эстетическія сужденія. Такъ, А. Толстой и г. Майковъ поставлены рядомъ съ Гёте, какъ «дѣйствительно великіе поэты», а Лермонтовъ и Гейне, — полагаетъ г. Астафьевъ, — «понятны всякому четырнадцатилѣтнему мальчику». Мудрено это допустить и

потому, что и для многихъ взрослыхъ людей затруднительно правильное пониманіе этихъ поговѣ.

ИСТОРИЯ.

„Земскіе соборы древней Руси“. В. Латкина.—„Geschichte des deutschen Volkes bis zum Augsburger Religionsfrieden. K. W. Nitzsch.—„Deutsches Leben und deutsche Zustände von der Hohenstaufenzeit bis ins Reformationszeitalter“. K. Fischer.—„K. F. Becker's Weltgeschichte“.

Земскіе соборы древней Руси. В. Латкина. Спб., 1885 г. Историко-юридическое изслѣдованіе г. Латкина посвящено весьма важному вопросу нашей общественно-государственной жизни, но мало прибавляетъ къ тѣмъ выводамъ, которые имѣются уже въ трудахъ гг. Сергѣевича, Загоскина, Дитятина. Авторъ недостаточно опредѣленно выяснилъ себѣ, что онъ разумѣетъ подъ земскимъ соборомъ, и поэтому даетъ это названіе такимъ явленіямъ, къ которымъ оно совсѣмъ неприменимо. Немного разъяснилъ г. Латкинъ и происхожденіе, а также составъ и компетенцію нашихъ представительныхъ собраній. Г. Латкинъ полагаетъ, что земскіе соборы были явленіемъ жизненнымъ, имѣли важное значеніе, но начали терять свое значеніе во вторую половину царствованія Алексѣя Михайловича. Авторъ допускаетъ, что «Петръ, насадивъ въ Россіи западно-европейское полицейское государство, ускорилъ паденіе *составительнаго элемента* и, такъ сказать, окончательно доканалъ его. Идемъ Лейбница и всѣхъ послѣдователей теоріи божественнаго права въ XVII вѣкѣ, въ эту эпоху сильнѣйшаго развитія абсолютизма, которымъ былъ пропитанъ Петръ и которыя пропагандировалъ его сподвижникъ Теофанъ Прокоповичъ въ своей *Привда воли монаршей*, не гармонировали съ созывомъ представителей народа, съ ихъ участіемъ въ управленіи государствомъ».

Г. Латкинъ проводитъ аналогіи, — довольно поверхностныя, — между нашими земскими соборами и представительными учрежденіями Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи, Швеціи и Венгріи. «Параллельное изученіе сословно-представительныхъ собраній разныхъ государствъ, — говоритъ авторъ, — свидѣтельствуетъ о томъ поразительномъ сходствѣ, которое существуетъ между ними, — сходствѣ тѣмъ болѣе поразительномъ, что исторія этихъ *разныхъ государствъ* шла далеко не однимъ и тѣмъ же путемъ» (стр. 401). А на страницѣ 405 г. Латкинъ говоритъ слѣдующее: «На Западѣ мы имѣемъ возможность прослѣдить развитіе представительныхъ собраній изъ примитивныхъ и замѣтить связь, соединяющую оба рода этихъ собраній. Въ Россіи подобной связи не было, и поэтому предполагать, что земскій соборъ развился изъ тѣхъ, было бы крайне ошибочно». Это справедливо, но юристу-историку, выяснившему совершенно различный процессъ образованія того или другаго учрежденія, нельзя уже говорить о *поразительномъ сходствѣ* этихъ учреждений. Для послѣдняго утвержденія недостаточно того, что какой-нибудь моментъ въ жизни нашихъ земскихъ соборовъ очень похожъ на моментъ въ жизни западно-европейскихъ представительныхъ собраній. На слѣдующей страницѣ г. Латкинъ отмѣчаетъ еще одну важную особенность русской государственно-общественной жизни; у насъ сословія, въ противоположность Западу, созданы, главнымъ образомъ, самимъ государствомъ, въ интересахъ фиска, русское же общество, по существу своему, было

демократическимъ. Наконецъ, на стр. 409 изслѣдованія мы читаемъ: «мало аналогичныхъ чертъ представляютъ собранія по отношенію компетенціи, функций и вообще значенію». Г. Латкинъ основательно говоритъ въ заключеніе своей работы, что «отсутствіе юридической основы у нашего представительства было причиной того, что оно прекратило свое существованіе безъ всякой борьбы: соборъ просто пересталъ созываться, вотъ и все. Иначе было на Западѣ, гдѣ паденію сословныхъ собраній предшествовала сильная борьба между ними и представителями верховной власти,—борьба, окончившаяся торжествомъ этой послѣдней». Г. Латкинъ допускаетъ и здѣсь неточность выраженія: въ томъ же XVII вѣкѣ, когда королевская власть во Франціи побѣдила сословное представительство, это послѣднее восторжествовало въ Англіи.

Въ книгѣ г. Латкина приложены интересные документы, извлеченные изъ архива министерства юстиціи (сообщены А. Н. Зерцаловымъ) и изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Geschichte des deutschen Volkes bis zum Augsburger Religionsfrieden. Von K. W. Nitzsch. Herausgegeben von Matthäi. III B. 1885. Недавно умершій нѣмецкій историкъ оставилъ въ своихъ бумагахъ цѣлый рядъ обработанныхъ курсовъ по исторіи римской республики и по исторіи Германіи. Преданные ученики постарались, пользуясь своими личными воспоминаніями и записками, составить связныя исторіи римской республики и нѣмецкаго народа. Римъ редактировалъ Туре, а Германію—Маттеи.

Только что вышедшій III томъ заканчиваетъ сочиненіе по исторіи нѣмецкаго народа и обнимаетъ время отъ Генриха VI Гогенштауфена до аугсбургскаго религіознаго мира. Обыкновенно изданія лекцій, выходящія послѣ смерти профессоровъ, подъ редакціей слушателей, не оправдываютъ возбуждаемыхъ знаменитымъ именемъ ожиданій; ученики, воспользовавшись обрывками школьныхъ записокъ и кое-какими конспектами самого профессора, прикрываясь уважаемымъ авторитетомъ, выпускаютъ въ свѣтъ свои собственные, довольно плохія сочиненія; такъ, напримѣръ, поступилъ Лейпольдъ, издавшій *Физическое земледѣліе* Пешеля.

Не такъ сдѣлали почитатели Нича. Маттеи съ замѣчательнымъ искусствомъ проредактировалъ лекціи своего наставника, и *Исторія германскаго народа*, выпущенная имъ въ свѣтъ, отъ первой до послѣдней строчки впечатлѣна всѣми особенностями, характеризующими знаменитаго нѣмецкаго историка. Сжатость изложенія, сила комбинацій, проявляющаяся въ сочетаніи мелкихъ, почти недоступныхъ для обыкновеннаго изслѣдователя штриховъ и деталей, смѣлость и оригинальность выводовъ дѣлаютъ Нича однимъ изъ выдающихся историческихъ изслѣдователей въ Германіи. Его критическія работы напоминаютъ намъ иногда, по своей тонкости, работы гистологовъ.

Лекціи по исторіи нѣмецкаго народа представляютъ лучшую научную обработку этого предмета; понятно, что въ нихъ нѣтъ картинности изложенія, отличающей исторію нѣмецкой имперіи Вильгельма Гизебрехта, но за то Ничъ анализируетъ и изучаетъ такія стороны жизни германской націи, о которыхъ большинство нѣмецкихъ историковъ забываетъ, увлекаясь представленіемъ вѣдшихъ событій. Чтобы убѣдиться, достаточно взглянуть на III томъ произведенія Нича, изданнаго Маттеи. Время отъ паденія Гогенштауфеновъ до начала реформациі до сихъ поръ еще недостаточно разработано германскою историческою

наукой; между тѣмъ, этой именно эпохѣ посвящена большая часть третьяго тома.

Этотъ IV періодъ нѣмецкой исторіи называется у Нича временемъ сословныхъ контрастовъ; на первый планъ выступаютъ городскія республики и территориальныя княжества. Съ появленіемъ новой городской культуры мѣняется характеръ самыхъ источниковъ. Этотъ періодъ дѣлится на два отдѣла: аристократія и города до 1389 года, и развитіе территориальныхъ княжествъ отъ конца первой городской войны до аугебургскаго религіознаго мира.

Во второмъ отдѣлѣ много интереснаго высказано въ главѣ, описывающей состояніе Германіи отъ конца первой великой городской войны до конца второй, отъ 1389 до 1450 г. Подобной сматой и, вѣсть съ тѣмъ, всесторонней характеристики положенія Германіи наканунѣ реформациі мы не встрѣтили ни у одного изъ нѣмецкихъ историковъ.

Deutsches Leben und deutsche Zustände von der Hohenstaufenzeit bis ins Reformationszeitalter. Dargestellt von Karl Fischer. Небольшая монографія Фишера обнимаетъ тотъ же самый періодъ нѣмецкой исторіи, которымъ занимается III томъ Нича. Авторъ исключительно, какъ видно изъ заглавія, имѣлъ въ виду культуру и общественное состояніе нѣмецкаго народа отъ Гогенштауфеновъ до реформациі. Онъ пишетъ легко и живо, хотя и не отличается глубиной и самостоятельностью, характеризующими такого крупнаго ученаго, какъ Ничъ.

Для болѣе обширнаго круга читателей, не имѣющихъ досуга и подготовки, необходимыхъ при изученіи большой и вдающейся часто въ спеціальности монографіи, книжка Фишера составитъ прекрасное пособіе для знакомства съ измѣненіями, которыя переживало нѣмецкое общество при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ. Весь матеріалъ раздѣленъ на три книги: въ первой разсматриваются основы народной жизни и ихъ измѣненія до второй половины XIV вѣка. Въ ней семь главъ, излагающихъ измѣненія въ мировоззрѣніи въ леркви и въ государствѣ, общіе отличительные признаки экономическихъ и социальныхъ воззрѣній и общественной организаціи; много важнаго высказано подъ рубриками: города и цехи, гавзы и союзы; развитіе сословій и профессій; торговля; общенія; пошлины и налоги; законодательство; судопроизводство и военное дѣло. Во второй книгѣ прослѣжены дальнѣйшія преобразованія и появляющіяся оппозиціонныя движенія до XVI столѣтія. Тутъ, кромѣ прежнихъ рубрикъ, вниманія заслуживаютъ главы, трактующія о литературѣ, наукахъ и искусствѣ. Также, хотя кратко, но обстоятельно, читатель знакомится въ VIII главѣ этой книги съ христіанско-соціальными движеніями. Не столь важна третья книга, доводящая исторію нѣмецкой жизни до второй половины XVI вѣка; въ ней авторъ стоитъ на почвѣ, разработанной многими учеными и хорошо известной большинству читателей.

K. F. Becker's Weltgeschichte. Neu bearbeitet und bis auf die Gegenwart fortgeführt von Wilhelm Müller. Mit Illustrationen und Karten. 1885. B. I—IV. Всеобщая исторія Беккера принадлежитъ къ числу тѣхъ старыхъ книгъ, которыя вѣчно остаются новыми. Ясное до прозрачности изложеніе, гуманные взгляды дѣлаютъ ее пріятной для чтенія и поучительной для лицъ, неимѣющихъ въ виду особенно детальнаго изученія исторіи. Нѣсколько разъ это полезное сочиненіе подвергалось переработкамъ сооб-

равно извѣнявшіеся требованіямъ науки, но всѣ эти переработки не могли стереть простоты и свѣжести первоначальной редакціи. Мюллеръ, взявшій на себя пересмотръ и дополненіе труда Беккера, выполнилъ эту деликатную работу съ большимъ умѣньемъ; его имя извѣстно въ нѣмецкой исторической литературѣ, благодаря ежегодно издаваемымъ обзорамъ событій исторической жизни народовъ за истекшій годъ. Въ его талантѣ есть много сроднаго съ талантомъ Беккера, и, вѣроятно, въ послѣднемъ томѣ, который еще не вышелъ, будетъ сдѣланъ краткій, но не разногласящій ни по тону, ни по духу обзоръ новѣйшей исторіи. До сихъ поръ вышло четыре тома, въ которыхъ исторія доведена до конца среднихъ вѣковъ.

Разумѣется, больше всего пришлось передѣлывать древній Востокъ, но и тамъ, благодаря искусной переработкѣ, характеръ книги нисколько не измѣнился. Иллюстраціи, какъ большія, такъ и малыя, не только служатъ украшеніемъ, но и во многомъ поясняютъ самый текстъ; нѣкоторые изъ нихъ довольно значительны по своимъ размѣрамъ и выполнены прекрасно, какъ, напримѣръ, довольно большой видъ древней Олимпіи.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И АНТРОПОЛОГІЯ.

„Россія дальняго Востока“. *Ф. Шперка*.— „Les primitifs“. *E. Reclus*.— „Allgemeine Naturkunde“.— „Das Kaiserreich Brasilien“. *Sellin*.— „Das Togoland und die Sklavenküste“. *H. Zoller*.

Россія дальняго Востока. Франца Шперка. (Записки Императорскаго русскаго географическаго общества. По общей географіи. Томъ XIV). Большой трудъ г. Шперка составляетъ полную и обстоятельную монографію объ Амурскомъ краѣ, съ которымъ авторъ хорошо знакомъ какъ по книгамъ, такъ и по личнымъ наблюденіямъ. По каждому отдѣлу приведена богатая библиографія, въ которой упомянуты не только книги, но и всѣ журнальныя статьи. Изложеніе чисто-фактическое и дѣловое, такъ что мѣстами, по своей сухости, книга принимаетъ характеръ чисто-справочнаго сочиненія; за то, какъ матеріалъ, собранный безъ всякой предвзятой мысли, работа г. Шперка послужитъ къ всестороннему ознакомленію съ этимъ дальнимъ Востокомъ русской земли.

Въ первой главѣ представлена исторія края, раздѣленная на три періода. Много данныхъ собрано касательно нашихъ Кортцовъ и Пизарро, Пояркова, Хабарова и др. Замѣчательное геройство казаковъ-авантюристовъ, открывателей сибирскихъ земель, не уступающее смѣлости и предприимчивости испанскихъ и португальскихъ завоевателей, соединилось, какъ и слѣдовало ожидать въ тѣ времена, не отличавшіяся гуманностью, съ весьма важными недостатками. Раздоры и безчеловѣчное обхожденіе съ широкими повторяются почти на каждой страницѣ. При отобраніи показаній отъ туземцевъ ихъ пытали и жгли. Напримѣръ, Хабаровъ самъ рассказываетъ, что, взявъ въ плѣнъ сестру амурскаго князя Лавкая, подвергъ ее пыткамъ: «и тое бабу распрашивали и на пытки пытали, и огнемъ жгли». Поярковъ обижалъ подвластныхъ ему казаковъ, благодаря стремленію къ наживѣ.

Изъ одной, дошедшей до насъ, челобитной видно, что во время голодовки казаки выкапывали корни растущихъ на лугахъ луковичныхъ растений и что

тогда Поярковъ, имѣя запасы хлѣба, приказалъ вымечь луга и заставилъ покупать у него хлѣбъ за дорогую цѣну. Хабаровъ также руководился грабительскими стремленіями; его походы на Амуръ для мѣстнаго населенія были едва ли легче погрома татарскаго. Г. Шнеркъ приводитъ нѣсколько выражений самого Хабарова: «И Божьею милостью и государскимъ счастьемъ тѣхъ Дауровъ въ пень порубили всѣхъ съ головы на голову». «А мы въ тѣхъ улусахъ многихъ людей побивали и ясырь имали». «А мы ихъ въ пень рубили, а женъ ихъ и дѣтей имали и скоть».

Вторая глава посвящена орографіи, топографіи и геологіи. Изъ ископаемыхъ богатствъ въ настоящее время заслуживаютъ особеннаго вниманія золотоносныя россыпи и залежи каменнаго угля. Всего по бассейну рѣки Амура, съ 1868 по 1875 годъ, добыто золота 1,615 пудовъ, на сумму 21 мил. металлическихъ рублей. Каменный уголь встрѣчается во многихъ мѣстахъ, но самыя значительныя залежи мы находимъ на островѣ Сахалинѣ, гдѣ онъ уже разрабатывается. По немногимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ до сихъ поръ, можно ожидать, что въ будущемъ этотъ край доставитъ обильныя минеральныя богатства; въ различныхъ частяхъ его встрѣчали желѣзную и мѣдную руду, мраморъ, точильный камень, аметистъ, горный хрусталь, топазы, аквамарины, изумруды и другіе драгоценныя камни.

Для географовъ самыми полезными будутъ главы III и IV, о гидрографіи и климатѣ. Въ V главѣ—флора и фауна. Помѣщенъ списокъ и довольно подробная характеристика замѣчательнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ растений, а также особенно важныхъ, въ экономическомъ отношеніи, дикихъ животныхъ. Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ главахъ, VI и VII, авторъ занимается чело-вѣкомъ, т.-е. этнографіей, біологіей и экономическимъ состояніемъ населенія.

Если бы всѣ области нашего обширнаго отечества, какъ европейскія, такъ и внѣ-европейскія, были описаны съ подобной всесторонностью и объективностью, то географическія знанія о Россіи не отличались бы той скудостью и неточностью, которая дѣлаетъ въ настоящее время совершенно невозможнымъ составленіе научной общей географіи русскаго государства, занимающаго значительную часть земной поверхности. Безъ детальнаго и чисто-фактическаго изображенія отдѣльныхъ мѣстностей немислимы успѣхи какъ науки, такъ и практической жизни. Имѣя въ виду столь важныя цѣли, мы считали необходимымъ указать нашимъ читателямъ на обстоятельную книгу г. Шперка.

Les primitifs. Etudes d'ethnologie comparee par Elie Reclus. 2-me edition. P., 1885. Книжка заключаетъ въ себѣ рядъ очерковъ жизни, быта и возрѣній нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ первобытныхъ племенъ, именно западныхъ и восточныхъ эскимосовъ (звѣролововъ и рыболововъ), аячей (кочевыхъ звѣролововъ и разбойниковъ Сѣверной Америки), напровъ, горныхъ племенъ Индостана, и коларовъ Бенгалии. Авторъ вполне сознаетъ важность изученія низшихъ культурныхъ стадій для пониманія хода и развитія высшей культуры и при составленіи своего труда пользовался довольно большимъ числомъ источниковъ. Написаны очерки легко и читаются съ интересомъ, въ пользу чего говорить отчасти и быстрая распродажа перваго изданія. Авторъ не нахѣренъ остановиться на изданномъ рядѣ очерковъ и предполагаетъ составить подобную же серію ихъ и по нѣкоторымъ другимъ «первобытнымъ» народамъ.

Allgemeine Naturkunde. Das Leben der Erde und ihrer Geschöpfe. Leipzig, 1885. Verlag des Bibliogr. Instituts. 1 Heft. Кому не известно прекрасное сочинение Брема: *Иллюстрированная жизнь животных?* Оно распространилось въ нѣсколькихъ изданіяхъ и было переведено почти на всѣ европейскіе языки. Бремъ обработалъ, впрочемъ, самъ только высшихъ позвоночныхъ; низшія же, а также насекомыя, моллюски и пр. были описаны другими, но по тому же плану и съ подобными же изящными рисунками. Еще въ 1878 году, при второмъ изданіи *Brehm's Thierleben*, библиографическій институтъ заявилъ, что имъ имѣется въ виду такая же обработка другихъ царствъ природы, именно растительнаго, минеральнаго и челоуѣка. Подготовка такого труда потребовала, однако, довольно продолжительнаго времени и только теперь, по прошествіи семи лѣтъ, видимъ мы начало его осуществленія. Новое изданіе будетъ состоять изъ четырехъ отдѣловъ: *Исторіи земли*, составленной проф. Неймайромъ; *Жизни растений*, обработанной проф. Кернеромъ фонъ-Маршалаунъ; *Естественной исторіи челоуѣка*, написанной проф. Ранке, и *Этнографіи* проф. Ратцеля. Все составитъ 9 томовъ (до 370 печатныхъ листовъ), съ 3,000 рисунковъ въ текстѣ, 20 картами и 120 акварельными таблицами, и будетъ стоить 130 марокъ (около 65 рублей). Изданіе началось съ *Этнографіи* и первый выпускъ заключаетъ въ себѣ описаніе южно-африканскихъ народовъ и въ частности бушменовъ. Изложеніе обстоятельное, популярное, акварель художественная, рисунки въ текстѣ—прекрасные, и нѣтъ сомнѣнія, что новый трудъ займетъ такое же, если не высшее мѣсто въ научно-популярной литературѣ, какъ сочиненіе Брема. Нельзя не позавидовать Западу, особенно Германіи и Франціи, гдѣ возможно появленіе подобныхъ прекрасныхъ изданій по естественнымъ наукамъ, предназначенныхъ для образованныхъ людей, какъ *Géographie Universelle*—Реклю, *Unser Wissen von der Erde*—Кирхгофа, *Thierleben*—Брема или новѣйшаго продолженія его—*Allgemeine Naturkunde*.

Das Kaiserreich Brasilien von Sellin. 1885. Мы нѣсколько разъ указывали на нѣмецкую универсальную бібліотеку для образованныхъ читателей, издаваемую двумя книгопродавческими фирмами въ Лейпцигѣ и въ Прагѣ: Фрейтагомъ и Темпскинъ. Иллюстрированные томикъ, содержащіе въ себѣ популярно-научныя сочиненія, продаются по баснословно дешевой цѣнѣ—за 1 марку, т.-е. 50 к. въ переплетѣ. Цѣлый рядъ описаній различныхъ странъ изъ-подъ пера компетентныхъ авторовъ составитъ полную географію, богатую монографически. Бразильская имперія изображена Селлиномъ въ двухъ книжкахъ. Авторъ прожилъ въ Бразиліи 12 лѣтъ и для этой популярной работы пользовался источниками, недоступными для обыкновенныхъ ученыхъ, не имѣющихъ близкихъ связей съ этой страной; такъ, напр., министры бразильскіе доставили ему новѣйшія статистическія свѣдѣнія. Многія книги на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и португальскомъ, составляющія библиографическую рѣдкость, были привлечены къ дѣлу Селлиномъ, благодаря его богатой специальной бібліотекѣ; значительная часть рисунковъ, въ особенности изображенія типовъ, сдѣланы по оригинальнымъ фотографіямъ и выполнены хорошо, особенно если принять во вниманіе дешевизну изданія. Кромѣ общей части, трактующей о географіи, растительности, животномъ царствѣ, исторіи, этнологіи и духовной и матеріальной культурѣ Бразиліи, Сел-

ливъ даетъ отдѣльные описанія всѣхъ провинцій, въ которыхъ знакомить съ городами, произведеніями и вообще условіями жизни каждой части обширной южно-американской имперіи. Понятно, что эта вторая часть для русскихъ не имѣетъ такой важности, какъ для нѣмцевъ, питающихъ относительно Бразиліи различные колонизаціонные проекты.

Das Togoland und die Sklavenküste von Hugo Zöller. 885
Кельнская Газета отправила своего спеціального корреспондента для изученія новыхъ нѣмецкихъ владѣній на Невольншъемъ берегу, и результатомъ путешествія Целлера явился цѣнный вкладъ въ географическую литературу, причемъ нужно, однако, замѣтить, что авторомъ обращено большее вниманіе на этнографію и культурныя условія, чѣмъ на физическую природу; за то путешественникъ совершенно переноситъ читателя въ среду какъ бѣлыхъ, такъ и черныхъ обитателей Западной Африки. Прекрасные оригинальные рисунки дополняютъ живое изложеніе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

„Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“. Н. И. Зиберъ. — „Encyclopädie und Methodologie der politischen Oekonomik“. O. Eiffert. — „Девятый отчетъ комитета о сѣльскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“. — „О необходимости развитія русскаго торговаго мореплаванія“. *Стелкина*. — „Русско-балканскій торговый вопросъ“. А. Муромевича. — „Изслѣдованія о Русской Правдѣ“. Проф. Мрочекъ-Драздовскаго. — „Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа“. *Иллюстрова*.

Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. И. Зиберъ. Спб., 1885 г. Это знакомъ съ прежними трудами г. Зиберъ, съ его диссертацией о теоріи цѣнности и съ журнальными статьями о Марксѣ, тотъ не найдетъ новыхъ существенныхъ мыслей въ огромномъ томѣ, заглавіе котораго мы выписали. Работы эти въ настоящее время стали, однако, библиографическою рѣдкостью, и новое поколѣніе занимающихся или интересующихся политической экономіей, можетъ быть, по этому новому изданію впервые познакомиться съ идеями одного изъ нашихъ самыхъ глубокихъ и послѣдовательныхъ экономистовъ-теоретиковъ, во всякомъ случаѣ заслуживающими изученія и размысленія. Изслѣдованія г. Зиберъ посвящены теоріи цѣнности и капитала, — вопросамъ, съ которыми связаны основные законы распредѣленія національнаго продукта между рентой, прибылью и рабочей платой. Несмотря на строго теоретическій характеръ, трудъ г. Зиберъ состоитъ, такимъ образомъ, въ близкомъ отношеніи къ этическимъ задачамъ современности. Являются ли категоріи рабочей платы и прибыли, въ ихъ настоящемъ видѣ, дѣйствительнымъ выраженіемъ и вознагражденіемъ за тѣ услуги, которыми ихъ носители оказываютъ производству страны? Въ хозяйствѣ съ раздѣленіемъ труда и съ производствомъ для рынка, между отдѣльными участниками распредѣляется не продуктъ, а его цѣнность; такимъ образомъ, отвѣтъ на вопросъ о справедливомъ, т. е. соответствующемъ участію въ производствѣ, распредѣленіи можетъ дать только анализъ факторовъ, участвующихъ въ созданіи цѣн-

ностей, и законовъ, управляющихъ ихъ обихомъ. Г. Зиберъ приходитъ въ своемъ изслѣдованіи къ заключенію, что современное распределение есть продуктъ капиталистической формы производства, что съ этой формой, а не съ вѣчными его законами, связанъ переходъ значительной доли продукта въ руки собственниковъ капитала. Это выводъ, выраженный нами въ самыхъ общихъ чертахъ, къ которому авторъ приходитъ вѣсть съ Марксомъ; но послѣ цѣлаго ряда прекрасныхъ попытокъ обосновать фундаментальное положеніе о трудѣ, какъ *единственномъ источникѣ* цѣнности, — положеніе, остающееся недостаточно обоснованнымъ не только послѣ Смита и Рикардо, но и послѣ Маркса и Родбертуса. Самую цѣнную часть изслѣдованій г. Зибера въ этомъ, какъ и въ послѣдующемъ отдѣлѣ — о капиталѣ, составляетъ исторія и критика догмы, разборъ отдѣльныхъ положеній раннихъ англійскихъ экономистовъ, физиократовъ и классической школы. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на критику теоріи физиократовъ о *produit net* (345—350 стр.): отиѣтивши прогрессъ, представляемый теоріей этой школы сравнительно съ ученіемъ меркантилистовъ, — прогрессъ, выражающійся въ пониманіи экономического строенія общества, законовъ производства, г. Зиберъ разбираетъ положеніе о специфической производительности земледѣлія, прежде всего, указаніемъ на то, что если земледѣліе и давало бы «чистый доходъ», то это было бы возможно, благодаря общественному раздѣленію труда между земледѣліемъ и ремесломъ. «Если земледѣлецъ получаетъ больше хлѣба, чѣмъ посѣялъ, то, вѣдь, онъ, кромѣ этого, ничѣмъ не занимается и всѣ прочіе необходимые предметы получаетъ въ обихъ отъ горожанина-ремесленника. Точно также и этотъ послѣдній производитъ пряжи или сапогъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ потребляетъ самъ». Второе капитальное возраженіе сводится къ положенію: «дѣйствительный чистый доходъ, превышающій первыя потребности, имѣетъ своимъ источникомъ употребленіе лишней рабочей силы и времени, и потому совсѣмъ не составляетъ исключительной принадлежности одного земледѣлія». Между земледѣліемъ и промышленностью дѣйствительно существуетъ разница: первое имѣетъ дѣло съ живымъ организмомъ, вторая — съ мертвымъ продуктомъ, но экономического значенія это различіе не имѣетъ. Такихъ замѣчательныхъ по глубинѣ разсужденій достаточно, чтобы признать за трудомъ г. Зибера серьезное значеніе, несмотря даже на несвязность отдѣльныхъ частей и на неудачную, по нашему мнѣнію, вставку цѣлыхъ 200 страницъ изъ перваго тома *Капитала* Маркса, переведенныхъ, притомъ, тяжелымъ, часто непонятнымъ языкомъ.

Въ безусловномъ слѣдованіи за Марксомъ лежатъ причина и внутреннихъ недостатковъ книги: слабости опредѣленій, недостаточно объективнаго отношенія къ идеямъ противниковъ, отсутствія критики по отношенію къ вопросамъ, недоказанность которыхъ пылливый умъ автора несомнѣнно долженъ былъ сознавать. Можно вполне признавать всѣ послѣдствія, вытекающія изъ исторической роли капитала въ хозяйствѣ съ частной собственностью на орудія производства, но нельзя субституировать эту форму логической категоріи капитала, какъ это дѣлаетъ г. Зиберъ: «Капиталъ не есть та или другая вещь въ частности, а то вещное отношеніе между капитализмомъ и рабочимъ, которое даетъ возможность первому развиваться и богатѣть на счетъ втораго» (стр. 310). Капиталъ — отношеніе! Это хуже даже тѣхъ слабыхъ опредѣленій, которыя вносили въ понятіе капиталъ и землю, и талантъ, и національное единство, противъ которыхъ такъ удачно

возражалъ самъ г. Зиберъ, и передаетъ духъ, послѣдствія, но не формулировку Маркса: *Geld, das in seiner Bewegung die Circulation G (eld) — W (aare) — G (eld) beschreibt, verwandelt sich in Kapital, wird Kapital, und ist schon seiner Bestimmung nach Kapital* (2-е пѣм. изд., стр. 129). Результатомъ этого отношенія къ знаменитому нѣмецкому экономисту является недосказанность ряда самостоятельныхъ мыслей, послѣдовательное проведеніе которыхъ бросило бы свѣтъ на очень сложные и невыясненные вопросы экономической теоріи. Такъ, напримѣръ, г. Зиберъ однажды и мимоходомъ (57 стр.) заговариваетъ о томъ, что вся экономическая литература оставяла открытымъ вопросъ, почему для прибыли существуетъ уровень, не только устанавливаемый, но и *поддерживаемый* конкуренціей капиталовъ? Дальнѣйшее размышленіе побудило бы автора разчленивъ вопросъ и анализировать, насколько, во-первыхъ, эта высота прибыли можетъ быть выведена изъ ея обратнаго отношенія къ рабочей платѣ, и, во-вторыхъ, насколько конкуренція объясняетъ какъ уровень, такъ и существованіе равнаго уровня прибыли? Г. Зиберъ отвѣта на эти вопросы не даетъ, потому что въ тѣхъ положительныхъ мѣстахъ своего труда, которыя трактуютъ о происхожденіи и высотѣ прибыли, онъ предпочитаетъ изложить мысли автора *Капитала* и, такимъ образомъ, теряетъ нить самостоятельно задѣтаго, другими еще не выясненнаго вопроса.

Въ тѣсной связи съ закономъ равенства прибыли стоитъ вся трудовая теорія цѣнности: равенство прибыли составляетъ одну изъ существенныхъ посылокъ ученія, по которому продукты обмѣниваются соотвѣтственно количеству труда, затраченнаго на ихъ производство, и, въ то же время, требованіе равной прибыли стоитъ, повидимому, препятствіемъ обмѣну соотвѣтственно количеству средняго труда. Это соображеніе заставило Рикардо значительно ограничить дѣйствіе трудовой теоріи и выключить изъ общаго закона предметы, производство которыхъ требуетъ не одинаковой затраты постояннаго и оборотнаго капиталовъ. Рикардо дѣлаетъ еще другое ограниченіе величайшей важности, допуская, что, при такомъ неравенствѣ въ пропорціяхъ основнаго и оборотнаго капиталовъ, пониженіе или повышеніе рабочей платы вліяетъ не только на прибыль, но и на цѣнность продуктовъ. Разъясненія этихъ возраженій г. Зиберъ ждетъ отъ втораго тома *Капитала* *), пока же онъ путемъ частныхъ поправокъ пытается доказать, что исключеній изъ трудовой теоріи никакихъ нѣтъ, что ограниченія Рикардо основаны на недоразумѣніи и арифметической ошибкѣ (стр. 119, 398 — 405). Мы, къ сожалѣнію, должны сказать, что эта попытка г. Зибера остается безуспѣшной въ обѣихъ своихъ частяхъ, потому что въ первой половинѣ своего возраженія авторъ лишь утверждаетъ то, что нужно доказать, во второй же самъ только впадаетъ въ логическую и арифметическую ошибку. Цѣнность, превышающую размѣръ затраченнаго труда, — говоритъ Зиберъ, — продукты фабрикантовъ могли бы имѣть въ томъ лишь случаѣ, если бы она была произведена. Намъ кажется, что именно тутъ нужно было доказать, что и при указанныхъ Рикардо условіяхъ прибыль остается производственнымъ, а не мѣновымъ феноменомъ,

*) Второй томъ вышелъ лѣтомъ этого года, но разъясненія этого пока не даетъ. Въ предисловіи ко второму тому Энгельсъ сообщаетъ, что приготовляемый имъ къ печати т. III вопросъ окончательно и блестяще выяснитъ.

и что въ одномъ вопросѣ: откуда берется излишекъ, который выплачиваетъ приобретатель машиннаго продукта, *implicite* данъ и отвѣтъ: въ продуктѣ своего труда, обмѣниваемаго на меньшее количество чужаго труда. Таковъ приблизительно и отвѣтъ Родбердуса въ 4 социальномъ письмѣ о капиталѣ, въ которомъ онъ признаетъ невозможнымъ обмѣнъ равными количествами труда во всѣхъ стадіяхъ производства и переработки продукта и рассматриваетъ прибыль, какъ производственный феноменъ и какъ продуктъ рабочаго труда, лишь въ ея совокупности.

Арифметическая ошибка г. Зибера состоитъ въ томъ, что онъ прибыль вычисляетъ не по отношенію къ капиталу, а лишь къ величинѣ продукта. Затѣмъ онъ ошибочно принимаетъ, что повышение или пониженіе прибыли на 1% на такой же процентъ должно понизить или повысить рабочую плату, тогда какъ по отношенію къ каждой въ отдѣльности это было бы возможно лишь при ихъ равенствѣ и при правильности перваго расчета, — расчета процентовъ не на капиталъ, а на цѣну продукта. Логически все возраженіе уже потому неправомерно, что оно совершенно устраняетъ изъ вычисленія разность капиталовъ, т. е. единственный существенный моментъ въ примѣрѣ Рикардо. Замѣчаніе г. Зибера тѣмъ удивительнѣе, что оно исходитъ отъ глубокаго знатока и переводчика великаго экономиста, отъ писателя, въ трудахъ котораго мы находимъ разъясненіе самыхъ темныхъ, вѣрнѣе, требующихъ большаго умственнаго напряженія, мыслей Рикардо. Къ такимъ цѣннымъ разъясненіямъ принадлежитъ указаніе на различіе между трудомъ, содержащимся въ товарахъ, и рабочей силой, установленіе полной преемственности между Рикардо и Марксомъ и многія другія, придающія труду г. Зибера высокое научное значеніе, несмотря на заключающіеся въ немъ промахи. Помимо своихъ частныхъ достоинствъ, это, прежде всего, строго-теоретическая работа, отъ начала до конца послѣдовательно проводящая тѣ основные приемы отвлеченнаго изслѣдованія, необходимость которыхъ авторъ установилъ, прежде чѣмъ приступилъ къ анализу цѣнности и капитала. Можно не соглашаться съ тѣмъ, что абстракція одна только можетъ дать ключъ къ разъясненіямъ сложныхъ вопросовъ экономіи, но несомнѣнно, что огромную долю ошибокъ въ экономической теоріи приходится ставить въ вину не абстрактному, а ложно-абстрактному методу, грѣшившему отвлеченіемъ отъ самой существенной черты экономическаго быта съ общественнымъ раздѣленіемъ труда, отождествлявшему частное хозяйство съ народнымъ. Теоріи, объяснявшія ренту, какъ вознагражденіе за производительную силу земли, относившія прибыль къ плодovitости капитала или къ предпринимательской способности капиталиста, исходили изъ наблюденія надъ отдѣльнымъ процессомъ производства, надъ отдѣльной мастерской, — наблюденія, можетъ быть, совершенно безпристрастнаго, но обобщеніе котораго повело къ полному затемненію вопросовъ народнаго хозяйства. Послѣдствія оказались одинаково печальными какъ для теоріи, такъ и для политики народнаго хозяйства; первая продолжала описывать частно-хозяйственные процессы и возводить индивидуальныя и историческія явленія въ вѣчные законы человѣческаго общества, отъ государства сначала требовали, а впоследствии и добивались, признанія принципа: что полезно и разумно для одного, то полезно и разумно для всѣхъ. Въ ряду факторовъ, способствовавшихъ разъясненію этого заблужденія, выдающаяся роль принадлежитъ именно тому направленію въ наукѣ политической экономіи,

талантливыя представители и толкователи котораго въ нашей литературѣ и являются г. Зиберъ.

Мы считали себя не въ правѣ умолчать о нѣкоторыхъ недостаткахъ лежащихъ предъ нами труда, вытекающихъ, какъ намъ кажется, изъ полномонія великому авторитету; но несомнѣнно, что этой причинѣ г. Зиберъ обязанъ и цѣльностью міросозерцанія, и печатью высокаго идеала, которымъ проникнута его книга. Значеніе идеала въ наукѣ, правда, нѣсколько иное, чѣмъ въ общественной жизни: онъ не долженъ отвлекать изслѣдователя отъ анализа дѣйствительности и ея законовъ, онъ губить результаты, если побуждаетъ подставлять тому, что есть, то другое, что должно быть. Но только тотъ, кто его носитъ въ своемъ сердцѣ, послѣдовательно будетъ искать въ наукѣ политической экономіи отношенія богатства къ людямъ, для которыхъ оно существуетъ, и если онъ будетъ стремиться только къ истинѣ, онъ найдетъ рядомъ съ сложными фактами народнаго хозяйства тѣ идеи, которыя связываютъ матеріальную сторону человѣческой жизни съ ея высшими культурными интересами и отъ настоящаго ведутъ къ будущему.

Encyclopädie und Methodologie der politischen Oekonomie von Otto Effertz. Theil I. Object der politischen Oeconomie. Stuttgart, 1885. Систематическое изложеніе политической экономіи должно выяснитъ слѣдующихъ четыре вопроса: ея *объектъ*, *характеръ*, *задачу* и *методъ*. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ ограничивается первымъ вопросомъ, а такъ какъ объектъ экономической науки есть народное хозяйство, то все изслѣдованіе должно быть начато съ понятія о народномъ хозяйствѣ. Чтобы выяснитъ это понятіе, онъ даетъ въ двухъ главахъ опредѣленіе понятій *хозяйства* и *народа* и только въ послѣдней, третьей главѣ переходитъ къ *народному хозяйству*. Ни одно изъ опредѣленій автора не имѣетъ преимуществъ предъ ходячими опредѣленіями, и мы свободно могли бы обойти молчаніемъ всю его работу, еслибъ не встрѣтили въ ней нѣсколько оригинальныхъ и сильныхъ мыслей, изложеніемъ и развитіемъ которыхъ мы и думаемъ ограничиться здѣсь. Кто преодолѣетъ сухое изложеніе, объявіе чисто-схоластическихъ толкованій нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Аристотеля, которому авторъ влагаетъ совершенно несоответственный смыслъ, тотъ долженъ будетъ признать за авторомъ большую силу логическаго мышленія, а въ книгѣ найдетъ не одну плодотворную мысль, но не принадлежащую, впрочемъ, Аристотелю, какъ это думаетъ авторъ.

«Народъ есть собраніе *одинаковыхъ*. Собраніе неодинаковыхъ существъ не составляетъ народа. Отсюда слѣдуетъ, что предметы природы, къ которымъ прѣбгаетъ человѣкъ для живянныхъ цѣлей, не составляютъ частей народа». На этотъ признакъ авторъ обращаетъ большое вниманіе, такъ какъ многіе невольно строятъ свои теоріи на началахъ, противорѣчащихъ этой простой истинѣ. Къ такимъ теоріямъ онъ причисляетъ теорію *производительности капитала*, *природы* и другія подобныя теоріи. Ошибка заключается здѣсь въ недовольственной фикціи, въ олицетвореніи природы и капитала, ведущемъ къ цѣлому ряду новыхъ ошибокъ современной политической экономіи. Это онъ считаетъ *первой основной ошибкой*.

Если вникнуть въ эту мысль и постараться провести ее послѣдовательно, напримеръ, въ теорію рабочей платы или въ теорію капитала, то сразу бросается въ глаза тотъ рядъ новыхъ заключеній, съ которыми можно придти,

основываясь на одной этой простой мысли. Если строго придерживаться этой истины, то нельзя было бы больше говорить о *производительности капитала и земли*, и экономистъ долженъ былъ бы помнить, что въ политической экономіи надо исходить отъ *человѣка*, и что для экономиста производителемъ *только трудъ*, природа же и капиталъ даютъ, правда, собственникамъ доходъ, иногда даже хорошій доходъ, но это еще не значить, что ихъ доходъ созданъ природою и капиталомъ. Обладаніе капиталомъ и землею служить титуломъ, по которому управомоченный получаетъ часть того, что произведено трудомъ, но это далеко еще не значить, что капиталъ производителемъ. Способность доставлять доходъ можно было бы назвать *рентабельностью* и это особое обозначеніе указывало бы на то, что источникомъ дохода капиталиста служить не производительность его капитала, а производительность труда, прилагаемаго къ его капиталу. Земля производительна въ глазахъ натуралиста, въ глазахъ же экономиста, который долженъ противопоставлять челоѣка вѣшной природѣ, производителемъ *трудъ* и *только трудъ*. Говоря словами Родбертуса, погрѣшность экономистовъ, исходящихъ отъ «производительности капитала», заключается въ томъ, что они смѣшиваютъ *объективный источникъ происхожденія* отдѣльных видовъ дохода съ *субъективными причинами* полученія ихъ со стороны управомоченныхъ.

Такая постановка вопроса, къ какой можно придти, основываясь на вышеуказанной мысли, приводитъ, правда, къ убѣжденію, что нѣкоторые классы общества получаютъ свой доходъ на счетъ другихъ, но она не предрѣшаетъ еще вопроса о пользѣ или вредѣ отдѣльных классовъ общества и проч., потому что послѣдній вопросъ можетъ быть рѣшенъ не на основаніи однихъ экономическихъ соображеній: для успѣшнаго его рѣшенія мнѣнія одного экономиста еще недостаточно. Если экономистъ думаетъ защищать прибыль или поземельную ренту «производительностью капитала и земли», то его дѣло потеряно. Чтобы отстоять историческую необходимость прибыли, слѣдуетъ обратиться къ другому рода аргументаціи, притомъ, нельзя ограничиться одними экономическими разсужденіями. Для насъ, впрочемъ, въ данномъ случаѣ достаточно и этого одного приѣра, чтобы показать, къ какимъ выводамъ можно придти путемъ послѣдовательнаго проведенія этой мысли. Теорія производительности капитала, справедливо замѣчаетъ авторъ, встрѣчается иногда и у противниковъ «капиталистическаго производства», у социалистовъ. Такъ, Лассаль думаетъ, что земля производительна, что это доказываетъ простой взглядъ на окружающую природу, деньги же непроизводительны. Съ своей стороны мы можемъ прибавить, что эта ошибка встрѣчается не только у Лассалья и у массы экономистовъ, излагавшихъ Маркса, но даже въ первыхъ трудахъ Энгельса, наприѣръ, въ статьѣ его въ *Deutsche-französische Jahrbücher*.

Кому же принадлежитъ эта мысль? Авторъ хочетъ насъ убѣдить, что она принадлежитъ Аристотелю, и находитъ ее въ слѣдующихъ словахъ 7 кн., § 8, *Политики*: «собственность не составляетъ части государства, ибо государство есть собраніе подобныхъ» (см. переводъ *Осиандра и Шеаба*, Штуттгартъ. 1856, томъ 280 греческихъ прозаиковъ, стр. 668).

Въ эту темную фразу авторъ вложилъ частью то, къ чему пришелъ самостоятельнымъ путемъ, частью то, что ему удалось послѣдовательно вывести изъ нѣкоторыхъ такихъ же неопредѣленныхъ мѣстъ изъ классиковъ и социалистовъ.

«Народъ есть собраніе (соединеніе), обладающее *самостоятельностью*. Не видно, почему къ народу причисляютъ только опредѣленные классы и исключаютъ другіе. Греки исключали рабовъ. Противъ такого исключенія съ точки зрѣнія формальной логики ничего нельзя было возразить, если желали этимъ опредѣлить народъ или народъ эллиновъ. Есть и теперь философы, которые изъ понятія о народѣ исключаютъ нѣкоторые классы, но не прямо и буквально, какъ это дѣлаетъ Аристотель, а косвенно и молча, устанавливая теоріи, которыя окажутся ложными, если исходить отъ вышеустановленнаго понятія о народѣ. Сюда относится, напр., теорія, что издержки производства равны рабочей платѣ, выплачиваемой рабочимъ, или равны средствамъ пропитанія, потребляемымъ во время производства. Въ этихъ теоріяхъ, которыя весьма распространены, наемные рабочіе или производители рассматриваются не какъ части народа. Такое исключеніе имѣло бы свой смыслъ, если бы рѣчь шла не о народѣ, а о классѣ капиталистовъ, но оно становится невозможнымъ, разъ рѣчь идетъ о народѣ. Ошибка заключается и въ этомъ случаѣ въ недозволительной фикціи, въ реификаціи (овеществленіи) наемныхъ рабочихъ или производителей. Всякая экономическая фикція ложна; политическая экономія, въ противоположность юридическимъ наукамъ, не должна терпѣть фикцій». Это авторъ считаетъ *второй основной ошибкой*.

Попробуемъ развить эту мысль, которая, опять-таки, неудачно пришта къ одному изъ аристотелевскихъ положеній, и мы увидимъ, какія послѣдствія имѣла указываемая ошибка въ теоріи рабочей платы, какъ она невольно послужила основой такъ называемой теоріи фонда рабочей платы. По этой теоріи плата, получаемая наемнымъ рабочимъ, рассматривается не какъ средство, дающее свободному человѣку-рабочему возможность удовлетворять своимъ потребностямъ, а какъ средство для производства. Свободный челоувѣкъ-рабочій и его потребности рассматриваются лишь настолько, насколько они имѣютъ значеніе въ производствѣ, какъ будто бы цѣлью является производство, а не потребленіе, какъ будто жизнь большинства населенія и его счастье безразличны для общества.

Теорія рабочаго фонда почти не встрѣчаетъ теперь защитниковъ; она не разъ была опровергнута, противъ нея высказались Торнтонъ, Уокеръ, Лонгъ, подъ конецъ жизни подъ влияніемъ Торнтона даже Милль, гораздо опредѣленнѣе Родбертусъ, Марксъ, Джоржъ, недавно еще Тойнби. Но, несмотря на то, что сама теорія сошла со сцены, мы часто встрѣчаемъ ее отголоски, напр., въ теоріи капитала, когда экономисты включаютъ въ капиталъ народнаго хозяйства рабочую плату. Въ эпоху рабства, когда рабочій, наравнѣ съ землей и капиталомъ, принадлежалъ одному лицу, такой взглядъ былъ вполне естественнымъ, потому что для рабовладельца рабъ-рабочій есть лишь *instrumentum vocale*. Но совсѣмъ другое, когда мы имѣемъ дѣло съ свободнымъ рабочимъ, когда признаемъ за нимъ челоувѣческія права. Тогда его жизнь становится цѣлью, а не средствомъ, и мы должны ставить рабочую плату на одну линію не съ кормомъ для скота или масломъ для машины, а съ доходомъ другихъ классовъ общества, т.-е. причислять ее не къ капиталу, а къ доходу. Для отдѣльнаго капиталиста, конечно, такой разницы не существуетъ, такъ какъ онъ распределяетъ получаемую имъ прибыль на весь затрачиваемый имъ капиталъ, все равно, пошелъ ли послѣдній на содержаніе рабочихъ, на покупку

сырья, или на починку машинъ. Поэтому совершенно справедливо, что частно-хозяйственный капиталъ включаетъ въ себѣ и такія части, которыя съ народно-хозяйственной точки зрѣнія составляютъ доходъ, а не капиталъ. Народно-хозяйственный капиталъ есть понятіе *логическое*, капиталъ предпринимателя—*историческое*. Такъ какъ второе шире и сложнѣе, то оно можетъ быть понято лишь послѣ того, какъ мы опредѣлили первое. Мы, такимъ образомъ, еще разъ видимъ, какъ въ политической экономіи необходимо исходить отъ народно-хозяйственной точки зрѣнія. Когда рѣчь идетъ о капиталѣ предпринимателя, то мы включаемъ въ него все то, что на каждой *исторической* ступени необходимо для производства, причемъ послѣднее находится въ зависимости отъ организациіи института собственности. Если же рѣчь идетъ о народно-хозяйственномъ капиталѣ, изъ понятія о капиталѣ выключаются историческіе его придатки, остается лишь то, что абсолютно, логически необходимо для производства. Теорія рабочаго фонда имѣетъ своимъ необходимымъ моментомъ капиталъ отдѣльнаго предпринимателя, какъ будто бы народно-хозяйственный капиталъ есть сумма частныхъ капиталовъ, а не нѣчто совершенно отъ нихъ отличное.

Третья ошибка политикоэкономовъ заключается въ отождествленіи частнаго хозяйства съ народнымъ, въ распространеніи законовъ, выведенныхъ и примѣненныхъ въ частномъ хозяйствѣ, на все народное хозяйство. Въ лицѣ Бастіа такое смѣшеніе приняло самое полное выраженіе; все, что вѣрно для человѣка, вѣрно и для общества, говоритъ онъ. Большая часть положеній, составляющихъ сущность экономическаго индивидуализма, сводится къ этой ошибкѣ. Изолированный человѣкъ, говоритъ Бастіа, есть какъ бы резюме общества, всѣ общественные феномены проявляются въ немъ. Поэтому, справедливо замѣчаетъ Эфферцъ, мы часто видимъ, что способъ пріобрѣтенія отдѣльнаго капиталиста служитъ исходнымъ моментомъ для объясненія прибыли, плата отдѣльнаго рабочаго положена въ основу ученія о рабочей платѣ и т. д. Что такого рода анализъ ошибоченъ, видно, какъ только мы обратимся къ способамъ, которыми пріобрѣтаетъ богатство народъ и индивидъ. Народъ въ цѣломъ можетъ пріобрѣтать только на счетъ вѣтшией природы, между тѣмъ какъ отдѣльный человѣкъ можетъ пріобрѣтать на счетъ природы и на счетъ другаго человѣка. Отождествлять эти вещи и изучать народно-хозяйственный процессъ пріобрѣтенія по способу пріобрѣтенія отдѣльнаго хозяйства есть поэтому крупная ошибка.

Первый есть процессъ, вытекающій изъ отношеній между человѣкомъ и природой,—*производство*; второй есть процессъ, вытекающій изъ отношеній между человѣкомъ и человѣкомъ, и представляетъ различныя формы обращенія—обмѣнъ, наемъ и проч.

Самъ авторъ не идетъ дальше и не распространилъ этого взгляда на всю политическую экономію. Въ такой общей формѣ мысль эта не нова, ново только удачное выраженіе ея. Наиболѣе послѣдовательное проведеніе мы встрѣчаемъ у Родбергуса. За то, съ другой стороны, это чуть ли не единственная мысль, которую, дѣйствительно, можно найти у Аристотеля. «Тѣ, которые думаютъ, что все, что примѣнимо къ народу, примѣнимо и къ семьѣ,—говоритъ онъ,—неправы, ибо они полагаютъ, что между ними существуетъ только *количественное* различіе, а не *качественное*, что не существуетъ различія между маленькимъ народомъ и большой семьей. Это невѣрно». (Пол. I. 1. Цит. изд., стр. 353—354).

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что вышеприведенныя *три* ошибки принадлежатъ къ основнымъ ошибкамъ, послужившимъ основаніемъ для многихъ ложныхъ теорій. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что отъ этихъ ошибокъ былъ свободенъ Аристотель. Напротивъ, у многихъ современныхъ писателей мы встрѣчаемъ гораздо болѣе определенное и послѣдовательное проведеніе этихъ мыслей, а не темныя, сбивчивыя и отрывистыя фразы, въ которыя можно вложить любой смыслъ. Критика Эфферца сильна, но она имѣетъ совсѣмъ не тотъ источникъ, какой онъ самъ указываетъ. Желаніе навязать Аристотелю мысли, до которыхъ тотъ по самымъ условіямъ рабскаго строя не могъ дойти, вредитъ всей книгѣ; она теряетъ значительную часть интереса, такъ какъ на половину наполнена толкованіями малозначущихъ мѣстъ изъ *Политики* Аристотеля и скорѣе напоминаетъ сухой средневѣковой трактатъ по схоластикѣ, чѣмъ экономическое изслѣдованіе. Какъ мы уже выше замѣтили, книжка эта едва ли найдетъ многочисленныхъ читателей, такъ какъ приходится перечитывать десятки страницъ, чтобы наткнуться на нѣсколько оригинальныхъ мыслей.

Заканчивая нашу рецензію, мы остановимся еще на одномъ критическомъ замѣчаніи, которымъ заключается книга. «Многіе экономисты,—говоритъ Эфферцъ,—раздѣляютъ совокупность экономическихъ процессовъ на *производство, распределение и потребление*. Правильнѣе было бы раздѣлять ихъ на четыре категоріи, такъ какъ процессы, входящіе въ область политической экономіи, сводятся къ приобрѣтенію и пользованію народа, съ одной стороны, индивида— съ другой. Такъ какъ экономическіе процессы индивида раздѣляются на процессы, вытекающіе изъ отношеній между *человѣкомъ и природой*, и процессы, вытекающіе изъ отношеній между *человѣкомъ и человѣкомъ*, то внутри индивидуальнаго хозяйства можно указать четыре вида процессовъ:

- 1) Приобрѣтеніе, вытекающее изъ отношеній между *человѣкомъ и природой*.
- 2) Приобрѣтеніе, вытекающее изъ отношеній между *человѣкомъ и человѣкомъ*.
- 3) Пользованіе, вытекающее изъ отношеній между *человѣкомъ и природой*.
- 4) Пользованіе, вытекающее изъ отношеній между *человѣкомъ и человѣкомъ*.

Народное хозяйство, напротивъ, знаетъ только процессы, вытекающіе изъ отношеній между *природой и человѣкомъ*.

Если назвать процессы, вытекающіе изъ отношеній между *человѣкомъ и природой* *производствомъ*, между *человѣкомъ и человѣкомъ* *обращеніемъ*, процессы пользованія, вытекающіе изъ отношеній между *человѣкомъ и природой* *потребленіемъ*, между *человѣкомъ и человѣкомъ* *взаимнымъ обменомъ услугъ* (Dienstleistung), то мы получимъ *четыре* вида экономическихъ процессовъ. При трехчленномъ дѣленіи экономическая категорія, называемая общіимъ услугомъ, не имѣетъ самостоятельнаго мѣста, между тѣмъ какъ это понятіе находится въ такомъ же отношеніи къ потребленію, въ какомъ процессъ приобрѣтенія, вытекающій изъ отношеній между *человѣкомъ и человѣкомъ*, т.-е. обращеніе, находится къ производству. «Категорія распределения,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—не включаетъ въ себя этого понятія. Если кто-нибудь занимаетъ другаго, то этотъ процессъ вытекаетъ изъ отношеній между *человѣкомъ и человѣкомъ*, но онъ, все-таки, еще не долженъ по этой причинѣ причисляться къ распределенію. Распредѣляются могутъ *продукты*, а не *производители и потребители*, *человѣкъ же не есть продуктъ, а производитель*».

И здѣсь мы можемъ отмѣтить весьма плодотворную мысль, что народное хозяйство, понимая его не въ смыслѣ національнаго, можетъ приобрѣтать только на счетъ природы, отдѣльный же человѣкъ можетъ приобрѣтать не только на счетъ природы, но и на счетъ другихъ людей. Экономическій процессъ сообразно съ этимъ выражается въ томъ, что люди научаются подчинять своимъ цѣлямъ силы природы, дѣлать свои завоеванія только на счетъ природы, а не на счетъ другихъ людей. Если народъ приобрѣтаетъ на счетъ другаго народа, то онъ въ такомъ случаѣ приобрѣтаетъ то, что произведено не имъ, а другимъ народомъ, т.-е. не создаетъ ничего новаго, а переноситъ уже существующее богатство изъ страны въ страну. Такъ какъ въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ вопросъ, какъ создается богатство, а не какъ оно переносится, то мы можемъ оставить въ сторонѣ обогащеніе народа на счетъ другаго. Для отдѣльнаго же человѣка дѣло принимается совершенно другой оборотъ: онъ можетъ богатѣть на счетъ другихъ людей, которые для него имѣютъ въ этомъ случаѣ такое же значеніе, какъ и силы природы. Мы еще разъ имѣемъ случай убѣдиться, что разъ мы задаемся цѣлью изучить экономическіе процессы, мы должны исходить отъ народнаго хозяйства, для котораго процессъ приобрѣтенія сливается съ процессомъ производства. Читатель легко можетъ усмотрѣть, какъ автору удалось подобрать нѣсколько удачныхъ мыслей, которыя всѣ приводятъ насъ къ убѣжденію, что экономическое изслѣдованіе должно быть начато отъ народнаго хозяйства и что только послѣ этого является возможность придти къ частному хозяйству. Чтобы яснѣе представить эту мысль, возьмемъ для примѣра понятіе *издержекъ производства*. Народно-хозяйственныя издержки производства суть тѣ издержки, которыя абсолютно необходимы для производства, — издержки, которыя всѣ сводятся къ труду. Не то частно-хозяйственныя издержки производства. Пользуясь выраженіемъ Родбертуса, послѣднія можно было бы назвать не издержками производства, а *издержками предпринимателя*. Первые абсолютно необходимы для производства и представляютъ по этому *логическое* понятіе; послѣднія, какъ и капиталъ отдѣльнаго предпринимателя, находятся въ зависимости отъ организацин собственности, и потому представляютъ понятіе *историческое*. Если пойти еще нѣсколько дальше, то станетъ ясно, почему цѣнность не совпадаетъ съ народно-хозяйственными издержками производства, съ количествомъ потраченнаго труда, а въ нѣкоторыхъ предметахъ всегда выше ихъ, въ другихъ всегда ниже. Дѣло въ томъ, что мѣновая цѣнность опредѣляется, при существованіи частной собственности, средними издержками предпринимателя, а не средними издержками производства.

Мы остановились на книгѣ Эфферца, можетъ быть, больше, чѣмъ она этого заслуживаетъ, но, во всякомъ случаѣ, не больше, чѣмъ того заслуживаютъ затронутые въ ней вопросы.

Девятый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Спб.. 1885 г. Изъ этого отчета оказывается, что число членовъ въ товариществахъ было въ 1873 году 31,208, въ 1883 году 201,587; запаснаго капитала въ первый изъ приведенныхъ годовъ 21,601 рубль, а во второй 547,372 рубля, оборотовъ 3.950,684 руб. въ 1873 году и 57.667,248 руб. въ 1883 году. Эти цифры показываютъ довольно значительный ростъ сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Несомнѣнно, однако, что нѣкоторые недостатки въ ихъ организацин и слабая

подготовка къ управленію кредитными операціями въ массѣ населенія парализуютъ отчасти добрыя послѣдствія распространенія у насъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Нерѣдко бываетъ, что пользованіе краткосрочнымъ кредитомъ превращается въ замаскированное долгосрочное и служить для выгоды не бѣднѣйшихъ, а наиболѣе состоятельныхъ членовъ сельскаго общества. Давно миновало то время, когда на подобаго рода ассоціаціи возлагались самыя радужныя надежды, когда въ нихъ видѣли чуть ли не главное средство для поднятія народнаго благосостоянія. Но нельзя не привѣтствовать усилій тѣхъ лицъ, благодаря которымъ распространяются у насъ эти полезныя учрежденія.

Къ 1 ноября 1884 года ссудо-сберегательныхъ товариществъ и кассъ, утвержденныхъ правительствомъ, было 1,344. Изъ *краткихъ свѣдѣній о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и кассахъ* по 1 января 1885 г. видно, что изъ общаго числа 1,349 уставовъ товариществъ не осуществилось 163, закрылось 148, не имѣется свѣдѣній объ открытіи 43, дѣйствуетъ 995. Всего болѣе товариществъ въ губерніяхъ Пермской (54), Тобольской (52), Тверской (47), Новгородской (45), Петербургской (43), Таврической (41), Ковенской (40).

О необходимости и возможности развитія русскаго торговаго мореплаванія и коммерческаго судостроенія. Л. П. Сѣмечкина. Спб., 1885 г. Въ 1882 году стоимость товаровъ, составившихъ предметъ нашей морской торговли, равнялась 677.838.402 р., въ томъ числѣ вывозъ—420.853.398, привозъ—256.984.034 р. Эти грузы занимали 12,200 кораблей, изъ которыхъ лишь 1,400 плавали подъ русскими флагомъ. Такое положеніе дѣлъ ясно свидѣтельствуетъ о нашей экономической отсталости. Намъ приходится переплачивать иностранцамъ громадныя суммы за перевозъ нашихъ же товаровъ. Слѣдуетъ отмѣтить, къ новой невыгодѣ для русскаго торговаго мореплаванія, что иностранные корабли часто приходятъ въ наши порты пустыми, чтобы взять товаръ (такихъ было въ 1882 году 5,510; отошло безъ груза только 1,988). Г. Сѣмечкинъ вычисляетъ, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ Россія переплатила такимъ образомъ иностранцамъ отъ 60 до 80 милліоновъ рублей ежегодно.

Г. Сѣмечкинъ приводитъ интересныя свѣдѣнія о развитіи мировой морской торговли и энергически настаиваетъ на принятіи мѣръ къ подъему нашего торговаго мореходства. Къ сожалѣнію, практическія предложенія автора не могутъ встрѣтить сочувствія со стороны людей, не вѣрящихъ во всепоспѣшное будто бы виѣшательство администраціи и въ иную благодѣтельность правительственныхъ субсидій. Г. Сѣмечкинъ проектируетъ устройство большихъ пароходныхъ предпріятій, субсидированныхъ правительствомъ. «Гарантія, улачиваемая правительствомъ,—говоритъ авторъ,—по акціямъ и облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, несмотря на ея весьма значительные размѣры, представляется нашей публикѣ естественнымъ и логичнымъ государственнымъ расходомъ и никого не пугаетъ». Г. Сѣмечкинъ выбралъ очень неудачный примѣръ: расходы государства по гарантіямъ желѣзныхъ дорогъ являются какъ разъ непроизводительными и обременительными. Съ большими оговорками можно принять и другое утвержденіе г. Сѣмечкина, будто милліоны, употребленные правительствомъ на поддержку русскаго общества пароходства и торговли, принесли государству огромную пользу. Не отрицая пользы, а въ извѣстныхъ случаяхъ и

необходимости государственнаго вѣдательства въ экономическія отношенія, мы полагаемъ, что это вѣдательство должно быть обставлено серьезными гарантіями его цѣлесообразности въ интересахъ народныхъ массъ.

Русско-балканскій торговый вопросъ. А. Мураневича. М., 1885 г. Въ этой книжкѣ г. Мураневичъ рассказываетъ о своихъ долговременныхъ, настойчивыхъ и не увѣнчавшихся успѣхомъ усиліяхъ подвигнуть нашихъ крупныхъ промышленниковъ къ установленію правильныхъ торговыхъ сношеній съ Болгаріей. Босность и невѣжество нѣкоторыхъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ фабрикантовъ обрисовываются г. Мураневичемъ довольно ярко. Книжка заключаетъ въ себѣ интересныя статистическія данныя о Болгаріи. Въ сожалѣнію, событія послѣдняго времени устраняютъ всякую возможность успѣха въ развитіи нашихъ торговыхъ сношеній съ болгарскимъ княжествомъ, и этотъ рынокъ (мы придаемъ ему, *въ экономическомъ отношеніи*, менѣе значенія, чѣмъ это дѣлаетъ г. Муршевичъ) почти потеряно уже для Россіи. Факты, приводимые авторомъ брошюры, убѣждаютъ лишній разъ въ томъ, какъ плохи наши консулы, какъ мало понимаютъ они и какъ пренебрегаютъ существенными русскими интересами.

Исслѣдованія о Русской Правдѣ. Выпускъ второй. Текстъ Русской Правды съ объясненіями отдѣльныхъ словъ. Проф. Мрочекъ-Дроздовскаго. М., 1885 г. Эта обширная работа доступна и интересна, конечно, лишь специалистамъ и студентамъ. Г. Мрочекъ-Дроздовскій выполнилъ ее съ выдающимся трудолюбіемъ и добросовѣстностію, и его книга должна быть справочною для каждаго, кто занимается *Русскою Правдою*. Изданіе списковъ этого законодательнаго памятника является, по словамъ самаго г. Мрочекъ-Дроздовскаго, «нѣкоторою добавкою къ изданію Н. В. Балачева». Книга дѣлится на три части: 1) введеніе, гдѣ говорится о словѣ *правда*, о томъ, какое понятіе имѣли наши предки о правѣ; 2) тексты *Правды* съ вариантами; 3) объясненія нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ *Русской Правдѣ*, въ азбучномъ порядкѣ. Приложенія, въ которыхъ должны были появиться дополнительныя исслѣдованія автора, не вошли въ настоящее изданіе. Г. Мрочекъ-Дроздовскій предполагаетъ напечатать эти исслѣдованія отдѣльно.

Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа. Опытъ систематическаго, по отдѣламъ права, собранія юридическихъ пословицъ и поговорокъ русскаго народа. Г. Иллюстрова. М., 1885 г. Этотъ сборникъ появился первоначально въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*; теперь онъ дополненъ. Юридическія пословицы имѣютъ немаловажное значеніе для выясненія народныхъ юридическихъ воззрѣній и опытъ систематизаціи ихъ г. Иллюстровымъ представляетъ собою очень полезную попытку разобраться въ этомъ богатомъ матеріалѣ. Нѣкоторыя народныя пословицы поражаютъ своею иѣткостью и жизненною правдою; другія свидѣтельствуютъ о неправильномъ пониманіи народными массами нѣкоторыхъ отношеній. Какъ хорошо, напримѣръ, слѣдующее изреченіе: «строгий законъ виноватыхъ творить, а разумный тогда поневоля дуритъ». Или такая пословица, характеризующая дореформенный судъ: «законъ, что дышло, куда поверотишь, туда и вышло». Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ пословицы, восхваляющія тѣлесныя наказанія: «палка нѣма, а даетъ ума»; «кнутъ не мучитъ, а добру учитъ», и т. д. Поговорки, характеризующія семейныя отношенія, также

отличаются нерѣдко несамнатурными чертами: «люби жену, какъ душу, трясемъ ее, какъ грушу»; «жену не бить—и милу не быть» и т. п. Имѣло бы очень важное значеніе такое изслѣдованіе, которое указало бы на процессъ измѣненія юридическихъ пословицъ, на приблизительное время появленія новыхъ, отличающихся новую фазу въ народныхъ воззрѣніяхъ. Но для такого изслѣдованія встрѣчаются иной разъ непреодолимые затрудненія.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

Успѣхи знанія⁴. М. И. Демкова. — „Мѣстоприсхожденіе воздѣлываемыхъ растений“. А. Декандолля. — „Geschichte der Physik von Aristoteles bis auf die neueste Zeit“. А. Heller.

Успѣхи знанія (1883—1884). Физика, метеорологія, зоологія, ботаника, географія, этнографія и путешествія. Годъ первый. Составилъ М. И. Демковъ, д. членъ кіевскаго общества естествоиспытателей. Черниговъ, 1885 г. За границей существуетъ цѣлый рядъ научно-общедоступныхъ журналовъ и сборниковъ, знакомящихъ образованныхъ читателей со всѣми завоеваніями и приобрѣтеніями науки; у насъ же почти нѣтъ подобнаго рода изданій, и въ этомъ отношеніи попытка г. Демкова заслуживаетъ вниманія. Авторъ, впрочемъ, оговаривается, что заглавіе изданной имъ книжки нѣсколько громко и что правильнѣе было бы ее назвать: *Нѣкоторыя важнѣйшія открытія въ области естественныхъ наукъ*. Современемъ авторъ надѣется издать подобный же выпускъ, посвященный успѣхамъ химіи, фізіологіи, геологіи, минералогіи и антропологіи. Источниками при составленіи книги служили, главнымъ образомъ: Figuières: *L'année scientifique*, 1883 г., P. Bert: *Revue scientifique*, 1884 г., рядъ журналовъ (*Revue scientifique*, *Monde de la science*, *Il progresso*, *La science pour tous* и др.), а также нѣкоторыя русскія сочиненія или переводы. Большая часть книжки посвящена успѣхамъ физики и метеорологіи; затѣмъ слѣдуютъ двѣ статьи по зоологіи (наибольшая—о жизни на днѣ моря, на основаніи французскихъ экспедицій *Работника* и *Талисмана*, по статьямъ въ *Science pour tous*), нѣсколько статейъ по ботаникѣ и, наконецъ, по географіи—о третьемъ путешествіи Пржевальскаго въ центральную Азію и нѣкоторыя другія извѣстія. Въ пользу книжки говоритъ то, что составитель ея не простой компиляторъ, а человекъ научно-образованный и понимающій то, о чемъ онъ пишетъ, что у нашихъ популяризаторовъ не всегда встрѣчается. По одному выпуску еще нельзя, однако, составить достаточнаго понятія о полнотѣ и удовлетворительности предпринятыхъ г. Демковымъ обзоровъ. Необходимо подождать слѣдующихъ выпусковъ, а покуда можно только порадоваться, что въ провинціи у насъ начинаютъ появляться дѣятели, подобные г. Демкову, которому мы искренно желаемъ успѣха въ его предпріятіи и дальнѣйшаго развитія послѣдняго.

Мѣстоприсхожденіе воздѣлываемыхъ растений. А. Декандолля. Пер. съ 2-го франц. изданія съ дополненіями по позднѣйшимъ источникамъ, подъ редакціей д-ра Х. Гоби, профессора С.-Петербургскаго университета. Спб., 1885 г. Сочиненіе

известнаго швейцарскаго натуралиста-мыслителя, Альфонса Декандолля, вышло въ свѣтъ въ концѣ 1882 года, а годъ спустя, появилось уже вторымъ изданіемъ и было почти одновременно переведено на нѣмецкій и англійскій языки. Русскій переводъ сдѣланъ со 2-го исправленнаго французскаго изданія и дополненъ тѣми примѣчаніями, которыя написаны авторомъ къ нѣмецкому переводу его сочиненія. Кроме того, къ русскому переводу добавлены еще нѣкоторыя дополнительные свѣдѣнія, почерпнутыя, главнымъ образомъ, изъ новѣйшихъ работъ ученаго египтолога и натуралиста Швейнфурта. Редакторъ перевода, профессоръ Гоби, извѣстенъ какъ дѣльный ученый, заявившій себя нѣсколькими самостоятельными трудами по низшимъ растениямъ (грибамъ и водорослямъ) и по редакціи перевода многихъ иностранныхъ ученыхъ сочиненій, какъ, напримѣръ, сочиненія Петтенкофера—*О холерѣ* (1885) Баумгартена—*О болѣзнетворныхъ растительныхъ микроорганизмахъ* (1885), Цоцфа—*О дробянкахъ-бактеріяхъ* (1884) и др.

Книга Декандолля раздѣляется на три части. Въ первой сообщаются предварительныя замѣчанія и говорится о методахъ, служащихъ къ открытію или констатированію мѣстъ происхожденія видовъ. Кроме чисто-ботаническихъ данныхъ, авторъ доказываетъ необходимость пользоваться данными палеонтологіи, археологіи, исторіи и языкознанія. Вторая часть посвящена изслѣдованію видовъ по отношенію къ первоначальному ихъ мѣстоприсхожденію, первымъ временамъ ихъ культуры и главнымъ факторамъ ихъ распространенія,—другими словами, представляетъ главную часть труда, потребовавшаго отъ автора обширной эрудиціи и массы справокъ. Третья часть содержитъ въ себѣ выводы и заключенія, именно перечень видовъ, съ указаніемъ мѣстъ ихъ происхожденія и времени введенія въ культуру, и общія замѣчанія объ областяхъ происхожденія культурныхъ растений, о числѣ и качествѣ растений, воздѣлываемыхъ начиная съ различныхъ эпохъ, о культурныхъ растенияхъ, известныхъ или неизвѣстныхъ въ дикомъ состояніи, о вымирающихъ культурныхъ растенияхъ и т. д.

Изъ изученныхъ 247 видовъ 199 принадлежатъ Старому Свѣту, 45—Америкѣ и только 3—пока еще сомнительныхъ. Изъ всѣхъ странъ южныя (въ южномъ полушаріи) дали всего меньше культурныхъ растений; Патагонія и Канская область—ни одного, Новая Голландія и Новая Зеландія—только *Eucalyptus globulus*. Соединенные Штаты также дали только земляную грушу, да нѣсколько тыквъ. Изъ 247 видовъ 44 должны быть разсматриваемы, какъ принадлежащія весьма древней культурѣ, т.-е. которые стали воздѣлываться во времена незапамятныя. Таковы: пшевица, ячмень, просо, рисъ, чечевица, бобы, бананъ, смоквица, маслина, яблоня, груша, виноградъ, миндальное и персиковое дерево, капуста, лукъ, рѣпа, финиковая пальма и др. Также древни, можетъ быть, и пять американскихъ видовъ: кукуруза (маисъ), какао, табакъ, кока и мате. Другіе виды Старога Свѣта (около 60) менѣе древни, хотя нѣкоторые изъ нихъ воздѣлываются уже не менѣе 2,000 лѣтъ, какъ, напримѣръ, марена, рѣдька, чеснокъ, спаржа, вика, фасоль, индиго, сахарный тростникъ, лимонъ, вишня, рожь, овесъ, макъ, хлопчатникъ, перецъ и др.

Растенія, воздѣлываемыя менѣе 2,000 лѣтъ, принадлежатъ преимущественно къ искусственнымъ кормовымъ травамъ, которыя едва ли были извѣстны древнимъ; затѣмъ, къ нимъ относятся нѣкоторыя луковичныя растенія, овощи,

лѣкарственные растенія, гречиха, кофейное дерево и др. Въ продолженіе послѣднихъ 2,000 лѣтъ люди не нашли и не ввели въ культуру ни одного вида, который могъ бы поспорить съ кукурузой, рисомъ, картофелемъ, хлѣбными деревьями, финиковой пальмой, хлѣбными злаками, сорго, бананами. Древность этихъ растеній восходитъ до 3,000, 4,000 или 5,000 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, и дальше. Въ продолженіе греко-римской цивилизаціи и послѣ того, почти всѣ введенныя въ культуру виды соответствуютъ потребностямъ болѣе утонченнымъ. Декандолль полагаетъ, что въ будущемъ постепенное уничтоженіе тѣхъ лѣсовъ, въ которыхъ встрѣчаются нѣкоторыя растенія, дающія прядильныя или дубильныя вещества, каучукъ, гуттаперчу, разныя пряности и т. п., вызоветъ искусственную культуру этихъ растеній, равно какъ культуру нѣкоторыхъ плодовыхъ деревьевъ (изъ семейства ананасныхъ), кормовыхъ травъ, лѣсныхъ породъ и т. д. Въ началу XX столѣтія люди будутъ культивировать, вѣроятно, около 300 видовъ. Это составитъ небольшой процентъ на общее число 120,000 или 140,000 формъ всего растительнаго царства; но въ царствѣ животныхъ процентъ одомашненныхъ видовъ еще гораздо меньше.

Книга издана очень чисто (г. Риккеромъ), но цѣна ей (3 р. 60 к.), при отсутствіи рисунковъ, довольно высока.

Geschichte der Physik von Aristoteles bis auf die neueste Zeit von August Heller. 2 Bände. Stuttgart, 1882—1884. Книга Геллера, первая часть которой была премирована въ 1881 году королевскимъ венгерскимъ обществомъ естествоиспытателей въ Будапештѣ, заключаетъ въ себѣ исторію физики отъ Аристотеля до настоящаго времени. Поставивъ себѣ цѣлью прослѣдить историческій ходъ образованія и развитія современныхъ научныхъ понятій, авторъ начинаетъ изложеніе исторіи со времени возникновенія этихъ понятій въ древнихъ философскихъ теоріяхъ Греціи, затѣмъ переходитъ къ жизнеописанію Платона и Аристотеля и въ дальнѣйшемъ изложеніи слѣдуетъ такому порядку: онъ описываетъ болѣе подробно жизнь и труды ученыхъ, имѣвшихъ преобладающее вліяніе на развитіе научныхъ понятій извѣстнаго времени, и рядомъ съ этимъ присоединяетъ уже болѣе краткое описаніе жизни остальныхъ ученыхъ даннаго періода. Всю исторію физики онъ дѣлитъ на слѣдующіе періоды: 1) періодъ древней физики, отъ времени возникновенія научныхъ мѣтій до взятія и разрушенія Александріи арабами (642 г. по Р. Х.); 2) періодъ средневѣковой физики, до половины шестнадцатаго столѣтія; 3) періодъ новой физики, отъ времени Коперника и Галилея до смерти Ньютона, и 4) періодъ новѣйшей, отъ смерти Ньютона до настоящаго времени.

Съ Аристотеля начинается раздѣленіе отдѣльныхъ отраслей знанія и систематизація свѣдѣній о природѣ. За временемъ Аристотеля слѣдуетъ время александрийцевъ. Въ этотъ послѣдній періодъ древней физики математика достигаетъ значительнаго развитія и ложится въ основаніе механики, оптики и астрономіи: Архимедъ кладетъ основаніе статике и гидростатике, Бонезибій и Геронъ изобрѣтаютъ многочисленныя машины, Евклидъ и Клавдій Птоломей отыскаютъ законъ отраженія свѣта и описываютъ явленіе свѣтопреломленія.

Слѣдуемъ вкратцѣ общій обзоръ историческаго хода развитія физическихъ свѣдѣній за этотъ періодъ.

Пифагорейцы первые (за 6 вѣк. до Р. Х.) учили, что земля шарообразна,

но не на основаніи опытныхъ доказательствъ, а на основаніи требованія геометрической гармоніи. Филолай, первый изъ среды пифагорейцевъ, изложилъ свою космическую систему, по которой въ центрѣ вселенной находится чистѣйшій изъ всѣхъ элементовъ—огонь, вокругъ котораго вращаются съ запада на востокъ въ гармоническихъ разстояніяхъ противоземля, земля, луна, солнце, Меркурій, Венера, др. планеты и сфера неподвижныхъ звѣздъ. Платонъ въ своихъ воззрѣніяхъ склонялся къ гелиоцентрической системѣ, Аристотель же своимъ авторитетомъ подрѣшилъ мнѣніе, что земля—центръ вселенной, и, такимъ образомъ, способствовалъ господству геоцентрической системы надъ древнимъ ученымъ воззрѣніемъ. Предшественникомъ же Коперника въ древности слѣдуетъ считать Аристарха Самосскаго (280 г. до Р. Х.), который училъ, что солнце и неподвижныя звѣзды находятся въ покоѣ, а земля обращается вокругъ солнца. Для объясненія запутаннаго движенія планетъ была предложена Евдоксомъ Комдскимъ гомоцентрическая теорія, изложенная Аристотелемъ въ его *Метафизикѣ*. По этой теоріи каждая планета укрѣплена въ прозрачной паровой оболочкѣ, вращающейся у полюсовъ и заключенной въ другой такой же концентрической шаръ, который, въ свою очередь, заключенъ въ третій и т. д. Для каждой изъ пяти планетъ принимается по 4 сферы, для мѣсяца и солнца—по 3, для неподвижныхъ звѣздъ—одна, такъ что число всѣхъ сферъ простирается, по Евдоксу, до 27, по Балиппу, до 34, а по Аристотелю—до 56. Другая попытка объясненія неправильности движенія планетъ принадлежитъ Гиппарху (160—125 до Р. Х.), который помѣстилъ землю не въ центрѣ планетныхъ путей и принялъ послѣдніе за эксцентрическіе круги. Эксцентрицитетъ оныхъ принималъ равнымъ $\frac{1}{24}$ радіуса солнечной орбиты. Но такъ какъ и этой теоріей не вполне объяснялись всѣ неправильности движенія планетъ, то Клавдій Птоломей (около 120 г. послѣ Р. Х.) принимаетъ, что луна движется вокругъ земли не по самому эксцентрическому кругу, а по кругу меньшей величины, центръ котораго движется по эксцентрическому кругу. Кривая, описываемая, такимъ образомъ, луной называется эпицикломъ. По такимъ же эпицикламъ движутся и прочія планеты. Эпициклическая система Птолемея, изложенная въ его обширномъ астрономическомъ трудѣ, известномъ подъ арабскимъ названіемъ *Алмагеста*, была господствующею какъ въ арабскомъ ученомъ мѣрѣ, такъ и въ средніе вѣка, и сомнѣніе въ ея истинѣ считалось ересью.

Астрономическія свѣдѣнія древнихъ превосходили во многомъ ихъ познанія въ другихъ областяхъ естествознанія. Метеорологическія явленія вообще имъ были хорошо извѣстны и многія изъ нихъ вѣрно объяснены; такъ, они были знакомы съ сѣвернымъ сіяніемъ, огнями св. Эльма и др.; въ древности знали также истинныя причины происхожденія вѣтра, водяныхъ осадковъ, вѣрнаго же объясненія явленія радуги они не знали.

Оптическія свѣдѣнія древнихъ ограничивались почти только областью катоптрики, т. е. явленіемъ прямолинейнаго распространенія и отраженія свѣта. Они знали, что свѣтъ распространяется прямолинейно и что уголъ паденія луча равенъ углу отраженія. Менѣе совершенно было знакомство ихъ съ явленіемъ преломленія свѣта.

Сенека и Плиній употребляли шары, наполненные водой, какъ зажигательныя и увеличительныя стекла. Клеомедъ (50 по Р. Х.) въ своей *Циклической теоріи метеоровъ* описываетъ явленія отраженія и преломленія свѣта. Онъ

знаеть, что лучъ при переходѣ изъ менѣе плотной среды въ болѣе плотную приближается къ перпендикулярю. Онъ же говоритъ, что, вслѣдствіе преломленія лучей, мы видимъ солнце, уже зашедшее за горизонтъ.

Творецъ энциклопической теоріи, Клавдій Птоломей, въ своей *Оптикѣ* собираетъ всѣ современныя ему оптическія свѣдѣнія и расширяетъ ихъ собственными изслѣдованіями. Въ его *Оптикѣ* разбирается теорія зрѣнія, отраженіе лучей, теорія плоскихъ и сферическихъ зеркалъ и, наконецъ, преломленіе лучей, причемъ приводятся опыты, благодаря которымъ онъ довольно точно измѣряетъ углы, образуемые падающимъ и преломленнымъ лучемъ съ перпендикуляромъ для воздуха и воды, воздуха и стекла, стекла и воды. Птоломею также было извѣстно, что астрономическая рефракція увеличивается по направленію къ горизонту.

Представленіе древнихъ о томъ, что такое свѣтъ, равно какъ и теорія зрѣнія, были въ высшей степени несовершенны. Самое распространенное мнѣніе было то, что изъ глаза выходятъ лучи свѣта, которые, попадая на вѣншіе предметы, дѣлають ихъ видимыми; противъ этого мнѣнія возставалъ Аристотель, принимавшій, что между глазомъ и видимыми предметами существуетъ прозрачная среда. Что же касается теоріи происхожденія цвѣтовъ, то господствовало мнѣніе Аристотеля, который училъ, что существуютъ два основныхъ цвѣта, черныи и бѣлыи, всѣ же остальные цвѣта происходятъ отъ различнаго смѣшенія этихъ двухъ.

Явленія магнетизма и электричества были извѣстны еще въ VII вѣкѣ до Р. Х. Фалесъ первый указалъ на притягательную силу магнита и на то, что натертый янтарь притягиваетъ легкіе предметы. Почти всѣ свѣдѣнія древнихъ этимъ и ограничивались. Они не предугадали связи явленій электричества съ грозовыми явленіями, и Плиній, у котораго мы находимъ точное описаніе грозъ, сознается, что причина ихъ неизвѣстна. У Плинія же мы находимъ указанія на явленія отталкиванія магнитомъ. Искусство намагничиваніе не было извѣстно въ древности. Гипотезы, съ помощью которыхъ объяснялись магнитныя явленія, представляются въ высшей степени несовершенными. Фалесъ приписывалъ магниту душу; Эмпедоклъ старался объяснить явленіе притяженія магнитомъ, принимая, что изъ магнита истекають мельчайшія тѣльца; Лукрецій, который въ своей поэмі *De rerum natura* сопоставилъ мнѣнія своихъ предшественниковъ, объясняетъ слѣдующимъ образомъ дѣйствіе магнита: изъ всѣхъ тѣлъ отдѣляются токи атомовъ; токи, исходящіе изъ магнита, такъ сильны, что образуютъ безвоздушное пространство, куда устремляется желѣзо. Изъ прочихъ тѣлъ слишкомъ тяжелыя противустоятъ дѣйствию токовъ, слишкомъ же легкія имѣють большія скважины, чрезъ которыя токи проходятъ безпрепятственно.

Съ разрушеніемъ Александріи (642 г.) арабами кончается періодъ древней физики. Фанатическіе арабы, разрушившіе, такимъ образомъ, плоды древней культуры, сдѣлались съ теченіемъ времени ея единственными почитателями и хранителями, и въ то время, какъ Западная Европа, раздираемая постоянными войнами, забыла думать о наукѣ, они собирають древнихъ авторовъ и переводять и изучають ихъ. Важнымъ моментомъ въ исторіи арабской культуры было основаніе (въ 662 г.) Багдада Абассидомъ Абу-Джафаръ-Альмансоромъ, оказавшимъ большія услуги развитію науки.

Онъ и его наслѣдники, въ особенности Гарунъ-аль-Рашидъ и второй сынъ

последняго, аль-Мамунъ, приглашали многихъ ученыхъ, переводившихъ научныя сочиненія съ сирійскаго, греческаго, персидскаго и индійскаго языковъ на арабскій, основывали школы и библіотеки, собирали древнія рукописи и т. д. 300 ученыхъ путешествовали на счетъ Гарунъ-аль-Рашида съ учеными цѣлями, а при 'аль-Мамунѣ было предпринято градусное измѣреніе. Было найдено, что длина одного градуса равна $56\frac{2}{3}$ араб. миль. Въ X вѣкѣ Багдадъ подпадаетъ подъ власть персидской династїи Буджидовъ и власть халифовъ падаетъ, а, вмѣстѣ съ этимъ, арабская наука лишается существенной поддержки. Вторымъ центромъ арабской ученой дѣятельности была Кордова, въ Испанїи, гдѣ подъ управленіемъ халифовъ изъ дома Омайядовъ науки достигли полного разцвѣта.

Въ царствованіе Хакема II (961 г.) былъ основанъ въ Кордовѣ университетъ, въ другихъ городахъ были учреждены школы, библіотеки. Число томовъ въ его собственной библіотекѣ достигло 600,000. Въ Гренадѣ, Толедо, Валенціи, Алмерїи и т. д. были основаны школы, гдѣ, кромѣ магометанской теологїи и законовѣдѣнія, преподавались математика, астрономія, исторія и географія, грамматика и риторика, медицина и философія. Со всей Европы стекались въ Кордову жаждущіе просвѣщенія и знакомились здѣсь съ наукой классической древности. Гербертъ, впоследствии папа Сильвестръ II, слушалъ здѣсь философію и математику. Онъ перевелъ съ арабскаго труды Аристотеля, и средневѣковныя схоластики были знакомы съ трудами Аристотеля только изъ этого перевода. Съ IX вѣка начинается упадокъ значенія арабовъ въ Западной Европѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и господство арабской науки. Въ 1236 г., при взятїи Кордовы, ея знаменитая библіотека (содерж. до 280,000 кн.) была сожжена по приказанію кардинала Ксїмена.

Изъ всѣхъ отраслей знанія арабы сдѣлали болѣе всего успѣховъ въ математикѣ. Знакомые съ трудами Евклида, Архимеда, Архистарха и др., они дополнили геометрическіе методы древнихъ введеніемъ алгебры и имъ же принадлежитъ заслуга введенія арабскихъ цифръ, отчасти заимствованныхъ у индійцевъ. Въ астрономїи они ушли далѣе грековъ, по крайней мѣрѣ, по точности своихъ наблюденій. При аль-Мамунѣ было произведено градусное измѣреніе, при немъ же было найдено, что эклиптика наклонена къ экватору подъ угломъ въ $23^{\circ} 35'$. Эллиптическая теорія Птолемея не подверглась никакимъ измѣненіямъ со стороны арабскихъ ученыхъ.

Въ физикѣ арабы подвинулись очень мало сравнительно съ древними, только въ оптикѣ они ушли нѣсколько дальше, въ другихъ же отдѣлахъ физики, акустикѣ, въ ученїи о теплотѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, заслуги ихъ почти равны нулю. Такимъ образомъ, заслуга арабовъ заключается, главнымъ образомъ, только въ томъ, что они сохранили древнюю науку въ то время, когда Западъ не могъ заботиться о ней.

Второй періодъ средневѣковой физики, съ XI вѣка до половины XVI, отличается своимъ безплодіемъ въ научномъ отношенїи. Умы большинства ученыхъ были заняты діалектическими и схоластическими тонкостями, и ученые вроде Рожера Бэкона, осмѣливавшіеся отстаивать экспериментальный методъ въ наукѣ, подвергались преслѣдованію. Въ наукѣ, какъ и въ философїи, царствовалъ Аристотель, и сомнѣніе въ истинѣ его ученїи почиталось великой ересью. Только къ концу пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго столѣтїя начинается самостоятельная научная дѣятельность, и ранѣе всего въ астрономїи.

Николай де-Куза (1401—1464) старается доказать, что земля движется и не находится въ центрѣ вселенной, Пейербахъ (1423—1461) исправляетъ астрономическія таблицы въ *Алмагестъ*, Региомонтанъ (1436—1476) продолжаетъ дѣло своего учителя Пейербаха и устраиваетъ первую въ Европѣ обсерваторію. Региомонтанъ и Пейербахъ были учителями Коперника, съ котораго начинается третій періодъ исторіи физики. Начало этого періода новой физики совпадаетъ съ эпохой возрожденія наукъ и искусствъ.

Коперникъ и Галилей прокладываютъ широкій путь для дальнѣйшихъ изслѣдователей, первый тѣмъ, что онъ вывелъ землю изъ ея неподвижнаго состоянія и своимъ ученымъ трудомъ: *De revolutionibus orbium coelestium* положилъ прочное основаніе гелиоцентрической системѣ, второй же открылъ основныя положенія механики и тѣмъ далъ возможность для дальнѣйшихъ успѣховъ въ физикѣ и астрономіи. Успѣхъ астрономіи и физики въ этотъ періодъ былъ до того великъ, что онъ могъ закончиться блестящей эпохой Ньютона и Гюйгенса. Весь третій періодъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Первая, или итальянская эпоха, простирается отъ конца шестнадцатаго до второй трети семнадцатаго столѣтія, когда наука въ Италіи начинаетъ упадать и на мѣсто итальянцевъ выступаютъ французы и англичане. Въ это время основываются во Франціи парижская академія наукъ (1666), въ Англіи лондонское королевское общество (1662). Вторая эпоха оканчивается въ половинѣ восемнадцатаго вѣка. Весь этотъ періодъ отличается громаднымъ успѣхомъ во всѣхъ областяхъ физики. Въ астрономіи, благодаря трудамъ Коперника, Кеплера и Ньютона, окончательно установилась гелиоцентрическая система. Громадные успѣхи въ области гидро и аэродинамики, открытіе барометра и термометра же могли не оказать значительнаго вліянія на развитіе метеорологіи, и большая часть метеорологическихъ явленій находятъ себѣ вѣрное объясненіе. Такъ, Мариоттъ (1620—1686) излагаетъ теорію вѣтровъ, которая во многихъ отношеніяхъ остается вѣрною и до настоящаго времени.

Изъ всѣхъ областей физики наибольшее развитіе получила оптика, которая къ концу этого періода представляла стройную систему хорошо установленныхъ фактовъ. Датскій ученый Ромеръ рѣшилъ вопросъ о томъ, распространяется ли свѣтъ мгновенно, или же требуетъ для своего распространенія извѣстнаго времени; Декартъ и Снелліи открыли истинный законъ преломленія свѣта; Ньютонъ указалъ на явленіе дисперсіи, различную преломляемость лучей свѣта и разложилъ призмой бѣлый свѣтъ; Бартолинъ и Гюйгенсъ изслѣдовали явленіе двойнаго лучепреломленія въ кристаллахъ; Ньютонъ и Гулъ—цвѣта тонкихъ пластинокъ и цвѣтныя кольца; Гримальди и Ньютонъ—явленіе диффракціи свѣта. Вѣрное объясненіе атмосферныхъ оптическихъ явленій, радуги и колецъ вокругъ солнца и луны, было найдено, благодаря трудамъ Декарта, Мариотта, Гюйгенса и Ньютона. Для объясненія явленій свѣта были предложены двѣ теоріи, одна—теорія истеченія—Ньютономъ, другая—теорія волнообразнаго движенія эфира—Гюйгенсомъ. Благодаря авторитету Ньютона, теорія истеченія нашла себѣ болѣе приверженцевъ, и только спустя столѣтіе, соотечественникъ Ньютона, Томъ Юнгъ, и французскій ученый Френель окончательно испровергли теорію истеченія и упрочили господство теоріи Гюйгенса.

Успѣхи акустики были менѣе значительны, тѣмъ въ области оптики. Скорость распространенія звука въ воздухѣ была найдена Гассенди, Мерсеннемъ,

Борелли, Бойлемъ и ин. др. Гассенди указалъ, что скорость звука не зависитъ отъ высоты тона. Герике замѣтилъ, что звукъ распространяется въ водѣ, въ безвоздушномъ же пространствѣ онъ не можетъ распространяться. Что касается распространенія звука въ твердыхъ тѣлахъ, то Гукъ думалъ, что въ нихъ звукъ распространяется или мгновенно, или же со скоростью свѣта.

Съ открытіемъ термометра открылся широкій путь къ изслѣдованію явленій теплоты. Многочисленные наблюденія и опыты, дѣлаемые Бойлемъ, Герике, флорентійскими академиками и мног. др., познакомили со многими явленіями теплоты, съ расширеніемъ отъ нея тѣлъ и измѣненіемъ ихъ состоянія отъ теплоты и вызываемыми этимъ механическими явленіями. Къ этому же періоду относится установленіе понятія о количествѣ теплоты, которое необходимо придать тѣлу, чтобы повысить его температуру на извѣстное число градусовъ, и самое слово «теплоемкость» было введено въ науку флорентійскими академиками.

Знакомство съ явленіями магнетизма и электричества было расширено, благодаря трудамъ Уильяма Джильберта (1540—1603), который нашелъ, что, подобно янтарю, множество другихъ тѣлъ (алмазъ, стекло, смолы, каменная соль и др.) пріобрѣтаютъ свойство, будучи натерты, притягивать легкіе предметы; мраморъ же, дерево и въ особенности металлы неспособны наэлектризовываться. Тѣла во влажномъ воздухѣ быстро теряютъ свое электрическое состояніе. Что касается явленій магнетизма, то Уильямъ Джильбертъ зналъ, что каждый магнитъ имѣетъ два полюса, одноименные полюсы отталкиваются, разноименные притягиваются; при разламываніи магнита получаются маленькіе, совершенно подобныя магниты, обладающіе каждый двумя полюсами; подъ влияніемъ магнита развивается магнетизмъ въ стали и желѣзѣ. Земля представляетъ собою большой магнитъ, ось котораго совпадаетъ съ осью вращенія земли, магнитные же полюсы лежатъ на концахъ земной оси, чѣмъ и объясняется явленіе наклоненія магнита.

Успѣхи въ области ученія объ электричествѣ, послѣ смерти Джильберта, до самаго конца этого періода, были не велики: было открыто явленіе электрическаго отталкиванія и электрической искры. Различіе между электричествомъ динамическимъ и статическимъ не было извѣстно. Не болѣе можно сказать и объ успѣхахъ ученія о магнетизмѣ: Врукъ Тэйлоръ (1685—1731) производитъ опыты съ цѣлью опредѣлить зависимость силы магнитнаго притяженія отъ разстоянія и приходять къ невѣрному результату, что сила магнитнаго притяженія съ разстояніемъ не уменьшается въ какомъ-либо постоянномъ отношеніи. Такъ, на разстояніи $2\frac{1}{4}$ дюймовъ сила магнитнаго притяженія обратно пропорціональна квадрату разстоянія, на разстояніи же 10 дюймовъ обратно пропорціональна кубу разстоянія. Ньютонъ же полагалъ, что сила магнитнаго притяженія обратно пропорціональна кубу разстоянія.

Четвертый и послѣдній періодъ исторіи физики начинается со смертью Ньютона и продолжается до настоящаго времени. Это періодъ современной физики. Между тѣмъ какъ физика въ предыдущіе періоды занималась исключительно задачами механики и геометрической оптики, всѣ же другія явленія природы представлялись разрозненными, не соединенными, новѣйшая физика старается доказать, что различныя явленія, различныя такъ называемыя силы природы, теплота, электричество, свѣтъ и др., представляютъ собою лишь разные про-

явленія способности производить работу, или энергии. Въ этотъ періодъ физики наиболѣе разработаннымъ является ученіе о теплотѣ и электричествѣ.

Первымъ, кому наука обязана была яснымъ доказательствомъ связи между явленіемъ теплоты и механической работы, былъ графъ Румфордъ, который въ 1798 г. указалъ на треніе, какъ на источникъ теплоты. Послѣ же того, какъ изслѣдованіе явленія гальваническаго тока и измѣреніе количества тепла, выделяющагося въ проволоцѣ, при прохожденіи чрезъ нее тока, указало на зависимость этого количества тепла отъ количества электричества, проходящаго чрезъ проволоку, у многихъ ученыхъ почти одновременно явилась мысль объ эквивалентности теплоты и механической работы. Труды Мейера, Джуля, Больдинга и Гельмгольца появились въ продолженіе одного пятилѣтія. Съ новой теоріей случилась то же, что со многими великими открытіями. Въ началѣ она или игнорировалась, или опровергалась, и только спустя нѣкоторое время, ученые оцѣнили все ея значеніе и тѣ великія послѣдствія, которыя она имѣла для всего естествознанія. При помощи математическаго анализа окончательно была выработана механическая теорія теплоты. Теорія волнообразнаго движенія эфира, получившая, благодаря работамъ Юнга и Френеля, всеобщее признаніе, была болѣе благоприятна для механическаго воззрѣнія на явленія природы, чѣмъ господствовавшая прежде теорія истеченія. Такимъ образомъ, въ настоящее время настала пора всеобщаго господства механическаго воззрѣнія на всѣ явленія природы, и только область явленій магнетизма и электричества не поддается еще механическому представленію, потому что хотя извѣстна эквивалентность между теплотой и электричествомъ, но до сихъ поръ мы не можемъ представить себѣ тотъ видъ движенія, которымъ бы можно было объяснить явленія магнетизма и электричества, подобно тому, какъ теорія волнообразнаго движенія эфира и теорія молекулярнаго движенія объясняютъ явленія свѣта и тепла.

Въ заключеніи своего труда авторъ указываетъ на тѣ гениальныя догадки о неумножаемости энергіи, которыя были высказываемы въ древности. Такъ, у Еникура мы находимъ идею атомовъ, которые находятся въ вѣчномъ паденіи чрезъ безграничное пространство, причемъ количество движенія во всей вселенной постоянно. Подобную же мысль мы находимъ у Лейбница, Гука, Дан. Бернулли, Румфорда и Деви. Гукъ указываетъ на то, что матерія и движеніе неумножимы, и рассматриваетъ теплоту, какъ особый родъ движенія; Лейбницъ сравниваетъ переходъ движенія массы въ движеніе молекулъ, съ разбитіемъ большаго слѣтка золота на мелкія монеты; Даниэль Бернулли переноситъ исчезающую при ударѣ неупругихъ тѣлъ живую силу на *materia subtilis*. Такимъ образомъ, мы видимъ, что принципъ сохраненія, подобно многимъ великимъ законамъ, былъ не разъ высказываемъ въ видѣ догадки, но мало обращалъ на себя вниманіе до тѣхъ поръ, пока почти одновременно появившіяся съ разныхъ сторонъ фактическія доказательства не упрочили за нимъ всеобщаго господства.

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

„Нашъ нервный вѣкъ“. Крафтъ-Эбинга. — „Отчетъ по психиатрическому отдѣленію полтавской губ. земской больницы“. И. Я. Платонова. — „Очистка воды для питья въ малыхъ рѣчкахъ“. И. Я. Нейенбура. — „О дезинфекціи жилищъ помѣщевъ хлоромъ“. М. Аудиндилова. — „Наставленіе къ употребленію дезинфекціонныхъ средствъ и софты по уходу за больными“. Озерова и Увинова. — Способы количественнаго опредѣленія низшихъ организовъ въ воздухѣ“. К. П. Ковальковскаго. — „Матеріалъ къ изслѣдованію здоровья фабричныхъ рабочихъ и мясниковъ посредствомъ опредѣленія роста, вѣса, окружности груди и жизненной емкости легкихъ“. И. Муратова. — „О способахъ обезвреживанія холерныхъ эпидемій“. Е. В. Вербицкаго.

Нашъ нервный вѣкъ. Крафтъ-Эбинга. Изданіе Каспари. Спб., 1885 г. Все чаще и чаще начинаютъ слышаться указанія и раздаваться жалобы на нервную дряблость и хлосость дѣйствующаго поколѣнія, на отсутствіе въ немъ той энергіи и органической жизнеспособности, которыя отличали поколѣнія минушія, на усиленно распространенный среди него пессимизмъ и подавленность душевнаго настроенія, которые составляютъ удѣлъ первно-дряблыхъ и истощенныхъ натуръ, на «мировую скорбь, различные страхи и волненія, которые такъ легко и усиленно овладѣваютъ многими слоями общества», на «нервные страданія, которыя во всѣхъ общественныхъ классахъ принимаютъ все большіе и большіе размѣры», на увеличеніе числа сграшнихъ и наслѣдственно отиѣченныхъ людей, на возрастаніе числа случаевъ душевныхъ болѣзней и самоубійствъ и пр. «Блѣдные, раздраженные, недовольные и непостоянные, особенно въ центрахъ цивилизаціи, — въ большихъ городахъ, — люди нашего просвѣщеннаго времени не чувствуютъ себя счастливыми. Доказательствомъ служить та степень сочувствія, съ которой было встрѣчено безотрадное философское мировоззрѣніе Шопенгауера и Гартмана». И подобныя указанія и жалобы слышатся и раздаются не только со стороны врачей специалистовъ, склонныхъ, какъ увѣряютъ, все преувеличивать и повсюду видѣть больныхъ и ненормальныхъ. Нѣтъ, подобныя указанія и жалобы раздаются и въ средѣ самаго общества, не посвященнаго въ медицинскую науку.

Въ научной литературѣ явленія нервной слабости подмѣнены давно и много разъ описывались подъ различными именами, подъ именемъ невропатій (Флемингъ), неврозизма (Бушию), истерицизма (Вилерей), нервной слабости (Бёрдъ) и пр. Но всѣ эти описанія разсматривали явленія нервноности, какъ явленія преимущественно клиническія, явленія болѣе или менѣе исключительныя, какъ и болѣзани вообще. Но если крайне интересно и важно изученіе явленій нервной слабости съ клинической точки зрѣнія, какъ совокупности извѣстныхъ симптомовъ, то еще болѣе интересно и важно изученіе тѣхъ же явленій съ широкой общественно-біологической точки зрѣнія, во всей ихъ общественной полнотѣ, если можно такъ выразиться, въ ихъ причинахъ и источникахъ, въ ихъ общественномъ значеніи и въ ихъ общественныхъ слѣдствіяхъ, и, притомъ, не только въ жизни настоящаго, но и въ ихъ вѣроятныхъ слѣдствіяхъ для грядущихъ поколѣній. Если органическая жизнеспособность и устойчивость, если органическое здоровье и уравновѣшенность имѣютъ рѣшающее значеніе для отдѣльнаго лица, то столь же рѣшающее значеніе имѣютъ эти условія и для всего общества. Особенностями психо-физической организаціи опредѣляется весь нравственно-умственный обликъ личности, всѣ ея способности и склонности и все

направленіе ея жизненнаго пути. «Все земное благосостояніе,—справедливо замѣчаетъ Крафтъ-Эбингъ,—зависитъ отъ правильнаго функціонированія нервной системы. Духовный прогрессъ человѣка и его умственная дѣятельность обоснованы физическимъ субстратомъ». То же самое нужно сказать и по отношенію къ обществу, которое слагается изъ отдѣльныхъ личностей и умственно-нравственныя особенности котораго опредѣляются такими же особенностями этихъ послѣднихъ. Конечно, ви́шнія условія также имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, но нельзя не замѣтить, что характеръ этихъ условій, при жизни въ обществѣ, во-первыхъ, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ характера дѣятельности составляющихъ общество единицъ, а, во-вторыхъ, что эти условія могутъ вліять на психическія проявленія только при посредствѣ предварительно вызываемыхъ ими измѣненій въ психо-физическихъ особенностяхъ общественныхъ единицъ—членовъ живущихъ поколѣній. Изъ всего сказаннаго становится понятно важное и жизненное значеніе вопроса о первности и первой слабости современнаго поколѣнія, проявляющейся усиленной раздражительностью, подавленностью душевнаго тона и душевной скудостью, которая, по утверженію многихъ, довольно ярко начинаетъ отмѣчать нашъ первный вѣкъ. Разсмотрѣть вопросъ этотъ въ его широтѣ и поставилъ себѣ задачей проф. Крафтъ-Эбингъ въ небольшомъ томикѣ, заглавіе котораго нами выписано выше и который въ Германіи вышелъ уже вторымъ изданіемъ (въ *Tübingen Gesundheits-Bücher*).

Имя Крафтъ-Эбинга, какъ клинициста и судебнаго медика, давно извѣстно у насъ въ Россіи и извѣстно вполнѣ заслуженно. Крафтъ-Эбингъ много работаетъ и имѣетъ обширный кругъ наблюденій какъ въ завѣдуемомъ имъ наблюдательномъ отдѣленіи для душевно-больныхъ въ Грацѣ, чрезъ которое проходятъ всѣ свѣжіе случаи, такъ и въ своей многочисленной частной практикѣ. Основываясь на своемъ многолѣтнемъ и богатомъ опытѣ, авторъ въ названной нами книжечкѣ въ живой и популярной формѣ ведетъ съ читателемъ бесѣду о многообразныхъ и во всемъ стрѣхъ современной общественной жизни кроющихся причинахъ того страннаго явленія, что, несмотря «на колоссальные успѣхи въ области наукъ, искусствъ, ремеслъ и торговли, сдѣланные за послѣднее время, современнаго просвѣщеннаго человѣка довольнымъ, спокойнымъ и здоровымъ считать нельзя» и что этотъ человѣкъ «не въ состояніи спокойно наслаждаться жизнью» и всѣми ея благами. Явленіе дѣйствительно удивительное. И вотъ авторъ въ своей бесѣдѣ отмѣчаетъ многоразличныя явленія общественной жизни, которыя составляютъ ея язвы и которыя являются нарушеніями непреложныхъ законовъ жизни организма, а потому порождаютъ дряблѣе поколѣніе и «преждевременную его старость, сопровождающуюся всевозможными душевными пороками», вызываютъ прогрессирующее захуданіе, проявляющееся въ слабости нервовъ, малокроніи, недостаткѣ въ крови желѣза и въ недостаткѣ нервной энергіи, и обуславливаютъ то, «что нашему обществу,—какъ утверждаетъ авторъ,—грозитъ окончательное физическое и нравственное разложеніе, если не наступятъ благопріятныя условія, могущія поставить развитіе культуры на болѣе твердую почву, подкрѣпить и успокоить духъ и тѣло и выдвѣнуть болѣе благородныя и нравственныя цѣли нашего бытія».

Въ сочиненіи Крафтъ-Эбинга передъ читателемъ выступаетъ не узкій специалистъ, а опытный и разносторонній наблюдатель и образованный мыслитель, который шагъ за шагомъ слѣдитъ за разнообразными жизненными условіями,

как крупными, так и мелкими, вдумывается въ нихъ, взвѣшиваетъ ихъ и оцѣнваетъ ихъ смыслъ и значеніе по степени ихъ вліянія на умственное, нравственное и физическое благополучіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества. При этомъ онъ бросаетъ въ лицо современному обществу весьма горькіе, но вполне справедливые упреки за нагубное уклоненіе его жизни отъ законовъ природы, за царящую въ немъ «тщеславную погоню за наживой, истощающую лучшія душевныя и физическія силы и унижающую нравственное достоинство человѣка», за обратившуюся въ насущную потребность жажду наслажденій; «за чрезмѣрное сладострастіе, за нѣгу и развратъ», за усиленно распространенный алкоголизмъ, «являющійся слѣдствіемъ бѣдности низшихъ классовъ и чрезмѣрности умственной и физической работы», за чрезмѣрное и раннее умственное напряженіе, «превышающее извѣстную фізіологическую мѣру», за дурное воспитаніе, «порождающее безхарактерныхъ людей и эгоистовъ и не обращающее вниманія на отдыхъ, здоровье, духъ и сердце ребенка». «за унаслѣдованіе нервной слабости, этого мрачнаго клейма нашего вѣка, которое часто бываетъ слѣдствіемъ чрезмѣрной траты нервной силы родителями въ чрезмѣрныхъ наслажденіяхъ и работахъ», и, наконецъ, за многое множество другихъ темныхъ сторонъ современной общественной жизни. «Благодаря нравственной неразритости,—говоритъ авторъ,—разгулъ, развратъ и огрубеніе нравовъ принимаютъ въ рабочемъ сословіи все большіе размѣры, въ то время, какъ образованный классъ, въ особенности чиновничество, представляетъ изъ себя жалкихъ филистеровъ, предающихся кутежу и гонящихся за наживой. Идеалы все болѣе и болѣе вытѣсняются матеріализмомъ, но и въ немъ общество не находитъ удовлетворенія и впадаетъ въ пессимизмъ, поддерживаемый всеобщей нервностью и апатіей—неизбѣжными послѣдствіями хилости и распустройства». «Въ послѣднее время,—продолжаетъ онъ далѣе,—мы имѣли возможность близко ознакомиться съ нервными болѣзнями среди гимназистовъ и вынесли убѣжденіе, что болѣзнь ихъ никогда не зависѣла отъ одного только умственного обремененія, а чаще всего еще отъ унаслѣдованнаго физическаго недостатка мозга, отъ существовавшихъ съ ранняго дѣтства нервной слабости и недостаточныхъ дарованій, нерѣдко въ связи съ ненормальнымъ развитіемъ черепа, или отъ другихъ причинъ. Однако, эти наши личныя наблюденія не могутъ опровергнуть всеобщаго мнѣнія, что новѣйшія школы калѣчатъ духъ и тѣло». И напѣ авторъ, въ виду всѣхъ этихъ явленій современной общественной жизни, пророчески предвѣщаетъ, что «на основаніи непреложныхъ біологическихъ законовъ не только современнаго человѣка, но и потомковъ его ожидаютъ хилость и болѣзнь, если не прекратится грубое попираніе законовъ жизни». «За грѣхи отцовъ вашихъ буду истить до третьяго и четвертаго поколѣнія»,—говоритъ еще Ветхій Заветъ.

Читая сочиненіе Крафтъ-Эбинга, невольно припоминаешь многое, что говорилось въ древности, когда, утопавшій въ роскоши и всякихъ излишествахъ, покойный Римъ началъ представлять печальную картину физическаго и нравственнаго разложенія и когда Сенека писалъ: «Зло, отъ котораго мы страдаемъ, зависитъ не отъ того или другаго мѣста, а заключается въ насъ самихъ. Мы слабы лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что нужно выдержать. Мы не можемъ выносить ни труда, ни удовольствій, ни даже нашего собственнаго существованія. Нѣкоторые стремятся побояться съ собой лишь потому, что, измѣняя часто

свои проекты, все-таки, возвращаются къ прежнему, не оставляющему мѣста для чего-либо новаго. Жизнь и окружающій миръ имъ стали противны и послышались возгласы безумныхъ и сластолюбивыхъ: «Неужели всегда будетъ одно и то же?!»

Однимъ описаніемъ темныхъ сторонъ современной общественной жизни и различныхъ ея уклоненій отъ биологическихъ законовъ Крафтъ-Эбингъ, однако, не довольствуется. Наряду съ этимъ онъ даетъ и цѣлый рядъ правилъ сохранения тѣлеснаго и душевнаго равновѣсія, — правилъ тѣлесной и душевной гигиены. Въ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности сколько-нибудь подробно излагать содержаніе богатаго по мысли небольшого томика сочиненія Крафтъ-Эбинга. Замѣтимъ только, что въ немъ читатель найдетъ богатый матеріалъ для размышленій и поученій и вмѣстѣ съ авторомъ остановится мыслию на многихъ, на первый взглядъ, казалось бы, мелочныхъ, но на самомъ дѣлѣ важныхъ жизненныхъ явленіяхъ. Было бы весьма желательно, чтобы побольше являлось сочиненій, въ которыхъ извѣстные дѣятели науки обращались бы къ обществу съ своимъ авторитетнымъ научнымъ словомъ по поводу повседневныхъ и будничныхъ явленій жизни, среди которыхъ приходится жить и развиваться громаднѣйшему большинству общественной массы.

Въ сочиненіи Крафтъ-Эбинга читатель, правда, не найдетъ той обработки и приведенія многочисленнаго подтверждающаго фактическаго матеріала, который отличаютъ строго-научныя сочиненія. Изложеніе въ немъ ведется въ дидактической и популярной формѣ, что, однако, вполне соответствуетъ цѣлямъ и характеру сочиненія, рассчитаннаго не на читателей-специалистовъ, а на массу публики.

По поводу перевода, который мы сличали съ подлинникомъ, замѣтимъ слѣдующее: хотя переводъ и недуренъ, тѣмъ не менѣе, было бы весьма желательно, чтобы наши переводчики съ болѣею точностью передавали переводимыхъ ими авторовъ и поменьше бы допускали уклоненій отъ текста: переводъ не изложеніе, а только воспроизведеніе подлинника на другомъ языкѣ.

Отчетъ по психіатрическому отдѣленію полтавской губ. земской больницы. И. Я. Платонова. Полтава, 1885 г. Интересующіеся правильной постановкой въ земствахъ дѣла призрѣнія душевно-больныхъ не безъ пользы могутъ познакомиться съ названнымъ отчетомъ. Такъ, мы узнаемъ, что число призрѣваемыхъ и пользуемыхъ въ психіатрическомъ отдѣленіи полтавской земской больницы (около 500 чел. обою пола въ 1884 г., изъ нихъ 292 мужч.) изъ года въ годъ постепенно увеличивается, что обуславливается отчасти вообще возрастаніемъ въ послѣдніе годы числа душевныхъ заболѣваній, отчасти *установленіемъ* въ 1881 г. бесплатнаго леченія. Далѣе, изъ отчета мы узнаемъ, что процентъ душевно-больныхъ женщинъ, особенно въ послѣдніе годы, сильно возрастаетъ, такъ что, по словамъ автора, «мы накануне того далекаго будущаго, когда число призрѣваемыхъ умалишенныхъ женщинъ будетъ такое же, какъ и мужчинъ, если не больше». Вопреки общепринятымъ взглядамъ при обсужденіи разлѣровъ помѣщеній по числу мѣстъ для душевно-больныхъ мужчинъ и женщинъ, въ полтавской психіатрической больницѣ число женскихъ поступленій (58,3% муж. и 41,3% женщ. въ отчетномъ году) за послѣднія 10 лѣтъ все больше и больше увеличивается, что, надо полагать, обуславливается тѣмъ, что *бытовья условія женской части*

народонаселения все больше и больше ухудшаются въ сторону усиленія прдриспособленій женщины къ заболѣванію психозомъ. Притомъ, женскій элементъ большаго объѣмивается медленнѣе, чѣмъ среди мужчинъ, и потому съ бѣльшей настоятельностью нуждается въ призрѣніи. Заслуживаетъ также вниманія и тотъ фактъ, что изъ общаго числа больныхъ *женатыя и замужнія* составляли 53,4%, вдовы 7,8%, холостые и дѣвцы 34,3%. Абсолютно неизлечимыхъ случаевъ было 57,8% всего числа пользовавшихся больныхъ, изъ нихъ 56% между мужчинами и 45% между женщинами, по отношенію къ общему числу того и другаго пола въ отдѣльности. Изъ отдѣльныхъ заболѣваній наибольшее вниманіе общества и земства должна обратить рубрика больныхъ, одержимыхъ послѣдовательнымъ слабоуміемъ, т.-е. такой болѣзнію, которая не представляетъ никакихъ шансовъ къ выздоровленію и составляетъ обычный исходъ другихъ болѣзней излечимыхъ (меланхолія, маниа и т. п.). По мнѣнію автора, значительное большинство такихъ больныхъ, около 60%, перешло въ состояніе неизлечимости въ возрастѣ до 40 л., *исключительно благодаря несвоевременному обращенію къ специальной медицинскій помощи*. Если бы они попали въ заведеніе въ первое время своего заболѣванія, они имѣли бы гораздо больше шансовъ на выздоровленіе и возможность снова быть полезными членами семьи и общества, избавивъ первую отъ нищеты и разоренія; а второе отъ непродуманныхъ затратъ. Однако, они, по тѣмъ или инымъ причинамъ, этого не сдѣлали и послѣ долгихъ мытарствъ по знахаркамъ и бабкамъ перешли въ состояніе безнадежности. Мало того, они сдѣлались опасными для окружающихъ и, какъ таковыя, потребовали особаго надзора, составляя въ заведеніи тяжелый балластъ, неблагоприятно отзывающійся на врачебной дѣятельности психіатровъ. Что касается внутренней организаціи психіатрическаго отдѣленія полтавской земской больницы, то она основана, главнымъ образомъ, на спокойствіи, правильномъ леченіи душевно-больныхъ и вообще мѣрахъ нравственнаго леченія, предлагаемыхъ современной психіатріей, причѣмъ система стѣсненія больныхъ употребляется лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, условія размѣщенія больныхъ въ отчетномъ году были въ высшей степени неблагоприятны, чѣмъ, надо полагать, объясняется извѣстный случай, о которомъ много говорилось въ газетахъ мѣсяца два тому назадъ и который, какъ говорятъ, повлекъ удаленіе доктора Платонова отъ заведыванія психіатрическимъ отдѣленіемъ полтавской земской больницы. Такъ, мужчины помѣщались частью въ отдѣльныхъ трехъ зданіяхъ, частью въ общемъ больничномъ корпусѣ рядомъ съ другими (*заразными*) больными; для неопрятныхъ мужчинъ былъ отдѣльный флигель. Однако, ни въ одномъ изъ этихъ помѣщеній не было возможности строго отдѣлить больныхъ *безпокойныхъ* отъ спокойныхъ: одинъ *безпокойный* обыкновенно поднималъ на ноги все отдѣленіе помѣщенія, особенно въ женскомъ отдѣленіи, гдѣ спокойныя, *безпокойныя*, неопрятныя и слабыя помѣщались въ одномъ зданіи съ проходными больными палатами и гдѣ не было никакой возможности раздѣлить больныхъ такъ, чтобы одна больная не беспокоила другую.

Въ виду такихъ условій размѣщенія больныхъ, только энергичная бдительность и неуклонное требованіе отъ каждаго изъ служащихъ выполненія ими своихъ обязанностей могли поддерживать существующій порядокъ въ отдѣленіи, что, конечно, на практикѣ сопряжено съ большими для врача затрудненіями,

особенно въ виду трудности всегда имѣть нравственно-благонадежную прислугу. Сказанное относится къ 1884 г.; однако, съ тѣхъ поръ указанія врача такъ и остались на страницахъ его отчета, и неизвѣстно, будутъ ли приняты полтавскимъ земствомъ въ соображеніе послѣ упомянутой выше катастрофы (убійство одного больнаго другимъ) и послѣ удаленія бывшаго врача, оказавшагося, какъ водится, козломъ отпущенія за чужую вину. Для больныхъ, кромѣ библиотеки изъ 150 книжекъ, введены и другіе предметы развлеченія (игра въ кегли, шашки, домино и т. п.), но, главнымъ образомъ, физическій трудъ на открытомъ воздухѣ. Благодаря производившейся постройкѣ новыхъ зданій больницы, имѣлась возможность разнообразить и усилить работы душевно-больныхъ: лѣтомъ около 30 чел. ежедневно были заняты то очисткою строящихся зданій отъ накопившихся около и внутри ихъ земли и мусора, то насыпкой половъ, то копаньемъ ямокъ для столбовъ подъ балки пола и т. п., въ зимніе же мѣсяцы больные занимались пилкой и рубкой дровъ для всего отдѣленія и, кромѣ того, ежедневно работала по 6 чел. въ прачечной, катали бѣлье. Женщины занимались вязаньемъ, вышиваньемъ малороссійскихъ рубахъ, шитьемъ и т. п., но, за недостаткомъ мѣста, до сихъ поръ не удавалось подыскать имъ соответствующей работы на открытомъ воздухѣ, кромѣ отдѣлки небольшого садика и поливки цвѣтниковъ, какъ временныхъ занятій. Съ переходомъ въ новыя зданія больницы душевно-больныхъ, гдѣ имѣются отдѣльныя помѣщенія для мастеровскихъ и при которыхъ есть хотя небольшой кусокъ невоздѣланной еще земли, занятія больныхъ значительно расширятся и при надлежащей организаціи сдѣлаются болѣе осязательными по своей производительности, какъ можно заключить изъ примѣра многихъ существующихъ колоній для душевно-больныхъ. Замѣчательно, что, по словамъ доктора Платонова, ему нерѣдко приходилось достигать хорошихъ результатовъ, давая, между прочимъ, больному соответствующія книги и бесѣдуя съ нимъ на тему прочитаннаго. Вообще, недостатка въ желающихъ читать книги между душевно-больными не чувствуется и при условіяхъ монотонной больничной жизни для многихъ душевно-больныхъ, особенно интеллигентныхъ, чтеніе книгъ составляетъ иногда единственное развлеченіе и утѣшеніе.

Повторяемъ, знакомство съ отчетомъ о полтавскомъ психиатрическомъ отдѣленіи, какъ и многихъ другихъ подобныхъ заведеній, можетъ представить много интереснаго и поучительнаго даже и не для специалиста-медика.

Очистка воды для питья въ малыхъ размѣрахъ. Опытъ изслѣдованія домашнихъ фильтровъ. Дисс. И. Я. Нейенбурга. Спб., 1885 г. Излишне было бы говорить, какое громадное санитарное значеніе представляетъ въ домашнемъ обиходѣ члѣвѣка вода, служащая не только для питья и приготовления пищи, но и для поддержанія чистоты и опрятности. Вслѣдствіе все болѣе и болѣе возрастающаго загрязненія воды въ мѣстахъ промышленныхъ и густо заселенныхъ, а также вслѣдствіе не вполне удовлетворительной очистки ея центральными городскими фильтрами въ тѣхъ очень немногихъ мѣстахъ, гдѣ такыя имѣются, издавна стало появляться множество аппаратовъ для очистки воды. Особенно усилился въ настоящее время спросъ на домашніе фильтры въ Петербургѣ, гдѣ, несмотря на возрастающее загрязненіе невской воды, до сихъ поръ еще не устроены центральные фильтры. Въ виду того, что при выборѣ той или другой системы домашнихъ фильтровъ обыкновенно руководствуются не столько

увѣренностью въ ихъ дѣйствительной пригодности, сколько газетными объявленіями и многообѣщающими рекламами гг. изобрѣтателей и торговцевъ, попытка автора дать должную оцѣнку каждому изъ наиболѣе употребительныхъ у насъ аппаратовъ этого рода является весьма кстати. На основаніи своихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ лабораторіи проф. Доброславина, авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свои выводы: 1) многіе изъ находящихся въ продажѣ домашнихъ фильтровъ не удовлетворяютъ требованіямъ ни въ отношеніи качества очищаемой воды, ни дешевизны, ни удобства очистки; 2) наиболѣе удовлетворительными оказались фильтры системы «Compressed Charcoal» Slack и Brawlow, а также известняковые фильтры Корельскаго; наименѣе пригодны такъ называемые «кромбюгелевскіе», патентованные, изъ пластического воздреватаго угля. Фильтры системы Пифе и нѣкоторые другіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что они не могутъ быть достаточно часто и основательно прочищаемы, и потому скорѣе ухудшаютъ, чѣмъ улучшаютъ качества проходящей черезъ нихъ воды; 3) механическое дѣйствіе при одинаковомъ устройствѣ аппаратовъ не всегда бываетъ одинаковымъ, а потому не слѣдуетъ приобрѣтать никакого фильтра, не испробовавъ его предварительно на проходимости для болѣе мелкихъ сортовъ крахмала или глины; 4) фильтрація воды черезъ изслѣдованные авторомъ домашніе фильтры не гарантируетъ воду, совершенно свободную отъ микроорганизмовъ, хотя пропусканіе воды черезъ фильтры «Compressed Charcoal» и известняковые, по мнѣнію его, въ значительной степени вліяетъ на уменьшеніе въ водѣ количества этихъ организмовъ. Къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ возможности испытать дѣйствительность особенно популярныхъ въ послѣднее время двухъ новыхъ фильтровъ, изъ коихъ одинъ (Micromembran filter), вѣнскаго инженера Брейера, состоитъ изъ системы мельчайшихъ металлическихъ сѣтокъ, покрытыхъ асбестомъ. Другой, демонстрированный и одобренный проф. Доброславинымъ въ засѣданіи общества охраненія народнаго здоровья 10 октября 1884 г., извѣстенъ подъ именемъ свѣчи Шамберлена, состоящей изъ легкаго фарфороваго цилиндра въ металлической оправѣ, привинчивающагося къ водопроводному крану.

О дезинфекціи жилыхъ помѣщеній хлоромъ. Дисс. М. Автандилова. Спб., 1885 г. Произведя рядъ опытовъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ съ дезинфекціей хлоромъ, авторъ убѣдился, что процентное содержаніе хлора въ употребляемой съ этой цѣлью хлориновой извести настолько сильно колеблется, что никоимъ образомъ нельзя рекомендовать употребленія опредѣленнаго количества ея на извѣстный объемъ воздуха. Далѣе, дезинфекція обстановки жилого помѣщенія требуетъ извѣстныхъ познаній со стороны лицъ, ее производящихъ, что, помимо стоимости, дѣлаетъ принятіе этого безусловно дезинфицирующаго средства нѣсколько затруднительнымъ. Отдѣльные тезисы диссертациа представляютъ интересъ лишь для медиковъ, а потому мы ихъ и не приводимъ.

Наставленія къ употребленію дезинфекціонныхъ средствъ и совѣты по уходу за больными. Озерова и Уварова. Тула, 1885 г. Названная брошюра содержитъ правила, составленныя д-ромъ Озеровымъ (вообще по употребленію обезвреживающихъ средствъ и уходу за больными) и д-ромъ Уваровымъ (наставленіе попечителямъ при появленіи холеры). Наставленія эти были одобрены четвертымъ съѣздомъ врачей Тульской губерніи и, дѣйствительно, по ясности и научности изложенія, заслуживаютъ полнаго вниманія среди множества другихъ подобнаго рода популярныхъ брошюръ для народа.

Способы количественнаго опредѣленія низшихъ организмовъ въ воздухѣ. Дисс. К. П. Ковальковскаго. Спб., 1885 г. Паразитарная теорія происхожденія заразныхъ болѣзней приобрѣла въ настоящее время достаточно прочныя основанія. Понимъ того значенія, которое воздухъ можетъ имѣть въ дѣлѣ распространенія заразныхъ болѣзней, изученіе содержанія въ немъ низшихъ организмовъ представляетъ интересъ также и въ томъ отношеніи, что въ послѣднее время сдѣланы наблюденія, напр., въ обсерваторіи въ Понсури, указывающія на то, что смертность отъ инфекціонныхъ болѣзней въ населеніи поразительно совпадаетъ съ количествомъ низшихъ организмовъ въ воздухѣ, что возрастаніе ихъ количества сопровождается увеличеніемъ числа смертныхъ случаевъ, а пониженіе — уменьшеніемъ. Указавъ въ введеніи, въ общихъ чертахъ, тотъ путь, которымъ шли изслѣдованія по вопросу о такъ называемомъ *самопроизвольномъ* зарожденіи, и какъ эти изслѣдованія, касающіяся зародышей вообще, перешли въ современное ученіе о зародышахъ болѣзней, авторъ въ послѣдующемъ изложеніи (съ пояснительными рисунками) весьма подробно разсматриваетъ то значеніе, которое можетъ имѣть точное изученіе микроорганизмовъ воздуха и опредѣленіе ихъ количества уже не съ точки зрѣнія самопроизвольнаго или не самопроизвольнаго зарожденія, а для выясненія вопроса о путяхъ распространенія заразительныхъ болѣзней. При этомъ онъ подробно описываетъ способы, которые употреблялись раньше и выработаны въ настоящее время какъ для удаленія низшихъ организмовъ изъ воздуха, такъ и для опредѣленія ихъ количества. Несмотря на свой небольшой объемъ, брошюра д-ра Ковальковскаго можетъ служить прекраснымъ пособіемъ при изученіи этого чрезвычайно важнаго вопроса, относительно котораго авторъ сообщаетъ не только главнѣйшія изъ существующихъ наблюденій, а также и свои экспериментальныя изслѣдованія, произведенныя въ лабораторіи проф. Доброславина.

Матеріалы къ изслѣдованію здоровья фабричныхъ рабочихъ и мясниковъ посредствомъ опредѣленія роста, вѣса, окружности груди и жизненной емкости легкихъ (съ прилож. діаграммы). Дисс. И. Муратова. Спб., 1885 г. Въ Россіи, какъ извѣстно, въ послѣднее время все чаще и чаще стали появляться многочисленныя наблюденія, произведенныя съ цѣлью опредѣленія здоровья фабричныхъ рабочихъ путемъ такъ называемыхъ антропометрическихъ измѣреній (гг. Эрисманъ, Песковъ и нѣкоторые другіе). Наблюденія доктора Муратова, произведенныя имъ относительно 385 муж. и 2,020 женщ. на табачныхъ фабрикахъ въ Петербургѣ и 550 муж. на городскихъ скотобойняхъ, представляютъ весьма цѣнный вкладъ въ обширную литературу промышленной гигиены и могутъ быть съ большимъ интересомъ прочтаны не только медиками, но и всеми интересующимися современнымъ положеніемъ фабричнаго быта въ Россіи. Авторъ, несмотря на видимую сухость и специальность избранной имъ темы, излагаетъ свои выводы и наблюденія вполне ясно и научно.

Въ сожалѣнію, ему пришлось волей-неволей ограничиться осмотромъ рабочихъ только на четырехъ табачныхъ фабрикахъ, несмотря на то, что ихъ въ Петербургѣ около двадцати, такъ какъ нѣкоторые хозяева оказали самое рѣшительное противодѣйствіе, и, за неимѣніемъ поддержки, нужно было ихъ оставить въ покоѣ. Помимо специальныхъ выводовъ, изъ своихъ антропометрическихъ наблюденій, которыя авторъ сопоставляетъ съ данными другихъ изслѣ-

дователей, производивших нѣсколько тысячъ аналогичныхъ, хотя и менѣе подробныхъ наблюдений въ томъ же направленіи, мы встрѣчаемъ въ диссертациіи слѣдующіе заключительные тезисы: 1) фабрикація табаку, не принося замѣтнаго вреда взрослымъ людямъ, можетъ гибельно дѣйствовать на грудныхъ дѣтей чрезъ молоко матери; 2) горожанки, по своему физическому сложенію, гораздо ниже деревенскихъ женщинъ-крестьянокъ; 3) фабричное занятіе, какъ трудъ по большей части односторонній, лишенный правильнаго физическаго упражненія, ведетъ къ ослабленію всѣхъ физическихъ качествъ и такимъ путемъ содѣйствуетъ вырожденію народа, хотя разумныя гигиеническія мѣры могутъ въ значительной степени содѣйствовать уменьшенію этого зла; 4) фабричная гигиена, въ частности медицинская статистика, должна выяснить, въ какомъ отношеніи то или другое фабричное занятіе обнаруживаетъ свое вредное вліяніе; 5) желательно повсемѣстное введеніе фабричной инспекціи, причѣмъ инспекторами должны быть *только врачи*. Отчего же и не техники?

О способахъ обезвреживанія холерныхъ эманаций. (Записка по поводу устройства и дезинфекціи клозетовъ въ проектируемомъ холерномъ госпиталѣ военнаго вѣдомства въ г. Кіевѣ). Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1885 г. Хотя факторы, обуславливающіе внезапное появленіе, ожесточеніе и прекращеніе холерныхъ эпидемій и пр., въ высшей степени еще загадочны и свѣдѣнія наши о путяхъ распространенія холернаго яда очень скудны, тѣмъ не менѣе, даже въ настоящее время можно считать достаточно обоснованными слѣдующія научныя положенія: 1) холерный ядъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ *организованныхъ ферментовъ* (коховскія запятыя и т. п.); 2) онъ содержится въ кишечныхъ испращеніяхъ и, быть можетъ, иногда въ рвотѣ холерныхъ больныхъ; 3) эти нечистоты служатъ первичнымъ источникомъ къ распространенію заразы и, наконецъ, 4) почва, пропитанная органическими веществами и потомъ случайно «обсемянная» холерными зародышами, можетъ сдѣлаться благоприятною средой для воспроизведенія холернаго яда. Въ виду этого, въ числѣ другихъ мѣръ на случай появленія холерной эпидеміи особеннаго вниманія заслуживаетъ наиболее рациональный и надежный способъ удаленія и дезинфекціи холерныхъ испращеній. Известно, что обычные способы обезвреживанія нечистотъ болѣе, нежели сомнительны, и весьма часто случается, что при выборѣ различныхъ дезинфекціонныхъ средствъ не только публика, но даже нѣкоторые изъ врачей смѣшиваютъ дезинфекцію (обеззараживаніе) съ дезодоризаціей (уничтоженіе дурнаго запаха). Разсматривая употребительные методы рациональной дезинфекціи (механической или осажденіе взвѣшанныхъ частицъ, химической и термической), авторъ приходитъ къ заключенію, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи удовлетворить разнообразнымъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены при выборѣ изъ обширнаго дезинфекціоннаго арсенала, со стороны науки, техники, денежныхъ интересовъ и т. п. Одни методы, пригодные съ точки зрѣнія гигиениста, оказываются или слишкомъ дорогими, или же сложными и хлопотливыми, а потому бракуются, какъ непримѣнимые на практикѣ; наоборотъ, способы дешевые и удобные часто совершенно не достигаютъ цѣли. Авторъ предлагаетъ, съ своей стороны, новый способъ, кажущійся ему болѣе цѣлесообразнымъ и основанный на примѣненіи къ дезинфекціи принципа «прерывистаго нагрѣванія», указаннаго въ 1877 г. англійскимъ физикомъ докторомъ Тиндалемъ. Открытіемъ этого принципа

Тиндаль доказалъ возможность обезпложивать всѣ самые упорные настои, кипящія бактеріями, *посредствомъ болѣе низкой температуры, чѣмъ точка кипѣнія воды, и при весьма незначительной продолжительности нагрѣванія*. Именно, если взять настой, зараженный какими-нибудь организмми, нагрѣть его до 100° С. или даже ниже этой температуры, то въ немъ будутъ умерщвлены всѣ развитыя бактеріи и споры, находящіяся въ данный моментъ въ періодѣ прорастанія, тогда какъ сухія споры, въ которыхъ еще не началось «нагрѣваніе», удержатъ при этомъ свою жизнеспособность. Оставляя жидкость при температурѣ около 32° С. часовъ на 10—12, даютъ возможность *нагрѣть* сохранившимся спорамъ, послѣ чего снова повторяютъ нагрѣваніе, которое ихъ и убиваетъ. Наконецъ, опять черезъ 10—12 часовъ еще разъ продолживается та же процедура и взятый настой оказывается абсолютно обезпложеннымъ. Если его защитить отъ доступа новыхъ зародышей, то онъ останется бесплоднымъ навсегда. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ прерывистаго нагрѣванія жизнь микроорганизмовъ въ настоѣ встрѣбляется до послѣднихъ слѣдовъ. Не описывая въ деталяхъ проектируемаго д-ромъ Вербицкимъ способа удаленія и дезинфекціи испраженій при посредствѣ системы подвижныхъ бочекъ и особаго дезинфекціоннаго сарая, изъ котораго посредствомъ пара, проведеннаго чрезъ трубки, ежедневно по одному разу нагрѣваютъ всѣ резервныя бочки до температуры, близкой къ точкѣ кипѣнія, мы укажемъ лишь общія заключенія, къ которымъ онъ приходитъ въ своей брошюрѣ: 1) въ основаніи дезинфекціи помощью прерывистаго нагрѣванія лежитъ строго-научный принципъ, обеспечивающій успѣхъ дѣла; 2) для того, чтобы воспользоваться этимъ способомъ обеззараживанія, требуются несложные аппараты, которые, притомъ, необходимы въ госпиталяхъ и для другихъ цѣлей; 3) приемы дезинфекціи крайне просты и не хлопотливы; 4) производство ея связано съ относительно небольшими денежными затратами. Во всякомъ случаѣ, однако, мы полагаемъ, что вопросъ, возбуждаемый авторомъ, нуждается въ дальнѣйшей провѣркѣ путемъ непосредственныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій, хотя, повидимому, этотъ способъ можетъ получить большое примѣненіе въ практикѣ.

ПЕДАГОГИКА, ДѢТСКІЯ КНИГИ И ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА. УЧЕБНИКИ.

„Упустишь огонь—не потушишь“.—„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.—„Образцы русской словесности въ разборахъ“.—*Н. Завьялова*.—„Чудодѣйственная сила“.—*В. Королевича*.—„Маленькій ветошникъ“.—„Разказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ“.—*Н. Попова*.—Сказка „Волшебное кольцо“.—„Старикъ Никита и его три дочери“.—*А. Ситковой-Катенкиной*.—„Руководство къ изученію главныхъ основъ педагогикъ“.—*И. Николаевскаго*.—„Орфографическія упражненія“.—*К. Ломина*.—„Краткій учебникъ географіи“.—*Н. Раевскаго*.—„Курсъ географіи Европы“.—*И. Штучера*.—„Методика ариметики“.—*С. В. Житкова и С. И. Шогоръ-Троцкаго*.—„Методика начальной ариметики“.—*Изд. Полубояринова*.—„Сборникъ задачъ и прикѣровъ для обученія начальной ариметикѣ“.—*А. П. Гольденберга*.—„Опытъ систематизаціи арием. задачъ“.—*Е. Д. Конисевича*.—„Упрощенное умноженіе и дѣленіе какихъ угодно чиселъ“.—*П. В. Преображенскаго*.—„Сборникъ самостоятельныхъ упражненій въ ариметикѣ“.—*О. В. Житкова и С. И. Шогоръ-Троцкаго*.—„Руководство къ изученію судебной медицины для врачейъ“.—*В. Штольца*.—„Общая анатомія“.—*П. Леслафта*.

Упустишь огонь—не потушишь.—Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.
М., 1885 г. Эти два маленькіе разказа, вышедшіе безъ имени автора, на-

писаны такъ мастерски, что не трудно догадаться, кому они принадлежать. Въ основѣ обоихъ положена добрая и гуманная мысль, а сила и простота разсказа настолькоъ значительны, что этимъ книжечкамъ можно предсказать и широкое распространеніе въ народныхъ массахъ, и благое влияніе. «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», — таково дѣизвизъ изданій, и въ наше время крови и желѣза такая проповѣдь особенно желательна.

Образцы русской словесности въ разборахъ. Выпускъ I. М. В. Ломоносовъ. Выпускъ II, Г. Р. Державинъ. Составилъ Н. Завьяловъ. М., 1885 г. Авторъ говоритъ, что цѣлю его было дать такую книгу, которая, не обременяя ученика матеріаломъ, дозволяла бы ему основательно познакомиться съ важнѣйшими произведеніями писателя. Этой цѣли г. Завьяловъ достигаетъ вполне. Избранные имъ отрывки и отчетливое, хотя и сжатое изложеніе лучшихъ сочиненій Ломоносова и Державина, несомнѣнно, дадутъ ученикамъ ясное понятіе объ этихъ писателяхъ. Разборъ, который сопровождается изложеніемъ и цитаты изъ стихотвореній и разсужденій Ломоносова и Державина, отличается доступностью и, въ то же время, серьезно-стью. Обѣ книжечки г. Завьялова стоить вмѣстѣ 35 к. и изданы очень хорошо.

Чудодѣйственная сила. Разсказъ В. Коровина. Изданіе первое. Москва, 1885 г. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Неуклюжее заглавіе вполне гармонируетъ съ неуклюжимъ содержаніемъ и тономъ этого разсказа. Въ основу *Чудодѣйственной силы* вложена та идея, что Небесная Мудрость вложила въ насъ силу для одолѣнія діавола. Сила эта, по мнѣнію автора, есть «терпѣніе». Въ доказательство этой мысли изображается мужикъ, не обладавшій терпѣніемъ и подъ влияніемъ невзгодъ рѣшившійся на самоубійство. Исполненію этого отчаяннаго плана помѣшала встрѣтившаяся съ мужикомъ убогая старушонка, странница. Болтовня этой старухи про всякую чертовщину способна только развить въ народѣ грубое суевѣріе, тѣмъ болѣе, что эта болтовня прикрыта маской набожности, которую для истинно вѣрующаго легко распознать, но необразованный читатель можетъ принять здѣсь все ложное за чистую монету.

Разсказъ кончается изображеніемъ пожара и героическаго подвига, оказаннаго мужикомъ. Нашелся, по волѣ автора, баринъ, который наградиъ героя деньгами и помогъ ему устроить свое благополучіе. Тогда мужикъ рѣшилъ впередъ никогда не предаваться отчаянію и твердо увѣровалъ въ незыблемую силу терпѣнія. Языкъ разсказа книжный, мало доступный для народа и испещренный массой невозможныхъ опечатокъ. Отъ такого опытнаго сочинителя разсказовъ для народа, какъ г. Коровинъ, слѣдовало бы ожидать чего-нибудь гораздо лучшаго, чѣмъ *Чудодѣйственная сила*.

Маленькій ветошникъ. (Съ англійскаго). Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Изданіе четвертое. Не понимаемъ, чему приписать такое странное обстоятельство, что бездарный, неестественный, приправленный кислымъ сентиментализмомъ англійскихъ дѣтскихъ разсказовъ, *Маленькій ветошникъ* выдерживаетъ четвертое изданіе. Въ разсказѣ изображается *терпеливая* женщина, овдовѣвшая послѣ *буйнаго лѣтвица*, бывшаго ея мужемъ, и имѣвшая *бользненнаго ребенка*. Ребенокъ кормилъ себя и больную мать собираемъ тряпью. Иногда ему давала пищу *добродуш-*

ная дѣвушка, горничная, принимавшая его въ *подземной (?) кушнѣ*. Но нашла *сердитая женщина*, кухарка, которая рѣшила строить козни противъ ветошника и его *добродушной* благодѣтельницы. Она привлекла мальчишка къ суду. Но праведный судья оправдалъ ветошника, добрые люди собрали деньги въ пользу его, добродѣтель восторжествовала и рассказъ тѣмъ кончился.

Рассказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ. Н. Поливанова. Безъ отца. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. Мы не знаемъ, чѣмъ можетъ быть полезенъ для дѣтей этотъ рассказъ, хотя онъ и изданъ обществомъ распространенія *полезныхъ* книгъ. Рассказъ изобилуетъ непонятными для сельскихъ ребятъ словами: *отхожій промыселъ*, *Азіатская Турція*, *куполъ Святой Софій*, *Санъ-Стефано*, *мечеть* и др. Содержаніе укладывается въ нѣсколькихъ словахъ: изъ любимой семьи съ радостью (?) уѣзжаетъ биться за славянъ мужичекъ, записанный новобранцемъ, и послѣ войны возвращается съ еще болѣею радостью въ сардцѣ, да, кромѣ того, съ георгиевскимъ крестомъ на груди и съ полотенцемъ въ иѣшкѣ, — съ тѣмъ полотенцемъ, которое вышито было его женой. Онъ былъ уже унтер-офицеромъ.

Сказка «Волшебное кольцо». Изд. общества распространенія полезныхъ книгъ. Одно выѣшнее подражаніе народному сказочному языку, лишенное идеи и несладкое.

Старикъ Никита и его три дочери. А. Сѣтковой-Катенкамъ. Подражаніе *Королю Лиру* Шекспира. Языкъ и бытъ народный соблюдены недурно. Только въ концѣ рассказа пущена мораль, которую Шекспиръ не провѣлъ бы съ свойственнымъ гению художественнымъ тактомъ: именно, добродѣтельная дочь, Корделія (то, бишь, Маша), награждена богатствомъ и здоровьемъ, а двѣ другія, Матрена и Пелагея (Гонерилья и Регана), наказаны за непочтеніе къ отцу бѣдностью. Неужели подобаетъ внушать дѣтямъ и народу ту ложную мысль, что добродѣтель хороша въ виду награды, слѣдующей за нее, а не сама по себѣ, какъ удовлетвореніе нравственной потребности?

Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Педагогическая пропедевтика. Курсъ III класса. Составилъ Ив. Николаевскій, директоръ несвижской учительской семинаріи. Москва, 1885 г. Въ первомъ отдѣлѣ, гдѣ излагаются главнѣйшія психологическія свѣдѣнія, авторъ, какъ онъ и самъ сознается, много заимствовалъ изъ *Педагогической психологіи* г. Каптерева, а также изъ *Опытной психологіи* г. Чистовича. Второй же отдѣлъ, заключающій въ себѣ краткій курсъ общей педагогики, есть возстановленіе давно уже брошеннаго въ архивъ, устарѣвшаго *Курса общей педагогики* П. Юркевича. Наконецъ, несамостоятельно составлена и третья часть. При сравненіи учебника съ нѣкоторыми общепотребительными руководствами, мы видимъ въ немъ тѣ преимущества, которыя заключаются въ отсутствіи многословія и въ простотѣ языка, и благодаря которымъ онъ легко можетъ быть понятъ и усвоенъ учащимися.

Жаль только, что достоинствамъ манеры изложенія мало соотвѣтствуютъ мѣстами устарѣлыя воззрѣнія, которыми г. Николаевскій обязанъ избраннымъ имъ себѣ въ образцы авторамъ.

Такъ, въ книгѣ рекомендуются, въ числѣ педагогическихъ мѣропріятій, тѣ-

лесныя наказанія, насмѣшки и тому подобныя, уже отвергнутыя наукой приемы воспитанія.

Въ книгѣ помѣщено немало задачъ для ученика, предлагаемыхъ для самостоятельнаго рѣшенія разныхъ педагогическихъ вопросовъ. Езъ сожалѣнню, только ученику не со всякой задачей легко справиться, за недостаточностью данныхъ, представляемыхъ руководствомъ для ея рѣшенія. Впрочемъ, эти задачи могутъ быть полезны, если имъ будетъ предшествовать разъясненіе, дѣлаемое самимъ учителемъ. Цѣна книги не дорога: 50 коп.

Ореографическія упражненія. Пособіе при изученіи ореографіи. Тетрадь первая. Составлены подъ редакціей К. Козьмина, преподавателя московскаго учительскаго института. Изданіе М. Д. Наумова. М., 1885 г. Г. Козьминъ льстятъ себя обманчивой надеждой, что ореографію можно научиться, дѣлая на каждое правило по два упражненія. Но, увы, не онъ первый и не онъ послѣдній открываетъ эту Америку—обученіе правописанію помощью списыванія, а, между тѣмъ, грамотность учащихся, какъ на зло, остается только печальнымъ *prim desiderium*. Да и смѣшно рассчитывать на возможность приобрѣтенія навыка въ чемъ-нибудь посредствомъ *двухъ* всего упражненій. Вотъ почему мы положительно не рекомендуемъ учащимъ книги г. Козьмина.

Краткій учебникъ географіи. Н. Раевского. Описание земнаго шара. Западная Европа. Изданіе второе. М., 1885 г. Много написано у насъ учебниковъ географіи и ни одного вполнѣ удовлетворительнаго учебника этого предмета не имѣетъ руссiйское юношество. Г. Раевскій, обогативъ педагогическую литературу новымъ произведеніемъ этого рода, нисколько не пополнилъ пробѣла; напротивъ, его *Краткій учебникъ* значительно хуже утвердившихся у насъ книгъ гг. Смирнова и Яичина. Тонъ его слишкомъ высокъ для учащихся, начинающихъ свое знакомство съ географіей, благодаря сжатости и стремленію вводить научныя приемы. Зачѣмъ говорить въ элементарномъ описаніи земнаго шара объ изверженіи вулкана Кракатау въ 1883 г. (ни въ какомъ случаѣ не Кракатао)? Также неумѣстно толковать объ общемъ планѣ расположенія материковъ и о пирамидальномъ заканчиваніи земель на югѣ. Несмотря на попомноженія автора къ научности, неточное изложеніе и фактическія погрѣшности дѣлаютъ его краткій учебникъ совершенно непригоднымъ. Постараемся иллюстрировать наше сужденіе пригѣрами.

Материки и части свѣта не различаются, такъ что Старый Свѣтъ состоитъ изъ сѣвернаго материка: Азія—Европа, и двухъ южныхъ—Африка и Австралія; Новый Свѣтъ представляетъ два материка: Сѣверную и Южную Америку. У береговъ Африки находится одинъ только Гвинейскій заливъ. Въ Южной Америкѣ замѣчается только Бразильское плоскогоріе, а въ Сѣверной лишь Мексиканское. О Прибалтійскомъ краѣ (Финляндія, С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Эстляндская и Курляндская губ.) сообщено слѣдующее: «Главное занятіе жителей—разведеніе ржи, ячменя и овса, но оно трудно вознаграждаетъ труды земледѣльца»; между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что въ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерніяхъ земледѣліе процвѣтаетъ, а въ Финляндіи, С.-Петербургской и Псковской губ. у жителей существуютъ различныя другіе источники для прокормленія, кромѣ разведенія ржи, ячменя и овса. Въ обзорѣ на Западной Европы, въ общемъ обзорѣ, сказано, что Средиземное море отъ

океана отдѣляется Гибралтарскимъ проливомъ. Пиринейскій полуостровъ представляетъ одно обширное плоскогоріе, по крайнѣ котораго на сѣверѣ проходятъ Пиринейскія горы, а на югѣ Гранадскія; на самомъ же дѣлѣ горы эти отдѣлены двумя низменностями. По мнѣнію г. Раевского, Пиринейскій полуостровъ имѣетъ столь разнообразную поверхность (между тѣмъ, выше сказано, что низменностей на Пиринейскомъ полуостровѣ немного и преобладаетъ плоскогоріе), что этия обуславливается разнообразіе климата. Далѣе онъ утверждаетъ, что оба королевства Испанія и Португалія населены романскимъ племенемъ (слѣдовало бы сказать—породами романскаго племени). Въ провинціяхъ Галиціи, Астуріи и Бискайи существуетъ особое занятіе—«плодоводство». Фіорды Скандинавскаго полуострова *по бокамъ* окружены утесами и подводными камнями (шхерами), причемъ шхеры удерживаютъ напоръ бѣшущихъ волнъ (?). Рѣки скандинавскія на своемъ пути *усыпаны* порогами и водопадами. Объ Англіи г. Раевскій утверждаетъ, что «ни одна страна не имѣла такого множества знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей, глубокихъ мыслителей, великихъ ученыхъ и поэтовъ». Степень историческихъ знаній составителя учебника опредѣляется слѣдующимъ утвержденіемъ, что вѣроповѣданія англійское и пресвитеріанское представляютъ видоизмѣненіе лютеранской религіи. Описание земнаго шара украшено плохими рисунками, часто не достигающими своей цѣли. Фиг. 18 представляетъ въ одной картинѣ собраніе всевозможныхъ географическихъ формъ, но эти формы не выражены характеристично и не даютъ учащимся никакого представленія о томъ, что они выражаютъ, не говоря уже о несестественности подобнаго соединенія. Единственно полезныя указанія встрѣчены нами въ краткомъ учебникѣ Западной Европы—касательно практическихъ приемовъ черченія географическихъ картъ отдѣльныхъ странъ.

Курсъ географіи Европы для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Иванъ Штуцеръ, преподаватель училища ордена св. Екатерины и Лазаревскаго института вост. язык. Второе изданіе. Москва, 1885 г. Достоинство учебника г. Штуцера заключается въ томъ, что на земную поверхность, на географію физическую, которая, такъ сказать, даетъ тонъ географіи политической, обращено здѣсь главное вниманіе. Весь матеріалъ сгруппированъ *горизонтально*, т. е. по естественнымъ областямъ. Благодаря этому, учебникъ выдается, по основательности своего содержанія, среди распространенныхъ руководствъ. Только напрасно авторъ придавъ своей книгѣ излишнюю полноту, снабдилъ ее обильными мелкими примѣчаніями и самыми второстепенными свѣдѣніями, которымъ мѣсто не въ учебникѣ, а въ классѣ, при объясненіяхъ урока учителямъ. Учебникъ не долженъ замѣнять собою учителя и передавать всѣ детали изъ того, что рассказываетъ учитель въ классѣ. Онъ долженъ служить скорѣе напоминаніемъ и какъ бы конспектомъ самаго существеннаго изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаются ученикамъ за урокомъ.

Излишество заключается, по нашему мнѣнію, и въ сообщенія тѣхъ свѣдѣній, которыя уже должны были бы усвоиться ученикомъ еще въ младшемъ курсѣ. Несмотря на указанные недостатки, учебникъ этотъ, по характеру своего содержанія и по расположенію въ немъ матеріала, принадлежитъ къ числу лучшихъ руководствъ.

Методика арифметики съ приложеніемъ сборника упражненій учениковъ съ учителемъ. Руководство для учительскихъ институтовъ и семинарій, педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и для народныхъ учителей и учительницъ. Составили С. В. Житковъ и С. И. Шохоръ-Троцкій. Спб., 1885 г.

Въ настоящее время въ педагогической литературѣ по вопросу о методѣ элементарнаго обученія арифметикѣ замѣтно новое движеніе. Методъ г. Ештушевскаго, пользовавшійся въ теченіе довольно многихъ лѣтъ наибольшей распространенностью, доживаетъ, очевидно, свои послѣдніе дни въ нашихъ начальныхъ школахъ. Учителя народныхъ училищъ на четвертомъ съѣздѣ своемъ въ Москвѣ высказали потребность въ замѣнѣ метода г. Ештушевскаго, признаннаго ими непригоднымъ, новою, болѣе рациональною методикою. Та же потребность не разъ высказывалась и въ органахъ нашей педагогической прессы. Книга г. Житкова и Шохоръ-Троцкаго является какъ нельзя кстати отвѣтомъ на общепризнанную необходимость въ обновленіи застарѣлыхъ пріемовъ педагогій. Авторы указываютъ на нецѣлесообразность основной идеи метода г. Ештушевскаго, именно растягиванія курса первыхъ четырехъ дѣйствій на процессъ упражненія учениковъ въ такъ называемомъ «всестороннемъ изученіи» cadaго числа, начиная съ единицы перваго десятка и кончая числомъ сто. Это «всестороннее изученіе» продолжается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего ученикъ, черепашинымъ шагомъ, еле-еле добирается, наконецъ, до упражненій съ любимъ числомъ. Намъ невольно вспоминаются, при мысли о такой безплодной тратѣ времени, слова графа Льва Ник. Толстаго, что «школа, въ которой учатся 3 года тому, чему можно выучиться въ 3 мѣсяца, есть школа праздности и лѣни». Г. Ештушевскій, приспособляя къ нашей школѣ методику нѣмецкаго педагога Грубе, основанную на продолжительномъ *восемилѣтнемъ* (sic!) корпѣши надъ анализомъ чиселъ, думалъ этимъ самымъ облегчить учащимся усвоеніе арифметическихъ операцій надъ числами. Но это заблужденіе. Авторы *Методики* ссылаются на слова психолога Лотце, доказывающаго, что отъ количества разнообразныхъ *свидѣній* о предметѣ вовсе не зависитъ *ясность ихъ представленія*. Мое *представленіе* треугольника можетъ быть ничѣмъ не туманише того *представленія* о немъ, которое имѣютъ ученые математики, хотя къ моему представленію у нихъ присоединилась масса другихъ мыслей, недоступныхъ для моего пониманія. Эти мысли не сообщили *представленію* треугольника въ *воображеніи* ученыхъ людей ни бѣльшей ясности, ни бѣльшей интензивности. Наконецъ, изученіе чиселъ, какъ доказываютъ авторы, не выдерживаетъ критики не только съ психологической точки зрѣнія, что мы указали, но даже и съ педагогической и, наконецъ, съ научно-математической, что основательно доказываютъ авторы *Гимназіи*. Новая методика ставитъ себѣ основною цѣлю, на мѣсто «всесторонняго изученія чиселъ», изученіе *дѣйствій*, cadaго въ отдѣльности и во взаимномъ ихъ отношеніи одно къ другому. Соответственно этой цѣли составленъ и систематическій сборникъ упражненій учениковъ съ учителемъ. Тутъ уже нѣтъ такого безпорядка въ расположеніи задачъ, какъ въ задачникѣ г. Ештушевскаго, гдѣ легчайшія задачи нерѣдко предшествуютъ труднѣйшія, а легчайшія слѣдуютъ за еле доступными для пониманія дѣтей. очень замысловатыми задачами. При каждой задачѣ *Сборника* помѣщенъ отвѣтъ, что значительно ускоряетъ дѣло контролированія учителями ученическихъ работъ. Эти отвѣты не могутъ послужить по-

водены къ злоупотребленіямъ со стороны учениковъ, такъ какъ *Сборникъ* не имѣется въ виду давать ученикамъ въ руки, но онъ помѣщенъ въ одной книгѣ вмѣстѣ съ *Методикой* и предназначенъ только для учителей. Считаемо важнымъ указать также, что *Методика* наполнена массой теоретическихъ и практическихъ указаній, могущихъ быть очень полезными, особенно для начинающихъ учителей. Отведено мѣсто также критическому разбору наиболее употребительныхъ методовъ ариметики.

Намъ только кажется нѣкоторымъ компромиссомъ въ отношеніи рутинны стороны почтенныхъ авторовъ признаніе необходимости заучиванія наизусть правилъ, опредѣленій и таблицъ. По нашему мнѣнію, ученикъ самъ *неволью* затвердить отличившимъ образомъ все, что ему нужно для практики, если будетъ пользоваться достаточнымъ навыкомъ въ частыхъ арифметическихъ упражненіяхъ. А что до заучиванія правилъ словъ учителя или учебника, то зачѣмъ оно нужно? Мы не думаемъ, чтобы оно прибавило что-нибудь къ знанію или къ практической сноровкѣ ученика въ операціяхъ надъ числами. То и другое, опять повторяемъ, пріобрѣтается практикой, да, сверхъ того, конечно, самостоятельной мозговой работой ученика.

Рекомендуемъ эту книгу всѣмъ, кто интересуется вопросами элементарной школы.

Методика начальной ариметики. Руководство для учительскихъ семинарій и институтовъ, для народныхъ учителей и учительницъ. Изданіе Д. Д. Полубояринова. Спб., 1885 г. Настоящая книга г. Гольденберга отличается популярнымъ, практическимъ характеромъ изложенія предмета, что дѣлаетъ ее вполне доступной для сельскихъ учителей. Авторъ не касается теоретическаго рассмотренія началъ психологіи, входящихъ въ основаніе его *Методики*. Не занимается также исторіей методовъ обученія ариметикѣ и рассмотреніемъ тѣхъ или иныхъ общеупотребительныхъ учебниковъ. Цѣлю преподаванія начальной ариметики г. Гольденбергъ ставитъ, во-первыхъ, обучить дѣйствіямъ, а, во-вторыхъ, развитію навыкъ въ приложеніи арифметическихъ дѣйствій къ рѣшенію задачъ. Программу курса элементарной ариметики авторъ дѣлитъ на 3 послѣдовательныхъ отдѣла: 1) дѣйствія надъ числами въ предѣлѣ перваго десятка; 2) въ предѣлѣ первой сотни и, наконецъ, 3) дѣйствія надъ числами любой величины. Въ концѣ книги помѣщены примѣры для бѣлаго вычисленія, съ готовыми отвѣтами при концѣ задачи. Разумѣется, эти задачи предназначены для учителя, который ихъ уже читаетъ ученикамъ, не давая въ руки книги. Въ распоряженіе учениковъ г. Гольденбергъ назначаетъ другую книгу, именно *Сборникъ задачъ и примѣровъ*.

Методика полна жѣткихъ, тонкихъ и очень практическихъ указаній и замѣтокъ. На первый планъ поставлено умственное развитіе учащихся, развитіе способности анализа и самостоятельнаго сужденія. И вотъ почему авторъ рѣзко осуждаетъ многіе, очень распространенные рутинные взгляды и приемы преподаванія, установившіеся въ средѣ учителей. Такъ, онъ называетъ бесполезнымъ заучиваніе наизусть таблицы умноженія, правилъ, опредѣленій и т. п. Отвергаетъ и цѣлесообразность задаванія задачъ съ слишкомъ крупными цифровыми данными, а также задачъ неопредѣленныхъ, замысловатыхъ, черезъ-чуръ сложныхъ, наконецъ, задачъ съ лишними и несообразными условіями. «Загадки и отгадки, — говоритъ г. Гольденбергъ, — педагогическимъ цѣлямъ служить не

могутъ». *Методикъ* предстоитъ, несомнѣнно, большой успѣхъ въ средѣ педагоговъ.

Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариметикѣ. Выпускъ I. Задачи и примѣры на числа первой сотни. Выпускъ II. Задачи и примѣры на числа любой величины. А. И. Гольденберга. Спб., 1885 года. Сборникъ состоитъ изъ небольшихъ задачъ, весьма доступныхъ по своему содержанию для дѣтскаго пониманія. Числовые данныя не настолько крупны во второмъ выпускѣ, чтобы затруднять и путать ученика, чѣмъ такъ страдаютъ общепотребительные задачки. Вслѣдъ за задачами помѣщены примѣры для вычисления, имѣющіе цѣлью развитіе навыка въ обращеніи съ числами. Въ концѣ каждаго выпуска находятся отвѣты на вопросы задачъ, а также и на примѣры.

Опытъ систематизаціи ариметическихъ задачъ. Составилъ Е. Д. Конашевичъ. Москва, 1885 г. Большинство учащихся въ средней школѣ не въ состояніи бываетъ самостоятельно рѣшать ариметическія задачи. Они дѣйствуютъ обыкновенно ощупью, подбирая разныя рѣшенія для одной и той же задачи, до тѣхъ поръ, пока не набредутъ на вѣрный отвѣтъ. А нерѣдко они рѣшаютъ задачи, просто запоминая готовыя рѣшенія, замаскированныя ими, такъ сказать, изъ чужихъ рукъ. Для приученія учениковъ къ самостоятельному рѣшенію задачъ авторъ считаетъ необходимымъ сообщеніе имъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ правилъ, которыми бы они руководствовались въ своихъ ариметическихъ упражненіяхъ.

Намъ кажется, что сообщеніе ученикамъ готовыхъ правилъ для рѣшенія задачъ—дѣло и трудное, и вредящее развитію въ нихъ той самой самостоятельности, о которой заботится г. Конашевичъ. Но приведеніе задачъ къ опредѣленной системѣ очень практичное дѣло. Останавливаясь продолжительно на задачахъ опредѣленнаго типа и послѣ условія его переходя къ задачамъ другой категоріи, ученики усвоятъ себѣ способность къ рѣшенію задачъ гораздо легче и прочнѣе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно, при существующей безсистемности въ распредѣленіи задачъ. Только не слѣдуетъ, намъ кажется, давать этотъ *Опытъ* въ руки ученикамъ. Для учителей же книга эта вполне заслуживаетъ сдѣлаться настольной. Авторъ указываетъ на всѣ задачи во всѣхъ существующихъ наиболѣе употребительныхъ задачникахъ, подводя каждую задачу подъ ту или иную изслѣдуемую ими категорію.

Упрощенное умноженіе и дѣленіе какихъ угодно чиселъ. П. В. Преображенскаго. Изданіе второе. Москва, 1885 г. Таблицы г. Преображенскаго чрезвычайно облегчаютъ умноженіе и особенно дѣленіе крупныхъ чиселъ. Извѣстно, что при дѣленіи чиселъ съ большими цифровыми величинами «даже опытному вычислителю», какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, приходится тратить немало времени на опредѣленіе цифры частнаго, которую онъ вынужденъ бываетъ часто передѣлывать. Кроме того, при дѣленіи у учащагося много отнимается времени на перемноженіе величинъ частнаго и дѣлителя. Между тѣмъ, при употребленіи таблицъ г. Преображенскаго совсѣмъ не нужно будетъ передѣлывать цифру частнаго, а произведеніе частнаго на дѣлителя онъ всегда отыщетъ при помощи таблицы. Вся работа учащагося сводится къ записыванію готовыхъ произведеній и только къ одному изъ ариметическихъ дѣйствій—вычитанію. А умноженіе сводится къ сложенію

готовыхъ же частныхъ произведеній, быстро отыскиваемыхъ въ таблицѣ. Авторъ указываетъ и самый способъ, какъ составлять таблицы, подобныя тѣмъ, которыя онъ издалъ. При этомъ онъ указываетъ на педагогическую пользу составленія таблицъ самими учащимися. Главное удобство пользованія этими таблицами заключается въ томъ, что онѣ, облегчая и сокращая механическую работу надъ цифрами выкладки, тѣмъ самымъ даютъ ученику возможность сосредоточить всѣ свои умственные силы, все активное вниманіе на усвоеніи смысла задачи и ея условій. Мы на опытѣ убѣдились въ томъ удовольствіи, которое испытываютъ учащіеся при употребленіи этихъ таблицъ.

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариметикѣ, съ приложеніемъ краткаго учебника начальной ариметики. Для народныхъ школъ. Составили С. В. Житковъ и С. И. Шохоръ-Троцкій. Спб., 1885 г. Этотъ сборникъ предназначается для употребленія его учениками въ такихъ домашнихъ или классныхъ занятіяхъ, которыя дѣлаются безъ помощи учителя. Задачи составлены по опредѣленному, систематически построенному плану. Приложенный къ *Сборнику* маленькій учебникъ написанъ толково, безъ излишествъ, настолько сжато, сколько позволяетъ потребность цѣльности и полноты содержанія. Намъ кажется, что книгой этой могли бы удачно пользоваться и ученики младшихъ классовъ средней школы. особенно, если принять къ свѣдѣнію непригодность распространенныхъ въ этой послѣдней пресловутыхъ учебника и задачника ариметики гг. Малинина и Буренина. Учебникъ гг. Малинина и Буренина, какъ это не разъ доказывалось въ нашей педагогической литературѣ, давно бы пора уволить въ отставку, въ виду его серьезныхъ погрѣшностей противъ науки, небрежности въ формѣ изложенія его содержанія и массы балласта, которыми онъ переполненъ, въ ущербъ нѣкоторымъ серьезнымъ педагогическимъ требованіямъ.

Книга гг. Житкова и Шохоръ-Троцкого можетъ послужить къ заглавію ея другихъ руководствъ и задачникомъ, между прочимъ, еще въ виду того, что, при всѣхъ ея педагогическихъ достоинствахъ, она отличается и дешевизною (30 копѣекъ).

Руководство къ изученію судебной медицины для юристовъ. Составилъ В. Штольцъ. Спб., 1885 г. Необходимость для юриста имѣть довольно значительныя и точныя свѣдѣнія въ медицинѣ не подлежитъ конечно, ни малѣйшему сомнѣнію. Слѣдовательно и судья нельзя руководить процессомъ, гдѣ дѣло идетъ о пораненіяхъ, отравленіяхъ и т. п., не владѣя такими знаніями, которыя дозволяютъ самостоятельно разобраться въ массѣ иной разъ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній и заключеній, даваемыхъ экспертами. По университетскому уставу 1884 года, кафедра судебной медицины на юридическихъ факультетахъ отиѣнена, и, такимъ образомъ, польза книгъ, подобныхъ изданной г. Штольцомъ, еще болѣе увеличивается. Въ ней помѣщенъ краткій очеркъ развитія судебной медицины и необходимыя библиографическія указанія. Въ руководствѣ г. Штольца приложено 59 рисунковъ, которые исполнены не особенно удовлетворительно. Авторъ ввелъ въ свою книгу элементарныя свѣдѣнія по анатоміи, физиологіи и по общей патологіи, а также по акушерству. Несмотря на нѣкоторые недостатки изложенія, руководство г. Штольца можетъ оказать немаловажную пользу юристамъ.

Общая анатомія. П. Лесгафта. Ч. I. Спб., 1885 г. Подъ

«общей» или теоретической анатоміей авторъ разумѣетъ «изученіе основной идеи постройки человѣческаго организма и выясненіе его формъ на основаніи этой идеи». Въ такъ называемой описательной анатоміи ограничиваются обыкновенно разборомъ только внѣшнихъ признаковъ отдѣльныхъ частей и органовъ нормальнаго и взрослого человѣка и отношеній ихъ къ около лежащимъ частямъ. «Такое сухое описаніе формъ съ длиннѣйшимъ перечнемъ названій, конечно, приноситъ мало пользы занимающемуся и очень много обременяетъ его, не давая ему никакого понятія о значеніи этихъ формъ. При такомъ изученіи анатомія остается мертвымъ предметомъ, не имѣющимъ значенія науки». Чтобы сдѣлаться живою наукой, анатомія должна преслѣдовать не одно описаніе, но, главнымъ образомъ, изъясненіе и пониманіе формъ. «Если мы рассмотримъ формы отдѣльныхъ частей и органовъ человѣческаго тѣла, выяснимъ ихъ механическое значеніе и ихъ зависимость отъ окружающихъ условій, то мы будемъ въ состояніи уловить общую идею постройки организма и вывести общіе законы, лежащіе въ основаніи постройки организма, а слѣдовательно, опредѣлить условія развитія нормальнаго человѣческаго организма. Мертвый матеріалъ, которымъ мы пользуемся для этой цѣли, оживится и послужитъ для уразумѣнія того, съ чѣмъ мы встрѣчаемся въ жизни».

Вышедшій покуда выпускъ заключаетъ въ себѣ общую анатомію костной и мышечной системъ. Авторъ говоритъ о строеніи костной и хрящевой ткани, о раздѣленіи и составѣ костей, развитіи ихъ, соединеніи между собой, о механизмѣ сочлененій, о мышечной ткани, о частяхъ, формѣ и механикѣ мышцъ, о развитіи ихъ и т. п. Все это заняло 244 страницы и составляетъ какъ бы введеніе къ специальной анатоміи этихъ органовъ. Какъ существенное дополненіе къ обыкновеннымъ учебникамъ описательной анатоміи, книга заслуживаетъ вниманія и представляетъ серьезный самостоятельный трудъ, въ который вошли, между прочимъ, результаты диссертаций многихъ русскихъ врачей, работавшихъ подъ руководствомъ проф. Лесгафта въ медико-хирургической академіи. Вполнѣ полезной можетъ она, однако, быть только для лицъ, уже знакомыхъ съ элементами описательной анатоміи и желающихъ подняться выше простаго знанія отдѣльныхъ фактовъ—до научнаго пониманія механизма строенія.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Русскія. — Нѣмецкія. — Польскія.

Русскіе журналы.

„Вѣстникъ Европы“. — „Сѣверный Вѣстникъ“.

Вѣстникъ Европы, ноябрь. Мы большаго ожидали отъ повѣсти г. Ахшарумова *Всесловная семья* и находимъ конецъ ея очень неудовлетворительнымъ. Читатель припомнитъ заключительныя слова предшествовавшей части (см. нашъ «Библиографическій отдѣлъ» X кн., стр. 73), въ которыхъ авторъ обѣщаетъ перейти къ изложенію «драмы», разыгравшейся вслѣдъ за свиданіемъ работника Ильи съ вдовою-дьяконихою, сожительницею Миронова. «Драма» эта заключается въ слѣдующемъ: вслѣдъ за Ильей ушли еще два или три

работника уже самовольно и въ горячее рабочее время. Мироновъ поѣхалъ въ волостное правленіе и настоялъ на возвращеніи закабаленныхъ имъ крестьянъ силою, причѣмъ однихъ припугнули словами, другихъ розгами. Больше всѣхъ досталось Ильѣ, котораго хозяинъ ревновалъ къ своей любовницѣ. Красавца-батрака отправили въ волость связаннымъ и высѣкли нещадно. Глубоко оскорбленный, истерзанный нравственно и физически, Ильюха бѣжалъ изъ усадьбы и скрывался до Ильина дня. Въ этотъ праздникъ, когда всѣ были у обѣдни, разразилась гроза и вспыхнула усадьба Миронова и сгорѣла почти до тла. Уцѣлѣли только пожитки Дуни и ея мужа и кое-какой скарбъ дьяконицы, кѣмъ-то вытасченные изъ пожара. Оказалось, что ихъ спасъ Илья, приходившій въ усадьбу и напоившій до безчувствія сторожа, единственнаго человѣка, оставшагося въ это утро дома. На Илью пало, конечно, подозрѣніе въ поджоги; его отправили въ острогъ и начали слѣдствіе. Мы оставляемъ тутъ безъ вниманія кое-какія фактическія несообразности, такъ какъ самъ авторъ оговорился, что «не ручается за полную достовѣрность» своего повѣствованія. Тѣмъ временемъ о Недоплескинѣ пошли по округѣ неблагоприятныя толки, будто онъ волнуется крестьянъ и чуть ли не подстрекаетъ ихъ къ бунту и поджогамъ. При дознаніи о причинахъ пожара философствующій поручикъ поругался съ становымъ приставомъ изъ-за того, что этотъ административный чиновникъ не раздѣляетъ его возвышеннаго образа мыслей вообще и его взглядовъ на нѣкоторые экономическіе вопросы въ частности. Становой предложилъ Недоплескину не совсѣмъ благовидный способъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ распространеніи слуховъ, вызвавшихъ волненіе между крестьянами.

«— Къ счастью вашему, — говоритъ становой, — старшина и тесть вашъ прямо указываютъ на Илью Михѣева, какъ на единственнаго виновника ложныхъ слуховъ и коновода бунта. Сошлитесь просто на ихъ показанія, а о себѣ скажите, что вы старались, молъ, вразумить заблудшихъ, но что они, по невѣжеству своему, толковали превратно ваши слова, или что-нибудь въ этомъ родѣ... Въ подробности вамъ не нужно входить...»

На горячія возраженія Недоплескина становой продолжаетъ его уговаривать:

«— Я вижу Иванъ Герасимовичъ, что вы человѣкъ непрактическій, и желалъ бы васъ остеречь. Послушайтесь моего совѣта: не рыцарствуйте».

Недоплескинъ не соглашается послѣдовать доброжелательному и благодушногаденькому совѣту, «прежде всего, потому, — восклицаетъ онъ, — что считаю долгомъ своимъ указать настоящихъ виновниковъ. Это такіе люди, какъ вашъ Величковскій старшина и мой почтеннѣйшій тесть, — ростовщики и грабители! Сами они, а не тѣ, которыхъ они дерутъ, виновники всѣхъ беспорядковъ, такъ какъ они закабаляютъ и разоряютъ народъ, ставятъ его въ такія условія, въ которыхъ даже скотина, если бы она платила подати, не могла бы существовать. И жадность ихъ безгранична. Имъ мало уже двухъ, трехъ кабалныхъ, они заѣдаютъ цѣлыя сельскія общества... Вы требуете порядка; а я у васъ спрашиваю: развѣ это порядокъ, чтобы какая-нибудь одна свинья жирула на счетъ двадцати семей, у которыхъ она отнимаетъ хлѣбъ? Дерите ихъ сколько угодно, переведите на ихъ спинѣ хоть весь березнякъ въ уѣздѣ, они не будутъ сидѣть спокойно, и между ними будутъ волненія, будутъ убійства, и воровства, и поджоги, и бунты... И все это будетъ дѣло тѣхъ, которымъ вы потакаете, — вы, подкупные сторожа благочинія!...

«— Позвольте, позвольте! — сказала становой, уколотый до крови этой квалификацией. — Как вы смѣете оскорблять должностное лицо, прїѣхавшее къ вамъ объясняться по службѣ?... Ну, а если, оставивъ вѣжливости, я вамъ скажу, что вы бунтовщикъ, который живетъ тутъ въ уѣздѣ съ преступными цѣльями, и что я унеку васъ въ острогъ за подстрекательство къ беспорядкамъ путемъ возбужденія ненависти между сословіями?..»

«— Такъ что-жь? Я приму это за угрозу, съ цѣлью выманить у меня подачку...»

Послѣ еще одного такого же «укола до крови» взбѣшенный становой уѣхалъ. Совершенно иной взглядъ, чѣмъ Недоплескины, высказываетъ Лариса Дмитріевна, — Ксантиппа экс-профессора, — на взаимныя отношенія сословій.

«— А позвольте узнать, — спрашиваетъ она своего гостя, — что по вашему нужно для мужика, чтобы онъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ?... Въ старыя времена указывали на насъ, на помѣщиковъ, какъ на тормазъ всему, и увѣряли, что воля сдѣлаетъ крѣпостныхъ счастливѣйшими людьми. Но вотъ пресловутая воля ваша давно уже дана; а кому она послужила въ прокъ?... Мироновымъ?... Или ихъ мало еще?... Постоите, будетъ не меньше, чѣмъ насъ, и будутъ богаче насъ. Я вамъ скажу, что нужно для мужика и безъ чего онъ не будетъ доволенъ. Пока онъ подчиненъ кому-нибудь, нужно, чтобы никто не мѣшалъ ему грабить и всячески разорять хозяина. Но разъ онъ сорвался съ привязи, онъ не будетъ доволенъ, покуда ему не удастся сѣсть на шею всѣмъ остальнымъ и высосать изъ своихъ подневольныхъ всю кровь... Вотъ и подите, толкуйте съ ними, какъ ихъ устроить!»

Это мнѣніе г-жи Горностаевой остается безъ возраженія со стороны ея собесѣдника, отъ имени котораго ведется разговоръ, изъ чего можно заключить, что у автора не нашлось подходящихъ доводовъ для спора съ раздраженною помѣщицей. Читатель остается въ недоумѣніи, какъ же тутъ быть? Какъ выдти изъ невозможнаго положенія, при которомъ всѣ только о томъ и думаютъ, чтобы другъ друга «огрбить, веячески разорить, закабалить и высосать всю кровь» изъ тѣхъ, на кого «удалось сѣсть» такъ или иначе? Недоумѣніе еще болѣе усиливается впечатлѣніемъ, какое производитъ разговоръ о судѣ надъ рабочникомъ Ильею, поджогшимъ усадьбу Миронова и сознавшимся въ поджогѣ. Благодаря искусно веденной защитѣ, подготовленной Недоплескинымъ, и страстной рѣчи адвоката, присяжные засѣдатели оправдали подсудимаго. Въ дѣйствительной жизни нельзя назвать такого оправданія невозможнымъ; но намъ оно представляется мало-вѣроятнымъ, рѣдко исключительнымъ и ничего не доказывающимъ, какъ всякая случайность. Въ повѣсти же, выбранной авторомъ, случай не можетъ являться безразличнымъ; вѣдь, для чего-нибудь да выбранъ же этотъ случай, а не какой-либо другой. Разъ авторъ взялъ его изъ многихъ, ему подобныхъ и имѣвшихъ иную развязку, стало быть, авторъ считаетъ его пригоднымъ для нагляднаго доказательства известной мысли. Къ какому же заключенію должно привести рассказанное г. Ахшарумовымъ? Мы думаемъ, что выводъ получится неблагоприятный для существующаго суда и рѣшительно ни съ чѣмъ не сообразный, и чѣмъ онъ логичнѣе будетъ, тѣмъ нелѣпѣе окажется, по той, весьма простой причинѣ, что одинъ, умышенно или опрометчиво выдернутый случай изъ тысячъ не можетъ служить основаніемъ для какихъ бы то ни было выводовъ. Мы не имѣемъ повода упрекнуть повѣсть г. Ахшарумова въ тенден-

любопытности и къ этому ея качеству готовы были бы отнестись сочувственно, если бы обдуманная осторожность въ выборѣ фактовъ стояла бы у автора въ уровень съ объективностью ихъ передачи. Далѣе авторъ вотъ какія мысли высказываетъ черезъ посредство лица, отъ имени котораго ведется разсказъ:

«— Думаю, — отвѣчалъ я, — что судъ присяжныхъ не исправитель нравственности и не призванъ рѣшать психологическихъ или другихъ подобныхъ задачъ, потому что преступникъ отнюдь не значитъ еще необходимо дурной человѣкъ. Преступникъ въ сердцѣ своемъ можетъ быть нравственнѣе и чище любого изъ тѣхъ, кто призванъ его судить. Но онъ нарушаетъ законъ, служащій охраной общественной безопасности, и угрожаемое имъ общество совершенно логически поступаетъ съ нимъ, какъ съ врагомъ: беретъ его въ плѣнъ, обезоруживаетъ и запираетъ или изгоняетъ, если еще не хуже того. И въ этомъ нѣтъ ничего ни нравственнаго, ни справедливаго. Напротивъ, подобно войнѣ, это одно изъ жестокихъ насильствъ, которыя безобразятъ жизнь. Но насильство это необходимо, такъ какъ безъ обороны себя никакое общество не могло бы существовать... По крайней мѣрѣ, иные такъ думаютъ и я тоже... И потому я думаю, что присяжные, какъ представители общества на судѣ, не въ правѣ шловать ни воровъ, ни убійцъ, ни поджигателей».

Здѣсь не мѣсто доказывать неправоильность и парадоксальность такой аргументации и не къ тому мы рѣчь ведемъ. Дѣло въ томъ, что авторъ оставляетъ читателя подъ впечатлѣніемъ этого разсужденія, крайне неблагопріятнаго для суда присяжныхъ, такъ какъ не приводитъ возраженія, сдѣланнаго сторонникомъ этого суда, Недоплескинымъ. Г. Ахшарумовъ передаетъ только, что «говорили такъ хорошо, что мы всѣ, согласные или несогласные съ нимъ, заслушались». На другой день Недоплескинъ былъ арестованъ и отправленъ на жительство въ какой-то³ далекій и глухой городишко. Съ философствующимъ поручикомъ было поступлено по программѣ, изложенной выше разсказчикомъ: обязанные «охранять общественную безопасность» усмотрѣли въ его дѣйствіяхъ нѣчто «угрожающее обществу и поступили съ нимъ совершенно логически: взяли его въ плѣнъ, обезоружили» и т. д. И это было «необходимо, такъ какъ безъ обороны себя никакое общество не могло бы существовать», а на удовлетворительность «обороны», представляемой судомъ, по мнѣнію автора, нельзя полагаться. Таковъ логическій выводъ, къ которому приводятъ читателя разсужденія повѣствователя. Такова ли была цѣль автора, мы не знаемъ, но ни къ какому другому выводу нельзя придти «логически»... Дуня, жена Недоплескина, стала смотрительницей пріюта въ имѣніи богатой барыни, куда она перѣѣхала съ мужемъ послѣ пожара усадьбы Миронова. Въ началѣ войны Недоплескинъ получилъ разрѣшеніе поступить въ свой старый полкъ, заѣхалъ проститься съ женою и друзьями и отправился въ Турцію. Подъ Ловчей онъ былъ тяжело раненъ. Дуня поѣхала къ мужу, но уже не застала его въ живыхъ. «Время, однако, все исцѣлило, — говоритъ авторъ, — и въ настоящую пору Дуня процвѣтаетъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ замужемъ за однимъ акцизнымъ... Но Петръ Ивановичъ и до сихъ поръ безутѣшенъ». Г. Ахшарумовъ заканчиваетъ свою повѣсть такими словами: «Такъ кончилъ этотъ поручикъ отъ философіи, и я долженъ отдать ему справедливость, онъ былъ недюжинный человѣкъ. Не знаю, много ли еще остается такихъ, но что порода ихъ вымираетъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Не бросимъ же камня въ этихъ лю-

дей, а скажемъ лучше, что въ нихъ, не възявъ на всё ихъ крупныя недостатки, было немало хорошаго, и что хорошее это какъ разъ теперь особенно цѣнно для насъ, въ виду того, что дни его уже сочтены». Не оспаривая и этихъ сомнительныхъ положеній автора, мы, все-таки, считаемъ себя въ правѣ задаться вопросами: при чемъ же тутъ *всесловная* семья? Гдѣ эта *всесловная семья* въ повѣсти г. Ахшарумова и что же, наконецъ, хотѣлъ сказать и доказать авторъ этою повѣстью? Въмѣсто *всесловной семьи*, мы видимъ довольно заурядный фактъ женитьбы немолодаго и бездомнаго отставнаго поручика на крестьянской «дѣвкѣ», — какъ называетъ авторъ свою героиню, — на «дѣвкѣ» красивой, умной, доброй и необыкновенно способной. Бракъ оказывается очень счастливымъ, на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, и все бы обошлось въ наилучшемъ видѣ, если бы отецъ «дѣвки» не былъ кулакомъ, выжигой и негодяемъ. Изъ этого факта нельзя, однако же, заключать, подобно «Бсантшпѣ» Горностаевой, что всё зажиточные крестьяне непременно выжиги, грабители и живодеры, ни того, чтобы всё «поручики отъ философій» женились обязательно на дочеряхъ кулаковъ и мирѣдовъ. Мы не можемъ сказать, что повѣсть г. Ахшарумова заключаетъ въ себѣ какія-либо невозможныя въ дѣйствительной жизни несодѣянности. Все, имъ рассказанное, могло случиться; но изъ этого ровно же ничего не слѣдуетъ; мало ли что случается въ дѣйствительности, нельзя же все видѣнное и слышанное пространно описывать и предавать тисненію. Повѣсть же г. Ахшарумова, помимо вышесказаннаго о ней, очень длинна, разрозненна и порядочно-таки скучна. Отсутствие руководящей мысли лишаетъ ее цѣльности и необходимой связи между составляющими ее эпизодами. Каждое изъ рассказанныхъ авторомъ событій можетъ свободно быть откинуто, безъ ущерба для остальнаго повѣствованія, такъ, что, въ концѣ-концовъ, вся повѣсть распадается по частямъ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности не имѣетъ ни самостоятельнаго значенія, ни прямаго отношенія къ предъидущему и послѣдующему. Въ нашемъ октябрьскомъ «обзорѣ» журналовъ мы говорили о невыясненныхъ авторомъ намекахъ на какія-то отношенія, существовавшія въ прошломъ между женою экс-профессора Горностаева и его другомъ Недоплескинымъ. Они такъ и остались нѣсколько не разъясненными, почему и оказываются не только не нужными, но, какъ мы уже замѣтили прежде, совсѣмъ напрасно путающими дѣло и затемняющими смыслъ взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ. Отношенія же эти и безъ того страдаютъ большою неопредѣленностью. Какъ въ этомъ, такъ и въ обрисовкѣ характеровъ, крайне невыгодное впечатлѣніе производитъ незаконченность, недосказанность, отсутствіе того мастерскаго штриха, который даетъ жизнь произведенію искусства и дѣлаетъ его художественнымъ.

Въ этой же книгѣ кончена повѣсть г. Стулли: *Моя женитьба (записки В. И. Матвѣева)*, написанная тоже отъ перваго лица. О первой части *Записокъ Матвѣева* мы дали уже отчетъ читателю въ нашемъ прошломъ «обзорѣ», и читатель припомнитъ, конечно, какъ учитель Матвѣевъ непоколебимо противустоялъ всѣмъ искушеніямъ двухъ провинціальныхъ актрисъ, сестеръ Ривановыхъ, поочередно и очень настоятельно предлагавшихъ ему себя въ любовницы. Очень добродѣтельный человекъ этотъ господинъ Матвѣевъ; къ сожалѣнію, въ добродѣтели своей онъ оказывается не особенно устойчивымъ, а г. Стулли оказывается, къ еще большому сожалѣнію, слишкомъ грубымъ какъ

въ изображеніи добродѣтели своего героя, такъ и въ разсказѣ о безповоротной потерѣ имъ права на сомкнаніе монтионовской преміи. Передъ самой масляницей Матвѣевъ обвѣчался съ Ольгой, меньшою Ривановой. Первые дни медоваго мѣсяца прошли какъ въ чадѣ. Но вотъ насталъ великій постъ и молодые супруги «остались, такъ сказать, съ глазу на глазъ»... И тутъ-то Василій Ивановичъ Матвѣевъ разобралъ, наконецъ, что его супруга не обладаетъ рѣшительно никакими научными познаніями, что «это круглое невѣжество», что старшая сестра была «права, утверждая, что Ольга не понимаетъ ни пьесъ, въ которыхъ играетъ, ни своихъ ролей». «Словомъ,—говоритъ авторъ,—это была олицетворенная умственная апатія. Разогнать эту апатію, возбудить дремлющій умъ я и имѣлъ въ виду. Не давшагося Ольгѣ чтеніе я рѣшился замѣнить бесѣдами». Дѣло это не пошло, разсказанное мужемъ молодая женщина тотчасъ же забывала, да едва ли и понимала; эти лекціи ее нисколько не интересовали. Ольга увлеклась только игрою въ карты и болтовнею съ актеромъ Цвѣтаевымъ, котораго мужъ ея не терпѣлъ и начиналъ ревновать. «Впрочемъ,—пишетъ онъ въ своихъ *Запискахъ*,—въ общемъ итогѣ, въ первое время послѣ женитьбы несчастнымъ я себя считать не могъ. Ольга не уклонялась ни отъ поцѣлуевъ, ни отъ ласкъ моихъ, хотя въ ней это и отзывалось нѣсколько холодною покорностью содержания, рѣшившейся добросовѣстно исполнить принятые на себя условія». Когда мужъ поздно возвращался домой и «будилъ ее своимъ приходомъ, она встрѣчала его ласковой полусонной улыбкой.—«Это ты?... Озябъ?... Иди скорѣе, я тебя согрѣю; посмотри, какая я теплая». Авторъ не любитъ недоразумѣній и очень обстоятеленъ въ своихъ описаніяхъ. На каникулы супруги поѣхали въ Москву. Ольга капризничала: «она была беременна, — замѣчаетъ авторъ, — съ ней рѣшительно не было ладу. Меня она по три, по четыре дня буквально не подпускала къ себѣ»... «Она постоянно дурила: глядя въ зеркало на свое осунувшееся лицо и на слишкомъ округлившейся станъ, она начинала плакать.—На что я стала похожа; что вы со мной сдѣлали; куда я могу показаться въ такомъ видѣ?» Когда пришло время возвращаться въ Гайскъ, то Ольгу съ трудомъ уговорили ѣхать съ мужемъ.—«Опять въ этотъ проклятый Гайскъ,—плача твердила она.—Живой души тамъ не увидишь, а эти глупыя лекціи, въ которыхъ я ничего не понимаю, мнѣ не нужны. Никто не неволилъ тебя жениться. Зналъ, кого бралъ. Какая дура была, такая и останусь». Въ началѣ сентября «Ольга выкинула» и потомъ выдержала очень тяжелую болѣзнь. Около половины октября она совсѣмъ поправилась. Возвратясь изъ гимназіи, Матвѣевъ засталъ ее въ гостиной, кокетливо одѣтой, передъ большимъ стѣннымъ зеркаломъ. «Я хотѣлъ поцѣловать ее,—пишетъ авторъ,—она отстранила меня рукой.

«— Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, безъ нѣжностей. Довольно я за нихъ поплатилась. Больше ужъ не попадусь.

«— Что это значитъ, ты меня не любишь и не хочешь любить?

«— Можно любить безъ поцѣлуевъ и безъ нѣжностей. Спасибо. Второй разъ изъ-за этого я умирать не намѣрена.

«Мнѣ оставалось пожать плечами (признаемся, и намъ то же остается сдѣлать) и приказать давать обѣдать въ надеждѣ, что время устранить отъ меня смѣшную перспективу при молодой и красивой женѣ жить соломеннымъ

вдовцомъ. Надежда моя, однако, не оправдалась»... И педагогу пришлось обходиться «безъ нѣжностей» и «безъ глупостей».

По случаю болѣзни Ольги къ Матвѣевымъ пріѣхала, выписанная ими изъ Москвы, старшая сестра, Люба Риванова, и поселилась у нихъ въ домъ. Въ то же время, очутился опять въ Гайскѣ актеръ Цвѣтаевъ. Его короткость съ Ольгой и ея неосторожное обращеніе съ нимъ подали поводъ къ сплетнямъ и къ рѣзкимъ сценамъ между супругами. «Добромъ это не могло кончиться», — замѣчаетъ авторъ и рассказываетъ, какъ, вернувшись разъ поздно изъ клуба, когда Ольга уже спала, Матвѣевъ вошелъ въ свой кабинетъ вмѣстѣ съ Любой, и «самъ не зная, какъ это случилось», началъ съ ней обниматься, и цѣловаться, и плакать.

«— Бѣдный, бѣдный ты, Вася,—твердила Люба.

«Съ сознаниемъ чего-то крайне недолжнаго (еще бы!) я вырвался изъ ея объятій и пошелъ наверхъ», т.-е. къ женѣ. Та выгнала его вонъ, какъ и слѣдовало ожидать. «Если бы я засталъ Любу въ своей комнатѣ,—продолжаетъ онъ,—судьба наша рѣшилась бы тогда же. Но ея уже не было. Однако, при данномъ положеніи вещей исходъ былъ несомнѣненъ. Не прошло нѣсколькихъ дней, и въ одно прекрасное утро я очутился въ щекотливомъ положеніи мужа одной сестры и любовникомъ другой». Это онъ правильно выражается и даже слишкомъ мягко: намъ такое положеніе представляется болѣе, чѣмъ «щекотливымъ» и нѣсколько неожиданнымъ для такого человѣка, какъ Василій Ивановичъ, явившій въ первой части повѣсти столь убѣдительныя доказательства своей непоколебимой добродѣтели. «Любовь (?) эта,—говоритъ авторъ далѣе,—приносила намъ съ Любой мало радости. Меня гнело сознаніе, что совершилось нѣчто очень некрасивое; Любу, вѣроятно, тоже». Какъ ни глупа казалась Матвѣеву его жена, она, однако же, очень скоро сообразила это «нѣчто очень некрасивое» и «щекотливое» и начала такъ донекать мужа и сестру, что та должна была уѣхать въ Москву. Тогда Матвѣевъ порѣшилъ «положить конецъ и постоянному пребыванію въ ихъ домѣ Цвѣтаева, и нелѣпнымъ отношеніямъ, установившимся между нимъ и Ольгой». «Я объявилъ ей,—пишетъ онъ,—что поведеніе ея выходитъ изъ всякихъ границъ»... «что она моя жена и не имѣетъ права вести себя такъ ни по отношенію ко мнѣ лично, ни по отношенію къ моему имени, которое она носить».

«— Милая сестрица уѣхала, такъ вы, кажется, вспомнили, что у васъ есть жена.

«— Почему бы ни вспомнилъ, но и вамъ, милостивая государыня, напомину, что у васъ есть мужъ, есть обязанности, которыя вы должны исполнять. Если же вы этого не поймете, то...»

И онъ грозить ее бросить, уѣхать. «Ахъ, какъ страшно!—воскликаетъ она.—Да я только этого и желаю». Матвѣевъ грозить еще надавать «оплеухъ» Цвѣтаеву. Тутъ Ольга струсила, «какъ будто смирилась немого: вставала раньше, заглядывала на кухню и даже открыла мнѣ доступъ въ свою спальню, но присутствіе мое выносила съ такимъ виднымъ неудовольствіемъ», что супругъ ретировался обратно въ свой кабинетъ. Однако, эта «спальная» исторія становится не только непристойной, но и крайне скучной; изъ прекраснаго Юсифа, какимъ притворялся Матвѣевъ въ первой части своихъ записокъ, онъ превращается въ настоящаго сатира, преслѣдующаго двухъ попавшихся ему въ руки

театральныхъ нимфъ всѣми силами своего темперамента. Ольга не выдержала и убѣжала съ Цвѣтаевымъ. Вся исторія сдѣлалась извѣстна всему городу, и директоръ гимназіи попросилъ Матвѣева оставить учительство въ Гайскѣ. Вотъ что читаемъ мы въ *Запискахъ* Матвѣева объ этомъ директорѣ: «Скотина: туда же съ ироніей... А самъ забылъ, что при немъ приживаютъ двѣ какія-то женщины племянницы, довольно зрѣлыя дѣвы-нѣмки, къ которымъ отношенія его болѣе, чѣмъ сомнительны. Недаромъ одна изъ нихъ, Каролинхенъ, убѣжала зачѣмъ-то на довольно продолжительное время въ Москву и вернулась хуже кошки, которую двѣ недѣли морили голодомъ. Теперь, вѣроятно, туда же отправится Амальхенъ». Въ Москвѣ «Люба строила изъ себя недотрогу... Правда, не долго. Черезъ нѣсколько дней она стала менѣе сурова, но на условіяхъ: у нихъ все условія. Нечего дѣлать, — говоритъ Матвѣевъ, — я долженъ былъ согласиться» — выслать Ольгѣ видъ на жительство и давать 350 р. въ годъ. Матвѣевъ не получилъ мѣста учителя и отправился въ Петербургъ, гдѣ очень удачно пристроился секретаремъ редакціи большой газеты, вытѣснивши съ этого мѣста своего большого пріятеля. Первые два года бывший педагогъ жилъ холостякомъ; Люба пріѣзжала къ нему всего два раза выпрашивать увеличенія суммы, высылаемой имъ женѣ. «По обычному мягкосердію», Матвѣевъ уступалъ и довелъ выдачу до 50 р. въ мѣсяць. Черезъ два года умерла старуха Риванова; Люба переѣхала въ Петербургъ и они зажили совсѣмъ *maritalement*, «мирно и покойно». Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, когда вдругъ получилась повѣстка, сообщающая, что Ольга Васильева Матвѣева сидитъ въ тюрьмѣ, и приглашающая г. Матвѣева явиться къ подлежащему начальству. Изъ разговора Матвѣева съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ мы узнаемъ, во-первыхъ, что офицеръ этотъ человѣкъ прекрасно образованный и остроумный, умѣющій кстати цитировать Тацита; во-вторыхъ, что Ольга больна чахоткою, развившеюся вслѣдствіе лишеній, неразлучныхъ «съ обычною обстановкою провинціальной актрисы, не прибѣгающей къ такъ называемымъ дополнительнымъ источникамъ средствъ существованія»; въ-третьихъ, что Ольга, вмѣстѣ съ Цвѣтаевымъ, была арестована «по поводу одного дѣла», но доносъ, подавшій поводъ къ ихъ задержанію, оказался ложнымъ и до формальнаго окончанія дѣла больную женщину выпускаютъ на поруки ея мужа. Ольгу выпустили, и она поселилась въ квартирѣ Матвѣева съ Любой; а Матвѣевъ перешелъ въ другую, маленькую квартирку въ томъ же домѣ. Въ началѣ марта Ольга умерла. Освобожденный изъ тюрьмы Цвѣтаевъ бывалъ у Ольги и на ея похоронахъ шелъ за гробомъ поодаль. Тутъ же шла какая-то женщина съ ребенкомъ. «Это была дѣвочка трехъ-четырехъ лѣтъ. Чья она дочь, я спрашиваться объ этомъ не сталъ: какое мнѣ дѣло!» — замѣчаетъ Матвѣевъ. Съ кладбища онъ уѣхалъ одинъ и предался размышленіямъ о возможности въ тридцать восемь лѣтъ устроить свою жизнь за-ново, обзавестись семьей, жениться. «Въ этомъ даже Люба не помѣха, — разсуждаетъ онъ самъ съ собою. — Между нами почти одни отношенія двухъ добрыхъ товарищей. Ничего романческаго между нами давно уже нѣтъ, да и врядъ ли когда-нибудь было, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны. Женюсь я завтра, и мы съ Любой могли бы оставаться, попрежнему, добрыми товарищами, пожалуй, даже подъ одною кровлей». Иначе взглянула на дѣло Люба и на другой же день переселилась въ отдѣльно навѣяную комнатку, заявивши, что разрываетъ всякія отношенія съ Матвѣевымъ. Въ объясненіи по этому поводу Матвѣевъ говоритъ, между прочимъ, что ему страшно

«надоѣла вся эта траги-комедія» и что ему «хотѣлось бы скорѣе сбросить съ себя роль огорченного дурака». Черезъ нѣсколько дней онъ является къ Любѣ и между ними происходитъ крайне рѣзкая сцена.

«— Вы вольны дарить своею благосклонностью кого вздумаете, мѣнять свои привязанности и сожителства,—говоритъ Матвѣевъ,— но на прощанье не со-благоволяете ли, наконецъ, объяснить мнѣ, какую роль игралъ я въ девяти-лѣтнемъ фарсѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а, пожалуй, и авторомъ кото-раго были вы?

«Люба откинулась на спинку кресла и посмотрѣла въ упоръ мнѣ въ гла-за; такого рѣзкаго, строгаго и рѣшительнаго взгляда я никогда не замѣчала въ ней.

«— Какую роль? Вы знаете, какую роль; вы прекрасно опредѣлили ее сами.

«— То-есть?

«— Я не буду повторять вашихъ словъ, но вы ихъ, вѣроятно, не забыли.

«— Вы намекаете на мое выраженіе: роль огорченного дурака? Это ужь, выражаясь мягко, слишкомъ безцеремонно. Что я игралъ, какъ теперь оказы-вается, не унизную роль, я готовъ согласиться. Но согласитесь, что если это такъ, то эту роль навязали мнѣ вы. Для чего вы это дѣлали?

«— Такой безсердечный эгоистъ, какъ вы, и не могъ играть никакой иной роли».

На вопросъ Матвѣева, для чего Люба женила его на своей сестрѣ, она раздражается цѣлою обвинительной рѣчью, изъ которой, между прочимъ, оказы-вается, что, сама страстно любя его, она навязала ему въ жены сестру, ради спасенія ея отъ опасностей, грозившихъ «наивной, самолюбивой и взбалмошной дѣвушкѣ». Далѣе молодая женщина вычитываетъ всѣ вины своего бывшаго со-жителя, упрекаетъ его въ педантической сухости, въ отсутствіи «искренности и непосредственности», въ безсердечности, съ которою, сдѣлавшись ея любовни-комъ, онъ выгналъ ее, въ надеждѣ снова сойтись съ женой.

«— Моя безсердечность не помѣшала вамъ вновь сойтись со мною»,—возра-жаетъ Матвѣевъ.

Риванова объясняетъ свою послѣдующую связь съ нимъ тѣмъ-то вродѣ само-пожертвованія съ своей стороны для блага той же Ольги,—желаніемъ «обеспе-чить ей свободу и нѣкоторый достатокъ». «Чтобы вымогать съ меня деньги въ пользу счастливыхъ любовниковъ?»—«За то сама я не стояла вамъ ни ко-пѣйки»,—возражаетъ Люба и переходитъ къ упрекамъ въ томъ, что Матвѣевъ не дѣлалъ ей никакихъ подарковъ, хотя отдавалъ ей всѣ свои деньги, тогда какъ она ему подарки давала, и они доставляли ему удовольствіе и т. под. «Хорошо, что у насъ не было дѣтей. Впрочемъ, ихъ не могло и не должно быть»,—заканчиваетъ Риванова. Матвѣевъ «саркастически расхохотался». «Вы напрасно смѣетесь»,—обрываетъ она его.—«Это не такъ бесмысленно, какъ вамъ показалось: дряблымъ, лишеннымъ почина и энергіи натурамъ, какова ваша, природа откачивается въ творчествѣ, какъ умышленномъ и нравственномъ, такъ и физическомъ». Расходившаяся барынька нѣсколько зарпортовалась и забыла первыя размовки своей сестры съ мужемъ, въ которыхъ послѣдній видъ «твор-чества» игралъ немаловажную роль. Мы уже не говоримъ о томъ, что сама по себѣ исторія Ривановой не могла вызвать ничего, кромѣ смѣха. На уговоры Матвѣева, все-таки, оставаться жить съ нимъ Люба отвѣчала, что на ней «де-

жать обязанности, которыя она должна исполнить»... да если бы ихъ и не было, то она, все-таки, не осталась бы. «Я хочу жить съ живыми людьми, а не съ ходячими манекенами». Люба уѣхала изъ Петербурга и вскорѣ вышла замужъ за актера Цвѣтаева. «Это слѣдовало предвидѣть,—пишетъ Матвѣевъ.—Туда и дорога. Но любопытно, чѣмъ это привлекаетъ ихъ всѣхъ этотъ молодецъ?» Тотъ же вопросъ возникаетъ и со стороны читателя, такъ какъ личность Цвѣтаева осталась совершенно невясненною. Что съ нимъ ушла Ольга и жила нѣсколько лѣтъ, въ томъ не было ничего страннаго. Ей, пустынькой, не умной и мало развитой, Цвѣтаевъ былъ всегда подходящей парой; съ нимъ ей было по себѣ, весело, ему она обязана была сценическими успѣхами и, что всего важнѣе, съ его помощью она вырвалась на волю отъ ненавистнаго мужа. Бракъ этотъ можетъ быть объясненъ желаніемъ Любы «исполнить лежащія на ней обязанности» по отношенію къ ребенку, о которомъ Матвѣевъ не хотѣлъ знать, чей онъ. Но тутъ является другой вопросъ: такъ ли необходимо было Любѣ для этого дѣлаться женою бывшаго любовника ея сестры, какъ равно сомнительно представляется и необходимость для старшей Ривановой становиться, ради благополучія той же сестры, любовницей и сожительницей ея мужа, котораго она считала негодяемъ. Вообще, этотъ видъ самопожертвованій Любови Васильевны представляется намъ довольно страннымъ, а добрыя дѣли недостаточными для оправданія поступковъ, мягко называемыхъ авторомъ «щекотливыми» и «некрасивыми». Какъ бы то ни было, изъ разсказа пріѣзжаго доктора Матвѣевъ, а съ нимъ и читатель узнаютъ, что супруги Цвѣтаевы живутъ очень счастливо, воспитываютъ дѣвочку-приемыша и нянчатъ собственнаго первенца. На этомъ кончаются *Записки* бывшаго педагога.

Попытка г. Студли изобразить въ автобіографической формѣ крайне непривлекательною и несимпатичною личностъ самого писавшаго свои мемуары не представляетъ собою ничего новаго и оригинальнаго, и нельзя назвать ее удачною. Правда, съ личностью своего героя, Василья Ивановича Матвѣева, авторъ справился удовлетворительно и мѣстами очень талантливыми штрихами отгѣтилъ въ своемъ героѣ признаки самодовольной черствости, грубаго себялюбія, скрытаго подъ оболочкою формально-порядочной внѣшности, равнодушнаго непониманія всего того, въ чемъ есть проблескъ сердечности и искренняго чувства, когда проблески эти вырываются изъ узкихъ рамокъ условныхъ приличій. Отдавая въ этомъ справедливость автору, мы не можемъ отнестись одобрительно къ расписыванію имъ разныхъ интимностей семейной жизни, на которыя мы указывали и которыя считаемъ излишними для цѣлей повѣствованія и неуиѣстными въ журналѣ, пользующемся уваженіемъ публики. Не меньшую ошибку автора мы видимъ въ томъ, что и выведенныя имъ героини не заслуживаютъ никакого сочувствія: Матвѣевъ — «ходячій манекень», по выраженію Любы Ривановой, — это вѣрно; но, вѣдь, и жена его, Ольга, ничто иное, какъ ходячая кукла, съ которой едва ли бы могъ ужиться наилучшій человекъ въ мірѣ, хорошенькая маріонетка, пригодная только для театральнаго подмостковъ, да и то лишь тогда, когда умѣющій человекъ заведетъ пружинку. Если съ нею могъ уживаться Цвѣтаевъ, то единственно потому же, почему хозяинъ кукольнаго театра уживается съ своими фантомами и даже любитъ ихъ по своему. Да и фантомамъ хорошо у такого хозяина; тогда какъ, попавши въ руки обыкновеннаго человека, неимѣющаго ничего общаго съ театрами, маріонетки

неминуемо гибнуть отъ недостатка соответствующаго ухода. По отношенію къ Ольгѣ Матвѣевѣ виноватъ лишь въ томъ, что женился на ней или, вѣрнѣе, попался въ ловушку, разставленную старшею Ривановой, и не въ одну ловушку, а во всѣ, какія она ему подставляла въ теченіе девяти лѣтъ. При чтеніи послѣднихъ сценъ повѣсти чувство презрительнаго негодованія, возбужденнаго ранѣе дрянностью Матвѣева, мало-по-малу сглаживается другимъ чувствомъ омерзенія къ женщинѣ, которая дѣлаетъ гадость на гадости, такъ сказать, принципиально, съ убѣжденіемъ въ своей правотѣ и добродѣтели. Матвѣевъ гадокъ пассивностью своей мелкой натуры; Люба отвратительна въ своихъ расчетливыхъ «самопожертвованіяхъ», которыми она оправдываетъ возобновленіе любовныхъ отношеній къ сестрину мужу, ею уже не любимому и глубоко презираемому. Она шесть лѣтъ живетъ съ нимъ какъ съ мужемъ, притворяется прихѣрною женой и, въ то же время, носитъ въ душѣ злобу и ненависть, накапливаетъ ихъ къ минутѣ разставанія, чтобы излить ихъ сразу на чловѣка, долго вѣрившаго въ ея любовь. Ея упреки Матвѣеву заключаютъ въ себѣ и его оправданія, и ея осужденіе. Холостымъ онъ отвергъ ея любовь, отклонилъ ея навязчивость, когда она даже не справлялась о его чувствахъ, а просто пришла къ нему съ предложеніемъ, унижительнымъ для женщины; и точно также, безъ любви съ его стороны, она дѣлаетъ его любовницею, когда онъ сталъ мужемъ ея сестры, ею же самою безъ любви выданной за него замужъ, по своимъ особливимъ соображеніямъ, не лично-эгоистичнымъ, правда, за то эгоистичнымъ семейно. Всѣ послѣдующія отношенія ея къ Матвѣеву не иное что, какъ эксплуатація дряннаго чловѣка, которому эта женщина продается, опять-таки, не изъ-за личнаго корыстолюбія, а по своимъ семейнымъ соображеніямъ и въ добавокъ къ тому еще продается «съ обманомъ въ качествѣ товара», учитывая «фальшивую» любовь, какъ учитываютъ «бронзовые» векселя. То обстоятельство, что выгоды отъ мошенническихъ сдѣлокъ поступали въ пользу третьяго лица и что потерпѣвшее лицо, поплачивалось сравнительно не дорого, это обстоятельство не можетъ измѣнить безнравственнаго характера сдѣлки. Равнымъ образомъ нельзя найти оправданія безчестнымъ поступкамъ въ томъ, что они совершены были противъ «черстватаго эгоиста», дряблага, лишеннаго почина и энергій. Самый крупный промахъ г. Стулли заключается въ томъ, что повѣсть возбуждаетъ всѣ эти чувства и думы въ читателѣ независимо отъ воли автора и даже вопреки его желанію; иначе было бы необъяснимо превращеніе старшей Ривановой въ добродѣтельную и прелестную супругу актера Цвѣтаева. Всѣ симпатіи автора, очевидно, на сторонѣ героини, представляющей собою, по нашему мнѣнію, самое несимпатичное лицо повѣсти. По выводамъ автора, съ такимъ чловѣкомъ, какъ Матвѣевъ, не можетъ ужиться ни одна женщина съ живою душою, и Люба Риванова уходитъ отъ него къ живымъ людямъ, проживши, однако же, лѣтъ шесть или семь. Мы же думаемъ, что увлечься такою, какъ Люба, можно, сожительствовать же съ нею такъ долго могъ только эгоистъ вродѣ Матвѣева, которому нѣтъ никакого дѣла до сердца и души жены или любовницы; онъ довольствуется меньшимъ, опредѣленнымъ авторомъ съ излишнею даже точностью, часто доходящею до непристойности.

Продолжая свой *Обзоръ малорусской этнографіи*, г. Пыпинъ переходитъ къ трудамъ польскихъ и галицкихъ собирателей этнографическаго матеріала въ

тридцатыхъ годахъ, т.-е. въ то время, «когда,—по выраженію автора,—въ известномъ кругу обѣихъ литературъ существовалъ взаимный ученый и даже поэтический интересъ, когда у насъ знакомы были и пользовались почетомъ имена польскихъ ученыхъ, какъ Снядецкій, Нарушевичъ, Лянде, Желевель, Раковецкій, Мацѣвскій, когда Мицкевичъ былъ съ любовью и уваженіемъ принятъ въ лучшемъ литературномъ кругу Петербурга и Москвы, когда, съ другой стороны, польскимъ писателямъ бывали знакомы главнѣйшіе труды въ области русской исторіи, археологіи и этнографіи». Въ это время въ польской литературѣ является немало людей, «которые становятся наряду съ лучшими дѣятелями славянскаго возрожденія». «Таковыми писателями были въ особенности Вацлавъ изъ Омска (или Загѣскій), Жегота Паули и Войцицкій». Авторъ очерчиваетъ ихъ этнографическіе труды, направленные на собраніе народныхъ пѣсенъ, преимущественно малорусскихъ и червонно-русскихъ наряду съ польскими, дававшими очень незначительный матеріалъ по той простой причинѣ, что польскій народъ крайне бѣденъ пѣснями. По мнѣнію Бродзинскаго, приводимому Загѣскимъ, фактъ этотъ объясняется «вліяніемъ шляхетства, до такой степени угнетавшаго и подавлявшаго народную жизнь, что народу было не до пѣснй». «Польскій народъ всего бѣднѣе старыми бытовыми обрядами и обрядовыя пѣсни чрезвычайно малочисленны. Меньше можно удивляться отсутствію историческихъ пѣсенъ: безправный народъ не имѣлъ никакого участія въ событіяхъ національной исторіи; онъ не могъ дорожить и сохранить въ пѣсняхъ историческія преданія по той простой причинѣ, что не имѣлъ этихъ преданій». Малорусскій народъ испытывалъ, конечно, еще большія угнетенія; въ религіи, въ козачествѣ, во всемъ складѣ жизни почерпались имъ силы для энергической борьбы за независимость; тутъ народъ самъ дѣлалъ свою исторію и дорожилъ «своими» народными преданіями и героями, своими обычаями и обрядами, и память о нихъ сохранилъ въ своихъ пѣсняхъ, составляющихъ богатѣйшій матеріалъ какъ для русскихъ, такъ и для польскихъ этнографовъ. Кроме того, Загѣскій придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что у русскихъ богослуженіе совершалось на народномъ языкѣ. Въ этому г. Пыпинъ добавляетъ важное соображеніе, «что русское духовенство отъ старыхъ и до новыхъ временъ никогда не фанатизировало своей паствы такъ, какъ это дѣлали есеудзы католическіе», оно было ближе къ народу, жило съ нимъ одною жизнью, дѣлило скорби и радости и «гораздо меньше, чѣмъ католическое, вмѣшивалось въ ежедневный бытъ народа, гдѣ, такимъ образомъ, наряду съ церковнымъ благочестіемъ и могла сохраниться старина, сначала въ прямой формѣ до-христіанскаго суевѣрія, потомъ въ видѣ народно-поэтическаго праздника и развлеченія».

Закончивши очеркъ трудовъ вышеназванныхъ трехъ собирателей народныхъ пѣсенъ, авторъ даетъ характеристику трудовъ Лукашевича, издавшаго въ 1836 г. въ Петербургѣ свой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ подъ названіемъ *Малороссійскія и червонно-русскія пѣсни и думы*, и Метлинскаго, сборникъ котораго «занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ литературѣ малорусской этнографіи по внимательности редакціи пѣсенъ и ихъ новости».

Статья г. Скабичевскаго: *П. А. Плетневъ (біографическій очеркъ)* написана по случаю изданія Императорской академіей наукъ подъ редакціей Я. Е. Грота собранія сочиненій и переписки П. А. Плетнева. «Это изданіе,—говоритъ г. Скабичевскій,—даетъ намъ возможность познакомиться основательно съ пол-

нымъ цикломъ литературной дѣятельности писателя, игравшаго видную роль въ свое время въ нашей литературѣ, и опредѣлить точнымъ образомъ эту роль». И вотъ какъ опредѣляетъ г. Скабичевскій роль Плетнева: каждый литературный кружокъ «въ то время» выставилъ своего критика, — говоритъ авторъ, — «московскіе приверженцы псевдоклассицизма имѣли своимъ представителемъ Каченовскаго; шелингисты — Веневитинова, Ив. Кирѣевскаго и Надеждина; кружокъ Станкевича создалъ Вѣлинскаго».... «Но въ 20 и 30 годахъ нѣсколько литераторовъ стояли совершенно особнякомъ и составляли свой особенный кружокъ», — то были «корифеи нашей литературы: Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь и др.»... «Это былъ своего рода *Олимпъ*, недоступный для не посвященныхъ», — поясняетъ г. Скабичевскій. И *Олимпъ*, «въ свою очередь, выставилъ своего критика». «Это и былъ именно П. А. Плетневъ. Въ этомъ и заключается несомнѣнное значеніе его въ ряду критиковъ его времени. Этимъ же опредѣляется и характеръ критическихъ статей Плетнева, вполне согласованный съ тѣми нравами, вкусами и духомъ, какіе господствовали въ кружкѣ». «Неизвѣстно, какъ произошла подобная ассимиляція, — говоритъ г. Скабичевскій нѣсколько дальѣ, — приблизили ли олимпійцы къ себѣ человѣка, котораго сразу нашли такимъ, какого имъ было нужно, или же, подчинивши его своему могучему вліянію, они постепенно выработали изъ него своего критика. Вѣрнѣе всего, что здѣсь случилось и то, и другое». Биографъ Плетнева, Я. К. Гротъ, приписываетъ сближеніе Плетнева съ аристократическимъ литературнымъ кружкомъ случайнымъ обстоятельствамъ. Этому мнѣнію не раздѣляетъ г. Скабичевскій и вотъ какъ, по своему, объясняетъ это сближеніе: «Едва ли оно могло быть дѣломъ слѣднаго случая. Какъ восторженный словесникъ, увлекавшійся и заходящими, и восходящими свѣтилами своего вѣка, Плетневъ, навѣрное, сознательно стремился всѣми силами своей души приблизиться къ тѣмъ богамъ, которымъ онъ молился, и боги имѣли всѣ причины внять его мольбамъ. Онъ вошелъ въ среду ихъ сначала, конечно, какъ лишь поклонникъ ихъ и почитатель. Затѣмъ онъ быстро и легко приобрѣлъ полное довѣріе и дружбу съ ихъ стороны, благодаря симпатическимъ качествамъ характера; а, сверхъ того всего, онъ, не ограничиваясь одними восторженными поклоненіями, оказался для нихъ человѣкомъ въ высшей степени полезнымъ и необходимымъ въ житейскихъ отношеніяхъ. Большая часть ихъ обыкновенно путешествовала, а онъ проживалъ осѣло въ Петербургѣ, и потому могъ исполнять дружескія порученія, которыя они ему давали, какъ-то: «высылать имъ книги, пристраивать ихъ произведенія и для этого входить въ сношенія съ книгопродавцами, издателями журналовъ, цензорами и, наконецъ, слѣдить за выпускомъ въ свѣтъ ихъ изданій и т. п.». Нечего сказать, почетную роль отводить г. Скабичевскій въ русской литературѣ П. А. Плетневу! Впрочемъ, авторъ *Биографическаго очерка*, пытается сгладить впечатлѣніе нижеслѣдующими добавленіями: «Но мы представили бы положеніе Плетнева въ кружкѣ олимпійцевъ въ ложномъ свѣтѣ, если бы вообразили, что роль его по отношенію къ нимъ исчерпывалась бы подобнымъ коммиссіонерствомъ. Онъ былъ ихъ другомъ въ истинномъ и высшемъ значеніи этого слова, былъ повѣреннымъ всѣхъ ихъ сердечныхъ семейныхъ тайнъ; къ тому же, мнѣніемъ и совѣтомъ его дорожили не только въ житейскихъ дѣлахъ, но и въ литературныхъ».

О статьѣ *Наполеонъ I по новымъ изслѣдованіямъ*, подписанной буквами

Н. Д., мы уже говорили прошлый разъ и теперь можемъ только повторить, что статья эта скучна и не имѣетъ никакого значенія для русской публики.

Сѣверный Вѣстникъ, октябрь. Моя бабушка покойница весь родъ людской дѣлила на два разряда: на пыжиковъ и тужиковъ; къ первымъ она относилась съ большимъ сочувствіемъ, ко вторымъ—весьма неодобрительно. «Пыжики дѣло дѣлаютъ и бѣды-неудачи не робѣютъ,—говаривала старушка,— а тужики только коютъ, да на добрыхъ людей тоску нагоняютъ. Не знаютъ они русской пословицы: «не дасть Богъ, коли самъ плохъ». Много глѣть прошло съ тѣхъ поръ, какъ моя бабушка это говорила, и много воды утекло, измѣнились отношенія между людьми, и сами люди измѣнились во многомъ; при всемъ томъ, дѣленіе, установленное бабушкой,—на пыжиковъ и тужиковъ,—осталось безъ измѣненія, по старинѣ. Правда, если бы встала теперь изъ могилы покойница бабушка, ея симпатія къ современнымъ пыжикамъ, вѣроятно, ослабѣла бы значительно; но едва ли бы отъ того увеличилось сочувствіе къ тужикамъ. Было на Руси переходное время, когда вдругъ оказались въ наличности люди третьей, промежуточной категоріи—«лишніе» люди. Такіе вошли было даже въ моду, подобно тому, какъ до нихъ были въ модѣ «герои нашего времени». Однако же, по естественному закону, природа не терпитъ ничего «лишняго», какъ не терпитъ пустоты. Таковую можно произвести и поддерживать только искусственно. Искусственныя условія, создавшія «лишнихъ» людей и дававшія имъ возможность существовать, исчезли вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ. Всѣ «лишніе» поставлены были въ необходимость «изобрать родъ жизни», сбросить съ себя старую блажь и приняться за дѣло. Настоящимъ «лишнимъ»,—такіе несомнѣнно были,—это оказалось не по силамъ, и они не вынесли. Отъ нихъ давно ничего не осталось, кромѣ нѣсколькихъ «скорбныхъ листовъ», написанныхъ болѣе или менѣе талантливо. Не настоящіе «лишніе», а лишь блажившіе отъ бездѣлья или по модѣ наполнили собою ряды тужиковъ и заплѣли на всѣ голоса, затужили такъ жалобно и иногда такъ искренно, что не на шутку растрогали даже пыжиковъ, не говоря уже о массѣ тужиковъ, готовой съ наслажденіемъ подвывать всякому нытью. Поводовъ же къ такому, надо правду сказать, было весьма достаточно. Пыжики, какъ могли и какъ умѣли, пыжились, чтобы устранить, по мѣрѣ возможности, причины, вызывавшія стоны тужиковъ,—кто словомъ, кто перомъ, кто дѣломъ. Многіе пожимали плечами, тыкали пальцами въ Дарвина, спокойно говорили: *vae victis* и, подъ шумокъ, орудовали загребистыми лапами. Увидали это тужики и изъ нихъ многіе нашли такой образъ дѣйствія практичнымъ и послѣдовали соблазнительному примѣру, въ большинствѣ случаевъ не переставая тужить, одни для видимости, другіе—по привычкѣ, третьи—по невозможности перестать, такъ ужъ они успѣли развить свои нервы. Эти послѣдніе, когда имъ не о чемъ сокрушаться, готовы уподобиться той русской бабѣ, которая горькими слезами плакала о томъ, что у нея «родится сынъ Луконя, пойдетъ купаться и утонетъ».

Такихъ-то именно тужиковъ мы и видимъ въ разсказѣ г. Златовратскаго: *Каравасъ и его жена*. Петръ Павловичъ Каравасъ глѣтъ пять или шесть «мытарствовалъ съ мѣста на мѣсто въ качествѣ техника, терпѣливо ожидая случая прочтѣе законтраковать себя какой-нибудь фирмѣ». Наконецъ, оцѣл пристроился. «Упрочень!!!—писалъ онъ съ тремя восклицательными знаками»

къ автору и звалъ его къ себѣ погостить. Приѣздъ раскатишка совпалъ съ обычнымъ у его пріятеля недѣльнымъ *soirée*. Во всемъ видно полное довольство: на стѣнахъ картины, на этажеркахъ статуэтки и книги, по угламъ цвѣты; хозяинъ—кругленькій, румяный, какъ «наливное яблочко». Его жена— «милая и добрая дама, по своему умная и образованная, очень оживленная особа, съ острыми, черными глазами, низенькая, но стройная»... «она тоже пополнила, какъ мужъ, и округлилась». Только авторъ замѣтилъ «какую-то болѣзненную червность» въ ея характерѣ, особенно рѣзко выражавшуюся въ ея обращеніи съ дѣтьми: «она, при всемъ усиліи сдерживать себя, часто раздражалась. Вообще въ ней не замѣчалось той чисто-материнской ревности, увѣренности въ себѣ и самообладанія, какія мы привыкли видѣть въ такъ называемыхъ *устоймыхъ* типахъ матерей». Слово *ревность* очутилось тутъ, вѣроятно, благодаря опечаткѣ, вмѣсто *ровности*. Хозяинъ дома и всѣ гости засѣли за винтъ; авторъ остался вдвоемъ съ хозяйкой. Въ немногихъ словахъ она сдѣлала ему характеристику своихъ гостей, «съ тономъ той легкой насмѣшки, въ которой всегда есть примѣсь глубокой внутренней грусти». По наблюдениямъ автора, во всѣхъ присутствовавшихъ замѣчалось «проявленіе какого-то глубокаго и жгучаго безпредметнаго недовольства». «Мнѣ припомнилось,—разсказываетъ г. Златовратскій,—какъ, дѣтъ десять назадъ, я встрѣчалъ въ Петербургѣ, на Пескахъ, молоденькую, бойкую дѣвушку, въ поярковой шапочкѣ на волнистыхъ черныхъ кудряхъ, со связкой книгъ подъ мышкой, идущую бойкой, семенящей походкой. Была ли это она, я не знаю, но я часто любилъ останавливаться при встрѣчѣ съ нею и долго внимательно провожать глазами, между тѣмъ какъ душа моя переполнялась такой чистой любовью къ ней, такимъ захватывающимъ, хорошимъ чувствомъ... И вотъ все это теперь вдругъ пробудилось во мнѣ, и у меня болѣзненно сжалось сердце. Зачѣмъ она такъ грустна?—думалъ я, не спуская глазъ съ этого блѣднаго профиля». Изъ этого ясно, что авторъ, съ свойственною ему впечатлительностью, незамѣтно для себя поддался вліянію царившей здѣсь атмосферы «туженья» и у него «болѣзненно сжалось сердце» при видѣ «поблѣднѣвшаго профиля» женщины, про которую онъ только что сказалъ, что она «пополнила и округлилась, какъ ея мужъ», а мужъ ея—кругленькій и румяный, «какъ наливное яблочко». Г-жа Караваева начинаетъ разспрашивать автора про извѣстные ему случаи самоубійствъ, но предупреждаетъ, чтобы съ ея мужемъ онъ о столь печальныхъ вещахъ не разговаривалъ, такъ какъ Караваевъ «очень нервенъ и раздражителенъ, въ особенности послѣ проклятой игры» въ винтъ.

«— Напротивъ,—говоритъ авторъ,—вамъ не нужно бы мнѣ разсказывать... Вы—женщина...

«— Напрасно... Мы должны знать это... Мы—матери,—проговорила она озбоченно-серьезнымъ тономъ.

«Въ этихъ случаяхъ (т.-е. въ разсказахъ о самоубійствахъ),—говоритъ Караваева, между прочимъ,—знаете, всегда такая глубина содержанія... Они такъ много даютъ пищи для мысли и для воображенія. Они не даютъ заснуть мозгу, душѣ».

«— Страшное средство для пробужденія,» — отвѣчаетъ ей на это разсказчикъ... И очень странное, думаемъ мы, хотя для расстройства нервъ и довольно пригодное.

Хозяйка ушла спать; авторъ заснулъ на диванѣ. Остальные гости проиграли въ карты до утра, переругались между собою и съ хозяиномъ и разошлись. Караваевъ увидалъ, что его другъ проснулся, принесъ недопитую бутылку вина, усѣлся въ кресло и началъ тужить.

«Нѣтъ, такъ невозможно!—волнуется онъ. — Ничего, братъ, не выходитъ... То-есть, какъ ничего не выходитъ?... Если хочешь, выходить: по сравненію съ прежнимъ, во-первыхъ, насъ больше, во-вторыхъ, мы гуманнѣе, въ-третьихъ, мы усердно лечимъ, судимъ, учимъ, строимъ мосты, наконецъ, кое-что знаемъ, чего не знали раньше. Потому... и по существу... большинство изъ насъ люди честные и хорошіе, прошедшіе жизнь своимъ, трудовымъ путемъ». Караваевъ говоритъ нервно и безсвязно: «Да, то-есть относительно, можетъ быть, мы лучше предыдущихъ людей нашего типа... Да... Но у меня на этотъ счетъ есть своя теорія...» Онъ пускается въ отрывочныя научныя соображенія о «прогрессѣ вселенной» и о «всемірной эволюціи», и опять самъ себя перебиваетъ: «Я хочу сказать тебѣ по душѣ, просто, что вотъ накопѣло, наслонилось здѣсь... на сердцѣ... Да, такъ вотъ, по-моему, есть прогрессъ и прогрессъ... И эта такъ называемая эволюція есть просто органическій прогрессъ... Конечно, подчиненъ ему и человѣкъ... Но человѣкъ есть человѣкъ!... И у него есть, долженъ быть свой прогрессъ, прогрессъ *творческій*». Послѣ высокопарнаго прославленія творчества, Караваевъ опять перерываетъ самъ себя: «Немногоко возвышенно, витиевато!... Я и самъ чувствую, что немногоко не у мѣста... не подходитъ... Да что у насъ теперь у мѣста?... Вотъ я говорилъ тебѣ—мы усердно лечимъ, учимъ, судимъ, строимъ машины... И все, вѣдь, это чужое, все чужое! *Ничего своего абсолютно, своего личнаго, творческаго!*... Гдѣ во всемъ этомъ я, какъ живое, самостоятельное, себя сознающее существо?... Ну, не будемъ говорить про слѣдователей, судей, учителей. Ты возьми меня... Кажется, профессія свободная... Всѣ законы физики и химіи въ моихъ рукахъ... А попробуй я, осмѣлся только приложить къ чему-либо свое свободное творчество... Вотъ вздумай, напримеръ, я набросать проектъ машины такъ, какъ говорить мнѣ мой умъ, мое чувство... да, *чувство* (я на этомъ настаиваю)... О, напрасно: тутъ все уже дано впередъ, все предусмотрено, и никакое творчество, хотя бы пришелъ самъ Прометей, не можетъ осмѣлиться придать машинѣ *иной типъ*, тѣмъ тотъ, который прибрѣтенъ требованіями рынка»... «Для всѣхъ насъ все предопредѣлено за-раньше: направленіе нашего ума, нашего вкуса, препровожденія времени, даже нашихъ чувствъ... даже судьба нашихъ дѣтей!... Все!... Мы отчего не можемъ?... Мы — рабы своего положенія. рабы постыдные».

Г. Златовратскій очень вѣрно изобразилъ своего «инженеръ-технолога», хорошо знающаго физику и химию, кое-что почитавшаго и по своему довольно образованнаго, но не понимающаго кое-чего, въ данномъ случаѣ весьма существеннаго—значенія тѣхъ словъ, которыя онъ произноситъ по-наслышкѣ, съ чужаго голоса или изъ книжекъ, истиннаго смысла собственныхъ жалобъ и настоящаго источника мучающей его неудовлетворенности. Если бы мы были на мѣстѣ собесѣдника этого добраго и милаго техника, мы попытались бы дружески разъяснить ему, что напрасно онъ тужить о невозможности приложить къ дѣлу свое *творчество, свой умъ и свое чувство*, ибо тужить онъ можетъ лишь о томъ, что нѣтъ у него никакого *творчества*, что *умъ* его ограниченъ, а *чув-*

ство ложно направлено. У кого есть действительная сила творчества, ума и чувства, тотъ, не будучи Прометеемъ, вырываетъ у природы ея тайны и даетъ человечеству то электрической свѣтъ, то электрической двигатель, то средство переносить даровыя силы природы на далекия разстоянія отъ мѣста ихъ проявленія и т. д. Конечно, никому не возбраняется печаловаться о недостаткѣ способности создать новую машину, пригодную для рынка, какъ это дѣлали Яблочковъ, Ягнъ, Эдиссонъ, Тиссандье и тысячи другихъ техниковъ-изобрѣтателей, одаренныхъ пылкою фантазійею, энергійею, трудолюбіемъ и не проводившихъ времени за картами, виномъ и нервничаньемъ съ завѣжными пріятелями. Къ сожалѣнію, другъ Караваева не сказалъ ему всего этого, а сталъ его успокаивать тѣмъ, что вотъ завтра «взойдетъ солнце». «Какое солнце?—обрываетъ его технологъ.—Бываетъ такое солнце, которое, какъ поприщинская луна, дѣлается въ Гамбургѣ и прескверно дѣлается... Солнце... кто не ждетъ его? Кто не ждетъ ежесекундно... Но утѣшать имъ нынче, завтра... Нѣтъ, это плохо утѣшеніе!» И мы вполне раздѣляемъ это мнѣніе Караваева: тутъ никакое солнце не поможетъ, когда нѣтъ внутренняго руководнаго свѣта, а есть тамъ внутри только неисчерпаемая склонность тужить по поводу всего на свѣтѣ. какъ это дѣлаетъ Караваевъ, переходя отъ жалобъ на невозможность проявить творчество къ печалованію о томъ, что мы *повторяемся* (курсивъ въ подлинникѣ). «Понимаешь ли ты? Вѣдь, мы повторяемся!—какъ-то зашнпѣлъ Караваевъ.—Все можно простить... все можно переждать... но это!... Одна мысль объ этомъ можетъ истерзать сердце... Вотъ посмотри!»—и въ подтвержденіе техникъ объясняетъ, что въ своихъ знакомыхъ онъ видитъ повтореніе гоголевскихъ, грибоѣдовскихъ и тургеневскихъ типовъ. Для насъ непонятно, почему такъ ужасаетъ Караваева повтореніе типовъ, созданныхъ великими художниками. Повидимому, нервный технологъ впадаетъ опять въ недоразумѣніе. Вѣдь, Чичиковъ, Маниловъ и др. потому только и *типичны*, что черты, изъ которыхъ они созданы, въ высшей степени устойчивы, если только не вѣчны. Разъ черты эти перестанутъ проявляться въ живыхъ людяхъ, и Чичиковъ, Маниловъ и пр. станутъ отжившими типами. Произойти же это можетъ только путемъ «эволюціи», на которую самъ Караваевъ возлагаетъ всю надежду. Такимъ образомъ, выходитъ, что тужить онъ собственно о медленности эволюціоннаго процесса. А это уже—совершенно и никогда неустранимый поводъ къ печалованію. Гоголевскіе типы далеко не то, что типы и типички наносныя, вроде Печоринныхъ, Рудинныхъ и разныхъ «лишнихъ» людей. И главный источникъ страданій Караваева не въ томъ, что одинъ изъ его знакомыхъ похожъ на Манилова, другой смахиваетъ на Чичикова, а третій еще на кого-то,—его смущаетъ, что самъ онъ не то, чѣмъ бы ему хотѣлось быть и, пожалуй, слѣдовало быть.

«Былъ у меня въ жизни періодъ... — говоритъ онъ пріятелю,—очень для меня важный... И не такъ давно. Бился я тогда ужасно... была уже жена. дѣти пошли... И вотъ началась у меня эта битва за «хоть что-нибудь»... И все это, конечно, во имя «идеала», ну, однимъ словомъ, вѣруя и надѣясь, что вотъ, молъ, до поры, до времени, не нынче—завтра... А вѣрить было чему, братъ, самъ знаешь... Потому, были люди—не намъ чета, были идеи, но не... какъ бы тебѣ сказать?... не биологическія только... Было, братъ, было, вѣдь, все это?... Не были отъ Бога одѣлены и забыты? А кому другому, а ужъ намъ-то пожаловаться грѣхъ, что Богомъ были обижены... Такъ вотъ, во имя памяти

объ этихъ людяхъ, все терпѣлось, все можно было «переждать»... Вдругъ, «самъ не знаю отчего, все то, что прежде переносилось такъ легко, всё тѣ ужасы и мерзости, съ которыми приходилось считаться, но которые, такъ сказать, ступшеывались, покрывались какъ бы дымкой,—вдругъ теперь все это сдѣлалось невыносимо, жутко, все оголилось, все заметалось въ глазахъ во всей своей вопіющей мерзости... И уже прикрыть было нечѣмъ!... И все это оголилось не передъ тобой только однимъ, а и передъ женой, и передъ дѣтми, и никакимъ флеромъ прикрыть этого передъ ними было нельзя». Тогда заметался и самъ Каравасевъ, поѣхалъ въ Петербургъ разыскивать друзей-пріятелей: «что они, какъ?» Друзья-пріятели — ничего, поживаютъ себѣ безпечно. Намыкавшись, намучившись и не найдя нигдѣ успокоенія, Каравасевъ пошелъ къ своему старому учителю, къ человѣку, котораго онъ глубоко и искренно уважалъ. «Вы ищите правду?»—грустно спросилъ его учитель.—«Да». —«Но она заключается не въ томъ, въ чемъ видѣли ее до сихъ поръ». —«Въ чемъ же?»—робко и съ тайнымъ трепетомъ спросилъ я.—«Что есть истина?»—грустно сказалъ онъ.—«Истина такъ же условна, какъ и все». Каравасева точно обухомъ по лбу ударили; онъ терзался два дня и двѣ ночи, раздумывая надъ этими словами, и рѣшилъ, наконецъ, что «это было однимъ изъ мудрѣйшихъ и глубочайшихъ изреченій, проникающихъ въ сокровеннѣйшую суть нашего времени... Но, вѣстѣ съ тѣмъ, это было и ужаснѣйшимъ приговоромъ надъ нимъ, надъ этимъ временемъ, отъ котораго отлетѣлъ духъ Божій, великій *духъ творчества*... Я тогда заплакалъ». Посидѣть надъ этими слезами было бы грѣшно: онъ искренно пролиты; но мы думаемъ, что въ опредѣленіи причины своихъ слезъ Каравасевъ опять-таки ошибся. Вопросъ: «что есть истина?» былъ предложенъ 1852 года тому назадъ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ другому Учителю и остался до сихъ поръ безъ отвѣта. Что же касается мнѣнія каравасевского учителя, будто «истина такъ же условна, какъ и все», то это подлежитъ большому спору, и въ словахъ этихъ мы видимъ дѣйствительно «приговоръ», только не надъ нашимъ временемъ, а вообще надъ человѣчествомъ, надъ его немощью разрѣшить нѣкоторые вопросы отвлеченнаго характера. Каравасевъ «вернулся къ женѣ и дѣтямъ, и уже больше ничего и ни о чемъ такомъ не говорилъ съ ними... Все оголенное было уже для всѣхъ ясно и прикрывать его было нечѣмъ!... Конечно, можно плакать и надъ собственными согрѣшеніями и немощами, и надъ нравственными недугами согражданъ; нервнымъ людямъ слезы даютъ облегченіе; но проливать ихъ надъ тѣмъ, что нельзя прикрыть дымкою общественныхъ и собственныхъ язвъ, намъ кажется нерезоннымъ. Не отъ того ли самыя эти язвы разрастаются, что мы ихъ слишкомъ усердно прячемъ и отъ самихъ себя, и отъ своихъ женъ, и отъ своихъ дѣтей? Не въ этомъ ли прикрываніи разными флерами суровой и иногда возмутительной дѣйствительности и заключается основная и общая причина самоубійствъ молодыхъ женщинъ, юношей и даже дѣтей, приходящихъ въ переносимое отчаяніе, когда сразу срывается обманывавшая ихъ покрывка и непривычный взоръ поражается тѣмъ, что есть истина?»

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ Каравасева съ пріятелемъ выясняются до нѣкоторой степени причины его болѣзненной нервности. «Было время,—говоритъ онъ,—когда она (жена его) сама была на волоскѣ отъ самоубійства. Потомъ мы съ ней встрѣтились, приглянулись другъ другу... Ну, тутъ пошла другая полоса: пошла дѣти... нужда... болѣзни... горе... Не повѣришь, бывало, какъ

дое зачатіе ребенка и меня, и ее бросало въ трепеть... Мы оба избѣгали глядѣть другъ другу въ глаза, оба мучились, терзались, страдали и молились, чтобы «миновала чаша сія»... Потомъ... (И тутъ Караваевъ весь вспыхнулъ сразу и смущенно опустилъ глаза). Ну, да что тутъ... законъ Мальтуса... Ужась!» Къ тому же, Караваевъ, какъ любящій мужъ и добрый отецъ, страдаетъ и за участь своихъ дѣтей. «Мы не только рабы своего положенія, — восклицаетъ онъ, — мы — ничто безъ этого положенія!.. И мы, и наши дѣти... Мало того, что мы осуждены на повтореніе, насъ могутъ извести изморомъ, уничтожить, стереть съ лица земли... Пусть, пусть дѣти знаютъ это теперь же, что ожидаетъ ихъ отца и мать, ихъ самихъ... Пусть!» Госпожа Караваева успѣшила вывести дѣтей изъ кабинета, гдѣ нервничалъ ея мужъ. «Чортъ знаетъ! — сказалъ онъ, — не могу сдерживаться... Да и не зачѣмъ, впрочемъ, не зачѣмъ!... А она думаетъ охранить ихъ... отъ повтореній!»

Оставшись опять съ глазу на глазъ съ пріятелемъ, Караваевъ рассказываетъ о своей поѣздкѣ въ молоканское село. Отъ молоканъ онъ въ восторгѣ, но передать другу того, что именно восхищаетъ его у сектантовъ, онъ не можетъ. «Ничего у нихъ тамъ, братецъ, особеннаго и въ поминѣ нѣтъ, какихъ-нибудь тамъ эдакихъ разныхъ новыхъ социальныхъ формъ, что ли, — говоритъ Караваевъ, — совѣмъ нѣтъ! Та же обыкновенная, русская мужицкая община, та же семья, тѣ же идеалы труда, земледѣлія, патриархальной чистоты нравовъ, но только все это, понимаешь, какъ-будто, среди окружающей будничной принадлежности, все это приподнято, одухотворено, просвѣтлено... А, впрочемъ, можетъ быть, именно *мы* это такъ кажется». На другой день Караваевъ виѣдетъ съ своимъ другомъ, отъ лица котораго написанъ рассказъ, ѣздилъ къ молоканамъ; но отъ себя, рассказчикъ ни слова не говоритъ о нихъ, и остается неизвѣстнымъ, понравились они ему такъ же, какъ Караваеву, или нѣтъ. Побесѣдовавъ еще немного съ пріятелемъ, авторъ распростился съ нимъ и его женою и уѣхалъ. «Искренно пожелалъ я счастья этимъ хорошимъ людямъ, — заключаетъ свой рассказъ г. Златовратскій, — и почему то, даже вопреки общему грустному впечатлѣнію, мнѣ думалось, что оно имъ улыбнется и будущее будетъ за ними... Кто ищетъ, тотъ и найдетъ». Мы не раздѣляемъ оптимистической надежды г. Златовратскаго и склонны думать, что права старушка, говорившая: «не дастъ Богъ, коли самъ плохъ». Имъ, Караваевымъ, дай Богъ всего хорошаго, особенно же дай Богъ имъ дѣтокъ воспитать не нервными... Но «будущее», все-таки, не за ними; они «нытики и тужики», — будущее принадлежитъ «пыжикамъ».

Нѣкоторая часть читающаго русскаго общества издавна сочувственно относится къ тужикамъ вродѣ Караваевыхъ. И на самомъ дѣлѣ, въ нихъ есть симпатичныя черты: они, по большей части, идеалисты, честные и искренніе, не глупые и даже умные, по своему. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это — люди очень слабыя духомъ, лѣнныя и безхарактерныя, вспыльчивыя, нетерпѣливыя и трусливыя. Караваевъ, напримѣръ, дѣлаетъ крайне смѣлыя послылки и пугается логическихъ выводовъ, отступаетъ отъ нихъ; Караваевъ терзается въ погонѣ за чѣмъ-то и плачетъ отъ неудачи; онъ ищетъ *истину* и впадаетъ въ истерику отъ невозможности прикрыть, хотя бы флеромъ, долю истины, доступную человѣчеству, т. е. голую жизненную правду. Онъ искренно сокрушается объ оскудѣніи *духа творчества*, не сознавая, что вокругъ него не-

престанно совершается процессъ творчества и что духовное оскудѣнiе лишь въ немъ самоѣ.

Мы потому такъ долго остановились на Караваевѣ, что въ этомъ разсказѣ г. Златовратскій, какъ и во многихъ предшествовавшихъ, отмѣтилъ еще разъ одно изъ видоизмѣненій распространеннаго въ наше время типа тужиковъ, отчасти выродившихся изъ бывшихъ «лишнихъ» людей. Намъ кажется, что г. Златовратскій впадаетъ въ односторонность, выбирая для своихъ очерковъ изъ образованныхъ слоевъ русскаго общества только разновидности тужиковъ, и ошибается, возлагая на нихъ въ будущемъ какія-то надежды. Конечно, никто не въ правѣ указывать автору предметъ для его изслѣдованія или беллетристическаго произведенія. Выборъ опредѣляется личными вкусами, симпатіями, отчасти характеромъ самого автора и его большимъ знакомствомъ съ той или иной категоріей людей. Тужики въ интеллигентныхъ классахъ многочисленнѣе, чѣмъ въ средѣ трудовыхъ народныхъ массъ, гдѣ меньше простора для нервничанья и безпричиннаго нытья на идеалистической подкладкѣ; типъ тужиковъ необыкновенно устойчивъ, и эволюція въ немъ совершается лишь переходами изъ одной разновидности въ другую, съ упорнымъ сохраненіемъ основной черты—пассивнаго отношенія ко всему, совершающемуся вокругъ нихъ. Они тужатъ въ то время, какъ пыжики изъ силъ выбиваются и гибнутъ; они проливаютъ слезы, очень искреннія и горькія, когда пыжики проливаютъ кровь и жизнью жертвуютъ ради того, чтобы вырвать для человечества хотя ничтожный лучъ свѣта, ведущаго къ истинѣ... Неужели этихъ-то тружениковъ прогресса не видалъ г. Златовратскій, не замѣтилъ за разноголосымъ хоромъ ноющей братіи, или не нашелъ для нихъ въ своемъ сердцѣ хотя малой доли сочувствія, всецѣло отданнаго тужикамъ? Читая этотъ именно рядъ произведеній г. Златовратскаго, можно придти къ крайне ошибочному заключенію, будто стомилліонный русскій народъ, не разъ доказавшій, что въ своей совокупности онъ—идеальный пыжикъ, способенъ выдѣлать въ культурный слой только тужиковъ, иначе говоря: подъ влияніемъ культуры и гуманныхъ идей онъ долженъ превращаться въ тужиковъ и отъ этихъ послѣднихъ ждать чего-то въ будущемъ. Г. Златовратскій далъ цѣлый рядъ правдиво и талантливо изображенныхъ «развинченныхъ» интеллигентовъ, но, вѣдь, разновидности ихъ неисчислимы, и читающая публика въ правѣ спросить у писателя: гдѣ же просвѣтъ? гдѣ настоящій культурный русскій человѣкъ, сохранившій въ себѣ основную черту русской народной крѣпости? Если такого нѣтъ, стало быть, культура вредна, и, стало быть, она не нужна; если гуманныя идеи и стремленія къ идеаламъ «развинчиваютъ», значить, и они вредны, и ихъ не надо... Скажемъ же словами г. Златовратскаго: на нервные возгласы Караваева: «Неужели это нѣчто неизбежное, національное?...» его пріятель-гость отвѣтилъ: «Я думаю, нѣтъ... Национальное давало и не такіе типы». Вотъ именно теперь и было бы очень своевременно дать и въ литературѣ «не такіе типы» въ ихъ настоящемъ эволюціонномъ періодѣ.

Въ *Петербургской повѣсти* г. Максима Бѣлинскаго разсказанъ довольно заурядный случай изъ тѣхъ, что въ короткихъ, но выразительныхъ словахъ передаются въ ежедневныхъ газетахъ подъ рубрикою «происшествій». Бѣдная чиновничья семья жила въ большой нищетѣ. Старшая дочь, Агачка, кончила учебу въ гимназіи, отглотила заискиванія богатаго купца и очень удачно на-

шла постоянную и прибыльную работу в редакции одной газеты. Ея заработок внесъ доволство въ семью, которая и не замедлила всецѣло сѣсть на шею счастливой труженицы. Семья состояла изъ старика-отца, матери, четверыхъ братьевъ и двухъ сестеръ, кромѣ самой Агаточки. Два старшихъ брата—лѣнницы и негодяи. Года четыре Агаточка содержала всю семью. Но вотъ дѣвушка полюбила, сердце запросило личнаго счастья, въ умѣ сложился протестъ противъ эксплуатаціи тунеядцами. Агаточка вышла замужъ, напуганная проклятіями семьи, лишившейся съ нею дароваго благополучія. Облѣнившіеся и неспособные къ труду люди опять заголодали и обратили все свои надежды на подростку, хорошенькую Софочку, да на того купца, который пытался ухаживать за Агаточкой. Софочка побѣжала за помощью къ замужней сестрѣ,—только не за нравственной поддержкой, а просто за деньгами. Та могла бы подѣлиться съ семьей «тремя рублями», но разочла, что, во-первыхъ, этимъ никого не спасешь. это не деньги, во-вторыхъ, она сама была въ стѣсненномъ положеніи, а потому денегъ сестрѣ не предложила. Софочка же изъ деликатности не попросила и пошла домой, но, измученная физически и нравственно, домой не дошла, повстрѣчала на дорогѣ... призракъ самоубійства, который свелъ ее на барку и препроводилъ въ Неву... «Смыслъ басни сей какой же?»—спросить читатель.— Да ровно никакого. «Fait divers»—и только. Разказано же это «прошествоіе» съ такою неприятною грубостью и дубоватостью языка, которыя у насъ нынѣ принимаютъ за «натурализмъ» и «безыскусственность» и которыя, въ сущности, составляютъ лишь доказательство отсутствія литературнаго вкуса и чувства художественной мѣры. Самое объясненіе самоубійства дѣвушки встрѣчей съ «призракомъ самоубійства», разгуливающимъ въ длинной шинели, подъ чернымъ зонтомъ и въ шляпѣ «погребальнаго факельщика», мы находимъ болѣе чѣмъ страннымъ и, къ тому же, очень напоминающимъ извѣстный приемъ Ф. М. Достоевскаго. Но, вѣдь, то былъ Достоевскій... Quod licet Jovi, non licet... г. Бѣлинскому.

Отчетъ о романѣ г. Рускина: *Куда ни кинь, все кинь* мы отлагаемъ до его окончанія.

Во второмъ отдѣлѣ журнала на первомъ мѣстѣ статья: *Излчнныя искусства, ихъ сущность, происхождение и значеніе* представляетъ собою пересказъ англійской книги Паркера: *The nature of the Fine Arts*. Пересказъ сдѣланъ толково; правда, онъ даетъ очень отрывочныя свѣдѣнія о происхожденіи искусствъ и смутныя понятія о ихъ значеніи, тѣмъ не менѣе, статья эта полезна для нашей публики, постоянно сбиваемой съ толку доморощенными художественными критиками, не только газетными, но и такими, которые пишутъ цѣлые трактаты объ искусствѣ въ большихъ журналахъ. Объ этомъ мы говорили въ нашихъ журнальныхъ обзорахъ («Библиографическій отд.» *Русск. Мысли*, кн. III, IV и V) и высказали нѣкоторые взгляды, тождественные съ взглядами Паркера. Англійскій ученый—сторонникъ академическихъ приемовъ обученія живописи. «Обученіе рисованію въ искусствѣ живописи,—говоритъ онъ,—есть то же, что обученіе грамматикѣ и синтаксису въ литературѣ...» «Академическіе приемы, выработанные практикою, имѣющіе за собою авторитетъ великихъ мастеровъ, не могутъ быть измѣнены и замѣнены другими по требованію критиковъ...» Очень любопытны и заслуживаютъ въ наше время особеннаго вниманія мнѣнія Паркера о *реализмѣ* въ искусствѣ. «Реалистическая

теорія,—по его словамъ,—находится въ прямомъ противоположеніи съ истинной теоріей живописи. Цѣль художника-реалиста заключается въ томъ, чтобы всѣми зависящими отъ него средствами привлечь вниманіе отъ находящейся передъ зрителемъ нереальности къ отсутствующей реальности... Это называется правдивостью въ искусствѣ, но на самомъ дѣлѣ такое искусство въ высшей степени не правдиво. Оно старается убѣдить зрителя въ томъ, что онъ видитъ настоящіе предметы: ткань, утварь, оружіе и т. п. Такія картины превращаются въ манекеновъ, на которыхъ надѣты или навѣшаны реальныя вещи, т. е. составляютъ прямую противоположность истинному искусству. Живописецъ или скульпторъ долженъ представлять лишь отчасти атрибуты вещей, изображаемыхъ имъ». Какъ разъ выходитъ то, что мы не разъ говорили: реальная правда невоспроизводима никакимъ искусствомъ, и оно должно стремиться лишь къ воспроизведенію другой правды—художественной. Тѣ же правила примѣняетъ Паркеръ къ сценическому искусству. Торжество реализма въ этомъ послѣднемъ ведетъ, по мнѣнію автора, «лишь къ пониженію искусства», на что мы указывали уже въ нашихъ «отчетахъ» о драматическихъ представленіяхъ на московскихъ сценахъ. «Если бы реалистическій принципъ былъ справедливъ самъ по себѣ,—заключаетъ авторъ,—если бы, дѣйствительно, возможно точное воспроизведеніе природы составляло задачу искусства, тогда раскрашенные восковыя фигуры должны представлять собою болѣе совершенныя произведенія, чѣмъ какія бы то ни было картины или статуи». Конецъ статьи посвященъ опредѣленію «задачъ истинной художественной критики», сводящемуся къ слѣдующему положенію: «слѣдить за проявленіемъ, развитіемъ и новыми приѣмами таланта въ искусствѣ, умѣть отыскивать истинный творческій талантъ у мастеровъ въ современномъ искусствѣ—таковы задачи художественной критики».

Статья, озаглавленная *Уныніе и пессимизмъ современнаго культурнаго общества*, есть воспроизведеніе публичной лекціи профессора И. И. Иванюкова, читанной съ блестящимъ успѣхомъ весною нынѣшняго года въ Москвѣ, въ Политехническомъ музеѣ.

Продолженіе *Автобіографіи крестьянина Сорокина* обнимаетъ собою періодъ времени съ 1864 г. по 1872 г. и представляетъ весьма слабый интересъ, возбуждая порой своею наивностью улыбку, нѣсколько умѣряющую скучное однообразіе повѣствованія о несогласіяхъ по уставнымъ грамотамъ и выкупнымъ договорамъ между владѣльцемъ с. Павлова, гр. Шереметевымъ, и его временно-обязанными крестьянами. Какъ на образецъ такихъ наивностей, мы укажемъ на разсказъ Н. П. Сорокина о выборѣ г. Ермолова въ предсѣдателя нижегородской губернской управы. «Выбранному въ этотъ же день данъ былъ обѣдъ,—пишетъ авторъ,—на которомъ, послѣ рѣчей губернатора и дворянъ, вынудили сказать рѣчь и меня; я высказалъ слѣдующее: «изъ нижегородскаго земства въ теченіе одного столѣтія выходили люди государственные, заслужившіе славу и благодарность въ потомствѣ: Пожарскій, Никонъ (патріархъ), Булибинъ (механикъ) и другіе, а потому (?) единогласное избраніе васъ закрытой баллотировкой въ предсѣдателя управы и ваше знаніе дѣла вселяетъ надежду, что и вы не въ далекомъ будущемъ станете на ряду съ лицами, заслуживавшими уваженіе современниковъ и славу въ потомствѣ». Эта рѣчь сопровождается криками «ура» и музыкой...» Сходство г. Ермолова съ кн. Пожарскимъ и патр. Никономъ ограничилось, однако, лишь тѣмъ,

что на слѣдующее трехлѣтіе его забаллотировали въ предсѣдателя, а потомъ и въ гласные...

Въ «обзорѣ» журналовъ нашей сентябрьской книги мы уже отмѣтили нѣкоторыя существенныя противорѣчія, встрѣчающіяся въ статьѣ г. Приклонскаго: *Крестыанскій міръ и приходскій причтъ*. Продолженіе статьи, помѣщенное въ № 2 *Сѣв. Вѣстника*, страдаетъ тою же неустойчивостью основной мысли, свидѣтельствующею о ея неясности въ сознаніи самого автора. Въ началѣ своей статьи авторъ очень опредѣленно говорилъ о подчиненности крестьянскаго міра приходскому причту «до послѣднихъ мелочей»; далѣе оказывалось, что міръ находится будто бы въ постоянной борьбѣ съ церковнымъ причтомъ, а потомъ выходило, что «міръ» осмѣлялъ причтъ и подчинилъ его себѣ даже въ чисто-церковной сферѣ, въ дѣлѣ отправления богослуженія. Вторая часть статьи, напечатанная въ октябрьской кн., начинается возвращеніемъ опять къ борьбѣ между міромъ и причтомъ. «Народное стремленіе къ освоенію и демократизации церкви,—говоритъ авторъ,—къ освобожденію мірской жизни отъ подчиняющаго себѣ народную волю вліянія приходскаго причта проявляется одинаково какъ въ православномъ населеніи, такъ и среди раскольниковъ». Изъ этихъ немногихъ словъ явствуетъ уже полное незнакомство автора съ предметомъ, о которомъ онъ берется судить, и совершенное непониманіе авторомъ общезвѣстныхъ событій изъ исторіи расколовъ и сектъ въ Россіи. Самое возникновеніе раскола у насъ было ничѣмъ инымъ, какъ народнымъ протестомъ, *во имя чистоты стры* и нерушимости обряда, противъ установленнаго авторитета. Позднѣе изъ тѣхъ же «демократическихъ», какъ ихъ называетъ г. Приклонскій, стремленій развились послѣдовательныя расщепленія первоначальнаго раскола и возникло множество толковъ, отрицавшихъ самое священство, т.-е. какой бы то ни было церковный причтъ. Слѣдомъ за безпоповщинскими толками, не отрицавшими священства въ принципѣ, начали возникать секты такъ называемыя рационалистическія, доводяція «народоправство» въ дѣлѣ религіи до полнаго отрицанія необходимости священства. Теперь же, наоборотъ, въ расколѣ и въ большинствѣ сектъ должно отмѣтить стремленіе къ возстановленію авторитета духовенства и къ созданію такового тамъ, гдѣ рационализмъ дошелъ до его уничтоженія даже въ принципѣ. Для всѣхъ видимымъ тому доказательствомъ служатъ въ расколѣ возникновеніе австрійской «древле-православной» іерархіи, въ сектахъ духовныхъ христіанъ—возвратъ къ таинствамъ крещенія и евхаристіи, преподаваемыхъ черезъ особыхъ старцевъ-пресвитеровъ, и т. д. Г. Приклонскій, очевидно, слышалъ и перепуталъ нѣкоторыя понятія, совсѣмъ различныя; такъ, онъ говоритъ: «Если внимательно присмотрѣться къ поражающимъ насъ своею оригинальностью явленіямъ религіозной жизни народа, то оказывается, что въ нихъ большею частью вѣроученіе отодвинуто на самый задній планъ, а главное дѣло заключается въ народномъ стремленіи къ демократизации церкви и въ приспособленіи существующаго вѣроученія къ мѣстнымъ народнымъ потребностямъ». Это только что отодвинутое «на самый задній планъ» вѣроученіе вдругъ оказывается объектомъ «главнаго дѣла» во взаимныхъ отношеніяхъ народныхъ массъ и духовенства. Слѣдовало бы держаться ужъ чего-нибудь одного и ужъ никакъ не слѣдовало говорить такихъ несодѣянностей, какъ «приспособленіе вѣроученія къ мѣстнымъ народнымъ потребностямъ». Изъ дальнѣйшаго «разказа» чисто-этнографическаго характера

выясняется, что г. Приклонскій спуталъ «вѣроученіе» съ нѣкоторыми обрядами и обычаями церковными: автора поражаетъ, напримѣръ, обычай крещенія младенцевъ «бабами» въ поселкахъ, отдаленныхъ отъ церкви на десятки верстъ, или еще совершеніе обряда погребенія мірянами въ такихъ же захолустьяхъ, и г. Приклонскій вообразилъ, что въ этомъ состоитъ «приспособленіе вѣроученія». Стало быть, онъ не знаетъ, что «приспособленіе» это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вѣроученію, что обычай эти издревле вошли въ употребленіе и освящены авторитетомъ самой церкви. Поражается г. Приклонскій и тѣмъ, что въ далекихъ сѣверныхъ захолустьяхъ народъ «не понимаетъ слова *православный*», изъ чего и дѣлаетъ довольно странные выводы, отъ которыхъ, по всей вѣроятности, онъ воздержался бы, если бы зналъ, что и въ центральныхъ губерніяхъ огромное большинство крестьянъ не понимаетъ слова *православный*, ничуть не выходя въ расколъ и ни мало не отступая отъ церкви. Значеніе статьи, какъ этнографическаго очерка, весьма умалается не точностью сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній о бытѣ народа и о его экономическомъ положеніи. На стр. 80 г. Приклонскій пишетъ: «На Выгозерѣ такая ужасная глушь и такъ бѣдно населеніе, что, проживъ тамъ 3 недѣли, я не нашелъ у крестьянъ ни одной курицы и ни за какія деньги не могъ приобрести мяса. Какъ я ни старался, а не могъ отыскать на всемъ Выгозерѣ ни одного продажнаго барана...» А на 86 стр. рассказывается о томъ, что на Выгозерскомъ погостѣ, гдѣ жилъ авторъ, крестьянинъ отнесъ попу за похороны «барана да штофъ водки», причемъ мужикъ объяснилъ, что «такъ заведено съ каждаго покойника давать» — по барану и по штофу водки. И такъ, что же: рѣдкость бараны на Выгозерѣ, или не рѣдкость? Судя по первой вышеприведенной фразѣ, можно заключить, что попу невообразимо дорого беретъ за похороны; судя по второй, есть основаніе думать, что барана можно было купить даже не Богъ-вѣсть какъ дорого и хотя бы у того же попа. Г. Приклонскій пренаивно удивляется тому, что на Выгозерѣ крестьянскіе парни женятся на дѣвушкахъ, которыхъ до дня свадьбы никогда не видывали, точно онъ самъ то какой-нибудь «знатный иностранецъ» и никогда не слыхивалъ, какъ заключаются крестьянскіе браки въ большей части Россіи. Литературное упражненіе г. Приклонскаго имѣетъ, все-таки, одну, очень хорошую сторону, — оно вполне безвредно. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ упражненіи г. Н. Селиванова, озаглавленномъ: *Судъ присяжныхъ*. Прочитавши его, невольно вспоминается поговорка: «оборони Богъ отъ такихъ друзей». Споръ между сторонниками и противниками суда присяжныхъ у насъ, въ Россіи, сводится къ тому, что первые считаютъ судъ присяжныхъ лучшимъ изъ существующихъ судовъ, а противники, не отрицая этого въ принципѣ, находятъ судъ присяжныхъ непригоднымъ для нашего отечества, «несвоевременнымъ» и т. п. и стараются доказать необходимость его уничтожить. Въ этомъ послѣдніе радикалы: заявляютъ прямо о своихъ вождѣлннхъ и, хорошо ли, плохо ли, открыто добиваются осуществленія своихъ желаній. Такіе защитники суда присяжныхъ, какъ г. Селивановъ, по мѣрѣ слабости своего пониманія, бессознательно клоняютъ дѣло къ тому же исходу, съ тою только разницею, что они своею аргументаціей стараются объ отмѣнѣ суда присяжныхъ не сразу, а по частямъ, путемъ исправленія его недостатковъ. Конечный результатъ такихъ поправокъ не трудно предвидѣть, и для всякаго ясно, къ чему должны привести логиче-

скіе выводы изъ положеній г. Селиванова. Онъ, не обинуясь, заявляетъ на стр. 121, что въ продолженіе 17 лѣтъ «списки присяжныхъ составлялись безспорно изъ худшихъ людей» (курсивъ въ подлинникѣ). Порядокъ составленія списковъ, какъ извѣстно, теперь измѣненъ, но авторъ находитъ, что новый «законъ принесъ мало пользы, хотя задуманъ онъ правильно, но, вѣдь, никогда полумѣры пользы не приносятъ. Списки присяжныхъ въ 1885 г., конечно, лучше составлены, чѣмъ прежде, но главные недостатки заврашены, а не уничтожены» (стр. 123). Стало быть, и теперь въ присяжные попадаютъ худшіе люди, за самыми ничтожными, быть можетъ, исключениями. До этого даже *Московскія Вѣдомости* и *Русскій Вѣстникъ* пока еще не доходили. Называя судъ присяжныхъ «судомъ улицы», они никогда не договаривались до такого безобразія, что будто бы съ этой самой «улицы» въ судъ набираютъ худшихъ людей; они находили только, что и хорошимъ людямъ «съ улицы» нельзя довѣрять дѣло отправленія правосудія. А разъ признать, что г. Селивановъ не заврался «до чортиковъ», то надо удивляться умѣренности нападокъ на судъ присяжныхъ, и еще болѣе удивляться тому, что при такомъ составѣ суда могло отправляться правосудіе въ теченіе 17 лѣтъ!... Далѣе, на стр. 130, авторъ говоритъ: «Порядокъ составленія списковъ присяжныхъ въ соединеніи съ апатіей, которая проявляется у интеллигентныхъ лицъ при исполненіи этихъ обязанностей, привела (sic!) къ тому, что лучшіе (курс.) люди—рѣдкіе гости на скамьяхъ присяжныхъ». Дѣло, впрочемъ, не въ курьезной опечаткѣ, а въ самой мысли: если въ средѣ интеллигенціи дѣйствительно существуетъ такая «апатія», то этимъ доказывается, что большинство интеллигенціи государства удовлетворяется судомъ, дѣйствующимъ безъ участія или съ незначительнымъ участіемъ интеллигентныхъ людей, и вполне довѣряетъ дѣло правосудія тѣмъ, кому она, интеллигенція, такъ охотно уступаетъ мѣсто, слѣдовательно... Но отъ выводовъ мы воздержимся,—читатель самъ ихъ сдѣлаетъ; мы же приведемъ еще одинъ обращикъ логики г. Селиванова. Онъ находитъ, что всѣ «постановленія о цензѣ присяжныхъ нуждаются въ основательномъ пересмотрѣ». «Система ценза,—говоритъ авторъ на стр. 120,—можетъ удалить отъ присяжной службы такихъ лицъ, которыя, хотя не имѣютъ требуемаго закономъ имущества, но пользуются общимъ довѣріемъ въ высшей степени; чувство достоинства оскорбляется, если право судить согражданъ предоставляется только привилегированнымъ лицамъ»... «Трудно понять, почему, напр., Ивановъ, всѣми уважаемый, но владѣющій 80 дес., не можетъ быть присяжнымъ, а кабатчикъ Петровъ—кулакъ и выжига, владѣлецъ 100 дес., способенъ быть присяжнымъ? Почему отъ неграмотнаго мѣщанина, владѣльца дома въ 500 р., дающаго 4 р. въ мѣсяцъ дохода, можно съ увѣренностью ожидать заботливости объ охраненіи частной и общественной безопасности, а отъ лица, получившаго университетское образованіе, имѣющаго въ столицѣ 450 р. дохода, нельзя? Едва ли кто можетъ отвѣтить на эти вопросы. Намъ кажется,—завлечаетъ г. Селивановъ,—было бы правильно общія условія способности быть присяжнымъ опредѣлить такъ: русское подданство, возрастъ отъ 25 до 70 лѣтъ, грамотность, доходъ въ 200 р. въ годъ». Мало ли что «кажется» г. Селиванову, не видящему того, что есть въ дѣйствительности, напримѣръ, противорѣчія между началомъ и концомъ приведенной выдержки. Употребляя его же приемъ, можно спросить: почему онъ считаетъ грамотнаго

сидѣльца въ кабацѣ, обирающаго хозяина и обмѣривающаго пьяницъ, но получающаго 200 р. жалованья, болѣе способнымъ быть присяжнымъ, чѣмъ кандидатъ правъ, живущій урокомъ на 15 р. въ мѣсяцъ? Остается одинъ отвѣтъ: такъ кажется г. Селivanову... Приведеннаго достаточно для характеристики статьи и для опредѣленія ея достоинства.

Русскія періодическія изданія по сельскому хозяйству.

„Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“.—„Земледѣльческая Газета“.—„Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“.—„Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи“.— Изданія другихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. — „Извѣстія“ Ново-Александрійскаго института и Петровской академіи.

Въ то время, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается до 150 періодическихъ изданій, специально посвященныхъ сельскому хозяйству, у насъ, въ Россіи, такихъ изданій наберется едва-едва до двухъ десятковъ, и въ общей американской прессѣ интересамъ сельскаго хозяйства отводится гораздо больше мѣста и вниманія, чѣмъ въ нашихъ газетахъ и журналахъ. Спросъ на печатное слово въ средѣ практическихъ хозяевъ у насъ еще пока не великъ, потребность въ обмѣнѣ мыслей тоже незначительна, а, съ другой стороны, общеобразовательное значеніе научнаго сельскаго хозяйства не получило у насъ правъ гражданства и популяризацію научнаго сельскаго хозяйства почти никто не занимается.

Частныя періодическія изданія по сельскому хозяйству оказываются недолговѣчными; давно существующіе журналы и газеты пріютились подъ кровомъ различныхъ учреждений, дающихъ этимъ изданіямъ денежные средства, которыхъ нельзя собрать путемъ добровольной подписки.

Министерство государственныхъ имуществъ даетъ субсидію на ежемѣсячный журналъ Сельское Хозяйство и Лѣсоводство и на еженедѣльную Земледѣльческую Газету. Оба эти изданія выходятъ подъ общою редакцію г. Баталина, праздновавшаго въ прошломъ году 25-ти лѣтній юбилей своей редакторской дѣятельности. Остановимся сначала на журналѣ. Журналъ министерства въ свое полувѣковое существованіе сослужилъ немалую службу русскому сельскому хозяйству. Еще въ сороковыхъ годахъ въ этомъ журналѣ появились первые опыты нашей сельско-хозяйственной статистики, въ видѣ хозяйственно-статистическихъ описаній различныхъ губерній (новороссійскихъ, бѣлорусскихъ и другихъ).

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ въ журналѣ появлялись статьи, посвященные самымъ животрепещущимъ вопросамъ отечественнаго земледѣлія, которое должно было съ 1861 года принять новыя формы. Въ послѣдніе годы, если сказать правду, журналъ ведется довольно вяло, но, все-таки, является однимъ изъ лучшихъ нашихъ періодическихъ изданій по сельскому хозяйству. Цѣна его, благодаря министерской субсидіи, весьма умеренная (4 р. 50 к. за 12 книжекъ), и въ видѣ приложенія помѣщаются еще переводы различныхъ иностраныхъ сельско-хозяйственныхъ книгъ, выборъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ довольно удаченъ. Такими приложеніями рассылались при журналѣ прекрасное руководство Габерландта по растеніеводству, классическое сочиненіе

Флейшмана о молочном хозяйствѣ, свиноводство Роде и гигиена сельско-хозяйственныхъ животныхъ Дамана. Въ нынѣшнемъ году переводится съ послѣдняго изданія сочиненіе Роде *Крупный рогатый скотъ*; политапажи перевода уступаютъ нѣмецкимъ въ качествѣ исполненія, а хромолитографій, которыми богатъ оригиналь, при русскомъ переводѣ, вѣроятно, вовсе не появится. Журналъ на первомъ планѣ ставитъ не практическія детали хозяйства (которымъ посвящена газета), а научные вопросы, касающіеся сельскаго хозяйства. Отдѣлъ заграничной литературы ведется довольно полно и своевременно. Оригинальными научными статьями журналъ не богатъ, да это и понятно: силы у насъ еще слишкомъ скудны и, въ то же время, разбросаны по различнымъ изданіямъ. Въ сущности говоря, для Россіи было бы за глаза достаточно одного журнала по научному сельскому хозяйству, и въ этомъ журналѣ должны были бы сконцентрироваться всѣ силы, работающія на научномъ поприщѣ; такому журналу всего приличнѣе было бы издаваться при высшемъ агрономическомъ учебномъ заведеніи. Въ журналѣ министерства лѣсоводству отводится гораздо меньше мѣста, чѣмъ сельскому хозяйству; у лѣсоводовъ есть свой специальный лѣсной журналъ (издаваемый лѣснымъ обществомъ).

Въ нынѣшнемъ году лѣсоводству посвящены отчетъ г. Тихонова о заграничныхъ лѣсныхъ хозяйствахъ, отчетъ г. Керна о венгерской выставкѣ и лѣсныя бесѣды г. Рудскаго. По сельскому хозяйству за весь послѣдній годъ (считая съ осени 1884 г.) мы не находимъ ни одной особенно выдающейся статьи. Въ № 8 за 1884 г. г. Арнольдъ дѣлаетъ интересный рефератъ двухъ брошюръ по лифляндской сельско-хозяйственной статистикѣ; рефератъ этотъ носитъ несоотвѣтственное заглавіе: *Путевыя замѣтки*, но не содержитъ никакихъ личныхъ наблюденій. У насъ весьма распространены невѣрныя представленія объ экономическомъ бытѣ Лифляндіи, и потому весьма желательно, чтобы у насъ распространилось знакомство съ брошюрами Юнгъ Стиллинга и Рихтера, откуда г. Арнольдъ взялъ содержаніе для своей статьи. Въ № 10 и 11 заслуживаетъ вниманія новое описаніе сѣверной лѣсопильной системы хозяйства, сдѣланное г. Щекотовымъ. Въ № 12 проф. Костычевъ подвергаетъ разбору капитальный трудъ Докучаева о русскомъ черноземѣ. Силосованіе кормовъ, одинъ изъ любимѣйшихъ коньковъ редактора, нашло себѣ мѣсто въ двухъ переводныхъ статьяхъ журнала за 1884 г. (№№ 9 и 11) и въ нѣсколькихъ нумерахъ за нынѣшній годъ; такое специальное вниманіе къ силосованію, при маломъ объемѣ журнала (въ книгѣ 10 печатныхъ листовъ), ведетъ къ ущербу въ полнотѣ содержанія. Очеркъ проф. Гримма (въ № 1 за 1885 г.) о морскомъ и рѣчномъ звѣрномъ промыслѣ не имѣетъ никакого отношенія къ сельскому хозяйству. Въ статьѣ г. Вебера (№ 2) интересенъ учетъ крестьянскаго хозяйства въ Псковской губерніи. Вполнѣ умѣстны и соотвѣтственны задачамъ журнала двѣ монографіи по частной культурѣ: г. Веселовскаго—о культурѣ подсолнечника (№ 1) и г. Чистосердова—о полтавскомъ табаководствѣ (№ 8). Замѣтка г. Никитина о сельско-хозяйственныхъ постройкахъ (№ 7) справедливо напоминаетъ о томъ, какъ мало у насъ обращаютъ вниманія на сознательное расположеніе хозяйственныхъ построекъ. Укажемъ еще на вѣдомость, составленную г. Москальскимъ (№ 5), о лицахъ, получившихъ агрономическое образованіе съ 1828 по 1885 годъ. Лицъ, получившихъ въ Россіи высшее образованіе, было за это время болѣе 1,000 (причемъ не включены

почему-то въ счетъ лица, окончившія курсъ въ Новой Александріи и въ Рижскомъ политехникумѣ). За послѣднія 7 лѣтъ въ Петровской академіи на сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ оканчиваютъ курсъ ежегодно 25 человекъ среднимъ числомъ. Въ земледѣльческихъ школахъ (среднихъ учебныхъ заведеніяхъ) ежегодно выпускается по 90 человекъ.

Земледѣльческая Газета тоже старый органъ. Газета эта изобилуетъ мелочами сельско-хозяйственной техники. Нерѣдко въ ней можно замѣтить стремленіе подладиться подъ вкусы и запросы русскихъ помѣщиковъ. Иногда редакция оказываетъ излишнюю терпимость по отношенію къ хозяевамъ, присылающимъ свои статьи и замѣтки; напримѣръ, не далѣе какъ въ началѣ 1883 года, одинъ почтенный хозяинъ пресерьезно увѣрялъ со столбцовъ *Земледѣльческой Газеты*, будто бы пшеница дѣйствительно перерождается въ рожь. Въ концѣ-концовъ, газета оказывается, все-таки, довольно полезнымъ сельско-хозяйственнымъ изданіемъ, а по цѣнѣ своей (3 руб. 90 коп. въ годъ съ пересылкою) общедоступнымъ. Довольно подробныя торговыя извѣстія и телеграммы съ товарныхъ рынковъ составляютъ весьма важный отдѣлъ при перешрещемъ преобладаніи денежной формы сельскаго хозяйства и при возрастающемъ значеніи мирового рынка. Масса объявленій, печатающихся при *Земледѣльческой Газетѣ*, свидѣтельствуетъ о томъ, что газета эта имѣетъ достаточное распространеніе. Просматривая послѣдніе нумера газеты (за осень 1885 г.), мы видимъ, что и здѣсь не уйдешь отъ силосованія: редакторъ угощаетъ насъ имъ въ №№ 34 и 41. Въ № 36 (отъ 7 сентября) своевременно помѣщены приблизительныя свѣдѣнія объ урожаѣ пшеницы въ главнѣйшихъ государствахъ: здѣсь констатируется громадный недочетъ урожая въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ сборъ пшеницы въ нынѣшнемъ году былъ слишкомъ на 30% менѣе противъ средняго сбора; въ Россіи оказывается небольшой недочетъ. Порядочное превышеніе противъ средняго урожая (на 18%) изъ хлѣбородныхъ странъ дала только Венгрія. Въ № 39 (отъ 28 сентября) интересны свѣдѣнія о сорности и плохой очисткѣ зерна въ ость-индской пшеницѣ, образцы которой были присланы въ Петербургъ; свѣдѣнія эти противорѣчатъ тѣмъ хвалебнымъ отзывамъ о качествѣ ость-индской пшеницы, которые давалъ въ Москвѣ г. Федоровъ со словъ г. Допельмайера и англо-русскаго торговаго журнала. Отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ по сельскому хозяйству ведется въ *Земледѣльческой Газетѣ* весьма живо.

Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества представляютъ собою старѣйшее изъ русскихъ періодическихъ изданій по сельскому хозяйству. Журналъ этотъ, при своей небольшой цѣнѣ (4 р. въ годъ за 12 книжекъ), даетъ обществу убытки. Редакторомъ его до послѣдняго времени былъ проф. Соинъ. Въ снисходительности къ сотрудникамъ онъ не уступалъ г. Баталину; доказательствомъ можетъ служить одна статейка, попавшая въ *Труды* 1884 г. (томъ III). Это статья г. Баскакова: *Статистика почвъ въ сѣвоборотахъ съ культурою сахарной свекловичи*. Чтобы дать образецъ стилистическихъ красотъ, которыми блещетъ эта статья, приведемъ ея начало и конецъ. «Почва необходима въ агрономическомъ предпріятіи для производства извѣстной группы растений» (стр. 1). «Данныя мои я съ просьбою отдаю на судъ всякаго изъ опытныхъ ученыхъ хозяевъ, и, такимъ образомъ, многіе изъ всѣхъ, и каждый изъ насъ, принося должную лепту самоучастія въ общемъ трудѣ, выведутъ

теорію возврата почвъ изъ *понятія о шпозезъ* въ самостоятельную научную теорію, обусловленную известными законами природы» (стр. 28). На стр. 17 приводятся анализы химическаго состава средняго урожая различныхъ растений съ десятины; откуда взятъ каждый анализъ въ отдѣльности, не указано, но *огульно* говорится, будто бы анализы заимствованы «частью изъ работъ Петровской академіи, частью изъ Ново-Александрійскаго института, частью изъ заграничныхъ изданій» (причемъ названы два технологическихкихъ, а не сельско-хозяйств. журнала), частью производились будто бы самимъ авторомъ. Къ подобнымъ статьямъ слѣдовало бы относиться немножко поостроже и указывать автору на необходимыя исправленія.

Журналы засѣданій вольнаго экономическаго общества печатаются теперь въ *Трудахъ* въ извлеченіи. Печальныя пререканія прошедшаго года, результатомъ которыхъ былъ отказъ покойнаго К. Д. Кавелина отъ званія президента, почти не попали въ протоколы. Весьма грустно узнать, что отдѣленія общества такъ и не подвергли надлежащему обсужденію предложеній, сдѣланныхъ К. Д. Кавелинымъ относительно общаго направленія и цѣли всего учрежденія. Кавелинъ хотѣлъ поставить центръ тяжести для дѣятельности общества въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ русской сельско-хозяйственной дѣятельности; противоположная партія считала главною задачей общества абстрактное рѣшеніе техническихъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ внѣ условій времени и мѣста. Г. Ермоловъ, въ рѣчи по случаю своего избранія въ вице-президенты (1885 г., № 8) выражаетъ сожалѣніе, что борьба партій нарушила спокойную жизнь общества; вновь избранный президентъ, баронъ Корфъ, будто бы непричастенъ этой борьбѣ. Изъ журнала общества мы узнаемъ, что *Земскій Ежегодникъ* съ нынѣшняго года будетъ издаваться на новыхъ основаніяхъ: во первыхъ, изданіе будетъ выходить гораздо своевременнѣе (въ нынѣшнемъ году составляется обзоръ 1884 года), а, во-вторыхъ, цѣна сбавлена съ 6 р. на 4 р.

Наиболѣе интересными статьями *Трудовъ* за 1885 годъ (въ первыхъ восьми книжкахъ) являются слѣдующія. Статья г. Весина о конокрадствѣ въ Россіи (№№ 3 и 5) представляетъ любопытный сводъ преимущественно газетныхъ свѣдѣній о конокрадствѣ въ послѣдніе годы, о правильной организаціи конокрадскихъ шпекъ, о выкупѣ, о страховой преміи, которую крестьяне платятъ конокрадамъ, о крестьянскомъ самосудѣ. А. В. Верещагинъ (№ 5) не въ первый разъ уже описываетъ черноморское побережье Кавказа, которое по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ земледѣлія является чуть ли не самою благоприятною мѣстностью Россіи: особенно хорошо удаются тамъ виноградарство, воздѣлываніе кукурузы, табака, хлопчатника, ворсильной шишки и пчеловодство. Г. Красноперовъ (№№ 6 и 7) рассказываетъ о хозяйственномъ бытѣ самарской Башкиріи, гдѣ еще такъ недавно было великое земельное приволье. Г. Будринъ (№№ 1 и 3) помѣстилъ отчетъ о фермѣ Ново-Александрійскаго института. Г. Терлецкій (№ 5) составилъ историческій очеркъ стараго русскаго пчеловодства. Отдѣлъ пчеловодства, редактируемый г. Бутлеровымъ, ведется въ *Трудахъ* весьма обстоятельно, и всякій раціональный русскій пчеловодъ получаетъ *Труды*. Г. Лазаревъ (№ 7) указываетъ настоятельную необходимость одновременнаго сзыва сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ въ разныхъ полосахъ Россіи. Полемика гг. Заломанова и Докучаева посвящена вопросу о происхожденіи русскаго чернозема. Въ *Трудахъ* ведется сельско-хозяйственное обозрѣніе,

которое отсутствуетъ въ минкаторскомъ журналѣ, но въ послѣднемъ отдѣлѣ иностранной литературы обставленъ значительно лучше, чѣмъ въ *Трудахъ*. Библиографическій отдѣлъ въ обихъ журналахъ страдаетъ недостаточною полнотой. Въ корреспонденціяхъ *Трудовъ* часто дѣлаются напоминанія о многихъ современныхъ хозяйственныхъ вопросахъ; конечно, дѣло не обходится и безъ жалобъ на необезпеченность договоровъ съ рабочими. Съ нынѣшняго года завелся въ *Трудахъ* отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ, но онъ пока имѣетъ очень скромные размѣры и далеко уступаетъ въ живости такому же отдѣлу *Земледѣльской Газеты*.

Московское общество сельскаго хозяйства тоже выпускаетъ въ свѣтъ свои *Труды*, но эти труды появляются нецѣлкомъ и поступаютъ въ продажу отдѣльными книгами; объ одной изъ такихъ книжекъ, предметомъ которой служатъ элеваторы, была рѣчь въ № 8 *Русской Мысли*; кромѣ того, за послѣднее время изданы доклады и пренія о мѣрахъ къ развитію винокурения, о фосфоритахъ, о сохраненіи лѣсовъ, о ввозныхъ пошлинахъ на земледѣльскія машины и др. Особое приложеніе къ *Трудамъ* московскаго общества составляютъ доклады комиссіи по вопросу о хуторахъ и современныхъ условіяхъ крестьянскаго хозяйства. Комиссія эта учреждена была еще въ 1874 году подъ предѣлательствомъ г. Столыпина и издала до сихъ поръ 15 докладовъ. Главнымъ вкладчикомъ въ комиссію былъ самъ предѣлатель. Въ первыхъ двухъ докладахъ главнымъ предметомъ былъ хуторской вопросъ, въ остальныхъ главное содержаніе составляютъ нападки на общинное землевладѣніе; эти остальные 13 докладовъ собраны къ прошлому году въ отдѣльную книжку, которую предѣлатель снабдилъ краткимъ предисловіемъ. Чтобы дать понятіе о стилстикѣ и о логикѣ докладовъ, позволимъ себѣ привести маленькую выдержку изъ этого предисловія. «Общинные порядки, — говоритъ г. Столыпинъ, — имѣютъ горячихъ приверженцевъ: одними поддерживается голосованіе, потому что оно упрочиваетъ передѣлы земли и надѣленіе всѣхъ землею; другими поддерживается голосованіе и общинное владѣніе, въ виду ожидаемаго веденія крестьянами хозяйства сообща. Первое мнѣніе—это взглядъ, какъ оказывается по нынѣшнимъ свѣдѣніямъ, оставшіяся отъ временъ прикрѣпленія къ землѣ, когда у крестьянъ обязательно вводились передѣлы; составленіе втораго мнѣнія о земледѣльческой ассоціаціи можно рассмотретьъ исторически, какъ *связанную* крайностями возрѣвѣній индивидуализма». Вопросъ объ общинномъ и личномъ землевладѣніи въ докладахъ комиссіи, какъ это у насъ сплошь и рядомъ случается, спутанъ съ другими вопросами, каковы: вопросъ о деревенскомъ и хуторскомъ расселеніи, объ округленномъ и черезполосномъ хозяйствѣ, о круговой порукѣ и личной отвѣтственности за платежи.

Одесское общество, третье по времени учрежденія, издаетъ ежемѣсячный журналъ Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. Съ четвертой книжки 1884 года редація этого органа перешла къ М. В. Неручеву, который оставилъ по себѣ почтенную память въ лѣтописяхъ русской періодической прессы: въ теченіе восьми лѣтъ, съ 1869 по 1876, онъ редактировалъ въ Москвѣ журналъ *Русское Сельское Хозяйство*, который былъ лучшимъ сельско-хозяйственнымъ изданіемъ своего времени. Въ своей первой статьѣ (отъ редакціи—*Записки* 1884 г., №№ 4—5) г. Неручевъ съ сожалѣніемъ констатируетъ недостатокъ связи между научнымъ

и практическимъ сельскимъ хозяйствомъ въ Россіи; этотъ недостатокъ онъ объясняетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что наша сельско-хозяйственная наука слишкомъ мало работаетъ на своей родной нивѣ, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что наши практическіе хозяева слишкомъ скупо дѣлятся известными имъ фактами. «Русская сельско-хозяйственная жизнь слишкомъ бѣдна фактами, которые самостоятельно обрабатывались бы въ интересахъ научныхъ положеній» (стр. 5). Редакторъ *Записокъ* — личность дѣятельная и несомнѣнно талантливая. Но литературныхъ силъ въ сферахъ южно-русскаго сельскаго хозяйства, очевидно, немного, а потому *Записки* идутъ далеко не такъ удачно, какъ онѣ должны были бы идти сообразно вѣрно поставленному плану изданія. Какъ не пропорціонально распредѣляется работа между редакторомъ и сотрудниками, видно, на примѣръ, изъ того, что въ № 8 *Записокъ* текущаго года изъ пяти статей три принадлежатъ самому редактору. Въ послѣднихъ двухъ номерахъ (№№ 8 и 9) редакторъ отводитъ много мѣста элеваторскому вопросу; отношенія редактора къ хлѣбному экспорту не чужды нѣкоторой непослѣдовательности; въ № 2 онъ говоритъ прямо: «съ пшеницею дѣло наше кончено», а въ послѣднихъ номерахъ вновь ищетъ средствъ облегчить производство пшеницы для міроваго рынка. Въ статьѣ о значеніи мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ (№ 2) г. Неручевъ поддерживаетъ мысль Кавелина о томъ, что базисомъ для дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ должно быть изученіе условій сельско-хозяйственнаго производства въ опредѣленной мѣстности и въ опредѣленный моментъ. Наши сельско-хозяйственныя общества слишкомъ мало заботятся о томъ, какъ приспособить указанія науки къ условіямъ данной мѣстности, и вслѣдствіе этого научно обоснованная техника сильно дискредитируется въ глазахъ практики. Сознвая свою роль посредника между наукою и практикою, южно-русское общество устроило на своей фермѣ опытную станцію, и первымъ учрежденіемъ этой станціи явилась метеорологическая обсерваторія. Въ послѣднихъ номерахъ *Записокъ* помѣщены монографія г. Яроценка о бессарабскомъ табаководствѣ, замѣтки г. Смирнова о саратовскомъ крестьянскомъ садоводствѣ, наблюденія г. Постникова надъ крестьянскими хуторами въ Таврической губерніи (устроенными по инициативѣ г. Столыпина), статьи г. Бродовскаго о воздѣлываніи хлопчатника и г. Колесова о пшеницѣ. Изъ наблюденій г. Постникова мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что практическая дѣятельность г. Столыпина оказывается гораздо плодотворнѣе, тѣмъ учено-литературная, о которой мы уже упоминали; положеніе хуторянъ въ его имѣніи недурное и у нихъ заведены улучшенные приемы культуры. Въ экономическихъ выгодахъ хуторскаго расселенія, кажется, почти ничто не сомнѣвается; но заключать отсюда о необходимости разрушить крестьянскую поземельную общину по меньшей мѣрѣ не основательно.

Кіевское общество сельскаго хозяйства съ 1882 года стало ежемѣсячно выпускать свои *Труды*; это было изящное, но довольно дорогое изданіе (10 р. въ годъ), въ которомъ помѣщалось много статей по свекловичному хозяйству, одной изъ важнѣйшихъ отраслей земледѣлія въ юго-западной Россіи. Въ настоящее время эти ежемѣсячныя *Труды* замѣнены ежедневною газетою *Земледѣліе*. Эта газета сравнительно съ министерскимъ изданіемъ является довольно дорогою: *Земледѣліе* стоитъ 6 р. въ годъ, между тѣмъ какъ *Земледѣльческая Газета* стоитъ 4 р. и даетъ почти вдвое болѣе матеріала. Главнымъ дѣятелемъ въ *Земледѣліи* является секретарь кіевского общества,

г. Севастьяновъ. Оригинальнѣе содержаніе газета не богата. Текущія свѣдѣнія о состояніи рынковъ, важныя для хозяевъ-промышленниковъ, ведутся аккуратно и полно: регистрируется положеніе хлѣбнаго и сахарнаго рынка, продажи спирта и скота; приводится тарифъ на провозъ хлѣба полными вагонами отъ различныхъ желѣзно-дорожныхъ станцій юго-западной Россіи. Изъ иностранной сельско-хозяйственной прессы сообщаются лишь немногочисленные и совершенно случайныя выборки. Отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ имѣетъ очень скромные размѣры. Изъ статей послѣдняго времени отмѣтимъ рефератъ г. Воейкова о землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ въ Соединенныхъ Штатахъ по даннымъ послѣдняго ценза (№ 17), статью того же г. Воейкова объ ость-индскомъ сельскомъ хозяйствѣ (въ № 19, перепечатки изъ *Трудовъ* петербургской комиссіи), пропаганду паровыхъ плуговъ со стороны нѣмецкаго профессора Герлянда (приславшаго оригинальную статью для № 22) и переводъ сжато и ясно написанной статьи Новацкаго: *Краткое руководство къ изслѣдованію почвы* (№ 25). Специальное вниманіе, которое отводится въ *Земледѣліи* производству свекловичныхъ сѣмянъ, конечно, вполне оправдывается мѣстными потребностями юго-западнаго хозяйства.

Если изданія одесскаго и кievскаго обществъ въ значительной мѣрѣ проникнуты желаніемъ служить мѣстнымъ интересамъ своихъ районовъ, то еще болѣе такое стремленіе замѣтно въ *Трудахъ* Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Здѣсь для собственно русскаго хозяина большая часть статей можетъ представлять только теоретическій интересъ; таковы статьи по воздѣлыванію хлопчатника, по шелководству, по кавказскому виноградарству и т. п.; такова же любопытная замѣтка о культурѣ чая въ Батумской области (№ 5), позволяющая надѣяться на то, что скоро у насъ будетъ, хотя и въ маломъ количествѣ, собственный русскій чай. Общее (преимущественно экономическое) значеніе имѣетъ подробная и прекрасно составленная монографія г. Вермишева о хозяйствѣ кн. Мухранскаго.

Нѣкоторые другія сельско-хозяйственныя общества тоже выпускаютъ въ свѣтъ свои изданія: такъ, напримѣръ, тамбовское общество издаетъ свой *Листокъ*, выходящій два раза въ мѣсяцъ и имѣющій совершенно практическое направленіе; полтавское, минское, казанское, пензенское общества имѣютъ свои изданія, изъ которыхъ нѣкоторыя даже не поступаютъ въ продажу. При двухъ высшихъ агрономическихъ заведеніяхъ, при Петровской академіи и Ново-Александрійскомъ институтѣ, издаются *Извѣстія* этихъ заведеній, имѣющія весьма алый кругъ подписчиковъ. Распространенію *Извѣстій Петровской Академіи* (появляются три раза въ годъ), можетъ быть, препятствуетъ то обстоятельство, что въ этомъ органѣ половину содержанія составляютъ протоколы совѣтскихъ засѣданій, которые, конечно, могутъ быть интересны только для лицъ, непосредственныхъ къ академіи.

Мы ничего не говорили объ еженедѣльномъ журналѣ *Прогрессивное Сельское Хозяйство*, который издавался въ Петербургѣ въ 1884 году и затѣмъ прекратился, можетъ быть, на время: повидимому, въ основѣ этого изданія лежала спекуляція, но предпріятіе не удалось.

Иностранные журналы.

„Nord und Sud“. — „Deutsche Rundschau“. — „Przegląd Tygodniowy“. — „Biblioteka Warszawska“. — „Ateneum“.

Nord und Süd, октябрь. Три статьи обращают на себя особенное внимание; из них первая посвящена писателю совершенно у нас неизвестному; вторая носит громкое заглавие: *Бокль, Декки, Ранке*; третья интересна не столько по своей темѣ, сколько по имени автора. *Росенгер* Адальберта Свободы составляет очеркъ жизни и произведеній штирйекаго народного поэта, уроженца глухой горной деревеньки. Его отецъ былъ крестьянинъ-земледелецъ, а мать—дочь угольщика. Родился Петръ Росенгеръ въ 1843 году; чтенію и письму будущій народный поэтъ обучался у школьнаго учителя, изгнаннаго за свободомысліе изъ сосѣдняго прихода и наставлявшаго деревенскихъ мальчиковъ, перекочевывавшихъ съ нимъ изъ дома въ домъ, получая за это столъ и деньги на табакъ отъ общины. Не станемъ здѣсь передавать любопытныхъ подробностей о дальнѣйшей жизни Росенгера, который въ теченіе пяти лѣтъ, въ качествѣ подмастерья странствующаго портнаго, переходилъ изъ одного крестьянскаго двора въ другой, изучая народные нравы и, благодаря необыкновенной наблюдательности, собирая матеріалъ для будущихъ своихъ народныхъ разназовъ. Первые литературныя произведенія Росенгера относятся къ 1864 г. Тогда на штирйекаго поэта было обращено вниманіе и онъ поступилъ ученикомъ въ Грацскую торговую академію, гдѣ пробылъ до 1869 года; въ этомъ же году былъ имъ изданъ томъ стихотвореній на штирйекомъ нарѣчій; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, появился новый томъ: *Еловая смола и сосновая хвоя*. Замѣчательное поэтическое дарованіе давало возможность писать быстро и много, такъ что въ 1882 г. полное собраніе сочиненій Росенгера вышло въ 20 томахъ. Не взирая на реальность лицъ изъ народнаго быта, выведенныхъ съ замѣчательной правдой, поэтъ всегда остается вѣрнъ своему основному принципу: искусство должно быть прекраснѣе жизни, иначе оно не достигаетъ своей цѣли. По характеру своему произведенія штирйекаго поэта отличаются большимъ разнообразіемъ; наряду съ сельскими идилліями и повѣстями съ помпическимъ содержаніемъ, проникнутымъ веселіемъ, изъ-подъ его пера выходятъ рассказы, исполненные трагизма, какъ, напримеръ, *Сельскій священникъ* и, даже, широко задуманный романъ *Ищущій Бога*, въ которомъ представлена борьба одной общины со своимъ священникомъ. Въ этомъ крупномъ и чрезвычайно сильно написанномъ произведеніи поэтъ осуждаетъ, главнымъ образомъ, фанатизмъ. Намъ остается пожалѣть, что такія оригинальныя и талантливныя творенія недоступны для читателей, незнакомыхъ съ мѣстнымъ, штирйекомъ нарѣчіемъ.

Бокль, Декки, Ранке Винтера. Въ небольшомъ этюдѣ, посвященномъ двумъ англійскимъ и одному нѣмецкому историкамъ, Винтеръ, какъ и должно было ожидать, воздаетъ хвалы великому мастеру нѣмецко-исторической науки, причемъ англичане служатъ только чѣмъ-то вродѣ фигурантовъ, необходимыхъ для возвеличенія всеобщей исторіи Ранке. Ранке признается недосягаемымъ образцомъ и его всеобщая исторія такимъ обобщеніемъ исторіи человѣчества, которое въ основныхъ чертахъ навсегда останется неизмѣннымъ.

Мы ожидали отъ Юанна Шерра, рассказывающаго свое *Паломничество въ*

монастырь *Маріи Ейнзидельнской*, чего-нибудь болѣе оригинальнаго, но на самомъ дѣлѣ, кромѣ скучнаго описанія и нѣкоторыхъ выходовъ противъ все-разрушающихъ теперь Красныхъ Гунновъ, не нашли ничего заслуживающаго вниманія.

Deutsche Rundschau, октябрь и ноябрь. Въ обоихъ нумерахъ русскій читатель не найдетъ для себя почти ничего, отвѣчающаго его требованіямъ; статьи болѣею частью спеціально нѣмецкія по своему характеру или же написаны слабо. Болѣе общее значеніе имѣютъ только двѣ изъ нихъ: *Первая глава изъ жизни Рафаэля* извѣстнаго историка искусства Германа Гримма и *Новѣйшая френологія* страсбургскаго профессора Гольца. Первая изъ этихъ статей, вслѣдствіе фактичности своего содержанія, не можетъ быть здѣсь изложена, вторая подвергаетъ критикѣ современныя изслѣдованія о вліяніи мозговыхъ извилинъ, бороздъ и различныхъ частей мозга на психическую жизнь человѣка. Гольцъ относится ко многимъ положеніямъ, выработаннымъ новѣйшими физиологами и анатомами, недовѣрчиво. Впрочемъ, въ ноябрьской книгѣ журнала напечатана только первая половина работы страсбургскаго ученаго и мы воздерживаемся отъ окончательнаго сужденія о доказательности его собственныхъ выводовъ.

Przegląd Tygodniowy. Dodatek Miesięczny, октябрь. Г. Петкевичъ начинаетъ рядъ статей о польскихъ экономистахъ. Первая посвящена Суrowецкому, писателю XVIII вѣка. Суrowецкій и Скарбекъ, о которомъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ номерѣ журнала, принадлежали къ эпохѣ, когда теоріи Адама Смита и Рикардо еще не проникли въ Польшу. Собственно, Суrowецкій не оставилъ ни одного чисто-теоретическаго сочиненія, но его экономическія воззрѣнія могутъ быть уложены на основаніи четырехъ произведеній чисто-спеціальнаго характера; въ нихъ онъ ставитъ въ полную зависимость явленія экономическія отъ общественныхъ условій. Упадокъ благосостоянія Суrowецкій приводитъ въ связь съ измѣненіемъ организаціи труда, такъ какъ прежняя организація была основана на братствѣ людей. Вообще г. Петкевичъ выдвигаетъ у характеризуемаго имъ автора этическое начало и сравниваетъ его ученіе съ тѣмъ, что высказываютъ новѣйшіе экономисты Марксъ и Родбертусъ.

Объ остальныхъ статьяхъ мы ничего не упоминаемъ въ виду того, что онѣ представляютъ чисто-компилятивныя изложенія западно-европейскихъ книгъ по различнымъ вопросамъ.

Biblioteka Warszawska, ноябрь. Въ этомъ номерѣ считаемъ нужнымъ отнѣтитъ только историческое изслѣдованіе г. Ярутовскаго: *Тыкотинъ, городъ въ прежней Бѣльскаго земли*. Обзоръ исторіи Тыкотина, лежащаго на берегу Нарева, недалеко отъ Бѣлостока, начинается со временъ Ятвяговъ и доведенъ авторомъ до новѣйшаго времени. Г. Ярутовскій собралъ и совершенно добросовѣстно сопоставилъ фактическія данныя, избѣгая при этомъ какихъ бы то ни было выводовъ. При отсутствіи подобныхъ монографическихъ работъ о русскихъ и польскихъ городахъ въ научной литературѣ, попытка эта заслуживаетъ полнаго сочувствія, хотя желательно, чтобы результаты изслѣдованія были изложены въ менѣе сухой формѣ.

Ateneum, ноябрь. Польская журналистика послѣдняго времени весьма прилежно слѣдитъ за выдающимися явленіями беллетристической и научной ли-

тературы Запада. Статья г. Матушевскаго *Старая ложь и новая истина*, написана по поводу двухъ книгъ Нордау, которыя, какъ извѣстно, произвели сильное впечатлѣніе на нѣмецкую публику и составляютъ критику современной культуры. Главнымъ образомъ, польскій авторъ останавливается на второмъ сочиненіи Нордау, *Парадоксы*. Польскій этюдъ привлечъ наше вниманіе не столько изложеніемъ и критикой нѣмецкаго автора, сколько постановкой вопроса о народности. Отрицая расовые физическіе признаки, отвергая даже національныя особенности, отражающіяся въ характерѣ, г. Матушевскій признаетъ единственной основой народности—языкъ. «Отчего,—говоритъ онъ,—галицкій русинъ не хочетъ быть полякомъ, а финнъ шведомъ? Оттого, что общность языка связуетъ людей сильнѣе, чѣмъ общность крови, чѣмъ общность правъ и историческихъ судебъ». Поляки начинаютъ заниматься русинской литературой и народностью и Нейманъ изслѣдуетъ въ двухъ статьяхъ подъ заглавіемъ: *Украинскія думы* козацкій эпосъ у русиновъ. Въ своемъ анализѣ польскій авторъ стоитъ на почвѣ работъ Максимовича, Кулиша, Костомарова, Антоновича и Драгоманова. Думы онъ считаетъ, однако, совершенно различными, какъ по происхожденію, такъ и по формѣ, отъ историческихъ пѣсенъ. Думы гораздо обширнѣе пѣсенъ; это цѣлыя поэмы, описывающія не самыя дѣйствія событій, но весь ихъ ходъ съ подробнымъ разсмотрѣніемъ условий: общественныхъ, народныхъ, религіозныхъ и т. д. Герой думъ всегда служитъ выразителемъ определенной идеи и очень рѣдко руководится личными соображеніями.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.

Астафьевъ, П. Страданіе и слаженіе жизни. Вып. 1-й. (Вопросъ пессимизма и оптимизма.) Спб., 1885. Тип. товарищ. „Общест. Польза“. 8 д., 70 стр., 600 экз.

Борисовъ, К. Воспоминанія о Спасо-Бородинскомъ монастырѣ и его окрестностяхъ. М., 1885. Тип. быв. А. Кудравцевой. 8 д., 32 стр., 500 экз.

Голубевъ, С. Начало систематическ. обработки рус. церков. исторіи. Вступит. лекціи. К., 1885. Тип. Имп. унив. 8 д., 16 стр., 75 экз.

Дренеръ, Д. Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. съ англ. подъ ред. А. Пшнна. Изд. 4-е, О. Бакста. Т. 2-й. Спб., 1885. 8 д., VI+347 стр., 1,800 экз.

Маркевичъ, А. Св. Кирилль и Меодій, ихъ жизнь, дѣятельность и заслуги. Рѣчь, произнесенная въ симферопольской муж. гимн. 6 апр. 1885 г. Изд. Таврич. Губ. Вѣдомостей“. Симф., 1885. 12 д., 52 стр., 500 экз. Ц. 20 к.

Смирновъ, И. Прошлое и будущее духовной взаимности славянъ. Каз., 1885. Тип. губ. прав. 16 д., 32 стр., 800 экз. Ц. 10 к.

Ягичъ, И. Вопросъ о Кириллѣ и Меодіи въ славянск. филологіи. Спб., 1885. 8 д., 60 стр., 450 экз. Ц. 25 к.

ВЕДЛЕТРИСТИКА.

Атава, Сергій (Терингоревъ, С.). Сказаніе о новыхъ книжкахъ и старыхъ книжкахъ. Изд. товарищества М. О. Вольфъ. Спб., 1885. Тип. товарищества М. О. Вольфъ. 8 д., 272 стр., 3,070 экз. Ц. 2 р.

Барбосъ. Юмористич. альбомъ съ каррикатур. Спб., 1885. Тип. дома призр. малолѣтн. бѣдн. 4 д., 16 стр., 10,000 экз.

Благово, Д. Разказы бабушки. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Спб., 1885. Тип. и изд. А. Суворина. 8 д., 491 стр., 2,000 экз. Ц. 3 р.

Гаршинъ, В. Первая княжка разсказовъ. Изд. 2-е. Спб., 1885. Тип. И. Скороходова. 8 д., 218 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р.

Гроссуль-Толстой, П. Тайни Одессы. Разныя дороги. Романъ въ 3-хъ ч. Одес., 1885. Славянск. тип. 8 д., 397 стр., 500 экз. Ц. 2 р.

Давидовъ, А. Меблированныя комнаты. Московск. картина. (Сценки.) М., 1885. Тип. Т. Ризъ. 12 д., 43 стр., 1,200 экз. Ц. 40 коп.

Д'Аркъ Нонтъ. Больные въ Ялтѣ. Романъ. М., 1885. Тип. М. Борисенко и К°. 8 д., 229 стр., 2,000 экз.

Диккенсъ, Ч. Крошка Дорритъ. Иллюстр. романъ въ 2-хъ книг. М., 1885. Русская тип. 8 д., 294+286 стр., 1,800 экз.

Достоевскій, Ф. Полное собраніе сочиненій. Т. 4-й. Бѣсм. Ром. въ 3-хъ ч. Подростокъ. Ром. въ 3-хъ ч. Спб., 1885. Тип. А. Суворина. 8 д., 688 стр., 6,100 экз. Ц. за 6 томовъ 15 р.

Захарьинъ (Якувинъ), И. Тѣни прошлаго. Разказы о большихъ дѣлахъ. Спб., 1885. Тип. и изд. А. Суворина. 12 д., 369 стр., 1,500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Кассировъ, И. Страшный волшебникъ и храбрый могучій витязь Рогдай. Повѣсть времени съ кн. Владимира. М., 1884. Изд. книгопр. И. Сытина и К°. 12 д., 71 стр., 6,000 экз.

Коровинъ, В. Идеалы и жизнь. Повѣсти и разказы. Въ двухъ ч. М., 1885. Тип. А. Карцева. 8 д., 208+146 стр., 600 экз. Ц. 60 к.

Лиховъ, Д. Минувшій днй. Повѣсть изъ времянъ крѣпостничества. М., 1885.

Тип. и изд. „Газ. А. Гатцука“. 8 д., 266 стр., 300 экз. Ц. 75 к.

Малеонскій. Большая перемена. Повесть изъ быта семинаристовъ и духовенства. Спб., 1885. Тип. С. Добродѣева. 8 д., 206 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Малеонскій. Монашескія деньги въ прокъ не пошли. (Повесть изъ быта духовенства.) Изд. 2-е, дспр. и дополн. 7-ю главами. Тула, 1885. Тип. Н. Соголова. 8 д., 280 стр., 650 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Маркевичъ, Б. Полное собраніе сочиненій. Т. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. Спб., 1885. Тип. (быв.) А. Котомина. 8 д., 372+385+424+468 стр. и 1 портретъ. 3,000 экз. Ц. за 11-ть томовъ 15 р.

Михайловъ, А. Разрубленный узелъ. (Библиот. современ. писателей.) Изд. книгопр. В. Губинскаго. Спб., 1886. 8 д., 268 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Могилъ Мариі, или притонъ подь Москвою. Ром. въ 2-хъ час. Изд. 4-е. Е. Манухвиной. М., 1886. 12 д., 107 стр., 6,000 экз.

Мордовцевъ, Д. Похороны. Историческ. романъ въ 2-хъ час. Спб., 1886. Тип. А. Трешела. 8 д., 329 стр., 1,025 экз.

Образцы киргизской повѣи въ пѣсняхъ эпическ. и лирич. содержанія. Переложилъ въ стихи П. Р. Оренбургъ, 1885. Тип.-лит. Евфимовскаго-Мировицкаго. 8 д., 85 стр., 500 экз. Ц. 25 к.

Пазухинъ, Н. Ермакъ, покоритель Сибири. Историч. романъ изъ временъ Іоанна Грознаго. М., 1885. Тип. Вильде. 12 д., 180 стр., 5,000 экз.

Пазухинъ, А. Сценн, очерки и рассказы изъ народ., купеческ. и др. битовъ городской и сельск. жизни. М., 1885. Тип. Ф. Югансонъ. 8 д., 173 стр., 4,000 экз. Ц. 1 р.

По, Э. Очерки, рассказы, критическіе этюды и мысли. Перевъ съ англ. М., 1885. Изд. В. Маракуева. 8 д., LXIV+326 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р.

Полевой, Н. Повесть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. (Демев. Библиотека.) Спб. Тип. и изд. А. Суворина. 12 д., 119 стр., 4,000 экз. Ц. 15 к.

Рассказы (историческіе) и анекдоты изъ жизни рус. государей и замѣчательн. людей XVIII и XIX столѣтій. Спб., 1885. Изд. А. Суворина. 8 д., 389 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Толмачева. Крестъ патриарха Филарета. Историч. повѣсть. М., 1885. Тип. И. Ситина и К^о. 8 д., 76 стр. Ц. въ накѣ 25 к., въ бум. 15 к.

Ухтомскій, Э. (князь). Кого жалѣть? Поэма. Спб., 1885. Тип. товар. „Общест. польза“. 8 д., 31 стр., 600 экз.

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФІЯ.—МЕМУАРЫ.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды В.

Г. Барскаго. Спб., 1885. Тип. М. Стаслевича. 8 д., 72 стр., 200 экз.

Бородинъ, К. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портрет. Спб., 1885. Изд. А. Суворина. 8 д., 430 стр., 2,000 экз. Ц. 2 р.

Вѣстникъ археологич. и историч. изданный археологич. институтомъ. Вып. I и II-й Спб., 1885. Тип. Импер. Акад. Наукъ. 8 д., 116 стр., 610 экз. Ц. четыремъ вып. съ альбом. рисунковъ 5 р.

Георгиевскій, С. Первый періодъ китайскій историч. (до императора Цинь-хуанъ-ди). Спб., 1885. Лит. по способу М. Алисова Печ. А. Григорьева. 8 д., 322 стр., 300 экз.

Кавелинъ, Константинъ Дмитриевичъ, род. 4 нояб. 1818 г., † 3 мая 1885. Изъ первыхъ воспоминаній о покойномъ. Спб., 1885. Тип. М. Стаслевича. 8 д., 52 стр., 100 экз.

Калачевъ, Н. Материалы для историч. рус. дворянств. Спб., 1885. Тип. А. Ланду. Вып. I, 50 стр. Вып. II, 71 стр. 8 д., 1,200 экз. Ц. по 30 к. за вып.

Карамзинъ, Н. Исторія государства Россійскаго. Царствование Василія Іоанновича Шуйскаго и междоусловіе. Спб., 1885. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 282 стр., 4,000 экз. Ц. 20 к.

Карамзинъ, Н. Исторія государства Россійскаго. Царствование Іоанна IV Васильевича Грознаго Кн. 2-я. (Дешевая Библиотека.) Спб., 1885. Изд. А. Суворина. 12 д., 401 стр., 4,000 экз. Ц. 30 к.

Леонидъ (архимандритъ). Памяти древней письменности. Дьяковъ Луговской по Татищеву. Писатель XVII вѣка и его сочиненіе о судѣ надъ патриархомъ Никономъ. Изд. общ-ва любит. древн. письменности. Спб., 1885. 8 д., 59 стр., 610 экз.

Лонгиновъ, А. Исторія словено-болгарская. О народахъ и о царѣхъ и святыхъ болгарскихъ и о всѣхъ дѣяніи и битіи болгарская. Собрано и издано Паисіемъ, іеромонахомъ бывшаго во святѣй горы Афонскія отъ епархія Самоконскія. Въ лѣто 1762, на пользу роду болгарскому. Любл., 1885. Тип. М. Куссакской. 8 д., 80 стр., 410 экз. Ц. 60 к.

Мрогенъ-Дроздовскій. Исследования о Русской Правдѣ. Вып. II. Текстъ Русской Правды съ объясненіями отдѣл. словъ. М., 1885. Въ Univ. тип. 8 д., XLI+289 стр., 1,200 экз.

Мысли по поводу дворянск. юбилей 21 апрѣля 1885 г. (Чистая выручка отъ продажи издаванія поступаетъ въ пользу общ. Красн. Креста.) В., 1885. Тип. Штаба Киевск. воен. окр. 8 д., 28 стр., 1,200 экз. Ц. 25 к.

Пининъ, А. Историческіе очерки.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 2-е, пересмотр. и дополненное. Спб., 1885. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 551 стр., 2,000 экз. Ц. 4 р.

Самаринъ, Ю. Сочиненія. Томъ 3-й. Крестьянское дѣло съ 20-го ноября 1857 г. по июнь 1859 г. М., 1885. Изд. Д. Самарина. 8 д., XXXII+495 стр., 1,440 экз. Ц. 2 р.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. 19-й. М., 1885. Университ. тип. 8 д., 386 стр., 600 экз. Ц. 2 р.

Спасовичъ. Публичныя лекціи: Байронъ и нѣкоторые изъ его предшественниковъ. Библиотека европейск. писателей и мыслителей, издаваемая В. Чуйко. Втор. серія. Спб., 1885. 8 д., 157 стр., 2,000 экз. Ц. 75 к.

Тихтвиъ, И. Краткая историч. записка о жалованной грамотѣ, дарованной Императрицей Екатериной II на права и выгоды городамъ Россійской имперіи, 21 апрѣля 1785 года. Одес., 1885. Тип. А. Шульце. 8 д., 89 стр., 1,000 экз.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИЖИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Анненковъ, К. Опытъ комментарія къ Уставу граждан. судопроизводства. Т. V. Исполненіе рѣшенія. Спб., 1885. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 715 стр., 1,000 экз. Ц. 4 руб.

Книга эта, въ связи съ предыдущими томами составила самый полный сводъ разъясненій къ Уставу гражданскаго судопроизводства, должна служить прекраснѣйш. пособіемъ для гг. юристовъ и вообще лицъ, имѣющихъ дѣло въ судебныхъ учрежденіяхъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Съ внѣшней стороны изданіе довольно изящно.

Безобразовъ, В. Народное хозяйство Россіи. Московская (центральная) промыш. область. Час. II. (Нижегородская губернія и Ока отъ Нижняго-Новгорода до Рязани. Ярославская губернія.) Къ сему приложена. Спб., 1885. Тип. В. Безобразова и К^о. 8 д., 386 стр., прилож. 459 стр., 1,600 экз.

Боровиковскій, А. Уставъ граждан. судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ гражд. кассаци. депар. Правит. Сената. Вып. 3. (Порядокъ производства въ общихъ судеб. мѣстахъ.) Изд. книж. магаз. „Нов. Времени“. Спб., 1885. 8 д., съ 391 по 740 стр., 5,025 экз. Ц. 2 р. 25 к.

Габерфельдъ, И. Сравнит. таблица лондонскихъ, париж., амстердам. и вѣнскихъ фексельн. курсовъ и полунимперіаловъ между Россіей и Берлиномъ, на основаніи курсовъ внешнеэкономич. валютъ и рус. рублей въ Берлинѣ. М., 1885. Тип. Ф. Штерлинъ. 8 д., 142 стр., 1,000 экз.

Дашкевичъ, Г. О волостномъ судѣ и его реформѣ. Вил., 1885. Тип. А. Сыркина. 16 д., V+104 стр., 460 экз.

Дерюжинскій, В. Частная школа политическ. наукъ въ Парижѣ. М., 1885. Тип. А. Мамонтова и К^о. 8 д., 14 стр., 100 экз.

Леонтьевъ, К. Востокъ, Россія и славянство. Сборникъ статей. Т. I. М., 1885. Тип. Кушнерова. 8 д., 312 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Материалы для изученія экономич. бѣта государствъ. крестьянъ Закавказ. края. Т. I, вып. 3-й. Тифл., 1885. Тип. А. Михельсона. 4 д., съ 208 по 381 стр.

Материалы къ изученію аграрныхъ условій Лифлянд. губ. и въ особенности положенія мѣстныхъ батраковъ и поденщиковъ. Изд. Лиф. ландрат. коллегіи. Рига, 1885. 8 д., 244 стр., 300 экз.

Министерство Государственн. ныхъ Имуществъ. Департаментъ земледѣлія и сельск. промышленности. Исследование современ. состоянія овцеводства въ Россіи. Вып. VI. Овцеводство въ северо-запад. и юго-запад. губ. Спб., 1885. Тип. В. Киршбаума. 4 д., 129 стр., 1,000 экз.

Москальскій, П. Алфавит. указатель вопросовъ граждан. права и судопроизводства, разрѣшенныхъ гражд. кассацион. деп-мъ Правит. Сената въ 1876—1884 гг. Спб., 1-85. Тип. А. Ландау. 8 д., 742 стр., 3,500 экз. Ц. 4 р.

Муравевъ, А. Русско-балканскій торговый вопросъ и нѣкоторые полезныя для путешественника свѣдѣнія о наиболѣе важныхъ путяхъ сообщенія по Балкану, о главныхъ пунктахъ Болгаріи, Восточной Румелии, Сербіи, Румыніи и о городѣ Константинополѣ. М., 1885. Тип. Т. Ризъ. 8 д., 255 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р.

Новосельскій, Н. Биржевая спекуляція, назначающая курсъ нашего кредит. рубля. Спб., 1885. Тип. В. Демакова. 8 д., 26 стр. и 1 таблица, 300 экз.

Пановъ, Ѳ. Русское государство. право. Лекціи читъ въ военно-юридич. акад. въ 1884—85 г. Спб. Печат. А. Григорьева. 8 д., 229 стр., 100 экз.

Сборникъ статистич. свѣдѣній по Курской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Вып. 8. Изд. курс. губ. прав. Курск., 1885. 8 д., 656 стр., 450 экз. Ц. 2 р.

Сборникъ узаконеній и распоряженій по землевладѣнію въ запад. губерніяхъ. К., 1885. Тип. К. Милевскаго. 8 д., 141 стр., 1,200 экз.

Свѣдѣнія о внѣш. торговлѣ по европейск. границѣ за время съ 1 янв. по 1 августа 1885 г., сравнительно съ этимъ же періодомъ 1884 г. Изд. Д-та тамож. сбор. Спб., 1885. 2 д., 35 стр., 650 экз.

Субботинъ, А. Россія и Англія на среднеазиатскихъ рынкахъ. Спб., 1885. Тип. Сѣвер. Телеграф. Агентства. 8 д., 88 стр., 480 экз. Ц. 75 к.

Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Вып. XIV. Спб., 1885. Ц 3 р.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУ- ТИШЕСТВІЯ.

Бурбулонъ, Записки о Китаѣ. Спб., 1885. Тип. П. Шмидта. 8 д., 317 стр., 800 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Диксонъ, Д. Швейцарія. Описание природы, нравовъ и обычаевъ страны, ея государствен. устройства и обществен. учреждений, съ прилож. сочиненія того же автора: "Свободная Россія", пер. съ англійск. Н. Кутейникова. Спб., 1885. Тип. И. Воицкаго. 8 д., 403 стр., 600 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Ландертъ, В. Спутникъ по Россіи. Сост. по офиц. свидѣніямъ. Май—августъ 1885. г. Спб., 1885. Тип. А. Суворина. 16 д., 10,000 экз. Ц. 60 к.

Лонгиновъ, А. Червенскіе города. Историческій очеркъ, въ связи съ этнографіей и топографіей Червоной Руси. Варш., 1885. Тип. Варш. учеб. окр. 8 д., 376 стр., 800 экз. Ц. 1 р. 20 к.

Мухометовъ, И. Труды геологическаго комитета. Т. I. № 4. Геологич. очеркъ Ливецкаго уѣзда, Тамбовск. губ., въ связи съ минеральными источниками г. Ливецка. Спб., 1885. Тип. Акад. Наукъ. 4 д., 69 стр., 560 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Пашинъ, П. Вокругъ свѣта. Т. I. По Индіи. Путевныя впечатлѣнія. Спб., 1885. Тип. А. Суворина. 8 д., VIII+342 стр., 1,000 экз. Ц. 2 р.

Тяло, А. Мегеологическій сборникъ Императ. Акад. Наукъ. В. IX. № 5. Исслѣдованіе о геог. афич. распредѣленіи и вѣковомъ измѣненіи силы земнаго магнетизма на пространствахъ Европейск. Россіи. Спб., 1885. Тип. Им. Ак. Наукъ. 4 д., 78 стр. +8 карт., 110 экз.

Тимоховичъ, С. Путевныя замѣтки и жизнь на юж. берегу Крыма въ Симеизѣ. Калуга, 1885. Тип. губер. прав. 4 д., 34 стр., 100 экз.

Ширяевъ, В. Описание Костромской губерніи. Для городск. училищъ. Костр., 1885. Тип. Ф. Фалькъ. 8 д., 31 стр., 1,500 экз. Ц. 15 к.

МЕДИЦИНА.—ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Андреевскій. Общедоступ. лѣчебникъ для народа и всѣхъ нуждающихся во врачб. помощи. Самопомощь въ несчаст. случаяхъ и различ. болѣзняхъ. Изд.

киногр. А. Ступина. М., 1886. 8 д., 184 стр., 12,000 экз. Ц. 50 к.

Блазійусъ, Е. Холера. Сущность, возникновеніе и распространеніе ея и практич. указанія къ ея лѣзбанію. Перев. съ 4 нѣм. изд. А. Брауна. 1885. Изд. тиз. А. Карцева. 8 д., 18 стр., 1,000 экз. Ц. 15 к.

Вагнеръ (проф.). Лекціи по зоологii. Вып. I, съ 81 по 91 стр. +1 вен. (оконч.). Вып. II, съ 97 по 126 стр. (оконч.). Вып. III, съ 33 по 194 стр. (оконч.). Спб. Тип. М. Стаслевича. 8 д., 320 экз.

Вагнеръ, Н. Исторія развитія царства животныхъ. (Оглавленіе лекцій и объясненіе рисунковъ.) Спб., 1885. Тип. М. Стаслевича. 8 д., 300 экз.

Вашкевичъ, I. Новый взглядъ на холеру. Происхожденіе, развитіе, распространеніе, мѣры предохранительныя и лѣченіе ея. М., 1885. Тип. В. Чичерина. 8 д., 68 стр., 1,200 экз. Ц. 75 к.

Дюрингъ, Болѣзни кожи. Съ предисловіемъ проф. Фурнье и примѣч. француз. переводчиковъ. Перев. Д. Фрильберга, подъ редакц. А. Полотебнова и А. Бруева. Изд. жур. "Медицин. Библиот.". Спб., 1885. 8 д., 620 стр., 1,000 экз. Ц. 4 р.

Лѣченіи (о) сгущен. воздухомъ въ пневматическихъ кабинетахъ. Воронежъ, 1885. Тип. В. Исаева. 8 д., 16 стр. +2 рисунка, 1,200 экз. Ц. 50 к.

Миллеръ, Н. Анатом. и физиологич. особенноти дѣтскаго организма. Съ 60 политип. въ текстѣ. М., 1885. Тип. и изд. А. Карцева. 8 д., 275 стр., 1,200 экз.

Млекопитающія въ описаніяхъ Карла Фогта и картиняхъ Шнехта. Вып. 19. Спб., 1885. Изд. А. Суворина. 4 д., съ 297 по 312 стр., 1,300 экз. Ц. 75 к.

Море и польза морскихъ купаній. Сост. М. С. К—овъ по Шлейдену, Мишле, Грумундъ. Изд. 2-е, дополн. статью: "Одесскіе лиманы и купанья въ нихъ". Одес., 1885. Тип. "Одес. Вѣстн.". 8 д., 17 стр., 1,200 экз. Ц. 20 к.

Наумовъ, А. Въ ожиданіи холеры. Популярное изложеніе ученія о холерѣ. Изд. Полнискій земс. управл. Вят., 1885. Тип. Куликова. 8 д., III+59 стр., 150 экз.

Нотнагель, Г., и Росбахъ. Рук. о фармакологii. Дерев. Н. Исаевъ. Вып. I. Изд. главн. военно-мед. упр. Спб., 1885. 8 д., 4 вен. +590+II стр., 5,200 экз.

Овер (профессоръ) Неврозы желудка и ихъ лѣченіе. Пер. съ нѣм. В. Гребенщикова. Спб., 1885. Тип. д-та удѣл. 8 д., 78 стр., 500 экз.

Половъ, В. Перевязка артерій, вылащиванія, ампутаціи и резекціи. Спб., 1885. Тип. д-та удѣловъ. 8 д., 204 стр., 1,050 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Регель. Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣ-

тущія растенія и уходъ за ними. 3 исправ. и допол. изд. К. Риккера. Съ 361 рисун. въ 1000 экз. Спб., 1885. 8 д., 496 стр., 3,000 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Росмесслеръ, Э. На досугѣ. Попул. бесѣды по естествознанію. Пер. съ нѣмец. П. Андреевскаго. 2 изд. Спб., 1886. Тип. И. Воицкаго. 8 д., 560 стр., 376 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Татариновъ, В. О свойствахъ земра. Ч. 3-я. Столкновеніе атомовъ земра. М., 1885. Тип. (быв.) Н. Любена-ва. 8 д., съ 53 по 183 стр., 500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Татариновъ, П. О сбереженіи здоровья. Общедоступ. изложеніе гигиены, применен. къ пониманію простаго народа. Феод., 1885. Тип. Э. де-Лобель. 12 д., 38 стр., 500 экз.

Труды с.-петербургскаго общества естествоиспытателей. Изд. подъ ред. проф. И. Бородина. Т. XVI. Вып. 1. Спб., 1885. Тип. В. Демакова. 8 д., 37+461 стр., 300 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Штрюмбель, А. Руководство къ част. патологій и тераціи внутрен. болѣзней. Для врачей и студентовъ. Т. II. Ч. 2. М., 1885. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8 д., VIII+363 стр., 2,400 экз. Ц. 2 р. 25 к.

Шульганъ, М. Ученіе о бактеріяхъ. Научно-практическ. руководство для натуралистовъ, врачей и учащихся. Съ 15 таблиц. Изд. книгопр. Г. Шлейхера. Одес., 1885. 8 д., 197 стр., 1,200 экз.

Ушаковъ, Н. О дифтеритѣ и домашн. ихъ мѣрахъ противъ его развитія. Тифл., 1885. Тип. канц. глав. управл. гражд. частію на Кавказѣ. 8 д., 11 стр., 1,513 экз.

МАТЕМАТИКА. — ФИЗИКА. — ХИМИЯ. — АСТРОНОМІЯ.

Бугаевъ, Н. Одинъ общій законъ разбѣнія чиселъ. М., 1885. Въ Унив. тип. 8 д., 34 стр., 100 экз. Ц. 50 к.

Букешинъ. Сравненіе системъ счетоводства итальянской и русской. Изд. 2-е дополн. Спб., 1886. Тип. фир. „Счетоводъ“. 8 д., 266 стр., 1,000 экз.

Вереврясовъ, А. Новый способъ извлеченія корней и рѣшенія уравненій всѣхъ степеней. Харьк., 1885. Тип. М. Зильберберга. 8 д., 10 стр., 200 экз.

Дроздовъ, Н. Анализъ и обобщеніе въ области элементарно-математич. фактовъ и идей: опытъ обобщеннаго истолкованія вѣдоторыхъ основн. ариметич. формулъ. Саратов., 1885. Тип. губ. правл. 8 д., 48 стр., 1,200 экз. Ц. 75 к.

Езерскій, Э. Образцы формъ тройной русской системы счетоводства для практическ. упражненій при изученіи ея.

Спб. Тип. фирм. „Счетоводъ“. 4 д., 76 стр., 500 экз.

Кривичинъ, П. Описаніе прибора для измѣренія высоты геометрич. тѣлъ и складной квадратной призмѣ въ полтора кубич. четверти, съ примѣненіемъ ихъ къ обученію геометріи и рисованію Каз., 1885. Тип. И. Перова. 8 д., 13 стр. +4 табл. чертежей, 470 экз. Ц. 20 к.

Кривановскій, Б. Рѣшенія всѣхъ задачъ на построеніе въ геометр. А. Давидова (по способу предположенія задачи рѣшенной). Съ прилож. 27 таблицъ чертежей. Изд. 2. Южно-Рус. книж. маг. И. Динтера. К., 1886. 8 д., 115 стр., 825 экз. Ц. 1 р. 20 к.

Лавровъ, Н. Приложенія къ началн. курсу химіи А. Потылицина. Спб. Тип. М.—ва Пут. Сообщ. 8 д., 120 стр., 250 экз.

Ляцкий, З. Новое объясненіе грозъ, всѣхъ трехъ родовъ молній и огней св. Эльма. Повен., 1885. Тип. Н. Фейгензона. 8 д., 88 стр. и 9 рисун., 1,000 экз. Ц. 1 р.

Меньшуткинъ, Н. Даннны для сравненія теорій замѣщенія и теорій химическ. строенія. Спб., 1885. Тип. В. Демакова. 8 д., 46 стр., 360 экз.

Фанъ-деръ-Флигъ, П. Основанія механики. Спб., 1885. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 116 стр. и 5 стр. чертежей, 2,000 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Штейнъ, I. Таблицы химическ. элементовъ и ихъ важнѣйшихъ соединеній. Таблицы III—VI. К., 1885. Тип. Д. Полявской. Fol., 960 экз. Ц. 45 к.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Гершельманъ, Ф. Партизанская война. (Изслѣдованіе.) Спб., 1885. Тип. д-та удѣловъ. 8 д., 423 стр., 2,000 экз.

Гиппиусъ, В. Осада и штурмъ крѣпости Карса въ 1877 г. Историч. очеркъ. Спб., 1885. Тип. Скороходова. 8 д., 585 стр., 3 карты и 5 плановъ, 1,010 экз. Ц. 5 р.

Дуронъ. Руковод. для тактическ. обученія роты и батальона. Съ чертежами. Изд. 2-е, испр. и доп., военно-книж. маг. Н. Васильева. Спб., 1885. Въ губ. тип. 12 д., 191 стр. и 1 л. чертежей, 1,200 экз. Ц. 1 р., въ изд. переп. 1 р. 50 к.

Дуронъ. Посobie для тактическ. обученія эскадрона полка. Съ чертежами. Изд. военно-книж. маг. Н. Васильева. Спб., 1885. Губ. тип. 12 д., 165 стр. +1 л. чертежей. Ц. 1 р., въ изд. переп. 1 р. 50 к.

Матеріалы для статистики продовольствія войскъ. Вып. 1-й. Слѣдствія объ избыткахъ ржаного хлѣба и овса и торговн. дѣлы на эти продукты по губерніямъ и воен. округамъ Европейск. Россіи.

Спб., 1884. Тип. Мин. Пут. Сообщ. 8 д., 7 стр. + 2 карты + 8 стр., 100 экз.

Миллеръ, И., и Модрахаъ, К. Нѣмецко-русскій военно-технич. словарь. Вып. IX (Polarkreis-Schamfielen). Спб., 1885. Тип. Импер. Ак. Наукъ. 4 д., съ 513 по 576 стр., 3,510 экз.

Михѣевъ, А. Обучение роты и батальона въ полѣ и на маневрахъ. Въ 3-хъ час. Спб., 1885. Тип. М. Румша. 8 д., 364 стр., 1,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Пашкевичъ, В. Курсъ артиллеріи. Часть I-я. Устройство и употребленіе артиллеріи и ручнаго оружія. Съ атласомъ. Спб., 1885. Тип. Э. Аригольда. 8 д., 317 стр., 2,000 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Чичинадзе, К. Вопросникъ къ учебнику для молодыхъ солдатъ артиллеріи. Изд. К. Чичинадзе. Спб. 8 д., 16 стр., 1,000 экз.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. (Сост. подъ ред. Леера.) Т. II. Вып. 2-й. (Винтовка, — восточ. война.) Спб., 1885. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 161—320 стр., 500 экз.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. (Сост. подъ ред. Леера.) Т. II. Вып. 3-й. (Восточная война — германо-датская.) Спб., 1885. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., съ 321 по 480 стр., 5,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Поттъ, А. Введеніе въ общее языковеденіе. Перев. Г. Гензеля и А. Васильева. Изд. В. Эриксона и К°. Спб., 1885 г. 8 д., 1,000 экз. Ц. 1 р.

Словарь (реальный) классич. древности по Любкеру. Изд. общ-ва классич. филологіи и педагогикки, подъ ред. Л. Георгиевскаго и Ф. Зѣлинскаго. Вып. IV. Спб., 1885. Тип. А. Суворина. 8 д., III + съ 1,347 по 1,552 стр., 3,000 экз. Ц. за четвере выпуска 6 р.

Словарь (полный филологическій) русскаго языка съ подробнѣйшимъ разъясненіемъ всѣхъ отличій разговор. рѣчи отъ ея письмен. изображенія и съ указаніемъ значенія и замѣны всѣхъ иноязычныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русск. языка, чисто рус. словаки. Сост. Орлов... Л. И. Томъ II. Отъ Г. до И. М., 1885. Тип. В. Рихтеръ. 8 д., 6,000 экз. Ц. 5 р.

ТЕХНОЛОГІЯ.—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Афросимовъ, П. Курсъ желѣзнодорожн. дѣла для технич. желѣзнодорож. училищъ. Съ прилож. 19 лис. литограф. чертежей. Виля., 1885. Тип. штаба Вилен. воен. окр. 8 д., VI + 77 стр., 500 экз.

Болле, I. Краткое руковод. къ пра-

вильному воспитанію шелкоич. червя. Перев. А. Тихоміровъ. М., 1885. Тип. А. Карцева. 8 д., 28 стр., 2,400 экз.

Боолъ, В. Теорія и устройство различнаго рода вѣсовъ. Описаніе болѣе пятидесяти различныхъ системъ. Спб., 1885. Тип. товар. „Общест. Польза“. 8 д., 128 стр., 455 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Деложъ, Ф. Фотографія на бромомелативныхъ пластинкахъ. Краткое руковод. къ употребленію ихъ, рецепты для полученія изъясныхъ негативовъ и отпечатковъ на альбуминовой и бромомелативной бумагѣ, способъ печатанія на хлористосеребряной бумагѣ, увеличенія и пр. Спб., 1885. Тип. Г. Шахта и К°. 8 д., 61 стр., 1,500 экз.

Зелинскій, А. Теорія плуга, орудія и бороны. Перев. съ польскаго. М., 1885. Изд. книгопр. А. Васильева. 8 д., 90 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р.

Нотовичъ, С. Жернова и вальцовыя мукомол. мельницы. Общедоступ. учебникъ и справоч. книга для мельниковъ, владѣльцевъ мельницъ, механиковъ и сельск. хозяевъ. Изд. 2-е. Одес., 1885. Тип. В. Кирхнера. 8 д., 156 стр. + 9 табл. чер., 500 экз. Ц. 3 р.

Обсужденіе докладовъ по вопросу „о смядахъ-элеваторахъ въ связи съ реформою хлѣб. торговли въ Россіи“ въ соединен. засѣданіяхъ Императорск. обществъ: московск. сельск. хозяйства и рус. технического, съ участіемъ гг. членовъ статистич. отдѣленія московск. юридич. общества, ученаго отдѣла общества распространенія технич. знаний, политехническаго и архитектурнаго обществъ. М., 1885. Тип. А. Левенсонъ. 8 д., 141 стр., 600 экз.

Погибка, А. Филоксера, истребительница виноградниковъ. Составлено по порученію одес. филоксер. комиссіи. Од., 1885. Тип. Е. Фесенко. 8 д., II + 44 стр. + 2 рис., 1,800 экз.

Смирновъ, С. Свѣтовой оптический телеграфъ, съ нагляднымъ обученіемъ гелиографированію, или фото-гелиографіи Спб., 1885. Тип. Э. Аригольда. 8 д., IV + 199 стр., 500 экз.

Федоровъ, Е. По поводу трудовъ комиссіи при Императ. рус. техническ. общ-вѣ, съ участ. гг. членовъ общ-ва охран. народн. здравія по разсмотр. вопросовъ объ очисткѣ городовъ. Каз., 1885. Тип. окруж. штаба. 8 д., 19 стр., 100 экз.

Фонштейнъ, Б. Справоч. книжка для хлѣботорговцевъ, сбытчиковъ, спекуляторовъ, ихъ прикащиковъ, конторщиковъ и вообще для всѣхъ причаст. къ хлѣбному дѣлу лицъ. Ростовъ на Д., 1885. Тип. Холева. 8 д., 41 стр., 1,000 экз. Ц. 60 к.

Черноглазовъ, А. Усовершенствован-

ван. орудія для садоводства, огородничества и спеціальн. культуръ. Съ 38 рис. въ текстѣ. Спб., 1885. Тип. и хромолит. А. Траншея. 8 д., 39 стр., 600 экз. Ц. 50 к.

ПЕДАГОГИЯ.—ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Адриановъ, П. Tullii Ciceronis Laelius de amicitia. Латин. текстъ съ рус. объясненіями. М., 1885. Въ Унив. тип. 8 д., 121 стр., 600 экз. Ц. 1 р.

Андріашевъ, А. Русско-славянскій букварь по звуковому методу, для одновремен. обученія чтенію и письму, въ школѣ и дома. К., 1885. Въ Унив. тип. Изд. ред. кiev. народ. календаря. 8 д., 104 стр., 10,000 экз. Ц. 15 к., въ перен. 20 к.

Барановскій, М., и Фроловъ, А. Записки начальн. механики. По программамъ воен. училищъ. Съ 7 таблицъ чертежей. Спб., 1885. Типо-лит. И. Литвинова. 8 д., 211 стр., 1,200 экз. Ц. 2 р.

Бертранъ, А. Элементар. курсъ француз. языка. Изд. книж. маг. наслѣд. бр. Салаевыхъ. М., 1886. 8 д., 111 стр., 1,200 экз. Ц. 70 к.

Варьва, М. Учебникъ ботаники. Ручов. для реал. училищъ и др. средн. учеб. заведеній. Час. II. Основы систематики, географіи и палеонтологіи растений. Съ 176 политип. въ текстѣ и съ прилож. задачъ по ботаникѣ и двухъ таблицъ для опредѣленія растений. М., 1886. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8 д., 204 стр., 2,400 экз. Ц. 1 р.

Гольденбергъ, А. Методика начальн. арифметики. Ручовод. для учителей семинарій и институтовъ, для народ. учителей и учительницъ. Спб., 1885. Изд. Д. Полубояринова. 8 д., 185+15 стр.+6 таблицъ, 2,100 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Горбовъ, Н. Русская исторія для начальнхъ школъ. 2-е исправл. изданіе учебн. магаа. „Начальн. Школа“ Е. Н. Тихоміровой. М., 1885. Тип. М. Г. Волчанникова (бывш. М. Н. Лаврова и К^о). 8 д., XIV+139 стр., 5,000 экз.

Учебникъ этотъ, вышедшій вторымъ изданіемъ для начальнхъ школъ, не удовлетворяетъ своему назначенію, а потому, какъ учебникъ, для школъ непригоденъ. Языкъ учебника скученъ и сухъ, а рассказы безинтересны и скучны.

Гордѣй. Двѣ басни дяди Гордѣя. Бѣлый Орелъ и Британскій Клязь. Спб., 1885. Тип. С. Добродѣева. 8 д., 16 стр., 5,000 экз. Ц. 10 к.

Дурноусовъ, Е. Начала преподаванія грамоты. Ручовод. къ азбукамъ. Стан. Константиновская на Дону., 1885. Тип. О. Поповой. 8 д., 28 стр., 1,200 экз.

Дурноусовъ, Е. Начальная грамота. Письмо-чтеніе, рассказы, басни,

стихи, текстъ, выдержки изъ Свящ. Писанія (для славян. чт.) и писменнѣя упражненія на правила элементар грамматики. Стан. Константиновск. на Дону., 1885. Тип. О. Поповой. 8 д., 26 стр., 1,200 экз.

„Кара Божія“. (Истинное происшествіе.) Изд. редак. жур. „Чтеніе для солдатъ“. Спб., 1885. 8 д., 28 стр., 2,000 экз. Ц. 10 к.

Коновъ, Н., и Гумбертъ, А. Крат. сборникъ правилъ француз. орфографіи. М., 1885. Тип. быв. Н. Льбенкова. 8 д., VI+58 стр., 1,200 экз. Ц. 25 к.

Любеевскій, К. Первая греческ. книга для чтенія. Для гимназій. Изд. К. Рикера. Спб., 1885. 8 д., 178 стр., 1,200 экз. Ц. 80 к.

Люстрицкій, В. Азбука для начальн. училищъ и домаш. обученія. Час. 1-я. Чтеніе русское. Каз., 1885. Тип. В. Ключникова. 8 д., 23 стр., 5,000 экз. Ц. 12 к.

Майнъ-Ридъ. Охота на звѣрей. Прогулка молодыхъ охотниковъ по Южн. Африкѣ. Съ рисунками. Изд. книгопр. В. Губинскаго. Спб., 1886. 8 д., 362 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Мартиновъ, Д. Учебникъ арифметики для народн. школн. М., 1885. Изд. книж. маг. наслѣд. бр. Салаевыхъ. 8 д., 32 стр., 2,400 экз. Ц. 15 к.

Медвѣдевъ, И. Букварь для обученія грамотѣ по звуковому способу. Новочерк., 1885. Тип. „Донс. Газетн“. 8 д., 42 стр., 1,000 экз.

Охоровичъ, В. Букварь рускопольскій для употребленія учащихся. Варш., 1885. Тип. бр. Ежневыхъ. 12 д., 92 стр., 6,000 экз.

Преображенскій, Г. Ручовод. къ черченію географич. картъ по градусной сѣткѣ. Для употребленія въ мужск. и женск. училищахъ. Спб., 1885. Тип. С. Добродѣева. 8 д., 68 стр., 240 экз. Ц. 40 коп.

Пуцковичъ, Ф. Начала русск. грамматики для домаш. и воскрес. школъ, церковно-приход. и сельск. народ. училищъ. Изд. книж. маг. П. Луконникова. Спб. 8 д., 68 стр., 3,000 экз. Ц. 12 к.

Радонежскій. Церковно-славянск. азбука. Спб. Тип. Балашева. 8 д., 76 стр., 3,200 экз.

Рисовъ, Д. Теорія словесности. М., 1885. Тип. (быв.) А. Кудрявцевой. 8 д., 84 стр., 950 экз.

Робинзонъ Крузо и его приключенія. Повѣсть. М., 1885. Изд. и тип. книгопр. И. Ситина и К^о. 8 д., 160 стр., 7,200 экз.

„Сердце—не камень“. Рассказъ. Изд. редак. журн. „Чтеніе для солдатъ“. Спб., 1885. 8 д., 20 стр., 2,000 экз. Ц. 8 к.

Сказка о Емельянѣ дурачѣ. М.,

1885. Изд. книгопр. Д. Прѣснава. 16 д., 36 стр., 12,000 экз.

Сказка о Петрѣ Королевичѣ и Ивашкѣ Медвѣжьемъ Ужкѣ. М., 1885. Изд. книгопр. И. Ситина и К^о. 16 д., 35 стр., 6,000 экз.

Сказки братьевъ Гриммовъ, пересказан. дядею Павломъ. Съ картинами. Изд. книг. Д. Фодорова (сына). Сиб., 1885. 8 д., 411 стр., 2,000 экз. Ц. 3 р.

Сказка о лягушкѣ и богатырѣ. М., 1885. Изд. книгопр. Д. Прѣснава. 16 д., 36 стр., 12,000 экз.

Смирновъ, К. Учеб. книга географіи. Общія свѣдѣнія. Курсъ низшихъ учеб. заведеній. XXVI изд. Сиб., 1885. Тип. Э. Аригольда. 8 д., 69 стр. и 2 карты, 10,000 экз. Ц. 40 к.

Смирновъ, К. Учеб. книга географіи Европы, въ физич., этнографич. и политич. отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. XXVI изд. Сиб., 1885. Тип. А. Аригольда. 8 д., 152 стр., 10,000 экз. Ц. 60 к.

Сосиндкій, А. Рус. хрестоматія для старш. классовъ средне-учеб. заведеній. Пособіе при изуч. теоріи прозы и поэзіи. М., 1885. Тип. А. Карцева. 8 д., VII+330+160 стр., 2,400 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Стацевичъ, Д. Пространный римско-католическій догматическій и правоучительный катехизисъ для руковод. при преподаваніи закона Божія во всѣхъ учеб. заведеніяхъ. Вил., 1885. Тип. и изд. А. Сыркина. 10,000 экз. 8 д., V+190 стр. Ц. 60 к.

Тумасовъ, Н. Исторія въ эпизодахъ. Учебн. для III кл. гимназій и прогимназій. К., 1885. Тип. С. Кульженко. 8 д., 188 стр. + 4 карты, 1,200 экз. Ц. 60 к.

Тянь, Г. Тянь Лиань. Критич. изслѣдованіе. Перев. съ фр. А. Иванова и Е. Щенкина. Изд. К. Солдатенкова. М., 1885. 8 д., X+390 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Формы мысли и ихъ словесное выраженіе. Пособіе по логикѣ для учениковъ и учащихся старш. классовъ гимназій. Сост. Ф. К. Владк., 1885. Тип. Терскаго обл. правл. 8 д., 29 стр., 500 экз.

Царика духовъ и фей: Волшебн. сказка. М., 1885. Изд. книгопр. Ситина и К^о. Тип. Вильде. 16 д., 35 стр., 6,000 экз.

Шоловичъ, О. Русская грамматика для народ. училищъ. Вил., 1886. Тип. и изд. А. Сыркина. 8 д., 24 стр., 2,000 экз.

С М Ъ С Ъ.

Календарь (Домашній иллюстрированный) на 1886 г. Второй годъ. Изд. О. Пелицаро. Сиб., 1885 г. Тип. К. Евдокимова. 4 д., 80 стр., 25,000 экз. Ц. 30 к.

Клевановъ, А. Къ еврейскому вопросу, или что нужно еврействъ чтобы сать-

ся съ русскими. К., 1885. Тип. П. Барскаго. 8 д., 19 стр., 1,200 экз. Ц. 35 к.

Обученіе плаванію. Изд. спеціально-воен. магазина. Сиб., 1885 г. 16 д., 27 стр., 1,000 экз.

„Фехтованіе“. Бой на рапирахъ. Изд. спеціально-воен. магазина. Сиб., 1885. 16 д., 20 стр., 1,000 экз.

„Фехтованіе“. Бой на сабляхъ. Изд. спеціально-воен. магазина. Сиб., 1885. 16 д., 18 стр., 1,000 экз.

„Фехтованіе“. Бой на штыкахъ. Изд. спеціально-воен. магазина. Сиб., 1885. 16 д., 10 стр., 1,000 экз.

НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Вугон. Manfred; poema dramatyczne. Przekład F. D. Morawskiego. Lwów. 75 str. in 8.

Chociszewski (Józef, kn.). Gawędziarz. Zbiór gawęd, wesołych i ciekawych opowiadań, powiastek, dykteryjek, żartów, figli i t. d. Poznań, 1885. 96 str. in 8.

Chociszewski (J.). Zimowe wieczory przy kominku. Zbiór gawęd, wesołych i ciekawych opowiadań, powiastek, dykteryjek, żartów, figli i t. d. Poznań, 1885. 96 str. in 8.

Dybowski (B., d-r). Wyspy Komandorskie. Lwów, 1885. 104 str. in 8.

Gorczyński (Adam). Dramata. Kraków, 1885. Serya II. 447 str. in 8.

Lubicz-Orłowski (Józef). Obrazki życia ludu. Lwów, 1885. 180 str. in 8.

Madeyski (Edward). Gimnastyka pokojowa, jako środek leczniczy. Lwów, 1885. V i 87 str. in 8.

Mary (Juliusz). Dramat w górach. Kraków, 1885. Zeszyt VIII. 97—128 str. in 8. (Biblioteka najcenniejszych powieści i romansów. Zeszyt 8.)

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФИЯ.—ПСИХОЛОГИЯ.

Delboeuf (J.). Questions de philosophie et de science. Le Sommeil et les rêves considérés principalement dans leurs rapports avec les théories de la certitude et de la mémoire. Le Principe de la fixation de la force. Paris, 1885. VII et 262 p. in 18.

Lévêque (Eug.). Histoire de la philosophie et des sciences formant le complément du Traité de la dissertation philosophique. 2 me édition, revue et corrigée. Paris. 2 et de 309—548 p. in 18.

Ogereau (F.). Essai sur le système

philosophique des stoïciens. Paris, 1885. XII et 804 p. in 8. II. 2 p. 50 к.
(Collection historique des grands philosophes.)

Vallet (P.). La Tête et le coeur. Etude de physiologique, psychologique et morale. Paris, 1885. VIII et 322 p. in 18. II. 1 p. 25 к.

БЕЛЕТРИСТИКА.

Aubert (Charles). Les Nouvelles amoureuses. Paris, 1885. Vol. XVIII. L'Innocent. 62 p. in 18.

Bauquenne (Alain). Amours cocasses. Paris, 1885. 295 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Bernard (A. de). Les Epreuves d'une héritière. Paris, 1885. 332 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Blavet (Émile). La Princesse rouge. 1-re partie. Paris, 1885. 300 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Caylus (c-te de). Contes et facéties. Nouvelle édition, précédée d'une notice. Paris, 1885. VIII et 305 p. in 12.

(Bibliothèque choisie des chefs-d'oeuvre français et étrangers. Vol. 24.)

Cavailhon (Édouard). Contes et portraits rabelaisiens. 50 portraits d'actrices. 2-e édition. Paris. 320 p. in 18.

Champeaux (A. de) et F. E. Adam. Paris pittoresque. Paris, 1883. 80 et 2 p. in f.

Couleurs de Quiquembroche (Les). Amour vrai. Nouvelles composant les 9-me et 10-me gerbes de l'Académie des lettres, sciences et beaux arts de la province. Paris, 1885. 98 p. in 18.

(Bibliothèque de la province.)

Diguet (Charles). Karita. Paris, 1885. 340 p. in 18.

Domestiques et maîtres. A propos de quelques crimes récents par un Magistrat. Paris, 1885. VII et 266 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Egly (Job d'). Péle-mêle. Paris, 1885. 154 et 24 p. in 12. II. 1 p. 25 к.

Genouillac (H. Gourdon de). Au Pays des neiges. Paris, 1885. 336 p. in 18.

Gueullette (Th. S.). Parades inédites. Avec une préface par Charles Gueullette. Paris, 1885. XXII et 291 p. in 18. II. 2 p. 25 к.

Hervilly (Ernest d'). Les Parisiens bizarres. Paris, 1885. 330 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Maryan (M.). La Faute du père. Paris, 1885. 433 p. in 18. II. 1 p. 50 к.

Mélandri. Bazar à treize. 2-me édition. Paris, 1885. 298 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Montépin (Xavier de). Deux amours. Hermine. Paris, 1885. 372 p. in 18.

Montjoye (Hugues). Brisée. Paris, 1885. 282 p. in 18. II. 1 p. 50 к.

O'Rell (Max). Les Chers voisins! 3-me édition. Paris, 1885. 372 p. in 18.

Pinard (Albert). Le Cocher Étienne. Paris. 382 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Pontmartin (A. de). Souvenirs d'un vieux critique. 6-me série. Paris, 1885. 366 p. in 18. 1 p. 75 к.

Racot (Adolphe). Le Crime de Darius Fal. Paris, 1885. 379 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Robida (A.). Les Peines de coeur d'Adrien Fontenille. 2-me édition. Paris. 344 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Roux (Joseph). Pensées. Introduction par Paul Mariéton. Paris, 1885. 229 p. in 8.

Sivet (Daniel). Les Enamourées. Avec lettres de François Coppée et de Joséphine Soulyard et préface par Jules Claretie. Paris, 1885. XI et 186 p. in 16. II. 3 p.

Tranioc (Charles). Jeanne Arthon. Paris, 1885. 301 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Verne (Jules). Mathias Sandorf. Paris. Tome II, 302 p. in 18. II. 3 p.
(Les Voyages extraordinaires.)

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФИЯ.—МЕНУАРЫ.

Choix de lettres de femmes célèbres depuis le XVI-e siècle jusqu'à nos jours. Accompagné de notices biographiques et de remarques littéraires et historiques. Par un Professeur de l'université. Paris, 1885. XI et 432 p. in 18.

Marc Monnier. Histoire de la littérature moderne. La Réforme, de Luther à Shakespeare. Paris, 1885. IV et 495 p. in 8. II. 2 p. 50 к.

Martel (comte de). Les Historiens fantaisistes. M. Thiers. Histoire du consulat et de l'empire. 2-me partie. La Pacification de l'Ouest. La Machine infernale du 3 Nivose an IX. D'après les documents inédits. Paris, 1885. V et 430 p. in 18. II. 2 p. 50 к.

Martin (Henri). Histoire de France populaire depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris. Tome VII, 551 p. in 4.

Montagnac (de). Lettres d'un soldat. Neuf années de campagnes en Afrique. Correspondance inédite du colonel de Montagnac publiée par son neveu. Paris, 1885. XXII, 1 et 502 p. in 8.

Pajol (comte). Les Guerres sous Louis XV. Paris, 1885. Tome IV (1749—1759). Guerre de sept ans. 493 p. in 8. II. 6 p.

Véron (Eug.). La Troisième invasion. II-me partie. Le Siège de Paris. La Guerre en province. Paris. II et 406 p. in 4.

Veuillot (Pierre). L'Imposture des Naundorff. Avec préface par Eugène Veuillot. Paris, 1885. III et 171 p. in 18. II. 50 k.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Astromoff (Julien). Du Pouvoir temporel. Rome, 1885. 375 p. in 8.

Berck (Armand). Quelques aperçus sur la prostitution au point de vue social, économique et moral. Bruxelles, 1885. 35 p. in 8.

Charmes (Gabriel). Politique extérieure et coloniale. Paris, 1885. XLII et 428 p. in 18.

Deschiens (Charles). L'Huissier Jacques Pauchon. Etudes sur la magistrature de l'empire. Yolande de Vallouise. Lyon, 1885. 422 p. in 18.

Garin (J.). L'Anarchie et les anarchistes. Paris, 1885. V et 312 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

Gubernatis (Angelo de). La Hongrie politique et sociale. Florence, 1885. IV et 357 p. in 8.

Juifs en Russie (Les). Etude historique, législative et sociale. Paris, 1885. VIII et 129 p. in 8.

ГЕОГРАФИЯ.—ЭТНОГРАФИЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Baudens (G.). La Corée. Géographie, organisation sociale, moeurs et coutumes, ports ouverts au commerce japonais, les traités. Paris, 1884. 38 p. in 8.

Bardet (dr. G.) et J. L. Macquarie. Villes d'eaux de la France. Paris, 1885. 550 et 34 p. in 18. II. 4 p.

Bardet (dr. G.) et J. L. Macquarie. Plages et stations hivernales de la France. Villes d'eaux de l'étranger. Paris, 1885. XVI, 339 et 34 p. in 18. II. 4 p.

Burdo (Ad.). Les Belges dans l'Afrique Centrale, leurs voyages, aventures et découvertes d'après les documents et journaux des voyageurs. Bruxelles. 2-me partie. Le Congo par Ch. de Martrin-Donos. Paris. 526 p. in 4.

Gourdault (Jules). L'Homme blanc au pays des noirs. Paris, 1885. 229 p. in 18. (Bibliothèque instructive.)

Gourdault (Jules). Du Nord au midi. Zigzags et impressions d'un touriste. Paris, 1884. 88 p. in fol.

Potagos (docteur). Dix années de voyage dans l'Asie Centrale et l'Afrique équatoriale. Traduction de Mm. Adolphe Meyer, Jules Blancard et Laur. Labadie. Avec des notes et des observations par M. Emile Burnouf. Paris, 1885. Tome I, XII et 416 p. in 8.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Brialmont (lieutenant-général). La Fortification du temps présent. Bruxelles, 1885. Tome I, 350 p. Tome II, 336 p. in 4.

Cambrelin (A. L.). La Fortification de l'avenir. Innovations dans l'art de la fortification, basées sur l'emploi du fer. Application aux forts de positions. Gand, 1885. Tome I, XVII et 226 p. in 8. II. 7 p. 50 k.

Guerre navale (De la). Opinion d'un Marin. Paris, 1885. 64 p. in 18. II. 75 k.

Moireau (A.). La Marine française sous Louis XVI. Paris, 1884. 222 p. in 8.

ИСКУССТВО.

Pagnerre (Louis). De la Mauvaise influence du piano sur l'art musical. Etude sur les instruments à clavier, clavicorde, clavecin, piano. Paris, 1885. VIII, 184 et 3 p. in 8. II. 2 p.

ПЕДАГОГИЯ.—ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Beaussire (Emile). La Liberté d'enseignement et l'université sous la troisième république. Paris, 1884. 360 p. in 8.

Defodon (Charles). Cours de dictées convenant aux méthodes les plus usitées d'enseignement grammatical. 10-me édition soigneusement revue et corrigée, conformément à l'orthographe de la dernière édition du Dictionnaire de l'Académie. Paris, 1884. IV et 319 p. in 18.

Ducoudray (Gustave). Histoire de France et histoire contemporaine de 1789 à la Constitution de 1875 contenant les matières indiquées par les programmes officiels du 22 Janvier 1885 pour la classe de philosophie. 17-e édition revue et complétée jusqu'à nos jours. Paris, 1885. 921 p. in 18.

(Cours complet d'histoire à l'usage des lycées et des collèges.)

Expiation de Lady Culmore (L'). Imité de l'anglais par m-me Berthe Neulliers. Paris, 1885. 221 p. in 18.

(Bibliothèque des mères de famille. 2-me serie.)

Faguet (Emile). La Fontaine expliquée aux enfants. Paris. 1885. IX et 168 p. in 18.

(Nouvelle collection des classiques populaires édités par H. Lecène et H. Oudin.)

Flute enchantée et bouton d'or (La.) Contes. Paris. 27 p. in 4.

Loreau (m-me H.). Charles Francis Hall. Deux ans chez les Esquimaux. Voyage

de découvertes et d'aventures. Abrégé. 3-me édition. Paris, 1884. 222 p. in 8.

(Bibliothèque des écoles et des familles.)

Mauthner (Franz). Histoire du pauvre petit Franichko, suivie de L'Archet d'or. Traduction par m-me A. Wolff. Paris, 1885. 220 p. in 18.

(Bibliothèque des mères de famille. 2-e série.)

СМѢСЬ.

Triple almanach Mathieu (de la Drôme) indispensable à tout le monde redigé par les sommités scientifiques et littéraires (Le). Indicateur du temps pour 1886. 23-e année. Paris. 170 et 22 p. in 32.

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.

Brookes (B. H.). Irdisches Vergnügen in Gott. In Auswahl herausgegeben von H. Stiehl. Lpz. 89 S. in 16.

Delitzsch (Fr.). Die Bibel und der Wein. Vortrag, 1885. 18 S. in 8.

Glaubensbekenntniss der Israeliten des neuen Testaments. Lpz. 24 S. in 8.

Hansen (G. v.). Die Kirchen und ehemaligen Klöster Revals. 3-te Auflage. Reval, 1885. 212 S. in 8.

Hase (K.). Kirchengeschichte auf der Grundlage akademischer Vorlesungen. Lpz, 1885. I Th. Alte Kirchengeschichte. VII und 688 S. in 8.

Marx (G.). Die Tötung Ungläubiger nach talmudisch-rabbinischen Rechtsquellenmässig dargestellt. Lpz., 1885. 48 S. in 8.

Schmick (J. H.). Die Unsterblichkeit der Seele naturwissenschaftlich und philosophisch begründet. Lpz., 1886. VIII und 207 S. in 8.

Sechs Briefe über die kirchlich religiösen Zustände im Abendlande und die ökumenische Kirche vom Standpunkte eines morgenländischen Christen. Bremen und Lpz., 1885. VI und 61 S. in 8.

Strümpell (L.). Die Einleitung in die Philosophie vom Standpunkte der Geschichte der Philosophie. Lpz., 1886. VIII und 484 S. in 8.

Jaesche (E.). Das Grundgesetz der Wissenschaft. Heidelberg, 1886. XX und 445 S. in 8.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Baldur (I.). Die Geschichte von den

Troglodyten. Lpz., 1885. VI und 101 S. in 8.

Berger (I.). Das Patchen. Gera, 1884. 144 S. in 8.

Bleibtreu (K.). Schlechte Gesellschaft. Realistische Novellen. Lpz., 1886. IX und 496 S. in 8.

Dabei (Gr. A.). Aus stürmischer Zeit. Dresden und Lpz., 1886. 334 S. in 8.

Dämon (A.). Die elf Gebote der Ehe. Eine Erzschmelerei. Oberhausen und Lpz., 61 S. in 8.

Devall (J. v.). Eine Messalliance. Berlin. 132 S. in 8.

Ebrard (A.). Ein Totentanz. Gedicht in 36 Gesängen. 2-te Aufl. Lpz., 1885. 342 S. in 8.

Eckstein (E.). Aphrodite. Roman aus Alt-Hellas. Lpz., 1866. 192 S. in 8.

Fastenrath (J.). Granadinische Elegien. Lpz., 1885. IV und 109 S. in 8.

Fauth (A.). Elisabeth. Eine Geschichte aus gemischter Ehe. Lpz., 1882. 48 S. in 8.

Fournier (A.). Historische Studien und Skizzen. Prag und Lpz., 1885. VI und 360 S. in 8.

Fries (N.). St Laurentii Altartuch. Historische Erzählung. Itzehoe, 1885. 84 S. in 8.

Haimer (V.). Müllers Lieschen. Berlin. 1 und 2 Heft. 80 S. in 8.

Jacobson (E.) und Girndt (O.). Ein weisser Rabe. Posse. Berlin, 1885. 78 S. in 8.

Jordan (A.). Moderne Dioskuren. Humoreske. Cannstatt, 1885. 48 S. in 8.

Kemmer (O.). Phantastische Geschichten. Lpz. 94 S. in 8.

Kühn (G.). Das Wunder. Heilbronn. 1885. 37 S. in 8.

Mylius (O.). Amor im Walde. Roman. Lpz. - Berlin. I—III Bd. 206, 220 und 212 S. in 8.

Richter (L.) und Dr. H. K. Regen und Sonnenschein.—Auf dem Balle. Humoreske. Gera. 16 und 22 S. in 8.

Tyrol (M.). Der Abt. Ein Sang aus Preussens Ritterzeit. Lpz., 1885. 135 S. in 8.

Schöler (C. v.) Mattias von Zwifalten. Erzählung. Berlin, 1885. 296 S. in 8.

Seeberg (P.). Aus alten Zeiten. Lebensbilder aus Kurland. Stuttgart, 1886. 232 S. in 8.

Spielhagen (F.). An der Heilquelle. Novelle. 2-te Aufl. Lpz., 1885. 432 S. in 8.

Spottvogel (H.). Neunundneunzig neue Klapphornsstrophen. Brandenburg a. H., 1885. 31 S. in 8.

Strand (G.). Atalanta von der Hege. Roman. Berlin und Stuttgart. 194 S. in 8.

Velten (E.). Für's Dämmerrädchen. Erzählungen. Lpz., 1885. IV und 215 S. in 8.

Verga (G.). Sicilianische Bauernlehre. Lpz. 31 S. in 16.

Walden (A.). Der Afrikaner. Komisches Charaktergemälde. Berlin, 1885. 86 S. in 8.

Wesselhöft (E.). Herschel-Augusti. Eine Geschichte. Lpz. 47 S. in 8.

Wichmann (F.). Verlobt und verlobt. Gera, 1884. 72 S. in 8.

Wustmann (G.). Aus Leipzig. Vergangenheit. Gesammelte Aufsätze. Lpz., 1885. VI und 472 S. in 8.

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФИЯ.—МЕНУ-АРЫ.

Karpeles (G.). Geschichte der jüdischen Literatur. Berlin, 1886. I Lief. 64 S. in 8.

Aus dem alten Pitaval. Französische Rechts- und Culturbilder aus den Tagen Ludwig's des XIII, XIV und XV. Ausgewählt und erläutert von Hans Blum. Lpz., 1885. I Bd. XXIII und 296 S. in 8.

Ebrard (A.). Christian Ernst von Brandenburg-Baireuth. Gütersloh, 1885. VII und 180 S. in 8.

Jacoby (J.). Geist der griechischen Geschichte. Herausgegeben von Fr. Rühl. Berlin, 1884 VIII und 258 S. in 8.

Lorhschammer (J.). Ueber die Organisation und Cultur der menschlichen Gesellschaft. München, 1885. XIV und 461 S. in 8.

Von und über Albrecht von Haller. Unge- druckte Briefe, Gedichte und Notizen. Herausgegeben von F. Bodemann. Hannover, 1885. XV und 223 S. in 8.

Wegele (Fr. X. v.). Geschichte der Deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. München und Lpz., 1885. X und 1093 S. in 8.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Haymerle (A. v.). Ultima Thule. England und Russland in Central-Asien. Wien, 1885. 136 S. in 8.

Marr (W.). Zur Klärung der Colonialfrage. Hamburg, 1885. 40 S. in 16.

Schippel (M.). Staatliche Lohnregulirung und die sozialreformatoren Bestrebungen der Gegenwart. Minden i./W., 1885. VI und 70 S. in 8.

Stöpel (F.). Theorie und Praxis der Besteuerung. 65 S. in 8.

ГЕОГРАФИЯ.—ЭТНОГРАФИЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Brennecke (A.). Die Wunder der Welt. I. Europa. Straassburg i. E., 1885. VI und VII Lief. 121—168 S. in 4.

Leist (A.). Georgien. Natur, Sitten und Bewohner. Lpz. 130 S. in 8.

ПЕДАГОГИЯ.

Biedermann (K.). Der Geschichtsunterricht auf Schulen nach kulturgeschichtlicher Methode. Wiesbaden, 1885. 45 S. in 8.

Mädchen-Erziehung, Die Mängel und Umgestaltung der heutigen Erziehungsweise. Mainz, 1885. 26 S. in 8.

Hofmann (F.). Lehrbuch der Geschichte für die oberen Klassen höherer Lehranstalten. Berlin, 1886. 4-tes Heft. Neuere Geschichte. Von der Reformation bis zu Friedrich dem Grossen. VI und 104 S. in 8.

С М Ъ С Ь.

Aeolsharfenkalender, Der, für 1886. Herausgegeben von Hunold Müller von der Havel. Berlin. 88 S. in 8.

Kalender für Zeit und Ewigkeit. Auf das Jahr 1886. Freiburg i./B., 1885. 45 S. in 8.

Reichsbote, Deutscher Kalender für Stadt und Land auf das Jahr 1886. 80 S. in 8.

НА АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФИЯ.—ПСИХОЛОГИЯ.

Beal (the Rev. S.). Buddhism in China. London, 1884. pp. VIII and 263 in 18. (Non-Christian Religions Systems.)

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Alexander (Mrs.). Maid, Wife, or Widow? An episode of the '66 war. A new edition. London: pp. 259 in 18.

Brassey (Lady). In the Trades, the Tropics, and the Roaring Forties. Leipzig, 1885. Vol. I, pp. 311. Vol. II, pp. 272 in 12.

(Tauchnitz edit. Vol. 2350—2351.)

Claudia. A tale. By A. L. O. E. London, 1883. pp. VIII and 301 in 18.

Conway, Hugh (F. J. Fergus). A Family Affair. A novel. Leipzig, 1885. Vol. I, pp. 271. Vol. II, pp. 270 in 12. (Tauchnitz edit. Vol. 2357—2358.)

Gray (Louisa M.). Ada and Gerty; or, Hand in hand heavenward. London, 1885. pp. VI and 336 in 18.

Hatton (Joseph). John Needham's Double. A Story founded on fact. London. pp. 208 in 12.

Jay (Harriett). The Dark Colleen. A Pastoral. New edition. London. pp. VIII and 350 in 18.

Johnson (Joseph). Noble Women of our Time. London, 1885. pp. VI and 406 in 18.

Malet (Lucas). Colonel Enderby's Wife. A novel. Leipzig, 1885. Vol. I, pp. 296. Vol. II, pp. 287 in 12.

(Tauchnitz edit. Vol. 2359—2360.)

Passive Crime (A) and other stories. By the Author of „Molly Bawn“. Leipzig, 1885. pp. 288 in 12.

(Tauchnitz edit. Vol. 2354.)

Patch (Olive). Myself and My Friends. London, 1883. pp. VII and 176 in 4.

Payn (James). A Woman's Vengeance. A novel. A new edition. London, 1883. pp. VI and 312 in 18.

Payn (James). In Peril and Privation. Stories of marine disaster. London, 1885. pp. XVI and 236 in 18.

Sketchley, Arthur (George Rose). A Match in the Dark. A novel. A new edition. London, 1881. pp. 331 in 18.

Tytler (Sarah). Saint Mungo's City. A novel. New edition. London, 1885. pp. VIII and 311 in 18.

Warden (Florence). At the World's Mercy. London. pp. 190 in 18.

**ИСТОРИЯ.—БИОГРАФИЯ.—МЕМУ-
АРЫ.**

Gordon. The Journals of Major-Gen.

C. G. Gordon at Kartoum. Printed from the original mss. Introduction and notes by A. Egmont Hake. Leipzig, 1885. Vol. I, pp. 311. Vol. II, pp. 288 in 12.

(Tauchnitz edit. Vol. 2355—2356.)

Adams (W. H. Davenport). England on the Sea; or, The Story of the British Navy, its decisive battles and great commanders. London, 1885. Vol. I, pp. XII and 244. Vol. II, pp. VII and 259 in 18.

Hawthorne (Julian). Nathaniel Hawthorne and his Wife. A Biography. London, 1885. Vol. I, pp. 505. Vol. II, pp. 465 in 18.

Tweedie (W. K.). Earnest Men: their life and work. London, 1884. pp. VIII and 484 in 18.

**ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИ-
КА.—СТАТИСТИКА.**

Baxter (the Rt. Hon. W. E.). England and Russia in Asia. London, 1885. pp. 96 in 18.

Vambéry (Arminius). The Coming Struggle for India. Being an account of the encroachments of Russia in Central Asia and of the difficulties sure to arise the reform to England. London, 1885. pp. VIII and 214 in 18.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ КНИГЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ. Ноябрь. Всесловная семья. Разсказъ. XI—XVI. Н. Д. Ахшарумова.—П. А. Плетневъ. Біографическій очеркъ. А. И. Скабичевскаго.—Моя женитьба. Записки М. И. Матѣева. II (Оконч.). О. С. Ступица.—Реформація и католическая реакція въ Польшѣ. VIII.—Начало іезуитской реакціи и борьба противъ религіозной свободы. IX.—Побѣда реакціи и гибель протестантизма (Оконч.). Н. И. Карѣева.—Африканская конференція въ Берлинѣ.—Колоніальная политика современныхъ государствъ. I—III.—Ф. Ф. Мартенса.—Наполеонъ I, по новымъ изслѣдованіямъ. X—XVIII. Н. Д.—Въ панцирѣ великана. Ром. Ф. Ансти. Съ англ. XVII—XXIII. А. Э.—Статистика германскихъ университетовъ. А—п.—Обзоръ малорусской этнографіи. А. И. Пипина.

НАВЛЮДАТЕЛЬ. Октябрь. Иго жизни. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Ч. I. Ю. Г. Зависѣцкаго.—Тайная полиція въ Пруссіи (Оконч.). Виктора Тиссо.—А. А. Монферранъ, строитель Исаіевскаго собора. А. В. Старчевскаго.—Яхонтовая діадема (Продолж.). Ром. Марингта.—Сонъ одного застѣдателя (Сибирская сказка) Г.—Бретонскіе разсказы: 1) Все стерпимъ. 2) Полюбила дѣвка не на шутокъ и 3) Капитанъ Паріа-Корригана.—Тѣни и пятна петербургской врасственности. IV.—Легкая важива. В. О. Михневича.—Римскія провинціи во время имперіи. В.—Изъ воспоминаній новгородца о Н. И. Костомаровѣ. И. П. Можайскаго.—Серались (Продолж.). Ром. Георга Эберса.—Изъ воспоминаній фельдшерни. А. Догановичъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ. Октябрь. Внѣшнія сношенія Россіи въ эпоху Крымской войны. С. С. Татищева.—Пятнадцать лѣтъ республики (Оконч.). ***.—Наша сельская община. Гл. I—II. К. Ф. Головинъ.—Леночка. Изъ воспоминаній о службѣ въ Западномъ краѣ. Д. М. Позняка.—Обзоръ геймическихъ и вулканическихъ явленій 1884 года. Гл. I—II. А. П. Орлова.—Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ. Гл. III. Д. В. Цвѣтаева.—Забавницы и жертвы. Сцени изъ жизни въ Сибири. Д. Ольшанина.—Новая опера молодой русской школы. Г. А. Лароша.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Ноябрь. Служебные, должностные и сословные знаки отличій въ Россіи. Гл. I—VI. Е. П. Карновича.—Авантюристы (Истор. повѣсть). Гл. VIII—XIII (Прод.). Мордовцева.—Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 года. Гл. IV—VI (Оконч.). К. Н. Фавриковорова.—Въ Казани и Киевѣ. 1867—1877 г. (Отрывокъ изъ воспоминаній). Гл. I. В. И. Модестова.—Духовная карьера. Н. И. Соловьева.—Ахиллесова пята Тургенева. П. Н. Полеваго.—Василій Петровичъ Петровъ, карманный стихотворецъ Екатерины II (1786—1799 г.). И. А. Шляпина.—Исторія краснаго кабачка. Г. В. Есипова.—Три встрѣчи (Изъ старой записной книжки). П. К. Мартья-

нова.—Выборгская старина. И. Н. Вожерникова (Съ иллюстр.).—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. С. Ш. (Съ иллюстр.).—Часошя надъ могилою мученика. И. М. (Съ иллюстр.).—Греческая трагедія на англійской сценѣ. В. З. (Съ иллюстр.).

РУССКАЯ СТАРИНА. Ноябрь. Тайная канцеларія въ царствование Петра I. Гл. IX—X. Сообщ. Н. М. В.—Густавъ IV и Великая княжна Александра Павловна въ 1797 г. Сообщ. А. А. Чумиковъ.—Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772—1863 г. Гл. XII—XVII.—Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ. М. Д. Францовой.—Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Сообщ. А. И. Штукенбергъ.—Кн. И. Ѳ. Паскевичъ. Сообщ. А. П. Берже.—Гр. Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій. Сообщ. Б. В. Струве.—Адмиралъ Н. Ѳ. Мѣтлицъ † 1884 г. (Очеркъ). Сообщ. Н. Ридингеръ.—По поводу Меодіевскаго сборника. Сообщ. Д. И. Иловайскій.—В. А. Жуковскій: его женитьба.—И. С. Тургеневъ: четыре стихотворенія его. Сообщ. А. В. Смирновъ.—Въ училищѣ правовѣднія 1847—1852 г. Воспоминанія П. А. Тютчева. Гл. I—III.—Материалы и замѣтки.

РУССКІЙ АРХИВЪ. Октябрь. Автобіографія А. О. Дюгамеля. XVIII—XXII.—Записки Н. Н. Муравьева. 1812 годъ.—Воспоминанія давно прошедшаго. В. А. Кокорева.—Эпизоды при введеніи положенія 19 февраля. Н. А. Рѣшетова.—Своеобразное мнѣніе А. С. Шишкова.—Разказы изъ недавней старины. И. С. Листовскаго.—О картинѣ Брюлова: „Послѣдній день Помпеи“. Изъ письма В. Ѳ. Чижова къ А. А. Иванову.—Стихотвореніе Тютчева: Москвичамъ и отвѣтъ москвичей. 1865 года.—Графиня Е. П. Растопчина. Старушка изъ степи.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Ноябрь. О вліяніи законодательства на нравы. В. Гольцева.—Реформа русской полиціи. И. Тарасова.—Объ общественномъ значеніи нравственности. Н. Ржондковскаго.—Новыя экзаменныя требованія по юридическому факультету Л. Куперника.—Диспутъ Дриля въ харьковскомъ университетѣ. Н. К.—Статистическіе труды В. П. Орлова. А. Чупрова.—Лица въ договорѣ. В. Д. Исаченко.—Бабы дѣла на мировомъ судѣ. А. Лудмеръ.—Обзоръ кассационныхъ рѣшеній по уголовному департаменту. Д. Т.

РУССКОЕ ВОГАТСТВО. Октябрь. Изъ воспоминаній о переносѣ Льва Толстаго.—О самоубійствѣ въ цивилизованныхъ странахъ (по Морзелли). Б. С.—Кривая доля. (Разказъ). В. Савихина.—За идеаломъ (Ром). М. П. Красова.—Появленіе новой звѣзды. Профессора С. П. Глазенапа.—Законодательная охрана рабочихъ въ Америкѣ. Тэта.—Идеалы современной жизни и литературы. А. Оболенскаго.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ. Октябрь. Караваевъ и его жена. Златовратскаго.—Петербургская повѣсть. Максима Бѣлинскаго.—Куда ни кинь, все влывъ (Ром). Рускина. Гл. I—VI.—Викторъ Гюго. Петра Вейнберга. (Прод.).—Смерти не миновать. Сальваторе Фарина.—Изящныя искусства: ихъ сущность, происхожденіе и значеніе. С.—Умніе и несимизмъ современнаго культурнаго общества. Профес. Иванькова.—Автобіографія крестьянина села Павлова Нижегородской губ. Николая Петровича Сорокина.—Финляндскія недоразумѣнія. Е.—Судъ присяжныхъ. Н. Селиванова.—Южныя морскія рыболовныя артели. Г. П. Сазонова.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА. Ноябрь. Старѣйшія русскія драматическія сцены. П. Кузьмичевскаго.—Адамъ Кисель, воевода Кіевскій. 1580—1653 г. (Прод.) И. Новицкаго.—Автобіографія Т. Гр. Шевченка, писанная для народнаго чтенія.—Воспоминанія о польскомъ восстаніи въ Украйнѣ 1863 г. Б. Познанскаго.—Старосвѣтскіе бабшки и матушки. Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX стол. (Оконч.). И. Левицкаго.—Дневникъ Николая Хоненка (1728—1753 г.). (Прод.).

ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНЫЯ

и е

МАГАЗИНЪ КАНЦЕЛЯРСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
ТОВАРИЩЕСТВА

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о.

ВЪ МОСКВѢ,

Лименовская улица, д. Кушнеровой.

ВЪ КИЕВѢ,

Елисаветинская улица, д. Михельсона.

Магазинъ: Никольская, домъ бр. Чижовыхъ, въ Москвѣ.

ТИПОГРАФІЯ (въ Москвѣ и Киевѣ) исполняютъ всевозможныя типографскія работы для всѣхъ отраслей промышленности. Печатаніе газетъ, журналовъ и книгъ какъ иллюстрированныхъ, такъ и не иллюстрированныхъ; отчетовъ, книгъ и бланковъ для страховыхъ обществъ, банковъ, банкирскихъ конторъ, фабрикъ и другихъ тому подобныхъ учреждений. Специальныя приспособленія печатанія для желѣзныхъ дорогъ бланковъ, книгъ, отчетовъ, тарифовъ, инструкцій; изыщное исполненіе пасетъ, полясовъ, временныхъ свидѣтельствъ, счетовъ, чайныхъ обертокъ, афишъ, адресовъ, свадебныхъ билетовъ, визитныхъ карточекъ и другихъ всевозможныхъ крупныхъ и мелкихъ работъ. При печатаніи книгъ типографія могутъ принимать на себя и отвѣтственную корректуру.

ЛИТОГРАФІЯ (въ Москвѣ) исполняетъ самыя изыщныя литографскія и хромо-литографскія работы для кондитерскихъ, конфектныхъ и шоколадныхъ фабрикъ; ярлыки на вина, этикетки для папиросныхъ фабрикъ, мануфактурные ярлыки, выѣзки, нак. квитанціи, временныя свидѣтельства, ярлыки для разныхъ производствъ, счета, бланки, адреса, чертежи и планы, ландкарты, графики для желѣзныхъ дорогъ, конгрессное тисненіе и пр. и пр. При литографіи нѣются лучшіе художники и хромо-литографы. Специальное печатаніе картинокъ для кондитерскихъ коробокъ въ краскахъ, нисколько не уступающихъ заграничнымъ литографіямъ. При литографіи нѣется громадный выборъ уже исполненныхъ рисунковъ лучшими художниками и хромо-литографами.

ПЕРЕПЛЕТНЫЯ (въ Москвѣ и Киевѣ) исполняютъ переплетныя работы какъ конторскихъ, такъ и гражданскихъ книгъ; дѣлаютъ книги для страховыхъ обществъ, банковъ, банкирскихъ конторъ, фабричныхъ товариществъ — отъ простыхъ до самыхъ лучшихъ переплетовъ съ золотымъ тисненіемъ и образцами. Всевозможныя футлярныя работы, портфели, коробки для бумагъ и пр. и пр.

Всѣ мастерскія снабжены всѣми необходимыми приспособленіями для изыщнаго и быстрого исполненія работъ. Въ Московскихъ мастерскихъ нѣются 14 скоропечатныхъ машинъ, дѣйствующихъ паровымъ движеніемъ, 30 машинъ ручныхъ и вспомогательныхъ при 200 человекъ рабочихъ, изготовляющихъ въ теченіи года работъ въ однихъ только московскихъ мастерскихъ болѣе чѣмъ на 200,000 р. По количеству машинъ, рабочихъ и разныхъ приспособленій наши мастерскія самыя большія въ Москвѣ, что даетъ возможность назначать за всѣ работы самыя умѣренныя цѣны.

При мастерскихъ и въ магазинѣ нѣются въ продажѣ новѣйшихъ рисунковъ этикетки на монпансье, шоколатъ, конфеты, коробки и пр. самой изыщной работы по умѣреннымъ цѣнамъ.

МАГАЗИНЪ КАНЦЕЛЯРСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

снабженъ громаднымъ выборомъ всевозможныхъ канцелярскихъ принадлежностей какъ для желѣзныхъ дорогъ, такъ и для всѣхъ конторъ. Большой выборъ чертежныхъ принадлежностей, конторскихъ книгъ, копировальныхъ прессовъ и пр. и пр.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Н. ФЕНУ и К^о.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. Армянской церкви.)

КЪ ПРЕДСТОЯЩИМЪ ПРАЗДНИКАМЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

ВЪ ШКОЛЪ И ДОМА

фирмою заготовленъ хорошій выборъ книгъ для дѣтскаго чтенія, отъ самыхъ дешевыхъ изданій для начальныхъ школъ и приутовъ до самыхъ роскошныхъ, въ изящныхъ папкахъ и переплетахъ, а также образовательныхъ игръ, азбукъ, коллекцій, музыкальныхъ изданій и проч.

Для выбора книгъ и пособій имѣются каталоги.

между прочимъ фирма издала:

- 1) Каталогъ дѣтскихъ книгъ съ критическими замѣчаніями. (Библиотека избранныхъ сочиненій для дѣтей младшаго и средняго возраста. Пособіе для лицъ, руководящихъ дѣтскимъ чтеніемъ. Составилъ М. Соболевъ. Ц. съ перес. 55 копѣекъ.)
- 2) Каталогъ книгъ для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ. Ц. 15 к. (Кад. корпусамъ бесплатно.)
- 3) Каталогъ книгъ, одобренныхъ для обращенія въ войскахъ (въ обмѣнъ 2-хъ почтовыхъ марокъ).

кромя того, магазинъ рекомендуетъ:

- 1) Систематическій обзоръ русской народной учебной литературы. Составл., по порученію Комитета грамотности, гг. Миропольскимъ, Соколовымъ и друг. 2 т. Ц. 2 руб. 75 к.
1-е дополненіе къ обзору. Ц. 75 к.
- 2) „Что читать народу?“ Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Составленъ учительницами харьковской бесплатной воскресной школы: Х. Алчевской, Е. Гордѣевой, А. Грищенко и друг. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

между прочимъ, въ магазинъ имѣются слѣдующія изданія.

I. Книжки для младшаго и средняго-возраста.

- а) **Азбуки и книги съ картинками для самыхъ маленькихъ дѣтей.**
плавана, цифры арабскія и римскія. Всего 198. Наклеен. на наклеивъ коробкѣ. Ц. 60 коп.
Русская подвижная азбука. Печатныя буквы, прописныя и строчныя, знаки пре-
Азбука-жемчужника. Подвижная азбука съ раскрашен. картинками. Ц. 80 к.

Азбука—въ мудрости ступенька. Сост. Ермишинъ и Некрасовъ, изд. 2. Ц. 5 к.

Азбука и уроки чтенія и письма. Сост. Н. Бунаковъ. Ц. 25 к.

Иллюстрированная русская азбука. Ц. 1 р. 20 к.

Мать-востанница. Азбука, статьи для первонач. чтенія, стихи и молитвы, съ раскрашен. рисунк. Сост. Вейнбергъ. Ц. въ папкѣ 60 к.

Пестрая азбука. Съ раскрашен. рисунк. Сост. Вейнбергъ. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Азбука на полотнѣ. 30 раскрашен. картинокъ съ текстомъ. Ц. 1 р. 50 к.

Азбука. 30 раскраш. картинокъ на папкѣ. Ц. 1 р. 20 к.

Новая азбука съ картин. для наглядн. обученія. Сост. Реми. Ц. 1 р. 80 к.

Золотая азбука съ картин. Вахренева, изд. 2. Ц. 2 р.

Альбомъ рельефныхъ картинокъ съ рисунк. и текстомъ въ стихахъ. С. Лаврентьевой. Съ приложеніемъ картинокъ для наклеиванія. Ц. 2 р.

Живое слово. Пособіе для наглядн. обученія. Сост. по Штаубу О. Шмидтъ. 3 части. Ц. каждой ч. 2 р. 50 к.

Наши домашнія животныя. Раскр. картинки со стихами, въ папкѣ. Ц. 75 к.

Приятели дѣтей. Изъ царства животныхъ. 12 табл. раскрашен. картинокъ съ текстомъ, въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Міръ животныхъ. Альбомъ раскрашен. рисунк. животныхъ. Ц. 75 к. Тоже наклеен. на папку. Ц. 1 р. 50 к.

Домашнія животныя. Раскр. по рисунк. Г. Лейтемана. Ц. 50 к.

Картинки изъ естественной исторіи съ названіями на 3 языкахъ. Раскрашен., въ папкѣ. Ц. 1 р.

Естественная исторія трехъ царствъ природы. Альбомъ раскраш. рисунк. животн. и растений. Ц. 1 р. 20 к. въ папкѣ.

Ученье и забавы. 12 табл. раскраш. картинокъ, въ папкѣ. Ц. 1 р. 20 к. Тоже наклеен. на папкѣ. Ц. 1 р. 80 к.

Пестрыя картинки на полотнѣ. Для маленькихъ дѣтей. Ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ.

Прочная книжка. Сказки для малютокъ. Съ картин., наклеен. на папкѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Первое наглядное обученіе для маленькихъ дѣтей. 12 раскрашен. картинокъ изъ жизни природы и людей, въ папкѣ. Ц. 2 р.

Новая книга съ раскрашен. картинками для нагляднаго обученія. Съ вопросами. Ц. въ папкѣ. 3 р.

Дѣтскія игры и занятія. 11 раскр. картинокъ. Съ рассказами изъ дѣтской жизни. Реми. Въ папкѣ. Ц. 1 р. 80 к.

За что мы любимъ Бога. Книга для маленькихъ дѣтей. Ц. 25 к.

Священная исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школахъ и дома. 2 книги. Ветхій и Новій Заветъ. Сост. священникъ Александръ Соколовъ. Въ роскошн. переплетѣ ц. 2 р. Безъ переплета 2 ч. ц. 1 р.

б) Сказки и былины.

Дѣтскія сказки. Разсказалъ Авенариусъ. Съ рис. Каразина. Ц. 1 р. 60 к., въ красив. папкѣ 2 р.

Книга былинь. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Сост. В. Авенариусъ. Съ рисунк. Прохорова и Каразина. Ц. безъ переп. 1 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 2 р. 50 к.

Русскія дѣтскія сказки, собран. Н. Аонасьевымъ. Съ картин. Каразина. Ц. 2 р., въ роскошномъ переплетѣ 2 р. 75 к.

Народныя русскія сказки и загадки. Редакція А. Эрлсвейна. Ц. въ папкѣ 1 руб.

Русскія сказки для дѣтей. Н. Ахшарумова. Съ рис. Дмитріева, Оренбургскаго и Шнака. Ц. 1 р. 50 к.

Бабускины сказки. По Гофману и др. С. Макаровой. Съ раскраш. картин., въ папкѣ. Ц. 2 р.

Любимыя волшебныя сказки. Со мн. раскраш. картинокъ, 2 тома, въ крас. папкѣ. Ц. кажд. тома 2 р. 50 к.

Народныя сказки, собр. бр. Гриммъ. Перев. съ нѣм. С. Снесоровой. 2 т., съ рисунк. Ц. 3 р.

1001 день. Сказки для старшаго возраста А. Гримма. Перев. А. Энгельгардтъ. Съ крас. картин. въ папкѣ Ц. 2 р. 50 к.

1001 ночь. Арабскія сказки, для юношества. Съ раскраш. карт. въ папкѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сказочный мірокъ. Сказки, преданія, побасенки и т. п. Сост. Шмидтъ-Москвитинова. Съ раскр. картин. Ц. 3 р. 50 к. въ папкѣ.

Картинная галерея избранныхъ сказокъ. Роскошно иллюстриров. сборникъ съ 72 хромолитографіями, въ др. папкѣ. Ц. 5 р.

Конекъ-горбунокъ. Русская сказка П. Ершова. Съ рисунками. Ц. безъ переплета 40 к., въ переплетѣ 60 к.

Золотая рыбка. Сказочная быль въ стихахъ. Ц. 50 к.

Рейнеке-лисъ. Разск. для юнош. Ф. Гофмана. Перев. Вейнбергъ. Съ раскраш. картин. въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Сказки и разказы для дѣтей Н. Крыловой. Ц. 1 р.

Рамайана. Древняя индійская поэма, обработан. для юношества М. Чистя-

- ковымъ. Ц. 50 к., въ роскош. переплетѣ 1 р. 25 к.
- Сказки Э. Топелюса. Перев. со шведск. Гринстремъ. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Фантастическія сказки. Перев. съ нѣм. Станановой и Гримма. Съ рисунк. Ц. 1 р.
- Волшебная сказка Музеуса. Перев. съ нѣмец. Крестовскаго. Ц. 2 р.
- Аладинъ, или волшебная лампа. Сказка съ картинами и превращеніями. Въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Багдадскіе широкшники. Волшебн. сказка для дѣтей, съ картин. и превращеніями. Въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Донъ Кихотъ Ламанчскій, рыцарь печальнаго образа и рыцарь львовъ. Передѣл. по Сервантесу для русск. юношества Шмидтъ-Москвитиновою. Съ раскр. картин. Въ папкѣ. Ц. 1 р. 75 к.
- Донъ-Кихотъ Ламанчскій, Мигуэля Сервантеса Савадери. Передѣл. для дѣтей Фр. Гофманомъ. Перев. съ нѣм. Н. Гернетъ. Съ раскраш. рисунк. въ крас. папкѣ. Ц. 2 р. 50 к.
- Приключенія и путешествія Гуливера. Передѣл. для юношества Ф. Гофманомъ. Пер. съ нѣм. Вейнбергъ. Съ раскр. картинами. Изд. 2-е. Ц. 2 р. въ папкѣ.
- Путешествіе дра Гуливера въ страну лилипутовъ и къ великанамъ. По Свифту передѣл. для юнош. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ раскр. карт. Въ папкѣ. Ц. 1 р. 75 к.
- Путешествія и приключенія барона Мюнхаузена. Перев. Майковой. Съ раскр. рисунк. Ц. 2 р. 50 к.
- Чудесныя приключенія барона Мюнхаузена, рассказанныя дѣдушкою своимъ внукамъ. Передѣл. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ раскр. карт. Въ папкѣ. Ц. 1 р. 75 к.
- Положенія и приключенія барона Мюнхаузена, рассказанныя въ стихахъ Козьмоу Саврасовымъ. Съ раскраш. картин. Въ папкѣ. Ц. 90 к.
- Басни И. А. Крылова. Съ биограф. напис. Плетневимъ. Съ хромолитограф. и черными картин., въ роскош. переплетѣ. Ц. 3 р. Тоже безъ хромолитогр. картинъ ц. 1 р. 75 к. Тоже безъ перепл. ц. 1 р. Тоже школы. изданіе мал. формата безъ биографіи ц. 50 к.

в) Рассказы, повѣсти, стихотворенія, дѣтскій театръ и сборникъ игръ.

- Анненская, А. Братъ и сестра. Повѣсть для дѣтей. Ц. 75 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 50 к.
- Анна. Романъ для дѣтей. Въ папкѣ съ рис. Ц. 1 р. 80 к.

- Мои дѣвчонки. Повѣсть для дѣтей. Съ иллюстраціями Бемъ. Ц. 1 р.
- Робинзонъ Крузо. Съ рис., въ перепл. Ц. 3 р.
- (По Гривуду). Маленькій оборванецъ. Перев. съ англійск. для дѣтей. Ц. 1 р. 50 к., въ роскош. перепл. 2 р. 25 к.
- Везоброзова, Е. Отдыхъ. Два рассказа для дѣтей. Съ рисунк., въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Будемъ читать. Разск. и стихотворенія для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ. Съ рис. (крупн. печати). Ц. 1 р.
- Вылиники. Сборн. разск., сказокъ и стихотвореній для дѣтскаго чтенія, съ рис. Ц. 1 р.
- Владимірова, А. Книжка для малютокъ. Съ раскр. картин. и въ папкѣ. Ц. 2 р.
- Водовозовъ, В. Дѣтскіе рассказы и стихотворенія. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Ц. 75 к.
- Водовозова, Е. Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей. Съ рисунк. Ц. 1 р. 50 к., въ роскош. перепл. 2 р. 25 к.
- На отдыхъ. Иллюстриров. рассказы для маленькихъ дѣтей. (Крупной печати). Съ рисунк. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р. 25 к.
- Герштекеръ и др. (Перев. Н. Кутейниковъ). Охотничьи рассказы и очерки изъ природы и жизни разныхъ странъ. Съ раскр. рисунк. Ц. въ папкѣ 2 р. 50 к.
- Гиппиусъ, А. Три рассказа для дѣтей. Ц. 1 р.
- Гофманъ, Ф. Маленькія рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ раскр. картин., въ папкѣ. Ц. 1 р.
- Пестрая книжка. Рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ раскр. рисунк., въ папкѣ. Ц. 1 р.
- Приключенія въ разныхъ странахъ. Разск. для юношества. Перев. Вейнбергъ. Съ раскраш. рисунк., въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Рассказы для дѣтей отъ 7 до 11 лѣтъ. возраста. Перев. Вейнбергъ. Съ раскр. картинами. Ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ.
- Григорова, Е. Рассказы для дѣтей старшаго возраста. Ц. 1 р.
- Иванова, Анюта и Вася. Коротенькіе рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ раскраш. картинами и крупной печати, въ папкѣ. Ц. 75 к.
- Ишимова, А. Русскіи дѣтскіе. Рассказы для дѣтей перваго возраста. Съ рисунк. Ц. 2 р. въ папкѣ.
- Калиновская. Рассказы и сказки умнаго Чуреньки. Ц. 1 р. 50 к.
- Кемденъ, Ч. Моя юность. Перев. Бордовской. Ц. 75 к.
- Кореньевы, А. и П. Жизнь и природа въ родной странѣ. Сборникъ для чте-

- ня въ школь и дома. Ц. 1 руб. 50 коп.
- Косиковъ, И.** Дѣтвора. Сборникъ стихотвореній для маленькихъ дѣтей. Съ раскр. картин., въ крас. папкѣ. Ц. 75 к.
- Косталя - индѣецъ**, или мексиканская война за независимость. Перев. съ нѣм. Энгельгардтъ. Съ раскр. картин., въ папкѣ. Ц. 2 р.
- Кранивина, С.** Розы и шны. 8 рассказовъ для дѣтей. Съ картин., въ крас. папкѣ. Ц. 2 р.
- Кругловъ, А.** Подарокъ на ёлку. Рассказы и стихотворенія. Въ папкѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- Дѣти львовъ. Повѣсть для дѣтей. Въ папкѣ. Ц. 1 р.
- Иванъ Ивановичъ и К^о. Повѣсть для дѣтей. Ц. 80 к.
- Вольшакъ. Повѣсть для дѣтей. Съ картин., въ папкѣ. Ц. 80 к.
- Кунеръ.** Борьба съ дикарями. Тексаскіе рассказы для юношества. Съ раскраш. картин. Ц. въ папкѣ 2 р.
- Коначи, вождь индѣйцевъ. Рассказъ для старш. возраста. Съ раскраш. картин., въ папкѣ. Ц. 2 р. 50 к.
- Майнъ-Ридъ** (пер. Макаровой). Отважная охотница. Рассказъ для юношества. Съ раскраш. рисунк., въ папкѣ. Ц. 2 р.
- Макарова, С.** Миньона, дочь музыканта. Разск. для дѣтей. Съ раскраш. карт., въ папкѣ. Ц. 2 р.
- Зимніе вечера. Рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ раскр. картин., въ папкѣ. Ц. 1 р.
- Леночка. Рассказъ для дѣтей. Съ раскраш. карт., въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Новинка. Рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ раскраш. картин., въ папкѣ. Ц. 1 р.
- 75 рассказовъ для маленькихъ дѣтей (по Гофману). Съ раскр. карт., въ папкѣ. Ц. 1 р.
- Маррѣтъ.** Пиратъ. Перев. Дестунисъ. Съ раскраш. картинами, въ папкѣ. Ц. 2 р.
- Моей внучкѣ. Рассказы и стихотв. для дѣтей отъ 6—9 лѣтъ. Съ рис. (кр. печати) Ц. 1 р.
- Монтгомери.** Его не поняли. Повѣсть для дѣт. старш. возр. (съ англійск.). Ц. 80 к.
- Муравей. Литературный сборникъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Незвановъ.** Дѣтскіе рассказы. Съ рис., въ пап. Ц. 2 р., въ роск пер. 2 р. 60 к.
- Новинка. Разск. для мал. дѣт. Съ рис. (кр. печати). Ц. 1 р.
- Олькотъ, Л.** Маленькія женщины уже взрослые. Повѣсть для дѣтей старш. возр. (перев. съ англійск.). Ц. 1 р. 50 к., въ р. пер. 2 р. 25 к.
- Маленькіе мужчины. Ц. 1 р. 50 к., въ р. пер. 2 р. 25 к.
- Старосѣвская дѣвушка. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к., въ р. пер. 2 р.
- Подъ сиренями. Ц. 1 р. 50 к.
- Охота на дикихъ звѣрей, или приключенія молодого акробата. Перев. съ нѣм. Энгельгардтъ. Съ роск. карт., въ п. Ц. 2 р. 50 к.
- Первая книга для чтенія. Разк. для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ. Съ раск. карт., въ папкѣ. Ц. 2 р.
- Позняковъ.** Дѣтскій праздникъ. Рассказы и стихотв. Ц. 1 р. 50 к.
- Потѣхинъ, А.** Крестьянскія дѣти. Съ рис. Каразина. Ц. 1 р. 25 к., въ р. пер. 2 р.
- Пушкинъ, А.** Сочиненія. 3 т. Изд. для школь. Ред. Козьмина. Ц. 3 р. 60 к., въ роск. пер. 5 р. 85 к.
- Рассказы еще! Дѣтскіе рассказы. Съ карт. Ц. 90 к.
- Ростовскан, М.** Звѣздочки. Повѣсти и рассказы. Съ рис. Ц. 2 р.
- Четыре времени года. Разск. изъ деревенскаго быта. Съ картинк., въ п. Ц. 1 р. 50 к.
- Сливицкій.** Разоренное гнѣздо. Разск. для дѣтей. Съ рис., въ п. Ц. 1 р. 25 к.
- Смирновъ.** Родное. Разск. для дѣтей. Съ кр. карт., въ п. Ц. 1 р. 25 к.
- Соловьевъ-Неемѣловъ.** Маленькія дѣти. Разск. и стихотвор. для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ. Съ рис. Ц. въ п. 1 р. 25 к.
- Сысоева.** Очерки и рассказы. Книга для юношества. Ц. въ п. 1 р. 50 к.
- (По Тайеру). Жизнь Джеймса Гарфильда. Отъ бревенчатой хижины до благаго дома. Ц. въ п. 1 р. 30 к.
- Толстой, Л. Н.,** гр. Дѣтство и отрочество. Ц. 1 р., въ р. пер. 1 р. 75 к.
- Рассказы для дѣтей. Ц. 50 к.
- Ферри.** Львовой скиталець. Повѣсть для юнош. Пер. Вейнбергъ. Съ р. к., въ п. Ц. 2 р. 50 к.
- Фое (де).** Жизнь и приключенія Робинзона Крузе. Съ раскр. карт., въ папкѣ. Ц. 2 р. 50 к.
- Шмидтъ, О.** Мурка. Разск. для мал. дѣтей. Ц. 50 к.
- Васильевъ П.** Сиротка. Сцены изъ нар. быта (Дѣтскій театр). Ц. 50 к.
- Висковатовъ, В.** Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Съ рисунок. Ц. 3 р.
- Гердъ, И.** Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ, съ предисл. для родителей и воспитателей. Ц. 2 р.
- Сборникъ работъ и ремеслъ полезныхъ для дѣтей различн. возраст. Ц. 2 р.
- Дѣтсти загадокъ и дѣтсти отгадокъ для умныхъ дѣтей. Ц. 20 к.
- Николаевъ и Галлеръ.** Указатель къ

нормальному курсу фортепіанної гри і п'яні. Руководства, посібія, утраження і пьєсы для учащихся и учащихся. Ц. 50 к.

Новий збірник поздравительных стихотворений на чотирьох языках. Ц. 60 к.
Стахвєва. Дїтскій театр. Сборн. пьєсы для домашн. спектаклей. Ц. 1 р. 50 к.
Тивенгаузенъ. Спектакль любителей. Двѣ пьєсы для дѣтей. Ц. 50 к.

г) Географическіє разсказы, путешествія, историческіє разсказы и біографіи.

Водовозова, Е. Жизнь европейскихъ народовъ. 3 тома. Т. I—Жители Юга. Т. II—Жители Сѣвера. Т. III—Жители Средней Европы. Съ рисунк. Васнецова и Голембовскаго. Ц. безъ перепл. по 3 р. 75 к. за томъ, а въ роск. пер. по 4 р. 75 к.

Вернъ, Ж. Таинственный островъ. Перев. Марка Вовчка. 3 тома, съ рис. Ц. 6 р., въ пер. 7 р. 50 к.

Герштейеръ. Вселенная. Разсказы для дѣтей изъ физ., математ. и политич. географіи. Пер. Резенера. Съ множ. рисунк., въ роск. пер. Ц. 4 р. 75 к.

Герибергъ, Г., профес. Исторія Греціи и Рима. Пер. профес. Прахова и Антоновича. 2 тома. Съ множ. гравюръ. Ц. 10 р., въ роск. перепл. 12 р.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ. Съ 430 гравюр. въ текстѣ. Ц. 6 р., въ роск. пер. 7 р.

Гомеръ. Одиссея. Разсказы для дѣтей. А. Ларскій. Съ рисунк. Преллера, въ папкѣ. Ц. 4 р. 50 к.

Диличъ. Сборникъ разсказовъ изъ путешествій и быта народовъ. Съ фотограф. картин. Ц. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старинны. Истор. разсказы для дѣтей. Съ рис. Ц. въ папкѣ 2 р.

Міръ льдовъ. Приключенія и происшествія изъ жизни въ полярныхъ странахъ. (Перев. съ англійск. Подеревской.) Съ карт., въ роск. пер. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко. За Дунаемъ. Война съ турками за освобожденіе славянъ 1877—78 г. Очерки и разсказы для дѣтей, въ папкѣ. Ц. 75 к.

Полевой, П. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Съ рис. 2 т. Ц. 6 р., въ роск. пер. 7 р.

Петрушевскій, А. Про старое время на Руси. Съ рисун., въ перепл. Ц. 2 р.

— Разсказы про Петра Великаго и его время. Удостоено двухъ премій. Изд. 2. Ц. 50 к., въ роск. перепл. 1 р.

Путешествіе Беккера и его жены во

внутреннюю Африку и его охотничьи похождения. Съ рис. Ц. 1 р.

Разговоры матери съ дѣтми о землѣ и водѣ. Перев. съ англійск. Бетхеръ. Въ перепл. Ц. 1 р. 25 к.

Разинъ, А. Путешествія по разнымъ странамъ міра. Читеніе для дѣтей старш. возр. Ц. 2 р. 50 к.

Рієкке. Открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ. Для юности, Перев. Назаревой. Ц. 2 р. 50 к.

Симонова, Л. Эзе. Очерки изъ быта остяковъ. Съ рис. Ц. 50 к.

— Лаача. Очерки изъ быта вогулчей. Съ рис. Ц. 40 к.

Сиповскій, В. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. 3 т. Ц. 6 р., въ роск. перепл. 8 р. 25 к.

Степановскій, И. (по Иловайскому). Историческое лето. Ц. 2 р. 50 к.

Хребтовъ. Вѣніаминъ Франклінъ. Разск. для дѣт. старш. возр. Ц. 25 к.

Чистяковъ. О страхахъ и народахъ разныхъ частей свѣта. Географич. и этнографич. очерки. 3 т. Ц. въ папкѣ 6 р.

— Разсказы о быломъ. Въ папкѣ. Ц. 2 р.

Шмидтъ, О. Путешествіе вокругъ свѣта. Съ рис. Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к.

д) Разсказы изъ естественной исторіи.

Бетхеръ, А. Изъ великой книги природы. Разск. для юности. Ц. 1 р.

Бобровскій, С. Разсказы моимъ дѣтямъ. Съ 48 рисунк., въ папкѣ. Ц. 1 р.

Веберъ, К. Двѣнадцать мѣсяцевъ. Для средн. возраста. Ц. 1 р. 25 к.

— Дары природы. Описаніе произведеній трехъ царствъ природы въ сиромъ и обработан. ихъ состояніи. Ц. 1 р.

Вагнеръ, Г. Главные типы животнхъ и растений, для нагляднаго обученія дѣтей. Съ раскр. табл. Ц. въ папкѣ 3 р.

— Разсказы изъ жизни животнхъ. Съ раскраш. картин. Лейтемана и Шпекта. Перев. Вейнберга. Ц. въ папкѣ 2 р. 50 к.

— Краткая естественная исторія. Перев. Петрова. Съ раскр. карт., въ папкѣ. Ц. 2 р.

— Изъ жизни растений. Сост. Висковатовъ. Съ рис., въ папкѣ. Ц. 1 р.

Гагелъбергъ. Рельефный зоологическій атласъ. Съ русск. текст. профес. Гримма и Брандта. (Альбомъ и отд. рисунки животнхъ для наклеиванія.) Ч. I. Млекопитающія. Ц. 2 р. 40 к. Ч. II. Птицы. Ц. 2 р. 80 к. Ч. III. Пресмыкающіяся и рыбы. Ц. 2 р. 30 к. Ч. IV. Насѣкомыя, ракообразныя, черви и моллюски. Ц. 3 р. 40 к.

Годъ въ картинахъ. Жизнь природы и

людей въ теченіе одного года. 12 раскраш. карт. съ текстомъ, въ красив. накѣ. Ц. 2 р. 50 к.
Гришаръ. Прогулка по зоологическому саду. Съ рис., въ переп. Ц. 8 р. 75 коп.
Дитлейнъ. (Перев. Кириотенко.) Зоологическая хрестоматія. (Текстъ къ зоологическому атласу Лейтемана.) 2 части. Ц. Ч. I 60 к., Ч. II — 1 р. 50 к., въ переп.—2 р. 25 к.
Лейтеманъ. Зоологическій атласъ. 36 изящно раскраш. таблицъ, въ накѣ. Ц. 7 р. 50 к.

Кое-что кое о чемъ. Для дѣтей. Въ накѣ. Ц. 1 р.
 Двадцать рассказовъ изъ жизни животныхъ, для дѣтей. Съ 8 раск. карт. Лейтемана. Ц въ накѣ 2 р.
Наши враги и друзья въ мірѣ насекомыхъ. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.
Острогорскій, А. Среди природн. Съ рису. Ц. въ накѣ 1 р. 50 к.
Резенеръ, Ф. Что окружаетъ насъ. Чтеніе для дѣтей средн. и старш. возраста. Въ роск. переп. Ц. 3 р.
Шведова. Природа—мать народа. Разск. для дѣт. старш. возр. Ц. 75 к.

II. Дешевыя изданія для школь и пріютовъ.

ЧТЕНІЯ СОЛЯНАГО ГОРОДКА.

I. Священная и церковная исторія и чтенія изъ области нравственныхъ наукъ.

Пѣвцовъ, В. О святой землѣ. 12 чтеній. Ц. по 5 к.
 — Говенія на христіанъ. 2 чтенія. Ц. по 10 к.
 — О трудахъ св. апостоловъ. Ц. 10 к.
 — Начало христіанства на Руси и крещеніе ея. Ц. 10 к.
 — Распространеніе и утверженіе христіанства въ Россіи послѣ св. Владимира. Ц. 10 к.
 — Египетъ и Синай. Ц. 10 к.
 — Мужьямъ о женахъ. Ц. 10 к.
Коховскій, Вс. Отцамъ и матерямъ о дѣтяхъ. Ц. 10 к.
 — О трудѣ и отдыхѣ. Ц. 10 к.
Гладкій. О помощи въ нуждѣ и горѣ. Ц. 10 к.

II. Отечествовѣдѣніе и мировѣдѣніе.

Роговъ, И. Смутное время. Ц. 10 к.
 — Татарскій погромъ и св. Александръ Невскій. 2 чтенія. Ц. 15 к.
Шалфеевъ, И. Царь Петръ Великій. Ц. 8 к.
 — 12 годъ. 3 чтенія. Ц. 20 к.
Шведовъ, Н. Переправа у Сисова и Зимница. Ц. 15 к.
Хребтовъ, А. Подвигъ Вестн. Ц. 15 к.
Прокофьевъ, В. Дубасовъ и Шестаковъ. Ц. 15 к.
Вулгаковъ, Ф. Оборона Балзета. Ц. 15 к.
Ивановъ, Д. Въ обходъ Шибки. Ц. 15 к.
 — Последній бой подъ Шибкой и влѣченіе турецкой арміи. Ц. 15 к.
Коротковъ. Кулибинъ. Ц. 10 к.
Максимовъ, С. Зимовка на Новой Землѣ. Ц. 10 к.

Тараныгинъ, Ф. Разказы бывалого челявѣка. 2 чт. Ц. 15 к.
Александровъ, Н. Народы Россіи. 2 чтенія. Ц. по 10 к.
Шиле, А. Волга и ея значеніе для Россіи. Ц. 10 к.
Арсеньевъ. Славное севастопольское сраженіе. Ц. 10 к.

III. Естественноезнаніе.

Аникіевъ, П. О животныхъ вредныхъ и полезныхъ для полей. 5 чтеній. Ц. 10 к.
Брандтъ, Е. О глистахъ. Ц. 10 к.
Воронекскій, А. О неподвижныхъ звѣздахъ. Ц. 10 к.
 — О кометахъ и падающихъ звѣздахъ. Ц. 10 к.
Животовскій, Н. О грозѣ. Ц. 10 к.
 — О теплѣ и воздухѣ. Ц. 10 к.
 — Отчего происходитъ дождь и снѣгъ. Ц. 10 к.
Липченко, С. О землетрасеніяхъ и горахъ огнедышащихъ. Ц. 10 к.
Медеръ, Н. Какого вида земля, какъ она велика и отчего происходитъ день и ночь, весна и лѣто, осень и зима. Ц. 20 к.

IV. Народная гигиена.

Шмулевичъ, Я. О хорошей и дурной водѣ. Ц. 10 к.
 — Тѣсни и сырня вквартыри. Ц. 10 к.
Глинскій, Н. О первой помощи опасно заболѣвающимъ до прибытія врача. Чтеніе 1: объ апоплексіи или пострѣлѣ. Ц. 10 к.
Шмулевичъ, Я. О мухѣ и хлѣбѣ. Ц. 10 к.
Шведовъ. Соль. Ц. 10 к.
Доброславинъ. О почвѣ. Ц. 10 к.

V. Смѣсь.

Острогорскій, М. Военская новинность. Ц. 10 к.

Хреботовъ, А. Русскій военный орденъ. Ц. 10 к.

Изданія учрежденной, по Высочайшему повелѣнiю, г. министромъ народнаго просвѣщенiя постоянной комиссiи по устройству народныхъ чтенiй и состоящаго при ней надательскаго общества.

Уничженiе на землѣ Господа нашего Иисуса Христа. Съ раскр. изоб. Ц. 8 к.
Жизнь Божiей Матери. Свящ. М. Соколова. Съ изобр. Богородицы. Изд. четвертое. Ц. 10 к.

О богослуженiи православной церкви. Свящ. М. Соколова. Ц. 10 к.

Великiй постъ. Чтенiе священника М. Соколова. Изд. второе. Ц. 10 к.

Церковь Христова со временъ апостоловъ. Свящ. Опатовича и А. Кочетова. Съ двумя изображенiями Ц. 20 к.

Жизнь святаго Николая чудотворца. Свящ. М. Соколова. Съ изобр. святигеля. Изд. 2. Ц. 8 к.

Св. Стефанъ Перискiй. Т. Толычевой. Съ изобраз. святигеля. Ц. 10 к.

Житiе преподобнаго отца нашего Ксенофонта, супруги его Марiи и двухъ синовей его, Иоанна и Аркадiя. Съ изображенiемъ преподобныхъ. Евг. Туръ. Ц. 10 к.

Богомольцы у святыхъ Кiева. Лавра. И. и В. Хрущовыхъ. Съ 2 хромолит. изобр. Изд. 2. Ц. 20 к.

Богомольцы у святыхъ Кiева. Старый Кiевъ. И. Хрущова. Съ хромолит. изображен. Ц. 10 к.

Соловецкiй монастырь. С. Максимова. 3 изд. Съ карт. Ц. 12 к.

Свято-Троицкая Сергiева лавра. И. И. Петрова. Съ тремя картинками. Ц. 15 к.

Начало христанства на Руси. Съ 3 карт. Ц. 15 к.

Синовиа св. Владимира. Св. Борись и Глѣбъ, Ярославъ. Съ хромол. рисункомъ. Ц. 10 к.

Владимiръ Меномахъ и его завѣщанiе. И. Хрущова. Съ 3 раскр. карт. Ц. 15 к.

Нашестiе татаръ и князь Михаилъ Тверской. Съ рисункомъ. Ц. 10 к.

Св. благовѣрный великiй князь Александръ Невскiй. Съ изображенiемъ. Ц. 10 к.

О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексiи и о Мамаевомъ побѣдѣ. Ан. Н. Майкова. Ц. 6 к.

Куликовская битва. С. Рождественскаго. Ц. 8 к.

Изъ-за чего пошли войны Россiи съ мусульманствомъ. Книжка первая. Ан. Н. Майкова. Ц. 7 к.

Изъ-за чего пошли войны Россiи съ му-

сульманствомъ. Книжка вторая. Его же. Ц. 5 к.

Изъ-за чего пошли войны Россiи съ мусульманствомъ. Книжка 3. Его же. Ц. 7 к.

О смутномъ времени на Руси. И. И. Петрова. Съ 3 карт. Ц. 20 к.

Царствованiе Михаила Феодоровича. Съ портр. Ц. 10 к.

Царствованiе Алексѣя Михайловича. Ц. 10 к.

О Петрѣ Великомъ. С. Рождественскаго. Третье изданiе. Съ 3 картинками. Ц. 15 к.

Какъ и чему училъ Петръ Великiй народъ свой. Съ 4 раскр. карт. С. М. Макаровой. Ц. 12 к.

Петръ Великiй по сочиненiямъ А. С. Пушкина. А. Филюнова. Ц. 5 к.

О преемникахъ Петра Великаго (до Екатерины II). Чтенiе И. И. Петрова. Съ 2 портретами. Ц. 12 к.

Суворовъ. С. Рождественскаго. Съ портр. и одною раскр. карт. Ц. 10 к.

Александръ I Благословенный. Съ 2 карт. Ц. 8 к.

Народная война 1812 г. Сост. Яхонтовъ. Съ 5 картинками. Ц. 25 к.

Разсказы о севастопольцахъ. А. Супонева. Съ 2 раскр. карт. Ц. 15 к.

19 февраля 1855—1880 г. Добронисцевъ. Ц. 5 к.

Просвѣтитель Восточной Сибири. Съ портретомъ преосв. Иннокенiя. Ц. 15 к.

Русская Правда, или судъ въ стародавни времена. Историческая повѣсть. В. Лашина. Ц. 7 к.

Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома. В. Лашина. Ц. 10 к.

Тарасъ Бульба. Историческая повѣсть Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.

Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Съ 1 карт. Ц. 8 к.

Полтава. Повѣсть въ стихахъ А. С. Пушкина. С. Макаровой. Съ 8 раскр. картин. Ц. 15 к.

Сказки и пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ. Съ 7 рисунками въ текстѣ. Ц. 5 к.

Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Е. Рейнбота. Съ 2 раскр. картинками. Ц. 8 к.

Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ. Доктора Перфильева. Ц. 35 к.

Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ. Его же. Книжка вторая. Ц. 20 к.

Бесѣда о флотѣ. Д. Шишмарева. Съ 5 рис. и краткимъ словаремъ морскихъ выраженiй. Ц. 25 к.

Двѣнадцать мудрыхъ басенъ. Съ портр. Крылова. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

Сборникъ стиховъ. Выпускъ I. Изданiе второе. Ц. 6 к.

Сборникъ стиховъ. Выпускъ II. Изд. второе. Ц. 6 коп.

Сборникъ стиховъ. Выпускъ III. Изд. 2-е. Ц. 6 коп.

М. В. Домоносовъ. А. Филонова. Съ портретомъ. Изд. 3-е. Ц. 5 коп.

Кольцовъ и его пѣсни. М. Парунова. Съ изображ. памятника Кольцову въ Воронежѣ. Изд. 3-е. Ц. 10 коп.

Архангельскіе китоловы. Повѣсть Сѣтковой (Катенкамъ). Съ 4 карт. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 20 коп.

Боковой глэдъ. Сѣтковой (Катенкамъ). НСъ картинкою. Ц. 15 к.

Рратья. Сѣтковой (Катенкамъ). Съ 4 картинками въ текстѣ. Ц. 5 к.

Лучшая мѣсть. Сѣтковой (Катенкамъ). Съ 3 карт. въ текстѣ. Ц. 5 к.

Мореходъ Никитинъ (пересказъ повѣсти Марлинскаго) и двѣ морскія пѣсни. Съ 3 рис. въ текстѣ. Ц. 5 к.

Архангельскій край. Съ картою. Ц. 20 к.

Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ. В. А. Жуковскаго. Ц. 10 к.

Старикъ Никита и его три дочери. Сѣтковой (Катенкамъ). Съ рисункомъ. Ц. 10 к.

Наши воины православные. В. Желиховской. Съ портретомъ В. Кн. Михаила Николаевича. Ц. 20 к.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Листки: „Мининъ и Пожарскій“—съ рисункомъ. „Александръ Невскій“—съ изображеніемъ. „Кирилъ и Меодій“—съ изображеніемъ. „Кулибинъ“—съ портретомъ. „А. В. Суворовъ“—съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Подъ ред. Погоскаго. Рукониси о севастопольской оборонѣ, собранна Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ 4-хъ кн. Ц. 1 р.

Коротковъ, Ф. Сказаніе о великой княгинѣ Ольгѣ. Ц. 10 к.

Погоскій. Связаніе о Царьградѣ. Ц. 10 к.

— Слово о полку Игоревѣ. Ц. 15 к.

— Нарва и Полтава. Ц. 20 к.

— Оборона Севастополя, въ 3-хъ ч., съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к.

в) Міровѣдѣніе.

Погоскій. Земля, вода и воздухъ. Ц. 20 к.

Погоскій, А. Ф. Наши добрые слуги четвероногіе. Ц. 25 к.

г) Повѣсти и рассказы.

Погоскій. Дѣдушка Назаричъ. Ц. 20 к.

— Сябиретка. Ц. 25 к.

— Господинъ Колодникъ. Ц. 20 к.

— Суходольщина. Ц. 20 к.

— Подосновки. Ц. 20 к.

— Солдатское пиво Первѣй винокуръ. Птичій даръ. Ц. 20 к.

— Чертовщина. Путешествіе на луну. Мудрый судья. Ц. 20 к.

— Отставное счастье. Изъ старихъ записокъ. Два кольца. Ц. 20 к.

— Злодѣй и Петья. Ц. 10 к.

— Аячутка безпятихъ. Наумъ Сорокодумъ. Собачій застрѣльщикъ. Медвѣжья наука. Ц. 20 к.

— Посѣстра Танька. Ц. 25 к.

— Старикъ. Ц. 20 к.

— Сорочья гвѣзда. Ц. 20 к.

— Маіорская дочка. Ц. 25 к.

— Музыкантъ. Ц. 25 к.

— Неспособный человѣкъ, повѣсть. Ц. 25 к.

— Темникъ. Ц. 20 к.

— Камень-Кремневичъ. Ц. 10 к.

— Покойный Ив. Ив. Ивановъ. Ц. 15 к.

— Штуцерникъ Нечипоръ-Зачинъ-Воротъ и его потомство. Ц. 25 к.

— Божеское правосудіе. Ц. 20 к.

— Лѣшевъ хуторъ. Ц. 10 к.

— Мірскія дѣтки. Всѣмъ шильямъ—шило. Ц. 20 к.

— Буча денегъ. Ц. 20 к.

Максимовъ, С. В. Кавалеръ Иванъ Сисоевъ. Ц. 15 к.

Любимовъ. Загадочное убійство. Ц. 15 к.

Никитовъ, В. Мать-Честная. Ц. 6 к.

— Лайковичъ, безногий яхкеръ въ Севастополѣ. Ц. 8 к.

— Севастопольскій охотникъ. Ц. 8 к.

— Подвиги нѣкоторыхъ сподвижниковъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка. Ц. 10 к.

Изданія А. Ф. Погоскаго (прежней ред. журнала «Досугъ и Дѣло»).

а) Духовно-нравственнаго содержанія.

Соколовъ І., свящ. Душенолезное чтеніе предъ причащеніемъ. Ц. 12 к.

Соколовъ Д. П., протоіерей. Пещерники. Ц. 4 к.

Погоскій. Бъ сердцу и разуму. Ц. 15 к.

б) Историческаго содержанія и біографіи.

Погоскій. Отечественная война 1812 г. Ц. 20 к.

— Петръ Великій, преобразователь Россіи. Ц. 20 к.

— Суворовъ, его жизнь и побѣды. Ц. 25 к.

Вишняковъ. Очеркъ кавказской войны. Ц. 20 к.

Столыпинъ, А. Краткая исторія Россіи. Съ хронологическою таблицей и 4 историч. картами. Ц. 45 к.

Подъ ред. Погоскаго. Наши богатыри, въ 2-хъ книгахъ. Ц. по 25 к.

Космическій. Подъ Севастополемъ. Ц. 26 к.
Щербаковъ. Подарокъ короля Карла XII.
Ц. 10 к.
Миллеръ. Старый матросъ. Ц. 8 к.

д) Драматическія произведенія.

Погоскій. Неспособный человекъ, или 20
лѣтъ службы. Ц. 20 к.
— Легкая надбавка. Ц. 30 к.
— Дѣдушка домовой. Ц. 15 к.
— Жареный гвоздь. Ц. 15 к.
— Чему быть — того не минувать, или не
по носу табакъ. Ц. 30 к.

Владимірскій, В. Кого любятъ, того гу-
бать. Ц. 25 к.

е) Смѣсь.

Погоскій. Солдатскія замѣтки. Ц. 20 к.
— Солдатскій бытъ прежде и теперь. Ц.
15 к.

Максимовъ. Крестьянскій бытъ прежде
и теперь. Ц. 10 к.

Погоскій. Пожары. Ц. 10 к.

Подъ ред. Погоскаго. Сборная книжка.
Ц. 10 к.

Погоскій. Походъ куда велѣтъ (книжка
и картина). Солдатская игра. Ц. 20 к.

Издація ред. «Досугъ и Дѣло».

Книги духовнаго содержанія.

Житіе святыхъ угодниковъ. Ц. 20 к.
Соловецкій монастырь и его святини, съ
рисунк. Ц. 20 к.

Изъясненіе Божественной литургіи. Ц.
20 к.

Жизнь и ученіе Иисуса Христа. Съ 27 ри-
сунками. Ц. 75 к.

Послѣдніе дни Спасителя. Съ рисунками.
Ц. 20 к.

Двадцатые праздники. Ц. 30 к.

Жизнеописанія замѣчательныхъ людей.

Кулибинъ. Русскій механикъ-самоучка.
Ц. 10 к.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ. Ц.
20 к.

Семень Прокофьевичъ Власовъ. Турбинъ.
Ц. 10 к.

Хабаровъ и Дежневъ, знаменитые казаки.
Ц. 10 к.

Ученый башмачникъ. Томасъ Эдвардъ. Ц.
10 к.

Котляревскій и Слѣпцовъ. Кавказскіе ге-
рои. Ц. 15 к.

М. Д. Скобелевъ. Ц. 20 к.
Фультоновъ и Стефенсонъ — изобрѣтатели па-
рохода. Ц. 10 к.

Русскіе писатели: Фонвизинъ. Ц. 10 к.
Кольцовъ и его стихотворенія. Съ портре-
томъ. Ц. 15 к.

Русская исторія и историческіе разказы.

Какъ началось Русское царство. Время
отъ Рюрика до Ярослава. Съ 12 рис.
Ц. 25 к.

Русская земля отъ Ярослава до татарскаго
погрома. Съ 8 рисунк. Ц. 25 к.

Татарскій погромъ и Дмитрій Донской.
Съ 4 рис. Ц. 25 к.

Московское княжество отъ смерти Дми-
трія Донскаго до воцаренія Ивана Гроз-
наго. Съ 7 рисунк. Ц. 25 к.

**Отъ Ивана Грознаго до прекращенія Рю-
рикова дома.** Съ 13 рисунк. Ц. 25 к.

**Отъ прекращенія Рюрикова дома до во-
царенія Михаила Фёдоровича.** Ц. 25 к.

Царствованіе Михаила Фёдоровича. Съ
рисунк. Ц. 25 к.

Царствованіе Алексѣя Михайловича. Съ
рис. Ц. 25 к.

Царствованіе Николая Павловича. Съ рис.
Ц. 25 к.

Царствованіе Императора Александра II.
Ц. 25 к.

Борьба съ природ. на Балканахъ. Съ рис.
и карт. Ц. 45 к.

День и ночь въ Севастополѣ. Ц. 20 к.

Геройская смерть Данилова. Съ рисунк.
Ц. 20 к.

Подвиги русскихъ войскъ въ войну 1877—
78 гг. Ц. 20 к.

Бой подъ Плевной за Зеленныя горы. Ц.
20 к.

Взятіе Никополя. Ц. 20 к.

Подвиги Кавказской арміи. Ц. 20 к.

Паденіе Плевны. Ц. 20 к.

Мѣсяцъ плѣна у Османъ-пашы. Ц. 10 к.

Военные очерки. Разказы изъ минувшей
войны. Ц. 20 к.

Въ охотникахъ на Кавказѣ. Ц. 30 к.

Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Ц. 20 к.

Зауръ-Бекъ. Разказъ изъ кавказской
жизни. Ц. 10 к.

Кавказская война и ея герои. Очеркъ
войны. Ц. 12 к.

Объ отечественной войнѣ. Ц. 10 к.

Славная оборона Петропавловскаго порта
противъ англо-французскаго флота въ
1854 г. Ц. 10 к.

Подвиги воинскихъ чиновъ въ мирное
время. Ц. 15 к.

Разныя явленія въ природѣ (съ рисунками).

Равнины и пустыни. Съ 8 рис. Ц. 15 к.

Луговья и несчастья степи. Съ 9 рисунк.
Ц. 20 к.

Вулканы и землетрясенія. Съ 18 рисунк.
Ц. 25 к.
Воздухъ, насъ окружающій. Съ 4 рисунк.
Ц. 20 к.
Тепло и холодъ. Съ 2 рис. Ц. 15 к.
Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ. Съ 7 рисунк.
Ц. 20 к.
Свѣтъ и что отъ него происходитъ. Съ
15 рис. Ц. 25 к.
Соль. Съ 6 рисунк. Ц. 15 к.
Чай, его польза и употребленіе. Съ 8 рис.
Ц. 10 к.
Другъ и недругъ человѣка. Собака и
волкъ. Ц. 20 к.
Вода въ трехъ видахъ. Съ 6 рисунк. Ц.
20 к.
Вода въ воздухѣ. Ц. 20 к.
Источники и рѣки. Ц. 20 к.
Моря и океаны. Ц. 20 к.
Громъ и молнія. Ц. 20 к.
Человѣкъ и природа. Съ 64 рисунк. Ц.
50 к.
Полезныя и вредныя насѣкомыя. Съ 100
рисунк. Ц. 60 к.
Охота на звѣрей. Съ рисунками. Ц. 50 к.

Повѣсти и рассказы.

Киргизская степь. Солдатскій рассказъ
Львовича. Ц. 20 к.
Солдатскій рассказъ о Туркестанскомъ
краѣ. Ц. 20 к.
На походѣ. Рассказъ Иванова. Ц. 20 к.
Повѣсти и рассказы Карзунова. Ц.
20 к.
Подъ Плевной. Ц. 10 к.
Данила Ивановъ. Ц. 10 к.
Счастливыи человѣкъ. Ц. 30 к.
Кладъ. Ц. 12 к.
Подъ старость радость. Соловьева. Ц.
20 к.
Дикіе люди жаркой страны. Ц. 30 к.
Инструментъ. Повѣсть Букольника. Ц.
10 к.
Новый годъ. Повѣсть. Его же. Ц. 10 к.
По общей воинской повинности. Соловьева.
Ц. 15 к.
Новобранецъ Камлатовъ. Ц. 15 к.
Подъ свѣтлый день. Соловьева. Ц. 15 к.
Турчанка Галя. Бутовскаго. Ц. 15 к.
Злая судьбина. Тхоржевскаго. Ц. 15 к.
Въ Омутѣ. Соловьева. Ц. 15 к.
На помощь братьямъ славянамъ. Комедія.
Ц. 20 к.
Пріемншъ. Рассказъ Карзунова. Ц. 10 к.
Сафрончъ. Его же. Ц. 10 к.
Боевыя и народныя пѣсни. Ц. 15 к.
Лиза Бѣломорка. Ц. 10 к.
Бѣглый. Ц. 10 к.
Членоредитель. Ц. 15 к.
Чужое добро—одно страданіе и гибель.
Ц. 15 к.
Три рассказа. Ц. 15 к.
Невеселая повѣсть. Ц. 15 к.

Бархатникъ и ланотакъ. Соловьева
Ц. 10 к.
Фима. Историческій рассказъ изъ русск.
исторіи. Ц. 20 к.
Пари. Ц. 5 к.
Приключеніе алжирскаго вѣрата. Ц. 10 к.
Въ плѣну у индійцевъ. Ц. 10 к.
Сусла Ивановчъ. Бутовскаго. Ц. 10 к.
Въ сѣбгахъ. Тхоржевскаго. Ц. 20 к.
Двѣ доли. Его же. Ц. 10 к.

Изданія съ рисунками раскрашенными.

Латыши и литовцы. Ц. 20 к.
Казанскіе татары. Ц. 20 к.
Крымскіе татары. Ц. 20 к.
Черкесы и абхазцы. Ц. 20 к.
Русныя. Безъ рисунковъ. Ц. 10 к.
Мордва и черемисы. Ц. 20 к.
Финны, эсты и карелы. Ц. 20 к.
Тунгузы и якугиры. Ц. 20 к.
Якуты. Ц. 20 к.
Болгары. Безъ рисунковъ. Ц. 10 к.
Наши моря и какъ мы ими пользуемся.
Шиле. Ц. 10 к.
Довъ и Довець. Ц. 10 к.
Дѣйръ и Придѣйровье. Ц. 15 к.
Дѣйстръ и Придѣйстровье. Ц. 15 к.

Большія иллюстрированныя изданія.

Альбомъ русско-турецкой войны. Ц. 75 к.
Война въ Европейской Турціи. Ц. 6 р.
Война въ Азіатской Турціи. Ц. 4 р. 50 к.

Изданія редакціи журнала «Мірской Еѣстникъ» (съ рисунками).

Символъ православной вѣры. Ц. 5 к.
Молитва Господня. Ц. 5 к.
Десять запов. блаженъ. Ц. 5 к.
Десять запов. Божіихъ. Ц. 5 к.
Землемѣръ-самоучка. Ц. 7 к.
Упрощенія. способъ намѣр. земель. Ц. 10 к.
Кр. поз. изъ Свящ. ист. Вет. З. Ц. 30 к.
Кр. пов. изъ Свящ. ист. Нов. З. Ц. 30 к.
Кр. бес. о вѣрѣ прав. и о зак. Бож.
Ц. 20 к.
О земн. жив. Госп. наш. Іисуса Христа.
Ц. 20 к.
Жизнь Пресвятой Богородицы. Ц. 7 к.
Храмъ Софіи въ Константинополѣ. Ц. 15 к.
Притчи Христовы: вып. 1-й по 7-й. Ц.
по 5 к.
Объясненіе божественной литургіи. Ц.
20 к.
Объясненіе всенощнаго бдѣнія. Ц. 7 к.
О таин. святаго крещенія. Ц. 7 к.
О таинствѣ причащенія. Ц. 5 к.
О таинствѣ брака. Ц. 10 к.
О присягѣ. Ц. 5 к.

О таинствѣ святаго покаянія. Ц. 5 к.
 Житія святыхъ, 70 книжекъ. Ц. каждой по 7 к.
 О св. мѣст. Палестинѣ (Іерусалимѣ). Ц. 30 к.
 Киевъ. Ц. 20 к.
 Балаамскій монастырь. Ц. 15 к.
 Исааіевскій соборъ. Ц. 10 к.
 Христіанскій подвигъ солдата. Ц. 10 к.
 Кулибинъ. Ц. 10 к.
 О землѣ, лунѣ, солнцѣ, звездахъ, и ком. Ц. 20 к.
 О природѣ и ея явленіяхъ. Ц. 30 к.
 Бесѣды о природѣ (съ рисунк.). Ц. 35 к.
 Краткая русская исторія. Вып. 1-й. Ц. 45 к.
 Краткая русская исторія. Вып. 2-й. Ц. 65 к.
 Покореніе Казани. Ц. 15 к.
 Г. М. Слѣпцовъ. Ц. 15 к.
 Царь Петръ Великій. Ц. 50 к.
 Императоръ Павелъ I-й. Ц. 15 к.
 Императоръ Николай I-й. Ц. 15 к.
 Иванъ Сусанинъ. Повѣсть. Ц. 10 к.
 Странств. по Финляндіи. Ц. 15 к.
 Стран. по Прибалт. краю. Слб. г. Ц. 25 к.
 Прибалтійскій край. Ц. 35 к.
 Очерки Вѣлорусіи. Ц. 15 к.
 Стран. по Сибирской губ. Ц. 10 к.
 Севастополь и его добл. защит. Ц. 45 к.
 Смоленскъ въ 1812 году. Ц. 10 к.
 Малороссія. Ц. 20 к.
 Графъ Суворовъ-Рымникскій. Ц. 40 к.
 Князь Потемкинъ-Тавричскій. Ц. 20 к.
 Князь Меншиковъ. Ц. 20 к.
 Бояринъ Мятвъевъ. Ц. 20 к.
 Полтавская битва. Ц. 10 к.
 Бородинская битва. Ц. 10 к.
 Два разсказа. Ц. 10 к.
 Емельяновъ. Ц. 20 к.
 Разск. о жизни и дѣян. Петра Велик. Ц. 45 к.
 Іоаннъ IV Грозный. Ц. 20 к.
 Не извѣд. горя, не узнаешь счастья. Ц. 25 к.
 Чему быть, того не миновать. Ц. 10 к.
 Поварь о старцѣ, бѣсѣ и водкѣ. Ц. 5 к.
 Свѣдѣніе о лошади. Ц. 30 к.
 Объ уходѣ за лошаdkю. Ц. 25 к.
 Свнайскій монастырь. Ц. 15 к.
 Предостер. отъ зараз. болѣзни. Ц. 10 к.
 Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Ц. 10 к.
 Житіе отца Сераяма. Ц. 20 к.
 Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Ц. 8 к.
 Участь бѣглеца. Ц. 8 к.
 Воздушные шары. Ц. 20 к.
 Присяжные заседатели. Ц. 10 к.
 Два Наполеона. Ц. 20 к.
 Костромская губернія. Ц. 15 к.
 Троицкая лавра. Ц. 10 к.
 Ядовитыя свойства табака. Ц. 8 к.
 Здоровье и болѣзнь. Ц. 7 к.
 Куликовская битва. Ц. 10 к.
 Несторъ—первый летописецъ. Ц. 7 к.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Ц. 25 к.
 Строеііе человѣческаго тѣла. Ц. 35 к.
 Разсказы о военныхъ подвигахъ. Ц. 20 к.
 Ермакъ. Ц. 10 к.
 Возвращеніе на родину. Ц. 7 к.
 Три разсказа. Ц. 25 к.
 Великое княжество Финляндское. Ц. 20 к.
 Больцовъ. Ц. 10 к.
 Мнѣнія в Пожарскій. Ц. 15 к.
 Пчеловодство. Ц. 35 к.
 Наружный осмотръ лошади. Ц. 40 к.
 Защита укр. Ахты. Ц. 15 к.
 Добровольное призваніе. Ц. 10 к.
 Тяжелая година. Ц. 20 к.
 Сѣверный край. Ц. 25 к.
 Жизнь за царя. Ц. 15 к.
 Рукобятъе. Ц. 10 к.
 Новгородскій купецъ Иголкинъ. Ц. 15 к.
 Князь Кутузовъ Смоленскій. Ц. 7 к.
 Императрица Екатерина II. Ц. 45 к.
 Жизнь Пресвятой Богородицы. Ц. 20 к.
 Илья Муромецъ. Ц. 10 к.
 Черное море. Ц. 15 к.
 Наваррискія битва. Ц. 10 к.
 Объясненіе зак. прир. Вып. 1-й. Ц. 55 к.
 Объясненіе зак. прир. Вып. 2-й. Ц. 55 к.
 Головатый. Изд. 1874 г. Ц. 15 к.
 Кириллъ и Меодій просв. славянъ. Ц. 30 к.
 Подвигъ 40 рус. при д. Сендзювице. Ц. 12 к.
 Крымъ и его достопримѣчат. Ц. 60 к.
 Свят. и древн. Москвы. Ц. 1 р.
 Нежданнй гость съ того свѣта. Ц. 10 к.
 Крещеніе Руси. Ц. 10 к.
 Кап. Гатрись. Ц. 1 р.
 Сто тыс. вер. подъ водою. Ц. 1 р.
 Сурдескій монастырь. Ц. 20 к.
 Таинственный островъ. Ч. I. Ц. 90 к.
 Таинственный островъ. Ч. II. Ц. 60 к.
 Страна мѣховъ. Ц. 80 к.
 Дѣти кап. Гранта. Ц. 1 р.
 Отечественная война 1812 г. Ц. 35 к.
 Богданъ Хмельницкій. Ц. 15 к.
 Виленское братство. Ц. 20 к.
 Не жена, а кладъ. Ц. 7 к.
 Т. Г. Ш. вченко. Ц. 15 к.
 Волшебный фонарь. Ц. 20 к.
 Описаніе вост. войны 1855—56 г. Ц. 1 р. 75 к.
 Описаніе Петергофа. Перес. за 2 ф. Ц. 2 р.
 Отъ земли до луны. Ц. 50 к.
 Вокругъ луны. Ц. 60 к.
 Сборникъ историческихъ разсказовъ. Ц. 35 к.
 Кашей безсмертнй. Ц. 20 к.
 Притворная мать. Ц. 15 к.
 Сельскія постройки. Ц. 15 к.
 Альбомъ различныхъ зданій. Ц. 40 к.
 Военные подвиги. Ц. 60 к.

Святогорь-Богатырь. Ц. 20 к.
 Доблести русских войск. Ц. 10 к.
 Тарась Бульба. Съ 2 рис. Ц. 20 к.
 Добрыня Никитичъ. Ц. 20 к.
 Пѣсня про царя Іоанна Васильевича и купца Калашникова. Ц. 30 к.
 Вокругъ свѣта въ 80 дней. Ц. 1 р.
 Птицеводство. Ц. 20 к.
 Рыбоводство. Ц. 20 к.
 Странствователь по Тверской губер. Ц. 20 к.
 Странствователь по Ярославск. губер. Ц. 20 к.
 Данило-Кузнецъ. Ц. 15 к.
 Бездомье. Ц. 10 к.
 Сидка дегтя. Ц. 10 к.
 Плетеніе дерева. Ц. 12 к.
 Кашей. Ц. 15 к.
 Валяльно-войлочное произв. Ц. 10 к.
 А. С. Пушкинъ. Ц. 15 к.
 На морѣ и на сушѣ. Ц. 20 к.
 Неутомимый труж. Томасъ. Ц. 30 к.
 Какъ помогать при несч. случ. Ц. 10 к.
 Владиміръ Красн. Солн. Ц. 30 к.
 Странств. по Нижегород. губ. Ц. 20 к.
 Ив. Сав. Никитинъ. Ц. 7 к.
 Сборн. сказокъ. Вып. 1-й. Ц. 35 к.
 Воздушное плаваніе. Ц. 50 к.
 Карта Европ. Россіи. Ц. 25 к.
 Карта Азіатской Россіи. Ц. 10 к.
 Сбор. сказ. Вып. 2-й. Ц. 20 к.
 Тайны моря. Ц. 15 к.
 Странств. по Казанск. губ. Ц. 20 к.
 Дитя Севастополя. Ц. 20 к.
 Робинзонъ. Ц. 60 к.
 Портреты героевъ Севастополя. Ц. 60 к.
 Письмо мамочки. Ц. 5 к.

**Изданія Общества распространенія
полезныхъ книгъ.**

Три царства природы. Ц. 20 к.
 Овцы и овцеводство. Ц. 15 к.
 О распространеніи въ Японіи прав. хри-
 стианской вѣры. Ц. 5 к.
 Воскресные рассказы. Съ 125 политипа-
 жами. Ц. 50 к.
 Жизнь св. Кирилла и Меѳодіа, учителей
 славянскихъ. Ц. 10 к.
 Заразные и повальные болѣзни. В. По-
 пандоуло. Ц. 10 к.
 Званый вечеръ у Мини. Съ 4 хромоли-
 тогр. картин. Ц. 35 к.
 Петръ Великій. Издан. 3-е. Ц. 5 к.
 Старый дворецкій. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
 Бѣлка и сурокъ. Ц. 10 к.
 Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ.
 Вып. 3-й. Ц. 50 к.
 Избраніе въ царя Михаила Ѳеодоровича Ро-
 манова. Ц. 15 к.
 Русскіе великіе князья и цари, съ портр.
 Ц. 25 к.
 Басни Эзопа, съ картин. Ц. 80 к.

Моиѣ маленькимъ друзьямъ. Ц. 1 р.
 Пчелка. Чтеніе для старшаго возраста. Ц.
 1 р. 60 к.
 Святые и достопамятности московскаго
 Кремля. Вельтмана. Ц. 8 к.
 Св. славн. прор., претеча и креститель.
 Господень Іоаннъ. Ц. 15 к.
 Сестра Розалія. 1862 г. Ц. 50 к.
 Сказаніе о жизни святителя и чудотворца
 Митрофана. 1866 г. Ц. 10 к.
 Слѣпая дѣвочка, или возвращеніе къ Богу.
 Ц. 75 к.
 Соломоновъ. Пов. изъ русск. стар. 1525 г.
 Соч. Обуховой. 1875 г. Ц. 40 к.
 Смутное время. Разск. изъ русск. ист.
 Соч. Василева. Ц. 20 к.
 Петруша. Сказка Лабудъ. Ц. 15 к.
 Св. Павелъ Ѳннейскій. Ц. 20 к.
 Паганини. Ц. 15 к.
 Добрый Самарининъ. Ц. 10 к.
 О перенесеніи обидъ. Ц. 2 к.
 Христофоръ Колумбъ. Ц. 20 к.
 Исторія капли воды. Ц. 10 к.
 Взывай ко Господу. Ц. 2 к.
 Праздникъ Рождество Христово. Ц. 10 к.
 Бодрствуй и молись. Ц. 3 к.
 Иудейскія сутки. Ц. 8 к.
 Исполнскія руки. Ц. 10 к.
 Давидъ Ливингстонъ. Ц. 25 к.
 Книжка для дѣтскаго чтенія. Ц. 10 к.
 Рассказы о русскихъ самоучкахъ. Издан.
 3-е. Ц. 15 к.
 Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія.
 Изд. 3-е. Ц. 15 к.
 Мыльные пузыри. Съ 10 рисунками. М.,
 1880 г. Ц. 20 к.
 Четырнадцать счастливыхъ дней халлонъ
 Абдеррахмана. Ц. 10 к.
 Чарли-Скоттъ, или еще успаю. Повѣсть
 для дѣтей. Ц. 25 к.
 Небесныя свѣтила. Съ 29-ю рисунк. съ-
 вернаго и южн. полушар. Ц. 30 к.
 Крещеніе Руси великимъ княземъ Влади-
 миромъ. Ц. 10 к.
 Рассказъ о Соловецкомъ монастырѣ. Ц.
 15 к.
 Поученіе о приготовленіи къ смертному
 часу. М., 1879 г. Ц. 2 к.
 О томъ, за что св. Іоаннъ былъ любимъ
 Іисусомъ Христомъ. Ц. 2 к.
 Сказаніе объ апостолахъ Ѳомѣ. М., 1879 г.
 Ц. 3 к.
 Рассказы изъ жизни св. Тихона Задон-
 скаго. М., 1879 г. Ц. 6 к.
 Не случайность, а промыселъ. Рассказъ.
 М., 1879 г. Ц. 3 к.
 Дѣлатели золота. Повѣсть Цшокке. Изд.
 4-е. М., 1879 г. Ц. 25 к.
 Какъ питается человекъ. Рассказъ. Изд.
 3-е. М., 1879 г. Ц. 10 к.
 Императрица всерос. Ематерина Ц, Вели-
 кая. Трескина. Ц. 10 к.
 Святѣйшій князь Потемкинъ-Тавричскій.
 Трескина. Ц. 10 к.

Подвиги милосердія. Переводъ съ французска. Дьяковой. Изд. 4-е, испр. и дополн., съ картинами. М., 1879 г. Ц. 80 к.

Благочестивыя мысли и наставленія. М. 1879 г. Ц. 10 к.

Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 1-й, съ 40 рисунк. Ц. 90 к.

Испанская собака и пудель. М., 1879 г. Ц. 2 к.

Наши обязанности къ животнымъ. Со 100 рисунк. Ц. 1 р. 20 к.

Океаны. Съ 10 рисунками. Изд. 2-е. М., 1880 г. Ц. 15 к.

Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 2-й. Съ 75-ю рисунками. М., 1880 г. Ц. 50 к.

Русскіе великіе князья. Съ 23-мя портр. Ц. 25 к.

Пчелва. Съ 70-ю рисунками. М., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Напѣть котъ Васька. Изд. 2-е. М., 1880 г. Ц. 3 к.

Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ. Разск. изъ русск. истор. Изд. 2-е. М., 1880 г. Ц. 40 к.

Праздныя руки. Изд. 2-е. М., 1880 г. Ц. 1 к.

Общедоступное чтеніе во время говѣнія. М., 1880 г. Ц. 15 к.

Какъ живетъ растеніе. Изд. 2-е. М., 1880 г. Ц. 15 к.

Очеркъ жизни Александра Сергѣевича Пушкина. Ц. 20 к.

Дѣтство Пушкина. Ц. 15 к.

Московский Кремль. Соч. Толмачевой. Ц. 30 к.

Въ чужихъ краяхъ. Вып. 4-й. Ц. 1 р. 50 к.

Два быка, одна сказка и небылица. Ц. 30 к.

Мачиха. Ц. 20 к.

Капитанъ Бопшъ. Ц. 5 к.

Докучливый Петя. Ц. 2 к.

Пчела и пчеловодство. Сост. Голубевымъ. М., 1874 г. Ц. 25 к.

Русская басня представителей. И. И. Хемницеръ. Соч. Е. Ц. 20 к.

Область сибирскихъ и оренбургскихъ киргизовъ. Ц. 10 к.

Семирѣченская область. Ц. 15 к.

Туркестанскій край. Ц. 15 к.

Двадцать жемчужинъ историческаго ожерелья. Ц. 10 к.

Время великаго князя Владимира. Ц. 25 к.

Чѣмъ питается человѣкъ. Издан. 4-е. Ц. 10 к.

Горячіе угли. Ц. 2 к.

Вучка. Ц. 2 к.

О земной жизни Спасителя. Ц. 30 к.

Любовь къ животнымъ. Ц. 5 к.

Львы и коты. Ц. 80 к.

Великій князь Ярославъ I. Ц. 10 к.

Народныя пѣсни. Ц. 15 к.

О смиренной покорности. Ц. 2 к.

Толкованіе на притчу о мытарѣ и фарисей. Ц. 10 к.

О покаяніи. Ц. 6 к.

День преставл. праведной Іуліаніи. Лаваревской. Ц. 3 к.

Мама. Изд. 3-е. Ц. 5 к.

Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ. Ц. 15 к.

Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ. Ц. 10 к.

Славянскіе посты. Ц. 15 к.

Дѣтскія басни. Перев. съ немецкаго, въ папкѣ. Ц. 75 к.

Полтавскій бой. Ц. 10 к.

Разсказы для дѣтей о земной жизни Спасителя. Чуд. Христ. Ц. 30 к.

Семь чудесъ свѣта, съ картинами. Ц. 50 к.

Итальянскіе посты. Ц. 15 к.

На досугъ. Чтеніе для старш. возраста, съ карт. Ц. 1 р. 60 к.

Русскіе посты. Ц. 15 к.

Царевна-лягушка, въ стихахъ. Ц. 15 к.

Маленькій ветошникъ. Изд. 3-е. Ц. 5 к.

Св. пророкъ Іаіа. М., 1882 г. Ц. 5 к.

Домашнія животныя: лошадь, корова и овцы. Ц. 60 к.

Дерево и его жизнь. Ц. 15 к.

Воскресеніе Христова и дванадес. праздн. прав. церкви. Ц. 20 к.

Милости хочу, а не жертвы. Соч. В. К. Туренина. Ц. 25 к.

Крытій очеркъ 25 лѣтъ царствованія императора Александра II. Изд. 3-е. М., 1882 г. Ц. 10 к.

Лѣто на красномъ хуторѣ. Перев. съ англійск. Ц. 20 к.

Наталья Борисовна Долгорукова и Березовскіе селышче. Ц. 20 к.

Общество распрощанія св. Писанія и его нянюгоши. Ц. 20 к.

Дешевыя книги разныхъ издателей.

Вестужевъ-Рюминъ. О томъ, какъ росло Московское государство. Ц. 22 к.

— О Владимірѣ Мономахѣ. Ц. 8 к.

— О злыхъ временахъ татарщины. Ц. 8 к.

— О крещеніи Руси. Ц. 11 к.

Гофманъ Ф. Разсказы для дѣтей: Добро и зло. Ц. 25 к.

— Гневъ. Ц. 8 к.

— Н до соблюдать маленькую экономію. Ц. 15 к.

— Шуть. Ц. 15 к.

— Нерадивый Лаврентій. Ц. 15 к.

— Бѣлый голубь. Ц. 6 к.

— Сироты. Ц. 8 к.

— Воровской ключъ. Ц. 12 к.

— Почитай отца и мать. Ц. 20 к.

— Прощеніе и забвеніе. Ц. 10 к.

— Яблоня. Ц. 12 к.

Григорова. Хр. Колумбъ. Ц. 30 к.

Дергачевъ. Матушка-Москва, Собака, Ка-

- леидарь - Крошка, Колосья, Новая Пер-
винка, Абуха-Крошка, Чародѣй, Дѣтки-
М. молитви и др. Ц. по 10 к.
Михайловскій В. Сокращени. молитвен-
никъ. Ц. 8 к.
— Молитвенникъ. Ц. 12 к.
— 100 картинъ по св. ист. Ветх. и Нов.
Зав. Ц. 50 к.
— Объясненіе обрядовъ при совершеніи
св. таинства. Ц. 10 к.
— О главнѣйшихъ праздникахъ правосл.
церкви. Ц. 15 к.
— Ученіе о православномъ богослуженіи.
Ц. 30 к.
— Житія святыхъ: Андрея первоизвани.
Ц. 10 к.
— Антипы. Ц. 5 к.
— Кирилла и Меодія. Ц. 5 к.
— Николая чудотворца. Ц. 5 к.
— Великомуч. Евстрини. Ц. 3 к.
— Павла. Ц. 15 к.
— Петра. Ц. 5 к.
— Иоанна. Ц. 3 к.
— Владимира. Ц. 8 к.

- Варвары. Ц. 3 к.
— Тихона. Ц. 10 к.
— Исаакія. Ц. 3 к.
— Арсенія. Ц. 3 к.
— Перепетуи. Ц. 5 к.
— Постъ, его происхожденіе и польза. Ц.
10 к.
— О благочиніи въ храмѣ. Ц. 10 к.
— О православномъ воспитаніи дѣтей до
школы. Ц. 10 к.
Острогорскій, М. Исторія Россіи. Для на-
родныхъ школъ, съ картинъ. Ц. 25 к.
— Завоеваніе Кавказа. Ц. 10 к.
Ремезовъ. Чтенія для народа: Св. Ольга.
Ц. 10 к.
— Св. Владиміръ. Ц. 10 к.
— Св. Александръ Невскій. Ц. 10 к.
— Сусаннѣ. Ц. 10 к.
— Посоховъ. Ц. 10 к.
— Кулибинъ. Ц. 10 к.
— Ступинъ. Ц. 10 к.
— Слѣпушкинъ. Ц. 10 к.
— Семеновъ. Ц. 10 к.

Для праздничныхъ подарковъ въ магазинъ Н. Фену и К° заготовлены большой выборъ образовательныхъ игръ, изящныхъ письменныхъ, рисоваль-
ныхъ и чертежныхъ принадлежностей, рельефныхъ картинокъ, альбомовъ и
проч., волшебныхъ фонарей и картинъ къ нимъ.

Въ музыкальномъ отдѣленіи магазина имѣется всегда полный выборъ нотъ
русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, дешевыхъ изданій, цѣлыхъ оперъ
въ изящныхъ переплетахъ, музыкальныхъ струнныхъ и духовыхъ инструмен-
товъ и принадлежностей къ нимъ.

Магазинъ принимаетъ подписку на газеты и журналы какъ русскіе, такъ
и иностранные.

При магазинѣ отдѣленія конторъ слѣдующихъ журналовъ:

Русскій Начальный Учитель. Ц. въ годъ 3 руб.

Родникъ. Ц. въ годъ 5 руб., съ приложениями 6 руб.

Педагогическій Сборникъ. Ц. въ годъ 5 руб.

Нѣмецкій журналъ для юношества. Ц. въ годъ 5 руб.

Русская Мысль. Ц. въ годъ 17 руб. (дѣлается разсрочка).

Магазинъ открытъ въ будніе дни отъ 9 час. утра до 9 час. вечера, а по
воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ — отъ 1 ч. до 5 час. Въ послѣдніе дни
передъ Рождествомъ магазинъ открытъ до 10 час. вечера.

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА.

3-й СПИСОКЪ

БЫВШИХЪ ИЗДАНИЙ М. БЕРНАРДА

въ новыхъ удешевленныхъ изданіяхъ П. Юргенсона.

МОСКВА, 10, НЕГЛИННЫЙ ПРОВОДЪ.

	P. K.
АВТЪ, Ф. Добрая ночь, романсъ для пѣнія съ аккомпаним. фортепiano	— 30
АЛЬВРЕХТЪ, Е. Практическая элементарная <i>Школа дляviolonчели</i> , составленная для первоначальнаго обученія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. 1 50	
„ „ Награда за первый успѣхъ дѣтямъ-скрипачамъ. Русскія пѣсни, переложенн. для одной или двухъ скрипокъ.	— 60
„ „ съ аккомпаниментомъ фортепiano	1 20
АРТЕМЬЕВЪ, Н. Ночи безумныя. Вальсъ для фортепiano въ 2 руки.	— 50
„ „ „Дѣтскій балъ“, собр. люб. тан. въ легк. аррааж. для ф. въ 2 р. 1 —	— 1
АУЕР, L. Deux transcript. pour violon et piano: № 1. Moment musical de Fr. Schubert — 40	
„ „ „ „ № 2. Mélodie de A. Rubinst.	— 60
БЕРНАРДЪ, М. 100 Малоросс. пѣсень для форт. въ 2 руки, 2 части . . . . . по 1 50	
„ „ Русскихъ народныхъ пѣсень для одной скрипки.	1 —
ВИЛЛАМОВЪ, А. Я васъ любилъ, романсъ для пѣнія съ аккомпан. форт.	— 30
ЧАРДИ. Новѣйшая теоретическая и практическая <i>Школа для флейты</i> , составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при Придворной Пѣвческой Капеллѣ и Театральн. училищѣ.	2 —
GLINKA, M. „Соловей“. Air russe favori d'Albiefi, varié pour piano à deux mains	— 60
„ „ Tarantelle, pour piano à deux mains.	— 25
„ „ Mazurka	— 25
„ „ Романсы и пѣсни для пѣн. съ аккомп. форт. № 1—16. Въ одн. книгѣ. 1 50	
ДАРГОМЫЖСКИЙ, А. Романсы и пѣсни для пѣнія съ аккомпан. фортеп.:	

№№	К.	№№	
2. Голубые глаза.	30	496	Какъ часто слушаю. 35
4. Бав-башки бав. Спи малютка.	35	50.	Русая головка. 35
5. Ты хорошенькая	20	516	Что мнѣ до пѣсней (дуэтъ). 50
7. Привѣтъ: „Въ минуту нѣжности“. 20		54.	Старый кыпралъ. Драматическая пѣсня . . . . . — 60
9. Я васъ любилъ	20	55.	Черякъ. Комическая пѣсня . . . . . — 40
10. Одѣлась туманами Сиера-Невада	50	56.	Разстались гордо мы . . . . . — 35
12. Какъ мила ея головка	20	58	Мнѣ все равно . . . . . — 25
13. Она придетъ. Меня любовь преобразила	60	59.	Паладинъ. Баллада . . . . . — 35
14. Скрой меня, бурная ночь.	30	596	„ „ для контральто . . . . . — 35
16. Я умеръ отъ счастья	35	60.	Титулярный совѣтникъ. . . . . — 25
18. Влюбленъ я, дѣва-красота	25	61.	Мчитъ меня въ твои объятія . . . . . — 25
19. Слава.	35	62.	Владыко дней моихъ. Молитва на четыре голоса. 50
24. Въ крови горитъ огонь желанья	35	63.	Къ востоку, все къ востоку (на три голоса). . . . . — 70
26. Шестнадцать лѣтъ	35	64.	Малютка мой милый. Колябельная пѣсня . . . . . — 35
27. Юноша и дѣва.	25	65.	Пѣснь рыбки . . . . . — 50
296	Тучки небесныя (для контральто). 50	66.	Ты вся полна очарованья . . . . . — 25
30.	Молитва. Въ минуту жизни трудную. 35	67.	Чаруй меня, чаруй! . . . . . — 40
31.	Ты скоро меня позабудешь. 25	68.	Молю Тебя, Создатель мой. . . . . — 35
39.	Дайте крылья мнѣ перелетныя. 35	686	„ „ (для контральто). . . . . — 35
41.	Къ славъ: „Давно душа ей восхищалась“. 20	69.	Роза-ль ты, ривочка (дуэтъ). 50
42.	Восточный романсъ. 30	70.	Надъ могилкой (квартетъ) . . . . . — 40
43.	Застольная пѣснь. 35		
45.	Кудри 50		
47.	Ненаглядная ты 25		

№№	К.	№№	Р. К.
71. На раздольи небесъ	50	73. Вы не сбьлись	— 35
71 ^б " " (для контральто)	50	73 ^б " " (для контральто)	— 35
72. Ножен	25	74. Ой вы, уланы, на два голоса	— 35
ВДЛИЧКА, А. Собрание малороссійскихъ народныхъ пѣсень для одного голоса съ аккомпаним. фортепiano, 2 части, каждая. . . . . по 3 —			
КОНТСКІЙ, А. Op. 230. Выхожу одинъ я на дорогу. Романсъ Е. Шашиной, перелож. для форт. въ 2 р. . . . . — 50			
ЛЕЙБАХЪ, И. Полная теоретическая и практическая <i>Школа для гармонизма</i> , пересмотрѣнная <i>В. И. Глазачемъ</i> . . . . . 3 —			
LOESCHORN, А. Op. 65. Cah. 1, 2, 3. Этюды для начинающихъ . . . . . по— 65			
" 67. " 1, 2, 3. Этюды средней трудности. . . . . по— 90			
ЛЮТШЪ, К. Техника фортепiанной игры. Собрание всѣхъ необходимыхъ упражненій въ прогрессивномъ порядкѣ, предназначенныхъ для приготовительныхъ классовъ С.-Петербургской Консерваторіи. Принята С.-Петербургскою Консерваторіей Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. Тетр. I, II, III, IV . . . . . по 1 50			
ЛОБРИ, Ѳ. Аркаскія пастушки, попури изъ мотивовъ разныхъ оперетокъ . . . . . 1 —			
ПЛЕДИ, Л. Технические упражненія фортепiанной игры . . . . . 3 —			
РОДЕ, Вальо и Крейцеръ. Скрипичный самоучитель, или полная теоретическая и практическая школа для скрипки. Новое изданіе, пересмотрѣнное и дополненное <i>А. Киндингеромъ</i> , съ прибавленіемъ 12-ти любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи . . . . . 2 —			
SWETT, N. 1 ^{re} Barcarolle de Rubinstein pour violon avec accomp. de piano . . . . . — 60			
Barcarolle de Tschaiikowsky pour violon avec accomp. de piano . . . . . — 70			
ЧАЙКОВСКІЙ, П. Уноси мое сердце, романсъ для пѣнія съ аккомп. форт. . . . . — 40			
" Глазки весны голубые. . . . . — 40			
" Хотѣлъ бы въ единое слово. . . . . — 30			
" Не долго намъ гулять. . . . . — 30			
RESCH, I. Cloches de Corneville, potpourri pour piano à deux mains 1 25			
" Gioconda, potpourri pour piano à deux mains. . . . . 1 —			
СТОЛЫПИНЪ, Д. Два великана, романсъ для пѣнія съ аккомпан. форт. . . . . — 40			
SUPPE, F. Vossaceni, potpourri pour piano à 2 mains № 1. 2. à . . . . . — 60			
TRESTER, H. Op. 30. Une nuit de printemps. Chant du rossignol. Réverie pour piano à 2 mains . . . . . — 50			
ВАККАЙ, Н. Практическія упражненія для итальянскаго пѣнія, состояща изъ 15 урокъ. 1 50			
N. VIEUXTEMPS. Six divertissemens d'amateurs sur des mélodies russes favorites pour le violon avec accompagnement de piano:			
Op. 24. № 1. Отгадай, моя родная . . . . . 1 —			
" " " 2. Соловей . . . . . 1 —			
" " " 3. Шестнадцать лѣтъ . . . . . 1 —			
" " " 4. Бывало . . . . . 1 —			
" " " 5. Тройка . . . . . 1 —			
" " " 6. { Не бѣлы снѣги—и } 1 —			
" " " { Во полѣ береза стояла }			
VOSS, Ch. Airs russes, transcrits pour le piano.			
Op. 232. № 1. Арія изъ оперы „Жизнь за Царя“ . . . . . — 60			
" " " 2. Шестнадцать лѣтъ. Ларгомыжскій . . . . . — 60			
" " " 3. Матушка, голубушка. Гурилевъ . . . . . — 60			
" " " 4. Нѣтъ, онь меня не полюбитъ. Варламовъ . . . . . — 60			
" " " 5. Хуторокъ. Климовскій . . . . . — 60			
" " " 6. Ахъ, ты время, времечко, и Что имѣ жить. Варламовъ . . . . . — 60			
Op. 265. Скажите ей. Кочубей . . . . . — 50			
Op. 291. № 1. Какъ сладко съ тобою . . . . . — 50			
" " " 2. Не брани меня, родная . . . . . — 50			
" " " 4. Ея ужъ нѣтъ . . . . . — 50			
WANKA, А. Op. 9. Chant sans paroles, pour piano à 2 mains . . . . . — 40			
WITWICKI. Op. 1. Ukramka, pour piano à 2 mains . . . . . — 40			
ЗАЙЦЕВЪ, С. Школа пѣнія съ упражн. на одинъ, два и три голоса 2 50			
ZIENTARSKI. Op. 24. La prière du soir, pour piano à 2 mains. . . . . — 40			

ВЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ПЕРЕСЕЛЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.“

Изслѣдованіе В. Н. Григорьева,

удостоенное Императорскимъ Московскимъ университетомъ половины прѣміи имени Ю. О. Самарина. Съ отзывами профессора А. И. Чупрова и А. И. Кошелева.

Москва, 1885 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Складъ въ главной конторѣ журнала „Русская Мысль“.

Въ московск. магазинахъ: насл. бр. Салаевыхъ, Вольфа, Глазунова, Карцева, Мамонтова, Карбасникова, бр. Улитиныхъ, Смирнова, Васильева, Померанцева на (Арбатѣ), Кушнерева и К^о, „Общества распространенія полезныхъ книгъ“, „Сотрудникъ школъ“ (Залѣсской и К^о), „Начальная школа“ (Тихомировой), „Учебныя пособія“ (у Красныхъ воротъ), „Дѣтское воспитаніе“ (въ Леонтьевскомъ пер.), книжномъ складѣ „Народной библіотеки“ (Маракуева), „Московскомъ складѣ учебныхъ пособій“ (у Никитскихъ воротъ), „Центральномъ складѣ учебныхъ пособій“ (на М. Дмитровскѣ) библіотекѣ Александрова (на Разгуляѣ), „Магазинѣ русскихъ издѣлій“ (Новикова) и др.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

„ТѢНЬВЫЕ ПОРТРЕТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“

(ДЛЯ ВЫРЪЗЫВАНІЯ И ОТРАЖЕНІЯ НА СТѢНѢ).

Пушкинъ. — Лермонтовъ. — Гоголь. — Грибоѣдовъ. — Кольцовъ. — Крыловъ. — Тургеневъ. — Некрасовъ. — Гр. Л. Толстой.

Второе, значительно улучшенное изданіе А. А. ПОПОВА. Москва, 1885 г.

Цѣна 40 коп.

Одобрительные отзывы объ этомъ изданіи были помѣщены въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ и газетахъ обѣихъ столицъ.

XVII г. Открыта подписка на 1886 г.

**на иллюстрированный журналъ
литературы, политики и совре-
менной жизни.**

„НИВА“

„НИВА“ выходитъ еженедѣльно, т.-е. 52 номера въ годъ (болѣе 2,000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2,400 столбцовъ текста) съ особымъ даровымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“

(до 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣлья, 400 выкроекъ въ натуральную величину, 350 рисунковъ руководѣльныхъ работъ, русскіе узоры и пр., и пр.)

И МНОГИМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ.

Подписка принимается въ С.-Пб., въ конторѣ редакціи: Невскій про-
спектъ, д. № 6.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ дост. въ С.-Петер. **4 р.**

Съ достав. въ С.-Петер. **5 р. 50 к.**

Безъ дост. въ Москвѣ чер. отд.
конт. „Нивы“ у Н. Печков. **5 р.**

Съ дост. въ Москвѣ и др. гор.
и мѣстечкахъ Имперіи . . . **6 р.**

За границу . . . . . **8 р.**

„НИВА“, ея направленіе и программа уже достаточно извѣстны читающей публикѣ. Изъ года въ годъ улучшая внутреннюю и внѣшнюю стороны изданія, привлекая всегда лишь наиболѣе талантливыхъ писателей, художниковъ и граверовъ, она въ продолженіе своего шестнадцатилѣтняго существованія приобрѣла себѣ симпатіи русской публики и сдѣлалась наиболѣе популярнѣйшимъ журналомъ въ Россіи, а потому, не прибѣгая къ какимъ-либо рекламамъ, мы укажемъ здѣсь только имена писателей, произведенія которыхъ будутъ напечатаны въ „НИВѢ“ 1886 года.

Н. Д. Ахшарумовъ, А. Вазовъ, П. П. Гнѣдичъ, А. А. Голенищевъ-Бутузовъ, В. П. Желиховская, Н. Н. Каравинъ, Кириловъ, А. Я. Максимовъ, А. Н. Майковъ, Н. Морской, В. И. Немировичъ-Данченко, Я. П. Полонскій, П. Петровъ, В. С. Соловьевъ, графъ Саліасъ, Н. Успенскій, М. А. Хитрово и мн. др. **РИСУНКИ** и **ГРАВЮРЫ**—лучшихъ художниковъ и граверовъ. Научныя статьи—въ популярномъ изложеніи наиболѣе извѣстныхъ авторовъ.

Какъ премію на 1886-й годъ, мы дадимъ большую олеографическую картину, печатанную масляными красками, профессора К. Е. Маковского:

„Г А Д А Н Ъ Е“.

Картина представляетъ слѣдующее: Изъ дверей богатаго боярскаго дома выходятъ двѣ молодыя дѣвушки въ сопровожденіи своей мамы и просятъ встрѣтившуюся у крыльца цыганку погадать имъ. Выраженіе лицъ блескъ яркихъ праздничныхъ костюмовъ того времени, прелесть пейзажа—все это выполнено со свойственнымъ художнику талантомъ.

Оригиналъ картины и копія съ нея будутъ выставлены въ декабрѣ мѣсяцѣ 1885 года въ конторѣ редакціи „НИВЫ“. Копіи будутъ выставлены также во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи.

С.-Петербургъ.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. ЖАРЕСЪ**

Въ книжныхъ магазинахъ

Стасюлевича, Глазунова, Фону, Мартынова Салаевыхъ и друг.

ПРОДАЮТСЯ:

Изданія для народнаго чтенія С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, съ картинками:

№ 1. Аленькой цвѣточекъ. Сказка С. Т. Аксакова	10 к.
№ 2. Прохожій. Святочный разсказъ Д. В. Григоровича. 2-е изданіе.	10 >
№ 3. Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. 2-е изданіе.	20 >
№ 4. Постоялый дворъ. Повѣсть И. С. Тургенева.	10 >
№ 5. Крутиковъ. Разсказъ А. Г. Коваленской. 2-е изданіе	10 >
№ 6. Ватрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченко	10 >
№ 7. Стихотворенія Н. А. Некрасова	10 >
№ 8. Злодѣй и Петька. Повѣсть А. Ѳ. Погоскаго. 2-е изданіе.	10 >
№ 9. Сорочинская ярмарка. Н. В. Гоголя.	10 >
№ 10. Пѣсни про купца Калашникова. М. Ю. Лермонтова	10 >
№ 11. Пѣсни и былинны. Графа А. К. Толстаго	10 >
№ 12. Чѣмъ люди живы. Л. Н. Толстаго, 2-е изд.	5 >
№ 13. Пахарь. Повѣсть Д. В. Григоровича	10 >
№ 14. Майская ночь, или утопленница. Повѣсть Н. В. Гоголя	10 >
№ 15. Ночь передъ Рождествомъ. Н. В. Гоголя.	10 >
№ 16. Разсказы о Севастопольской оборонѣ. Графа Л. Н. Толстаго	20 >
№ 17. Свѣтлое Христово Воскресенье. Д. В. Григоровича.	10 >
№ 18. Кавказскій пѣвнникъ. Графа Л. Н. Толстаго	10 >
№ 19. Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Графа Л. Н. Толстаго.	5 >
№ 20. Сказаніе о Св. Благовѣрномъ Великомъ князѣ Александрѣ Невскомъ. А. Ѳ. Петрушевскаго	10 >
№ 21. Картофель. В. Д. Еренке	5 >
№ 22. Наставленіе къ разведенію кормовыхъ травъ. Профессора А. В. Совѣтова	10 >
№ 23. Весѣды о звѣряхъ. Профессора А. Н. Бекетова.	10 >
№ 24. Путешествіе въ сѣверный край Россіи. Составлено А. Н. Яхонтовымъ.	20 >

Складъ изданій С.-Петербургскаго Комитета Грамотности для народнаго чтенія находится въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича: С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 2-я линія, домъ № 7.

Книгопродавцы, учрежденія и лица, обращающіеся прямо въ складъ изданій, пользуются уступкою 30%, не взирая на число покупаемыхъ экземпляровъ. Пересылка—на счетъ покупателей.

Открыта подписка на 1886 г. (*V годъ изданія*) на
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ
„РОДНИКЪ“.

Въ 1886 году РОДНИКЪ будетъ выходить при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, со многими рисунками. Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ оригинальныхъ очерковъ и разсказовъ изъ русской жизни и природы. Въ видѣ *премій*, годовые подписчики на РОДНИКЪ 1886 г. получаютъ тетрадь-альбомъ подъ названіемъ:

„П О Р У С С К О Й З Е М Л Ъ“,
состоящій изъ 10 картинъ художника Н. Н. Кразина по этнографіи Россіи, съ со-
ответствующимъ текстомъ.

Приложеніе къ „Роднику“: педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“—будетъ выходить въ 1886 г. попрежнему, книжками, 3 раза въ годъ.

Журналъ РОДНИКЪ Ученымъ Комитетамъ: Собственной Его Императорскаго Величества Ману-
скрип., по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Си-
нода рекомендованъ, допущенъ и одобренъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для епархіальныхъ
городскихъ и народныхъ училищъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И Н А 1 8 8 6 Г О Д Ъ П Р Е Ж Н І Я :

На годъ, съ дост. и перес., за 12 книгъ РОДНИКА, съ отдѣльной преміей . . . 5 р.
Тоже съ приложеніемъ 3-хъ книгъ сборника „Воспитаніе и обученіе“ . . . . . 6 „
На полгода безъ премій и безъ сборника . . . . . 3 „

Подписка принимается: въ *С.-Петербурѣ*—въ главной конторѣ РОДНИКА, Ни-
кольская площ., д. 4, и въ книжн. маг. Фену и К^о на Невскомъ; въ *Москвѣ*—въ книжн.
магазинъ „Сотрудникъ Школъ“, Воздвиженка, д. Армяндъ, и „Начальная Школа“, на Куз-
нецкомъ Мосту. *Иногородніе* адресуютъ прямо: *Петербургу*, въ редакцію журнала
РОДНИКЪ.

Редакторъ-издательница Е. Сысоева.

1886

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

1886

Б И Б Л И О Г Р А Ф Ъ,
ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.
2-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно, выпусками въ 48—64 страницы, 8^о.

Каждый номеръ журнала состоитъ изъ двухъ отдѣловъ:

ВЪ I ОТДѢЛѢ помѣщаются: 1) историческіе матеріалы—всевозможныя
разысканія и сообщенія о литературныхъ и художественныхъ древностяхъ, о теат-
ральной старинѣ, статьи и замѣтки по исторіи книгопечатанія, книжно-торговой и
издательской дѣятельности, извѣстія о писателяхъ и художникахъ, біографіи, некро-
логи и проч.; 2) техническія статьи по части графическихъ искусствъ; 3) обзор-
ныя современныя произведенія литературы, науки и искусства—рецензія и
замѣтки о новыхъ книгахъ, разборы сценическихъ произведеній и т. п.; 4) разныя
мелкія замѣтки и извѣстія.

ВЪ II ОТДѢЛѢ, преимущественно справочномъ, помѣщается полная биб-
лиографическая лѣтопись за истекшій мѣсяцъ, въ которую входятъ: 1) каталогъ
новыхъ книгъ, 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ, 3) *novicia*
4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п., 5) объявленія

П О Д П И С К А Ц Ъ Н А

за годъ: съ доставкой и перес. въ Россіи 5 р., за границу 6 р.

ОТДѢЛНО НУМЕРЪ 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ книжныхъ магазинахъ: М. Вольфа, Г.
Гоппе, „Новаго Времени“ (А. Суворина), М. Стасюлевича и друг.—Гг. иногород-
ніе подписчики благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію (Сиб., Ир-
майтскій полъ, 1-я рота, д. № 22, кв. № 5).

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1886.—ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ—1886.

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НУМЕРА. Каждый номеръ — въ ДВА листа
большаго формата (in folio), съ 8—10 рисунками.

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ: „РО-
МАНЫ и ПОВѢСТИ“ (оригин. и перев.) извѣстн. авторовъ.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ НУМЕРОВЪ „НОВѢЙШИХЪ ПА-
РИЖСКИХЪ МОДЪ“, съ отдѣлами: Полезные совѣты и Мухомные
рецепты. Форматъ номеровъ будетъ увеличенъ.

ДВѢ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ:

- 1) „**НАВОДНЕНІЕ**“. Большая, эффектная, художественно исполнен-
ная олеографія (въ 27 красокъ) съ картины профессора ШЕРРЕСА (длина кар-
тины ПОЛТОРА аршина, ширина $14\frac{1}{4}$ вершк.). Цѣна картинъ въ от-
дѣльной продажѣ 10 руб.
- 2) „**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1886 годъ**“, изящно
отпечат. въ ТРИ краски.

— Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься на роскошной (тоновой)
бумагѣ, специально для журнала изготовленной.

— Въ 1886 г. отдѣлъ по „Современнымъ событіямъ“ будетъ значительно уве-
личенъ—какъ въ иллюстраціяхъ, такъ и въ текстѣ.

— Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься въ собственной типографіи, специально
приспособленной для изящнаго выполненія рисунковъ новѣйш. способомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

Съ доставкой и пересылкой 8 р., за границу—10 р.

Желающіе получить премію страховою посылкой доплачи-
ваютъ въ подписной цѣнѣ 60 к.

Адресъ конторы и редакціи: Спб., Николаевская, 19.

Редакторъ П. Полевой.

Издатель С. Добродѣевъ.

О ПОДПИСКѢ
НА
„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“
НА 1886 ГОДЪ.

ВЪ МОСКВѢ	НА ГОРОДА	ЗА ГРАНИЦУ:
съ доставкой:	съ пересылкой:	на 12 мѣс. 18 р.
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р.	„ 6 „ 9 „
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „	

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе. Въ литературномъ отдѣлѣ газеты принимаютъ участіе: *Н. М. Астуревъ, Н. Ф. Василевскій (Буква), А. И. Введенскій, В. А. Гольцевъ, В. Крестовскій (исседонимъ), А. П. Лукинъ (Скромный Наблюдатель), В. Н. Макс-Гаханъ, Л. Н. Мечниковъ, Н. К. Михайловскій, Ф. Д. Нефедовъ, А. Н. Плещеевъ, А. С. Пругавинъ, В. С. Пругавинъ, М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ), А. М. Скабичевскій, Г. И. Успенскій, И. Н. Харламовъ, М. К. Цебрикова, А. И. Эртель* и другіе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, Мясницкая, Юшковъ пер., домъ № 4-й.

Вышло второе изданіе

КРИТИЧЕСКАГО ЭТЮДА М. С. ГРОМЕКИ
О ПОСЛѢДНИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

гр. **Л. Н. Толстаго.**

Москва, 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Главный складъ въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Леонтьевскій, 21).

НОВОЕ ИЗДАНИЕ:

ЖИЗНЬ СПАСИТЕЛЯ МІРА.

Настольная книга для семьи и школы. Роскошное издание, украшенное 80-ю художественными картинами и 112-ю мелкими рисунками. Сост. **Ө. Пуцыковичъ**. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Цѣна 90 коп., въ коленкор. переплетѣ—1 р. 35 к., тоже съ золотомъ 1 р. 65 к.

Книга эта можетъ служить прекраснымъ подаркомъ для дѣтей и взрослыхъ. Отзывы о первомъ изданіи ея въ журналахъ:

..... „Книгу эту сѣбѣ можно рекомендовать для подарковъ дѣтямъ, въ особенности же для раздачи ученикамъ народныхъ школъ. Она внесетъ свѣтъ и радость въ семью крестьянина“..... (Р. М.).

..... „Она представляетъ полное изображеніе событій изъ жизни Спасителя и Его наставленій. Учителю, отцу, матери, эта книга дастъ возможность на урокѣ о Спасителѣ пережить многое и положить начало благочестія на всю жизнь; вѣношу и дѣтя эта книга привлечетъ не только своимъ священнымъ содержаниемъ, но и изяществомъ рисунковъ, и чрезъ нихъ западутъ въ душу сѣмена благоговѣнія предъ Господомъ, которыя освѣтятъ христіанскимъ свѣтомъ послѣдующіе пути жизни. И согбенный трудами жизни, и убѣленный сѣдинами, читая эту книгу, увидитъ въ образѣ вроткаго Учителя изъ Галилеи—Того, Кто во всю жизнь составлялъ единственную отраду души, и, глядя на Его изображеніе, услышитъ голосъ Его: „приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ.“..... (Р. Н. У.)

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

П. В. ЛУКОВНИКОВА,

С.-Петербургъ, Фонтанка, 41.

Тамъ же продаются: Иллюстрированные Библейскіе рассказы для народнаго чтенія, составл. **Ө. Пуцыковичемъ**:

Сотвореніе міра. 10 к. Праотцы-патріархи. 12 к. Иосифъ Прекрасный. 10 к. Моисей. 12 к. Самсонъ. 8 к. Соломонъ. 8 к. Иудеи. 8 к. Руфъ. 6 к. Иовъ. 8 к. Товитъ. 7 к. Есфиръ. 8 к. Иисусъ Навинъ. 8 к. Древніе пророки. 12 к.

За пересылку взимается по разстоянію.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

- Электрическое освѣщеніе въ приѣженіи къ жизни и военному искусству.** Составилъ *В. Чиколева*. Спб., 1886 г. 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- Электричество и магнетизмъ.** Составили *А. Гано* и *Ж. Маневре*. Переводъ *Ф. Павленкова*, *В. Черкасова* и *С. Степанова* (изъ „Поли. курса физики“ Гано). Спб., 1885 г. Около 300 стр., съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- Справочная книжка по электротехникѣ.** *В. Чиколева*. Ц. 75 к.
- Популярная химія.** *Н. Вальберга* и *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 40 к.
- Учебникъ химіи.** Въ объемѣ курса реальныхъ училищъ. Составилъ *А. Алмедитень*. Спб., 1885 г. Съ 96 рис. и сборник. 140 хим. зад. и вопр. Ц. 2 р.
- Популярная физика.** *А. Гано*. Перевелъ съ франц. *Ф. Павленковъ*. 3-е изданіе. Съ 604 рис. и 200 вопросами. Ц. 2 руб.
- Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ.** Д-ра физики *О. Хвольсона*. Съ 220 рис. Спб., 1886 г. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложенія электричества, Э. Гоститалье.** Переводъ *С. Степанова*, редактора журнала „Электричество“, со множествомъ рисунковъ. Спб., 1886 г. 2-е доп. изданіе. Ц. 3 р. (Вышло въ ноябрѣ).
- Электричество въ домашнемъ быту.** *Э. Гоститалье* Переводъ съ франц. *С. Степанова*, редактора журнала „Электричество“. Со множ. рисунковъ. Ц. 2 р. 50 к.
- Полный курсъ физики.** *А. Гано*. Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова*. 6-е изд. Съ 1232 рисунками, 2-мя раскраш. таблицами спектровъ, 170 задачами, обзоромъ метеоролог. явленій и краткимъ очеркомъ химіи. Ц. 4 руб.
- Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ?** Популярный обзоръ его трудовъ, составленный *Гексли*, *Гейки*, *Дайеромъ* и *Романесомъ*. Съ портретомъ Дарвина, гравир. на стали. Перев. *Г. Лопатина*. Ц. 75 к.
- Общепонятная геометрія.** *В. Поточкаго* Съ 143 черт. и 204 зад. Ц. 40. к.
- Элементарная анатомія, физиологія и гигиена.** *М. Герасимова*. Съ необходимыми свѣдѣніями относительно поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. 2-е изданіе съ 65 рисун. Ц. 75 к.
- Психологія великихъ людей.** Профессора *Г. Жоми*. Ц. 1 р. 25 к.
- Геніальность и помѣшательство:** *Ц. Ломброзо*. Параллель между великими людьми и помѣшанными. Перев. съ 4-го итальянскаго изданія *К. Теттишиной*. Спб., 1885 г. Съ портретомъ автора и рисунками. Ц. 2 руб.
- Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни.** *Ф. Гольцендорфа*. Ц. 75 к.
- Наша офицерскія суды.** *Ф. Павленкова*. Ц. 35 к.
- Земская служба.** Вѣсды гласнаго крестьянина Акима Простоты. Состав. *Н. Блиновъ*. Книга эта знакомитъ съ основами зем. самоуправления. Ц. 50 к.
- Сельская общественная служба.** Вѣсды старосты - крестьянина Акима Простоты. Составилъ *Н. Блиновъ*. 210 стр. Ц. 50 к.
- Законы о гражданскихъ договорахъ,** общепонятно изложенные и объясненные, съ приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Составилъ *В. Фармаковский*. Изданіе 4-е, дополненное. Спб., 1884 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Начальный курсъ географіи.** *Корнелля*. 11-е дополненное изданіе, съ 10-ю раскрашенными картами и 82 политическими. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Хлѣбный жукъ.** Чтеніе для народа, съ 3 рис. *Барона Корфа*. Ц. 10 к.
- Какъ обучать грамотѣ ребяти и взрослыхъ.** *Н. А. Корфа*. Ц. 10 к.
- Наглядная азбука.** (Чтеніе и письмо по картинкамъ.) *Ф. Павленкова*. Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу, съ 800 рисунками и краткимъ наставленіемъ для учителя. Ц. 20.
- Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ“,** или *подробное* наставленіе какъ учить по „Наглядной азбукѣ“, 6-е изданіе. Ц. 15 к.
- Родная азбука.** *Ф. Павленкова*. 5-е изданіе, 32 страницы, съ 200 рисунками и наставленіемъ какъ учить по этой азбукѣ. Ц. 5 к.
- Азбука-копѣйка.** *Ф. Павленкова*. 7-е изд., 12 стр., 100 рис. Ц. 1 к.

Наглядно-звуковыя прописи:

1) къ „Родному Слову“ Ушинскаго (400 рис.). 3-е изд.	} Составилъ <i>Ф. Павленковъ</i> . Ц. каждой книжки 8 к.
2) къ азбукѣ Бунакова (460 рис.). 2-изд.	
8) „первой учебной книжкѣ“ Паульсона (430 рис.).	
4) къ „русской азбукѣ“ Водовозова (470 рис.).	
5) общія нагл.-звук. прописи (къ др. азбукамъ, 463 р.).	
- Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *баронъ Н. А. Корфъ*. 13-е изданіе, съ 227 рисун. и портретами. Ц. 75 коп.

- О способах обученія въ семьѣ и школѣ.** Составилъ *Н. Блиновъ*. 3-е значительно допол. издание со многими рис. въ текстѣ. Ц. 40 к.
- Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ.** Составилъ *баронъ Н. А. Корфъ*. Цѣна 50 коп.
- Сочиненія Глѣба Успенскаго.** Въ восьми томахъ, съ портрет. автора. Цѣна каждого тома—1 р. 50 к. Въ переплетахъ каждые два тома—по 3 р. 50 к.
- Иллюстрированная хрестоматія.** *А. Тарнавскаго*. Для низш. учебн. заведеній и младшихъ классовъ гимназій (съ 25 портретами лучшихъ русскихъ писателей). 360 страницъ. *Третье* издание. Ц. 1 р.
- Тургеневъ о русскомъ народѣ.** Чтеніе для народа. Съ портретою И. С. Тургенева. Ц. 15 к.
- Курсъ русской грамматики.** *В. Миропольскаго*. Для среднихъ учебн. заведеній. Спб., 1885 г. Ц. 1 руб.
- Начальная русская грамматика.** *Н. Бучинскаго*. Ц. 30 коп.
- Биографіи образцовыхъ русскихъ писателей.** *Паилова*. Съ 11-ю портретами. Спб., 1884 г. Ц. 25 к.
- Зернышко.** Первая послѣ азбуки книга для чтенія, письма и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты и 150 рисунками. Составилъ *Т. Лубенецъ*. Спб., 1885 г. Ц. 50 к.
- Русское слово.** *А. Павлова*. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для чтенія и письмен. упражненій въ старшемъ классѣ город. училищъ (5-й и 6-й годъ). Спб., 1886 г. Ц. за двѣ части 1 р.
- Руководство къ „Русскому Слову“.** *Ею же*. Книга для учителей город. училищъ. Спб., 1886 г. Ц. 60 коп.
- Русская глѣ за границей.** Двадцать семь очерковъ, рисующихъ жизнь нашихъ фланчеровъ въ Парижѣ и въ Италіи. Ц. 1 р. 50 к.
- Электрическіе аккумуляторы.** Сост. *В. Чиколевъ* (электротехникъ Глав. Артиллер. Управления). Съ рис. Спб., 1886 г. Ц. 20 к.
- Телефонъ, микрофонъ и фонографъ.** *Дю-Монселя*. Перевели съ французскаго *Ф. Палемкова* и *В. Черкасова*. 324 стр., съ 74 рис. Ц. 1 р. 50 к.
- Соціальная жизнь животныхъ.** Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи социологіи *Эспинаса*. Перевелъ со 2-го французскаго изданія *Ф. Палемкова*. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- Вредныя полевныя насѣкомыя.** Сост. *В. Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
- Азбука домоводства и домашней гигиены.** Сост. *М. Клима*. Перевелъ и дополнилъ *баронъ Н. А. Корфъ*. Ц. 75 коп.
- Частная медицинская діагностика.** Руководство для практическихъ врачей. Составилъ профессоръ *Да-Коста*. Перевелъ съ нѣмецкаго, по рекомендаціи проф. *В. Манасеина*, д-ръ *Д. Фридберъ*. 704 стр., съ 43-ми рис. Ц. 3 р. 50 к.
- Единство физическихъ силъ.** Опытъ популярной естественно-научной философіи. *А. Сехи*. Пер. съ франц. *Ф. Палемкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- Русская начальная школа.** Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей народныхъ школъ. *Барона Н. А. Корфа*. 7-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к.
- Триста письменныхъ работъ.** Задачи для упражненія въ письмѣ для всѣхъ 8-хъ отдѣленій начальной школы. *Барона Н. А. Корфа*. Ц. 12 к.
- Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ.** Состав. *баронъ Н. А. Корфъ*. Ц. 60 к.
- Сборникъ задачъ по русскому правописанію.** *В. Разыграва*:
1. Элементарныя свѣдѣнія о правописаніи словъ (Курсъ 1-й). Спб., 1885 г. Ц. 50 к.
  2. Систематическія свѣдѣнія о правописаніи словъ (Курсъ 2-й). Ц. 50 к.
  3. Элементар. свѣдѣнія о разстановкѣ знаковъ препинанія (Курсъ 1-й). Ц. 35 к.
  4. Систематич. свѣдѣнія о разстановкѣ знаковъ препинанія (Курсъ 2-й). Ц. 35 к.
- Первоначальное правописаніе.** 40 диктовокъ съ указаніемъ грамматическихъ правилъ. Учеб. книжка для семьи и школы. *Н. А. Корфа*. Спб. Ц. 12 к.
- Сборникъ ариметическихъ задачъ.** *Т. Лубенца*. 4-е изданіе, около 2,000 задачъ и 3,000 численныхъ приѣровъ. Ц. 40 коп.
- Сборникъ алгебраическихъ задачъ.** *М. Сивичкаго*. Ц. 40 коп.
- Братка физика.** Съ 335 рисунками и 256 практическими задачами въ формѣ вопросовъ. Составилъ *М. Герасимовъ*. 300 стр. Ц. 1 р.
- Первое знакомство съ физикой.** *М. Герасимова*. Руководство для дѣтей средняго возраста, редактированное д-ромъ физики *О. Хвольсономъ*. Съ 96 рисунками и 275 вопросами. Спб., 1885 г. Ц. 50 коп.
- Дешевый географическій атласъ.** Десять раскрашен. картъ: 1) Земныя полушарія, 2) Европа, 3) Азія, 4) Африка, 5) Сѣв. Америка, 6) Южн. Америка, 7) Австралія, 8)

- Рѣки и горы Европ. Россіи, 9) Европ. Россія, раздѣленная на губерніи, 10) Генеральн. карта Европ. и Азіат. Россіи. Ц. 30 к.
- Незабудки.** Сборникъ дѣт. разсказовъ, съ 60 рисунками. *А. Крулова.* Спб., 1886 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—3 р.
- Живыя картинки.** Дѣт. рассказы, съ 50 рис. *А. Смирнова.* Спб., 1886 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.
- Приключенія сверчка.** Дѣтскія сцены *Кандеца.* Переводъ съ франц. *В. И. Писарева.* Спб., 1866 г. Ц. въ бумажкѣ—1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.
- Русскія народныя сказки въ стихахъ.** *А. Брячанинова.* Съ предисловіемъ *И. С. Туренева.* 25 сказокъ, иллюстрированныхъ множествомъ рисунковъ. Спб., 1885 г. Ц. въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ—3 р.
- Черныя богатыри.** *Е. Коиради.* Жизнь рудокоповъ на землѣ и подъ землей. Со множествомъ рисунковъ. Спб., 1885 г. Ц. 2 р., въ переплетѣ—2 р. 75 к.
- Задумевныя рассказы.** *П. Засодимскаго.* Два тома, съ 136 рисунками *М. Малышева.* Ц. каждого тома въ папкѣ—1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.
- Хорошіе люди.** Сборникъ разсказовъ для средняго и старшаго возрастовъ. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками художниковъ *В. Шпака* и *М. Малышева.* Ц. въ красивой папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.
- Изъ жизни и исторіи.** Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ *А. Арсенева.* Съ рис. *И. Панова* и *В. Крокова.* Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.
- Послушаемъ!** Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ для млад. и сред. возраста. *А. Нольде.* Съ 28 рис. Спб., 1883 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ—1 р. 50 к.
- Дѣтскій маскарадъ.** Передѣлка съ англійскаго *Н. Азбелева.* Съ 16 рисунками въ текстѣ. Ц. 20 к.
- Исторія открытія Америки.** *Ламе-Флери.* Цѣна 50 к.
- Жизнь Робинзона.** Составилъ *Н. Блиновъ.* 362 стр., съ 126 картинками. 2-е изд. Спб., 1885 г. Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к., въ перепл.—1 р. 50 к.
- Наглядныя несообразности.** (Дѣтскія задачи въ картинахъ.) *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рисунковъ). Ц. 1 р. Объясненіе къ нимъ 5 к.
- Мученики науки.** *Г. Тисандье.* Переводъ съ франц. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. Спб., 1885 г. 2-е изд. Ц. 2 р., въ перепл.—2 р. 50 к.
- Новѣйшіе русскіе писатели.** Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. Сост. *А. Цытковъ.* Съ 27 портретами и краткимъ біографич. словаремъ. 616 стр. Ц. 3 р., въ переплетѣ—3 р. 75 к.
- Очерки новѣйшей исторіи.** *И. И. Григоровича.* 5-е изданіе, значительно дополненное и доведенное по изложенію историческихъ событій до 80-хъ годовъ. Съ 45 портретами. Ц. 2 р., въ переплетѣ—2 р. 75 к.
- Научныя развлеченія.** Знакомство съ законами природы путемъ игръ и опытовъ, не требующихъ специальныхъ приборовъ. Составилъ *Г. Тисандье.* Перев. съ франц. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* 2-е значительно дополненное изданіе. Спб., 1885 г. 400 стр., съ 353 рисун. Ц. 2 р., въ переплетѣ—2 р. 75 к.
- Математическіе софизмы.** 50 теоремъ, доказывающихъ, что дважды два—пять, часть больше своего дѣлага и пр. Составилъ *В. Обресмова.* Ц. 40 к.
- Математическія развлеченія.** *Люкаса.* Приложение ариметики, геометріи и алгебры въ различнымъ вопросамъ, играмъ и забавамъ. Пер. съ франц. *В. Обресмова.* 206 стр., съ 55 фигурами и таблиц. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
- Тройная головоломка.** *В. Обресмова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. Ц. книги съ приложеніемъ 39 картонныхъ кастетъ—1 р.
- Первыя понятія о зоологіи.** *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *Мечникова.* Съ 345 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ—1 р. 15 к., въ перепл.—1 р. 35 к.
- Образовательное путешествіе.** Живописныя очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисофера.* Спб., 1885 г. 500 стр., съ 73 рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р., въ переплетѣ—2 р. 50 к.
- Вечерніе досуги.** *А. Крулова.* Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для дѣтей. Съ 70 рисун. Спб., 1885 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р.
- Искры Вожжъ.** Біографическія очерки *А. Островицкой.* Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл.—2 р.
- Рыжій графъ . . .** } Изъ „Задумев. рассказ.“ *П. Засодимскаго.* Въ каждомъ разск.
Неразлучники . . . } отъ 11 до 22 рисун. Ц. по 35 коп.
Дочь угельщика. }
- Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главныя склады въ книжномъ магазинѣ *П. Луковникова* (Спб., Фонтанка, 41).

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ историческій романъ

Генриха Сенкевича

ОГНЕМЪ И МЕЧОМЪ.

Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. М., 1886 г. Ц. 2 руб. съ пересылкой.

Продается въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Леонтьевскій, 21), въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва, Фуркасовскій пер., д. Обидиной) и въ книжномъ магазинѣ *Новаго Времени* (Кузнецкій Мостъ, д. Третьяковскихъ).

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

І. КНИГИ.

	Стр.
Беллетристика: „Вторая книжка рассказовъ“. <i>Вс. Гаршина</i> . — „Кого жалеть?“ <i>Ем. Э. Ухтомская</i> . — „Стихотворенія Гейне“, въ перев. <i>А. Л. Шкаффа</i> .	1
Философія и психологія: „Основы механизма душевной дѣятельности“. <i>П. И. Ковалевскаго</i> . — „Страданіе и наслажденіе жизни“. <i>П. Астафьева</i> . . .	5
Исторія: „Земскіе соборы древней Руси“. <i>В. Латкина</i> . — „Geschichte des deutschen Volkes bis zum Augsburger Religionsfrieden“. <i>К. W. Nitzsch</i> . — „Deutsches Leben und deutsche Zustände von der Hohenstaufenzeit bis ins Reformationszeitalter“. <i>К. Fischer</i> . — „K. F. Becker's Weltgeschichte“	7
Географія, этнографія и антропология: „Россия дальняго Востока“. <i>Ф. Шерка</i> . — „Les primitifs“. <i>E. Reclus</i> . — „Allgemeine Naturkunde“. — „Das Kaiserreich Brasilien“. <i>Sellin</i> . — „Das Togoland und die Sklavenküste“. <i>H. Zöller</i> . .	10
Политическая экономія и юридическія науки: „Давидъ Рикардо и Карлъ Маркъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“. <i>Н. И. Зиберъ</i> . — „Encyclopädie und Methodologie der politischen Oeconomie“. <i>O. Effertz</i> . — „Десятый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“. — „О необходимости [и возможности] развитія русскаго торговаго мореплаванія“. <i>Л. П. Стѣчкинъ</i> . — „Русско-балканскій торговый вопросъ“. <i>А. Муравевича</i> . — „Изслѣдованія о Русской Правдѣ“. <i>Проф. Мрочекъ-Дроздовскаго</i> . — „Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа“. <i>Иллострова</i>	13
Естествознаніе: „Усиѣхи знанія“. <i>М. И. Демкова</i> . — „Мѣстоприсхожденіе воздѣлываемныхъ растений“. <i>А. Декандоля</i> . — „Geschichte der Physik von Aristoteles bis auf die neueste Zeit“. <i>A. Heller</i>	25
Медицина и гигіена: „Нашъ нервный вѣкъ“. <i>Крафтъ-Эбинъ</i> . — „Отчетъ по психіатрическому отдѣленію полтавской губ. земской больницы“. <i>И. Я. Платонова</i> . — „Очистка воды для питья въ малыхъ размѣрахъ“. <i>И. Я. Нейенбургъ</i> . — „О дезинфекціи жилыхъ помѣщеній хлоромъ“. <i>М. Астандилова</i> . — „Наставленія къ употребленію дезинфекціонныхъ средствъ и совѣты по уходу за больными“. <i>Озерова и Уварова</i> . — „Способы количественнаго опредѣленія низшихъ организмовъ въ воздухѣ“. <i>К. П. Козальковскаго</i> . — „Матеріалы къ изслѣдованію здоровья фабричныхъ рабочихъ и мясниковъ посредствомъ опредѣленія роста, вѣса, окружности груди и жизненной емкости легкихъ“. <i>И. Муратова</i> . — „О способахъ обезвреживанія холерныхъ эманаций“. <i>Е. В. Вербицкаго</i>	34
Педагогика, дѣтскія книги и изданія для народа, учебники: „Упустишь огонь — не потушишь“. — „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. — „Образцы русской	

словесности въ разборахъ". <i>Н. Завьялова.</i> — „Чудодейственная сила". <i>В. Коросина.</i> — „Маленькій вѣтшникъ". — „Разказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ". <i>Н. Поливанова.</i> — Сказка „Волшебное кольцо". — „Старикъ Никита и его три дочери". <i>А. Сѣтковой-Катенкамъ.</i> — „Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики". <i>И. Николаевскаго.</i> — „Ореографическія упражненія". <i>К. Козьмина.</i> — „Краткій учебникъ географіи". <i>Н. Раевскаго.</i> — „Курсъ географіи Европы". <i>И. Штучера.</i> — „Методика ариметики". <i>С. В. Житкова и С. И. Шохоръ-Троцкаго.</i> — „Методика начальной ариметики". Изд. <i>Полубояринова.</i> — „Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариметикѣ". <i>А. И. Гольденберга.</i> — „Опытъ систематизаціи ариметическихъ задачъ". <i>Е. Д. Конашевича.</i> — „Упрощенное умноженіе и дѣленіе какихъ угодно чиселъ". <i>П. В. Преображенскаго.</i> — „Сборникъ самостоятельныхъ упражненій въ ариметикѣ". <i>С. В. Житкова и С. И. Шохоръ-Троцкаго.</i> — „Руководство къ изученію судебной медицины для вристовъ". <i>В. Штолца.</i> — „Общая анатомія". <i>П. Лесафта</i>	48
--	----

II. Периодическія изданія.

Русскіе журналы: „Русскій Вѣстникъ". — „Сѣверный Вѣстникъ"	52
Русскія периодическія изданія по сельскому хозяйству: „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство". — „Земледѣльческая Газета". — „Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества". — „Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи". — Изданія другихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. — „Извѣстія" Ново-Александрійскаго института и Петровской академіи.	77
Иностранные журналы: „Nord und Süd". — „Deutsche Rundschau". — „Przegląd Tygodniowy". — „Biblioteka Warszawska". — „Ateneum"	84
III. Указатель новыхъ книгъ	1
IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ: „Вѣстникъ Европы". — „Наблюдатель". — „Русскій Вѣстникъ". — „Историческій Вѣстникъ". — „Русская Старина". — „Русскій Архивъ". — „Юридическій Вѣстникъ". — „Русское Богатство". — „Кіевская Старина"	14
V. Объявленія.	

Географія, этнографія и антропология: „Россия дальняго Востока“. Ф. Шерера.— „Les primitifs“. Е. Реомю.— „Allgemeine Naturkunde“.— „Das Kaiserreich Brasilien“. Сейма.— „Das Togoland und die Sklavenküste“. Н. Зенер. 10

Политическая экономика и юридическія науки: „Давидъ Рикардо и Карлъ Маркъсъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“. Н. И. Забера.— „Encyclopädie und Methodologie der politischen Oeconomie“. О. Ефertz.— „Десятый отчетъ комитета о сельскихъ судо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“.— „О необходимости и возможности развитія русскаго торговаго мореплаванія“. Л. П. Стѣчкина.— „Русско-балканскій торговый вопросъ“. А. Мурановича.— „Исслѣдованія о Русской Правдѣ“. Проф. Мрочекъ-Дроздовскаго.— „Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа“. Иллестрова. 18

Естествознаніе: „Успѣхи знанія“. М. И. Демкова.— „Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растений“. А. Декандоля.— „Geschichte der Physik von Aristoteles bis auf die neueste Zeit“. А. Неллер 25

Медицина и гигиена: „Нашъ нервный вѣкъ“. Крафтъ-Эбинга.— „Отчетъ по психіатрическому отдѣленію полтавской губ. земской гubl. И. Я. Платонова.— „Очистка воды для питья въ малыхъ размѣрахъ“. Н. Я. Нейенбурга.— „О дезинфекціи жилищъ помѣщеній хлоромъ“. М. Автамылова.— „Наставленія къ употребленію дезинфекціонныхъ средствъ и совѣты по уходу за больными“. Озерова и Уварова.— „Способы количественнаго опредѣленія низшихъ организмовъ въ воздухѣ“. И. П. Ковальковскаго.— „Материалъ къ изслѣдованію здоровья фабричныхъ рабочихъ и мясниковъ посредствомъ опредѣленія роста, вѣса, окружности груди и живенной емкости легкихъ“. И. Муратова.— „О способахъ обезвреживанія холерныхъ эманаций“. Е. В. Вербницкаго 34

Педагогика, дѣтскія книги и задачи для народа, учебники: „Упустишь огонь—не потушишь“.— „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.— „Образцы русской словесности въ разборахъ“. Н. Завьялова.— „Чудодѣйственная сила“. В. Морозина.— „Маленькій восточникъ“.— „Рассказы ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ“. Н. Поливанова.— Сказка „Волшебное кольцо“.— „Старикъ Никита и его три дочери“. А. Стѣновой-Натенкамль.— „Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики“. И. Николаевскаго.— „Орфографическія упражненія“. И. Козмина.— „Краткій учебникъ географіи“. И. Раевского.— „Курсъ географіи Европы“. И. Шугцера.— „Методика ариметики“. С. В. Миткова и С. В. Шехеръ-Троицаго.— „Методика начальной ариметики“. Изд. Полубояринова.— „Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариметикѣ“. А. И. Гольденберга.— „Опытъ систематизаціи ариметическихъ задачъ“. Е. Д. Комашевича.— Упрощенное умноженіе и дѣленіе какихъ угодно чиселъ“. В. П. Преображенскаго.— „Сборникъ самостоятельныхъ упражненій въ ариметикѣ“. С. В. Миткова и С. И. Шехеръ-Троицаго.— „Руководство къ изученію судебной медицины для юристовъ“. В. Штольца.— „Общая анатомія“. П. Лесгафта. 48

2. Периодическія изданія. Русскіе журналы: „Вѣстникъ Европы“.— „Сѣверный Вѣстникъ“. 52

Русскія периодическія изданія по сельскому хозяйству: „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“.— „Земледѣльческая Газета“.— „Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“.— „Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи“.— „Изданія другихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ“.— „Извѣстія“ Ново-Александрійскаго института и Петровской академіи. 77

Иностранные журналы: „Nord und Süd“.— „Deutsche Rundschau“.— „Przeglad Tygodniowy“.— „Biblioteka Warszawska“.— „Ateneum“. 84

3. Указатель новыхъ книгъ 1

4. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. 14

5. Объявленія.

При этой книгѣ предложено объявленіе книжнаго магазина В. Готье.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЪСЯЧНО МЕЖДУ 15 И 20 ЧИСЛАМИ.

Условія подписки на 1886 годъ

(седьмой годъ изданія).

Въ Москвѣ и Петербургѣ: безъ доставки 15 руб.
съ доставкою 16 руб.
Съ пересылкою въ другія мѣста Россіи 17 руб.
За границу . . . . . 19 руб.

Подписывающимся въ конторѣ журнала или ея отдѣленіяхъ допускается разсрочка: при подпискѣ и затѣмъ къ 15 марта, мая и іюля по 3 рубля, остальные къ октябрю.

Студентамъ, слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, воспитанникамъ и воспитанницамъ учебныхъ заведеній, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ высылается за 10 р. въ годъ, причеиъ дѣлается разсрочка; при подпискѣ, къ 15 марта, мая, іюля и сентября по 2 рубля. Для сего поименованныя лица имѣютъ обращаться непосредственно въ главную контору журнала (Москва, Леонтьевскій, 21), съ представленіемъ надлежащихъ удостовѣреній.

Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ книгопродавцами подпискамъ не допущается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА: Москва, Леонтьевскій, 21 открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 до 4 час. дня).

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ: Петровскія линіи, при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской.

Фуркасовскій пер., д. Обидиной, при книжномъ магазинѣ А. А. Барцева.

Въ Петербургѣ: Невскій пр., д. Армянской церкви, при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

~~~~~
Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below,
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days prior to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

NOV 12 1970 04

REC'D LD DEC 1 70 12 AM 1 0

REC'D LD JAN 1 1972 1 PM 5 9

LD21A-60m-8,'70
(N8837s10)476-A-32

General Library
University of California
Berkeley